

Шубин А.В.
От «застоя» к реформам.
СССР в 1977—1985 гг.

Ш 95 **Шубин А.В.**

От «застоя» к реформам. СССР в 1977—1985 гг. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 768 с.

ISBN 5-8243-0123-9

Автор ставит задачу рассмотреть те процессы, которые уже в недрах равновесия 70-х гг. предвещали будущую социальную бурю. Его интересуют те ростки, которые пробивались сквозь кирпичи монументального строения «реального социализма» и в итоге разрушили его, как делались первые шаги на пути к нынешнему нашему миру. Эти первые шаги, как и вся история Перестройки, породили немало мифов. Но «Корпус источников» и здравый смысл позволяют приблизиться к реальной картине старта Перестройки, отделить публицистические мифы от выводов, которые вытекают из проверяемых фактов. Читателю вместе с автором предстоит провести свое следствие в тех случаях, где источники противостоят друг другу, где позднейшие оценки противоречат фактам. Может быть, благодаря этому мы лучше поймем и нашу сегодняшнюю жизнь.

© Шубин А.В., 2000.

© «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН), 2000.

Отшумели шестидесятые,
семидесятые пролетели,
восьмидесятые проросли.

Л.Зорин. Покровские ворота

«Мы пережили катастрофу!» «Мы были современниками Великого освобождения!» «Мы видели время правды!» «Наше время — эпоха иллюзий!» Все Вы в чем-то правы. Остается только выяснить — в чем. Наступает пора спокойного анализа времени, получившего название — «Перестройка».

Но «с каких позиций» глядеть на эту драматическую эпоху? «Какова Ваша методология?» — спросит строгий рецензент. Времена уходят и уносятся с собою идеологии. Должен ли историк подчиняться идеологической моде? Думаю, в этом отношении социальные науки не должны отличаться от естественных. Наше приближение к Истине определяет «очная ставка» свидетелей и фактов, каждый из которых может быть истолкован читателем по-разному, исходя из его философских воззрений, но все же остается фактом в «медицинском» значении этого слова.

Историческая ткань пронизана миллионами нитей — от экономики — к социальной психологии, от социальной психологии — к идеям и политике, от политики — к экономике, и прочие и прочие. Некоторые из этих линий мы сможем обнаружить, некоторые — нет. То же самое может сказать о себе физик и биолог, хотя инструментарий их наук разработан лучше. Всегда останется загадка за поворотом, но разве это должно останавливать нас на пути исследования? Разве это делает менее ценными уроки истории, практический смысл науки, познания как такового?

Если мы хотим понять то, что произошло с нами в последнее десятилетие, необходимо углубиться в предыдущие несколько лет. В тот период, когда шаткое равновесие, получившее странное название «застой», стало постепенно нарушаться, когда стал раскручиваться знаменитый «маховик».

Я не ставлю перед собой задачу представить подробное описание общества накануне Перестройки. Задача в другом — рассмотреть те процессы, которые уже в недрах равновесия 70-х гг. предвещали будущую социальную бурю. Нас будут интересовать те ростки, которые пробивались сквозь кирпичи монументального строения «реального социализма» и в итоге разрушили его. Нам предстоит увидеть, как делались первые шаги на пути к нынешнему нашему миру.

Эти первые шаги, как и вся история Перестройки, породили немало мифов. Даже архивы носят на себе следы «кривды-бабушки». Но «корпус источников» и здравый смысл позволяют приблизиться к реальной картине

старта Перестройки, отделить публицистические мифы от выводов, которые вытекают из проверяемых фактов. Нам с Вами предстоит провести свое следствие в тех случаях, где источники противостоят друг другу, где позднейшие оценки противоречат фактам. Может быть, благодаря этому мы лучше поймем и нашу сегодняшнюю жизнь.

Часть I

КАНУН

Глава I

ГИБЕЛЬ РАЗРЯДКИ

Ухудшение внешнеполитического положения СССР в 1979 – 1982 гг.

Так я сделал еще одно важное открытие: его родная планета вся-то величиной с дом!

*А. де Сент-Экзюпери
Маленький принц*

Важнейшим обстоятельством, которое воздействовало на социальную систему СССР, стал геополитический кризис, в котором очутилась страна. Какую роль играли внешние обстоятельства при переходе к реформам? Вел ли СССР в конце 70-х гг. наступление против Запада? Стал ли СССР жертвой «холодной войны»? Какой фактор был ведущим, доминирующим при выборе направления преобразований — внутренний или внешний?

Несмотря на то, что внутренняя структура СССР была уникальной и тщательно оберегалась от воздействий извне, Советский Союз был теснейшим образом взаимосвязан с мировым развитием, встроен в систему международной торговли, оказывал мощное воздействие на развитие мира, являясь одной из двух сверхдержав, поддерживающих самим фактом своего существования геополитический баланс. Однако большая гибкость общественного устройства стран Запада позволила им в середине XX века набрать более высокие темпы общественного развития. СССР все быстрее отставал от своих конкурентов, но продолжал военно-техническое соревнование с ними. В 70-е гг. СССР еще мог поддерживать военно-технический паритет с НАТО. В конце 70-х гг. ситуация стала меняться в худшую для Советского Союза сторону. Это во многом способствовало началу реформ. Но были ли внешние факторы доминирующими, насколько именно они определяли направление дальнейших преобразований?

Внешнеполитические сложности, с которыми столкнулся Советский Союз в 70-е годы, легли тяжелым грузом на ослабленную кризисом внутреннюю структуру общества. Нашей стране снова не повезло, — как и в начале века, внутренний кризис совпал с внешним.

1. Начало нового ракетного кризиса

В середине 70-х гг. сложился примерный паритет стратегических ядерных сил между СССР и США. Каждая сторона утверждала, что противник несколько превосходит ее по тем или иным видам ядерного оружия и его носителей. Но в условиях, когда любой из противников мог уничтожить все живое на планете, состояние паритета стало фактом, не зависящим от незначительных колебаний в числе носителей и боеголовок. По данным министра обороны США К.Уайнбергера, США имели в 1979 г. 20400 боеголовок всех типов, а СССР — 3400 (данные о советских вооружениях приближительны, другие американские исследователи дают иные данные, обычно меньшие). Но боеголовка боеголовке рознь. По данным маршала С.Ахромеева, первого заместителя начальника Генерального штаба Министерства обороны, в 1980 г. СССР имел 8000 стратегических зарядов, а США 9700¹.

После подписания Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) продолжались переговоры об их более жестких ограничениях. Однако в 1977—1978 гг. процесс переговоров постепенно затормозился. Демократическая администрация Д.Картера выступала за более решительные действия, чем согласованные на переговорах Брежнева и Форда во Владивостоке. Советская сторона предпочитала придерживаться эволюционного порядка переговоров и подозревала американцев в стремлении «переиграть» СССР или добиться пропагандистского успеха. В итоге новые мирные инициативы Картера только замедлили подготовку нового соглашения ОСВ-2. 25 февраля 1977 г. Брежнев писал Картеру: «продвижение вперед к высоким целям никак не ускорится, а, наоборот, затруднится, если будем подменять взвешенный, реалистический поход к определению дальнейших конкретных шагов выдвиганием заведомо неприемлемых предложений»². Торможение реальных переговоров усиливалось как конфликтами в Третьем мире, так и активизацией американской кампании в защиту диссидентов. Демократический пафос выступлений Картера против советской общественной системы постепенно усилился и во многом предвосхищал последующие выступления Р.Рейгана. Но, в отличие от своего преемника, Картер был достаточно принципиален, чтобы мерить одной мерой и врагов, и друзей. Для республиканцев такая честность была непонятна: «Картер сделал права человека альфой и омегой своей внешней политики и пропагандировал их столь интенсивно применительно к американским союзникам, что его призыв к праведности то и дело угрожал внутреннему единству в этих странах»³. Похоже, Картер был последним принципиальным президентом США в этом столетии. То, что для него было идеалом, для последующих президентов Америки стало инструментом. Но и такой слегка наивный идеализм позволил сделать невиданный прежде прорыв в защите прав человека, когда эта проблема заняла одно из ключевых мест в отношениях сверхдержав.

В самой администрации Картера не прекращалась борьба между «голубыми» во главе с государственным секретарем Вэнсом и «ястребами» во

главе с советником президента по национальной безопасности Бжезинским. Отчасти пикировка двух политиков способствовала успехам американской дипломатии и напоминала игру в «доброе и злое следователя»: пока Вэнс добивался уступок от СССР, Бжезинский настаивал на более решительных антисоветских шагах. Но отсутствие единого курса администрации в конечном итоге затормозили ход переговоров по ОСВ-2, и Картер не успел провести свое с Брежневым детище через конгресс.

Договор ОСВ-2, подписанный во время встречи Брежнева и Картера в Вене 18 июня 1979 г., закрепил сложившийся паритет стратегических вооружений. Договор стал последним крупным внешнеполитическим успехом не только администрации Картера, но и администрации Брежнева. Однако и этот договор не был ратифицирован американским конгрессом, и администрация США до 1986 г. выполняла его условия «добровольно» (он был заключен до 1985 г.).

Договор ОСВ-2 ограничивал количество ядерных вооружений всех видов числом 2400. Были введены и некоторые другие ограничения, а также строгий механизм контроля. По мнению посла СССР в США А. Добрынина, «Договор отличался в лучшую сторону по сравнению с Владивостокскими договоренностями. Однако эти улучшения... были оплачены дорогой ценой — потеряно было драгоценное время...»⁴

Важным недостатком ОСВ-2 было отсутствие географического регулирования распределения ядерного оружия. Сохраняя общий баланс ядерных средств, сверхдержавы могли добиваться преимущества в важных для них регионах. Прежде всего это касалось Европы. Небывалая концентрация вооружений здесь была постоянным источником военной опасности.

Удаленность Европы от Америки делала ее соблазнительным театром военных действий для США. В 1978 г. НАТО планировало разместить здесь новый тип ядерного оружия — нейтронное, которое при прежней поражающей способности обладало меньшей разрушительной силой и глобальными эффектами. «Чистое» оружие, как казалось в американских штабах, было удачным инструментом локальной ядерной войны в Европе. Нейтронное оружие, таким образом, повышало угрозу ракетно-ядерной конфронтации, так как оно рассматривалось как «не совсем ядерное». Но идея массовых убийств при сохранении материальных ценностей вызвала возмущение европейской общественности, и от нейтронного оружия пришлось отказаться. 7 апреля 1978 г. Картер приказал приостановить нейтронный проект. Однако канцлер Германии Г. Шмидт считал, что защита Западной Европы от СССР недостаточна. Позиция руководства ФРГ совпадала с намерениями американских военных провести масштабную модернизацию и наращивание своих ядерных средств в Европе. Это стало одной из причин планирования ядерного довооружения в Западной Европе⁵. Другая причина крылась в действиях СССР.

Одновременно СССР также пытался модернизировать свои ядерные силы в Европе. Еще в середине 70-х гг. СССР продолжал настаивать на учете в переговорах по ОСВ преимуществ, которые имело НАТО в связи с размещением передовых средств ядерного базирования. Поскольку эта пози-

ция наталкивалась на сопротивление, руководство СССР решило действовать самостоятельно. В 1975 г. Брежнев и Устинов, даже не проконсультировавшись с Андроповым и Громыко, приняли решение о замене устаревших ракет средней дальности в Европе и в 1976 г. провели это решение на Политбюро, как вспоминал Громыко, «без серьезного обсуждения»⁶. В 1976—1977 гг. СССР начал менять устаревшие ракеты РСД-4 и РСД-5 (СС-4 и СС-5) на новые РСД-20 (СС-20). «Делалось это у нас, как всегда, в глубокой тайне (хотя западная разведслужба, конечно, засекла появление новых советских ракет) и без объяснения, что эти ракеты ставились на замену, а не в дополнение к уже существующим ракетам старого поколения»⁷, — пишет А.Добрынин. Это обеспокоило командование НАТО, так как новое более совершенное оружие могло эффективнее поражать цели в Европе. В НАТО стали обсуждать план компенсации возникающего советского перевеса новыми американскими ракетами («Першинг-II» и «Томагавк»).

Эта ситуация как нельзя лучше соответствовала планам НАТО провести общую модернизацию своего ядерного потенциала в Европе, который предстояло перевести с авиационных носителей на ракетные. Даже по мнению Киссинджера, «СС-20 явились скорее предлогом для развертывания американских ракет, чем его причиной...»⁸

Решение о возможности ядерного довооружения НАТО было принято на его сессии 30—31 мая 1978 г. Европейские союзники США надеялись использовать переговоры по ОСВ для сбалансирования ситуации в регионе, но Картер счел, что это еще более затруднит достижение соглашения, и не допустил европейцев к переговорам. По мнению И.Ванден Берге, «западно-германский канцлер Шмидт... был возмущен тем, что Картер не захотел размещать евроракеты в рамках переговоров об ОСВ-2... Шмидт не верил, что США были готовы обеспечить эффективную защиту Западной Европы. Теперь же, чтобы доказать постоянное американское участие в обороне Западной Европы, и в НАТО, и в Пентагоне стала рассматриваться возможность размещения нового американского ядерного оружия в Западной Европе»⁹.

В 1979 г. НАТО еще не принял окончательного решения о размещении новых ракет. По воспоминаниям Г.Корниенко, «Запад подавал нам соответствующие сигналы: пусть СССР “раскроет карты”, из которых было бы видно, что он не станет развертывать ракет СС-20 больше (в пересчете на боеголовки), чем было ракет СС-4 и СС-5, а еще лучше — ограничится несколько меньшим их числом с учетом более высоких качественных характеристик. Тогда озабоченность западноевропейцев, как и вопрос о размещении новых американских ракет в Европе, будет снята»¹⁰. Об этом беседовали летом 1979 г. канцлер ФРГ Г.Шмидт с советским премьером А.Косыгиным. Но при обсуждении в Политбюро против такого варианта стал протестовать Министр обороны Д.Устинов: «Ишь чего захотели, раскрой им наши планы. Да еще скорректируй их! А кто даст гарантии, что они после этого откажутся от своих планов?»¹¹ «В московском Политбюро министр обороны докладывал: зачем вести переговоры? Ведь у нас ракеты, а у них — ничего. Так чем же они могут заплатить?» — пишет Г.Шмидт¹². Устинов считал,

«что НАТО все равно, что бы мы ни сделали, разместит в Европе свои новые ядерные ракеты средней дальности», и потому неважно, дадим ли мы им к этому поводы. «Что, снова будем плестись в хвосте?» — добавил он в разговоре с Громыхо¹³. СССР не пошел на уступки. Политбюро согласилось с Д. Устиновым.

Позиция Политбюро игнорировала опасность размещения новых ракет вблизи СССР и преувеличивала влияние пацифистских сил в Европе, которым удалось в 1978 г. «завалить» размещение в Европе американского нейтронного оружия. Однако к осени кремлевское руководство с некоторым опозданием оценило масштабы угрозы — 6 октября Брежнев заявил о готовности демонтировать часть ракет СС-20 и вывести часть войск, если НАТО откажется от размещения американских ракет.

Запад не считал этот ответ удовлетворительным. Для США вопрос о размещении оружия средней дальности был не столько военным, сколько политическим. Америка стремилась усилить привязку к себе европейских союзников. В то же время Бжезинский развивал теорию, по которой атомный шантаж Западной Европы со стороны СССР может привести к ее «финляндизации»¹⁴. Правда, никаких признаков стремления СССР изменить после военного раздел Европы в это время не наблюдалось.

12 декабря 1979 г. на сессии НАТО было принято решение о размещении в Европе 108 ракет «Першинг II», способных достигать территории СССР в считанные минуты, и 464 крылатых ракет «Томагавк». Решение было «двойным» — оно оставляло возможность для переговоров с СССР, в итоге которых могло быть отменено. Однако СССР, столкнувшись с таким «шантажом» (или переговоры, или размещение ракет), выдвинуло свой ультиматум — отказ от «переговоров с позиции силы, переговоры — только после отмены «двойного решения. Одновременно пацифистское движение Европы вступило в бой с планом размещения ракет, но неуступчивость СССР ослабляла противников НАТО.

Безопасность Советского Союза оказалась под гораздо большей угрозой, чем прежде, что подрывало одну из основ внешней политики СССР. Брежнев болезненно переживал крушение политики «разрядки». В то же время Картер в условиях предвыборной борьбы с радикально националистической позицией Р. Рейгана решил играть «на поле противника» и демонстрировать неуступчивость в отношении СССР. Но Рейган здесь был гораздо сильней.

В ходе предварительных консультаций по предотвращению размещения американских ракет встал также вопрос о необходимости учитывать ракеты союзников США — Англии и Франции. Это были суверенные страны, и они заявили о том, что имеют право на собственную ядерную самозащиту. США, в свою очередь, отрицали возможность учитывать ракеты, находящиеся под прямым американским контролем (в первую очередь это касалось Франции, которая даже не была членом НАТО). Однако президент Франции Ж. д'Эстен не скрывал, что «независимость Франции — это вовсе не нейтралитет. Соединенные Штаты были нашими союзниками, и в случае возникновения конфликта мы, конечно, выступим на их стороне, как об

этом дал понять де Голль во время кубинского «ракетного кризиса»¹⁵. Такая позиция исключала отказ СССР от учета французских и британских ракет.

Объявив все же о моратории на размещение своих ракет средней дальности, СССР при этом отказался вести переговоры без учета ракет союзников США и пошел по пути выставления предварительных условий («пока не будет отменено решение НАТО»).

После ввода советских войск в Афганистан международный климат еще более ухудшился. США объявили торговые санкции против СССР, а страны НАТО — бойкот Олимпийских игр, планировавшихся в Москве.

Однако СССР еще раз доказал свою способность концентрировать ресурсы на решающем участке: несмотря на отдельные технические и организационные сбои и подозрительную пустоту московских улиц (въезд в столицу был ограничен, молодежь в большинстве своем вывезена в лагеря отдыха, алкоголики — в «лечебно-трудовые профилактории»), СССР поразил участников масштабами подготовки к Играм и высоким уровнем их проведения, а также образцовой чистотой города и наполненностью прилавков (каковой Москва прежде не знала). Накануне Олимпиады в Москве и окрестностях проводились облавы, которые привели к задержанию 1262 человек (из них, правда, только 254 находились в розыске), изъято около тонны взрывчатки и 155 стволов незаконно хранившегося оружия (что само по себе говорит о масштабах вооруженности столичных жителей). За время Олимпиады количество грабежей сократилось на 43%, случаев нанесения тяжких телесных повреждений — на 34%, краж — почти на 30%, автомобильных аварий — на 37%¹⁶. Хотя государство не могло долго удерживать такие «высокие планки», на время столица СССР превратилась в «образцовый социалистический город».

На сторону Советского Союза встал Международный олимпийский комитет, который выступал категорически против политизации Игр.¹⁷ Агентство печати «Новости» опубликовало в зарубежной печати свыше 5 тысяч материалов об Играх. Ответная реакция западных СМИ была относительно мягкой, что позволило руководителям отделов пропаганды и внешнеполитической пропаганды Е.Тяжелникову и Л.Замятину сделать вывод о том, что *«нашим органам пропаганды удалось взять инициативу в свои руки, вести пропаганду в наступательном духе, упреждать разного рода выпады, в отдельных случаях определять направление освещения Игр и интерпретацию отдельных фактов... Буржуазные средства массовой информации все больше признают тот факт, что хорошие условия, четкое проведение соревнований, а также повседневное внимание к работе журналистов не позволяют использовать Московскую Олимпиаду для развертывания новой антисоветской кампании... Средства массовой информации западных стран, в том числе США и ФРГ, под давлением общественности вынуждены расширить рамки освещения соревнований и менять его тональность. Уменьшилось количество публикаций антисоветского и антиолимпийского характера»*¹⁸.

В целом этот раунд идеологической схватки СССР выиграл, но международный климат от этого не улучшился. Новая американская администра-

ция, пришедшая к власти в 1981 г., не была расположена к политике реального поиска компромисса с «коммунистами». Администрация нового президента США Р.Рейгана (1981—1988) была более консолидирована, чем администрация Картера, хотя и небесконфликтной.

Центральной фигурой команды был, как и положено, сам президент. Его имидж простоватого человека с примитивными взглядами на международную ситуацию был справедлив лишь в том отношении, что Рейган не был специалистом во внешней политике и смотрел на нее через призму предрасудков рядового консервативного американца. Это была дальновидная позиция, если учесть перспективы сохранения власти, но очень опасная линия в условиях международной конфронтации. Но обычно так и случается, что интересы борьбы за власть оказываются важнее судеб миллионов людей. Рейгану еще хватило политического чутья, чтобы в решающий момент почувствовать, как меняются предпочтения рядового американца, и пойти навстречу советским мирным инициативам, чтобы потом воспользоваться ситуацией и начать душить противника в объятиях. Один из учителей Рейгана на ниве дипломатии Г.Киссинджер так оценивал последнего президента времен холодной войны: «Внешнее добродушие Рейгана скрывало под собой невероятно сложную личность. Он был одновременно близок всем по духу и от всех далек, любитель разделить общее веселье, но в итоге настроенный одиночка... Бытует предание, будто бы Рейган был орудием тех, кто писал ему речи, но подобные иллюзии характерны для большинства работников такого рода. Но в конце концов, ведь именно сам Рейган отбирал себе людей, которые мастерили ему речи... Знакомство с Рейганом не оставляет никаких сомнений в том, что эти речи отражали его личные взгляды... Да, у Рейгана, возможно, было всего лишь несколько основных идей, но они-то как раз оказались стержневыми внешнеполитическими проблемами того периода»¹⁹. Эти характеристики во многом можно отнести и к противникам Рейгана — Андропову и Горбачеву. Но было и одно важнейшее отличие, которое помогло Рейгану добиться больших успехов. По словам того же Киссинджера, «одновременно он сознавал изначальную хрупкость советской системы, а его проницательность шла вразрез с мнением большинства экспертов, даже в его собственном консервативном лагере»²⁰. При этом Рейган недостаточно осознавал хрупкость западной системы и границы ее возможностей. Он верил в реальность создания систем «звездных войн» в ближайшее время, мог бросать ресурсы на алтарь противоборства, лишь через годы обнаруживая, что экономический кризис в США снова подходит к опасной черте. Советские лидеры, осознавая хрупкость своей системы, не готовы были блефовать. Они стремились к превентивной перестройке, которая могла бы поправить ситуацию до того, как кризис начнет перерастать в катастрофу. Они стремились к сохранению своей системы (пусть в измененном виде), а не к сокращению чужой. И это стало важнейшей психологической причиной их поражения.

Наиболее умеренным в команде Рейгана «по должности» был госсекретарь А.Хейг, но и он был настроен против реальных уступок СССР. После его отставки в 1982 г. госсекретарем США стал Д.Шульц — осторожный,

чрезвычайно осторожный, прагматичный политик. Жестче и агрессивнее были ориентированы министр обороны К.Уайнбергер и «большая тройка» главных советников президента. Большое влияние на определение внешнеполитической стратегии имел директор ЦРУ У.Кейси. По свидетельству сотрудника Рейгана Д.Ригана, Кейси был «просто помешан» на подрывных действиях против СССР. Кейси ставил советский режим на одну доску с гитлеровским, и потому оправдывал в борьбе с ним те же методы, которые применял против фашистов, будучи молодым офицером разведки. Взвешенные рапорты, учитывавшие как слабые, так и сильные стороны СССР, Кейси считал «белибердой» и не давал им хода к президенту. «Факты могут подводить», — говорил он, когда доклады расходились с его точкой зрения. Кейси убеждал Рейгана в том, что в СССР «ситуация хуже, чем мы представляли. Я хочу, чтобы вы сами увидели, насколько больна их экономика и насколько легкой мишенью они могут являться. Они обречены. В экономике полный хаос». Сотрудник Рейгана Д.Пойндекстер вспоминал: «Президент любил читать материалы разведки о советском народном хозяйстве. Особенно их анекдотическую часть, о заводах, простаивающих из-за отсутствия запчастей, об отсутствии твердой валюты, об очередях за продуктами питания»²¹. Действительно, с точки зрения стандартов западной экономики в СССР царил хаос. Регулярные перебои с поставками, использование продукции не по назначению, перепроизводство, диспропорции — все это также свидетельствовало о близкой гибели СССР, как безработица и падение производства в США в это же время предвещали гибель империализма в глазах кремлевских старцев. Но подобный «хаос» царил в советской экономике уже давно. В конце 70-х-начале 80-х гг. советская экономика вошла в период стагнации — не первой в ее истории. С точки зрения специалистов, в этом не было пока ничего особенно драматичного. Вернувшись из Москвы в 1982 г., А.Шлезингер писал: «те люди в Соединенных Штатах, которые считают, что Советский Союз находится на краю пропасти из-за кризиса в обществе и экономике и что достаточно лишь одного толчка, чтобы он развалился, занимаются самообманом... У каждой супердержавы есть свои экономические проблемы, но это не означает, что она уже лежит на ринге побежденной»²². Но для Рейгана подобранная ЦРУ информация была настоящим открытием — если в СССР царит такой беспорядок, то это значит, что советская экономика тяжело больна и ее можно добить. Нужно только подыскать сильный яд. Гонка ракетных вооружений казалась неплохим средством.

Профессиональные актерские способности Рейгана делали его склонным к тому, чтобы «играть на публику», использовать каждую возможность для агитационного эффекта как в мире, так и прежде всего в своей стране. По мнению К.Эдельмана, «публичная дипломатия является тем компонентом международных отношений, который он (Рейган — А.Ш.) лучше всего знает и в котором он силен больше всего»²³. Выступая в британском парламенте 8 июня 1982 г., Рейган провозгласил «всемирную демократическую революцию». «Сейчас я говорю о долгосрочной программе и вере в то, что марш свободы и демократии сметет марксистско-ленинские режимы на

свалку истории, как это уже случилось с другими тираниями, подавляющими свободу народов и их право на самовыражение»²⁴. Тогда это звучало как пустая декларация, однако уже шесть лет спустя всемирная революция под демократическими лозунгами развернется от Никарагуа до Бирмы и от СССР до ЮАР. Развивая мысль о новой мировой революции, Рейган утверждал: «мы видим силы тоталитаризма в мире, которые подрывают стабильность и разжигают конфликты по всей планете, чтобы продолжать яростное наступление на свободное человечество». Но «по всему миру наметились признаки того, что демократия находится на подъеме, и коммунизму угрожает развал. Он должен погибнуть от неизлечимой болезни, именуемой “тирания”. Он больше не может сдерживать энергию человеческого духа и врожденного стремления людей к свободе, и его конец неизбежен... Крах советского эксперимента не должен быть сюрпризом для нас»²⁵. Конечно, причины последующего крушения коммунистической системы были много глубже, чем те, о которых говорил американский президент. Консультировавшие его специалисты (а, может быть, и сам оратор) меньше всего думали о «стремлении к свободе», которая и на Западе была весьма относительной. Однако одно несомненно — руководство США располагало достаточной информацией о глубоком кризисе, в котором оказался СССР.

Противники Рейгана отмечали существенное противоречие в аргументации президента: «С одной стороны нас пытаются убедить в том, что русские близки к господству над миром, — пишет Ф.Черч, — с другой... Рейган заверяет нас... что российская империя разваливается. Если дело обстоит именно так, то к чему беспокоиться»²⁶. В действительности здесь была своя логика — СССР, даже разваливаясь, мог нанести смертельный удар по Западу, и если кризис Советского Союза предоставлял шанс покончить с этой угрозой, то следовало торопиться.

Конечно, военное соревнование также ложилось тяжелым грузом на экономику США, и американская администрация шла на грани экономических возможностей страны. В этом смысле борьба советского и американского руководств была в значительной степени борьбой нервов.

Советник-посланник посольства СССР в США А.Бессмертных вспоминал: «Вся утечка информации и рапорты от нашей разведки в США... говорили о том, что Вашингтон серьезно подумывает об уничтожении Советского Союза с первой попытки»²⁷. Советник президента Р.Аллен вспоминает о встрече с советским послом Добрыниным: «Они считали, что имеют дело с первоклассным сумасшедшим. И были смертельно напуганы... Держать Советы в уверенности, что Рейган не в своем уме, было его стратегией»²⁸. Приоритетной разведывательной задачей спецслужб Советского Союза было определено выявление приготовлений к ракетно-ядерному нападению со стороны США²⁹. Переписка двух лидеров показывает, что Брежнев в своей аргументации исходил из самоубийственности ядерной войны, в то время как Рейган признавал возможность ее ведения»³⁰.

В то же время и «меры доверия», предложенные Брежневым 6 марта 1981 г. для всей территории Европы, были расценены Рейганом как резуль-

тат его «твердой линии» и не заставили американского президента искать компромисса³¹. Объявление Брежневым 15 марта 1982 г. моратория на размещение новых советских ракет также не впечатлило американскую администрацию.

Рейгановская «стратегия сумасшедшего» прикрывалась заведомо тупиковыми «миротворческими инициативами». 18 ноября 1981 г. президент США предложил так называемый «нулевой вариант», который предполагал полный вывод ракет средней дальности из Европы, но опять же за исключением ракет Англии и Франции, а также ракет морского базирования. Все это сохраняло перевес потенциальных противников СССР в ядерных средствах средней дальности и не могло удовлетворить администрацию Брежнева. Впоследствии, когда ситуация в мире существенно изменилась, и опасность внезапного ракетно-ядерного нападения отпала, Горбачев принял вариант Рейгана почти полностью, поставив его в невыгодное положение и заставив идти на решительное свертывание вооружений, готовность к которому была ранее декларирована американской стороной. Похожей была судьба и других масштабных, но, скорее, пропагандистских инициатив Р.Рейгана.

Вопрос о ракетах средней дальности стал одним из важнейших внешнеполитических тупиков, которые сделали невозможным продолжение политики «разрядки». Однако окончательно похоронили ее два международных кризиса — афганский и польский.

2. Геополитическая борьба в «Третьем мире» и начало войны в Афганистане

Зависимость СССР от окружающего мира была велика, но она была все же меньше, чем зависимость стран Запада от «Третьего мира» — стран, не достигших еще стадии развитого индустриального общества. Здесь находились сырьевые источники промышленности Западной Европы и Америки. Контролируя «Третий мир», можно было диктовать свою волю Западу и по существу, контролировать мир. В то же время поражения в «Третьем мире» не только наносили СССР болезненные моральные удары, не только лишали его дополнительных ресурсов, но и позволяли Западу ставить под угрозу границы страны. Ощущение «империалистического окружения», в котором находился СССР, усиливалось от того, что американские военные базы или антикоммунистические режимы существовали вдоль периметра советской границы. В ответ СССР пытался создать цепь своих опорных пунктов в регионах, жизненно важных для Запада — на Ближнем Востоке, в Южной Африке, в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии.

Борьба за «Третий мир» была, таким образом, не менее важна для сверхдержав, чем соревнование в области ракетно-ядерных вооружений. Ситуация в Азии и Африке напоминала шахматную игру — СССР, США, Англия и Франция отыгрывали друг у друга клеточки стран, используя при этом свои и чужие армии, террористов и деньги. В середине 70-х гг. для СССР

это была относительно безопасная игра на дальних подступах к его границам. Она помогала пропаганде рассуждать об успехах революционного процесса и затрудняла развитие Запада, во многом основанное на эксплуатации ресурсов «развивающихся стран».

В «Третьем мире» дипломатия сверхдержав не отличалась принципиальностью. Любой владыка мог провозгласить свою «социалистическую ориентацию» и рассчитывать на советскую помощь. Отказ от просоветского курса, даже без изменения внутренней политики, обычно делал того же диктатора «другом демократии» в глазах Запада. «Правила игры», стремление отыграть как можно более широкую «сферу влияния», заставляли помогать прежде всего тем странам, которые были действительно доведены до революции (либо до «революционного», то есть антизападного, переворота). Социальный кризис в этих странах помогал СССР бороться с экономическим империализмом капиталистических стран. Конкурентом Советского Союза в этом оставался Китай, пытавшийся сплотить страны «Третьего мира» как против западной неокOLONиальной эксплуатации, так и против «советского гегемонизма». Наличие у СССР собственных богатых ресурсов помогало до времени изображать бескорыстие в отношениях со странами «Третьего мира» и таким образом добиваться стратегических успехов. В 1981 г. СССР оказывал экономическую и техническую помощь 69 странам (включая такие «слаборазвитые», как Финляндия). Наибольший объем помощи приходился на Монголию (430 миллионов рублей), Кубу (357 миллионов) и Болгарию (332,5 миллионов)³². Но большинство этих стран поставляло в Советский Союз сырье по льготным ценам, так что помощь можно рассматривать не только как неизбежную плату за лояльность союзников, но и как форму расчета с партнерами. Росли поставки оружия «братским режимам». В 1955—1968 гг. эти поставки составили сумму в 4,5 миллиарда долларов, в 1966—1975 гг. — 9,2 миллиарда, а в 1978—1982 гг. — 35,4 миллиарда, что даже с поправкой на инфляцию доллара означает большой рост. В первой половине 80-х гг. СССР осуществлял военные поставки в 36 стран. Они составляли треть поступления оружия в страны «Третьего мира». Торговля этим товаром хорошо оплачивалась. Только Ирак заплатил за советское оружие в 80-е гг. 13 миллиардов долларов. В 80-е гг. бесплатные поставки оружия заметно сократились³³. Это означало, что оружие все меньше воспринималось как фактор экспансии и все больше — как бизнес. Конечно, СССР не отказался от переправки оружия своим союзникам, борющимся с «империализмом». В этом отношении Советский Союз и США мало отличались друг от друга.

Универсальным средством подрыва прозападных режимов после Второй мировой войны стала партизанская война. Блестяще осуществленная во Вьетнаме и на Кубе, партизанская война затем успешно применялась в Индонезии, в португальских колониях и в других странах. Несмотря на то, что в ряде случаев (Латинская Америка, Филиппины, Малайзия и др.) «империализму» удалось отбить нападение, борьба шла с переменным успехом.

Западный истеблишмент, не склонный к самокритичному анализу причин революционного процесса в «Третьем мире», слишком многое «списы-

вал» на происки КГБ по разжиганию подрывной активности (это касается и отношения к неконформистским идеям в самих странах Запада). Между тем КГБ здесь пользовался уже возникшими движениями, как правило осторожно поддерживая их. Революция была обоюдоострым оружием и иногда ставила СССР перед фактом вспышки недовольства на территории союзника, переросшей в переворот или партизанскую войну. Тогда в дело вступала советская или кубинская поддержка (латиноамериканский сателлит СССР был еще более агрессивен в оказании «интернациональной помощи»).

Начиная с середины 1970-х годов, после ухода США из Вьетнама, сфера влияния Запада стала быстро сужаться. Распалась колониальная система Португалии, революционная волна снова докатилась до Центральной Америки — сторонники «социалистического выбора» победили в Никарагуа и на Гренаде, гражданская война разгорелась в Сальвадоре. Под напором исламского радикализма рухнул проамериканский режим в Иране. Вьетнам разгромил полпотовский режим в Кампучии и отбил попытку Китая «наказать» его за это.

«Социалистический лагерь» развивал успех, поддерживая «очаги революций». Отказать в поддержке было нельзя — в другой раз «революционеры» могут не поверить, что СССР не оставит их в трудную минуту. Г.Арбатов вспоминает, как советник Брежнева А.Александров убеждал своего шефа продолжать военное вмешательство в Анголе: «ему Ангола напоминает Испанию 1935 года, и мы просто не можем остаться в стороне, не выполнить своего долга, какими бы не казались последствия...; тут Александров привел совершенно неожиданный для меня аргумент: «А помните, Леонид Ильич, как вели себя американцы во время индо-пакистанского конфликта?» Брежнев очень эмоционально отреагировал, сказал о политике США что-то очень резкое»³³. Решение было принято, Анголу удалось удержать, что породило соблазн к продолжению подобного рода акций во все более широком масштабе: «В политике часто бывает, что если какой-то шаг, какая-то акция сходит с рук, вроде бы приносит почти успех, неизбежны повторения. До тех пор, пока не нарвешься на крупную неприятность»³⁴, — пишет Г.Арбатов. Такой неприятностью стал Афганистан.

Еще в 1977 г. советско-афганская граница была одной из самых надежных и спокойных. С 1919 г. афганские монархи демонстрировали самые добрые чувства к северному соседу и получали от него экономическую помощь и международную поддержку. Советско-афганские отношения можно было бы сравнить с советско-индийскими — разные общественные системы не мешают дружбе. Впрочем, дружба дружбой, а табачок врозь — за строительство промышленных объектов СССР получал твердую валюту, которой у Афганистана было не так много. Да и страна была одной из самых бедных — по уровню жизни она занимала 108 место из 129 стран «Третьего мира». Это заставило президента М.Дауда, пришедшего к власти после свержения монархии в 1973 г., переориентироваться на богатого соседа — Иран. Шах Ирана был готов оказывать Афганистану значительную финансовую помощь, но с одним условием — страна должна быть свободна от коммуни-

стического влияния. В Афганистане это влияние символизировала Народно-демократическая партия (НДПА), возникшая в 1965 г. и тут же расколовшаяся на три фракции — более радикальную «Хальк» («Народ»), более умеренную «Парчам» («Знамя») и работавший в военной среде вместе с «халькистами» Объединенный фронт коммунистов Афганистана (ОФКА). Несмотря на то, что в 1977 г. «Хальк» и «Парчам» формально объединились, их члены и лидеры продолжали недолюбливать друг друга, и реальное взаимодействие фракций было невелико.

Выполняя рекомендации иранского шаха, Дауд удалил из правительства военных, считавшихся «левыми». Это вызвало недовольство в армии, где было уже немало сторонников НДПА и ОФКА, предлагавших радикальный путь преодоления отсталости страны — переворот и «строительство социализма» с опорой на помощь СССР. В декабре 1977 г. власти провели аресты среди актива НДПА. 17 апреля был застрелен у своего дома один из лидеров НДПА М.Хайбар. Это убийство возмутило общественность, и на похороны Хайбара его партийным товарищам удалось собрать около 15 тысяч человек, что для Кабула очень много. Обеспокоенный ростом влияния НДПА, Дауд опасался, что шах Ирана сочтет его политику в отношении коммунистов слишком либеральной. 25 апреля он приступил к арестам оставшихся на свободе членов партии. Однако некоторые «левые», принадлежащие к афганской элите, были посажены лишь под домашний арест. В этих условиях один из них — Х.Амин отдал приказ сторонникам НДПА в армии начать «революцию». На следующий день 26 апреля и он оказался в тюрьме, но машина переворота была запущена.

Публицист Д.Волгогонов, не приводя аргументов, утверждает, что «советская военная разведка, традиционно сильная, знала о готовящемся заговоре, информировала свое руководство, Старую площадь, но “активного” участия, кроме как “рекомендациями”, в перевороте не принимала»³⁵. Последующие действия руководства СССР и характер дискуссий в Политбюро не подтверждают версию об участии советской стороны в перевороте даже «рекомендациями».

О возможности «революции» Москва узнала от лидера умеренной фракции НДПА «Парчам» Б.Кармаля, который был очень недоволен развитием событий. Председатель КГБ Ю.Андропов был с ним в основном согласен³⁶. По словам заместителя Министра иностранных дел СССР Г.Корниенко «для Москвы этот переворот был совершенно неожиданным... Позже лидер НДПА Тараки в беседе со мной откровенно говорил, что, хотя у них имелась возможность уведомить советских представителей в Кабуле о готовившемся перевороте, они сознательно не стали делать этого, так как опасались, что Москва попытается отговорить руководство НДПА от вооруженного выступления, ссылаясь на отсутствие в Афганистане в ту пору революционной ситуации»³⁷.

В 12 часов 27 апреля 1978 г. танки 4-й бригады под командованием майора М.Ватанджара открыли огонь по президентскому дворцу. Их поддержала авиация. После первых залпов Дауд сказал своим министрам: «Кто хочет спасти свою жизнь, волен сделать это, покинув дворец». Сам президент

решил сражаться и до вечера отбивался от нападающих командос, подержанных танковыми и авиационными атаками. Когда заговорщики наконец ворвались в помещение, в котором находился президент, и потребовали сдать оружие, Дауд спросил, кто совершил переворот. В ответ офицер, руководивший группой солдат, ответил: «НДПА возглавляет революцию». Поняв, что в этом случае терять ему все равно нечего, Дауд выстрелил в офицера и был убит в завязавшейся перестрелке³⁸.

В результате переворота, провозглашенного революцией, к власти пришел Военно-революционный совет, вскоре преобразованный в Революционный совет во главе с лидером «халькистов» Н.Тараки. Его соперник из умеренной фракции «парчам» Б.Кармаль был избран заместителем председателя РС. Однако «революцию» совершили «халькисты», а «парчамисты» наблюдали происходящее со стороны, и теперь присутствие этих «копportunистов» в государственном руководстве вызывало недовольство радикально настроенных военных. Тем более, что, несмотря на запрет фракционной деятельности, «парчамисты» собрали свой отдельный съезд, где обсуждали согласованную политику фракции. Вскоре Б.Кармаль и другие лидеры «Парчам» были отправлены поездами подальше от Афганистана, а в августе 1978 г. начались аресты «парчамистов». Их лидеры, а также сторонники министра обороны, лидера ОФКА А.Кадыра были объявлены «врагами народа», многие были расстреляны. Самого Кадыра пытали, и только вмешательство советских представителей помогло спасти ему жизнь. «Разоблачение» Кадыра и «парчамистов» привело к чистке армии, арестам среди умеренных членов НДПА. Все государственное руководство сосредоточилось в руках Н.Тараки и Х.Амина. Однако внутривнутрипартийная борьба не стихала. Молодые сторонники Тараки во главе с организатором штурма дворца Дауда М.Ватанджаром добивались отстранения Х.Амина от руководства. Своего добиться им не удалось, и в сентябре эти лидеры «хальк» ушли в подполье.

Внутрипартийная борьба сопровождалась усилением конфронтации в афганском обществе. Попытка проведения радикальной аграрной реформы вызвала сопротивление — правительственные декреты противоречили традициям страны. Излишки земли конфисковывались у традиционных владельцев в пользу государства, а затем раздавались малоземельным крестьянам. Однако крестьяне часто не брали землю, считая такой передел несправедливым и противоречащим законам ислама. «Религиозные крестьяне считали, что земля уже поделена Аллахом», — пишут А.Ляховский и В.Забродин³⁹. Боялись и мести феодалов. Недовольство вызвала и политика культурной унификации страны, насаждение языка и культуры национального большинства — пуштунов. В то же время попытки установить более жесткий контроль над кочевниками-пуштунами, мигрировавшими между Афганистаном и Пакистаном, поссорили новую власть и с ними. Введение контроля над ценами ухудшило положение со снабжением. Чтобы сломить саботаж и волнения, НДПА развернула террор против аристократии и торговцев, а затем и против всех, кто предпочитал слушать местного муллу или феодала, а не партийного функционера. По словам одного из лидеров

НДПА Х.Амина «у нас 10 тысяч феодалов. Мы уничтожим их, и вопрос решен. Афганцы признают только силу»⁴⁰. Репрессии приняли такие масштабы, что населению пришлось спасаться бегством. Если в 1973 г. в Пакистане находилось несколько сот эмигрантов из Афганистана, то в 1978 — уже 109900, в сентябре 1979 — 193 тысячи, в декабре — 402100 человек⁴¹. Этим людям нужно было чем-то жить, многие из них хотели мстить коммунистам. Такая возможность им предоставилась — в Пакистан была направлена финансовая помощь США, Саудовской Аравии и Китая, которая позволила быстро сформировать военные лагеря. Из них партизанские группы стали перебрасываться в Афганистан. На смену стихийным бунтам против новой власти, происходившим уже с мая 1978 г., в начале 1979 г. пришла гражданская война. Действия партизан, встречавшие поддержку значительной части местного населения, распространялись на все большую территорию. К концу 1979 г. численность «моджахеддинов» или «моджахедов» (борцов за дело ислама) достигла 40 тысяч человек. Влияние радикальной оппозиции распространялось и на афганскую армию.

Революционеры в этой тяжелой обстановке связывали свои расчеты с СССР. Генерал Главпура Д.Волгонов вспоминает о встрече «вождей афганской революции» с советской военной делегацией: «Нур Мухаммед Тараки, глядя куда-то поверх наших голов, негромко говорил: Афганистан станет социалистической страной. Но будет это не скоро. У нас почти нет образованных людей. Вся надежда на армию... Помолчав, продолжил: в армии среди офицеров много наших врагов и предателей, но солдаты пойдут за НДПА. Но нам нечем им платить. Они полуголодные... СССР будем просить помочь. Передайте Брежневу, вы получили еще одного надежного союзника...»⁴² Кабульские мечтатели мыслили в тех же категориях, что и европейские революционеры XVIII — начала XX века: в отсталой стране, опираясь на военную силу и подавляя заговоры, необходимо просветить население, силой повысить культурный уровень народа, после чего создать справедливый общественный строй. Различие заключалось в том, что европейцы не могли рассчитывать на помощь «старших товарищей».

Афганским революционерам казалось, что они принесли СССР не новую головную боль, а геополитический подарок. Они уже видели себя на острие наступления «мирового социализма». На переговорах с советской военной делегацией они предлагали поднять восстание белуджей в Пакистане и прорваться к Индийскому океану. «А значит этот выход будете иметь и вы... Только помогите нам... — вспоминает об этой встрече генерал Волгонов, — Епишев молча выслушал, не реагируя на проекты новых афганских руководителей, твердо заметив в конце:

— Вы не о том говорите... Для вас сейчас главное — укрепить власть...»⁴³ СССР не планировал экспансию на Юг.

К чести советского руководства можно сказать, что оно «упиралось» изо всех сил, стремясь избежать прямого участия советских войск в конфликте. Особенно интенсивно вопрос о советском вмешательстве стал обсуждаться в Политбюро ЦК КПСС после того, как 15 марта в Герате началось мощное восстание против режима НДПА. Н.Тараки и Х.Амин бомбардировали Мо-

скупу просьбами о помощи. 17 марта Политбюро обсуждало этот вопрос в отсутствие Брежнева. Исходную посылку сформулировал А.Громыко: «Мы ни при каких обстоятельствах не можем потерять Афганистан. Вот уже 60 лет мы живем с ним в мире и добрососедстве»⁴⁴. Таким образом, первоначально ставились две задачи политики СССР в Афганистане — сохранение контроля над этой страной и поддержание добрососедских отношений с ней. Члены Политбюро не допускали, что эти задачи могут противоречить друг другу.

ГРОМЫКО Андрей Андреевич (1909—1989)

В КПСС с 1931 г. Окончил экономический институт в 1932 г., затем — аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства. Работал старшим научным сотрудником Института экономики. Доктор экономических наук. С 1939 г. — на дипломатической работе. В 1943—1946 гг. — посол СССР в США и по совместительству — посланник на Кубе. В дальнейшем — постоянный представитель СССР в Совете Безопасности ООН, заместитель и первый заместитель министра иностранных дел, посол в Великобритании. С 1939 г. — кандидат в члены ЦК КПСС, в 1956—1959 гг. и с 1961 г. — член ЦК КПСС. В 1957—1985 гг. — министр иностранных дел СССР. В 1973—1988 гг. — член Политбюро ЦК КПСС. В 1985—1988 гг. — председатель Президиума ЦК КПСС.

Блестящая карьера Громыко в 1939—1957 гг. была связана с мощными политическими потрясениями в стране, к которым сам он не имел прямого отношения. Тревожная молодость научила его осторожности и сковала лицо непроницаемой маской. Придя в дипломатию из науки, Громыко оставался чужаком в партийной иерархии, не пройдя «проверки» партийной работой. Он был нужен высшему руководству как грамотный специалист, как чиновник. В то же время среди чиновников, заполнивших вершину партийной иерархии, он оставался дипломатом. Громыко относительно трезво оценивал ситуацию, но, стараясь не конфликтовать с фигурами, имевшими реальную силу, обычно уступал, когда его мнение расходилось с позицией ключевых членов Политбюро, прежде всего руководителей КГБ и Минобороны. За несколько десятилетий дипломатической работы Громыко сильно оторвался от реальностей советской жизни. В 80-е гг. он, например, с удивлением обнаружил, что на улице Горького перестали продавать сельтерскую воду (это произошло несколькими десятилетиями ранее). «Дело плохо», — прокомментировал он это открытие. Сравнение тех скудных данных о жизни в СССР, которые Громыко получал, с информацией о социальных стандартах Запада были в пользу последнего, что стало оказывать воздействие на настроение министра. Однажды, например, он сказал своим сотрудникам: «Действительно, в Москве совершенно невозможно отремонтировать квартиру..., не то что на Западе»⁴⁵. Но в первой половине 80-х такие высказывания Громыко были редкостью.

Реакция на просьбу афганского руководства о вводе в Афганистан советских войск была в Политбюро негативной. По словам Кириленко, «нам придется воевать в значительной степени с народом»⁴⁶. Косыгин считал, что следует усилить поставки оружия и продовольствия⁴⁷, но войска не вводить. «Религиозный фанатизм настолько бушует, — говорил Косыгин, — что

они могут сплотиться на этой основе. Мне кажется, что нам надо и Тараки, и Амину прямо сказать о тех ошибках, которые они допустили. В самом деле, ведь до сих пор у них продолжают расстрелы несогласных с ними людей. Почти всех руководителей не только высшего, но даже среднего звена из партии «Парчам» они уничтожили... Я считаю, что не следует афганское правительство подталкивать на то, чтобы оно обращалось к нам относительно ввода войск»⁴⁸. Развязанный в Афганистане террор вызывал у кремлевских старцев неприятные воспоминания о тревожной юности, о сталинских временах. Особенно активно за давление на афганское руководство с целью прекращения расстрелов и пыток выступал Кириленко⁴⁹. Но все же у Устинова уже был готов план ввода войск. И Косыгин, и Громыко не исключали такого исхода в крайнем случае⁵⁰.

В состоявшемся вскоре телефонном разговоре Тараки уговаривал Косыгина осуществить военное вмешательство в Афганистане в районе Герата, поставив на свои танки афганские опознавательные знаки и посадив за рычаги солдат из среднеазиатских республик. «Никто их не узнает»⁵¹. Косыгин «упирался», предлагая танки, но без экипажей. Тараки настаивал, уверяя, что своих танкистов в Афганистане крайне мало. «В Советском Союзе прошли подготовку сотни офицеров из Афганистана. Куда же они все делись?» — недоумевал Косыгин. «Большая часть их — мусульмане-реакционеры...» — отвечал Тараки, давая понять, что чистка прошла и по тем кадрам, которые до этого были вполне «достойны» пройти обучение в СССР⁵².

Более решительно руководители СССР выступали против вторжения на заседаниях Политбюро 18—19 марта. Видимо, отрицательное решение уже было принято узкой группой «силовых» членов этого органа. По словам Андропова, «для нас совершенно ясно, что Афганистан не подготовлен к тому, чтобы сейчас решать все вопросы по-социалистически. Там огромное засилье религии, почти сплошная неграмотность сельского населения, отсталость в экономике и т.д. Мы знаем учение Ленина о революционной ситуации. О какой ситуации может идти речь в Афганистане, там нет такой ситуации. Поэтому я считаю, что мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью советских штыков, а это совершенно недопустимо для нас»⁵³. «Ввести свои войска, — продолжал председатель КГБ, — это значит бороться против народа, давить народ, стрелять в народ»⁵⁴. Какой диссидент сказал бы лучше? Андропову вторил Громыко, подробно останавливаясь на внешнеполитических последствиях вторжения: «Я полностью поддерживаю предложение т. Андропова о том, чтобы исключить такую меру, как введение наших войск в Афганистан. Армия там ненадежная. Таким образом, наша армия, которая войдет в Афганистан, будет агрессором. Против кого же она будет воевать? Да против афганского народа прежде всего... Конечно, Китаю будет этим самым преподнесен хороший подарок. Все неприсоединившиеся страны будут против нас... Спрашивается, а что же мы выиграем? Афганистан с его нынешним правительством, с отсталой экономикой, с незначительным весом в международных делах. С другой стороны, надо иметь в виду, что и юридически нам не оправдать ввода войск. Согласно Уставу ООН страна может об-

ратиться за помощью, и мы могли бы ввести войска, если бы она подверглась агрессии извне. Афганистан никакой агрессии не подвергался. Это внутреннее их дело, революционная междоусобица, бои одной группы населения с другой... Полетели бы и переговоры по СОЛТ-2 (ОСВ-2 — А.Ш.), не было бы подписания договора (а как-никак это сейчас для нас самая крупная политическая акция)... С западными странами, и в частности с ФРГ, у нас отношения были бы испорчены»⁵⁵. Кириленко сосредоточился на правозащитной теме: «Это ведь они учинили расстрелы ни в чем не повинных людей и даже говорят нам в свое оправдание, что якобы мы при Ленине тоже расстреливали людей. Видите ли, какие марксисты нашлись»⁵⁶. Как видим, все аргументы, выдвинутые постфактум против ввода войск публицистами и политологами десятилетие спустя, были прекрасно известны и кремлевскому руководству. Казалось бы, после такого обмена мнениями на идее вторжения должен был быть поставлен крест. «Мне думается, что правильно определили члены Политбюро, что нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну,» — констатировал Брежнев⁵⁷.

20 марта Косыгин, Громыко, Устинов, Пономарев встретились с прилетевшим в Москву Тараки. Косыгин сообщил ему о принятом решении, привел в пример вьетнамский народ, который со всеми агрессиями справился сам, похвалил за одержанные в подавлении гератского восстания успехи, в мягкой форме объяснил возможные последствия ввода войск — в общем, вел себя как хороший педагог с учеником, начавшим исправляться⁵⁸. Однако «ученик» продолжал препираться и просить вертолеты и бронетехнику с экипажами (не хочет дать СССР — попросим у Кубы и Вьетнама)⁵⁹. Так возникла опасная тема переориентации Афганистана с советской помощи на какую-нибудь еще: «поищем в других странах. Мир большой»⁶⁰. Но на прямую просьбу «разрешить» использование пилотов из других соцстран Косыгин ответил вежливым отказом: «соцстраны вряд ли пойдут на это»⁶¹. Покончив с одним неприятным вопросом, Косыгин перешел к другому — еще более неприятному: «Не для обсуждения, а в порядке пожелания мне бы хотелось высказать соображение о необходимости очень осторожного и бережного отношения к своим кадрам... Ошибки в кадровой политике очень дорого обходятся. Мы это испытали на себе. При Сталине, вы знаете, многие наши офицеры сидели в тюрьмах»⁶². Тараки пришлось молча проглотить это сравнение.

Чтобы закрепить «педагогический успех» и лишить Тараки надежд на апелляцию, ему устроили встречу с Брежневым. Генеральный секретарь не только повторил информацию об отказе от ввода войск, но и более развернуто остановился на теме репрессий: «Нельзя многого ждать от армии, если часто сменяются командные кадры. Это тем более справедливо, если смена кадров сопровождается арестами»⁶³.

Однако отказ от ввода войск не решал проблему стабильности южной границы. Кабульский режим продолжал агонизировать, формирования оппозиции активно действовали в непосредственной близости от границ советских среднеазиатских республик. Выход руководство СССР видело в переходе кабульского режима к более умеренной политике. Весной Громыко, Андро-

пов, Устинов и Пономарев положили на стол Политбюро записку, где заявили о необходимости «постепенного перехода к созданию выборных органов при безусловном, конечно, сохранении и укреплении руководящей роли партии в государственной и политической структуре страны...»⁶⁴ В этой фразе содержится положение, которое дорого будет стоить СССР и его «руководящей силе». Вместо того, чтобы стремиться восстанавливать status quo, существовавший до 1977 г., а возможно — и до 1973 г. (то есть порядок, приемлемый для значительной части оппозиции), советские руководители подошли к Афганистану с европейскими, а точнее — с восточноевропейскими мерками. Считалось, что правительство, возглавляемое умеренными коммунистами, сможет умиротворить страну. Между тем для значительного большинства противников режима он был неприемлем как таковой. Крестьяне и вожди партизанских формирований видели в НДПА «руку Москвы», угрозу атеизма, разрушения традиционного общественного уклада и не вникали в тонкости внутрипартийных отношений в НДПА, которым придавали такое значение в Москве.

Таким образом, стал формироваться обреченный на неудачу план умиротворения Афганистана с помощью либерального просоветского правительства. По утверждению американского специалиста А. Арнольда, работавшего в 1979 г. в Кабуле, Тараки согласился под давлением советской стороны перейти к более умеренному курсу. Предполагалось создание коалиционного правительства с участием Б. Кармаля. Для того, чтобы страна поверила в реальность нового умеренного курса, все «грехи» прежнего террористического правления предполагалось «списать» на Амина, для чего планировалось его устранение. По мнению А. Арнольда этот план согласовывался во время визита Тараки в СССР в сентябре 1979 г.⁶⁵ Эта часть версии А. Арнольда (в отличие от его мнения о том, что устранение Амина должно было расчистить дорогу советскому вторжению в Афганистан⁶⁶) представляется весьма правдоподобной. Но выбор «козла отпущения» исходил не от СССР, а от самого Тараки, который уже с марта пытался ограничить власть человека № 2 в НДПА, но без особого успеха. Советские представители придерживались различных взглядов на энергичного Амина, но новый курс требовал умеренного, а не радикального лидера. Амин был радикалом, поклонником Сталина и Мао⁶⁷. Предложения «старших товарищей» окончательно убедили Тараки в необходимости избавиться от Амина.

Однако Амину стало известно о том, что из него хотят сделать «козла отпущения». По свидетельству начальника президентской гвардии майора Джандада, после возвращения Тараки из СССР «Амин был очень обеспокоен»⁶⁸. 14 сентября 1979 г. в резиденции Тараки, куда был приглашен Амин, произошло вооруженное столкновение. Стреляли в Амина, поднимавшегося по лестнице к Тараки. Амину удалось спастись. Во время перестрелки был убит начальник охраны Тараки, в то же время близкий Амину — член ЦК НДПА С. Тарун. Высказываются версии, что Амин сам инициировал нападение на себя⁶⁹, но более вероятно, что перестрелка стала результатом нарастающей в НДПА враждебности между лидерами и их сторонниками. Охрана Тараки постоянно ожидала нападения. Многие сторонники Тараки считали Амина причиной всех зол. Настроенные враждебно к Амину Ва-

танджар и его группа не расставались с оружием. Любой из этих факторов мог вызвать роковые выстрелы.

Каковы бы ни были причины выстрелов, вырвавшись из дворца, Амин немедленно мобилизовал верные ему части и арестовал Тараки, который вскоре был исключен из партии по обвинению в организации террора. В момент перестрелки у Тараки находились советский посол А.Пузанов, генерал армии И.Павловский, главный военный советник генерал-лейтенант Л.Горелов, представитель КГБ генерал-лейтенант Л.Богданов. Это не добавило доверия отношениям между «новым афганским руководством» и СССР. В закрытом письме членам НДПА Амин обвинил советских представителей в причастности к случившемуся. В этом письме говорилось и о причинах конфликта Тараки и Амина: «Х.Амин проявлял свою принципиальность, разоблачая культ личности Н.М.Тараки... Он и его группа желали, чтобы значки с его изображением носились на груди халькистов. Х.Амин решительно выступал против этого и говорил, что даже В.И.Ленин, Хо Ши мин и Ф.Кастро не допускали подобного»⁷⁰. Конечно, причины разногласий в афганском руководстве были глубже — здесь шла ожесточенная борьба за власть между революционными бюрократическими кланами. Призом в этой борьбе была абсолютная власть, ставкой — жизнь. Амин и после 14 сентября не чувствовал себя спокойно, пока Тараки был жив и мог при поддержке СССР вернуться к власти.

Вскоре после драматических сентябрьских событий Громыко встретился с министром иностранных дел Афганистана Шах Вали.

«Громыко: Вы считаете, что это было преднамеренно организовано тогда, когда там находился советский посол, ничего не зная об этом?»

Шах Вали: Дело обстояло таким образом, что когда советский посол заверил Амина в том, что ему ничего не угрожает, Амин приехал, но вместе со своей охраной»⁷¹.

В этом диалоге чувствуется скрытая дискуссия: Громыко априори утверждает невиновность советского посла в покушении на Амина. Министр иностранных дел Афганистана намекает на то, что в этом вопросе еще нельзя ставить точку. Для сторонников Амина было важно поставить СССР в положение виноватого, чтобы «старший брат» не мешал расправе над Тараки. Здесь Амин ошибся в оценке психологии советских вождей. Дух ожесточенной борьбы за власть, одобренный «азиатской» жестокостью, давно, с 50-х гг., не вызывал у них понимания.

После сентябрьского переворота Громыко считал одной из важнейших задач «всячески удерживать Амина от репрессий в отношении сторонников Тараки и других неугодных ему лиц, не являющихся врагами революции»⁷². Эта линия полностью провалилась. 8 октября Тараки был задушен. Этим Амин надеялся не только ослабить внутривнутрипартийную оппозицию, но и покончить с попытками СССР найти ему альтернативу.

Для кремлевских стариков, привыкших считать себя революционерами-интернационалистами, а лидеров «братских партий» — товарищами по борьбе, гибель Тараки была личным ударом и даже вызовом. По воспоминаниям Громыко «дополнительную остроту обстановке придавало убийство Гене-

рального секретаря ЦК НДПА Н.М.Тараки... Этот кровавый акт произвел потрясающее впечатление на все советское руководство. Л.И.Брежнев особенно тяжело переживал его гибель»⁷³. «Президент Тараки был моим другом. Он приехал ко мне в сентябре. После его возвращения Амин его убил. Этого я ему не мог простить», — говорил Брежнев на встрече с президентом Франции в 1980 г.⁷⁴ По советским данным с середины сентября по декабрь в Афганистане было казнено около 600 человек, в том числе — просоветски настроенные сторонники Тараки⁷⁵. Отныне Амин рассматривался в Кремле не как товарищ, а как коварный, на все способный преступник. Убийство Тараки спровоцировало психологический перелом, который в конечном итоге привел к принятию решения о вводе войск. Но это было не единственное обстоятельство, способствовавшее изменению настроений в Кремле.

По данным Г.Корниенко, большое впечатление на руководителей СССР, особенно на Устинова, оказал ввод в Персидский залив американских военных кораблей и информация (а возможно — умелая дезинформация) о подготовке вторжения США в Иран. «Если США позволяют себе такое за десятки тысяч километров от своей территории и в непосредственной близости от границы СССР, то почему мы должны бояться защитить свои позиции в соседнем Афганистане, — так примерно рассуждал Устинов»⁷⁶. Еще одно важное стратегическое обстоятельство, облегчившее принятие решения о вводе войск, — охлаждение отношений с США. По словам Г.Корниенко, «подписанный в июне 1979 г. Брежневым и Картером договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2) в результате происков его противников в США к тому времени был уже обречен (Афганистан лишь добил его позднее). Не случайным, думаю, было и то, что окончательно решение о вводе войск было принято в конце дня 12 декабря 1979 г., после того, как в Москве стало известно о принятом в тот же день Советом НАТО решении о размещении в Европе американских ракет средней дальности. Другими словами, доводы, имевшие ранее в глазах советских руководителей большой вес, насчет отрицательных последствий ввода войск для отношений СССР с Западом, оказались подорванными тем, что эти отношения и без того обострились — терять, мол, особенно нечего»⁷⁷.

Реакция США на события в этом регионе и активное вмешательство американцев в конфликт были связаны с серией неудач, которые администрация Картера потерпела в «Третьем мире». Крупнейшим провалом были события в Иране. Но еще до их перехода в опасную фазу США резко реагировали на вмешательство СССР и Кубы в войну на Африканском роге. Здесь «танцующие поменялись местами» — в историческом конфликте Эфиопии и Сомали проамериканская ориентация Эфиопии сменилась просоветской после прихода к власти М.Мариама. Советский Союз не мог отказаться от такого приобретения и не пошел на уступки лидеру Сомали С.Барре, решившему воспользоваться эфиопской смутой и захватить провинцию Огаден, где кочевали племена, этнически близкие сомалийцам. Разрыв Барре с СССР был столь резок, а ситуация в Эфиопии — столь нестабильна, что СССР не стал препятствовать Ф.Кастро в посылке экспедици-

онного корпуса. Советские военные специалисты в большом количестве прибыли в страну. США и другие страны НАТО стали помогать Сомали, но не так демонстративно. 17 марта 1978 г. Картер обвинил СССР в «зловещей склонности» применять военную силу в локальных конфликтах⁷⁸. Сами США воздерживались от такой же «зловещей склонности» только в 1976—1980 гг., и даже миролюбивому Картеру пришлось послать военную экспедицию в Иран в 1980 г.). США увязывали решение глобальных международных вопросов с кубинской интервенцией в Эфиопии. Бжезинский выдвинул геополитическую теорию о «дуге кризисов», которую якобы создает СССР вокруг источников нефти (Ангола—Африканский рог—Йемен—Иран—Афганистан), и убеждал президента, что происходящие конфликты являются частью советского плана⁷⁹. Во многом эта нарисованная на глобусе «дуга», вредившая советским интересам не менее, чем американским, была подражанием теории «империалистического окружения», в обосновании которой у советских идеологов было гораздо больше географических аргументов.

Еще один важный фактор, повлиявший на формирование решения о вводе войск в Афганистан, был связан с Китаем. Приход к власти в КНР нового руководства и обострение борьбы за власть в этой стране привел к резкому обострению ситуации по периферии китайских границ. В мае 1978 г. произошли столкновения на советско-китайской границе. Одновременно Китай начал кампанию беспрецедентного давления на Вьетнам, стремясь заставить его отказаться от просоветской ориентации. В качестве средств давления КНР использовал замораживание экономических отношений, призыв к возвращению «хуацяо» (этнических китайцев, проживающих во Вьетнаме), угрозу вторжения, вооруженные провокации со стороны союзника КНР Кампучии. Вьетнамское руководство решило коренным образом решить хотя бы одну проблему — в январе 1979 г. вьетнамская армия вторглась в Кампучию и разгромила террористический режим Пол Пота. Часть кампучийских войск перешла на сторону бывших товарищей по оружию и составила костяк нового провьетнамского режима Камбоджи (дополпотовское название страны). Это был сильнейший удар по престижу Китая, который не смог защитить союзника.

В этих обстоятельствах США взяли курс на окончательную нормализацию отношений с КНР. В январе были возобновлены дипломатические отношения, страны признали друг друга. Американцы начали поставки вооружений в Китай. Несколько позднее Китай предоставил свою территорию американской разведке для сбора информации об СССР (этот факт также влиял на оценку опасности потери Афганистана). Во время визита в США 29 января — 1 февраля 1979 г. лидер КНР Дэн Сяопин убеждал Картера, что СССР планирует напасть на Китай, чтобы разрушить «слабое звено» в антисоветской цепи, возникшей вокруг границ Союза⁸⁰. Эта идея перекликалась с геополитическими теориями Бжезинского, но объяснение обеспокоенности Дэна было проще — 5 марта Народно-освободительная армия Китая вторглась во Вьетнам. «Архитектор китайских реформ» опасался, что СССР не допустит «наказания Вьетнама» и откроет «второй фронт». Противостоять такому удару КНР не мог. Но выяснилось, что его армия настолько сла-

ба, что не может справиться и с Вьетнамом. Закаленные в тридцатилетней войне с «империализмом», вьетнамские войска остановили китайское вторжение и заставили их эвакуироваться. Новое поражение КНР заставляло Дэна искать возможности для реванша. Переход режима Амина в оппозицию СССР предоставил бы для этого блестящую возможность.

Однако решающим обстоятельством, оказавшим влияние на позицию кремлевского руководства по Афганистану, оказалась эволюция внешней политики Амина. Эта политика свела воедино все опасения, связанные с действиями США, Китая и печальным опытом Сомали и Египта. По словам американского исследователя Б.Сен Гупта, «хотя внешне отношения афганского режима и СССР продолжали оставаться дружественными, однако “новый глава Кабула” вскоре обратился к США с предложением радикально улучшить отношения между странами. Цель этого предложения состояла в оказании давления на Советский Союз»⁸¹. Во время встречи с пакистанскими представителями Амин критиковал СССР и просил передать США просьбу о содействии. Советское посольство было информировано о содержании этих бесед и даже о прямых неформальных контактах между Амином и американскими представителями⁸². В записке Андропова, Громыко, Устинова и Пономарева в Политбюро, внесенной сразу же после ввода войск, сообщалось: «В то же время имели место попытки наладить контакты с американцами в рамках одобренного Х.Амином “сбалансированного курса”. Х.Амин ввел в практику проведение конфиденциальных встреч с поверенным в делах США в Кабуле»⁸³.

Амин, судя по его дальнейшему поведению, таким образом пытался добиться большей помощи от СССР в критической внутривнутриполитической ситуации («мир большой» — не дадите вы, попросим помощи у Запада). Но подобный дипломатический «высший пилотаж» привел к обратному результату. Для Москвы такие инициативы Амина были новым подтверждением враждебности его к СССР. КГБ вообще подозревал Амина в связях с ЦРУ⁸⁴.

Всего два года назад разногласия между Сомали и Эфиопией привели к тому, что радикальный просоциалистический сомалийский лидер С.Барре переориентировался на США, превратился в пламенного антикоммуниста и вступил с войну против просоциалистической Эфиопии. Еще раньше подобным образом Советский Союз «потерял» Египет, что как раз в 1979 г. закончилось крупным успехом США — Кэмп-Дэвидским соглашением. Теперь драма превращения союзника в агрессивного противника, доказывающего свою лояльность Америке враждебными действиями против СССР, могла разыграться у самых границ СССР. Это несло угрозу стратегической безопасности страны. По мнению первого заместителя начальника Генерального штаба МО СССР В.Варенникова, «воспользовавшись ситуацией, США могли бы поставить вдоль советско-афганской границы свою контрольно-измерительную аппаратуру, способную принимать все параметры с опытных образцов нашего ракетного, авиационного и другого оружия, которое проходило у нас испытания на полигонах Средней Азии»⁸⁵. Интерес американцев в этой области был очень велик, ведь по-

сле иранской революции возможности контроля со стороны США за пусковыми площадками в Средней Азии значительно ослабли⁸⁶.

Для Амина переориентация на США могла быть спасительной — это означало бы прекращение помощи партизанам со стороны Запада, нормализацию отношений с Пакистаном и спасение режима под новой вывеской. Понятно, что США потребовали бы за это проведение враждебного курса в отношении Советского Союза. Таким образом, у границ СССР мог возникнуть агрессивный террористический проамериканский режим, проводящий в отношении Советского Союза политику, подобную китайской политике 60-х гг. Жискара д'Эстен вспоминает об аргументах Брежнева на их встрече в Варшаве в 1980 г.: «Если бы не вмешался ограниченный советский воинский контингент, — сказал Брежнев, — то уже в январе Афганистан превратился бы во враждебный для Советского»⁸⁷. Похоже, Генсек искренне верил в правоту своих слов. В записке Андропова, Громыко, Устинова и Пономарева в Политбюро (секретной и потому откровенной) говорилось о том, что с ведома Амина распространялись «заведомо сфабрикованные слухи, порочащие Советский Союз и бросающие тень на советских работников в Афганистане». Для них были установлены ограничения на контакты с местными жителями⁸⁸. С этого же начиналась «потеря» Египта.

«Сомалийско-египетский» сценарий в Афганистане стал кошмаром советского руководства, и альтернатива ему виделась в проведении операции, подобной той, которая сорвалась 14 сентября. Но возможностей устранить Амина, опираясь на внутренние силы Афганистана, уже не было. Вторжение оставалось единственным шансом избежать крупного геополитического поражения, последствия которого казались более серьезными, нежели негативные стороны военного вмешательства. На его издержки стали смотреть спокойнее. Запад следовало не умиротворять, а проучить. «Европейский» подход к ситуации создавал иллюзию возможности быстро преодолеть кризис. По мнению Ю.Ганковского «оптимистическое предположение сводилось к тому, что Кармаль, проводя более умеренную политику, сможет без особых сложностей получить более широкую поддержку, которая была потеряна Амином при осуществлении крайне радикальных реформ»⁸⁹.

По утверждению генерала И.Павловского решение о вводе войск было принято вопреки мнению Генерального штаба, который считал, что эта операция не погасит, а активизирует действия оппозиции⁹⁰. Что военные могли предложить взамен? Авторы подготовленной группой военных специалистов книги «Война в Афганистане» считают: «Альтернатива (вводу войск — *А.Ш.*), по нашему глубокому убеждению, существовала хотя бы в силу того, что дееспособность афганского руководства зависела от размеров советской помощи. При снижении размеров этой помощи и при содействии политических факторов (открытое разоблачение Х.Амина, разоблачение его преступных действий, теоретической несостоятельности выдвигаемых им лозунгов, моральная и материальная поддержка здоровых сил в НДПА, освещение возможностей потенциального развития афганской революции и т.д.) события в Афганистане пошли бы по другому руслу»⁹¹. Этот перечень мер выглядит весьма наивно. Такая политика не могла не привести к результа-

там, которые оценивались кремлевскими стратегами как самое худшее, — она просто толкнула бы Амина в объятия США или Китая. Высшие руководители СССР считали, что военные недооценивают важность политических факторов. В конечном итоге Генштабу удалось добиться решения о том, что советские войска не должны участвовать в боевых действиях⁹². Как показала события, эта «альтернатива» оказалась утопией.

Первоначально активные действия планировались уже в середине декабря. 11 декабря Б.Кармаль был переброшен в Баграм, а командир расквартированного в Кабуле спецподразделения «Зенит» получил приказ о штурме дворца Амина⁹³. Однако рекогносцировка на местности показала, что такими силами совершить «народное восстание» против Амина не удастся. Риск был очень велик. И тогда было принято окончательное решение о вводе войск. Такое развитие событий объясняет происхождение важной военно-дипломатической ошибки, допущенной советским руководством — Амин был уничтожен одновременно с вводом войск в Афганистан, и, таким образом, легитимность этого шага была разрушена, что в международных отношениях имеет очень большое значение. Позднее, когда советской стороне пришлось отстранить от власти Б.Кармала, это было сделано без особого труда — при наличии войск в Афганистане передача власти Наджибулле прошла спокойно. Если бы оккупация Афганистана и отстранение от власти Амина прошли бы поэтапно, претензий к СССР в «Третьем мире» было бы меньше — ввод войск по инициативе правящего режима имел множество precedентов, в том числе и в практике США. Но мысль кремлевских стратегов шла по линии уничтожения Амина, который воспринимался не как неустойчивый союзник (каковым был в реальности), а как коварный противник. Казалось, что счет идет на дни, что переориентация Амина может произойти в любой момент, и ввод войск может спровоцировать обращение Амина к Западу со всеми вытекающими отсюда последствиями (особенно если учесть ввод мощной военной группировки в Персидский залив). Поэтому советские войска, вводимые в Афганистан, должны были уничтожить Амина первым делом.

Во второй половине дня 12 декабря Брежнев, Суслов, Гришин, Кириленко, Пельше, Черненко, Андропов, Устинов, Громыко, Тихонов, Пономарев одобрили «мероприятия» по Афганистану, предложенные Устиновым, Громыко и Андроповым. Этим троим Политбюро и поручило осуществлять активное вмешательство в дела южного соседа. Окончательное решение о вводе войск было принято 24—25 декабря⁹⁴. «Мероприятия» преследовали две цели: свержение террористического режима Амина и демонстрация решительности в противостоянии США. Возможные издержки в «Третьем мире» и социалистическом лагере предполагалось снять после скорой, как казалось, стабилизации обстановки в Афганистане, которая должна была наступить вслед за свержением антинародного режима Амина.

Со времени восстания в Герате афганское правительство направило СССР 19 просьб о военном вмешательстве. В июле советские десантники были введены для охраны аэродрома Баграм⁹⁵. Еще 17 ноября Амин попросил направить советских военных для охраны его дворца. Эта просьба была

удовлетворена 6 декабря — советские военнослужащие, переодетые в афганскую форму, заняли позиции вокруг дворца Амина. Однако «на всякий случай» они были отделены от резиденции кольцом афганцев. В декабре характер просьб изменился — Амин просил ввести войска только в северные районы страны. Возможно, к этому времени он стал опасаться полного контроля за афганской территорией со стороны СССР.

Для участия в операции по вводу войск были призваны резервисты и развернута 40-я армия, в которую вошли 5-я и 108-я мотострелковые дивизии, 103-я воздушно-десантная дивизия, 56-я отдельная десантно-штурмовая бригада, 860-й отдельный мотострелковый и 345-й отдельный парашютно-десантный полки — общей численностью в 50 тысяч человек. Вскоре в «Ограниченный контингент», как стали называть эту группировку, вошла также 201-я мотострелковая дивизия и еще два отдельных полка. Численность группировки возросла до 80 тысяч. 25 декабря эта армия пересекла границу Афганистана в полном согласии с Кабульским руководством. Амин не знал о том, что из Чехословакии уже вылетел Б.Кармаль. «Уговаривать его долго не надо было, — вспоминает Н.Леонов, — он рвался к власти и жаждал мести своим обидчикам»⁹⁶.

Амин выслал навстречу советским войскам генерал-майора Бабаджана для оказания им помощи в развертывании. В это время считалось, что войска вводятся в северные районы страны в соответствии с направленной ранее просьбой. Несмотря на то, что все проходило с его точки зрения благополучно, Амин на всякий случай перебрался в хорошо укрепленный дворец Тадж-Бек (потом там будет располагаться штаб 40-й армии). Выступая на торжественном обеде днем 27 декабря, Амин проинформировал присутствующих о начале ввода в страну советских войск: «Советские дивизии уже на пути сюда. Все идет прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко...»⁹⁷ Этот обед стал для Амина последним. На нем он был отравлен. По иронии судьбы промывание желудка Амину сделали советские врачи. Но руководить он уже не мог⁹⁸. Придя в себя, Амин попытался связаться с советским командованием. Убедившись в отсутствии связи, он проговорил: «Я об этом догадывался, все верно»⁹⁹.

Вечером 27 декабря советский десант приступил к новому этапу операции «Шторм-333», о котором Амин предупрежден не был. Началось взятие государственных учреждений под советский контроль. В 19 ч. 25 мин. советские спецподразделения попытались занять Тадж-Бек. Однако пройти незамеченными десантникам не удалось — начался бой, в ходе которого Амин был убит. Одновременно советскими частями при незначительном содействии сторонников Ватанджара и «парчамистов» были заняты или взяты штурмом другие важнейшие объекты столицы. В начале января были подавлены последние очаги сопротивления сторонников Амина под Кабулом.

Убийство Амина (возможно, планировался лишь его арест) разрушило правовую основу ввода войск. Кем бы ни был Амин, но его режим имел международное признание, и уничтожение главы иностранного государства было воспринято во всем мире как безусловный акт агрессии. В это время

Брежнев, видимо, еще праздновал победу — Западу «утерли нос» на Среднем Востоке, афганскую оппозицию деморализовали, террористический режим свергли и заменили более умеренным — во главе с Кармалем.

На Западе советская акция вызвала большие опасения. Об их причинах пишет Н.Леонов: «Само вступление 40-й армии в Афганистан состоялось в такой форме, что вызвало панику на Западе, где раздалось озобоченные голоса о том, что-де русские начали прорыв к Индийскому океану, реализуя свою «вековую мечту» о выходе к теплым морям. В самом деле, 40-я армия вошла в Афганистан со всем своим штатным вооружением, включавшим и тактические ракеты... А внешне создавалась ошибочная картина, будто русские вошли в Афганистан не для оказания помощи партии своих сторонников, а для дальнейшего броска к югу, например, к Ормузскому заливу, ведущему в Персидский залив, к ближневосточной нефти. Нефть Ближнего востока всегда рассматривалась Западом как жизненно важный фактор для развитого капиталистического мира. Покушение на нефть с чьей-либо стороны — это “казус белли” (причина для начала войны для США и их союзников). Без этой нефти весь цивилизованный мир сразу потеряет весь свой лоск и привлекательность, он погрузится в глубокий и опасный кризис»¹⁰⁰. Но советская армия остановилась на границе с Пакистаном и Ираном, получив строгое указание не пересекать ее даже для преследования вооруженных оппозиционеров. В Кремле понимали, что «последний бросок на Юг» мог вызвать действительно непредсказуемые последствия. Оправившись от первого испуга, Запад обнаружил, что вторжение в Афганистан может оказаться ловушкой для СССР.

Первый месяц оккупации не предвещал грядущей катастрофы. В декабре 1979 г. — январе 1980 г. было освобождено 15 тысяч заключенных, повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, ослаблен контроль за предпринимательством. Широко раздавались обещания разрешить деятельность других партий. Сторонники Амина арестовывались (некоторые из них вскоре были казнены).

Первоначально афганцы встречали советскую армию в целом дружелюбно. Партизаны производили редкие и безрезультатные обстрелы. Гибель солдат происходила только в результате аварий. Войдя в Афганистан по маршрутам Термез-Кабул-Газни и Кушка-Герат-Кандагар, советские войска как бы «оградили» это государство от соседних стран. Вскоре стало ясно, что это кольцо может задержать караваны оппозиции, как сито — воду.

Таджики и узбеки, составлявшие большинство солдат 40-й армии, вступали в разговоры с населением и искренне уверяли, что не собираются воевать. Казалось, ситуация напоминает ввод войск в Чехословакию. «Приказ четко определял наши задачи: выход частей на границу Афганистана и прикрытие их со стороны Ирана и Пакистана, — вспоминает генерал Ю.Шаталин, командовавший пятой дивизией. — Кроме того, необходимо подчеркнуть, что сам расчет сил и средств вводимых войск показывал, что они не были рассчитаны на решение задач военными средствами... Это была целенаправленная политическая акция с применением вооруженных сил. Но ввод войск осуществлялся в страну, где шла уже вооруженная борьба, и в

результате втягивания наших войск в боевые действия произошла эскалация войны. То есть мирный поход перешел в войну»¹⁰¹. В январе 1980 г. еще оставался шанс начать вывод войск.

К февралю 1980 г. стало ясно — «русские» уходить не собираются. И тогда 21—23 февраля в Кабуле начались массовые демонстрации. Прикрываясь толпой, боевики стреляли по советскому посольству. С марта начались систематические нападения на советские гарнизоны — началась настоящая изнурительная и кровопролитная война в чужой стране. Контролируемые советскими войсками центры и дороги стали интенсивно обстреливаться с окрестных гор. У командования не оставалось иного выхода, кроме наступательных действий в этих горах. В течение 1980 г. численность «ограниченного контингента советских войск» (40-й армии) была доведена до 100000 человек¹⁰².

Ближайшие последствия вторжения в Афганистан уже в 1980 г. были охарактеризованы в аналитической записке Института экономики мировой социалистической системы. В ней, в частности, говорилось: *«В допущении к двум фронтам противостояния — в Европе против НАТО и в Восточной Азии против Китая — для нас возник третий опасный очаг военно-политической напряженности на южном фланге СССР, в невыгодных географических и социально-политических условиях... Значительно пострадало влияние СССР на движение неприсоединения, особенно на мусульманский мир. Заблокирована разрядка и ликвидированы политические предпосылки для ликвидации гонки вооружений. Резко возрос экономический и технологический нажим на Советский Союз. Западная и китайская пропаганда получили сильные козыри для расширения кампании против Советского Союза... Усилилось недоверие к советской политике и дистанцирование от нее со стороны СФРЮ, Румынии и КНДР. Даже в печати Венгрии и Польши впервые открыто обнаружались признаки сдержанности в связи с акциями Советского Союза в Афганистане... Усилилась дифференцированная политика западных держав, перешедших к новой тактике открытого вторжения в сферу отношений между Советским Союзом и другими социалистическими странами и открытой изре на противоречиях и несовпадении интересов между ними. На Советский Союз легло новое бремя военной помощи Афганистану»*¹⁰³. Ничего принципиально нового эта записка кремлевскому руководству не сообщала — почти все эти аргументы высказывались на Политбюро еще в марте 1979 г.

Однако масштабы антисоветской кампании на Западе в связи с вводом войск в Афганистан все же удивили кремлевское руководство. В 1980 г. на встрече с президентом Франции Брежнев возмущался: «Почему мы проявляем столько эмоций? — восклицает он. — Потому что речь идет о внутренних проблемах коммунистического мира... И почему вы защищаете Амина, этого убийцу и палача?» Ему вторил Громыко: «На приход к власти новых руководителей и злодейское убийство президента Тараки в сентябре прошлого года западные страны никак не отреагировали и не говорили о вмешательстве во внутренние дела страны. А тут их словно муха укусила, и они заговорили об интервенции!»¹⁰⁴ Жискара д'Эстен убеждал Брежнева, что

«вступление советских войск в Афганистан стал глубоким шоком для Запада, шоком куда более значительным, чем вы себе это представляете». Столкнувшись с перспективой крушения политики «разрядки», Брежнев был готов идти на уступки, выражая свои намерения в довольно эмоциональной форме. *«Потом он обеими руками хватает меня за ладканы пиджака, — рассказывает В.Жискар д'Эстен об этой встрече с Брежневым, — его лицо приближается к моему. Мне трудно смотреть на него с такого близкого расстояния, и все плывет перед глазами.*

*— Нужно найти политическое решение, — вновь начинает он. — ...Это теперь»*¹⁰⁵. *«На самом деле Амин вел страну к чудовищному насилию. Но мы не должны там оставаться», — считал Брежнев*¹⁰⁶.

Американское руководство, консультируясь с советскими представителями, требовали гарантий отсутствия планов вторжения в Пакистан и Иран. Беседуя с послом Добрыниным, госсекретарь Вэнс «оговорился, что сами США до последнего времени не верили в наличие таких намерений у правительства СССР. Однако ввод советских войск в Афганистан, в страну, не входящую в Варшавский договор, сильно поколебал в администрации прежнюю уверенность в том, что у Москвы нет таких намерений... В сугубо доверительной форме он сказал, что согласен с Громыко, заявившим послу США в Москве, что Амин был негодяй, но он не был американским агентом. В этом он может — неофициально — дать мне слово»¹⁰⁷.

Таким образом, действия и контрдействия двух сверхдержав вокруг Афганистана, которые привели к вводу советских войск, отчасти были плодом взаимных недоразумений и мистификаций. Но это не означало, что после разъяснения позиций настало время для компромиссов.

Если относительно миролюбивая администрация Картера еще готова была искать реальные пути скорейшего урегулирования проблемы (впрочем, как обычно игнорирующие особенности психологии кремлевских старцев)¹⁰⁸, то новой администрации вывод советских войск из Афганистана был невыгоден. В Афганистане СССР попал в геополитическую ловушку, которой умело воспользовались его стратегические противники. К концу 1979 г. СССР оказался в ситуации, в которой он не мог не потерпеть поражение. Принимая решение в этой сложной обстановке, кремлевские руководители оказались под влиянием личной неприязни к террористическому режиму Амина и недооценили некоторые малозаметные тогда обстоятельства, выбрав в итоге из двух зол большее. Победа ряда просоветских «революций» не смогла уничтожить на территории стран «социалистической ориентации» вооруженной оппозиции. Эти движения действовали такими же партизанскими методами, как и революционеры, приносившие столько проблем западному миру. В конце 70-х гг. Запад начал бить противника его же оружием, поддерживая партизанские освободительные движения в «Третьем мире», направленные против режимов социорентации. Стороны поменялись местами (а традиционно «революционному» Китаю для этого даже не пришлось менять тактику). СССР пришлось столкнуться с партизанскими движениями в Афганистане, Накарагуа, Анголе, Мозамбике, даже во Вьетнаме, а после вторжения вьетнамцев в Камбоджу — и в этой стране.

Здесь большую роль играло и вмешательство Китая, который обжегся на попытке «наказать» Вьетнам (за свержение «братского» полпотовского режима) путем прямой агрессии.

Так США и Китай начали опробовать на «социалистическом содружестве» стратегию, которая была изобретена Э.Че Геварой, мечтавшим покончить с американским империализмом, подорвав его мощь в нескольких «Вьетнамах»¹⁰⁹. Че Геваре не удалось разжечь «новый Вьетнам» в Латинской Америке, зато США смогли втянуть Восточный блок в несколько тяжелых партизанских войн, крупнейшей из которых стала афганская.

3. Польский кризис (1980—1983 гг.)

Афганский кризис серьезно ухудшил международную обстановку, но окончательно добила «разрядку» события, разыгравшиеся в Европе. Еще в 70-х гг. с серьезными экономическими проблемами столкнулась Польша. Экономический кризис здесь на глазах стал перерастать в социально-политический. В середине 70-х гг. руководство правящей Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) во главе с Э.Гереком решило выйти из кризиса путем технологического перевооружения экономики страны за счет привлечения западных кредитов. Политбюро ЦК КПСС первоначально санкционировало шаги руководства ПОРП к экономической интеграции ПНР с Западом¹¹⁰. Вероятно, здесь сыграли роль соображения экономии — казалось возможным задействовать ресурсы Запада для реконструкции хозяйства одной из соцстран.

В Польше началась инвестиционная горячка — вложения превысили план на треть. При этом сами плановые механизмы были значительно ослаблены путем введения «отрытого», т.е. гибкого плана¹¹¹. «Для интенсивного развития промышленности, — пишет А.Поморский, — начали брать большие кредиты на Западе. Начали покупать лицензии на современную технологию с расчетом на то, что продукция новых заводов оплатит долги. Помешал этим планам нефтяной кризис 1973 года, но настоящей причиной неудачи были односторонние решения, дилетантизм и коррупция власть имущих...»¹¹² Все это так. Но по другим странам социалистического содружества нефтяной кризис не ударил так больно — у них был «автономный источник» нефтеснабжения в лице СССР. Однако Советский Союз не пошел навстречу Польше в ее затруднительном положении, так как уже не хотел поощрять усиление ее технологической зависимости от Запада. И тогда вслед за технологической зависимостью усилилась зависимость финансовая. Долги Польши капиталистическим странам достигли 20 миллиардов долларов, а проценты по долгу сравнялись с размерами польского экспорта. «На экспорт шло все, что можно (и что нельзя тоже), а внутренний рынок оказался пустым. В стране перед пустыми магазинами — очереди, а в газете «Трибуна люду» и по телевидению — успех за успехом!»¹¹³

В 1976 г. это вызвало новый всплеск рабочих волнений. Если в 1970 г. на аналогичные выступления правительство ответило стрельбой по демон-

странтам, то теперь власти не пошли на расстрел рабочих, хотя и преследовали «зачинщиков». Однако на помощь рабочим пришли настроенные оппозиционно-социалистически интеллигенты, создавшие в 1978 г. правозащитную организацию, ориентированную на помощь рабочим — «Комитет защиты рабочих» (КОР). Лидерами КОР были социалисты Я.Куронь и А.Михник, ранее исключенные из партии за «ревизионистские» взгляды. Помощь диссидентов рабочим, пострадавшим после волнений 1976 г., заложила основу союза рабочего класса и интеллигенции, о необходимости которого столько говорили коммунисты.

Режим не мог нанести сокрушительный удар по оппозиции. Это могло ухудшить отношения с кредиторами. А они уже преследовали не только финансовые интересы. В 1978 г. помощник президента США по национальной безопасности З.Бжезинский подготовил доклад (опубликован в 1983 г.), в котором, в частности, говорилось:

«Наиболее перспективной тактикой в настоящее время является не немедленное уничтожение коммунизма, а применение определенных средств, преследующих целью укрепить оппозицию и ослабить таким образом коммунистическую партию». Эту стратегию предполагалось опробовать на Польше: «Соглашения между США, их союзниками и Польшей должны быть направлены на укрепление зависимости Польши от Запада в области финансов, экономики, снабжения продуктами питания. Через незначительный промежуток времени начнет возрастать количество поляков, считающих, что только поддержка Запада является гарантией благополучия и прогресса... Следует разжигать в поляках антисоветские и антирусские настроения... На политических руководителей следует влиять таким образом, чтобы они заняли умеренную позицию в отношении диссидентов и выработали приемлемый вариант диалога с общественностью. В этом созданном политиками, профсоюзными деятелями, средствами массовой информации и отвлекающими маневрами климате наши действия должны способствовать дестабилизации обстановки в Польше. В этих условиях в партии возникнет смятение, а оппозиция приобретет новых сторонников»¹¹⁴. Не все детали этого плана удалось воплотить в жизнь. Но ведь в Польше отработывалась модель, которая потом будет в иных модификациях применяться и к другим «странам социализма», в том числе СССР.

Признаки выполнения замыслов финансовых партнеров Польши наметились уже в 1979 г., и не только в области политической жизни. Происходила быстрая вестернизация культурной жизни Польши, исторически тяготеющей к Западу. Так, например, в 1979 г. по польскому телевидению было показано 395 фильмов социалистических стран и 583 — капиталистических¹¹⁵.

Политика ПОРП вызывала неудовольствие в Москве — еще до начала «польских событий» Герек опасался вторжения советской армии. По его просьбе президент Франции В.Жискард д'Эстен убеждал Брежнева в том, что военное вмешательство СССР в Польше недопустимо¹¹⁶.

Попытка ПОРП решить проблему долга за счет политики экономии привела к резкому росту дефицита продовольственных товаров и одновремен-

ному повышению цен. Однако польское общество, в котором сильны были традиции антикоммунизма, не собиралось с пониманием относиться к такой политике. Соппротивление коммунистическому государству опиралось и на влияние в Польше неподконтрольной государству католической церкви, и на силу товарных отношений (польская деревня не была коллективизирована).

1 июля 1980 г., после повышения цен на качественное мясо, в Польше вспыхнули рабочие волнения. В отличие от предыдущих выступлений подобного рода интеллигенция смогла установить контакт с рабочими вожаками. Движение принимало все более организованный характер. В поддержку рабочих выступил КОР, предложения которого носили вполне социалистический характер. КОР, в частности, требовал: *«Так называемые коммерческие цены должны быть отменены, и введено общее рacionamento мясных продуктов, т.е. карточки на мясо в соответствии с прежними ценами (до 1 июля)»*¹¹⁷. То затухая, то снова вспыхивая, в августе волнения охватили польское побережье, где при содействии КОР был создан Межзаводской забастовочный комитет (МЗК) во главе с рабочим Л.Валенсой. Число забастовщиков достигло 600 тысяч¹¹⁸. МЗК и КОР выработали 21 требование рабочих к властям. Наряду с чисто экономическими требованиями рабочие выступили за *«признание свободных, независимых от партии и от работодателей профсоюзов»*, за *«гарантию права на забастовку, а также безопасности бастующих и поддерживающих их лиц»*, *«допущение свободы слова и печати, гарантированных Конституцией ПНР; недопущение репрессий по отношению к независимым печатным изданиям; обеспечение представителям всех вероисповеданий доступа к средствам массовой информации»*, *«восстановление на работе и учебе лиц, уволенных и исключенных за участие в рабочих и студенческих волнениях, освобождение политзаключенных»*, *«прекращение любых преследований за убеждения»*, *«принятие действенных мер, чтобы вывести страну из кризисной ситуации, для чего нужно:*

а) опубликовать без утаивания полную информацию о социально-экономическом положении страны;

*б) предоставить возможность всем слоям населения участвовать в обсуждении программы реформ»*¹¹⁹.

Рабочие, уже имевшие опыт забастовочного движения, выступили против государства-работодателя, а союзные организации интеллигенции, прежде всего КОР, — подсказали им главное требование, которое могло на этот раз привести к успеху, — самоорганизация в независимый профсоюз. На переговорах с представителями правительства Валенса заявил: *«Мы хотим свободные профсоюзы, то есть противовес, который даст нам возможность вести переговоры, без нужды объявлять забастовки и не боясь репрессий»*¹²⁰.

Взрыв польской «контрреволюции» (то есть неугодной коммунистам революции) вызвал в Кремле немалое волнение. 28 августа Суслов, Громыко, Андропов, Устинов и Черненко направили в ЦК (то есть своим коллегам по Политбюро) записку, в которой предлагали привести в боевую готов-

ность три танковые и одну мотострелковую дивизии. Однако авторы записки понимали, что в случае вторжения на польскую территорию этих сил может не хватить для наведения порядка. Авторы считали необходимым «при выстулении на стороне контрреволюционных сил основных сил Войска Польского увеличить группировку наших войск еще на пять-семь дивизий...»¹²¹ Угроза перехода польской армии на сторону антикоммунистических сил была, с одной стороны, главным сдерживающим фактором для СССР, а с другой — критерием необходимости вторжения. Если советская армия вмешается, события примут характер национально-освободительной борьбы и могут вовлечь в свой водоворот армию. Пока польская армия остается на стороне режима, военное вмешательство СССР не нужно. В августе 1980 г., когда события в Польше только начались и стремительно нарастали, было не ясно, какую позицию займет армия, и в Кремле разрабатывались самые разные, в том числе и экстренные, варианты. После того, как 30 августа было достигнуто соглашение между правительством и забастовщиками, ситуация отчасти стабилизировалась. Стало ясно, что армия осталась на стороне ПОРП, и планы военного вмешательства СССР были заморожены.

Несмотря на аресты членов КОРа и информационную блокаду вокруг забастовки на побережье, рабочие не уступали. 30 августа стачка охватила всю страну, и властям пришлось принять требования забастовщиков. 6 сентября Э.Герека сменил на посту первого секретаря ЦК ПОРП С.Каня, который заявил, что «забастовки не были направлены ни против принципов социализма, ни против союзников Польши, ни против руководящей роли партии...»¹²² Новый руководитель Польши пытался доказать СССР, что ничего страшного еще не произошло, и необходимости для вмешательства нет. 10 ноября был официально зарегистрирован независимый профсоюз «Солидарность», который быстро превратился в массовое народное движение. Это решение было воспринято руководителями стран Варшавского договора как крупное поражение. Причем некоторые из них были настроены гораздо радикальнее кремлевских старцев. В беседе с польским послом 20 ноября руководитель ГДР Э.Хоннекер заявил: «Несомненно, этот компромисс был сильным ударом для всех, кто питал надежду, что вы сами справитесь с проблемами... Мы против кровопролития. Это последнее средство. Но и это средство должно быть использовано»¹²³. В послании к Брежневу 26 ноября Хоннекер писал: «промедление подобно смерти — смерти социалистической Польши. Вчера наши совместные меры были бы, наверное, преждевременными, сегодня — они необходимы, но завтра они могут уже запоздать»¹²⁴. 5 декабря по предложению Хоннекера в Москве собралось совещание восточноевропейских руководителей по польскому вопросу. С.Каня предложил в качестве альтернативы вторжению соседей введение в стране военного положения. «Под руководством премьер-министра работает созданный политбюро штаб, который готовит ряд мероприятий. Среди... вопросов, решаемых штабом, и вопрос введения военного положения в Польше... Также готовится арест активистов контрреволюции»¹²⁵. Победа над «контрреволюцией» внутренними силами была предпочтитель-

нее для «социалистического содружества», тем более, что, как отметил Живков, «польские товарищи» и позднее могут «обратиться к нам, союзникам»¹²⁶.

«Большой брат» пока ограничивался критикой курса Герека: «События в Польше вновь убеждают, — говорил Л.Брежнев, — как важно для партии, для укрепления ее руководящей роли чутко прислушиваться к голосу масс, решительно бороться со всякими проявлениями бюрократизма, волонтаризма, активно развивать социалистическую демократию, проводить взвешенную реалистическую политику во внешнеэкономических связях»¹²⁷. Только последнее обстоятельство отличало политику ПОРП от политики КПСС. Советники Брежнева пытались воздействовать с помощью польских уроков на бюрократию КПСС, вновь и вновь намекая: «так жить нельзя». С.Каня, в свою очередь, в принципе не возражал против реформ, но считал, что «различные формы обновления надо искать только на пути социалистической демократии»¹²⁸.

Массовое движение неповиновения, развернувшееся в Польше, быстро дезорганизовало систему власти. Управляемость страной была, по существу, потеряна. Попытки ПОРП «обуздать» «Солидарность» не удались, и события развивались от кризиса к кризису — в октябре конфронтация обострилась из-за попытки властей не зарегистрировать «Солидарность», в ноябре — из-за арестов профсоюзных активистов, в январе — из-за требования профсоюза ввести выходной в субботу, в марте — из-за нападения милиции на профорганизацию в Быдгоще. Помимо «Солидарности» и КОР, преобразованный в Комитет общественной самообороны — Комитет защиты рабочих (КОС-КОР), в стране действовали и другие оппозиционные организации, наиболее радикальной из которых была Конфедерация независимой Польши. Власти показали свою полную неспособность как к нормальному партнерству с «Солидарностью», так и к противостоянию забастовкам. Становилось очевидно, что «мирное сосуществование» «Солидарности» и правительства ПОРП невозможно, а продолжение их конфронтации приводит к полному хаосу. По существу, в стране бушевала революция.

Редкая революция обходится без интервенции. С одной стороны, в Польше продолжали находиться советские войска, которые, правда, в конфликт не вмешивались. Но специалисты КГБ работали бок о бок с польскими коллегами. СССР не покидал союзника в трудный момент и материальной помощью. К середине 1981 г. СССР передал Польше 4,5 миллиарда для погашения процентов¹²⁹. С другой стороны в Польшу переправлялись сотни единиц копировальной техники и даже типографии с Запада¹³⁰, которые позволили «Солидарности» и другим оппозиционным организациям быстро составить конкуренцию официальным средствам информации, проникнуть в которые оппозиции не удалось. На польскую революцию работала радиостанция «Свободная Европа» и эмигрантское издательство «Культура». В итоге «самиздат» и «тамиздат» выигрывали битву за умы. Все меньшее число людей черпали информацию из официального телевидения, радио и газет.

«Солидарность» перехватывала инициативу не только в социальной, но и в политической жизни. Пока партия страдала от дефицита идей, эксперты «Солидарности» подготовили проект закона о введении самоуправления на предприятиях. Если прежняя волна движения за самоуправление в 1956—1957 г. была взята под контроль партией, в результате чего органы самоуправления были подмяты под себя администрацией, то теперь предполагалось, что рабочие советы будут избирать директоров. В условиях наличия сильного оппозиционного движения на производстве это означало бы разрушение номенклатурной системы на уровне предприятий. «Солидарность» могла осуществить мечту синдикалистов о переходе хозяйства под контроль профсоюзов.

Одновременно лидеры профсоюза стали открыто демонстрировать готовность перейти к решению политических задач: «Правительство ни на что не способно, — говорил Л.Валенса, — Следовательно, мы сами должны выйти из положения, в котором оказались. Мы должны считать себя прежде всего не членами профсоюза, а — поляками»¹³¹. С.Каня заявил о неприемлемости проекта «Солидарности» о самоуправлении, так как он основан на концепции «фактического отхода от государственной собственности к групповой собственности»¹³². После того, как Сейм стал готовить коммунистический проект закона о самоуправлении в пику «Солидарности», съезд профсоюза потребовал вынести свой проект на референдум и заявил, что в случае отказа Сейма и от этого «Солидарность» проведет референдум сама. В итоге Сейм отложил решение вопроса, впервые не подчинившись рекомендациям руководства ПОРП¹³³. «Солидарность» на глазах превращалась в политическую партию. Все слабее становились надежды руководства ПОРП на то, что «в руководящих звеньях профсоюза существуют разные течения»¹³⁴.

Продемонстрировать готовность ПОРП противостоять натиску «Солидарности» был призван чрезвычайный съезд партии. Выступая на съезде, С.Каня пытался воздействовать не только на коммунистов, но и на «Солидарность»: «Партия неоднократно заявляла о своем конструктивном отношении к «Солидарности», выражала готовность сотрудничать и подтверждает это еще раз. Мы видим дифференцированный характер этой организации, где существуют различные, противоположные друг другу течения»¹³⁵. Каня не оставлял надежду приручить «Солидарность», изолировав в ней «реакционные экстремистские группировки, пытающиеся придать «Солидарности» характер политической партии, оппозиционно настроенной к социалистическому государству»¹³⁶. Этот план потерпел полный провал — во второй половине 1981 г. борьба за лидерство в «Солидарности» шла уже между умеренными и радикальными сторонниками участия «Солидарности» в политической борьбе, а крыло, которое хотело оставить «Солидарность» в рамках чисто профсоюзной работы, сошло на нет. Этому способствовало и нежелание ПОРП переходить на реформистские позиции, и идеологическое давление Запада, и обострение социально-экономического кризиса в стране. Финансовое положение страны становилось отчаянным.

Для выполнения обязательств по долгам не хватало уже 12 миллиардов долларов¹³⁷.

Внутренних ресурсов для погашения долгов не было. В первой половине 1981 г. национальный доход страны упал на 15%. Об этом говорил в своем докладе съезду премьер-министр Польши В.Ярузельский¹³⁸.

После советской оккупации части польского государства в 1939 г. молодой Ярузельский «находился в СССР», как тактично сообщала его биография, то есть в лагере. В 1943 г. он вступил в формировавшуюся на территории СССР польскую армию, дошел до Эльбы. В 1968 г. генерал Ярузельский был назначен министром национальной обороны и находился на этом посту во время расправы над рабочими в 1970 г. 11 февраля 1981 г. генерал был назначен премьер-министром Польши.

В.Ярузельский никогда не забывал о той роли, которую играет в истории Польши ее «великий сосед». Об этом говорил он и на съезде: «Переживаемые нами трудности позволили нам еще раз познать подлинных друзей. В нынешний столь тяжкий для нас период чрезвычайно ценным было и остается сотрудничество с Советским Союзом, а также помощь, оказанная Польше Советским Союзом и некоторыми другими странами — членами СЭВ. Мы знаем, что для наших друзей оказание этой помощи — дело непростое. У них ведь немало собственных потребностей»¹³⁹. Груз польского кризиса, который лег на экономику стран СЭВ, еще не мог дестабилизировать всю систему, но уже тяжело сказывался на бюджете СССР. В 1980 г. Польше была предоставлена помощь в размере 4,35 миллиардов долларов, а в 1981 г. — 5,59 миллиардов¹⁴⁰. Пока генерал Ярузельский не мог решить проблему силовым путем, он предлагал экономические меры: повышение цен на продовольствие, электроэнергию и уголь с целью ликвидации дефицита. Характерно, что сообщение о такой перспективе вызвало новую волну протеста. Однако когда оппозиция пришла к власти в 1989—1990 гг., она провела резкое повышение цен, что не вызвало социального взрыва. ПОРП не могла провести «реформу цен» не потому, что это было в принципе невозможно, а из-за массового недоверия политике коммунистов.

Конечно, правительство пыталось перехватить некоторые лозунги «Солидарности», также апеллируя к самоуправлению, но ключом политической линии Ярузельского оставалось противопоставление «демократии» и «анархии», которое позднее возьмет на вооружение Горбачев: *«Для демократии нет большей опасности, чем анархия, которая, как болезнь, разрушает здоровые клетки, истощает организм, подрывает основы государства и метит в основные интересы народа»*. Народовластие в понимании Ярузельского отождествлялось с существующей властью: *«Нельзя отдать народную власть, власть социалистического государства, и она не будет отдана. На этот счет не должно быть никаких иллюзий, никакой игры с огнем... Главная привилегия партии — это принятие на себя огромных задач, которые необходимо нести, так как никто другой с ними не справится»*. С солдатской прямоотой Ярузельский сообщил обществу и о причинах жесткой позиции режима в отношении реформ — ставки в игре были гораз-

до более высоки, чем просто вопрос о структуре польского общества: *«В сегодняшнем мире любой очаг опасности представляет угрозу, но однако наиболее опасным было бы нарушение равновесия сил именно в Европе.*

Здесь — при высшей степени военной концентрации — проходит основной участок границы, разделяющей две общественые системы. Словом — это континент, имеющий решающее значение для судеб всеобщего мира.

Именно здесь, в этом невралгическом узле, находится геостратегическое место Польши»¹⁴¹. Падение власти коммунистов в Польше означало бы образование дыры в глубоком тылу Варшавского договора, неслыханное нарушение равновесия, более серьезное, чем то, которое могло возникнуть в результате Венгерской революции 1956 г. и «Пражской весны». Чтобы сплотить лояльную часть партии против такой угрозы, Ярузельский напомнил и о том, что Варшавский договор гарантирует новые западные границы Польши.

Геополитический фон, на котором развивалась польская революция, определил важность того, что говорил на съезде посланник КПСС В.Гришин. Он поставил перед польскими коммунистами задачу «нормализации обстановки в стране», однако подчеркнул: *«мы считали и считаем, что вывести страну из кризиса — дело самих польских коммунистов, трудящихся народной Польши».* В то же время эмиссар Кремля отметил, что *«не в советских правилах бросать в беде своих друзей и союзников. Об этом авторитетно заявил товарищ Л.И.Брежнев на XXVI съезде КПСС.*

Такая интернационалистская позиция приобретает тем большее значение, что Польша стала объектом массивированного политического и идеологического давления со стороны империализма и его агентуры... Вы знаете, товарищи, о бесперебойных поставках советской нефти, газа, руды, хлопка, леса и других жизненно важных для польской экономики товаров по ценам значительно ниже мировых, о большой дополнительной финансовой помощи, оказанной Советским Союзом Польской народной республике. Эти средства и ресурсы не лишние в нашем народном хозяйстве...»¹⁴² Таким образом, Гришин подтвердил, что пока СССР не собирается осуществлять вторжение в ПНР и ограничится экономической помощью в надежде на внутренние резервы «нормализации». Однако такое положение не могло продолжаться долго...

Обстановка на съезде ужасала делегатов «братских партий», привыкших к монотонному ведению партийных форумов. ПОРП «разлагалась» вместе с режимом. Позднее Гришин вспоминал: «Доклад и выступления слушались плохо, допускались реплики, выкрики, высказывания с мест. Авторитеты в партии не признавались»¹⁴³. Поэтому, выступая на съезде, В.Гришин не преминул сделать далеко идущие выводы по поводу польских событий, которые должны были стать уроком всем «реформистам» Восточной Европы, в том числе и в КПСС: *«Драматические уроки польского кризиса вновь подтверждают, что там, где допускается отход от общих закономерностей марксизма-ленинизма, реакционные силы не упускают случая взять реванш и повести дело к реставрации старых порядков... Маскируя свои истинные намерения, противники народной власти повсюду кричат, что*

*они выступают за “улучшение” социализма. Сторонниками такого “улучшения” объявляют себя все реакционеры в современном мире, и прежде всего заправила американского ревизионизма и германского реваншизма»*¹⁴⁴

Угрозы со стороны правящей партии и ее могущественного союзника не остановили «Солидарность». 10 сентября съезд профсоюза утвердил декларацию, содержащую программу дальнейшего наступления на позиции ПОРП. «Солидарность» требовала:

«1. Улучшения снабжения посредством организации контроля — с участием профсоюза “Солидарность” и представителей единоличных крестьянских хозяйств — над производством, распределением и ценами.

2. Экономических реформ посредством создания настоящих советов самоуправления на предприятиях и ликвидации системы партийной номенклатуры.

3. Правды посредством социального контроля над средствами массовой информации и уничтожения лжи в области воспитания и польской культуры.

4. Демократии посредством свободных выборов в Сейм и народные советы.

5. Правосудия посредством утверждения равенства каждого перед законом, освобождения политических заключенных и защиты людей, преследуемых за их политическую, журналистскую или профсоюзную деятельность.

6. Здравоохранения нации посредством охраны окружающей среды, увеличения бюджета, предназначенного для служб здравоохранения и для обеспечения гарантий инвалидам...

*Мы выполним эти задачи с помощью профсоюзного единства и солидарности его членов. Деятельность различных сил, создающих ощущение существования внешней опасности для страны, не отнимет у нас волю продолжать борьбу за идеалы Августа 1980 года...»*¹⁴⁵ Несмотря на наивность некоторых из этих требований, попытка их воплощения в жизнь означала бы разрушение власти ПОРП и устранения контроля над Польшей со стороны Варшавского договора, то есть «некоторых сил, создающих ощущение внешней опасности». Более того, «Солидарность» решила перенести борьбу «на поле противника», приняв обращение к рабочим «социалистических» стран, в котором говорилось: «Мы надеемся, что в довольно близком будущем представители наших движений смогут встретиться для обмена профсоюзным опытом»¹⁴⁶.

Решения съезда «Солидарности» окончательно определили ориентацию руководителей «социалистического лагеря» на силовое решение проблемы. Тон Москвы стал гораздо жестче. ТАСС охарактеризовала съезд как «антисоциалистическую и антисоветскую вакханалию»¹⁴⁷. В опубликованном 16 сентября коммюнике ЦК ПОРП решения съезда «Солидарности» комментировались следующим образом: «Таким образом, соглашения, заключенные в Гданьске, Щецине и т.д., были односторонне разорваны и заменены. Они были заменены политической односторонней программой, стремящейся-

ся нанести вред жизненно важным интересам нации и государства и могущей привести к кровавой конфронтации»¹⁴⁸. ТАСС оценивало решения съезда не менее жестко: «Эта программа не оставляет никаких сомнений в том, что она является контрреволюционным документом, в котором «Солидарность» ставит себя выше партии, правительства, Сейма»¹⁴⁹. Характерна последовательность перечисления институтов, «выше» которых «Солидарность» не должна была себя ставить. Особенно опасным представлялось ПОРП воззвание к рабочим Восточной Европы, которое было охарактеризовано как «безумная провокация в адрес союзников Польши»¹⁵⁰. Советская сторона была вполне согласна с варшавскими партнерами. ТАСС комментировало: «Откровенно провокационным, наглым по отношению к социалистическим странам является так называемое “обращение к народам Восточной Европы”, содержащее призыв к борьбе с социалистическим строем»¹⁵¹. Еще бы — угроза «союзникам» могла поставить в повестку дня вооруженную интервенцию, которая после вторжения в Афганистан была крайне нежелательной.

О возможности оккупации Польши стали шутить даже в СССР. Здесь, например, ходил такой стишок:

Паны и пани,
Слушайте Каню,
А то придут вани,
И будет как в Афганистане.

Вторжение казалось эффективным решением для “ястребов” в КПСС, но наиболее влиятельные ее руководители, наученные афганским опытом, понимали, что военного вмешательства в Польше нужно избежать любой ценой. «В один из тех дней мне случилось быть в кабинете М.А.Суслова, — вспоминает Э.Шеварднадзе. — Ему кто-то звонил, докладывая об обострении ситуации в Польше, настаивал, как я понял, на “задействовании силы”». Суслов несколько раз твердо повторил: «Ни в коем случае, не может быть и речи об использовании нами силы в Польше»¹⁵². На заседании комиссии Политбюро по Польше Суслов заявил: «Пусть даже в Польше к власти придут социал-демократы, будем с ними работать, но войска не введем»¹⁵³. Осенью 1981 г. Суслов сумел убедить своих коллег по Политбюро в том, что посылать войска в Польшу нельзя¹⁵⁴. Это решение было принято, несмотря на просьбы Ярузельского о «гарантиях военной помощи» (то есть военного вмешательства) в том случае, если переворот провалится¹⁵⁵. Афганский урок не прошел для Политбюро даром.

Однако отказ от вторжения в Польшу оставался для мира секретом. 17 сентября ЦК КПСС в обращении к польским коллегам заявил, что терпимость к оппозиции, покушающейся на стабильность в странах «социализма» находится «в прямом противоречии с обязанностями Польши, являющейся членом Варшавского договора»¹⁵⁶.

Давление на Польшу со стороны стран Варшавского договора заставляло лидеров «Солидарности» действовать более осторожно. Они заявляли,

что требуют перемен лишь в рамках «соотношения сил, установленного после окончания Второй мировой войны»¹⁵⁷. Но такая умеренность привела к усилению радикального крыла «Солидарности», которое обвиняло лидеров профсоюза в соглашательстве. Официальные средства массовой информации стран Варшавского договора использовали разногласия в движении двояко. С одной стороны, они выдавали критику руководства «Солидарности» со стороны радикалов за протест против «экстремизма» самих лидеров профсоюза: «Примечательно, что и на самом гданьском сборище часть делегатов из рабочих начинает явно коробить то, как противники социализма манипулируют съездом, используют его для организации все новых враждебных ПОРП, правительству народной Польши и ее союзников провокаций... Подчеркивалось, что руководство профобъединения пренебрегает интересами масс, не консультируется с ними относительно своих решений»¹⁵⁸, — утверждало ТАСС (в действительности часть делегатов обвиняло Валенсу в излишней склонности к компромиссу¹⁵⁹). С другой стороны, ТАСС выдавало позицию радикалов за мнение, доминирующее в руководстве профсоюза: «Общее содержание и тон в гданьском зале “Оливия”, как и прежде, задает орава контрреволюционных политиканов»¹⁶⁰.

В начале декабря ситуация продолжала обостряться. На совещании в Радоме лидеры «Солидарности» обсуждали перспективу массовых демонстраций в годовщину расправы над рабочими в 1970 г. Эти выступления должны были положить начало действиям, направленным на приход оппозиции к власти путем выборов или кампании гражданского неповиновения. Говорилось о том, что «после забастовки вся власть будет принадлежать “Солидарности”». Радикальные высказывания Валенсы в Радоме интерпретировались коммунистической прессой как призыв к перевороту. Сам лидер «Солидарности» заявил, что был неправильно понят и не исключает соглашения с правительством¹⁶¹. 12 декабря ТАСС заявляло: «Отвергая призывы правительства к достижению национального согласия, отказываясь от разрешения кризиса политическими средствами, профобъединение “Солидарности”, орудуящие в нем контрреволюционные элементы ведут подготовку к прямому захвату власти... Попытки “Солидарности” прикрыть свое наступление на ПОРП и правительство лозунгами “умеренности”, усыпить бдительность властей не могут ввести в заблуждение тех, кто преисполнен решимости отстоять польское социалистическое государство от покушений со стороны классовых противников»¹⁶². Примирительные заявления лидеров «Солидарности» 11—12 декабря уже не играли роли. Жребий был брошен — после заявления оппозиции о готовности прийти к власти партия-государство решила нанести сокрушительный удар по своему «классовому противнику» — движению рабочих, интеллигенции и крестьян. При этом руководители ПНР и их советские советники учитывали фактор усталости польского общества от конфронтации и вызванное этим ослабление связей между лидерами движения и его массовой базой.

Посетившие Польшу в середине 1981 г. советские корреспонденты О.Лосото и Ю.Скляров с возмущением писали «На упоминавшемся уже нами Варшавском оптического заводе местная “Солидарность” хотела пус-

тить среди рабочих явно провокационную инструкцию: «Как вести себя при аресте»¹⁶³. Изучение «явно провокационной инструкции» оказалось полезным для рабочих активистов. 13 декабря 1981 г. в Польше было введено военное положение, активисты «Солидарности» и других оппозиционных организаций «интернированы» (арестовано 6309 человек¹⁶⁴), несанкционированное распространение информации, митинги и забастовки запрещены, на предприятия назначены комиссары-уполномоченные Военного совета национального спасения с широкими правами. Глава совета — премьер-министр Польши и первый секретарь ЦК ПОРП (он был избран на этот пост 18 октября 1981 г.) В.Ярузельский выступил по телевидению и радио с речью, в которой изложил мотивы совершенного им шага: *«Наша родина оказалась над пропастью. Превращаются в руины достижения многих поколений и возведенный из пепла дом. Государственные структуры перестают действовать. Угасающей экономике наносятся все новые удары... Через каждое предприятие, через множество семей проходят линии болезненного раздела... Звучат призывы к физической расправе с “красными”, с людьми, имеющими другие взгляды... Растут миллионные капиталы акул экономического подполья. Хаос и деморализация приобрели масштабы катастрофы»*¹⁶⁵. В этих словах было много справедливого, но пафос речи Ярузельского был направлен против оппозиции, которая якобы одна несет всю ответственность за происшедшее. Еще более категоричен был Ярузельский после того, как власть военного режима несколько упрочилась: *«Я обвиняю эти силы в стремлении к конфронтации, в стремлении парализовать власть, в распространении ненависти, в постоянном нарушении закона, в забастовочном терроризме, в разрушении экономики, в том, что эти силы подвергали угрозе союзы и безопасность страны. Я обвиняю этих людей в злоупотреблении доверием миллионов честных людей, вовлекаемых во все более опасный омут»*¹⁶⁶. Из речи диктатора не было ясно, каким образом эти силы смогли добиться доверия миллионов людей, которым потом «злоупотребляли».

Успех силовых методов выхода из кризиса окрылил руководителей Варшавского договора, и они уже не говорили о причинах кризиса, ссылаясь прежде всего на происки империализма. Споры нет, действия стран НАТО сыграли немалую роль в развитии польского кризиса, но операции Запада развивались на благоприятной почве, исследование которой руководством стран Варшавского договора проведено не было (по крайней мере, публично). Это оставляло возможность разыгрывать «польский сценарий» и в других «странах социализма». Однако если высшие руководители КПСС облегченно вздохнули и занялись новым раундом борьбы за власть, то «реформисты» в недрах партии отныне на конкретном примере могли представить, что произойдет, если в стране не будут проведены эффективные преобразования. Польская революция была еще мягким вариантом возможного кризиса, в котором против «партии рабочего класса» выступает «рабочий класс».

Впоследствии генерал Ярузельский утверждал, что ввел чрезвычайное положение под прямой угрозой вторжения стран Варшавского договора¹⁶⁷.

Однако, проанализировав польские и российские источники по этому вопросу, М.Крэймер утверждает: «Судя по всем воспоминаниям, маневры и другие приготовления, которыми занимались советские войска и армии Восточной Европы... были рассчитаны на то, чтобы запугать поляков и подготовить основу для вторжения в том случае, если Политбюро прикажет осуществить его. Однако сами по себе эти приготовления вовсе не означали того, что Политбюро когда-либо принимало окончательное решение о вторжении в случае неудачи с введением военного положения»¹⁶⁸. План действий по введению военного положения был разработан не в связи с опасностью советского вторжения, так как это было сделано еще в 1979 г.¹⁶⁹

Удар 13 декабря 1981 г. не привел к полному «замирению» Польши. До конца декабря продолжалась забастовка шахтеров в Катовице. При ее подавлении погибло несколько человек. Время от времени в стране проходили массовые антиправительственные демонстрации, разгонявшиеся водометами и специальными полицейскими подразделениями.

Но контроль Варшавского договора над Польшей был восстановлен, что нанесло тяжкий удар по плану США. Несмотря на то, что международные нормы на этот раз были соблюдены, американская администрация реагировала на введение военного положения в Польше так же резко, как и на ввод войск в Афганистан. Рейган напоминал ребенка, у которого отняли любимую игрушку. Американцы были застигнуты переворотом врасплох. По воспоминаниям советника Рейгана Р.Пайпса, «Президент был разъярен. Он сказал: “Нужно что-то предпринять. Мы должны крепко ударить и спасти «Солидарность»”. Президент готов был действовать»¹⁷⁰. По мнению летописца ЦРУ времен Рейгана П.Швейцера, «объявление военного положения в Польше было для администрации США поворотным моментом»¹⁷¹. После этого была начата открытая экономическая война против СССР, и Рейган принял решение о том, что одной из целей американской политики является нейтрализация советского влияния в Восточной Европе. «В результате мы сочли Ялтинскую конференцию недействительной»¹⁷², — вспоминал член Совета национальной безопасности Э.Миз.

Позиция западных лидеров не была столь же категоричной. Канцлер ФРГ Х.Шмидт считал, что введение военного положения в Польше было неизбежным. Во время встречи Шмидта и Госсекретаря США А.Хейга американец обвинил немца в отсутствии достаточного осуждения польского переворота. Дело дошло до того, что политики кричали друг на друга¹⁷³. Тяжелая безработица, охватившая Западную Европу, заставляла искать рынки сбыта продукции. Отличной возможностью для этого было строительство газопровода из СССР в Западную Европу.

17 декабря Рейган заявил об ограничении экономического обмена с Польшей. Собственно, воздействовать на польский режим санкции могли лишь в последнюю очередь — Польше помогал СССР, и удар наносился по всему «содружеству». Санкции позволили Ярузельскому даже сыграть на националистических чувствах: «Поляки никогда еще не покорялись зарубежному ультиматуму»¹⁷⁴. Действительно, эрозия режима началась уже тогда, когда отношения между Востоком и Западом нормализовались.

29 декабря Рейган объявил о серии санкций против СССР: прекращении поставок нефтегазового оборудования, что должно было сорвать строительство газопровода Уренгой—Помары—Ужгород—Западная Европа, рейсы «Аэрофлота» в США, работы советской закупочной комиссии в Нью-Йорке и др. Первое решение ударило примерно по 60 американским фирмам. Этим же решением были затруднены разработки месторождений с участием Японии на Сахалине, так как в них участвовал американский капитал¹⁷⁵. Потери американских компаний были очень велики. «Caterpillar Tractor» потеряла 90 миллионов долларов, «General Electric» — 175 миллионов¹⁷⁶. Но США были готовы идти на эти издержки, так как для Советского Союза газопровод должен был принести несколько миллиардов долларов прибыли в год. Но для строительства проектируемых газопроводов по оценкам ЦРУ до конца 80-х гг. СССР требовалось 15—20 миллионов импортных стальных труб¹⁷⁷. Таким образом, международная блокада могла принести СССР финансовый ущерб, сопоставимый с его валютными запасами. «Мы и в самом деле считали, что должны остановить осуществление проекта или хотя бы задержать его, — вспоминал министр обороны США Уайнбергер. — Иначе он дал бы им стратегическое преимущество и огромный приток средств»¹⁷⁸.

В качестве замены американцы предлагали европейцам свой уголь, используя политическую ситуацию для продвижения на рынок собственного продукта, уступавшего советскому газу по множеству характеристик — от транспортных до экологических. Естественно, европейцы не были склонны уступать. Об этом Рейгана предупреждал и Госсекретарь Хейг: «Господин президент, Западная Европа не откажется от этого проекта. Уже слишком поздно, поскольку дело зашло далеко»¹⁷⁹. «Санкции и эмбарго, — заявил председатель торговой палаты ФРГ, — особенно, когда речь идет о такой стране, как Советский Союз, не могут решить политических проблем»¹⁸⁰. Однако без участия Западной Европы в блокаде СССР меры США теряли смысл — заказы американских фирм перехватывались европейцами. Санкции Рейгана били по его соотечественникам сильнее, чем по СССР. Советский Союз ответил на американское эмбарго заявлением о готовности построить газопровод своими силами.

На встрече министров иностранных дел НАТО в январе 1982 г. разгорелась полемика между американцами и европейцами. Итогом стал компромисс — Европа будет выполнять свои контракты с СССР, но не станет заключать контрактов на выполнение работ, от которых ранее отказались американцы. Но, по воспоминаниям сотрудника американской администрации Р.Робинсона, курировавшего этот вопрос, «в период между январем и июнем 1982 г. стало ясно, что европейцы игнорировали соглашение и стали очень быстро заменять американских производителей»¹⁸¹. В итоге американские фирмы оказались в проигрыше. Январское соглашение стран НАТО было сформулировано в достаточно общих выражениях, чтобы страны Европы могли его обойти.

СССР демонстрировал серьезный подход к схватке. 20 апреля было принято постановление ЦК, которое отмечало: «проводимая Миннефтегазстроем работа по техническому перевооружению, внедрению прогрессивных

методов строительного производства еще не отвечает возрастающим задачам, стоящим перед этой отраслью»¹⁸². Постановление в суровых выражениях требовало ликвидировать недостатки. «Несмотря на несомненный ущерб, который эти меры наносили Советскому Союзу, они не имели большого воздействия на московскую внешнюю политику. Некоторые страны НАТО поддержали санкции против Польши, но в Европе существовало общее нежелание применять те же санкции против Советского Союза. В частности, Западная Германия, Франция и другие страны, вовлеченные в проект гигантского газопровода, не собирались разрывать свой контракт только из-за Польши», — комментируют Д.Ноги и Р.Дональдсон¹⁸³.

Попытка Рейгана навязать свою политику европейцам во время саммита руководителей развитых стран в Версале 4—6 июня 1982 г. провалилась. Президент США требовал прекращения кредитования проекта европейцами, уже соглашаясь на строительство первой очереди газопровода. Но Франция только что подписала договор о кредитовании проекта. «Миттеран и Шмидт покинули торжественное закрытие саммита, тем самым давая понять, что финансовые и энергетические договоры с СССР не будут изменены»¹⁸⁴, — вспоминает Р.Робинсон. В июне Рейган приехал в Бонн. По расказу Робинсона, «когда президент выступал с горячим призывом, Шмидт смотрел через окно в сад. Он демонстративно игнорировал Рейгана»¹⁸⁵.

Президент был разгневан. По возвращении из Бонна «возмущенный Рейган 18 июня созвал встречу Совета национальной безопасности, — пишет П.Швейцер. — Этот день впоследствии был назван в Европе «черной пятницей». «Он рассказал о том, как пренебрежительно к нему отнесся Шмидт, а также о недоразумениях с французами. Подчеркнул, что уже устал от заключения бумажных соглашений с союзниками. А в конце подытожил: «Пусть себе строят (Советы и европейцы) свой газопровод. Но не с нашим оборудованием и не по нашей технологии». Рейган принял решение «расширить санкции и охватить ими американские лицензии и субсидии за границей, согласно правительственному “Уставу об экспорте”»¹⁸⁶. Это означало, что отныне европейцы, сотрудничающие с СССР, не могли использовать американские технологии. США грозило санкциями тем европейским фирмам, которые откажутся подчиниться. С таким американским диктатом европейцы не сталкивались уже давно. «Это возмутило даже Маргарет Тэтчер, в целом настроенную прорейгановски, — пишет П.Швейцер. — Все руководители крупнейших государств Западной Европы высказали протест и заявили, что не имеют намерения придерживаться навязанного им нового порядка... Тэтчер и Миттеран советовали фирмам своих стран игнорировать американские запреты... Тэтчер открыто сказала Рейгану: ваш закон для нас — не закон. В Париже министр промышленности Жан-Пьер Шеверман грозил, что ликвидирует те французские фирмы, которые не будут высылать свои товары в Москву»¹⁸⁷. Интересно, что строительство газопровода вызвало недовольство и в СССР. Некоторые рабочие открыто утверждали, что «бывшие фашисты пользуются нашими богатствами в ущерб нам»¹⁸⁸.

Западный блок давал все более заметные трещины. Крутые меры 18 июня вызвали кризис и в самой американской администрации — в отставку

ушел Госсекретарь А.Хейг (решения принимались в его отсутствие). «Эмбарго нельзя было сохранить, — вспоминал новый Госсекретарь Д.Шульц. — НАТО переживал нелегкие минуты. Нужно было найти какой-то компромисс»¹⁸⁹. Компромисс был достигнут на переговорах в Ла-Сапийер. 13 октября 1982 г. США отменили санкции в отношении союзников в обмен на их согласие более жестко контролировать поставки технологий в Советский Союз и отказ от предоставления льготных кредитов и заключения новых договоренностей с СССР на поставки природного газа. Существовавшие соглашения сохранялись. Рейган фактически проиграл первое столкновение с СССР.

Первый провал не обескуражил Рейгана, а лишь подзадорил его. В день отказа от санкций президент подписал директиву NSDD-66, которая определяла поведение в отношении проекта «Уренгой-Помары-Ужгород-Западная Европа». Не сумев остановить строительство газопровода, США намеревались теперь затруднять его строительство и не допустить создания второй очереди, которая должна была начать давать прибыль в начале 90-х гг.¹⁹⁰ В 1983 г. союзники США согласились ограничить планируемый импорт советского газа 30-ю процентами своего потребления. Благодаря технологической блокаде, установленной США, удалось задержать ввод газопровода в строй на два года (1985—1987 гг.). Но после этой задержки он стал важным источником твердой валюты для СССР.

Что касается Польши, то 9 мая 1982 г. Рейган сформулировал условия к этой стране, по выполнению которых США готовы включиться в программы помощи ей — отмена военного положения, освобождение политических заключенных, возобновление диалога с «Солидарностью». Ужесточая санкции, американский президент ссылаясь на авторитет римского Папы, но Ватикан 20 января выступил с опровержением: римский престол не поддерживал мер, которые могли бы ухудшить условия существования польского народа. Тогда западные спецслужбы начали активно разрабатывать «восточно-европейский» след покушения на Папу 13 мая 1981 г. Покушение стало настоящим подарком для США. Еще 26 апреля 1981 г. Папа отказался от встречи с Кейси для обсуждения возможного взаимодействия между костелом и ЦРУ в Польше. Но в 1982 г. ЦРУ наконец удалось добиться сотрудничества с Ватиканом в этой стране¹⁹¹. 25 ноября по обвинению в причастности к покушению на Папу был арестован гражданин Болгарии С.Антонов. Доказать это обвинение так и не удалось...

В 1983 г. военное положение в Польше было отменено, вскоре на свободу вышли последние политзаключенные. Служба безопасности докладывала Ярузельскому: «Оппозиция на предприятиях потеряла способность мобилизовывать на демонстрации»¹⁹². Однако режим не стал намного мягче. В 1984 г. службой безопасности было убито несколько активистов оппозиции. «Солидарность» продолжала действовать в подполье. Ее авторитет был прежним, но идеология менялась. Организация становилась все более прозападной. Выживанию «Солидарности» способствовала материальная помощь ЦРУ, которое передавало до 8 миллионов долларов в год¹⁹³.

В 1983 г. уже и Л.Валенса требовал отмены санкций против Польши, которые били прежде всего по польскому населению¹⁹⁴. Но Рейган не уступал. Он вел большую игру, в которой народы рассматривались как пешки в гамбите.

На экономическую жизнь Польши оппозиция теперь влияла незначительно, но существование разветвленного и авторитетного подполья делало власть неустойчивой. События 1980—1981 гг. изменили моральный и идеологический климат в стране. В Польше даже в открытой печати обсуждались проблемы, которые оставались «вне закона» в СССР. Это свободомыслие поляков даже вызывало критику со стороны советских изданий. Так, возмущение советской прессы вызвал польский журнал «Политика», который открыто рассуждал о необходимости развития «мировоззренческого и политического плюрализма»¹⁹⁵.

СССР поддерживал Ярузельского суммами в 3—4 миллиарда долларов в год. В середине 80-х гг. эти расходы уменьшились до 1—2 миллиардов¹⁹⁶. Острый кризис остался позади. Анализируя в 1983 г. итоги польского кризиса, В.Ярузельский еще раз подтвердил, что «Польша — только одно из звеньев социалистической системы, и лишь под таким углом зрения можно рассматривать ее опыт»¹⁹⁷. Но страна стала еще одним «слабым звеном» в цепи Варшавского договора наряду с Венгрией и Чехословакией. Впрочем, через несколько лет станет ясно, что в этой цепи не осталось ни одного сильного звена.

Примечания

1. Стратегические вооружения СССР. М., 1992. С. 34; Ахромеев С., Корниенко Г. Глазами маршала и дипломата. М., 1992. С. 22.
2. Цит. по: Добрынин А. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 гг.). М., 1996. С. 387
3. Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 703.
4. Добрынин А. Указ. соч. С. 438.
5. Киссинджер Г. Указ. соч. С. 706—707.
6. Громыко А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 74.
7. Добрынин А. Указ. соч. С. 447.
8. Киссинджер Г. Указ. соч. С. 708.
9. Ванден Берге И. Историческое недоразумение? «Холодная война» 1917—1990. М., 1996. С. 218.
10. Корниенко Г. М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1994. С. 241.
11. Там же. С. 241—242.
12. Шмидт Г. На благо Германии. М., 1995. С. 74.
13. Громыко А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 55.
14. Добрынин А. Указ. соч. С. 449.
15. Жискара д'Эстен В. Власть и жизнь. Противостояние. М., 1993. С. 292.

16. Раззаков Ф. Бандиты времен социализма. Хроника российской преступности 1917—1991. М., 1997. С. 192.
17. Центр хранения современной документации (Далее — ЦХСД). Ф. 5. Оп. 77. Д. 133. Л. 5.
18. Там же. Д. 132. Л. 10—12.
19. Киссинджер Г. Указ. соч. С. 697—698.
20. Там же. С. 697.
21. Швейцер П. Победа. Минск, 1995. С. 15, 29—30, 43, 53. Книга американского публициста П.Швейцера является одним из важнейших источников по истории второй «холодной войны». По существу это «коллективные мемуары» сотрудников американской администрации, отвечавших за оборону и внешнюю политику. В этой книге, задуманной в качестве апологетического памятника директору ЦРУ У.Кейси, американские «ястребы» откровенно рассказывают о тайных операциях, проводившихся США против СССР в 1981—1986 гг.
22. Там же. С. 10.
23. Foreign Affairs. 1981. Spring. P. 913.
24. Рейган Р. Откровенно говоря. М., 1989. С. 106.
25. Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 549.
26. The New York Times Magazine. 23.08.1981. P. 33.
27. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 49.
28. Там же. С. 34.
29. Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 588.
30. См.: Добрынин А. Указ. соч. С. 520.
31. Добрынин А. Указ. соч. С. 508—510.
32. Г.Урушадзе. Выбранные места из переписки с врагами. Семь дней за кулисами власти. Санкт-Петербург, 1995. С. 173. Книга основана на документах, к которым автор получил доступ, работая в секретных архивах КПСС и КГБ сразу после августовских событий 1991 г.
33. Хазанов А.М. Политика СССР в «Третьем мире» (в Африке и Азии) // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 408, 412. 19. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. Свидетельство современника. М., 1991. С. 224—225.
34. Там же. С. 225—226.
35. Волкогонов Д.В. Семь вождей. Т. 2. М., 1995. С. 54—55. Работы Д.Волкогонова, как в бытность его генералом Главпура, так и в антикоммунистический период его творчества, относятся не столько к области науки, сколько к публицистике. В то же время, благодаря высокому положению при всех режимах 80-х—90-х гг., Д.Волкогонов ввел в оборот большое количество интересных документов, и поэтому его работы представляют большой научный интерес.
36. Война в Афганистане. М., 1991. С. 218.
37. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 189.
38. Война в Афганистане. С. 52—53.
39. Ляховский А.А., Забродин В.М. Тайны афганской войны. М., 1991. С. 21.
40. Цит. по: Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 42.
41. Война в Афганистане. С. 107.
42. Волкогонов Д.В. Указ. соч. С. 56.
43. Там же.
44. Цит. по: Громов Б.В. Ограниченный контингент. М., 1994. С. 25.
45. Королев Ю. Кремлевский советник. М., 1995. С. 253.
46. Цит. по: Громов Б.В. Указ. соч. С. 26.

47. Там же. С. 26—27.
48. Там же. С. 29.
49. Там же. С. 30.
50. Там же. С. 29.
51. Там же. С. 37, 39.
52. Там же. С. 38.
53. Там же. С. 41—42.
54. Там же. С. 51.
55. Там же. С. 42, 48.
56. Там же. С. 43—44.
57. Там же. С. 46.
58. ЦХСД, Ф. 89. Оп. 14. Д. 26. Л. 1—3.
59. Там же. Л. 8.
60. Там же. Л. 9.
61. Там же. Л. 12.
62. Там же. Л. 13—14.
63. Там же. Д. 25. Л. 2.
64. Там же. Д. 27. Л. 8.
65. Arnold A. *Afganistan: The Soviet Invasion in Perspective*. Stanford. 1981. P. 81—82.
66. *Op. cit.* P. 100.
67. Аллан П., Клей Д. *Афганский капкан. Правда о советском вторжении*. М., 1999. С. 108—122, 128.
68. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 54.
69. Аллан П., Клейн Д. Указ. соч. С. 125—126.
70. *Война в Афганистане*. С. 196.
71. Цит. по: Волкогонов Д.В. Указ. соч. С. 57—58.
72. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 40.
73. *Афганистан в нашей судьбе*. М., 1989. С. 97.
74. Жискара д'Эстен В. Указ. соч. С. 322.
75. ЦХСД, Ф. 89. Оп. 14. Д. 35. Л. 2.
76. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 193.
77. Там же. С. 196.
78. Добрынин А. Указ. соч. С. 406.
79. Там же. С. 433—434.
80. Там же. С. 427.
81. *Война в Афганистане*. С. 67—68.
82. Там же. С. 68; Широнин В. *Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки*. М., 1996. С. 128.
83. ЦХСД, Ф. 89. Оп. 14. Д. 35. Л. 2.
84. Калугин О. *Прощай, Лубянка!* М., 1995. С. 235. Амина обвинили в связях с ЦРУ его враги в руководстве НДПА — Ватанджар и товарищи (Аллан П., Клей Д. Указ. соч. С. 124). В дальнейшем эта версия стала разрабатываться КГБ.
85. Варенников В. *Судьба и совесть*. М., 1993. С. 49.
86. Швейцер П. Указ. соч. С. 124.
87. Жискара д'Эстен В. Указ. соч. С. 320.
88. ЦХСД, Ф. 89. Оп. 14. Д. 35. Л. 1.
89. *Foreign Policy*. 1988. № 72. P. 35.
90. *Интервью с И.Павловским // Красная звезда*. 1989. 18 ноября.
91. *Война в Афганистане*. С. 241.
92. Варенников В. Указ. соч. С. 49.

93. См.: Марчук Н.И. Война в Афганистане: «интернационализм» в действии или вооруженная агрессия? // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М., 1985. С. 461.
94. ЦХСД. Ф. 89. Оп. 14. Д. 31. Л. 2.; Крючков В. Личное дело. Т. 1. М., 1996. С. 204. По воспоминаниям личного секретаря Л.Брежнева Г.Дорошиной, он до последнего момента сопротивлялся этому решению. (Интервью в телефильме «Исторические расследования: пациент Брежнев». 5 канал). Вероятно, то же самое могли бы сказать о своих шефах сотрудники почти всех членов Политбюро кроме, разве что, Устинова. Но обстоятельства оказались сильнее.
95. Леонов Н.С. Лихолетье. М., 1995. С. 67.
96. Там же. С. 202.
97. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 51.
98. Война в Афганистане. С. 37—39.
99. Боровик А. Афганистан. Еще раз про войну. М., 1990. С. 8.
100. Леонов Н.С. Указ. соч. С. 208.
101. Мирный поход, переросший в войну // Независимая газета. 1994. 29 декабря.
102. Громов Б.В. Указ. соч. С. 133.
103. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 58—59.
104. Жискар д'Эстен В. Указ. соч. С. 322—323.
105. Там же. С. 326.
106. Там же. С. 325.
107. Добрынин А. Указ. соч. С. 463
108. Там же. С. 465—466
109. Che Guevara E. Obras. La Habana, 1970. T.2. P. 594.
110. Леонов Н.С. Указ. соч. С. 197.
111. Пленум ЦК ПОРП // Известия. 1980. 7 октября.
112. Солидарность. О рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России. Frankfurt/Main, 1980. С. 15.
113. Там же. С. 22.
114. Цит. по: Необъявленная война против Польши. Подрывная деятельность западных спецслужб (по материалам польской печати). М., 1984. С. 63—64.
115. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 145. Л. 28.
116. Жискар д'Эстен. Указ. соч. С. 309, 321.
117. Independent social Movements in Poland. Ed. P.Raina. L., 1981. P. 447.
118. Леонов Н.С. Указ. соч. С. 210.
119. Солидарность. О рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России. С. 117, 120—123.
120. Тигрид П. Рабочие против пролетарского государства. Сопротивление в Восточной Европе со смерти Сталина и до наших дней. Л., 1984. С. 94.
121. Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С. 65.
122. Тигрид П. Указ. соч. С. 99.
123. Эрлер П. СЕПГ и «польский кризис» // Российские историки — германисты. Кто они, над чем работают? М., 1994. С. 99.
124. Там же. С. 100.
125. Там же. С. 101.
126. Там же.
127. Цит. по: IX чрезвычайный съезд польской объединенной рабочей партии // Правда. 1981, 15 июля.
128. Пленум ЦК ПОРП // Известия. 1980. 7 октября.
129. Швейцер П. Указ. соч. С. 115.

130. О масштабах этой помощи см.: Необъявленная война против Польши. С. 146. Швейцер П. Указ. соч. С. 117.
131. Тигрид П. Указ. соч. С. 118.
132. IX чрезвычайный съезд польской объединенной рабочей партии // Правда. 1981. 15 июля.
133. Тигрид П. Указ. соч. С. 124.
134. Правда. 1981. 9 октября.
135. IX чрезвычайный съезд польской объединенной рабочей партии // Правда. 1981. 15 июля.
136. Там же.
137. Швейцер П. Указ. соч. С. 115.
138. На форуме польских коммунистов. Правда. 1981. 21 июля.
139. Там же.
140. Noguee J.L., Donaldson R.H. Soviet foreign Policy since World War II. NY., 1988. P. 317.
141. На форуме польских коммунистов // Правда. 1981. 21 июля.
142. IX чрезвычайный съезд польской объединенной рабочей партии // Правда. 1981. 15 июля.
143. Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты. Мемуары. М., 1996. С. 284.
144. IX чрезвычайный съезд польской объединенной рабочей партии // Правда. 1981. 15 июля.
145. Тигрид П. Указ. соч. С. 119—120.
146. Там же. С. 120.
147. Правда. 1981. 11 октября.
148. Тигрид П. Указ. соч. С. 121.
149. Правда. 1981. 9 октября.
150. Тигрид П. Указ. соч. С. 121.
151. Правда. 1981. 11 октября.
152. Шеварднадзе Э. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 205—206.
153. Добрынин А. Указ. соч. С. 522
154. Грибков А.И. «Доктрина Брежнева» и польский кризис начала 80-х годов // Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 56.
155. Там же. С. 52.
156. Тигрид П. Указ. соч. С. 121.
157. Там же. С. 125.
158. Правда. 1981. 3 октября.
159. Тигрид П. Указ. соч. С. 125.
160. Правда. 1981. 3 октября.
161. Правда. 1981. 12 декабря.
162. Там же.
163. Лосото О., Скляр Ю. Польша, апрель-май... // Правда. 1981. 21 мая.
164. Выступление В.Ярузельского в сейме ПНР // Правда. 1982. 27 января.
165. Обращение В.Ярузельского к польскому народу // Правда. 1981. 14 декабря.
166. Выступление В.Ярузельского в сейме ПНР // Правда. 1982. 27 января.
167. Крэймер М. Кризисы в отношениях СССР со странами Восточной Европы, 1948—1981: использование новых данных // Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995. С. 130.
168. Там же. С. 133.
169. Там же. С. 134.

170. Швейцер П. Указ. соч. С. 129.
171. Там же.
172. Там же. С. 143.
173. Там же. С. 145.
174. Выступление В. Ярузельского в сейме ПНР // Правда. 1982. 27 января.
175. Швейцер П. Указ. соч. С. 135.
176. Там же. С. 191.
177. Там же. С. 182.
178. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 91.
179. Там же. С. 93.
180. Цит. по: Курдюмов Н. По тропе «холодной войны» // Правда. 1982. 1 января.
181. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 152.
182. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 14. М., 1987. С. 265.
183. Noguee J.L., Donaldson R.H. Op. cit. P. 316—317.
184. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 188.
185. Там же. С. 190.
186. Швейцер П. Указ. соч. С. 191—192.
187. Там же. С. 192, 195.
188. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 30.
189. Швейцер П. Указ. соч. С. 213.
190. Там же. С. 217, 358.
191. Там же. С. 77—82, 132.
192. Там же. С. 211.
193. Там же. С. 142.
194. Там же. С. 308.
195. Рыжов А. Когда теряют ориентиры. По страницам варшавского еженедельника «Политика» // Новое время. 1983. № 19. С. 18—20.
196. Швейцер П. Указ. соч. С. 269, 355.
177. Проблемы мира и социализма. 1983. № 11. С. 15.

Глава II

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ТУПИК

Вторая холодная война

Эти признаки некрофильного ориентирования мы находим во всех современных индустриальных обществах, независимо от их политической структуры. Общее в русском государственном капитализме и корпоративном капитализме существеннее, чем различия в обеих системах. И тому, и другому обществу присущи бюрократически-механистические методы и подготовка тотального разрушения.

*Э. Фромм.
Душа человека*

Под холодной войной принято понимать конфронтацию блоков НАТО и Варшавского договора, которая так и не закончилась прямым военным столкновением между ними. Эта война началась в 1946 г. и в первой половине 70-х гг. прекратилась в связи с переходом СССР и США к политике, получившей название «разрядка международной напряженности». В 1975 г. в Хельсинки был заключен «мир» между основными участниками «холодной войны». В 1980 г. в связи с конфликтом из-за ракет средней дальности, вторжением советских войск в Афганистан и началом Польской революции вспыхнула новая холодная война. Посол СССР в США А. Добрынин считает, что «военная разрядка не могла существовать одна, без разрядки политической»¹. Это так, но необходимо добавить, что политические изменения могли быть только комплексными и в конечном счете вести к системным сдвигам в социальной системе СССР (что и произошло во второй половине 80-х гг.). Разрядка Брежнева была несовместима с такими изменениями.

Новая «холодная война» началась неудачно для администрации Рейгана. Но поражения в Польше и в вопросе о газопроводе не обескуражили американское руководство, а подтолкнули его к еще более решительным действиям против СССР.

В отличие от первой холодной войны, которая была «встречным сражением» двух систем, и от «разрядки», сопровождавшейся экспансией про-

коммунистических сил в «Третьем мире», вторая холодная война была для СССР оборонительной. Лидеры коммунистической бюрократии осознали отсутствие у них ресурсов для продолжения экспансии и стремились к сохранению status quo, к равновесию. Новая динамичная американская администрация, поддержанная европейскими неоконсерваторами, надеялась не только вернуть утерянные в 1975—1979 гг. позиции, но и довести холодную войну до «победного конца».

1. Наступление Рейгана (1982—1983 гг.)

Продолжая соревнование с СССР на ниве стратегических ракетных вооружений, администрация США решила резко интенсифицировать противоборство в других сферах, одновременно нанося удары по экономике СССР. В ноябре 1982 г. вышла директива президента NSDD (Директива по защите национальной безопасности) № 66. Она провозглашала, что цель политики США — подрыв сырьевого комплекса СССР². Другая основополагающая директива NSDD-75, принятая в январе 1983 г., шла еще дальше. Она предусматривала дополнительное финансирование оппозиционного движения в странах Восточного блока в размере 108 миллионов долларов. По словам одного из ее авторов Р.Пайпса, директива «четко формулировала, что нашей следующей целью является уже не сосуществование с СССР, а изменение советской системы. В основе директивы лежала убежденность, что изменение советской системы с помощью внешнего нажима вполне в наших силах». Директива формулировала, что «США не будут участвовать в улучшении состояния советской экономики и в то же время сделают все, чтобы ограничить пути, ведущие к этой цели...»³ Прямая помощь Америки в улучшении советской экономики после провала разрядки уже не стояла на повестке дня, но грозное дополнение «сделают все, чтобы ограничить пути» означало тайную экономическую войну. «Замысел заключался в том, чтобы сделать ставку на нашу силу и их слабость. А это означало — делать ставку на экономику и технологию», — вспоминал министр обороны США К.Уайнбергер⁴.

Внезапно «заболев марксизмом», Рейган утверждал: «постоянный спад экономического развития и рост военного производства ложатся тяжелым бременем на плечи советского народа. Мы видим, что в СССР политическая структура не соответствует экономической базе, что производительные силы общества сковываются политическими силами»⁵. Если бы Рейган верил в это теоретическое построение всерьез, ему следовало бы способствовать развитию экономики СССР, чтобы она «взломала» политические оковы. Но президент США взял курс на подрыв «производительных сил» противника, чтобы придать изменениям в СССР катастрофический или, выражаясь словами Рейгана, революционный характер. Здесь президент также продолжал рассуждать в марксистском стиле: «В каком-то ироническом смысле Карл Маркс был прав. Мы наблюдаем сегодня великий революционный кризис, когда экономические требования вступили в прямое противоречие с требо-

ваниями политическими. Однако этот кризис созрел не на свободном немарксистском Западе, а в самой цитадели марксизма-ленинизма — в Советском Союзе... Постоянный спад экономического развития и рост военного производства ложатся тяжким бременем на плечи советского народа. Мы видим, что в СССР политическая структура не соответствует экономической базе, что производительные силы общества сковываются политическими силами»⁶. При всей справедливости этих слов, нельзя не вспомнить, что и в истории США было немало периодов, когда падение производства сопровождалось ростом военных расходов. Но если прежде СССР стремился усугубить своими действиями «революционный кризис» в Америке, то теперь США взяли на вооружение марксистско-ленинскую стратегию. Танцующие поменялись местами.

По оценкам западных финансовых кругов валютные запасы СССР составляли 25—30 миллиардов долларов⁷. Для того, чтобы подорвать экономику СССР, американцам нужно было нанести «внеплановый» ущерб советской экономике в таких размерах — иначе «временные трудности», связанные с экономической войной, амортизировались валютной подушкой изрядной толщины. Действовать нужно было быстро — во второй половине 80-х гг. СССР должен был получить дополнительные вливания от газопровода Уренгой-Западная Европа.

Одновременно США продолжали ужесточать технологическую блокаду СССР, надеясь остановить добычу энергоносителей на новых месторождениях и нанести ущерб другим отраслям советской экономики. Американцы даже подбрасывали технологическую дезинформацию и бракованные детали. Дело доходило до остановок предприятий из-за таких «экономических диверсий». В 1975 г. 32,7% наименований экспорта из США в СССР составляли высокие технологии (общая сумма 219 миллионов). В 1983 г. эти показатели снизились до 5,4% и 39 миллионов. В 1983 г. таможенники западных стран задержали почти полторы тысячи нелегальных технологических пересылок на сумму 200 миллионов долларов. Но остановить вывоз технологий в СССР не удалось. Зато, по справедливому мнению П.Швейцера, под предлогом борьбы с Советским Союзом США добились контроля за движением технологий во всем мире⁸. Это господство можно было использовать в своих экономических интересах, что было немаловажно в условиях экономического кризиса.

После прихода к власти в СССР Ю.Андропов предпринял несколько шагов, которые должны были продемонстрировать готовность страны к разблокированию наиболее острых международных кризисов. Это касалось и ракетной проблемы, и Афганистана, и Польши (31 декабря здесь было приостановлено и 22 июля отменено военное положение). В декабре 1982 г. Андропов заявил о готовности сократить количество советских ракет, а в марте 1983 г. — демонтировать все ракеты средней дальности, за исключением числа, соответствующего количеству британских и французских ракет. «Андропов, как и Громыко, в отличие от эмоционального Устинова, не был сторонником конфронтации с США, но считал Рейгана опасным человеком, который может своими действиями вызвать военный конфликт меж-

ду США и СССР, — считает А.Добрынин. — Отсюда постоянная личная настороженность Андропова в отношении Рейгана и поддержка им военной готовности СССР, хотя, думаю, если бы конкретная международная обстановка позволила, он пошел бы на серьезные договоренности с Вашингтоном, особенно в области ограничения ядерных вооружений... “Не повезло, что именно мне достался такой американский президент”, — в шутку заметил он... Вместе с тем, какая-то доля горечи чувствовалась в его словах»⁹.

Однако его «мирное наступление» (выражаясь словами Ж.Медведева)¹⁰ успехом не увенчалось. Рейган воспринял предложения Андропова либо как игру, либо как признак слабости. 8 марта 1983 Рейган назвал СССР империей зла и добавил: «Я считаю, что коммунизм — это очередная скорбная, нелепая глава человеческой истории, чьи последние страницы дописываются уже сейчас»¹¹. Тогда же Совет национальной безопасности США признал изменение общественного строя СССР приоритетной практической целью внешней политики Америки¹². Впервые с 20-х гг. США исходили из того, что это возможно. Объясняя резкий тон своих выступлений, Рейган говорил: «мне хотелось, чтобы русские знали, что я понял их систему и ее цели»¹³. Возможно, Рейган действительно считал, что примитивный образ СССР, который он рисовал в своих речах, является неким секретом советских вождей, который они прячут от всего мира и который раскрыла американская разведка. Но в любом случае президент решил игнорировать мирные инициативы СССР под предлогом их неискренности. Напротив, Рейган стремился нарушить баланс сил на новом для обеих держав направлении: *«Я вступил в должность президента со сложившимся предубеждением против нашего молчаливого согласия с Советским Союзом относительно ядерных ракет. Я имею в виду политику “взаимного уничтожения”, то есть концепцию устрашения, обеспечивающую безопасность, поскольку каждый из нас обладает мощностью, способной уничтожить другого, если тот нанесет удар первым. Эта концепция... напомнила мне сценку из кинобоевиков, когда два ковбоя, стоя посередине трактира, целятся друг другу в голову. Должен быть более приемлемый путь к безопасности»*¹⁴. Исходя из этого «предубеждения», Р.Рейган решил поддержать работы по созданию принципиально нового оружия, способного наносить удары из космоса и перехватывать ядерные ракеты на старте.

В начале 1981 г. генерал Д.Грэхем, начальник группы «Воздушная граница», сообщил президенту об идее уничтожения вражеских ракет на полете к США. Но только в конце 1982 г. Рейган понял, что этот проект означает новый виток гонки вооружений, который переносит ее на уровень новейших технологий. Президент принял принципиальное решение о приоритетной поддержке работ в этой области¹⁵. Вовлечение СССР в гонку новейших технологий (независимо от реальной возможности создать такие технологии в США) стало действительной целью Рейгана.

23 марта 1983 г. президент провозгласил Стратегическую оборонную инициативу (СОИ): «Позвольте мне разделить Ваши надежды на мирное будущее. Они основываются на известии о том, что мы приступаем к разработке программы, которая позволит противостоять существующей угрозе

советского ракетного нападения при помощи оборонительных мер»¹⁶. Лаборатории получили на эти работы 26 миллиардов долларов¹⁷. Одновременно были ускорены работы по созданию оборонительных систем против обычных вооружений.

«Они смертельно испугались СОИ, — вспоминает сотрудник отдела политической психологии ЦРУ А.Уайтгэкер о наблюдаемой из США реакции советского руководства. — Они почувствовали себя весьма неуверенно, в прямом смысле слова, —относительно своих возможностей исследований и развития. Они очень серьезно отнеслись к нашему технологическому рывку»¹⁸. Вернее — к его имитации.

Вопреки этим тонким психологическим наблюдениям первые сообщения о планах СОИ не вызвали переполоха в Кремле. Рейган признавал, что «грандиозная техническая задача возможно не будет решена до конца столетия». Несмотря на то, что Андропов немедленно осудил американскую инициативу, в Кремле задумывались о возможности решить эту задачу первыми. Соответствующие возможности тщательно изучались¹⁹. По свидетельству академика Р.Сагдеева, СССР вел интенсивные исследования в области СОИ, стараясь держать здесь паритет. Одновременно в качестве «адекватного ответа» на СОИ усилились разработки в области генной инженерии²⁰, что в случае успеха могло привести к возникновению принципиально нового оружия, которое могло бы помочь шантажировать США.

Уже после смерти Андропова стало ясно, что создание советского СОИ в ближайшее время будет невозможно. Заявленная США революция в вооружениях предполагала масштабное развитие электроники, которое нельзя было осуществлять только в военных КБ. По данным департамента обороны США отставание СССР в этой области составляло 10 лет. То же можно было сказать об оптике, высокое качество которой было жизненно необходимо для создания нового оружия²¹. Тогда же американцы сумели создать впечатление, что они близки к решению проблемы. Несмотря на возражения академика Велихова, советское руководство склонилось к возможности американского успеха на этом направлении в ближайшее время²². В результате советские руководители стали категорическими противниками СОИ, которая теперь связывалась с перспективой обезоруживания советских стратегических сил. Лишь тогда советское руководство недвусмысленно высказалось по этому поводу: *«Мы решительно против разработки широкомасштабных систем противоракетной обороны, которые не могут рассматриваться иначе как рассчитанные на безнаказанное осуществление ядерной агрессии»*, — говорилось в заявлении Черненко в июне 1984 г.²³

В 1983 г. Рейгану удалось провести через Конгресс программу вооружений, включавшую новые стратегические ракеты МХ, бомбардировщики Б-1, а также разработку нового поколения ракет и стратегических бомбардировщиков. Продолжая наращивать давление на СССР, Рейган все же стремился выглядеть миротворцем. В июле 1983 г. он послал Андропову предложение о встрече. Однако коммунистический вождь резонно заметил, что в условиях планирующегося размещения американских ракет в Европе такая встреча вряд ли могла принести какие-либо результаты. «Пока США не

приступили к размещению своих ракет в Европе, соглашение еще возможно», — писал он. По словам Андропова *«мы не хотим в этом плане иметь ничего, кроме противовеса средствам, которыми располагают англичане и французы»*. Пытаясь убедить президента США в своих лучших намерениях, Андропов даже нарушил протокол и приписал несколько строк своей рукой: «P.S. Искренне надеюсь, господин Президент, что Вы серьезно обдумаете высказанные мною соображения и сможете откликнуться на них в конструктивном духе. Москва, Кремль. 1 августа 1983 г.». Отвечая Андропову, Рейган признал, что сознает: «Ваше предложение сократить количество ракет “СС-20” далось нелегко». Но этого, по мнению Президента, было недостаточно, так как СССР имел преимущество в баллистических ракетах, которых не было в Англии и Франции, и поэтому их ракеты можно было не принимать во внимание. И вообще «размещение в Европе “Першингов II” и крылатых ракет... не должно рассматриваться как угроза Советскому Союзу. Их единственной задачей было бы установить баланс с советскими системами, потенциально угрожающими Европе...»²⁴ Понятно, что такие аргументы, подменяющие предмет разговора, могли быть восприняты в Кремле лишь как издевательство.

Рейган также лишний раз напомнил о мотивах своего неверия в миролюбие СССР: «Сейчас у меня, как у верховного главнокомандующего, ни одна из воинских частей не находится в состоянии боевых действий»²⁵. Эти гордые слова, уязвлявшие противника в самое больное место, сохраняют силу недолго — скоро американские солдаты будут погибать в Ливане и на Гренаде.

Пропагандистское миротворчество Рейгана плохо убеждало даже население Европы. 1983 г. стал пиком пацифистского движения в Великобритании, Италии и Западной Германии. В маршах мира участвовали сотни тысяч людей; военные базы, на которых планировалось размещение ядерного оружия, осаждались участниками гражданских движений; муниципалитеты объявляли свои города безъядерными зонами, что, конечно, могло иметь только символическое значение, но наглядно демонстрировало и участие части истеблишмента в антивоенном движении, которое все более превращалось в антиамериканское²⁶. И все же пацифисты проиграли в 80-е гг. битву за умы. «Буржуазия смогла национальные задачи поставить во главу угла...» — недовольно говорил Андропов на заседании Политбюро²⁷.

На фоне бурления страстей, охватившего Европу, СССР казался молчаливым монолитом. Но мирные инициативы Советского Союза были продиктованы не только экономическими трудностями и доброй волей руководителей. Советский Союз был в не меньшей степени, чем Западная Европа, охвачен миротворческими настроениями, хотя они и не выражались в манифестациях против военных программ СССР. Миллионы советских людей были готовы идти на любые жертвы, «лишь бы не было войны». Опыт Великой Отечественной, гигантской мясорубки, затронувшей каждую семью, опыт, воспроизводимый сотнями и тысячами литературных и кинематографических произведений, прочно вошел в народную память. Большинство жителей СССР знали, что мировая война — это самое страшное, что только

может быть. Опыт сороковых годов и советская пропаганда доказывали, что войну можно предотвратить только вооружаясь. И большинство населения готово было идти на жертвы ради этого. Но если бы тем же миллионам людей объяснили, что для сохранения мира нужно разоружаться — пусть даже это приведет к значительным издержкам — они были бы готовы идти и на эти жертвы. «Лишь бы не было войны».

На Западе бушевали антивоенные манифестации, но если сравнить вышедшие в начале 80-х гг. фильмы «На следующий день» (США) и «Письма мертвого человека» (СССР), моделирующих ядерную войну, то легко заметить различие. Американский фильм рисует страшную картину, которая чревата для главных героев серьезными неприятностями, сопоставимыми с землетрясением или другим крупным стихийным бедствием. После обмена ядерными ударами жизнь продолжается. В советском фильме реалистично показан конец света, после которого жизнь угасает. Полноценно ощутить угрозу катастрофы мог только народ, уже переживший нечто подобное, пусть и в меньших масштабах.

Победа в Отечественной войне, достигнутая ценой миллионов жизней и перенапряжением сил всего народа, была надежной прививкой для большинства жителей СССР от того, чтобы смириться с возможностью повторения. Пацифизм советского человека коренился в исторической памяти и поэтому, в конечном итоге, был неустойчивым. И он даже не был молчаливым (подробнее см. Главу IX).

Положение, сложившееся в мире вокруг двух сверхдержав, было во многом зеркально. Это иллюстрируют и слова Р.Рейгана: «Юрий Андропов продолжал проводить линию на обеспечение советского мирового господства, снабжая повстанцев оружием и держа в ежовых рукавицах Польшу...»²⁸ Совершенно то же самое можно было бы сказать и о самом Рейгане, заменив слова «советский» на «американский» и Польшу на Южную Корею, где в 1980 г. тоже произошли волнения, причем дошедшие до вооруженного восстания. В первой половине 80-х гг. США обильно снабжали оружием повстанцев Никарагуа.

Ю.Андропов с удовольствием пользовался этой зеркальностью. Она позволяла смягчить впечатление от советского вторжения в Афганистан в глазах западной общественности: «Вашингтон вон даже считает себя вправе судить о том, какое правительство должно быть в Никарагуа, так как это, мол, затрагивает жизненные интересы США. Но Никарагуа находится на расстоянии более тысячи километров от США, а у нас с Афганистаном протяженная общая граница», — говорил Андропов²⁹. Американский публицист Р.Даггер комментировал это высказывание: «Поддерживаемая Соединенными Штатами война за свержение правительства Никарагуа облегчила самому могущественному в мире диктаторскому режиму в Советском Союзе возможность оправдать свое вторжение в Афганистан»³⁰.

Демократический пафос речей Рейгана плохо вязался и с поддержкой террористического режима в Сальвадоре, противостоящего, впрочем, столь же террористическому партизанскому движению. Центральная Америка была последним регионом, где прокоммунистические силы еще продолжали

наступление на позиции Запада. Не случайно, что именно этот регион американское руководство решило избрать для демонстрации своей решительности. В марте 1983 г. Рейган заявил: «защита стран Карибского бассейна и Центральной Америки от марксистско-ленинского переворота является жизненно важной для нашей национальной безопасности»³¹. Международные нормы, которые США горячо защищали в 1979—1980 гг., на этот раз не брались в расчет. Важно было не увязнуть в конфликте, как неудачливые советские коллеги.

25 октября американские войска вторглись в Гренаду. Интересно, что за два года до этого в советских кинотеатрах демонстрировался фильм «На гранатовых островах», описывающий фантастическую агрессию США против островного государства. Фильм оказался провидческим за исключением одного — в жизни американцы быстро победили.

Аргументация Рейгана, оправдывавшая вторжение на Гренаду, во многом повторяла официальную советскую версию ввода войск в Афганистан: *«премьер-министр Гренады Морис Бишоп... был казнен левыми путчистами, занимавшими еще более крайнюю марксистскую позицию, чем он сам... Пришедшие к власти еще более радикальные марксисты развязали на Гренаде кровавый террор против всех своих противников. Если этому не положить конец, то в недалеком будущем можно ожидать, что гренадцы и Кастро захотят распространить свой режим на соседей по карибскому морю»*³².

Если верить Рейгану, именно гипотетическая агрессия Кубы (в возможность самостоятельных агрессивных действий Гренады не верил никто) заставила США нанести сокрушительный удар по острову и захватить его. В действительности удар по Гренаде должен был произвести впечатление не столько на Кубу, сколько на СССР, продемонстрировать Кремлю готовность США к самым жестким мерам в противодействии расширению советской сферы влияния. Говоря о потерях на Гренаде, Рейган утверждал, что «нам пришлось бы заплатить гораздо дороже, если бы мы позволили Советскому Союзу сохранить эту базу в Западном полушарии. Отсюда он стал бы простирает свои щупальца все дальше»³³. Но на Гренаде не было советских войск. Зато баз в Западном полушарии у СССР было достаточно — Куба находилась гораздо ближе к территории США, чем Гренада. Захват Гренады имел не военно-стратегический, а демонстрационный смысл. Через три месяца после нападения на Гренаду Рейган скажет по другому поводу: «Правительства, опирающиеся на согласие управляемых, не затевают войны со своими соседями»³⁴.

Даже западные союзники США возражали против столь очевидного попрания международных норм — М.Тэтчер продолжала убеждать Рейгана в необходимости отказаться от вторжения даже 25 октября (во время этого разговора Рейган так и не сообщил союзнице о том, что операция уже началась)³⁵.

Однако «гренадский эпизод» не мог заметно ухудшить отношения США и их западноевропейских союзников. Более того, осенью 1983 г. отношения партнеров по НАТО укрепились, несмотря на значительный размах антиво-

енного движения. Этому способствовали события, разыгравшиеся над советским Дальним Востоком через пять дней после очередного обращения Андропова с новыми предложениями по решению ракетной проблемы.

2. Апогей конфронтации (сентябрь-декабрь 1983 г.)

В ночь на 1 сентября в советское воздушное пространство над Камчаткой вторгся самолет, который прошел над военными базами, игнорируя все требования о посадке. После того, как самолет, на время покинув советское воздушное пространство, снова вторгся в него над Сахалином, военные приняли решение сбить нарушителя. Вскоре стало известно, что это был не разведывательный самолет, как предполагали советские военные³⁶, а пассажирский лайнер «Боинг-747» с пассажирами на борту.

Утром 1 сентября Госсекретарь США Д.Шульц выступил на пресс-конференции и заявил, что самолет был сбит несмотря на то, что советские ПВО понимали — это самолет пассажирский. Такой вывод прямо противоречил заключению разведуправления ВВС США, которое ранее было передано в Белый дом и объясняло, почему «русские» приняли «Боинг» за разведывательный самолет³⁷. Посол в США А.Добрынин вспоминает: «Шульц еще ничего не знал о советской официальной версии и не имел еще других официальных сведений на этот счет. Но обычно осторожный и флегматичный, Шульц на этот раз проявил сверхоперативность. Проведенная им сверхэмоциональная пресс-конференция сразу же задала тон всем откликам в США. Для меня до сих пор остается загадкой подобная торопливость госсекретаря. Судя по всему, он был введен в заблуждение директором ЦРУ Кейси, сразу же утверждавшим с подачи своих служб, что речь идет о преднамеренном уничтожении пассажирского самолета над советской территорией, хотя другие разведслужбы США высказывали сомнения на этот счет. Но чтобы не прослыть, видимо, “мягкотелым”... Шульц сразу же взял на вооружение версию ЦРУ. Ее тут же подхватил в еще более резких выражениях сам Рейган...»³⁸

По словам Рейгана, «русский военный самолет хладнокровно сбил корейский авиалайнер, следовавший рейсом 007»³⁹. Вообще-то, если бы лайнер следовал рейсом 007, с ним ничего бы не случилось — этот маршрут не лежал над советскими военными базами. По мнению Рейгана, «радиосообщения также показывали, что члены экипажа не подозревали о том, что в небе над северной частью Тихого океана к ним подкрадывались советские самолеты»⁴⁰. Это маловероятно — для такого «неведения» в самолете должны были одновременно выйти из строя самые разнообразные навигационные приборы. По утверждению Г.Корниенко, после первого выхода из советского воздушного пространства с самолета передали: «Мы благополучно прошли юг Камчатки»⁴¹. Зная о том, что они нарушили воздушное пространство, пилоты «Боинга» не могли не думать о перспективе встречи с

советскими ПВО. Один из советских военных, участвовавших в этих событиях, утверждает, что над Камчаткой «Боинг» вдруг на некоторое время исчез из поля зрения радаров, что можно объяснить лишь внезапным снижением самолета⁴².

«Невозможно поверить, — продолжал Рейган, — что, видя его размеры и опознавательные знаки, летчики не поняли, что преследуют огромный пассажирский авиалайнер»⁴³. Ошибка советских ПВО была связана с тем, что в течение некоторого времени маршрут пассажирского самолета совпал, до полного слияния отметок на радаре, с трассой полета разведывательного самолета РС-135, который находился в этом же районе (РС-135 создан на базе «Боинга» и внешне похож на него)⁴⁴. Совпадение маршрутов не могло быть случайным. Советские ПВО сознательно вводились в заблуждение американской стороной. К тому же американцы уже давно нагнетали нервную обстановку вдоль воздушных границ СССР: «Порой мы посылали бомбардировщики на Северный полюс, чтобы советские радары могли их засечь. А порой запускали бомбардировщики над их приграничными территориями в Азии и Европе», — вспоминает командующий стратегическими ВВС США Д.Чейн о практике балансирования на грани войны 1981—1983 гг.⁴⁵ Так что «Боинг» шел по «проторенному» маршруту.

Летчик Осипович, сбивший «Боинг», утверждает: «Ни на минуту я не думал, что могу сбить пассажирский самолет... Беда всех советских летчиков в том, что мы не изучаем гражданские машины иностранных компаний»⁴⁶. То, что летчик не знал, какой самолет атакует, подтвердило и десятилетнее расследование ИКАО. Характерно, что эта международная организация так и не выяснила причины отклонения «Боинга» от маршрута, поскольку американская сторона (в отличие от российской) не предоставила всех затребованных материалов — они затрагивают интересы безопасности США⁴⁷.

«Наши действия были абсолютно правомерными, поскольку южнокорейский самолет американского производства углубился на нашу территорию до 500 километров. Отличить этот самолет по контурам от разведывательного чрезвычайно трудно. У советских военных летчиков есть запрет стрелять по пассажирским самолетам», — заявил на заседании Политбюро министр обороны Устинов⁴⁸.

По мнению участников совещания в Генеральном штабе Министерства обороны СССР, происходившего утром 1 сентября, «самолет вместе с находившимися в нем пассажирами был использован американскими разведывательными службами в качестве если не активного разведывательного средства, оснащенного соответствующей разведывательной аппаратурой, то пассивного, то есть таким образом они пытались вынудить советское военное командование задействовать систему ПВО на Дальнем Востоке, чтобы затем засечь параметры ее работы с помощью других разведывательных средств, включая спутники. На эту версию работало и то, что, как известно, южнокорейский самолет вылетел из Анкориджа с задержкой без видимой на то причины на 40 мин., и в результате его полет над Камчаткой и Сахалином оказался синхронизированным с очередными витками американского

спутника «Феррет-Д», оснащенного аппаратурой слежения за системами ПВО», — рассказывает Г.Корниенко.⁴⁹ Было совершенно невероятно, чтобы исчезновение самолета не было замечено на международных станциях слежения, чтобы в самолете «испортились» сразу все навигационные приборы, чтобы совпадение курсов разведывательного и пассажирского кораблей перед «ЧП» оказалось случайным. Участвовавший в расследовании «Известий» А.Иллеш обращает внимание на то, что советская сторона не предприняла усилий, чтобы связаться с американцами или японцами, выяснить, «чья это машина в нашем небе?»⁵⁰ Но такие усилия были бы логичными, если бы не предпринимались маневры разведывательного самолета, которые убедили ПВО — она имеет дело не с гражданским судном, и поэтому выяснять его происхождение у служб гражданской авиации не имеет смысла. Тем более, что эти службы не били в набат по поводу «потерянного» самолета. Вскоре выяснилось, что американцы внимательно следили за полетом, но «почему-то» не предупредили экипаж об отклонении от курса.

Самолет летел над особо секретным районом, где возводилась, но еще не была построена новая система воздушного контроля. Из-за ее незавершенности самолет на время исчез с экранов локаторов, что вызвало дополнительную нервозность советских военачальников и уверенность в том, что это — разведывательное судно⁵¹.

Большая часть советского руководства пришла к выводу, что самолет «стал жертвой злонамеренных действий американских служб», — вспоминает Г.Корниенко⁵². В этих условиях единственно разумным поведением со стороны советского руководства могло быть обличение американцев. Громько считал, что нужно «твердо сказать, что мы действовали законно, сказать о том, что выстрелы были произведены»⁵³. Громько был поддержан Горбачевым: «Нам надо четко показать в своих заявлениях, что это было грубое нарушение международных конвенций. Отмалчиваться сейчас нельзя, надо занимать наступательную позицию»⁵⁴. «Если все произошло в соответствии с международными конвенциями, то почему погибли люди?»⁵⁵ — комментирует стенограмму обсуждения Д.Волкогонов. Потому что конвенции нарушила другая сторона. Мысль Горбачева продолжил Соломенцев: «Следует занимать наступательную позицию, хотя, возможно, мы могли бы сказать и о том, что сочувствуем семьям погибших в результате этой преднамеренной провокации»⁵⁶. Но окончательное решение должен был принять Андропов.

Вспоминает Г.Корниенко: «Из разговора с Андроповым чувствовалось, что он сам склонен действовать предельно честно. Но он сослался на то, что против признания нашей причастности к гибели самолета «категорически возражает Дмитрий» (Устинов). Тем не менее Андропов тут же, не выключая линию, по которой шел наш разговор, соединился по другому каналу с Устиновым и стал пересказывать ему приведенные мной аргументы. Но тот, не особенно стесняясь в выражениях по моему адресу (весь их разговор был слышан мне), посоветовал Андропову не беспокоиться, сказав в заключение: “все будет в порядке, никто никогда ничего не докажет”»⁵⁷. Советское

заявление об инциденте признавало, что самолет нарушил советское воздушное пространство, но о его дальнейшей судьбе ничего не известно⁵⁸.

Это заявление лишило советскую сторону всех козырей в споре с американцами и подтвердило в глазах жителей Запада правоту американской администрации — раз «русские отпираются», то значит они не правы. На Западе развернулась мощная кампания, направленная против «бесчеловечного» советского руководства, хладнокровно уничтожившего ни в чем не повинных пассажиров. 6 сентября факт уничтожения самолета советскими ПВО пришлось признать, но было уже поздно — мир был поражен «актом советского вандализма». Об обстановке, царившей на Западе в эти дни, дает представление вопрос (один из многих в этом роде), который был задан на одной из встреч с журналистами главному редактору «Правды» В.Афанасьеву, находившемуся в это время в Великобритании: «Как вам не стыдно находиться в нашей стране, смотреть людям в глаза, когда вы убили 269 ни в чем не повинных людей»⁵⁹. Попытки Афанасьева «перевести стрелку» на военных, которые, «может быть» «сами неточно представляли себе, что произошло»⁶⁰ только подлили масла в огонь.

В публичном выступлении Рейган заявил: «Советский Союз выступил против всего мира и моральных заповедей, которые повсеместно устанавливают отношения гуманизма между людьми»⁶¹. 8 сентября состоялась встреча Громько и Шульца в рамках очередного раунда совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. По воспоминаниям Г.Корниенко, «встреча, проходившая в резиденции посла США, нарочито была обставлена США так, чтобы перед всем миром продемонстрировать жесткость и резкость позиции США. В резиденцию было приглашено необычно большое число теле- и фотожурналистов, на глазах у которых Шульц даже не подал руки Громько, а затем, заняв прокурорскую позу, стал отчитывать СССР за «содеянное злодейство». Громько отвечал ему столь же резко, и был момент, когда оба они вскочили и, казалось, схватят друг друга за грудки»⁶². По воспоминаниям А.Добрынина, «Шульц не успел сесть за стол, как сразу же заговорил об инциденте с самолетом. Не реагируя на предложение Громько условиться, как всегда, вначале относительно порядка беседы, он стал в повышенных тонах излагать американскую версию этого инцидента, сославшись опять на указание президента. Резкая перепалка министров сопровождалась взаимными обвинениями. Громько даже в какой-то момент изменила его известная выдержка: в сердцах он бросил свои очки об стол, да так, что чуть не разбил их»⁶³.

Только через месяц началось отрезвление. 7 октября «Нью Йорк Таймс» писала, что «по словам специалистов в области разведки США, они просмотрели всю имеющуюся информацию и не нашли никаких признаков того, что персонал советской противовоздушной обороны знал, что это гражданский самолет»⁶⁴. Однако важно было первое впечатление.

По мнению американского исследователя Д.Пирсона, «правительство США, неясно на каком уровне, приняло сознательное политическое решение поставить под угрозу жизнь 269 ни в чем не повинных людей, исходя из предположения: нельзя упустить возможность получить уникальную разведы-

вательную информацию, а русские не решатся сбить гражданский самолет»⁶⁵. В такой трактовке, которая, возможно, использовалась для того, чтобы убедить пилотов участвовать в операции, весь расчет строится на способности советских ПВО определить, что самолет является пассажирским. Однако американской стороной было сделано все, чтобы советское ПВО считало, что имеет дело с разведывательным самолетом. Ценность военной информации не идет ни в какое сравнение с важностью пропагандистского эффекта от гибели «Боинга». Пацифистское движение в США и Европе получило тяжелейший удар, сопротивление вводу американских ракет в Европу было ослаблено. По признанию Р.Рейгана, «уничтожение корейского авиалайнера КАЛ-007 дало крайне необходимый толчок к одобрению в конгрессе программ перевооружения и лишь на время отсрочило попытки свети на нет наши усилия по восстановлению военной мощи Америки»⁶⁶. Не в этом ли состояла действительная цель провокации?

Сам Андропов считал, что «наши военные допустили колоссальную глупость, когда сбили этот самолет. Теперь нам, видимо, долго придется расхлебывать эту оплошность. — вспоминает о словах Генсека А.Добрынин. — Андропов резко осудил “тупоголовых генералов, совсем не думающих о большой политике” и “поставивших наши отношения с США, столь трудно налаживаемые, на грань полного разрыва”. Он считал, что это была провокация со стороны американских спецслужб, чтобы проверить нашу радиолокационную систему защиты в этом районе»⁶⁷.

Гибель «Боинга» открыла наиболее драматическую страницу Второй холодной войны. По словам Рейгана, осенью 1983 г. «все надежды на встречу в верхах испарилось»⁶⁸. Андропов решил взять американского избирателя на испуг. 29 сентября было опубликовано заявление Генерального секретаря, в котором говорилось: «Если у кого-то и были иллюзии насчет эволюции в лучшую сторону политики нынешней американской администрации, то события последнего времени окончательно их развеяли»⁶⁹. Андропов давал понять, что он будет разговаривать только с новым президентом Америки. Ему пришлось бы долго ждать. Большинство активных американских избирателей поддержали мнение Рейгана о том, что «Соединенные Штаты находились в самом выгодном за два десятилетия положении и могли говорить с русскими с позиции силы»⁷⁰. Западная Европа в сложившихся условиях тоже склонялась к поддержке США. Даже Ф.Миттеран заявил: «Любой, кто играет в отделение Европейского континента от Американского, способен, по нашему мнению, разрушить равновесие сил и, следовательно, помешать сохранению мира»⁷¹.

Со 2 по 11 ноября ядерная тревога в высших эшелонах власти СССР достигла апогея в связи с командными учениями НАТО «Эйбл Арчер-83». В сложившейся обстановке переход к полной боевой готовности в ходе учений мог быть прикрытием развертывания для внезапного ракетного удара. Было усилено наблюдение за представителями американской элиты в Европе (не собираются ли эвакуироваться)⁷². Активизировалась проводившаяся еще с 1981 г. разведывательная операция РАЯН (Ракетно-ядерное нападение), направленная на выявление признаков подготовки к удару со стороны

США⁷³. Ситуация 2—11 ноября может оцениваться как военно-технический пик Второй холодной войны. Но и позднее дипломатическая конфронтация не спадала.

После того, как 22 ноября первая партия американских ракет «Першинг II» прибыла в Европу, советская сторона покинула переговоры в Женеве по ракетам средней дальности. «Правда, — вспоминает Г.Корниенко, — на этот раз путем “аппаратных хитростей” удалось убедить руководство принять довольно гибкую формулу: мы заявляли не о разрыве переговоров, а о перерыве в переговорах без установления даты их возобновления, но и без выдвигания каких-то условий для этого. Таким образом, мы не загоняли себя в тупик, как это было, когда мы отказывались садиться за стол переговоров, “пока не будет отменено решение НАТО”»⁷⁴. Взятый СССР «тайм аут» продлился до 1985 г. 25 ноября Андропов опубликовал заявление, в котором говорилось: «С размещением американских ракет на европейской земле возрастает не безопасность Европы, а реальная опасность того, что США навлекут на народы Европы катастрофу»⁷⁵. Это звучало как угроза. Андропов не преминул напомнить о том, что Рейганом «объявлен “крестовый поход” против социализма как общественной системы... Похоже, что размещая в Европе “Першинги-2” и крылатые ракеты, правительства ряда стран НАТО хотели бы подвести под эту авантюристическую посылку конкретную ракетно-ядерную базу»⁷⁶.

В ответ СССР сообщал о снятии моратория на размещение советских ракет средней дальности в Европе, о планах размещения новых ракет повышенной дальности, о выводе к берегам США морских средств базирования ядерных ракет. «Эти наши средства, — добавлял Андропов, — будут адекватны той угрозе, которую создают для нас и наших союзников американские ракеты, размещенные в Европе»⁷⁷.

Угроза ядерного апокалипсиса принимала конкретные очертания. От запуска ракеты любой из сторон до начала всеобщего побоища могли пройти считанные минуты. Многие люди в СССР всерьез думали о том, что они будут делать в случае начала ядерной войны.

3. На холодном фронте без перемен (1984 — начало 1985 гг.)

Новый 1984 г. я встречал в рядах Советской армии. Незадолго до всесоюзной трансляции обращения советского руководства наш командир роты выступил перед личным составом. Майор Козлов был человеком по военным меркам интеллигентным и думающим. И его слова, сказанные тогда, являются поистине историческими: «Я далек от мысли, что в эту новогоднюю ночь на нас не будет произведено нападение». «Да, — философски заметил сидевший рядом со мной солдат, — все-таки хорошо, что мы оказались в армии. Здесь хоть есть возможность выжить — нас для этого тренируют. Родных жалко — на гражданке мало кто уцелеет».

* * *

Однако в начале 1984 г. обе сверхдержавы начали снижать накал конфронтации. В СССР это было связано с новым междуцарствием, вызванным болезнью Андропова. Спокойнее стал и тон американской администрации. Р. Рейган так объясняет умеренность своих выступлений начала 1984 г.: *«За три года я с удивлением узнал, что многие из представителей верхушки советской иерархии действительно панически боялись Америки и американцев... Я всегда считал, что из всех наших деяний любому понятно, что американцы — добропорядочный народ, который, начиная с самого рождения государства, всегда использовал его могущество для дела добра во всем мире»*. Вероятно, к таким деяниям президент Америки относил и первое боевое применение атомного оружия, и попытку «вбомбить Вьетнам в каменный век», и недавнее вторжение на Гренаду. Общаясь с «русскими», Рейган *«начал понимать, что многие советские руководители боялись нас не только как соперников, но и как потенциальных агрессоров...»* Причины столь «странного» предубеждения советских руководителей Рейган искал не в политике США, окружившей СССР кольцом военных баз и приблизивших к его территории новые ракеты средней дальности, а в «чувстве незащищенности», пришедшем в историческую память России после вторжений Наполеона и Гитлера.⁷⁸ Последнее тоже справедливо, но является далеко не единственным объяснением опасений советских людей за свою безопасность.

Это «открытие» волновало Рейгана несколько месяцев — в марте он обсуждал его в беседе с канцлером ФРГ Г. Коллем: «Он подтвердил мое убеждение, что Советами, по крайней мере отчасти, руководит чувство уязвимости и подозрения, что мы и наши союзники желаем им зла. Они до сих пор берегут противотанковые сооружения и колючую проволоку, свидетельствующую о том, как близко подошли немцы к Москве, прежде чем были остановлены»⁷⁹.

Сделав свое удивительное открытие, Рейган перешел к более осторожной политике в отношении СССР и даже записал в своем дневнике: *«Я считаю, что Советы настолько одержимы идеей укрепления обороны и масштабно опасаются нападения, что, сохраняя прежнюю твердость, тем не менее мы должны показать им, что никто из нас и в мыслях не держит ничего подобного»*⁸⁰. Впрочем, было и более прозаическое объяснение умеренного курса американской администрации в начале 1984 г., о котором писал сам Рейган: «экономику все еще лихорадило»⁸¹. Федеральный бюджет 1984 г. предусматривал увеличение доли военных расходов с 26,7% до 29%. Военные расходы США к середине 80-х гг. превышали расходы СССР и продолжали стремительно расти.⁸² У Рейгана оставалось все меньше ресурсов для усиления конфронтации, что было особенно важно в условиях избирательной кампании. В 1983 г. экономическое положение СССР еще было устойчивее, чем положение США. Но во второй половине 1984 г. экономический спад в Америке прекратился. Причины этого лежали далеко не только во внутренней политике Рейгана. Американская экономика так же, как и советская, теснейшим образом зависела от мировых цен на нефть. Но зависимость эта была полярной. Падение цен на нефть с 34 долларов за бар-

рель до 20 долларов уменьшало бы американские расходы на энергию на 71,5%⁸³ и позволило бы выйти из сильнейшего экономического кризиса, терзавшего Америку с 1980 г. А для СССР, напротив, энергоносители были важнейшим источником доходов.

Значительную часть мировых нефтяных ресурсов контролировала Саудовская Аравия. От объемов добычи нефти в Аравии зависели цены на нефть, а значит — доходы СССР. Аравийцы всерьез опасались как иранского, так и советского вмешательства с целью установления контроля над их нефтяными ресурсами. Эта «мания преследования» лишь подтверждалась советскими действиями в Афганистане и создавала основу для существенных уступок саудовцев в обмен на американские гарантии безопасности. В 1982 г., дав согласие на поставки систем АВАКС в Аравию, США усилили давление на эту страну с тем, чтобы заставить ее увеличить экспорт нефти и тем самым сбить цены на энергоносители.⁸⁴ Но аравийцы продолжали колебаться до 1985 г. Поддержка американской экономики дорого стоила бы им — высокие цены на нефть продолжали оставаться основой благосостояния нефтедобывающих стран.

Пока «большой насос» в песках Аравии работал по-прежнему, американцы решили начать сбивать цены на нефть с помощью «малого насоса». К. Уайнбергер вспоминал, что уже в начале 1983 г. «мы старались как могли убедить англичан, что нужно увеличить добычу и понизить цены. Вскоре Советы должны были пустить газ по газопроводу в Европу. Если цена нефти не понизится, Европа переключится на газ. Это была бы неслыханная прибыль для Советов»⁸⁵. В 1983 г. британцы стали играть на понижение нефтяных цен, и впервые с начала 70-х гг. цены поползли вниз⁸⁶, нанося ущерб экономике нефтедобывающих стран и «вытягивая» капиталистическую экономику. Но долго Великобритания такую политику проводить не могла. Ее нефтяные возможности были не столь велики, чтобы бороться с ОПЕК, которая согласилась снизить цены только до 29 долларов за баррель. Действия Запада тяжело ударили по их союзникам в арабских странах. П. Швейцер пишет: «Саудовская экономика была почти парализована, доходы от продажи нефти катастрофически падали. Была уменьшена добыча, чтобы стабилизировать мировые цены»⁸⁷. Выйти из положения можно было только прекратив сдерживать цены и наращивая производство. Аравия могла пойти на это в любой момент, нанося тем самым удар по интересам не только ОПЕК, но и СССР.

Изменение цен на нефть стало спасительным для американской экономики. Сотрудник Р. Рейгана Р. Макфарлейн писал о советских руководителях: «В семидесятые годы они объявляли о крахе американской экономики и были вне себя от радости. Их удивило то, что мы стали выбираться из ямы. Это был удар психологического порядка. Они стали терять уверенность в себе»⁸⁸.

Время работало на Америку, и США были готовы поговорить более умеренным тоном. Однако теперь к смягчению отношений не было расположено советское руководство: «Будем откровенны, г-н Президент, — писал Андропов или МИД от имени Андропова 28 января 1984 г., — не полу-

чается делать вид, будто ничего не произошло. Нарушен диалог по важнейшим вопросам, нанесен тяжелый удар по самому процессу ограничения ядерных вооружений. Опасно возросла напряженность. Это и мы знаем, и Вы знаете»⁸⁹. В течении 1984 г. руководители СССР и США продолжали тщетную идеологическую дискуссию, призванную «убедить» оппонента в том, что именно он виноват в мировой нестабильности. При этом стороны продолжали применять зеркальные аргументы, заведомо неспособные убедить другую сторону в чем-либо, кроме коварства собеседника.

Выступая на открытии конференции по мерам укрепления доверия, безопасности и разоружению в Европе 18 января 1984 г., А.Громыко обрушился с обвинениями на США: *«другая сторона думала, да и сейчас думает, как бы придвинуть свои ракеты поближе к нашему порогу... Разбойничья, террористическая акция соседней большой страны против гренадского народа — это вызов всему миру... Короче говоря, нынешняя американская администрация — это администрация, мыслящая категориями войны и поступающая соответственно»*. На этот раз Громыко мог отыграться и за обвинения в оккупации Афганистана: *«Милитаризм античеловечен всегда и во всем. Это со всей наглядностью проявляется сейчас в Ливане. Страну буквально рвут на части, ливанскую землю топчет солдатский сапог некоторых из тех государств, представители которых заседают в этом зале. Военно-морская армада США расстреливает ливанские города»*⁹⁰. Однако 7 февраля американский контингент был выведен из Ливана. Сделать тоже самое в Афганистане СССР не мог.

В октябре, во время участия в сессии Генеральной ассамблеи ООН, глава советского МИДа встретился с президентом США. Громыко поучал своего собеседника: «Расчет, возможно, делается на то, что СССР истощит свои материальные ресурсы и в конечном счете вынужден будет сдать. США же заберутся на командную вышку в мире. Этого, господин президент, никогда не будет. Конечно, продолжение гонки вооружений заставит использовать значительные наши ресурсы — материальные и интеллектуальные. Но мы выдержим»⁹¹. Комментируя встречу с главой советского МИДа, Рейган писал: «Громыко был убежден в правильности своей позиции, и я не мог не почувствовать в этом холодном старом сталинисте уверенность в том, что, несмотря на все свои проблемы, коммунизм должен победить капитализм и, очевидно, весь мир станет единым коммунистическим государством»⁹². Верил в это Громыко или нет — останется тайной. Публичные выступления советских вождей были куда умереннее речей Рейгана, который открыто провозглашал, что в ближайшем времени мир будет преобразован по образу и подобию США. О своих впечатлениях от этой встречи Громыко рассказывал на Политбюро: «Человек общительный, льстивый, мастер на анекдоты. Но в политике ортодокс. Последовательно ведет линию свою, сдвига никакого. Все читал по бумаге. Доводы собеседника — мимо ушей. Смешал в кучу все проблемы. Невпопад цитировал Ленина, Мануильского»⁹³. Несмотря на различие в стиле общения, собеседники поразительно напоминали друг друга своей ортодоксальностью. Тем не менее было решено согласиться на проведение переговоров по ядерным и

космическим вооружениям (впервые была сформулирована эта связка). Но слова «сдвиг никаких» очень точно характеризовали состояние советско-американских отношений в 1984 г.

И все же в это же время была провозглашена необходимость пересмотра этого старого мышления советских сталинистов и американских консерваторов. Выступая 18 декабря 1984 г. в британском парламенте, в том же здании, где Рейган провозгласил близкое крушение социалистической системы, член Политбюро ЦК КПСС М.Горбачев заявил: «Ядерный век неизбежно диктует новое политическое мышление»⁹⁴.

Последним крупным шагом советской внешней политики времен Черненко стало решение о возвращении за стол переговоров по ядерным вооружениям. Встретившись в Женеве, А.Громыко и Д.Шульц договорились о возобновлении переговоров, которые «должны привести к ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду» и предотвратить гонку вооружений в космосе. Выполнять эту задачу предстояло уже новой советской администрации.

4. Изменения во внешней торговле СССР

Неблагоприятные изменения в геополитическом положении СССР негативно сказывались и на внешнеторговом положении.

Кратковременная попытка автаркичного экономического развития с опорой на контролируемые Советским Союзом страны Восточной Европы в 1948—1951 гг. окончилась неудачей, и с тех пор СССР оставался важной составляющей международного разделения труда. При этом «социалистический лагерь» продолжал играть большую роль в обеспечении экономики СССР на взаимовыгодной основе. И в экспорте, и в импорте «социалистическое содружество» сглаживало колебания мирового рынка и предоставляло более выгодные условия поставок продукции (хотя часто менее качественной, чем на Западе). За это СССР приходилось расплачиваться поставками более дешевых энергоносителей и сырья.

Зависимость экономики «социалистического содружества» от мировой торговли была обусловлена структурными особенностями «реального социализма», вызывавшими постоянный дефицит. К причинам этого явления мы вернемся в следующей главе, а пока обратимся к наблюдениям исследователя «экономики дефицита» Я.Корнаи: «Обеспечение текущего производства импортными ресурсами, а капиталовложений — импортными машинами и оборудованием создает почти неудовлетворимый спрос на импорт. Поэтому и происходит постоянное и очень интенсивное отсасывание импорта (или валюты для его оплаты). Оно ограничено только способностью экспорта зарабатывать иностранную валюту, а также политически и экономически допустимыми пределами задолженности...»⁹⁵

Механизм «отсасывания импорта» создавал впечатление крайней зависимости «социалистической» экономики от внешней среды. Но в немалой степени такая зависимость была мнимой — часто СССР ввозил продукцию

и технологии, без которых в других условиях мог обойтись. Один из читателей «Известий», например, писал о новейшем японском оборудовании, установленном на заводе «Мосметаллоконструкция» в г. Видное, которое «так и не пушено, покрылось пылью, портится и растаскивается»⁹⁶. Подобные ситуации были довольно распространены.

Бюрократическую экономику характеризует, говоря словами Корнаи, «ярко выраженная ориентация на экспорт, которая может достигать степени насильственного форсирования вывоза»⁹⁷. В этом СССР был близок к странам «третьего мира», но с одним важным исключением — «социалистическое» хозяйство не было узко специализированным. Оно вступало с окружающим миром в активный обмен по всем направлениям.

В 1980—1985 г., прежде всего из-за развязанной США экономической войны, сократился импорт (за свободно конвертируемую валюту) металлообрабатывающих станков, оборудования для химической промышленности. Также сократился импорт пассажирских вагонов, газа, чугуна, ферросплавов, бумаги, шерсти, фруктов и ягод, сахара, шелковых тканей, мебели, мяса, масла (трех последних показателей при росте импорта в рамках соцдружества). Но несмотря на санкции и стремление руководства СССР снизить зависимость от импорта, она сохранялась. По 29 показателям за тот же период отмечается рост импорта — иногда в несколько раз⁹⁸. По некоторым показателям (прокатное оборудование, оборудование для пищевкусовой промышленности, для текстильной промышленности, для химической промышленности, трамвайные вагоны, сахар, шерсть, чай, сушеные фрукты и ягоды) ввозимая продукция (включая импорт из соцдружества) составляла более четверти потребления соответствующей продукции в СССР и достигала 81%⁹⁹. Наибольшую статью импорта по-прежнему составляли машины, оборудование и транспортные средства (33,9% импорта в 1980 г., 37,1% в 1985 г.; те же показатели только по капиталистическим странам были ниже — соответственно 29,8% и 31,4% — в условиях санкций СССР получал несколько больше техники из соцдружества, чем с Запада). Второй по размерам статьей импорта было продовольствие и сырье для его производства (24,2% в 1980 г. и 21,1% в 1980 г.)¹⁰⁰. Структура внешней торговли вызывала недовольство руководства СССР. На заседании Политбюро 30 июня 1983 г. Андропов говорил о том, что «импорт растет, причем много берем “барахла”, а не технологию. Западные страны стремятся взять и берут у нас сырье. Остальная продукция неконкурентоспособна»¹⁰¹.

Несмотря на то, что зависимость от импорта при усилении технологической отсталости от Запада могла превратить СССР в экономически зависимую страну — пока это была лишь потенциальная угроза — Советскому Союзу было чем ответить, сохраняя положительное сальдо внешней торговли. В 1980 г. этот показатель составил 5171 миллионов инвалютных рублей (то есть более 7 миллиардов долларов). В 1985 г. положительное сальдо упало до 3235 миллионов. В 1986 г., несмотря на падение цен на нефть — возросло до 5699 миллионов. В 1980—1985 экспорт вырос на 10%¹⁰². Здесь, правда, следует делать поправку на характер советской статистики. Несмотря на то, что оценки приводятся по данным 1990 г., в реальности пока-

затели могли быть более скромными. П.Швейцер, апеллируя к информации ЦРУ, утверждал даже, что положительное сальдо СССР составило в 1980 г. всего 217 миллионов долларов, а в 1981 г. СССР имел дефицит внешней

поступления от нефти в советский бюджет возросли на 272% при росте экспорта на 22%. При росте цен на 1 доллар за баррель СССР получал дополнительный миллиард долларов, но при падении цен на ту же величину — терял миллиард¹⁰⁹. Индексы экспортных цен на нефть по геополитическим причинам упали в 1985—1986 гг. на 56,4%. На мировом рынке снизились цены на советские уголь, нефтепродукты, газ, руду, удобрения, хлопок, ткани, часы. В то же время возросли цены на станки, тракторы, автомобили, свежую рыбу, холодильники, фотоаппараты, радиоприемники, производство которых не было сильным местом советской экономики¹¹⁰.

Необходимость модернизации советской промышленности придавала особое значение борьбе за технологии, легальное приобретение которых было невозможно из-за «холодной войны». По данным ЦРУ в 1976—1980 гг. благодаря нелегальному приобретению западных технических разработок только министерство авиапромышленности сэкономило 800 миллионов долларов. Этот факт свидетельствует в пользу отсутствия качественного отставания советской экономики от западной — отечественная авиационная промышленность могла осваивать новейшие технические достижения Запада. Но, как мы видели, так происходило далеко не всегда, и в некотором отношении санкции капиталистических стран способствовали экономии валютных средств, которые до этого растрчивались неупорядочено.

Действия СССР укладывались в правила игры экономического шпионажа, который процветал в капиталистической экономике. На него Советский Союз затрачивал примерно 1,4 миллиарда долларов в год¹¹¹. Технологии покупались, а не выкрадывались. «Криминал» состоял только в вывозе информации из стран НАТО. Таким образом СССР пытался идти по пути Японии — приобретать по дешевке западные разработки и внедрять их в промышленность. Но такую политику можно было проводить только в условиях разрядки и при гораздо большей заинтересованности производителей в реальном внедрении западных технологий.

Конъюнктура настоятельно требовала перестройки внешней торговли страны, но в то же время отнимала средства на такую перестройку. Сохранение старой, основанной в значительной степени на сырье, структуры экспорта приносило стране все большие убытки, но для того, чтобы наращивать производство конкурентоспособных экспортных образцов промышленной продукции, нужно было реконструировать промышленность. А благоприятная внешнеторговая ситуация не давала на это средств, время на это было упущено в середине 70-х гг.

5. Ход войны в Афганистане в 1980—1984 гг. и попытки урегулирования

Пока в мире бушевала холодная война, в Афганистане СССР вел войну «горячую». Некоторая либерализация политического курса НДПА после свержения Амина не убедила население в том, что в стране установилась

приемлемая власть. Новый режим воспринимался как марионетка «русских». Партизаны продолжали контролировать обширные районы страны и не собирались складывать оружие.

В марте 1980 г. советская армия провела первое наступление в долине р.Кунар. Мощным ударом части «ограниченного контингента» деблокировали городок Асадабад и рассеяли повстанцев-моджахеддинов в долине. Партизаны бежали в Пакистан вместе с населением. Кунарская операция показала, что партизаны не могут противостоять советской армии в открытом столкновении, но быстро возвращаются в район своих действий после ухода из него «русских», пополняя свои ряды беженцами.

«Незакрепление итогов операций в первые годы, — считает генерал Б.Громов, — приводило к тому, что в одни и те же районы мы вынуждены были возвращаться по нескольку раз»¹¹². Однако, когда в последующие годы советские войска будут пытаться «закреплять итоги», это не изменит ситуацию — моджахеды будут просачиваться в ранее потерянные районы, и их очистку придется проводить снова и снова. Одновременно «выяснилось, что все выработанное советской военной наукой и записанное в уставах, в том числе и в разделе «Ведение боевых действий в горах», годится только для западного направления и европейского театра военных действий», — вспоминает генерал Громов¹¹³. По воспоминаниям А.Лебеда, далеко не сразу «начало приходить осознание того, что подготовленные в лесах и болотах... командиры БМД, механики-водители, наводчики-операторы при хороших и отличных оценках оказывались совершенно беспомощными в новых для них климатических горных условиях. Их приходилось переучивать по ходу боевых действий, и это очень дорого нам стоило»¹¹⁴. Также на ходу приходилось создавать тактику прикрытия колонн, рейдов вглубь районов, находящихся под контролем повстанцев, взаимодействия авиации, сухопутных сил и десанта. Проблемой оставались и отношения с союзной афганской армией, солдаты которой в большинстве своем не сочувствовали «русским» и в бой не рвались. Иногда огонь по советским позициям открывался со стороны афганских «союзников»¹¹⁵. По словам А.Ляховского и В.Забродина, «в связи с тем, что все операции проводились совместно с афганской армией, планы военных действий доводились до афганцев, и они сразу же становились достоянием оппозиции»¹¹⁶.

Повстанцы тоже учились войне на ходу. «В первые месяцы 1980 г. оппозицией еще делались попытки противостоять войскам достаточно крупными силами. Но уже с лета того же года, в связи с большими потерями в людях, она отказалась от этого и перешла к действиям, главным образом, мелкими группами, с использованием партизанской тактики»¹¹⁷. Афганское общество имело традиционные структуры ополчения, которые позволяли мобилизовать значительное количество людей для партизанской войны против любого противника.

Неспокойной оставалась обстановка и в Кабуле. Город систематически обстреливался. В мае 1980 г. здесь прокатилась волна студенческих выступлений против правительства, а затем усилилась партизанская война на

улицах столицы, где ни советские солдаты, ни правительственные чиновники не могли чувствовать себя спокойно.

Война приобрела все более ожесточенный характер. Моджахеды развернули террор против всех, кто в той или иной форме сотрудничал с Кабульским режимом и оккупационной армией. В ответ периодически проводились чистки городов Афганистана от «подозрительных элементов», сопровождавшиеся грабежами и убийствами (в основном со стороны афганской армии). Развернулась изнурительная борьба за коммуникации. Моджахеды обстреливали дороги, по которым перебрасывались советские грузы и войска, а командование 40-й армии пыталось перерезать пути партизан из Пакистана и Ирана. Обе стороны несли большие потери, немедленно пополнявшиеся за счет все новых рекрутов.

В 1981 г. разразилась эпидемия гепатита, которая нанесла тяжелый удар по советским войскам.

Неустойчивой оставалась и ситуация в НДПА. Советская сторона пыталась по мере возможности ослабить фракционную борьбу в партии, но та не прекращалась. Продолжалось заполнение государственных и партийных структур членами фракции «парчам». После поражения «халькистов» они все же сохраняли значительные позиции в армии, так как к этой фракции принадлежали многие грамотные (по афганским меркам) военные. «Халькисты» более или менее открыто саботировали курс Кармаля. В 1982 бригадир Ахмад Али, например, запретил в своем округе Хост выборы делегатов на партийную конференцию НДПА¹¹⁸. Строптивых военных удавалось держать под контролем, вернув на пост министра обороны внефракционного генерала А.Кадера.

Прошедшая в марте 1982 г. партийная конференция НДПА провозгласила более умеренный курс, обещала уважать ислам и отказаться от насилия при проведении «просвещения» (которое в 1979 г. выражалось в настоящей войне против религии и обычаев страны)¹¹⁹. Но эти уступки уже никого не впечатляли.

К 1982 г. вооруженная оппозиция смогла развернуть широкомасштабную партизанскую войну против оккупантов и их внутренних союзников. Бои и стычки происходили повсюду. Надежно контролируемой Кабулом территории почти не было. Стиль войны, по воспоминаниям А.Лебеда, определялся словами: «Отойди от полка в любую сторону на 2—3 километра и дерись, сколько хочешь»¹²⁰.

Движение сопротивления советскому вторжению не было единым и состояло из множества группировок. Крупнейшей и относительно умеренной организацией вооруженной оппозиции было Исламское общество Афганистана во главе с Б.Раббани. По его словам, «ИОА не имеет ничего против СССР, но мы ведем борьбу против русских войск, оккупировавших Афганистан»¹²¹. Наиболее сильной группировкой ИОА были отряды Ахмада Шаха Масуда, действовавшие на северо-западе страны, прежде всего в районе долины р.Паншер. В отрядах, подчиненных обществу, к середине 80-х гг. находилось около 30 тысяч бойцов¹²².

В приграничных районах Пакистана действовал Национальный исламский фронт Афганистана во главе с С.Гилани, пользовавшимся большим авторитетом среди пуштунских племен. В районе Кандагара действовали отряды Движения исламской революции Афганистана во главе с М.Наби. В Пакистане базировались также Национальный фронт спасения Афганистана во главе с С.Моджаддеди и Исламский фронт спасения Афганистана во главе с А.Сайафом.

Умеренным противостояла радикальная Исламская партия Афганистана во главе с Г.Хекматиаром, претендовавшим на абсолютную диктатуру в оппозиционном движении. Ему подчинялось около 30 тысяч бойцов, действовавших по всему востоку и югу страны¹²³. К остальным моджахедам руководство ИПА относилось как к временным попутчикам и было готово при удобном случае нанести удары и по ним. В приказе военного комитета ИПА говорилось: «Братья-моджахеда ИПА должны прилагать усилия к обнаружению складов оружия, обмундирования и снаряжения других политических групп, при благоприятных обстоятельствах захватывать их и использовать в интересах мусульманского джихада. Помимо складов, они могут осуществлять операции по захвату оружия и продовольствия на дорогах»¹²⁴. Из-за личных противоречий в ИПА от нее отошла фракция во главе с Ю.Халесом, имевшая собственные военные формирования.

Базировавшиеся в Пакистане группировки несколько раз пытались объединиться в союз. В 1982 г. было создано Исламское единство моджахеддинов Афганистана (Альянс семи). Однако этот блок, как и другие альянсы моджахеддинов, был неустойчив.

На северо-западе Афганистана действовало несколько базировавшихся в Иране шиитских группировок, враждовавших друг с другом.

Общая численность активных формирований моджахеддинов составляла в 1981—1983 гг. около 45 тысяч человек, но постоянно возрастала. Активные формирования опирались на поддержку местных ополчений. Война велась моджахедами традиционно — как межплеменное столкновение. Партизаны предпочитали оборонительную тактику или обстрелы неподвижных объектов. «Захват советских баз стоит выше понимания большинства афганцев, как и захват столицы; участник межплеменной войны мог взять власть лишь после того, как она пала», — пишут А.Ляховский и В.Забродин¹²⁵. Задача советских войск заключалась в том, чтобы власть не пала. Задача моджахедов — чтобы выполнение советскими войсками их задачи стало невыносимым.

Уже в 1981 г. перед МИДом СССР была поставлена задача стремиться к достижению дипломатических условий вывода войск из Афганистана. Советский план заключался в том, что необходимо достичь соглашения с Пакистаном о прекращении помощи моджахедам и одновременном выводе советских войск¹²⁶. В условиях обострения международной напряженности 1981—1984 гг. такой план был очевидно утопичен — Пакистан был лишь перевалочной базой помощи Запада и КНР, которые стремились к тому, чтобы СССР как можно глубже «увяз» в Афганистане.

«Дадим прикурить коммунистам. Мы должны пустить им кровь... Если нам удастся заставить советы вкладывать все больше средств для сохранения своего влияния, то это в конце концов развалит их систему. Нам нужно еще несколько Афганистанов», — говорил шеф ЦРУ Кейси своим сотрудникам, почти цитируя Че Гевару¹²⁷. Оружие советского производства (или советских моделей) поступало к моджахедам из Китая, Египта, а затем из Израиля, к которому попали крупные запасы советских вооружений в Бейруте в 1982 г. Так Израиль осуществлял помощь исламским фундаменталистам¹²⁸. Ежегодно моджахедам транспортировалось около 10000 тонн военных грузов, а после прихода к власти в СССР Горбачева — по 65000 тонн. В 1982 г. начались поставки тяжелых вооружений, включая гаубицы. Военные грузы на паритетных началах оплачивались США и Саудовской Аравией. В действиях на территории Афганистана принимали участие пакистанские диверсионные группы. ЦРУ оперативно передавало моджахедам информацию о расположении частей советской армии, полученную со спутников¹²⁹.

Затраты СССР на войну в Афганистане были велики, но все же недостаточны, чтобы по замыслу Кейси «развалить систему». В 1984 г. они составили 1578,5 миллионов рублей в год¹³⁰. Из этой суммы надо вычесть 100 миллионов долларов, обеспеченных поставками афганского газа (общие запасы Евзианского месторождения оценивались в 500 миллионов тонн) и других сырьевых ресурсов¹³¹.

В 1980—1982 г. советские войска, все шире привлекая союзную афганскую армию, провели шесть наступлений на Паншер, ценой больших своих и чужих потерь выдавливая из долины отряды Масуда, неизменно возвращавшиеся сюда позднее. К концу 1982 край был совершенно разорен.

На западе Афганистана союзники увязли в боях в горном массиве Луркох. Здесь отрабатывалась эффективность советской авиации. Во время «испытаний» в 1981 г. погиб генерал-майор авиации В.Хахалов. После того, как вертолет генерала был сбит над Луркохом, советские войска прорвались в район и разгромили базу моджахединов. В 1985 г. партизаны снова вернулись туда.

Эти операции были типичны для афганской войны. А.Лебедь вспоминает о кампании 1982 г. в районе Баграма: «Большинство операций были безрезультатны. Афганцы, во-первых, прирожденные воины; во-вторых — это их горы; в-третьих, разведка у них работала; а в-четвертых, без всякой разведки по брэнчанию наших далеко не новых боевых машин и клубам пыли всегда было относительно несложно установить, куда же направилсь на сей раз “шурави”. Посему нас повсеместно встречали мины, изредка засады, обычно вне кишлаков»¹³².

Активизация боевых действий в 1982 г. была вызвана установкой на разгром «бандформирований», принятой после тайного визита Андропова в Кабул в феврале этого года¹³³. Однако «боевая задача» выполнена не была, и позиция Политбюро, в том числе и Андропова, стала меняться.

Уже на похоронах Брежнева Андропов провел краткие консультации с представителями Китая и Пакистана. Переговоры касались возможностей нормализации отношений с этими странами и афганского урегулирования.

Попытки нормализовать отношения с Китаем не прекращались, начиная с 1982 г. Китай обусловил нормализацию отношений с СССР выводом советских войск из Афганистана и Монголии, а вьетнамских — из Камбоджи. Но стремление ликвидировать стратегическую угрозу с востока пока было слабее нежелания советской стороны идти на уступки Китаю в столь важных вопросах. Отношения с КНР оставались напряженными.

Китай не оставлял надежд вернуть в сферу влияния «поднебесной» Внешнюю Монголию (признанную им только в 1946 г. Монгольскую народную республику). В 1983—1984 гг. положение в этой стране обострилось в связи с экономическими трудностями и конфликтом в партийном руководстве. На этот раз советская сторона действовала быстро — в Москве решили пожертвовать впадавшим в беспамьяство патриархом Ю.Цеденбалом и оказывавшим на него давление радикалом Д.Майдаром, решив спор в руководстве в пользу умеренного партийного крыла, которое обвинялось противниками в «национализме». В августе 1984 г. Цеденбал был задержан в Москве для лечения, после чего к власти в Улан-Баторе пришло новое руководство во главе с Ж.Батмунхом¹³⁴. Афганский опыт многому научил кремлевских стратегов — теперь они предпочитали гасить конфликты в начальной стадии, поддерживая умеренных руководителей. Радикальные лидеры были опасны даже тогда, когда клялись в преданности СССР. Их настроение могло столь же радикально измениться, чего нельзя было ждать от умеренных руководителей, даже если они были настроены и более националистически. Стратегической линией СССР в первой половине 80-х гг. оставалось поддержание стабильности, предотвращение новых конфликтов и выход из существующих.

В беседе с Генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльярм 28 марта 1983 г. Андропов откровенно перечислил причины, по которым СССР стремится к выводу войск из Афганистана: «Загибая пальцы на руке, он говорил, что сложившаяся ситуация наносила серьезный ущерб отношениям Советского Союза, во-первых, с Западом; во-вторых, с социалистическими странами; в-третьих, с исламским миром; в-четвертых, с другими странами “третьего мира”, и, наконец, в-пятых, она весьма болезненна для внутреннего положения СССР, для его экономики и общества»¹³⁵.

Андропов умолчал еще об одном: 24 января 1983 г. моджахеды, базирующиеся в Иране, атаковали территорию СССР. Они перешли в Туркмению, минировали дороги, устраивали засады и обстреливали военные объекты. Узнав об этом, У.Кейси заявил своим сотрудникам: «Северный Афганистан — это трамплин для советской Средней Азии... И это как раз мягкое подбрюшье Советов. Мы должны переправлять туда литературу, дабы посеять раздор. А потом мы должны послать туда оружие, чтобы подтолкнуть локальные восстания»¹³⁶. Этот план удастся осуществить только после вывода советских войск из Афганистана.

А пока новая советская администрация предпринимала попытки развязать афганский узел как на мировом уровне, так и внутри Афганистана. «Первой ласточкой» перемен стало прекращение регулярных наступлений на районы дислокации моджахедов и заключение соглашения о прекраще-

нии огня с Масудом. Последнему перемирие предоставило возможность восстановить силы после тяжелых ударов 1982 г. Это было не первое перемирие с формированиями оппозиции, но впервые прекращение огня осуществлялось в таких масштабах. Фактически кабульское правительство и советское командование признало контроль Масуда над Паншером. Однако взамен было получено спокойствие на коммуникациях, проходивших из СССР в Кабул, и обострение противоречий в лагере оппозиции — Хекматиар обвинил Масуда в предательстве. Однако затишье было использовано всеми повстанцами — именно в 1983 г. они впервые не ушли зимой в Пакистан и Иран, а стали создавать долговременные базы в Афганистане¹³⁷. Казалось, отношения с Масудом могут превратиться в модель, которая постепенно позволит урегулировать отношения с оппозицией и уйти из страны, «сохранив лицо». Велись даже переговоры о вхождении Масуда в правительство, но такая перспектива была расценена афганскими руководителями как начало конца, и Масуд был оперативно приговорен к смертной казни¹³⁸.

Одновременно 11 апреля 1983 г. в Женеве начались мирные переговоры по Афганистану. Однако к июню дискуссия зашла в тупик. По мнению М.Урбана, «корень проблемы заключался в том, что все стороны (включая, как можно догадываться, и пакистанскую) сомневались в чьей-либо способности полностью прекратить операции моджахеddинов. Лидеры сопротивления дали понять, что они будут игнорировать любое соглашение»¹³⁹.

Если Масуд и Исламское общество Афганистана были готовы хотя бы на перемирие, то Исламская Партия Афганистана во главе с Хекматиаром оставалась непримиримой. Летом 1983 г. моджахеddины начали наступление на Хост — город близ пакистанской границы, со всех сторон окруженный горами. Однако передышка, предоставленная Масудом, позволила 40-й армии и войскам кабульского режима сконцентрировать силы на юго-востоке, и из наступления на Хост ничего не вышло. В ноябре-декабре 1983 г. советские войска оттеснили партизан от коммуникаций к северу от Кабула. Эти скромные успехи были достигнуты относительно малой кровью, и в целом в 1983 г. «ограниченный контингент» выполнял как раз те задачи, для которых первоначально и предназначался — защита коммуникаций и ключевых пунктов Афганистана.

Пользуясь относительным затишьем 1983 г., НДПА попыталась расширить свою социальную базу. Служба безопасности, которую возглавлял выходец из племенной пуштунской верхушки Масуд, стала устанавливать все более тесные контакты с вождями пуштунских племен, кочевавших на обширных пространствах юго-востока Афганистана и запада Пакистана. Племена были недовольны рейдами моджахеddов через их территорию. Это было связано как с ударами советской авиации, так и с конфликтами кочевников и партизан, требовавших более активной поддержки их борьбы. Однако контакты Кабульского режима с племенами налаживались медленно — вожди не хотели прослыть «врагами ислама».

Не сумев достичь соглашения с руководителями партизанских группировок кроме Масуда и потерпев поражение в Женеве, советская сторона

упустила время. Восстановив силы, в марте 1984 г. Масуд возобновил операции. В ответ советское командование предприняло широкомасштабное наступление в Паншер и окружающие его районы. В этой операции были задействованы наибольшие с начала войны силы — 15000 советских и 5000 афганских солдат. В наступлении на моджахедов участвовал отряд кочевников. Проходы вокруг Паншера были блокированы, чтобы не дать возможность отрядам Масуда уйти из ловушки¹⁴⁰. 22 апреля 1984 г., после двухдневных бомбардировок района тяжелыми бомбардировщиками, союзники вторглись в Паншер. Операция была отчасти успешной — инфраструктура моджахедов, созданная в 1982—1983 гг., была разрушена, в плен попал один из соратников Масуда Абдул Вахед. Бабрак Кармаль совершил пропагандистское посещение покоренного Паншера, который на некоторое время стал безопасной зоной¹⁴¹. Но Масуд с основными силами заранее ушел из-под удара¹⁴², и стало ясно, что после того, как советские войска вернутся в места постоянной дислокации, партизаны, пополнив в Пакистане свои ряды, вернуться, и все начнется сначала.

За победные операции 1984 г. в Паншере, Логаре, Пактии и Герате советским войскам пришлось заплатить самую дорогую цену за весь период войны — 2343 жизни — на 847 убитых больше, чем в 1983 г.¹⁴³ Но перелома в ходе военных действий удары 1984 г. не принесли. Ослабив Масуда (вскоре, однако, восстановившего свои силы), советские войска столкнулись с нарастающим сопротивлением других, еще более радикальных группировок. Бессмысленность широкомасштабных наступлений на позиции моджахедов становилась все более очевидной. Война, требовавшая огромных материальных и человеческих затрат, зашла в тупик. Нужно было искать другие пути воздействия на ситуацию в Афганистане.

* * *

Таким образом, к 1985 г. внешняя политика СССР вошла в состояние кризиса на всех основных направлениях. Советский Союз не имел экономических возможностей для участия в новом витке гонки вооружений, еле сдерживал недовольство населения Восточной Европы, вынужден был, перенапрягаясь, кормить дружественные режимы, которые увязли в партизанских войнах. СССР и сам был втянут в войну на чужой территории. Неблагоприятные тенденции в мировой экономике, усугубленные холодной войной, лишали СССР средств, необходимых для перестройки экономической структуры. Напряженная «холодная война» лишала СССР средств, необходимых для модернизации экономики. В то же время геополитический кризис ставил на повестку дня вопрос о решительных изменениях в политике руководства СССР.

Примечания

1. Добрынин А. Указ. соч. С. 490.

2. Швейцер П. Указ. соч. С. 13.
3. Широнин В. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека Перестройки. М., 1996. С. 104; Швейцер П. Указ. соч. С. 224—225.
4. Швейцер П. Указ. соч. С. 16.
5. Рейган Р. Откровенно говоря. М., 1989. С. 101.
6. Там же. С. 100—101.
7. Швейцер П. Указ. соч. С. 137.
8. См.: Там же. С. 238—240, 314—315, 324—325.
9. Добрынин А. Указ. соч. С. 536, 577.
10. Medvedev Z. Andropov. Oxford, 1983. P. 186.
11. Рейган Р. Указ. соч. С. 162.
12. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 211.
13. Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 566.
14. Там же. С. 541.
15. Швейцер П. Указ. соч. С. 228—230.
16. Рейган Р. Указ. соч. С. 570.
17. Швейцер П. Указ. соч. С. 233.
18. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 232.
19. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 20.
20. Швейцер П. Указ. соч. С. 329.
21. Там же. С. 235.
22. Добрынин А. Указ. соч. С. 555.
23. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС К.У.Черненко // Новое время. 1984. № 22. С. 4.
24. Рейган Р. Указ. соч. С. 576—577.
25. Там же. С. 575.
26. Подробнее см.: Социальные движения на Западе в 70-е и 80-е гг. XX века. М., 1994. С. 34—35, 72—75, 103—110, 190—194.
27. Воротников В.И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 24.
28. Рейган Р. Указ. соч. С. 570.
29. Андропов Ю.А. Избранные статьи и речи. М., 1983. С. 270.
30. Даггер Р. О Рейгане — человеке и президенте. М., 1984. ДСП. С. 259.
31. Цит. по: U.S. News and World Report. 1983. 21 March. P. 24.
32. Рейган Р. Указ. соч. С. 449.
33. Там же. С. 454.
34. Цит. по: Киссинджер Г. Указ. соч. С. 703—704.
35. Там же. С. 453.
36. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 214.
37. Там же. С. 223—224.
38. Добрынин А. Указ. соч. С. 567.
39. Рейган Р. Указ. соч. С. 578.
40. Там же. С. 579.
41. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 216.
42. Иллеш А. Тайна корейского «Боинга-747» // Известия. 1991. 28 мая.
43. Рейган Р. Указ. соч. С. 580.
44. См.: Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 214—218.
45. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 35.
46. Известия. 1991. 25 января.
47. Добрынин А. Указ. соч. С. 569.
48. Цит. по: Волгогонов Д. Указ. соч. С. 169.

49. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 217.
50. Известия. 1991. 28 мая.
51. Добрынин А. Указ. соч. С. 568 .
52. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 218.
53. Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С. 168.
54. Там же. С. 170.
55. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 171.
56. Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С. 171.
57. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 50.
58. Правда. 1983. 2 сентября.
59. Афанасьев В. «Четвертая власть» и четыре генсека. М., 1994. С. 59.
60. Эндрю К., Гордиевский О. Указ. соч. С. 600.
61. Рейган Р. Указ. соч. С. 580.
62. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 224.
63. Добрынин А. Указ. соч. С. 570.
64. New York Times. 1983. 7 October.
65. The Nation. 1984. August. P. 97.
66. Рейган Р. Указ. соч. С. 581.
67. Добрынин А. Указ. соч. С. 568.
68. Рейган Р. Указ. соч. С. 581.
69. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В.Андропова // Правда. 1983. 29 сентября.
70. Рейган Р. Указ. соч. С. 583.
71. Цит. по: Киссенджер Г. Указ. соч. С. 708.
72. Эндрю К., Гордиевский О. Указ. соч. С. 603—605.
73. Добрынин А. Указ. соч. С. 550.
74. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 51.
75. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В.Андропова // Правда. 1983. 25 ноября.
76. Там же.
77. Там же.
78. Рейган Р. Указ. соч. С. 584.
79. Там же. С. 593.
80. Там же. С. 585.
81. Там же.
82. Иванян Э.А. Рональд Рейган. Хроника жизни и времени. М., 1991. С. 310; Швейцер П. Указ. соч. С. 319.
83. Швейцер П. Указ. соч. С. 241.
84. Там же. С. 177.
85. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 245.
86. Швейцер П. Указ. соч. С. 261.
87. Там же. С. 30
88. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 319.
89. Рейган Р. Указ. соч. С. 588.
90. Выступление министра иностранных дел СССР А.А.Громыко // Правда. 1984. 19 января.
91. Громыко А.А. Памятное. М., 1988. Т. 2. С. 257.
92. Рейган Р. Указ. соч. С. 601.
93. Воротников В.И. Указ. соч. С. 49.
94. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 110.
95. Корнаи Я. Дефицит. М., 1990. С. 570.

96. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 28.
97. Корнаи Я. Указ. соч. С. 570.
98. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Ежегодный статистический справочник. М., 1991. С. 652—655.
99. Там же. С. 657.
100. Там же. С. 660.
101. Воротников В.И. Указ. соч. С. 22.
102. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 644.
103. Швейцер П. Указ. соч. С. 153.
104. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 645—647.
105. Швейцер П. Указ. соч. С. 104.
106. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 659.
107. Швейцер П. Указ. соч. С. 183.
108. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 651.
109. Швейцер П. Указ. соч. С. 185.
110. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 649—650.
111. Швейцер П. Указ. соч. С. 97.
112. Громов Б. Ограниченный контингент. М., 1994. С. 128.
113. Там же. С. 123.
114. Лебедь А. За державу обидно... М., 1995. С. 65.
115. Громов Б. Указ. соч. С. 129.
116. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 66.
117. Там же.
118. Urban M. War in Afganistan. L., 1990. P. 99.
119. Ibid.
120. Лебедь А. Указ. соч. С. 69.
121. Громов Б. Указ. соч. С. 293.
122. Там же.
123. Там же. С. 224.
124. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 68.
125. Там же. С. 81, 89.
126. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 197—198.
127. Швейцер П. Указ. соч. С. 39, 58.
128. Urban M. Op. cit. P. 163.
129. Швейцер П. Указ. соч. С. 37, 201—205, 238.
130. Для спасения Родины и революции // Источник. 1995. № 3. С. 156.
131. Швейцер П. Указ. соч. С. 203.
132. Лебедь А. Указ. соч. С. 89.
133. Шебаршин Л.А. Рука Москвы. М., 1992. С. 183.
134. Подробнее см.: Надиров Ш.Н. Цеденбал. 1984 год. М. 1995.
135. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 198.
136. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 297.
137. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 84.
138. Война в Афганистане. С. 319.
139. Urban M. Op. cit. P. 122.
140. Op. cit. P. 144.
141. Op. cit. P. 147—148.
142. Шебаршин Л.А. Указ. соч. С. 179—180.
143. Urban M. Op. cit. P. 160.

Глава III

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ... Характеристика состояния экономики СССР в конце 70-х – начале 80-х гг.

Я добросовестно перебрал все буквы алфавита, и единственная болезнь, которой я у себя не обнаружил, была родильная горячка... Я задумался. Я думал о том, какой интересный клинический случай я представляю собою, каким кладом я был бы для учебных демонстраций.

*Джером К. Джером
Трое в лодке, не считая собаки.*

Все авторы, касающиеся темы причин Перестройки и последовавших за ней реформ, согласны в том, что СССР переживал тяжелый кризис. Однако слово «кризис» само по себе нельзя признать достаточной характеристикой. Требуется дополнение — кризис чего? И в научной, и в публицистической литературе высказано немало предположений на этот счет. Ряд известных моделей (кризис тоталитарного общества, социализма и т.п.) противоречат известным фактам (в том числе и приведенным в этой книге) и потому не могут нами использоваться. Ряд моделей, характеризующих процессы, проходившие в нашей стране в последней четверти XX века, вполне работоспособны (концепция бюрократического рынка, экономики дефицита, пределов роста), но, на наш взгляд, характеризуют отдельные элементы системы и ее кризиса. Бюрократический рынок и экономика дефицита существовали уже давно, и только в это время привели к кризису, к тому же эти явления характеризуют не сущность, а проявления системы. Пределы роста не были достигнуты полностью, в 30-е гг. СССР также переживал кризис, который можно охарактеризовать с помощью модели пределов роста. Чтобы охарактеризовать явление в целом, необходимо определить — что переживало кризис.

1. Индустриальная этакратия

На каком уровне находилось общество СССР к началу 80-х гг.? Несмотря на множество оценок, существующих по этому поводу, нельзя отрицать, что в СССР было создано индустриальное общество. Под ним здесь понимается социум, в котором доминирует индустриализм, то есть социальная система, основанная на узкой специализации и распространении управленческой иерархии на сферу производства.

Индустриальный характер господствующего производственного уклада СССР в начале 80-х гг. сомнений не вызывает. Продукция промышленности составила в 1980 г. 679 миллиардов рублей, а сельского хозяйства — 187,8 миллиардов¹. При этом и сельское хозяйство страны в значительной части было индустриализировано. Индустриальные производственные отношения существуют с глубокой древности, однако на протяжении столетий они могли поддерживаться прежде всего благодаря применению внеэкономического принуждения к труду. Только в условиях разложения традиционного (аграрного) общества и широкого применения машинного труда индустриальные отношения смогли стать доминирующими в социальной структуре, после чего индустриальное общество пришло на смену аграрному.

Переход от традиционного общества к индустриальному представлял собой одну из качественных граней, которые проходило человечество, что не позволяет отнести общество СССР к одному из вариантов доиндустриальных формаций (феодалное общество, «азиатский способ производства» и др.). Грань между доиндустриальными и даже раннеиндустриальными обществами очень резка, и оценивалась как качественная многочисленными представителями социологической мысли от К.Сен-Симона и О.Конта до Б.Вышеславцева, О.Тоффлера и М.Гелнера².

Ряд исследователей социальной структуры СССР (М.Джилас, М.Восленский, А.Сахаров)³ оценивали правящий слой страны как «новый класс» — номенклатуру. Однако ничего нового в этом классе не было — под псевдонимом номенклатуры в стране существовал не новый, а самый старый класс в истории человечества — этакратия (слой социальных носителей государства), более известный как бюрократия⁴.

Социальную систему, которая образовалась в России после революции 1917—1921 гг., можно назвать индустриально-этакратической, то есть индустриальным обществом с сильным этатистским (государственным) регулированием. Эта же общественная стадия известна и на Западе — в марксистской социологии она получила название государственно-монополистического капитализма.

В силу ряда причин в СССР возник вариант индустриально-этакратического общества с крайней степенью этатизации, монополизации и централизации всех сфер жизни общества. В СССР так же, как и в других индустриальных странах, до начала кризиса индустриализма господствовали крупномасштабные и крайне энергоемкие технологии, однако в Советском Союзе они были развиты в гипертрофированном виде благодаря по-

пытке построить не просто индустриальное, а сверхиндустриальное (тоталитарное) общество, в котором стандартизация и управляемость распространены на все социальные сферы. Общество строилось по образу и подобию фабрики с крайней степенью централизации управления в руках «менеджеров» — бюрократии. Экономика, политика, общественная мысль и культура СССР были в крайней степени бюрократизированы, и потому процессы, происходящие в недрах бюрократии и в отношениях между бюрократией и обществом, определяли развитие СССР. Следствием крайней этатизации стали также высокая степень монополизма, индустриализма и милитаризации страны. К концу 30-х гг. в СССР возникло сверхцентрализованное государство-партия-монополия-фабрика-армия. Однако идеи максимально рационального общества пришли в острое противоречие с культурными традициями народов бывшей Российской империи, а ныне СССР. Результат коммунистического эксперимента оказался далек от замысла, и постепенное приспособление режима к «почве» страны создало противоречивую структуру «реального социализма», о которой речь пойдет ниже.

Ядром социальной системы Советского Союза стала Коммунистическая партия, сливаясь с государством и вобравшая в себя подавляющее большинство лояльных режиму общественно-активных людей. Это обеспечило укорененность партии в общество и широкие возможности для лоббирования в рамках партии со стороны различных социальных групп.

Партия руководила государством, однако это не значит, что партийная бюрократия командовала государственной. Скорее можно говорить о разделении труда между различными бюрократическими структурами, у которых был общий хозяин — олигархия высшего руководства страны. В нее входили люди, которые занимали и высшие партийные, и высшие государственные посты. В 30-е—50-е гг. эта олигархия стремилась к созданию общества, которое было бы во всех своих проявлениях управляемо и контролируемо из единого центра. Такое общество мы сейчас называем тоталитарным. Однако тоталитаризм так и остался лишь тенденцией в развитии авторитарной бюрократической системы — полностью поставить общество под контроль центральной олигархии не удалось⁵.

По мере дальнейшего развития общества в 50—60-е гг. социальные интересы различных слоев, в том числе бюрократии, оказались сильнее идеологии и стремления правящей верхушки построить тоталитарное общество. Постепенно в недрах бюрократии образовались автономные кланы, которые настолько усилились, что в 60-е гг. фактически взяли под свой контроль высшие органы партии-государства. Постепенно свои самостоятельные интересы стали осознавать и другие социальные слои — директорат, специалисты и др. Бюрократия, прошедшая через горнило «великих потрясений» 1917—1953 гг., стремилась к максимальному покою и стабильности. Именно режим стабильности, равновесия был установлен в СССР во второй половине 60-х гг. На первый план вышли консервативные черты бюрократии.

Казалось, жизнь страны замерла. Но именно в этом покое и зарождались силы, которые приведут общество в движение и определят сцена-

рий исторической драмы 80—90-х гг. — кризиса индустриально-этакратического общества.

Еще до образования «мировой социалистической системы» возникло несколько индустриально-этакратических обществ (в СССР, США, Германии, Италии, Франции, Швеции и др.), а к 80-м гг. индустриально-этакратическую эпоху проходили десятки стран «реального социализма» и «государственно-монополистического капитализма». В 60—70-е гг. наиболее динамично развивающаяся часть этих стран (в большинстве своем «развитые капиталистические страны») прошла через кризис индустриально-этакратического общества, которые переживались с разной степенью интенсивности (потрясения в США в 60-е годы, например, вполне сопоставимы с внутренними катаклизмами Перестройки в СССР, а распад СССР сравним с распадом колониальных империй Франции и Великобритании в 60-е гг.). Кризис индустриально-этакратической системы не является особенностью развития нашей страны.

В странах Запада этатизм (прежде всего бюрократизация) и монополизм в экономике, политике и культуре играют весьма значительную роль, но все же ограничены широкой полицентричностью (плюрализмом) и некоторым общественным контролем. В СССР, где политическая, социальная и экономическая структуры создавались как сверхгосударственные и сверхцентрализованные, монополизм власти стремился к абсолютному, монополизм экономики носил технологический характер, монополизм в культуре и информации проникал во все общественные сферы. Сверхмонополизм общественной структуры СССР делал ее чрезвычайно хрупкой, но до известного предела вполне прочной. Это создало специфическую структуру общественных отношений со своеобразным механизмом согласования политических и экономических интересов, стабилизации социальных противоречий и т.д. В то же время неизбежное появление новых социальных субъектов и явлений, к которым общественный механизм не был адаптирован, не приводило к адекватному изменению социальных отношений из-за общей негибкости системы. В результате в обществе накапливались напряжения и противоречия между бюрократическим и сверхмонополистическим ядром социальной системы и децентрализаторскими, отчасти постиндустриальными, тенденциями. Медленная адаптация хрупкой социальной структуры к этим новым тенденциям стала одним из главных факторов, определивших всеобъемлющий характер кризиса общества и тяжелые разрушительные формы его протекания.

2. Рынок и дефицит

Развитие экономического кризиса определялось особенностями модели экономики, существовавшей в СССР. Это была максимально монополизированная индустриальная экономика, которая порождала широкую бюрократизацию и мафиизацию рынка и, в связи с этим, экономику дефицита.

Бюрократизация рынка характерна для любого индустриально-этакратического общества, а также для ряда аграрно-индустриальных обществ. Но в СССР эта особенность приобрела максимально возможные масштабы. Существует даже распространённое мнение о том, что рынка в СССР вообще не было. Однако сохранение в стране товарно-денежных отношений и некоторой автономии предприятий позволяет согласиться с тем, что рыночная экономика в СССР существовала, хотя и в специфической форме. Эта мысль высказывалась еще в 70-е гг.: «Конечно, запрещенное идеологически и юридически, рыночное регулирование по необходимости все же существует. Через толкачей, снабженцев, леваков, дельцов, черные и прочие рынки, где вместо денег действуют связи, блат, дефициты — оно все же увязывает концы с концами, плохо и с большими потерями, но все же балансирует хозяйство и как-то позволяет ему существовать», — писал в 1979 г. В.Сокирко⁶. Степень искажения рыночных отношений в СССР была гораздо выше, чем на Западе. Это вызвано гораздо более высокой степенью монополизации рынка в связи с его бюрократизацией.

Важной особенностью бюрократического рынка является его консервирующее воздействие на общество. «Советский бюрократический рынок, — считает В.Найшуль, — устойчиво гасит действия даже таких крупных диллеров, как ЦК КПСС и Совет министров СССР... Стоит также заметить, что столь характерное для нашей страны отсутствие виноватых при наличии потерпевших является свойством именно рыночной, а не командной организации общества... Экономика развитого социализма уже не является ни строго иерархической (потому что иерархий много), ни командной (потому что командная система подразумевает единоначалие)... Поскольку система хозяйственного управления должна поддерживать все балансы, то действия представителей иерархий основаны на согласовании, консенсусе, единогласии». Это даже позволяет В.Найшулю выдвинуть версию о том, что бюрократический рынок основан на действии принципа *liberum veto*, при котором любое решение может быть остановлено каждым участником процесса⁷. Это все же преувеличение. Как и всякий рынок, бюрократический рынок был в значительной степени анархичен, и решение не должно было согласовываться со всеми его субъектами. Просто в выполнении данного решения участвовали лишь те субъекты, которые были с ним согласны. Это приводило к накоплению противоречий в вязкой среде бюрократического рынка, которые впоследствии сыграют значительную роль при принятии решений о начале реформ.

Возникшая в СССР система действовала в условиях, когда социальная элита была формально отчуждена от собственности. Однако постепенно это отчуждение стало ослабляться. По мнению В.Найшуля, «бюрократический рынок сформировал определенный тип управленца — не “солдата партии”, как в сталинское время, а “торговца партии”»⁸. Однако этатистская («административно-командная») система то и дело «вмешивалась в торговлю», что-то запрещая, а что-то «настоятельно рекомендуя». Конечно, бюрократический рынок постепенно обволакивал и эти инородные элементы, но все же «торговец партии» все в большей степени стремился к освобождению от

вышестоящих инстанций, «вносящих дисбалансы» в «торговлю». Правящая элита все в большей степени стремилась к окончательному преодолению отчуждения от собственности. Значительная часть бюрократии стремилась превратиться в буржуазию, и только боязнь «опоздать к столу», на котором будут делить собственность, заставляла бюрократию пока выступать против такого раздела. Необходимо было сначала оговорить условия и убрать конкурентов.

Важнейшим конкурентом номенклатуры на протяжении всей советской истории оставались «мелкобуржуазные слои», то есть те социальные группы, которые, несмотря на запреты, репрессии и отсутствие гарантий собственности, пытались развивать независимое от государства хозяйство. Многочисленные попытки уничтожить частный сектор в СССР так и не удалось — государство не могло обеспечить те функции, которые брали на себя инициативные подданные. Индивидуальные приусадебные хозяйства, которые занимали всего 2,8% посевных площадей, давали в 1979 г. 59% картофеля, 31% овощей, 30% молока, 29% мяса и 33% яиц. Производство в этом секторе в конце 70-х гг. росло. Но к 1984 г. эти показатели немного снизились: 58% картофеля, 30% овощей и около 30% молока, яиц и мяса⁹. Запреты и незаинтересованность администрации в развитии «мелкобуржуазного» сектора угнетали индивидуальные хозяйства, приводили к росту дефицита и усиливали теневой рынок. Полулегальность индивидуального сектора вела к развитию на его основе теневой экономики в сфере кустарного производства и услуг. Масштабы теневой экономики, находившей возможность избегать государственного контроля, выросли с середины 60-х гг. в десятки раз.¹⁰

Не только теневой, но и бюрократический рынок (впрочем, как и любой рынок) противостоял любым государственным реорганизациям. Этому способствовали и консервативные черты бюрократии как таковой¹¹. На этот эффект можно взглянуть и с другой стороны — вырваться из системы бюрократического рынка можно только с помощью масштабной реорганизации, которая в любом случае будет чрезвычайно болезненна. Планы постепенной реорганизации системы с помощью эволюционных шагов были утопичны, так как подобные шаги неизбежно гасились бы социальными интересами бюрократии и бюрократическим рынком. Масштабная реорганизация, вызывая дисбалансы в системе, запускала процесс разрушения бюрократического рынка, не создавая альтернативы существовавшей ранее системе. Если в период развала бюрократического рынка не предпринять меры по преодолению монополизма системы и созданию альтернативной экономической и социальной инфраструктуры, то это вызовет физическое разрушение экономики и восстановление бюрократического, сверхмонополистического рынка на более примитивном уровне экономического развития, так как в отсутствие альтернативы только подобная структура в состоянии стабилизировать систему и восстановить балансы. Таким образом, на первом этапе выхода из бюрократического рынка важен был не столько характер преобразований, сколько их интенсивность, достаточная для того, чтобы вырваться из вязкой системы, вызвать ее разрушение. Но как только это

разрушение началось, принципиально важным становится создание и развитие альтернативных монополизму экономических и социальных структур.

По мнению В.Найшуля, экономику вывело из равновесия перевооружение 70-х гг.: «именно тогда, во второй половине 70-х, волны дисбалансов начали гулять по всему народному хозяйству». Однако это утверждение противоречит приведенному здесь же результату исследования журнала ЭКО, в соответствии с которым в 1979—1982 гг. советская экономика достигла состояния покоя, и физический объем промышленности не возрастал и не снижался.¹² По мнению исследователя советской экономики П.Кэмпбелла, полного затухания роста не произошло — он снизился лишь до 2%¹³, что по западным стандартам вообще нормально. По расчетам В.Селюнина и Г.Ханина, реальный рост продукции машиностроения в 1976—1983 гг. составил не 75%, зафиксированных в официальной статистике, а 9%¹⁴. Это явление затухания роста можно характеризовать как победу бюрократического рынка над дисбалансами, как совершенную стабилизацию. Дефицит бюджета составил в 1985 г. 13,9 миллиардов рублей, то есть несколько больше 4% расходов¹⁵. Этот зазор был вполне терпим. Заметные дисбалансы «начнут гулять по всему народному хозяйству» со второй половины 80-х гг. в результате масштабных внутренних перемен. Незначительное повышение цен начала 80-х гг. позволило свести баланс бюджета с небольшим дефицитом несмотря на затраты, связанные с новым витком гонки вооружений. Фактор перевооружения сыграл немалую роль в кризисе системы, но иначе. Руководство страны осознало, что советская экономика не в состоянии выдержать еще одного витка.

Согласно данным маршала С.Ахромеева, военные расходы в 1984 г. составили 61 миллиард рублей или 16,5% бюджета¹⁶. Это подтверждается и некоторыми западными оценками¹⁷. По американским данным, советские расходы на оборону в сопоставимых ценах превысили расходы США в 1971 г. и к 1981 г. составили 250 миллиардов долларов (значительно больше указанной Ахромеевым суммы) при 200 в США.¹⁸ Э.Шеварднадзе подтверждает, что расходы на оборону в СССР были в полтора-два раза больше, чем в США¹⁹. Милитаризация отечественной экономики ложилась на социальные структуры страны тяжелым бременем. Это была плата за положение одного из двух мировых центров, поддерживавших геополитическое равновесие. Для бюрократии СССР это означало возможность контролировать течение мировых процессов, которые могли бы угрожать стабильности возникшей в СССР системы. В середине 80-х гг. это становилось все более дорогим удовольствием. Но нехватка средств, вызванная гонкой вооружений, не дестабилизировала систему, а напротив, консервировала ее, консолидируя социум и лишая руководство ресурсов, необходимых для проведения преобразований.

То обстоятельство, что консервирующее воздействие бюрократической экономики смогло привести к состоянию стагнации только к концу 70-х гг., показывает, что этому воздействию противостояла другая сила, поддерживающая темпы роста производства. Наиболее очевидная составляющая этой

силы — стимулирующее воздействие высшего руководства страны, выраженное в так называемой плановости. «Планы партии» определялись прежде всего с учетом двух задач — обеспечение геополитической безопасности и поддержание социальной стабильности. Для этого требовалось определенное количество продукции, производство которой предусматривалось планами. Плановые задания представляли собой некоторый минимум, который следовало произвести, и их перевыполнение приветствовалось. Таким образом, плановое хозяйство препятствовало планомерности развития экономики прежде всего в распределении ресурсов, так как нарушение планов поощрялось. Сами планы составлялись на основе консультаций с руководством предприятий²⁰ и часто изменялись, корректируясь системой бюрократического рынка.

Функция «планирования» была в первую очередь распределительной, так как планы определяли общие приоритеты, а также контрольной — если производственные показатели были ниже плановых, это могло повлечь санкции. Однако планы позволяли осуществлять только количественный контроль, и предприятия быстро подстраивались под количественные показатели, повышение которых предусматривалось планом. Если контролировалось количество единиц продукции, предприятия обращали меньше внимания на качество. Если контролировался вес — предпочтение отдавалось производству массивной продукции. Если речь шла о реализации продукции в рублях — вымывался дешевый ассортимент.

Руководство страны и отраслей не оставляло попытки усилить контроль за качеством продукции. Но для этого приходилось вводить множество показателей, которые могли бы это качество описать. В итоге контрольные органы запутывались в гигантском потоке информации о различных показателях, достигнутых тысячами предприятий в производстве миллионов единиц продукции. При этом реальная стандартизация также страдала — предприятия, не заинтересованные в результатах своего труда, выпускали детали, с трудом подходящие к деталям смежников. Но плановые «цифры» при этом выдерживались.

Централизованная система планирования, контроля и стимулирования позволяла поощрять только характерные для индустриализма крупномасштабные стандартизированные технологии (хотя и здесь количественные методы централизованного контроля также позволяли существенно искажать реальную картину производственного процесса)²¹. Попытки выйти из положения с помощью амбициозного проекта Центральной автоматизированной системы управления (ЦАСУ) провалились — качество советской вычислительной техники (в то время и американской) не позволяло освоить и часть контрольных показателей.

На более ранних стадиях развития индустриального общества, когда продукция была в большей степени стандартизирована, такое положение было терпимо, так как необходимое качество описывалось меньшим количеством показателей. Но, по мере развития индустриальной цивилизации, стандартизация уже не могла обеспечить потребности как рядовых людей, так и военного ведомства. Но если с потребностями людей в красивой и

разнообразной одежде можно было бороться, обличая «стиляг», то необходимость производства уникальной аппаратуры для высокоточного оружия обусловливалась факторами, которые лежали вне сферы подчинения кремлевского руководства. Впрочем, и битву за моду КПСС проиграла — в 60—70-е гг. жители СССР стали одеваться все менее «строго», что приводило к катастрофическому превышению личных потребностей над возможностями плановой экономики. Быстро росла открытая неудовлетворенность людей качеством товаров, которое падало в связи с описанными выше социально-экономическими процессами. Если в феврале 1979 г. письма с жалобами на низкое качество холодильников пришли в журнал «Крокодил» из 14 населенных пунктов и районов, на низкое качество телевизоров — из 16, а часов — из 24, то уже в апреле соответственно — из 16, 30 и 28²².

Уже в 70-е гг. стало ясно, что прежняя ориентация на крупномасштабные технологии (и, следовательно, на массовое стандартизированное производство) устарела. Возникшая в 30-е гг. технологическая структура, наиболее полно отвечавшая централизованной системе управления экономикой, вошла в полосу кризиса.

Для технологий нового поколения, предполагающих большую сложность при малом количестве предметов в партии, количественные методы контроля в массовом масштабе в принципе не годились. Уследить за этим процессом можно было только в очень ограниченной сфере передовых военных производств. Поэтому научно-технические достижения, которыми славился СССР (космическая техника, например) могли производиться в виде исключения. Государственная экономика, таким образом, была рассчитана на производство либо массы стандартизированной (причем, плохо стандартизированной) продукции, либо уникальных образцов сложной качественной продукции.

Но на определенном уровне развития, которое отечественное производство достигло в 70-е гг., дальнейшее развитие передовых технологий было невозможно без распространения их на более широкую производственную сферу, которая должна была преодолеть барьер научно-технической революции (НТР), модернизироваться на основе широкого внедрения постиндустриальных технологий. Стимулировать этот процесс из единого центра, по крайней мере, с помощью прежних методов было невозможно. По словам Я.Корнаи, «усложнение производства и потребления рано или поздно обусловливают существенную децентрализацию принятия решений и потока информации, т.е. большую самостоятельность микроорганизаций»²³.

К началу 80-х гг. СССР продолжал сохранять сильные позиции по тем видам продукции, которые могли реально оцениваться в количественных показателях, в том числе по продовольствию. Так, в 1983 г. в СССР было произведено 16 миллионов тонн мяса, в то время как в США с их передовым сельским хозяйством — 27,8 миллионов тонн²⁴. Но как только продукт оценивался с точки зрения его качества (то же мясо, одежда или вычислительная техника), выяснялось, что плановая экономика не в состоянии производить большое количество продуктов высокого качества. Так, например, 71% опрошенных семей высказали в 1985 г. претензии к качеству строи-

тельства и ремонта жилья²⁵. Проверки показывали, что до трети овощей доходило до прилавков уже в виде гнили. Всего сгнивало около трети урожая²⁶. А доброкачественные продукты в значительной степени производились все теми же семейными хозяйствами.

Одним из приоритетных (наряду с военным) видов производства в СССР считалось выращивание хлеба. Внимание к хлебной проблеме, по словам секретаря по сельскому хозяйству М.Горбачева, было вызвано «почти языческим обожествлением хлеба, воспитанным годами голода и недоедания... По традиции, идущей чуть ли не со времен Гражданской войны, считалось, что нужно заготавливать максимально возможное количество зерна. Если оно в руках у государства, то, во-первых, его не растащат, а во-вторых, им можно по-хозяйски распорядиться, поддержав тех, у кого есть нужда, и не давая возможности “разбазаривать” тем, кому в этом году повезло с урожаем. То есть даже колхозы и совхозы, полностью выполнившие план заготовок, не могли распорядиться оставшимся зерном — оно “выбиралось” для покрытия недостачи в других хозяйствах. Ясно, что тем самым заинтересованность в наращивании производства снижалась, фактически сводилась на нет»²⁷. В итоге рост производства хлеба стал тормозиться, и СССР пришлось удовлетворять часть своих потребностей с помощью закупок за рубежом.

Суммарное производство зерна и картофеля в зерновом эквиваленте в СССР в 1981—1985 гг. составило более 200 миллионов тонн (в США — более 300 миллионов тонн — то есть в полтора раза больше)²⁸. Это не может расцениваться как качественный отрыв, особенно если учесть различия в климате двух стран и различия в культуре потребления. «На протяжении ряда лет, по официальным данным, мы производили на душу населения около 750 кг зерна. Примерно столько же, сколько Франция»,²⁹ — пишет М.Горбачев. Европа отставала от СССР по производству зерна на душу населения³⁰.

В СССР поддерживались жесткие цены на продукцию предприятий сельского хозяйства и сырьевого комплекса, и эти отрасли оказывались в невыгодных условиях, что усиливало противоречия в бюрократической среде. В 1980 г. убыток сельскохозяйственных предприятий составил 509 миллионов рублей³¹. Во многом это объяснялось низкой эффективностью индустриализированного сельского хозяйства. Интенсивность труда здесь была низкой. В 1982 г. 78—80% опрошенных работников сельскохозяйственных предприятий Алтая признали, что трудятся не в полную силу. При этом 42% руководителей заявили, что если бы они сами могли подбирать работников и регулировать их рабочее время, то 9—15% занятых оказались бы лишними³². При этом нужно учитывать элемент иллюзии в ожиданиях аграрной элиты, считавшей, что она могла бы все организовать гораздо эффективнее. Но все же эти опросы свидетельствуют об осознании низкого уровня организации труда на селе.

Несмотря на то, что продовольственная проблема (в понимании стран «Третьего мира», то есть большинства стран) была в СССР решена, и голод ему не угрожал, продовольственный дефицит оставался важнейшей про-

блемой, раздражавшей население. На заработанные деньги было легко купить только хлеб. Происходили перебои и с его поставками. В сентябре 1978 г. в Йошкар-Оле, например, дошло до образования очередей за хлебом, в которые нужно было вставать с вечера, как в войну³³. Чаще происходили перебои с хлебом в селах, что возможно только при сверхиндустриальной производственной системе, когда производитель хлеба отчужден от результатов своего труда. В январе 1979 г. в «Правду» пришло 16 писем о таких перебоях³⁴. Однако такие случаи все же считались чрезвычайными происшествиями.

Производство основных продуктов в килокалориях на душу населения составило в СССР в 1976—1980 гг. почти 3,5 миллионов ккал в год (наивысший показатель за всю историю России). Для сравнения — до революции производилось не более 2 миллионов ккал на душу в год. Американцы превзошли эти показатели СССР уже в конце 30-х гг.³⁵

Существенной была разница в производстве мяса СССР и США (она составила в 1981—1985 гг. около 50 кг. на душу населения в год, что несколько ниже показателя предыдущего пятилетия)³⁶. Здесь также сказывалась низкая эффективность гигантского советского хозяйства: «У нас борьба “за хвосты”, там — за высокопродуктивные породы. Скольких руководителей сельского хозяйства освободили за невыполнение плана по поголовью! Это делал и я на Ставрополье»³⁷, — сетует М.Горбачев. В 1981—1985 гг. почти сравнялись показатели производства яиц на душу населения в СССР и США.³⁸ Зато по производству молока на душу населения СССР уже в конце 50-х гг. обогнал США. В 1981—1985 гг. (а это пятилетие наихудших показателей сельского хозяйства в 70-е — 80-е гг.) СССР производил на 80 кг. больше молока на душу, чем Америка³⁹. Но это не удовлетворяло потребности советского населения в той же мере, как американского — из-за огромных потерь на пути от сельскохозяйственных предприятий до прилавков.

В сельское хозяйство СССР шло около 20% инвестиций, в то время как в США этот показатель составлял только 7—8%.⁴⁰ Это говорит о неэффективности расходования средств в советском сельском хозяйстве даже с поправкой на климат. Однако в условиях, когда цены на продукцию регулировались не потребителем, а оптовым заказчиком в лице государства, аграрии воспринимали долги сельского хозяйства как результат своего слабого влияния в Москве.

Советский Союз был вынужден ввозить растущее количество продовольствия. В 1976—1980 гг. импорт составил 9,9% от уровня сельскохозяйственного производства страны, в 1980 г. — 18,1%, в 1981 — 28,4%⁴¹. Импорт продовольствия — обычное явление для индустриально развитых стран, но советское руководство переживало его болезненно — когда-то Россия была экспортером продовольствия. Сохранялись небеспочвенные подозрения по поводу возможности использования экспорта продовольствия в качестве средства давления на Советский Союз. Высшее руководство страны через посредство ведомств и региональных комитетов партии продолжало «давить» на производителей с целью повышения производства сельскохозяйственной продукции. Но рост производства при низкой эффек-

тивности вел к увеличению затрат и потерь. Так же, как и оборона, сельское хозяйство превращалось в гирию на ногах экономики, и без того скованной неблагоприятной ситуацией в области производства и сбыта энергоносителей.

Правящая олигархия не была единственным стимулятором промышленного роста. Как мы видели, бюрократический рынок был способен гасить значительные воздействия «сверху», и то, что производство продолжало расти, свидетельствует о выгоде, которую рост этот нес основной массе управленческого класса.

Сверхмонополистическая система создает условия, в которых предприятие и его руководство не могут обанкротиться, так как они, во-первых, сами, как правило, являются монополистами на своем рынке, а во-вторых, поддерживаются страхующей силой сверхмонополии государства. Казалось бы, руководитель предприятия в этих условиях должен быть лишен стимулов к расширению производства. Однако этого не происходит, ибо руководитель встроен в систему бюрократической иерархии, в которой статус лица зависит от масштабов доверенного ему дела. Таким образом, в бюрократизированной системе сохраняются побудительные мотивы к расширению производства, так как последнее непосредственно связано с карьерой руководителя. Карьера — ключевой принцип действия бюрократических систем, оказался и движущей пружиной бюрократического рынка.

Я.Корнаи пишет: «Основным мотивом является тот факт, что руководитель... идентифицирует себя с кругом своих обязанностей. Он убежден, что деятельность вверенного ему подразделения важна, а значит, обосновано его максимальное расширение... С ростом предприятия, учреждения одновременно увеличивается и власть руководителя, его общественный престиж, а одновременно и сознание собственной важности»⁴². Дело не только в «сознании собственной важности», но и в прямой увязке количественных показателей производства с положением его руководителя в бюрократической иерархии. При этом, «спрос на капиталовложения не лимитирован боязнь убытков или краха... Провал в истинном значении этого слова невозможен»⁴³. «Предприятие при данных объемах основных фондов хочет производить больше: это стимулируется напряженными плановыми директивами, пожеланиями вышестоящих органов, а также требованиями потребителей. Для этого необходимо все больше и больше производственных ресурсов. Из-за неопределенности их пополнения предприятие стремится создать резерв. Поэтому предприятия-потребители жадно закупают сырье, материалы, комплектующие изделия, незамедлительно их используя или складировав в качестве резерва»⁴⁴. По справедливому замечанию В.Шубкина, «дальновидный руководитель, не ждущий милостей от природы, знает, что запас карман не тянет. Он стремится накопить как можно больше сырья, топлива, материалов, оборудования. Это его капитал, который он всегда может пустить в дело или, несмотря на запреты, обменять на нужный ему ресурс или услугу»⁴⁵. При этом в монополистической системе производитель имеет преимущество над потребителем при получении ресурса. Предприятие не ограничено платежеспособным спросом на свою продукцию.

Остаются только два ограничителя — доступ к сырью и способность его переработать.

В итоге индустрия превращается в гигантский «насос», жадно поглощающий ресурсы в свою пользу за счет потребителя и природы — их «слово» ничего не значит. По словам Я.Корнаи, «Руководители каждого предприятия и даже цеха стремятся к расширению и нуждаются в инвестиционных ресурсах. В руках у каждого из них насос, с помощью которого они стараются откачать для своего подразделения как можно больше ресурсов капиталовложений из огромного общественного резервуара»⁴⁶. Таким образом, каждое подразделение бюрократического слоя становится инициатором все новых и новых масштабных проектов, требующих практически неограниченных ресурсов. Но этот «резервуар» не безграничен — его «дном» было потребление населения, состояние ресурсов и окружающей среды.

«Насос» промышленности все очевиднее утыкался в «дно». Темпы роста падали. В.Селюнин и Г.Ханин пишут: «С молодых ногтей мы привыкли думать, что наша страна строит больше всех в мире. Сейчас приоритет теряем. Расходуем свыше 200 млрд. руб. в год, а вводим новых мощностей все меньше и меньше. Что же, строить разучились?.. За природными ресурсами приходится идти в Гибле, необжитые края, где все надо начинать с нуля. Дешево там не построишь, значит и на другие нужды средств остается все меньше»⁴⁷. По мнению П.Кэмпбелла, одной из основных причин падения темпов роста советской экономики было то, что «советские лидеры столкнулись с беспрецедентными условиями стесненности в ресурсах в 1980-х гг.»⁴⁸ Затраты на развитие нефтяной промышленности в начале 70-х гг. составляли по данным ЦРУ 4,6 миллиарда долларов в год, в 1976—1978 гг. — более 6 миллиардов, а в начале 80-х — 9 миллиардов⁴⁹. СССР вкладывал все больше средств в нефтяной комплекс, но рост нефтедобычи шел все медленнее. Это создавало угрозу основному источнику валютных поступлений страны.

Возможности экстенсивного развития исчерпывались. Гонка за ресурсами привела к их значительному удорожанию (Запад по другим причинам столкнулся с этой проблемой в середине 70-х гг.). Но экономическая логика продолжала тянуть хозяйство на экстенсивный путь, изымая последние средства из фондов, которые могли быть использованы для технического перевооружения уже существующей промышленности. В этом отношении можно согласиться с С.Забелиным, который предлагает рассматривать кризис системы СССР как первый пример осуществления предсказаний авторов доклада Римскому клубу «Пределы роста». В частности, по мнению С.Забелина, «это был кризис пределов роста цены, которую общество может заплатить за изъятие природных ресурсов, описанный еще в 1972 году моделью Word 3 коллектива авторов, готовивших доклад «Пределы роста» для Римского клуба.

Когда месторождения начинают истощаться, «становится необходимым использование всевозрастающих объемов капитала в ресурсных отраслях, в результате чего уменьшается доля, идущая на инвестирование и обеспечение роста в других отраслях. Наконец, инвестирование становится настоль-

ко малым, что уже не может покрывать даже амортизацию капитала, и наступает кризис промышленной производственной базы»⁵⁰.

В 1980 г. средний срок службы оборудования составил 26 лет (при нормативе в 13 лет). Более 11 лет работало уже 35,1% мощностей, то есть каждая третья единица оборудования⁵¹. Износ основных фондов промышленности возрос в 1980—1985 гг. с 36 до 41% (в тяжелой промышленности — до 42%, в том числе в топливной — до 47%, в черной металлургии — до 45%)⁵². По подсчетам В.Селюнина и Г.Ханина, в 1984 г. тяжелая металлургия получила средств меньше, чем было необходимо на замену изношенных мощностей. Аналогичные процессы происходили и в других отраслях промышленности⁵³. Затраты на капитальный ремонт машин и оборудования составили в 1985 г. 9,6 миллиардов рублей при общем объеме капитальных затрат — 65,5 миллиардов⁵⁴. Промышленность продолжала расти вширь, хотя ее оборудование трещало по швам.

Проблема износа оборудования обострялась и из-за западных санкций. «Советы, если хотят увеличить или удержать на нынешнем уровне производство некоторых видов натурального сырья, должны привлекать капитал и технологию с Запада»⁵⁵, — говорилось в одном из рапортов ЦРУ. Но, несмотря на начавшиеся санкции, тот же рапорт признавал, что рост нефтедобычи в СССР все же продолжается⁵⁶. В итоге все большей изношенности оборудования экономика страны стала подходить к черте, за которой предприятия уже были не в состоянии перерабатывать даже те ресурсы, которые поступали в их распоряжение. Затухание темпов экономического развития можно было проследить даже по открытым источникам, что позволило В.Сокирко сделать пророческий вывод: «В 1985—1990 гг. прирост национального дохода станет меньше прироста населения, и страна начнет нищать: не относительно других стран, а абсолютно, и не по отдельным группам населения, а в целом..., что откроет эру социальных потрясений»⁵⁷. Одновременно техническая изношенность промышленности резко увеличивала опасность техногенных катастроф.

Предчувствие эры катастроф — социальных и технических — проникало и в сознание правящих слоев. Элита страны все яснее осознавала необходимость перемен, прежде всего технологической модернизации. Индустриальная модель в ее крайне этатистском исполнении уже не соответствовала ни потребностям времени, ни потребностям населения, ни потребностям правящих слоев.

3. Лоббирующие группировки и попытки структурных сдвигов

Поскольку количество ресурсов в системе было ограничено, внутри управленческого класса, а следовательно — и между экономическими субъектами усиливалась конкуренция в борьбе за ресурсы и капиталовложения. Борьба между отраслями и регионами осуществлялась в форме лоббирования

ния различных социальных интересов в высших органах экономической и политической власти (ЦК КПСС, Госплан, Госснаб и др.), которые в этих условиях играли роль своеобразной биржи — центров многосторонних согласований. В отраслях аналогичную роль играли министерства и ведомства, а на местах — комитеты партии и подчиненные им советы.

На уровне принятия конкретных решений подобная система распределения дефицита создавала идеальные условия для коррупции. «Советская экономика — чудовищного размаха “черный рынок”, — пишет Л. Тимофеев. — Здесь ничто не продается свободно, все — дефицит, но все, что угодно, можно приобрести, если знать, кому дать»⁵⁸. «Черный рынок» становился дополнительным фактором, усиливавшим дефицит. «Обращают на себя внимание и участившиеся в письмах жалобы на то, что в ряде случаев дефицит создается искусственно (по вине руководителей магазинов и продавцов)», — писал в сводке писем для ЦК КПСС заместитель главного редактора «Литературной газеты» В. Сырокомский⁵⁹.

Возможности, открывавшиеся перед взяточниками, еще не доказывают распространенной версии о том, что взяточниками были все без исключения чиновники. В системе принятия решений были чиновники, по-разному относившиеся к мзде, и вокруг них складывались кланы, в которых подношения также были приняты в большей или меньшей (вплоть до нуля) степени. Психологический слой элиты, тяготевший к нулю, можно условно называть «пуританами». Поддерживая идею «очищения» социализма от наслоений коррупции и «мещанской мелкобуржуазности», «пуритане» категорически отрицали отход от каких бы то ни было официально провозглашенных принципов системы. Другой круг чиновников, которых условно можно назвать «консерваторами», действовал по принципу «живешь сам — давай жить другим». Поскольку «консерваторы» могли проводить такую политику в существующих условиях, то они и противодействовали переменам как могли. Третий психологический слой элиты — «реформисты» — был готов пересматривать «принципы социализма». Он смыкался с «консерваторами» в своем прагматизме, а с «пуританами» — в стремлении к частичным переменам. За каждым из этих слоев стояли особые социальные интересы. «Пуритане» стремились сохранить за бюрократией ее коллективную собственность — государственное хозяйство. «Консерваторы» снимали «рентные платежи» со своих участков этой собственности, реализуя стремление номенклатуры к слиянию с собственностью. «Реформисты» наиболее полно выражали стремление правящей элиты к преодолению отчуждения от собственности, но, в силу сложившихся условий и опасности реформирования системы, вынуждены были камуфлировать свои, путь еще смутные, планы под осторожный реформизм «пуритан» и прагматическую лояльность «консерваторов». Это усложняло и запутывало социальную расстановку в правящем слое, приводило к замысловатому переплетению интересов и группировок, которое к тому же накладывалось на противоречия «ведомственной» и «местнической» тенденций, о которых речь пойдет ниже. Такая расстановка сил определяла ход политической борьбы в Москве в 1978—1984 гг. (См. Часть II).

Конечно, государство пыталось контролировать ход борьбы лоббирующих групп и поощрять более эффективное производство, но существующая экономика дефицита стимулировала направление капиталовложений прежде всего в наиболее легкие с точки зрения реализации и в то же время масштабные — экстенсивные проекты. В результате рационализация производства, которая также требовала средств, но не давала столь же видимой отдачи (особенно карьерной), тормозилась.

Затраты значительных средств на строительство новых объектов вовсе не означали ускорения их ввода в действие. В.Селюнин и Г.Ханин считали: дело было в том, что «хозяйственники “зевнули” затухание инвестиционного процесса»⁶⁰. Но затухания не происходило, средства продолжали поступать. В условиях тотальной нехватки ресурсов массовый масштаб приобрело недоосвоение выделенных фондов. Для этого не хватало техники и трудовых ресурсов. Именно такие причины называют секретные записки, готовившиеся в отделе тяжелой промышленности секретариата ЦК⁶¹. Хозяйственникам нравился не результат, а сам процесс освоения средств. Но если раньше амбиции руководителей перевешивали эту запрограммированную неэффективность, то теперь бюрократический рынок брал верх над экономикой дефицита, приводя к состоянию покоя даже казалось бы ненасытный «насос» монополизированной индустрии. Причину этого следует искать не в экономической сфере, а в главном двигателе экономики дефицита — принципе карьеры. Карьерная стагнация («стабилизация кадров»), о которой речь пойдет ниже, не могла не привести к стагнации экономического развития, основанного на карьерных стимулах.

Пытаясь повысить гибкость и эффективность хозяйствования, высшее руководство страны уже с середины 60-х гг. пыталось применить суррогаты классического западного рынка, предвосхищая теорию «конвергенции» А.Сахарова. Ключевым словом реформы 1965 г. стал «хозрасчет». Предприятия должны были строить свои отношения с центром на основе показателя «прибыли». Но в реальности отечественный рынок работал по иным законам, нежели западный, и попытка ввести в него элементы классического рынка давали не те результаты, которые ожидались. Прибыль государственных предприятий не была рыночной и устанавливалась с помощью спускаемых вышестоящими организациями коэффициентов к натуральным показателям. По словам В.Найшуля, «разница между социалистической прибылью и прибылью настоящей такая же, как между милостливым государем и государем»⁶². Применение хозрасчета в 1965 г. было формальным и не дало значительного экономического результата (по подсчетам В.Селюнина и Г.Ханина производственные показатели даже ухудшились)⁶³. Однако показатели прибыли росли — действовали законы планового развития. В соответствии с ними предприятия находили возможность «накручивать» (завышать) количественные показатели, по которым определяется эффективность их труда. Осуществлялось это за счет постепенного роста цен на продукцию предприятий-монополистов. Таким образом, соединение монополизма и элементов западного рынка (пусть и почти формальных) играло роль инфляционного фактора.

Реформа 1965 г. предоставила значительную автономию как отраслевым подразделениям бюрократии (министерствам), так и директорскому корпусу. Это освободило ведомственные «насосы» от «мелочного контроля сверху», и борьба за ресурсы развернулась с новой силой. По мнению В.Пантина и В.Лапкина, «реформа 1965—1968 гг. завершила переход к министерско-ведомственной форме организации промышленности, вывела его на ведомственный простор, открывший поистине неограниченные возможности для экспансии крупной индустрии, после чего “эра реформ” закончилась. Самостоятельность в осуществлении капиталовложений раскрепостила возможности отдельных ведомств, обеспечив им хозяйственную независимость друг от друга. Тем самым был усовершенствован механизм роста в условиях монополии и обеспечена дополнительная эмансипация партийного аппарата от непосредственной хозяйственной ответственности при сохранении за ним полновластия в определении хозяйственной политики»⁶⁴.

Широкие возможности партийного аппарата и директорского корпуса, получившего автономию после реформы 1965 г., вступали в противоречие с не менее широкими возможностями ведомств. Доминирование отраслевых структур вызывало недовольство у тех слоев элиты, которая была организована по территориальному принципу, то есть у среднего партийного звена, включая руководство значительной части обкомов. Все эти экономические противоречия лежали в основе формирования социально-политических коалиций — ведомственной и территориальной («местнической»). К поддержке последней постепенно стали склоняться все более широкие слои директората, недовольного «диктатом» министерств при распределении ресурсов.

Социальный раскол ведомственной вертикали в промышленности привел к серьезным последствиям. Начиная с конца 70-х гг. в правящей элите стали усиливаться «местнические» тенденции. Региональные элиты и их лоббисты в центральных органах все в большей степени заручались поддержкой не только аграрной элиты, традиционно служившей преобладающим кадровым источником для областных руководителей, но и директорского корпуса промышленных предприятий. Впервые с середины 60-х гг. противоречия директоров крупных предприятий со своими министерствами накапливались быстрее, чем с областным руководством.

Эти противоречия уже открыто проявлялись на областных и республиканских партийных конференциях, которые давно не были чисто парадными мероприятиями. Хозяйственные и партийные руководители критиковали здесь хозяйственные органы за слишком большие планы и слишком скупое выделение ресурсов, за «канцелярско-бюрократический стиль работы», за отсутствие средств на социальную инфраструктуру (что вызывало проблемы с привлечением рабочей силы). Аграрии требовали изменить в их пользу соотношение цен на хлеб и промышленную продукцию⁶⁵.

Но как установить убедительные для всех пропорции цен? Столкнувшись с отсутствием значительных положительных результатов реформы 1965 г., партийно-правительственное руководство решило скорректировать хозрасчет. Новый этап реформы наступил 12 июля 1979 г., когда было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров «Об улучшении плани-

рования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качество работы». Постановление предусматривало более жесткий контроль за стабильностью планов, повышении роли натуральных показателей в оценке деятельности предприятий (в частности реализованной продукции, предусмотренной договорами). Всего вводилось 17 основных показателей, по которым должны были отчитываться предприятия⁶⁶. Таким образом центр пытался восстановить контроль за их работой. Казалось, что будет трудно «накручивать» все 17 показателей. Однако никакая ЭВМ не смогла бы оценивать одновременно такое количество характеристик, и этот «разносторонний контроль» мало что изменил. В поле зрения плановых органов по-прежнему оставались 2—3 важнейших показателя, которые легко искажались производственниками. Но постановление 1979 г. положило начало введению одного приоритетного показателя, который оказал воздействие на экономический механизм — «нормативно чистая продукция» (товарная продукция, реализованная по договорам, минус затраты на ее производство). В распоряжении предприятий оставалось 38—40% этого своеобразного аналога прибыли. При этом 16—17% из них пополняли фонды экономического стимулирования предприятия, созданные по постановлению 1979 г., то есть попадали в карман персонала⁶⁷. Стимулирование реализации продукции в денежном выражении привело к тому, что производители-монополисты стали навязывать потребителю более дорогую продукцию. Это были признаки явления, которое в полную мощь проявится в 1992 г. Инфляция еще более усилилась — уже в форме вымывания дешевого ассортимента. Даже сторонник введения нового показателя нормативно-чистой продукции Д.Валовой писал: «Раньше к дефициту, как правило, относились товары, для выпуска которых сырье и производственные мощности были ограничены. В условиях экономной экономики в разряд дефицитных попадают дешевые товары, которых испокон веков у нас было полным полно, — мармелад, леденцы, пастила, сушки, иголки, нитки, зубная паста и ряд другой мелочевки»⁶⁸. Читатели «Правды» отправляли в ее редакцию сотни писем, жалуясь на вымывание дешевого ассортимента. В качестве примеров приводились холодильники «Минск», подорожавшие в два раза при незначительных изменениях конструкции, мотоциклы «Иж»⁶⁹. Дешевые товары просто исчезали — на них тратить ресурсы было невыгодно. Исчезали хлопчатобумажные носки, что также волновало сотни читателей. Несколько человек, написавших в «Правду» во второй половине 1978 г., догадались увязать хлопчатобумажную проблему с поставками хлопка в Юго-Восточную Азию, составившими 40% экспорта в «дружественный Индокитай»⁷⁰. Но дело было не только в этом. Анализируя читательскую почту весной 1979 г., заместитель главного редактора «Литературной газеты» В.Сырокомский писал: «Промышленности, — говорится в письмах, — не выгодно выпускать дешевую продукцию, поэтому она исчезла с прилавков магазинов»⁷¹. Нарастание дефицита было вызвано как исчерпанием ресурсов, обветшанием оборудования, так и хрупкой моделью экономики, в которой любой незначительный сдвиг был разрушителен. Реформа 1979 г. была именно таким сдвигом. Первые шаги в сторону «конвергенции» пока-

зали, что попытка привить сверхмонополизированной экономике элементы свободного рынка лишь обостряли социально-экономический кризис.

* * *

Итак, во второй половине 70-х гг. сверхмонополистическая и бюрократизированная экономика СССР вошла в полосу кризиса, который характеризовался падением темпов роста производства в результате морального и физического старения оборудования, неспособности перейти к новым технологиям (преодолеть барьер НТР), обеспечить запросы населения и выполнение внешнеполитических задач обострения дефицита ресурсов. Эти факторы, в свою очередь, были результатом преобладания консервирующих сторон бюрократической экономики над стимулирующими. Прежде динамичная экономика оказалась между «молотом и наковальней» карьерной стагнации и приближения пределов роста при данном техническом уровне ресурсодобычи.

Попытки решить проблемы сверхмонополизированной экономики, формально прививая ей элементы капиталистического рынка (институты «прибыли» и т.д.) лишь усиливали кризис, стимулируя инфляцию и усиливая, таким образом, социальную напряженность. Одновременно экономический кризис провоцировал обострение экологического и социально-психологического кризисов, а также усиление социально-политической борьбы. Накладываясь на демографический кризис, он также ухудшал состояние национальных отношений.

Таким образом, вынужденное нарушение целостности хрупкой сверхмонополизированной индустриально-этакратической системы привело ее на грань нарушения пределов прочности. Дальнейшее развитие производства и культуры, необходимое для обеспечения неизбежно растущих потребностей населения и нужд обороны, делали неизбежным преодоление этого предела.

Примечания

1. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 5.
2. См. например: Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм. New York, 1982. С. 13. Гелнер М. Пришествие национализма. Путь. № 1. 1992. С. 17, 48, 56.
3. См.: Восленский М. Номенклатура. М., 1991; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992; Сахаров А.Д. О стране и мире. Нью-Йорк. 1975.
4. Подробнее о чертах бюрократии см.: Шубин А.В. Гармония истории. М., 1992. С. 126—140.
5. Подробнее см.: Тоталитаризм в Европе в XX веке. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1997.
6. Сокирко В.В. Экономика 1990-го года: что нас ждет? С.1. Сборник самиздата В.Прибыловского. 1984 г. Архив Шубина А.В. Ф. 3.

7. Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991. С. 30—32, 44—45.
8. Там же. С. 50.
9. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 396. Л. 207—208; Шубкин В. Бюрократия. Точка зрения социолога // Уроки горькие, но необходимые. М., 1988. С. 123.
10. Корягина Т.И. Анализ, оценки, прогнозы // Теневая экономика. М., 1991. С. 41—42.
11. Подробнее см.: Шубин А.В. Указ. соч.
12. Найшуль В. Указ. соч. С. 53.
13. After Brezhnev: Sources of Soviet Conduct in the 1980s. Bloomington, Indiana. 1983. P. 69.
14. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Уроки горькие, но необходимые. С. 232.
15. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 6.
16. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 16.
17. Maddock R. The Political Economy of Soviet Defense Spending. L., 1988. P. 182.
18. After Brezhnev. P.140.
19. Шеварднадзе Э. Указ. соч. С. 104.
20. Постановление ЦК КПСС. О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма и задачах партийных и государственных органов. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР. Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы. М., 1979. С. 10—11.
21. Подробнее см.: Селюнин В., Ханин Г. Указ. соч. С. 230—252.
22. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 214. Л. 27—28, 68—70.
23. Корнаи Я. Указ. соч. С. 587.
24. СССР в цифрах в 1983 г. Краткий статистический сборник. М., 1984. С. 64—65.
25. Корягина Т.И. Указ. соч. С. 37.
26. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 353. Л. 8—9.; Болдин В.И. Крушение пьедестала. М., 1995. С. 30.
27. Горбачев М.И. Жизнь и реформы. М., 1995. Т. 1. С. 185, 184.
28. Совместное заседание Комитета по аграрным вопросам и фракции Аграрной партии Государственной Думы РФ 13 июля 1995 г. Статистические материалы по докладу д.э.н. Института США и Канады РАН Чернякова Б.А. Аграрные преобразования в США и России: этапы, цели, последствия (1895—1995). Архив Шубина А.В. Май—август 1995 г. С. 6.
29. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 183.
30. Совместное заседание... С. 14.
31. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 20.
32. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Очерк теории. М., 1991. С. 41.
33. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 75. Д. 246. Л. 35.
34. Там же. Оп. 76. Д. 213. Л. 4.
35. Совместное заседание... С. 1.
36. Там же. С. 9.
37. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 184.
38. Совместное заседание... С. 13.
39. Там же. С. 11.
40. After Brezhnev. P. 96.
41. Op. cit. P. 162.
42. Корнаи Я. Указ. соч. С. 211—212.
43. Там же. С. 213

44. Там же. С. 562.
45. Шубкин В. Бюрократия. Точка зрения социолога // Уроки горькие, но необходимые. М., 1988. С. 120.
46. Корнаи Я. Указ. соч. С. 565—570.
47. Селюнин В., Ханин Г. Указ. соч. С. 245—246.
48. After Brezhnev. P.69.
49. Швейцер П. Указ. соч. С. 100.
50. Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рендерс Й., Бернес В.В. III. Пределы роста. М., 1991; Забелин С. Что нам стоит дом построить. Уроки кризиса СССР // Берегиня. 1998. № 4.
51. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 367.
52. Там же. С. 375.
53. Селюнин В., Ханин Г. Указ. соч. С. 248.
54. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 374, 376.
55. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 182.
56. Там же.
57. Сокирко В.В. Экономика 1990-го года: что нас ждет? С. 2.
58. Тимофеев Л. Зачем приходил Горбачев. О теневых влияниях в большой политике. М., 1992. С. 51.
59. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 19.
60. Селюнин В., Ханин Г. Указ. соч. С. 233.
61. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 424. Л. 3—4, 25, 29.
62. Найшуль В. Указ. соч. С. 58.
63. Селюнин В., Ханин Г. Указ. соч. С. 244.
64. Пантин В., Лапкин В. Что остановилось в эпоху застоя? // Погружение в трясину. С. 163.
65. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 102. Л. 7—8, 128, 135—136.
66. Постановление ЦК КПСС. О дальнейшем совершенствовании хозяйственного механизма... С. 13—15.
67. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 21.
68. Валовой Д. Экономика абсурдов и парадоксов. М., 1991. С. 249.
69. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 75. Д. 246. Л. 25.
70. Там же. Л. 28, 51.
71. Там же. Оп. 76. Д. 213. Л. 189.

Глава IV

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Характеристика состояния общества СССР в конце 70-х – начале 80-х гг.

1. Экологический кризис

Экологические и демографические процессы развивались не так стремительно, как экономические и социально-политические. Но, несмотря на свою большую инерционность, они имели не менее серьезные последствия для страны и общества, а во многих отношениях несли более существенные угрозы, которые стали очевидны в период Перестройки и оказали на ее ход сильное воздействие.

Индустриально-этакратическая система, сложившаяся в СССР, изначально была губительна для природной среды. Концентрируя и направляя на свои цели огромные ресурсы, бюрократическая экономика создавала колоссальные природные дисбалансы. Ориентация на высокие темпы индустриального развития и бесконтрольность промышленных монополий со стороны общества, бесправие местного населения и низкий уровень грамотности управленческого персонала, милитаризация экономики и широкое применение «мирного» и «военного» атома, энергоемкость производства и отсутствие прочной правовой традиции — все это привело к серьезным, а подчас и необратимым нарушениям экологического равновесия в ряде регионов СССР. Еще в середине 70-х гг. важность экологических проблем не осознавалась большинством людей, принимавших решения в Советском Союзе. Бывший вице-президент Occidental Petroleum Corporation У.Максвини вспоминал о своем разговоре с заместителем министра внешней торговли В.Алхимовым в 1974 г. по поводу местоположения хранилищ опасных веществ: «У вас могут возникнуть серьезные проблемы с окружающей средой», — сказал У.Максвини. «Окружающая среда? А что это такое?» — переспросил замминистра¹. Этот эпизод мог стать результатом «языкового барьера», но он хорошо характеризует различие в понимании Природы — как природного ресурса и как окружающей человека среды.

Однако, несмотря на то, что дымящие трубы долго считались символом прогресса, а создание обширных искусственных морей, накрывавших уголья и памятники архитектуры — торжеством разума над силами стихии, это все же не значит, что руководство страны вовсе не обращало внимания на

экологию. Просто она рассматривалась под углом зрения здравоохранения и рационального природопользования, то есть вне связи с глобальными проблемами, на которые, впрочем, и в других странах стали обращать внимание только в 60—70-е гг. Активным группам интеллигенции, лояльно относящимся к режиму, удалось убедить правящую элиту в том, что невнимание к экологии несет вполне ощутимые убытки и, следовательно, нерациональны с точки зрения хозяйства. Эта логика была приемлема для государственного руководства, считавшего страну своей вотчиной. Слабее было воздействие таких аргументов на средний слой бюрократии с его узкокорпоративными интересами. От последствий своих решений чиновничество не страдало ни экономически, ни экологически — от этого защищала система номенклатурных привилегий. В то же время контроль сверху в некоторой степени сдерживал наиболее разрушительные стороны промышленной экспансии. Конечно, масштабы затрат на экологическую безопасность были ничтожны, но они медленно росли. Государственные капитальные вложения на охрану окружающей среды в сопоставимых ценах составили в 1976—1980 гг. 2165 миллионов рублей, в 1981—1985 гг. — 2224 миллионов рублей², — то есть около процента годовых вложений в народное хозяйство. Относительный «порядок», установившийся в стране, давал возможность поддерживать в неприкосновенности островки чистой Природы, остроумно названные Д.Вайнером «архипелагом свободы»³. Площадь заповедников и заповедно-охотничьих хозяйств возросла в 1980—1985 гг. с 11060 тыс. га до 17549 тыс. га, площадь национальных парков — с 411 до 788 тыс. га⁴.

В 60—70-е гг. принимается ряд решений, ограничивающих безудержное разрушение окружающей среды. В 1963 г. под давлением физиков, прежде всего А.Сахарова, прекратились наземные испытания атомного оружия. В 1960 г. был принят закон об охране природы РСФСР. Была санкционирована деятельность дружин по охране природы, начинались кампании по борьбе с браконьерами. Конечно, эти меры носили паллиативный характер и не могли остановить разрушительной индустриальной экспансии. Но они ее до некоторой степени сдерживали, давали возможность локальным группам энтузиастов и отдельным природоохранным чиновникам иногда отстаивать государственные экологические стандарты. В Конституцию 1977 г. включается созвучная духу времени статья 18 об охране окружающей среды — достаточно абстрактная, чтобы не мешать хозяйственникам. При обсуждении проекта предлагалось конкретизировать эту статью и даже развернуть ее в главу, закрепив основные направления охраны природы⁵. Выдвигались и конкретные дополнения, в том числе предложение создать единый государственный орган для комплексной защиты среды, обязать предприятия полностью возмещать причиненный природе ущерб⁶. Профессор Ю.Хальдна из Тарту предлагал такой текст: «Как правило, организовывать производство с закрытым производственным циклом»⁷. Но технологии СССР еще не позволяли осуществить такое требование.

Попытки контролировать развитие экологического кризиса в 60-е—70-е гг., а также экстенсивный характер промышленного развития, снижавший антропогенную нагрузку на единицу площади, помогали СССР оставаться в

большей чистоте, нежели, например, США. По данным американского ученого В.Мота, в 1968—1969 гг. выбросы в атмосферу взвешенных твердых веществ составили в США 28 млн т в год, а в СССР — 17, окислов серы, соответственно — 33 и 16, угарного газа — 100 и 19, углеводородов — 32 и 7, окислов азота — 21 и 1⁸. Здесь, конечно, необходима поправка на советскую секретность и на то обстоятельство, что экологическая обстановка в США в 70-е—80-е гг. несколько улучшилась, а в СССР — значительно ухудшилась. Исчерпание возможностей «дешевого» экстенсивного развития и «освобождение» ведомственной бюрократии и директората реформой 1965 г. привели к резкому ускорению разрушения природной среды, воспринимавшейся прежде всего как ресурс. Общегосударственные нормативы соблюдались все слабее, корпоративные интересы отдельных бюрократических групп стали доминировать.

Одним из опаснейших для окружающей среды направлений деятельности человека являлось развитие атомного комплекса. Испытания атомного оружия 1949—1963 гг. привели к радиоактивному заражению территорий, значительно превышающих зону отселения. Завод по переработке атомного топлива «Маяк» Челябинской области сливал радиоактивные вещества в р.Течу с последующим попаданием в населенные районы. В 1957 г. произошла авария на расположенном здесь же хранилище радиоактивных отходов с выбросом радиоактивных веществ в атмосферу. Образовавшийся в результате Восточно-уральский радиоактивный след (ВУРС) прошел через территорию Челябинской, Свердловской, Тюменской и Курганской областей. Секретность, сопровождавшая работы по ликвидации последствий аварии, привела к тому, что значительная часть жителей, проживавшая в зоне заражения, так и не узнала об опасности до самой смерти, ускоренной катастрофой.

Радиоактивное заражение было далеко не единственной угрозой земле Советского Союза. Состояние земель характеризовалось прежде всего ускорением опустынивания и заболачивания, вызванного индустриальным ведением сельского хозяйства. Экстенсивная машинная обработка земли способствовала ее эрозии. Так, из 5,4 млн га Куйбышевской области 1,1 млн га было в 80-е гг. эродировано, а 2,9 млн га (99,6% сельскохозяйственных угодий области) не защищено от эрозии. Этому способствовала интенсивная вырубка лесов. За 70-е—80-е гг. леса области сократились на 133 тыс. га, т.е. почти на одну шестую⁹.

Большой вклад в дело опустынивания СССР внесла мелиоративная политика. Минводхоз поглощал 28% инвестиций в советское сельское хозяйство¹⁰. На нужды мелиорации и сельскохозяйственного водоснабжения в 1985 г. расходовалось 53% потребляемой свежей воды, на производственные нужды — 39%. Всего потреблялось 289 кубических километров воды (для сравнения в 1989 г. — 280)¹¹. По завышенным официальным данным нормативной очистке подвергались только 58% сбрасываемых вод¹².

Наиболее масштабные разрушения принесло соединение современной технологической мощи с «древнеазиатским» способом орошения пустынь в Средней Азии. Строительство гигантских каналов в земляных руслах в 50-

е—70-е гг. привело к колоссальному перерасходу воды на полив, подтоплению оазисов, обмелению рек Амударьи и Сырдарьи и, в конечном итоге, к высыханию Аральского моря.

Описывая ситуацию, сложившуюся в Средней Азии, М.Фишбах и А.Френдли утверждали: «Движение за повышение урожайности хлопка в Средней Азии путем экстенсивной ирригации и интенсивного применения пестицидов высушило и загрязнило реки, которые питали Аральское море... В то время, как его территория уменьшилась на две трети, ветры принесли токсичные соли с его высохшего дна на плодородные поля, отдаленные на тысячи километров. В питьевую воду попало такое количество химических сбросов, что матери в районе Аральского моря не могут кормить грудью своих детей, не подвергая их риску отравления»¹³.

Монокультурная ориентация хозяйства Средней Азии на производство хлопка вела к уничтожению плодородных земель. После того, как повышался уровень грунтовых вод, пополненных ирригационной водой, почва превращалась в солончаки. Только в Каракумском канале в год терялось в русле около четверти воды. Вокруг канала появлялись болота на месте низин, пригодных до этого к обработке¹⁴. Спасаясь от засоления и подтопления земли, крестьяне вынуждены были распахивать склоны, что грозило оползнями. Между тем песчаные бури с засыхающего Арала превращали окружающую землю в пустыню.

В результате подтоплений земель в целом по стране было потеряно 10 млн га пойменных лугов, сенокосов, пастбищ и др., что сильно повысило нагрузку на оставшиеся в обработке земли и заставило усилить экспансию на неосвоенный природный резерв¹⁵. В то же время эффект от применения ирригационных сооружений был непродолжителен, так как они относительно быстро выходили из строя. Старые ирригационные системы становились источником неконтролируемого перераспределения воды, ее загрязнения и порчи земель.

Проблемы, возникавшие из-за широкого и неумелого применения мелиорации, не останавливали проектировщиков. В середине 70-х гг. началось «пробивание» грандиозного проекта «поворота северных рек» — отвода части вод великих рек России на юг — в сторону Украины, южных районов России и в Среднюю Азию — засыхающее Аральское море. Трассы каналов должны были пройти по центральным районам страны, подтопля большие территории, представляющие неизмеримую культурную ценность, земли, пригодные для сельского хозяйства, множество населенных пунктов. «Переброска рек» должна была стать вершиной многотысячелетней истории мелиоративного строительства и вызвать грандиозные экологические дисбалансы (см. гл. X).

Неэффективность индустриализированного сельского хозяйства пытались компенсировать широким применением химикатов — в том числе опасных для организма нитратов и даже формально запрещенного к применению ДДТ. В итоге земли и окружающие их воды постепенно отравлялись.

Важным источником загрязнения земли, воздуха и воды стали промышленные отходы. Так, при добыче нефти в Западной Сибири терялось 5—7

миллионов тонн сырья в год. Такие потери были допустимы нормативами. Неопределенное количество грязи выливалось в реки и озера при частых авариях. Около 15 миллиардов кубометров попутного газа просто сжигалось¹⁶. Значительная часть нефти и нефтепродуктов терялась затем при переработке, насыщая грунтовые воды окрестностей заводов.

Общее количество промышленных отходов СССР к началу перестройки составляло около 1 миллиарда тонн в год, из них до 50 миллионов тонн высокотоксичных¹⁷. Специального складирования таких отходов, как правило, не предусматривалось. Анализируя ситуацию с твердыми отходами, В.Сидоренко и Г.Кутько писали: «Складирование промышленных отходов на свалках бытового мусора привело к обогащению солями тяжелых металлов компостов, получаемых из бытового мусора. Использование такого мусора в качестве удобрения обусловило загрязнение почвы сельскохозяйственных угодий и выращиваемых овощей. Анализ шлаков Московского мусоросжигательного завода № 1 показал, что на свалки бытового мусора Москвы ежегодно вывозится: молибдена — 8,3 т, кобальта — 11,4 т, серебра — 27,6 т, никеля — 75 т, сурьмы — 115 т, олова — 244 т, фтора — 353 т, хрома — 689 т, свинца — 1573 т, меди — 2180 т, цинка — 6762 т»¹⁸.

Главное достижение индустриализации первой половины XX в. — передовая для своего времени промышленность — в то же время несла смертельную угрозу всему живому, превращая отдельные регионы страны в зоны, непригодные для проживания. Люди, тем не менее, жили там. И умирали. Об одном из таких районов писали М.Фишбах и А.Френдли: «От Перми через Нижний Тагил, Свердловск, Челябинск и Магнитогорск на Урале и далее на Восток до Кемерово и Новокузнецка тянулся через Советский Союз широкий и ядовитый ржавый пояс шахт и металлургических комбинатов»¹⁹.

Тяжелая ситуация сложилась и с водными «ресурсами» страны. Снова обратимся к уже цитировавшемуся анализу Г.Сидоренко и В.Крутько: «Наиболее неудовлетворительное положение со сбросом загрязненных сточных вод сохраняется в Ленинградской, Иркутской, Архангельской, Пермской, Свердловской, Днепропетровской, Челябинской областях, Краснодарском крае, Узбекской, Туркменской, Таджикской, Грузинской, Литовской и Азербайджанской ССР... Сильно загрязнены хозяйственно-бытовыми и промышленными сточными водами реки Волга, Иртыш, Белая, Москва, Ока, Дон, Днепр, Днестр, Дунай и многие другие реки... Высокие уровни загрязнения воды отмечается на Северной Двине, где обнаружена ртуть в концентрациях, превышающих 10 ПДК (норм предельно допустимых концентраций — А.Ш.), а содержание формальдегида превышает 7 ПДК... Волга в результате активной антропогенной деятельности из могучей реки превратилась в сеть слабопроточных водоемов, а ее вода по химическим, физическим и биологическим характеристикам на большом протяжении не удовлетворяет гигиеническим требованиям.

Чрезвычайно серьезное положение с малыми реками... В качестве примера особо неблагоприятной ситуации можно рассмотреть ту, что сложилась на реке Нуре. Из-за сброса сточных вод завода синтетического каучука

Минхимпрома СССР эта река длительное время загрязняется ртутью, что привело к накоплению больших количеств высокотоксичных соединений этого металла во многих объектах окружающей среды. Содержание ртути в воде — 8—23 ПДК, в почве — 8 ПДК, в растениях поймы реки — 4—445 ПДК, в пищевых продуктах растительного происхождения — 56 ПДК, в тканях рыб — 48 ПДК, в мясных продуктах — 9 ПДК. Общее количество ртути в донных отложениях р.Нуры ориентировочно составляет около 55 т. Содержание ртути в донных отложениях р.Нуры определяется даже в 100 км от пунктов загрязнения»²⁰.

Работники и их руководители наносили все новые удары по рекам, которые уже были загрязнены. Казалось, что лишняя капля дегтя ничего не меняет там, куда вылита целая бочка. Так, например, суда на Енисее тоннами сливали в воду солярку и масла²¹. Ведь река уже принимала тонны отходов промышленных предприятий, в том числе и радиоактивных. Но каждый новый удар по окружающей среде расширял зону воздействия ядовитых вод на окружающие экосистемы.

Промышленными стоками были отравлены также озера страны, в том числе такие уникальные, как Ладога, Селигер и Байкал. Однако процесс гибели озер еще не принял к 1985 г. необратимого характера.

Огромные количества вредных веществ поступали в организм и на почву из воздуха. Проиллюстрируем ситуацию с состоянием воздуха на примере нескольких крупных городов, население которых будет затем активно участвовать в событиях 1986—1990 гг. Экологическое неблагополучие усиливало социальную напряженность.

ЛЕНИНГРАД. «В целом по городу средние за год концентрации примесей в основном находятся в пределах санитарных норм, за исключением двуокиси азота, концентрации которой составляют полторы нормы. Несмотря на невысокий средний уровень по городу, в отдельных его районах наблюдается повышенное содержание в воздухе целого ряда загрязняющих веществ. Наиболее велика загрязненность воздуха Калининского (Полустровский проспект) и Красногвардейского (пр. Металлистов, Невского, Октябрьская наб., Кировского, ул. маршала Говорова) районов, где средние за год концентрации пыли составляют 2—3 ПДК, а максимальная из разовых достигает 6 ПДК. Это обусловлено в основном влиянием выбросов твердых веществ предприятий Минэнерго СССР (ТЭЦ-17, ТЭЦ-14, ТЭЦ-15 и ТЭЦ-2), автотранспорта и строительных предприятий. В центральной части города выбросы превышают санитарные нормы в 1,5—2 раза. Средние за год концентрации азота (8 ПДК) и окиси углерода (7 ПДК) наблюдаются в Петроградском и Калининском районах. В районе завода «Красный треугольник» зафиксированы максимальные разовые концентрации фенола (7 ПДК), в Октябрьском районе наблюдались максимальные концентрации аммиака (2 ПДК), сероводорода (4 ПДК), формальдегида (2 ПДК)»²².

КУЙБЫШЕВ. «Характеризуется очень высокой степенью загрязнения. Средние за год концентрации пыли формальдегида, фенола, фтористого водорода и бенз(а)пирена составляют 2—4 ПДК... Неоднократно наблюда-

ются превышения допустимых разовых концентраций двуокси азота, акролеина, фтористого водорода и трикрезола...

Высокое загрязнение воздуха создается выбросами многочисленных предприятий строительной, нефтехимической, электротехнической промышленности, ТЭЦ, котельных и автотранспорта. В атмосферный воздух в год поступает более 270 тыс. т вредных веществ. Пыль составляет 12 тыс. т, двуокись серы — 50 тыс. т, окись углерода — 121 тыс. т, окислы азота — 22 тыс. т, углеводорода — 58 тыс. т, сероводорода — 980 тыс. т, фтористый водород — 3 т». В среднем по Куйбышевской области на одного жителя в начале Перестройки приходилось 488 кг вредных веществ, выброшенных в атмосферу²³.

В то же время государственная система контроля иногда принималась ликвидировать отдельные экологические «прорывы». Особенно активно эти работы велись в 1983—1985 гг. Так, на заводе «Куйбышевкабель» в 1984—1985 гг. выбросы трикрезола сократились с 55 тыс. т до 25 тыс. т²⁴. В этот же период проводилась полицейская кампания по усилению контроля за автомобильными выбросами в крупных городах. Несмотря на паллиативный характер таких мер, партийно-государственный контроль оставался сдерживающим фактором экологического кризиса в системе, где все базировалось на таком контроле.

СУМГАИТ. «В атмосферу выбрасывается 73 тыс. т. в год вредных веществ, в том числе окись углерода, двуокись серы, окислы азота, углеводороды. Специфические вещества составляют около 5% суммарных выбросов, что значительно больше, чем в других городах. В группу этих веществ входят вещества I и II классов опасности, вызывающие канцерогенное и мутагенное действие... Кроме того, в воздухе постоянно содержатся резко пахнущие вещества, создающие дискомфорт для населения»²⁵.

Большую опасность для состояния воздуха представляла нефтедобыча — ежегодно на промыслах в факелах сжигалось более 13 миллиардов кубометров попутных газов²⁶.

Состояние воздуха ухудшалось и из-за варварских вырубок леса, прежде всего в сибирской тайге, где разворачивала свою деятельность лесная промышленность. Лес вырубался и в европейской части страны, но здесь этот процесс ограничивался более жестко.

Мощное антропогенное воздействие на окружающую среду заметно сказывалось на здоровье населения. Если в 1960 г. уровень смертности согласно официальной статистике составлял в СССР 7,1 чел. на 1000 человек, то к 1987 г. этот показатель возрос до 9,9 чел. в год²⁷. Рост смертности был тесно связан с состоянием окружающей среды. Так, например, после пуска завода кормовых дрожжей в г. Мантурове в 1976 г. уровень заболеваемости увеличился за 4 года в 2,6 раза, а среди детей — в 2,9 раза. А в городе Приозерске, питьевая вода которого сильно загрязнена, уровень онкологической заболеваемости в 1,5 раз выше, чем в относительно более чистом Выборге²⁸.

Средняя продолжительность жизни населения СССР упала с 66,1 лет в середине 60-х гг. до 62,3 лет в начале 80-х²⁹. Некоторый рост намечился только в период Перестройки. Продолжительность жизни в России состави-

ла в 1982—1985 гг. — 62,27—62,31 лет, а в 1985—1986 гг. — 63,83 лет. (Максимум этот показатель достиг в 1987 г. — 65 лет)³⁰.

Четверть умерших в 1980 г. скончались от болезней органов дыхания и злокачественных новообразований. Младенческая смертность в 1985 г. составила 2,6% родившихся, из них более десятой части — от врожденных аномалий³¹. Однако в первой половине 80-х гг. негативные тенденции в этой области удалось переломить. В 1980—1985 гг. младенческая смертность снижалась в СССР с 2,7 до 2,6%. Выше этих показателей (до 5,8%) оставалась младенческая смертность в Узбекистане, Казахстане, Азербайджане, Молдове, Киргизстане, Таджикистане, Туркмении³².

В конце 80-х гг. 223000 жителей Магнитогорска (34% взрослых и 67% детей до 14 лет) страдали от респираторных заболеваний, 41% новорожденных имели врожденные патологии, причем с 1980 г. их количество удвоилось³³. Таким образом, темпы развития экологического кризиса резко ускорились именно в 80-х гг.

В 1989 г. экономические потери от невыходов на работу по причине плохого здоровья составили 3% экономической выработки и в 12 раз превышали аналогичные потери в США³⁴. «Промышленный рост... без эффективного соотношения экономических и социальных затрат поставил 70 миллионов советских граждан, проживающих в 103 городах, под угрозу респираторных и других заболеваний, сокращающих их жизнь, потому что они вдыхают воздух, содержащий токсичных веществ в пять раз больше допустимой концентрации. Почти три четверти открытых водоемов страны загрязнены, одну четверть уже невозможно очистить», — писали М.Фишбах и А.Френдли об экологических итогах «рационального природопользования»³⁵.

Экологическая катастрофа в СССР еще не началась (если не считать среднеазиатских территорий и локальных участков в промышленных центрах и зараженных радиоактивностью районах). Однако сверхцентрализованная, оторванная от нужд простых людей номенклатурно-индустриальная система (и прежде всего военно-промышленный комплекс СССР) поставила на грань экологической катастрофы огромные территории, природный «запас прочности» которых был фактически сведен к нулю. Продолжение промышленной экспансии грозило быстрым расширением зон экологического бедствия, непригодных для жизни людей, скачкообразным ростом заболеваемости и смертности в крупных городах, авариями, способными превратить в пустыни целые регионы.

К середине 80-х гг. рост культурного уровня населения привел к осознанию важности экологических проблем для личного благосостояния каждого человека. В результате усилилась общественная напряженность в неблагополучных регионах.

2. Этно-демографическая ситуация

Неравномерность экологической нагрузки и социального положения накладывала отпечаток на этно-национальную и демографическую ситуацию в стране. Относительный баланс национальных культур и территориальных комплексов был нарушен индустриальной системой, но и плоды ее существования распределялись крайне неравномерно. Среднемесячная зарплата в СССР в 1980 г. составила 168,9 рублей, в РСФСР — 177,7, в Эстонии — 188,7. В Грузии, Азербайджане, Таджикистане, Белоруссии, Молдове зарплата составила в среднем 138—150 рублей³⁶.

Эти показатели свидетельствовали о существенных структурных различиях республик Союза. Несмотря на все попытки экономической унификации СССР и консолидации всех граждан в единый «советский народ», своего рода «сверхнацию», Союз по-прежнему представлял собою разнородное образование, в котором существовала индустриальная цивилизация в европейской и североазиатской частях страны, и среднеазиатские общества, только-только выходящие из классического доиндустриального состояния. Разные стадии развития проходили народы, расположенные вокруг Кавказского хребта.

«Широко распространенные, если не господствующие и постоянно воспроизводимые в рамках однородной этнической общности местные традиции, трудовые навыки, общественные и семейные отношения, исторический опыт, психология, мораль, бытовая культура, образ жизни, ее темп и тысячи других факторов образуют единственную, уникальную в своем роде этносоциально-психологическую среду, в значительной степени предопределяющую поведение экономических субъектов... — считает А.Илларионов. — Многообразие моделей хозяйственной жизни в республиках и невозможность их однозначного экономического истолкования свидетельствует о наличии в каждой из них особого, по своему уникального, исключительного хозяйственного механизма, связанного с традициями. Этот механизм оказывает более сильное воздействие на уровень и динамику экономических параметров республики, чем общесоюзный экономический механизм. Очевидно, что в стране не существует единого экономического механизма, точнее: он не играет ведущей роли, а в ней функционируют несколько национальных моделей экономического механизма. Республики развиваются в большой степени каждая по своим экономическим законам, с существенной автономией от хозяйственной политики центральных государственных органов»³⁷. Несомненно, этносоциальный климат играет важную роль в экономическом развитии, но все же его роль в описании А.Илларионова выглядит преувеличенной. Во всяком случае, он не привел достаточных доказательств того, что этнические факторы «предопределяли» поведение экономических субъектов в большей степени, чем общесоюзный экономический механизм. Еще сомнительнее тезис о том, что каждая республика СССР развивалась по своим экономическим законам (речь идет о 60-х — 80-х гг.). Сама степень воздействия этносоциальных факторов, перечисленных А.Илларионовым, на социально-экономическое развитие зависела от стадии общественного развития, на которой находилась та или иная республика. Можно выделить не пятнадцать, а четыре группы республик, в

которых экономические модели существенно различались (более дробные различия, конечно же, существовали и между республиками одной группы, но подобные различия можно без труда найти и внутри одной республики):

1. Прибалтика (*индустриальное общество с относительно недавним капиталистическим прошлым*);

2. Россия, Украина, Белоруссия (*индустриальное общество, несколько поколений развивающееся по «социалистическому» пути*);

3. Закавказье и Молдавия (*индустриально-аграрное общество, переходящее к индустриальному*);

4. Средняя Азия, включая Казахстан (*аграрно-индустриальные общества с преобладанием традиционных отношений*).

Если во второй группе стран преобладал общесоюзный экономический механизм, присутствовавший и в других группах республик, то в четвертой группе можно говорить о преобладающем влиянии местного этносоциального климата.

Тесная взаимосвязь национальных и социально-экономических факторов особенно заметна на стыках культур. В Ташкенте «все товары и продукты продают только узбекам через черный ход», — писали в «Правду» русскоязычные читатели³⁸. Национальный социум давно установил свои цены на продукты. Узбекская элита была готова платить по ценам «черного хода». Русских «на всякий случай» в эту систему не пускали — они могли стать «троянским конем» следственных органов. Перебои с поставками продуктов в Баку в 1978 г. тут же вызвали рост цен на «черном рынке». Развитый теневой рынок откачивал дефицит из государственных магазинов: «Ставшие дефицитными товары продаются ящиками “налево”, — сигнализировали читатели «Правды»³⁹. Для выходцев из России казалось недопустимым, что «социалистическая» модель лишь наложилась на традиционные экономические отношения, которые продолжали определять ход социально-экономических процессов.

Несмотря на перекачку средств из России, Белоруссии и Прибалтики в Казахстан, Среднюю Азию и Закавказье, достигавшую 2% совокупного использованного национального продукта СССР, 2,5% продукта России и 11% продукта Латвии, разрыв в темпах экономического роста республик СССР возрастал. Средняя Азия все сильнее отставала от других регионов. Если душевой национальный доход Белоруссии (к слову сказать, направлявшей 8% своего продукта в пользу других республик) вырос в 1971—1986 г. на 45%, то в Казахстане, получавшем 11% своего национального продукта из других республик, этот рост составил всего 7%⁴⁰. Механизмы «донорства» со стороны собратьев по СССР были разнообразными. В значительной степени перекачка средств осуществлялась централизованно — на «развитие». Но в Закавказье действовали и другие факторы, о которых пишет А.Илларионов: «существенная инъекция из республиканских средств в экономику Грузии связана в значительной степени с расположением на ее территории многих курортов всесоюзного значения и с высокой дифференциальной и монопольной рентой, которую обеспечивает реализация выращенной в Грузии субтропической и другой сельскохозяйственной продукции на рынках

других регионов страны»⁴¹. Такая децентрализованная модель перекачки средств обеспечила республикам Закавказья высокие темпы развития, в то время как помощь республикам Средней Азии оказывалась на них угнетающее воздействие и оседала в тех самых централизованных каналах, через которые поступала. Важнейшим результатом такой помощи стало резкое имущественное расслоение населения, обратно пропорциональное темпам экономического роста. В России, Белоруссии, Украине и Прибалтике на 10% вкладчиков сберкасс приходилось 11—15% вкладов, что свидетельствует о минимальном легальном социальном расслоении. В Грузии, Армении, Казахстане, Молдавии те же 10% контролировали 20—22% вкладов, а в Азербайджане и Средней Азии — 33—55%⁴². Речь идет именно о легализованном капитале, причем наибольший показатель приходится на Туркмению, которая не подверглась серьезному удару в ходе кампании по борьбе с коррупцией и «нетрудовыми» доходами.

Стадиальная разнородность народов СССР определяла и демографический дисбаланс — раннеиндустриальные общества, как и в других частях света, переживали состояние демографического взрыва, а развитые индустриальные — замедление темпов рождаемости. Естественный годовой прирост населения в республиках СССР составил в 1980 г.: в России — 0,49%, в Белоруссии, Украине, Литве, Эстонии, Латвии — от 0,14% до 0,61%. В Казахстане, Грузии, Армении, Азербайджане, Молдове — от 0,8% до 2%, в Узбекистане, Киргизстане, Туркменистане и Таджикистане — от 2 до 2,9%⁴³. В 1989 г. средний размер семьи составил в СССР 3,5 человек. При этом в России, Украине, Белоруссии, Литве, Молдове, Латвии и Эстонии этот показатель оказался ниже, а в остальных республиках — выше. Наибольший показатель — 6,1 человек, был зафиксирован в Таджикистане⁴⁴. Снижение рождаемости в европейских республиках началось в 60-е гг., в то время как в республиках Средней Азии и Закавказья (кроме Грузии) рождаемость оставалась высокой⁴⁵.

Численность населения росла неравномерно, что не могло не вести к росту напряженности между представителями различных культур, особенно находящихся на разных стадиях развития. За 30 лет (1959—1989) при общем росте населения СССР на 37,3%, численность узбеков, туркмен, киргизов и др. увеличилась втрое, казахов, азербайджанцев, аварцев, чеченцев, ингушей, лезгин, тувинцев и др. — вдвое, кабардинцев, цыган и др. — на 75—100%, армян, молдован, адыгейцев, калмыков, малочисленных народов Севера, гагаузов, абхазов, балкарцев, черкесов и др. — на 50—75%. Выше общесоюзных оставался рост численности грузин, осетин, татар и др. Несмотря на то, что темпы роста численности русских были ниже, чем среднесоюзный рост населения (27,1%), они значительно превышали темпы роста коренного населения Латвии и Эстонии (но не Литвы)⁴⁶. Большая часть перечисленных народов в 80—90-е гг. будет участвовать в острых этнических конфликтах. Но некоторые из этносов, чья численность резко выросла, от этого воздержались. Закономерность животного мира, в соответствии с которой при росте численности популяций обостряется и борьба за территорию, в человеческом обществе соблюдается далеко не всегда.

Многое зависит здесь от стадии развития общества и субъективных факторов — прежде всего способности и желания лидеров национальных движений достигать компромисса или «разыгрывать национальную карту».

Демографические и социальные дисбалансы приводили к тому, что единый комплекс «советского народа» все более явственно стал давать трещины. Попытки культурной унификации, разрушавшие национальную культуру, вызывали сопротивление людей, ощущавших свою принадлежность к этнической общности. СССР начал проходить фазу своего рода вторичного этногенеза, когда часть населения стала все более ясно осознавать важность своей принадлежности к конкретной этнокультуре, в то время как другая часть по-прежнему отождествляла себя с понятием «советский человек». Любопытно, что аналогичный процесс проходил начиная с 60-х гг. в США, когда все большая часть американцев различного происхождения стала ощущать себя китайцами, ирландцами, евреями и т.д.

Возрождение национального сознания особенно бурно шло в «национальных республиках», где этносы, в честь которых эти республики были названы («титulyные» нации), имели некоторые привилегии при использовании национального языка и назначении руководящих кадров. Сами по себе эти привилегии приводили к переходу социальных противоречий между руководством и населением в этническую плоскость — политика, прежде всего культурная, проводилась в интересах прежде всего той этнической или клановой группы, которая «стояла у власти». Стали все четче намечаться противоречия «коренного» и «некоренного» населения, правящих и «оппозиционных» кланов. При этом нельзя забывать, что большинство народов не имели «своих» республик, и «титulyные» кланы стремились к ассимиляции этих «меньшинств» для облегчения управляемости и укрепления монолитности своих стран.

В то время как большинство стран СССР «сверху» и «снизу» обеспечивало значительный рост процента «титulyного» народа, доля коренного населения в 1959—1989 гг. сокращалась в славянских республиках, Прибалтике и Молдове⁴⁷.

Некоторые народы были не только лишены «своих» республик, но и выселялись в 40-е гг. с мест проживания. Большая часть из них была в 50-е гг. возвращена назад. Но поволжские немцы и крымские татары остались репрессированными — они не получили возможности вернуться из Средней Азии и других регионов в места, где жили до 1944 г. В 70-е гг. усилилось движение крымских татар за возвращение в Крым. Они покупали здесь дома и пытались прописаться. Но эта иммиграция вызывала дополнительную головную боль у властей в непосредственной близости от важнейших государственных дач. Было решено не уступать татарам. Их выселяли из купленных домов, некоторые дома сносили. Иногда выселения встречали сопротивление не только со стороны татар, но и русских и украинцев⁴⁸.

Национальная консолидация становилась важным фактором социальной жизни СССР, и региональные кланы элиты уже задумывались о возможности использовать «национальное возрождение» в целях борьбы против центра. Впрочем, некоторые из будущих оппозиционных национальных ком-

партий ведут себя очень осторожно. Так, по степени апологетичности отзывов на проект Конституции 1977 г. компартия Эстонии уступает разве что компартии Туркмении⁴⁹.

Однако нельзя сказать, что национальные чувства культивировались исключительно правящей элитой. Национально-государственное устройство страны было сформировано под влиянием конкретных политических обстоятельств и интересов 20—30-х гг. и не отличалось последовательностью. Это вызывало большие неудобства, а иногда — и прямое национальное угнетение, когда полновластное руководство и подчиненное население принадлежали к народам с различными культурными стереотипами. Известный пример — Нагорно-карабахская автономная область (НКАО). Большинство населения автономии было армянским, но руководство назначалось из Баку. Периодически это вызывало конфликты, иногда — массовые (последние — в 1965 г.). Интеллигенция Армении при каждом удобном случае напоминала властям о нагорно-карабахском вопросе. Так, во время обсуждения Конституции 1977 г. на партийных собраниях в учреждениях науки и культуры Армении обсуждалась возможность переименования НКАО в «Армянскую НКАО» или даже передачи ее Армении. Армянские коммунисты показывали нелогичность положения, при котором исходя из экономических соображений НКАО была передана Азербайджану, в то время как отделенная от Азербайджана полосой армянской земли Нахичеванская АО также осталась в составе этой республики. Армяне настаивали на передаче Армянской ССР или НКАО, или Нахичевани⁵⁰. Армянские коммунисты выдвинули 16 предложений о переименовании НКАО и 45 предложений о ее праве перейти в состав Армянской ССР⁵¹. Возможно, советское руководство могло бы внять этим тревожным предупреждениям и пересмотреть решения 20-х гг. Но это не соответствовало принципам брежневской политики, при которой изменения проводились лишь в направлении интеграции народов. Такая линия тоже не могла не приводить к росту напряженности.

Всякое ущемление возможностей пользоваться достижениями национальной культуры могло вызвать вспышки массового недовольства. Эти противоречия вызвали в конце 70-х — начале 80-х гг. волну национальных выступлений. В 1978 г. в рамках конституционного строительства, последовавшего за принятием Конституции СССР 1977 г., было объявлено о предстоящем изменении Конституции Грузии. Руководители республики в согласии с Москвой решили отменить государственный статус грузинского языка. Это должно было укрепить позиции русского языка и, как казалось, снять трения с национальными меньшинствами Грузии, имевшими свои автономии. Новая конституция не упоминала о государственном статусе грузинского языка: «Грузинская ССР обеспечивает свободное употребление грузинского, а также русского, абхазского, осетинского и других языков большинства населения в данной местности», гласила ст. 73⁵². Накануне принятия Конституции по поручению ЦК КПГ его завождем С.Хабешвили обратился в ЦК КПСС с просьбой включить в текст Конституции дополнение, разъясняющее новацию: «Проявляя государственную заботу о развитии родного языка и изучению русского языка, как средства между-

ционального общения, Грузинская ССР какие-либо языковые привилегии или ограничения не допускает». «Предлагаемая нами формулировка, — комментировал Хабеишвили, — поможет партийным организациям вести пропаганду 73-й статьи так, чтобы помочь всем гражданам республики в правильном понимании того, почему отпадает необходимость государственного языка»⁵³. Просьба «грузинских товарищей» была удовлетворена, но жители Тбилиси все равно не поняли нововведение «правильно».

По инициативе студентов университета в день обсуждения конституции в Верховном совете многотысячная демонстрация пришла в центр Тбилиси. Под ее давлением депутаты были вынуждены оставить статью о языке без изменений⁵⁴. «В руководстве республики, кстати сказать, в эти минуты нашлись люди, — вспоминает С.Хабеишвили, — которые возмущались и кричали: “Где армия?” Все это проходило хотя и в кабинетах, но при свидетелях, в том числе и из Москвы»⁵⁵. Однако и эмиссары Москвы, и руководство республики были полны решимости не допустить кровопролития. После этой демонстрации был всего один арестованный А.Имнадзе, снимавший демонстрацию на пленку. Реальные организаторы демонстрации из Тбилисского университета не репрессировались. По мнению Л.Алексеевой, «видимо, защитило молодых энтузиастов общее сочувствие (а, возможно, и номенклатурность их родителей)». (Одна из лидеров выступления Т.Чхеидзе была дочерью директора киностудии «Грузия-фильм»)»⁵⁶. Массовые выступления интеллигенции в защиту грузинской культуры происходили и в 1981 г. Но эти выступления и сохранение гегемонии грузинского языка усилили недоверие к грузинам национальных меньшинств республики.

В 1981 г. произошла также так называемая «октябрьская революция» 24—26 октября в Орджоникидзе, когда убийство шофера-осетина вызвало массовые волнения осетин. Это было не первое убийство и не первая демонстрация подобного рода. Похоронная демонстрация принесла гроб убитого к обкому партии. Возмущенные люди требовали выхода руководства. На площадь вышел первый секретарь Североосетинского обкома Б.Кабалоев. Но он не нашел ничего лучше, как назвать собравшихся собранием, после чего потребовал разойтись и ушел. Через некоторое время митингующие ворвались в обком и заставили Кабалоева по спецсвязи позвонить в Москву. Кабалоев обещал на следующий день прийти на площадь с утра и вместе с народом разобраться в происшедшем. Вечером руководство попыталось очистить обком от митингующих. В обком были введены курсанты высшего военного командного училища МВД и стали выгонять бродящих по коридорам посторонних. Те оказали сопротивление, и в обкоме завязалась рукопашная схватка. В здании был учинен погром. Выйдя из обкома «на оперативный простор», курсанты напали на митингующих. Стороны забрасывали друг друга камнями. В итоге площадь осталась за курсантами. Часть «зачинщиков» была арестована.

25 октября приехала комиссия во главе с М.Соломенцевым и Ю.Чурбановым. Был организован митинг. После официальных ораторов под давлением собравшихся к микрофону были допущены люди «из тол-

пы», которые обличали разгул преступности ингушей. Постепенно митингующие вытеснили начальство с трибуны. Тогда во второй половине дня, после требования разойтись, митингующие были атакованы войсками с бронетранспортерами. Толпа сопротивлялась, митингующие залезали на боевые машины. В центральных районах города развернулась городская герилья, в которой осетины использовали палки, камни, бутылки с зажигательной смесью. Повстанцев забрасывали шашками со слезоточивым газом. Часть наиболее радикальных демонстрантов атаковали тюрьму и двинулись на ингушский район, но были остановлены войсками. В городе прошла серия грабежей.

26 октября в городе началась всеобщая забастовка, столкновения продолжались с нарастающим ожесточением. Колонна военных была остановлена у гостиницы Владикавказ и не смогла продвинуться дальше. Население активно поддерживало бунтарей. Из обкома был пущен слух, что принято решение применить огнестрельное оружие. После этого беспорядки пошли на спад. К тому же многие участники событий уже были арестованы.

Начавшись как антиингушские, эти волнения, в которых приняло участие около 4500 человек, быстро переросли в выступление против власти. Решающую роль в политизации движения играли студенты. Волнения в Орджоникидзе были подавлены с помощью войск, но без применения огнестрельного оружия. Было осуждено 26 человек⁵⁷.

Надо сказать, что сигналы об убийствах на национальной почве в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии поступали в редакции центральных газет еще в 1978—1979 гг.: «Жил я во многих селах и городах нашей республики, — писал студент Грозненского университета, — и имею уже довольно четкое представление о ней. Начну с того, что, по всей видимости, нигде в СССР русского не убьют только за то, что он русский. Все прелести нашей жизни я описывать не стану, но я начинаю терять счет своим убитым друзьям»⁵⁸.

После восстания 1981 г. в Орджоникидзе центральные органы КПСС постарались разобраться в ситуации, сложившейся на Северном Кавказе, прежде всего в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Процесс проверок затянулся на несколько лет.

Срез социальной ситуации здесь был «неутешителен». В 1984—1986 гг. в Северной Осетии было зафиксировано более 100 «националистических проявлений»: убийства и избиения осетинами и ингушами друг друга, осквернения кладбищ, хулиганские акты в отношении некоренной интеллигенции. Количество русских учителей в республике сократилось почти на 300 человек. В Северной Осетии, по свидетельству комиссии ЦК КПСС, местные осетинские власти проявляли «невнимательное отношение к населенным пунктам, где преимущественно живут ингуши и кумыки. В этих селах хуже развита материальная база учреждений культуры, народного образования, сферы обслуживания»⁵⁹.

Из 400 опрошенных в 1986 г. студентов Чечено-ингушского университета почти 80% соблюдали религиозные обряды и праздники, треть считала себя верующими (скорее всего — больше, остальные не хотели рисковать

комсомольским билетом)⁶⁰. В Чечено-Ингушетии власти поддерживали мусульманство, выделяли автотранспорт паломникам, прибежали к помощи религиозных авторитетов в самых разных случаях, например — при мобилизации населения на субботники. Более половины браков ингушей проводилось по шариату, а не в соответствии с законом. В год появлялось более 4000 детей, законных с точки зрения шариата, но не государственного права. В 1982—1986 гг. в Чечено-Ингушетии было похищено и выдано замуж более 100 учениц 7—9 классов. Свыше 60 тейповых групп находилось в состоянии кровной вражды. За два года эта вражда вызвала 3 убийства. Большинство преступлений совершалось с применением боевого огнестрельного оружия⁶¹. Горные районы продолжали жить по своим законам, воспринимая СССР как Российскую империю — неизбежное (пока) зло, чуждую цивилизацию.

Экономической основой местных цивилизаций было сельское хозяйство, в котором господствовали отношения конца XIX века. Широко использовался наемный труд. В Ачхой-Мартановском, Сунжинском и Шалинском районах было обнаружено 65 батраков — бомжей из России и Украины. Для ухода за хозяйством в 500 овец, 27 голов крупного рогатого скота и 29 лошадей хватало усилий большой патриархальной семьи и трех батраков. Понятно, что колхозная система в таких условиях была фикцией. Широко были распространены хищения государственной техники⁶².

Индустриальный сектор существовал в основном за счет труда русских. Коренное население составляло 62% трудоспособных граждан. В промышленном производстве оно составляло только треть занятых, зато в торговле — 70%. Вне «общественного сектора» было только по официальным данным занято 25% трудоспособного населения Чечено-Ингушетии и 13% Северной Осетии⁶³. Таким образом, социальная структура двух кавказских республик (а фактически — всего Северного Кавказа) отличалась минимальным развитием индустриальных отношений. По существу это были типичные колониальные страны. Опыт Азии и Африки показывает, что по мере того, как чуждые местной цивилизации индустриальные отношения разлагают традиционный уклад, накапливаются маргинальные (деклассированные, покинувшие привычную социально-психологическую среду) слои, и общество становится склонным к взрыву — национальной революции. В таких странах, как Алжир или Вьетнам, такие революции разразились в 40—50-е гг. На Кавказе — в 80—90-е. Но КПСС не могла рассматривать союзные и автономные республики через призму колониальной модели. Оставалось лишь принимать грозные постановления «о преодолении недостатков».

В Прибалтике, социальная структура которой не отставала от русской, цивилизационный конфликт был еще более очевиден. Положение в Прибалтике демонстрирует нам модель ситуации, которая затем стала проявляться практически во всех частях СССР, включая саму Россию.

Характеризуя проблемы, с которыми столкнулась, например, Латвия, И.Кудрявцев писал: «При открытии новых предприятий министерства предпочитают завозить рабочую силу извне республики. И вот теперь в

Латвии около 50% населения — не латыши. Соответствующая доля на промышленных предприятиях — до 90%... Московские министерства, конечно же, совершенно не волнует, чем дымят в Латвии их заводы и что они спускают в далекое Балтийское море... Одни проблемы рождают другие. Приток новых людей снижает уровень социальной обеспеченности республики... Далее, возникает национально-экономическо-культурный дисбаланс между преимущественно русскоязычным персоналом промышленных предприятий и работающими в сельском хозяйстве и сфере услуг латышами. Раздельный труд еще больше противопоставляет нации.

Сами приезжие — люди часто случайные. В любом случае они не образуют сплоченной общности... До сих пор русский, попадая в Прибалтику, изо всех сил старался не замечать разницы между собой и местным населением.

Русский человек ведет себя как “гостеприимный гость”, который вполне чистосердечно и доброжелательно (безо всяких подвохов) говорит хозяину: “Будь здесь как дома!”... Поэтому когда латыши отвечают русским агрессией, это вызывает у последних полнейшее недоумение. И ответную реакцию...

Если русские осознают причину своей реакции, то латышам понять ее труднее... Просто они замечают, что все идет к тому, что их нация размоется и перестанет существовать. Они не могут понять, как и почему это происходит, и не видя источника опасности, но чувствуя саму опасность, они становятся агрессивными по отношению к русским, так как все беды начались с их появлением.

Действительно, латыши долгое время находились под господством немцев, относившихся к “коренным нациям” гораздо менее дружелюбно, чем русские. И тем не менее за это время нация сумела сохранить себя. Сейчас же дело идет к тому, что нация исчезнет в считанные десятилетия...

Важно уяснить, что простым улучшением сложившихся отношений здесь не обойдешься...

Россия (имеется в виду Российская империя как предшественник СССР — *А.Ш.*)... образовалась склеиванием воедино разных народов и культур. Но при этом для длительного существования такого государства недостаточно только экономических, политических, административных связей. Требуется еще и культурная общность наций. Если таковой нет, то для создания ее нужен своеобразный культурный агент. Я бы сказал, нужен клей, которым разнообразные национальные культуры склеиваются в одну, единую. Важное свойство хорошего клея — его способность въедаться в склеиваемые вещества, растворяя их.

Так вот, в качестве такого клея была использована культура русского народа»⁶⁴.

«Эффект клея» наносил чувствительный удар и по развитию русской культуры: «Но такое использование предполагает развитие следующих двух свойств:

— Безликость. Только по-настоящему безликая культура-клей сможет быстро внедриться в другую. Лишь она сумеет проникнуть в совершенно разные по характеру культуры.

— Единство в однородности. Если клей не един сам по себе, он не соединит склеиваемые предметы. Клей должен уметь клеить самого себя»⁶⁵.

Нужды имперской политики разрушали и русскую культуру, лишая ее региональных особенностей, превращая ее в однородную безликую, максимально космополитичную советскую культуру. Русский язык становился доминирующим в культурном пространстве СССР, но на базе этого языка и этой культуры формировалась, по существу, новая нация — «советский народ» — с территориальной и во многом культурной целостностью, основанной на тесной связи не только русских, но трех славянских народов — русского, украинского и белорусского. Часть населения СССР была готова интегрироваться в эту новую нацию и безболезненно растворялась в ней. Для другой части это была трагедия, потеря национального микроклимата, вызывавшая психологический дискомфорт и ассоциировавшаяся со всеми бедами от экологических до социальных (ведь в условиях существовавшей системы беды действительно исходили из столицы России). Это разделение привело к противоречивым процессам этногенеза, когда формирование советской нации сопровождалось усилением национальной консолидации населения «республик», существовавших в составе СССР чисто формально. Каждый человек выбирал сам, кто он в большей степени — носитель советской или национальной культуры. И это самоопределение не было непосредственно связано с идеологическим выбором. Человек мог быть недоволен политикой КПСС и критиковать местное руководство за национализм, а мог из-за недовольства проводимой политикой стать националистом сам.

Этно-демографические процессы, о которых говорилось выше, постепенно вели к ослаблению и изменению состава «клея». За пределами России в 1959—1969 гг. проживал 31% русских, в 1970—1978 гг. — 12%, а в 1979—1988 — всего 6%⁶⁶. Авторы исследования «Население России. 1993 г.» констатируют: «отток русского (русскоязычного) населения из большинства республик бывшего Союза начался задолго до “перестройки” и быстро нарастал. В 1979—1988 гг. он охватил большинство республик, а в тех из них, куда продолжалась эмиграция, ее темпы быстро замедлились. Численность русских сокращалась уже во всех республиках Средней Азии и в Армении. Но на Украину, в Беларусь, в Прибалтику и Молдову их эмиграция еще продолжалась. Заметим, что в противоположность русским, украинцы и белорусы в 1979—1989 гг. еще интенсивно переселялись почти во все республики... В большинстве республик вытеснение русских до недавнего времени сопровождалось оттоком в Россию коренного населения из большинства бывших республик, кроме Прибалтийских, например: численность молдаван в РСФСР увеличилась за 1979—1988 гг. на 69% против 10,5% в своей республике, грузин и армян — на 46% (в своих республиках — на 10,3 и 13,2%), азербайджанцев — в 2,2 раза (24%), узбеков и туркмен — в 1,8 раза (34%), киргизов — в 2,9 раза (33%), таджиков — в 2,1 раза (46%)»⁶⁷. Формировались две этнические общности — «русскоязычное население» вне «славянских» республик и «южане» в России.

В обеих ситуациях наличие компактных инонациональных общностей вызывало трения, выливающиеся в притеснения и столкновения. Так, на-

пример, 7 октября 1981 г. произошли столкновения в г. Удомля между строителями Калининской АЭС — русскими и азербайджанцами. Азербайджанцы избили русских, но затем получили отпор. Тогда они «мобилизовали» солдат-азербайджанцев соседнего стройбата. Около 30 солдат устроили погром в общежитии строителей, ранив 10 рабочих. В столкновении было ранено и 4 солдата — рабочие сопротивлялись⁶⁸.

Читательница «Правды» Л.Мельникова писала в главную газету страны: «У нас в Арыси русских третируют, как хотят. За помощью, за бедой лучше ни к кому не обращаться, пожалуешься — себе хуже сделаешь. Все более — менее ответственные посты в руках казахов. Даже милиционеры открыто нам говорят: «Зачем приехали в Казахстан, возвращайтесь в свою Россию»⁶⁹. Это письмо, конечно, не было опубликовано, но оно было наряду с другими доложено в секретариат ЦК. Понятно, что такая «дружба народов» приводила к постепенному оттоку русскоязычного населения из республик, в которые они были заброшены «великим переселением народов» 30-х—60-х гг.

Постепенное нарастание национальной дезинтеграции, ослабление миграции русских в республики заставляли высшее руководство обращаться к традиционной для Российской империи политике русификации. В связи с принятием новых республиканских конституций в 1978 г. усилилось наступление на республиканские языки. Пропагандировалась идея «взаимобогащения культур», которая, по замечанию А.Авторханова, «сводится к массовому засорению национальных языков русскими словами»⁷⁰. Русификация затронула и историческую доктрину, внедряемую в сознание через систему просвещения. А.Авторханов так характеризовал основные принципы этой доктрины: «первый принцип — все нерусские народы присоединились к царской империи якобы сами, добровольно; второй принцип — все национально-освободительные движения, противодействовавшие этому, были реакционными движениями; третий принцип — включение этих народов в состав старой царской империи было исторически прогрессивным актом для них»⁷¹.

Итак, основными полюсами этнических противоречий становились:

- русскоязычное — коренное население;
- русские — «южане» (позднее — «лица кавказской национальности») в славянских республиках;
- «титульная нация» — остальные народы (при этом следует учитывать, что «титульные» нации были еще и в автономных республиках, входивших в союзные, что порождало новое поле напряженности).

Ситуация усугублялась тем, что разные этносы СССР находились на разном уровне общественного развития, что предопределяло значительную неравномерность демографических, а позднее и социально-политических процессов в СССР.

В конце 70-х-начале 80-х гг. усилились дезинтеграционные тенденции в СССР, которые правительство пыталось компенсировать политикой русификации, лишь обострявшей кризис.

3. Социальные противоречия и социально-психологические координаты советского общества. Обсуждение проекта Конституции 1977 г.

Существовавшее в 70-е гг. относительное социальное равновесие обеспечивало основным слоям общества медленное, но неуклонное «повышение их жизненного уровня». Но к концу 70-х гг. резервы системы были исчерпаны, стала нарастать внутренняя напряженность. Сотрудничающие до сих пор социальные силы стали постепенно превращаться в антагонистов. Стратегия правящего слоя заключалась в сдерживании этого процесса, в согласовании интересов различных социальных групп.

Чрезвычайно многое в этих условиях зависело от стабильности стиля руководства, гарантируемого правящей олигархией.

На посту руководителя правящей партии (Генеральный секретарь ЦК КПСС — с 1964 г.) и государства (Председатель Президиума Верховного Совета СССР — с 1977 г.) находился Леонид Брежнев — типичный представитель своего поколения государственных руководителей. Их молодость пришлась на 20-е гг. — нэп, изобилие на прилавках и пустота в карманах, партийные дискуссии, в которых побеждает тот, кто менее остроумен и более осторожен. Это время воспитало в них классическое мещанство — жажду сладкой жизни, спокойствия и нетерпение к творчеству, нетривиальности.

Затем это поколение государственных мужей было просеяно через сталинские чистки, ужаснулось, поглядев в зеркало хрущевских разоблачений и мысленно дало себе клятву: воздерживаться от расправ в правящей элите — машину репрессий трудно остановить. Они пришли к власти в возрасте под шестьдесят с твердым намерением насладиться жизнью и покоем. Им повезло — страна ждала того же — покоя и доброго, не импульсивного царя-батюшку.

Брежнев оправдал надежды. Стиль его руководства исходил из трех главных принципов: стабилизировать кадры, не трогать тех, кто не трогает тебя, обеспечить постепенный рост жизненного уровня населения (о котором руководители КПСС имели лишь приблизительное представление). Брежнев старался поддержать согласие между всеми уровнями элиты, что выражалось в своеобразном «демократизме». В.Печенев, один из составителей речей Генсека, вспоминает о его встрече с чиновниками: «Л.И.Брежнев вдруг спросил присутствующих: «Ну как Горбачев, не зазнался после того, как мы его в Политбюро избрали?» На что Г.Артапов — старый, бессменный член «брежневской команды», главный составитель внутриэкономических разделов его речей — под общий рокот одобрения ответил: «Нет, Леонид Ильич, пока он ведет себя демократично, не жалуемся!» — «Ну что ж, это хорошо», — довольно промолвил Брежнев»⁷².

Брежнев здесь — покровитель маленьких (в сравнении с членами Политбюро) людей, мнение коих, доказавших свою надежность за долгие годы, может сыграть не последнюю роль в судьбе нового «вождя». Главное

для Брежнева — надежность, устойчивость, неагрессивность. Тот же «тактичный» стиль отличал и государственный курс брежневского руководства — не трогать старого, «проверенного», сохранять равновесие во всем, давать всем необходимый минимум, чтобы никто не покушался на максимум, положенный сильным мира сего. Ключевой социальной характеристикой оставался статус. Отсюда пристрастие к «наградам Родины» и публикациям «литературных» и «публицистических» трудов, написанных референтами. Все это, казалось, придавало «дополнительный вес». Пример здесь подавал сам Генсек.

Социальные интересы элит должны были постоянно согласовываться для поддержания баланса. Центрами такого согласования были высшие органы партийной и государственной власти — Политбюро и Секретариат Центрального комитета, Верховный совет, Совет министров и их «подразделения». Реальные решения принимались не в коллегиальных органах, а в «подразделениях» — комитетах, отделах, министерствах. Они «готовили» решения, согласовывали их с заинтересованными слоями бюрократии. Часто эти решения инициировали снизу — с уровня предприятий, местных партийных комитетов и советов. В центре считалось важным подкрепить проект «записками» региональных и отраслевых организаций в поддержку решения. Даже если поток таких «записок» инициировался снизу, он отражал мнение соответствующего слоя правящей элиты. Механизм обратной связи в ее верхнем эшелоне был отлажен хорошо (см. Главу V). Отделы ЦК и важнейшие государственные структуры, представленные в Политбюро, были относительно самостоятельны в своей текущей работе. Их предложения согласовывались в рабочем порядке и затем оформлялись как решения Политбюро и ЦК. В важнейших случаях решения принимал узкий круг наиболее влиятельных членов Политбюро, в который входили Генеральный секретарь Л.Брежнев, секретарь ЦК, отвечавший за идеологическую стабильность, «человек № 2» в Политбюро М.Суслов, председатель КГБ Ю.Андропов, министр обороны Д.Устинов, часто — секретарь ЦК, глава общего отдела К.Черненко, председатель Совета министров А.Косыгин, министр иностранных дел А.Громыко.

Коллегиальные органы играли важную роль как место встречи заинтересованных сторон. Кулуары пленумов и сессий играли в СССР не меньшую роль, чем парламентские и партийные кулуары в других странах мира. Общение начиналось уже в преддверии заседания. «Провинциальная элита уже вся здесь. И все как обычно: целовались в засос, громко, через ряды приветствовали друг друга, делились “новостями”: о снеге, о видах на урожай, словом, шел партийный толк между своими, чувствующими себя хозяевами жизни», — вспоминает об одном из пленумов ЦК А.Черняев⁷³.

Социально-политическое равновесие, установившееся во второй половине 60-х гг., не было результатом монолитности правящего слоя. В рамках правящего класса все более явственно выделялись социальные группы, связанные с различными социально-психологическими стереотипами и социально-экономическими интересами. Как уже говорилось, чиновничество можно условно разделить по отношению к возможным переменам на «кон-

серваторов», «пуритан» и «реформистов». Другой принцип образования коалиций в недрах номенклатуры определялся экономическими корпоративными интересами (ВПК и хозяйственники, «ведомственный» и «местнический» интерес, бюрократия и директорат). По мере ослабления и распада клана председателя Совета министров А.Косыгина в недрах победившей коалиции Л.Брежнев стали формироваться новые противостоящие коалиции — «ведомственная» (руководство ВПК, большинство отраслевых министерств, меньшая часть региональных элит) и «местническая» или регионалистская (региональные элиты, аграрная элита, большая часть директората). Реформа 1965 г. и успехи в гонке вооружений обеспечили длительное доминирование в 1965—1985 гг. ведомственной коалиции, в которой преобладали «консерваторы», хотя имели влияние и «пуритане». До 1978 г. хозяйственная бюрократия, группировавшаяся вокруг председателя Совета министров А.Косыгина, противостояла военной бюрократии, имевшей приоритет в распределении ресурсов. По мере ослабления клана Косыгина в 1978—1980 гг. Хозяйственная бюрократия становилась более лояльна господствующему центру, и ведомственно-местнические противоречия проступали более рельефно.

Аграрии и сырьевики были недовольны установленными под давлением их оппонентов ценами и нормами распределения ресурсов и средств, директора были недовольны вышестоящими инстанциями, «сковывающими» их инициативу, не выделяющих достаточных ресурсов для необходимой модернизации производства и других проектов. «Местническая» коалиция была заинтересована в возвращении разрядки, которая позволила бы сократить затраты на ВПК, получить западные технологии, необходимые для модернизации и преодоления барьера научно-технической революции (НТР) — советского обозначения позднеиндустриальной модернизации. Аграриев не удовлетворяли частные уступки в виде списывания долгов — сами эти долги коммунистические «помещики» считали результатом несправедливого распределения средств.

Постепенное накопление противоречий между отраслевой бюрократией и директоратом, неудачи во внешней политике, связанные с влиянием «ястребов» в советском руководстве — все это подтачивало влияние «отраслевой» коалиции. К тому же «пуританское» ядро, включавшее в свой состав немало «ястребов» ВПК, как мы увидим, воспринимало будущих сторонников разоружения в качестве своих союзников, исходя из их прежней лояльности. Промышленно-хозяйственная бюрократия, прежде пытавшаяся осторожно противостоять как ВПК, так и партаппарату, по-прежнему была настроена в отношении «местнического» (прежде всего аграрного) лобби более настроенно.

КПСС строилась по территориальному принципу, и влияние региональных групп в ней было велико. До поры вес Политбюро и Секретариата, где доминировали «отраслевники», перевешивал влияние регионального лобби в ЦК и обкомах. Но время работало на «местные кадры», прежде всего на аграриев. Это было связано с порядком подбора кадров при Брежнев. «Считалось, — вспоминает М.Горбачев, — что поскольку партия отвечает за экономику, за жизнь страны в целом, руководителем крупного региона

должен быть человек, специальность которого связана с народным хозяйством. Примечательно, что многие из первых секретарей — и по опыту работы, и по образованию — являлись аграрниками. И это была не только дань традиции (до недавнего времени с землей связывалась жизнь основной массы населения), в большинстве регионов аграрный сектор занимал преобладающее или очень важное положение»⁷⁴. Усиление аграрного лобби на уровне обкомов влекло за собой ту же тенденцию и в других сферах: «Даже в тех случаях, когда предприятие или институт подчинялись союзному министерству, министр не мог обойти первого секретаря и назначить кого-либо без его ведома. Исключение составляли разве что предприятия оборонного комплекса — этого “государства в государстве”⁷⁵. По мере продвижения кадров снизу перевес отраслевиков, достигнутый во второй половине 60-х гг., становился все менее надежным. Аграрная элита, тесно связанная с районным партийным звеном, брала под контроль обкомы и постепенно выдвигалась в авангард «местнической коалиции», увлекая за собой часть директората. «Помещики» оказывались в авангарде борьбы «промышленников» против центральной бюрократии. Это выглядит парадоксально, но тем не менее не является особенностью Перестройки. Так, например, в Великобритании XVII в. «новые помещики» возглавили «буржуазную» коалицию, которая совершила революцию.

Во второй половине 70-х гг. в СССР стало формироваться реформистское ядро, опирающееся на значительную, а затем и преобладающую часть региональной элиты и директората. Но пока реформизм развивался в недрах более широкой «пуританской» коалиции, включавшей также лидеров ВПК и силовых ведомств. Действия «пуритан» были направлены против ряда региональных консервативных кланов. Это замедляло консолидацию реформистской «местнической» коалиции, но в конечном итоге способствовало ей, так как «пуритане» устраняли конкурентов «реформистов» в борьбе за влияние на региональные элиты (см. Главу V).

Усиление позиций «местнической коалиции» шло по мере обновления кадров. Но при Брежневе этот процесс протекал крайне медленно. Ориентация бюрократии на покой и равновесие, полностью соответствовавшее политике осторожного Брежнева, привела к тому, что поводом к замещению поста становились как правило лишь смерть или старческие психические отклонения чиновника, занимавшего этот пост ранее. Такое положение подрывало основной принцип бюрократической иерархии — принцип карьеры, который гарантировал бюрократу со временем продвижение по службе. «Застой» в карьерном продвижении парализовывал и другие механизмы бюрократического общества — в том числе бюрократическую экономику. Без карьерного стимула чиновники и директора не только теряли желание развивать порученное им дело, но и все больше раздражались отсутствием перемен. Накопление недовольства против стариков, занимавших высшие посты и не дававших дорогу следующей генерации номенклатуры, становилось мощной бомбой, заложенной под режим брежневского равновесия.

Апогеем брежневского равновесия стало принятие новой Конституции СССР 7 октября 1977 г. Год принятия основного закона, который должен был подчеркнуть этапность достигнутых при Брежневе успехов, было выбрано не случайно. К этому времени старые противоречия в руководстве были улажены, прежние претенденты на высшую власть удалены, СССР добился заметных экономических и внешнеполитических успехов. Во многих отношениях 1977 год можно назвать временем апогея периода равновесия в СССР. Режим вошел в стадию социальной интеграции. Она выражалась в стабильности социальных отношений, компромиссном стиле руководства, стремлении избегать конфликтов как внутри, так и вне страны и даже относительной терпимости к диссидентам. Фасад новой Конституции был призван подчеркнуть завершенность эпохи «борьбы» и возникновение «общенародного государства» (вызывающе антимарксистский тезис) как надстройки над «реальным социализмом» (промежуточная станция, призванная заменить отодвинувшийся в неведомые дали коммунизм).

Партийные юристы понимали, что строят фасад, идеальную конструкцию, во многом рассчитанную на импорт. Отсюда — последовательный демократизм многоступенчатой парламентской системы, ответственное правительство, тщательное перечисление гражданских и социальных прав. Возможно, участвовавшие в написании проекта шестидесятники надеялись, что рассчитанная на долгую жизнь Конституция станет воспитательным фактором и усилит правовой элемент в обществе и государстве. «На всякий случай» 6 статья документа закрепляла «руководящую и направляющую роль» КПСС, но это положение, которое через десятилетие сконцентрирует на себе гнев оппозиции, воспринималось, скорее, как констатация данности.

Обсуждение проекта Конституции превратилось в триумфальное шествие своеобразной коммунистической демократии. По всей стране были проведены открытые партийные собрания, на которых в большинстве своем высказывались рядовые коммунисты и даже беспартийные. Широкие партийные массы подошли к вопросу практически. Конституция воспринималась как документ прямого действия, и поэтому на партийных собраниях постоянно предлагали внести норму о наказании виновных в нарушении тех или иных положений (об обязанности заниматься воспитанием своих детей, праве на критику, охране природы, националистической пропаганде и использовании общественной собственности в корыстных целях), часты были требования введения в конституцию конкретных норм права (например, преследования за клевету)⁷⁶. Словно обобщая эти предложения, рабочий совхоза К.Тадевосян предложил внести в ст. 4 такое положение: «Должностные лица, не соблюдающие Конституцию СССР, освобождаются от занимаемой должности и привлекаются к ответственности»⁷⁷. Это предложение предвосхитило требование оппозиции 80-х гг. о прямом действии конституционных норм.

Обсуждение проекта Конституции на партсобраниях обозначило границы советского плюрализма конца 70-х гг. В экономической области в центре внимания остается проблема соотношения хозрасчета и планирования. Предложения закрепить в конституции хозрасчет были типичны. За 10 дней

10—20 июля было высказано 64 таких предложений⁷⁸. «Работа предприятий, объединений и организаций оценивается по конечному результату их деятельности», — предлагает уточнить ст. 15 заведующий планово-экономическим отделом издательства «Штинца» А.Финштейн⁷⁹ (всего за время обсуждения проекта было высказано 35 аналогичных предложений)⁸⁰. Директор И.Яшкин выступает за расширение прав предприятий⁸¹. Начальник цеха Н.Калиев требует закрепить взаимную ответственность предприятий за поставки продукции⁸² (всего высказано 249 аналогичных предложений)⁸³. И.о. главного инженера Н.Керпелевич в той же статье считает необходимым упомянуть научность планирования⁸⁴. По мнению 74 коммунистов после утверждения план не должен изменяться⁸⁵. При этом академическая общественность настаивает на том, чтобы при составлении «научных» планов все-таки учитывались рекомендации академической науки⁸⁶. Эти предложения не противоречили друг другу, так как хозрасчет считался совместимым с научным экономическим планированием из центра. Но сами предложения показывают, за какую корректировку хозяйственного механизма выступали коммунисты, стремившиеся к переменам. Это была модель плановой рыночной экономики с четким соблюдением взаимных обязательств и оплатой «по конечному результату».

Предвосхищая будущие эксперименты в области производственного самоуправления, преподаватель Г.Бондаренко предлагает наделить коллективы не абстрактными, а конкретными правами: «Коллективы предприятий, общественные организации вносят предложения, участвуют в управлении предприятиями и объединениями, в решении вопросов организации труда и быта, повышении качества продукции»⁸⁷.

С высоты своего опыта коммунист с 1925 г. И.Маслов предлагал гарантировать свободу хозяйствования колхозам⁸⁸. Следует множество предложений уточнить размеры личной собственности (в том числе на землю) либо с целью ограничения, либо — поощрения и расширения⁸⁹. Одновременно выдвигались и требования к колхозникам эффективно обрабатывать землю (842 предложения за декаду)⁹⁰, не оставлять «ни одной пяди земли» необработанной, что могло подразумевать передачу пустующих земель в личное пользование⁹¹. Зоотехник Х.Адуллаев идет еще дальше и предлагает такую конституционную формулировку: «Государство и колхозы оказывают гражданам помощь в содержании скота в личном пользовании»⁹². «Аграрные прения» в парторганизациях приводят к тому, что даже на одном листе сводки рядом стоят предложения, продиктованные почти противоположными интересами: «Сверхнормативное содержание скота в личном хозяйстве считается средством наживы и преследуется законом», — предлагает директор совхоза Бороздов. «Государство и колхозы оказывают помощь населению страны в содержании скота в личном пользовании», — отстаивает права мелких хозяев пенсионер Н.Павлий⁹³. Эту помощь, в том числе горожанам, должны организовать местные советы (53 предложения за декаду)⁹⁴. Защита личной собственности шла и на теоретическом уровне — в письме в «Правду» доктор экономических наук Г.Шмелев настаивал на ее

социалистическом характере, ссылаясь при этом на опыт Восточной Европы⁹⁵.

Участники обсуждения настойчиво требуют разъяснить термин «нетрудовые доходы», попавший в проект⁹⁶. Возможно, это было вызвано опасениями расширительного толкования этого двусмысленного выражения. Встречаются требования наряду с прочими тайнами гарантировать и тайну вкладов⁹⁷. Но преобладало неприятие имущественного расслоения — здесь рядовые партийцы лишь отражали общенародное настроение. Так, например, предлагалось установить контроль Советов за доходами граждан, «состояние которых свидетельствует о явно незаконных действиях»⁹⁸.

В обсуждении уже прорастает и будущая борьба за сельскохозяйственные предприятия, которая потом вызовет конфликты в верхах КПСС и серию реформ: председатель Глобинского райисполкома В. Литвиненко предлагает закрепить в Конституции «органическое единство агропромышленного комплекса»⁹⁹. Только за десять дней июля было высказано 21 подобное предложение¹⁰⁰. Аграрное лобби выступает против промышленников и по другому поводу — требует ответственности руководителей предприятий за рекультивацию земель (82 предложения за декаду)¹⁰¹.

Политический плюрализм хотя и не был связан с существованием социальных лобби, как экономический, но тоже был значительным. Выдвигались демократические требования выдвижения двух кандидатур при голосовании, ограничения права избрания двумя сроками¹⁰² — преддверие реформ 1986—1988 гг. Выдвигаются и предложения, в которых упоминается необходимость борьбы с бюрократизмом. Характерно, что одно из них сформулировал председатель парткома КГБ Черепанов: «Лица, нарушающие установленный законом порядок и сроки рассмотрения писем трудящихся, допускающие при этом волокиту и бюрократизм, либо преследующие за объективную критику, привлекаются к ответственности по закону» (325 аналогичных предложений за декаду)¹⁰³. «Пуритане» еще верили, что удержат монополию на право определять, какая критика является объективной, а какая деятельность — бюрократической.

Часто предлагалось ограничить возраст пребывания на государственных должностях возрастом, например, 60 лет¹⁰⁴ — коммунистам начинала надоедать геронтократическая стабилизация кадров. С другой стороны, встречается требование закрепить в Конституции совмещение постов Генерального секретаря ЦК КПСС и председателя Президиума Верховного совета СССР (всего 201 предложение)¹⁰⁵. Опередив историю на 13 лет, ветеран войны В. Богданов предложил сделать Генерального секретаря ЦК КПСС Президентом СССР¹⁰⁶.

Бурно обсуждались такие политические вопросы, как продолжительность депутатских полномочий, форма голосования, минимальный возраст депутата¹⁰⁷. Особенно активно выступали против допуска к власти молодежи.

Ортодоксальная часть партийной массы выступает за необратимое лишение гражданства тех, кто добровольно покинул страну — 185 предложений¹⁰⁸.

Немало было выступлений против пьянства и алкоголизма (159 предложений за декаду)¹⁰⁹.

Обсуждалась и новая 6-я статья о руководящей роли КПСС. Часть выступавших стремилась дополнить формальное закрепление государственного статуса партии некоторыми обязанностями «авангарда советского народа». Профработник В.Набокин предлагал вписать норму, по которой «КПСС существует для народа и защищает интересы народа»¹¹⁰ (всего было высказано 26 аналогичных предложений)¹¹¹. А если не защищает? В 1977 г. такой вопрос мог задать только диссидент. А через двенадцать лет — любой человек. Но уже в 1977 г. некоторые общественно активные беспартийные, не принадлежавшие к диссидентскому движению, считали статью 6 излишней. Так, читатель «Известий» Краморенко предлагал: «Статью 6 исключить из проекта, так как по истечении более чем полувека в СССР изменилось соотношение сил, классовой борьбы не существует, трудящиеся достаточно грамотны для самоуправления, поэтому сверхгосударственной руководящей силы не требуется»¹¹².

Но в целом диапазон мнений на партсобраниях соответствует взглядам авторов писем в редакции газет во время обсуждения проекта Конституции¹¹³. В это время партийная масса отличалась лишь несколько большей ортодоксальностью от общественно активных граждан. Значительная часть более скептически настроенных людей отмалчивалась, не надеясь, что их мнение будет услышано. Мобилизация этой скептической, но вместе с тем относительно оппозиционно мыслящей части общества произойдет (и то отчасти) лишь во второй половине 80-х гг. А пока партия оставалась практически единственной ареной легальной общественной жизни, полем для лоббирования интересов социальных групп, лишь частично состоящих из коммунистов. Давление со стороны разнообразных страт вызывало противоречия и трения не только среди рядовых коммунистов, но и в номенклатурных «верхах». Во время обсуждения проекта Конституции «верхи» не склонны были вносить в свой проект существенные коррективы, но тщательно фиксировали предложения и учитывали их при подготовке законодательных актов и партийных постановлений. Но каждый такой акт должен был быть согласован прежде всего с учетом интересов различных фракций правящей элиты, а уже потом — остальной части общества.

Противоречия в правящей элите имели и важную социально-экономическую подкладку — порядок доступа к собственности и власти. Стремление директората и нижних этажей бюрократии к независимости от вышестоящих инстанций было обратной стороной стремления номенклатуры к преодолению отчуждения от собственности. Народное хозяйство страны находилось в коллективном распоряжении правящего класса, но не принадлежало никому конкретно, не давало возможности «полноправно» пользоваться плодами экономики. Получение номенклатурных привилегий и благ регламентировалось множеством иерархических правил, и значительная часть чиновников считала, что получает свою долю не в соответствии с собственными талантами. Официально на содержание органов власти и управления в первой половине 80-х гг. уходила относительно скромная

сумма в 3 миллиарда рублей, то есть менее процента расходов бюджета¹¹⁴. Перспектива карьеры еще давала надежду дождаться своего времени, когда доля привилегий будет значительно выше средней. Но карьерная стагнация брежневского времени подрывала эти надежды и заставляла задуматься о возможности приобщиться к плодам «своего» участка экономики уже сейчас, воплотить в реальность широкие потенциальные возможности, предоставляемые для коррупции системой бюрократического рынка. «Помимо вульгарной взятки, подношений и подарков существовали и более “тонкие” — взаимная поддержка и мелкие личные услуги различного свойства, совместные пьянки под видом охоты или рыбалки»¹¹⁵, — со знанием дела пишет М.Горбачев. Кадровая стагнация способствовала сращиванию бюрократии с определенными участками экономики, которые тот или иной чиновник контролировал в течении многих лет. Такое положение способствовало усилению нелегальных распределительных механизмов, постепенно формировавшихся в «пирамиды» коррупции и нелегального бизнеса. По мнению В.Шубкина, «полулегальные связи и отношения оказываются питательной средой для возникновения преступных групп. Тень создает свою экономику, теньевую экономику»¹¹⁶.

Интервью с представителями «теневого» бизнеса показывают, что современная организованная преступность возникла в СССР именно при Брежневе¹¹⁷. В 70-е гг. теневой капитал, который в условиях запрета частной собственности мог быть единственной формой частного бизнеса, сформировал специфическую социальную систему, состоящую из теневой буржуазии и контролирующей ее мафии. Подобно альтернативному государству, она надстроилась над теневым капиталом, не имевшим возможности апеллировать к правоохранительным органам. Российская криминальная система «воры в законе» в начале 70-х гг. приняла идеи одного из своих авторитетов А.Черкасова и согласилась со смягчением запретов на контакт с институтами власти ради возможности, получив «крышу», сосредоточиться на устойчивой эксплуатации теневиков. Фактически это означало признание правоты «сук», к этому времени в основном разгромленных. «Цеховики» (хозяева подпольных цехов) иногда сопротивлялись. После серии столкновений бандиты вынуждены были пригласить на сходку в Кисловодск представителей «цеховиков» и договориться о норме отчисления в свою пользу, которую цеховики готовы были терпеть¹¹⁸. Таким образом, между подпольным бизнесом и рэкетирами установились феодальные отношения. Цеховики и торговцы даже искали рэкетиров, способных охранять их от других рэкетиров. В некоторых случаях бандиты оказались на службе у сильных теневиков, в некоторых — интегрировались в бизнес в качестве его руководителей. Феодальные отношения постепенно вытеснялись капиталистическими — теневой сектор догонял социум. Но психологические стереотипы влиятельных в теневом бизнесе людей оставались во многом отсталыми, полуфеодальными. Когда криминальный капитал выйдет из тени, это заметно повлияет на менталитет новой властной элиты.

После ослабления «воров в законе» в ходе так называемой «сучьей войны» 40-х—60-х гг. в криминальном мире усилились «южные» кланы. Это

было связано также с тем, что мафиозные структуры южных регионов могли у себя дома опираться на институты традиционного общества и более развитый индивидуальный бизнес в сфере услуг и выращивания южных сельскохозяйственных культур. Сплоченные и «богатые» преступные кланы с юга постепенно расширяли свою сферу влияния на север. Это создавало обстановку нестабильности в криминализованном секторе, контрастировавшую со спокойным ритмом страны в целом.

Наиболее уверенно чувствовала себя теневая торговая система, имевшая «крышу» в высшем государственном руководстве. Руководители магазинов и торгов контролировали движение дефицита и «списывали» часть реально проданного продукта по нормам «естественной убыли», предусмотренной в экономике, где все гнило и усыхало. В результате получалась солидная «доплата» за оперативность и качество работы. Этой «левой» выручкой делились с вышестоящим руководством. Масштабы такой системы выяснить сегодня трудно, поскольку позднее власти проводили расследование этой деятельности с грубыми нарушениями закона, опираясь скорее на социологическую схему всеобщего поглощения торговой сети преступными пирамидами.

Паразитируя на государственном и индивидуальном хозяйстве, криминальный капитал (симбиоз мафии, теневого бизнеса и коррумпированных чиновников), этот второй после бюрократии эксплуататорский слой СССР, небезуспешно конкурировал с чиновничеством и располагал достаточными средствами, чтобы ставить все большее количество чиновников под свой контроль с помощью механизма коррупции¹¹⁹. Постепенно теневая экономика и коррупция захватывала целые отрасли и территории. Работать здесь без использования «теневых» методов становилось практически невозможно. Рассказывает следователь по особо важным делам В.Олейник: «Я процитирую кое-что из показаний бывшего заместителя директора торгового гастронома Л.Лаврова. Он перечислил 16 пунктов неизбежных “расходов директора”: за разгрузку продуктов, рубщикам мяса, за уборку магазина и еще за многие работы, без которых магазин не может функционировать, но которые никаким счетами не предусмотрены и штатными единицами не обеспечены. Ну представьте себе кристально честного человека в роли директора магазина. Чем платить? Откуда брать деньги? Из своего кармана — не хватит. Не подумайте, что я вдруг занял позицию адвоката. Нет, в тех же 16 пунктах предусмотрены взятки вышестоящим за фонды, контролерам за снисходительность и так далее»¹²⁰.

В конце 70-х гг. коррупция приняла массовый характер не только в южных республиках. Тысячи врачей, продавцов, работников сервиса получали «дополнительную оплату» своих услуг, «отстегивая» долю вышестоящей «крыше» — руководству, позволявшему развиваться новым общественным отношениям. Описывая подобные случаи, один из читателей «Известий» резюмировал: «У определенной прослойки людей сосредотачиваются выпадающие из оборота громадные денежные средства...»¹²¹ Пройдут годы, и эти средства будут пушены в оборот. Упомянутое письмо было включено с сек-

ретную сводку ЦК и, возможно, стало одним из сигналов, формировавших взгляды высших руководителей партии.

Партийное руководство иногда давало понять, что разделяет народное неудовлетворение состоянием дел в торговле. Во время обсуждения проекта Конституции СССР выяснилось, что из ст. 24, где перечислялись отрасли сферы обслуживания, торговля выпала. Работники торговли предложили исправить это «недоразумение»¹²². В окончательном тексте торговля заняла «свое» место. Пока бюрократия придерживалась линии на компромисс с конкурентом.

«Теневая экономика» и коррупция превращалась в систему, в которой «инородное тело» просто не могло бы существовать¹²³. Это не значит, что все работники торговли в Москве или все хлопкоробы в Узбекистане прямо нарушали закон. Сама двусмысленность закона создавала «серую зону права», в которой одно и то же действие могло рассматриваться как законное и незаконное. Пока человек вел себя в соответствии с предусмотренными правилами игры, на его нарушения смотрели сквозь пальцы — иначе работать было бы просто невозможно. Участники «дела», не нарушавшие закон сами, покрывали прямых преступников.

Такое положение все меньше устраивало лидеров бюрократии, которые не без оснований опасались, что правящая элита может оказаться под контролем нового эксплуататорского слоя. С этим связано наступление на коррупцию, начавшееся в конце 70-х гг.

Борьба вокруг «серой зоны права» велась и на другом направлении. Стабильность была привилегией бюрократии, но плодами «уверенности в завтрашнем дне» желала пользоваться и интеллигенция. (Под интеллигенцией здесь понимается социальный слой людей интеллектуального труда, не облеченных властью над представителями иных социальных слоев). По замечанию А. Амальрика, специалист желал, «чтобы с ним обращались не в зависимости от текущих нужд режима, а на “законной основе”»¹²⁴. В этом смысле большинство интеллигентов были умеренными правозащитниками. Они вступали в правозащитную борьбу прежде всего тогда, когда нарушались права данного конкретного человека, но сам факт бесправия интеллектуальной элиты вызывал перманентный ропот и не мог не подпитывать оппозиционные настроения.

Собственно, интеллигенция всегда была источником оппозиции просто потому, что она генерировала новые идеи. В интеллектуальном творчестве состояла главная функция интеллигенции. Обойтись без этих услуг интеллигенции в век идеологической борьбы и научно-технического прогресса режим не мог. Но монополию на социальное творчество бюрократия оставляла за собой, сводя его к едва заметному минимуму. Это создавало поле противоречий между бюрократией и интеллигенцией. Решить проблему номенклатура могла лишь интегрировав интеллигенцию в свою среду, организовав ее по образу и подобию номенклатуры. «Верхние эшелоны» интеллектуалов были поставлены в привилегированное положение и подчинены жесткому контролю. Так возник феномен тоталитарной интеллигенции, которая продолжала жить в условиях жесткого контроля даже тогда, когда остальное общество уже выходило из-под идеологического влияния комму-

нистической доктрины. В результате представители тоталитарной интеллигенции воспринимали общество, в котором они жили, как «тотальную идеократию» (термин Г.Шахназарова)¹²⁵, то есть систему всеобщего идеологического контроля. Действительно, он существовал, но только в отношении самой бюрократии и обюрокраченной интеллигенции. В 70-е гг. значительная часть представителей этих слоев продолжала жить при тоталитаризме.

Номенклатурная интеллигенция была приобщена к привилегиям, но в случае проявления свободомыслия специалист мог быть лишен доступа к ним. Не случайно одним из наиболее страшных наказаний считалось лишение возможности выезжать за границу. Невероятная кара для страны, где большинство граждан никогда за границей не бывали. Но для человека, который всю жизнь доказывал неоспоримые преимущества «реального социализма», выезд на Запад означал приобщение к страшной тайне преимуществ «общества потребления». Многих «бойцов идеологического фронта» она сделала тайными западниками.

Ономенклатурирование интеллигенции давало противоречивый эффект. С одной стороны, интеллектуальная жизнь обюрокрачивалась со всеми негативными последствиями этого. С другой — интеллигенты стремились к освобождению от бюрократического контроля, надеясь, что в случае объявления интеллектуальной свободы все привилегии останутся с ними. Тоталитарная интеллигенция, воспитанная в условиях идеологической монополии и «двоемыслия», отличалась догматичностью и нетерпимостью к оппонентам. Являясь частью номенклатуры, она при этом в значительной своей части ненавидела режим и стремилась к его разрушению — как правило, в пользу Западной модели развития. Тем более, что одной из привилегий того времени был легальный доступ к «враждебной» литературе, попадавшей, таким образом, на благоприятную почву.

Тоталитарная интеллигенция составляла лишь часть интеллектуальной элиты, которая в иерархическом обществе СССР составила костяк «среднего класса», или, по определению А.Амальрика, «класса специалистов». Специалисты отличались от основной массы работников как характером труда (не только выполнение сформированных управленцами решений, но и формирование решений управленцев), так и уровнем оплаты труда. Но бюрократия пыталась вести себя в отношении специалистов так же, как в отношении рабочих, полновластно вмешиваясь в творческий процесс. Это снижало качество процесса и вызывало недовольство. Материальное положение большинства специалистов также незначительно разнилось с положением рабочих, что не способствовало стимулированию творческого труда¹²⁶. Большая часть специалистов не входила в состав тоталитарной интеллигенции и, не получая привилегий, не находилась под жестким идеологическим контролем режима. На основе слоя специалистов-интеллигентов (в условиях СССР — среднего слоя) формировались зачатки гражданского общества — горизонтальных, независимых от государства связей как основы общественной активности. Однако пока это были изолированные друг от друга круги неформального общения, связанные с музыкальной культурой, хобби, семейными и дружескими узами, и лишь иногда — с общественной

активностью. В относительно изолированных субкультурах общественно активная интеллигенция виртуально репетировала социальное творчество. Попытки небольших радикальных групп открыто вступать на путь правозащитной борьбы встречали противоречивый отклик в среде среднего класса — часто враждебный (см. Главу X). Гражданский потенциал интеллигенции еще оставался только потенциалом, и «класс специалистов» не начал превращаться в гражданский слой — основу гражданского общества¹²⁷.

От мыслительного труда интеллигенцию упорно отвлекала вся социально-экономическая система страны: физический труд на полях, интриги карьерной войны, почти безнадежная борьба за внедрение своих достижений, не вписывающихся в устаревшие производственные отношения. Несмотря на привилегии ее высших слоев, сросшихся с бюрократией, средняя масса интеллигенции имела очень скромные доходы. Если в 1955 г. ИТР получали в среднем на 70% больше, чем рабочие, то в 1985 г. разница сократилась до 10%¹²⁸. Профессия инженера, как и других слоев интеллигенции, теряла свой престиж. Это приводило к двум важным последствиям — недовольству и этого социального слоя, а также замедлению научно-технического прогресса. Внедрение новых технологий требовало иной организации труда, иных общественных отношений, иного положения научных работников. А пока, по справедливому высказыванию Р.Сагдеева, «по приборной и компьютерной вооруженности армия наших научных работников и инженеров скорее напоминает народное ополчение с самострелами в руках»¹²⁹.

Но, несмотря на эти трудности, наука и культура продолжали развиваться, чему в немалой степени способствовало стабильное финансирование. И это касается не только технических наук, в которых у правительства была непосредственная заинтересованность. В гуманитарной сфере (исключая темы, наиболее важные идеологически) обычны были дискуссии, нормальным считалось выражение «в науке еще не сложилось единое мнение по этому вопросу». Во многих сочинениях, не связанных с XX в. и К.Марксом, достаточно было убрать оценочную и общефилософскую часть, и налет догматизма совершенно исчезал. В то же время критический настрой марксистской литературы в отношении идеологических основ западной цивилизации имел важное научное значение. Так же, как на Западе советологи концентрировались на изучении «теневых сторон» жизни и истории СССР, так и социологи Советского Союза концентрировали внимание на тех сторонах западной жизни, которые западная массмедиа старалась обходить стороной. Несмотря на то, что научные дискуссии велись в рамках дозволенного, иногда они приближались к опасным граням. Так, например, дискуссия историков об азиатском способе производства нанесла непоправимый удар по стройной концепции пяти общественно-экономических формаций, на которой держалась официальная теория прогресса. В ходе этой дискуссии к тому же выяснилось, что государство может быть эксплуататором само по себе — этот вывод вполне можно было применить к СССР. Несмотря на то, что обсуждение этой темы не поощрялось, даже в 1983 г. продолжали выходить сочинения, отрицавшие «пятичленку» формаций¹³⁰.

Дискуссии проникали и в студенческие аудитории, разлагая нерушимый фундамент «научного мировоззрения».

Возможность направлять большие средства на избранные направления науки, с одной стороны, и концентрация усилий ученых на одной методике исследования в ущерб другим — с другой, привели к тому, что на фоне общего отставания ряд направлений советской науки был относительно конкурентоспособен и в мире.

Нельзя не заметить также поступательного развития советской культуры, успешно продиравшейся через тернии партийно-государственного контроля. На фоне тонн макулатуры и многих часов бездарных кинофильмов и телепередач то и дело выходили талантливые книги и фильмы. Официоз не имел ничего против таких произведений, если в них не излагался альтернативный «правильному» взгляд на политические и историко-политические вопросы. Впрочем, неутомимые художники умудрялись под видом исторических и бытовых сюжетов рассуждать о таких темах, которые официально открывает только Перестройка. Примерами можно заполнить несколько страниц — приведем только некоторые. В фильме Э.Рязанова «О бедном гусаре замолвите слово» царский жандарм говорит заключенному о том, что «наши тюрьмы и генералов выдерживали». Генералы в тюрьмах — явление очень характерное для прошлого века. То ли дело — при Сталине. Вышедший в 1979 г. фильм того же режиссера «Гараж» неплохо прогнозировал многие психологические обстоятельства раннего периода Перестройки и был полон весьма смелых намеков.

«Вольномыслие» в кинематографе проявлялось по-разному. Так, фильмы Ю.Германа «Мой друг Иван Лапшин» и В.Говорухина «Место встречи изменить нельзя» поднимают проблему правового произвола при Сталине. Первый фильм полон намеков, понятных элите, второй увлекает зрителя детективным сюжетом и в то же время будит неприязнь к произволу и сочувствие к его жертвам. Сравнение киноискусства 60-х — первой половины 80-х гг. с более поздним периодом показывает, что в период «застоя» оно переживало тяжелое, но не худшее время. В борьбе с бюрократией художники несли потери, но и закалялись.

Значительная часть специалистов была занята обеспечением здравоохранения и образования. Как и в других сферах жизни СССР, здесь удовлетворялись стандартные, рассчитанные на среднего человека нужды, но не более. Низкий уровень оплаты труда, упадок стимулов к работе приводили и здесь к стагнации. Впрочем, в каждом деле существовали свои подвижники.

Рутинное образование, нищая медицина, отсталое производство быстро убивали энтузиазм основной массы новобранцев интеллигентских профессий. Но студенчество еще пылало романтизмом, горячими спорами, весельем юности. Эта категория интеллигенции была самой бесправной, то и дело направлялась на строительные и сельскохозяйственные работы, но в этом некоторые видели романтику студенческой жизни. Возникла целая культура «стройотрядного» образа жизни. Романтика и иллюзии студенчества поощрялись сверху. Казалось, что столкновение с жизнью потом отрезвит юно-

шей и девушек и встроит их в общую систему. А пока пусть думают, что бедность и несправие студенчества — естественные временные трудности не занявших еще своего места в жизни людей. Однако, как показали события на Кавказе 1978—1981 гг., в условиях социального-политического кризиса юношеский романтизм и радикализм мог превратиться в запал социального пожара. В молодежной среде неформально общались отпрыски различных социальных слоев. Новому поколению становилось очевидно, что рассказы о социальной справедливости в СССР — не более, чем собрание мифов.

Зримое размывание социальной однородности было опасно для стабильности системы. Общество «реального социализма» отличалось значительным имущественным неравенством, идея социального равенства была одним из основополагающих коммунистических мифов. Свыше 250 рублей на члена семьи получали в 1980 г. 1,3% населения, 150—250 рублей — 17,1%, 75—150 рублей — 55,9%, менее 75 рублей — 25,8%¹³¹. «Средние слои», то есть специалисты и хорошо (по советским меркам) оплачиваемые рабочие составляли большинство населения. Благодаря высоким вложениям в массовую культуру и образование, а также контролю за интеллектуальным развитием, образовательная грань между интеллигенцией и рабочим классом была не очень велика. Культурный уровень правящей элиты отличался от «общенародного» еще меньше. В социально-психологическом плане советское общество действительно было достаточно цельным.

Социальная структура СССР была относительно прочна в силу того, что внутри каждой страты имущественные различия нивелировались. Так, несмотря на то, что дифференциация труда рабочих в зависимости от квалификации оценивалась социологами как десятикратная, оплата труда рабочего на одном производстве, как правило, различалась не более, чем в два раза¹³². При этом существовала большая разница в оплате и обеспечении социальной инфраструктуры работников различных предприятий. Наиболее квалифицированная рабочая сила концентрировалась в так называемых «ящиках» — закрытых предприятиях, связанных с военно-промышленным комплексом (но обеспечивавших не только военные нужды). За лучшие условия труда и быта рабочий вынужден был расплачиваться меньшей степенью свободы в смене рабочего места и часто более интенсивным трудом.

Интенсивность труда большинства рабочих была не очень велика. Но важной проблемой оставалась неритмичность труда. По данным Госкомтруда, с 1975 по 1980 г. количество простоев выросло с 0,36 человеко-дня до 0,42 человеко-дня на одного рабочего в год. «Для обеспечения выполнения плана в конце месяца рабочие привлекаются к массовым сверхурочным работам, работам в выходные дни, зачастую в нарушение трудового законодательства», — жаловался Госкомтруд в ЦК¹³³.

В стране продолжали сохраняться серьезные территориальные различия, пронизывавшие не только элиту, но и массу рабочего класса, составлявшего 61% населения¹³⁴. В выигрышном положении оказывались рабочие Москвы, Ленинграда, некоторых столиц «союзных республик». Здесь существовали преимущественные условия снабжения, доступа к культурной инфраструк-

туре. Усвоив уроки революции, власти внимательно следили за снабжением этих городов. Остальная масса пролетариата была скучена в индустриальных центрах, где условия жизни были гораздо хуже. Географическое разделение населения обеспечивалось системой прописки — ограничение права изменения места жительства. Прописка обосновывалась экономически — для получения дешевого жилья необходимо было принадлежать к числу жителей данной местности, а войти в число этих жителей можно было только имея постоянное жилье. Так дешевизна социальных услуг влекла за собой географический корпоративизм.

«Жилищный вопрос» был одной из основных социальных проблем СССР еще со времен сформированной индустриализации и живо дискутировался, в том числе и на партсобраниях. Во время обсуждения проекта Конституции 1977 г. рядовые коммунисты требовали более справедливого распределения жилья, и даже при участии «общественного контроля»¹³⁵. Высказывались требования равных жилищных прав¹³⁶. Более реалистичный архитектор Н.Опарин, напротив, считает неуместными пропагандистские статьи Конституции и предлагает исключить ст. 44 («право на жилище»), если нельзя обеспечить всех граждан жильем за 2—3 года¹³⁷. Статью не исключили, но руководство КПСС не забыло про «должок» и разрабатывало план ликвидации дефицита жилья. Этот план был принят в 1986 г., но не пережил Перестройки.

Стремление провинциалов войти в привилегированное сословие столичных жителей, получить московскую или ленинградскую прописку, привело к возникновению явления «лимитчиков», то есть социального слоя рабочих, нанимаемых в столицы на невыгодных условиях, но с перспективой получения московской прописки. Ради нее «лимитчики» готовы были временно работать и жить в гораздо более тяжелых условиях, чем большинство рабочих СССР. «Лимит» (возможность ограниченного ввоза рабочей силы в Москву) давал администрации предприятий возможность обходиться без рационализации производства и приводил к постоянному разрастанию столиц, усиливал в них социальную напряженность. Пытаясь смягчить проблему «лимита», администрация широко применяла на тяжелых работах также иностранную рабочую силу (прежде всего из «братского» Вьетнама, нищее население которого также было готово трудиться в любых условиях), солдат, заключенных «лечебно-трудовых профилакториев», куда попадали алкоголики. Эти слои рабочей силы, привлекаемые к труду внеэкономическими методами, находились еще в относительно выгодном положении по сравнению с заключенными тюрем и лагерей, труд которых широко использовался в провинции. В заключении, по данным диссидентов, находилось до 1% населения страны¹³⁸. Эти «парии» советского общества поддерживали экстенсивные тенденции в развитии экономики страны и до времени обеспечивали большую социальную стабильность, так как почти бесплатно брали на себя наиболее тяжелые работы.

Социальная стабильность поддерживалась и корпоративной социально-психологической традицией, доставшейся российской индустриальной цивилизации в наследство от общинной культуры России и коллективистской

коммунистической идеологии. Администрация была вынуждена в условиях дефицита рабочей силы (одно из проявлений всеобщего дефицита) стремиться к постоянному повышению жизненного уровня своих рабочих (чтобы они не перешли на другие предприятия). Это снижало угрозу забастовок, так как в большинстве случаев можно было обходиться без них. По мнению В.Заславского, «право на уход по собственному желанию представляет собой могучее средство давления рабочего на администрацию»¹³⁹. Руководству предприятий удавалось договариваться с работниками — текучесть кадров составила в 1985 г. всего 12,7% списочного состава предприятий, что относительно немного в условиях постоянного дефицита рабочей силы¹⁴⁰. Предприятия воспринимались значительной частью рабочих как «свои», на производстве складывался своеобразный общественный микроклимат с собственными авторитетными людьми, часто не занимавшими официальных управленческих постов. Но наибольшие проблемы администрации доставляли не столько местные авторитеты, сколько более активные правдоискатели — «жалобщики», «заводилы».

В конце 70-х гг. в условиях нарастающих экономических трудностей администрации постоянно «закручивала гайки», пытаясь поставить трудовые коллективы под жесткий контроль, навязать ему менее выгодные условия труда. Это приводило к все большему количеству конфликтов: «Увеличилось количество писем о трудовых конфликтах, — писал в сводке для ЦК заместитель редактора «Литературной газеты» В.Сырокомский. — Читатели сообщают факты увольнения и преследования работников за критику. Часто от “жалобщика” пытаются избавиться любыми способами, начиная от незаслуженных выговоров и вплоть до организации товарищеского суда. Авторы писем обращают внимание на то, что некоторые руководители, чувствуя себя в роли “удельных князей”, заводят свои собственные порядки, окружают себя “верными” людьми и творят свой суд и расправу над неугодными»¹⁴¹. Стремление директората к самостоятельности, укреплению контроля за «своими» предприятиями, реализовывалось не только за счет вышестоящих бюрократических структур, но и за счет любителей «качать права» на производстве. Для «рабочей оппозиции» наступали тяжелые времена.

Большую роль в разрешении трудовых конфликтов играли суды. Но их значение падало. В Ивановской области, например, судами были восстановлены на работе в 1973 г. 58,6% обратившихся, в 1976 г. — 39,2%, в 1977 г. — 27,8%, а в 1978 г. — всего 5,7%, в 1979 г. — 3,4%¹⁴². Вряд ли резкое падение процента удовлетворенных исков может свидетельствовать о том, что увольнения стали более оправданными. Ужесточилась позиция судов в отношении рабочих. Тысячи несправедливо уволенных продолжали ходить по судам разных инстанций, превратившись в специфический социальный типаж безработного «жалобщика». Зато миллионы рабочих теперь опасались входить в индивидуальный конфликт с начальством. Но это лишь спланивало рабочих и, если сопротивление поддерживали цеховые авторитеты, вело к коллективным акциям протеста.

Забастовочная активность стала возрастать в 1979—1980 гг.¹⁴³ Вскоре этот факт признали и государственные органы (конечно, секретно): «В 1980

г. участились случаи грубого нарушения на отдельных предприятиях трудовой дисциплины, которые выражались в самовольном оставлении работы с целью решения таким образом возникших трудовых конфликтов», — говорилось в записке Госкомтруда в ЦК¹⁴⁴. Одним из важнейших поводов к забастовке стало снятие льготных пенсий, использовавшихся для привлечения работников на производство. Люди отработывали в тяжелых условиях много лет, рассчитывали получить за это льготную пенсию, но затем льготу отменяли. Можно вообразить себе возмущение обманутых рабочих. В 1980 г. это вызвало забастовки на Краснодарском заводе измерительных приборов и на Щебекинском химзаводе. Среди других причин забастовок были требования повышения зарплаты, сохранения льготных отпусков, сокращенного рабочего дня, отмены пересмотра норм¹⁴⁵. Требования рабочих были «консервативны», они сводились к выполнению обещаний администрации и к сохранению прежнего положения, которое привлекло работников на то или иное предприятие. Но экономическая обстановка становилась все тяжелее, и хозяйственные руководители пытались решить нарастающие экономические проблемы за счет рабочих, что вызывало недовольство, а иногда — и открытое сопротивление. Призрак «Солидарности» витал над СССР.

Однако, как правило, конфликты удавалось быстро прекращать путем переговоров между лидерами и работниками разветвленной социальной инфраструктуры предприятия (партком, профком и др.). «Изучая наше производство изнутри, будучи рабочим в 1981—1987 гг., — вспоминает В. Корсетов, — я понял, что оно жило в условиях непрекращающихся трудовых конфликтов. Забастовки происходили постоянно — из-за условий труда и расценок. Формы были разнообразны — от спонтанных митингов в рабочее время до «итальянских» забастовок-вольнок. На серьезные, продолжительные забастовки жизнь толкала редко, когда администрация шла на большое удлинение рабочего дня. Рабочие сидели на рабочем месте и не работали. Как-то на моей памяти забастовал цех в 120 женщин одной профессии. Согнали около 300 человек администрации со всего завода здоровых мужиков, которые «давили» на забастовщиц. Администрация состоит как правило из мужчин даже там, где производство преимущественно женское»¹⁴⁶. Работниц удалось «уговорить».

На предварительной стадии конфликты часто гасились благодаря посредничеству парторганизации или местных ячеек общественных организаций — профкома и комсомола. Эти структуры, создававшиеся как проводники воли высшего руководства и бюрократии, к концу 70-х гг. превратились в промежуточное звено, которое ориентировалось на интересы не только «верхов», но и «низов». Корпоративная система распределения материальных благ, покровительство администрации своим рабочим, заводской патриотизм и т.д. создавали цельный микроклимат предприятия, который далеко не всегда контролировался извне. Конфигурация линии противостояния бюрократии и общества зависела от конкретной позиции директоров, мастеров, инженеров, председателей парткомов и профкомов. Так, например, в 1983 г. проверка показала, что около половины профкомов

саботирует карательные мероприятия государства, направленные против «нарушителей трудовой дисциплины»¹⁴⁷. В то же время администрация могла опереться на коллектив, своего рода промышленную общину, авторитет которой мог воздействовать на наиболее нерадивых, так как их работу приходилось выполнять остальным. По справедливому замечанию В.Заславского, картина отношений на советском предприятии «далека от протестантской этики отношения к труду, равно как и от технократического идеала постоянного увеличения производства, но она также далека и от образа советского рабочего класса, лишенного всех прав»¹⁴⁸.

Рядовые коммунисты по своему социальному положению мало отличались от большинства коллег и характеризовались только большей лояльностью. Но во время партийных обсуждений (например, при обсуждении проекта Конституции 1977 г.) то и дело выдвигались социальные требования «основных классов» — о гарантированном уровне цен, об увеличении отпуска рабочих с 15 до 24 дней, о предоставлении отпуска за дополнительную работу, о дополнительном вознаграждении за стаж, о запрещении труда женщин на тяжелых работах, предоставление пенсий многодетным домохозяйкам, вытеснение ручного труда, в первую очередь — женского и др.¹⁴⁹ Инженер И.Кукушкина предлагала внести норму об отпуске по воспитанию детей в три года¹⁵⁰. В Конституцию эта норма попасть, конечно, не могла, но со временем она попала в закон. Советское «социальное государство» было заинтересовано в стимулировании рождаемости — будущей рабочей силы. Это поощряло активность «женского лобби» — всего только за декаду было предложено 345 конкретных предложений по социальным льготам для женщин¹⁵¹.

Ойёадй И.Вислоушкин предложил конституционно закрепить персональную ответственность первых руководителей предприятий «за создание в коллективах надлежащих производственных и культурно-бытовых условий»¹⁵² (118 аналогичных предложений за декаду)¹⁵³. Некоторые менеджеры, в свою очередь, требовали ввести статью «об ответственности работников за выпуск некачественной продукции»¹⁵⁴. Директор Минишев, поддержанный за 10 дней еще 25 коммунистами, предлагал такую норму: «коллектив отвечает за каждого своего члена, а каждый член коллектива несет моральную ответственность за общее положение дел в коллективе»¹⁵⁵. Это директорское требование круговой поруки не попало в Конституцию, но зато стало реализовываться (и не только морально, но и материально) в Свердловской области (см. Главу XII). Социальные противоречия на производстве живо проявлялись на конституционных партсобраниях. Проявило себя и профсоюзное лобби, требовавшее признания профсоюзной собственности самостоятельной формой общественной собственности наряду с государственной и колхозно-кооперативной — 64 предложения за декаду¹⁵⁶.

Относительная защищенность человека на производстве контрастировала с его беззащитностью перед лицом бюрократии по месту жительства. Социолог О.Яницкий пишет об этом: «На заводе, в любом учреждении работник все же социально защищен. При всем несовершенстве нашего трудового законодательства он — член трудового коллектива, КПСС, профсоюза,

многочисленных трудовых организаций. А в микрорайоне, заводском поселке, общежитии он бесправен и безгласен, постоянно слышит «нельзя», «не предусмотрено», «зайдите завтра»¹⁵⁷. Компартии удалось разрушить общину на территориальном уровне. Собственно, именно там она представляла для политической монополии коммунистов наибольшую угрозу. Именно по месту жительства человек «отвлекается» от производственных заданий и сталкивается с проблемами качества жизни и связанными с ним более общими вопросами — экологии, бюрократизации, социальной уязвимости и т.д. Но человек территориальный был гораздо хуже организован, чем человек производственный (хотя это были одни и те же люди), и потому первый уступал второму, когда их интересы сталкивались. Отсюда — нарастание экологических проблем (приоритет интересов производства над здоровьем местных жителей), мирриады нерешенных вопросов качественного жилья, снабжения, транспорта, нараставших по мере ослабления единого обруча, сплавивавшего административную машину в сталинские времена. По мере роста сферы свободы в обществе индустриальная машина оказывалась в более выгодном положении, чем население; человек-винтик этой машины — в более выгодном положении, чем собственно человек-житель.

Конечно, это было результатом общих закономерностей развития индустриализма, которые проявляются и на Западе, и на Востоке. Но здесь было одно существенное различие — в большинстве западных стран общинность, корпоративность общества сильнее сохранилась по месту жительства, чем на производстве. Это, помимо всего прочего, обеспечило большую защищенность человека именно как потребителя, как жителя. Это позволило быстрее, чем в СССР, сформироваться современному гражданскому обществу, опирающемуся на сильное территориальное самоуправление. В СССР коммунистический «большой скачок» разрушил территориальное самоуправление и перенес корпоративные структуры на производство. В итоге — большая защищенность на производстве (по некоторым параметрам — выше, чем в большинстве стран Запада) и беспомощность по месту жительства, а точнее — по месту жизни вне производства. В 80-е гг. это вызовет мощное движение за территориальное самоуправление. А пока костяком корпоративной структуры общества СССР (и ряда других стран, в том числе, например, Японии) оставалось производство.

Экономический механизм 60—70-х гг. оказывал на этот костяк противоречивое воздействие. При материальном стимулировании приоритет отдавался индивидуальному подходу, а лишняя прибыль предприятия и его подразделений изымалась в бюджет. Таким образом, персональное стимулирование производилось за счет коллектива, что вело к социальной атомизации. Словно спохватившись, государство стало поощрять коллективные формы материального стимулирования (бригадный подряд, шекинский метод). По сути, это была форма сдельной оплаты с элементами круговой поруки — работники не получали почти никаких дополнительных прав. Соответственно и «бригадный подряд» в большинстве случаев оставался формальностью. По данным опросов в Куйбышеве, самостоятельные решения по распределению коллективного заработка принимали только 43% бригад.

Лишь четверть бригад принимала хоть какие-то меры к нарушителям дисциплины (если рабочие и в этих случаях не ввели социолога в заблуждение «на всякий случай»)¹⁵⁸. Среднее звено хозяйственной бюрократии относилось к фактическому (а не декларативному) коллективизму с большим подозрением. Там, где в автономных бригадах или на предприятиях возникали зачатки самоуправления, они грозили ограничить власть хозяйственных органов. Поэтому даже в том случае, когда рабочие поддерживали новое начинание, оно было обречено. Производственная общность должна была быть только вертикальной, тесно связывающей руководителя и подчиненного и потому подконтрольной. Грань между правящим слоем и остальной частью общества должна была быть малозаметной.

Медленный рост благосостояния должен был снять возможные напряжения между элитой и массой остального населения. Среднемесячная зарплата в 1980—1985 гг. выросла с 168,9 до 190,1 рубля в месяц, а зарплата рабочих — со 182,5 до 208,5 рублей¹⁵⁹. Доход от подсобного хозяйства составил в 1980 г. 7% от общего дохода населения, в том числе у колхозников — 27,5%¹⁶⁰, а в реальности возможно и больше. С добавлением различных выплат и льгот среднемесячная зарплата в народном хозяйстве возросла с 233 до 269 рублей¹⁶¹.

При этом цены не стояли на месте. В 1980—1985 гг. цены на мясо выросли на 5%, на колбасные изделия — на 13%, на рыбу — на 2%, на сыр и брынзу — более, чем на 3%, фрукты и бахчевые культуры — более чем на 21%. В то же время цены на животное масло, яйца, сахар, крупу не изменились (если не считать такой фактор инфляции, как быстрое развитие сети кооперативных магазинов, в которых цены были выше, а уровень дефицита — меньше)¹⁶².

В то время, как цены на хлопчатобумажные ткани выросли почти на 30%, цены на шерстяные ткани упали почти на 5%. Если цены на радиоприемники возросли на 5%, то на цветные телевизоры упали на 9%. Средний индекс инфляции в 1980—1985 гг., рассчитанный по 37 показателям, составил 6%¹⁶³. Таким образом, с учетом инфляции доходы населения выросли на 5%. Однако в условиях дефицита на розничную продукцию этому росту еще нужно было найти применение. По данным западных специалистов, советская женщина ежедневно преодолевала в среднем 12—13 километров в поисках необходимых семье продуктов и товаров¹⁶⁴.

Возрастали или были стабильными потребление непродовольственных товаров и обеспеченность предметами длительного пользования¹⁶⁵. Потребления мяса и мясопродуктов на душу населения возросло в 1980—1985 гг. с 58 до 62 кг. в год (по видимому, без учета потерь), яиц с 239 до 260 шт., овощей и бахчевых культур — с 97 до 102 кг., фруктов и ягод — с 33 до 41 кг. В то же время потребление хлебопродуктов упало с 138 до 133 кг., а картофеля — с 109 до 104 кг., что говорит о благоприятных сдвигах в структуре питания¹⁶⁶. В то же время при анализе статистических материалов нужно делать поправку на низкое качество продуктов и неравномерность его распределения по стране.

Граждане с большим интересом следили за продовольственной «политикой партии». Когда в апреле 1979 г. Брежнев заявил о намерении удвоить производство мяса, в «Правду» немедленно пришло 43 письма с вопросом: «За счет каких ресурсов?»¹⁶⁷ Ответ партия искала три года.

*«Одним из факторов стабильности режима, — писал А.Сахаров, — является то обстоятельство, что материальный уровень жизни, хотя и медленно, но все же растет. Каждый человек, естественно, сравнивает свою жизнь не с далеким и недоступным Парижем, а с собственным нищим прошлым»*¹⁶⁸. Это утверждение было верно еще для первой половины 70-х гг. Однако после того, как голодное прошлое осталось позади, по мере роста широты кругозора и одновременного падения темпов роста уровня жизни в конце 70-х гг. все более широкие слои населения стали задаваться вопросом: как соотносился уровень жизни в СССР и странах Запада? От результатов этого сравнения зависело состояние национального самосознания советских людей — представителей «самого передового общественного строя». Постепенное распространение информации о преимуществах капитализма подрывало саму основу мировоззрения советского человека, которого приучили сравнивать свою жизнь с развитыми, а не развивающимися странами. Эта ситуация предопределяла острый кризис национального «сверхдержавного» самосознания. Огромные жертвы, которые потребовались коммунистам, чтобы вывести страну на достигнутый ею уровень развития, казались оправданными только при условии, что СССР и в действительности идет «впереди планеты всей». «Путем мобилизации ресурсов коммунисты втащили страну в индустриальную стадию развития, — пишет А.Исаев, — но... издержки “большого скачка” оказались для народов нашей страны непомерными. И как только перестройка вынудила ослабить государственный пресс — КПСС немедленно был предъявлен счет за миллионы убитых и замученных в лагерях, за разрушение духовных и культурных основ жизни народа, за изоляционизм и ”железный занавес”, вызвавшие неумную и нерасчетливую тягу ко всему иностранному. (Помните у “Наутилуса”: “Нас так долго учили любить твои запретные плоды!”)¹⁶⁹. Собственно, эти процессы начались уже до Перестройки, по мере того, как каждый человек открывал для себя преимущества Запада (часто сильно преувеличенные неожиданностью первого соприкосновения).

Насколько же реально жизненный уровень СССР отставал от западного? По подсчетам К.Буш в марте 1982 г. для приобретения 7 килограмм хлеба средний москвич, обеспечивающий четырех человек, должен был трудиться 119 минут, лондонец — 175, парижанин — 126, житель Мюнхена — 189, Вашингтона — 112. Таким образом, москвича опережал только вашингонец. Но по остальным продуктам потребительской корзины ситуация была иной. Для приобретения килограмма говядины (с поправкой на московское качество) тем же жителям больших городов предстояло работать соответственно 123, 115, 119, 150 и 69 минут. Как видим, мюнхенец оказался даже в несколько худшем положении, чем москвич. Больше он, однако, не позволял себе отставать от советского человека — для приобретения 3,3 килограмм сахара им предстояло трудиться соответственно 191, 36, 30, 33 и 30

минут, 12 литров молока — 264, 108, 96, 84 и 72 минуты, 2 килограммов сыра — 370, 130, 118, 130, 200 минут, 9 килограмм картофеля — 63, 27, 36, 36 и 63 минуты. Здесь уже американец сравнялся с москвичем. Недельная корзина, состоящая из 23 видов продуктов, стоила бы соответственно 53,5, 25,7, 22,2, 23,3 и 18,6 часов работы. Как видим, разрыв существенен, но не является качественным. Еще меньшим он становится с учетом коммунальных платежей. Чтобы заплатить их за месяц, нашим героям предстояло трудиться 12, 28, 39, 24 и 51 час. Так что с учетом платежей месячная корзина стоила им соответственно 226, 130,8, 127,8, 117,2 и 125,2 часов¹⁷⁰.

При интерпретации этих фактов следует учитывать различие в качестве продуктов (хотя и западное качество преувеличивать не стоит), в наличии дефицита, который затруднял получение продукта москвичом, в ценах и качестве промышленной продукции. В силу описанных выше причин положение с товарами «ширпотреба» в СССР было тяжелее, чем с продовольствием. Наконец, нельзя забывать и о том, что система распределения в СССР была гораздо менее равномерной, чем в странах Запада. Снабжение Вашингтона и жителя провинциального американского городка существенно не различалось, в то время как жители российской провинции специально ездили в Москву и Ленинград за продовольствием. Читательница «Литературной газеты» Е.Соловьева из г.Коврова писала: «Хочу рассказать вот о чем. Сажу на кухне и думаю, чем кормить семью. Мяса нет, колбасу давным-давно не ели, котлет и тех днем с огнем не сыщешь. А сейчас еще лучше — пропали самые элементарные продукты. Уже неделю нет молока, масло если выбросят, так за него — в драку. Народ звереет, ненавидят друг друга. Вы такого не видели? А мы здесь каждый день можем наблюдать подобные сцены»¹⁷¹. С учетом этих обстоятельств становится ясно, что уровень жизни в СССР отставал от западного не в два, а в несколько раз.

Картина прилавков западных супермаркетов создавала у советских туристов иллюзию бесконечного отставания и часто вызывала психологический шок, кардинально менявший взгляды человека. Но порожденная советской идеологией привычка сравнивать отечественный уровень жизни с Западом, наводящая на пессимистические размышления, не отражает реального положения советского населения в мире. Достаточно напомнить, что разрыв в личном потреблении на душу населения развитых капиталистических и развивающихся стран составлял 12,5 раз¹⁷². «Социалистические» страны, таким образом, занимали промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами, приближаясь скорее к первым, чем ко вторым.

Это подтверждает и структура потребления в странах трех типов. Так, даже в начале 90-х гг. средний житель Турции (одного из лидеров «Третьего мира») тратил на питание 53% зарплаты, а средний швед — 23%¹⁷³. Доля затрат на питание в расходах семьи в СССР снизилась в 1980—1985 гг. с 35,5% до 33,7%. Освободившиеся средства шли на приобретение предметов культурно-бытового назначения и мебель (рост с 6,5 до 7,1%), а также на уплату налогов (рост с 9,1 до 9,4%) и в семейные накопления (рост с 5,6 до 7,8%)¹⁷⁴. Казалось, что некоторый рост доходов, проходивший в условиях

усилившегося дефицита, позволит накопить средства, которые решат проблемы семьи позднее. Однако по мере того, как эти надежды не оправдывались, дефицит раздражал все сильнее и превращался в острейшую социально-психологическую проблему. Таким образом, сам факт роста уровня доходов населения превращался в фактор кризиса.

Потребности людей постоянно растут по мере расширения кругозора большинства населения, и люди все чаще сталкивались с невозможностью воплотить в жизнь свои маленькие планы, в то время, как им сообщали о выполнении планов системы в целом. Это неизбежно усиливало психологическое противоречие между человеком и системой. Все эти маленькие бытовые противоречия постепенно накапливались, суммировались — и вот уже в обществе росло недовольство большинства, все отчетливее формулируемое в негативный лозунг: «Так жить нельзя». По мнению Т.Заславской и Р.Рывкиной, «Социальное развитие населения, рост культуры и информированности, расширение спектра потребностей и интересов существенно повысили требования, предъявляемые людьми к окружающему миру, уменьшили степень их конформизма»¹⁷⁵.

Необходимость перемен еще не означала готовности руководства к ним. Поколение старцев, сохранявшее власть, к таким переменам было органически неспособно. Но генерация политиков, сформировавшихся в 30-е гг., уже «подпиралась» теми, чья молодость пришла на конец 40-х — начало 50-х гг. Это поколение руководителей, как и всякий социальный слой, несло в себе общие черты, определявшие его поведение. Остановимся на них несколько подробнее. Формирование юных характеров представителей этого поколения пришлось на время торжества сталинского послевоенного мракобесия. Эта атмосфера, с одной стороны, приучила «пятидесятников» к «двоемыслию», значительной гибкости принципов, а с другой — прочно заложила в сознание те официальные догматы, которые не менялись при всех внезапных изгибах «генеральной линии КПСС». Крушение идолов, начавшееся сразу после смерти Сталина, XX съезд, увенчавший сомнения в безупречности сталинского правления, падение сталинских соратников — все это воспитывало молодых чиновников в духе некоторой авантюристности и цинизма — ничто не вечно под солнцем. Кроме самого солнца, марксизма-ленинизма, разумеется.

В пору молодости «пятидесятников» никакого альтернативного общественного движения не было и быть не могло. Делая карьеру в обстановке усиливающегося идеологического прессинга, чиновники-«пятидесятники» должны были скрывать свои сомнения и циничные наблюдения в таком глубоком подсознании, из которого и им самим трудно было извлечь крамольную мысль.

Степень самого сокровенного свободомыслия чиновников-«пятидесятников» была не велика. Если их сверстники в «низах» общества начинали уже ощущать несправедливость устоев, на которых зиждился СССР, если молодые «пятидесятники» поднимались на городские бунты начала 60-х, то чиновничество до поры хранило уверенность, что в основном все правильно. Важно только менять переродившихся руководителей (Хру-

шев подавал тому примеры), вовремя обращать внимание на встающие перед обществом проблемы — и все будет хорошо. Кстати, такого же мнения придерживалась и значительная масса «пятидесятников» в других слоях общества. Степень оппозиционности в середине 50-х гг. стремилась к нулю.

К «пятидесятникам» с двух сторон примыкали поколения, близкие им по возрасту, но уже далекие друг от друга. «Военное поколение», которое из-за затянувшегося застоя так и не встанет у руля страны. Глоток свободы, который можно было хлебнуть во фронтовой неразберихе первых лет войны, извечный вопрос «За что мы кровь проливали?», европейские впечатления, которые в прошлом столетии породили декабризм, и святая, кровью скрепленная вера в устои «социализма» — такие черты вполне могли породить и реформатора, и вождя с «твердой рукой».

Более молодое поколение «шестидесятников» или «детей XX съезда» несло в себе неизгладимый отпечаток хрущевской оттепели со всеми ее противоречиями. Узкая, жестко лимитированная щелочка правды, воспринятая как откровение, робкое расширение свободы до уровня споров «физиков и лириков», публикации о сталинском прошлом и последовавшие в середине 60-х гг. запреты и даже расправы — все это создало узнаваемый психологический тип человека, мечтающего о потерянном в юности малом: свободе рассуждения без крайних выводов, Государе, дарующем послабление. Необходимость продолжать карьеру и при Брежневе требовала значительной, более мучительной и глубокой, чем у «пятидесятников», перестройки принципов. Но «фига в кармане» и жажда свежей мысли остались психологической потребностью. «Шестидесятники» превратились в благодатную почву для распространения самиздата. И именно из их среды (отчасти даже из среды «военного поколения») вышли те одиночки, которые не захотели перестраиваться в середине 60-х и превратились в диссидентов.

Чиновники-«пятидесятники», испытывавшие воздействие со стороны соседних поколений, все же вряд ли смогли бы стать инициаторами Перестройки, если бы им не предложили заранее разработанную программу преобразований. Эту задачу выполнила оппозиционная литература, оказывавшая на «пятидесятников» систематическое воздействие, начиная с конца 60-х гг. М.Горбачев, например, был знаком с произведениями Солженицына. Круг чтения его будущих советников был еще шире и включал самиздат и тамиздат. Высокопоставленные либералы общались с диссидентами и были в курсе их идей¹⁷⁶. Партийная элита имела доступ к произведениям «тамиздата», переизданным в издательстве «Прогресс» «для служебного пользования». Таким образом, идеи диссидентов проникали в круг будущих реформаторов. Влияние на коммунистов-реформистов оказал еврокоммунизм — социал-демократизация «братских» европейских партий. Большое значение идей еврокоммуниста Э.Берлингуэра Горбачев признавал в косвенной форме уже в 1984 г.¹⁷⁷ Под влиянием независимой мысли первоначальная мировоззренческая формация молодой номенклатуры значительно деформировалась. Сыграло свою роль и подавление «Пражской весны» 1968 г., в которой самое активное участие принимали сверстники и даже знакомые молодых советских руководителей, журналистов и ученых.

Ни одна из идей руководителей Перестройки не оригинальна. Идеи осторожного сближения с Западом, гражданских прав и свобод были широко распространены в среде интеллектуальной элиты. Модель «рыночного социализма» как равновесия государственного регулирования и рыночных механизмов содержится в идее «конвергенции» и корнями своими уходит в косыгинский экономический эксперимент, в идеи «Пражской весны» и реформы И.Тито в Югославии, в разработки восточноевропейских экономистов О.Шика, Я.Корнаи, а в более широком смысле — в труды социалистов XIX в. — П.Прудона, Л.Блана, М.Бакунина, Э.Бернштейна и др. Освященная мифом о ленинском НЭПе, который якобы был эффективной моделью сочетания большевизма с рыночной экономикой, «рыночный социализм» завоевывал политическое сознание нового поколения руководителей.

Впрочем, здесь тоже были свои пределы. Марксизм убедительно критиковал «язвы капитализма» (поправка на век, который прошел со времени этой критики, учитывалась слабо). Бюрократия гордилась своими «историческими достижениями», и если допускала расширение рыночных отношений, то без «эксплуатации», безработицы и под четким контролем государства. Не исключалось и осторожное введение самоуправления на производстве, которое должно было мобилизовать местную инициативу, не претендуя на контроль за вышестоящими уровнями власти.

Идея разоружения, мирного сосуществования и разрядки международной напряженности являлась, пожалуй, наиболее традиционной для режима, составляя одно из важнейших его благих пожеланий. Но для того, чтобы мирные процессы приобрели необратимый характер, необходимо было признать ответственность СССР за гонку вооружений, его способность на агрессию, существование собственного ВПК.

Стремление к демократизации также не противоречило официальной доктрине, которая изначально включило демократию в число достижений КПСС. Демократизм трактовался как поддержка народом курса партии, как возможность каждого сделать карьеру (кремлевские старцы сами в свое время вышли из социальных низов), как покровительство своим поданным и подчиненным, простота в общении («демократичность»). Идеи неограниченного политического плюрализма, политической альтернативности были бюрократии чужды. Максимум, на что она могла согласиться по своей воле — это ограниченная гласность и медленная «демократизация», увенчанная в конце долгого пути фиктивной многопартийностью при ведущей роли КПСС (формально многопартийность сохранялась во многих восточноевропейских странах).

Между тем сохранение деспотизма в прежней форме не могло устраивать значительную часть номенклатуры уже потому, что авторитарный режим в любой момент мог дать рецидив сталинизма с репрессиями против аппаратчиков. Призрак сталинизма заставлял «пятидесятников» и «шестидесятников» внимательно вчитываться в самиздат и тамиздат, рассказывающий о преступлениях Сталина, прислушиваться к пропаганде в защиту соблюдения законности.

Поколение «шестидесятников» и подавляющее большинство «детей застоя» — людей, формирование мировоззрения которых пришлось на брежневский период — продолжало мыслить в системе координат коммунистической идеологии, даже если были настроены оппозиционно. Но на арену выходило новое поколение, слабо пропитанное коммунистическими стереотипами. 34,2% населения СССР в 1979 г. было моложе 20 лет¹⁷⁸. Эта масса молодежи, будущего поколения «восьмидесятников», не была интегрирована в отлаженную социально-психологическую систему «реального социализма». Все более очевидная пропасть между официально провозглашаемыми ценностями и реальностью заставляла поколение «восьмидесятников» искать собственные идеалы, далекие от тех, которые навязывались системой «коммунистического воспитания». «Наметился, а может быть, произошел нравственный раскол поколений, — утверждал социолог Г.Забрянский. — Не желая наследовать лозунги-обманки, “принципы” и догмы, противоречащие логике развития общества, молодежь растерялась»¹⁷⁹. Последнее утверждение о «растерянности» вряд ли может быть отнесено к молодежи в целом — молодые люди просто пошли разными путями, и многие — совсем не теми дорогами, которые были им предначертаны старшими. Часть молодых людей с присущим юности радикализмом стала искать возможность преобразования общества, построенного отцами, пополняя ряды неформальных движений. Другая часть бунтовала и криминализировалась. Молодежные группировки брали под контроль целые кварталы крупных городов (например, Казани). В 1984 г., на следующий день после гибели двух девушек в результате наезда на них машины милиции, тысячная молодежная толпа штурмовала Лениногорский горотдел МВД, воссоздавая в памяти грандиозные антиполицейские выступления 1957—1967 гг.¹⁸⁰

Массы молодых людей принялись улучшать свои условия жизни нелегальными путями. «Многие юнцы, с грехом пополам закончившие школу, уже прикидывают, на чем бы сделать бизнес, что купить и перепродать», — писали читатели «Известий» в 1979 г.¹⁸¹ Юнцы повзрослеют и составят костяк новой социальной «общности» новых русских. Не очень грамотных, но очень хватких. А пока их сверстники, отличившиеся большей грамотностью и не уступавшие цинизмом, равнодушные ко всякой идеологии, но хорошо осведомленные о номенклатурных привилегиях, делали карьеру в комсомольских органах. Близились время великого передела собственности.

«Омоложение» страны в результате общего роста благосостояния и последствий послевоенного роста рождаемости оказалось «бомбой замедленного действия», грозившей подорвать институты «развитого социализма», с которыми молодежь не была связана психологически.

Поколенческий кризис был предпосылкой еще более серьезного для целостности Системы явления — массового перехода от одной стадии психологического развития к другой. Это явление — частный случай общих закономерностей общественного развития¹⁸² (см. Приложение). Неспособность системы решить бытовые проблемы, справиться с другими кризисами (разрушение природы, социальная несправедливость, бездуховность и т.д.), приводило к тому, что, по мере развития общей культуры населения, все

большее количество людей начинало мечтать о переменах. Обстановка психологического недовольства способствовала быстрому распространению соответствующей информации, даже когда телевидение, радио и газеты сообщали прямо обратное. Недовольство условиями своей собственной жизни превращалось (пока у меньшинства) в недовольство системой. Однако даже если большинство признавало справедливость и оправданность существующих порядков, ощущение «Так жить нельзя» и «Мы ждем перемен» становилось доминантой социальной психологии. Растущая дистанция между социальными ожиданиями, планкой осознаваемых потребностей (не только материальных) и реальностью приводили к резкому возрастанию уровня «пассионарности» (готовности к социальному действию) в обществе. По существу, в СССР не осталось ни одной значительной социальной группы, которая была бы довольна своим положением. Почти все, за исключением узкой группы старцев, в руках которых как раз и находилась вся полнота власти, стремились к преобразованиям. Только характер, цели и методы этих преобразований виделись по-разному. «Кризис назрел».

Недовольство, вызревающее в обществе, не могло, тем не менее, вылиться в формы массового политического протеста в масштабах всей страны. Во-первых, в СССР не существовало легальной оппозиции. Во-вторых — возникал эффект «фальш-старта» — борьба за место под солнцем, за новую расстановку социальных сил могла начаться только одновременно. Всякая социальная группа, которая рискнула бы начать такую борьбу прежде других, неминуемо должна была вызвать недовольство остальных и быть подавлена.

Сигнал к нарушению равновесия, к «перестройке» могла подать лишь группа, неуязвимая со стороны остальных. Таковой в СССР начала 80-х была только правящая олигархия. Но свою неуязвимость реформистская группа в высшем руководстве могла сохранить только при условии крайне осторожных действий, усиления своей защищенности со стороны окружающих ее бюрократических структур, имевших иное представление о необходимых переменах. Поэтому скрытое выдвижение реформистов в высший эшелон власти имело ключевое значение для выбора варианта реформ и момента их начала.

Важность сигнала к началу преобразований даже породило иллюзию того, что сама Перестройка была вызвана исключительно доброй (злой) волей со стороны высшего руководства страны. Однако в середине 80-х гг. стремление к переменам приобрело массовый характер.

Социальная система СССР уже несколько десятилетий развивалась по пути постоянного усложнения и далеко ушла от «плавильного тигля» 30-х гг. Появление все новых страт, все новых социальных субъектов со своими задачами в ограниченном ресурсном пространстве вело к росту социальной напряженности, к нарастанию линий потенциальных конфликтов. Уже обсуждение Конституции 1977 г. позволяло выявить важнейшие из них. Рано или поздно они неминуемо должны были вызвать всеобъемлющий кризис существовавшего индустриально-этакратического общества и смену вектора развития от дисперсии к

синтезу. В этой смене и заключается смысл последующего периода. Такой «разворот» не может обойтись без социальной конфронтации. Собственно, Перестойку можно охарактеризовать как период конфронтации в развитии индустриально-этакратического общества.

Всеобъемлющие геополитический и структурный кризисы не оставляли надежд на сохранение периода равновесия («застоя»). Социальное напряжение угрожало придать этим изменениям неуправляемый со стороны номенклатуры характер. Чтобы избежать революции, нужно было возглавить ее. Бюрократическая олигархия, опередившая в своем психологическом развитии собственное общество, переходила к реформам, которые должны были преодолеть инерцию равновесия. Не сознавая этого, олигархия будила самостоятельные силы, вызревшие в обществе, где тоже возникли ядра, опережавшие время и стремившиеся приблизить будущее.

Приложение

Я бы хотел остановиться на системе исторических координат, в которых провожу исследование. Автор придерживается концепции, в соответствии с которой **развитие человека и человечества фрактально. В истории общества и жизни личности можно выделить несколько этапов с определенными признаками, которые в свою очередь состоят из подо́анных этапов с теми же признаками, но меньшей интенсивности, и так далее***. Кратко перечислим основные фазы пройденного человечеством пути (эпохи, формации):

Примеры более масштабных эпох (формаций), состоящих из периодов и аналогичных им:

Формирование (часто эта эпоха известна как «военная демократия»):

— Формирование традиционных норм, определяющих принципы социального устройства, и поддержание авторитетом общества неуклонного соблюдения уже сформированных норм.

— Формирование социальной элиты и ее кланов, возникновение элементов государственности и эксплуатации (устойчивого неэквивалентного обмена).

*БолееяподробнаяямеэаниэяэтогояявленияяэмяШубиняАЭЭРитмыяисто- р, , элПер, од, ческаяяеор, яяобщественнояяразв, т, яэМэя996э

— Внутренняя конфликтность формирующейся элиты. Клань элиты и другие новые социальные слои еще тесно связаны с остальным обществом и между собой.

— Формирование секторов экономики, основанных на эксплуатации, постепенная концентрация ресурсов в распоряжении элиты.

Этакратия (в разных традициях характеризуется как «древность», «рабовладельческая формация», «азиатский способ производства», «раннефеодальное общество»):

— Резкое усиление власти социальной элиты, ее консолидация в противостоянии остальному обществу (населению), разрушение или значительное ограничение механизмов контроля за элитой со стороны общества.

— Все структуры социума подчиняются руководству центра, а несовместимые с этим структуры уничтожаются. Такая же перестройка проходит и в элите, что может сопровождаться кровавым террором.

— Широкое применение внеэкономических форм принуждения к труду (рабство). Внедрение крупных хозяйственных форм.

— Распространение «гигантомании» на сферу культуры.

— Повышение агрессивности внешней политики.

Феодализм:

— Установление системы взаимного покровительства на всех уровнях социальной системы, медленное расширение границ, в рамках которых представители каждого социального слоя относительно свободны. Попытки перейти эти границы, нарушить установленную сферу свободы вызывает жесткие репрессии.

— Господство автономных кланов элиты (как правило, по территориальному принципу) и борьба за сферы влияния между ними. Высшее руководство лавирует между кланами, которые концентрируют власть в своих руках в ущерб центру. Последний пытается приобрести социальную поддержку вне основных кланов элиты.

— Децентрализация экономической системы.

— Рост роли духовной культуры в регулировании жизни общества. Усиление социального значения идеологических дискуссий в рамках господствующей доктрины. Преследование авангардных форм культуры, инакомыслия и неконформизма.

Раннеиндустриальное общество («позднефеодальная» эпоха, аграрно-индустриальное общество, часто время «абсолютизма»):

Феодальный и индустриальный сектора сосуществуют в относительном равновесии (последний усиливается). При этом бюрократия, ослабленная в предыдущую эпоху, также укрепляется, балансируя на противоречиях традиционной и новой элиты.

— Относительное равновесие социальных слоев, кланов элиты при усилении центрального руководства (иногда — в форме абсолютной монархии, иногда — в форме олигархии), консерватизм политической системы.

— Рост новых индустриальных отношений. Попытки их государственной регламентации. Постепенное усиление альтернативных («теневых») социальных слоев, рост напряженности в обществе.

— Усиление бюрократии, расцвет коррупции, переплетение «теневых» секторов общества с организованной преступностью.

— Национально-территориальная консолидация.

— Расцвет конформизма в обществе и культуре, вытеснение альтернативных экономических и культурных форм в нелегальную и полунелегальную сферу, их рост, несмотря на ограничения.

— Рост неконформизма (несмотря на преследования), не признающего (в отличие от предыдущих ересей) основы господствующей доктрины и критикующего ее с «рациональных» позиций.

Конфронтация (эпоха революций и «свободного капитализма»):

Становление индустриального общества и постепенное разрушение им традиционного уклада естественно приводит к новому кризису.

— Нарушение сложившихся социальных связей в борьбе различных сил за передел сфер влияния в обществе. Внутренний социальный кризис. Ломка традиционных структур и повышение социальной мобильности. Раскол элиты и других слоев, формирование неустойчивых партийных блоков, в которые входят части социальной элиты и других слоев («вертикальное» размежевание общества в отличие от привычного противостояния элиты и населения).

— Структурная перестройка экономики, нестабильность экономической ситуации, спонтанность хозяйственного развития, разрушительные экономические кризисы.

— Усиление информационного обмена в обществе, его идеологизация и политизация, манипулирование массовым сознанием, усиление влияния идей, которые будут определять развитие общества в будущем.

— Ослабление государственной власти, рост экстремизма и политического насилия в обществе.

Индустриально-этакратическая эпоха («реальный социализм» и «государственно-монополистический капитализм»):

— Компромисс социальных слоев, опирающийся на организованное насилие государства и подавление социально-политических сил, отказывающихся от участия в компромиссе. Ослабление самостоятельной политической активности населения, его мобилизация режимом через систему массовых организаций.

— Расцвет манипулирования массовым сознанием через систему средств массовой информации. Всеобщий охват населения системой коммуникаций.

— Ослабление связи режима с традициями общества, что, как правило, делает социально-политическую конструкцию неустойчивой.

— Государственное регулирование экономики как путь преодоления экономической нестабильности.

Каждая такая эпоха состоит из подобных эпохам периодов. Поскольку переживаемая ныне человечеством эпоха по-видимому не является последней, периодов больше:

Формирование (в частности СССР в 1922—1929 гг.):

— Фактическое признание большинством общества новых принципов социального устройства (принципов комплектования элиты, ее взаимодействия с основными социальными слоями, порядка доступа к общественному богатству и власти).

— Установление баланса между основными социальными слоями новой эпохи, нарушения которого носят вспышечный характер.

— Формирование новой социальной элиты и ее кланов.

Новые социальные слои, которые стали доминирующими в этой эпохе, еще тесно связаны со старыми и между собой.

— Расширение сектора (секторов) экономики, который будет определять ее развитие в новой эпохе.

— Относительно динамичное, в сравнении с предыдущим и последующим периодами, развитие различных секторов экономики и социальных укладов в жестко поддерживаемых элитой социально-политических рамках.

Реакция (в частности СССР в 1929—1956 гг.):

— Резкое усиление власти социальной элиты, ее внутренняя централизация, разрушение механизмов контроля за элитой со стороны общества.

— Разрушение сложившихся общественных структур и их перестройка на принципах жесткого административного управления. Вся легальная жизнь общества подчиняется руководству центра, а несовместимые с этим подчинением социальные структуры уничтожаются. Такая же перестройка происходит и в элите, что может сопровождаться кровавым террором.

— Снижение эффективности хозяйства, что компенсируется широким применением внеэкономических форм принуждения к труду.

— Внедрение крупных, легче управляемых хозяйственных форм, ориентированных на военное производство, что приводит к экономическим диспропорциям.

— Распространение «гигантомании» на сферу культуры, уничтожение неподконтрольных культурных форм (часто вместе с носителями).

— Повышение агрессивности внешней политики.

Патернализм (в частности СССР в 1956—1965 гг.):

— Установление системы взаимного покровительства на всех уровнях социальной системы, постепенное расширение границ, в рамках которых представители каждого социального слоя относительно свободны. Попытки перейти эти границы, нарушить установленную сферу свободы вызывает жесткие репрессии.

— Интенсивное формирование кланов (объединений) элиты (как правило по территориальному принципу) и борьба за сферы влияния между ними. Высшее руководство лавирует между кланами, которые концентрируют власть в своих руках в ущерб центральному руководству. Последнее пытается использовать популистские методы для приобретения социальной поддержки вне основных кланов элиты.

— Децентрализация экономического регулирования, реформизм, смена диспропорций (старые диспропорции сглаживаются, затем нарастают новые).

— Активизация культурной жизни в широких слоях общества, но преследование авангардных форм культуры, инакомыслия и неконформизма.

— Во внешней политике страна эффективнее в обороне, нежели во внешней экспансии.

Равновесие (в частности СССР в 1965—1986 гг.):

— Относительное равновесие социальных слоев, кланов элиты при усилении центрального руководства, консерватизм политической системы.

— Расцвет конформизма в обществе и культуре, вытеснение альтернативных экономических и культурных форм в нелегальную и полунелегальную сферу. Борьба с неконформизмом, который оформляется в оторванные от общества течения (диссидентство).

— Экономический рост с тенденцией к затуханию.

— Усиление бюрократии, расцвет коррупции, переплетение «теневых» секторов общества с организованной преступностью.

— Постепенное усиление альтернативных («теневых») социальных слоев, рост напряженности в обществе.

— Национально-территориальная консолидация.

Конфронтация (в частности СССР в 1986—1993 гг.):

— Нарушение сложившихся в обществе связей в борьбе различных социальных сил за передел сфер влияния в обществе.

— Раскол элиты и других слоев общества, формирование неустойчивых блоков, в которые входят части социальной элиты и других слоев («вертикальное» размежевание общества в отличие от привычного противостояния правящей элиты и остальных слоев).

— Структурная перестройка экономики, попытки ее модернизации, нестабильность экономической ситуации, как правило — экономический кризис.

— Политизация общества, политические преобразования, усиление влияния идей, которые будут определять развитие общества в следующую эпоху.

— Падение авторитета власти, рост экстремизма в обществе, всплески политического насилия и этноконфликтов.

— Ослабление внешнеполитических позиций страны, возможно вовлечение ее в разрушительные внешнеполитические авантюры.

Нормализация:

— Компромисс кланов элиты, опирающийся на организованное насилие государства и подавление социально-политических сил, отказывающихся от участия в компромиссе. Политическая пассивность населения.

— Консерватизм и неустойчивость режима. Сохранение давления на властную элиту со стороны других социальных слоев.

— Экономическая нестабильность, но постепенный выход из кризиса.

Интерграция:

— Стабильность и равновесие социальных сил, их социально-культурное дистанцирование.

— Относительное равновесие экономического развития, повышение благосостояния большинства населения, поддержка «бедных». Постепенное торможение развития в результате консервации институтов социально-экономического регулирования.

— Умеренный плюрализм в политике, сосуществующий с конфликтами в сферах соприкосновения основных социальных слоев, сохранение политического и идеологического экстремизма части оппозиции.

— Усиление структур гражданского общества.

Синтез:

— Ускоренный рост новых социальных слоев и отраслей экономики.

— Демонтаж структур старого экономического уклада при консервации политического режима.

— Подавление социальных выступлений против этой структурной перестройки. Возможны чистки и в среде правящей элиты.

— Быстрое расслоение общества.

— Укрепление идеологических и социально-политических течений, стремящихся к изменению принципов социального устройства, определяющих развитие существующей эпохи.

Импульс:

— Своего рода «революция», в которой определяются принципы построения новой общественной системы, тот или иной вариант ее развития. Как правило, этот период крайне непродолжителен, хотя иногда затягивается и на годы. Его основные черты:

— Быстрый перебор различных вариантов развития, к которым страна будет затем возвращаться на протяжении всей эпохи.

— Борьба идейно-политических течений, которые предлагают различные формы грядущего социального порядка, и утверждение одной из этих форм.

— Неустойчивость политической структуры.

Периоды в свою очередь состоят из подобных стадий, и те устроены так же. Правда, на этом уровне некоторые состояния уже можно «обходить» (на уровне эпох и периодов это возможно лишь в отношении «реакции»). Фазы

любого уровня взаимодействуют с культурными стереотипами страны — могут гармонизировать или дисгармонизировать с ними (исходя из этого можно классифицировать культурные особенности стран в соответствии со стадиями развития, которые благоприятны для них). Поэтому одни и те же фазы переживаются разными странами по-разному. Но перечисленные черты соблюдаются практически «неукоснительно». Объяснение этого явления, предложенное автором в указанной выше работе не бесспорно, но само явление наблюдается на примере десятков народов, и автору пока не удалось найти нацию, которая развивалась бы иначе.

Из вышесказанного видно, что советское общество как целое переживало период равновесия в рамках индустриально-этакратической эпохи (эквивалент нормализации). Ряд народов СССР отставал от этого состояния. То же можно сказать и об отдельных людях. Общество и человек формируют друг друга и подобны друг другу качественно. Поэтому естественно, что в своем индивидуальном развитии человек сначала «догоняет» общество, проходя те же самые периоды, а затем, при определенных условиях, обгоняет свое время и даже тянет общество за собой. В этом случае «великану» приходится нелегко. Индивидуальные состояния также входят во взаимодействие с состояниями, которые переживает общество — «резонируют» или дисгармонируют. Примеры этого мы увидим в этой книге.

Перечислим основные стадии индивидуального развития:

— Человек формирующийся: становление человека, выстраивание базовых, первичных отношений со средой, в том числе социальной).

— Человек утверждающийся (аналог реакции): социализация вне семьи, первичное самоутверждение, освоение волевых качеств.

— Человек юный (аналог феодализма): множественность и перебор интересов, хаотическое познание мира, «первая любовь», следование за лидером («старшим») и бунт против большинства «старших».

— Человек иерархический.

— Человек идейный.

— Человек прагматический.

Существуют и более развитые состояния, но они в современном обществе встречаются крайне редко и на ход событий 70—80-х гг. прямого воздействия не оказывали. Добавим также, что, проходя каждую из фаз индивидуального развития, человек фрактально проходит также череду стадий, из которых состоят периоды. Его базовые психологические стереотипы, большинство из которых формируется в детстве, гармонируют с определенными стадиями развития. Как правило, у человека существует три комплекса таких стереотипов, по-разному активизирующиеся на разных стадиях развития. Как мы увидим, все это приводит к резким изменениям в поведении человека в разные периоды его биографии, что может казаться современникам парадоксальной метаморфозой или проявлением неискренности, «предательства» более ранних идеалов.

Кратко описанные здесь закономерности являются не жестким каркасом, сковывающим исторический процесс, а системой координат, позволяющих объяснять некоторые особенности исторического «климата» и на-

ходить направление противоречивых исторических течений. Каждый специалист волен пользоваться собственной системой координат, что касается автора этой книги, то история доказала ему: весь путь человечества отражается в каждом его эпизоде.

Читатель может не разделять этого мнения автора и не интересоваться им. В этом случае ему придется пропустить всего несколько абзацев, поясняющих место происходящих событий в принятой автором системе координат и связанных с этим причин происходящего. В конце концов даже не рассматривая эпопею нашей жизни последних десятилетий на фоне гармонии истории, в ней можно почерпнуть немало интересного.

Как уже упоминалось, в своем развитии человек проходит ряд психологических стадий, отчасти повторяющих развитие человеческого общества. Нас в этом отношении интересует внезапный всплеск социальной активности прежде спокойного и законопослушного человека, который вдруг превращается в активного противника существующего положения вещей, иногда экзальтированного разрушителя, иногда — конструктивного социально-го творца (как правило, в жизни возникает сочетание этих крайностей), но в любом случае — общественного или духовного деятеля. На этом рубеже можно резко изменить образ поведения и род занятий, броситься в эзотерические и религиозные поиски или участвовать в «революции» — в масштабах своего коллектива или всей страны. Конкретный выбор зависит от уровня культуры, сложившихся интересов и знакомств, самого повода перехода. Всплеск социальной и духовной активности человека — явление не случайное и при достаточных темпах психологического развития — неизбежное. Оно является частным случаем перехода от психологического состояния, которое мы обозначим термином «человек иерархический», к состоянию, которое мы будем называть «человек идеологический». Первое состояние мотивируется прежде всего материальными интересами: продвижением по лестнице карьеры, роста материального благосостояния, семейного благополучия и т.п. В основе второго лежат построенные или усвоенные человеком идеальные модели. Понятно, что материальные запросы «обычного» человека, которые представляются ему реальными, не так далеко отстоят от существующего положения дел. Человек планирует рост зарплаты, материальные приобретения, решение семейных проблем. Естественно, что не все эти планы осуществляются. Это приводит к накоплению отрицательных эмоций, увеличению «разницы потенциалов» между намеренными человеком рубежами будущего и реальным положением вещей, поиску причин жизненных неудач, которые можно найти в общественном устройстве, глобальных проблемах. Таким образом, в сознании формируются две модели действительности: существующей (негативной) и оптимальной (за которую следует бороться). «Разница потенциалов» между этими двумя мирами гораздо больше, чем различие между реальностью и должным у «человека иерархического». Человек идеологический готов пожертвовать очень многим (при определенных условиях и жизнью) ради осуществления своего идеала. Его действия мотивированы идейно-духовной сферой, и социально-экономические мотивы имеют значение в том случае, если

они являются частью модели «человека идейного». Очевидно, что в период социального кризиса упомянутая «разница потенциалов» быстро растет у большого числа людей.

В условиях стабильного авторитарного режима (в частности, СССР 70-х гг.) возможности преодоления «разницы потенциалов» в идейной сфере крайне ограничены, и происходит очень большое накопление соответствующей психологической «энергии». В то же время даже в более свободных условиях непросто решиться на то, чтобы покинуть привычный, устойчивый, но опустылевший иерархический мир и броситься «на штурм неба» (тем более, что картина «неба» еще не достроена). Как правило, роль последнего толчка играет пример тех, кто уже перешел грань между «человеком иерархическим» и «человеком идеологическим». Так обеспечивается эффект «снежного кома», когда небольшая группа людей может увлечь за собой значительные массы прежде инертного населения. Отсюда — опасения режима по поводу микроскопических диссидентских групп, стремление не только изолировать от них психологически близкие слои элиты, но и допустить реализацию духовного потенциала общественно-активных и не вполне лояльных людей в «мирных» направлениях (см. Часть IV).

«Иерархический человек» на завершающей стадии этого психологического состояния постоянно ищет выход или конструирует собственную доктрину и группу единомышленников под нее, он стучится во многие двери, и одна из них рано или поздно открывается.

«Человек идеологический» — носитель значительной психологической энергии. Что бы ни происходило в это время в стране, он ведет себя как революционер. Любое его движение — «судьбоносно», любое событие — «грандиозно», высказывания — категоричны (вычерчивается прямая линия от реальности к цели). Важно отличать это состояние от юношеского максимализма, который часто бывает проявлением еще более ранних стадий, о которых мы здесь не говорим. «Человек идеологический» может быть и юношей, и пожилым человеком. В случае, если возникает значительная масса «революционно настроенных» личностей в среде общего социального недовольства, революционное движение быстро растет, и психологическая энергия «идеологических людей» может найти выход в заметном преобразовании общества. Модель политики, возникающая в оппозиционной среде, получает шанс на превращение в социально-политическую доминанту страны.

Понятно, что в СССР первой половины 80-х гг. лишь меньшинство населения подошло к состоянию «позднеиерархического» человека, остальных «расшевелит» лишь драматический социальный опыт 80-х—90-х гг. Но и накануне Перестройки это было массовое меньшинство, активизация которого могла привести к серьезным социальным переменам и потрясениям.

Важно отметить, что некоторая часть элиты уже прошла «революционный» период в прошлом. Этот очень важный фермент общества относится к следующему психологическому типу — «человеку прагматическому». Психологический механизм дальнейшего перехода естественно вытекает из обстоятельств формирования «человека идеологического». По

мере борьбы «революционера» за приближение своих идеалов дистанция между моделью существующего и моделью идеала действительно сокращается. С одной стороны, удается добиться частичных успехов (приблизиться к идеалу), с другой стороны — выявить свои ошибки (коррекция идеала в сторону «снижения планки»). Человек становится мудрее, прагматичнее, устает. Итог — переход от «человека идеологического» к «человеку прагматическому» — во многом похожему на «иерархического», но с одним принципиальным отличием: он не отказался от той части прежних идей, которая прошла проверку временем. Но в то же время он понял, что достичь своих «идеальных» целей можно только с определенного «плацдарма», который предстоит выстроить в существующем иерархическом мире. Уставший революционер готов снова стать благопорядочным гражданином, причем, как правило, преуспевающим (помогают наработанные в предыдущий период опыт и связи). Он готов частично интегрироваться в Систему ради ее грядущего изменения. Но именно эти люди (в конкретных условиях 80-х гг. — в большинстве своем «шестидесятники») обладали наибольшим политическим опытом и способностью использовать ситуацию для достижения своих целей. В середине 80-х гг. прагматики дождались своего часа. Начиналась прагматическая революция.

Примечания

1. Фишбах М., Френдли А. Экоцид в СССР. Здоровье и природа на осадном положении. М., 1992. С. 38.
2. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 277.
3. Вайнер Д. (Уинер). Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М., 1991.
4. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 268.
5. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 112. Л. 199—200.
6. Там же. Л. 201.
7. Там же. Д. 91. Л. 13.
8. Environmental Deterioration in the Soviet Union and Eastern Europe. Ed. by I.Volgyes. NY., 1974. P. 41
9. Внуки нам не простят. Куйбышев, 1991. С. 13, 17.
10. Фишбах М., Френдли А. Указ. соч. С. 28.
11. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 269.
12. Там же. С. 271.
13. Фишбах М., Френдли А. Указ. соч. С. 2.
14. Минашина Н.Г. Экологические последствия мелиоративно-водохозяйственного строительства в бассейне Аральского моря // Экологическая альтернатива. М., 1990. С. 364.
15. Там же. С. 367.
16. Омельчук А.К. Раненая земля // Экологическая альтернатива. С. 393.
17. Сидоренко Г.И., Крутько В.Н. Сохранить здоровье нации // Экологическая альтернатива. С. 771.
18. Там же. С. 772.
19. Фишбах М., Френдли А. Указ. соч. С. 81.

20. Сидоренко Г.И., Крутько В.Н. Указ. соч. С. 765—766.
21. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 214. Л. 25.
22. Безуглая Э.Ю., Расторгуева Г.П., Смирнова И.В. Чем дышит промышленный город. М., 1988. С. 73—74.
23. Там же. С. 71.
24. Там же. С. 73.
25. Там же. С. 190.
26. Болдин В.И. Указ. соч. С. 29.
27. Сидоренко А.К., Крутько В.Н. Указ. соч. С. 761.
28. Там же, С.763, 767.
29. Фишбах М., Френдли А. Указ. соч. С. 3.
30. Население России. Ежегодный демографический доклад. Евразия. 1993. № 4. С. 49.
31. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 91.
32. Там же. С. 92.
33. Фишбах М., Френдли А. Указ. соч. С. 74.
34. Там же. С. 3.
35. Там же. С. 2.
36. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 38.
37. Илларионов А.Н. Национальный плюрализм и экономика // Ожог родного очага. 1990. С. 86, 88.
38. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 75. Д. 259. Л. 6—7.
39. Там же. Д. 246. Л. 12.
40. Илларионов А.Н. Указ. соч. С. 82—83.
41. Там же. С. 84.
42. Там же. С. 85.
43. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 89.
44. Там же. С. 86.
45. Население России. С. 97.
46. Там же. С. 102.
47. Население России. С. 102.
48. См.: Алексеева Л. История инакомыслия в России. М., 1992. С. 106—107.
49. См.: ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 91. Л. 11—18.
50. Там же. Д. 89. Л. 67; Д.110. Л. 55—57.
51. Там же. Д. 153. Л. 6, 25.
52. Там же. Оп. 75. Д. 146. Л. 19.
53. Там же. Л. 2.
54. Алексеева Л. Указ. соч. С. 84—85.
55. Иуда был не один... // Наше дело. 1990. № 3.
56. Алексеева Л. Указ. соч. С. 85.
57. Подробнее см.: Шараев Ю. О трагических событиях в Орджоникидзе. Изд. МНФ. б. д.; О массовых беспорядках с 1957 года... // Источник. 1995. № 6. С. 151.
58. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 297; о том же свидетельствует: там же. Д. 259. Л. 3
59. Там же. Ф. 89. Оп. 11. Д. 192. Л. 3, 10.
60. Там же. Л. 4.
61. Там же. Л. 4—6.
62. Там же. Л. 6—7.
63. Там же. Л. 8.
64. Кудрявцев И. Латыши, русские, народный фронт и правовое государство // Община. № 25 (1989). С. 14—16.
65. Там же. С. 16.

66. Население России. С. 58.
67. Там же. С. 64—65.
68. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 18. Л. 14—15.
69. Там же. Оп. 75. Д. 259. Л. 3.
70. Авторханов А. Империя Кремля. Вильнюс, 1990. С. 151.
71. Там же. С. 143.
72. Печенев В. Горбачев: к вершинам власти. М., 1991. С. 88.
73. Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 11.
74. Горбачев М. Жизнь и реформы. Т. 1. С. 122.
75. Там же. С. 123.
76. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 89. Л. 7, 44, 154; Д. 90. Л. 10, 30, 45; Д. 91. Л. 4.
77. Там же. Д. 89. Л. 104.
78. Там же. Д. 139. Л. 260.
79. Там же. Д. 90. Л. 4.
80. Там же. Д. 166. Л. 195.
81. Там же. Д. 105. Л. 3.
82. Там же. Д. 93. Л. 165.
83. Там же. Д. 166. Л. 182, 190, 194, 196.
84. Там же. Д. 94. Л. 63.
85. Там же. Д. 166. Л. 185.
86. Там же. Д. 103. Л. 60.
87. Там же. Д. 91. Л. 12.
88. Там же. Д. 118. Л. 55.
89. Там же. Д. 89. Л. 69; 154; Д. 92. Л. 76.
90. Там же. Д. 139. Л. 36.
91. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 89. Л. 177.
92. Там же. Д. 93. Л. 85.
93. Там же. Д. 105. Л. 286.
94. Там же. Д. 139. Л. 37—38.
95. Там же. Д. 112. Л. 3—5.
96. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 92. Л. 57.
97. Там же. Д. 93. Л. 204.
98. Там же. Д. 105. Л. 213.
99. Там же. Д. 94. Л. 2.
100. Там же. Д. 139. Л. 36.
101. Там же. Д. 139. Л. 66.
102. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 89. Л. 6; Д. 91. Л. 8, 9.
103. Там же. Д. 139. Л. 166.
104. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 103. Л. 84.
105. Там же. Д. 166. Л. 99.
106. Там же. Д. 112. Л. 53.
107. Там же. Д. 139. Л. 287—298.
108. Там же. Л. 267.
109. Там же. Д. 139. Л. 18, 185.
110. Там же. Д. 105. Л. 112.
111. Там же. Д. 166. Л. 98.
112. Там же. Д. 118. Л. 33.
113. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 118.
114. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 16.
115. Горбачев М. Указ. соч. С. 186.

116. Шубкин В. Указ. соч. С. 121.
117. Гуров А. Организованная преступность в СССР // Погружение в трясину. М., 1991. С. 177.
118. Раззаков Ф. Указ. соч. С. 112—113, 155—156.
119. Подробнее см.: Гуров А. Красная мафия. М., 1995. С. 13—16, 148—164, 168—171.
120. Шубкин В. Указ. соч. С. 122—123.
121. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 30.
122. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 91. Л. 3.
123. Гуров А. Указ. соч. С. 60.
124. Амальрик А. Просуществовал ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину. С. 655.
125. Шахназаров Г. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 20.
126. Амальрик А. Указ. соч. С. 651—652.
127. Под гражданском слоем автор понимает слой людей, совмещающих функции производства продукта, принятия производственных решений и интеллектуального творчества. Подробнее см.: Шубин А. Гармония истории. М., 1992. С. 287; Шубин А. Ритмы истории. М., 1996. С. 48—49.
128. Актуальные проблемы совершенствования планово-экономических рычагов управления народным хозяйством. Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. М., 1985. С. 33.
129. Сагдеев Р. Где мы потеряли темп? // Известия. 1988. 27 апреля.
130. См.: Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.
131. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 115.
132. Гордон Л.А., Комаровский В.В., Назимова А.К. Перестройка советской экономики и рабочий класс. М., 1988. С. 40.
133. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 18. Л. 2
134. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 74.
135. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 105. Л. 21.
136. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 89. Л. 9
137. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 95. Л. 55.
138. Буковский В. И возвращается ветер... Письма русского путешественника. М., 1990. С. 239.
139. Заславский В. Организованный консенсус. С. 4. // Сборник самиздата. Сост. В.Прибыловский. М., 1984. Архив Шубина А.В.
140. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 109.
141. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 235.
142. Там же. Оп. 84. Д. 18. Л. 12.
143. Солидарность. О рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России. Франкфурт на Майне, 1981. С. 158—162.
144. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 18. Л. 2
145. Там же. Л.3.
146. Корсетов В. Беседа с автором. 19 июня 1992.
147. Мацкявичус К. Дисциплина и коллектив // Правда. 1983. 9 августа.
148. Заславский В. Указ. соч. С. 6.
149. Например, ЦХСД. Ф. 5. Оп. 73. Д. 90. Л. 8; Д. 91. Л. 4; Д.92. Л. 57; Д. 93. Л. 6; Д. 101. Л. 72. Д. 102. Л. 57; Д. 103. Л. 147.
150. Там же. Д. 95. Л. 89.
151. Там же. Д. 139. Л. 95—100
152. Там же. Д. 92. Л. 143.

153. Там же. Д. 139. Л. 60
154. Там же. Д. 105. Л. 60.
155. Там же. Д. 139. Л. 58.
156. Там же. Д. 139. Л. 15.
157. Яницкий О.Н. Социальные движения. 100 интервью с лидерами. М., 1991. С. 72—73.
158. Завершинский Д.М., Ключников С.А., Тукумиев Б.Г. Оценка в социологическом исследовании уровня внедрения коллективных форм организации труда // Социальные проблемы становления коллективных форм организации труда. Куйбышев, 1984. С. 15.
159. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 36.
160. Там же. С. 112.
161. Там же. С. 46.
162. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 31.
163. Подсчеты по: Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 168—170.
164. After Brezhnev. P. 197.
165. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 142.
166. Там же. С. 140.
167. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 172.
168. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1991. С. 102.
169. Исаев А. Кладбище утопий // Исаев А., Шубин А. Демократический социализм — будущее России. М., 1995. С. 36.
170. After Brezhnev. P. 195.
171. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 238.
172. Капитализм на исходе столетия. М., 1987. С. 219.
173. Год планеты. Выпуск 1993 года. М., 1993. С. 297, 299.
174. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 113.
175. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Указ. соч. С. 43.
176. См., например: Бурлацкий Ф. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них... М., 1990. С. 343.
177. Рубби А. Встречи с Горбачевым. М., 1991. С. 32.
178. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 74.
179. Криминологи о молодежных неформальных объединениях. М., 1990. С. 14.
180. О массовых беспорядках с 1957 года...
181. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 29.
182. См.: Шубин А. Ритмы истории. М., 1996.

Часть II

**СХВАТКА
В КОРИДОРАХ
ВЛАСТИ**

Глава V

УТРО ПОМЕЩИКА

Горбачев и политическая борьба 1978 – 1982 гг.

Старики управляют миром,
Только им по ночам не спится.

А.Галич

1. Выдвижение М.Горбачева на политическую арену СССР

История не фатальна, она полна альтернатив. Как бы ни были глубоки причины того или иного события, его все же делают живые люди, выбирающие форму, в которую заливается исторический материал. Конечно, в ряду инициаторов перестройки — ученые СССР и США, польские стачечники и афганские моджахеды, диссиденты и советники, а также миллионы людей, жаждавших перемен. Но этот ряд остался бы неполным без имени одного человека, который дал сигнал, провозгласил Перестройку и навсегда связал с ней свое имя.

ГОРБАЧЕВ Михаил Сергеевич

Родился в 1931 г. в семье тракториста, сына председателя колхоза в ставропольском селе Привольное. Если один его дед был раскулачен, то другой стал активистом колхозного движения. Несмотря на арест в 1937 г., он не был осужден и восстановился в правах. Заметный отпечаток на личность будущего главы государства наложила война¹.

Характер человека формируется всю жизнь, но его основы закладываются с детства. Первые впечатления, первые «вызовы» и реакции на них — самые важные. Человек учится жизни на совесть, и переучиваться потом очень трудно. Так же, как культура народа формируется под действием природы места, где этот народ возник, так и характер человека в основе своей — слепок детства. К сожалению, биографы великих людей не всегда располагают достаточным материалом о детских годах. Кто мог разглядеть в ставропольском пацане будущего наследника трона Сталина и разрушителя

дела Ленина. Никому не приходило в голову день за днем фиксировать самые важные, первые шаги будущего Генсека. Воспоминания человека о своем детстве не очень объективны, но и из них можно что-то «выудить». Да и сама социальная среда детских лет будущего реформатора известна. Простота сельской жизни, неторопливые сельские разговоры, «гыкающий» говорок, который потом будет так раздражать привыкшую к московскому диалекту интеллигенцию. Горбачев навсегда останется крестьянином. Но крестьянином с «кулацким» психологическим наследством, с жадой выбиться в люди из нищеты и забитости, не смирившимся с бедностью. Если нельзя заработать, то можно выслужиться. Эту истину Горбачев усвоил с раннего детства. Это — урок двух дедов. Из этого же корня — подсознательное недоверие к Системе и желание проникнуть в нее, страх перед властью и желание ее одолеть, перехитрить, переиграть. Сельская общительность и индивидуальный элитаризм. Такой характер затем будет гармонировать с такими фазами психологического развития, как конфронтация, патернализм и интеграция («человек идейный», «человек юный» и соответствующие стадии этих периодов).

Период 1937—1944 гг. в жизни Горбачевых — это время неуверенности в завтрашнем дне. Эти годы формировали подвижный, и в то же время осторожный характер маленького Михаила. Это можно сказать о миллионах его сверстников. Но и было нечто «нетипичное» — интерес к чтению, в том числе и философскому². Возможно, вспоминая о детстве, Горбачев преувеличивает свою тягу к знаниям. Но общегуманитарные и политические интересы подрастающего Миши несомненны, это подтвердит будущее.

Как и большинство юных созданий этого возраста и эпохи, Миша был «человеком юным», с естественным распылением интересов, когда все впервые и все интересно. У каждой судьбы — своя неординарность. Свое «странное чтение», свои увлечения. Но иногда эпохи и судьбы поразительно пересекаются.

Миша занимался в актерском кружке³. Это искусство потом очень пригодилось ему на политических подмостках. Интересная параллель: за полвека до того еще один крестьянский паренек осваивал начала актерского мастерства — будущий батько Махно. Оба совершили головокружительную карьеру. Махно побыстрее, Горбачев повыше. Одинаковый старт, но разные эпохи и характеры. Махно удалась роль перед крестьянской аудиторией, Горбачеву — перед чиновничьей. Во времена Махно историю писал восставший народ, во времена Горбачева — уцелевшие и постаревшие остатки той части «масс», которые прорвались во власть на волне Великих потрясений. Махно блестяще сыграл свою первую партию, но не согласился подчиняться скучному сценарию большевиков. Горбачев был более покладистым актером, но в конечном счете сочинил собственную пьесу. Ее не оценило новое поколение зрителей. Обоих критика облила потоками грязи. Но оба сумели остаться в живых — для XX века это уже признак политического мастерства.

Горбачевы принадлежали к относительно привилегированной группе сельского населения (в отличие от простых колхозников им была гаранти-

рована зарплата, статус деда давал некоторые связи среди мелкого начальства), но детство было трудным. Будущий генеральный секретарь с детства был приучен к труду. В тяжелые послевоенные годы Михаил работал с отцом в МТС во время каникул. *«Сказать, что работа на комбайне была трудной, — значит не сказать ничего, — вспоминает Горбачев. — Это был тяжкий труд: по 20 часов в сутки до полного изнеможения. На сон лишь 3—4 часа. Ну а если погода сухая и хлеб молотится, то тут уж лови момент — работали без перерыва, на ходу подменяя друг друга у штурвала. Воды попить было некогда. Жарища — настоящий ад, пыль, несмолкаемый грохот железа... Со стороны помотришь на нас — одни глаза да зубы. Все остальное — сплошная корка запекшейся пыли, смешанной с мазутом. Были случаи, когда после 15—20 часов работы я не выдерживал и просто засыпал у штурвала. Первые годы частенько носом шла кровь — реакция организма подростка. В 15—16 лет обычно набирают вес и силу. Силу я набирал, но за время уборки каждый раз терял не менее пяти килограммов веса»⁴.*

Вместе работали, вместе и отдыхали. Здесь Горбачев проходил свои первые «университеты». Он вспоминает об этом времени: «Тут бригадир стал приставать ко мне: “Ты что ж так сидишь? Уборка закончена. Пей давай! Пора уж настоящим мужиком быть”. Смотрю на отца — он молчит, посмеивается. Поднесли мне кружку... Думал — водка, оказалось — спирт. А для его питья существовала особая “технология”: надо было на выдохе выпить, а потом сразу же, не переводя дыхания, запить холодной водой. А я так. Что со мной было! Механизаторы покатываются со смеха, и больше всех смеялся отец. Урок действительно пошел на пользу — никакого удовольствия от водки или спирта я потом не получал»⁵. Эта шутка бригадира много лет спустя аукнется антиалкогольной кампанией.

В 1948 г. отец Михаила был выбран для рекорда, который мог символизировать важность продолжения трудовых традиций отцов их детьми (в это время молодежь стремилась вырваться из села в город). В акции участвовали С.Горбачев, М.Горбачев, Я.Яковенко и его сын А.Яковенко⁶. Организация рекордов была одной из важнейших опор агитационной работы партийных органов. Обычно рекордсмены отбирались заранее, их вне очереди обслуживали смежники, им без задержек поставляли горючее, заранее ремонтировалась техника. В результате результаты получались гораздо выше средних, и рекорд становился аргументом для повышения производительности труда простых тружеников. Конечно, во время рекорда и самим его участникам приходилось попотеть. Но зато затем следовали награды, открывалась возможность начать карьеру, вырваться из крепостного состояния, в котором находилось крестьянство. За ударный труд М.Горбачев был награжден орденом Трудового красного знамени и в 1950 г. отправился учиться на юридический факультет Московского Университета. Этот рывок от комбайна к столичной университетской парте знаменует довольно ранний для крестьянского юноши того времени переход в состояние «человека иерархического». Отныне в течении многих лет в центре его жизни будет стоять карьера. Впрочем, «эпохи», из которых состоит жизнь человека, в

свою очередь проходят через определенные периоды, которые мы проследим на примере жизни Михаила Сергеевича.

Всякий жизненный уклад должен сформироваться. Период формирования в жизни «Горбачева иерархического» затяннулся на первые годы учебы. Для него, человека без городского «бэкграунда» это было благополучное время, обусловленное неблагополучием интеллектуалов во второй половине 40-х гг. Горбачев вспоминает: «Приходит уведомление: “зачислен с предоставлением общежития”, то есть принят по высшему разряду, даже без собеседования. Видимо, повлияло все: и “рабоче-крестьянское происхождение”, и трудовой стаж, и то, что я уже был кандидатом в члены партии, и, конечно, высокая правительственная награда»⁷. Награда выделяла Горбачева из среды однокашников — и много лет спустя сокурсники помнили его как студента с орденом⁸. В Университете Горбачев преуспел на ниве комсомольской карьеры, войдя даже в университетский комитет ВЛКСМ. Когда Горбачев был комсомольским секретарем факультета по идеологии, его «вышестоящим начальником» со стороны университетского комсомола был А. Лукьянов.

ЛУКЬЯНОВ Анатолий Иванович

1930 г. рождения. С 1945 года работал рабочим на смоленском заводе «Арсенал». В 1948 году поступил на юридический факультет Московского государственного университета (МГУ) и в 1953 году закончил его. В 1953—1956 годах учился в аспирантуре на юридическом факультете МГУ. Докторскую диссертацию защитил в 1979 году по теме «Государственное право».

В годы учебы в аспирантуре был председателем учебно-воспитательного сектора комитета комсомола на юрфаке МГУ.

По окончании аспирантуры с 1956 по 1961 год работал старшим консультантом юридической комиссии при Совете Министров СССР. Участвовал в процессе реабилитации жертв сталинских репрессий. В 1957 году был направлен юрисконсультантом в Венгрию, а затем в Польшу. С 1961 по 1976 год — старший референт, заместитель заведующего отделом по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета (ВС) СССР (в 1968 году был направлен на работу в Чехословакию). В 1976—1977 годах — консультант Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС. Советник Генерального секретаря. Активно участвовал в разработке Конституции СССР 1977 г.

Лукьянов второй половины 40-х — начала 80-х гг. тоже вполне укладывается в облик иерархического человека. Но не все здесь однозначно — иерархический человек тоже не стоит на месте. Потрясение, связанное с XX съездом партии и делами о реабилитации, поездки за границу закладывали в коммуниста Лукьянова зерна шестидесятничества. Может быть отсюда — и нетипичная для чиновника высокого ранга склонность к поэзии. Во второй половине 70-х гг. он пытается примирить реальность и социальные идеалы правовыми конструкциями.

Автору этих строк довелось познакомиться с Лукьяновым в 1990 г. на встрече всемогущего вельможи с представителями нескольких оппозиционных групп. Смысл встречи для Лукьянова был нам непонятен — приглашенные пред-

ставляли слишком маленькие и в большинстве своем еристые организации, которые сходу принялись критиковать политику Горбачева, Рыжкова и самого Лукьянова. Тем не менее он вел себя как радушный хозяин, вставлял доброжелательные реплики. Анархистам Лукьянов говорил о большом интересе к экологическим проблемам, мемориальцу рассказал о своем участии в процессе реабилитации, а монархисту — о роли короля в стабилизации положения в Испании. Вероятно в происходящем был какой-то политический смысл — председатель Верховного Совета давал понять неформалам, что власть не так страшна, как ее рисуют. Но для этого можно было бы и выступить по телевидению, не тратя два часа на выслушивание упреков от «людей с улицы». Не исключено, что руководители КПСС искали хотя бы номинальных союзников. Но с этой целью можно было пригласить только «лояльные» организации, с которыми велись отдельные консультации. Вероятно, общение с «непослушными» гражданами было интересно будущему оппозиционеру. Дефицит конструктивных идей, которым хронически страдала партия, можно было восполнить только путем диалога с оппонентами, и Лукьянов понимал это еще до крушения своей первой карьеры, а возможно — и до Перестройки.

В 1977—1983 годах Лукьянов — начальник Секретариата Президиума Верховного Совета СССР. Эта должность подразумевала постоянное прямое общение с руководителями страны. Прежде ее занимал будущий Генеральный секретарь ЦК КПСС Черненко. В 1983—1985 годах, стал первым заместителем заведующего, в 1985—1987 годах — заведующим Общим отделом ЦК КПСС. В 1981—1986 годах — член Центральной Ревизионной Комиссии (ЦРК) КПСС. В 1984—1986 годах — член Бюро ЦРК КПСС. С 1985 года — член ЦК КПСС.

В дальнейшем Лукьянов — секретарь ЦК КПСС, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета СССР. Был арестован по обвинению в участии в попытке государственного переворота в 1991 г. После освобождения — член Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) КП РФ, депутат Государственной Думы.

Является автором сборников стихов «Созвучие» (1990 г.) и «Стихи из тюрьмы» (1991 г.), «Песня протеста» (1992 г.) (поэтические псевдонимы — Осенев, Днепров).

В 1980 году был награжден Орденом Октябрьской революции, кроме того имеет Орден Трудового Красного Знамени, медали⁹.

В Университете Горбачев застал расцвет юридического мракобесия, связанный с именем одного из организаторов процессов 30-х гг. А.Вышинского. Не удивительно, что юридические знания студента по окончании учебы в 1955 г. были невелики. «На юридических факультетах советских вузов... — вспоминает однокашник Горбачева З.Млынарж, — не учили мыслить в категориях права. Они готовили “специалистов по юриспруденции”, которым надлежало знать, что предписывается властью в том или ином случае, что делать разрешено, а что запрещено... Они, ины-

*ми словами, были квалифицированными бюрократами»*¹⁰. Для дальнейшей карьеры Горбачева это было очень важно.

Застал Горбачев и кампанию «борьбы с космополитизмом». Его однокашник В.Либерман вспоминал позднее, что гонения из-за его национальности удалось прекратить благодаря вмешательству Горбачева¹¹. Романтика юности. Если можно заступиться за друга, почему не заступиться. В рамках разумного.

Менялась эпоха в жизни страны, менялся и период в развитии Горбачева — пришла «вторая юность», фрактальное повторение ранней юности, возвращение романтики и многообразия, распыление интересов, казалось бы недопустимое для «серьезного» человека, препятствующее карьере. Но неизбежное, как неизбежен был период детства. Смещение «несанкционированных» интересов, неосторожных мыслей, любви и житейской неустойчивости.

Горбачев утверждал, что «в последние два года учебы атмосфера в университете начала меняться. Вначале с опаской, постепенно все более свободно высказывались сомнения в правильности “устоявшейся” трактовки тех или иных исторических событий, да и некоторых явлений современной политической жизни»¹². Сам Горбачев тоже позволял себе идеологические вольности. Именно от него будущий идеолог «Пражской весны» З.Млынарж узнал о вопиющей разнице между колхозной реальностью, с одной стороны, и советскими законами, а также идеалистическими картинками, нарисованными в художественных фильмах — с другой¹³. Доверие западных историков к воспоминаниям З.Млынаржа 1985 года оспаривает М.Геллер¹⁴. Проанализировав свидетельство З.Млынаржа, М.Геллер обнаружил в них противоречия с более ранними воспоминаниями этого автора и хронологические сдвиги. Однако эти наблюдения не позволяют полностью отказаться от использования воспоминаний З.Млынаржа 1985 г. Во-первых, в более ранних мемуарах он не мог упоминать Горбачева из опасения повредить ему. Во-вторых, молодые советские ортодоксы 50-х гг. (к которым относился М.Горбачев) были циничней молодых сталинистов из Восточной Европы (к которым относился З.Млынарж), и некоторые относительно «невинные» замечания Горбачева могли шокировать наивного Млынаржа. Изменив контекст, много лет спустя Млынарж выдал цинизм молодого Горбачева за его свободомыслие.

В Университете Горбачев вступил в партию (в 1952 г.). В 1953 году он женился на Раисе Максимовне Титаренко, учившейся на философском факультете университета на курс старше. «В этом есть определенная закономерность, в школьные годы Горбачев был влюблен в девушку тоже старше его. Раиса Титаренко, как свидетельствовали одноклассники, являла собой вполне образованную девушку, с серьезными амбициями. Когда они были вместе, ее лидерство было очевидно», — комментирует земляк Горбачева В.Казначеев¹⁵. Раиса Максимовна будет всю жизнь оказывать большое воздействие на его политическую деятельность. Ее помощь и советы Горбачев очень ценил, даже тогда, когда они шли во вред его политике.

В 1955 г. плавное восхождение Горбачева по ступенькам иерархии нарушилось. Несмотря на успехи в учебе, Горбачеву не удалось задержаться в органах столичной юриспруденции. Он видит причины этой карьерной неудачи в своем возрасте: «Объяснялось это тем, что среди многих причин разгула массовых репрессий в 30-е годы была якобы и такая: слишком много “зеленой” молодежи, не имевшей ни профессионального, ни жизненного опыта, вершило тогда судьбы людей. И именно я, выросший в семье, подвергавшейся репрессиям, стал, как это ни парадоксально звучит, невольной жертвой “борьбы за восстановление социалистической законности”»¹⁶. Возможно, сыграли роль и неосторожные высказывания, легкое фрондерство Горбачева, связанное с «юным» периодом в его «иерархической» жизни. Это был урок — пора остепеняться. Колесо фрактального развития неминуемо приближало Горбачева к состоянию «иерархического человека в квадрате», когда совпадают стадии развития разной интенсивности. Но и в этом положении «добропорядочного из добропорядочных» Горбачев выбирает дело по вкусу — комсомол. Здесь добропорядочность и карьера предполагают игру, новации, общение и в то же время наставничество, положение старшего. Вернувшись в Ставрополь, Горбачев предпочел работе в прокуратуре комсомольскую карьеру. Это был его собственный выбор¹⁷, но его должен был утвердить руководитель краевого комсомола В.Мироненко. В пересказе В.Казначеева их знакомство выглядит так: «В комнату бочком протиснулся среднего роста паренек, приятной наружности, улыбочивый. Поздоровались. Он представился: «Горбачев Михаил». Сел напротив в кресло, потирая ладони о штаны, волновался очень. Сказал, что он местный, со Ставрополя»¹⁸.

Уже в 1956 г. Горбачев занимает пост первого секретаря Ставропольского горкома ВЛКСМ, затем следует карьера в обкоме ВЛКСМ, увенчавшаяся постом первого секретаря обкома комсомола. Даже по словам его недоброжелателя В.Казначеева Горбачев работал эффективно, сразу же начал инициировать перемены: «Горбачев прослыл усердным, знающим работником... Уже давно разрабатывалась идея создания ученических производственных бригад в средних школах Ставрополя, позднее этот опыт был перенесен на весь край, на всю страну. Как только Горбачев пришел в горком, он сразу же выступил с этой инициативой»¹⁹. Конечно, активный комсомольский лидер чутко отзывался на указания сверху: «После пожелания Хрущева, чтобы каждая девушка, каждый юноша был комсомольцем, Горбачев организовал почти коллективные вступления в комсомол, что, разумеется, весьма и весьма подняло показатели по “вступаемости”»²⁰.

Уже в этот период в Горбачеве прорастает реформатор — крестьянская осторожность и сметка не только в чутком улавливании требований начальства, но и в стремление выполнить приказ по-своему. Это позволяет выделиться, выдвинуться. Сделать еще один шаг к освобождению от докучливых местных начальников, получить в «хозяйство» все большее поле власти.

По справедливому замечанию А.Брауна, «во времена Хрущева комсомол был не только введением в бюрократическую политику, но также для

тех, кто, как Горбачев, был вовлечен в официальную идеологическую и пропагандистскую работу, возможностью для публичных выступлений и изучения искусства убеждения»²¹. Горбачев взялся за дело «засучив рукава». Оставляя человеком вполне иерархического склада, в миниатюре он уже переживал, репетировал роль «человека идейного». Наступал новый период в его развитии, приходил новый опыт.

Это было время «оттепели», когда инициативы, не выходявшие за рамки «генеральной линии», приветствовались. Был организован дискуссионный клуб. Горбачев вспоминает о нем: *«Затрагивались разные аспекты проблемы. И вот какой-то молодой парень, ужасно волнуясь, стал говорить о культуре при социализме. О том, что культура — это прежде всего сам человек со всей его многовековой историей, а мы сводим ее лишь к одной форме — к идеологии. И то, что нам вбивают в головы, искажает само понятие культуры»*.

Руденко и я бросились в атаку — «защитить социализм». Говорили, что именно социализм унаследовал и воспринял все богатство духовного наследия человечества, только он открыл дорогу к культуре миллионам. Приводили множество других аргументов, в которых действительно были убеждены, наш «идейный противник» был не очень опытен в публичных дискуссиях, и победа осталась за нами.

Но в тот момент я больше всего думал о том, что могут прикрыть дискуссионный клуб, которым все мы так дорожили»²². И в этом чувстве, знакомом организаторам легальных дискуссий вплоть до второй половины 80-х гг., можно рассмотреть отражение последующего умения Горбачева балансировать между либерализмом и консерватизмом, атакуя прогрессистов, чтобы таким парадоксальным образом защитить их от консерваторов.

*«И вслед за клубом мы создали Оперативный комсомольский отряд — ОКО, — вспоминает Горбачев о своей новой инициативе, которая вскоре провалилась. — ...Во-первых, под видом нашего оперативного отряда в городе стали действовать хулиганы и грабители. Во-вторых, участились случаи, когда и наши ребята, почувствовав вкус к “силовым методам”, шли на задержание и мордобой, явно нарушая элементарную законность»*²³. Отрицательный опыт — тоже опыт. Горбачев учился предвидеть последствия «новых начинаний».

У Горбачева сложились хорошие отношения с первым секретарем горкома ВЛКСМ В.Мироненко, который в это время успешно делал комсомольскую карьеру²⁴. При Горбачеве он будет «командовать молодежью». Карьера Горбачева тоже развивалась успешно. В 1961 г. он стал первым секретарем крайкома ВЛКСМ.

На этом посту жизнь столкнула молодого бюрократа с его будущим «ангелом-хранителем» — первым секретарем крайкома партии Ф.Кулаковым. *«Кулаков предложил создать комиссию по проверке моей работы, а на состоявшемся 7 августа собрании краевого партийного актива он “выдал мне” сполна. Говорил о “безответственности в работе с Обращением ЦК”, высказывался несправедливо, резко, грубо»*²⁵. Горбачев промолчал в ответ. «После этого эпизода некоторые коллеги стали поглядывать на меня

как на конченого человека. Каково же было мое изумление, когда работники аппарата крайкома со ссылкой на Кулакова попросили написать справку об опыте моей работы.

— В ЦК КПСС обобщают наиболее интересные материалы о партийных организациях колхозно-совхозных объединений, — было заявлено мне, — и Федор Давыдович полагает, что твои соображения придутся кстати»²⁶.

Первый секретарь крайкома ценил инициативных, и что немаловажно — покладистых чиновников. Горбачеву предложили сменить комсомольскую карьеру на партийную. Комсомольские игры остаются позади, иерархические стереотипы снова выходят на первый план, но опыт не забывается. Горбачев репетирует роль прагматика — делового, вдумчивого, эффективного, в меру услужливого.

В 1962 г. следует новое назначение — Горбачев становится парторгом колхозно-совхозного управления края. Судьба снова связала его с сельским хозяйством. Уже в декабре Горбачев был назначен завотделом партийных органов Крайкома КПСС. В его руках оказалась кадровая работа Кулакова. Сам Горбачев вспоминает об этой своей карьерной удаче: *«Но главное — в компетенции отдела находились кадры, та самая номенклатура, в которую входили все сколько-нибудь значимые должности, начиная с постов сугубо партийных и кончая директорами предприятий и совхозов, председателями колхозов»*²⁷.

Кулаков после антихрущевского переворота был переведен в Москву, чтобы продолжить свой марш к вершинам власти. О Горбачеве он не забывал, постепенно продвигая своего человека по ступенькам карьерной лестницы. Горбачев вспоминает, что «мы расстались друзьями и сохраняли близкие отношения все последующие годы»²⁸. Патрона удовлетворяли качества его молодого протеже. «У Кулакова отношение к секретарям строилось на основе двух критериев — способности “сделать план” и личной преданности», — вспоминает Горбачев²⁹. Сам он соответствовал этим критериям. В августе 1968 г. Горбачев стал вторым секретарем обкома, а в апреле 1970 г. возглавил Ставропольский край. Назначение Горбачева было связано как с поддержкой Кулакова, так и с тем, что второго секретаря крайкома заметил Брежнев. Генеральному секретарю понравились инициативы Горбачева по орошению Ставрополя. *«Хочу заметить, что Брежнев конца — 60 — начала 70-х годов ничуть не был похож на карикатуры, которые рисуют на него ныне... Посмотрел все расчеты и схемы, задал много вопросов и попросил оставить материалы, в том числе таблицу о засухах за последние 100 лет. Вскоре состоялось заседание Политбюро, на которое меня даже не стали приглашать, ибо сам Брежнев сделал информацию о планах строительства канала, заметив при этом, как мне передали, что “надо поддерживать новых, молодых руководителей, которые ставят вопрос крупно, по-государственному”»*³⁰, — вспоминает Горбачев об этой встрече, которая предопределила не только его новый карьерный прорыв, но и увлечение мелиоративными проектами вплоть до поддержки идеи «поворота рек».

Казалось, Горбачев добился вершины своей карьеры, крестьянской мечты. Он — первое лицо. Над ним — далекое начальство. Сам себе хозяин — не торопясь делай дело и наслаждайся свободой. Страшный соблазн для политика. Горбачев будет наслаждаться брежневской интеграцией восемь лет. Но вскоре он почувствует — плох тот генерал, который не хочет стать маршалом. Возможно, если бы это ощущение пришло раньше, Горбачев разделил бы судьбу «молодых реформаторов» 60-х гг. А пока он мог накапливать хозяйственный опыт и вникать в детали кремлевской политической борьбы.

Выбор первого секретаря крайкома, сделанный в Москве, был удачен. Даже по признанию завотделом пропаганды и агитации крайкома А.Коробейникова, который ныне относился к Горбачеву крайне враждебно, “его запойная” работа (а работал он самоотверженно) все-таки давала результаты. Особенно удачными, в смысле реальных дел, были годы его работы на Ставрополье... В передовых колхозах и совхозах края освоены крупный севооборот, хозрасчет, цеховая структура управления, бригадный подряд; появился хозяин производства; у ставропольцев присутствует уверенность; в сельской местности повысилась рождаемость, крепнет оседлость, растут престиж труда и культуры быта³¹. В то же время в стиле Горбачева чувствуется стремление «ухватиться» за самые разные сферы и темы, унаследованные от комсомольского периода карьеры всплески и охлаждения энтузиазма в отношении различных методов и направлений работы. И позднее на это непостоянство часто указывают в своих воспоминаниях сотрудники Горбачева³². Комсомольские навыки сказывались в дальнейшем очень заметно — и через десятилетия в нем чувствуется тон воспитателя, который работает «с учетом свойственной юношам и девушкам революционной романтики»³³, берется за разные «дела», постоянно реорганизует структуру управления³⁴. Но именно в этой разносторонности, инициативности, готовности к переменам был важнейший политический ресурс Горбачева.

В центр своей работы Горбачев уже тогда ставил идейно-политическое, а не конкретно-хозяйственное руководство, что вызывало недоумение бюрократов старой школы: «Находились у него и единомышленники в ЦК, считавшие, что партия не должна заниматься решением хозяйственных проблем и подменять тем самым советские и хозяйственные органы, ее дело — политическая работа в массах, обеспечение политического руководства... Каплей, переполнившей чашу терпения работников крайкома, ставленников Горбачева, было постановление о канализации. Раздался звонок от Инжьевского, тогдашнего заворга крайкома:

— Может, займешься и общественными туалетами?!

— Спасибо за подсказку, непременно займусь. — Я сделал вид, что не понял издевки. — Город в антисанитарном состоянии, так что непременно займусь...

— Это горком или горкомхоз? — бушевал горбачевский посланец³⁵. Консервативные чиновники пока еще могли отстаивать право партийных органов руководить ремонтом туалетов. Но их маленькие победы над Гор-

бачевым были пирровыми, потому что лишь укрепляли будущего Генсека в его «заблуждениях».

На формирование Горбачева-политика заметное влияние оказали события 1968—1969 гг. в Чехословакии. «В начале лета 1967 года я встретился со Зденком Млынаржем, давним моим другом и сокурсником по МГУ, о котором уже упоминал»³⁶. Через год Млынарж окажется одним из вождей «чехословацкой котрреволюции». Это лишний раз продемонстрировало Горбачеву опасность «ревизионистских» разговоров, и в то же время обусловило более поздний интерес к чехословацким реформаторам. И надо же было такому случиться — вскоре после вторжения советских войск в Чехословакию Горбачев был отправлен туда с делегацией: «Сказать, что мы себя чувствовали неуютно, скверно, — почти ничего не сказать. Мы ощутили всем нутром, что эта акция осуждена и отвергнута с негодованием народом... В канун Дня студентов мы оказались в Брно, там решились организовать нам посещение крупного завода. Когда пришли в цех, с нами никто не захотел разговаривать, рабочие на приветствия не отвечали, демонстративно отворачивались — ощущение неприятное»³⁷.

Вскоре Горбачеву пришлось подавлять «ревизионизм» ставропольского значения: «В начале 1969 года исполняющий обязанности заведующего кафедрой философии Ставропольского сельхозинститута Ф.Б.Садыков выпустил в краевом издательстве книгу “Единство народа и противоречия социализма”... По существу, Садыков сформулировал ряд идей, которые стали находить свое решение лишь с началом перестройки. Но до перестройки надо было еще прожить более пятнадцати лет... Из Москвы поступил сигнал — “проработать”. И вот 13 мая состоялось бюро крайкома, рассмотревшее вопрос “О серьезных ошибках в книге доцента кафедры философии Ставропольского сельскохозяйственного института Садыкова Ф.Б.” Разделили мы его на бюро, что называется, под орех. Да, это был “долбеж”. Главный наш “идеолог” Лихота требовал исключения из партии. Ефремов не поддержал. Остро критичным было мое выступление. Садыкову объявили строгий выговор, освободили от заведования кафедрой»³⁸, — вспоминает Горбачев. И снова он вынужден был «громить» идеи, к которым испытывал интерес. «На самый верх, как правило, поднимались руководители, я бы сказал, более толстокожие, особенно не переживавшие за моральные аспекты своих действий, те, у кого совесть запрятана глубоко-глубоко. Ибо качества руководителя оценивались главным образом с точки зрения способности достигать поставленной цели. О таком говорили: “рукастый”, то есть ему можно поручить дело. О голове, тем более о совести претендента частенько забывали»³⁹, — самокритично вспоминает Горбачев.

Некоторые западные исследователи придают большое значение увлечению Горбачева социологией. Ссылаются на диссертацию его жены. К.Шмидт-Хауэр даже считает социологическую квалификацию семьи Горбачевых одним из факторов успеха⁴⁰. Однако «социологические штудии» Р.Горбачевой были далеки от западного представления о социологии и вполне соответствовали советским официальным представлениям об «об-

шествовании». Горбачев действительно использовал социологические построения с середины 70-х гг., но не как научный инструмент, а как украшение речи.

Капля камень точит. От года к году рос незаметный для внешнего взгляда интерес Горбачева к «ревизионизму» — нетрадиционным социалистическим взглядам: «Как член ЦК КПСС, я имел доступ к книгам западных политиков, политологов, теоретиков, выпускавшимся московским издательством “Прогресс”. По сей день стоят на полке в моей библиотеке двухтомник Л.Арагона “Параллельная история СССР”, Р.Гароди “За французскую модель социализма”, Дж. Боффы “История Советского Союза”, вышедшие позже тома фундаментальной “Истории марксизма”, книги о Тольятти, известные тетради Грамши и т.д. Их чтение давало возможность познакомиться с другими взглядами и на историю, и на современные процессы, происходящие в странах по обе стороны от линии идеологического раскола»⁴¹. Горбачев читал и опубликованные в СССР произведения А.Солженицына⁴². Конечно, нельзя преувеличивать степень согласия Горбачева с «идеологическим противником». Но инакомыслие проникало и с другой стороны. Горбачев вспоминает, что «на отдыхе слушал исключительно бардов-шестидесятников. Особо выделял Владимира Высоцкого и Юрия Визбора»⁴³. Может быть, и не «исключительно» только их, но ведь слушал же. А это бесследно не проходит.

В начале 70-х гг. Горбачев впервые посетил Западную Европу — Италию. Он еще не знал, что его взору открылось будущее собственной страны. Горбачев вспоминает о своих впечатлениях: *«Спустились с другой стороны в курортное местечко и столкнулись там с целыми “стаями” хиппи. Их вид нас буквально ошарашил. Долго бродили по улицам. Много бедного народа. Особенно поразили торгующие всякой всячиной дети — ведь была уже глубокая ночь. ...Многое, о чем мы узнали, вызвало у меня неприятие. Например, сравнивая, я укрепился во мнении (и сейчас его придерживаюсь), что народное образование и медицинское обслуживание были организованы у нас на более справедливых принципах. И наша ставка на общественный транспорт казалась предпочтительней перед другими способами решения транспортной проблемы в городах. Но вот что касается функционирования гражданского общества, политической системы, то априорная вера в преимущества социалистической демократии перед буржуазной была поколеблена. И пожалуй, самое важное, вынесенное мной из поездок за рубеж, — вывод о том, что люди живут там в лучших условиях, более обеспечены. Почему мы живем хуже других развитых стран? Этот вопрос неотступно стоял передо мной»*⁴⁴.

Но, пожалуй, наиболее глубинным слоем политического сознания Горбачева была его психология сельскохозяйственного руководителя, привившаяся еще в семье. Сельскохозяйственному руководителю любого ранга — от председателя колхоза до первого секретаря крайкома — не нравилось, когда «верхи» вмешивались в дела его «вотчины». В своих выступлениях Горбачев, прикрываясь принципами экономической реформы 1965 г., выступает против «мелочной опеки» работы коллективов: «Постоянная, излишняя опека и подмена

сродни суховею, который губит посевы»⁴⁵, — иллюстрирует Горбачев свою мысль.

Однако защита «вольности» в речах Горбачева касается прежде всего руководителей предприятий, которых опекают из центра, а для простых работников предусматривается «укрепление... социалистической дисциплины труда, повышение организованности трудящихся»⁴⁶.

От старорусских помещиков сельскохозяйственная номенклатура отличалась прежде всего своим индустриализмом, стремлением превратить аграрное производство в фабричное. Это, казалось, решит все трудности на селе. Горбачев был активным проповедником такой утопии: «Опыт показывает, что рационально осуществляемая специализация содействует увеличению выхода продукции на единицу земельной площади, росту производительности труда, снижению себестоимости, повышению рентабельности и товарности производства»⁴⁷.

Усиление специализации на полях вело к монокультурности, разрушающей почву. Индустриализация уродовала землю, превращая ее в пустыню. Выход бюрократия искала на путях экстенсивного расширения посевов за счет орошения. Орошение становится экономическим кредо Горбачева — оно упоминается почти во всех его выступлениях, посвященных сельскому хозяйству. Впоследствии эта любовь к мелиорации выльется в грандиозный проект поворота северных рек. А пока Горбачев утверждал: *«Наиболее радикальным методом борьбы против засухи, бесспорно, является орошение. Оно позволяет поднять продуктивность сельскохозяйственного производства, ослабить влияние погоды»*⁴⁸.

Была еще одна «радикальная» мера, составлявшая мечту «помещиков», которая проявляется до 1978 г. лишь подспудно. Дело в том, что на земле территориальных «вотчин» находились многочисленные сельскохозяйственные предприятия, не подчиненные местному руководству. Между тем именно эти предприятия производили конечную продукцию — тот самый «дефицит», который давал дополнительную власть и влияние. Отсутствие прямого подчинения этих предприятий райкомам и сельскохозяйственным руководителям затрудняло получение находящегося «под рукой» «дефицита». Это обстоятельство усиливало противостояние между местным партийным руководством и промышленными ведомствами, о котором мы говорили выше. «Помещикам» казалось, что предприятия смежников (прежде всего мясомолочной промышленности), почти не затрачивая усилий, получают баснословные прибыли, «наживаются» на труде крестьян. Среди сельскохозяйственных руководителей зрело требование подчинения им предприятий смежных отраслей. Это требование станет лейтмотивом аграрной программы Горбачева, начиная с 1978 г. Ее выполнение означало усиление районной номенклатуры. Районные руководители, в свою очередь, «давили» на областное начальство, пропагандируя его в поддержку Горбачева. В итоге областные секретари, большинство которых традиционно было более тесно связано с сельской номенклатурой и противостояло министерствам, также симпатизировали курсу Горбачева и готовы были поддержать его.

Сам Горбачев был активен в установлении контактов с областными руководителями, что помогло ему впоследствии. Первый секретарь Воронежского обкома вспоминает о середине 70-х гг.: «Едва я приступил к работе в Воронеже, как одним из первых позвонил мне Горбачев. Поздравил с избранием, поинтересовался первыми впечатлениями... Меня привлекало в нем чувство товарищества, общительность, можно сказать, какая-то открытость дружбе. Его умение быстро установить контакт, найти тему для беседы, чувство юмора. Он эмоционально воспринимал как успехи, так и неудачи. Короче, это был энергичный, задорный, неунывающий, обаятельный человек, интересный собеседник. Привлекал его критический настрой по отношению к нашим проблемам, недостаткам... Разделял “под орех» чинуш, окопавшихся в Госплане, Госснабе, Минфине”. Но “критика” в его устах оставалась лояльной... При желании его мысль можно было трактовать по-разному, повернуть в любую сторону — он бы не возражал. Но в любой момент он мог сделать ход назад»⁴⁹.

* * *

Горбачев вошел в историю как блестящий коммуникатор, подкупающий своим обаянием, вызывающий на откровенность и в то же время не позволяющий «схватить себя за язык». Автору этих строк довелось общаться с Горбачевым через два десятилетия после описываемых событий. Все присутствовавшие, с кем я потом говорил, признали, что Горбачев их «обаял». Лицо Михаила Сергеевича (только так его называли говорившие) светилось персональной заинтересованностью в делах собеседника. Окончив разговор с ним, Горбачев повернулся, и мне случайно удалось перехватить его взгляд. Лицо еще сохраняло форму приветливости, но взгляд уже «переключился», точнее «отключился» — в нем уже не было поражавшего нас тепла, а остался лишь металлический блеск. Михаил Сергеевич обладал редким свойством — не только лицо, но и глаза его были маской, и кроме экстремальных ситуаций никакой собеседник не мог сказать, как на самом деле относится к нему Горбачев. Многие его соратники только на закате политической карьеры приходили к выводу, что они были ему не друзьями и соратниками, а инструментами. И сыпались обвинения в предательстве.

В таких случаях Горбачев тоже убежденно говорил о том, что его предали. Так бывает, когда люди не понимают друг друга, называя одними словами совершенно разные вещи. До поры они считают друг друга единомышленниками, а затем расходятся. Каждый в глазах другого предал «прежние идеи».

Такие люди исчезали из круга общения Горбачева, и он продолжал оставаться среди «единомышленников», людей, находившихся под влиянием его личности. Но большинство граждан страны по мере развития страны выпали из сферы действия личного обаяния Михаила Сергеевича. Обратная связь была утрачена. Страна становилась все менее управляемой, но люди вокруг Горбачева по-прежнему демонстрировали преданность.

Вероятно, ситуация в стране все больше удивляла Горбачева. Оппозиционеры, обличавшие его на митингах, при личных встречах расслаблялись под влиянием горбачевской «ауры». Они договаривались, не подозревая, что на самом

деле вкладывают в неопределенные слова разный смысл. Горбачев видел вокруг себя только тех, кто относился к нему с пониманием. Но в стране таковых оставалось все меньше...

* * *

В середине 70-х гг. на Горбачева обращали внимание и на самом верху пирамиды власти. Ставрополье было одним из изблюбленных мест отдыха партийной элиты. По свидетельству первого секретаря Пятигорского, а затем ставропольского горкома В.Казначеева, Горбачев прилагал усилия к закреплению этих предпочтений: «Горбачев сразу уловил, какое преимущество ему сулит превращение Ставрополья во всесоюзную здравницу ЦК. Строительными силами 9-го управления КГБ за короткий срок на месте пионерского лагеря была возведена в Кисловодске шикарная госдача.

Михаил Сергеевич сам выбрал место в горах, возле речки, в окружении леса, под строительство роскошных палат, точнее, резиденции для семьи, куда можно приглашать гостей. Проект архитекторов прекрасно вписался в горный ландшафт»⁵⁰. Наиболее важными гостями были «земляки» Горбачева М.Суслов и Ю.Андропов.

АНДРОПОВ Юрий Владимирович (1914—1984 гг.)

В 1930 г. работал служащим телеграфа. В 1936 г. окончил техникум водного транспорта. В 1936—1944 гг. — на комсомольской работе. В 1939 г. вступил в КПСС. В 1938—1940 г. возглавлял Ярославский обком ВЛКСМ, в 1940 г. встал во главе ЦК ЛКСМ новоиспеченной Карело-Финской республики. Участвовал в партизанском движении в Карелии в 1941—1944 гг. В 1944 г. назначен вторым секретарем Петрозаводского обкома КПСС, а затем вторым секретарем ЦК КП Карело-Финской ССР. В 1951—1953 гг. работал в центральном аппарате ЦК. Учился в Петрозаводском университете и ВПИ при ЦК КПСС. В 1953 г. возглавил 4-й европейский отдел МИД (курировал политику в отношении Польши и Чехословакии). В 1954—1956 гг. — посол СССР в Венгрии. Таким образом Андропову пришлось в непосредственной близости наблюдать развитие Венгерской революции 1956 г. и участвовать в ее подавлении. В 1957—1967 гг. Андропов был заведомом ЦК КПСС по связям с социалистическими странами и их компартиями. В отделе Андропов собрал группу консультантов, среди которых были многие интеллектуалы, формировавшие в дальнейшем господствующие политические идеи: Ф.Бурлацкий, А.Арбатов, Г.Шахназаров, А.Бовин, О.Богомолов, Г.Герасимов, Н.Шишкин и др. С 1961 г. — член ЦК КПСС. В 1962—1967 гг. он был также секретарем ЦК КПСС. В 1967 г. Андропов возглавил КГБ и стал кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. В 1973 вошел в Политбюро. В 1974 г. был удостоен звания Героя социалистического труда. В 1982—1984 гг. — Генеральный секретарь ЦК КПСС⁵¹.

Горбачев познакомился с Андроповым в 1969 г., а с Суловым — в 1970 г. В 1977 г. в беседе с Арбатовым Андропов очень высоко оценивал Горбачева⁵². «Несмотря на различия в характерах да и в возрасте, они потянулись

друг к другу. Теперь отпуск Горбачевы приурочивали к отпуску Андроповых и проводили его вместе на Кавказских Минеральных Водах — в Железноводске, Кисловодске...» — вспоминает В.Казначеев⁵³.

Общение Горбачева с «небожителями» не проходило даром: уже тогда он продемонстрировал информированность, необычную для руководителя областного уровня⁵⁴. Супруги Горбачевы принимали все меры к укреплению полезных связей: «В память о пребывании на Кавказе, видимо, стало уже ритуальным дарить какие-то сувениры. — рассказывает В.Болдин. — Однажды Раиса Максимовна, вспоминая тот период, говорила:

— Многие ведь не стеснялись, и супруги руководителей сами говорили, какой сувенир они хотели бы получить... Для нас было это очень накладно, — продолжает Раиса Максимовна, — и приходилось всячески изворачиваться»⁵⁵. В.Казначеев утверждает, что «по указанию Горбачева семье Сулова вручили подводное ружье, модную по тем временам кожаную куртку для внука... “Партийная совесть”, видимо, в полудреме благосклонно приняла подношения»⁵⁶. В 1983—1985 гг. такие подарки могли лечь в основу серьезного уголовного обвинения.

Большое значение имело знакомство Горбачева с академиком Чазовым. Вспоминает В.Казначеев: «Молодой академик Чазов был фигурой значительной. Он всегда находился в курсе всех кремлевских событий и интриг, более того, лейб-медик обладал весьма ценной для Горбачева информацией: привычки, пристрастия, слабости, особые черты характера, семейные связи и многое другое, чего не было написано в официальных биографиях.

Когда Чазов приезжал в край, Горбачев тут же бросал все дела и исчезал на несколько дней. Их можно было видеть прогуливающимися по аллеям санаторного парка, оживленно беседующих...

Чазов принял условия игры в преданную дружбу: из Москвы приходили для Горбачева самые лучшие, дорогостоящие лекарства.

Именно Чазов убедил Михаила Сергеевича организовать все так, чтобы высшее руководство страны стремилось приезжать на отдых в Ставропольский край. В этом решении учитывались интересы не только Михаила Сергеевича, за спиной лейб-медика стояла фигура более могущественная, уже давно наметившая себе цель — кресло Брежнева»⁵⁷.

Умение Горбачева находить «подход» к руководителям помогло ему поставить под свое влияние и сотрудника ЦК, курировавшего край в орготделе — будущего главу Компартии РСФСР И.Полозкова. Этот контакт также очень помогал в работе: «Кураторы могли застопорить решение ряда вопросов, в том числе и кадровых, могли сказать: есть мнение, что имярек не дорос до столь высокого поста, — вспоминает В.Казначеев. — И все! Ни один первый секретарь обкома или крайкома не станет доискиваться, кто зажег красный свет его выдвиженцу: то ли рядовой инструктор, то ли сам генеральный... Мнение Горбачева по любому вопросу сразу же становилось и мнением Полозкова, превратившегося в карманного инструктора столь грозного орготдела ЦК... Ставил его Горбачев на место в своей излюбленной манере:

— Только что мне звонил Юрий Владимирович, советовался по одному крайне важному делу, просил завтра снова выйти на связь. Михаил Андреевич по старой памяти земляков не забывает, только что с ним говорил, просил помочь финансами. Мы вес выбрали, вот Михаил Андреевич и обещал помочь.

Сыпал Михаил Сергеевич именами-отчествами — складывалось впечатление, что он со всеми на короткой ноге, и млеет от верноподданнического восторга куратор Полозков, мотал на ус, лстиво улыбался»⁵⁸. С такими сильными позициями Горбачев мог претендовать на участие в политической борьбе. В.Казначеев обвиняет своего бывшего шефа в доносе на зятя Брежнева Ю.Чурбанова, который, выпив в гостях у Горбачева, хвастался, что Брежнев обещал сделать его наследником⁵⁹. Так это или нет, но уже в середине 70-х гг. Горбачев старался не только быть в курсе кремлевских интриг, но и подыгрывать Андропову.

К 1977 г. было восстановлено шаткое равновесие в правящей верхушке, нарушившееся в связи с тяжелой болезнью Брежнева. Брежневский клан номенклатуры, который поддерживался в это время «пуританами» Суловым, Андроповым и Устиновым, противостоял «прагматикам» во главе с премьер-министром А.Косыгиным. Сфера компетенции отраслевых гражданских министерств шаг за шагом ограничивалась, с одной стороны, аппаратом ЦК с его дублирующими министерства отделами, с другой стороны — региональными структурами обкомов.

Самостоятельность Косыгина делала его неудобной фигурой в брежневской команде. «По всему было видно, что Л.И.Брежневу было трудно сработаться с А.Н.Косыгиным, который всегда подчеркивал свою независимость, самостоятельность, несогласие со стремлением Л.И.Брежнева к единовластию, — вспоминал В.Гришин. — Однако поставить вопрос об отстранении А.Н.Косыгина от руководящей роли в партии и в стране он не решался, понимая, что авторитет Председателя Совмина СССР в партии и народе высок, и сама постановка такого вопроса могла вызвать большие осложнения»⁶⁰. Конечно, авторитет премьера в народе большой роли не играл — когда Косыгин был все же снят по состоянию здоровья (именно такая формулировка могла прозвучать и тремя годами ранее), никаких осложнений не возникло. Косыгина вынуждены были терпеть как специалиста, мастера по поддержанию баланса в сложном механизме государственной экономики⁶¹. Когда физически больной Косыгин уже не мог справляться с этой работой, его отправили в отставку. Кстати, разбалансированность экономики после этого действительно стала нарастать. Но процесс этот начался по объективным причинам еще при Косыгине.

Популярность Косыгина среди части аппарата (прежде всего хозяйственного, но, как следует из мемуаров Гришина, — и партийного тоже)⁶² не могла не беспокоить как клан Брежнева, так и усиливающихся «пуритан», с недоверием относящихся к хозяйственной бюрократии. Особую роль в этой ситуации играл Кулаков: «Была и своего рода “группа быстрого реагирования”, пользовавшаяся особым доверием генсека, — вспоминал Горбачев. — В нее входили волгоградский секретарь Куличенко, саратовский — Шibaев,

тульский — Юнак, краснодарский — Медунов, кустанайский — Бородин, алтайский — Георгиев, оренбургский — Коваленко, сахалинский — Леонов. В большинстве своем все эти люди были тесно связаны с Кулаковым. Всякий раз, когда Брежнев нуждался в поддержке, или затевалась какая-то интрига, “группа быстрого реагирования” немедленно включалась в дело. Ей отдавалось явное преимущество в прениях на пленумах и съездах партии. И если из их уст раздавалась критика правительства или вносилось какое-либо предложение, все понимали, откуда они исходят и в чьих интересах это делается»⁶³. Судьба благоприятствовала Кулакову — 1976—1978 гг. были удачными для сельского хозяйства. Урожай 1976 г. был рекордным. Между тем, Брежнев постиг новый удар — умер его старый друг маршал Гречко — министр обороны. Равновесие в Политбюро с трудом поддерживалось сложными аппаратными комбинациями, Кулаков мог стать наиболее динамичной фигурой в брежневском лагере.

Кулаков не забывал и об активизации своих кадров. Выдвиженцы секретаря по сельскому хозяйству должны были доказать, что они достаточно компетентны в самых разных вопросах, что команда Кулакова может стать опорой политики умеренного обновления. С 1974 г. Горбачев начинает все активнее выступать на политические темы, высказывая относительно оригинальные суждения. Вслед за диссидентом Сахаровым он выступил в поддержку гласности: «Большинство партийных организаций понимает, что суть гласности не только в том, чтобы обнародовать обязательства, договоры, почины, достижения или недостатки, но и в том, чтобы на деле вооружить каждого участника соревнования необходимой информацией о достижениях передовой практики, позаботиться о широком общественном резонансе наших успехов и промахов»⁶⁴. Характерно, что эта фраза была написана в посвященной проблемам соревнования статье «Могучий ускоритель» (как не вспомнить будущую политику «ускорения»).

В статьях 1974—1977 гг. Горбачев совершенствует свои традиционные темы (орошение и опыт школьных учебно-производственных бригад), но затрагивает и новые сюжеты — работа с письмами трудящихся, опасность подмены заботы о людях либерализмом, особенности демократии при социализме: «Последовательное проведение линии на развитие социалистической демократии в нынешних условиях исходит из того, что демократизм при социализме не может быть чем-то расплывчатым и неопределенным, как это представляется обывателям и анархизирующим элементам. Социалистической демократии присущи порядок и организованность, а также централизованное государственное руководство в общенациональном масштабе, без чего система социалистической демократии не может нормально функционировать»⁶⁵.

Для того, чтобы получить поддержку кланов, склонявшихся к необходимости более динамичной политики, нужно было показать, в чем эта политика будет заключаться. Каким образом можно ускорить развитие страны, оставляя неизменной структуру общества? XXV съезд партии продемонстрировал, что ни у кого таких рецептов нет. Кулаков и здесь решил быть первым, взяв для смелого эксперимента подведомственное ему сельское

хозяйство. В качестве полигона было избрано Ставрополье, руководитель которого — Горбачев — разделял идеи своего покровителя. Осенью 1977 г. на всю страну прогремел «ипатовский метод», позволивший собрать почти в два раза больше хлеба, чем предусматривалось планом. М.Татио считает, что ипатовский эксперимент был инициативой Кулакова, а не Горбачева, поскольку новый метод предполагал большую централизацию, а будущий Генеральный секретарь был сторонником децентрализации⁶⁶. Однако делая такой вывод, французский исследователь опирается скорее на общее впечатление о деятельности Горбачева, чем на конкретные доказательства, относящиеся к 70-м гг.

*«Суть, сердцевина ипатовского метода, — писал Горбачев, — заключается в организации работы уборочно-транспортных отрядов не просто в отдельных хозяйствах, а в масштабах целого района»*⁶⁷. Задача заключалась в том, чтобы организовать уборку урожая с помощью специальных бригад как часовой механизм. Ни один комбайн не должен был простаивать, все должно было быть рационализировано настолько, чтобы техники хватило для работы в две смены. Люди, понятно, тоже должны были участвовать в этом сельскохозяйственном конвейере. Попытка превратить сельское хозяйство в рациональную фабрику подкреплялась традиционными методами организации рекордов — Ипатовский район получил «зеленую улицу» при снабжении его горючим, запчастями и самой техникой.

Результат поразил кремлевскую олигархию — целый район удвоил сбор урожая путем рационализации и наведения порядка — метода, не затрагивающего общественное устройство. Ставрополье в целом тоже перевыполнило план — край «прикрывался» самим Кулаковым. В результате Кулаков и Горбачев оказались триумфаторами. «Кулаков, который организовал этот беспрецедентный успех, мог гордиться и быть счастливым»⁶⁸, — пишет Ж.Медведев. Горбачев испытывал те же чувства.

В феврале 1978 г. торжественно отмечается 60-летие Ф.Кулакова, он награждается звездой Героя социалистического труда. В марте Суслов посещает Ставрополье и тесно общается с Горбачевым. 3—4 июля проходит пленум по сельскому хозяйству. Однако Кулаков был отстранен от подготовки материалов пленума — главой комиссии был назначен его противник Косыгин⁶⁹. Несмотря на то, что позиции Косыгина в это время тоже ослабевают, положение Кулакова оказалось еще хуже: постановление пленума раскритиковало результаты сельскохозяйственной политики, отметив недостаточную урожайность, высокие потери при переработке и транспортировке продукции, недостатки в освоении капитальных средств и др. Критическая часть постановления составила треть его текста, значительно превысив комплиментарную⁷⁰.

17 июля Ф.Кулаков скончался после внезапно обострившейся болезни. Брежнев, Косыгин и Суслов не прервали отпуск для участия в похоронах, что указывало на разлад между ними и Кулаковым, предшествующий смерти. В ведомствах, которые курировал Кулаков, ходил слух, что его позиция критиковалась коллегами по Политбюро. Отстранение от подготовки «профильного» пленума не могло не удручить секретаря по сельскому хозяйст-

ву, так как означало опалу. Критический настрой пленума лишь усилил это впечатление. Слишком амбициозному Кулакову отказали в доверии как раз те, кто должен был поддержать его в борьбе за власть. Это могло стать сильным психологическим шоком и спровоцировать обострение его болезни. Горбачев считает, что «здоровье Федора Давыдовича уже не выдерживало его образа жизни и связанных с ним нагрузок (в 1968 году ему удалили часть желудка)»⁷¹. В любом случае смерть Кулакова совпала с желанием влиятельных членов Политбюро от него избавиться. Возможно, противники брежневской группировки испугались перспективы воцарения Кулакова. Приход его к власти также закрывал дорогу другим претендентам на лидерство в лагере обновленцев, прежде всего Андропову, который будет серьезно претендовать на первое место в партии позднее.

Смерть Кулакова и совпавшее с ним по времени значительное ослабление Косыгина (6 июля было принято постановление о коллегиальности в работе Совета министров, значительно ограничившее полномочия председателя) нарушили равновесие в элите. Клан Кулакова распался. Место секретаря по сельскому хозяйству, оставшееся после Кулакова, было вакантным до ноября.

Лишившись Кулакова, руководители партии вовсе не желали отказываться от надежд, связанных с сельскохозяйственными успехами 1975—1977 гг. Ипатовский метод был связан с именем Горбачева, а смерть Кулакова сделала хозяина Ставрополя безопасным с точки зрения борьбы за власть.

В мае 1978 г., когда решался вопрос о заполнении вакансии секретаря ЦК по сельскому хозяйству, Горбачев направил в ЦК записку, в которой изложил свою аграрную программу. Этот документ, подготовка которого была инициирована еще Кулаковым⁷², целиком продиктован интересами номенклатурных «помещиков». Горбачев рисует душераздирающую картину эксплуатации («неэквивалентного обмена»⁷³) сельского хозяйства промышленностью: *«Вместе с тем в последующие годы, при сравнительно медленном росте закупочных цен на продукты сельского хозяйства, резко возросли цены на сельскохозяйственную технику, запасные части, горючее, строительные материалы, комбинированные корма, а также на производственные услуги»*⁷⁴.

Согласно нарисованной Горбачевым картине, сельское хозяйство получало от смежных отраслей все меньше продукции и все худшего качества, цены на промышленную продукцию для сельского хозяйства росли быстрее, чем урожайность и закупочные цены. Исходя из лукавой советской статистики, которая при всех убытках в итоге давала «прибыль», Горбачев утверждает: *«Если брать в целом сельскохозяйственную отрасль и отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье и оказывающие производственные услуги сельскому хозяйству, а также обеспечивающие его средства производства, то весь агропромышленный комплекс оказывается рентабельным»*⁷⁵. Эта фиктивная рентабельность дала Горбачеву основание поставить вопрос об очередном повышении закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию за счет смежных промышленных отраслей: *«надо*

рассмотреть вопрос о возможности перераспределения прибылей в рамках самого агропромышленного комплекса»⁷⁶.

Эта идея выражала сокровенную мечту «помещиков» об «экспроприации экспроприаторов», об установлении своего контроля над сельскохозяйственной промышленностью и заполнении финансовых прорех за счет смежников. Если этот план не будет выполнен, Горбачев грозит сельскохозяйственным кризисом, который уже назрел: *«Конечный результат этих процессов такой: среднегодовое валовое производство продукции в девятой пятилетке возросло почти на 12%, а материальные затраты повысились на 50%. Значительно увеличилось количество убыточных хозяйств... Все эти процессы ослабили механизм стимулирования производства... и подрывают такой важный инструмент социалистического хозяйствования, как хозрасчет, поскольку снижают заинтересованность трудовых коллективов в наращивании объемов производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов»⁷⁷.*

Кроме этого коренного пункта в аграрной программе Горбачева содержались и другие — необходимость выделения дополнительных средств для жилищного строительства и социального развития на селе, усиленное внедрение минеральных удобрений и мелиорации, продолжение индустриализации сельского хозяйства и ужесточение планирования, внедрение «ипатовского метода». Эти меры составляли «пакет», который должен был удовлетворить так «помещиков», тесно связанных с большинством руководителей обкомов, так и «пуритан» в ЦК, ориентированных на ужесточение дисциплины в стране.

Перипетии борьбы за власть в Политбюро также способствовали карьерным успехам Горбачева. Премьер Косыгин стал выдвигать вперед руководителя Ленинграда Г. Романова.

РОМАНОВ Григорий Васильевич

Родился в 1923 г. Воевал с 1941 г. В армии в 1944 г. вступил в КПСС. В 1946—1954 гг. — конструктор, начальник сектора конструкторского бюро. В 1953 г. закончил Ленинградский кораблестроительный институт. С 1954 г. — на партийной работе. В 1961—1963 гг. — секретарь, в 1963—1970 гг. — второй секретарь, в 1970—1985 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС (в 1963—1964 гг. — промышленного обкома). Член ЦК КПСС в 1966—1989 гг., кандидат в члены Политбюро в 1973—1976 гг., член Политбюро в 1976—1985 гг.⁷⁸

Романов был самым молодым членом Политбюро, хотя и не принимал участия в его регулярной работе из-за своей географической удаленности. Он принадлежал к «военному поколению», что способствовало развитию «командных привычек» и аскетических склонностей. Романов славился организационными способностями, которые, однако, не спасали ленинградцев от периодических перебоев с продуктами первой необходимости. Романов заботился не столько о социальных нуждах, сколько о военно-

промышленном комплексе, который был гордостью Ленинграда. Грубость и жестокость Романова воспринималась его коллегами как требовательность к другим и к себе. Последнее было его особенно сильной стороной на фоне «развращенности» коммунистической элиты. Романов отличался также личной скромностью, он «жил в скромной квартире, где наша общая приятельница, обитая этажом выше, регулярно заливала его водой из-за неисправности водопровода»⁷⁹, — пишут В.Соловьев и Е.Клепикова.

В 1976—1978 гг. политическая активность Романова внезапно возросла. Он стал регулярно бывать в Москве, вместе с Косыгиным выполнять несвойственные им дипломатические миссии. Андропов, которого не могло радовать выдвижение относительно молодого конкурента, еще не имел в Политбюро достаточного «веса», чтобы противостоять этим попыткам открыто. Но в распоряжении Андропова оставались «специфические» методы работы КГБ.

Был распространен слух, просочившийся даже в западную прессу, о том, что на свадьбе дочери ленинградского руководителя в пьяном загуле был разбит бесценный сервиз Екатерины II из коллекции Эрмитажа. Сплетни о разгроме сервиза даже попали в качестве доказанного факта в серьезные западные сочинения⁸⁰. Несмотря на то, что беспочвенность этих слухов была известна кремлевским олигархам, сама тема напомнила, что возвышение Романова может быть воспринято как реставрация романовской династии. Такие намеки могли подорвать основы официальной доктрины и лишний раз напомнить о монархическом характере власти в СССР. С выдвижением Романова решили подождать.

Эти события имели большое значение для Горбачева. В противовес Романову решили ввести в Политбюро другого молодого руководителя, который еще долго не сможет претендовать на верховную власть. Возраст Горбачева смог бы выбить из рук сторонников Романова главный аргумент в пользу перемещения ленинградского руководителя в Москву — необходимость омоложения руководства.

Горбачев и сам намекал руководителям страны на необходимость «омоложения кадров»:

— Нельзя Политбюро ЦК формировать только из людей преклонного возраста, — говорил Горбачев Андропову, когда тот отдыхал в Ставропольском крае в середине 70-х гг. — У хорошего леса всегда должен быть подлесок, — рассказывает В.Болдин.

— Потом, — вспоминал Горбачев, — когда избрали меня в Политбюро ЦК, Андропов, поздравляя, сказал:

— Ну что, «подлесок», давай, действуй»⁸¹.

В результате Суслов и Андропов добились назначения Горбачева на место Кулакова. Возможно, здесь сыграл роль также «комплекс вины» перед несчастным Кулаковым — его коллеги не ожидали такого исхода конфликта с ним и «заглаживали вину» назначением на высокий пост его выдвиженца. По словам Ж.Медведева, «Грандиозное намерение Кулакова достичь вершины власти не удалось, но в конце концов он был замещен своим молодым другом и протееж»⁸².

Назначению Горбачева предшествовала встреча с Брежневым во время его проезда через Минеральные воды 19 сентября. Здесь, на платформе прогуливались 4 Генеральных секретаря, один нынешний — Брежнев, и три будущих — Андропов, Черненко и Горбачев. Последний из них вспоминает, что «разговор не клеился... По всему было видно, что генсек не очень расположен вести беседу... Андропов пояснил: Леонид Ильич все больше чувствовал затруднения с речью. Возможно, этим во многом и объяснялась его неразговорчивость, хотя по натуре он был человеком общительным»⁸³. Всемирно-известные особенности речи Брежнева, которые по существу делали его профнепригодным, были вызваны последствиями ранения в годы войны и злоупотреблением снотворным. Тяжелые последствия имел склероз мозговых сосудов⁸⁴.

В 1978 г. Горбачев еще казался членам Политбюро фигурой относительно нейтральной, его связи с Андроповым «уравновешивались» связями с Сусловым, который по-видимому некоторое время склонялся к поддержке Романова. В отличие от ленинградца, Горбачев был обходителен, уступчив и не претендовал на роль лидера «пуритан». Буквально накануне решения о переводе ставропольца в Москву все могло перемениться. В качестве резервной кандидатуры рассматривался первый секретарь полтавского обкома партии и другие кандидатуры⁸⁵. Когда решение о назначении уже было принято и Горбачева нужно было представлять Брежневу, ставропольца не могли нигде найти (он сидел у знакомых). Помощник Черненко В. Прибытков вспоминает, что его шеф был уже готов прибегнуть к альтернативным вариантам: «Все проверил? У тебя больше нет каналов?... Так! Если за 30 минут не найдешь, то... то у нас есть и другие кандидатуры на секретарство! Вот!»⁸⁶

ЧЕРНЕНКО Константин Устинович (1911—1985)

С 1929 г. на комсомольской и государственной работе. Участвовал в проведении коллективизации, служил на границе. В 1931 г. вступил в КПСС. В 1941 г., пройдя многочисленные ступени партийной лестницы, стал секретарем Красноярского обкома КПСС. В 1945 г. окончил высшую школу парторганизаторов при ЦК КПСС и стал секретарем Пензенского обкома. В 1948—1956 гг. вошел в аппарат ЦК КПСС Молдавии, где близко познакомился с Л. Брежневым и стал одним из его ближайших помощников. В 1956 г. переходит в аппарат ЦК, в 1960 г. — в аппарат Президиума Верховного совета. В 1965 г., после победы Брежнева в борьбе за власть, возглавляет Общий отдел ЦК — главную канцелярию Брежнева. В 1966 г. стал кандидатом в ЦК КПСС, в 1971 г. — членом ЦК, в 1977 г. — кандидатом в члены Политбюро, в 1978 г. — членом Политбюро. В 1984—1985 гг. — Генеральный секретарь ЦК КПСС⁸⁷.

Прибытков все же разыскал Горбачева, несколько изменив, таким образом, судьбу страны. «Нашел. Сейчас будет. Из-за стола поднял... — Он что...? Того этого? Вести-то его к Брежневу можно?» — передает Прибытков свой диалог с Черненко⁸⁸. Горбачеву помогло то, что он был малоизвестным. В предварительной беседе с Черненко Горбачев поспешил сообщить о

том, что в последнее время у него с Кулаковым были разногласия⁸⁹. Ставропольцу не могло не быть известно о том, что отношения его благодетеля с руководством в последнее время складывались не лучшим образом. Черненко сообщил: «Леонид Ильич исходит из того, что ты на его стороне, лоялен по отношению к нему. Он это ценит»⁹⁰. После этого состоялось утверждение Горбачева Брежневым. Восхождение будущего реформатора на кремлевский Олимп состоялось. Отныне он был уже не просто чиновник, «человек иерархический», а член «политического руководства», почти политик, почти «человек идейный», почти реформатор. Пока почти.

2. «Юнец» в Политбюро (1978—1981 гг.)

Приход Горбачева к руководству сельскохозяйственным отделом ЦК уже 7 декабря 1978 г. ознаменовался утверждением примерного устава производственного объединения в сельском хозяйстве. Такие объединения должны были в будущем объединить сельскохозяйственные предприятия с предприятиями переработки и научными учреждениями. Это был первый шаг к горбачевской аграрной реформе. В 1979 г. Горбачев был избран кандидатом в члены, а 21 октября 1980 г. — членом Политбюро. *«На заседаниях он, как правило, отмалчивался, — вспоминает о поведении Горбачева на Политбюро В.Гришин, — поддакивал Генеральному секретарю ЦК, со всеми предложениями соглашался. Я никогда не слышал из его уст каких-либо новаторских предложений, несогласия по какому-либо вопросу... Складывалось впечатление, что он ни с кем не хотел портить отношения»*⁹¹. Несмотря на относительно пассивный стиль поведения на Политбюро в 1979—1981 гг., Горбачев импонировал старикам своей энергичностью⁹². Постепенно он становился одной из ключевых фигур в партийном руководстве. Сам он вспоминает о значении своего поста: «В структуре ЦК секретарь по сельскому хозяйству — ключевая должность, поскольку он постоянно связан со всей страной, с первыми секретарями республиканских ЦК, крайкомов и обкомов. А корпус первых секретарей — вотчина и опора генсека»⁹³. Горбачев мог легко найти с ними общий язык, а антимилинерская направленность его планов могла помочь и Брежневу, и Андропову в борьбе с кланом Косыгина. Стоило Косыгину прилюдно дружески побеседовать с Горбачевым, как ему сделал замечание Андропов: «А то я смотрю — тебя уже Алексей Николаевич начал обхаживать. Держись»⁹⁴. Новая фигура в Политбюро должна была укреплять коалицию, стоявшую за Брежневым и заинтересованную в сохранении равновесия. Андропов поучал Горбачева: *«Мне бы хотелось, Михаил, ввести тебя немного в курс дела. Ты понимаешь, единство сейчас — самое главное. И центр его — Брежнев. Запомни это. Были в руководстве... как бы тебе сказать ... я имею в виду, к примеру, Шелеста или Шелестина, того же Подгорного. Тянули в разные стороны. Теперь такого нет и достигнутое надо крепить»*⁹⁵. Однако из контекста было ясно, что Косыгин с хозяйственниками тоже «тянет в разные стороны».

С самого начала ветераны Политбюро, ответственные за хозяйственные вопросы, пытались «ставить на место» «молодого» секретаря по сельскому хозяйству, пытавшегося «с места в карьер» добиться новых вложений в сельское хозяйство. «Нахapaли лишней техники... — сетовал Кириленко, — или на металлолом сдать будете?.. Деревня на июльском Пленуме отхватила треть капитальных вложений. В село уже столько набухали... Прорва какая-то, все как в дыру идет»⁹⁶.

Вскоре Горбачев в присутствии Брежнева «схлестнулся» и с Косыгиным: «Леонид Ильич, как обычно, поинтересовался урожаем. Я ответил, что надо срочно добавить автомашин Казахстану для перевозки хлеба и центральным областям на уборку свеклы. В разговор вмешался Алексей Николаевич Косыгин, довольно резко стал выговаривать мне: хватит, мол, попрошайничать, надо обходиться своими силами.

— *Послушай, — прервал его довольно миролюбиво Брежнев, — ты же не представляешь себе, что такое уборка. Надо этот вопрос решать*»⁹⁷.

Косыгин не отступал, продолжая критиковать Горбачева: «Он и его отдел пошли на поводу у местнических настроений, а у нас нет больше валюты закупать зерно. Надо не либеральничать, а предъявить более жесткий спрос и выполнить план заготовок»⁹⁸. В этом конфликте выявилась линия противоречий, в центре которой оказался Горбачев. С одной стороны — отраслевые («ведомственные интересы»), с другой — региональные элиты, опирающиеся прежде всего на аграриев («местнические интересы»). С последними Горбачев действительно «либеральничал», поскольку защищал их интересы. В этом Брежнев сочувствовал Горбачеву. Ощущая за собой поддержку, секретарь по сельскому хозяйству «заявил, что если предсовмина считает, что мною и отделом проявлена слабость, пусть поручает вытрясти зерно своему аппарату и доводит эту продразверстку до конца»⁹⁹. Брежнев потом говорил Горбачеву:

— *Ты правильно поступил, не переживай. Надо действительно добиваться, чтобы правительство больше занималось сельским хозяйством*¹⁰⁰.

Оказавшись во главе сельскохозяйственного сектора ЦК, Горбачев начал с усиленного внедрения «ипатовского метода», который еще недавно принес такой успех. Это вызвало недовольство части аграрных руководителей. Бывший работник министерства мясомолочной промышленности Ю.Шумахер вспоминает: «От внедрения ипатовского метода крестьяне просто застонали. Дело в том, что в каждой области выбирался свой «ипатовский район», руководитель которого сумел найти «ключи к сердцу начальства». Туда с соседних районов сгонялась техника, там обеспечивалось перевыполнение планов, а соседние хозяйства не могли убрать свой хлеб из-за отсутствия мощностей. В результате одни получали ордена и повышения, а у других хлеб осыпался. Да, если бы в ипатовском методе было бы рациональное зерно, после прихода Горбачева сельское хозяйство бы расцвело. Но ипатовский метод пришлось тихо спустить на тормозах и забыть»¹⁰¹.

В 1978 г. стали проявляться признаки грядущей экономической стагнации, затрагивающей и сельское хозяйство. Горбачев вспоминает: «Могу с

абсолютной убежденностью утверждать, что ни я, ни мои коллеги не оценивали тогда общую ситуацию как кризис системы»¹⁰². Но многое руководителем государства было ясно уже тогда. Выступая на ноябрьском пленуме ЦК, Брежнев сказал: «ряд материальных балансов составлен с напряжением. Сохраняется дефицитность некоторых видов ресурсов... Потери зерна, картофеля, овощей и фруктов остаются весьма значительными...»¹⁰³ Здесь Брежнев и его консультанты обращают внимание на два наиболее уязвимых узла отечественной экономики. Продолжая критиковать ведомства за нерасторопность, они намечают стратегию выхода из кризиса: «Центральные хозяйственные органы, министерства и ведомства медленно осуществляют перевод всей экономики на рельсы интенсивного развития. Они не сумели добиться нужного улучшения качественных показателей работы, ускорения научно-технического прогресса»¹⁰⁴. Начиная с XXV съезда КПСС в 1976 г. в партийные документы все увереннее входило новое устойчивое словосочетание — «ускорение НТП», которое позднее даст название стратегии ускорения, просуществовавшей до 1986 г.

Кризис надвигался и на сельское хозяйство. «В 1978 году объявили о небывалом урожае — 237 миллионов тонн, — вспоминает Горбачев. — Первые же оценки государственных ресурсов, однако, опрокинули эти цифры... Когда его подсушили и довели до нормы, зерна оказывалось много меньше, как минимум на 20—25 миллионов тонн»¹⁰⁵. Тяжелое положение сельского хозяйства было тесно связано с общим экономическим кризисом. В 1979 г. Горбачев столкнулся с грандиозной транспортной неразберихой. Овощи не разгружались в течение недель и гибли тоннами из-за нехватки и неритмичной работы транспорта. В результате, как говорилось в одной из секретных записок, подготовленных ведомством Горбачева, «даже в Москве овощи продаются с перебоями, качество их низкое»¹⁰⁶.

1979 г. стал первым годом затяжного аграрного кризиса, на фоне которого удивительной кажется головокружительная карьера Горбачева, отвечавшего за состояние сельского хозяйства. Однако будущего Генерального секретаря защищал ряд обстоятельств. Во-первых, он стал «человеком Андропова», карьерные успехи и поддержка которого играли гораздо большую роль, чем провалы сельскохозяйственной политики Горбачева. Во-вторых, секретарь по сельскому хозяйству вовремя нашел «объективную причину» кризиса — «эксплуатация» со стороны промышленности и плохая работа министерств. Он предлагал выход и мог сослаться на то, что его предложения пока не реализованы. В-третьих, кремлевские старцы понимали, что кризис имеет более глубокие причины, нежели деятельность секретаря ЦК. В-четвертых, неудачи объясняли погодой — 1979 г. действительно выдался необыкновенно дождливым¹⁰⁷. И, наконец, в-пятых, Горбачев показал себя как энергичный руководитель. В 1981 г., когда план поставок продовольствия оказался на грани серьезного срыва, и Брежнев лично приказал добиться выполнения плана, Горбачев так «насел» на руководителей регионов, что дело удалось поправить¹⁰⁸.

Истощение дотационных возможностей экономики СССР в конце 70-х гг. сказывалось на состоянии сельского хозяйства. А Горбачев предлагал,

как казалось, выход — «раскулачить» эксплуататорские министерства, с помощью мощной техники создать мелиоративные каналы, по-фабричному упорядочить полевые работы. Но на все это нужно время и средства.

В 1979—1982 гг. Горбачев продолжает упорно внедрять свои идеи в официальное общественное сознание. Даже в тех речах, которые не имели прямого отношения к сельскому хозяйству, Горбачев ухитрялся вернуть какую-нибудь из своих сельскохозяйственных идей: *«Известно, каким тяжелым и изнуряющим был труд литовских земледельцев в прошлом. Всю жизнь крестьянин рыл канавы, пытался осушить болота, корчевал пни, стаскивал с полей камни, но ему так и не удавалось по-настоящему улучшить свой клочок земли. Это стало по силам только социалистическому хозяйству. Государство взяло на себя почти все расходы, связанные с мелиорацией земель»*¹⁰⁹, — говорил Горбачев в речи, посвященной 40-летию захвата Литвы СССР.

Но главной темой Горбачева остается борьба с «засильем» аграрных министерств, которая привела секретаря по сельскому хозяйству к идее объединения всех предприятий агропромышленного комплекса в единое «суперминистерство». Понятно, что при таком объединении агропромышленный центр просто не может контролировать все обилие связей и процессов, которые окажутся в его ведении, и реальная власть перейдет на областной уровень, где господствует аграрная элита. Идея разрушения ведомственных барьеров, за которой стояли планы ликвидации самих ведомств, все отчетливее звучит в выступлениях Горбачева:

*«Надо по-настоящему отладить все звенья механизма, связывающего сельское хозяйство с потребителями, обеспечить четкое взаимодействие всего агропромышленного комплекса»*¹¹⁰. *«Формирование агропромышленного комплекса — это объективный, закономерный процесс, который обуславливается потребностями развития страны на современном этапе... Тенденция такова, что доля сельского хозяйства в материальных затратах на производство конечного продукта постепенно снижается, а доля перерабатывающих, фондопроизводящих и обслуживающих отраслей неуклонно возрастает... Как показывает опыт, нынешняя практика планирования развития и функционирования отраслей АПК не всегда обеспечивает их сбалансированность, что приводит к снижению эффективности производства или к потере части уже полученной продукции на той или иной стадии прохождения до потребителя»*¹¹¹.

В 1980 г., после того, как американское эмбарго на торговлю с СССР напомнило о зависимости страны от экспорта зерна, Горбачев добился от руководства решения о разработке специальной Продовольственной программы. Горбачев вспоминает: «В январе 1980 года Брежнев пригласил к себе Громыко, Устинова и меня. Впервые я оказался в столь узком кругу, где фактически принимались важнейшие решения, определявшие судьбы страны. Вначале Громыко и Устинов подробно и весьма оптимистично изложили свои оценки положения в Афганистане. Мне же пришлось докладывать о весьма тревожной продовольственной ситуации. Сообщение успокоило всех присутствовавших. Мне дали поручение подготовить конкретные предложения о том, какой минимум необходимо иметь для

ные предложения о том, какой минимум необходимо иметь для нормального жизнеобеспечения и какие директивы в этой связи должны быть даны МИДу и Внешторгу. Тогда же впервые я поставил вопрос о необходимости разработки программы, которая освободила бы нас от импорта зерна. Я еще не называл ее «продовольственной», но речь шла именно о ней»¹¹².

Продовольственная программа — первая реформа Горбачева. Первый блин комом. Не та сковорода, не то тесто. Позднее Горбачев был готов уступить авторство, тем более, что первоначальный замысел воплотить в жизнь просто не дали. Но в те первые годы переломных восьмидесятых Горбачев становился творцом истории, от которого уже зависело направление ее руслу. У него уже были социальные идеи, которые воплощались в жизнь через конфликт, через риск потерять все. Горбачев все явственнее становился «человеком идейным». Если бы режим «равновесия» («застоя») в стране был прочнее, это стоило бы Горбачеву карьеры. Но недвижимое равновесие и самая недвижимая фаза интеграции, установленная на закате брежневского правления, изжила себя. Страна и ее олигархи испытывали потребность в реформаторах — своих, вышколенных, осторожных, преданных Системе. Горбачев казался таким — с крестьянской простоватостью и чиновничьим послушанием. Может быть, он и был еще таким. Пока. Когда такой «имидж» помог и Хрущеву занять кремлевский трон...

Над Продовольственной программой работало несколько ведомств, результаты в соответствии с основными идеями Горбачева обобщали академики В.Тихонов, И.Лукинов и А.Никонов, бывший директор Ставропольского сельскохозяйственного института, где Горбачев получил второй диплом — специалиста-аграрника. Под влиянием либеральных экономистов сельскохозяйственный отдел ЦК стал уделять большое внимание также проблеме личных и подсобных хозяйств¹¹³. Уже в 70-е гг. КПСС отошла от прежнего преследования индивидуального сектора. Личная инициатива дала хороший, и главное — бесплатный эффект. Но дальнейшее расширение этого сектора могло оставить колхозы без рабочих рук. Разрушение колхозного сектора означало резкий рост цен и серьезную социальную дестабилизацию. «Но ведь эти люди пользуются всеми благами и привилегиями колхозников», — писал в «Правде» противник расширения индивидуальной инициативы Д.Новополянский¹¹⁴. Но все же Горбачев добился принятия постановления ЦК и Совета министров «О дополнительных мерах по производству сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан».

Продовольственная программа, это детище секретаря по сельскому хозяйству, должна была стать его политическим триумфом и превратить организационные идеи Горбачева в реформы. Замысел заключался в подчинении всех сельскохозяйственных предприятий единому суперведомству. Горбачев вспоминает: «Во главе АПК должен быть стоять общесоюзный Агропромышленный комитет, но ключевая роль должна была принадлежать областным и районным объединениям, призванным собрать «под одной крышей» колхозы и совхозы, предприятия Сельхозтехники, молокозаводы, мясо- и птицекомбинаты, заводы по производству комбикормов и т.д.

Предполагалось, что эти территориальные объединения получат достаточные полномочия, чтобы не испрашивать у Москвы разрешения на каждый свой шаг»¹¹⁵. Таким образом, аграрная элита получала зависимые от нее органы с широкой автономией, которым подчинены перерабатывающие предприятия — производители «дефицита».

Сельскохозяйственный отдел ЦК, возглавляемый Горбачевым, организовал в 1981—1982 г. целую кампанию в пользу агропромышленной реформы. Даже в предложениях Академии наук к проектам документов XXVI съезда КПСС значилось: «С целью улучшения снабжения населения продовольственными товарами образовать как единое целое агропромышленный комплекс отраслей и ведомств с единым аппаратом управления и плановыми органами»¹¹⁶. Затем в ответ на публикацию в «Нашем современнике» статьи И.Васильева «Рассветное поле» 11 обкомов прислали в ЦК свои «отклики», в которых требовали интеграции агропромышленного комплекса¹¹⁷. В итоге 20 августа 1981 г. было принято решение Политбюро «Записка товарища Л.И.Брежнева по важнейшим проблемам развития сельского хозяйства», в котором предусматривалась разработка путей совершенствования управления АПК¹¹⁸.

Ведомственные хозяйственники (прежде всего Министр финансов В.Гарбузов, министр мясной и молочной промышленности А.Антонов) категорически воспротивились плану Горбачева, тем более, что он предполагал новое перераспределение ресурсов в пользу колхозов и совхозов.

Горбачев считал, что «появилась возможность вновь поставить вопрос о введении справедливых закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Оставалось решить — за счет чего?...

— Денег у государства нет, — упрямо твердил Гарбузов в ответ на все мои доводы. — Бюджет на пределе. Откуда их брать, не знаю. Если знаете вы — подскажите. А до этого никакого согласия на повышение закупочных цен не даю. Только через мой труп.

— Дорогой Василий Федорович, — отвечал я ему, — наша задача дать анализ и предложения. А решать будут Политбюро и правительство.

— Нет, — упирался Гарбузов, — это моя работа. Политбюро и правительство меня поставили стоять на страже...

— Я тебе все сказал, — раздражался он. — И большие в дискуссии вступать не желаю. Только через мой труп...

— Такая постановка вопроса для нас неприемлема, — напирал я. — К тому же, Василий Федорович, трудно нам будет через твой труп перешагнуть, — последние слова потонули в хохоте присутствующих, уж очень объемистым был Гарбузов...

— Ну а представьте себе, что будет, в том числе с продовольствием, если начнутся перебои с электроэнергией, горючим, металлом, — парирует Байбаков и рассказывает, как обстоят дела с добычей нефти в Сибири, на Севере. Новые, неосвоенные районы, труднейшие условия, колоссальные затраты...

Кстати, он первым дал мне понять, что многие проблемы страны, в том числе финансирования сельского хозяйства, имели бы решение, если бы не «заповедные зоны», доступ в которые запрещен.

Такой заповедной зоной являлся прежде всего оборонный комплекс. Вот уж где действительно можно было поджимать, урезать и выскрести, ибо темпы увеличения военных расходов намного опережали общий рост национального дохода»¹¹⁹. Так в сознании Горбачева и его единомышленников формировалась увязка интересов аграрной элиты и процесса разоружения. Эта проблема хорошо осознавалась и другими руководителями СССР. «Двум вопросам Леонид Ильич уделял всегда приоритетное внимание — аграрному сектору и военным делам... — вспоминает Горбачев. — Помню, как-то в Ореховой комнате перед началом заседания Политбюро зашла речь об очередном выделении армейских автомашин на уборку урожая. Устинов посетовал на то, что каждая полевая страда выводит из строя значительную часть техники. Тем самым он заранее нацеливался на то, чтобы выжать из Госплана новое пополнение автопарка вооруженных сил.

Толкуя об этом, Дмитрий Федорович как бы между прочим заявил, что понимает значение жатвы, ибо «оборона и хлеб — это главное и это неразделимо». Я счел нужным внести свои коррективы и заметил, что больше склоняюсь к формуле: «хлеб и оборона». Брежнев поддержал меня и, улыбаясь, сказал:

- Наверное, тут Горбачев прав. Но Устинов стал говорить:
- Леонид Ильич, уж вы-то знаете, что оборона — это жизнь.
- А хлеб? — посмеиваясь, ответил Брежнев. — Разве это не жизнь?

Так что вроде бы действительно получалось — «хлеб и оборона». Увы, это была лишь видимость. Из года в год военно-промышленный комплекс усиливал позиции и наращивал свою мощь. И дело тут было не только в личных пристрастиях Брежнева, Устинова или других членов Политбюро. Железная логика развития биполярного, расколотого надвое мира, смертельно опасная для человечества гонка дорогостоящих вооружений делали свое дело. Чтобы выдержать соперничество, необходимы были все большие средства и материальные ресурсы. Буквально из всех отраслей народного хозяйства оборонные расходы высасывали жизненные соки»¹²⁰.

Уже в это время Горбачев видел в сокращении оборонных расходов важный резерв для дальнейшего развития страны. Но эти мысли следовало скрывать, чтобы не рассориться с могущественным военным комплексом и его вождем Устиновым. Дискуссия Горбачева и Устинова не переросла в конфликт, и Министр обороны под влиянием Андропова поддерживал продвижение своего молодого коллеги.

Тем временем политическая борьба продолжала обостряться. После устранения Кулакова и компрометации Романова Андропов при поддержке Генеральной прокуратуры развернул массированное наступление на позиции консервативных бюрократических кланов. В эпицентре борьбы оказался город Сочи, predisполкома которого был тесно связан с Брежневым (здесь Генсек любил отдыхать) и подчинялся Медунову — старому сопернику Горбачева и другу Брежнева.

Еще в 1977 г. Прокуратура и КГБ занялись расследованием деятельности Министерства рыбного хозяйства СССР. По подозрению во взяточничестве были арестованы заместитель министра Рытов и начальник Рыбпром-

сбыта Рогов. Министру А.Ишкову пришлось уйти в отставку. Но на этом дело «Океан» (название фирменных магазинов рыбной продукции) не закончилось. Нити потянулись в Грузию и Краснодарский край. В Грузии дело не получило большого развития — там сидел сторонник Андропова Э.Шеварднадзе. А в Сочи прошла волна арестов чиновников торговли. После нескольких неудач прокуратуре удалось наконец арестовать сочинского предисполкома, серьезно поколебав позиции его покровителей. Удалось собрать компромат и на первого секретаря сочинского горкома А.Мерзлого и секретаря крайкома А.Тараду. Тарада, курировавший торговлю в крае, был арестован. У него обнаружили значительные денежные средства и ценности. До Медунова оставался один шаг, но тут Тарада скончался в тюрьме¹²¹.

Тогда Медунов сделал удачный ход. Он сам обратился в секретариат ЦК с просьбой провести проверку деятельности Мерзлого. Таким образом, в следствие вмешались партийные органы, где влияние Медунова было сильнее. 9 апреля 1981 г. Секретариат ЦК и Комиссия партийного контроля (КПК) поручили провести проверку на месте. Созданной ими комиссии «в процессе проверки не удалось получить достаточно убедительных доказательств того, что Мерзлый брал взятки. В то же время установлено, что он допускал факты неразборчивости в своих связях с торговыми работниками, использовал служебное положение в личных целях»¹²². Арестованный заместитель управления сочинской конторы «Курортпродторг» А.Скубиенко на следствии показал, что после содействия Мерзлого своему назначению на должность бесплатно снабжал первого секретаря горкома деликатесами. Те же обвинения исходили от руководителей оптовой базы рыбпромсбыта и рыбозавода. Мерзлый прием деликатесов подтвердил (это было несложно доказать), но утверждал, что за все заплатил. Его версию опровергнуть не удалось. Крупным нарушением Мерзлого считалось строительство садового домика размером целых 25,8 квадратных метров (несколько меньше однокомнатной квартиры). Все-таки в два раза больше нормы для этого района¹²³.

В ходе проверки были выдвинуты обвинения в адрес следственных органов: «считаем необходимым доложить, что в ходе проверки ряд товарищей, приглашенных на беседу, указывали на факты неправильных действий отдельных работников прокуратуры, которые заставляли давать компрометирующие данные на секретарей городского комитета партии т.т. Гавриленко В.Ф., Тронова В.П., Мерзлого А.Г., председателя горисполкома Удотова А.И., его заместителей, секретарей районных комитетов партии и председателей райисполкомов г. Сочи»¹²⁴. Сегодня уже нельзя установить, было это заявление вызвано давлением местной «мафии», или следователи «перегнули палку». Скорее и то, и другое одновременно. Тайная война следствия и регионального партийно-хозяйственного руководства была тесно связана с насилием против свидетелей. Эта ситуация будет в массовых масштабах повторяться в Средней Азии и других регионах. Следователи «выдавливали» показания на виновных и невиновных, «мафии» тоже не стеснялись в средствах. 16 июня 1981 г. дело Мерзлого рассмотрел секретариат ЦК, ко-

торый принял решение отстранить первого секретаря сочинского горкома от должности и привлечь его к партийной ответственности¹²⁵. Однако для Медунова это была победа: следствие было серьезно скомпрометировано.

В августе замминистра рыбного хозяйства Рытов был приговорен к смерти. Одновременно был арестован замминистра торговли РСФСР Лукьянов. Но материалы о злоупотреблениях следователей уже пошли в ход. Призрак 1937 г. неприятно будоражил память кремлевских старцев. В ноябре 1981 г. начальник следственного отдела Генеральной прокуратуры В.Найденов был снят с должности, и расследование курировавшихся им дел притормозилось.

Одновременно КГБ и члены клана Андропова вели наступление против «мафий» в других регионах. Ситуация накалилась. Отчасти с этим связана высокая смертность среди партийных руководителей в это время. В 1978—1981 гг. погибли или внезапно умерли Министр внутренних дел Азербайджана Гейдаров и его заместитель Кязимов, председатель совета министров Грузии Патаридзе, председатель совета министров Киргизии Ибрагимов, первый секретарь ЦК КП Белоруссии Машеров, Якутии — Черняев, Татарии — Мусин, Таджикистана — Расулов, секретарь Президиума Верховного совета Георгадзе, вторые секретари ЦК КП Украины Соколов и Ленинградского обкома Суслов и другие чиновники, охранявшиеся КГБ. Конечно, некоторые лица из этого списка умерли самостоятельно, некоторые, как Машеров — в результате несчастного случая, но иногда насильственный характер смерти можно считать установленным. Так, Ибрагимов был застрелен у себя дома (по официальной версии — «маньяком»), Гейдаров и Кязимов — у себя в кабинете («недовольным» сотрудником МВД). Нервотрепка, связанная с постоянной угрозой разоблачений также не способствовала поддержанию здоровья вождей.

Образовавшиеся вакансии заполнялись сторонниками двух враждующих сторон. Клан Косыгина не выдержал напряжения схватки и распался, а сам Косыгин, уже тяжело больной, 22 октября 1980 г. был смещен с поста премьер-министра. 18 декабря он скончался. С уходом Кулакова и Косыгина усилился не только «пуританский» клан (опиравшийся на силовые структуры, ВПК и часть региональных элит), но и клан Брежнева — консерваторы, традиционно опиравшиеся на сильные республиканские организации КПСС — украинскую, казахстанскую, узбекистанскую. После ухода Косыгина в этот же лагерь перешли руководители хозяйственных ведомств. Ситуация на время стабилизировалась. Символом стабильности стал XXVI съезд КПСС, прошедший 23 февраля — 3 марта 1981 г. Кадровые перемены, санкционированные съездом, были минимальны. Например, кандидатом в члены ЦК был избран первый заместитель министра внешней торговли Юрий Брежнев — сын Генерального. Критическая ситуация в мире и признаки экономического кризиса в стране консолидировали партию. Брежнев поставил перед ней новую задачу: «Экономика должна быть экономной». Этот лозунг определил стратегию экономической политики на 80-е гг. — поиск более эффективных форм хозяйства. Постановление съезда призывало «обеспечить эффективное использование природных, материальных и тру-

довых ресурсов как решающий и наиболее действенный способ приумножения народных богатств страны...»¹²⁶ Но как этого добиться — оставалось загадкой, решать которую придется уже следующим поколениям руководителей. Важным итогом съезда стало также постановление о разработке новой редакции Программы КПСС, которая к этому времени выглядела вызывающе утопичной.

Несмотря на сопротивление ведомственной бюрократии, на XXVI съезде партии была анонсирована Продовольственная программа, хотя ее содержание и оставалось неясным. А пока Горбачеву приходилось бороться с последствиями тяжелой засухи 1981 г. «по старинке» — обсуждая с аппаратом технологические детали сельскохозяйственного производства¹²⁷.

Для Горбачева было принципиально важным, что правительство возглавлял теперь ставленник Брежнева Н.Тихонов — отныне ненавистные министерства получили поддержку Генсека.

ТИХОНОВ Николай Александрович (1905—1997)

В 1930 г. окончил Днепропетровский металлургический институт. В 1933—1947 гг. работал начальником цеха, инженером, главным инженером на заводах в Днепропетровске и Первоуральске. В 1940 г., в возрасте 35 лет, вступил в КПСС. В 1947—1950 гг. — директор Южнотрубного завода в Никополе. Здесь знакомится с Брежневым, что предопределяет его дальнейшую карьеру. В 1950—1955 гг. Тихонов — начальник Главного управления министерства черной металлургии СССР, в 1955—1957 гг. — заместитель министра черной металлургии, в 1957—1960 гг. — председатель Днепропетровского СНХ, в 1960—1963 гг. — заместитель председателя Государственного научно-экономического совета СМ СССР в ранге министра, в 1963—1965 гг. — заместитель председателя Госплана СССР в ранге министра, в 1965—1976 гг. — заместитель председателя, в 1976—1980 гг. — первый заместитель председателя Совета министров СССР. В 1961—1966 гг. — кандидат в члены ЦК КПСС, в 1966—1989 гг. — член ЦК КПСС. Кандидат в члены Политбюро в 1978—1979 гг. Член Политбюро в 1979—1985 гг. В 1980—1985 гг. — Председатель Совета министров СССР¹²⁸.

Позиция Брежнева в отношении горбачевских антимиистерских планов с уходом Косыгина переменялась. Между тем именно после XXVI съезда подготовка Продовольственной программы вошла в завершающую стадию. В своих выступлениях Горбачев продолжал апеллировать к аграрным руководителям, напоминая, что разработка программы — «дело не только центральных ведомств»¹²⁹, что его, Горбачева, курс позволил «выбить» новые закупочные цены и даст еще многое. Горбачев остро нуждался в поддержке аграрной верхушки.

3. Борьба за власть и Продовольственная программа (январь–май 1982 гг.)

Тем временем зыбкое равновесие партийных кланов опять нарушилось. Сразу после новогодних праздников 1982 г. КГБ был арестован Б.Буряце, замешанный в деле о кражах драгоценностей. Он был близко знаком с дочерью Брежнева Галиной. В орбиту следствия попала семья Генсека.

Галина Брежнева могла знать от отца о сроках повышения цен на драгоценные камни, и поэтому она была важным элементом сети скупки и перепродажи «камешков», раскинувшейся в среде московской элиты. Дело это было небезопасное — 10 декабря 1981 г. погибла известная артистка З.Федорова, занимавшаяся перепродажей драгоценностей. В этом бизнесе усиливались позиции уголовной мафии. Под новый 1982 год у артистки цирка И.Бугримовой украли коллекцию бриллиантов. Преступники попытались вывезти краденое из страны, но один из «курьеров» был задержан в аэропорту Шереметьево. Вскоре следователям стала известна фамилия одного из организаторов ограбления Буряце — хорошего знакомого Брежневой¹³⁰.

Вскоре, 21 января, застрелился ставленник Брежнева в КГБ С.Цвигун, курировавший это дело. Он мог не выдержать откровений о связях преступников с высшими государственными руководителями (впрочем, возможно, что самоубийство Цвигуна было связано не с криминально-политическими, а с личными причинами). По мнению Р.Медведева, «смерть Цвигуна существенно и быстро изменила положение Ю.В.Андропова в КГБ, позволяя ему взять на себя непосредственное руководство следственными делами, которые вел Цвигун...»¹³¹ Р.Медведев имел возможность познакомиться с делами Буряце и арестованного вслед за ним директора Управления цирками А.Колеватова. Упоминаний семьи Брежнева там, естественно, нет¹³². Это, однако, не значит, что информация о покровителях Буряце была недоступна Андропову и не использовалась им. Обстановка в Кремле так накалилась, что 25 января скончался М.Сулов (разоблачения КГБ, возможно, коснувшиеся семьи самого Генсека, могли быть тяжелым ударом для древнего старика). Смерть Сулова устранила важный фактор в Политбюро. «В составе руководства он играл стабилизирующую роль, — вспоминает Горбачев, — в определенной мере нейтрализовывал противостояние различных сил и характеров. И вот его не стало. Первый вопрос — кто заменит? По сути дела, речь шла о преемнике Брежнева, о «втором» секретаре, который по традиции со временем становился «первым», уже при жизни генсека постепенно овладевал рычагами власти, брал на себя руководство»¹³³. Сразу после смерти Сулова КГБ провело серию арестов среди знакомых Брежневой. 29 января, пока Брежнев с товарищами хоронили «серого кардинала», КГБ арестовал несколько человек из окружения Г.Брежневой, а ее саму Андропов вызвал на Лубянку. Предметом беседы могли стать источники ее доходов, то есть доходов ее мужа — генерала милиции, заместителя Министра внутренних дел Ю.Чурбанова. Направление

удара было очевидно — еще в декабре 1980 г., после убийства майора КГБ группой пьяных милиционеров на станции метро Ждановская, традиционное соперничество КГБ и МВД, возглавляемого старым другом Брежнева Н.Щелоковым, переросло в чуть ли не в открытую войну.

Дело принимало серьезный оборот. Но в феврале-марте борьба неожиданно стихла. Был найден компромисс, который устраивал враждующие стороны. Андропов постепенно перемещался на место Сулова — ближе к посту Генсека, но дальше от КГБ. В апреле 1982 г. шеф КГБ вдруг выступил с речью, посвященной годовщине со дня рождения Ленина — с чисто идеологическим документом.

Несколько месяцев ушло на подбор кадров, способных уравновесить такое перемещение. На место Андропова прочили руководителя КГБ Украины Федорчука, настроенного «пуритански», но тесно связанного с ярким представителем брежневского днепропетровского клана руководителем Украины В.Щербицим. Брежневцы, как казалось, могли рассчитывать на старого члена днепропетровского клана В.Чебрикова — заместителя председателя КГБ. Но, как показали дальнейшие события, Андропов его «перевербовал». Перемещение Андропова на пост секретаря ЦК планировалось на ближайшем пленуме. Андроповцам было бы важно украсить этот пленум каким-нибудь своим эпохальным решением. Это вполне соответствовало планам Горбачева. Именно на майском пленуме ЦК КПСС он намеревался воплотить в жизнь свои реформаторские планы.

В это время Брежнев отлеживался после стресса, полученного в Ташкенте, когда на него обрушились заводские леса. Советологи любят относить этот случай к акциям КГБ, но возможно и более простое объяснение: человеческое любопытство, желание посмотреть на живого Императора согнало на леса, под которыми он должен был проходить, слишком много людей — и конструкция не выдержала. Вместо того, чтобы вернуться в Москву, Брежнев, «ради престижа державы», чтобы никто не догадался о происшедшем, провел несколько выступлений со сломанной рукой. «Надо отдать должное его выдержке, если хотите — мужеству. Он осторожно перелистывал страницы доклада, и из всего огромного зала только мы знали, что каждое мало-мальское движение вызывает у него нестерпимую боль»¹³⁴. Эти несколько дней вывели Брежнева из политической жизни на месяцы и в конечном итоге предопределили его кончину уже в 1982 г.

Впрочем, и без болезни Брежнев был так занят предстоящей комбинацией с Андроповым и связанными с этим семейными неприятностями, что ему было просто не до аграрных переустройств Горбачева. Для Брежнева принятие Продовольственной программы было благовидным поводом для созыва Пленума, на котором должен был быть перемещен Андропов.

Над окончательным проектом Продовольственной программы работала группа специалистов, в помощь которой привлекались специалисты-прагматики, известные своими относительно свободными взглядами, — в частности академики А.Аганбегян и Т.Заславская из Сибирского отделения АН. Взгляды Горбачева об освобождении местных аграрных кланов от опеки сверху были созвучны идеям либеральных ученых об освобождении ме-

стной инициативы и сведении роли министерств к минимуму. Однако, по воспоминаниям Заславской, Горбачев «дал понять нам, что он не в состоянии сейчас продвинуть что-либо более радикальное», чем то, что уже достигнуто. В ответ на одно из предложений ученых Горбачев сказал: «Неужели вы думаете, что если я запишу это в проекте программы, я еще буду сидеть в этом кабинете»¹³⁵.

Серьезное сопротивление планам Горбачева оказывал министр мясной и молочной промышленности Антонов, ведомство которого планировалось включить в Агропром. «Антонов пользовался очень большим авторитетом и имел огромный опыт управления мясомолочной промышленностью, — вспоминает бывший работник министерства Ю.Шумахер, — он руководил ею еще до Хрущевской реформы, ликвидировавшей министерства. Тогда его направили послом в Китай, где положение было совсем не простым. Антонов показал себя умелым политиком, сумел тогда избежать открытого разрыва. Как только министерства были восстановлены, Антонов вернулся на свое привычное место. При нем министерство мясомолочной промышленности стало организующим фактором не только своей отрасли, но и всего сельского хозяйства. Авторитет Антонова был так велик, что он мог прилюдно указать Горбачеву на его некомпетентность, как мальчишке. Естественно, что Горбачев терпеть его не мог»¹³⁶.

Практичные министерские управленцы не впервые встречались с «крестьянским эгоизмом» партийных боссов и противостояли ему как могли. Хозяйственники не без оснований считали себя более компетентными работниками, чем выходцы из деревни, которые руководили из партийных штабов. Горбачевские идеи не выдерживали их критики уже потому, что модернизация перерабатывающей промышленности требовала не меньших затрат, чем развитие сельского хозяйства. Руководители большинства смежных с сельским хозяйством отраслей не расходились с Горбачевым в необходимости индустриализации сельского хозяйства. Но их концепция исходила не из одномоментного переустройства управления сельским производством на началах всеобщей рационализации и «стирания различий между городом и деревней», а из обратного — превращения сельскохозяйственных предприятий в организующие анклавы на селе, постепенно упорядочивающие сельскую жизнь в соответствии с ритмом налаженного промышленного производства. Такой «эволюционизм» не устраивал Горбачева по двум причинам. Во-первых, он не соответствовал его политическим планам, так как не предусматривал реформ и перестроек. Во-вторых, осуществление планов промышленников подрывало господство «помещиков» в регионах, что могло лишить Горбачева его социальной базы.

Если отвлечься от конкретной ситуации начала 80-х гг., то в этой первой реформе Горбачева можно заметить формирование уже в этот период основной стратегической линии будущей Перестройки — ее антиведомственной направленности. Антиведомственность, проявлявшаяся первоначально спонтанно, затем станет стержнем антибюрократической революции 80-х гг., в которой горбачевская группа в высшем руководстве страны окажется одним из инициаторов наступления на бюрократические структуры. Другая

сторона этого же направления политики Горбачева — поддержка региональных интересов против центральных, что также будет иметь далеко идущие последствия. В этом смысле события, связанные с принятием Продовольственной программы, имели важное политическое значение. И не случайно, что здесь не обошлось без борьбы.

Вспоминает бывший работник Министерства мясомолочной промышленности И.Федорус: «Незадолго до пленума Горбачев прислал нам записку с требованием рассмотреть предложения к этому пленуму и одобрить их. Фактическая ликвидация министерств, предложенная аппаратом Горбачева, заставила нас немедленно обратиться к Антонову, который находился в больнице. А тот, в свою очередь, вышел на Брежнева»¹³⁷. Спротивление раздражало Горбачева: «Поверь, — сетовал он, — ведь главная борьба заключается в том, что знаю, могу, разработал четкую и эффективную программу вывода села из кризиса, но пробить, реализовать эти идеи невозможно. Круговая порука, стремление ничего не менять повязали всех накрепко», — вспоминает В.Воротников о беседе с Горбачевым¹³⁸. Только в 1985 г. Горбачев получит возможность реализовать свою программу полностью, но ожидаемых результатов она не даст.

Весной 1982 г. постепенно дело сдвинулось с «мертвой точки». Горбачев вспоминает: «Уязвимым местом программы оставался вопрос об источниках ее финансирования... Состоялась встреча Тихонова, Байбакова и Гарбузова, на которой Председатель Совета Министров довольно жестким тоном заявил:

Никаких обещаний по финансированию и ресурсам под Продовольственную программу Горбачеву не давать.

...Поиски вывели на такой феномен, как безвозвратный кредит... Ежегодно хозяйства аккуратно получали их, но отдавать полностью никто не собирался... Заменить безвозвратный кредит на закупочные цены. Итак, безвозвратный кредит есть не что иное, как прямое финансирование колхозов и совхозов... Так почему же мы не можем выделить такие суммы для повышения закупочных цен?»¹³⁹

В «денежном» вопросе Горбачева поддержал Брежнев, который заботился о своем имидже благодетеля села:

«— Пленум проводить надо. Только вот одно — вы все меня уговаривали, утвердили докладчиком, а сами по финансированию не договорились. Что же, я пойду на трибуну с пустым карманом?

— Что вы, что вы, Леонид Ильич, — вскочил с места Черненко.

— Все будет в полном порядке, договоримся, — поддакнул и Тихонов, хотя прозвучало это у него не очень искренне»¹⁴⁰. Как видно, уже в этот период Черненко поддерживал Горбачева против Тихонова, которого недолюбливал¹⁴¹.

Уступку по вопросу финансирования Тихонов обусловил отказом от идеи создания АПК, против которой подчиненные премьера стояли «на смерть». Горбачев вспоминает:

— Я все это возьму, посмотрю еще раз, но давайте сразу исключим из документов создание Государственного агропромышленного комитета. В

районах пусть будут, а в центре — нет. Что же, это у нас второе правительство? «Надо же, — подумал я, — сидеть четыре часа и молчать о главном... Вот такой торг произошел, как сказали бы сейчас — “бартер”»¹⁴². Взвесив «за» и «против», Горбачев согласился. Он и так сделал для своей социальной «базы» немало. Результатом утомительной борьбы «под ковром» вокруг Продовольственной программы стал компромиссный доклад Брежнева на майском Пленуме ЦК. То, что доклад прочитал именно Генсек, надежно закрепляло результаты достигнутого компромисса — не случайно Тихонов так настойчиво убеждал больного Брежнева идти на пленум¹⁴³. Горбачев даже не выступал на этом пленуме, созванном по «его» вопросу. Окончательно убедившись в проандроповской ориентации Горбачева, «консерваторы» не допустили появления двух «именинников» одного клана на этом мероприятии. Горбачев мог чувствовать себя обиженным и потому, что идея разгрома ведомств в документы не прошла. Но в остальном решения майского пленума 1982 г. с его «продовольственной программой» пропитаны взглядами Горбачева, его идеями. Частичная неудача — лучшее средство воспитания в себе «человека идейного». Уже есть идеал, и возникает понимание — мир нуждается в изменении...

Доклад Брежнева содержал долю горькой правды, которая могла вызвать сопереживание у внимательного читателя: *«Мы все чаще сталкиваемся с таким положением, когда узким местом становится не производство, а хранение, переработка продукции, доведение ее до потребителя»*¹⁴⁴. Эта проблема была хорошо известна жителям городов. Они постоянно отрывались от своей работы для того, чтобы служить бесплатной рабочей силой на гигантских хранилищах продуктов. Штатные работники сельского хозяйства не были заинтересованы в результатах своего труда так же, как и присылаемые городскими учреждениями временные работники, мобилизованные партийными органами. Горожане перебирали гниющие продукты и понимали, почему на прилавках так трудно найти свежие овощи. Переработка и хранение продуктов не могла не быть узким местом экономического механизма, в котором вертикальные связи доминируют над горизонтальными. Но осознание необходимости укрепления горизонтальных связей в экономике на основе рынка придет к Горбачеву позднее. А пока задача укрепления связей между промышленностью и сельским хозяйством должна была решаться на путях административных переподчинений. По идее Горбачева, проблему потерь продуктов на стыке отраслей и учреждений должно было решить объединение субъектов агропромышленного комплекса (АПК) под одной управленческо-планирующей «крышей»: *«Программа воплощает целевой, комплексный подход к решению продовольственной проблемы. Важнейшая особенность такого подхода состоит в том, чтобы увязать, объединить работу как самого сельского хозяйства, так и обслуживающих его отраслей промышленности... Впервые агропромышленный комплекс выделяется как самостоятельный объект планирования и управления»*¹⁴⁵, — заявляет Горбачев устами Брежнева.

Впрочем, Брежнев доводит до ЦК и жалобы другой стороны — оппозиционных Горбачеву министерств: *«Мне уже пришлось говорить о больших*

потерях, связанных с тем, что мощности перерабатывающих отраслей не соответствуют объемам заготовок скота, птицы, молока... Мы все понимаем, что возможности наши далеко не безграничны, тем более в середине пятилетки»¹⁴⁶. Это камень в огород Горбачева, но впрочем затеявшего всю эту продовольственную заваруху. Брежнев успокаивает противников Горбачева: «Чтобы исправить положение, проект нацеливает на подъем пищевой и мясомолочной промышленности»¹⁴⁷. Значит, Горбачев сам не смог «исправить положение».

Перечень мер, прозвучавших в речи Брежнева, продиктован обоими враждующими сторонами — мастер компромисса вовсе не собирался ссориться с аграрниками, которые стояли за Горбачевым, и готов был предоставить им обширные льготы, лишь бы они не затрагивали прав министерств. В речи предлагается считать стройки агропрома ударными, расширить возможности приусадебного хозяйства (власть периодически шла на это, когда хотела поправить положение с продовольствием), списать задолженности с нерентабельных колхозов и совхозов, заставить промышленные предприятия всех отраслей тоже производить сельскохозяйственную продукцию на подсобных хозяйствах (такая натурализация аграрного производства означала своего рода «агропром наоборот» и касалась даже воинских частей).

Но главной проблемой оставалась реорганизация управления, вокруг которой, собственно, и кипели страсти. Брежнев не был особенно многословен на этот счет. Он заявил о создании агропромышленных объединений на местах, а также агропромышленных комиссий с большими полномочиями в центре и в республиках. Эти структуры должны были координировать работу соответствующих министерств. «Основное значение придается районному звену»¹⁴⁸, — специально подчеркнул Генсек. Таким образом, «помещики» получали частичный контроль над агропромышленными предприятиями небольшого размера, которые переходили в двойное подчинение, а министерства, в свою очередь, подчинялись специальным комиссиям — параллельной агропромышленной власти. Это открывало новые возможности для сторонников Горбачева и значительно запутывало систему управления. Горькой насмешкой звучали слова Брежнева: «Параллельно будет упрощаться и удешевляться аппарат, чтобы избавиться от излишних звеньев, обеспечить большую оперативность и эффективность управления»¹⁴⁹. Именно эта идея сокращения и упрощения аппарата продолжает все увереннее звучать в самой «продовольственной программе» и постановлениях ЦК к ней. Эти документы были составлены уже аппаратом Горбачева и носят менее компромиссный характер. Из них видно, что параллельная агропромышленная власть практически изолирует министерства от предприятий и делает их тем самым «излишними и дублирующими звеньями», которые необходимо впоследствии «ликвидировать». Сами агропромышленные объединения создавались из руководителей сельскохозяйственных предприятий и становились, таким образом, органом аграрной верхушки, заседавшей за одним столом с руководителями аграрной промышленности, которые были здесь в меньшинстве. Власть «помещиков» распространялась и на

областные агропромышленные объединения (АПО), которые составлялись из представителей районных. Но далее цепочка обрывалась — агропромышленная комиссия создавалась Советом министров и министерствами. Таким образом, Министерства оказывались «зажатыми» между АПО и ЦК, но сохраняли самостоятельность.

Горбачев попытался вставить в документ и некоторые «перестроечные мотивы»: *«Однако есть еще немало руководителей и специалистов, которые медленно перестраивают свою работу, недостаточно мобилизуют внутренние резервы и возможности, ведут хозяйство по старинке, отжившими методами, довольствуются достигнутым»*¹⁵⁰. Впрочем, следом идет указание в духе времени: «В ряде мест неоправданно высока сменяемость председателей колхозов, директоров совхозов и специалистов хозяйств»¹⁵¹. «Помещики» не должны волноваться, что их снимут за работу по старинке.

Основной текст «Продовольственной программы» основан на идее Кулакова об установлении четких плановых установок по сельскохозяйственной продукции для каждого региона. В духе прежних выступлений Горбачева особое внимание уделяется мелиорации: «Осуществить до 1990 года строительство объектов первого этапа переброски части стока северных рек в бассейн реки Волги...»¹⁵² Это был знаменитый план поворота северных рек — наиболее грандиозный проект горбачевской мелиоративной программы. Она дополнялась планами расширения использования химических удобрений, губительность которых для человеческого организма была тогда еще мало известна.

Таким образом, «Продовольственная программа» представляла собой не просто компромисс между агропромышленными министерствами и аграрной верхушкой, которую возглавлял Горбачев. Это был документ, рассчитанный на дальнейшее развитие и в конечном счете на разрушение министерской структуры в пользу «аграрного лобби». Горбачев получил дополнительные рычаги для борьбы с влиянием ведомств, и равновесие между «помещиками» и «промышленниками» нарушилось в пользу первых.

Большим успехом Горбачева и «аграрной партии» стали новые вложения в сельское хозяйство. В то же время Брежнев, который был вынужден согласиться на большинство предложений Горбачева, за исключением самых крайних, по-видимому остался недоволен активностью самого молодого члена Политбюро, по вине которого возник еще один конфликт в руководстве. Положение Горбачева было тем более шатким, что к 1982 г. он окончательно проиграл «битву за хлеб». Урожаи 1981—1982 гг. были необычайно бедными — 155—175 т. вместо 215—243 миллионов по плану¹⁵³. Но в последние месяцы жизни Брежневу было не до Горбачева.

4. Продвижение к власти Андропова (май-ноябрь 1982 гг.)

Консерваторы видели, что Брежнев уже не может эффективно сопротивляться наступлению Андропова, что бывший шеф КГБ остается единственным подготовленным претендентом на место Брежнева. В этих условиях началось выдвижение вперед руководителя аппарата Генсека К.Черненко. «Причину его влияния, помимо многих лет совместной работы с Леонидом Ильичом, я вижу в том, что именно Черненко сделал больше всех для создания имиджа Брежнева, его образа как выдающегося незаменимого политика. Вокруг Константина Устиновича сложилась группа людей, которая ориентировала соответствующим образом средства массовой информации, идеологические структуры партии, партийные комитеты»¹⁵⁴, — считает Горбачев.

Черненко, долгое время игравший роль тени Брежнева, тем не менее, иногда высказывал оригинальные идеи о роли воспитания, о недопустимости засилья партийных органов над хозяйственными, о необходимости большей гласности. По мнению его биографа И.Земцова, «передачу власти в руки Черненко предполагалось провести в два этапа. На первом предстояло осторожно оттеснить Брежнева от партийных обязанностей, сохранив за ним почетную должность Председателя Президиума Верховного Совета. На втором — в соответствии с “пожеланиями трудящихся” и “волей партии” планировалось его (Черненко — *А.Ш.*) избрание Генсеком»¹⁵⁵.

В качестве резервной фигуры Брежнев не исключал выдвижение украинского руководителя Щербицкого. В «верхах» обсуждался даже вариант, по которому он мог стать Генеральным секретарем при живом Брежневе, который в этом случае переместился бы на специально для этого созданный пост Председателя ЦК¹⁵⁶.

ЩЕРБИЦКИЙ Владимир Васильевич (1918—1989)

Карьеру начал в 1935 г. на комсомольской работе, после чего поступил в Днепропетровский технологический институт. В 1941 г. закончил его, вступил в КПСС. Воевал. В 1946 г. работал заведующим бюро на Днепродзержинском металлургическом комбинате. В том же году перешел на партийную работу. В 1948—1952 гг. — второй секретарь Днепродзержинского обкома партии. В это время сблизился с Брежневым. В 1952—1954 гг. — первый секретарь Днепродзержинского горкома КПСС. В 1954—1955 гг. — второй секретарь, в 1955—1957 гг. — первый секретарь Днепродзержинского обкома. В 1957—1961 гг. — секретарь ЦК КП Украины. Член ЦК КПСС с 1961 г. В 1961—1963 и 1965—1972 гг. — председатель Совета министров Украины. Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1961—1963 и 1965—1966 гг. В 1963—1965 гг. — первый секретарь Днепропетровского обкома КП Украины. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР в 1966—1971 гг. Член Политбюро ЦК КПСС в 1971—1988 гг. В 1972—1988 гг. — первый секретарь ЦК КП Украины.

В сентябре-ноябре активность Брежнева резко возрастает — он едет в Баку, часто показывается на телеэкране. В.Соловьев и Е.Клепикова объясняют этот взрыв активности кознями Андропова, который мечтает довести

Брежнев и потому составил для Генсека напряженное рабочее расписание, которое с трудом бы вынес и здоровый человек¹⁵⁷. Однако рабочее расписание для Генсека составлял не Андропов, а аппарат Брежнева — Черненко. И. Земцов считает, что это было нужно Черненко для укрепления позиций «консерваторов» (то есть его собственных) — «ценой его (Брежнева — А.Ш.) здоровья и вопреки болезни»¹⁵⁸. Трудно отождествить исключительно с Андроповым начатую телевидением демонстрацию немощи Брежнева¹⁵⁹. Здесь могли сыграть свою роль и другие силы, а также собственная инициатива журналистов, за которыми в период междуцарствия несколько ослаб контроль. Никому уже не было дела до имиджа угасающего правителя.

По свидетельству зятя Брежнева Ю. Чурбанова, Брежнев плохо относился к Черненко¹⁶⁰. Это расходится с большинством свидетельств, касающихся более раннего периода, но после того, как Черненко при живом Генсеке стал готовиться к занятию этого поста, отношения могли испортиться. Во всяком случае, когда Черненко стал примеряться к месту второго человека в партии, Брежнев поддержал Андропова: «По свидетельству А. Бовина, он был как раз в гостях у Андропова, когда раздался сигнал правительственной связи, и Юрий Владимирович поднял трубку. *Говорил Брежнев. “Кто сейчас ведет Политбюро?” — неожиданно спросил Леонид Ильич. “Сейчас ведет заседания Черненко”, — ответил Андропов. — “Для чего же мы избрали тебя секретарем ЦК? — сказал Брежнев. — Теперь уж ты должен вести все эти заседания”.* Повернувшись к Бовину, своему ученику и другу, Андропов сделал неопределенный жест, выражающий явное удовлетворение. *“Власть меняется”, — сказал он*»¹⁶¹. Горбачев, которому об этом эпизоде говорил сам Андропов, комментирует: «Видимо, как это бывало не раз, кто-то стоял рядом и, как говорится, “нажимал”. Таким человеком мог быть только Устинов»¹⁶².

После звонка Брежнева Андропов решился действовать более решительно. Вспоминает Горбачев: *«Хотя Юрия Владимировича после Пленума посадили в сусловский кабинет, поручение ему вести Секретариат ЦК так и не было зафиксировано. Преднамеренно это сделали или нет, не знаю, но, воспользовавшись данным обстоятельством, Черненко, а иногда и Кириленко, по-прежнему вели заседания Секретариата. Так продолжалось примерно до июля 1982 года, когда произошел эпизод, поставивший все на свои места. Обычно перед началом заседания секретари собирались в комнате, которую мы именовали “предбанником”. Так было и на сей раз. Когда я вошел в нее, Андропов был уже там. Выждав несколько минут, он внезапно поднялся с кресла и сказал:*

*— Ну что, собрались? Пора начинать. Юрий Владимирович первым вошел в зал заседаний и сразу же сел на председательское кресло... Этот Секретариат Андропов провел решительно и уверенно — в своем стиле, весьма отличном от занудной манеры, которая была свойственна Черненко...»*¹⁶³ «Лекарь» наконец получил право на «врачебную практику».

Для Брежнева, при котором во второй половине 60-х — начале 70-х гг. страна добилась заметных экономических успехов, нарастание социально-экономического кризиса было настоящей трагедией. Во второй половине

70-х гг. он дважды ставил вопрос об уходе в отставку по состоянию здоровья, но члены Политбюро, озабоченные сохранением политического баланса, настаивали на том, чтобы Брежнев остался на посту¹⁶⁴. В начале 80-х гг., когда «диадокси» начали борьбу за трон при живом императоре, а обстановка в стране ухудшилась, Брежнев решил активизировать свою государственную деятельность. Генсек начинает критиковать бюрократию. 9 сентября 1982 г. он заявил на Политбюро: «Хозяйство у нас гигантское. Взять любое министерство — это почти целая армия. Управленческий аппарат разросся. А вот просчетов и разного рода неувязок чересчур много...»¹⁶⁵ Тогда же Брежнев обсуждал с Горбачевым возможность создания влиятельного органа по разработке проектов экономических преобразований. В этом вопросе Брежнев оказался даже несколько решительней Горбачева: «Еще летом, когда Брежнев находился в отпуске, мною была подготовлена записка по вопросам экономической политики... Они взяли мою записку, но дальше дело не шло. Вскоре до меня дошел слух, что кое-кто опять усмотрел в моем предложении претензии Горбачева через комиссию прибрать к рукам правительство... После этого ее передали Леониду Ильичу. Он позвонил мне из Крыма:

— *Здесь вот записка твоя. Все правильно пишешь, но конец не тот — опять комиссия. Я их терпеть не могу, болтовня одна. Их уже черт знает сколько, и ты туда же. Так вот, у меня такое предложение: давай создавать в ЦК экономический отдел, и подумай, кого поставить. Надо, чтобы возглавлял толковый человек, который только этим бы и занимался»*¹⁶⁶.

В то же время Брежнев, как уже упоминалось, активизировал собственную публичную деятельность, дабы доказать своему окружению, что у него еще достаточно сил. Но окружение не дремало. В Баку Брежнева поставили в глупую ситуацию, подложив ему не тот текст речи. Обнаружив ошибку, Брежнев произнес историческую фразу: «Это случилось не по моей вине, товарищи. Я должен начать сначала». Так телезрители лишний раз убедились, что руководитель государства лишь озвучивает кем-то написанные тексты, да и то не без накладок. Советологи и этот случай часто «списывают» на КГБ. Но тексты Брежневу готовило ведомство Черненко, и более логично предположить, что этот случай следует рассматривать в контексте притязаний на власть именно Черненко. Сам он выезжает в Красноярск и Тбилиси, где очень хорошо отзывается о местном руководстве — «предвыборная кампания» началась.

Все попытки Брежнева изобразить из себя полноценного политического деятеля были обречены на провал. 27 октября Генеральный секретарь встретился с руководителями армии. «В 10 часов утра, когда маршалы и высший генералитет, среди которого находился и автор этих строк, заняли свои места, в зал из-за кулис ввели Брежнева. Рядом с ним шел маршал Д.Ф.Устинов — министр обороны, с другой стороны — крупный молодец со стаканом чая. Одной рукой он держал чай, а другой — более крепко — поддерживал за локоть генсека. Так его неспешно довели до трибуны в зале... Его глаза перескакивали через отдельные строчки, и генералы слышали сплошную абракадабру...», — вспоминал об этом совещании Д.Волгонов¹⁶⁷.

«Более 500 военачальников всех родов войск, видя бессильного руководителя, с трудом ворочающего языком, решают поддержать сильного человека в Кремле — Андропова»¹⁶⁸, — считает И.Земцов.

Но Брежнев не унимался. 7 ноября он мужественно встал на трибуну мавзолея, чтобы приветствовать трудящихся, вышедших на праздничную демонстрацию. Это празднование было последним событием брежневской эпохи.

Примечания

1. Горбачев М. Жизнь и реформы. Т. 1. С. 46.
2. Там же. С. 51—52.
3. Там же. С. 53.
4. Там же. С. 54.
5. Там же. С. 55.
6. Кучмаев Б. Коммунист с божьей отметиной: документально публицистический очерк. Ставрополь, 1992. С. 30—31.
7. Горбачев М. Указ. соч. С. 59.
8. Brown A. The Gorbachev Factor. Oxford, 1996. P. 28.
9. Василевский А., Прибыловский В. (составители). Кто есть кто в российской политике (300 биографий). М., 1993. Т. 2. С. 342—343, соб. инф.
10. Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М., 1992. С. 24.
11. Brown A. Op. cit. P. 31.
12. Горбачев М. Указ. соч. С. 67.
13. Brown A. Op. cit. P. 31.
14. Геллер М. История России 1917—1995. Т. 3. Седьмой секретарь. 1985—1990. М., 1996. С. 26—30.
15. Казначеев В. Последний генсек. С. 16.
16. Горбачев М. Указ. соч. С. 74.
17. Горбачева Р.М. Я надеюсь... М., 1991. С. 79.
18. Казначеев В. Указ. соч. С. 18.
19. Там же. С. 18—19.
20. Там же. С. 21—22.
21. Brown A. Op. cit. P. 36.
22. Горбачев М. Указ. соч. С. 87.
23. Там же.
24. Там же. С. 89.
25. Там же. С. 100.
26. Там же. С. 101.
27. Там же.
28. Там же. С. 106.
29. Там же. С. 114. М.Геллер считает, что в продвижении Горбачева большую роль сыграл новый первый секретарь крайкома Л.Ефремов (Геллер М. Указ. соч. С. 38). Горбачев, напротив, подчеркивает роль «Москвы» в своем продвижении (Горбачев М. Указ. соч. С. 113).
30. Горбачев М. Указ. соч. С. 124—127.
31. Федорус И. Беседа с автором 12 декабря 1991 г.

32. См., например: Болдин В.И. Указ. соч. С. 292.
33. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 1. С. 30.
34. Казначеев В. Указ. соч. С. 107.
35. Там же. С. 108—110
36. Горбачев М. Указ. соч. С. 118.
37. Там же. С. 157.
38. Там же. С. 119—120.
39. Там же. С. 122.
40. Schmidt-Hauer C. Gorbachev. The Path to Pover. L., 1986. P. 58
41. Там же. С. 145.
42. Brown A. Op. cit. P. 40.
43. Горбачев М. Указ. соч. С. 148.
44. Там же. С. 163, 169.
45. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 24, 97.
46. Там же. С. 24.
47. Там же. С. 55.
48. Там же. С. 80.
49. Воротников В.И. А было это так... М., 1995. С. 10—11.
50. Казначеев В. Указ. соч. С. 32—33.
51. Ежегодник Большой советской энциклопедии. 1981. М., 1981. С. 565. См. также: Медведев Р. Генсек с Лубянки. М., 1993. Соб. инф.
52. Brown A. Op. cit. P. 50.
53. Казначеев В. Указ. соч. С. 33.
54. Воротников В.И. Указ. соч. С. 11.
55. Болдин В.И. Указ. соч. С. 127.
56. Казначеев В. Указ. соч. С. 58.
57. Там же. С. 32.
58. Там же. С. 38—40.
59. Там же. С. 61—62.
60. Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты и мемуары. М., 1996. С. 77.
61. Там же. С. 75.
62. Там же. С. 75—77.
63. Горбачев М. Указ. соч. С. 141.
64. Там же. С. 87.
65. Там же. С. 114.
66. Tatu M. Gorbachev: l'URSS v-t-elle changer? Paris. 1987. P. 82—84.
67. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 155.
68. Medvedev Z. Gorbachev. Oxford, 1988. P. 87.
69. Горбачев М. Указ. соч. С. 20.
70. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 13. М., 1987. С. 265—268.
71. Горбачев М. Указ. соч. С. 153.
72. Там же. С. 20.
73. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 181.
74. Там же.
75. Там же. С. 185.
76. Там же.
77. Там же. С. 183—184.
78. Ежегодник БСЭ. С. 598. Соб. инф.
79. Соловьев В., Клепикова Е. Заговорщики в Кремле. М., 1991. С. 93.

80. Верт Н. История советского государства. 1900—1991. М., 1994. С. 485.
81. Болдин В.И. Указ. соч. С. 45.
82. Medvedev Z. Op. cit. P. 93.
83. Горбачев М. Указ. соч. С. 24—25.
84. Телефильм «Исторические расследования: Пациент Брежнев». 5 канал; Гришин В.В. Указ. соч. С. 44; Чазов Е. Здоровье и власть. М., 1991. С. 88.
85. Болдин В.И. Указ. соч. С. 229—230, Воротников В.И. Указ. соч. С. 41.
86. Прибытков В. Аппарат. СПб., 1995. С. 74.
87. Ежегодник БСЭ. С. 608.
88. Прибытков В. Указ. соч. С. 74—75.
89. Горбачев М. Указ. соч. С. 17.
90. Там же. С. 16.
91. Гришин В.В. Указ. соч. С. 69.
92. Громыко А. Указ. соч. С. 72.
93. Горбачев М. Указ. соч. С. 21.
94. Там же. С. 29.
95. Там же.
96. Там же. С. 25.
97. Там же. С. 187.
98. Там же.
99. Там же.
100. Там же. С. 188.
101. Шумахер Ю.Ш. Беседа с автором. 12 декабря 1991 г.
102. Горбачев М. Указ. соч. С. 208.
103. Брежнев Л.И. Выступление на Пленуме ЦК КПСС 27 ноября 1978 г. М., 1978. С. 3, 11.
104. Там же. С. 14—15.
105. Горбачев М. Указ. соч. С. 183.
106. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 474. Л. 3.
107. Там же. Оп. 77. Д. 402.
108. Там же. Оп. 83. Д. 309. Л. 4—29.
109. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 228.
110. Там же. С. 249.
111. Там же. С. 224—225.
112. Горбачев М. Указ. соч. С. 192.
113. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 369.
114. Новополянский Д. Пусть богатеют? // Правда. 1981. 3 августа.
115. Горбачев М. Указ. соч. С. 201.
116. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 122. Л. 48.
117. Там же. Д. 346. Л. 15—17.
118. Там же. Л. 22.
119. Горбачев М. Указ. соч. С. 197—198.
120. Там же. С. 206—207.
121. Раззаков Ф. Указ. соч. С. 148—151.
122. ЦХСД. Ф. 89. Оп. 11. Д. 133. Л. 2.
123. Там же. ЛЛ.4—6.
124. Там же. Л.7.
125. Там же. Л.1.
126. КПСС в резолюциях... Т. 14. С. 45.
127. Болдин В.И. Указ. соч. С. 27, 32.
128. Ежегодник БСЭ. С. 604.

129. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 276.
130. См.: Раззаков Ф. Указ. соч. С. 208. Ф.Раззаков, обычно пунктуальный в вопросах, которые связаны со следственными протоколами, даже утверждает, что фамилия Брежневой стала фигурировать в деле. По видимому, это преувеличение.
131. Медведев Р. Указ. соч. С. 105.
132. Там же. С. 106—107.
133. Горбачев М. Указ. соч. С. 201.
134. Медведев В. Человек за спиной. М., 1994. С. 169.
135. Brown A. Op. cit. P. 60—61.
136. Шумахер Ю.Ш. Беседа с автором.
137. Федорус И.И. Беседа с автором. 12 декабря 1991 г.
138. Воротников В.И. Указ. соч. С. 12.
139. Горбачев М. Указ. соч. С. 204—205.
140. Там же. С. 209.
141. Там же.
142. Там же. С. 210—211.
143. Медведев В. Указ. соч. С. 170—171.
144. Продовольственная программа СССР на период до 1990 г. и меры по ее реализации. Материалы майского пленума ЦК КПСС 1982 года. М., 1982. С. 12.
145. Там же. С. 9, 16.
146. Там же. С. 12—13.
147. Там же. С. 13.
148. Там же. С. 17.
149. Там же.
150. Там же. С. 90—91.
151. Там же. С. 91.
152. Там же. С. 51.
153. Medvedev Z. Op. cit. P. 110—111, 116.
154. Горбачев М. Указ. соч. С. 202.
155. Земцов И. Черненко: СССР в канун Перестройки. Нью Йорк, 1989. С. 159.
156. Гришин В.В. Указ. соч. С. 61.
157. Соловьев С., Клепикова Е. Указ. соч. С. 132.
158. Зимин И. Указ. соч. С. 160.
159. Соловьев С., Клепикова Е. Указ. соч. С. 132.
160. Чурбанов Ю. Хорошую память оставил о себе Леонид Ильич... // Наше дело. 1990. № 3. С. 10.
161. Медведев Р. Указ. соч. С. 110.
162. Горбачев М. Указ. соч. С. 213.
163. Там же.
164. Дорошина Г. Интервью фильму «Исторические расследования: пациент Брежнев». 5 канал.
165. Цит. по: Волкогонов Д. Семь вождей. Т. 2. С. 98.
166. Горбачев М. Указ. соч. С. 225.
167. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 77.
168. Земцов И. Указ. соч. С. 161.

Глава VI

РОЖДЕНИЕ КОМАНДЫ Правление Ю. Андропова. Ноябрь 1982 – февраль 1984 гг.

На носу у Вас очки,
а в душе — осень.

И. Бабель

10 ноября 1982 года был День советской милиции. Мы ждали традиционно и объявленного заранее праздничного концерта. Обычно он радовал зрителей относительной смелостью остроумия и обилием эстрадных звезд — могущественное ведомство могло позволить себе подобное меценатство. Но концерта не было. Вместо него дали революционный фильм «Человек с ружьем». Зашедшая к нам соседка объявила последнюю новость — концерт отменили в связи с самоубийством члена Политбюро Кириленко, который не смог пережить перебежку своего сына к американцам.

У Кириленко действительно были в это время неприятности, но стреляться он из-за них не стал, а просто ушел на пенсию. Истинную причину изменений незыблемой в те времена телевизионной программы мы узнали на следующий день.

Погода была хорошая, и мы с приятелем прогуливались по необъятным просторам Выставки достижений народного хозяйства. Репродуктор не переставал передавать классическую музыку. Я рассказал спутнику о вчерашней новости. В этот момент стали передавать траурное сообщение. Сначала следовала длинная череда чинов и званий покойного. Что-то многовато для Кириленко. Неужели Сам?

Имя Брежнева, прозвучавшее из репродуктора, означало, что старой жизни приходит конец. Хорошей ли, плохой ли — но размеренной и стабильной — ее уже не будет. Мы спускались вниз по эскалатору метро, глядели в лица пассажиров и наполнялись странным чувством причастности к страшной государственной тайне, которую встречный поток народа еще не знал. Был нажат спусковой механизм, смысл и направление движения которого нам был неизвестен.

В институте мы застали, естественно, всеобщее обсуждение случившегося. Обсуждался, по существу, один вопрос — «Кто будет?»

— Андропов, — уверенно ответил студент Боря Еременко.

— Почему?

— Потому что в истории побеждает тот, за кем стоят большие батальоны.

17 ноября Интернэшнл Херальд Трибюн поведала: чиновники администрации Рейгана сообщают, что эксперты разведок и специалисты по советским делам были удивлены, как далеко шагнул Андропов на путях установления своего доминирующего влияния. Еще за несколько дней до смерти Брежнева разведслужбы доложили Рейгану, что после смерти Брежнева к власти придет триумвират¹. То, чего не знали американские аналитики, знал простой советский студент-историк.

1. Курс Андропова (ноябрь 1982 г.)

«Большие батальоны» действительно сыграли немалую роль в утверждении Андропова на троне. «Сильный человек в Кремле» получил поддержку оборонного комплекса, а его прочные связи с КГБ «консерваторам» не удалось перерезать за короткий срок отсутствия Андропова в этом ведомстве. Так что шансов у противников Андропова не было. Брежнева хоронили небрежно, на глазах у миллионов телезрителей буквально кинули гроб в могилу.

Первым делом Андропову необходимо было провести раздел реальной власти. Из «старой гвардии» в Политбюро нового Генсека активно поддерживали Устинов и Громыко, но они отвечали за «внешнеполитический блок». Необходимо было договориться с Черненко, который унаследовал от Брежнева если не власть, то лидерство в брежневском клане. Избавиться от бывшего конкурента было пока нельзя: «Андропов, совсем недавно вырвавшийся из аппарата КГБ на простор идеологического фронта..., не был настолько сведущ во всех тонкостях аппаратных игр. Тут ему еще трудно было ориентироваться. А Черненко — зубр! Почти 20 лет в самом сердце партийной бюрократии!... В общем, Андропову на первое время нужен был человек, который будет работать! Который знает АППАРАТ! Который может управлять Центральным комитетом.

Черненко после внезапной кончины Брежнева не стал первым человеком в партии, но с места «второго человека в партии» его пока, похоже, никто гнать не собирался — он был нужен как опытейший АППАРАТЧИК...»², — вспоминает помощник Черненко В.Прибытков. Андропов так провел раздел власти: «...В связи с изменившимся положением, тов. Черненко К.У., по моему мнению, должен заниматься вопросами, которыми занимался я, плюс вопросы КГБ, МВД и вообще весь административный отдел, отдел парторганов, общий отдел и отдел писем. Надо сосредоточить внимание тов. Черненко К.У. на вопросах идеологической работы ЦК...»³ Таким образом, именно Черненко нужно было курировать ведомства, которые будут проводить планировавшуюся Андроповым чистку. Такая уступка должна была успокоить брежневистов, показать им, что «принципы социалистической законности» нарушены не будут.

22 ноября Андропов собрал Пленум ЦК, чтобы провозгласить новый курс. Успокаивая партийную элиту, привыкшую к стабильности брежневских времен, Андропов говорил о преемственности курса, но подчеркивал в словах предшественника критические нотки: *«Члены Центрального Комитета хорошо помнят последние выступления Леонида Ильича Брежнева, его записки в Политбюро ЦК по вопросам экономического развития. Вопрос им ставился так: на съездах партии и пленумах ЦК мы выработали научно-обоснованную экономическую политику, взяли курс на повышение эффективности производства, его интенсификацию. Но перевод на эти рельсы нашего хозяйства, поворот к эффективности, осуществляются все еще медленно»*⁴.

Андропов довольно далеко зашел в разборе причин торможения интенсификации. Среди них назван и святая святых — механизм планового хозяйства: *«чтобы внедрить новый метод, новую технику, нужно так или иначе реорганизовать производство, а это сказывается на выполнении плана. Тем более, что за срыв плана производства спрашивают, а за слабое внедрение новой техники — ну самое большое, что пожурят»*⁵.

За этими смелыми характеристиками стоял не только прагматизм хорошо информированного шефа КГБ, не только прочность позиций, но и жизненная необходимость преодоления барьера научно-технической революции. Без этого отставание СССР становилось все более очевидным даже в главном — в военной технике. В самом начале своего доклада Андропов не забыл упомянуть, что *«как и всегда, в должной мере учтены потребности обороны»*⁶. Необходимо напрячь все силы, мобилизовать все резервы, чтобы преодолеть кризисную черту. Так было официально объявлено ускорение: *«Намечено ускорить темпы развития экономики, увеличить абсолютные размеры прироста национального дохода... напряженные задания должны быть выполнены при сравнительно меньшем увеличении материальных затрат и трудовых ресурсов»*⁷.

Но за счет чего выполнить эту задачу? Реформы? О них в докладе не говорится. Покритиковав механизм планирования, Генсек резюмирует: *«Соединению науки и производства должны способствовать методы планирования и система материального стимулирования»*⁸. Но над этой алхимической формулой хозяйственники СССР бились уже не один десяток лет. По мнению Андропова, любым преобразованиям должны предшествовать эксперименты. Рассуждая о необходимости расширения самостоятельности предприятий, Андропов рекомендовал пока расширить самостоятельность лишь территориальных плановых органов.

Очевидно, что такие послабления не в состоянии были дать заметного эффекта. За счет чего же Андропов рассчитывал осуществить свое ускорение? *«Необходимо усилить ответственность за соблюдение общегосударственных, общенародных интересов, решительно искоренять ведомственность и местничество»*. *«Следует решительно повести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины»*. *«Значит, не хватает другого — инициативы, решительной борьбы с бесхозяйственностью, с расточительством»*⁹. *«Усилить ответственность»*, «кре-

шительно искоренять», «решительная борьба» — эти слова станут лейтмотивом правления Андропова. Но в то же время в разговорах с подчиненными он ориентировал их и на другое: *«Надо быть откровеннее, правдивее. Объяснять людям, что может, а что не в силах дать страна»*¹⁰. В этих словах сквозит ощущение того, что экономическая система не может удовлетворить потребностей населения. Людей надо снова просить потерпеть, пока не найдется выход.

В ожидании прагматических преобразований, которые намечались в далекой перспективе, предполагалось подтянуть все разболтавшиеся гайки экономической машины и заставить ее сделать новый рывок. Ставка определялась военным соревнованием с Западом. Но осуществить эту трудную задачу могли только кадры, беззаветно преданные руководству, не погрязшие в коррупции, готовые к переменам: *«нужно правильно расставить кадры, с тем чтобы на решающих участках стояли люди политически зрелые, компетентные, инициативные, обладающие организаторскими способностями и чувством нового, без чего нельзя в наше время успешно руководить современным производством»*¹¹.

Слова о расстановке кадров были увязаны с конкретными шагами. *«Юрий Владимирович заявил нам, что не пойдет на Пленум до тех пор, пока в его выступлении не будет говориться об ответственности конкретных руководителей тех министерств, где дела идут особенно плохо, — вспоминает Горбачев. — Поэтому в текст и были вписаны резкие критические пассажи о работе транспорта, о состоянии металлургии и строительства, которые из года в год не обеспечивали нужд народного хозяйства. А в скором времени руководителей этих министерств — Павловского, Казанца и Новикова — вообще отстранили от работы... Вопрос о Новикове был поставлен в связи с тем, что в Волгодонске на недавно выстроенном “Атоммаше” вдруг началась просадка зданий и сооружений, которая показала, что при предварительных расчетах и самом строительстве проявили вопиющую безответственность»*¹². Как показали последующие события, крупнейшие катастрофы были еще впереди, и дело было не столько в министре, сколько в системе. Но конкретные «оргвыводы» во всяком случае убеждали людей в серьезности намерений Андропова.

Народ встретил нового Генсека с надеждой на перемены. Дело было не в том, что большинство жителей СССР поддерживали КГБ или идею «закручивания гаек». Просто безвременье позднебрежневского правления надоело людям. Хотелось видеть на вершине власти человека, способного что-то менять. Андропов казался именно таким лидером. По словам знавшего его Ф.Бурлацкого, «самой сильной чертой Андропова... была деловитость, умноженная на острое видение политической стороны любой проблемы. Деловитость — довольно редкое качество среди русских и особенно советских государственных деятелей»¹³. Деловитость Андропова бросалась в глаза и внушала надежды.

2. Свои кадры (1982—1983 гг.)

Выдвижение «политически зрелых» кадров Андропов начал с самой верхушки КПСС. Здесь его опора заключалась в двух ветеранах — Д. Устинове и А. Громыко, и в группе более молодых членов и кандидатов в члены Политбюро — М. Горбачеве, Г. Романове, Э. Шеварднадзе и Г. Алиеве.

ШЕВАРДНАДЗЕ Эдуард Амвросиевич, 1928 г. рождения

Представитель «военного поколения», о чем сам пишет так: «Война с фашизмом стала моим личным сражением с ним. Он вел ее против коммунизма, а коммунизм был моей религией. Победа в этой войне стала победой коммунизма, а значит — и моей победой»¹⁴.

Втянувшись в политику, Шеварднадзе продолжал формироваться в мрачную эпоху заката сталинского правления. Именно в это время будущий член Политбюро ЦК КПСС и Движения Демократических реформ вступает в ВКП(б). Благодаря покровительству директора техникума Шеварднадзе становится руководителем комсомольской организации этого учреждения. Затем, оставив стезю медика, он продолжает комсомольскую карьеру. Его служебное положение в партийно-комсомольской структуре было в это время столь прочным, что карьере не помешала даже женитьба на «дочери врага народа».

В 1946—1961 гг. Шеварднадзе уверенно продвигался по служебной лестнице комсомола, дослужившись до первого секретаря ЛКСМ Грузии. Карьере Шеварднадзе помогла и его позиция в отношении волнений 1956 г., когда грузинская молодежь выступила против «очернения» имени ее земляка Сталина. Кровавое подавление демонстраций по приказу центра вызвало недовольство даже в партийном руководстве — сталинистские настроения соединились здесь с уязвленным национальным чувством, неприятием насилия против грузинской молодежи. Уловив эти настроения, Шеварднадзе выступил против осуждения митинговавших как «буржуазных националистов». Это не осталось незамеченным — «оппозиционер» был немедленно избран секретарем ЦК грузинского комсомола.

По существу, Шеварднадзе превратился в аппаратчика, который умел ладить и со сталинистским, и с консервативным крылом местного номенклатурного клана. Не удивительно, что его карьера успешно продолжалась — с 1961 г. по партийной линии, с 1964 — по государственной. В 1965 г. Шеварднадзе возглавил Министерство охраны порядка, в 1968 г. стал министром внутренних дел. В начале 70-х гг. милиция Грузии начинает гонения против теневой экономики, в форму которой облекались тогда неподконтрольные государству рыночные отношения. Это импонировало Андропову и Суслову. Однако действия министра тогда не были особенно эффективными: «Чистки следственного и судебного аппарата, направление в органы внутренних дел проверенных на комсомольско-партийной работе кадров не помогли»¹⁵. Вполне естественно, что замена профессионалов комсомольскими аппаратчиками не могла повысить эффективности правоохранительных органов. Тем не менее масштабы борьбы с коррупцией были внушительными — в конце 60-х — первой половине 70-х гг. было арестовано 25 тысяч человек, в том числе 9,5 тысяч членов партии и 70 работников милиции¹⁶. Большое количество чиновников было уволено на пенсию под угрозой уголовного преследования¹⁷.

Масштабная чистка укрепила позиции Шеварднадзе и позволила ему заняться расследованием связей руководителя Грузии Мжаванадзе, которое закончилось в 1972 г. избранием главы МВД на пост первого секретаря ЦК КП Грузии. Чистка продолжалась, на Шеварднадзе совершились покушения. Постепенно грузинский лидер осознавал, что только репрессиями ситуацию не исправить, необходимы изменения экономической структуры.

В 1976 г. Шеварднадзе вошел в партийный ареопаг — ЦК КПСС. Здесь он прославился восточными славословиями в адрес Брежнева. Усилия грузинского наместника не пропали даром — в 1978 г. он вошел кандидатом в члены Политбюро, в 1981 г. получил звезду героя соцтруда.

Приход к власти Андропова открывал перед Шеварднадзе новые возможности — ему было доверено проводить те самые эксперименты, о которых говорил новый Генсек на ноябрьском пленуме. Режиму не удалось вытравить в Грузии традиции частного хозяйствования, в ее горных районах колхозная система часто была совершенно неприменима. Между тем климат благоприятствовал производству ценных садоводческих культур. Эти два обстоятельства способствовали развитию теневой экономики, которая в свою очередь питала систему коррупции. Являясь органической частью номенклатуры, Шеварднадзе, естественно, «не сразу... понял, что между пороками централизованного управления экономикой и коррупцией существует прямая связь»¹⁸.

Но теперь предстояло использовать полупридушенные, полумафизированные рыночные механизмы в целях центральной политики. Местные номенклатурные кланы понимали суть эксперимента по-своему: «Здесь следовало бы расшифровать и термин “эксперимент”. Мы ввели его в оборот как некую защитную конструкцию, способную уберечь нас от обвинений в подрыве устоев социализма». Построив свои отношения с крестьянами по феодальной схеме (доля производителю, львиная доля — начальству), грузинские руководители резко повысили производительность труда в экспериментальной зоне — в первый момент крестьяне поверили в свою самостоятельность. Это предопределило поддержку Шеварднадзе со стороны Горбачева, курировавшего сельское хозяйство. Впрочем, взаимопонимание с Шеварднадзе у Горбачева было достигнуто еще в 70-х гг. Тогда секретарь ЦК по сельскому хозяйству закрыл глаза на «кулацкий» сектор в Грузии¹⁹.

Грузинские реформы имели и свою оборотную сторону, которая могла не понравиться Андропову — местный клан номенклатуры стремился сосредоточить максимум полномочий в своих руках. В городе Поти предприятия союзного подчинения были поставлены в зависимость от местного хозяйственного органа. Это противоречило андроповскому неприятию местничества, но облегчало координацию регионального хозяйства и социальных программ, что также соответствовало политической стратегии Горбачева, его опоре на местные кланы номенклатуры.

Автономизм, «местничество» грузинских властей диктовалось и давлением общественности. Волнения 1978 г. не переросли в кровавые столкновения во многом благодаря уступчивости руководителей грузинской ком-

партии. О выступлении молодежи не забывали, тем более, что общественность периодически повторяла митинги в защиту грузинской культуры. Шеварднадзе стремился укреплять контакты с интеллигенцией, становился «спонсором» рискованных с точки зрения партийной идеологии начинаний, к которым прежде всего следует отнести антисталинский фильм «Покаяние». По признанию самого Шеварднадзе, беседы с инакомыслящими оказали большое влияние на его мировоззрение²⁰. Если верить руководителю Грузии, итоги его размышлений над положением, в котором оказалась страна, были довольно радикальны: «в начале 80-х годов я пришел к выводу, что в этой системе прогнило все. Я тогда же говорил об этом Горбачеву. Он потом публично вспомнил об этой беседе»²¹. Будущие реформаторы не знали еще, чего добиваться, но сложившиеся в стране социальные отношения воспринимались ими как «прогнившие целиком».

Экспериментируя в Грузии, Белоруссии, на некоторых предприятиях России и Украины, Андропов на забывал и о центре. Второй закавказский сторонник андроповской политики Г.Алиев уже в ноябре 1982 г. был переведен из кандидатов в члены Политбюро и назначен заместителем премьера — престарелого друга Брежнева Н.Тихонова.

АЛИЕВ Гейдар Али Рза Оглы

1923 г. рождения. Карьеру начал в сталинском НКВД в 1941 г. Выходец из Нахичевани — области Азербайджана, отделенной от основной части республики полосой армянской территории. Алиев занимал там различные посты в системе госбезопасности и в административных органах. В 1950 г. карьера Алиева вышла на уровень МГБ (КГБ) Азербайджана. По законам аппаратной игры Алиев оставил в Нахичевани сплоченную когорту своих кадров, которые позднее возьмут под контроль Азербайджан. В 1965 г. Алиев стал заместителем председателя, а через два года — председателем азербайджанского КГБ. В 1969 г., когда КГБ оправилось от ударов хрущевского времени, Алиев был назначен первым секретарем ЦК КП Азербайджана.

Получив высшую власть в республике, Алиев всерьез занялся искоренением традиционных мафиозных структур. В отличие от Шеварднадзе, который душил одни теневые структуры и поощрял другие, Алиев, опираясь на сеть осведомителей КГБ, провел в торговой сети Азербайджана подлинный разгром. Руководитель республики лично являлся в магазины и уличал жуликов.

Такая политика вызвала сочувствие населения. Началась чистка среднего номенклатурного звена, связанного со злоупотреблениями. Так Алиев расчистил место для своих кадров. Позднее обстановка стабилизировалась, разбитая, но не уничтоженная мафия сплелась с победившим нахичеванским кланом. Но административное и хозяйственное руководство по-прежнему оставалось в Азербайджане опасным делом. В 1978 г. были убиты руководитель МВД Азербайджана и его зам. Многих руководителей при Алиеве держали под угрозой уголовного преследования, что делало их более послушными.

Рвение Алиева по службе и порядку, установленный им в республике, не остались незамеченными. В 1976 г. Алиева избирают кандидатом в члены Политбюро, в 1979 г. награждают звездой Героя²². В конце 70-х, когда Горбачев

*вошел в андроповский клан, у Алиева установились с будущим генсеком теплые доверительные отношения. После встречи с Брежневым в 1978 г. Горбачев созвонился с Алиевым и поделился радостными впечатлениями*²³.

В 1982 г. Г.Алиев был избран членом Политбюро ЦК КПСС. Впоследствии Г.Алиев — пенсионер, Председатель меджлиса, Президент республики Азербайджан (с 1993 г.).

В июне 1983 г. секретарем ЦК был назначен также Г.Романов, который стал курировать отдел административных органов ЦК (правоохранительные органы и юстиция), оборонный отдел (ВПК, космос, передовые технологии), отдел машиностроения. «Остается добавить, — комментирует успехи Романова В.Легостаев, — что Романов, единственный из секретарей ЦК, вошел в состав Совета обороны СССР, председателем которого по должности является Генеральный секретарь ЦК КПСС»²⁴. В декабре 1982 г. был смещен и позднее отдан под следствие могущественный прежде министр внутренних дел Щелоков. На его место Андропов поставил ретивого, но не вполне надежного председателя КГБ Федорчука, который приступил к чистке ненавистных органов МВД. На место бывалых, хотя и не безгрешных, работников милиции приходят «проверенные кадры» КГБ. Такое «укрепление» милиции изрядно дезорганизовало ее деятельность прежде всего потому, что КГБ отправляло на работу в милицию тех работников, которых было не жалко. Да и в целом квалификация работников госбезопасности не годилась для милиции. Специалисты по борьбе с инакомыслием оказывались беспомощными перед лицом бандитизма.

Однако Андропов планировал переориентировать милицию на выполнение новых для нее функций, где особой квалификации не требовалось. Выступая на встрече с секретарями ЦК, Генеральный секретарь говорил о том, что «ослабла дисциплина труда. По Москве, например, в рабочее время бродят тысячи бездельников, как правило управленцев, сотрудников НИИ и т.д.»²⁵ Началась кампания борьбы за трудовую дисциплину. Пик этой операции «Трал», ставшей визитной карточкой андроповского правления, пришелся на декабрь 1982 г. Милиция устраивала облавы на людей, оказавшихся в рабочее время на улице. Если не находилось уважительных причин их отсутствия на рабочем месте, «праздношатающимся» грозили суровые административные взыскания. Государство стало воистину полицейским, что, однако, не мешало преступникам, на которых у милиции осталось меньше времени.

Ядром полицейского государства продолжало оставаться КГБ. В награду за «измену землякам» Андропов назначил главой этого ведомства В.Чебрикова, выходца из Днепропетровска. В 1983 г. Чебриков стал кандидатом в члены Политбюро. Другим кандидатом в члены Политбюро стал В.Воротников, занимавший пост посла на Кубе. Быть послом в этом форпосте социализма значило координировать тайную и явную активность СССР в Латинской Америке. Это предполагало теснейшую связь с КГБ.

Но на высшие посты назначались не только представители или ставленники КГБ. Кадровые перестановки нельзя однозначно отождествлять с «че-

кизацией». Сам Андропов вовсе не стремился расставить на все посты своих «рыцарей плаща и кинжала». Осведомленный аппаратчик В.Печенев вспоминает: «когда один из наших известных подхалимов, который служит сейчас Горбачеву, предложил на ответственную работу в ЦК работника КГБ, желая угодить Андропову, тот раздраженно ему сказал: *«Послушайте, знайте меру! В народе анекдоты уже рассказывают, что при Андропове “ЦК” переименовали в “ЧК КПСС”...»*²⁶ Андропов опирался на политиков, считавших, что «так жить нельзя», укреплял блок «пуритан» и «реформистов». Н.Рыжков пишет: «“Своя команда” собиралась им заново, из самых разных мест»²⁷. В 1983 г. Комитет партийного контроля возглавил М.Соломенцев, ставший к тому же и членом Политбюро (кандидатствовал с 1971 г.). На ноябрьском 1982 г. Пленуме секретарем ЦК по вопросам промышленности был назначен Н.Рыжков, слывший способным организатором, готовым на проведение преобразований.

РЫЖКОВ Николай Иванович

1929 г. рождения. В 1950—1975 гг. делает классическую производственную карьеру от мастера смены до генерального директора производственного объединения «Уралмаш». Хороший организатор, Рыжков чувствовал себя уверенно в обстановке крупного стабильного производства. Видимо, в 1975 г. генеральный директор одного из крупнейших оборонных комплексов достиг максимального уровня своей компетентности. Но по законам бюрократической иерархии продвижение Рыжкова наверх продолжалось.

В 1975—1979 гг. Рыжков становится замминистра тяжелого машиностроения, а затем — зампреда Госплана СССР. Поскольку хозяйство СССР строилось как единое предприятие, слабая компетентность Н.Рыжкова в вопросах макроэкономики была незаметна. Эта некомпетентность проявилась позднее, когда фасадная монолитность экономики начала рушиться.

Впоследствии Н.Рыжков — председатель Совета министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС (1985—1990 гг.), депутат Государственной Думы (с 1995 г.)²⁸.

Линия Андропова в кадровом вопросе была осторожной. «Подтянув к руководству Алиева, Воротникова, Чебрикова, Рыжкова, Лигачева, он серьезно укрепил свои позиции. Но одновременно Юрий Владимирович старался избегать обострения отношений и недовольства со стороны Черненко, Тихонова, Гришина, Щербицкого, добиваться того, чтобы у всех членов руководства было ощущение сопричастности, соучастия в проводимом политическом курсе»²⁹, — вспоминает Горбачев. Гришин подтверждает, что его влияние при Андропове не уменьшилось, а даже увеличилось. Он даже вошел в узкую группу Политбюро, принимавшую важнейшие решения³⁰.

ГРИШИН Виктор Васильевич (1914—1991)

В 1932 г. окончил Московский геодезический техникум, в 1937 г. — Московский техникум паровозного хозяйства. В 1932—1933 гг. работал техникум-землеустроителем в Серпуховском районе. В 1937—1938 гг. — заместитель

начальника паровозного депо в Серпухове. В 1938—1941 г. служил в армии, где в 1939 г. вступил в партию. В 1941 г. вернулся в депо, где перешел на партийную работу. В 1942 г. стал секретарем Серпуховского горкома партии, «вырос» в первого секретаря горкома. В 1950—1952 гг. — заведомом Московского городского комитета КПСС. В 1952—1989 гг. — член ЦК КПСС. В 1952—1956 гг. — второй секретарь горкома. В 1956—1967 гг. — председатель ВЦСПС. В 1967—1985 гг. — первый секретарь Московского горкома КПСС. В 1961—1966 гг. — кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, в 1966—1971 гг. — кандидат в члены Политбюро, в 1971—1985 гг. — член Политбюро ЦК КПСС, в 1985—1987 гг. — государственный советник при Президиуме Верховного совета СССР³¹.

Вероятно, благосклонность Андропова к Гришину не в последнюю очередь была вызвана попытками московского первого секретаря «разобраться» в деятельности местной торговли. По утверждению сотрудника МГК Ю.Изюмова, попытки подобного рода Гришин предпринимал и ранее, но они блокировались московским предисполкома В.Промысловым, которого прикрывал Брежнев. Поскольку МВД запретило московскому УВД расследовать дела торговцев, поставлявших товары лицам, пользовавшимся протекцией высшей номенклатуры, Гришин еще в 1982 г. попросил заняться этим делом управление госбезопасности (с санкции Андропова)³². Это утверждение сотрудников Гришина противоречит версии о том, что сам Гришин доставал товары с «черного крыльца». Авторы подобных слухов не учитывают, что как член Политбюро Гришин пользовался практически безграничными возможностями легального номенклатурного снабжения. Вероятно, иницилируя небольшие дела в своей епархии, Гришин пытался хорошо зарекомендовать себя в глазах «пуритан» и не предполагал, как далеко может зайти расследование.

Произошли разоблачения в Главторге Мосгорисполкома. Однако расследования КГБ пошли гораздо дальше, чем хотелось бы Гришину. Под подозрение попал начальник Главторга Н.Трегубов, которого Гришин считал невиновным во взяточничестве³³. Дело Трегубова компрометировало уже и самого Гришина. Но оно получило развитие уже при Черненко. А пока чистка набирала обороты.

3. Чистка (1982—1984 гг.)

Укрепление позиций андроповского клана в высших органах власти сопровождалось интенсивной чисткой партийного руководства. Главным орудием Генсека в этом деле стал назначенный в 1983 г. заведомом организационно-партийной работы ЦК КПСС Е.Лигачев.

ЛИГАЧЕВ Егор Кузьмич

1920 г. рождения. В 1943—1949 гг. делал производственно-комсомольскую карьеру в Новосибирске. В 1949 г., будучи первым секретарем ОК ВЛКСМ, был обвинен в троцкизме, снят с должности, семь месяцев оставался без работы. Карьеру пришлось начинать сызнова, но Лигачев считает, что ему повезло — он чудом избежал ареста³⁴. В дальнейшем Лигачев занимал различные партийно-государственные посты в Новосибирске. Сибирская номенклатура отличалась несколько большей независимостью, нежели центральная. Здешние «удельные князья» были достаточно удалены от центра с его мелочным контролем, соревновались друг с другом в возведении гигантов индустрии, варварски губивших сибирскую природу. Все это называлось «освоением Сибири» и приносило огромные капиталовложения центра.

В такой атмосфере проходила партийная «молодость» (до сорока лет) Лигачева. В 1961—1965 гг. он был «проверен» на агитационно-пропагандистской работе российского уровня, а затем, с концом хрущевской оттепели, назначен руководить Томской областью. Здесь Лигачев проявил себя не только как самостоятельный организатор, но и как меценат, привлекавший в Томск интеллигенцию, прежде всего научную.

Такая политика объяснялась прежде всего общественным кредо Лигачева, которое сформировалось, видимо, именно в Томске. В современных терминах оно выглядит так: *«застой был не на рабочих местах, а в руководящем политическом ядре страны. А еще в марксистско-ленинской теории. Там тоже был застой. В результате страна не смогла перейти к новому этапу научно-технической революции, на пороге которого стояла. Развитые страны мира в 70-х гг. совершили этот переход, а мы его прозевали, топтались на месте»*³⁵. Такая концепция вполне соответствовала андроповскому представлению о задачах реформ и о причинах кризиса.

Помимо геронтократов из Политбюро Лигачев винит в отставании страны от темпов, необходимых, чтобы преодолеть барьер НТР... философов и социологов, тех самых шестидесятников, которые впоследствии возглавят стан «демократов». За конфликтом поколений здесь стоит и конфликт подходов — военное поколение и пятидесятники рассматривали общество с точки зрения уровня его технического развития. Поэтому для них вся проблема заключается в том, что «просмотрели НТР». Вот если бы обществоведы вовремя указали, то управленцы приняли бы соответствующие решения, и научно-техническая политика была бы направлена в должную сторону.

Обществоведы-шестидесятники уже понимали в массе своей, что простого принятия решения о НТР недостаточно, что необходима трансформация общества. Но цензурный контроль не позволял гуманитариям выйти за рамки «совершенствования социализма». Это позволило Лигачеву возложить и на них вину за кризис 80-х гг.:

«Эта промашка роковым образом повлияла на дальнейшее развитие страны. В этом немалая вина руководства страны, а также ведущих ученых-обществоведов, сосредоточивших свое внимание на обосновании так

называемого “развитого социализма”, но упустивших из поля зрения главную проблему последней трети двадцатого века — очередной этап НТР. Кстати, среди этих обществоведов было немало ученых, которые впоследствии трубно заговорили о застое, провозгласили себя прорабами перестройки»³⁶. В Томске закладывались основы будущего взлета Лигачева на вершины власти. Он хорошо усвоил аппаратную науку — не отрываться от кадровой базы. Когда в конце 70 г. ему предложили престижный дипломатический пост, Лигачев отказался — это означало не только потерять непосредственную связь со своим номенклатурным кланом, но и войти в конфликт с могущественным членом Политбюро А.Громыко, который без восторга смотрел на перевод в его ведомство областных дилетантов от дипломатии. В 1983 г. Громыко поддержал назначение Лигачева на пост завотделом организационно-партийной работы.

Но решающее значение для карьеры Лигачева имели хорошие отношения с Горбачевым. Последний вспоминал: «Работая в ЦК, я поддерживал с Лигачевым как секретарем Томского обкома постоянный контакт, видел его искреннее стремление больше сделать для своей области, особенно для ее снабжения продуктами питания. Лигачев выделялся среди секретарей обкомов не только деловитостью, но и кругозором, общей культурой»³⁷. Когда встал вопрос о необходимости назначения на пост завотдела организационно-партийной работы (главного партийного кадровика) решительного человека с «пуриланскими» наклонностями, Горбачев посоветовал человека «типа Лигачева». «...Так зачем же нам искать человека “типа Лигачева”, — рассмеялся Андропов, — если есть Лигачев?»³⁸

В феврале 1983 г. прошла встреча Андропова и Лигачева. Вскоре внимание высших партийных руководителей к Лигачеву привлекло также его резкое выступление на совещании по сельскому хозяйству, проходившем в присутствии Андропова. «Нетрудно было предположить, — считает Лигачев, — что на аграрном совещании в Кремле слово мне дали именно благодаря Горбачеву»³⁹.

Впоследствии Е.Лигачев — член Политбюро ЦК КПСС (1985—1990 гг.), народный депутат СССР (1989—1991 гг.), член КППФ, заместитель председателя Союза коммунистических партий КПСС (с 1996 г.)

Сразу после назначения на новый пост Лигачев принялся за дело. Он объезжал страну, беседовал с местными партийными руководителями. Результатами этих бесед были «организационные выводы». Сам Лигачев не без удовольствия цитирует строки финского политолога Й.Иивонена, посвященные этому периоду: «Первостепенной задачей Лигачева было осуществление “революции Андропова” среди руководителей областных и краевых партийных организаций. К концу 1983 г. было сменено около 20% первых секретарей обкомов партии, 22% членов Совета Министров, а также значительное число высшего руководства аппарата ЦК (заведующие и заместители заведующих отделами)»⁴⁰. По утверждению В.Гришина, «в 1983—1984 гг. ему удалось расставить первых секретарей обкомов и крайкомов КПСС около 70 процентов своих людей, которые готовы были вы-

полнить любое его указание, обеспечить арифметическое большинство при голосовании на пленумах ЦК по любому вопросу»⁴¹.

За время правления Андропова чистка приняла внушительные масштабы. В Москве было смещено до 31% партийных руководителей, на Украине — до 34% (в том числе 9 секретарей ЦК), в Казахстане — до 32%⁴². Более 200 человек было арестовано к середине 1983 г. по обвинению в хозяйственных преступлениях в Краснодарском крае, что позволило наконец “свалить” хозяина края С.Медунова, который, по словам Андропова, “создавал трудности для следствия”⁴³. 14 июня на пленуме ЦК из этого органа были выведены Медунов и Щелоков.

В то же время чистка, ударившая по хозяйственным кадрам и по региональным кланам, пока не особенно сильно сказывалась на центральном партийном руководстве. Наиболее серьезным шагом здесь была отставка управляющего делами ЦК КПСС Павлова. В беседе с Арбатовым Андропов, «согласившись, что множество работников, занимающих ответственные посты, несостоятельны, ответил, что пока их менять не будет. Ибо не хочет иметь враждебный к себе Центральный комитет... У меня сложилось впечатление, что Андропов просто не знал и не видел людей, которые могли бы заменить тех, кто достался ему по наследству»⁴⁴. Сначала нужно было подготовить интеллектуальные кадры. Не случайно Андропов со вниманием относился к идеям сближения интеллигенции и правящей элиты, не давая, впрочем, интеллигенции забывать о ее подчиненном месте⁴⁵.

Ключевым направлением чистки стала борьба с коррупцией вдали от Москвы. Коррупция действительно представляла собой серьезную проблему для СССР, но методы борьбы с ней в первой половине 80-х гг. не позволяли эту проблему решить. Речь не шла о преодолении социальных причин коррупции, прежде всего — монополизма бюрократии и ее стремления к преодолению отчуждения от собственности, «серой зоны права», в которой чиновник, «материально стимулируемый» взяточником, мог творить произвол. Политика «борьбы с нарушениями социалистической законности» была призвана нанести выборочные удары по отдельным звеньям системы коррупции (иногда второстепенным) с тем, чтобы умерить аппетиты остальной части аппарата. При этом жертвы выбирались достаточно произвольно, и не всегда из числа тех людей, которые действительно играли значительную роль в коррупционной сети. «В 70-х и начале 80-х годов было произведено большое количество арестов, возникло множество судебных дел, очевидной особенностью которых было общее снижение уровня требований к соблюдению начал объективности, законности и одновременно — заметное усиление репрессивных тенденций в оценке действий обвиняемых по этой категории дел», — считает адвокат И.Кисенишский⁴⁶. Один из примеров — дело руководителя Госцирка А.Колеватова, у которого работал Буряце. Колеватову инкриминировалось взяточничество на основании преподнесения ему подарков. Один из «взякодателей», всемирно известный клоун, который имел неосторожность подарить начальнику купленный за границей ковер стоимостью, эквивалентной 21 рублю, рассказывал на суде: «Обстановка на следствии была невероятной, у меня было шоковое состоя-

ние, был психологический нажим, унижено мое достоинство. Неужели мне нужно давать взятки, чтобы ездить за границу»⁴⁷.

Приверженный политике локальных экспериментов, Андропов и в этой области решил начать «с малого». Образцово-показательным полигоном для борьбы с коррупцией был избран Узбекистан. Коррупция в СССР была развита везде и опиралась на разветвленную систему приписок, ставшую своего рода реакцией общества (в том числе и руководящей элиты) на оторванные от жизни экономические планы. По мнению следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР К.Майданюка, возглавлявшего расследование «хлопкового дела» (приписок в хлопковой отрасли Узбекской ССР), «Узбекистан пал жертвой планового экстремизма, преступного по сути, ибо физически не мог дать столько хлопка, и это была народная трагедия: пирамида приписок начиналась с поля, с бригады, потом — хозяйство, район и т.д. (участвовали все — получали по разному)...»⁴⁸

В Средней Азии (и не только в Узбекистане) коррупция была к тому же вплетена в систему традиционных отношений, что придавало всей конструкции не только всеобъемлющий, но и почти легальный характер. Без взятки многие чиновники и хозяйственники просто не могли работать, взятка считалась нормальной доплатой, молчаливо санкционированной сверху. Но удар по этой системе имел для Андропова важное значение в связи с тем, что традиционные общества Средней Азии стали опорой консервативных кланов в СССР. Борьба с коррупцией в Средней Азии позволяла «убить двух зайцев». С одной стороны — ослабить и припугнуть консерваторов и коррупционеров в СССР в целом, а с другой стороны — проводить образцово-показательные чистки вдали от центра, удовлетворяя справедливый гнев населения и не очень нервирова центральный бюрократию. Перенос центра тяжести борьбы с коррупцией в Среднюю Азию (если не по количеству дел, то по уровню вовлеченных в расследование фигур) был, таким образом, своеобразным компромиссом «пуристан», жаждавших «очищения», и «консерваторов», ориентированных на сохранение спокойной атмосферы в аппарате при условии лояльности его к проводимому курсу.

В апреле 1983 г. арестом начальника ОБХСС УВД Бухарского облисполкома А.Музаффарова началась операция по искоренению коррупции в Узбекистане. «Арест Музаффарова был одним из этапов тщательно подготовленной операции узбекского КГБ, получившего из центра указания резко активизировать борьбу с коррупцией», — пишут Т.Гдлян и Н.Иванов⁴⁹. При подготовке операции КГБ учитывало клановые противоречия первого секретаря КП Узбекистана Ш.Рашидова и Бухарского первого секретаря А.Каримова⁵⁰. У Музаффарова было изъято 1 131 183 рубля⁵¹, монеты и золотые изделия. Нажить такой капитал, откладывая деньги из зарплаты, офицер милиции не мог. Музаффаров счел за лучшее давать показания. Вскоре было арестовано еще 7 милицейских и хозяйственных руководителей областного уровня, хотя здесь улик было обнаружено меньше, чем в случае с Музаффаровым. Одновременно были проведены операции КГБ в Ташкенте. В сентябре 1983 г. группу прокуратуры СССР, расследующую

дело о коррупции в Бухарской области, возглавил старший следователь по особо важным делам Т.Гдяня.

ГДЛЯН Тельман Хоренович

1940 г. рождения. Родился в селе Большой Самсар в Грузии. После войны семья переехала в Сухуми. С 1959 по 1962 год служил в армии. В 1963—1964 годах работал завхозом в учебном комбинате в Саратове. В 1968 году окончил Саратовский юридический институт.

С 1968 года — следователь прокуратуры Барышского района Ульяновской области, с 1970 года — Заволжского района г. Ульяновска. С 1973 года — старший следователь прокуратуры Ульяновской области, с 1982 года — старший следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР. Участвовал в расследовании дела эстонского изобретателя, предпринимателя и «инакомыслящего» И.Хинта. По утверждению Т.Гдяня, он участвовал в расследовании только экономической стороны деятельности И.Хинта, которая была в тот период уголовно наказуемой. Хинт в заключении скончался. Освободившись из лагеря, сотрудники Хинта обвинили Гдяня в том, что он фальсифицировал дело, принуждая людей к ложным показаниям.

В середине 80-х гг. расследовал в Смоленской области дело о серийных убийствах женщин. По этому делу арестовал подозреваемых братьев Гончаровых, добился от младшего брата обвинительных показаний против старшего, а тем временем другая следственная бригада во главе с Иссой Костоевым отыскала подлинного убийцу. Впоследствии журналистке-правозащитнице О.Чайковской старший из братьев рассказывал, что, добиваясь признания, Гдяня сутками держал его в подвале с холодной водой, голым, в наручниках. Т.Гдяня отрицает справедливость этих обвинений.

В 1983—1989 гг. Т.Гдяня руководил следственной группой, расследовавшей факты коррупции в Узбекистане. Впоследствии — народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы и ее Координационного совета, член Совета представителей и Координационного совета движения «Демократическая Россия» (с 1990). В 1990 г. уволен из прокуратуры. В 1990 г. избран народным депутатом Армении. С 1991 г. — сопредседатель Народной партии России (НПР). В 1995—1999 г. — депутат Государственной думы РФ⁵².

На вопрос корреспондента «Известий» о Гдяне его бывший коллега К.Майданюк ответил: «Тельман Хоренович — следователь высокого профессионального уровня и, надеюсь, честный. Может быть, излишне нетерпеливый...»⁵³

Одновременно с началом работы группы Гдяня развернулась масштабная операция против приписок и взяточничества в хлопководстве. Здесь удар пришелся по базису и среднему звену пирамиды коррупции. Волна арестов захватила массу рядовых взяточдателей и взяточников. Это поставило под удар огромное число людей. Т.Гдяня вспоминает: «в организованные руководством Узбекистана и Центра преступления было втянуто огромное количество трудящихся. Из них тысячи и тысячи уже осуждены к

различным мерам наказания. В их числе бригадиры, агрономы, председатели колхозов, директора совхозов и другие специалисты низшего звена управления, чьим трудом и знаниями выращивался хлопок. Справедливо ли это? Из многих взятки вымогались фактически насильем... Вместо того, чтобы разобраться в первопричинах этих преступлений с феодальным духом, отличить матерых организаторов от бессловесных рядовых исполнителей и дифференцировано подойти к судьбе каждого человека, ставшего винтиком коррупционного механизма, формально-бюрократическая машина правоохранительных органов без особого разбора, с хрустом прошла по их судьбам»⁵⁴.

По мнению Т.Гдяна и Е.Додолева, массовый террор был выгоден как «определенного уровня правоохранительным органам, которые бойко отработали об активной борьбе с преступностью»⁵⁵, так и местным коррупционерам, которые могли «с легкой душой пожертвовать “пешками” и тем самым не только сохранили свои сытые привилегии, но и получили очередную возможность ликующе отчитаться перед более высокими инстанциями о “бескомпромиссной войне с локальными негативными явлениями”»⁵⁶. Версия об узбекском руководстве, стимулировавшем массовые репрессии, выглядит натянуто. Очевидно, что вовлечение в маховик следствия все большего числа людей ставило под удар практически каждого руководителя и давало возможность в любой момент арестовать его. Чем больше людей под следствием, тем больше связей тянется к местным руководителям. «Массовидность террора» стимулировалась, несомненно, извне.

Постепенно следственное кольцо стало сжиматься и вокруг руководителей областного уровня. В декабре 1983 г. был освобожден от должности руководитель Бухарской области Каримов, ушел на пенсию министр внутренних дел Узбекистана Эргашев, имя которого стало фигурировать в материалах следствия.

Перед группой Гдяна стояла трудная задача. По словам начальника управления по борьбе с организованной преступностью МВД СССР В.Гурова, «каждому юристу известно, что доказать взятку “постфактум” практически невозможно. Нужно либо “выбивать” чистосердечное признание, либо находить еще какие-то доказательства. Мне запомнились слова одного профессионального работника БХСС МВД СССР М.Аверкова (Аверков сейчас возглавляет одно из управлений МВД РФ), который сказал: “Я с Гдяном работать отказался, и не потому, что побоялся чего-то, а просто не привык издеваться над людьми”»⁵⁷.

Если верить материалам проверки 1989—1990 гг., Гдян и Иванов пошли по пути, который, как казалось, мог бы существенно «ускорить» их работу, повысить «производительность труда». Для этого на вооружение была взята «царица доказательств», выражаясь словами Вышинского — признание обвиняемого. Гдян начинал не с обысков, а с арестов подозреваемых, а затем с помощью различных методов, среди которых специалисты комиссии, проверявшей деятельность группы «обнаружили» избиения, угрозы преследования родных (многие из них также арестовывались), обман, издевательства рецидивистов и т.д.⁵⁸ Следователи добивались от обви-

няемого показаний на него самого и «лиц наверху», постепенно выстраивая нужную руководителям из ЦК КПСС «пирамиду», в которую включались все более высокопоставленные руководители республики⁵⁹.

Была и другая сторона дела, которая облегчила группе Гдяна старт расследования. Следователь прокуратуры СССР В.Илюхин, проверявший работу группы Гдяна в 1989—1990 гг., считает, что «в основном гдяновскими миллионами прикрыли настоящую мафию... Гдян и Иванов, злоупотребив служебным положением, незаконно освободили от ответственности многих крупных расхитителей и взяточников, укрыли их преступления и не приняли достаточных мер к возмещению государству огромного материального ущерба». В качестве доказательства этого обвинения В.Илюхин приводит дело Кудратова, который был осужден за получение взяток от 56 директоров бухарских торговых предприятий. Эти средства не могли быть получены ими из собственной зарплаты, но группу Гдяна «первичные источники» денег, поступающих наверх, не очень интересовали. Их волновали «крупные фигуры», а не директора магазинов, и дело в отношении взяточдателей было прекращено. Сотрудничество с «низовой мафией» позволяло получить показания, необходимые для ареста Кудратова в обмен на отказ от преследования сотрудничающих со следствием преступников⁶⁰. «Оправдывая беззакония, Гдян и Иванов... заявят, что они освобождали от уголовной ответственности второстепенных, мелких преступников... Разве можно назвать мелкими деяния, когда ими причинен ущерб государству, гражданам, исчисляемый в сто, двести и более тысяч рублей? И как непоследовательны Гдян и Иванов в своем поведении и в своих заявлениях. В одном случае они уводили от ответственности маховых расхитителей, взяточников, а в другом — заперли в тюрьму более сотни людей, так называемых хранителей ценностей, многодетных матерей, старцев, беременных женщин...», — считает В.Илюхин⁶¹. По его мнению, «Гдян просто отказался от кропотливой работы, от всестороннего исследования хозяйственной деятельности, обстоятельств торговли»⁶². Но такой метод позволил группе Гдяна сразу вырваться вперед, завоевать авторитет обличением крупного взяточника. Н.Иванов так объясняет снисходительность следствия: «Мы решили привлечь только организаторов преступлений. По отношению к другим, распустили, существуют и должны применяться иные виды ответственности: дисциплинарная, партийная, административная и т.п.»⁶³ Но руководители торговой сети также были организаторами преступлений. Следствие отрицало возможность того, что мафиозная система может управляться из теневых структур, а не из вышестоящих партийно-государственных органов: «Путь массовых арестов... обрекал нас на расследование деяний все более и более низших чинов. При этом никак не затрагивалась вершина порочной системы, гарантировавшая ее целостность даже в том случае, если будут выбиваться отдельные звенья»⁶⁴.

Гдян не проявлял интереса к «теневикум» и, как правило, не давал хода делам подобного рода, особенно если подозреваемыми были кавказцы. По утверждению Илюхина нити следствия, тянувшиеся из Средней Азии в Закавказье, были обрублены⁶⁵. Эта версия нуждается в уточнении. До узбеки-

станской эпопеи Гдлян успешно (и не без «специфических методов») расследовал деятельность грузинских теневых группировок⁶⁶. Так что речь не может идти обо всем Закавказье. Впоследствии политическая деятельность Гдлья и Иванова будет тесно связана с Арменией. По всей видимости дело было не в том, что Гдлян сознательно стремился спасти мафиозные торговые структуры в Узбекистане и Закавказье. Просто они его не интересовали. Не случайно прекращение дела бухарских торговцев произошло после очередного инструктажа Гдлья в Москве⁶⁷. Группе под руководством Гдлья была доверена миссия нанесения сокрушительного удара по узбекскому чиновничьему клану.

Первый успех был особенно важен для Гдлья, поскольку это позволяло ему получить в дальнейшем чрезвычайные полномочия. После «выхода» на Бухарский обком в Москве решили, что Гдлян — как раз тот человек, который сможет «разворошить муравейник» узбекской номенклатуры. Генеральный прокурор СССР А.Рекунков замкнул работу группы на себя, наделив Гдлья экстраординарными возможностями. По мнению В.Илюхина, фактически Гдлян «командовал» даже начальником следственной части Прокуратуры СССР Каракозовым⁶⁸. Проверяющие впоследствии получили информацию о том, что санкции на арест Гдлян получал у местных прокуроров даже в тех случаях, когда не предоставлял предусмотренных доказательств вины подозреваемого. С всесильным посланником Москвы никто не хотел связываться — ведь маховик репрессий не обошел и органы юстиции Узбекистана⁶⁹.

«Правоохранительные» органы не владели действительно правовой методикой борьбы с коррупцией, когда доказательства в большинстве своем собираются до ареста подозреваемого. И потому им приходилось «создавать» доказательства, опираясь прежде всего на рабочую гипотезу: в условиях тотального характера коррупции практически любой руководитель нарушает закон (что было недалеко от истины в силу социальных условий). К.Майданюк утверждает: «Следователь может фамилии не знать, но заранее предполагает, какая должность откуда и что “черпает”. А раз так, то и доказательства найдутся. Возникает презумпция виновности, человека арестовывают, а уж потом... Отсюда — произвол, беззакония, ошибки»⁷⁰.

«В гдлянвской группе исходили из того, что в Узбекистане “все берут взятки и все их дают”. А коли так, то человека рассматривали только как источник информации, и ее надо было выколачивать любыми путями, — комментирует В.Илюхин. — Эта теория и явилась той базой, на которой строились массовые задержания и аресты невиновных граждан. Действовали по принципу: “бей следственным ножом направо и налево, в кого-нибудь все равно попадешь, здесь все преступники, и твои поступки будут оправданы”. Обвиняемый Хикматов, оправданный потом Верховным судом Узбекистана, утверждал, что следователь Иванов сказал ему: “...Мы знаем, все узбеки — взяточники”»⁷¹. Гдлян подтверждает, что уже расследование в Бухарской области привело следователей к выводу о том, что в системе коррупции участвует почти все общество⁷².

По мнению Н.Иванова, узбеков сделала взяточниками социальная система: «У узбеков обычно очень большие семьи, детей — человек восемь, десять, двенадцать. Религиозных обрядов — великое множество, и соблюдать их нужно неукоснительно. Сопровождаются многие обряды празднествами, застольями, которые также обязательны для каждой семьи, считающейся добропорядочной. И получается: чтобы совершить, скажем, обряд обрезания у мальчика или выдать дочь замуж, вся семья вынуждена год жить впроголодь. А уровень оплаты труда вынуждает искать источники дополнительных доходов. Большинство населения живет не просто в бедности, а в нищете, да еще и плен традиций, как я уже говорил, необходимость соблюдать обычаи, условности. Все это ставит узбеков в положение людей, которыми легко управлять. В народе укоренились прекрасные сами по себе этические установки, которые, однако, в определенных условиях могут стать источником человеческой трагедии. Например — почитание старших. Казалось бы, нам всем этому следует только поучиться. Но под понятием «старший» подразумевается не только человек в годах. Это еще и тот, кто облечен властью. Скажем, безусый мальчишка, надевший милицмейскую форму — старший по отношению к старику-дедханину, не нажившему за долгую трудовую жизнь ни денег, ни должности... Старший — это власть. И неважно, как ты называешься: бригадир ли, председатель колхоза или секретарь райкома. При этом старший обязательно должен получать от нижестоящего кое-что посущественнее простого уважения... Коррупцированность стала неотъемлемой чертой общества. Она легла на сдобренную почву... Любой секретарь райкома, который посмел бы отказаться от приписок, был бы тут же изгнан. И... осужден. За те же приписки, что сделал раньше. Ведь практически любого руководителя можно было поймать на этом или задержать с поличным за взятку»⁷³. На уровне схемы эти рассуждения оправданы — традиционное общество способствует распространению коррупции, которая воспринимается как неформальный налог. Однако структура коррупции могла быть сложнее простой пирамиды от каждого работника до ЦК КПУ. Но следователи не стали вдаваться в такие тонкости. Перед ними встала иная проблема: «закон, рассчитанный на отдельные правонарушения, совершенно не учитывал ситуаций, при которых в разряд преступников попадали сразу миллионы людей. Как поступить в данном случае? Не ограждать же колючей проволокой целую республику, не строить же лагеря»⁷⁴. Все виновны, но посадить следует десятки людей. Таким образом, преследования приобретали произвольный характер. Следователей интересовали только люди, которые могли вывести их на ЦК КПУ, который они сочли «штабом мафии». В этом выводе была своя логика, естественная для человека, воспитанного в СССР: за все в республике должен отвечать ЦК Компартии. ЦК — организатор всех социальных явлений. Если социальное явление признано законом преступным, значит преступен ЦК КПУ. Теперь оставалось только найти доказательства. Для этого нужно было «пройти» цепочку от уже арестованных людей до руководства Узбекистана.

В Москве не могли не видеть, куда метит Гдлян, но ЦК КПСС дало следователю широкие полномочия. Пока Гдлян работает, никто в Узбекистане не станет перечить реформаторам.

Усиливалось давление на Узбекскую парторганизацию и по партийной линии. По инициативе завсектора среднеазиатских республик Г.Смирнова и с одобрения Андропова Лигачев провел жесткую беседу с Рашидовым⁷⁵. Через два месяца, 31 октября 1983 г., хозяин Узбекистана скорострительно скончался. Но, несмотря на его смерть, узбекские владыки были еще достаточно сильны, чтобы оказать сопротивление десанту прокуратуры СССР и КГБ в республику.

Дела меньшего масштаба, связанные прежде всего со злоупотреблениями в торговле, начались и в России — были арестованы директор «Елисейевского» магазина (гастронома № 1) в Москве Ю.Соколов и его сотрудники. По утверждению замминистра внешней торговли В.Сушкова, расследование его дела велось с нарушениями норм законности. Это подтверждается и процессом частичного пересмотра дела Соколова, начавшимся в 1995 г.⁷⁶ В ноябре 1983 г. Соколова, которому обещали мягкий приговор в случае сотрудничества со следствием, расстреляли. Директор гастронома № 2 застрелился сам. В 1983 количество арестов в московской торговой сети исчислялись уже десятками. По делу Главторга проходили сотни сотрудников. Начались аресты в Ростовской области, в Одессе, Краснодарском крае и других регионах.

В августе 1983 г. министр внутренних дел В.Федорчук сообщал о разоблачении злоупотреблений на транспорте: *«в итоге умелых действий оперативных работников МВД СССР разоблачена группа взяточников во главе с начальником ревизионного отдела Министерства путей сообщения Путинцевым и его заместителем Берченко, которые вместе с сообщниками привлечены к уголовной ответственности... Велики приписки на транспорте. На иных из проверяемых объектов они достигают 40 процентов. В подмосковном Ногинске, например, за счет систематических приписок списано за три года с подотчета одного из водителей 36 тысяч литров бензина и ему незаконно выписано 11 тысяч рублей, а служащие автопредприятия получили 80 тысяч “премиальных”. В прошлом году госавтоинспекция выявила значительное количество грузовиков с неработающими спидометрами.*

*Немало расхищается железнодорожных грузов, причем зачастую самим работниками транспорта. На станции Курск группа машинистов и их помощников совершила несколько краж на общую сумму более чем 93 тысячи рублей, а бывший начальник грузового двора станции Самтредиа (Грузинская ССР) похитил 1300 мешков сахара»*⁷⁷. Конечно, сообщение о поимке расхитителя сахара могло вызвать интерес публики, но наибольший энтузиазм возникал все же при разоблачении высокопоставленных чиновников. Однако кампания против взяточничества, приписок и расхищений не была вызвана только пропагандистскими целями.

Центральная номенклатура не могла смириться с тем, что средства, предназначенные для общегосударственных задач, уходят в карманы под-

чиненных. Обозначившееся в период брежневского правления стремление номенклатуры перекачать власть в собственность противоречило устремлениям правящей олигархии, распоряжавшейся народным хозяйством в целом.

Одновременно с чисткой Андропов усиливал нажим и на всю толщу бюрократии. Чтобы сохранить место, чиновник должен был «крутиться». 7 апреля было принято постановление ЦК, затруднявшее корректировку плана и лоббирование ведомств в плановых органах⁷⁸. В июле 1983 г., когда в ряде отраслей произошел очередной экономический «сбой» — отставание от плановых показателей (как считали многие хозяйственники — нереальных), Андропов устроил «разнос» на Политбюро: «Почему же сейчас сбой? Нужно прекратить демобилизующие разговоры о невыполнимости плана второго полугодия и года... Требуется конкретная работа. Какая? Это дело Совмина, Госплана, Госснаба, министров... Не дело Политбюро заниматься частностями, водить вас за руку»⁷⁹. Как хотите, так и выкручивайтесь. Политическое руководство не знало, как конкретно добиться выполнения поставленных им планов. Об этом голова должна болеть у хозяйственников, если они хотят сохранить место. Универсальным решением подобных проблем Андропов считал подтягивание дисциплины: «Дела идут плохо, а руководители министерств, отраслей в отпусках, лето — самая лучшая пора! Отозвать немедленно тех, у кого плохо идут дела. Повышение дисциплины, ответственности, это, прошу учесть, не кампания, это постоянные факторы. Предупреждаю всех! Кто сорвет планы — будет объясняться в ЦК. Посмотрим, надо ли держать такого министра»⁸⁰. Показатели после этого поползли вверх. Какую роль в этом сыграли приписки — сказать сегодня трудно.

Андроповский нажим на бюрократию, крупнейший со сталинских времен, показал чиновникам, что их связь с собственностью неустойчива, что в любой момент они могут быть выброшены из правящей элиты. Это усилило готовность бюрократии к системным переменам и расширило социальную базу реформистской группировки.

4. Рождение ускорения (1983 г.)

Возможно, Генсек понимал всю опасность перестройки бюрократии в номенклатурную буржуазию. Таким образом, перед режимом необыкновенно остро встала задача — осуществить скачок НТР, не меняя форму социального господства. Для осуществления этой задачи нужен был постоянный мозговой штурм. Андропов пытался активизировать интеллектуальную деятельность «коллективного мозга партии» Политбюро: *«В последние годы при Брежневе заседания Политбюро были короткими, скоротечными — всего лишь за час, а то и за сорок минут принимали заранее подготовленные решения и разъезжались. При Андропове высшее политическое руководство начало работать в полную силу, обсуждения длились часами. Переывов не было, обычно довольствовались бутербродами и чаем»*⁸¹.

Но умственные способности престарелой части Политбюро уже изрядно поизносились. На заседаниях геронтократов приходилось скорее уговаривать принять то или иное решение. Поэтому Андропов предпочитал принимать решения лично, проводя частные совещания с нужными руководителями: *«Он держал в руках такие ключевые вопросы, как соотношение между темпами роста производительности труда и зарплаты, сбалансированность между товарной массой и доходами населения, — вспоминает Е.Лигачев. — Для него это были вопросы большой политики...»*

Обычно Юрий Владимирович начинал так:

— Расскажи-ка, Егор Кузьмич, где мы находимся... А потом добавлял:

«Давайте погоняем эту проблему.»

И мы основательно «гоняли» ту или иную проблему, одновременно гоня чай с сушками»⁸².

Такие «мозговые штурмы» были для Андропова важным источником идей. Роль советников при новом Генсеке заметно снизилась. Решающее участие в этих совещаниях играли хозяева военно-промышленных и внешнеполитического ведомств Устинов, Громыко и Романов. Но особое значение приобретает фигура Горбачева. Молодой, но уже достаточно влиятельный, богатый на идеи член Политбюро становится практически правой рукой Андропова. «После пленума ЦК, избравшего Андропова генсеком, М.С.Горбачев ходил веселый и торжественный, как будто избрали его, — вспоминал его помощник В.Болдин. — А вечером, когда я зашел к нему с документами, не удержался и сказал:

— Ведь мы с Юрием Владимировичем старые друзья, семьями дружим. У нас было много доверительных разговоров, и наши позиции совпадают»⁸³.

Благополучная пора в жизни Горбачева. Как это не покажется странным, Горбачев был человеком команды. Этому способствовали и базовые черты его крестьянского характера, и номенклатурная выучка. Ему нужен был лидер и автономия. Андропов предоставлял и то, и другое в рамках разумного патернализма. Это возвращение патернализма на уровне «человека идейного» помогло Горбачеву раскрыться. Тем более, что в команде Политбюро он, по-видимому, был единственным «человеком идейным» (Андропов и Громыко по-видимому уже пережили эту фазу и вступили в следующую).

Теперь Горбачев мог не только выдвигать идеи, но и отстаивать их, добиваться воплощения в жизнь. Он был очень работоспособен. По воспоминаниям Лигачева, «Горбачев в те годы был единственным членом Политбюро, которого можно было застать на рабочем месте до позднего вечера». По словам его помощника, «Горбачев читал множество записок и справок, различные документы и в то же время помнил десятки статистических данных. Неплохо оперировал всем, что слышал от ученых и специалистов»⁸⁴. Андропов рекомендовал Горбачеву «не замыкаться на сельском хозяйстве, поактивней подключаться к вопросам общей экономики»⁸⁵. Для разработки этих вопросов нужен был интеллектуальный центр. Еще в 1981 г. Горбачев начал собирать ученых и специалистов различных ведомств и советоваться

с ними по различным, не только аграрным, вопросам⁸⁶. Горбачев и Рыжков стали проводить частые совещания в ЦК, на которых обсуждалась модель предстоящей экономической реформы. В команду экономистов, участвовавших в этих обсуждениях входили интеллектуалы-«шестидесятники» — академики А.Аганбегян, А.Арбатов, В.Тихонов, О.Богомолов, Т.Заславская, доктора наук Л.Абалкин, С.Ситарян, Р.Белоусов, Е.Петраков и др.⁸⁷

АГАНБЕГЯН Абел Гезович

1932 г. рождения. Закончил Московский государственный экономический институт. В 1955—1961 гг. работал в Государственном комитете Совета Министров по вопросам труда и заработной платы, в 1961—1966 гг. — заведующим лабораторией Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, в 1967—1980 гг. — директором этого института. В 1967—1985 — член Президиума Сибирского отделения АН СССР. Участвовал в организации дискуссий ученых Новосибирска, в которых с критических позиций обсуждался сложившийся в стране экономический механизм.

В 1985—1988 гг. — ведущий консультант Горбачева по вопросам экономики, теоретик концепции «ускорения». В 1987—1989 гг. — академик-секретарь Сибирского отделения АН, член Президиума АН СССР. С 1989 — ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. В 1990 г. возглавлял работу по синтезу программ выхода из экономического кризиса, предложенных группами С.Шаталина и Л.Абалкина.

Автор книги «Сибирь не понаслышке».

Впоследствии — председатель Комиссии по изучению производительных сил и природных ресурсов РАН, председатель правления российско-швейцарского совместного предприятия «Линк», вице-президент Международной экономической ассоциации. Занимается бизнесом⁸⁸.

АРБАТОВ Георгий Аркадиевич

1923 г. рождения. Воевал. Войну закончил помощником начальника штаба минометного полка. Член КПСС в 1943—1991 гг. Закончил Московский государственный институт международных отношений, доктор исторических наук, профессор. Работал научным редактором издательства «Иностранная литература», замзавотделом журнала «Вопросы философии», завотделом журнала «Новое время», редактором-консультантом журнала «Коммунист», замзавотделом и обозревателем журнала «Проблемы мира и социализма». В 1962—1964 гг. — завсектором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Ответственный консультант, завотделом, руководитель группы консультантов отдела ЦК КПСС (1964—1967 гг.) Академик. В 1969 г. назначен директором Института США и Канады. Консультировал Брежнева и Андропова по вопросам внешней политики и, по своей инициативе — культуры и экономики.

Член ЦК КПСС в 1981—1990 гг.

Народный депутат СССР в 1989—1991 гг. В 1991 г. — член высшего консультативно-координационного совета при председателе Верховного Совета

СССР. С 1992 г. — член Консультационного Совета при президенте СССР. Председатель Ассоциации содействия ООН.

Автор книг «Вступая в восьмидесятые» и «Затянувшееся выздоровление».

Награжден орденами Ленина (дважды), Октябрьской революции, Отечественной войны I степени, Трудового Красного знамени (дважды), Красной звезды и Знак почета⁸⁹.

ЗАСЛАВСКАЯ Татьяна Ивановна

1927 г. рождения. Закончила экономический факультет Московского государственного университета. В 1950—1963 гг. работала в АН СССР, в 1963—1986 гг. — в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН в Новосибирске. В 1968 г. — член-корреспондент АН СССР, в 1980 г. — академик.

В апреле 1983 г. выступила с докладом, критикующим экономический механизм СССР и алкоголизацию страны. Доклад попал на Запад и имел большой резонанс.

Руководя Советской социологической ассоциацией в 1986—1988 гг. способствовала развитию в стране неформальных движений, предоставляя статус их активистам и прикрытие — мероприятиям. Почетный президент Российской социологической ассоциации. В 1988—1992 — директор Всесоюзного центра изучения общественного мнения, затем руководитель отдела в нем.

Народный депутат СССР в 1989—1991 г.

Автор многочисленных работ по проблемам социологии.

Награждена орденами Трудового Красного знамени и Октябрьской революции, международными премиями⁹⁰.

ТИХОНОВ Владимир Александрович (1927—1994)

Воевал. Прослужил в армии до 1950 года. После демобилизации учился в Уральском государственном университете (УрГУ) на историко-филологическом факультете, который закончил в 1955 году по специальностям история и экономика. Три года после окончания университета учился в аспирантуре и работал ассистентом в УрГУ. В 1958 году защитил кандидатскую диссертацию по политэкономии и до 1964 года работал старшим преподавателем и доцентом в том же университете. С 1963 по 1965 год работал заведующим кафедрой политической экономии УрГУ и одновременно возглавлял Отдел экономических исследований Уральского филиала АН СССР.

В мае 1964 защитил докторскую диссертацию по теме «Экономические проблемы применения техники в сельском хозяйстве на современном этапе коммунистического строительства» и стал заведующим кафедры политэкономии в УГУ. В 1965 году основал в Москве Всесоюзный научно-исследовательский институт труда и управления в сельском хозяйстве и до 1972 годы был его директором.

В 1966 году стал членом-корреспондентом Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина (ВАСХНИЛ) по отделению экономики, а в 1974 — академиком ВАСХНИЛ. В 1972—1976 годах он был первым вице-президентом Сибирского отделения ВАСХНИЛ в Новосибирске. Вернувшись в

1976 году в Москву, возглавил отдел аграрных проблем в Институте экономики АН СССР, где проработал до 1986 года. В 1986—1994 гг. — заведующий кафедрой агробизнеса Академии народного хозяйства России при правительстве Российской Федерации (ранее при Совете Министров СССР). Занимался проблемами предпринимательства, и в 1988 году стал одним из авторов закона «О кооперации в СССР».

Имеет более 350 опубликованных работ, в том числе 34 самостоятельных издания.

В 1950—1990 гг. состоял в КПСС.

С 1989 года — Президент Союза объединенных кооперативов (СОК) СССР, а с мая 1992 года, когда СОК был преобразован в Лигу кооператоров и предпринимателей России — Президент Лиги. С 1989 г. член «Московской трибуны».

В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР, входил в Межрегиональную депутатскую группу, член ее КС. Депутат Государственной думы.

Награжден Орденом Трудового Красного Знамени и 14 медалями, а также вьетнамскими Золотым Орденом Труда 1-ой степени и медалью (за участие в 1979—1982 годах в подготовке экономических реформ во Вьетнаме)⁹¹.

БОГОМОЛОВ Олег Тимофеевич

1927 г. рождения. Закончил Институт внешней торговли Министерства внешней торговли. В 1949—1950 гг. работал консультантом Министерства внешней торговли. Член КПСС в 1950—1990 гг. Закончил аспирантуру Института внешней торговли и работал преподавателем в этом институте в 1950—1954 гг. В 1954—1962 гг. работал старшим референтом секретариата совета экономической взаимопомощи, завсектором научно-исследовательского экономического института Госплана. В 1962—1969 гг. — консультант отдела ЦК КПСС, заведующий консультантской группой аппарата ЦК. В 1967 г. также завкафедрой МГУ. В 1969 г. назначен директором Института мировой социалистической системы (с 1990 г. — Институт международных и политических исследований). В институте работало большое число «опальных» и «инакомыслящих» обществоведов, таких как Е.Амбарцумов, А.Бутенко, И.Клямкин, А.Мигранян, А.Ципко, Л.Шевцова, Г.Лисичкин, Н.Шмелев.

Народный депутат СССР в 1989—1991 гг.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени и Октябрьской революции⁹².

АБАЛКИН Леонид Иванович

1930 года рождения. В 1952 году окончил Московский институт народного хозяйства (МИНХ) им. Г.В.Плеханова, бухгалтер-экономист. Работал в сельскохозяйственном техникуме в г. Гусеве Калининградской области преподавателем, заместителем директора, директором.

Член КПСС с 1956 по 1991 год. С 1958 учился в аспирантуре Московского государственного экономического института. С 1961 года работал в МИНХе ассистентом, старшим преподавателем. В 1962 году защитил кандидатскую диссертацию. С 1966 года — заведующий кафедрой политической экономии.

Доцент. В 1971 году становится доктором экономических наук, в 1972 году — профессором.

С 1976 года — профессор, затем заведующий кафедрой основ управления социалистической экономикой Академии общественных наук (АОН) при ЦК КПСС, которая была «мозговым трестом» КПСС. В 1978—1986 годах руководил кафедрой политической экономики АОН. Автор ряда работ в области развития экономических аспектов теории развитого социализма. В 1984 году был избран членом-корреспондентом, в 1987 году — академиком АН СССР (в 1991 преобразована в Российскую АН). С 1986 года — директор Института экономики АН СССР, в 1988—1990 годах был членом Президиума АН СССР.

Автор большого числа работ по политической экономике: «Курсом ускорения», «Новый тип экономического мышления», «Перестройка: пути и проблемы», «Советское общество: революционное обновление», «Панорама экономической перестройки», «Трудный поворот к рынку». Во второй половине 80-х — начале 90-х годов под его редакцией несколькими изданиями вышли вузовские учебники политэкономии социализма и капитализма.

В 1988 г. делегат XIX конференции КПСС. В 1989 году был избран народным депутатом СССР от КПСС, но вскоре сложил с себя полномочия в связи с переходом в правительство. В 1989—1990 гг. заместитель председателя Совета министров — председатель государственной комиссии Совета министров по экономической реформе. В 1990—1991 гг. — член ЦК КПСС. В 1991 занимал пост советника Президента СССР⁹³.

ПЕТРАКОВ Николай Яковлевич

1937 года рождения. В 1959 году окончил экономический факультет Московского государственного университета (МГУ). С 1959 по 1961 год работал младшим научным сотрудником Научно-исследовательского института технико-экономических исследований Госкомитета СССР по химии (НИИТЭХИМ). С 1961 года работал младшим, затем старшим научным сотрудником Научно-исследовательского экономического института (НИЭИ) Госплана СССР, с 1965 года — заведующий лабораторией в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ) АН СССР. С 1981 по 1990 год — заместитель директора ЦЭМИ. В 1990 году назначен помощником Генерального секретаря ЦК КПСС (затем — помощником Президента СССР) по экономическим вопросам. С 1991 года — директор Института проблем рынка РАН.

В 1971 году защитил докторскую диссертацию. С 1972 года — профессор. Специалист по экономико-математическому моделированию, исследовал с этой точки зрения вопросы рыночного регулирования экономики — прежде всего через ценообразование. Автор большого числа публикаций по вопросам ценообразования, методологии оптимизации механизма функционирования экономики. Был одним из последовательных сторонников рынка и еще при Брежневке выдвигал предложения по реформированию экономики, за что неоднократно подвергался критике.

В 1984 году был избран членом-корреспондентом АН СССР. Член КПСС с 1964 по 1991 год.

Во второй половине 80-х гг. — советник Генерального секретаря ЦК КПСС, затем — Президент СССР. В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР. Академик АН СССР.

Создал независимый институт «Открытой экономики», занимающийся, в частности выработкой рекомендаций для зарубежного инвестирования.

Награжден орденом «Знак почета» (1987 год)⁹⁴.

Созданный Горбачевым и Рыжковым «мозговой трест» был призван нащупать основные направления экономических преобразований. «Считаю, — утверждал несколько лет спустя Н.Рыжков, — что истоки перестройки относятся к началу 1983 г., к тому времени, когда Андропов поручил нам — группе ответственных работников ЦК КПСС, в том числе мне и Горбачеву, подготовку принципиальных положений по экономической реформе»⁹⁵.

Но кроме выработки идеи необходимо было создать в аппарате атмосферу, благоприятную реформаторам. В отличие от Андропова, Романова и Лигачева, Горбачев пытался не столько напугать кадры, сколько связать их с собой: «Когда речь шла о назначениях, о выдвижениях, то с этой целью людей приглашал к себе Горбачев, именно он объявлял им приятную новость»⁹⁶. Но при этом Горбачев сохранял неприязнь к ведомственной бюрократии. Вспоминает А.Черняев, работавший тогда в аппарате ЦК: «Когда Горбачев стал вести иногда заседания Секретариата, те, кто по очереди из нас, замов, там бывали, возвращались в восторге: наконец-то появился умный и честный человек, озабоченный состоянием страны и готовый что-то делать. Особенно нравилось, как он “вызывал на ковер” министров, разоблачал их некомпетентность, близорукость, а то и обман, который стал обычной и простительной практикой. Но замечали и другое: оргвыводов даже в отношении явных бездельников и паразитов не следовало. Это, наверное, было бы превышением “компетенции”, Политбюро не поддержало бы»⁹⁷.

Второй эшелон кремлевских аппаратчиков в значительной своей части был готов поддержать антиведомственную политику Горбачева, которая тогда казалась синонимом компетентности и честности. В этом Горбачев мог чувствовать поддержку и значительной части директората, и интеллигенции, и, конечно, аграрной верхушки. О последней секретарь ЦК по сельскому хозяйству никогда не забывал. После прихода андроповского клана к власти Горбачев развернул новое наступление на сельскохозяйственные министерства. На места было дано негласное распоряжение обкомам потихоньку брать перерабатывающую промышленность в свои руки. Естественно, усиление аграрной верхушки представлялось как совершенствование социалистической демократии: «быстрому росту сельскохозяйственного производства... призваны служить новые полноправные демократичные органы управления, объединяющие усилия колхозов, совхозов и предприятий других отраслей»⁹⁸. В действительности господство партийных органов, недобровольный характер объединения и отсутствие рыночных механизмов во взаимоотношениях партнеров не оставляли места никакому демократизму.

Действия Горбачева помогли получить прочную опору в среде аграрной номенклатуры, но не могли остановить углубления аграрного кризиса. Основная энергия секретаря по сельскому хозяйству уходила в этот период на придворные комбинации — подбор кадров, подспудную борьбу с конкурентами, продумывание проблем, которые предлагал «погонять» Андропов. На сельское хозяйство времени оставалось мало. Здесь Горбачев принял на вооружение тактику оттяжек. Да, сейчас сельское хозяйство «по объективным причинам» не справляется с плановыми заданиями. Но это потому, что еще не приведены в действие «волшебные палочки», способные поправить дело — объединение агропромышленных ведомств и переход власти над перерабатывающими предприятиями в руки РАПО, упорядочение сельского хозяйства, усиление химизации (как будто мало уже отравили земель) и развитие мелиорации: «Ведь мелиорированные земли представляют собой особую ценность для страны. Именно на этих землях можно достичь гарантированного производства сельскохозяйственной продукции...»⁹⁹

Горбачев не говорит здесь прямо о повороте северных рек — волна недовольства этим проектом уже была заметна. Но всем, кто был в курсе проблемы, было ясно, о чем идет речь. ЦК не мог пойти навстречу противникам «проекта века», потому что отмена поворота ставила Горбачева перед необходимостью отвечать за провалы в сельском хозяйстве, когда уже нельзя бесконечно ссылаться на будущие свершения. Ситуация изменилась лишь в 1985 г., когда Горбачев перестал, наконец, нести непосредственную ответственность за состояние дел в аграрном секторе. А пока он продолжал выдвигать новаторские идеи, предлагать более широкое развитие на селе хозрасчетных отношений, названных «коллективным подрядом»¹⁰⁰.

Своим аграрным профилем Горбачев тяготился и до 1985 г. Его тянуло к более глобальным проблемам. Попытки Горбачева, который теперь иногда вел Секретариат ЦК, вмешиваться в дела «чужих епархий» вызывали сопротивление. Главным оппонентом Горбачева был Тихонов. Премьер ревниво оберегал экономическую сферу от вторжений извне. «Давайте так, — сказал он в те дни Юрию Владимировичу, — ты хорошо знаешь административные органы, идеологию, внешнюю политику. А уж экономику я тебе обеспечу... — вспоминает Горбачев. — Но когда Андропов поручил мне, Рыжкову и Долгих составить перечень неотложных проблем, связанных с совершенствованием управления экономикой, планирования и расширения самостоятельности предприятий, Тихонов забеспокоился не на шутку»¹⁰¹. На заседании Политбюро 18 августа произошел конфликт: «Тихонов возмущен, что Секретариат ЦК, в частности Горбачев, уже не первый раз берет на себя хозяйственные вопросы. (Небольшая перепалка. Горбачев: «А что делать, если вы не решаете?») Тихонов: «Не пытайтесь работать по проблемам, в которых вы некомпетентны»¹⁰². Это столкновение было не случайным — промышленники как могли сопротивлялись установлению контроля за ними со стороны чисто партийных структур (и стоявших за ними реформистов, опиравшихся на «местнический» блок), признавая суверенитет только Политбюро. Андропов старался поддерживать равновесие сил в этой сфере. Он сказал Горбачеву:

— Михаил, я тебя прошу, сделай как-то так, чтобы не портить отношения с Тихоновым. Ты же понимаешь, как мне это сейчас важно¹⁰³.

Несмотря на подобные проблемы, Горбачев не упускал возможность развернуться в качестве теоретика. Даже рассуждая о сельскохозяйственной политике, он не забывает блеснуть какой-нибудь философской идеей, о роли человеческого фактора, например¹⁰⁴.

Время правления Андропова благоприятствовало активизации официальной философской мысли. Новый Генсек даже сделал сенсационное для того времени признание: *«если говорить откровенно, мы еще не изучили в должной степени общество, в котором живем и трудимся... Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, путем проб и ошибок»*¹⁰⁵.

Первая после прихода к власти попытка Андропова разобраться в вопросе «где мы?» была предпринята в статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР». Основная идея статьи, которая была замечена всеми, ставила крест на обещаниях скорого пришествия коммунизма, которые лишь дискредитировали официальную доктрину. Говоря о переходе к коммунизму в ходе совершенствования развитого социализма, Андропов заявил: *«Наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа, который, в свою очередь, будет, естественно, знать свои периоды, свои ступени роста»*¹⁰⁶. По утверждению Г.Корниенко, в частном порядке Андропов высказывался еще более радикально: *«по крайней мере дважды в моем присутствии он говорил примерно так: какой там, к черту, развитой социализм, нам до простого социализма еще пахать и пахать»*¹⁰⁷.

В.Печенев, работавший над текстом статьи, вспоминает: «Помню, как вернувшись однажды с Лубянки, В.В.Шарапов, который вместе со мной руководил работой над докладом, сказал мне, что Андропова очень заинтересовала эта мысль о длительности развитого социализма, о его собственных ступенях роста, и он спрашивает: нельзя ли найти где-либо подтверждения сформулированной мной идеи и соответствующую аргументацию?»¹⁰⁸ Коммунистический идеал отодвигался в необозримое будущее. Андропов призывает к большему прагматизму, к некоторой деидеологизации и осторожности: *«Идеологи буржуазии и реформизма по сей день толкуют, что реальность, мол, разошлась с идеалом. Но сознательно или по неведению упускают из виду, что сам Маркс, разрабатывая свое учение, меньше всего руководствовался требованиями некоего отвлеченного идеала, чистенького, приглаженного социализма»*¹⁰⁹. Сложившееся в СССР общество вовсе не обязательно подгонять под идеологические схемы. И форсировать социалистическую трансформацию общества не надо: *«Говоря о превращении “моего” в “наше” нельзя забывать, что это длительный, многоплановый процесс, который не следует упрощать»*¹¹⁰.

Более того. Андропов, который, конечно, сам определял ключевые положения статьи, подписанной его именем, сделал еще один заметный шаг по пути прагматизации идеологии: *«Концепция развитого социализма означает, что понадобится определенное время, чтобы подтянуть отстающие*

тылы и двинуться дальше. Нам надо трезво представлять, где мы находимся...»¹¹¹ Идея «подтягивания тылов» вполне соответствовала тактике «завинчивания гаек», в которой Андропов видел возможность получить дополнительные ресурсы перед броском НТР.

Но это был не единственный ресурс. *«Возрастает роль представительных органов в осуществлении главной, хозяйственно-организационной функции социалистического государства. Нельзя не отметить и такую, найденную самими массами первичную форму хозяйственного управления, какой стала хозрасчетная бригада. Разумеется, нам глубоко чужда такая трактовка самоуправления, которая тянет к анархо-синдикализму, к раздробленности общества на независимые друг от друга, конкурирующие между собой корпорации, к демократии без дисциплины, к пониманию прав без обязанностей»*¹¹².

Андропов понимал, какую опасность системе может нести самостоятельность трудовых коллективов, их рыночное соревнование. Но без определенной автономии производственных ячеек заставить работников проявлять необходимую инициативу было невозможно, и Андропов задумывается над возможностью создания экономической модели, напоминающей азиатскую деспотию — всевластие государственной машины в регулировании экономических отношений при некоторой автономии производственных коллективов.

Но как конкретно будет выглядеть новая экономическая модель, где грань между самоуправлением и управлением, которая позволит пробудить «творческий потенциал» производителя и в то же время не приведет к «анархо-синдикалистскому» своеволию. Для броска НТР нельзя было действовать «методом проб и ошибок», не зная общества, которым приходится управлять. Для прояснения ситуации Андропов привлекал научный потенциал Института социальных исследований, Экономико-математического института и других прагматически ориентированных учреждений. Советские ученые позволяли себе далеко идущие выводы. Один из документов, который был подготовлен в недрах Сибирской академии наук под руководством А.Аганбегяна и Т.Заславской, попал в руки Итальянской коммунистической партии и вызвал на Западе сенсацию. Новосибирский документ приходил к выводу, что советское общество *«представляет отныне устаревшую систему производственных отношений и управления народным хозяйством, порождающую постоянный спад производства, постепенную утрату заинтересованности трудящихся в результатах своего труда, неспособность обеспечить полное и адекватное использование трудового и умственного потенциала общества...»*

Процесс модернизации социалистических производственных отношений сложнее, чем это представлялось, так как существующую систему должны изменять социальные группы, занимающие довольно прочные позиции в системе и, следовательно, связанные с ней сильными интересами...» Необходимо «мобилизовать заинтересованные в изменениях группы и одновременно нейтрализовать группы, потенциально выступающие против реформ»¹¹³.

Для того, чтобы координировать эти опасные исследования, необходимы были достаточно опытные политики-интеллектуалы, втайне мечтавшие о «социализме с человеческим лицом». Одним из таких людей Горбачев «нашел» во время своего визита в Канаду в мае 1983 г. Это был посол А.Яковлев.

ЯКОВЛЕВ Александр Николаевич

1923 г. рождения. Во время войны командовал взводом морской пехоты. Уволен в запас по ранению, сделавшему его хромым на всю жизнь. «Да, воевать мне пришлось немного. И то считали, что я в рубашке родился. За это время состав взвода сменился полностью раз пять»¹¹⁴, — вспоминает А.Яковлев.

Вскоре после войны Яковлева пригласили на партийную работу. Начинать с инструктора в секторе печати обкома. В конце 40-х — начале 50-х гг. Яковлев курировал областную печать и сам работал в газете. «Считаю это время лучшим в моей жизни»¹¹⁵, — пишет он о последних годах сталинского правления.

В этот период взгляды Яковлева полностью укладывались в рамки официальной доктрины: «Наше же поколение бескомпромиссно верило в справедливость происходящего и прекрасное будущее... Но тогда я действительно верил!»¹¹⁶ Впрочем, такая вера достигалась сознательным подавлением собственных сомнений: «Но настоящая червоточинка... появилась, когда я увидел после войны отношение к нашим бывшим пленным. Стали возвращаться из Германии пленные — а их в лагеря. Вот с этим я смириться никак не мог. Было безмерно стыдно — я ведь знал, как попадали в плен»¹¹⁷.

После смерти Сталина Яковлев переходит на работу в центральный аппарат. Слышал доклад Хрущева о сталинских репрессиях, который глубоко повлиял на мировоззрение начинающего аппаратчика: «Помню, как мы спустились с балкона и в лицо друг другу не смотрели. То ли от чувства неожиданности, то ли от стыда или шока»¹¹⁷. Несмотря на это, по словам сотрудника аппарата Ф.Бурлацкого, «во времена Хрущева А.Яковлев имел твердую репутацию одного из самых ортодоксальных работников отдела пропаганды ЦК»¹¹⁸.

Партийная карьера Яковлева шла неровно — в 1956—1960 гг. ему даже пришлось оставить работу в аппарате ЦК. К 1973 г. Яковлев дослужился до поста замзавотделом пропаганды. Видимо, вершители чиновничьих судеб чувствовали его двоемыслие. Недаром в среде советников Яковлев пользовался репутацией «иезуитски умного» человека¹¹⁹. Во внутрипартийной борьбе он ориентировался на «пуристан», которые с помощью Яковлева поддерживали прессу, выступающую с разоблачениями некоторых злоупотреблений. Поддержка сверху позволяла Яковлеву претендовать на пост завотделом пропаганды, однако здесь он столкнулся с интересами советников Брежнева. Пользуясь тем, что Яковлев выступал против наиболее помпезных восхвалений Брежнева, которые в начале 70-х гг. еще не стали обыденным явлением (замзавотделом видел в этом подрыв репутации Генсека), советники настраивали против соперника руководство.

В 1972 г. Яковлев напечатал в «Литературной газете» статью «Против антиисторизма», в которой критиковал «славянофильские» взгляды с ортодоксальных позиций. Эта статья, видимо, повредила его репутации и среди

покровителей-«пуритан», настроенных «патриотически». Понимая, что карьера под угрозой, Яковлев вовремя согласился уйти на дипломатическую работу — в 1973—1983 гг. он работает послом в Канаде. Здесь Яковлев пишет статью «Динамизм и консерватизм — их адепты», в которой пытается с марксистских позиций осмыслить проблему прогресса и консерватизма.

Эта статья не была опубликована в СССР до 1990 г., что естественно, так как автор анализирует не столько зарубежный консерватизм, сколько отечественный: «Происходит метаморфоза: провозвестники бывшего нового остаются до конца его защитниками, упрямыми апологетами, не замечая появления нового, которое превращает бывших пророков динамизма в рутинных консерваторов, потерявших контакт, живую связь со временем, охваченных не только недоверием к новому, но и страхом перед переменами... Законы еще нерегулируемого капиталистического рынка, основанного на анархической конкуренции, стали вытеснять этику и нравственность из экономической жизни. Такого рода экономика оказалась равнодушной к интересам реального человека.

Теологию, абсолютизирующую технократизм и отторгающую этику и человека, взяв на вооружение и Сталин, что привело к кризисному варианту развития»¹²⁰. Но в 1983 г. Яковлев был слишком далеко от центров власти, чтобы как-нибудь влиять на изменение варианта развития страны.

Впоследствии А.Яковлев — директор Института мировой экономики и международных отношений (1983—1985 гг.), заведомо пропаганды ЦК КПСС (1985—1986 гг.), секретарь ЦК КПСС (1986—1990 гг.), член Политбюро ЦК КПСС (1987—1990 гг.), член Политсовета Движения демократических реформ (с 1991 г.), член совета Общественного телевидения (с 1995 г.).

Во время визита Горбачева в Канаду он имел длительную беседу с Яковлевым, которая привела к назначению бывшего посла директором одного из мозговых центров реформистов — Института мировой экономики и международных отношений. Андропов осторожно относился к Яковлеву и отвечал на заверения Горбачева в интеллектуальных способностях посла: «Это верно, голова у него есть, и даже не одна»¹²¹. На новом, научном посту Яковлева его «двомыслие» могло принести больше пользы, чем вреда, и Генсек согласился. Возвращение в Москву не изменило Яковлева. По наблюдению А.Черняева, он был «настроен по-прежнему зло, саркастически»¹²². Но такой человек и был нужен Горбачеву.

Во время поездки в Канаду Горбачев показал себя динамичным и острым политиком, выделявшимся на скучном фоне кремлевских старцев. Сопровождавший его заместитель министра внешней торговли В.Сушков вспоминал: «К чести Горбачева надо сказать — он умел прекрасно вести беседу. Я это заметил еще в Канаде. Представьте себе: человек первый раз попадает в капиталистический парламент и подвергается жесткой неприязненной атаке оппозиции. Наш глава делегации оказался на высоте... Говорил он легко, свободно, логично и, в отличие от Сулова и Брежнева, без всяких бумажек.

Два раза он спокойно ответил на нападки консервативного депутата, а на третий раз под аплодисменты процитировал известную на Востоке фра-

зу: «Собака лает, а караван идет вперед». На другой день газеты нарисовали Горбачева с караваном, а на обочине стояла лающая собака с головой сердитого депутата»¹²³.

Но если на Западе Горбачев демонстрировал убежденность в правильности пути социалистического «каравана», то возвращаясь в страну, молодой член Политбюро вынужден был погружаться в водоворот сложных проблем, которые пока не нашли решения. Очевидно, что Горбачев в этот период, как и вся андроповская верхушка, лучше осознавал, от чего следует избавиться, а не то, к чему следует прийти. Такое положение соответствовало политическому характеру Михаила Сергеевича, о котором его будущий помощник Г.Шахназаров писал так: *«По натуре и складу мышления Михаил Сергеевич — тактик и продвигался вперед в основном методом проб и ошибок. Он любит повторять девиз Наполеона: ввязаться в драку, а там посмотрим»*¹²⁴.

Однако и это понимание несовершенства общественного строя уже было немалым теоретическим достижением для номенклатуры. Сам Андропов поощрял упражнения в идеологии своего относительно молодого протеже, стремясь таким образом укрепить его авторитет в партии. Горбачеву было поручено читать доклад к юбилею Ленина. Прошлый такой доклад был ступенькой к власти самого Андропова.

Один из руководителей кремлевских спичрайтеров Г.Смирнов вспоминал, что Горбачев не захотел, чтобы доклад целиком писали за него, как это делалось всегда. «Он сразу же дал мне свои первоначальные заготовки. Самое заметное место в них занимали положения, относящиеся к последним ленинским работам. Докладчик хотел, чтобы прозвучала мысль о том, что Ленин в конце жизни намеревался переосмыслить сложившиеся представления о социализме. Однако эти задумки Михаила Сергеевича были осуществлены не полностью: помнится, что были какие-то рекомендации членов Политбюро сократить эти мотивы»¹²⁵. По тем временам обращение к последним ленинским статьям было довольно смелым решением. Мало того, что последние письма — одно из наиболее реалистичных творений вождя, результат поиска путей выхода из того состояния, в которое страну ввергла Гражданская война. В этих письмах затрагивается проблема сталинизма, сама по себе способная похоронить под своей тяжестью все идеологические конструкции номенклатуры. Несмотря на то, что Горбачев не упоминал о сталинизме, обращение к комплексу последних статей заставляло слушателей вспомнить также и об этой проблеме.

В последних письмах и статьях Ленин поставил практически все проблемы, которые придется решать архитекторам Перестройки в начальный ее период — индустриальный скачок, деbüroкратизация, кооперативное движение, сочетание государственного регулирования с широким развитием товарно-денежных отношений. По существу, в своих последних статьях Ленин дал как раз ту конструктивную программу, которой так не хватало андроповской группировке. Однако эта программа была заимствована у социалистических противников большевиков и потому была сформулирована Лениным бегло и абстрактно. Он лишь наметил направление теорети-

ческого поиска. Недаром Горбачева продолжают мучить те же вопросы, на которые не удалось ответить руководителям нэповской России: «*В особенности это касается такого важного вопроса управления, как определение оптимального сочетания централизованного планирования и хозяйственной самостоятельности предприятий, местных органов, их инициативы и предприимчивости с экономической ответственностью перед обществом*»¹²⁶. Несмотря на смелый замысел, апрельская речь в целом не удалась Горбачеву. Он не смог преодолеть аграрного «флюса», возникшего из-за желания выпятить роль своего ведомства. Это не способствовало успеху Горбачева-теоретика.

Подконтрольные Горбачеву службы продолжали проталкивать идеологические новации и в дальнейшем. Так, министр сельского хозяйства В.Месяц впервые употребил в августе 1983 г. слово «перестройка» в качестве самостоятельного термина: «*Темпы, качество полевых работ ныне лучше прошлых годов. Это во многом — плоды перестройки*»¹²⁷. Такие слова выглядели бы банальностью в 1986 г., но сказаны они были за три года до того. Аграрии прощупывали почву для Горбачева.

А пока роль главного идеолога берет на себя второй по силе человек в партии — Черненко. Находившийся в тени с начала 1983 г., Черненко в июне властно выходит на политическую арену. Первые полгода андроповского правления он с успехом использовал для укрепления своей кадровой базы — изрядно напуганного клана Брежнева. Не потеряны и прочные связи в узкой касте Политбюро. На июньском идеологическом пленуме, который должен был ответить на вопрос Андропова — где же мы все-таки находимся? — Черненко играет центральную роль, что нельзя сказать не только о Горбачеве, но и о самом Генсеке. Напрасными были и надежды Горбачева на то, «что Черненко предложит мне, как минимум, принять участие в окончательной доработке его выступления»¹²⁸.

Советники Черненко потрудились на славу. Закрепив основные «теоретические достижения» Андропова, Черненко дал всестороннюю картину официального взгляда на общество, в которой содержалось несколько положений, ставших привычными только в период Перестройки. Оратор поставил перед присутствующими задачу «революционного обновления общества», заявил, что национальный вопрос еще рано снимать с повестки дня, призвал к веротерпимости и произнес настоящий панегирик в защиту гласности: «*Гласность, открытое обсуждение успехов и промахов, участие руководителей всех рангов в политико-воспитательной работе, создают тот общественный климат, в котором люди хорошо трудятся*»¹²⁹.

Несмотря на прочность политических позиций Андропова, июньский Пленум показал, что правление нового Генсека будет недолгим: «он говорил, часто запинаясь, перебирая текст (что было ясно видно) старчески дрожащими руками»¹³⁰. Силы на глазах оставляли грозного владыку, хотя абсолютная власть его была неприкосновенной. Андропов мог даже прервать доклад Черненко, чтобы напомнить «разболтавшимся» партийцам о всевидящем оке КГБ: «*Шло все рутинно, как вдруг, в том месте доклада Черненко, где речь шла о контрпропагандистской работе, о “необходимо-*

сти давать принципиальную, партийную оценку действиям тех лиц, которые сознательно или несознательно, что называется, поют с чужого голоса, распространяя всякого рода сплетни и слухи”, — Андропов прервал его. И при гробовом молчании удивленного зала жестко сказал примерно следующее: “Да, кстати. Мне известно, что в этом зале находятся люди, которые позволяют себе в беседах с иностранцами распространять ненужную и вредную для нас информацию. Я не буду сейчас называть фамилии — товарищи сами знают, кого я имею в виду. И пусть они запомнят — это последнее предупреждение им”...

Черненко невозмутимо выслушал эту реплику и продолжал чтение своего доклада», — вспоминает В.Печенев¹³¹. О другом шаге Андропова на этом пленуме рассказывает Горбачев: «По мере того, как Константин Устинович с большим трудом продирался сквозь зиянинскую схоластику, лицо Юрия Владимировича мрачнело. В какой-то момент он подозвал меня и сказал:

— После перерыва садись сюда, будешь председательствовать.

Надо знать, что это означало в те времена, чтобы понять, сколь тяжелым был удар для Черненко. Он сидел после перерыва в стороне, не слушая прений¹³². Все же докладчик спокойно воспринимал бестактности самодержца. Болезнь Генсека с точностью математического закона приближала Черненко к трону.

Правда, после пленума произошел инцидент, который серьезно подорвал здоровье «человека № 2». В отпуске в Крыму Федорчук угостил Черненко ставридой собственного копчения. Вскоре член Политбюро был госпитализирован с диагнозом «вирусная инфекция». Именно после этого случая Черненко превратился в разбитого болезнью старца, каким его и запомнили миллионы людей. Обращая внимание на странность этого происшествия, помощник Черненко В.Прибытков пишет: «Ну и дела! Все члены семьи живы и здоровы. У Анны Дмитриевны ни малейших признаков недомогания. А Константин Устинович в кремлевской реанимации. Просто удивительная ставрида “точечного бомбометания”»¹³³. Помощник Лигачева Легостаев считает, что имело место покушение, организованное КГБ с целью расчистить путь к власти Горбачеву¹³⁴. Однако именно тот факт, что ставрида не вызвала отравления у других людей, которые ее ели, показывает, что подарок Федорчука скорее всего не был причиной болезни. Все это ослабляет версию о покушении. Нет никаких доказательств причастности к этим событиям Горбачева. Черненко мог мешать многим. Но в любом случае работа в высших эшелонах власти плохо сказывается на здоровье.

Андропов, который сам был тяжело болен, воспользовался болезнью главного идеолога для выдвижения новых людей. В ноябре 1983 г. сделать идеологический доклад к годовщине октябрьской революции было поручено уже не Черненко или Горбачеву, а Романову. Доклад оборонного секретаря был выдержан в прагматических тонах, и некоторые его мысли звучали просто еретически: «Вместе с тем после победы Октября он (Ленин — А.Ш.) не устал подчеркивать, что мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически»¹³⁵. Можно подумать, что Ленин в каких-

то ситуациях высказывался против коммунизма под предлогом его экономической необоснованности. Но после того, как Андропов «отодвинул» коммунизм в неопределенное будущее, такая мысль (тем более с неконкретной ссылкой на Ленина) звучала вполне оправданно. Красной нитью сквозь всю историю СССР в изложении Романова проходит техническая мощь страны, отраслей, «определяющих научно-технический прогресс». Педалирование этой темы в идеологическом докладе выглядело уместней, чем «аграрный флюс» в апрельской речи Горбачева. Романов здесь занимал более выгодные позиции. Но некоторые пассажи его речи, вполне созвучные курсу Андропова, не могли не обеспокоить аппаратную массу: «упрощение и удешевление аппарата, его укрепление компетентными кадрами, способными с полной отдачей действовать в условиях научно-технической революции, повышение уровня работы всей системы управления по-прежнему остаются актуальными»¹³⁶. Реорганизация управления как условие осуществления научно-технического рывка не было открытием Романова, но в его устах эта формула была высказана предельно ясно.

Андроповцам казалось, что они уже научились, выражаясь словами новосибирских академиков, «нейтрализовывать группы», выступающие против их политики (вряд ли они осознавали себя представителями социального слоя, в целом противостоящего серьезным преобразованиям). Но вот с «мобилизацией заинтересованных в изменениях групп» дело обстояло сложнее. Приходилось учитывать опасность того, что джинн социальных интересов, выпущенный из бутылки, уже не будет контролироваться властями (не случайно упоминание Андроповым анархо-синдикалистской угрозы, которая, как казалось в 70-е гг., потеряла актуальность еще в 1921 г.). И все же в осторожной форме Андропов следует и этому совету социологов. Уже в своей статье о Марксе он позволяет себе положительно отзываться о самоуправлении — механизме преодоления отчуждения труженика от средств производства, который прежде критиковался как мелкобуржуазный. Большие надежды возлагались на активизацию производственных совещаний — своего рода «кружков качества», призванных находить новые технологические возможности и внедрять их в производство¹³⁷. Но для этого тружеников нужно было как-то заинтересовать в технологических инновациях.

Уровень предприятия Андропов считал пока оптимальным для экспериментов и реформ, о чем говорил на Политбюро¹³⁸. В этом осторожном подходе была одна уязвимая сторона — законы микроэкономики и макроэкономики различны, и то, что хорошо показало себя на уровне предприятия, может привести к печальным последствиям в масштабе всего общества.

17 июня 1983 г. был принят Закон о трудовых коллективах. Им позволялось теперь участвовать в обсуждении планов, коллективных договоров, определении принципов расходования фондов оплаты труда. Голос трудовых коллективов в большинстве случаев определялся как совещательный. Предполагалось, что в ходе обсуждений может проявляться инициатива людей, новые идеи (подобно тому, как в Японии это происходило при работе также совещательных «кружков качества»). Однако конкретный меха-

низм реализации даже совещательных прав коллективов не был отработан. Закон гласил: «Полномочия трудовых коллективов осуществляются непосредственно общими собраниями (конференциями) трудовых коллективов, предприятий, учреждений, организаций»¹³⁹. Понятно, что в условиях абсолютного господства администрации на предприятии конференция будет полностью находиться в руках директора. Тем более, что в перерывах между собраниями и конференциями полномочия коллектива поручалось реализовывать администрации, парткому, профкому и комсомольской организации. Таким образом, закон о трудовых коллективах предоставлял дополнительные полномочия уже существующим на предприятии органам управления, не создавая институтов самоуправления. Интересно, что Горбачев при обсуждении проекта закона на Политбюро осторожно высказался против него из-за очевидной мертворожденности этого акта. В дальнейшем реформаторы продолжали проявлять осторожность к изменению производственной микроструктуры, рекомендуя действовать «без лишней поспешности»¹⁴⁰.

Принятое 14 июля 1983 г. постановление правительства «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы» несколько расширило права руководителей предприятий в расходовании фондов (прежде всего — фонда развития производства и фонда развития науки и техники) и усиливали зависимость зарплаты от реализации продукции.

Чтобы не рисковать, реформы решили сначала опробовать в широкомасштабном эксперименте. С 1 января 1984 г. на новые условия работы перевели министерства тяжелого и транспортного машиностроения и электротехнической промышленности, а также республиканские министерства пищевой (Украина), легкой (Белоруссия) и местной (Литва) промышленности (всего около 700 предприятий, а затем 1850 предприятий). Здесь вводился частичный хозрасчет, некоторая самостоятельность предприятий и объединений в формировании планов, ограниченное число контрольных показателей и (экспериментировать — так экспериментировать) сюда в приоритетном порядке направлялись ресурсы. Поступление средств, которые направлялись в фонды предприятий, ставилось в зависимость от выполнения ими контрольных нормативов. Устанавливалась дополнительная ответственность предприятий за выполнение договорных обязательств, но зато администрация получала широкую автономию внутри предприятия¹⁴¹.

1 февраля 1983 г. была проведена скромная «подстройка» цен под рынок — были повышены цены на продукты, находившие спрос, и снижены — на те, что пылились на полках. В апреле 1983 г. прошло совещание в ЦК, на котором обсуждались возможности поддержки подсобных участков и личных приусадебных и подсобных хозяйств. В условиях монопольной экономики эти подвижки были весьма скромными, но само направление государственной мысли достаточно симптоматично. О направлении дальнейших преобразованиях, задуманных Андроповым, сообщает Н.Рыжков: «Его интересовали проблемы хозяйственного расчета и самостоятельности пред-

приятый, концессий и кооперативов, совместных предприятий и акционерных обществ. Помню, он поручил нам подобрать все, что у нас написано о концессиях и совместных предприятиях»¹⁴². Таким образом, речь шла о возвращении к политике НЭПа 20-х гг., включая допуск иностранного капитала к разработке ресурсов страны. «Нэпманские» мотивы звучали и в словах Горбачева. Руководитель Отдела науки и учебных заведений ЦК В.Медведев пишет: «Я вспоминаю, что именно тогда обговаривались идеи применения принципа продналога между центром и регионами по продовольственным вопросам, о необходимости большей свободы хозяйства...»¹⁴³ Путем осторожного «освобождения инициативы», использования иностранных капиталов и технологий Андропов и его команда надеялись решить проблему нехватки ресурсов и технического отставания, с которой столкнулась отечественная экономика. Впрочем 28 июля, через две недели после постановления «по расширению прав» было принято постановление «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда», в котором говорилось: «Неспособность руководителя обеспечить надлежащую дисциплину труда на полученном участке работы должна расцениваться как несоответствие занимаемой должности»¹⁴⁴. Одновременно постановление запрещало проведение в рабочее время «различных собраний»¹⁴⁵, которые, таким образом, переносились на свободное время работника. 18 августа «пакет» решений дополнился постановлением «О мерах по ускорению научно-технического прогресса», которое предписывало снимать с производства изделия, которые не пройдут аттестацию по высшей либо первой категории качества¹⁴⁶.

Г.Шахназаров, который вел более-менее откровенные беседы с Андроповым в 60-е гг., вспоминал о таких его словах: «Машина, грубо говоря, поизносилась, ей нужен ремонт... Может быть и капитальный, но не ломать устои, они себя оправдали... Начинать надо с экономики. Вот когда люди почувствуют, что жизнь становится лучше, тогда можно постепенно и узду ослабить, дать больше воздуха. Но и здесь нужна мера. Вы, интеллигентская братия, любите пошуметь: давай нам демократию, свободу! Но многого не знаете. Знали бы, сами были бы поаккуратней»¹⁴⁷.

1983 г. — год замораживания даже литературных дискуссий. «Гуманистическая волна в советской литературе с ее поисками национальных истоков и защитой общечеловеческих ценностей натолкнулась на рациональное мышление Андропова»¹⁴⁸, — комментирует И.Земцов.

Эта последовательность — сначала экономические, потом — осторожные политические преобразования, соблюдалась Горбачевым до 1988 г., когда под давлением экономического кризиса и вышедших на улицу людских масс лидер Перестройки был вынужден отступить от алгоритма Андропова.

5. Завещание Андропова (декабрь 1983 г. — февраль 1984 г.)

Рациональный интеллект Андропова продолжал диктовать свою волю стране даже тогда, когда самого Генсека стала одолевать смертельная болезнь. В августе 1983 г. увидело свет постановление ЦК и Совета министров «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве», предопределившее политику ускорения 1985—1986 гг. В 1985—1986 гг. планировалось произвести массивную модернизацию производства. Более того, было *«признано необходимым осуществить в 1985—1987 гг. перевод объединений, предприятий и организаций сельского хозяйства, строительства, транспорта, связи, геологии и материально-технического снабжения на хозрасчетную систему организации работ по созданию, освоению и внедрению новой техники»*¹⁴⁹. Кремлевские мечтатели всерьез собирались *«исходить из того, что в ближайшие годы промышленностью должен быть обеспечен выпуск продукции, отвечающий по своим показателям лучшим мировым образцам...»*¹⁵⁰

Пиком государственной мысли Андропова стал его доклад к декабрьскому 1983 г. Пленуму ЦК. Ко времени Пленума место Андропова на мавзолее уже давно занимал Черненко. После 1 сентября Генсек уже не вел Политбюро. Последнее заседание Политбюро, на котором присутствовал Андропов, было символическим — оно обсуждало производство самоходных колесных шасси и цветных телевизоров¹⁵¹. Ареопаг не упускал из поля зрения ни военную, ни гражданскую продукцию. В этот день стало известно о гибели южнокорейского самолета в водах Японского моря. Начинался новый виток холодной войны. После этого Генеральный секретарь отправился в отпуск, где простудился. Хрупкое здоровье Андропова не выдержало этого удара — болезнь стала смертельной. Дальнейшее руководство Андропов уже будет осуществлять из больницы. Черненко, недавно вернувшийся оттуда же, уверенно брал в руки рычаги управления — ведение Политбюро.

Активность Горбачева тоже была заметна, но его кадровая поддержка не шла ни в какое сравнение с черненковской. Горбачев в этот период реально мог претендовать лишь на роль человека № 2 в Политбюро. Только желанием поддержать Горбачева в достижении этого положения можно объяснить так называемое «завещание Андропова», возможно предложенное Андроповым руководителям партии в декабре 1983 г.

По воспоминаниям советника Андропова А.Вольского, закончив работу над материалами Пленума, Андропов сделал к ним приписку: *«По понятным вам причинам в ближайшее время я не смогу вести заседания Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. Поэтому я прошу рассмотреть вопрос о поручении вести заседания Политбюро и Секретариата ЦК М.С.Горбачеву»*¹⁵². Эта приписка по Вольскому означала ни много ни мало, как завещание.

Комментируя утверждения Вольского, бывший советник Черненко пишет: «мы, советские люди, естественно, остались в плену полумонархических представлений о том, что власть в государстве передается то ли по наследству, то ли по завещаниям наших правителей...

Я сомневаюсь... в том, что А.Вольский будто бы не знает, что сама по себе эта запись в тот период не могла сыграть сколько-нибудь решающей роли в назначении после смерти Андропова на должность Генсека М.С. Горбачева...»¹⁵³ Пытаясь теснее связать Андропова и Горбачева с помощью нехитрого сюжета с «завещанием», Вольский стремится заставить нас забыть о том, что монархия в СССР была все же не наследственной, а электоральной. В «конклаве кардиналов» Политбюро позиции Черненко после усиления болезни Андропова были непоколебимы. Приписывать подобные «завещательные» абзацы к такому документу, как доклад на Пленуме, было вообще бессмысленно — это совершенно разные жанры. Возможно, имела место записка в Политбюро, которая должна была укрепить авторитет Горбачева, но не более. Эту же цель могло преследовать пожелание Андропова о том, чтобы секретарь по сельскому хозяйству выступил с вступительной речью на пленуме¹⁵⁴. Все это должно было помочь Горбачеву в борьбе за второе место в партии.

В сентябре 1983 г. Горбачев уже оставался «на хозяйстве», но это было возможно лишь благодаря болезни Черненко, которому позднее «полегчало». Андропов рассматривал возможность отстранения Черненко от власти под предлогом болезни, но для этого, как и для дальнейшего укрепления позиций Горбачева, у Андропова не было времени. Поэтому реально он мог противопоставить Черненко только Устинова, которому в последние месяцы жизни и стал передоверять решение политических вопросов, относящихся к компетенции Генсека. Вопрос о том, кого Андропов мог бы реально сделать своим преемником, важен потому, что в конце 1983 г. Генеральный стал обсуждать вопрос о своем уходе с поста по болезни. В этом случае его голос имел бы значение при определении кандидатуры преемника¹⁵⁵. Но, учитывая слабое здоровье Устинова, эта альтернатива вряд ли имела бы долгосрочные последствия.

Доклад Андропова на декабрьском Пленуме, который был зачитан от его имени, представлял собой действительно политическое завещание умирающего владыки. В докладе сквозит тревожное ощущение. План 1984 г. «сбалансирован с определенным напряжением». Малейший сбой может разрушить всю инфраструктуру готовящейся модернизации. Отсюда ужесточение наказаний за нарушение плановых поставок, критика нерасторопности и пассивности плановых органов, попытки дать небольшой простор инициативе на местах с помощью паллиативных реформ и обещания, что результаты экономических экспериментов «послужат основой для подготовки соответствующих предложений в целом по народному хозяйству»¹⁵⁶.

Программа совершенствования механизма управления по Андропову должна была предусматривать: *«Совершенствование организационной структуры управления на всех уровнях и во всех звеньях народного хозяйства, включая четкое определение функций, прав и ответственности органов управления и предприятий, органическое сочетание интересов государства и трудовых коллективов; улучшение системы планирования... повышение эффективности... хозяйственного механизма, включая ценообразование, кредитно-*

*финансовую систему, методы оценки результатов хозяйственной деятельности и т. д.»*¹⁵⁷

Несмотря на абстрактность этих положений, за ними просматривается осознание необходимости экономической модернизации, осторожного расширения рыночных отношений в ходе грядущего «ускорения», укрепления их правовой базы. В этой связи приходится признать необоснованным мнение ряда исследователей о качественном различии курсов Андропова и раннего Горбачева. Так, М.Татю, считает: «Андропов сознавал необходимость изменений, но преобладающим методом ему представлялась большая дисциплина. Горбачевские реформы с самого начала приняли более широкий взгляд и соединили политические реформы с целями экономической модернизации»¹⁵⁸. Увы, подобной связки «с самого начала», то есть в 1985 г., у Горбачева не было, и он продолжал следовать андроповским курсом. Ключевое расхождение в политике Горбачева и Андропова проявится позднее. Во второй половине 80-х гг. все сильнее станет проявляться отсутствие у Горбачева черты Андропова, о которой писал лично знавший обоих Ф.Бурлацкий: «Если попытаться дать краткое определение позиций Андропова, то более всего подходит понятие, родившееся в новое время. Державник. Величие и могущество Советского Союза — вот что было основой его убеждений и политики, и те, кто хочет понять нынешних сторонников державных идей, должны вернуться к изучению характера, стиля, идеологии Андропова»¹⁵⁹. По сути эта концепция была консервативной, и реформы воспринимались в ней как вспомогательное средство сохранения могущества. Отсюда — слабость экономической программы Андропова, его недоумение по поводу того, «где мы находимся». Отказ от державной политики в конце 80-х гг. под давлением экономических проблем принес горькие плоды, но нет оснований утверждать, что плоды державной политики в этих условиях могли оказаться слаще.

Андропов (как и Горбачев до 1987 г.) возлагал надежды и на дисциплинарные способы «повышения эффективности общественного производства» — многосменная работа и партийный нажим на трудовые коллективы с целью «добиться сверхпланового повышения производительности труда, скажем, на 1% и снизить себестоимость продукции дополнительно на 0,5%»¹⁶⁰. На таком внеэкономическом принуждении страна должна была въехать в эпоху НТР. Впрочем, на короткое время остановить падение темпов валового прироста продукции на некоторое время удалось. Это позволило Г.Ханину сделать вывод о том, что «приход Андропова к руководству страны приостановил начавшийся кризис. Было даже достигнуто заметное увеличение объемов и эффективности производства»¹⁶¹.

После декабрьского Пленума Андропов уже никак не проявлял себя. Но политика его продолжалась. Ее продолжал и клан Черненко, не имевший альтернативной программы выхода из кризиса, и команда Андропова, значительно усилившаяся на Пленуме (Воротников, Соломенцев и Чебриков избраны в Политбюро, Лигачев — секретарем ЦК).

Андропов не только сформировал команду реформ, но и вооружил ее программой действий, которая будет выполняться и конкретизироваться пришедшей к власти частью этой команды вплоть до 1988 г.

Примечания

1. International Herald Tribune. 1982. November 17.
2. Прибытков В. Указ. соч. С. 152—153.
3. Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С. 138.
4. Материалы пленума ЦК КПСС 22 ноября 1982 г. М., 1983. С. 8.
5. Там же. С. 10.
6. Там же. С. 7.
7. Там же. С. 6—7.
8. Там же. С. 10.
9. Там же. С. 9, 11.
10. Воротников В.И. Указ. соч. С. 17.
11. Материалы... С. 22.
12. Горбачев М. Указ. соч. С. 224—228.
13. Бурлацкий Ф. Русские государи эпохи реформации. М., 1996. С. 360.
14. Шеварднадзе Э. Указ. соч. С. 45.
15. Там же. С. 67.
16. Алексеева Л. Указ. соч. С. 86.
17. Тимофеев Л. Указ. соч. С. 40.
18. Шеварднадзе Э. Указ. соч. С. 64.
19. Там же. С. 61.
20. Шеварднадзе Э. Указ. соч. С. 78.
21. Цит. по: Тимофеев Л. Указ. соч. С. 37. См. также: Правда. 1990. 1 декабря.
22. Ежегодник БСЭ. 1981. С. 565, соб. инф.
23. Алиев Г. Интервью в фильме «Вторая русская революция». ВВС. 1 серия.
24. Легостаев В. Когда пробил час великой измены // Правда. 1995. 10 марта.
25. Воротников В.И. Указ. соч. С. 23.
26. Печенев В. Горбачев: к вершинам власти. М., 1991. С. 51.
27. Рыжков Н. Перестройка: история предательства. М., 1992. С. 50.
28. Ежегодник БСЭ. 1981. С. 598—599, соб. инф.
29. Горбачев М. Указ. соч. С. 233.
30. Гришин В.В. Указ. соч. С. 66.
31. Ежегодник БСЭ. 1981. С. 573, Гришин В.В. Указ. соч. С. 79, 335.
32. Гришин В.В. Указ. соч. С. 328.
33. Там же. С. 270—271, 328.
34. Лигачев Е.К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992. С. 140—143.
35. Там же. С. 14.
36. Там же.
37. Горбачев М. Указ. соч. С. 227.
38. Там же.
39. Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 9.
40. Там же. С. 22.
41. Гришин В.В. Указ. соч. С. 70.
42. Земцов И. Указ. соч. С. 179.
43. Воротников В.И. Указ. соч. С. 13—14.

44. Арбатов Г.А. Указ. соч. С. 321.
45. Там же. С. 325—333.
46. Кисенишский И., Кисенишский М. Известные судебные процессы. Записки адвокатов-участников. М., 1993. С. 41—42.
47. Почему он ушел? // Известия. 1990. 23 марта.
48. Гдлян Т., Иванов Н. Кремлевское дело. М., 1994. С. 12.
49. Там же. С. 13.
50. Там же. С. 15.
51. Василевский А., Прибыловский В. Кто есть кто в российской политике (300 биографий). М., 1993. Т. 1. С. 138—139; Чайковская О. Миф // Литературная газета. 1989, 24 мая; Чайковская О. Государственная собственность // Континент. 1993. № 76; Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М., 1993. С. 189—190.
52. Почему он ушел? // Известия. 1990. 23 марта.
53. Гдлян Т., Додолев Е. Пирамида—1. М., 1990. С. 139—140.
54. Там же.
55. Там же.
56. Гуров А. Указ. соч. С. 204.
57. Илюхин В. Вожди и оборотни. Прерванное расследование. М., 1994. С. 26, 29, 30, 31. Работы В.Илюхина, Т.Гдльяна и Н.Иванова основаны на материалах «прерванных расследований» и в значительной своей части не подтверждены в судебном порядке. Дискуссия между этими следователями носит тенденциозный характер. Приводя их мнения, мы не солидаризируемся с ними в юридическом смысле слова, а предоставляем возможность читателю сделать вывод самостоятельно. Тем не менее воспоминания участников расследований, остановленных и разрушенных по политическим причинам, являются важным источником для понимания ситуации середины 80-х гг.
58. Там же. С. 29.
59. Там же. С. 149—150.
60. Там же. С. 152.
61. Там же. С. 151.
62. Иванов Н. Следователь из провинции. СПб., 1995. С. 111.
63. Там же. С. 108.
64. Илюхин В. Указ. соч. С. 153.
65. Иванов Н. Указ. соч.
66. Илюхин В. Указ. соч. С. 151.
67. Там же. С. 158—160.
68. Там же.
69. Почему он ушел?
70. Илюхин В. Указ. соч. С. 27.
71. Гдлян Т., Додолев Е. Указ. соч. С. 17, 219.
72. Иванов Н. Указ. соч. С. 102—106.
73. Там же. С. 106.
74. Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 171—178.
75. Сушков В. Заключенный по кличке «министр». М., 1995. С. 17; Федоткина Т. Показательная казнь // Московский комсомолец. 1995. 1 июня.
76. Федорчук В. На страже правопорядка // Правда. 1983. 10 августа.
77. КПСС в резолюциях... Т. 14. С. 408—409.
78. Воротников В.И. Указ. соч. С. 27.
79. Там же. С. 28.
80. Лигачев Е.К. С. 17.
81. Там же. С. 22.

82. Болдин В.И. Указ. соч. С. 44—45.
83. Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 8; Болдин В.И. Указ. соч. С. 34
84. Рыжков Н. Указ. соч. С. 41.
85. Болдин В.И. Указ. соч. С. 31.
86. Рыжков Н. Указ. соч. С. 46.
87. Кто есть кто в России и ближнем зарубежье. Справочник. М., 1993. С. 15 и соб. инф.
88. Там же. С. 43—44, Арбатов Г.А. Ук.соч.
89. Кто есть кто... С. 252—253, соб. инф.
90. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 3. С. 549—550.
91. Кто есть кто... С. 92—93.
92. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 1—2.
93. Там же. Т. 2. С. 415—416.
94. Ненашев М. Последнее правительство СССР. М., 1993. С. 23.
95. Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 21.
96. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 9.
97. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 387.
98. Там же. С. 371.
99. Там же. Т. 2. С. 356.
100. Горбачев М. Указ. соч. С. 233.
101. Воротников В.И. Указ. соч. С. 29.
102. Горбачев М. Указ. соч. С. 233.
103. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 377.
104. Андропов Ю.В. Карл Маркс и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. 1983. № 3. С. 20.
105. Там же.
106. Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 232.
107. Печенев В. Указ. соч. С. 51.
108. Андропов Ю.В. Указ. соч. С. 11.
109. Там же. С. 12.
110. Там же. С. 20.
111. Там же. С. 19.
112. Рубби А. Встречи с Горбачевым. М., 1991. С. 37—38.
113. Яковлев А. Муки прочтения бытия. М., 1991. С. 51.
114. Там же. С. 53.
115. Там же. С. 51.
116. Там же.
117. Там же. С. 52.
118. Бурлацкий Ф. Указ. соч. С. 199.
119. Печенев В. Указ. соч. С. 28.
120. Яковлев А.Н. Реализм — земля Перестройки. М., 1990. С. 24—26.
121. Болдин В.И. Указ. соч. С. 49.
122. Черняев А.С. Указ. соч. С. 27.
123. Сушков В. Указ. соч. С. 13.
124. Шахназаров Г. Указ. соч. С. 13.
125. Смирнов Г.Л. Уроки минувшего. М., 1997. С. 148.
126. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 391.
127. Месяц В. Добиваться большего // Правда. 1983. 4 августа.
128. Горбачев М. Указ. соч. С. 242.
129. Черненко К.У. Народ и партия едины. М., 1984. С. 345, 354, 367—368.
130. Печенев В. Указ. соч. С. 53.

131. Там же. С. 54—55.
132. Горбачев М. Указ. соч. С. 243.
133. Прибытков В. Указ. соч. С. 14; См. также: Чазов Е. Указ. соч. С. 184—185.
134. Легостаев В. Указ. соч.
135. Правда. 1983. 6 ноября.
136. Там же.
137. См., например: КПСС в резолюциях... Т. 14. С. 429.
138. Воротников В.И. Указ. соч. С. 25.
139. Известия. 1983. 18 июня.
140. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 53; КПСС в резолюциях... Т. 14. С. 474.
141. См.: КПСС в резолюциях... Т. 14. С. 443—448.
142. Ненашев М. Указ. соч. С. 23.
143. Медведев В. В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М., 1994. С. 12.
144. КПСС в резолюциях... Т. 14. С. 455.
145. Там же.
146. Там же. С. 461.
147. Шахназаров Г. Указ. соч. С. 29—30.
148. Земцов И. Указ. соч. С. 273.
149. КПСС в резолюциях... Т. 14. С. 462.
150. Там же. С. 458.
151. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 164.
152. Интервью А.Вольского в фильме «Вторая русская революция». 1 серия. ВВС.
153. Печенев В. Указ. соч. С. 104, 106.
154. Болдин В.И. Указ. соч. С. 51.
155. Чазов Е. Указ. соч. С. 185—186, 189, 192.
156. Правда. 1983. 27 декабря.
157. Там же.
158. Tatu M. Gorbachev: l'USSR v-t-elle changer? Paris. 1987. P. 7.
159. Бурлацкий Ф. Указ. соч. С. 195.
160. Правда. 1983. 27 декабря.
161. ЭКО. 1991. № 5. С. 31.

Глава VII

НА СТАРТЕ

**Правление К. Черненко,
февраль 1984 г. – март 1985 г.**

Лежи и смотри, как ядерный принц
Несет свою плеть на трон.

А.Башлачев

На трибуну взобрался седой, как лунь, старец, глянул в экран несчастными глазами и принялся, жадно хватая ртом воздух, читать доклад. Я напряг сознание, чтобы уловить в этом сплетении словесных штампов какую-либо свежую мысль. Некоторое время мои усилия были тщетны. Наконец, как бывает, если ждешь чего-то, всматриваясь вдаль, и начинает казаться... мне тоже показалось: «Каждым крупным своим достижением наша экономика в той или иной мере обязана творческим починам трудовых коллективов...»¹ Действительно, если дать полную самостоятельность этим коллективам, их инициатива будет реализовываться беспрепятственно. Важно только, чтобы трудовые коллективы согласовывали через советы свои планы. Надо будет подумать, как это конкретно можно было бы организовать...

Так Константин Устинович Черненко невольно внес вклад в развитие неформальной социалистической мысли. Впрочем, фраза, за которую я случайно зацепился, была уже расхожим пропагандистским штампом. С точки зрения последующих событий в траурном докладе нового (но очень старого) Генерального секретаря были и более интересные положения.

1. Раздел власти (февраль 1984 г.)

А.Черняев, присутствовавший на февральском пленуме ЦК, вспоминает: «Ровно в 11 в проеме дверей показалась голова Черненко. За ним — Тихонов, Громько, Устинов, Горбачев и др. Зал отреагировал молчанием. Не встали, как это было, помнится, когда также первым вошел Андропов после смерти Брежнева»².

Как уже говорилось выше, приход К.Черненко к власти определялся его положением в Политбюро. Он был «первым среди равных» геронтократов. Предлагая Черненко на пост Генсека, Тихонов говорил: «Наша партия распола-

гает большим количеством хорошо подготовленных кадров. Я считаю, что в Политбюро ЦК у нас также есть достойные товарищи... Я думаю, что все мы едины, что Константин Устинович Черненко — достойная кандидатура на пост Генерального секретаря ЦК КПСС... Товарищ Черненко К.У. уже давно занимается вопросами работы Политбюро и Секретариата ЦК»³. Последнее обстоятельство было ключевым — Политбюро было органом согласования интересов многочисленных бюрократий СССР, и для этой работы был необходим очень специфический аппаратный опыт, действительно имевшийся у Черненко.

Горбачев, вплетая свой голос в хор одобрения кандидатуры Черненко, обратил внимание на необходимость учета разных течений, существовавших в руководстве: «Заседания Политбюро и Секретариата, которые он ведет в последнее время, проходят в духе единства, в духе учета мнений всех товарищей...»⁴ Во время предварительных консультаций, предшествовавших пленуму, Горбачев поддерживал другую кандидатуру: «Наиболее подходящей кандидатурой на роль преемника Андропова я считал Д.Ф.Устинова, хотя ему в то время было уже 75 лет». Этот вариант гарантировал бы самому Горбачеву пост «человека № 2». Устинов будто бы даже выступал за избрание Генсеком Горбачева: «Устинов при этом будто бы заявил, что Политбюро придется самому сделать выбор, а что касается его личного мнения, то он будет выдвигать Горбачева... Андропов и Устинов делали ставку на Горбачева, заявил мне спустя некоторое время сам Дмитрий Федорович», — вспоминает Горбачев⁵. Этот слух опровергает Е.Чазов, которому Устинов прямо сказал, что сам предложил кандидатуру Черненко на узком совещании в составе Устинова, Черненко, Громько и Тихонова. Устинову нужна была компромиссная фигура, он опасался выдвижения кандидатуры Громько⁶.

Устинов «двигал» Горбачева в более далекой перспективе. По словам члена ЦК КПСС Е.Новикова, «Перестройка была во многих смыслах задумкой военных. О ней говорили уже в 1982 году, особенно в свете американского перевооружения»⁷. Здесь возможна важная подмена понятий. Конечно, американское давление, лишний раз высветившее недостатки советской экономики, стимулировало какие-то преобразования, и военные (как и значительная часть чиновников других отраслей) одобряли саму идею грядущих преобразований. Не случайной была и поддержка лидером военных Устиновым будущего реформатора Горбачева — человека энергичного, соратника Андропова, продолжение политики которого Устинов поддерживал, как мог. Но это вовсе не значит, что «задумки военных» потом реализовывались в реформах 1985—1991 гг. Характер социально-политических сил, пришедших к власти в 1985 г., привел к быстрому оттиранию военных от принятия стратегических решений.

По утверждению Горбачева, «узкий круг» Политбюро не договорился окончательно, и на Политбюро Тихонов и Устинов шли каждый со своим мнением. Но, даже если эта версия соответствует действительности, Устинов не верил, что ему удастся убедить стариков в возможности назначения Горбачева, и не взял слова. Сам Горбачев считает: «Я тогда еще не был готов»⁸.

Пиетет, существовавший в Политбюро по отношению к «первому эшелону» команды Брежнева, был достаточным основанием для назначения Генсека именно из этой среды. К тому же никто из молодых не обладал достаточной информированностью о делах страны, чтобы противостоять «старикам».

В то же время сами «старики», сохраняя пока за собой власть, понимали необходимость готовить молодую смену. Этим объясняется перемещение Горбачева на место № 2 в знаменитых кремлевских «ранжирах» перед фотокамерами. Если бы Горбачев был соперником «стариков» в борьбе за власть, его карьера быстро пошла бы на убыль. Ссылки на численное соотношение сторонников и противников «консерваторов» и «либералов» в Политбюро вовсе не убедительны — конклав коммунистических «кардиналов» — это не парламент. Там все определялось не большинством голосов, а силой кадровых связей членов Политбюро. Связи Черненко, Громыко и Тихонова могли перевесить любое голосование. Только противостояние равносильных с этой точки зрения фигур могло поставить в повестку дня вопрос о численном соотношении сторонников и противников.

Раздел власти был осуществлен на заседании Политбюро 23 февраля 1984 г. Черненко подчеркнул в своем выступлении намерение усилить позиции Тихонова: «Министерства нередко тащат на Политбюро вопросы, минуя Совмин»⁹. Эта практика должна быть прекращена. Экономические перспективы страны также должно было разрабатывать Совмину, но при участии Горбачева, Алиева и Рыжкова. Затем Черненко предложил, чтобы Горбачев вел секретариат, а в отсутствие Генсека — и Политбюро. Об этом с новым Генеральным договорился Устинов¹⁰, выполняя, возможно, пожелание Андропова, раздутое позднее в версию о «завещании». Вспоминает Е.Лигачев: «Черненко был избран Генеральным секретарем, как говорится, без проблем. На Пленуме его кандидатуру выдвинул председатель Совета Министров Тихонов, она была поддержана, и все прошло гладко. Заминка произошла несколько позднее, когда на организационное заседание Политбюро Константин Устинович внес предложение поручить проведение заседаний Секретариата ЦК Горбачеву. Черненко, видимо, понимал, что тут нужен человек энергичный, молодой, физически крепкий. Однако не все члены Политбюро придерживались столь здравой точки зрения. На предложение Генсека немедленно откликнулся Тихонов:

— Ну, Горбачев превратит заседания Секретариата в коллегию Минсельхоза, будет выгаскивать туда сплошь аграрные вопросы...»¹¹

В протоколе заседания акценты выступления Тихонова потом были намеренно сдвинуты, чтобы затушевать возникшую в Политбюро трещину: «Выходит, что М.С.Горбачев, руководя работой секретариата, будет одновременно вести все вопросы сельского хозяйства. Я ничего не имею против Михаила Сергеевича, но не получится ли здесь определенного перекоса»¹². Выходит, что Тихонов возражает не против ведения Горбачевым секретариата, а против сохранения за ним при этом сельскохозяйственных вопросов. Такое возражение в реальности было лишено смысла, так как за «человеком № 2», как мы видели, закреплялось большое количество вопросов. В

конце того же заседания Горбачеву поручили даже руководство комиссией по Польше¹³. Суть возражения Тихонова касалась именно личности Горбачева, которого премьер обвинил в недостаточной компетентности. Это подтверждается несколькими независимыми друг от друга свидетельствами-мемуаристами. В протокол столь резкое замечание решили не заносить, и формулировка (видимо с согласия Тихонова) была смягчена. Архивные источники Кремля (как и многие другие архивные источники) далеко не всегда бесстрастно фиксировали происходящее.

Предложением Черненко Тихонов перемещался со второго места в партии, которое занимал. Он только что способствовал восшествию на престол Черненко, а тут столкнулся с такой неблагодарностью: «Ленин поступил бы иначе»¹⁴, — бросил премьер горькую реплику. Воротников так передает слова Тихонова: «А правильно ли отраслевому секретарю, который занимается вопросами сельского хозяйства, поручать ведение Политбюро? Не приведет ли это к определенному перекосу при рассмотрении вопросов на Политбюро? И вообще, — продолжал он, — обязательно ли вести Политбюро секретарю ЦК, ведь В.И.Ленин вел заседания Политбюро не будучи секретарем»¹⁵. Ссылка на Ленина выглядела неубедительно — структура партии за несколько десятилетий изменилась весьма существенно. «Тихонову возразил Устинов, — вспоминает В.Медведев, — “Но ведь Горбачев уже имеет опыт ведения Секретариата, да и вся предыдущая практика говорит, что ведущий секретариат всегда имел какой-то участок работы, и это не оказывало негативного влияния на работу Секретариата”»¹⁶.

«И тогда, — вспоминает Лигачев, — используя свой дипломатический опыт, слово взял Громыко. Чтобы снять возникшую напряженность, он предложил соломоново решение:

— Давайте подумаем, не будем сейчас торопиться, и позднее вернемся к этому вопросу»¹⁷. По воспоминаниям Воротникова, Громыко предложил назначить Горбачева временно¹⁸. Гришин предложил то же решение¹⁹. Вообще, вопреки распространенной версии, Гришин занимал в отношении Горбачева скорее нейтральную, чем враждебную позицию. А в 1985 г. его действия, как и позиция Громыко, способствовали приходу Горбачева к власти²⁰. Деловые качества Горбачева Гришин оценивал скептически²¹. Однако это означало, как казалось, что команда «молодых» не сможет обойтись без старых специалистов. Геронтократы не подозревали, что Горбачев способен вести «революционную» политику, отрицающую сами основы прежнего политического стиля, видели в «молодом» члене Политбюро фигуру, которая будет вынуждена слушаться их советов. К тому же политический опыт Гришина заставлял его воздерживаться от сопротивления политике, которого поддерживает КГБ. Позднее Гришин вспоминал: «Думаю, что в КГБ велись досье на каждого из нас, членов, кандидатов в члены Политбюро ЦК, других руководящих работников в центре и на местах. Можно предположить, что с этим было связано одно высказывание в кругу членов Политбюро Л.И.Брежнева: «На каждого из вас у меня есть материалы». Мы, правда, не спросили, что за материалы и откуда они, но предполагали, что из КГБ»²². Вероятно, в 1984 г. члены Политбюро уже знали о теплых отно-

шениях, установившихся у Горбачева с КГБ. Гришину было известно, что «компромат» на него собирает Лигачев²³. В этих условиях первый секретарь Московского горкома предпочитал нейтралитет, а в 1985 г. принял сторону сильного.

Баланс сил между «стариками» и «молодыми» был необходим и Черненко:

«Однако несколько флегматичный, слабый здоровьем Черненко неожиданно проявил характер и твердо сказал:

— Я все-таки настаиваю, чтобы вы поддержали мое предложение доверить ведение Секретариата товарищу Горбачеву»²⁴.

Окончательное решение так и не приняли, Горбачев был вынужден на заседаниях сидеть на своем прежнем месте, что сильно переживал. Встретившись в конце февраля с Черненко, он говорил ему, «что позиция Тихонова внесет разлад в Политбюро... Можно ли допустить такое, чтобы к председательству на Политбюро придет сегодня один, завтра другой и... Это же хаос, — рассказывал сам Горбачев об этом разговоре Воротникову. — Разговор повлиял на Черненко, и тот успокоил меня: позиция де ясная, не переживай»²⁵. Де факто Горбачев стал ведущим секретариата ЦК, и в мае по настоянию Устинова его и формально пересаждали на место второго секретаря²⁶.

Так сложилась формула черненковского правления: власть «старой гвардии» плюс «реформизм», динамичное начало Горбачева и связанного с ним крыла андроповской команды. Черненко хотел править спокойно и для этого иметь Горбачева в союзниках и преемниках. Казалось, человек № 2 был достаточно молод и мог не торопиться, не «ускорять» кончину Генсека. Да и сам Горбачев стремился действовать осторожно, в спорных вопросах склонялся к компромиссам²⁷. В.Воротников вспоминает о его первоначальном стиле ведения Политбюро: «На первых порах робко, как-то неуверенно. Все обращается к «старикам» — их мнение. Явно подчеркивает свой демократизм, коллегальность»²⁸.

2. Курс Черненко-Горбачева (1984 г.)

В «советологии» распространено мнение о том, что период правления Черненко характеризовался «абсолютным застоєм»²⁹. Эту точку зрения трудно признать убедительной. Начатые Андроповым преобразования не прекращались. Именно в этот период само слово «реформа» впервые было легализовано в официальных документах (прежде «реформизм» в марксистско-ленинской идеологии был синонимом отступничества).

С первых своих шагов в новом качестве Черненко старался подчеркнуть преемственность своего курса андроповской политике «ускорения»: «Он (Андропов — А.Ш.) ушел из жизни в самый разгар большой и напряженной работы, направленной на то, чтобы придать мощное ускорение развитию народного хозяйства, преодолеть трудности, с которыми столкнулась страна на рубеже 70-х — 80-х гг.», — говорил Черненко в траурной речи 13

февраля и развивал далее андроповские идеи социальной справедливости, которые приобретут второе дыхание уже в период Перестройки: «В самой основе советского строя заложена социальная справедливость. И в этом его огромная сила. Потому столь важно, чтобы она неукоснительно соблюдалась в повседневных делах, идет ли речь о заработной плате и премиях, распределении квартир или путевок, о награждениях, — словом, чтобы все делалось по справедливости, в соответствии с трудовым вкладом каждого человека в наше общее дело»³⁰. Вероятно, Константин Устинович искренне верил, что его личный вклад в «общее дело» вполне соответствует его «скромному образу жизни». Тем более, что об образе жизни основной массы населения, от которой он был огражден системой привилегий, Черненко имел самое приблизительное представление.

В своей политике Черненко исходил из собственного понимания справедливости. Это касалось и мелочей, например — восстановления в партии В.Молотова. Ему была назначена соответствовавшая «заслугам» пенсия. Таким образом были восстановлены принципы номенклатурной справедливости.

Укрепление номенклатуры продолжалось и по другим направлениям. Огненные в аппарате ЦК могли работать только коммунисты, служившие раньше секретарями парткомов не ниже районного. Компетентность аппарата от этого снижалась, но ослабевало и проникновение «инородных элементов»³¹.

Достаточно суровой была политика Черненко в отношении коррупции — при нем было расстреляно несколько взяточников, арестованных при Андропове. Щелоков после многочасового разговора с Черненко застрелился³². 24 июля был арестован начальник московского главторга Н.Трегубов. К этому времени было арестовано 7,5% штатной численности работников Главторга, включая 2121 руководителя³³. Генсек лично «дал добро» на арест бывшего первого секретаря Бухарского обкома КПСС Каримова. По словам следователей Т.Гдяна и Н.Иванова, «это был очень важный прецедент — за несколько десятилетий первый случай привлечения к уголовной ответственности партийного руководителя столь высокого ранга»³⁴. Слова «за несколько десятилетий» можно читать: «впервые с 1953 г.» Эпоха относительной стабильности заканчивалась при Черненко. «Это сегодня, — продолжают следователи, — когда власть распалась, и власть, как нас убеждают, находится в руках демократов, взятками в полмиллиона уже никого не удивишь. А девять лет назад в Кремле посчитали, что нехорошо брать так много»³⁵. Санкция свыше лишала узбекских руководителей возможности открытого сопротивления. Каримов, арестованный в августе 1984 г., по мнению Гдяна, «для себя бетонно решил: раз допустили арест такой крупной фигуры, как он, значит на этот счет “есть мнение”». Это де, посоветовавшись, продали “свой”. Отдали, вернее. Значит, надо дисциплинированно смириться. Он не привык идти поперек “генеральной линии”»³⁶. Правда Ю.Чурбанов утверждает, что уже в заключении встретил Каримова, и тот утверждал, что Гдян и Иванов вынудили его давать показания «угрозами и шантажом»³⁷. Но в письме к Черненко Каримов довольно подробно описал

свои незаконные действия. У него были изъяты значительные ценности³⁸. Л. Тимофеев, встречавший в заключении бывшего министра В. Усманова, вспоминал о его настроении: «Здесь в тюрьме ему казалось, что он вовлечен в какую-то неожиданную и неизвестно откуда свалившуюся кампанию “по борьбе с коррупцией” — в кампанию, о которой всех, кроме него, вовремя предупредили, и поэтому все сумели как следует подготовиться, составить отчеты, привлечь благоприятные показатели... а его предали, принесли в жертву...»³⁹

Масштабы наиболее «показательных» дел впечатляли. К концу следствия по делу бывшего первого секретаря Бухарского обкома КПСС Каримова в июле 1986 г. у него (и его родственников) было изъято более 6 миллионов рублей (основная часть — в золотых монетах)⁴⁰. Эта сумма была для подавляющего большинства жителей СССР совершенно запредельной, не укладывающейся в сознание. По данным Майданюка, руководителям Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР и их сообщникам, севшим на скамью подсудимых в августе 1986 г., удалось украсть из казны свыше 2 миллиардов рублей. В 1979—1983 гг. приписки составили свыше 4 миллионов тонн хлопка⁴¹. После работы следственных групп в Бухарской области 11 первых секретарей райкомов были исключены из партии и в большинстве своем отправлены на скамью подсудимых, 5 чиновников разного уровня, в том числе первый секретарь обкома, — приговорены к расстрелу⁴².

Следственные действия сопровождалась решительными действиями по партийной линии. В июне 1984 г. Лигачев провел съезд республиканской компартии, «обновив» ее кадры. Новый первый секретарь КП Узбекистана И. Усманходжаев не стал оказывать сопротивления следственной группе. По мнению Гдяна и Иванова, это было связано с тем, что следствие пока не затронуло его клановых интересов⁴³. Усманходжаев, кандидатура которого подбиралась в Кремле, руководствовался указаниями из центра, надеясь, что следствие не «выйдет» на новое руководство.

9 июля 1984 г. Горбачев и Лигачев провели собрание аппарата ЦК, на котором последний поделился своими впечатлениями от поездки в Узбекистан. Присутствовавший на собрании работник аппарата А. Черняев писал в дневнике: «Факты разложения повергают в ужас. Урожай хлопка растет, а выход волокна из года в год снижается. Обворовывали государство на сотни тысяч рублей, через приписки сумели “утаивать” в год до 340 тыс. тонн хлопка. Взятки — 10 тыс. рублей минимум. В Ташкенте настроили дворцов, вилл, особняков для начальства... Тем временем полмиллиона жителей города живут в глинобитных хижинах-землянках без канализации, газа, водопровода и часто — без электричества»⁴⁴. Характерно, что инициаторам удара по среднеазиатской мафии было прекрасно известно, что коррупция пронизывает и другие республики. Лигачеву, например, по его собственному признанию, предлагали взятку на Украине в апреле 1983 г.⁴⁵ Однако широких репрессий здесь не последовало — «пуритане» опасались ворошить вотчину Щербицкого — это было опасно.

Все решения по поводу высокопоставленных чиновников санкционировались «сверху». Рассказывает прокурор по особо важным делам

К.Майданюк: «Я располагал четкими данными в отношении бывшего министра легпрома СССР Тарасова... Я спросил Тарасова: преподносили ли вам золотошвейные халаты? Он — наотрез, потом с кем-то посоветовался — привез два, каждый тысяча по четыре... Но доследовать мне не позволили...»⁴⁶ Приписки хлопка были обнаружены в Азербайджане, Казахстане и Туркмении. Здесь были проведены аресты включая министров⁴⁷. Но раскручивать дела и атаковать руководителей этих республик не стали. Политбюро четко очертило границы расследования деятельности крупных номенклатурных фигур — союзные республики и выборочные лица в Москве. Широкое расследование всей системы коррупции могло вывести маховик репрессий из-под контроля. Однако высокопоставленным чиновникам ЦК было неизвестно о настроениях Гдляна и Иванова, что впоследствии приведет к опасным для руководства КПСС последствиям. Подследственный Кахраманов (впоследствии оправданный) утверждал, что Иванов его «обзывал “комсомольской шкурой”», сволочью, говоря при этом, что все партийные работники — взяточники»⁴⁸. В Узбекистане Гдлян и Иванов начинали поход против верхов КПСС в целом. Не замечая этого, ЦК сразу после прихода Горбачева к власти дало добро на целую серию арестов⁴⁹.

В свою очередь Черненко угрожал консервативному чиновничеству скорыми реформами, которые неизбежно последуют за андроповскими экономическими экспериментами. Грядет Перестройка: *«В серьезной перестройке нуждаются система управления экономикой, весь наш хозяйственный механизм. Работа в этом плане только началась. Она включает в себя широкомасштабный экономический эксперимент по расширению прав и повышению ответственности предприятий...»*

*Давайте, однако, спросим себя: а не получается ли так, что для иных хозяйственных руководителей ожидание результатов экспериментов служит прикрытием их пассивности, стремления работать по старинке? Конечно, обновление экономических структур — дело ответственное... Но это вовсе не оправдывает тех, кто вообще не желает считаться с изменившимися условиями, с новыми требованиями жизни»*⁵⁰.

Подталкиваемые местническим лобби, помощники Черненко с его согласия намечают программу фронтального наступления на ведомства со стороны местных советов: *«У нас принят ряд решений, призванных повысить роль местных Советов в хозяйственном и культурном строительстве. Рассчитывали — и правильно рассчитывали, — что это поможет обеспечить комплексное развитие экономики на местах, выставит более прочный заслон против ведомственности, позволит полнее удовлетворять многообразные запросы населения, улучшить его обслуживание.»*

*Словом, решения хорошие. Но выполняются они медленно, половинчато. Многие министерства все еще пытаются действовать в обход местных советов»*⁵¹. Перед нами то, что еще Андропов называл местничеством. Этот «уклон», допущенный Черненко, возможно — с подачи Горбачева, закладывал стратегическую линию Перестройки вплоть до 1989 г. — ориентация на постепенную политическую децентрализацию, регионализацию, советизацию и дебюрократизацию общества. Насколько эта линия оправдала себя

— вопрос другой. Но важно заметить, что сам поворот в эту сторону относится к предперестроечному периоду.

Черненко позволил своим референтам еще несколько важных новаций, достоянием более позднего времени. Он выступил против подмены решений хозяйственников партийными инструкциями, заговорил об охране природы (дань развернувшемуся в стране движению против поворота рек), призвал депутатов активнее бороться за свою позицию, даже если она расходится с позицией вышестоящих органов, выступил в поддержку главного принципа правового государства — «перед законом все равны», отметил несовершенство межнациональных отношений⁵². Конечно, эти крупницы в речах Генсека выглядят фарисейством. Но на фоне всей массы фарисейских рассуждений о социалистической демократии, миролюбивой политике и прочих преимуществах «нашего общественного строя», в которых никогда не было недостатка, аппарат Черненко с согласия своего шефа проводил идеологическую подготовку последующих перемен. Дряхлый властитель подобно Андропову хотел иметь реальное представление о происходящем в стране. Отправляя группу своих сотрудников в Казахстан, он говорил: «Только собственными глазами, никому не верьте. Там, надо полагать, постараются все приукрасить. А мы здесь должны знать истинное положение с молодежью в этой очень важной республике»⁵³. За два года до волнений в Алма-Ате руководство СССР ощущало слабые «подземные толчки» грядущего землетрясения. После Черненко о тревожных сигналах забыли.

Пожалуй, важнейшая черта курса Черненко-Горбачева — это внимание к тому, что Горбачев называл потом «человеческим фактором»: *«Чтобы советское общество уверенно двигалось вперед, к нашим великим целям, каждое новое поколение должно подниматься на более высокий уровень образованности и общей культуры, профессиональной квалификации и общей активности, — говорил Черненко. — Таков, можно сказать, закон социального прогресса.*

В условиях научно-технической революции, лавинообразного роста информации этот закон предъявляет небывало высокие требования и к тем, кто учится, и к тем, кто учит, — от рядового педагога до министра. Реформа и призвана создать все необходимые предпосылки для выполнения этих требований»⁵⁴, — утверждал Генсек.

Реформа школы, основные положения которой были разработаны еще при Андропове, была главным ответом черненковского руководства на вызов НТР. «Переделка мозгов» должна была стать надежной основой для индустриального рывка (тоже, кстати, «крамольная» для официального марксизма логика). Конкретные пути школьной реформы диктовались представлениями о необходимости соединения обучения с физическим трудом. Идея для режима не новая, но впервые воплощаемая с таким размахом. Уже в течение нескольких лет в ряде школ учеников раз в неделю направляли на «учебно-производственные комбинаты» и на предприятия-«шефы». Работники были вынуждены отрываться от своего дела и объяснять ученикам, как надо работать. Это считалось видом обучения и профессиональной ориентации одновременно. Теперь предполагалось сделать эту систему всеобъ-

емлющей, превратив массы школьников в неквалифицированную рабочую силу. С одной стороны, это должно было решить проблему дефицита рабочей силы, с другой — «коренным образом улучшить трудовое воспитание и профессиональную ориентацию школьников на основе соединения обучения с производственным трудом, подготовку квалифицированных рабочих кадров в профессионально-технических училищах, дополнить всеобщее среднее образование молодежи всеобщим профессиональным образованием»⁵⁵.

Смысл реформы заключался в политехнизации школы, резком увеличении количества учащихся, которые после 8(9) класса должны были продолжать обучение не в общеобразовательной школе, а в профессионально-техническом училище. Предполагалось наладить прямые производственные связи между школой и промышленностью. Дело ставилось на нештучную высоту:

*«Министерствам и ведомствам СССР и союзных республик создавать необходимые условия для трудового обучения учащихся на подведомственных предприятиях, в организациях и учреждениях. Для этой цели выделять оборудование, рабочие места, квалифицированные кадры, сырье и материалы, обеспечить четкую организацию труда учащихся»*⁵⁶.

Естественно, что подобная индустриализация подрастающего поколения должна была проводиться за счет существенного сокращения гуманитарных дисциплин в школе и свободного времени молодых людей вне ее. Формирующаяся личность попала под мощный пресс индустриальной машины, готовящейся к очередному «большому скачку». Была сокращена программа литературы, истории и других гуманитарных предметов. «Под нож» попал Достоевский, к которому чиновники всегда относились с большим недоверием. Государству нужны были не мыслители, а исполнители-работники. А чтобы молодежь не шаталась праздно, предусматривалось «значительное увеличение времени, необходимого для трудового обучения и общественно-полезного, производительного труда учащихся, а также проведение ежегодной трудовой практики за счет некоторого сокращения летних каникул»⁵⁷.

Все более формальным становилось и преподавание гуманитарных дисциплин в ПТУ, многие из которых превратились в рассадники молодежной преступности. Молодые люди по-своему реагировали на попытку превратить их в человека одномерного.

И.Земцов писал, комментируя планы школьной реформы: «И опять мы видим заигрывание с “простым человеком”: ему обещается “коренным образом улучшить постановку трудового воспитания”, “вооружить учащихся знаниями и навыками использования современной техники”...

Вместо известного ленинского призыва “Учиться и учиться!” он (Черненко, хотя речь должна идти не только о нем — А.Ш.) выдвинул лозунг “Превратить школьный класс в класс рабочих!” Реализация плана школьной реформы (в течение двух пятилеток) должна была предоставить правительству миллионы дополнительных рабочих рук и, приобщив школьников к неквалифицированному физическому труду, снизить уровень их интеллектуальных притязаний...

Была у реформы и более близкая цель: получить прибыль за счет эксплуатации школьников. Рекомендовалось “часть заработанных школьниками средств направлять в распоряжение школьного коллектива”. Воображение Черненко шло еще дальше — в будущем школьные заводы и хозяйства должны были позволить перевести всю систему образования на самоокупаемость⁵⁸.

Эти слова в полной мере относятся и к Горбачеву — основному идеологу преобразований времени Черненко. Еще в Ставрополье Горбачев ратовал за внедрение труда школьников, утверждая, что в крае *«найдена удачная форма организации трудового воспитания школьников, при которой учение и труд идут рядом»*⁵⁹. Эта идея непосредственного совмещения школьного обучения с производством ляжет потом в основу «черненковской» школьной реформы.

Но в своих расчетах авторы реформы не учитывали сопротивления, которое она вызовет со стороны интеллигенции и хозяйственников. Учителей не удалось купить повышением зарплаты на 30% (с которой реформа во многом и ассоциировалась) — программа производственного обучения в большинстве случаев осталась профанацией. Удалась лишь антиинтеллектуальная сторона преобразований — по гуманитарному образованию был нанесен серьезный удар.

Школьная реформа была лишь одной из мер по подготовке «большого скачка» НТР, задуманного партией. Несмотря на «аграрный профиль» Горбачева, проблема технологической модернизации перемещается в центр его интересов. «С некоторых пор М.С.Горбачев полагал, — вспоминает его помощник В.Болдин, — что все наши беды заключены в слаборазвитом машиностроении...»⁶⁰ Став человеком № 2 в Кремле, Горбачев должен был доказать, что именно он сможет эффективно провести модернизацию экономики, без которой дальнейшее развитие промышленности было невозможным.

Горизонты НТР М.Горбачев собирался осветить на Всесоюзной конференции по идеологии (руководство идеологической конференцией должно было подтвердить, что именно Горбачев занимает место человека № 2). «Тема ее была задана самим Черненко: как выполняются решения июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС по идеологическим вопросам. Зимянин обратился ко мне с просьбой выступить с основным докладом, поскольку я принял от Черненко прежнее направление его работы — идеологию... — вспоминает Горбачев. — Мне хотелось воспользоваться случаем, чтобы выйти за пределы июньского Пленума, который, на мой взгляд, оказался очень слабым»⁶¹. Горбачевские новации были «отслежены» и вызвали неожиданную для «кронпринца» реакцию. Окружение Черненко (В.Медведев утверждает, что действовали его помощники В.Печенев и Р.Косолапов, заведомо пропаганды Б.Стукалин и секретарь по идеологии М.Зимянин⁶², воспротивилось проведению форума. По воспоминаниям В.Медведева, «в ход пошла версия, что материал сырой, недостаточно продуманный и т.д. Об этом мне говорил Зимянин, когда я по делам отдела науки был у него»⁶³. После незначительной корректировки доклад был «готов», «но дело этим не кончилось. Буквально накануне конференции Черненко позвонил Горбачеву

и предложил... отменить ее. Но на этот раз Горбачев решительно возразил»⁶⁴. Еще бы — ведь это уже был вопрос о престолонаследии. Стоило Горбачеву «уступить идеологию», и ее могли «занять» конкуренты. Сам Горбачев вспоминает об этом так: «Участники конференции съехались в Москву, все было готово. И вдруг, буквально накануне ее открытия, в 16 часов предшествующего дня, — звонок от Черненко... Я понял по тону разговора, что в кабинете он не один, и, наверное, задача тех, кто там был, состояла в том, чтобы удержать слабого, колеблющегося шефа на жесткой позиции»⁶⁵. В ответе Горбачева прозвучала прямая угроза: «Такой шаг недопустим, ибо означает публичный скандал»⁶⁶. Черненко пришлось пойти на попятный. «Кронпринца» настораживала активность советников Черненко — они могли настроить Генсека в пользу другого претендента.

Несмотря на традиционное название доклада Горбачева на конференции — «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений...», его тон не оставлял внимательным слушателям надежд на спокойную жизнь: *«Курс на интенсификацию диктуется объективными условиями, альтернативы ему нет. Качественное преобразование производительных сил, совершенствование производственных отношений определяют суть, главное содержание всей нашей деятельности на современном этапе. По своей новизне, масштабам и сложности это в полном смысле титаническая работа. И она должна осуществляться с полным размахом, требуя от каждого максимума энергии...»*⁶⁷

Призывы Горбачева к «качественному преобразованию производительных сил» и «совершенствованию производственных отношений» еще могли восприниматься как традиционная идеологическая мишура. Но в его речи было нечто большее, чем обычный партийно-комсомольский задор (не случайно Р.Косолапов отказался печатать речь в журнале «Коммунист»⁶⁸). В тексте, в подготовке которого приняли участие В.Медведев, А.Яковлев и Н.Биккенин⁶⁹, была в комплексном виде сформулирована программа первого периода правления Горбачева: *«На первый план выдвигаются такие коренные проблемы, как пути ускорения научно-технического прогресса и всесторонней интенсификации производства; совершенствование форм социалистической собственности, обеспечивающее все более органическое соединение непосредственного производителя с общественными средствами производства, укрепление у него чувства коллективного хозяина всего общественного достояния, активизацию и оптимизацию системы интересов при ведущей роли общенародного интереса; развитие научных основ и практики планирования народного хозяйства как главного средства осуществления экономической политики партии; совершенствование всей системы распределения»*⁷⁰. «Кронпринц» заговорил о «человеческом факторе», об «открытом честном слове партии», которое надо почаще обращать к народу, о «чувстве хозяина», о различных формах самоуправления и товарно-денежных отношениях⁷¹. Правда, все эти «идеологиемы Перестройки» употребляются еще очень абстрактно. Горбачев не забывает одернуть нетерпеливых рыночников: *«Но бывает так, что перспективу повышения темпов развития экономики и роста ее эффективности ставят лишь в зависи-*

мость от развития товарно-денежных отношений»⁷². Горбачев готов учитывать экономические реалии, но не собирается исходить из них. Он напоминает прагматикам: *«Экономика и идеология неразделимы. И чем крепче взаимосвязь, тем результативнее и хозяйствование, и воспитание»*⁷³.

Совещание планировалось как прелюдия к пленуму ЦК по вопросам научно-технического прогресса, докладчиком на котором назначили Горбачева⁷⁴, а не Романова или Долгих, которые курировали промышленность и были ближе к этой проблеме. Однако пленум так и не состоялся, — по выражению Горбачева, его «завалили»⁷⁵.

Свои экономические познания Горбачеву следовало демонстрировать прежде всего на аграрном поприще, где он все еще нес прямую ответственность за состояние дел. Урожаи 1979—1984 гг. не внушали оптимизма. В октябре был проведен специальный Пленум ЦК по мелиорации. Партия не собиралась ждать милостей от природы. Ее планы не должны были зависеть от климатических передряг: *«В своей аграрной политике Коммунистическая партия исключительно большое значение придает повышению устойчивости сельскохозяйственного производства как важнейшему условию планомерного развития всего народного хозяйства. В достижении этой цели решающая роль принадлежит мелиорации — мощному средству интенсификации и повышения продуктивности земледелия»*⁷⁶.

Постановление предусматривало ускорение развития орошаемого земледелия на юге страны. Это было невозможно без переброски воды с севера — водные ресурсы юга уже были истощены. Но общественная кампания против переброски рек давала себя знать — постановление не говорит об этом проекте прямо. Нотки разочарования в проекте звучат и в выступлениях Горбачева: *«Само по себе увеличение вложений в осушение и орошение угодий не может обеспечить быстрого роста продукции, если не будут улучшены руководство и организация всего водохозяйственного строительства...»*⁷⁷

Другое оправдание неудач на сельскохозяйственном фронте — частичное непринятие предложений Горбачева по реформе органов управления сельским хозяйством. Попытка слить несколько министерств в одно суперведомство, отбитая в 1982 г. министрами, была не последней. Несмотря на то, что уже в Продовольственной программе Горбачеву удалось реализовать свою идею агропромышленных объединений, промышленность еще сохраняла независимость от аграрной верхушки, составлявшей опору Горбачева. Необходимо было продолжать наступление.

В январе 1984 г. Горбачев отправил на пенсию министра мясной и молочной промышленности Антонова, который сопротивлялся слиянию ведомств. В своих выступлениях «кронпринц» критиковал перерабатывающую промышленность за то, что она «печется о своих ведомственных интересах»⁷⁸. Отрасли, смежные с сельским хозяйством, объявлялись главными виновниками продовольственных проблем: *«Вкладывая немалые средства в увеличение производства зерна, овощей, хлопка, мяса, молока, хозяйства затем теряют немалую их часть из-за плохо организованных перевозок, несвоевременной переработки, неудовлетворительного хранения. В то же*

время известно, что на развитие базы хранения и переработки требуется куда меньше средств, чем на производство того объема продукции, который мы ежегодно теряем»⁷⁹.

Сельские руководители почувствовали себя хозяевами положения. Работник Министерства мясной и молочной промышленности Ю.Шумахер вспоминает о своих поездках 1984 г. по колхозам и совхозам страны: «*Приезжаю к председателю, задаю вопрос:*

Как вы взаимодействуете с соседним комбинатом?

Он достает фотоальбом и начинает мне показывать:

— Вот туточки я, а туточки — Михал Сергеевич. Я говорю: «Ну хорошо, а со смежниками-то вы как взаимодействуете?»

— Да вы бросьте, смотрите лучше сюда. Вот туточки я, а туточки Михал Сергеевич.

Было ясно, что ни о каком взаимодействии они говорить не хотели. Они хотели взять смежника в свои руки и командовать им. Они хотели командовать колбасой. Чтобы не просить ее у директора, а самим ее взять»⁸⁰.

Промышленность сопротивлялась порайонному растаскиванию и подчинению аграрникам, но стремление держать в своих руках дефицит превращало «помещиков» в активную политическую силу, с которой наверху не могли не считаться.

Даже Тихонов был вынужден уступать инициативам сторонников Горбачева, если они были «солидно» обоснованы. В июне 1984 г. с согласия Тихонова было принято предложение Воротникова о создании комбината «Кубань», объединяющего сельскохозяйственные и перерабатывающие предприятия Тимашовского района Краснодарского края. Это была еще более жесткая модель агропромышленного слияния, чем РАПО. Интересно, что Воротников аргументировал этот проект югославским опытом, который ранее считался «крамольным»⁸¹. Это свидетельствует о том, что в условиях кризиса идей кремлевское руководство не прочь было позаимствовать опыт у бывших оппонентов — сторонников децентрализации. В этом отношении Воротников, возглавлявший Российское правительство, шел еще дальше — ставил вопрос о создании в России структур управления, существующих и в других республиках⁸². Эта линия превращения России из совокупности областей в единый протогосударственный организм будет воплощаться в жизнь уже в 1990 г. И с далеко идущими последствиями.

3. Горбачев и соперники (1984 г.)

Несмотря на успехи Горбачева, иерархические рамки мучительно сковывали «человека идейного». Он напоминал застоявшегося коня, бил копы-

том, но шансы приступить к масштабным преобразованиям еще не были стопроцентными.

Лигачев и Шеварднадзе вспоминали, как Горбачев рассказывал им, что в МВД существовала группа, собиравшая «компромат» на Горбачева по ставропольскому периоду его работы⁸³. Не прекращалось соперничество Горбачева и Романова. До самой смерти Андропова Романов надеялся стать фигурой № 2, тем более, что он был ближе к «геронтократам» по возрасту и контролировал наиболее мощные ведомства. Назначение Горбачева на место ведущего заседания Секретариата и Оргбюро было для Романова неприятным сюрпризом, что вызвало толки «при дворе»: «Черненко, когда Романов находился, кажется, в отпуске, пересадил Горбачева на первое место за столом заседаний Политбюро по свою правую руку перед Романовым... Увидев в один прекрасный день это, один из моих бывалых коллег... злобно прошептал: «Ну, Романов, вернувшись из отпуска, будет очень “доволен” таким соседством»⁸⁴, — вспоминает помощник Черненко В.Печенев. Однако успехи Горбачева не охладили пыл Романова — Шеварднадзе прямо называет его в качестве соперника Горбачева⁸⁵. Seriously опасался Романов и сам Горбачев. Много лет спустя он пишет об однофамильце императоров с нескрываемой враждебностью: «ограниченный и коварный человек с вождистскими замашками...»⁸⁶

Горбачев опасался также растущего влияния В.Долгих, отвечавшего за топливно-энергетический комплекс и машиностроение.

ДОЛГИХ Владимир Иванович

1924 г. рождения. В 1941—1943 гг. в армии, где в 1942 г. вступил в КПСС. В 1949 г. окончил Иркутский горно-металлургический институт. В 1949—1958 г. работал на заводе в Красноярске, стал его главным инженером. В 1958—1969 гг. — главный инженер, директор Норильского горно-металлургического комбината. В 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1969—1972 гг. — первый секретарь Красноярского крайкома КПСС. В 1972—1986 гг. — секретарь ЦК КПСС, в 1976—1986 — завотделом ЦК КПСС. Член ЦК КПСС в 1971—1989 гг., кандидат в члены Политбюро в 1982—1986 гг.⁸⁷

При переходе к научно-техническому рывку положение Долгих в Политбюро могло стать ключевым. Пока его позиции были слабее горбачевских, но Долгих поддерживал член «старой гвардии» Тихонов, также давно конкурировавший с Горбачевым за место «человека № 2». Если бы удалось сохранить традицию избрания на место Генеральных секретарей геронтократов (хотя бы в качестве переходных фигур), то линия «престолонаследия» отклонилась бы от Горбачева в пользу Долгих и Романова. Они могли прийти к власти после Тихонова — уже глубокого старца. Впрочем, несмотря на свой 79-летний возраст, Тихонов после этих событий жил еще долго, став свидетелем падения Горбачева. Раздражение самого Горбачева Тихоновым сохранилось на многие годы и прорывается в мемуарах фразами вроде «Тихонов бесновался»⁸⁸. Премьер видел в Долгих своего преемника, о чем как-то сказал прямо. «Теперь основное время Долгих проводил в епар-

хии премьер-министра на бесконечных встречах и беседах⁸⁹. Горбачев признает, что «Долгих является наиболее ярким представителем нашего “директорского корпуса” — серьезный, работоспособный, знающий специалист... Став секретарем ЦК, с 1972 года курировал тяжелую промышленность и любил показывать, что его сфера — наиважнейшая... Он спорил со всеми, курировавшими другие отрасли, напористо отстаивал свою позицию — и это вызывало уважение»⁹⁰. Противоречия между Долгих и Горбачевым усилились после создания экономического отдела ЦК, курировавшегося Горбачевым: «Начались разговоры о формировании экономического отдела ЦК, и Владимир Иванович не сомневался, что станет его руководителем. Кому же еще! Он стал развивать бурную активность, к каждому Пленуму готовил либо выступление, либо обширную записку. И вдруг — осечка, назначили Рыжкова. Долгих воспринял это как удар по себе лично, тем более что ранее они с Николаем Ивановичем достаточно тесно сотрудничали»⁹¹. Дело, конечно, не в карьерных претензиях. Экономический отдел без Долгих превращался в параллельную структуру, в которой хозяйственники видели угрозу несогласованных с ними преобразований.

Сближение Долгих и Тихонова создавало сильный тандем, который нес угрозу претензии Горбачева на высшую власть. «Опять Тихонов зовет Долгих на совещания в Совмин, — возмущался Горбачев. — Вождя из него хотят сделать», — вспоминает В.Болдин⁹². Когда Воротников заступился за Долгих в разговоре с Горбачевым, тот возразил: «Ты всего не знаешь»⁹³. Среди соперников Горбачева иногда называют Гришина, но события 1985 г. не подтверждают эту версию.

Сила Горбачева объяснялась прежде всего тем, что он опирался на партийные кадры, а Романов, Тихонов и Долгих — на хозяйственно-бюрократические и отчасти военные. Тихонов был очень стар, Долгих занимался только своими ведомственными проблемами, редко вмешиваясь в решение вопросов, не связанных с его компетенцией. Романов, отличавшийся суровым нравом, казался опасным человеком. «Большие батальоны» и решительный характер однофамильца императоров внушали Черненко беспокойство: «Черненко понимал, что Романов, оседлав Министерство обороны, сосредоточит в своих руках такую силу и власть, что станет опасен не только для своих коллег, но и для него», — пишет И.Земцов⁹⁴. Горбачев со своим широким кругом интересов (в котором Тихонов усматривал признак дилетантизма, а Андропов и Устинов — разносторонности) и демонстративной лояльностью казался пока большинству Политбюро наиболее подходящей кандидатурой наследника Черненко. Но ситуация могла перемениться в любой момент.

В середине 1984 г. по мере ухудшения здоровья Устинова оборонный отдел секретариата ЦК стал позволять себе отгеснять министра в сторону. Постепенно ведомство Романова стало выходить непосредственно на начальника генерального штаба Н.Огаркова. Одновременно Романов пытался повысить роль военных в принятии политических решений, в важных партийных совещаниях. Почувствовав поддержку, военные стали требовать резкого роста расходов на оборону. СССР не должен был проиграть гонку

вооружений. В мае в «Красной Звезде» вышла статья маршала Н.Огаркова, в которой предлагалось дальнейшее наращивание советской военной мощи.

Усиление роли военных в политической структуре вызывало в партийно-государственной элите противоречивую реакцию. Основная масса номенклатуры боялась решительности генералов. Милитаризация общества итак была слишком велика. Даже среди промышленников, в целом тесно связанных с ВПК, зрело понимание невозможности длительного продолжения гонки вооружений при сохранении существующих производственных отношений. ВПК грозил разрушить остатки гражданского производства. В то же время часть военных воспринимала Романова как выскочку, забирающего власть в министерстве обороны при живом министре. Поскольку отношения Горбачева и Устинова были теплыми, то и значительная часть военных предпочитала динамичного и остроумного ставропольца суровому ленинградцу. Очевидно, что поддержка старца Тихонова в военной среде стремилась к нулю.

В свою очередь руководство КГБ видимо еще при Андропове сделало ставку на Горбачева (по сообщению перебежчика О.Гордиевского, например, КГБ проявило необычное рвение при подготовке визита Горбачева в Великобританию⁹⁵). Естественно, что соперник КГБ — МВД сориентировалось на другую сторону и, как уже упоминалось, вело сбор компромата на Горбачева.

Таким образом, вокруг лидеров Политбюро стали складываться уже не просто социальные, но и политические коалиции, противостояние которых должно было решить вопрос о власти. На стороне Горбачева были большая часть обкомов (а значит — большинство ЦК), аграрная верхушка — почва местной номенклатуры, КГБ, идеологический аппарат, большая часть политически активного директората и военных. Опорой его противников была ведомственная бюрократия, часть парторганизаций крупных военно-промышленных центров, глухая оппозиция в МВД и притесняемые Горбачевым хозяйственники (впрочем, последние ничего не решали в борьбе за власть).

Сторонники Горбачева использовали для «агитации» в его пользу и тяжелый транспортно-энергетический кризис, возникший в связи с морозами зимой 1984—1985 гг. Поскольку селекторные совещания по этим вопросам проводили Алиев и Лигачев, они не забывали подчеркнуть ту роль, которую играет в решении сложных хозяйственных вопросов Горбачев⁹⁶.

В то же время отношения Горбачева со «стариками», которым в конечном итоге и предстояло решать «вопрос о власти», оставались неровными. Тихонов откровенно демонстрировал свое недоверие ему, отношения с Черненко были далеки от идеальных: «По прежнему повестка заседания Секретариата апробировалась в аппарате К.У.Черненко. Не все вопросы выносились на обсуждение, на многих документах уже стояли визы генсека, определяющие, в каком направлении нужно решать те или иные проблемы, — вспоминает помощник Горбачева В.Болдин. — Во всем этом он сильно грешил на помощников Константина Устиновича и никому из них не простил переживаний тех дней... М.С.Горбачев, прилагавший немало сил, что-

бы продемонстрировать свое влияние, чувствовал нарастающую отчужденность в отношениях с генсеком»⁹⁷. Помощники нашли относительно эффективный способ противостояния Горбачеву — они готовили проекты решений, визировали их у Черненко, а затем направляли их в Политбюро уже как предложения Генсека. Возражать в этих случаях было невозможно⁹⁸. Более того, по утверждению Арбатова и Аганбегяна, помощники Генсека В.Печенев и Р.Косолапов активно лоббировали перенос съезда партии с 1986 г. на осень 1985 г., что могло изменить «расклад голосов» в Политбюро и ЦК в преддверии избрания нового Генерального секретаря⁹⁹. Но сторонники переноса срока съезда не преуспели — официально такие планы не обсуждались.

КОСОЛАПОВ Ричард Иванович

1930 г. рождения. В 1955 году окончил философский факультет МГУ по специализации «логика». С 1955 по 1958 гг. работал в Брянском обкоме ВЛКСМ, с 1958 по 1959 — в Армавирском педагогическом институте. В 1961 г. окончил аспирантуру на кафедре философии Академии общественных наук при ЦК КПСС, с 1961 по 1964 гг. преподавал и вел научную работу на философском факультете МГУ. С 1964 по 1966 работал в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР. В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии по теме «Коммунизм и освобождение человека в сфере труда», в 1970 г. — докторскую (тема диссертации: «Социализм и проблемы освобождения труда»). С 1966 по 1974 гг. работал в Отделе пропаганды ЦК КПСС лектором, консультантом, руководителем группы консультантов, зам. заведующего Отделом. В 1974 — 1976 гг. — первый заместитель главного редактора газеты «Правда». С 1976 по 1986 гг. занимал должность главного редактора журнала «Коммунист». Был делегатом трех съездов КПСС (XXV, XXVI, XXVII). В 1976 г. на XXV съезде КПСС был избран кандидатом в члены ЦК КПСС, дважды избирался членом ЦК КПСС (в 1981 г. на XXVI съезде и в 1986 на XXVII съезде). Был одним из составителей последней Программы КПСС (принятой на XXVII съезде). Оставался членом ЦК до XXVIII съезда (1990). В 1979 был избран депутатом Верховного Совета СССР (10-го созыва), в 1984 г. — переизбран депутатом Верховного Совета СССР (11-го созыва).

Был одним из теоретиков так называемого «развитого социализма», который пытался трактовать как достигаемый, но еще не полностью достигнутый «комплексный рубеж». Такая трактовка привела, особенно после публикации в июле 1984 г. в «Правде» его статьи «Социализм и противоречия», к конфликту с Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС и частичной опале.

Впоследствии перешел из «Коммуниста» на философский факультет Московского Государственного университета им. М.В.Ломоносова, где заведовал кафедрой исторического материализма. Сложил с себя полномочия депутата Верховного Совета по указанию руководства ЦК КПСС. С ноября 1991 г. был членом ЦК Российской коммунистической рабочей партии. В октябре 1992 г. вошел в Политсовет Фронта Национального Спасения. Исключен из ЦК РКРП в декабре 1992 г. «за ревизионизм» и участие в ФНС. В начале 1993 перешел из

РКРП в КПРФ. С февраля 1993 — член ЦИК (с 1995 — ЦК) КПРФ. Выступает за «большевизацию КПРФ». Участвовал в разработке второй программы КПРФ (принятой III съездом в январе 1995 г.). Критикует руководство КПРФ за отход от марксизма-ленинизма¹⁰⁰.

Тем временем активная деятельность Романова в военной области сыграла с ним дурную шутку: Д.Устинов почувствовал, что его оставляют не у дел. Вместо патрона секретарь ЦК получил могущественного противника. В сентябре Романов на время исчезает с политической авансцены, зато Черненко, Устинов, Тихонов и Горбачев демонстрировали трогательное единение. В связи с «некруглой» 73 годовщиной со дня рождения Черненко был награжден звездой Героя соцтруда (третьей). Звезду вручал сам Устинов. По поводу этого события состоялся банкет. «На нем первыми поднимали тосты и произносили речи Устинов, Тихонов и Горбачев. Последний тепло сказал о той “хорошей атмосфере товарищеской спокойной коллективной работы, которую умеет создавать Константин Устинович” (мысль эту я слышал от Горбачева не раз: она, видимо, ему нравилась)»¹⁰¹, — вспоминает В.Печенев. Удаление Романова немало способствовало укреплению «товарищеской атмосферы» и было хорошим поводом для торжества. Возможно, ослабление Романова было связано с конфликтом между Министром обороны и начальником Генерального штаба Н.Огарковым, который проявил строптивость, не соглашаясь с предложениями Устинова по вопросам военного строительства¹⁰². Маршала Огаркова направили командовать Западной группой войск. Судя по тому, что эта перестановка и ослабление Романова произошли одновременно, вероятно, что Романов поддержал в этом конфликте Огаркова.

Но опала Романова не была продолжительной. Наученные горьким опытом взлета этого члена Политбюро, геронтократы стали пристальнее следить за Горбачевым. Между тем связанные с ним руководители средств массовой информации позволяли себе излишние вольности. Главный редактор «Правды» В.Афанасьев в интервью газете «Асахи симбун» 10 ноября сказал: «Это невозможно, чтобы Черненко ушел со своих должностей. Я думаю, что для этого еще не пришло время»¹⁰³. Еще не пришло. Уж не Горбачев ли будет решать, когда оно придет? Пресса разжигала ажиотаж вокруг дел о коррупции, иногда «забегая» вперед следствия, что также не могло нравиться Черненко.

«Компромат» на Горбачева поступал к Черненко от помощников, а, может быть, и из МВД. По наблюдению Лигачева, «с течением времени стала ощущаться некая прохлада в отношениях между Генеральным секретарем и Горбачевым. Мы замечали это по многим приметам: Черненко стал давать различные поручения через голову Михаила Сергеевича, чаще выходил непосредственно на секретарей ЦК по тем вопросам, которые обычно входят в компетенцию “второго”... Вдобавок стала проявляться своего рода ревность, желание поставить в трудное положение»¹⁰⁴.

Однако при посредничестве Лигачева постепенно отношения Черненко и Горбачева наладились¹⁰⁵. Но и после этого Черненко лишь в последний

момент сообщал Горбачеву о том, что в этот день ему поручается вести заседание Политбюро, что не давало «кронпринцу» подготовиться и раздражало его¹⁰⁶. Горбачев был вынужден соблюдать меры конспирации, опасаясь подслушивания, и не обсуждал в помещении перспективы смерти Черненко и смены власти¹⁰⁷.

Осенью 1984 г. состояние здоровья Черненко резко ухудшилось. Его, человека, страдавшего заболеванием легких, направили на отдых в высокогорную дачу «Сосновый бор» под Кисловодском. «Чазов с Горбачевым очень рекомендуют», — говорил Черненко своему помощнику¹⁰⁸. «Даже люди со здоровыми легкими и сердцем трудно переносили разреженный воздух местности, где располагалась дача», — утверждает В.Легостаев¹⁰⁹. Уже когда Черненко почувствовал себя плохо, он беседовал по телефону с Горбачевым. Вспоминает помощник последнего В.Болдин: «Я в это время находился у Михаила Сергеевича и слышал разговор по усиленной правительственной связи. Голос у К.У.Черненко был слаб, прерывист. Он произносил несколько слов и замолкал, набираясь сил. Затем вновь быстро и невнятно говорил. Смысл всего разговора был тревожный. Константин Устинович не скрывал, что чувствует себя плохо, и советовался, что делать дальше. Михаил Сергеевич успокаивал Черненко, считая, что это обострение болезни быстро пройдет, и не надо делать поспешных шагов»¹¹⁰. Несмотря на мнение Горбачева, Генсека пришлось срочно госпитализировать. После поездки в «Сосновый бор» приступы астмы стали частыми¹¹¹. В.Легостаев задает риторический вопрос: «Почему с лидером СССР случилось осенью то, что случилось. Явилось ли это результатом вопиющей врачебной некомпетентности, грубой халатности или точно рассчитанной, хорошо подготовленной и осуществленной умельцами целенаправленной акции»¹¹². Здоровье Генсека после этого уже не восстановилось.

Чтобы обезопасить себя от молодых «кронпринцев», геронтократы стали возвышать их по очереди, противопоставляя друг другу. Звездный час Романова наступил после смерти Устинова в декабре. Министром обороны был назначен связанный с ним еще по ленинградским временам маршал Соколов. С трибуны мавзолея Романов читал траурную речь, посвященную памяти его покровителя и противника. Все это очень напоминало церемонию смены власти и, возможно, многих настораживало.

Тем временем Горбачев направился на землю туманного Альбиона. Этот визит скромно освещался в советской прессе, где заметней был Романов, что лишь наводило кремлевских старцев на мысль о необходимости очередной раз несколько «задвинуть» Романова в пользу Горбачева. Визит в Великобританию, тщательно готовившийся, показал способность Горбачева договариваться с Западом в то время, когда гонка вооружений уже была не по плечу СССР. Это должно было укрепить поддержку Горбачева со стороны ветерана Политбюро А.Громыко, руководителя внешнеполитического ведомства. Громыко понимал, что романовская решительность и тихоновский консерватизм могут оказаться чреватые катастрофой в трудных международных условиях середины 80-х гг. Новый Генсек должен уметь договариваться с Западом.

Выбор главы делегации проходил не без участия англичан. «Восходящая звезда» Кремля воспринималась на Западе как меньшее из зол, и Тэтчер решила убедиться в этом лично. *«М.Тэтчер познакомилась с Горбачевым в феврале 1984 г., когда приехала в Москву на похороны Андропова, — вспоминает заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС Л.Замятин. — Осенью того же года, после длительного охлаждения англо-советских отношений — делегацию Верховного Совета СССР пригласили посетить Лондон с официальным визитом. Через британского посла в Москве дали понять, что премьер-министр могла бы встретиться с главой делегации, если таковую будет возглавлять Горбачев»*¹¹³. Таким образом британцы тонко вмешались в соотношение сил в Кремле, позволив Горбачеву осуществить удачную дипломатическую миссию, блеснуть дипломатическими способностями. В это время Горбачев уже активно участвовал в планировании и осуществлении внешнеполитических операций¹¹⁴, но триумфальный вояж такого уровня не мог не произвести впечатления на Громыко.

Британцы отнеслись к визиту со всей серьезностью — они понимали, что имеют дело с вероятным наследником кремлевского престола. Тэтчер консультировалась с учеными-советологами, уже в это время изучавшими Горбачева. По мнению одного из них, А.Брауна, Уайтхолл никогда не проявлял такого интереса к его изысканиям¹¹⁵.

В Лондоне Горбачев позволил себе беспрецедентную раскованность. Он даже пошутил на неприкосновенную тему: «Кому не нравится марксизм, тот должен предъявлять претензии к Британскому музею»¹¹⁶. Запад внезапно увидел члена Политбюро с человеческим лицом. Выступая в британском парламенте, Горбачев наметил несколько положений, которые выделялись на фоне обычных пропагандистских штампов советской дипломатии: *«Едва ли кто станет оспаривать, что судьбы народов Европы неразделимы... Ядерный век неизбежно диктует новое политическое мышление... Наша страна в ясной и недвусмысленной форме определила свой подход: преодолеть напряженность, решить разногласия и спорные вопросы не силой и угрозой, а путем переговоров с учетом законных интересов друг друга, не допускать вмешательства во внутренние дела»*¹¹⁷. Так мировому общественному мнению была представлена советская разновидность идеи «нового мышления», которая была сформулирована в книге Анатолия Громыко и Владимира Ломейко «Новое мышление в ядерный век». (М. 1984) Концепции «нового мышления» предстоит стать ядром внешнеполитической доктрины СССР после 1985 г. Позднее, беседуя с преемником М.Тэтчер Д.Мэйджором, Горбачев вспоминал: *«Я бы отнес начало перестройки нашей внешней политики и ее новые подходы к декабрю 1984 года, когда я с бывшим премьер-министром Тэтчер встречался в Чеккерсе. Именно там я “прокатал” некоторые принципы общеевропейской политики — и в более широком плане — политики отношений между Западом и Востоком. Так что рождение нового мышления надо относить к декабрю 1984 года»*¹¹⁸.

«Железная леди» заявила о готовности иметь дело с Горбачевым. Громыко мог быть доволен.

Таким образом, к концу 1984 г. были сформированы основные стратегические направления последующих преобразований — концепция «ускорения» и резервный вариант «перестройки», основные идеи хозяйственной и аграрной реформ, ориентация на усиление местных кланов номенклатуры в противовес ведомственным, антимилитаризм и гибкость внешней политики, формула «нового мышления». Была сформирована команда в Политбюро и высших партийно-государственных органах, способная начать преобразование. Действия правящей олигархии, направленные против сращивания бюрократии с собственностью, лишь расширяли ряды сторонников «рыночных реформ» в среде правящей элиты. Дело оставалось за малым — отбить притязания на власть ведомственного лобби и сменить кремлевских старцев у руля власти. Необходима была смена фасада СССР.

Примечания

1. Черненко К.У. Указ. соч. С. 416.
2. Черняев А.С. Указ. соч. С. 12.
3. Цит. по. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 200.
4. Там же. С. 201.
5. Горбачев М. Указ. соч. С. 248—249.
6. Чазов Е. Указ. соч. С. 197.
7. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 331.
8. Ответ на вопрос автора на заседании клуба «Московская трибуна» 6 апреля 1996 г.
9. Воротников В.И. Указ. соч. С. 38.
10. Болдин В.И. Указ. соч. С. 58.
11. Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 27.
12. Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С. 208.
13. Там же.
14. Интервью В.Воротникова в фильме «Вторая русская революция». ВВС. 1 серия.
15. Воротников В.И. Указ. соч. С. 40.
16. Медведев В. В команде Горбачева. С. 17.
17. Интервью В.Воротникова в фильме «Вторая русская революция».
18. Там же.
19. Медведев В. Указ. соч. С. 17.
20. См. Гл. XI.
21. Гришин В.В. Указ. соч. С. 333.
22. Там же. С. 59.
23. Там же. С. 293.
24. Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 27.
25. Воротников В.И. Указ. соч. С. 40.
26. Болдин В.И. Указ. соч. С. 60—61, Горбачев М. Указ. соч. С. 253.
27. Болдин В.И. Указ. соч. С. 206.
28. Воротников В.И. Указ. соч. С. 45.
29. Верг Н. История советского государства. 1900—1991. М., 1994. С. 484.
30. Черненко К.У. Указ. соч. С. 415, 417.

31. Шахназаров Г. Указ. соч. С. 40.
32. Прибытков В. Указ. соч. С. 198.
33. Раззаков Ф. Указ. соч. С. 239.
34. Гдлян Т., Иванов Н. Указ. соч. С. 33.
35. Там же.
36. Гдлян Т., Додолев Е. Указ. соч. С. 45.
37. Чурбанов Ю. Я расскажу все как было... М., 1992. С. 12.
38. Иванов Н. Указ. соч. С. 123—127.
39. Тимофеев Л. Указ. соч. С. 50.
40. Гдлян Т., Додолев Е. Указ. соч. С. 79.
41. Почему он ушел? // Известия. 1990. 23 марта.
42. Гдлян Т., Додолев Е. Указ. соч. С. 214.
43. Гдлян Т., Иванов Н. Указ. соч. С. 27.
44. Черняев А.С. Указ. соч. С. 17—18.
45. Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 167.
46. Почему он ушел? // Известия. 1990. 23 марта.
47. Раззаков Ф. Указ. соч. С. 238.
48. Илюхин В. Указ. соч. С. 43.
49. Кисенишский И.М., Кисенишский М.М. Известные судебные процессы нашего времени. Записки адвокатов-участников. М., 1996. С. 94—95.
50. См.: Иванов Н. Указ. соч. С. 143.
51. Черненко К.У. Указ. соч. С. 418.
52. Там же. С. 438.
53. Там же. С. 416, 441, 442.
54. Королев Ю. Кремлевский советник. М., 1995. С. 251.
55. Черненко К.У. Указ. соч. С. 443.
56. КПСС в резолюциях... С. 509.
57. Там же. С. 511.
58. Там же. С. 525.
59. Земцов И. Указ. соч. С. 181, 249.
60. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 39.
61. Болдин В.И. Указ. соч. С. 95.
62. Горбачев М. Указ. соч. С. 253—254.
63. Медведев В. Указ. соч. С. 21.
64. Там же. С. 22.
65. Там же.
66. Горбачев М. Указ. соч. С. 254.
67. Там же.
68. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 2. С. 86.
69. Медведев В. Указ. соч. С. 22.
70. Brown A. Op. cit. P. 78—79.
71. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 81.
72. Там же. С. 77—82.
73. Там же. С. 81.
74. Там же. С. 82.
75. Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 40.
76. Там же.
77. КПСС в резолюциях... С. 611.
78. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 35.
79. Там же. С. 41.
80. Там же. С. 42.

81. Шумахер Ю.Ш. Беседа с автором.
82. Воротников В.И. Указ. соч. С. 35.
83. Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 28, Тимофеев Л. Указ. соч. С. 33.
84. Печенев В. Указ. соч. С. 111.
85. Тимофеев Л. Указ. соч. С. 34.
86. Горбачев М. Указ. соч. С. 231.
87. Ежегодник БСЭ. 1981. С. 575, соб.инф.
88. Горбачев М. Указ. соч. С. 252.
89. Там же. С. 251.
90. Там же. С. 231—232.
91. Там же. С. 232.
92. Болдин В.И. С. 327.
93. Воротников В.И. Указ. соч. С. 43.
94. Земцов И. С. 319.
95. Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С. 610, 624.
96. Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 52.
97. Болдин В.И. С. 61—63.
98. Рыжков Н. Указ. соч. С. 60—63.
99. Арбатов Г.А. Указ. соч. С. 336—337., Brown A. Op. cit. P. 73.
100. Гипертекстовая система хранения информации «Лабиринт» (тексты и материалы, подготовленные В.Прибыловским, М.Балутенко, Е.Загородней, Н.Митрохиным). (Далее — «Лабиринт»)
101. Печенев В. Указ. соч. С. 37—38.
102. Воротников В.И. Указ. соч. С. 47.
103. Земцов И. Указ. соч. С. 327.
104. Лигачев Е.К. Указ. соч. С. 45.
105. Болдин В.И. Указ. соч. С. 63.
106. Там же. С. 65.
107. Горбачева Р.М. Указ. соч. С. 4—5, Brown A. Op. cit. P. 74.
108. Прибытков В. Указ. соч. С. 15.
109. Легостаев М. Когда пробил час великой измены // Правда, 1990. 1 декабря.
110. Болдин В.И. Указ. соч. С. 67.
111. Прибытков В. Указ. соч. С. 16.
112. Легостаев М. Указ. соч.
113. Замятин Л.М. Горби и Мэгги. М., 1995. С. 17—18.
114. См., например: Надиров Ш.Г. Цеденбал. 1984 год. С. 125.
115. Браун А. Беседа с автором 19 марта 1995 г.
116. Schmidt-Hdiuer С. Op. cit. P. 6.
117. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 2. С. 109, 112, 113.
118. Замятин Л.М. Горби и Мэгги. М., 1995. С. 21.

Часть III

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ТЕЧЕНИЯ**

Реформы 80-х гг. в СССР начались сверху. Но реакция общества на них, а, следовательно, сама динамика преобразований и связанной с ними социальной конфронтации определялась не только действиями «верхов», но и состоянием «низов».

«Верхи» были связаны с различными слоями общества, которые не входили в состав правящей элиты. Была ли эта связь односторонним влиянием, или «низы» в свою очередь воздействовали на руководство страны? Было ли общество жестко управляемым из единого центра механизмом или организмом, состоящим из множества субкультур со своей собственной логикой поведения? Иными словами, было ли советское общество к началу 80-х гг. тоталитарным, или страна жила в условиях авторитаризма, допускающего независимые от государства течения общественной жизни?

Идеологи КПСС провозглашали, что в СССР существует «идейно-политическое единство советского народа». Даже в 1985 г. во Франции Горбачев продолжал утверждать, что население его страны «исповедует» одну идеологию¹. Значительная часть западных исследователей поверила официальной концепции КПСС и пришла к выводу, что в СССР существует тоталитарное общество и присущее ему единомыслие. Так, например, американский публицист У.Лакер, много писавший об общественной жизни СССР, считает, что «Советский Союз того периода был по-прежнему тоталитарным обществом, и никакие отклонения от официальной идеологии не допускались»².

Как мы увидим ниже, ближе к реальности точка зрения Н.Верта. Он пишет о взгляде на советское общество «марксистско-ленинской» и «советологической» историографии: «Обе схемы... игнорировали одни и те же явления: существование богатой и сложной, непрерывно эволюционирующей социальной ткани; наличие “контркультуры” и различных субкультур, способствовавших формированию умонастроений, стремлений и ожиданий вне и вопреки пропаганде средств массовой информации; развитие самостоятельных объединений и “неформальных” организаций, в которых шли споры о будущем. В результате и советологи, и ревнители идеологической чистоты были захвачены врасплох внезапным рождением реформы, инициатором которой стал Горбачев»³.

Основу общественного мнения в СССР (вслед за Российской империей) составляли понятия не политические, а нравственные. Те или иные события оценивались прежде всего с точки зрения их справедливости. В массе своей население считало существующий порядок более или менее справедливым. Даже правительственные привилегии, о которых кое-что знали, воспринимались как справедливое вознаграждение за тяжелый труд.

Углубленное легальное изучение политических проблем обуславливалось сложной схоластикой, которая была призвана объяснить многочисленные «диалектические противоречия» марксистско-ленинского миропонимания. Значительная часть населения воспринимала премудрости общественных наук так же, как и сложности других отраслей знания, и старалась в них не вникать. Другая часть, чувствуя фальшь догм КПСС, не стремилась применять к ним нормы здравого смысла и в то же время с подозрением относились к тем, кто занимался политической казуистикой.

Помню, как во время службы в армии взялся читать от начала до конца сочинения Ленина. Другие солдаты отнеслись к этому занятию с удивлением и большей или меньшей неприязнью: «И охота тебе этой ерундой заниматься. Самым хитрым хочешь быть?» Товарищи по службе восприняли чтение Ленина как постижение правил политического иезуитизма. Интересно, что большинство из них Ленина не читали и свой вывод делали на основе стихийного общественного мнения.

Эта активная аполитичность затрагивала, конечно, не всех жителей страны. Как и везде, в СССР существовал значительный слой людей политически активных. Основную его часть составили интеллигенты (под интеллигенцией здесь понимаются люди интеллектуального труда). По мнению авторов коллективной монографии «Власть и оппозиция. Российский политический процесс в XX столетии», «лейтмотивом выступлений творческой интеллигенции в середине 60-х — середине 80-х годов был не столько политический протест, связанный с сознательным выбором идейных ценностей, сколько борьба за свободу творчества и самовыражения»⁴. Такой «классовый подход» не всегда применим — в общественных движениях участвовало большое количество людей, творчеству которых власти не препятствовали, так как они не были связаны с гуманитарным знанием, свободное развитие которого особенно опасно для власти. Физики А.Сахаров и Ю.Орлов, математик И.Шафаревич могли заниматься творчеством в сфере своей специализации совершенно беспрепятственно, но предпочли риск участия в оппозиционном движении. Движущие мотивы общественного движения кроются в самой потребности интеллигенции в интеллектуальной работе, склонности к критическому анализу действительности все в том же стремлении к справедливости, составлявшем важную черту отечественной культуры. Идеи, возникавшие в сознании участников дискуссий 60—70-х гг., были иногда дороже для них, чем возможность профессионального творчества. Поэтому значительная масса интеллигенции не прекращала автономных от власти обсуждений окружающей действительности, то и дело порождавших «уклоны» от «генеральной линии КПСС» (тем более, что сама эта линия не переставала изгибаться). Относительно широкий слой интеллигенции, не принявший аполитичности, продолжал напряженную работу мысли в таких ячейках общества, как кухни и курилки, где небольшие группы обсуждали в рамках дозволенного общественные вопросы. Эти ячейки составляли основу неформального общественного мнения, которое

восстановилось после «разоблачения культа личности» и не умирало уже никогда. Более или менее свободное обсуждение гуманитарных проблем шло также в институтских аудиториях, где оно камуфлировалось под профессиональные дискуссии. Более ортодоксальные коммунисты встречались в этих ячейках зарождающегося гражданского общества с менее ортодоксальными беспартийными. Неформальное общение стало питательной средой, в которой формировались и неформальные движения, и диссидентство. *«Эти веселые компании изменили общественный климат в стране. Нарушилось главное: закон молчания. Если раньше пределом гражданской честности было неучастие, то теперь от порядочного человека потребовалось слово... И высшая российская ценность — дружеское общение, — пишут о «кухонных» кружках П.Вайль и А.Генис, — легла в основу зарождающегося общественного мнения. Что может быть увлекательнее, чем в компании остроумных подвыпивших людей ругать советскую власть. Продолжением этого веселого времяпрепровождения и стало диссидентство»*⁵. И не только оно.

В то же время было бы преувеличением сказать, что «идейно-политическое единство советского народа» к началу Перестройки было разрушено. «Мы» воевали в Афганистане, сажали диссидентов, запускали ракеты, договаривались в Америке и протестовали против звездных войн. Однако это единство было скорее патриотическим, чем идеологическим (коммунистическим). В то же время тяга к индивидуальности подсознательно противостояла этой общности. Люди объединялись во множество неформальных группировок от национальных землячеств до групп людей, имеющих общее «хобби», от спортивных «фанатов» до диссидентов, от участников организационных игр по методике Г.Щедровицкого до «тусующихся» по всей стране хиппи. Постепенно из этих групп формировались субкультуры — системы связей между людьми, основанные на общности культурно-психологических интересов и стереотипов, отличных от официально признанных.

Время от времени, в зависимости от обстоятельств, власти усиливали борьбу с этими объединениями, сажая филателистов за «спекуляцию» марками, любителей музыки — за «спекуляцию» кассетами, «фанатов» — за хулиганство, которого в этих молодежных группировках действительно хватало — естественный выход энергии, которая не находила лучшего применения. Но подобные атаки «органов правопорядка» давно не были «войной на уничтожение». Ставилась другая задача — не позволить неконтролируемым субкультурам разрастись настолько, чтобы они составили конкуренцию политическому руководству. Было важно, чтобы общественные течения не сформировались в прочную систему гражданского общества, способную оказывать систематическое воздействие на власть. Поэтому интересам правящей элиты соответствовало раздробление общества, его атомизация, при которой соседи почти не знают друг друга. Тогда люди замыкаются прежде всего на государство и производство. Надо признать, что здесь удалось достичь больших успехов. Но полная атомизация не возникла

даже при Сталине, а позднее горизонтальные связи в социуме стали восстанавливаться и укрепляться.

Социолог О.Яницкий считает, что важнейшим фактором формирования гражданского общества (гражданских инициатив) стали коммунистическая идеология и урбанистическая политика, приводившие к созданию ячеек самоорганизации по месту жительства, к которым автор относит даже организации КПСС⁶. Подобные выводы представляются нам чересчур смелыми. Конечно, организации КПСС, домкомы, ЖЭКи, и даже агитпункты, упоминаемые в этой связи О.Яницким⁷, и другие низовые государственные организации, как правило, уже не были в 60-е — 70-е гг. элементами все проникающей тоталитарной власти, они состояли из обычных людей, вовлеченных в текучку обыденной жизни и близких по взглядам и нуждам к населению. Но это еще не дает основания для того, чтобы говорить о них в связи с возникновением гражданского общества и гражданских инициатив. Низовые структуры подобного рода были скорее элементами традиционного общества. В них самоуправление (но не самоорганизация, так как инициатива исходила сверху) сочеталось с исполнением распоряжений вышестоящих инстанций. Гражданское общество формировалось там, где инициативные группы переставали быть объектом управления и начинали активно воздействовать на социум, руководствуясь собственной логикой. Признаком гражданских инициатив является гражданская активность, самостоятельность в отношениях с властью.

Применительно к государственным и официальным общественным институтам (причем не только по месту жительства) уместнее говорить не об элементах гражданского общества, а об их «порождающей среде» (применяя термин О.Яницкого). Под порождающей средой О.Яницкий понимает «легитимные организации, которые непосредственно стимулируют возникновение организаций-носителей социального движения (ОСД), формируют их идеологию и цели, снабжают материальными ресурсами»⁸. По-видимому, роль легитимной организации здесь несколько преувеличена. Как правило, де факто такую роль играли люди, входящие в организацию, а не она сама. Поэтому цели и идеология двух организаций существенно расходились, и в «порождающей среде» постоянно шла борьба вокруг «дочерних» структур. Большая часть ресурсов, как правило, также поступала не от «порождающей среды», а от самих участников движения. С этими поправками можно согласиться с описанием взаимоотношений «порождающей среды» и «ОСД», предложенным О.Яницким: «Первая, создавая вторую, тем самым реализует те свои интересы, которые выходят за пределы ее функций, санкционированных режимом, повышает свой престиж и привлекательность для своих членов, то есть стабилизирует свою деятельность. Вторая приобретает легальную “крышу”, чтобы открыто рекрутировать новых членов, действовать от имени первой и получать необходимые ресурсы»⁹. К «порождающим средам» можно отнести учреждения образования и культуры, научные учреждения, профессиональные (прежде всего творческие) организации, периодические издания¹⁰. Добавим, что порождающей средой (в прямом смысле словосочетания) различных движений

могли быть и учреждения, которые не оказывали им поддержки. Это касается прежде всего песенной культуры и диссидентства.

В 50—70-е гг. контроль за человеком со стороны режима значительно ослаб. Государство словно заключило с обществом негласное соглашение: я не трогаю тех, кто не «покушается на устои» делом или публичным словом. Это позволило некоторым общественным течениям, камуфлировавшим свою идейную независимость от КПСС, стать поистине массовыми. Такие течения составляли базу оппозиции — как современной, так и будущей.

При всем многообразии субкультур, развивавшихся под коркой «морально-политического единства», наибольшее воздействие на общество оказывали те из них, которые вырабатывали элементы самостоятельной идеологии: дискуссионные «кружки», социально активные (в том числе оппозиционные) организации, музыкальные субкультуры. Идеологические споры в обществе не были жестко детерминированы принадлежностью человека к одной из этих сред. В каждой из них существовала широкая палитра мнений, которую «озвучивали» немногочисленные идеологи.

Глава VIII

ЗАПАДНИКИ, СЛАВЯНОФИЛЫ, И СОЦИАЛИСТЫ

Идейные течения в СССР в конце 70-х – первой половине 80-х гг.

— «Россия, Россия, Россия» — ну прямо шизофрения!
— «Россия, Россия, Россия» — какой-то наследственный бред!
— Ведь сказано было, едрена мать: «Умом Россию не понять, В Россию можно только верить»...
Или нет.

Ю.Ким. «Московские кухни».

1. Расстановка

Общественные течения были тесно переплетены между собой, и в их недрах обсуждался спектр идей, который, как мы увидим, был столь же широк, как и идейная палитра гораздо менее авторитарных стран. Вероятно, в современном обществе не может быть иначе, ибо, по замечанию П.Волкова, «человеку свойственно основывать даже самый мелкий поступок на посылке более глубокой философии. Условно говоря, чтобы решить, стоит ли снять шапку в знак протеста при демонстрации на Пушкинской площади, предварительно человек должен решить для себя вопрос о происхождении вселенной, добра и зла. Это кажется несообразным, но так в душе каждый из нас»¹¹. Споры «о происхождении добра и зла» велись как на «московских кухнях», так и в курилках заводов.

Все многообразие взглядов начала 80-х гг. можно разделить на три основные группы, в целом соответствовавшие идейным течениям середины XIX в.: «славянофилы», «западники» и «социалисты». Но если в XIX в. социализм был продуктом спора «западников» и «славянофилов», то во второй половине XX в. уже «западники» и «славянофилы» вышли из недр одного из социалистических учений — господствующей марксистско-ленинской идеологии. Многие участники споров, склоняясь к одному из направлений, сохраняли верность многим предрассудкам официальной доктрины. Иные, порвав с марксистской доктриной, все же не могли расстаться с при-

сущими ей радикализмом и абсолютизацией той или иной идеи. В этом отношении все мыслители этого периода оставались детьми своего времени.

Историк Р.Медведев утверждал, что в стране существует влиятельное «партийно-демократическое» течение, к которому принадлежит и он: *«Немало сторонников данного течения имеется среди работников партийного и государственного аппарата на его различных уровнях, особенно среди тех сравнительно молодых работников, которые пришли в аппарат после XX и XXII съездов партии. Партийно-демократическое течение имеет теперь немало сторонников среди научных работников: экономистов, философов, историков и других. Оно пользуется сочувствием среди части научно-технической интеллигенции, среди части литераторов и в других группах творческой интеллигенции»*¹².

Однако вся эта среда вряд ли может быть отнесена к одному течению. Среди оппозиционно настроенных партийцев были и либералы-«западники», и консерваторы-патриоты, и социалисты-народники.

«Славянофил» И.Шафаревич предложил свое видение расстановки общественных сил: *«можно указать на два течения, наиболее явно расходящихся в своих принципиальных установках... Одно исходит из того, что все общества развиваются по одним и тем же закономерностям, что на этом едином пути Запад обогнал Россию и Советский Союз, и поэтому единственный здоровый путь — это развитие по западному образцу. На такой точке зрения сходятся как те, кто “западный образец” понимает в духе парламентской демократии, так и те, кто исходит из другой идеологии западного происхождения — марксизма. До революции подобная точка зрения тоже существовала, и ее последователи назывались “западниками”*.

*Другие основываются на том убеждении, что каждый народ индивидуален, именно эта индивидуальность должна определять его жизненный путь, только благодаря ей народ и ценен для всего человечества. Поэтому они считают, что направление развития нашей страны должно органически определяться ее предшествующей историей, что разрыв в исторической традиции может быть смертелен для нации и должен быть всеми силами преодолен. Для большинства представителей этого течения основополагающую роль играют взгляды Достоевского на русскую историю. Достоевский сам называл себя “почвенником”. Мне кажется, что такой термин хорошо характеризует все это течение»*¹³.

Обращение к середине XIX в., к дореволюционной эпохе в истории общественной жизни, стало в конце 70-х — начале 80-х гг. весьма распространенным. Писатель-почвенник Ф.Абрамов говорил: «К славянофильству я отношусь очень положительно. Что такое славянофильство? Это любовь к славянам. Любовь к славянским народам, разве это плохо?» Но это, по мнению Абрамова, не должно означать, что другие народы хуже славянских¹⁴. «В острых спорах с западниками, а эти споры продолжаются и сегодня, они, как все люди своего времени, допускали крайности в своих суждениях»¹⁵. Это высказывание может быть применено не только к XIX веку.

С тех пор прошло немало времени. Либеральная мысль (в ее «западническом» варианте) также пыталась найти свое место в новой эпохе. Г.Померанц писал, ссылаясь на С.Франка: *«власть переменилась, существующий строй — большевистский, свергнуть его хотят монархисты. Бывшие левые — сегодняшние правые, бывшие правые стали левыми. Не лучше ли отказаться от двоичной классификации? И Франк предлагает троичную. Белыми он называет либералов, сторонников самодержавия — черными, социалистов — красными. Гражданская война описывается в этих терминах как коалиция белых и черных против красных. Но все коалиции неустойчивы, и возможны другие сочетания, например черносотенного с красногвардейским (пережив 1948 год, я охнул от восторга: какое предвидение!»*¹⁶ Возможно, следовательно, и либерально-социалистическая (социал-демократическая) коалиция. Именно этим путем шли многие «либералы» с партбилетом КПСС, пытаясь смягчить категоричность официальной идеологии. Союз почвенников и либералов также сохранял актуальность в рамках критического отношения к официозу.

Поле боя официозного марксизма-ленинизма, почвенничества, западничества и альтернативного социализма была сфера культуры (прорывы в политическую область выбрасывали смельчаков в диссидентскую микросреду, где различия их взглядов уже имели второстепенное значение (см. Главу IX). Власти, как могли, влияли на соотношение сил в общественном мнении с помощью специальных институтов, руководивших людьми творческого труда — Союзов писателей, композиторов, АН СССР и др. Социалистический реализм (направление, типологически близкое классицизму и официальному романтизму) противостоял авангардизму и критическому реализму. Последнее направление привлекало писателей всех неофициозных идейных тенденций.

В системе перманентного согласования интересов, сложившейся в стране, очень многое зависело от преобладающих позиций в той или иной организации, готовности инакомыслящих деятелей воздерживаться от открытого оппозиционных действий. Например, в апреле 1979 г. Л.Брежневу было присуждена Ленинская премия за его воспоминания. Укрепление «авторитета выдающегося деятеля» было важной политической задачей, и ЦК КПСС принял жесткое постановление по вопросам идеологии и культуры. Одним из последствий ужесточения курса партии стал разгром альманаха «Метрополь». Но, как мы увидим, и в этом деле власти не были последовательны (см. Главу IX). Сама неуступчивость писателей-либералов в этом деле подорвала позиции либеральной части лояльных членов СП. Писатели-патриоты, не связанные с диссидентской оппозицией, на время усилились, чему способствовал и ввод войск в Афганистан. Но либеральные деятели культуры в других сферах не пострадали от «похолодания» 1979 г. Ю.Любимов, например, находился под обстрелом официальной критики и азартно конфликтовал с властями и раньше, и позднее. А во второй половине 1979 г. — начале 1980 г. относительно спокойно работал. Ведь Брежнев не изображал из себя театрального деятеля, а Ю.Любимов в этот период еще находил общий язык с властями. Конкретные особенности политиче-

ской обстановки 1979 г. были относительно благоприятны для «патриотов» (дело Пикуля показывает относительность этой тенденции), приход к власти Андропова несколько изменил климат в пользу западников. Но в целом каждая из этих «перемен погоды» не приводила к уничтожению одного из течений и не имела решающего значения для исхода их борьбы.

2. «Славянофилы» и «западники»

Спор «западников»-либералов и «славянофилов»-консерваторов начал возобновляться в 50-е гг. XX в. в виде дискуссии «физиков» и «лириков» — технократов-прогрессистов и поклонников эстетических и этических начал общественной жизни. На практике в этом споре победили «физики», ибо на их стороне была логика индустриального общества. «Спор между физиками и лириками, который, казалось бы, должен был подогреть физиков духовным светом, а лирикам явить лицо реально изменившегося мира и закончиться к общей пользе, в действительности же из аудиторий перешел на рабочие площадки и из точки зрения превратился в способ действия... — считает Г.Распутин. Не прошло и двадцати лет, как симпатичный “физик”, напоминавший гусара, вырос в опасного и самовластного технократа, ловко лавирующего между долгом, целью, выгодой и моралью»¹⁷. Но последствия победы «физиков» вызвали ответную реакцию — недовольство низкой эффективностью хозяйства, экологическими и нравственными издержками индустриальных рынков. «Физики» также составляли немалую часть недовольных, справедливо указывая на связь неэффективности экономики с социально-политическим устройством, то есть с «гуманитарными» недостатками.

Если большинство «физиков» в силу технократизма тяготели к либеральному западничеству, то «лирики» группировались вокруг литературных и искусствоведческих кругов, что для многих из них предопределило эволюцию к почвенничеству. Почвенничество важно отличать от официальной державности — многие почвенники видели в гигантской Империи угрозу национальной культуре.

Еще в 1966 г. им удалось добиться создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), которое позволяло не только на легальной основе протестовать против строительного варварства, но и обсуждать под «крышей» общества философские и социально-культурные проблемы, выходящие за рамки официальной доктрины. Большую роль в пропаганде патриотических взглядов имела писательская трибуна. Это не значит, что Союз писателей был захвачен славянофилами, но здесь они сохраняли позиции, утерянные писателями-западниками, склонявшимися к диссидентству, особенно после 1979 г.

Рупором почвенничества были писатели-«деревенщики». Умело обходя острые социальные вопросы, они сохранили за собой массовую трибуну, а вместе с ней и роль лидеров легальной «оппозиции его величества». Особенный резонанс в это время вызывает творчество писателей-«деревенщиков» и близких к ним авторов почвеннического направления —

В.Астафьева, В.Распутина, В.Белова, Ю.Бондарева, В.Солоухина и не дожившего до Перестройки Ф.Абрамова.

АСТАФЬЕВ Виктор Петрович

1924 г. рождения. Был беспризорником, воспитывался в детском доме. Учился в железнодорожной школе, в 1942—1945 гг. в армии. В 1945—1951 гг. работал дежурным по вокзалу станции, кладовщиком, слесарем, подсобником, вахтером. Посещал литературный кружок при газете «Чусовской рабочий». В 1951 г. начал печататься. В 1951—1955 гг. работал в газете «Чусовской рабочий». Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М.Горького. С 1958 г. — член Союза писателей СССР. В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР. В 1991 г. — секретарь правления Союза писателей СССР. Автор произведений «До будущей весны», «Кража», «Царь-рыба» и др.¹⁸

БЕЛОВ Василий Иванович

1932 г. рождения. Работал колхозником, учился в школе ФЗО в 1949 г. В 1949—1952 гг. работал столяром, мотористом, электромонтером. Служил в армии в 1952—1955 гг. В 1955—1956 гг. работал столяром. Член КПСС в 1956—1991 гг. В 1956—1958 гг. литературный работник районной газеты «Коммунар» в Вологодской области. В 1958—1964 гг. — первый секретарь райкома комсомола. В 1988 г. — секретарь правления Союза писателей СССР. В 1989—1992 гг. — народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР (1989—1990 гг.). Член ЦК КПСС в 1990—1991 гг. Член оргкомитета Фронта национального спасения в 1992 г. Автор произведений «Кануны», «Моя жизнь», «Лад. Очерки о народной эстетике» и др.¹⁹

РАСПУТИН Валентин Григорьевич

1937 г. рождения. Закончил Иркутский государственный университет. Работал журналистом до 1966 г. Секретарь правления Союза писателей СССР и РСФСР (1986—1992 гг.). В 1989—1992 гг. — народный депутат СССР. В 1990—1991 гг. — член Президентского совета СССР. В 1992—1993 гг. сопредседатель Думы Русского национального собора. Сопредседатель Фонда славянской письменности и славянских культур. Автор произведений «Деньги для Мариш», «Прощание с Матерой», «Пожар» и др.²⁰

БОНДАРЕВ Юрий Васильевич

1924 г. рождения. Участник войны. Закончил Литературный институт им. А.М.Горького. Печатается с 1949 г. Секретарь правления Союза писателей РСФСР в 1970—1971 гг. Секретарь правления Союза писателей СССР в 1971—1990 гг. Заместитель председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР в 1984—1991 гг. Член КПСС в 1944—1991 гг. Член ЦК КП РСФСР в 1990—1991 гг. Председатель правления Союза писателей РФ с 1990 г. Один из авторов сценария фильма «Освобождение». Автор произведений «Тишина», «Горячий снег», «Батальоны просят огня», «Игра» и др.²¹

СОЛОУХИН Владимир Алексеевич

1924 г. рождения. Закончил Владимирский механический техникум, после чего до конца войны служил в армии. Занимался в литературном объединении. В 1953 г. вышел первый сборник стихов. Закончил Литературный институт им. А.М.Горького. В 1964 г. опубликовал статью «Диалог», в которой в завуалированной форме критиковал ситуацию, сложившуюся в советской деревне и излагал позицию направления, позднее получившего название «деревенщиков». Автор произведений «Мать-мачеха», «Приговор», «Письма из русского музея», «Время собирать камни» и др. Председатель совета Фонда восстановления Храма Христа Спасителя²².

Славянофилы находят свою конструктивную программу в культурном потоке, который одновременно — и социальная преемственность. В.Солоухин в своих эссе, напрашиваясь на официальную критику, возвращается к славянофилам прошлого века и рассуждает о роли Бога и монастырей в отечественной культуре. «Наш современник» рукою Ю.Селезнева (вслед за В.Кожинным и С.Семановым) выстраивает единую линию шестисотлетней борьбы русской нации с космополитичными татарами, капиталистами и фашистами. Еще более радикальные отступления от «генеральной линии», далеко выходящие за рамки авторитарной дозволенности, позволяли себе авторы региональных журналов. В 1982 г. нашумела рецензия М.Лобанова в «Волге» на роман М.Алексеева «Драчуны», в котором он обличал коллективизацию и коммунистическое наступление на русское крестьянство. При всем различии стиля, категоричности и обоснованности этих работ, за ними стояла ясная концепция — русская культура является приоритетной ценностью в сравнении с коммунизмом, и официальные ценности принимаются лишь постольку, поскольку подкрепляют национальное сознание, традицию, величие Отечества. Не удивительно, что выступления патриотических журналов то и дело влекли за собой официальную критику, разбирательства, а иногда — и оргвыводы²³.

Произведения «деревенщиков» в конце 70-х гг. все более критичны. Они показывают моральное разложение, царящее в обществе «развитого социализма», разрушительное воздействие индустриальной машины — «технического прогресса» на человека и природу. Надежду на спасение «деревенщики» видят в сохранении традиций, а не в победной поступи «прогресса». Но эти литераторы не делали политических выводов. Таким же путем пытались двигаться и инакомыслящие писатели других направлений — авторы «Метрополя» (см. Главу IX), — но более решительно и менее успешно. В целом «славянофилы» конца 70-х — начала 80-х гг. были достаточно осторожны, чтобы не потерять массовую трибуну, и в то же время достаточно критичны, чтобы привлекать внимание. Во второй половине 70-х гг. именно писатели патриотического направления имели наилучшие возможности для пропаганды своих воззрений.

Одно из объяснений влияния «деревенщиков» заключается в том, что к ним вплотную примыкали певцы входящей в силу аграрной элиты. И в этом был залог поддержки «сельской тематики» сверху. «...Раздумывая над судьбами лучших сельских руководителей, я прихожу к выводу, что все они

обладали огромным нравственным запасом. Не все они были выдающихся деловых качеств, но совесть их была высшей пробы», — писал, например, И.Васильев²⁴. Как не умилиться правящей аграрной генерации (включая и М.Горбачева) — пусть не всегда можем достичь чего-то, но сельское прошлое дало нам нравственный знак качества. Все, что ни делаем — творим по совести. Обличение аморальности наступления на деревню оборачивалось в сознании аграрной элиты уверенностью в собственном нравственном величии. «Деревенщики», таким образом, воспринимались, несмотря на всю их критичность, как союзники, как «наша» общественность.

Но одной поддержкой сверху влияние «деревенщиков» не объяснить. Почему писатели, резко критиковавшие город, были так популярны не только в деревенской, но и в городской среде? Горожанин, оторвавшийся от корней традиционного общества, от связей с природой, попавший в жернова индустриальной структуры, ощущает все больший дискомфорт. Возвращение на лоно природы в редкие дни отдыха, размышления об исторических корнях переживаемых им больших и малых невзгод (особенно присущие интеллигенции) — нередко приводит к осознанию того, что помимо привычных благ прогресс несет с собой и зло, которое, может быть, важнее сиюминутных преимуществ городской жизни. Отсюда внимание к размышлениям «деревенщиков», их популярность среди городской интеллигенции.

Не только «деревенщики», но и часть либеральной интеллигенции, в том числе и из диссидентских кругов, видело в обращении к традиции возможный выход из идейного «застоя». «Сейчас же, скорее, иное привлекает и вселяет надежду, — писал М.Гефтер в 1979 г., — заново растущий интерес к прошлому, ближнему—дальнему, ко всему, что содержит память, позволяя вступающим в жизнь поколениям разобраться в наследстве, вновь ощутив себя наследниками»²⁵. Какими разными будут эти наследники — и осторожные либералы-западники, и анархисты, и национал-экстремисты, и носители сотен других оттенков мысли сделают свои выводы из исторического опыта.

Поле истории бдительно оберегалось идеологической машиной КПСС. Здесь любой неосторожный шаг мог вызвать скандал. В 1979 г. много шума «наделал» роман примыкавшего к деревенщикам автора исторической беллетристики В.Пикуля «У последней черты». Первые два номера журнала «Наш современник» с этим сатирическим произведением о Г.Распутине, Николае II и придворной жизни кануна революции 1917 г. повлекло за собой специальное разбирательство в ЦК и критические отклики в прессе. Причина высочайшего гнева заключалась в том, что *«вне зависимости от намерений автора, его сочинение подводит к выводу, что самодержавие пало не в результате социальной революции, а саморазложилось, что совпадает с трактовкой буржуазных историков»* (записка заведующих культурой и пропаганды)²⁶. В качестве положительных героев у Пикуля действуют Победоносцев и особенно Столыпин, которому автор приписал просто революционные речи. Докладывая царю о помещиках, герой Пикуля заявляет: «Вот они и живут с земли, которую сосут, угнетая крестьян»²⁷. Таким образом, Пикуль становился на сторону «реакционера», что и было поставлено

ему в вину. Также писатель обвинялся в «натурализме» и «обострении ситуации» в описании «сионистского влияния»²⁸. По всей видимости, имеются в виду сцены подкупа еврейскими магнатами придворных. Впрочем, Пиккуль не распространяется о сионизме, а лишь упоминает о еврейском происхождении одного из ведущих «злодеев» своего повествования И.Мануса. В итоге разбирательства в ЦК публикация романа была продолжена, но сам он был еще раз тщательно отредактирован, а договор на публикацию книжной версии отменен.²⁹

Русские писатели второй половины 70-х гг. далеки в своих выводах от политического радикализма. Рассуждая о причинах нарастающего в стране хаоса, Ф.Абрамов обрушивается не столько на «начальство», сколько на рядового человека: *«Или моя хата с краю, я ничего не знаю? Или как в некрасовские времена: “Вот придет барин, барин нас рассудит”? Все упования на барина!»*³⁰. Иллюзия народовластия, которая лежит в основе выстулений части «деревенщиков» — мина замедленного действия под зданием государственной машины. Все более вопиющая бесхозяйственность и прогрессирующее падение динамизма системы провоцировало общественность на то, чтобы воспользоваться формальными правами, представленными «народу». Но если раньше этим путем шли немногочисленные и никому не известные жалобщики и выступающие против самой общественной системы диссиденты, то теперь на авансцену выходили известные в стране люди, обладающие статусом и не критикующие «социалистический» общественный строй как таковой.

Консерватизм «деревенщиков» был весьма относительным. В.Астафьев заключает свою «Царь-рыбу» словами признания неизбежности перемен: «Переменилась моя родная Сибирь, и все переменялось. Все течет, все изменяется! Так было. Так есть. Так будет». Но симпатии «деревенщиков» не на стороне такого прогресса. И даже противники признают силу их критических аргументов: «Когда критики насмешливо называют их “мужиковствующими” и вспоминают слова Маркса об “идиотизме деревенской жизни”, они отвечают, что идиотизм городской жизни еще ужаснее», — писал о «деревенщиках» американский публицист У.Лакер. Он иллюстрирует свою мысль примером В.Белова: «Для Белова, как и для большинства писателей-“деревенщиков”, большой город — место враждебное, угрожающее и даже опасное: дома здесь огромные и безмянные, народ холоден и молчалив»³¹. Но увы, большой город опасен не только с точки зрения «деревенщиков», но и объективно — урбанизация усилила проблемы преступности, техногенных катастроф, экологического кризиса, стресса и т.д. «Деревенщики» лишь описали эту «объективную реальность», взглянув на нее со стороны — глазами сельского жителя.

С их сельским романтизмом спорили не только официальные идеологи, но и оппозиционная либеральная мысль. Наиболее последовательно взгляды этого направления изложил в конце 70-х — начале 80-х гг. Г.Померанц.

ПОМЕРАНЦ Григорий Соломонович

1918 г. рождения. Участник Отечественной войны 1941—1945 гг. В 1949—1953 гг. находился в заключении. Автор исследований и эссе по вопросам истории, религии, культуры, философии. Востоковед. С конца 50-х гг. участвует в организации неформальных лекций на гуманитарные темы. Публиковался в самиздате, не прибегая к псевдониму. Участник правозащитного движения. В 1976—1987 гг. запрещен к публикации в СССР³².

Отталкиваясь от западной «социологии развития» Померанц оценивает в качестве модернизации (то есть движения по пути прогресса) «втягивание в отношения, сложившиеся в Европе в 17—19 вв.»³³. Это развитие характеризуется высвобождением науки, искусства, школы из-под контроля религии, дифференциацией социальной структуры и экономики, ростом удельного веса промышленности. «Модернизация — это ускоренный и непрерывный процесс рационализации человеческих отношений с природой...»³⁴ Более того, «если отбросить оценки, то реальное содержание прогресса — дифференциация...»³⁵ — констатирует Померанц. Цель человечества — дифференциация, распыление его на атомы.

Померанц не приводит достаточных доказательств того, что именно дифференциация всегда отличает более поздние (развитые) общества от более ранних. Таким образом, дифференциация превращается из объективного показателя прогресса в ценностную характеристику. К дифференциации следует стремиться, если есть желание двигаться именно по пути прогресса.

В большинстве случаев «прогресс» происходит не под воздействием внутренних причин, а в результате культурной интервенции. В результате неизбежна «обратная реакция» в странах, «для которых секуляризация сознания, разрушение святынь, распад архаических связей выступает как вторжение чуждой идеологии»³⁶. Таким образом, противодействие «прогрессу», то есть «реакция» опирается на национальные традиции страны. Следовательно, и сами эти традиции реакционны.

Иногда Померанц словно просыпается (или это более поздние вставки в написанный ранее текст?). Он пишет о вторжении западной культуры: «Отчасти это близкий поток суррогатов, изготовленных для массового обихода. По отношению к нему борьба за местную и региональную культуру есть борьба за культуру вообще. Отчасти даже мировая культура остается культурой, но культурой западной, европейской, и невозможно ожидать, что китайцы, индийцы безоговорочно примут ее»³⁷. Так в чем же реакционность, о которой говорилось выше?

Померанц подчеркивает, что западнический взгляд на мир не направлен специфически против российской культуры, «что страны Азии и Африки повторяют многие очень специфические черты русского развития...», и более того, цитирует Р.Беллу: «Германия была первой слаборазвитой страной... почувствовавшей мощное давление к переменам со стороны чуждых ей... западных обществ»³⁸. «Прогресс» имеет своим источником не просто «запад», а ряд стран Европы (прежде всего Великобританию).

Трудно спорить с тем, что на определенном этапе исторического развития Великобритании стала выходить вперед в «соревновании» социумов, после чего большинство стран мира повторяло многие черты британского развития, как до того сама Британия повторяла, например, путь Италии. Но при этом подобное «повторение» часто происходило без непосредственного контакта с лидирующей культурой. Так, например, в России XVII в. развивалась рассеянная мануфактура — несколько позднее, чем в Англии и Голландии, но без существенного влияния с Запада. Япония, «отбив» натиск западных держав в середине XIX в., переняла многие черты западного развития, но стала развивать их совершенно особым, традиционным для себя способом. Все это заставляет усомниться в «реакционности» национальных культур.

Уязвимость «теории модернизации» чувствует и сам Померанц. Он называет идею прогресса «по сути ложной»³⁹, тем самым опровергая утверждения своих противников о том, что продвижение по пути «прогресса» (и одновременно по пути Запада) самоценно для теоретика либерализма. Померанц пишет о мыслителях, для которых Запад представляет безусловный идеал: «Если взять нашумевшие в 60-е годы “Ступени роста” Ростуо, то кажется, что они написаны не после Шпенглера, а где-то на Луне, откуда кризис Запада еще не заметили...»⁴⁰ Наиболее глубокие (но далеко не все) теоретики российского либерализма уже заметили кризис Запада. Их ценности достаточно далеки от апологии индивидуализма. «Христос на кресте — символ этических принципов цивилизации в ее повседневной жизни»⁴¹, — пишет Померанц. Но все же модель западного общества, при всех ее недостатках, при всех трудностях перехода к ней — меньшее из зол. А для эпигонов Померанца — так и безусловное добро, ибо Христос для них — лишь полезный инструмент воспитания протестантской экономической культуры. Парадоксальным образом даже христианство (как критерий добра) объявляется Померанцем невысказанным на Востоке: «Допустим на минуту, что Христос вочеловечился в Монголии или Скифии. Он мог не угодить жестокому князю и быть казненным; мог прожить до старости (варвары щадят юродивых и безумцев). В обоих случаях его через несколько лет забыли бы»⁴². Эта гипотеза противоречит общеизвестным фактам. Христос проповедовал на территории отнюдь не западной страны, был казнен властями, представлявшими как западную, так и восточную культуру. А затем — в VI—XIX вв. его учение в форме несторианства стало массовым на Востоке (в том числе и на Дальнем). Восточная культура оказалась почти столь же благодатной для адаптированного христианства, как и западная. Игнорируя этот факт, Померанц, при всех оговорках в пользу восточных культур, склоняется к апологии западной.

Западная модель общества и прогресс, связанный с «дифференциацией», ценен для Померанца и других либералов потому, что он (как им кажется) позволяет утвердить принципы индивидуальной свободы. Уровень свободы на современном Померанцу Западе много выше, чем на «Незападе». И автор подчеркивает, что это обусловлено всей историей западной культуры, которая выгодно отличается от истории «незападных» культур: «На Западе на

учное мировоззрение, развиваясь рядом с религиозными реформами, практически сживается с христианской по происхождению этикой. На Западе внезапно появившаяся наука сталкивается с религией, совершенно не готовой к диалогу»⁴³. Это говорится о временах сожжения Д.Бруно, процесса Г.Галилея, «охоты на ведьмы», в том числе и в странах «религиозных реформ». Но Померанц обходит эти «киздержки», иначе его концепция постоянного превосходства Запада над «Западом» может пострадать. Ведь если и колыбель Западной Европы Италия — «Запад», то почему это явление вообще можно называть Западом?

В качестве других особенностей европейской культуры Померанц выделяет неразвитость государства и свободу городов. Эти явления сильно преувеличены, особенно если вспомнить о европейском абсолютизме, стадийно соответствовавшем российскому самодержавию, с которым Померанц сравнивает европейские реальности более ранней эпохи.

Померанц делает вывод: «Подготовка условий капитализма в Европе — результат аномалии европейского общества...»⁴⁴ Без специфических («аномальных») европейских черт культуры развитие после феодализма невозможно. Без «вестернизации» «Запад» обречен на вечный застой. Отсюда двойственное отношение Померанца к преобразованиям Петра, методы которых весьма далеки от либеральных идеалов: «Петр втолкнул Россию в Европу. Он бросил семена европейской культуры, и лет через сто они проросли»⁴⁵. Возникает соблазн так же «не либерально» втолкнуть Россию в Европу еще разок. Несмотря на возможные жертвы и деспотичность методов «вталкивания». Чтобы когда-нибудь потом все же «проросли семена».

Тесная увязка принципа индивидуальной свободы и примера Западной культуры (в значительной степени идеализируемой при этом) определяет неразрывную связь между российским либерализмом и «западничеством». Эта связь еще не была так однозначна в XIX в., когда либерал мог одновременно быть и славянофилом. В 60—70-е гг. осознание опыта российского пути к свободе оттолкнуло либералов от попыток самостоятельного поиска в этом направлении, а почвенников — от увлечения западными теориями (в том числе и теорией приоритета гражданских прав и индивидуальной свободы). И хотя оба лагеря (либеральный-«западнический» и консервативный-«почвеннический») сохраняли более или менее выраженную антикоммунистическую направленность, их противостояние друг другу было не меньшим, а подчас большим, чем противостояние официальной доктрине.

Оба течения связывали бедствия последних десятилетий с явлениями, которые роднят их противника с коммунизмом. «Почвенники» «упирали» на западное происхождение марксизма, антирусский характер большевистской революции. Либералы связывали и большевизм, и «почвенничество» с утопией, указывая на невозможность воплощения в жизнь идеалов и того, и другого⁴⁶. Однако и идеалы либерализма в полном объеме никогда не воплотились в жизнь. Методы проведения «либерализации» часто бывали деспотичны, права человека в странах Запада то и дело нарушались. И даже Померанц, осудивший было идею прогресса, признающий прогресс только в сфере нравственных задач, выносит свой приговор: «Почвенничество как

всякий романтизм фантастично и часто реакционно...»⁴⁷ Реакция — это то, что противостоит прогрессу, который остановить невозможно. «Почвенничество» реакционно потому, что противостоит неизбежной, с точки зрения, Померанца вестернизации и атомизации. И не важно, что почвенники ставят высокие нравственные задачи. Академический тон забыт, и Померанц пишет о «брედовых представлениях, овладевших умом В.Белова и В.Распутина»⁴⁸.

Почвенники подвергались атакам не только со стороны либералов-«западников», но и со стороны оппозиционных официальному курсу социалистов. Так, например, в 1979 г. статья Р.Пименова о выставке И.Глазунова подверглась резкой критике в самиздате со стороны ветерана диссидентского движения и социалистки по взглядам Р.Лерт: «Заявив, что Глазунов “превосходно передал русскую душу”... Пименов уточняет: под русской душой он, Пименов, здесь понимает “строй мыслей и чувств деревенского населения околomosковских областей, ну хотя бы бывшего Владимиро-Суздальского княжества”».

Мне, честно говоря, не понятно, как можно так делить душу русского народа... То есть, я понимаю, конечно, что в ряде научных дисциплин (социологии, экономике, статистике, фольклористике и др.) такое расщепление на области и ареалы обитания вполне обоснованно. Но при чем тут “душа”?... Все же я успела испытать легкое недоумение: обладал ли бессмертной (и национальной) душой обитатель русского севера Михайло Ломоносов и обладают ли ею его земляки, наши современники, — скажем Ф.Абрамов или В.Белов? А Василий Шукшин?...

Но недоумение тут же рассеялось.

“Этнически, — продолжает Пименов сразу же после упоминания Владимиро-Суздальского княжества, — это конечно сплав славянской и финно-угорской крови (меря, весь, чудь), но столь древний, что законно говорить о русской душе”.

Вот тут уже что-то похожее на искренность! Душа народа по Пименову определяется расой, кровью (знакомые слова, не правда ли?). Добиться в конце XX века расовой чистоты трудно (это Пименов понимает). Но он все же настаивает на том, что говорить о русской душе законно лишь в том случае, если эта душа обитает в теле, обладающем достаточно древним “сплавом крови”... К чести ранних славянофилов, нужно сказать, что они, в отличие от тех, кто сегодня претендует на их наследие, сортировки по расовому признаку не производили. Они понимали, что душу нации образует не кровь, а культура — ценность, не упоминаемая Пименовым в его “списке добра”... Национальные характеры существуют, но национальной иерархии нет, кроме как в воспаленных национализмом мозгах... Духовная самоизоляция не способствует, а противодействует самосохранению, жизненной силе и здоровью нации и национальной культуры: в результате такой самоизоляции культура хиреет, становится хрупкой и ломкой»⁴⁹.

Интересно, что Пименов, подвергшийся столь острой критике за национализм, принадлежал к диссидентским кругам, тяготевающим как раз к западной мысли. Жесткой грани между сообществами еще не было.

ПИМЕНОВ Револьт Иванович (1931—1990)

В 1948 году Пименов поступил на дневное отделение математико-механического факультета Ленинградского университета им. А.А.Жданова. Еще в школьные годы у Пименова наметился конфликт с окружающим его советским строем. В институте дело дошло до открытого конфликта — 10 октября 1949 года Пименов подал заявление о выходе из ВЛКСМ «в связи с тем, что мои убеждения расходятся с требованиями, предъявляемыми комсомольцу...». В ответ он был помещен матерью и университетской общественностью в психиатрическую больницу (с 10 ноября по 24 декабря). В феврале 1953 года Пименов был исключен из ВЛКСМ, а 17 апреля и из университета (формальный повод — за шум на лекции и пропуски занятий, реальный — личный конфликт с ректором университета по политическим мотивам), однако вскоре — 20 января 1954 г. — был восстановлен и в июне 1954 года получил диплом.

Параллельно с учебой в университете он работал преподавателем в вечерней школе. Вторую половину 1954 года Пименов провел в продолжительном путешествии по Кавказу. С января по декабрь 1955 года — Пименов работал инвентаризатором в Библиотеке академии наук. С сентября 1955 года преподавал в Ленинградском технологическом институте пищевой промышленности (ассистент кафедры математики). В марте 1956 года размножил на машинке доклад Н.С.Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культуре личности И.В.Сталина» со своими примечаниями. В ноябре 1956 г. написал «Венгерские тезисы». К периоду ноября 1956-марта 1957 года относится его деятельность по созданию подпольной организации для борьбы с советским правительством. Организация занималась написанием и размножением самиздата, а также самообразованием. В нее входили — ближайшие друзья Пименова — Э.С.Орловский, И.С.Вербловская, И.Д.Заславский, группа из Библиотечного института (руководитель Б.Б.Вайль, он же руководил группой в Курске), марксистская группа И.В.Кудровой-В.Л.Шейниса. Важной и новой формой антиправительственной агитации были информационные бюллетени «Информации», которые Пименов составлял на основе информации, полученной от членов организации, а также используя переводы из доступных газет и журналов стран советского блока. Арестован 25 марта 1957 года по обвинению в преступной деятельности, предусмотренной статьями 58 (1011) УК РСФСР. Процесс по делу Пименова проходил в Ленинградском городском суде с 26 августа по 6 сентября 1957 года. Пименов получил 6 лет лагерей, Вайль — 3, К.Г.Данилов (член группы Вайля из Курска) — 2, И.Д.Заславский — 2, И.С.Вербловская (гражданская жена Пименова) — 2. Вину остальных участников подпольной организации следствию доказать не удалось. 7 декабря 1957 года Коллегия Верховного суда РСФСР отменила по протесту прокурора приговор Ленгорсуда «за мягкостью». 4 февраля 1958 года Ленгорсуд в новом составе вынес новый приговор. Всем осужденным квалифицировали обвинение по ст. 58—11. Пименов получил — 10 лет и поражение в правах на три года, Вайль — 6 лет, Вербловская и Заславский по 5 лет, Данилов — 4 года. 20 марта 1958

года Судебная коллегия Верховного суда РСФСР подтвердила приговор Ленгорсуда, и лишь Заславскому срок был снижен до 2 лет. В 1959 году в политических убеждениях Пименова произошел перелом, и он отошел от марксизма. За время отбывания наказания Пименов написал ряд работ по космологии и лингвистике, заинтересовавших видных ученых. По ходатайству некоторых из них — в первую очередь академика М.В.Келдыша и поэта А.Т.Твардовского — постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1963 года Пименов был 26 июля освобожден условно с испытательным сроком в три года. В 1963—1970 годах работал научным сотрудником Ленинградского отделения Математического института им.Стеклова АН СССР, где вел научный семинар по математическим проблемам теории пространства-времени, читал лекции по геометрии студентам матмеха ЛГУ, защитил кандидатскую (1965 г.) и докторскую (ноябрь 1969 г.) диссертации по специальности геометрия и топология (в связи с арестом докторский диплом был им получен только в конце 1988 г.). Являлся членом Гравитационного комитета, автором книги «Пространства кинематического типа» и многих математических статей. Кроме того, написал несколько исторических пьес и большое количество самиздатских статей, среди которых можно назвать работу «Как я искал английского шпиона Сиднея Рейли» и «Происхождение современной власти». Арестован 23 июля 1970 года в Ленинграде и 22 октября 1970 года осужден (вместе с Б.Б.Вайлем и В.Зиновьевой) Калужским областным судом по 190-1 УК РСФСР к 5 годам ссылки за распространение самиздата (реабилитирован 26.06.1991 г.). Ссылку он отбывал в пос. Краснозатонский близ Сыктывкара, затем в самом Сыктывкаре. С 1972 года и до своей кончины Пименов работал в Коми филиале АН СССР, преобразованном впоследствии в Коми научный центр Уральского отделения АН СССР (занимал должности от младшего до ведущего научного сотрудника). Принимал активное участие в правозащитной деятельности, собирал и передавал материалы в бюллетени «Хроника текущих событий» и «Вести из СССР». В конце 70-х — начале 80-х годов активно сотрудничал с редакцией неподцензурного исторического альманаха «Память» (составлялся в СССР и издавался во Франции), в котором, в частности, были опубликованы фрагменты его воспоминаний. Один из первых переводчиков *fantasi* Дж.Толкиена «Властелин колец».

В 1989 году был доверенным лицом А.Д.Сахарова на выборах народных депутатов СССР, Народный депутат РСФСР в 1990 г.⁵⁰

ЛЕРТ Раиса Борисовна (1906—1985)

Родилась в еврейской семье на Украине. В 1919 г. пережила еврейский погром в Киеве. Исключена из гимназии за отказ приветствовать Добровольческую армию. Участвовала в коммунистическом подполье. В 1922 работает в Москве — в типографии, затем в качестве журналиста в «Правде» и других периодических изданиях. Член КПСС в 1926—1979 гг. В годы войны — контрпропагандист ТАСС. Во время борьбы с «космополитизмом» была безработной, затем вернулась в журналистику. С 50-х гг. активно участвовала в критике культа личности Сталина. В 60-е гг. сближается с правозащитным движением. Вместе с Р.Медведевым выпускала журнал «XX век». После охлаждения отношений с Медведевым участвовала в выпуске журнала «Поиски».

От социалистки Лерт доставалось и «западникам»: «Есть среди них и философы, и экономисты, проповедующие, что спасение России придет не от Христа, не от Мессии, не от Маркса, а от... барыги-спекулянта»⁵¹. Как видим, дискуссии 70-х гг. не носили «умозрительного» характера, и опасности, о которых предупреждали тогда, стали реальностью дня в 90-е гг.

Одним из ключевых в идейно-политических спорах в конце 70-х гг. становится понятие культуры. Какая культурная традиция предпочтительна для дальнейшего развития страны? Почему происходит разрушение культурной почвы? Что (или кто) ей угрожает? В начале 70-х гг. один из теоретиков «почвеннического» течения И.Шафаревич выдвинул версию о том, что угрозу культуре России несет «русофобия», существующая как идеологическая и социальная сила. В систематическом виде взгляды Шафаревича по этому вопросу были сформулированы в книге «Русофобия», которая была написана в 1978—1982 гг., распространялась в машинописных копиях в узких кругах и вышла массовым тиражом уже в период Перестройки, оказав большое воздействие на взгляды «патриотов». В заочный спор с Шафаревичем вступил Г.Померанц — один из авторов, критике взглядов которого посвящена «Русофобия». В своих работах 70-х гг. — начала 80-х гг. он затрагивает те же темы с «космополитической» точки зрения. Несмотря на то, что по мере доработки во второй половине 80-х гг. взгляды Г.Померанца несколько смягчались, противостояние двух авторов от этого не стало менее принципиальным. Во многом их заочный спор лежит в основе идейной борьбы современного либерализма и консерватизма в России⁵².

ШАФАРЕВИЧ Игорь Ростиславович

1923 г. рождения. Математик-алгебраист. В 1937 г. поступил на механико-математический факультет Заочного индустриального института МГУ. С 1946 г. преподавал на кафедре высшей алгебры механико-математического факультета МГУ. В 1947—1960 гг. — старший научный сотрудник Математического института. Доктор физико-математических наук, профессор. С 1960 г. — завотделом алгебры Математического института. Член-корреспондент АН СССР (с 1958 года), лауреат Ленинской премии, Лауреат Хайнемановской премии Геттингенской Академии наук. Президент Московского математического общества. Преподаватель МГУ.

В 1971 г. вошел в Комитет прав человека. До этого в Комитет входили А.Сахаров, А.Твердохлебов, В.Чалидзе.

Принимал участие в работе Комитета до 1973—74 годов. Правозащитную деятельность не прекращал и позднее. В середине 70-х — начале 80-х годов Шафаревич пишет свои основные работы, создавшие ему репутацию идеолога национально-православного движения («Обособление или сближение?», «Есть ли у России будущее?») (вошли в сборник «Из-под глыб», Париж, 1974 г.), «Заявление о сборнике “Из-под глыб”», «Социализм в мировой истории» (Париж, 1977 г.) и «Русофобия». Его работы сразу же вызвали критику в кругах демократически настроенной интеллигенции (например, статью Ю.Даниэля «Открытое письмо в ответ на Заявление Шафаревича “О сборнике “Из-под глыб”»

от 20 января 1975 года, в защиту права на эмиграцию для деятелей русской культуры).

В мае 1978 года Шафаревич дал интервью корреспонденту газеты «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг». На вопрос, к какой общественной и политической альтернативе нынешней системе он склоняется, Шафаревич ответил: «Что нам нужно — это максимум духовных изменений при минимуме изменений внешних... Нужен возврат к Богу, к своему народу, ощущение общенациональных целей и чувство ответственности перед историей и будущим своей страны».

Член редколлегии журнала «Наши современник»⁵³.

Книга Шафаревича «Русофобия» стала реакцией на целую серию статей в диссидентской и зарубежной прессе, квинтэссенция которых выражена в словах В.Горского: «Первая и главная задача России — преодолеть национально-мессианское искушение. Россия не может избавиться от деспотизма, пока она не избавится от идеи национального величия. Поэтому не “национальное возрождение”, а борьба за свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего»⁵⁴.

У.Лакер считает, что Шафаревич «обрушивается на эмигрантские журналы, о которых вряд ли слышал хоть один на тысячу русских»⁵⁵. Однако прием Шафаревича оправдал себя — он предвидел, что точка зрения, изложенная несколькими самиздатскими и тамиздатскими авторами, содержит в эмбрионе идеологию, которая овладеет умами значительной части интеллигенции СССР.

Шафаревич так суммирует взгляды этого течения: «Историю России, начиная с раннего средневековья, определяют некоторые “архетипические” русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпимость к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед чужой властью». К этим же чертам относятся русский мессианизм и ксенофобия. «Сталин был очень национальным, очень русским явлением, его политика — это прямое продолжение варварской истории России». Рецепт, предлагаемый оппонентами Шафаревича — изменение культурной структуры России и «построение общества по точному образцу современных западных демократий»⁵⁶.

Эта характеристика основана лишь на наиболее радикальных высказываниях «западников». Взгляды Г.Померанца, например, гораздо более взвешены. Но и он считает: «Когда нужно сделать выбор между империей и свободой, русский человек обычно выбирает империю»⁵⁷. Из этого «правила» немало исключений — 1905 год, февраль 1917 года, голосование в Учредительное собрание. А часто ли у русского народа была возможность выбирать? Важно и другое — империя как форма государственности пользовалась немалой популярностью и у европейских народов — включая англичан, испанцев и французов, чьи империи превосходили по территории Россию. Достаточно почитать Р.Киплинга, чтобы усомниться в категорическом утверждении Померанца: «В странах, в которых неудержимо пошло Новое время (в Англии, Голландии), имперской идеи не было»⁵⁸. Принципиальный

вопрос не в том, выбирали ли русские когда-нибудь несвободу, а в ином — является ли склонность к такому выбору отличительной особенностью русской культуры в сравнении с европейской.

Слова, позволившие Шафаревичу выдвинуть свои обвинения «западничеству», действительно были сказаны, и комплекс взглядов, прорывавшийся через них, продолжает существовать как распространенное явление до сих пор. В целом дискуссия «западников» и «почвенников» к началу Перестройки была проведена «вничью». Обе стороны чувствовали себя победителями и продолжали спорить — опровергая тем самым вывод о победе. «Западник» А.Янов нашел специфическое объяснение этого парадокса: «Их (“почвенников” — *А.Ш.*) интеллектуальное поражение могло быть обращено в победу только в союзе с государством»⁵⁹. Поскольку говорить об интеллектуальном поражении оппонентов западничества в середине 80-х гг. не приходилось, эта мысль отражает скорее эволюцию тактики противостоящих сторон. Они все явственнее осознавали, что победа может быть достигнута не столько на поле аргументов, сколько — в недрах правящей элиты. Кто окажется сильнее — вдохновляемые почвенниками консерваторы-державники или пропагандируемые западниками и социалистами «либералы»? От этого зависел выбор стратегии реформ в 1983—1986 гг.

3. Вечные ценности

Конечно, циничные «философы и экономисты» еще не доминировали среди либеральных мыслителей. Для Померанца, например, близко все то, что не мешает раскрываться искре Божией в человеке. Но так или иначе этому может помешать все в этом мире — в том числе и национальные традиции. Идеалом Померанца становится сообщество личностей, слабо связанных между собой социально («дифференцированное общество») и занятых духовным поиском. Отсюда — предпочтение диаспорной культуре, определенное не еврейской традицией (о чем, как мы увидим ниже, писали противники либералов), а идеалом распыленного человечества, сообщества свободных индивидуумов, нашедших опору не в социуме, а в самих себе. «Только из людей, нашедших опору в самих себе, сложится когда-нибудь новое общество, без пророков и лжепророков»⁶⁰.

Религиозные поиски неправославного свойства велись не только «западниками», но и «восточниками». В 70-е гг. СССР, как и страны Запада, охватывает увлечение восточными религиями и духовными практиками. Это явление основывалось на тех же постулатах, что и учение либерала Померанца (кстати, востоковеда), но было лишено политического подтекста.

В России обращение к восточной духовной культуре в качестве религиозного пути имело давние корни, связанные с именами Н.Рериха, Е.Блаватской и других «теософов». Возрождение рериховского движения началось с популяризации учения об агни-йоге. Большую роль в этом деле сыграла сотрудник Института стран Азии и Африки Л.Шапошникова, рабо-

тавшая в этом направлении профессионально, и потому далекая от позднейшей примитивизации учения, превратившегося в своеобразный «рерихизм». Распространялись самиздатские копии соответствующей духовной литературы, рериховские кружки возникли в Москве, Ленинграде, Новосибирске, в Прибалтике и других местах. Кружки эти неформально взаимодействовали, а иногда и перемешивались с иными восточными духовными направлениями. «Что касается рериховского движения, — вспоминает Д.Морозов, — то оно было абсолютно аморфным, никогда не создавало никаких руководящих органов, что, кстати, соответствует сути учения, где иерархия существует только на духовном уровне. Коммунисты иногда публиковали разгромные статьи о последователях Рериха, но самого великого художника не трогали»⁶¹.

Власти почти не препятствовали этим увлечениям, так как их беспокоили прежде всего те несанкционированные религиозные движения, которые претендовали на создание организационной структуры (прежде всего — часть баптистов и кришнаитов) — им угрожали репрессии.

Основная масса последователей разнообразных восточных культов находилась в этом отношении в безопасности и жила в своем собственном мире, на первый взгляд независимом от происходящего за окном. Но черты этой среды с точностью воспроизводили признаки иных субкультур СССР конца 70-х — начала 80-х гг., выдавая типичное именно для этого времени явление — семя эклектического сознания следующего исторического периода. Д.Морозов, который некоторое время был «достопримечательностью» для последователей восточных культов благодаря своим беседам с С.Рерихом, вспоминает о посещениях этих собраний: *«Я попал в один из многочисленных кружков, в которых были намешаны самые разнообразные восточные культы. Такие группы формировались вокруг какой-нибудь сильной личности, гуру, который использовал для воздействия на своих последователей именно эту систему взглядов. Здесь можно было встретить немало детей состоятельных родителей. Значительная часть полностью “выпала” из общества и плыла в расслабленном стиле жизни своего кружка. При этом знакомство с основами учений, лежащих у истоков мировоззрения группы, было весьма поверхностным и внешним.*

Было очень забавно наблюдать девушку, которая, глядя тебе в глаза, говорила:

— Я брахман.

— Но ведь брахман с точки зрения индуизма может родиться только в брахманской семье.

— Нет, мне приснилось, что я брахман. Значит, это было в прошлой жизни.

— А что Вы делаете как брахман?

— Я ем только рис.

Моя попытка убедить их в том, что надо есть хотя бы гречку, вызывала резкий протест. Это — нечистая пища. Как это было далеко от содержательной стороны индуизма. Что интересно, в Индии я видел нечто подобное — стремление некоторых поклонников европейской цивилизации

носить европейский костюм и пить виски в сорокаградусную жару. Именно это течение и возобладало среди поклонников восточных культур во время Перестройки. Простейший лозунг, попавший на простейшую массовую почву, дает стимул к массовой жизни. А сложные проблемы мироздания — проблема для индивидуального поиска»⁶².

Состояние изолированности от национальной среды было абсолютно немислимым для «почвенников» (хотя эффект неофитства, описанный Морозовым, здесь тоже имел место, предвосхищая будущее «возрождение православия»). Космополитичные «искатели истины» и патриотичные консерваторы расходились на уровне личной психологии. В.Астафьев говорил: «Родина — это то, без чего жить нельзя. Невозможно себя представить вне Родины. И я это испытал на себе... И сейчас, когда мне доводится ездить за границу, больше 10 дней я там не могу»⁶³.

Начиная со второй половины 60-х гг. государство снова поддерживало обращение к «национальным корням». Но не во всем. Перед умеренными «почвенниками» встает важная дилемма — причастность к национальной культуре противоречит духу официальной идеологии. Прежде всего это касается религии. «Деревенщикам» приходится оправдываться за обращение к этому сюжету. «Я цитировал священное писание, потому что строй вещи мне подсказывал, — говорил Астафьев. — Я от этого не стал верующим ничуть, но свой бог у меня, конечно, есть. Есть у меня какие-то суеверные наклонности. Происходило в жизни у меня несколько вещей, когда я боялся какой-то нечистой силы, будучи уже взрослым человеком, так сказать, закоренелым атеистом... Как я могу вам объяснить свое подсознание, если я сам его иногда не понимаю. Но оно есть — это подсознание, которое мною руководит, какое-то духовное окружение. То, что тебя дисциплинирует, направляет или, наоборот, развинчивает. Это и есть, наверно, бог.

Вы знаете, меня потрясают тексты Достоевского, Толстого. Или проза Гоголя — насколько она обогащена за счет знания философии, богословия. Ведь богословие, та же самая Библия, кроме всего прочего — одна из древнейших и мудрейших литератур. За много веков она включила в себя, актуализировала все самое лучшее в мысли человеческой. Когда художественные произведения стали появляться, она уже существовала. За счет той древней мудрости, какая наполненная, какая великолепная проза у наших классиков!»⁶⁴ Более наступательно ведет себя Ф.Абрамов: «Как же Библию не читать? Библия, Новый завет — ведь это те книги, по которым, в сущности, мы живем до сих пор. Это 10 заповедей: не укради, не убий, не прелюбодействуй и так далее, кроме которых мы ничего пока не выдумали, по ним живем»⁶⁵. Это был вызов официальной идеологии, который последняя сочла за лучшее просто не заметить. Да, не по марксизму живет страна «реального социализма», а как прежде, по 10 заповедям — нарушая их, но краснея от стыда именно поэтому, а не из-за «искажения» марксистско-ленинских заветов об отмирании государства, семьи и собственности. Эти институты «коммунистическая» партия усилена и сознательно укрепляла — в полном соответствии с 10 заповедями.

Руководители партии и государства эту связь национальной культуры и традиционных конфессий понимали все отчетливее. Православная церковь еще в 40-е гг. была интегрирована в авторитарную систему СССР (что лишний раз доказывает терпимость последней к некоторому идейному плюрализму). Это не противоречило традициям православной церкви, которая издревле была ориентирована на решение национальных задач и привыкла видеть государство в качестве союзника. Для КПСС, напротив, сохранение в стране православной паствы было напоминанием о неудаче всеобщей атеизации населения. Этот «комплекс» вызывал время от времени вспышки антицерковной активности, но к 70-м гг. отношения церкви и государства нормализовались.

При сохранении притесненного положения церкви все же не исключалось сотрудничество государства с ней на «взаимовыгодной основе». В 1982 г. патриарх Пимен выступал в ООН. Святые отцы поддерживали внешнеполитическую линию СССР. Митрополит Ювеналий, например, утверждал после своего визита в США: *«У меня возникает тревожное, тяжелое чувство, когда я задумываюсь, куда ведет Р.Рейган свою страну. Думается — к пропасти... Вы думаете, почему президент решил навязать миру свою систему? Он объясняет: “Потому что эти возможности являются Богом данным правом...” Невольно хочется вспомнить одну из заповедей Моисея: “Не произноси имя Господа, Бога твоего, напрасно”. Ее следовало бы соблюдать и президентам»*⁶⁶. Эти слова можно расценить как выполнение заказа КПСС. Но что в них противоречит воззрениям православия, действительно скептически относящегося к протестантской культуре Америки?

Продолжалось сотрудничество некоторых священнослужителей с КГБ. Позднее факты такого сотрудничества приобретут сенсационную окраску и будут расцениваться журналистами как тягчайшее обвинение против православной церкви. Но, комментируя документы КГБ о церковных «агентах», Г.Урушадзе пишет: «Как знать, были они “двойниками и перевертышами” (их обозвали так), или — честью — пытались отстоять редкие храмы? От священника можно было добиться согласия сотрудничать, пригрозив, например, распустить его приход. Потом — годы именовать его агентом, продвигать по службе, помогать советом.

Комитетская работа вообще опиралась на агентуру. За каждого завербованного сотруднику Комитета полагалось сто рублей премии. По свидетельству советского разведчика Михаила Любимова, «очень высоко ценилась церковная агентура, потому что она всегда использовалась в целях личного обогащения сотрудников»⁶⁷. Действия священнослужителей, которых КГБ называет «агентами» вполне «невинна» даже с точки зрения «революционной этики» — это пропаганда мира, споры с западной пропагандой, умиротворение верующих⁶⁸. А ведь подавляющее большинство священников не давало обязательств противодействовать государственным органам, которые в это время относились к церкви относительно терпимо. Отсюда и острые разногласия среди верующих (инакомыслящих по опреде-

лению) по поводу участия христиан в диссидентском движении (см. Главу IX).

Новый терпимый курс государства в отношении церквей выражался не только в ослаблении преследований и в сотрудничестве на ниве внешнеполитической деятельности. В 1983 г. государство передало церкви Свято-Даниловский монастырь, который позднее станет резиденцией Патриарха. Его реставрацией руководил архиепископ Алексий — будущий Патриарх.

АЛЕКСИЙ (в миру **Алексей Михайлович РИДИГЕР**)

1929 года рождения. С 6 лет Алексий прислуживал в церкви, с 1944 по 1949 год был старшим иподиаконом у архиепископов Таллинских и Эстонских Павла и Исидора, учился в русской школе. В 1945 году он готовил к открытию Александро-Невский собор Таллинна, где был алтарником и ризничим, а затем — псаломщиком в других церквях города.

В 1947 году Алексий поступил в Ленинградскую духовную семинарию; в 1949 году, будучи уже на 1-м курсе Ленинградской духовной Академии (ЛДА), стал диаконом; в 1950 году — священником Богоявленской церкви эстонского города Йыхви. В 1953 году закончил ЛДА и за сочинение «Митрополит Филарет (Дроздов) как догматист» был удостоен степени кандидата богословия.

15 июля 1957 года назначен настоятелем Успенского собора г. Тарту. В 1958 году — уже протоиерей (старший священник), в 1959 году — благочинный Тарту-Вильяндиского округа; 3 марта 1961 года пострижен в монахи. 14 августа 1961 года поставлен в епископы Таллинна и Эстонии. По его словам, за 29 лет руководства Эстонской епархией не допустил административного закрытия властями ни одного храма.

14 ноября 1961 года назначен заместителем Председателя Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) Русской православной церкви (РПЦ). 23 июня 1964 года удостоен сана архиепископа, 22 декабря 1964 года назначен Управляющим делами Московской Патриархии (МП) и постоянным членом Священного Синода РПЦ (последний пост занимал до 29 июля 1986 года). 7 мая 1965 года назначен Председателем Учебного комитета МП (обязанности Председателя выполнял до 16 сентября 1986 года). С 17 октября 1963 года до 1979 года — член Комиссии Священного Синода по христианскому единству и межцерковным отношениям. 25 февраля 1968 года возведен в сан митрополита. 10 марта 1970 года ему было дополнительно поручено руководить Пенсионным комитетом МП.

В 1986—1990 гг. Алексий — митрополит Ленинградский и Новгородский.

7 июня 1990 года на Архиерейском соборе избран Патриархом Московским и всея Руси.

Как и другие иерархи РПЦ, Алексий принимал участие в направляемой властями деятельности различных общественных организаций. С начала 1960-х годов он являлся членом Эстонского правления Комитета защиты мира и Общества дружбы с зарубежными странами, членом правления республиканского Фонда культуры. В конце 1970-х — начале 1980-х годов — член правления этих же организаций союзного уровня, вице-президент общества советско-

индийской дружбы (1980—1989 годы), участник разного рода конференций и совещаний за мир и разоружение. Народный депутат СССР в 1989—1991 гг.

Алексий — автор более 180 работ научного (богословского) и общественно-политического характера. Ему присуждена степень доктора богословия ЛДА за труд «Очерки по истории православия в Эстонии». Он является почетным доктором Академии г. Дебрецена (Венгрия) и Богословского факультета им. Яна Коменского в Праге.

Предстоятель РПЦ награжден орденами РПЦ: святого князя Владимира I и II степеней, Сергия Радонежского I степени, орденами всех восточных церквей (всего 10), советскими орденами: Трудового Красного Знамени и Дружбы народов. Имеет медали Советского Комитета защиты мира, Советского Фонда мира, Союза советских обществ дружбы, общества «Родина» и другие⁶⁹.

При Андропове власти позволили увеличить число учащихся в духовных учебных заведениях. Но количество приходов православной церкви с 1980 по 1986 г. сократилось на 21362. Неофициальное печатание религиозной литературы преследовалось. В объятиях власти православие задыхалось.

В то же время Церковь сохраняла в своей среде возможности для развития различных течений — более и менее консервативных. В этом отношении она придерживалась точки зрения религиозного мыслителя А.Меня: «В Новом Завете есть слова: надлежит быть между вами разномыслию. Что это означает? Это означает, что христианство, единое по духу, единое по корню своему, единое по своей богочеловеческой, мистической основе, на уровне человеческого, интеллектуальном, социальном — многообразно»⁷⁰.

Но этого недостаточно. А.Мень ищет выход из изоляции, в которой оказалось в СССР православное христианское сознание. В своем «кредо» он пишет о христианстве: «Оно внимает Слову Божию, которое запечатлено в Писании, но остерегается буквально толковать каждую строку Библии, особенно Ветхого Завета (Рим 7,6); ...знает, что богослужebные и канонические уставы менялись на протяжении веков и в будущем не смогут (и не должны) оставаться абсолютно неизменными (Ин 3, 8; 2Кор 3, 6, 17). Это же относится и к богословскому толкованию истин веры, которое имело долгую историю, фазы раскрытия и углубления (так Отцы Церкви и Соборы вводили в обиход новые понятия, которых нет в Писании); ...оно переживает разделение христиан как обций грех и нарушение воли Христовой (Ин 10, 16), веря, что в будущем грех этот преодолется... в духе братской любви...; открыто всему ценному, что содержится в христианских исповеданиях и нехристианских верованиях (Ин 3, 8; 4, 23—24); не отвергает добра, даже если оно исходит от людей безрелигиозных, но отвергает насилие, диктат, ненависть, даже если они прикрываются именем Христовым (Мф 7, 21, Мк 9, 40; Мф 21, 28—31); ...смотрит на общественную жизнь как на одну из сфер приложения евангельских принципов...»⁷¹

Такое православие — открытое для диалога, в меру рациональное, обновляемое в своей обрядной части и потому более понятное окружающим, обще-

ственно активное — по мнению А.Меня, могло бы восстановить свою роль творческого начала культуры страны. Но в это время в Православной церкви преобладало консервативное направление, которое относилось к экуменическим и обновленческим поискам с терпимостью, но не более.

МЕНЬ Александр Вольфович (1935—1990)

В детстве воспитывался в православной традиции. Общался с теософами. В 1953—1955 гг. учился в Пушкино-меховом институте в Балашихе, где познакомился с Г.Якуниным. В 1955 г. вместе с факультетом был переведен в Иркутский сельскохозяйственный институт. В 1958 г. отчислен за пропаганду религиозных взглядов (официально — за пропуск 4 занятий). В 1958 г. был рукоположен в диаконы, служил в Акулово Московской области. В 1960 г. рукоположен в пресвитеры и служил священником в Алабино. Сотрудничал в Журнале Московской Патриархии. Критиковался Патриархом за «подражание рационалистам-протестантам», просил простить. В 1962 г. организовал религиозный кружок, в котором участвовали Д.Дудко, Н.Эшлиман, Г.Якунин и др. В 1964 г. переведен в Тарасовку, в 1970 г. — в Новую деревню. В 1965—1966 гг. отошел от священников-оппозиционеров. Встречался с А.Солженицыным, оказал воздействие на его духовное развитие. Приход и дом о.Александра был местом «паломничества» интеллигенции. А.Мень участвовал в распространении самиздата и тамиздата. В 1983—1985 гг. неоднократно допрашивался КГБ. Весной 1985 г. началась травля в печати. После объяснений в Патриархии преследования властей в отношении о.Александра прекратились, ему стал покровительствовать митрополит Ювеналий. В 1989 г. А.Мень назначен настоятелем церкви в Новой деревне. С 1988 г. начал читать открытые лекции в Москве. Убит неизвестными около своего дома. Автор работ «В поисках Пути, Истины и Жизни» в 6 томах, «Сын человеческий» и др.⁷²

Связь обновления страны и обновления духа была очевидна и вне церкви. Еще не был провозглашен курс на Перестройку, а на VII съезде писателей Ф.Абрамов уже утверждал, что «перестройка», обновление жизни только социальными средствами, не подкрепленные душевной работой каждого человека, не дадут желаемого результата. И продолжал на встрече в концертной студии Останкино:

«Издревле, с очень давних пор существует два способа обновления, перестройки жизни. Один путь — это путь социальных революций и социальных реформ. И второй путь, который особенно яростно проповедовал в нашей русской жизни и в нашей литературе Лев Николаевич Толстой, — это путь нравственного усовершенствования, нравственного самовоспитания личности. Каждого человека.

Долгое время у нас к этому учению Льва Толстого — прекрасному учению Толстого, которое является сердцевиной всего его творчества, — относились негативно. Ну по ряду причин — были на то основания, — потому что это отвлекало от революции и так далее. Но сегодня... мы можем должным образом оценить учение этого великого человека. Опыт показы-

вает, что социальная перестройка жизни, не подкрепленная душевной работой каждого, не может дать должных результатов»⁷³.

Что это за опыт? Конечно — опыт социальных преобразований в нашей стране. Он не дал должных результатов. Спор большевиков с толстовцами, меньшевиками, консерваторами оказался большевиками проигран — эксперимент «не дал должных результатов». Абрамов считает, что дело — в недостатке душевной работы каждого — «строительства собственной души, каждодневной самопроверки, самоконтроля, высшим судом которой является для человека совесть». А совесть, по мнению Абрамова, — «это как раз та сила, которая помогает сдирать с человека коросту эгоцентризма, коросту всякой затхлости и прозы. Это та сила, которая выводит человека на путь широкого братства, требовательности к себе и к людям»⁷⁴.

Это как раз те идеалы, которые вдохновляли социальный переворот начала века. Но, оказывается, их нельзя достичь с помощью социального насилия — революций и реформ. Или — нельзя достичь только с их помощью? Как соотносится этот «человеческий фактор» с социальными «перестройками». Возможна ли «перестройка души» в неприспособленном для этого обществе? Можно ли содрать «коросту» эгоцентризма и несвободы там, где она нарастает под влиянием социальных условий? И что вообще важнее для человека: свобода или солидарность? Эти вопросы останутся в наследство современникам новой волны социальных перестроек конца XX века.

Ответы на подобные проблемы рациональное сознание второй половины XX века искало в области философии. Среди марксистской интеллигенции немалую популярность приобрели работы Э.Ильенкова, попытавшегося упрочить философскую логику марксизма, объяснив многочисленные логические противоречия этого учения⁷⁵. Притягательность работ Ильенкова была, видимо, не в этом, а в терпимом отношении к другим философским школам, в творческом подходе к марксизму, который по-прежнему оставался путеводной звездой большинства советских мыслителей. Ильенков помогал им сблизить марксизм с жизненными реальностями настолько, что его можно было использовать как основу для построения альтернативных социальных моделей.

Иную тенденцию представлял М.Мамардашвили, который развивал философскую традицию раннего Маркса в направлении субъективного идеализма. Мамардашвили понимал философию «как самоощущение жизни»⁷⁶ и не видел смысла в социальной активности философствующих личностей. Это направление исследования не могло фиксироваться в официальных публикациях, но проглядывало в философских дискуссиях. «Мамардашвили покидает почву культуры и наивно спрашивает, — вспоминает А.Пятигорский, — ...а кто есть учитель в конкретном смысле слова?.. учитель — это тот, у кого есть ученики... Видите ли, настоящий философ всегда пытается. Действует по принципу “получится — не получится”. А культура так не делается. Она всегда в чем-то есть. Она дает философу минимум гарантии, а он отказывается и говорит: нет, я лучше попробую сделать другой ход... ход, культурой не предусмотренный». Другой московский философ

70-х гг., оппонент Мамардашвили, Д. Зильберман, «как до него Гегель, Фихте и Шпенглер, — видел культуру с конца, ретроспективно, и видел философию как метод проекции культуры вперед, в будущее. Для Зильбермана (как и для Гегеля) философия остается философствованием над культурой... А Мамардашвили говорит: “Нет, так у нас просто не произойдет философии. Она не случится. То есть философия вообще есть редкий случай. Но если человек мыслит о культуре и рефлексии себя в смысле культуры, то шансов, что его мышление окажется философским — не будет никаких”... Учитель будет “философски” учить учеников тому, что не есть философия... не... движению в сознании»⁷⁷. Одним махом весь массив культуры выносятся за рамки философии. Такая эволюция от марксизма к дзену позволяла ломать стереотипы, довлевшие над сознанием философов. Но не всем крушение стереотипов помогало найти новые ответы на старые вопросы, обусловленные все-таки культурой.

Что есть философия — наука об общих законах бытия и сознания, либо искусство мышления, лишенное закономерности? Возможна ли свобода вне культуры, или настоящая свобода — это и есть освобождение от культуры. Либо свобода ради свободы — это разрушение культуры и деградация цивилизации? Освобождение духа от традиции или традиция духовного роста? Об этом спорили московские философы так же, как и философы Запада. «Тоталитаризм» им не мешал, хотя, как и в случае с социальной мыслью, несколько затруднял общение с коллегами по другую сторону границы⁷⁸. Но это не всегда мешает. Иногда даже помогает сосредоточиться.

4. Тайная война

Постоянная клановая борьба, которая идет в административных коридорах, должна быть как-то объяснена ее участниками — особенно если они живут в обществе, «лишенном классовых противоречий». Проигрывая карьерные стычки, чиновники и номенклатурные интеллектуалы ищут объяснение поражений не в собственных качествах, а в заговоре, направленном против них. Если раньше роль заговорщиков выполняли полумифические саботажники и троцкисты, то по мере социальной стабилизации страны все большее значение приобретали национальные мотивы. Враг должен был быть занесенным извне или связанным с внешним миром национальными узами. Отсюда вытекала теория космополитической нации — евреев, которая проникла в тело «социализма» и вредит славянскому ядру. Поскольку евреи организуются в сионистское подполье и с его помощью делают карьеру, то и сопротивление карьере евреев должно быть организованным. Так как сторонникам их взглядов мешали не только евреи, но и другие конкуренты, быстро возникло мнение о том, что евреи используют в своих интересах русских и представителей других народов, включая их в свои масонские ложи. К тому же евреями следовало считать всех, кто состоял с собственными евреями в каком-либо родстве.

Государственный антисемитизм смыкался со славянофильством интеллигенции и бытовым антисемитизмом населения, сохранившимся со времен соприкосновения диаспорной и местной культур и подпитывавшимся свержу. Важным источником антисемитизма была и холодная война — евреи (по рассмотренным выше причинам) воспринимались частью «почвеннической» интеллигенции как костяк «западничества» — «пятой колонны» внешнего противника.

Борьба с евреями (вызывавшая, как мы видели, и ответную реакцию сплочения) становилась смыслом жизни прежде всего радикально-националистически настроенных интеллигентов. В бесчисленных учреждениях СССР шла тайная война «своих» и «чужих».

Вопреки гипотезе Е.Соловьева и Е.Клепиковой об активной поддержке «Русской партии» Андроповым, ближе к истине на наш взгляд, В.Прибыловский, который считает: «Русский национализм, вышедший за узкие пределы национал-большевизма, преследовался властями с той же последовательностью, что и диссидентство западнического толка»⁷⁹. Уже в начале 80-х гг. власти стали с опаской относиться к «русофильским» кружкам, возникшим в гуманитарной среде (журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия», окружение историков А.Кузьмина, С.Семанова и др.).

КУЗЬМИН Аполлон Григорьевич

1928 г. рождения. Закончил исторический факультет Рязанского педагогического института в 1956 г. В 1961 г. закончил аспирантуру МГУ. Доктор исторических наук, профессор. Специалист по истории средневековой Руси. Преподаватель Московского государственного педагогического института им. Ленина (Педагогического государственного университета).

Один из создателей общества «Отечество» в 1989 г. Автор книг «Падение Перуна», «В.Н.Татищев», статей в журналах «Молодая гвардия» и «Наш современник»⁸⁰.

После того, как «почвенники» проявили интерес к зарубежной литературе, которую власти сочли «белогвардейской», Андропов решил всерьез взяться за «русистов». Выступая 28 марта 1981г. на Политбюро, он говорил: «В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя “русистами”. Под лозунгами защиты русских национальных традиций они, по существу, занимаются активной антисоветской деятельностью. Развитие этой тенденции активно подстрекается и поощряется зарубежными идеологическими центрами, антисоветскими эмигрантскими организациями и буржуазными средствами информации... Опасность прежде всего состоит в том, что “русизмом”, то есть демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за “спасение русской нации”, прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя... В настоящее время и главный редактор журнала “Человек и закон” член КПСС Семанов С.Н. ...допускает злобные оскорбительные выпады в адрес руководителей государства. По оперативным данным, он пропагандирует необходимость борьбы с государ-

ственной властью и заявляет, что кончился “период мирного завоевания душ. Наступает революционный период... надо переходить к революционным методам борьбы... Если мы не будем сами сопротивляться, пропадем”⁸¹.

Семанов был снят с поста, к «русистам» были применены преследования по службе. Но власти решили воздержаться от суровых уголовных мер. Проводилась и профилактическая работа КГБ. Это подтвердило предположения о том, что сионизм в СССР наступает. В 1981 г. А.Кузьмин получил предупреждение о возможности покушения на него. Вслед за этим последовала серия инцидентов, опасных для его жизни⁸². Один из учеников А.Кузьмина рассказывал нам, что в это время его учитель опасался стоять рядом с обочиной дороги.

В то время, как легальные «русисты» радикализировались, некоторые почвенники-диссиденты шли им навстречу. В середине 70-х гг. группа христиан-диссидентов, близких кружку о. Дмитрия Дудко пришла к выводу о том, что советский строй для русского народа предпочтительнее демократии, и необходимо только дополнить его православием. Лидер этой национал-большевистской группы Г.Шиманов со своими товарищами Ф.Карелиным и В.Прилуцким выпускали в 1980—1982 гг. журнал «Многая лега», в котором обосновывали эти идеи. Журнал был закрыт под давлением КГБ⁸³.

Наряду с умеренными противниками сионизма, обсуждавшими еврейский вопрос в академическом стиле, в СССР открыто выходили книги на эту тему, написанные в тональности идеологической войны. Правда, авторы этих сочинений (В.Бегун, Е.Евсеев, Л.Корнеев, В.Емельянов и др.) направляли свой гнев не против евреев как таковых, а против сионизма, под которым часто понималась не национальная еврейская идеология, а тайный мировой заговор, направленный против всех народов, кроме евреев. Заговор этот мог быть реализован с помощью масонства, которое, по мнению представителей этой концепции, находилось под контролем сионистов.

ЕМЕЛЬЯНОВ Валерий Николаевич

1929 года рождения. В 1951 году окончил Московский институт востоковедения, арабское отделение. В течение 6—7 лет после этого работал переводчиком в Сирии и Ливане. Кандидат экономических наук. Диссертацию на тему аграрных отношений в Ливане защитил в 1967 году в Высшей партийной школе (ВППШ) при ЦК КПСС.

В конце 60—70-х годов преподавал политэкономии в Институте иностранных языков им. Мориса Тореза, арабский и английский языки в Политехническом институте, а также политэкономии на арабском языке в ВППШ.

Политической деятельностью начал заниматься в начале 1970-х годов. В 1973 году написал (под псевдонимом «Иван Самолвин») и распространил в Самиздате «Открытое письмо Солженицыну», в котором обвинял его в русофобии, германофильстве и сионизме.

В 1977—1978 годах участвовал в «антисионистском кружке», в который, кроме Емельянова, входили Евгений Евсеев, Юрий Иванов и Владимир Бегун. Кружок был одним из предшественников Литературного общества «Память».

В 1978—1980 годах Емельянов написал и распространил в Самиздате — уже под своим именем — работы «Кто стоит за Джимми Картером» и «Десионизация», в которых была изложена концепция мировой истории как арены борьбы сионистов и их масонской агентуры против остального человечества. Единственное препятствие на пути Сиона к мировому господству, по мнению Емельянова, — это арийский мир во главе с Россией; значительная часть советской правящей верхушки и российские диссиденты А.Солженицын, А.Сахаров, Р.Медведев — агенты Сиона; христианство же (главный тезис) — «предбанник сионизма», изобретенное иудеями орудие порабощения «гоев» (т.е. неевреев).

Одна из глав «Десионизации» представляла собой проект Устава «Всемирного Антисионистского и Антимасонского фронта» (ВАСАМФ) — международной организации со статусом наблюдателя при ООН.

«Десионизация» была вывезена при помощи Организации освобождения Палестины (ООП) в Сирию и напечатана там в конце 1978 — начале 1979 годов по-арабски в 25 номерах сирийской газеты «Аль-Баас». В Москве «Десионизация» распространялась в виде ксерокопированной книги с иллюстрациями; в качестве места издания был указан Париж (что, возможно, не соответствовало действительности). Часть тиража «Десионизации» — 25 экземпляров — Емельянов отнес в приемную ЦК КПСС — по экземпляру всем членам тогдашнего брежневского Политбюро и Секретариата ЦК. 26 марта 1980 года Емельянова вызвали на беседу в ЦК КПСС, а в апреле 1980 года по поручению Комиссии партийного контроля (КПК) он был привлечен к партийной ответственности за нелегальное издание и распространение брошюры «Десионизация», а затем исключен из партии. Кроме «Десионизации» Емельянову поставили в вину то, что он устно нелестно отзывался о Виктории Петровне Брежневой, заявляя, что «страной правят через нее ее соплеменники-сионисты, а не ее муж-маразматик», — о чем стало известно (по утверждениям самого Емельянова) благодаря доносу его соперника по антисионистской пропаганде Е.Евсеева. 10 апреля 1980 года Емельянов был арестован по обвинению в убийстве и расчленении топором собственной жены, признан невменяемым и посажен в ленинградскую спецпсихбольницу.

Освобожден в 1986 г. Примкнул к Патриотическому объединению «Память». Вскоре Емельянов, считающий, что именно он является родоначальником «Памяти», отделился в свою собственную организацию — ВАСАМФ «Память» — на основе проекта Устава ВАСАМФ, опубликованного в «Десионизации». В 1990 году Емельянов и его сторонники были исключены из Московской языческой общины за экстремизм. С конца 1991 года «Память» Емельянова именуется «Обществом “Память”». С 1992 года Емельянов называет себя также «Председателем Всемирного Русского правительства»⁸⁴.

Опасения властей в отношении радикальных националистов не означали, что «партия» отказывалась от поддержки «патриотической общественности» при условии, что та будет сохранять лояльность. Нередко борцы с сионизмом одерживали победы над своим коварным врагом. 29 января 1980 г. солистка Московской филармонии заслуженная артистка РСФСР

Т.Гусева обратилась с письмом к М.Сулову, где обращала внимание могущественного чиновника на то, что большинство телепередач «оформлено странным образом: к месту и не к месту повсюду маячит шестиконечная звезда». В качестве примеров приводились «Голубой огонек», мультфильм «Орех кракатук» и кукольный спектакль «Божественная комедия»⁸⁵.

Воспользовавшись поводом, Гусева поведала Сулову о происках сионистов и масонов, которые контролируют умы миллионов сограждан. Освободиться от этого контроля нелегко, самой Гусевой это удалось с трудом:

*«Не могу не сказать особо о выступлениях Аркадия Райкина... Раньше, как и большинство людей, я доверчиво внимала ему и беззаботно смеялась вместе со всеми. Но пришло прозрение, и я содрогнулась: Райкин выбирает в качестве объектов для своих насмешек не западных толстосумов, не “диссидентов” в нашей стране, не предателя Сахарова и его окружение. Объект Райкина — русский народ, которого он не просто высмеивает, а оплевывает»*⁸⁶.

Письмо имело организационные последствия. Коллегия Гостелерадио, отвергнув часть обвинений Гусевой, все же приняла решение о снятии с эфира «Божественной комедии», в которой на одежде Бога были обнаружены шестиконечные звезды⁸⁷.

Постепенно «патриоты» начинают создавать свои организации. Наиболее известной из них является «Память», которая возникла как безобидное культурологическое общество. В 1979—80 гг. под руководством инженера Г.Фрыгина (председатель правления) и сотрудника ВООПИК Э.Дьяконова оформляется Общество книголюбов Министерства авиационной промышленности, в 1982—1983 гг. названное Историко-литературным любительским объединением «Память». Название «Память» появилось в 1982 г. в честь одноименного романа В.Чивилихина, который упоминал об арийском происхождении славян, значительно удлиняя их историю. В соответствии с теорией, проповедовавшейся В.Скурлатовым, арийцы-славяне были одними из основоположников европейской культуры. Новое название утвердилось в 1983 г. после того, как клуб стал работать при ДК Метростроя. В клубе «Память» участвовали активисты МГО ВООПИК Г.Сальников, В. и Е.Поповы, рабочий А.Андреев, артист В.Кузнецов, полковник МВД А.Лебедев и др. Клуб проводил литературные вечера патриотической направленности. В начале 80-х гг. в «Память» пришли участники группы «Витязи», созданной в 1978—1979 гг. для подготовки к празднованию 600-летия Куликовской битвы группой приятелей, увлекавшихся историческим туризмом. Лидером «Витязей» был руководитель МГО ВООПИК Э.Дьяконов, в группе участвовали скульптор Б.Строганов, поэт А.Марков, художник И.Глазунов. Члены группы знакомились с патриотическим самиздатом, испытывали влияние «неоязыческих» антиссионистских идей. Одновременно Э.Дьяконов создал Молодежное творческое объединение при МГО ВООПИК. Оно существовало в 1979—1980 гг., занималось литературными чтениями. Его остатки Дьяков также привел в «Память». В 1984 г. в «Память» пришел ее будущий лидер Д.Васильев. В конце 1984 г. в связи с болезнью Г.Фрыгина председателем

правления историко-литературного объединения (новый статус «Памяти») стала Е.Бехтерева.

«Память» проводила реставрационные субботники, организовывала встречи с отечественными писателями и историками (Ю.Кузнецовым, В.Ганичевым, Т.Пономаревой, Н.Яковлевым и др.), обсуждала творчество художников и поэтов прошлого. «Память» активно участвовала в движении против поворота северных рек, в защиту Байкала, в трезвенническом движении. Во всех этих кампаниях она была одной из многочисленных групп поддержки маститых писателей и ученых, лидировавших в этих движениях⁸⁸.

Дискуссии, проходившие в ДК Метростроя и им. Горбунова, не выходили за рамки сталинизма, с одной стороны, и национал-большевизма — с другой. Касались они вопросов культуры и не беспокоили «органы». Работа «Памяти» в 1982—1984 гг., носившая крайне умеренный характер, подготовила почву для гораздо более радикальных выступлений, начавшихся в период «гласности».

Новый период в истории «Памяти» связан с лидерством в объединении бывшего сотрудника И.Глазунова фотографа Д.Васильева. 4 октября 1985 г. на вечере объединения «Москва, как много в этом звуке...» Д.Васильев и Е.Бехтерева, возглавлявшая объединение в это время, выступили с разоблачениями евреев-разрушителей Москвы. После того, как Е.Бехтерева получила серьезную травму (видимо, на бытовой почве), Васильев становится фактическим лидером «Памяти» (Д.Васильев был избран секретарем Совета объединения, а председателем стал рабочий К.Андреев)⁸⁹.

В 1985 г. «Память» расширила известность, распространяя антиалкогольную лекцию В. Жданова, обвинявшего в алкоголизации населения сионистов, троцкистов и империалистическую агентуру. И в этой кампании «Память», как и московский клуб «Трезвость, действовали «в шлейфе» статусных общественных деятелей-ученых — академика медицины Ф. Улова и математика В. Жданова⁹⁰. Такой симбиоз типичен и для более позднего времени, но патриотическое движение как более лояльное власти, добилося на этом пути первоначально больших успехов, чем либеральное. «Любительское» объединение «Память» (с февраля оно стало историко-литературным, то есть более «серьезным») приобретало дополнительную статусность и известность, а лидеры — поддержку «народа». Это позволило создать у лидеров страны впечатление, что не только «общественность», но и общество поддерживает борьбу с пьянством.

Национал-радикальное движение вызревало не только в рамках «почвеннической» традиции, но и в откровенно фашистских формах — в молодежной среде. Юношеский радикализм не находил выхода в стабильной обстановке «застоя», выливаясь в самые замысловатые формы. После появления в 1973 г. художественного фильма «Семнадцать мгновений весны», в котором нацисты были показаны не в карикатурном виде, мода на фашистскую символику к ужасу родителей охватила часть юношества. «В 1975—1976 появляются знаки отличия и предметы обмундирования фашистской армии, ими торгуют или обменивают на марки, монеты у школ ребята лет

двадцати, — вспоминает о своих наблюдениях Д.Световидов. — В 1978—1979 гг. организационная часть развития националистического движения была закончена в несколько месяцев очень быстро и профессионально. В одном из положений было предписано по возможности занимать руководящие посты в государстве и помогать продвижению по службе своих товарищей. Финансовая поддержка неизвестна. КГБ смотрело на это, закрыв глаза, КПСС делала вид, что этого нет, милиция бездействовала»⁹¹.

Поведение властей может показаться странным — распространение фашистской идеологии было уголовно наказуемо, «укрывательство» фашистских преступников и попустительство «фашистским молодчикам» — важнейшие упреки странам Запада. Между тем участников фашистских «кружков» (часто — с очень жесткой организацией и попытками приобретать оружие) практически не преследовали. Учитывая дальнейшую судьбу фашистских организаций, которые не раз оказывали властям добрые услуги, компрометируя оппозицию своим присутствием рядом с ней, можно предположить, что КГБ «держало процесс под контролем» уже в начале 80-х гг. Было очевидно, что чисто фашистские организации никогда не станут массовыми, и оставалось только следить, чтобы фашисты «не натворили чего-нибудь» несанкционированного. Другое возможное объяснение «либерального» отношения властей к фашистским организациям в то самое время, когда беспощадно преследовались диссиденты — присутствие среди фашистов отпрысков номенклатурных семей — «золотая молодежь» развлекалась. Для «органов» это была хорошая возможность «пугнуть» посетителей синагоги и одновременно собрать компромат на родителей неосторожных «отпрысков». В 1980—1982 гг. нацисты провели несколько небольших митингов в центре Москвы, которые далеко не сразу пресекались милицией (руководитель пятого отдела КГБ генерал Бобков даже отрицает факт выступлений нацистов)⁹².

Увлекательная борьба с сионо-масонским заговором вела к созданию в начале 80-х гг. полуподпольной радикально-националистической инфраструктуры в России.

5. «Конвергенция» и антиавторитарный социализм

Как и в XIX в., доминировавшее «западническое» и «почвенническое» направления не исчерпывали идейно-политической палитры общества. Авторитарная система, основанная на идеологии государственного коммунизма, не удовлетворяла многих мыслителей, но не все искали идеал на Западе или в прошлом России. Идеиный крах официальной коммунистической доктрины не означал для них краха социализма — оптимального общества, которого еще не было. Утопия? Но когда-то утопией (местом, которого нет) были и президентская республика, и конституционная монархия, и «социальное государство», в котором ныне живут миллионы людей. Социалистическая часть интеллектуальной элиты хорошо усвоила критику

западного и дореволюционного обществ, но она научилась критиковать и современное ей «социалистическое» общество. Оставалось искать нечто четвертое. Социалисты пытались приложить критические идеи основоположников марксизма-ленинизма или идеи оппозиционного ленинизму антиавторитарного социализма к окружающей действительности.

С социалистических позиций получалось, что если социализм в стране и построен, то уж во всяком случае «неправильный». Следующим шагом был поиск «первичной ошибки», которая привела к последующему «перерождению». Идея такой ошибки приводила некоторых представителей подпольных марксистско-ленинских кружков к выводу о том, что можно «начать сначала». Только нужно знать — как. Иначе можно вновь совершить «первичную ошибку».

Но даже если и не «начинать сначала», а пытаться вернуться на путь не искаженного социализма, необходимо понять, где произошло «отклонение» с этого пути. Наиболее очевидной точкой такого отклонения были «сталинские репрессии» либо (более широко) — сталинское правление. Например, в рамках подпольного марксистского кружка «Оргкомитет Всесоюзной рабочей марксистской партии» (1982—1986 гг.), в котором мне довелось участвовать, рассматривалась тема «сталинского переворота» в 1934—1937 гг. Через несколько лет эта же модель будет пропагандироваться средствами массовой информации, но так же неубедительно — экономическая модель современного советского общества была заложена до 1934 г., в период индустриализации и коллективизации.

Следующим шагом становился поиск альтернативы сталинизму в рамках большевизма — прежде всего в «линии» Н.Бухарина. Эта тема была хорошо разработана в «тамиздате» С.Козном и А.Авторхановым. Но «бухаринизм» пал под действием мощных социальных сил, выраставших из недр самой партии. Бухарин не оспаривал оправданность кровавой политики «красного террора». Все это заставляло задаться вопросом — а не лежит ли «первичная ошибка» в самом большевизме.

Категорическими противниками такой постановки вопроса были Р.Медведев и Р.Лерт. Р.Медведев писал: «В.И.Ленин весьма убедительно доказывал, что в условиях такой крестьянской, нищей, необразованной и многонациональной страны, как Россия, социалистическая революция может победить только как революция организованного и возглавляемого пролетариатом меньшинства»⁹³. Но возглавлялось ли это меньшинство пролетариатом? Чем тогда объяснить расстрелы рабочих демонстраций большевиками, антибольшевистские рабочие восстания на Урале в 1918 г. и рабочие волнения 1921 г.? Были ли рабочими вожди большевистской революции? И оправдывают ли интересы «революционного» меньшинства массовый террор — уничтожение тысяч и миллионов людей? Можно ли вывести сталинский террор из красного террора?

МЕДВЕДЕВ Рой Александрович

1925 года рождения. Отец — дивизионный комиссар и преподаватель Военно-политической академии Рабоче-Крестьянской Красной Армии, был репрессирован в 1938 году.

В феврале 1943 года был призван в армию и после краткого пребывания в учебном полку под Кутаиси получил направление в военное училище, но не прошел комиссии как сын репрессированного. Был направлен в Артиллерийский арсенал Закавказского фронта в Тбилиси, где работал нормировщиком до 1945 года.

В 1946 поступил на философский факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ), который окончил в 1951 году, написав дипломную работу по теме «Особенности китайской революции».

В 1951—1954 годах был учителем средней школы в Свердловской области, по совместительству — директором вечерней школы-десятилетки. В 1954—1957 годах — директором семилетней школы в Ленинградской области. С 1954 года учился в заочной аспирантуре Московского государственного педагогического института им.Ленина (МГПИ). В 1958—1962 годах — редактор, заместитель главного редактора Государственного издательства по выпуску педагогической литературы (Учпедгиза). В 1961—1971 годах — старший научный сотрудник, заведующий сектором Научно-исследовательского института производственного обучения Академии педагогических наук СССР. Кандидат педагогических наук (тема диссертации: «Производственное обучение и производительный труд в городской сельской школе»). Доктор исторических наук, профессор.

В 1971—1989 годах — свободный ученый. Автор десятков книг, сотен статей в советской и иностранной прессе. Был членом КПСС в 1959—1969 и 1989—1991 годах.

С 1964 по 1970 год ежемесячно выпускал тиражом 20—40 экземпляров самиздатские материалы, которые распространялись в узком кругу знакомых, а в 1972 году вышли на Западе анонимно под названием «Политический дневник». В 1962—1968 годах написал книгу «К суду истории», в которой рассматривал преступления Сталина, обращая основное внимание на его роль в массовых репрессиях. В 1969 году за эту книгу был исключен из КПСС.

Поддерживал дружеские связи со многими либерально настроенными представителями коммунистического научного и околонучного истеблишмента (А.Бовин, О.Лацис, Л.Карпинский, Ф.Бурлацкий, Г.Шахназаров и др.), семьями старых большевиков, пострадавших при Сталине, либеральными деятелями искусства и писателями (Ю.Любимов, круг журнала «Новый мир», В.Лакишин). Приобрел репутацию идеолога и лидера еврокоммунистического направления в движении инакомыслящей интеллигенции.

19 марта 1970 года Медведев вместе с А.Сахаровым и В.Турчиным опубликовал открытое письмо к руководству государства («Письмо руководителям партии и правительства»). Тема письма — взаимосвязь проблем демократизации и технико-экономического прогресса.

После опубликования на Западе книг «К суду истории» и «Социализм и демократия» (1971—1972), двух томов с избранными номерами его «Политического дневника» и ряда статей Медведев приобрел славу крупнейшего

советского независимого специалиста по вопросам внутренней и внешней политики СССР, стал объектом повышенного внимания корреспондентов западных газет, представленных в Москве, и завязал знакомства со многими из них, частично сохранившиеся и до настоящего времени.

В 1975—1976 годах был соредактором самиздатского журнала «XX век», 10 номеров которого вышло в СССР (2 номера были переизданы в Лондоне).

В 1971 и 1975 годах у него проводились обыски, изымался архив, неоднократно были вызовы на допросы в КГБ. Многие диссиденты пользовались каналами связи Медведева с зарубежьем для получения оттуда литературы и пересылки рукописей на Запад.

2 февраля 1979 года Медведев был выдвинут диссидентской инициативной группой «Выборы-79» кандидатом в Верховный Совет СССР, но кандидатура его не была зарегистрирована.

В 1988—1989 годах официальные газеты и журналы в большом количестве перепечатывали на своих страницах фрагменты из разных книг Медведева: «Они окружали Сталина», «К суду истории», «Н.С.Хрущев. Политическая биография», «Л.И.Брежнев. Набросок политического портрета». Также публиковались различные статьи Медведева, интервью с ним. В 1989 году он стал членом общественного совета историко-просветительского общества «Мемориал». В том же году был восстановлен в КПСС.

В 1989—1992 гг. — народный депутат СССР, председатель комиссии по расследованию действий следственной группы Т.Гюляна и Н.Иванова. На XXVIII съезде был избран членом ЦК КПСС.

С 1991 г. сопредседатель Социалистической партии трудящихся⁹⁴.

Критикуя позицию Р.Медведева, оправдывающего массовый террор большевиков времен гражданской войны и осуждающий террор Сталина, И.Шафаревич ставит вопрос:

«Не в том ли здесь разница, что насилие во имя марксизма — вообще не насилие и поэтому не противоречит “принципиальным соображениям”? А причина та, что марксизм — это наука, и насилие во имя его — это просто эксперимент. Такую точку зрения Р.Медведев действительно высказывает. Один раздел в его работе так и называется: “МАРКСИЗМ, КАК И ВСЯКАЯ НАУКА, ИМЕЕТ ПРАВО НА ЭКСПЕРИМЕНТ”. Подобно классическому силлогизму о смертности Кая, это утверждение расчленяется на два положения: 1) “Всякая наука имеет право на эксперимент” и 2) “Марксизм есть наука”. Вряд ли стоит опровергать первое положение: доказывать, что не только не ВСЯКАЯ, но НИКАКАЯ наука не имеет права на эксперимент, за который надо расплачиваться человеческой жизнью, тем более — миллионами жизней»⁹⁵.

И второе утверждение, по мнению Шафаревича, ложно. Марксизм — не научен, ибо предсказания «классиков» не оправдываются, а сам марксизм беспомощен в анализе обществ, возникших в результате «социалистических» революций. Особенно субъективно выглядят попытки марксиста Медведева объяснить социально-политические сдвиги 30-х гг.:

«Все объяснения, которые она (книга Медведева “К суду истории” — А.Ш.) предлагает для объяснения этой грандиозной драмы, в конечном

итоге ведут нас к личным свойствам и побуждениям Сталина, как будто автор взялся на этом примере опровергнуть классическое положение марксизма: "...как выставленные напоказ, так и действительные побуждения исторических деятелей вовсе не представляют собой конечных причин исторических событий, за этими побуждениями стоят другие движущие силы, которые и надо изучать" (Энгельс. "Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии")»⁹⁶.

Логика Р.Медведева, однако, была несколько глубже. Он обращал внимание на то, что революция произошла в стране, не вполне к такой революции готовой (об этом писал и Ленин, признавая в конце жизни правоту меньшевиков в этом вопросе). Следовательно, неизбежны издержки, которые могут быть преодолены только по мере общего развития культуры как правящей элиты (отсюда — надежды Р.Медведева на новое поколение партийных функционеров, которые на короткое время оправдались), так и населения в целом. Рассуждая о книге Д.Оруэлла «1984», Медведев обращает внимание на то, что столкновение между тоталитарными и демократическими тенденциями выходит в новые сферы — прежде всего в информационную. С одной стороны — в самых разных странах разрабатываются средства манипулирования массовым сознанием, оставляющие далеко позади «телескрины», описанные в романе Оруэлла. С другой стороны, «самиздат начинает возрождаться на новой технической основе». *«И если "полиция мыслей" будет больше знать о каждом гражданине, то и больше граждан сможет лучше понять не только достоинства, но и недостатки современного государственного социализма. Это еще не демократия, но все это вместе взятое может, в конечном итоге, приблизить, а не отдалить тот демократический социализм, о котором мечтал Оруэлл»⁹⁷.*

Первоначально позиция Р.Медведева была близка к взглядам другого оппозиционно настроенного мыслителя — А.Сахарова, «вольномыслие» которого зародилось под влиянием Медведева. Однако затем Сахаров сближается с либеральными диссидентскими кругами. Результатом взаимодействия социалистического и либерального учений стала предложенная Сахаровым теория «конвергенции», близкая к социал-демократической доктрине и во многих отношениях превосхитившая программу Перестройки.

САХАРОВ Андрей Дмитриевич (1921—1989)

В 1938 г. поступил и в 1942 г. закончил (в эвакуации) физический факультет Московского университета. По воспоминаниям однокашника Сахарова Л.Белла, юный Андрей производил впечатлительные незащищенного, замкнутого в своем внутреннем мире человека. Это впечатление контрастировало с его позднейшим реноме бойца. Вероятно, здесь нет противоречия — Сахаров относился к тому типу людей, которым обширный внутренний мир (в данном случае мир фундаментальной науки) дает как независимость от внешнего мира, значительную самодостаточность, так и твердость в противостоянии внешним вызовам. С точки зрения обыденного взгляда это может выглядеть как непригодность, угловатость, непонятность. Или нестандартность, гениальность. Эти базовые психологические стереотипы гармонируют с периодами «им-

пульса» и «конфронтации», психологической фазой «человека идеологического», что заметно сказалось на биографии великого ученого.

В 1942—1945 гг. Сахаров — инженер-изобретатель. В 1945—1948 гг. — аспирант ФИАН. В 1948 г. включен в исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия, один из «отцов» термоядерной бомбы, один из инициаторов работ в области управляемой термоядерной реакции. С 1953 г. — академик. В науке того времени Сахаров, благодаря своему таланту, сумел пробиться в ту «нишу» советской иерархии, которая максимально соответствовала его склонностям. Либеральная обстановка научного коллектива, свободное интеллектуальное общение сильно отличалось от общей обстановки в стране. Власть была готова терпеть вольномыслие и либерализм физиков в обмен на качественную военную продукцию, тем более, что физики-ядерщики жили относительно изолированно от остального населения. Своего рода привилегированный «Круг первый». Став руководителем отдела, Сахаров превратил его в оплот либеральных отношений, максимально смягчив внутреннюю иерархию.

В то же время «иерархический» период его жизни не был вполне безоблачным. Академик все теснее соприкасался с социальной реальностью, существовавшей за пределами научно-номенклатурного райка. XX съезд КПСС спровоцировал у многих психологически зрелых «шестидесятников» идейные искания, которые приводили либо к переходу в «идейный» психологический период, либо в идейную стадию «иерархического» периода (что и произошло с предрасположенным к этой фазе Сахаровым). Эта стадия длилась в 1957—1964 гг. Сахаров защищал пострадавшего за неосторожные высказывания врача жены И. Баренблата, вступал в первые споры с членами Политбюро. Это не был еще идейный, мировоззренческий конфликт, но уже борьба за справедливость, уже правдоискательство.

«Начиная с 1957 года (не без влияния высказываний таких людей, как А. Швейцер, Л. Полинг и некоторых других) я ощутил себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях», — вспоминал Сахаров⁹⁸. С конца 50-х гг. Сахаров выступает за ограничение и прекращение ядерных испытаний. На этой почве с 1961 г. конфликтует с руководителями советского государства. Он — один из инициаторов договора 1963 г. о запрещении испытаний в трех средах.

В 1964 г. под влиянием книги Ж. Медведева о лысенковщине публично выступал против избрания лысенковца Н. Н. Нухидина членом АН. Этот незначительный на первый взгляд конфликт был первым конфликтом с властью на идейно-политической почве. И бой закончился победой — опасный для власти урок. Но уступки нового, брежневского руководства, легализовавшего генетику, позволило Сахарову на время «затихнуть», вновь заняться наукой. Первоначальные брежневские реформы, связанные с хозрасчетом, также могли казаться Сахарову разумными, новый политический стиль — прагматичным. Но эта «иерархическая нормализация» в развитии Сахарова была лишь затишьем.

В 1966 г. Сахаров участвовал в Комитете по проблеме Байкала, пытался убедить Брежнева отказаться от строительства целлюлозно-бумажного комбината на берегу озера. С 1966 г. осторожно выступает в защиту полит-

заклученных и против возрождения сталинизма. Наступает время интенсивного чтения запрещенной литературы, время политических обсуждений с коллегами, вызревания собственных политических взглядов. Сахаров неудержимо приближался к ощущению невозможности, недопустимости бездействия и политического молчания. Это был «синтез» «человека идейного». «Ходившая по рукам, минуя цензуру, рукопись биолога Жореса Медведева была первым произведением самиздата, которое я прочел. Я прочел также в 1967 году рукопись книги историка Роя Медведева о преступлениях Сталина. Обе книги, особенно вторая, произвели на меня очень сильное впечатление. Как бы ни складывались наши отношения и принципиальные разногласия с Медведевыми в дальнейшем, я не могу умалить их роли в моем развитии»⁹⁹.

В 1968 г. академик Сахаров написал работу «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», в которой фактически сформулировал программу первоначального этапа Перестройки:

«Я считаю, что в ходе углубления экономической реформы, усиления роли экономических рыночных факторов, при соблюдении необходимого условия усиления народного контроля над управляющей группировкой (это существенно и в капиталистических странах) все шероховатости нашего распределения будут благополучно и безболезненно ликвидированы. Еще большие и принципиально важна роль углубления экономической реформы для регулирования и стимулирования общественного производства методом правильного (рыночного) ценообразования, целесообразного направления и быстрого эффективного использования капиталовложений, правильного использования природных и людских ресурсов на основе соответствующей ренты в интересах нашего общества»¹⁰⁰.

Этот взгляд, пусть и не столь прямо выраженный, разделяли многие представители правящей элиты. Казалось, что сочетание элементов западной и восточной моделей окажется синтезом именно всего лучшего, а не худшего в них, что некоторый демократический контроль за элитой позволит преодолеть застой в карьере и сделает аппарат более эффективным.

Многие конкретные предложения А.Сахарова также были развиты официальной доктриной:

«1. Необходимо всемерно углублять стратегию мирного сосуществования и сотрудничества...

2. Проявлять инициативу в разработке широкой программы борьбы с голодом».

Однако некоторые предложения шли вразрез с «линией партии» и отражали интересы слоя специалистов:

«3. Необходимо разработать, широко обсудить и принять “Закон о печати и информации”, преследующий целью не только ликвидировать безответственную идеологическую цензуру, но и всемерно поощрять самоизучение в нашем обществе...

4. Необходимо отменить все антиконституционные законы и указания, нарушающие “права человека”.

5. *Необходимо амнистировать политических заключенных, а также пересмотреть ряд имевших место в последнее время политических процессов... Немедленно облегчить режим для политических заключенных.*

6. *Необходимо довести до конца — до полной правды, а не до взвешенной на весах кастовой целесообразности полуправды — разоблачение сталинизма...»¹⁰¹.*

Впоследствии Сахаров скромно оценивал эту свою работу: «Основные мысли, которые я пытался развить в “Размышлениях”, не являются очень новыми и оригинальными. В основном это компиляция либеральных, гуманистических и “наукokratических” идей, базирующаяся на доступных мне сведениях и личном опыте. Я оцениваю сейчас это произведение как эклектическое и местами претенциозное, несовершенное (“сырое”) по форме»¹⁰². Сахаров развивал свои взгляды в работах «Мир через полвека», «О стране и мире», «Мир, прогресс и права человека», «Тревога и надежда» и др. Более подробно была разработана политико-правовая программа, в которую Сахаров включил частичную денационализацию и деколлективизацию, требования многопартийности, свободы забастовок, права на отделение союзных республик, отмену служебных и партийных привилегий и др.¹⁰³.

Сахаров выстраивал свою программу не с позиции интересов какой-то одной цивилизации (западной либо российской), а с точки зрения глобальных процессов, происходящих в мире. Он выдвигает программу нового мирового порядка:

«Миру нужна демилитаризация, национальный альтруизм и интернационализм, свобода обмена информацией и перемещения людей, гласность, международная защита социальных и гражданских прав человека. Страны “третьего мира” должны получать всестороннюю помощь и со своей стороны полностью принять на себя свою долю ответственности за будущее мира, обратить большее внимание на развитие материального производства, прекратить спекуляции нефтью»¹⁰⁴.

Важнейшими мировыми проблемами ближайших десятилетий Сахаров считал рост населения, истощение ресурсов и нарушение природного равновесия, но, оставаясь в рамках технократического подхода, считал возможным решить эти проблемы прежде всего с помощью научно-технического прогресса. В результате сахаровская модель напоминает вариант гипертрофированного индустриального общества, описанный в работах западных фантастов середины XX века (см., например, серию А.Азимова о «Фонде»). Сахаров считал, что в гигантских индустриальных центрах будущего («рабочих территориях»), где люди будут проводить основную часть своего времени, «природа полностью преобразована для практических нужд, сосредоточена вся промышленность с гигантскими автоматическими и полуавтоматическими заводами, почти все люди живут в “сверхгородах”, в центральной части которых многоэтажные дома-горы с обстановкой искусственного комфорта — искусственным климатом, освещением, автоматизированными кухнями, голографическими стенами, пейзажами и т.п. Однако большую часть этих городов составляют пригороды, растянувшиеся на десятки километров. Я рисую эти пригороды бу-

*дущего по образцу наиболее благоустроенных сейчас стран...»*¹⁰⁵ Здесь же будет расположено индустриализированное сельское хозяйство, энергетические установки (в том числе ядерные). Сахаров считал необходимым оставить вне хозяйственного использования огромные «заповедные территории», где жители «рабочих территорий» будут отдыхать некоторое время. Большое внимание ученый уделяет использованию безотходных технологий, информационных систем и вычислительной техники¹⁰⁶.

В футурологическом проекте Сахарова отразились сильнейшие противоречия переходного периода, который цивилизация переживала после 60-х гг. XX века. Ростки информационного общества пробивались сквозь толщу индустриальной цивилизации, и большинство футурологов «выписывали путевку в будущее» привычным им формам социальной организации, в том числе мегаполисам, индустриализации сельского хозяйства, широкому распространению ядерной энергетики. Сахаров не был здесь исключением и не стал допускать возможности изменения тенденций социального и технологического развития, которое обычно происходит в переходные эпохи.

Особенно ярко технократизм мышления Сахарова проявился в оценке им перспектив развития ядерной энергетики: «Очень трудно объяснить неспециалистам (хотя это именно так), что ядерный реактор электростанции — вовсе не атомная бомба... Развитие атомной энергетики шло с гораздо большим вниманием к вопросам безопасности и охраны среды, чем развитие таких отраслей, как металлургия и коксохимия, горное дело, химическая промышленность, угольные электростанции, современный транспорт, химизация сельского хозяйства. Поэтому сейчас положение в ядерной энергетике в смысле безопасности и возможного влияния на среду обитания относительно благополучное, и ясны пути его дальнейшего улучшения»¹⁰⁷. Ученый пересмотрит свои взгляды на этот вопрос только после Чернобыльской катастрофы.

Будущее, которое рисует Сахаров, (равно как и всякое другое будущее для цивилизации) возможно только при условии предотвращения мировой ядерной конфронтации. Для этого необходимо сближение двух систем современной индустриальной цивилизации. Сахаров писал:

«Я считаю особенно важным преодоление распада мира на антагонистические группы государств, процесс сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, сопровождающийся демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой человеческих прав, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного личного начала в человеке.

*Я предполагаю, что экономический строй, возникший в результате этого процесса сближения, должен представлять собой экономику смешанного типа, соединяющую в себе максимум гибкости, свободы, социальных достижений и возможностей общемирового регулирования»*¹⁰⁸. В этих словах Сахарова, написанных в 1974 г. — вся стратегия реформ Горбачева.

А.Сахаров и его единомышленники не разделяли радикальной «западной» концепции, которая позволила И.Шафаревичу говорить о «русофобии». Академик был весьма категоричен в отношении таких взглядов:

«это “темные азиатские страны”, без демократических традиций, без привитого веками уважения к правам личности, к индивидууму. Для этих стран — для русских, для китайцев, для вьетнамцев — все, что происходит (террор, бесплоковщина, грязь в роддоме, нарушение свобод — я нарочно назвал разноплановые вещи), — якобы привычно и даже “прогрессивно”, они таким странным образом делают шаг вперед... Эти типичные леволиберальные аргументы (я их называю “славянофильством наоборот”) никак не оправданы историческим опытом...»¹⁰⁹

Любая форма экстремизма — коммунистического, националистического, либерального — претила Сахарову. Как одно из средств победы в руководстве страны «реалистов», способных провести реформы, академик предлагал многопартийность. Сам Сахаров, впрочем, никогда к «реалистам» не принадлежал. Его политика и философия были чужды духу прагматизма.

Преобладание естественных наук над гуманитарными в образовании Сахарова влекло за собой уязвимость его социальных построений. Он к тому же совершенно не имел ораторских способностей. Но этот человек обладал уникальной чертой, которая предопределила его судьбу и придала силу его идеям — Сахаров умел разрушать барьеры, которые ставили перед его мыслью социальная принадлежность, традиции, карьера.

Несмотря на свои обусловленные временем недостатки, «Размышления...» стали одним из важнейших манифестов оппозиционной мысли. Это была и важнейшая веха в судьбе самого Сахарова, импульсом, который привел к превращению его в «человека идейного» с последующим выходом из официальной иерархии СССР. После опубликования «Размышлений» на Западе Сахаров был отстранен от секретных работ и переведен в Физический институт Академии Наук. Руководство страны смущало не столько содержание работы Сахарова, сколько сам факт несанкционированной публикации политического манифеста.

В 1969—1970 г. формируется новый стиль жизни А.Сахарова — его отстраняют от секретных работ и переводят на работу в ФИАН, лишают номенклатурных привилегий. Но вольная натура Сахарова легко преодолевает эти «невзгоды» — естественную плату за освобождение от «иерархичности». Тяжелее было перенести смерть жены.

В 1970 г. Сахаров вошел в Комитет прав человека. В совместном с Р.Медведевым и В.Турчиным письме он пытался убедить советское руководство в том, что научно-технический прогресс невозможен без демократизации.

Первая половина 70-х гг. — новая «юность» в жизни Сахарова, на этот раз «юность» «человека идейного». Первые митинги, столкновения с милицией, недоумение властей — что делать с «сошедшим с ума» академиком, женитьба на Е.Боннэр. Во второй половине 70-х гг. жизнь лидера диссидентства становится более «иерархичной» — текучка правозащитной жизни, необходимость реагирования на любые события в стране и мире, более систематическое давление со стороны властей требуют четкой организации жизни. Общественная работа превращается в своего рода профессию. Но решающее столкновение с властью еще впереди.

В 1975 г. Сахаров был удостоен звания лауреата Нобелевской премии Мира. В 1972—1979 гг., по данным КГБ, Сахаров провел 150 пресс-конференций, готовил материалы для 1200 передач иностранного радио¹¹⁰. В январе 1980 г. за выступление против войны в Афганистане был лишен всех правительственных наград и выслан в г. Горький.

В декабре 1986 г. вернулся в Москву, работал в физическом институте им. П.Лебедева. В 1989 г. — народный депутат СССР, сопредседатель Межрегиональной депутатской группы¹¹¹.

Позиция А.Сахарова оказалась ближе всего (из участников идейно-политических дискуссий 60—70-х гг.) к будущей стратегии Перестройки. Иные концепции (консерватизм А.Солженицына, например) оказались востребованными в меньшей степени. Важное исключение составляет, пожалуй, теория самоуправления В.Белоцерковского, которая укладывается в концепцию конвергенции¹¹². Однако трудно утверждать, что труд Белоцерковского был концептуальным источником самоуправленческих экспериментов КПСС. Возможно, у них были общие теоретические источники.

Во многом благодаря позиции Сахарова и его теории «конвергенции» либералы и социалисты в оппозиционной среде не противостояли так, как «западники» (те же либералы) и «почвенники». «Белые» и «розовые» составляли единое Демократическое движение. А.Сахаров — один из крупнейших авторитетов в среде либералов — признавал большую роль социалистических идей в трансформации западного общества¹¹³. Лидер «Революционного коммунистического союза молодежи» А.Цурков крикнул на суде «Да здравствует демократическое движение»¹¹⁴. «Демократическим ли социализмом, либеральной ли демократией назовем вы или я то общество, к которому мы стремимся, но в этом обществе мысль, слово, личность должны быть свободны», — писала оппозиционная коммунистка Р.Лерт¹¹⁵.

Даже авторы, скептически относящиеся к идее «конвергенции», искали пути взаимодействия двух миров и двух идеологий. «Накануне — это капитализм, переставший быть “капитализмом”, и “социализм”, переставший быть «социализмом» не потому, что сблизились и того гляди сольются, а оттого, что ни тому, ни другому (ни третьему, ни четвертому...) не стать в одиночку миром — единственностью человечества; не стать — и не отказаться, не стать — и не поступиться: местом и заявкой, рефлексом и миром единственности, норовом и нравом ее», — писал М.Гефтер¹¹⁶. Это возвращение идеи мирного сосуществования будет позднее подхвачено М.Горбачевым, убеждавшим Запад в необходимости сохранить мир во всем его многообразии — с «капитализмом» и «социализмом». Как мир живой природы со всеми его чудесами и монстрами.

ГЕФТЕР Михаил Яковлевич (1918—1994)

В 1941 году окончил Московский государственный университет и ушел добровольцем на фронт. Служил в Отдельном истребительном батальоне Красной Пресни, в 8-м полку Московских рабочих 5-й Московской Коммунистической дивизии. 1945 г. — работал в Институте истории АН СССР. Кандидат

исторических наук (1953). Специалист по русской истории периода капитализма. В 1964 г. возглавил сектор методологии Института истории АН СССР. С 1965 г. ставил проблемы, связанные с культом личности, волюнтаризмом, цензурой, гласностью и демократией, в непосредственную сферу исторического исследования. Сотрудничал с журналом «Новый мир» под руководством А.Т.Твардовского.

В 1968 г. руководимый им сектор вошел в состав отдела общих проблем всемирно-исторического процесса Института всеобщей истории АН СССР, а в 1969 г. — прекратил существование, став неофициальным научным сообществом. До 1974 г. работал в секторе новой и новейшей истории (Запада) Института всеобщей истории АН СССР.

В феврале-октябре 1993 г. — член Президентского совета. Вышел в знак протеста после переворота 1993 г.

Состоял в КПСС, из партии вышел в 1982 г.

Награжден орденом Славы.

Автор ряда статей о развитии капитализма в начале XX в. и сборников «История и социология» (1964), «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (1969), «Законы истории и конкретные формы всемирно-исторического процесса. Проблемы истории докапиталистических обществ» (1968), «Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы» (1970). Многие его работы не публиковались. Вновь получил возможность печататься в годы перестройки¹¹⁷.

Относительная близость либерального и социалистического течений контрастирует с постоянными стычками между братьями Медведевыми и другими демократами. В.Буковский с присущей ему категоричностью пишет об этом: «Выдвинули Сахарова на Нобелевскую премию — Жорес Александрович уже в Норвегии, убеждает общественность, что нельзя дать премию мира создателю водородной бомбы. Разворачивается кампания в защиту арестованных хельсинкцев — Жорес Александрович в парижской газете объясняет, как вреден шум на западе для людей “там”. Приговорили Гинзбурга к восьми годам строго режима — Рой Александрович спешит с заявлением, какой плохой человек Гинзбург»¹¹⁸. Как видим, резкая критика Буковского касается не идеологии Медведевых (которая радикального либерала, разумеется, тоже не удовлетворяла), а тактики братьев. Не менее активно выступали против этой тактики и социалисты — в том числе и согласные с Р.Медведевым относительно вопросов, связанных с оценкой революции, социализма и т.п.

В 1978 г. Медведев критиковал Сахарова за то, что тот «окружил себя экстремистами» и «изолировался от академической интеллигенции», через которую мог бы оказывать воздействие на правящие круги¹¹⁹. Эти замечания были изложены в достаточно резкой форме, и были восприняты в качестве обвинений. Ответная реакция не заставила себя ждать, причем последовала она как раз со стороны социалистов — спор носил не идеологический, а этический характер. В ноябре 1978 г. П.Абовин-Егидес обвинил Р.Медведева в том, что он идет «от предложения “не давать легкомыслен-

ных поводов” к предложению вообще “не давать поводов” — а это, по существу, является предложением отказаться от борьбы...»¹²⁰. К выступлениям против Медведева присоединились Р.Лерт, М.Гефтер и др. Эта «гражданская война» в среде социалистов не имела прямого отношения к идеологии, но все же вытекала из нее. Р.Медведев считал, что возвращение системы на «правильный путь» возможно путем осторожной эволюции, без качественных скачков. «Реальный социализм» не был враждебен идеалам Медведева и лишь несколько «искажал» их. Либералы и большинство социалистов не принимали существовавшей в СССР системы в принципе. Для либералов она противоречила естеству человека, его стремлению к свободе. Для социалистов Абовина-Егидеса и Лерт социализм соответствовал естеству человека и его стремлению к свободе. Следовательно, то, что существовало в СССР, не было социализмом и с ним нужно было бороться не на жизнь, а на смерть. Но это означало и сомнительность теории «конвергенции» для социалистов, хотя и по другим причинам, нежели для радикальных либералов. Если для последних существовавший в СССР строй был тоталитарным и в принципе не совместимым с идеализированной ими западной системой¹²¹, то для социалистов смесь враждебного им «несоциализма» с не менее враждебным капитализмом была лишена всякой привлекательности. Нужно было искать что-то иное.

В конце 70-х гг. социалистическая и социал-демократическая мысль развивалась все более бурно. Выходил свободный московский журнал «Поиски», его авторы П.Абовин-Егидес, Р.Лерт, П.Пыжов (Г.Павловский), В.Абрамкин и др. с вниманием относились к социалистическим идеям.

АБОВИН-ЕГИДЕС Петр Маркович

1917 г. рождения. Воспитывался в детском доме. В 1941 г. окончил Московский институт философии, литературы, истории. Ушел добровольцем на фронт. В 1942—1948 гг. — в заключении. В 1948 г. — реабилитирован.

В 1948—1959 гг. — преподаватель педагогического училища. Затем — председатель колхоза, преподаватель философии на кафедрах философии институтов в Брянске, Иркутске, Ростове-на-Дону. В 1970 г. за выступление против ввода войск в Чехословакию и работы «Единственный выход» и «Основное противоречие социализма» арестован. До 1972 г. Находился в психлечебнице. В 1978—1980 — один из основателей и член редакции журнала «Поиски». В 1980 г. эмигрировал во Францию. Член Социалистической партии Франции. В 1989 г. ему возвращено советское гражданство. С 1995 г. — член Социалистической партии трудящихся. Избран в ее Высший Совет. В 1995 г. был членом инициативной группы движения «Нет» за голосование во втором туре выборов против обоих кандидатов. Автор книги «Самый нормальный человек в России. К практицизму Святослава Федорова от критицизма Александра Солженицина» (1996г.)

ПАВЛОВСКИЙ Глеб Олегович

1951 г. рождения. Окончил в 1973 году исторический факультет Одесского университета. До 1976 года работал учителем в школах Одессы. С 1976 по 1982 год работал столяром.

С 1972 года занимался распространением и изданием «самиздата». С 1978 по 1980 год — член редколлегии журнала «Поиски». С 1982 по 1985 год находился в ссылке за распространение «самиздата». На следствии давал показания на своих односельцев, от которых потом отказался на суде. С 1987 года — заместитель главного редактора журнала «Век XX и мир» (гл. редактор А.Беляев). Был членом Клуба социальных инициатив (1986—1988 гг.), клуба Перестройка (Москва) (1987—1988 гг.). С 1988 по сентябрь 1993 года — председатель совета директоров информационного агентства «Постфактум». С 1993 года — член редакционного совета «Общей газеты». С декабря 1993 года — главный редактор обновленного журнала «Век XX и мир»¹²². Руководитель Фонда эффективной политики, одного из «мозговых центров» администрации Президента РФ во второй половине 90-х гг.

В околодиссидентских кругах появились журналы социалистического направления — «Левый поворот» («Социализм и будущее») и «Варианты». Их издание было инициировано кружком знакомых, который сложился еще в университетские годы и с 1976 г. начал участвовать в нелегальной работе. В него входили А.Фадин, П.Кудюкин, М.Ривкин, В.Чернецкий, Ю.Хавкин, И.Кондрашев, затем присоединились Ю.Кагарлицкий, В.Прибыловский и др. Идеологический спектр изданий был относительно широк — от правой социал-демократии до еврокоммунизма, хотя левосоциалистическая тенденция была доминирующей. П.Кудюкин определяет свои взгляды того времени так: *«левая социал-демократия с элементами революционной социал-демократии. Для нас с Фадиным Западное общество не воспринималось как что-то изолированное, оно было тесно связано с Третьим миром. В этом отношении наша революционность была направлена как против СССР, так и против Запада, который имеет свои тупики, эволюционным путем не разрешимые. Хотя революция не связывалась для нас с насилием. Здесь была несомненная параллель с западными “новыми левыми”. Мы признавали, что в СССР кризис может привести к разрушительному, насильственному взрыву. Мы стремились к тому, чтобы советская империя заменилась неким содружеством, чтобы возникла многосекторная экономика с государственным, самоуправленческим и частным секторами, переход к гибким формам воздействия на экономику — индикативному планированию, экономической демократии, свободным профсоюзам, политической демократии в западном смысле и развитию прямой демократии на низовом уровне, возможности простым людям как можно больше участвовать в решении общественных дел»*¹²³. Взгляды Ю.Кагарлицкого были несколько левее и могут быть определены как вариант еврокоммунизма. «Молодые социалисты», как позднее стали называть издателей «Левого поворота»,

сходились на том, что необходимы реформы сверху под давлением снизу, придание социалистической модели большей эффективности и демократизма. Эти идеи соответствовали официальной линии перестроечного руководства в 1985—1989 гг. Но именно поэтому они представляли реальную опасность для монополии КПСС на власть и ее преобразование.

Особые опасения вызывали тактические планы «молодых социалистов». Они резко критиковали существующий строй, высказывая сомнения в его социалистичности, с надеждой всматривались в польский опыт, обсуждая возможности повторения подобных же событий в СССР. В качестве организационного ядра будущей революции они намеревались создать Федерацию демократических сил социалистической ориентации (несколько ранее Революционный коммунистический союз планировал проведение конференции левых групп¹²⁴). Традиционные диссиденты уже давно не предпринимали попыток создания всесоюзных политических организаций. Не удивительно, что КГБ пошло на разгром «левых» (см. Главу IX). Федерация социалистической общественных клубов будет создана только в 1987 г.

КУДЮКИН Павел Михайлович

1953 года рождения. В 1970 — 1971 годах работал столяром на Загорской фабрике игрушек. В 1976 году закончил исторический факультет МГУ. В 1976—1978 годах работал старшим лаборантом кафедры научного коммунизма во Всесоюзном государственном институте кинематографии (ВГИК) и старшим лаборантом кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ. В 1978 году поступил в аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. Занимался историей послефранкистской Испании. В 1981 году окончил аспирантуру и в 1981 — 1982 годах работал младшим научным сотрудником ИМЭМО.

Политической деятельностью стал заниматься во время учебы в университете. В 1973 году вместе со своими сокурсниками по историческому факультету МГУ И.Долуцким, А.Фадиным и другими выпустил студенческую стенгазету сатирического содержания, за которую Долуцкий был исключен из комсомола и университета, а другие участники подверглись взысканиям по комсомольской и административной линии (так называемое «дело Долуцкого»). Был инициатором сбора подписей в защиту Долуцкого.

В 1977—1982 годах вместе с Андреем Фадиным и Михаилом Ривкиным редактировал подпольный самиздатский альманах «Варианты», в котором публиковались авторы — сторонники «социализма с человеческим лицом» (вышло 4 номера), в 1979—1982 сотрудничал также в самиздатском журнале Б.Кагарлицкого «Левый поворот» («Социализм и будущее»).

В апреле 1982 был арестован по делу так называемых «молодых социалистов». В апреле 1983 г. освобожден.

Член Инициативной группы «Мемориал» со дня ее создания в августе 1987 года, избран в правление Историко-просветительского общества «Московский “Мемориал”». В 1987—1990 годах был активным участником клубов «Перестройка» и «Демократическая перестройка» (ДП), редактором самиздатского

журнала «Открытая зона», членом Совета клуба ДП. Член исполкома Социал-демократической ассоциации в 1990 г. В 1990—1993 гг. народный депутат Ленинградского районного совета Москвы. В 1990 году был одним из основателей Социал-демократической партии Российской Федерации, один из трех членов Президиума Правления СДПР.

В 1991—1993 гг. — заместитель министра труда.

Много лет спустя после событий 1982 г. Кудюкин сказал: «Я думаю, что люди, которые когда-то были “новыми левыми”, даже становясь правыми, сохраняют в себе нечто существенное от тех времен»¹²⁵.

КАГАРЛИЦКИЙ Борис Юльевич

1958 года рождения. Сын известного театроведа и литературоведа Юлия Кагарлицкого.

В 1975—1980 годах учился в Государственном институте театрального искусства им. А.В.Луначарского (ГИТИС), но накануне защиты диплома был исключен из института и защитил его только в 1988 году. Тема — социология культуры.

В 1980—1982 годах работал почтальоном, в 1983—1988 годах — лифтером, с 1989 по 1991 год — обозревателем агентства ИМА-пресс. В 1992—1994 гг. — обозреватель газеты профсоюзов «Солидарность», в 1993—1994 гг. работал также экспертом Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР). Старший научный сотрудник Института сравнительной политологии.

Политической деятельностью занимается с 1978 года, когда начал издавать самиздатский машинописный журнал «Левый поворот» (первый номер вышел в 1979 году, в 1980 году переименован в «Социализм и будущее»). В 1979 году, будучи студентом 5-го курса, стал кандидатом в члены КПСС, но в том же году КГБ стало известно о том, что он является издателем «Левого поворота», вследствие чего Кагарлицкий в начале 1980 года был исключен из кандидатов в члены партии и из ГИТИСа (с формулировкой «за антиобщественную деятельность»).

В начале апреля 1982 года был арестован по делу так называемых «молодых социалистов». После письменного обещания не заниматься более антисоветской деятельностью был освобожден в апреле 1983 г.

В 1986—1988 гг. — член Клуба социальных инициатив (КСИ). В 1988 г. член Оргкомитета (с 7 июля — Оргсовета) Московского народного фронта. В 1988—1990 гг. — член Координационного совета (КС) МНФ. В 1989—1990 гг. — член бюро Московского комитета новых социалистов. В начале 1990 года принял участие в формировании избирательного блока «Демократическая Россия» (ДР). В 1990—1993 гг. депутат Моссовета. В 1990—1992 гг. член исполкома Социалистической партии. В 1992—1994 гг. член совета московской организации Партии труда.

Автор книги «Диалектика надежды», фрагменты из которой (под псевдонимом В.Краснов) публиковались в начале 1980-х годов в эмигрантском журнале «Проблемы Восточной Европы» (полностью опубликована в 1989 году во Франции, в издательстве «Слово»). За изданную в Лондоне книгу «Мыслящий тростник» (на английском языке) в 1988 году получил Дойчеровскую премию. В

1990—1991 годах опубликовал в Лондоне (на английском языке) книги «Диалектика перемен» и «Прощай, перестройка», в Берлине (на немецком языке) — книгу «Квадратные колеса (Хроника демократического Моссовета)». «Прощай, перестройка» издана также на японском и турецком языках. В 1992 году издал в Москве книгу «Расколовшийся монолит» (на основе серии своих публицистических статей 1989—1991 годов), которая до русского издания выходила также на английском, немецком, шведском и финском языках¹²⁶.

ФАДИН Андрей Васильевич (1957—1997)

В 1976 г. закончил исторический факультет МГУ. В 1979—1982 гг. входил в подпольную группу, получившую условное название «Молодые социалисты», был соредактором самидатского журнала «Варианты». В 1987 г. был членом клуба «Перестройка». Редактировал журнал клуба «Открытая зона».

Член клуба «Демократическая Перестройка» в 1988—90 гг., «Московская трибуна» — с осени 1989 года. Работал в газете «Коммерсантъ». С 1995 — обозреватель еженедельника «Общая газета»¹²⁷.

Постепенный отход социалистов от классических марксистско-ленинских образцов вел часть из них (прежде всего молодежь, не прошедшую в своем развитии длительного периода догматического марксизма-ленинизма) в сторону антиавторитарного социализма, отрицавшего как ленинизм, так и умеренную социал-демократию. На горизонте этого течения забрезжили идеи самоуправленческого социализма, опыт студентов «Красного мая» в Париже, творцов «Пражской весны», идеологов польской «Солидарности». Появляется группа с характерным названием «Марксистская общественная группа 68—80». В 1979 г. властям удалось разоблачить и анархо-коммунистическую группу, доказав тем самым, что в СССР существует, пожалуй, полный спектр идейно-политических направлений (анархисты-одиночки существовали в это время в Иркутске, Черкассах и др. местах). В декабре перед судом предстала первая из известных с 30-х гг. группа анархистов «Союз революционных коммунаров» (рабочий В. Михайлов, художник А. Стасевич и студентка А. Кончева). Коммунары выступали против государства, частной собственности и семьи, жили коммуной, распространяли листовки с изложением своих взглядов и рисовали на стенах лозунги «Демократия — не демагогия!», «Долой госкапитализм!» На суде участники группы, обвиненные в хулиганстве, заявили о своей солидарности с выступлением парижских студентов 1968 г.¹²⁸

В 1981 г. в Ленинграде состоялась даже анархическая конференция с демонстрацией. Рассказывает участник событий М. Гончарок: «В конце 70-х годов маленькая группа ленинградских старшеклассников решила объединиться, дабы нести в народ свет идей абсолютной свободы. С народом ничего не вышло с самого начала — у широких масс знание основ анархизма ограничивалось распеванием в нетрезвом виде двух первых строчек популярной песни “Цыпленок жареный”. Пришлось законспирироваться и разрабатывать программу. Перспективы мировой революции быстро отпали сами собой»¹²⁹. Этот этап развития группы был довольно типичен. Но присутствова-

ли и особенности: «Поскольку идеологами кружка были, само собой, евреи, как-то автоматически встал вопрос о борьбе с антисемитизмом в СССР»¹³⁰.

Вскоре участники группы сумели установить контакт со школьниками-анархистами из других городов и организовали левачскую конференцию: «Приехали товарищи из Риги и Харькова, привезли большое количество спиртных напитков и скверные ксерокопии программ своих кружков. Резолюция новорожденного движения анархистов России должна была быть зачитана после митинга на канале Грибоедова, который состоялся в связи со столетием уничтожения народовольцами Александра II.

Митинг, на который не были приглашены подозреваемые провокаторы, прошел с большим подъемом. Длинноволосая девушка в вязаной кофте до колен — представительница питерских хиппи — воющим голосом зачитала свои стихи, в которых упоминались цветы, растущие из стволов автоматов, а также воспевалась любовь Перовской к Желябову. Толстяк из Харькова огласил решение украинских товарищей немедленно приступить к террору против большевиков. В зачитанной резолюции упоминались Бакунин, Лев Толстой, Фанни Каплан и Кон-Бендит. Отдельным пунктом было внесено требование о свободе для узников Сиона, томящихся в советских тюрьмах, и поддержке “борьбы свободолюбивых израильских киббуцников против арабского империализма”. Последний пункт резолюции был внесен не евреями!»¹³¹. То ли КГБ «проспало» демонстрацию, то ли информаторы просто не разобрались, что молодежь не просто отдает дань романтизму в рамках школьной программы (народовольцы входили в революционный пантеон), то ли, что наиболее вероятно, решили — само пройдет. Участники конференции разъехались. Но не прошло: «Далее, революционеры снарядили экспедицию на Синявинские болота с целью поиска более или менее сохранившегося оружия, оставшегося с Великой Отечественной. Оружие предполагалось реставрировать по мере возможности. И оружия на знаменитом Невском пятачке, действительно, было найдено множество! Местное население из совхозов в районе Синявина в поисках заржавленных пистолетов и “шмайссеров” принимало самое активное участие.

— Ребята, чего ищете?

— Оружие.

— А... Для чего?

— Для борьбы с коммунистами, товарищ. За свободу.

— О-о... Свобода. Это такое дело: за свободу, браток, и спину погорбать можно.

И — помогали копать»¹³².

Судя по дальнейшим событиям, этот эпизод прошел мимо внимания органов. Но весной 1984 года участники группы были арестованы. КГБ не стало доводить дело до процесса. После такого опыта участники группы более не возвращались к попыткам возродить анархистское движение в России.

К анархизму и другим оппозиционным КПСС социалистическим течениям склонялись и лидеры Российского коммунистического союза молодежи, издававшие журнал «Перспективы». В первом номере журнала были

помещены отрывки из книг М.Бакунина, П.Кропоткина, Г.Маркузе, Л.Троцкого, статья Д.Кон-Бендита «Гошизм как средство против старческого маразма коммунизма», материалы о Кронштадтском восстании, дискуссионные материалы («о текущем моменте») ¹³³. Тематика «Перспектив» очень напоминает материалы анархистских и левосоциалистических изданий, которые появятся несколько лет спустя.

Осколки Неокоммунистической партии Советского Союза, ядро которой было разгромлено в 1975 г., также продолжали во второй половине 70-х гг. изучение и распространение альтернативных социалистических и контр-культурных идей ¹³⁴.

Антиавторитарная социалистическая мысль еще проходила этап ученичества, знакомясь с трудами предшественников. КГБ пресекала такие поиски, и почти каждому кружку приходилось проделывать этот путь сначала. Подпольные оппозиционные мыслители, изолированные от «самиздата» и «тамиздата», могли вести свои изыскания, опираясь, в основном, на отечественные источники информации (сюда, впрочем, входила и полусекретная литература, доступ к которой для гуманитарной интеллигенции был не очень затруднен). Естественно, что свою эволюцию новое поколение начинало с марксизма. Марксистская (чаще марксистско-ленинская) оппозиция страдала множеством иллюзий, которые навевала официальная версия истории революционного движения. Подпольные кружки, состоящие из нескольких единомышленников, стремились понять причины поразившего страну кризиса и перерождения революционных институтов, принять научную марксистскую программу, способную исправить положение, покрыть всю страну подпольной сетью своих филиалов, после чего и совершить революцию, как сделали это по официальной версии Ленин с его партией.

Естественно, что подобная модель революционной тактики приводила к тому, что марксистские кружки были заняты, в основном, внутренними дискуссиями. Если от решения, принятого в кружке, зависит судьба страны, то необходимо сначала детально проработать программу, чтобы потом не наделать ошибок, производя революцию. Споры велись так, будто революционеры уже стоят во главе государства. Любое разногласие могло привести к расколу. Эгоцентризм подпольных кружков порождал централизм и нетерпимость к плюрализму. Поиск себе подобных при такой картине мира был не нужен. В итоге марксистско-ленинские кружки занимались самоедством вплоть до Перестройки, когда они смогли легализоваться и продолжить идейную эволюцию в обстановке свободной дискуссии с другими формированиями.

Но нередко случалось, что внутренняя дискуссия приводила к ломке марксистско-ленинских стереотипов, после чего группа, как правило, эволюционировала к неортодоксальным социалистическим концепциям.

В качестве примера подробно остановимся на развитии небольшой группы юных социалистов, которая во второй половине 80-х гг. вырастет в неонародническое движение за «общинный социализм». В первой половине 80-х гг. в Москве существовал небольшой подпольный марксистский кружок, в 1985 г.

названный Организационным комитетом Всесоюзной рабочей марксистской партии (ОК ВРМП). Кружок возник в мае 1980 г. Его лидеры Н.Кузнецов и А.Василивецкий пришли к выводу, что в СССР существует «государственный капитализм». Строгой идейной ориентации кружка первоначально не было¹³⁵. По мере уточнения взглядов участников кружок принял марксистскую ориентацию (при этом Н.Кузнецов вскоре стал плехановцем и антиленинцем). В 1982—1984 гг. к кружку присоединились студенты Московского педагогического института В.Губарев и А.Исаев. Члены группы вели пропаганду в школах, институте, воинской части, на ЗИЛе.

ВАСИЛИВЕЦКИЙ Алексей Александрович

1965 г. рождения. В 1987 г. закончил Московский государственный педагогический институт им. Ленина. В 1987—1989 гг. работал учителем.

В 1980—1986 гг. участвовал в работе подпольного марксистского кружка. В 1987—1989 гг. входил в клуб «Община». С 1989 г. — обозреватель ИМА-пресс¹³⁶.

ИСАЕВ Андрей Константинович

1964 года рождения. В 1989 году закончил исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В.И.Ленина. Преподавал в школе. Кандидат психологических наук.

В институте участвовал в подпольной студенческой группе «Оргкомитет Всесоюзной рабочей марксистской партии» (ВРМП). Один из основателей и идеологов историко-политического клуба «Община», который возник в мае 1987 года и стал одной из первых московских неформальных групп новой волны.

Был одним из редакторов журнала «Община», одним из лидеров Федерации социалистических организаций и клубов (1988 г.), Конфедерации анархосиндикалистов (1989—1991 гг.).

В 1991—2000 гг. Исаев — главный редактор газеты «Солидарность». С 1995 г. — секретарь Федерации независимых профсоюзов России, руководит идеологической работой профсоюзов. В 1999 г. был депутатом Государственной Думы по списку «Отечество вся Россия».

Автор книг «Демократический социализм — будущее России» (в соавторстве с А.Шубиным), «Экономическая демократия — идеология профсоюзов» (1996); «Экономическая демократия в современной России» (2000 г.)¹³⁷.

После возвращения из армии Исаев под влиянием Н.Кузнецова на некоторое время увлекся Плехановым (не в ущерб авторитету Ленина). Одновременно он размышлял над проблемой бюрократизации рабочего движения, когда реальная власть от имени рабочих переходит в руки вождей. Исаев считал необходимым периодическое свержение вождей в пролетарской партии. Но как избежать при этом расколов и распада организации? Ответ пришел с неожиданной стороны — обучаясь на историческом факультете, Исаев взялся готовить доклад о С.Нечаеве, и «задел» тему бакунизма. Первое же знакомство с работами М.Бакунина показало, что этот теоретик ре-

шал как раз те проблемы, которые стояли перед Исаевым. По мере изучения бакунинских работ (начиная с фрагментов «Государственности и анархии», опубликованной в сборнике «Утопический социализм в России»), и конечая собранием сочинений, выпущенным анархистами в 20-е гг.) Исаев все яснее осознавал себя бакунистом. Первое время это не мешало считать себя также марксистом и ленинцем (К.Маркс, В.Ленин и М.Бакунин имели некоторые общие идеи).

Возвращение А.Исаева спровоцировало острую дискуссию в ОК ВРМП, которая велась вокруг вопроса: «Могут ли рабочие контролировать государственный центр?» (имелось в виду общество будущего).

А.Исаев привлек к этому спору своего только что вернувшегося из армии однокурсника А.Шубина. Прежде Шубин ни в каких оппозиционных группах не участвовал и представлял собой тип потенциального академического ученого. Его однокурсники — участники ОК ВРМП первоначально не верили в возможность его привлечения к оппозиционной активности. Однако научные поиски А.Шубина именно в это время сделали из него оппозиционера-одиночку, который жадно искал «братьев по разуму».

ШУБИН Александр Владленович

1965 года рождения. Учился в Московском государственном педагогическом институте имени Ленина (ныне — Педагогический государственный университет) в 1982—1983 годах и 1985—1989 годах с перерывом на период службы в армии. Историк. С 1989 года сотрудник Института Всеобщей истории. Кандидат исторических наук. С сентября 1991 года — обозреватель газеты московских профсоюзов «Солидарность».

Один из основателей клуба «Община» (1987 г.). С марта 1988 года член редакции и один из ведущих авторов журнала «Община», ставшего позднее ведущим анархо-синдикалистским изданием. Один из лидеров Федерации социалистических общественных клубов (ФСОК) в 1988 г., один из организаторов массовых манифестаций 1988—1989 гг. Один из лидеров Конфедерации анархо-синдикалистов в 1989—1991 гг. Сопредседатель Российской партии Зеленых в 1991—1999 гг. В 1990—1991 годах — член Совета представителей Конфедерации труда. С августа 1992 года член Социально-экологического союза (СоЭС). В 1997—1998 гг. советник Б.Немцова. С 1998 г. — председатель попечительского совета «Общины Китеж».

Автор книг «Гармония истории», «Ритмы истории», «Истоки перестройки», «Махно и махновское движение», «Анархистский социальный эксперимент», «Демократический социализм — будущее России» (в соавторстве с А.Исаевым)¹³⁸.

В армии Шубин пришел к выводу о том, что для преодоления гипертрофии бюрократии в советском обществе необходимо разделение КПСС и создание двухпартийной системы.

Несколько позднее из армии вернулся еще один будущий участник кружка В.Гурболиков (1965 г. рождения). В.Гурболиков придерживался марксистско-ленинских взглядов, но с интересом относился к восточной

культуре и религиозным поискам таких мыслителей, как Л.Толстой и Л.Андреев. К тому же он побывал в Северной Корее, и потому был «кладзем» информации о крайних проявлениях марксистской практики. «В армии у меня составилось четкое представление о том, что то, как строится общество здесь — это совершенно неправильно. Что-то нарушено»¹³⁹. Как мы видели, подобный же «декабристский эффект» — осознание неприемлемости Системы во время службы в армии был характерен и для других участников группы. Разумеется, не все люди приходили в оппозицию через армию, и не все, кто проходили военную службу, обязательно делали социальные выводы из тягот и несуразностей армейской жизни, но во всяком случае армия в 80-е гг. очень способствовала созреванию «революционеров».

В.Гурболик прекрасно играл на гитаре и пел. Его пение было украшением студенческих посиделок, на которых «подпольщики» осторожно пропагандировали оппозиционные идеи. Песни, под стать идеям, тоже были «подрывными» — из диссидентского «цикла» Б.Окудажавы, «из времен гражданской войны», из КСПшного репертуара. Кружок был весьма притягательным как место духовного общения студентов и критического обсуждения советской действительности.

А.Исаев нашел в А.Шубине и В.Гурболикове благодатный объект агитации, быстро разрушив многопартийные иллюзии (две партии также будут бюрократическими). Для того, чтобы начать разговор на «запретные темы», годился любой повод, любая тема, обсуждавшаяся на занятиях. «Как я “вовлекал” Шубина в подпольную работу? Шубин начал “вовлекаться” сам. У нас разгорелась дискуссия о “Государстве и революции” Ленина. Мы шли по улице, и на какое-то мое замечание о “Государстве и революции” Шубин ответил: “Ну, “Государство и революцию” вообще можно воспринимать как антисоветское произведение”. На что я подумал: “Ого, чувак мыслит в нужном направлении. Нужно продолжать вести с ним разъяснительную работу”. После чего мы разговаривали где-то две недели, в основном на станции метро. После чего я сказал ему, что есть такая подпольная организация. Но Шубина тогда волновала не столько организационная форма, сколько теоретическая дискуссия»¹⁴⁰.

В.Гурболик вернулся из армии несколько позднее. «Володя пригласил нас сам к себе домой после моего доклада о баптистах, потом приглашал несколько раз. В конце концов мы даже заподозрили, а не является ли он агентом КГБ, и потребовали, чтобы он дал честное слово, что таковым не является. Он категорически отказался, чем вызвал новые подозрения. Но потом мы решили, что Володя — не “гебист”. КГБшники, по нашему мнению, дают слово, не моргнув глазом»¹⁴¹. «Я тогда посчитал, что давать такое слово — ниже моего достоинства»¹⁴², — добавляет Владимир. Разговоры о КГБ не были шуткой или игрой. Все воспринималось достаточно серьезно. В.Гурболик вспоминает, что после того, как недоразумение выяснилось, друзья обсуждали перспективы своей подпольной работы и пришли к выводу о том, что скорее всего придется «пострадать за правду»: «Речь шла о красном терроре, о психиатрических репрессиях и о том, что может быть за

то, чем мы занимаемся, даже за эти разговоры и чтение этих книжек. Они ушли, а я мыл на кухне посуду и ясно понял, что все очень серьезно, и что отступить некуда, что никуда уже не деться. Ощущение некоторой безысходности»¹⁴³.

В ноябре 1985 — июле 1986 г. приятели находились в состоянии ежедневных многочасовых споров. Этому способствовало то, что Исаев и Шубин устроились работать в ночную смену на телевизионный завод «Темп», где можно было спорить ночи напролет. Проанализировав отечественное общество, друзья пришли к выводу о том, что оно не является социалистическим и советским, что в нем присутствует эксплуатация, и эксплуататорским классом является бюрократия. Впоследствии была создана соответствующая формационная теория, рассматривавшая роль бюрократии с древнейших времен.

Естественно, встал вопрос об альтернативе бюрократической диктатуре. Юные теоретики оставались сторонниками социализма, то есть посткапиталистического общества. В тот период подпольные мыслители социалистического направления часто обращались к опыту революции в поисках «первичной ошибки», которая привела к отклонению общественного развития от «правильного пути» и последующему перерождению революционной партии. Спор в ОК ВРМП оказался весьма кстати. Исаев показал Шубину текст одного из участников дискуссии, в котором утверждалось: «Если управители начнут зарываться, то вооруженные рабочие дадут им по ушам». А.Шубин написал статью «К вопросу об ушах». В этот период подпольные теоретики еще искали пункт перерождения революционеров где-то после 1917 г., лишь постепенно выздоравливая от иллюзий, которыми общество будет болеть несколько лет спустя. Отдавая дань этому антисталинизму, А.Шубин писал: «В ходе контрреволюционного (и совершенно закономерного) переворота 1923—1938 гг. принципы бюрократизма укрепились настолько, что дальнейшее “битье по ушам” 1953, 1957, 1964 гг. имело лишь один результат — всем стало очевидно, что сколько по ушам ни бей, они все равно вылезут.

На первый взгляд этот экскурс не имеет отношения к т.(очке) зр.(ения) тов. Неизвестного: там же речь идет о вооруженных рабочих. Но этой грозной силе, если она последует по указанному тов. Неизвестным пути, придется контролировать гигантский склад, в который все ввозится, и все, что не сгнило и не растащили, распределяется. Тонкие и невероятно сложные правила его функционирования знают лишь бюрократы, только этим и занимающиеся. Чтобы контролировать их, вооруженным рабочим придется выделить из своей среды тех, кто только тем и будет заниматься. Вскоре в их сторону из склада потянется им одним ведомая тропинка, и они сольются с классом-собственником. Об этом красноречиво свидетельствует опыт 1920—1929 гг.»¹⁴⁴

В декабре 1985 г. началась выработка альтернативной модели социализма. В основе концепции лежала идея самоуправления. А.Исаев и А.Шубин пришли к выводу, что права трудящихся не должны опосредоваться ни бюрократией, ни буржуазией. Поскольку производство осуществляется кол-

лективно, то и распоряжаться предприятиями должны коллективы (общины) трудящихся. Низовой ячейкой территориальной самоорганизации должна была стать община жителей, начиная с собрания жителей дома. Эта идея вытекала из нескольких источников. Большое влияние на Исаева и Шубина оказали «Ранние экономико-философские рукописи» К.Маркса. Критика «отчуждения» была развита Исаевым при участии Шубина в концепцию преодоления отчуждения в самоуправляющемся коллективе. Шубин, в свою очередь, обратил внимание на идею самоуправления в армии под влиянием официальной пропаганды¹⁴⁵.

Направление теоретических изысканий студентов истфака во многом зависело от учебной программы. К каким бы занятиям они ни готовились, в центре внимания были возможности самоуправления и преодоления бюрократизма (позднее — и этатизма). В центре внимания оставалась не только история, но и педагогика. Студентам повезло с преподавателем педагогики — Н.М.Магомедовым, который устраивал экскурсии в различные «экспериментальные» школы и обсуждал на семинарах социальные темы. «Еще Николай Михайлович любил ставить острые задачи. Он послал нас изучать религиозный детей. Я тогда попал в молитвенный дом к баптистам и сделал на этот счет несколько сообщений, — вспоминает А.Исаев об осени 1985 г. А потом мы ходили в “интересную” школу на Бронной. Там были бассейны, столы с подогревом, УПК в Государственном радиокомитете и КБ. Мы “напоролись” на то, что большая часть детей была из привилегированных семей. Мы предложили Д.Олейникову сделать доклад об элитарной школе и использовали его обсуждение для постановки вопроса о неравенстве в нашем “социалистическом” обществе»¹⁴⁶. Впоследствии педагогическая работа станет одним из направлений революционной пропаганды движения «общинных социалистов».

Микросреда описанного студенческого кружка была довольно типичной для подполья этого времени — ощущение духовного братства, судьбоносности теоретических решений, жажда запретной информации и осторожная подготовка к действиям. Такие кружки были оптимальной формой перехода к «идейной» стадии развития молодого человека. Кружки предоставляли относительную безопасность (КГБ в это время не вело тотальной охоты за подпольщиками), становились теоретической лабораторией и первым политическим практикумом. Но долго сидеть без общественного действия люди идеи не смогли бы. Выработав идеологию, они искали любую возможность применить ее на практике. Если бы не последующее политическое потепление, вероятнее всего участники кружков с теми или иными особенностями повторили бы судьбу «шестидесятников». Но им повезло, и во второй половине 80-х гг. перед ними стали открываться более широкие политические возможности.

Дискуссия в ОК ВРМП и среди студентов истфака о роли бюрократии при социализме, начавшаяся в 1985 г. и вовлекавшая (при неведении преподавателей) все новых студентов исторического факультета Московского педагогического института им. Ленина, велась параллельно с подобной же дискуссией о социализме, начавшейся годом ранее в кругах, близких к издате-

лям «Левого поворота», вышедших в большинстве своем на свободу в 1983 г. Антиавторитарный социализм прорастал из двух корней (подобные процессы шли тогда же в Ленинграде, Иркутске, Харькове и др. городах).

Уже в 1984 г. возобновилась регулярная циркуляция теоретических материалов в круге бывших издателей журнала «Левый поворот» и их друзей. «Молодые социалисты» продолжали анализ общества, сложившегося в СССР и поиск путей его преодоления. По мнению сторонников концепции М.Джиласа и М.Восленского, работы которых циркулировали в самиздате, в СССР победил «Новый класс», а автор безымянной статьи «Анатомия бюрократии» (впервые опубликована еще в «Левом повороте», но позднее циркулировала самостоятельно) считает, что бюрократия, ставшая правящим классом СССР, «древнее пирамид и Колизея»¹⁴⁷. Другой автор, работа которого посвящена проблеме легитимизации советского режима и возникновению культа Сталина, утверждал, вслед за Троцким, что бюрократизация — это «буржуазное перерождение рабочего государства»¹⁴⁸. Автор статьи «И зачем им это надо?» высказывает сомнения по поводу того, что бюрократия является классом: «Она явно обладает рядом черт правящего класса, но некоторых черт лишена. Например, партийные должности, как правило, не передаются по наследству». Но сам же добавляет, что «Маркс, Ленин, Бухарин далеко не всегда связывали понятие “класс” с формальным правом собственности» и предлагает использовать в отношении бюрократии понятие «классовая общность», дабы подчеркнуть ее отличие от «традиционных классов»¹⁴⁹. Из этих теоретических рассуждений следуют довольно радикальные выводы: *«От коммунизма остались только “слова, слова, слова”... Классовый интерес бюрократии — сохранять систему в целости, а по возможности и расширять ее, вовлекая новые страны. Классовый интерес бюрократии — не допускать никаких реформ... Единственная возможность добиться их — борьба самих трудящихся»*¹⁵⁰.

Одной из важнейших стратегических проблем для социалистов было понимание того, что, собственно, считать социализмом. Построенный в СССР строй признавать таковым не представлялось возможным — слишком разительно отличалось построенное от заветов «классиков», слишком очевиден был для инакомыслящих кризис общественной системы. Но и у «классиков» не было четких и недвусмысленных определений социализма. Разобрав различные его критерии, автор статьи «Социализация», циркулировавшей в оппозиционной среде, предлагает именно это понятие положить в основу понимания социализма. Под «социализацией» (то есть обобществлением) автор понимает «демократическую национализацию», то есть переход предприятий в распоряжение демократического государства и органов производственного самоуправления. *«Социализация неотделима от того, что Н.И.Бухарин назвал экономической демократией. Критерий социализма был найден в 20-е гг., но не был оценен по достоинству... Так мы неизбежно приходим к выводу, что социализм есть распространение демократии — власти большинства посредством соответствующих институтов при гарантии прав меньшинства — на сферу экономики. Это означает и развитие, упрочение партийной демократии, свободной дискуссии, много-*

*партийности, культурного плюрализма. Правы те, кто провозглашает: СОЦИАЛИЗМ — ЭТО СВОБОДА»*¹⁵¹. Возвращение к пониманию социализма как антиавторитарного общества (а именно так он понимался большинством социалистов в XIX в.) означало непризнание того строя, который возник в СССР, социализмом. Из текста видно, что представители бухаринской тенденции социалистического движения предполагали переход к демократической модели социализма через структуры существующей правящей партии. Но социализация не является универсальным «ключиком» к советским проблемам. По мнению автора безымянной статьи, продолжавшей тему «Социализации», «обобществление не обязательно несет свободу, но свобода невозможна без обобществления»¹⁵². Иными словами, социализм возможен лишь как синтез свободы и обобществления. Причем иной возможности достичь социальной свободы не существует — при капитализме она невозможна. Социализм (и, по марксистской терминологии, коммунизм) — это распространение демократии на все уровни общества — от фабрики до мирового порядка.

Социалисты-подпольщики обсуждали черты социализма, разительно отличающегося от «реального социализма», и рисковали при этом свободой. А в открытой печати уже можно было ознакомиться с обсуждением темы кризисов, возникающих при коммунизме. Фантастические повести братьев Аркадия и Бориса Стругацких показывали опасность авторитарных механизмов при коммунизме и пути их преодоления. Антиавторитарная социалистическая мысль исследовала проблемы далекого будущего — настолько далекого, что власть даже не видела в этом «подвоха». Но проблемы были вечными, и трагедия жертвы «Комкона», «жука в муравейнике» Л.Абалкина («по случайности» — однофамильца нетрадиционно мыслящего экономиста) наводила на мысль об опасности секретных служб XX века. В то же время авторов волнует проблема, до которой «не дошли руки у классиков» (что в некоторой степени обесмыслило марксистские труды): «в чем цель и смысл коммунизма?» И братья приступают к ее решению, формулируя устами своего героя А.Бромберга: «Любой разум... в процессе эволюции первого порядка проходит путь от состояния максимального разведения (дикость, взаимная озлобленность, убогость эмоций, недоверие) к состоянию максимально возможного при сохранении индивидуальности объединения (дружелюбие, высокая культура отношений, альтруизм, пренебрежение постижимым). Он хорошо изучен и представляет здесь для нас интерес постольку, поскольку приводит нас к вопросу: а что дальше?... Синтез разумов неизбежен» («Волны гасят ветер»).

Пока мысль одних авторов первой половины 80-х гг. XX века витала в космических высотах будущего, определявшего во многом смысл времени, вынесшего приговор коммунистическому режиму, другие авторы продолжали понемногу сдвигать общественное сознание к новому периоду истории страны.

6. На пороге гласности

Откровенные разговоры самиздатских авторов были немислимы в открытой печати. Однако и сюда проникали отголоски полуподпольных обсуждений, в том числе и их критической части. Носителями инакомыслия здесь становились «либералы» — представители официальной статусной элиты (прежде всего официальные публицисты, консультанты, «деятели науки и культуры»), стремящиеся к демократизации и плюрализации общественных отношений (в данном контексте их надо отличать от либералов — приверженцев либеральной доктрины). «Либералы» были инакомыслящими, но не были инакодействующими. Они пытались осторожно провести те же идеи, которые диссиденты ставили «в лоб».

Иногда «либеральная» мысль выражалась «эзоповым языком». В 1984 г. мир обсуждал, насколько и где сбылись предсказания Д.Оруэлла, сделанные в книге «1984». На Западе в связи с Оруэллом, естественно, обсуждался режим, сложившийся в СССР. Но советские журналисты тоже решили вступить в спор по поводу «крамольного» произведения, напомнить о нем читателю, который мог ознакомиться с «1984» только в «самиздате» и «тамиздате». В декабрьском номере «Нового времени» кратко излагалось содержание произведения, а в феврале 1984 г. доказывалось, что «злой фантаст “увидел” и описал синдром капитализма»¹⁵³. Так делался шаг к реабилитации на советской почве одного из злейших критиков тоталитаризма. Убеждая читателей в том, что Оруэлл «имел в виду не социализм», автор статьи В.Цоппи вольно или невольно ставит саму проблему: «Океания... — где живут и маются в непроходящем страхе и тотальном бесправии» люди — это «псевдоним Москвы» (хотя бы 30-х гг.) или нет? Автор утверждает — нет. Это вообще Британия¹⁵⁴. Но читатель может пожелать сделать вывод, самостоятельно прочитав произведение (тем более, что после статьи Цоппи его чтение не может возбраняться). В таких ситуациях либерала трудно отличить от передового бойца идеологического фронта, а у КГБ мог возникнуть вопрос, сформулированный в свое время П.Милуковым: «Что это: глупость или предательство». Но поделаться здесь было нечего — позиция автора идеологически выдержана.

«Либералы» выражали крамольные взгляды и в менее закамуфлированной форме. Например, либеральный экономист А.Аганбегян открыто писал о «кризисе традиционно сложившихся в обществе организационных структур, которые... не удовлетворяют современным требованиям и становятся тормозом хозяйственного развития»¹⁵⁵. В 1983 г. Руководимый Аганбегяном журнал ЭКО после серии опубликованных им «сомнительных» материалов отделался критикой со стороны обкома, которая не вела к «организационным выводам»¹⁵⁶. Журналы ЭКО, «Век XX и мир», «Новый мир» и другие, в которых публиковались «либералы» различного социального положения (в том числе и будущие советники реформистского руководства КПСС), были не только трибуной и клубом, связывавшим различных носителей «либеральных» взглядов, но и лабораторией, в которой реформистские идеи адаптировались к «рамкам дозволенного».

Еще более откровенны были либеральные писатели. Андроповский период облегчил публикацию произведений, обличающих теньевые стороны

советской экономики. Шумный успех (с последующей критикой) имели произведения И.Штемлера «Таксопарк», «Универмаг» и «Утреннее шоссе». Но писатели не готовы были останавливаться на частных недостатках. А.Адамович легально обсуждает проблему террора: *«Когда-то Достоевский подставил подножку безоблачной логике “арифметического гуманизма”, который увлеченно подсчитывал, сколько голов не жалко ради счастья миллионов обиженных и униженных. Сколько же не жалко? Ста голов, тысячи, ста тысяч? Ну, а если эти сотни и тысячи абстрактных единиц взять да и персонифицировать: не просто единица, а ребенок! Ради вас, счастья вашего будет замучен один-единственный ребенок! Примете вы, лично вы свою порцию счастья? Или, может быть, вернете билет — как Иван Карамзев возвращает самому Богу!»*¹⁵⁷ Конечно, Адамович ссылается на опыт борьбы с фашизмом, но даже не очень искушенный читатель поймет, что речь идет об отечественной теории и практике. Тем более, что в этой же статье Адамович напоминает, что количество жертв репрессий 1937—1938 гг. вполне сопоставимо с числом жертв войны. Продолжая свою мысль, Адамович утверждает культуру ненасилия: *«В одной из дискуссий мой оппонент возразил: “Если идти до конца в утверждении принципа “не убий!” , то надо будет сказать и такое: “Умри, но не убий!” И ведь это не абстрактные разглагольствования. Вопрос этот — острый, из “крайних”, предельных, но неизбежных для гуманиста нашего времени”. Да, именно так: “Умри, но не убий!”*»¹⁵⁸. С точки зрения советских военных это — явное поражение.

Д.Кречмар оценивает «результаты литературной политики брежневской эры» как «распад официальной догматики и усиление националистическо-консервативного лагеря в качестве идеологической альтернативы»¹⁵⁹. Этот вывод, явно недооценивающий роль других течений, расходится не только с приводимыми здесь фактами, но и с дальнейшими событиями, выдвинувшими на авансцену Перестройки либеральную писательскую общественность. Официальная догматика еще не распалась, но заметно ослабла. Но не в результате литературной политики, а в ходе развития процессов, начавшихся в стране еще в 50-е гг. И в качестве альтернативы официозу укреплялся не только национал-консерватизм, но и либерализм, также имевший союзников в высших эшелонах власти, и демократический социализм. Патриоты занимали сильные позиции в писательской среде (хотя в андроповский период их позиции оказались под ударом), либералы и социалисты — в поэзии (в том числе песенной), драматургии, литературной критике и публицистике.

В апреле 1983 г. в Минске прошла литературная конференция «Военная литература и ядерная эпоха», на которой Адамович, покритиковав американских империалистов, начал говорить слова, с марксистско-ленинской идеологией несовместимые: *«Судьбами, жизнью и смертью человечества, всего человечества — вот чем сегодня измеряется высшее благо, добро и, соответственно, высшее зло). Там, на этой высоте, и абсолютный нравственный закон.*

Не убий человечество! — ничего нет и быть не может, что этот закон ограничивало бы, суждало...

“Не убий!” — звучит все же как-то... вроде бы не из нашей оперы. Но та же проклятая Бомба многое, очень многое (и многих) заставляет (и еще заставляет) поворачиваться неожиданной стороной и к неожиданным, может быть, забытым вещам»¹⁶⁰. Поворот к библейским истинам перед лицом ядерной катастрофы означал вызов официальной идеологии, звучавший уже отнюдь не в диссидентских кругах. Такая позиция могла повлечь за собой обвинение в пацифизме, официально осуждаемом. Но Адамович, прикрываясь авторитетом Маркса, переходит и к реабилитации пацифизма: «Изначальное (о котором говорил Маркс) чувство справедливости и гуманности этого коллективного действия — маршей мира и т.п. — придает движению против атомной угрозы чрезвычайную устойчивость, несмотря на разнохарактерность сил и психологий, в нем участвующих»¹⁶¹. Развивая эту тему в статье «Взрыв на вершине литературы», Адамович писал: «А не пацифизм ли это? — строго спросит тот, кто не привык вдумываться в явления, анализировать, но зато точно знает, как относиться к тем или иным словам... В век ядерного оружия, когда человечество впервые в истории стоит перед угрозой тотального самоуничтожения, у коммунистов и пацифистов как бы больше точек соприкосновения»¹⁶².

АДАМОВИЧ Александр Михайлович (1927—1994)

Участвовал в партизанской войне в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков. Закончил медицинский институт, филологический факультет Белорусского государственного университета, аспирантуру, высшие курсы сценаристов и кинорежиссеров. Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН Белоруссии. Преподавал в МГУ. Был отстранен от преподавания за отказ подписать письмо против писателей-диссидентов А.Синявского и Ю.Даниэля. С 1987 — директор Всесоюзного института киноискусства, заместитель председателя комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

С 1989 г. — сопредседатель общественного совета общества «Мемориал». Сопредседатель секретариата правления Союза писателей СССР (1991—1992). Народный депутат СССР (1989—1991). Лауреат литературной премии Министерства обороны СССР, лауреат государственной премии БССР, награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак почета». Автор произведений: «Партизаны», «Хатынская повесть», «Каратели», «Последняя пастораль великого драматурга», «Белорусский роман». В соавторстве с Д.Граниным — «Блокадная книга»¹⁶³.

Наиболее откровенно идею советского пацифизма высказал журналист А.Пумпянский: «Атомная война — это страшнее, чем фашизм»¹⁶⁴. Тогда уж тем более страшнее, чем западная цивилизация. Так, может быть, стоит уступить в споре с ней? Такие крамольные выводы еще не делались, но сама посылка вела к ним неминуемо. А пока либеральные марксистско-ленинские теоретики делали осторожный вывод о необходимости пере-

смотра некоторых классических догматов в новых условиях. По словам Г.Шахназарова, *«то, что могло считаться правильным до появления и накопления тотального оружия, не обязательно должно считаться правильным после этого переломного события... Не существует политических целей, которые оправдывали бы применение такого средства, как ядерное оружие»*¹⁶⁵. Ни коммунизм, ни даже сохранение независимости СССР — никакие идеологические святыни не могут оправдать нажатия кнопки. Об этом в советском издании открыто говорилось в самый разгар холодной войны. И это значило, что стремление к разоружению в СССР было ничуть не меньше, чем на Западе.

ШАХНАЗАРОВ Георгий Хосроевич

1924 г. рождения. Закончил Азербайджанский государственный университет, доктор философских наук, член-корреспондент Российской академии наук. Являлся заместителем и первым заместителем заведующего отделом ЦК КПСС, в 1988—1991 гг. — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, советник Президента СССР в 1991 г. С 1992 г. — руководитель группы по изучению глобальных проблем Фонда Горбачева. Президент советской ассоциации политических наук АН СССР. Депутат Верховного Совета СССР 11 созыва, народный депутат СССР 1989—1991 гг. Член КПСС до 1991 г. Автор книг «Фiasco футурологии», «Грядущий миропорядок». Лауреат Государственной премии СССР¹⁶⁶.

Логика Шахназарова воспроизводила идею Эйнштейна о необходимости нового мышления в ядерный век, изменения традиционных политических стереотипов после возникновения ядерного оружия. В 1984 г. в СССР прозвучала и сама формула «Новое мышление в ядерный век» — вышла книга Анатолия Громыко и Владимира Ломейко под этим названием. Авторы, опираясь на идеи А.Эйнштейна, обосновывали важность, а иногда и приоритетность надклассовых общечивилизационных ценностей. Книга была передана Горбачеву. В декабре 1984 г. магическая формула нового мышления была провозглашена во время визита Горбачева в Лондон. После этого формула стала одним из ключевых лозунгов Перестройки. Правда, когда через несколько лет Громыко и Ломейко попытались переиздать книгу, им предложили сделать это уже под другим названием¹⁶⁷.

Гуманистическое направление мысли, отрицавшее биполярность мира, развил и ведущий киргизский писатель Ч.Айтматов.

АЙТМАТОВ Чингиз Торекулович

1928 г. рождения. Закончил Киргизский сельскохозяйственный институт. Сын репрессированного. В 1942—1953 гг. работал секретарем исполкома сельсовета, в 1953—1956 гг. — зоотехником экспериментального хозяйства. В 1956—1958 гг. был слушателем Высших литературных курсов, в 1959—1965 гг. — редактором журнала «Литературный Киргизстан», корреспондентом «Правды» по Киргизской ССР. В 1964—1986 гг. — первый секретарь, а с 1969 г. — председатель правления Союза кинематографистов Киргизской ССР. В

1976—1990 гг. — секретарь правления Союза писателей СССР и Союза кинематографистов СССР. В 1988—1990 гг. — главный редактор журнала «Иностранная литература». С 1990 г. — посол СССР (с 1992 г. — России) в Люксембурге. В 1989—1992 гг. — народный депутат СССР. В 1989—1990 гг. — председатель комиссии Совета национальностей по вопросам развития культуры. Основатель всемирного движения деятелей культуры «Иссык-Кульский форум». Академик АН Республики Кыргызстан. Член Римского клуба. Член КПСС в 1969—1991 гг. Автор романов и повестей «Джамия», «Белый пароход», «Буранный полустанок», «Прощай, Гюльсары», «И дольше века длится день», «Плаха» и др.¹⁶⁸

В 1980 г. Айтматов в романе «И дольше века длится день...» показал фантастическую ситуацию сотрудничества мировых держав в изоляции Земли от контакта с иными мирами. Две сверхдержавы в романе равно ответственны за антигуманные действия, связанные с этим. Самоизоляция мира поразительно напоминает самоизоляцию страны. Писатель продолжает эту линию, рассказывая легенду о рабах-манкуртах, изолированных от памяти, а значит — и от сознания. Связь информационной закрытости, рабства, безумия, разрыва с традицией, равная ответственность за безумное состояние мира со стороны двух «систем» не могла не остаться незамеченной. Айтматов сформулировал свои идеи достаточно осторожно и иносказательно, чтобы к ним нельзя было предъявить откровенно политических обвинений. Он просто предоставил либерально настроенному читателю домыслить. Домыслили и ортодоксы. «Вместо социального подхода, — писала «Правда», — здесь в романе Ч.Айтматова действует некий нравственный суд: “Паритетность” — как знак равновеликого вклада мировых сил в космическую акцию — отвлекается от качеств двух мировых сил, степени их исторической жизнеспособности, приближения к идеалу всечеловеческого жизнеустройства... “Паритет” не уживается с чьим-либо нравственно-гуманистическим “приоритетом”»¹⁶⁹.

Логика правдиста обоюдоостра. Отказ от «паритета» в пользу приоритета идеологически выдержан, но рискован. Как только нравственно-гуманистические мифы СССР начнут разрушаться, тоталитарная интеллигенция «переметнется» к приоритету западных ценностей, забыв о вкладе Западной цивилизации в беды XX столетия. Айтматов стремится встать выше таких «приоритетов»: «Когда человек выходит за пределы своей земли, это уже не он, индивид такой-то, а все человечество вместе с ним делает шаг в Космос». Перед лицом Космоса (следующие шаги — Вечности, Бога) суетная борьба людских и государственных амбиций — ничто. Но именно она мешает людям превратиться в Человечество.

В первой половине 80-х гг. эта борьба снова поставила человечество на грань гибели. В мире царит ненависть. Она разлагает не только человечество, но и каждого человека. Об этом повествовал писатель В.Коротич: «Мне никогда еще с такой отчетливостью не удавалось проследивать разрушительное влияние ненависти на страну. Ненависть самоубийственна — я всегда это знал, но сейчас в Америке особенно четко понял, насколько это

верно... Америка никогда не была особенно доброй: но такой злой она тоже не была никогда.

Существует старая и великая мудрость, что народ, угнетающий другие народы, свободным быть не может. Чуть перефразируя этот тезис, можно сказать, что народ, от имени которого пытаются подчинить мир силой и страхом, сам будет изнемогать от ужаса и насилия.

Я — об Америке»¹⁷⁰, — добавляет автор в завершение, дабы узнаваемый в этих строках образ СССР не послужил поводом для идеологических обвинений. Продолжая критиковать Америку (иногда — вполне справедливо), «боец идеологического фронта» вдруг, как бы между прочим, разворачивает критическое перо в сторону сложившихся в СССР социальных отношений: *«...страна ...воспитывает своих граждан людьми с пониженной ответственностью... Нас с детства приучают, что если заболит живот, то надо звонить государству, то есть в государственную поликлинику, и там помогут. Если крыша течет, надо шуметь, жалуясь государству же на то, что у меня-де с потолка капает»¹⁷¹.*

КОРОТИЧ Виталий Алексеевич

1936 г. рождения. Закончил Киевский медицинский институт им. А.А.Богомолова. Работал врачом-кардиологом в сельской больнице, вел теле- и радиопередачи, был редактором журнала «Всесвіт». С 1981 г. — секретарь Союза писателей СССР. В 1986—1991 гг. — главный редактор журнала «Огонек». С 1986 г. — вице-президент международного движения «Деятели искусства — за ядерное разоружение». В 1989—1991 гг. — сопредседатель Всесоюзной ассоциации писателей «Апрель». Народный депутат СССР в 1989—1992 гг. Член КПСС до 1991 г. В 1991 г. отстранен от работы редактора в связи с нерешительностью (в августовские дни 1991 г. отказался вернуться из заграничной командировки). С 1991 г. преподает в Бостонском университете. Автор произведений «Ненависть» («Лицо ненависти»), «Кубатура яйца» и др.¹⁷²

Таким образом, либералы легально обсуждали в критических тонах и современную им «социалистическую действительность», отказываясь лишь от «комплексных» выводов. Да и то не всегда. Ф.Бурлацкий писал: *«В то же время реальный социализм получил такое название потому, что пока еще не полностью соответствует социалистическому, а тем более коммунистическому идеалу, о котором мечтал Маркс. Социалистический идеал, если попытаться его сформулировать кратко, состоит в том, что общество достигает более высокого уровня развития производительных сил, чем капиталистическое, более высокого развития и качества жизни, и в нем во всех сферах утверждаются принципы социальной справедливости, равенства, социалистической демократии, гуманизма, коллективистских человеческих отношений, неведомых капитализму»¹⁷³.*

Сокращение военных расходов и постепенное повышение уровня культуры людей позволит достигнуть идеал, но пока этого еще не произошло.

По мнению Бурлацкого, черным по белому напечатанному многомиллионным тиражом, в СССР «еще не достигнуто» выполнение принципов, которые К.Маркс считал критериями социализма.

БУРЛАЦКИЙ Федор Михайлович

1927 года рождения. В 1947 году окончил Ташкентский юридический институт, в 1951 году — аспирантуру Института государства и права АН СССР (кандидатская диссертация по теме: «Политические взгляды Н.А.Добролюбова»). В 1964 году защитил докторскую диссертацию по теме: «Государство и политика»; доктор философских наук, профессор. С 1952 по 1964 год работал ученым секретарем редакционно-издательского совета по общественным наукам Президиума АН СССР, был заместителем заведующего международным отделом журнала «Коммунист», заведующим группой консультационного отдела по связям социалистических стран ЦК КПСС.

В 1965 г. выступил в газете «Правда» со статьей, где обосновывал необходимость политологии. Он также разрабатывал основной понятийный аппарат и направления исследований в области политологии. Участвовал в качестве автора в создании учебников по политологии, обществознанию и основам философии.

С 1969 по 1972 год работал заместителем директора Института социологических исследований АН СССР. С 1982 года работал политическим обозревателем «Литературной газеты», затем был избран главным редактором «Литературной газеты» (ЛГ) в противовес рекомендациям ЦК КПСС и Союза писателей СССР, которые пытались назначить главным редактором «ЛГ» Александра Проханова.

Был членом КПСС. В 1989 году был избран народным депутатом СССР. В августе 1991 года был снят с должности главного редактора «Литературной газеты» в связи с нерешительностью, проявленной в дни августовского путча 1991 года. В настоящее время работает главным научным сотрудником Института государства и права РАН. Президент фонда «Евразийское государственное сотрудничество». Участвовал в работе Конституционного совещания.

Автор политических биографий Хрущева, Брежнева, Горбачева, Мао-цзе-Дуна, Франко. Опубликовал ряд исследований, посвященных культу личности Сталина¹⁷⁴.

Предпринимались попытки «проверить на прочность» позиции «ортодоксов» и на ниве исторической науки. «Ортодоксы» контратаковали, понимая, что свободные исследования могут привести к краху марксистско-ленинской идеологии, по крайней мере, в качестве господствующей.

Характеризуя обстановку, сложившуюся в исторической науке в это время, В.Поликарпов писал: «В первой половине 80-х консерваторы показали себя в организации (под видом научной дискуссии) заговорной охоты на историка Киевской Руси И.Я.Фроянова в случае с “хрущевской” статьей в “Вопросах истории” и со скандалом из-за статьи Е.А.Амбарцумова, посвященной наводящему на размышления сопоставлению политического кризи-

са 1921 г. в ленинской России с текущим кризисом в Польше Ярузельского: ставился «крамольный» по тому времени вопрос о возможности политических кризисов в социалистических странах»¹⁷⁵. Дискуссии в исторической науке не прекращались всю историю советской власти. Но иногда они имели далеко идущие организационные последствия, и потому критика была опасна для историка как прелюдия к увольнению. Историк, бравшийся за «ревизию» устоявшихся идеологических тем всегда рисковал. Партия, позволяя дискуссии вне «запретных зон», стояла на страже своих позиций: «пятичленной» формационной теории, которая подводила под ее господство «научную основу», отечественной истории XX века, скрывавшей преступления КПСС, некоторых фрагментов российской истории, которые были призваны поддерживать патриотические настроения, а также истории мирового коммунистического движения.

Обычно конфликты и «скандалы» начинались не в результате наступления консерваторов, а после попыток ученых «проверить на прочность» прочерченный властью рубеж дозволенных исторических изысканий. Здесь союзниками партийных ортодоксов было и множество маститых историков, научный авторитет которых покоился на разработке традиционной концепции. И. Фроянов подверг сомнению теорию феодального характера Киевской Руси, что вызвало «праведный гнев» десятков именитых исследователей, которым пришлось бы пересматривать свои труды. Здесь также проглядывала опасность формационной «пятичленке». Но, несмотря на начавшуюся критику («загонную охоту»), Фроянов продолжал успешную научную деятельность.

В случае с Амбарцумовым не произошло даже «загонной охоты». Его статья в «Вопросах истории» была резко раскритикована Е. Бугаевым — замом главного редактора «Коммуниста», на чем обсуждение и закончилось. После выступления Бугаева status quo был восстановлен и традиционалисты могли спать спокойно.

АМБАРЦУМОВ Евгений Аршакович

1929 года рождения. В 1951 году окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). В 1951—1954 годах учился в аспирантуре МГИМО. Кандидат исторических наук.

В 1954—1956 годах работал редактором в журнале «Новое время». В 1956—1959 годах — старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. В 1959—1963 годах — редактор журнала «Проблемы мира и социализма» (Чехословакия, Прага). С 1963 года — заведующий сектором, отделом в различных гуманитарных институтах в системе АН СССР, последняя должность — заведующий отделом Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (ныне — Институт международной экономики и политических исследований Российской АН).

Широкую известность приобрел в 1984 году после публикации в журнале «Вопросы истории» статьи о Новой экономической политике.

В 1990—1993 гг. — народный депутат России. В 1994—1995 гг. — депутат Государственной Думы от избирательного блока «Яблоко». Член Совета учредителей «Московских новостей».

«Либералы» не только прощупывали степень дозволенного и воздействовали на «прогрессистскую» часть партийной верхушки, но и устраивали разного рода «идеологические диверсии», призванные радикализировать интеллигенцию. Так, например, во время посещения московским первым секретарем В.Гришиным театра на Таганке, которым руководил либерально настроенный режиссер Ю.Любимов, начало спектакля «Пристегните ремни» немного задержалось, так как два руководителя обсуждали работу театра. Дальнейшее Гришин описывает так: «В семь часов я встал и сказал, что мы идем на спектакль. Хозяева нас повели не через дверь, расположенную ближе к сцене, а через дверь в середине зрительного зала, чтобы мы прошли мимо рядов кресел, где сидели зрители. Спектакль начинался так: открытая сцена представляла салон самолета. Пассажиры сидят в креслах. Вылет самолета задерживается, так как опаздывает какое-то «начальство», и вот в это время нас ведут в зрительный зал, и мы оказываемся как бы теми «бюрократами», по вине которых задерживается вылет самолета. Зрительный зал громко смеется, раздаются аплодисменты... Мы просмотрели спектакль до конца. После его окончания зашли в кабинет Ю.Любимова. Он извинялся за происшедшее, говорил, что его подвели и т.п.»¹⁷⁶.

Такое балансирование на грани диссидентства делало саму эту грань довольно зыбкой. Начав думать «иначе», «либералы» начинали «иначе» действовать, «подставлять подножки» своим «благодетелям». Система начинала отторгать «заигравшихся», и они искали опоры в «мировой цивилизации», позволяя себе все большую откровенность во время зарубежных поездок. Часто это заканчивалось лишением советского гражданства. С Ю.Любимовым это случилось в 1984 г., хотя острые публичные конфликты с властями происходили и раньше. В 1977—1978 гг. Любимов подвергся серии нападок в официальной печати. В 1981 г. разразился скандал из-за отказа властей санкционировать спектакль, посвященный памяти Высоцкого. Любимову удалось добиться «разовых» выходов спектакля. Если бы процесс радикализации его позиции происходил медленнее, то уже через год-другой он вместе с другими «шестидесятниками» оказался бы «прорывом перестройки».

Было бы неверно считать всех «либералов» времен «застоя» скрытыми «врагами режима». Это были люди, которые много получили от существующей системы и были благодарны ей. Они желали «реальному социализму» добра, стремились усовершенствовать его, вступая в конфликт с консерваторами, «ортодоксами». Их действия были попыткой привести общество в соответствие со своим пониманием здравого смысла и социалистических идеалов. *«Я не пишу против социализма не потому, — утверждает Е.Евтушенко, — что кто-то запретил мне это. Я этого не делаю потому, что мне советь не позволяет. Хотя действительность часто не соответствует идеалам социализма, я, как поэт, делаю все, чтобы было достигну-*

то соответствии»¹⁷⁷. Такая позиция была распространена, но встречался и противоположный взгляд — циничное отрицание социалистических идеалов и стремление преобразовать страну по западному образцу. Статусная элита (к которой принадлежали либералы) в этом случае только выигрывала. Быстрота, с которой уехавшие на Запад деятели советской культуры становились поклонниками американского или европейского образа жизни, говорит о распространенности таких взглядов.

Независимо от конкретных идей «либерала», он представлял собой относительно вольномыслящего человека. Это делало его сознание достаточно открытым для устного участия в дискуссиях инакомыслящих. Диссиденты идейно взаимодействовали с близкими им «либералами», «либералы» тесно контактировали в своем кругу. К этому кругу, в свою очередь, принадлежали советники высшего партийного руководства. Научная интеллигенция регулярно направляла свои предложения к документам партийных форумов¹⁷⁸. Циркуляция идей, таким образом, не замыкалась в изолированных политических кругах. Именно поэтому поведение «деятели культуры» было столь важным политически и становилось поводом для острой дискуссии в «высших сферах». Советники пытались склонить «вождей» в свою сторону — с переменным успехом. Так, например, в 1983 г. Г. Арбатов обратился к Андропову с письмом о положении в сфере культуры. В частности, он писал: *«идет полоса снятия спектаклей в театрах, в том числе тех, что разрешались раньше (уже затронуты Театр сатиры, Театр Маяковского, не говоря уж о Театре на Таганке). Все это уже родило поговорку: “Вот тебе и Юрьев день”»*¹⁷⁹. Письмо Арбатова, вероятно, задело Андропова за живое, ибо он ответил академику весьма резко, обвинив его в «претензиях на поучения» и «бесцеремонном тоне». Разобрав репертуар московских театров (и показав тем самым, что лично занимается этим вопросом), Андропов резюмировал: *«В принципе хорошо относиться к т. Любимову, я никогда не давал ни ему, ни Вам векселей в том, что буду поддерживать любой его спектакль»*¹⁸⁰.

Резкая реакция на письмо Арбатова свидетельствует не столько о «самодурстве» Андропова, сколько о мучительном противоречии между необходимостью привлечения к проведению реформ квалифицированных кадров и принесением этими кадрами в политику «чуждых» идей. Как и в начале века, государство искало пути выхода из интеллектуальной изоляции и в то же время боялось (не без оснований) поступиться идейной монополией. Блокируя канал поступления идей от инакомыслящих через «либералов», бюрократическая элита вовсе оказывалась без свежих идей. Те информационные «крохи», которые проходили через идеологические фильтры, были явно недостаточны.

Демонтаж этих фильтров был предопределен. Рано или поздно к руководству страной должна была прийти группировка, более податливая к советам «либералов», чем лидеры, подобные Андропову. Дискуссии инакомыслящих были обречены на то, чтобы превратиться в дискуссии общества.

7. Борьба за Генеральную линию

Неизбежное свершилось с приходом к власти Горбачева. Новое руководство проявило интерес к новым идеям. В декабре 1985 г. «Коммунист» предоставил свои страницы для «ревизионистской статьи» своего зав. отделом истории Ю.Афанасьева «Прошлое и мы».

АФАНАСЬЕВ Юрий Николаевич

1934 года рождения. Отец — рабочий, воспитанник детского дома, мать — сельская учительница. Окончил исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в 1957 году.

После окончания университета поехал на строительство Красноярской ГЭС (г. Дивногорск). Был инструктором райкома ВЛКСМ, а затем секретарем комитета комсомола. Стал кандидатом в члены КПСС, но по истечении кандидатского срока его не приняли автоматически в партию (как это обычно бывало) и перевели со строительства ГЭС на комсомольскую работу в г. Ачинск. Причины этого в точности неизвестны, но, так как из аппарата ВЛКСМ он изгнан не был, по-видимому, проступки его не были слишком серьезными. В 1961 году Афанасьев уже беспрепятственно вступил в КПСС и после недолгого пребывания по-прежнему на комсомольских должностях в Красноярске в 1964 году переведен на работу в аппарат ЦК ВЛКСМ в Москве.

В аппарате ЦК ВЛКСМ проработал до 1968 года. Был, в числе прочего, председателем Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации.

В 1968—1971 годах учился в аспирантуре на кафедре истории Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1971—1982 годах был проректором Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Во время подготовки кандидатской (1971 год), а затем докторской (1981 год) диссертаций дважды проходил стажировку в Сорбонне. Тема кандидатской диссертации: «Современная французская буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции», тема докторской: «Французская историческая школа “Анналов” в современной французской буржуазной историографии, 1929—1979 годы (критический анализ эволюции теоретико-методологических основ)». С 1983 года — профессор.

В 1981—1986 годах работал в Институте Всеобщей истории АН СССР — сначала старшим научным сотрудником, затем заведующим сектором. Был уволен с формулировкой «по сокращению штатов». Параллельно с 1983 по 1986 год был членом редколлекции и редактором по отделу истории в журнале ЦК КПСС «Коммунист».

В декабре 1986 года стал ректором Московского историко-архивного института. Добился его преобразования с декабря 1991 года в Российский государственный гуманитарный университет.

С 1987 года приобрел широкую известность благодаря публикации ряда статей с критикой ортодоксально-коммунистических представлений об истории СССР. В 1988 г. под давлением общественности избран делегатом XIX конференции КПСС. С 1989 г. — сопредседатель «Мемориала».

В 1988 г. один из инициаторов создания клуба «Московская трибуна».

В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР. В июне 1989 года участвовал в создании Межрегиональной депутатской группы (МДГ), а 30 июля был избран членом Координационного Совета (КС) МДГ и одним из пяти ее сопредседателей.

В 1990—1992 гг. — один из 6 сопредседателей Движения «Демократическая Россия».

В 1991—1993 гг. — народный депутат России. В апреле 1992 года Афанасьев заявил о своем переходе в конструктивную оппозицию по отношению к правительству Президента Ельцина.

Член совета учредителей газеты «Московские новости».

Афанасьев начинает свое рассуждение в статье «Прошлое и мы» с разъяснения того, что без объективной исторической науки общество так и не сможет понять, где оно находится. Задача, поставленная Андроповым, по-прежнему актуальна. Это тем более важно именно сейчас, когда, «идя навстречу XXVII съезду КПСС, мы пытаемся определить более отдаленные перспективы совершенствования основных звеньев и структур советского общества, заглянуть уже в XXI век. Впереди у нас преодоление, может быть, наиболее важного рубежа — достижение нового качественного состояния общества»¹⁸¹. Прыгать через такой рубеж, не зная, что за ним, — смертельно опасно. «Как амнезия — потеря памяти — разрушает индивидуальную человеческую личность, так историческая амнезия разрушает общественное сознание, варваризирует и обесмысливает жизнь общества. Вспомним страшную легенду о лишенном памяти манкурте из айтматовского «Буранного полустанка». Вспомним злодеяния гитлеровских фашистов: первым шагом этих варваров в захваченных ими городах было уничтожение исторических памятников. Убить память народа — в этом стремлении одно из самых жестоких проявлений античеловеческой сущности фашизма»¹⁸². Афанасьев писал о фашистах, но статья-то посвящена не юбилею победы, а проблемам отечественной исторической науки. Следовательно, противники исторической правды сродни фашистам и творцам манкуртов в книге Ч.Айтматова.

Историческая правда горька: «Прошлое всегда достойно уважения, без этого общество утрачивает одно из главных своих качеств. Но сие ни в коей мере не означает, что его надо любить во всей совокупности... Что было, то было. И значимо поныне. Однако минувшее — прежде всего материя нашего социально-исторического размышления, а не повод для любования, умиления и самодовольства»¹⁸³. Но не о истории СССР речь. Афанасьев обрушивается на идеализацию дореволюционной деревни в книге В.Белова «Лад», вышедшей в 1984 г.: «Нравы и жизнеустройство дореволюционной русской деревни никогда не являли собой лада — без трудностей, скверностей, противоречий, суеверия и невежества»¹⁸⁴. Справедливый приговор. Но ничего не говорится о колхозной деревне. Не случайно и то, что напоминаем «о мрачных временах угнетательской бесчеловечности»¹⁸⁵, Афанасьеву служит Лобное место, а не Лубянка. Либералы вообще против драматизации коммунистического периода. Общество еще не ознакомилось с инфор-

мацией о миллионах жертв сталинского периода, а либералы уже отвечают «обличителям». Комментируя свой фильм «Мой друг Иван Лапшин», А.Герман говорил: «На 30-е гг. многое накручено, по моему. Или сплошной энтузиазм... Или это — или все наоборот... Люди во все времена одинаковые. Это обстоятельства разные»¹⁸⁶. 30-е гг. в СССР официально еще считаются одним из высших взлетов в истории человечества. Но за словами Германа чувствуется скрытая полемика с диссидентами, которые давили на либералов убийственными аргументами. Оставалось противопоставить им позицию философской мудрости. Те, кого не удивлял взгляд на время «первых пятилеток» с точки зрения «все наоборот», читали между строк: «Все-таки 30-е гг. — это не период сплошного кошмара, это тяжелое время, в котором было немало людей, которые вели себя достойно».

Но Афанасьеву еще далеко до этих проблем. Страшнее самодержавия зверя нет. «И вполне естественно, что мы не берем на себя ответственность за угнетательскую политику царского самодержавия, за злодеяния пуришкевичей и реакционность бердяевых, за корыстолюбие и узкоклассовый эгоизм российской буржуазии»¹⁸⁷.

Дальше Афанасьев обрушивается на теорию Гумилева, чутко уловив ее антизападническую направленность. Естественна неприязнь автора к «сенсационным» версиям о роли масонов в Февральской революции.

«Писатель Григорий Бакланов верно подметил, — продолжает Афанасьев, — что сейчас много говорят об истории, в сферу которой устремились толпы литераторов, а когда куда-либо устремляется толпа, то она больше вытаптывает, чем находит»¹⁸⁸. «Толпа» писателей-деревенщиков просто несопоставима по размерам с толпами журналистов-западников, которые «устремится в историю», начиная со второй половины 80-х гг., вытаптывая все на своем пути. Но все познается в сравнении.

Пафос статьи Афанасьева — не в необходимости восстановления исторической правды, а в осуждении славянофильской ревизии официальной концепции: «Бывают случаи, когда не просто некритически воспринимается, но и, более того, превозносится консервативная традиция в развитии русской общественной мысли, а революционно-демократическая традиция объявляется “западнической”»¹⁸⁹. Читатели из другого лагеря без труда увидели в этих словах, а также в призыве «стать сознательными и активными обитателями нашей планеты»¹⁹⁰ (вместо обычного «нашей Родины») явные признаки «космополитизма» и «западничества».

Но, несмотря на призыв к «глобальному мышлению»¹⁹¹ (он уже санкционирован), либерал-«западник» еще не решается взять на вооружение общечеловеческие ценности. Напротив, Афанасьев обрушивается на «“вечные”, “константные”, а по сути надисторические величины... История революционна... И она смеется над “вечными ценностями” благонамеренных людей»¹⁹². Ценностный, а значит и нравственный релятивизм еще считается достоинством мыслителя.

По ходу дела достается и целевым программам Академии наук — они не учли (не успели) последние лозунги партии — ускорение, перестройка не отражены¹⁹³. И по контрасту с этой критикой: «Строго говоря, не существу-

ет более или менее “актуальных” сюжетов прошлого»¹⁹⁴. И тут же утверждение, что с помощью исторической науки можно будет перейти к «социальной инженерии», которая станет столь же обыденным явлением, как генная инженерия¹⁹⁵.

Раньше подобная статья в теоретическом органе партии могла быть только руководством к действию. Еще год назад подобный окрик надолго заставил замолчать Амбарцумова. Но времена меняются, и теперь «славянофилы» не собирались сдаваться. На заседании отделения истории АН статья Афанасьева подверглась резкой критике, и через несколько месяцев ему пришлось оправдываться: «Говорят, что следовало напрямую сказать о нашем патриотизме. Возможно, хотя, как мне казалось, она (статья — *А.Ш.*) вся на эту тему. Допускаются неправильные толкования слов о глобальном мышлении». Статья, написанная хлестким, обвинительным языком, превратилась в произведение «с элементами робкой критики»¹⁹⁶. Но Афанасьев не собирался переходить к обороне. Его выступление в защиту статьи на заседании отделения АН составлено в контратакующих тонах: «Правда, до обвинения меня и “Коммуниста” в немарксизме дело пока не доходило»¹⁹⁷. Кто на нас с «Коммунистом»? З.Удальцова. Специалистке по домарксистским временам хватило смелости и на это. Чтобы отбить опасный упрек, Афанасьев демонстрирует свою ортодоксальность, говоря о проблемах исторической науки: «На первое место здесь надо поставить случаи сползания с классовых, партийных позиций в оценке явлений прошлого... Замечу лишь, что особую тревогу вызывает то, что эти факты приобрели массовый характер, они не удел романистики, они множатся и в научных публикациях»¹⁹⁸. Но на дворе февраль 1986 г., и Афанасьев упоминает о «запретных темах», о необходимости дискуссий и «дерзких идей по перестройке нашей науки»¹⁹⁹. Во всех отношениях он был «свой» для новых руководителей СССР — не обгонял, но и не отставал от руководящего курса, чутко ловил ветер перемен: «Нет, не подул еще в наших стенах свежий сильный ветер в направлении нового курса партии. В этой связи как пример невольно приходят на память многие яркие выступления М.С.Горбачева и, в частности, его темпераментная, зажигательная ленинградская речь»²⁰⁰. Невольно приходят на память...

Обсуждение статьи Афанасьева лучше всяких заявлений Горбачева показывало, что идейный плюрализм выходит из курилок и «самиздата» на официальные трибуны. Генеральная линия партии указывала на возможность выбирать пусть и параллельный ей, но свой путь. Генеральная линия сама колебалась и, почувствовав это колебание, существовавшие в обществе «партии» вступили в борьбу за сердце партийного руководства. Теперь и статья в «Коммунисте» воспринималась не как позиция КПСС, а как мнение Афанасьева и стоящих за ним «сил». И потому могла публично критиковаться.

Напор «западников», чувствовавшийся на идеологическом фронте (статья «Прошлое и мы» была одним из важнейших, но не единственным достижением либералов), не обескуражил «почвенников» потому, что они тоже воспринимали курс Горбачева как свой. «Зная нынешнее, архикритическое

отношение русских националистов к экс-президенту СССР, трудно поверить в то, что приход Горачева к власти был встречен ими с подлинным энтузиазмом, — пишет В.Соловей. — Причина этого не только в избрании генсеком молодого и динамичного человека, продемонстрировавшего новый, открытый стиль политики, но также в первых его акциях, которые для националистов стали подтверждением восприимчивости нового руководства к давно высказывавшимся ими идеям»²⁰¹. Речь идет прежде всего об антиалкогольной кампании, а позднее — об отмене поворота северных рек. В 1985 г. широко праздновалось 800-летие событий, описанных в «Слове о полку Игореве». Даже журнал «Коммунист» посвятил «Слову» статью «Спустя восемь веков»²⁰². Горбачев в этот период, возможно, склонялся к поддержке патриотического крыла общественности в гораздо большей степени, чем это принято считать. Во время обсуждения вопроса о возможности разрешить лечение Е.Боннэр за границей в ответ на заявление Чебрикова о том, что жена «влияет на Сахарова на все 100%», Горбачев сказал: «Вот что такое сионизм»²⁰³.

Не удивительно, что в первый год правления Горбачева «патриоты» воспринимали новый курс с одобрением и демонстрировали верноподданические чувства, мобилизуя общественность через клубную сеть ВООПиК. Ради успеха «нового курса» литераторы-«патриоты» считали необходимым идти на жертвы, тем более, что это соответствовало их нравственному идеалу: «Страна должна сделать гигантский скачок в техническом прогрессе, а на психологии потребительства, в какой бы дозе оно не присутствовало, такой задачи не решить»²⁰⁴, — писал И.Васильев, отступая даже от традиционной для «деревенщиков» осторожности в отношении технического прогресса.

Однако также воспринимали «новый курс» и либералы-западники, которые внимательно вчитывались в тексты речей генсека и находили там авансы близкой им по духу политики. В 1985 г. либеральному кинематографисту Ю.Герману позволили вынести на суд зрителей фильмы «Мой друг Иван Лапшин» и «Проверка на дорогах», рассказывающие о сталинском периоде осторожно критически.

Но пока отношения либералов и партийного руководства оставались сложными. В июле А.Черняев передал А.Яковлеву рукопись романа Рыбакова «Дети Арбата». Это произведение, весьма среднее с художественной точки зрения и не всегда доказательное с позиции исторических фактов, представлялось партийным либералам четко выверенным зарядом антисталинизации — положительными героями в романе были молодые люди, настроенные коммунистически, Сталину противопоставлялся Киров и т.д. «Через неделю примерно Яковлев сам напомнил о книге. Причем, мол, “читал по ночам” (выдал себя!). И тут же начал отвлекающие ходы: много секса, много... — выразился на этот счет по русски, (как будто разговор идет по-английски — *А.Ш.*) — не помню, чтобы так было в наше время (в 30-е годы)... Рыбаков ведет дело к тому, что Кирова убил Сталин. А ведь вопрос этот еще не выяснен. И потом, не рано ли нам заниматься психологией Сталина (даже в форме художественного анализа)?»²⁰⁵ Именно в последнем

замечании была «зарыта собака». Предшествующие соображения, во многом справедливые, будут отброшены, когда руководители идеологической машины КПСС придут к выводу, что психологией Сталина заниматься «не рано». И роман Рыбакова получит «путевку в жизнь».

Различные общественные течения поддерживали традиционный для интеллигенции набор пожеланий — гласность, осторожная демократизация, учет мнения общественности. Но разногласия были более существенны. «Патриотическая» и «западническая» тенденции в своем стремлении перетянуть новое руководство страны на свою сторону были немаловажными факторами «большой политики» (социализм в силу своих незначительных внешних отличий от «генеральной линии» не сформировался в организованную силу и стал заметным фактором политической жизни уже в период Перестройки). Подобная борьба тенденций (еще не открытая, еще, скорее, — борьба настроений, колебания тех или иных членов Политбюро, не выработавших пока свою позицию на многие вопросы реформ) протекала и в Кремле. Перед страной, перед ее руководством и ее общественностью было два пути: либо продолжать курс на укрепление дисциплины, подтягивание резервов и прыжок через барьер НТР методами «второй индустриализации» — без оглядки на «потребительскую психологию» (стратегия «ускорения»), либо структурные реформы, мобилизация материальных стимулов путем проведения пусть осторожных, но рыночных реформ (стратегия «перестройки»). «Патриотическая» тенденция в этот период выступала прежде всего в защиту первого курса, «западническая» склонялась ко второму. В 1986—1987 гг. стране предстояло сделать выбор.

Примечания

1. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 2. С. 471.
2. Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С. 145. Книга У.Лакера занимает промежуточное положение между наукой и публицистикой. Характеризуя скептическое отношение русских мыслителей к западной историографии, Лакер писал: «Мысль, что вряд ли западный человек может понять Россию, была очень распространена в русской эмиграции. Вероятно, она была вызвана некомпетентными публикациями некоторых западных советологов, а также глубокими расхождениями в толковании русской истории» (С. 152). Эти слова как нельзя лучше относятся к работам самого Лакера, которые, в силу содержащихся в них преувеличений и неточностей, несомненно, укрепили немало читателей в этом мнении. Впрочем, сам Лакер видит себя в качестве обладателя истины. В этом отношении показательны его оценки подобного рода: «В публикациях Солженицына встречаются зерна истины; иногда их больше, иногда — меньше» (С. 153).
3. Верт Н. Указ. соч. С. 491.
4. Власть и оппозиция. Политический процесс в России в XX в. М., 1995. С. 256.
5. Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1996. С. 181, 179.
6. Экологическая политика и экологическое движение в России / Отв. ред. Яницкий О.Н. М., 1995. С. 16.

7. Там же. С. 17.
8. Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. М., 1996. С. 29.
9. Там же. С. 29.
10. Там же. С. 29—31.
11. Волков П. Анатомия диссидента. Размышления эпоху спустя. Сокращенный вариант опубликован: Волков П. Предисловие к распаду империи. Споры, с которых все началось. // Солидарность. 1994. № 16. С. 8—9; Волков П. Психология диссидента. Предисловие к распаду империи // Солидарность. 1995. № 4. С. 8—9. Цитируется также по: Архив Шубина А.В. Электронный фонд. A\BOOK\PER\1978—1984.
12. Медведев Р. Книга о социалистической демократии. Амстердам, 1972. С. 65—66.
13. Шафаревич И.Р. Сочинения. М., 1994. Т. 2. С. 41.
14. 15 встреч в Останкине. М., 1989. С. 115.
15. Там же. С. 116.
16. Померанц Г. Выход из транса. М., 1995. С. 150. Ряд западных исследователей исходят из гипотезы о том, что советское государство и идеологи КПСС действовали преимущественно против либеральной тенденции, подыгрывая славянофилам. По мнению германского исследователя, ситуация позволяла славянофилам «развивать внутри официальной культуры свою официальную модель культуры», в то время как идеи «интеллигенции, воспитанной на либерализме 60-х гг. ... изолировались в публицистическом подполье». (Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970—1985. М., 1998. С. 91). Развитие событий уже в начале правления М.Горбачева показало упрощенность такой точки зрения. Она отчасти верна разве что применительно к Союзу писателей после 1979 г. (разгром «Метрополя» и общее наступление КПСС на культурном фронте). Но и в этой сфере КПСС действовала на два фронта, что показывает дело В.Пикуля (см. Главу VIII).
17. Распутин В. Байкальский пролог без эпилога // Правда. 1987. 11 марта.
18. Кто есть кто в России... С. 52.
19. Там же. С. 76—77.
20. Там же. С. 541—542.
21. Там же. С. 96—97.
22. Там же. С. 610; Солоухин В. Диалог // Литературная газета. 1964. 3 декабря.
23. Подробнее см. Кречмар Д. Указ. соч. С. 130—152.
24. Цит. по: Кузнецов Ф. Самая кровная связь. М., 1987. С. 224.
25. Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 112.
26. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 282. Л. 1. Интересно, что Д.Кречмар связывает критику Пикуля с подготовкой войны в Афганистане (Кречмар Д. Указ. соч. С. 100). Зачем автору понадобилась такая экзотическая версия? Дело Пикуля противоречит распространенной версии «подыгрывания» властей славянофилам в борьбе с западниками, которую отчасти разделяет и Д.Кречмар. Ссылка на экстраординарные внешнеполитические обстоятельства должна подтвердить исключительный характер действий властей. Как видно из дальнейшего, Пикуль нарушил рамки дозволенных вольностей, что должно было повлечь реакцию властей.
27. Наш современник. 1979. № 4. С. 87.
28. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 282. Л. 1—2.
29. Кречмар Д. Указ. соч. С. 101—102.
30. 15 встреч в Останкине. С. 112.
31. Лакер У. Указ. соч. С. 138—139.
32. Померанц Г. Указ. соч.
33. Там же. С. 243.

34. Там же.
35. Там же. С. 244.
36. Там же.
37. Там же. С. 221
38. Там же. С. 241.
39. Там же. С. 279.
40. Там же.
41. Там же. С. 299.
42. Померанц Г. Сны Земли // Философия истории. Сост. Пономарев В., Гришин А. М., 1990. С. 18. Впервые опубликовано в самиздатском журнале «Левый поворот» в 1980 г.
43. Померанц Г. Выход из транса. С. 250.
44. Там же. С. 271.
45. Там же. С. 277.
46. Там же. С. 280.
47. Там же. С. 251.
48. Там же. С. 253.
49. Лерт Р. На том стою. Публикации «самиздата». М., 1991. С. 234—236, 231, 233.
50. Пименов Р.И. Воспоминания. Ч.2 // Документы по истории движения инакомыслящих. Ред. серии Митрохин Н. Вып. 6. М., 1996. С. 395.
51. Лерт Р. Указ. соч. С. 312.
52. Подробнее см.: Шубин А.В. Истоки Перестройки. М., 1997. С. 209—221.
53. «Просопограф». База данных информационно-экспертной группы «Панорама». Составитель В.Прибыловский; Кто есть кто в современной России... С. 727.
54. Цит. по: Лакер У. Указ. соч. С. 112—113.
55. Там же. С. 157.
56. Шафаревич И.Р. Указ. соч. С. 88—89.
57. Померанц Г. Выход из транса. С. 240.
58. Померанц Г. Сны Земли. С. 22.
59. Yanov A. The Russian Challenge and the year 2000. Basil Blackwell. 1987. P. 80.
60. Померанц Г. Цена отречения // Сахаровский сборник. М., 1991. С. 88.
61. Морозов Д.В. Беседа с автором 7 сентября 1996 г.
62. Там же.
63. 15 встреч в Останкине. С. 18—19.
64. Там же. С. 25—26.
65. Там же. С. 95.
66. С миротворческой миссией в США. Интервью с митрополитом Ювеналием // Новое время. 1984. № 25. С. 14.
67. Урушадзе Г. Указ. соч. С. 220—221.
68. Там же. С. 214.
69. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 17—19.
70. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 381; История русской православной церкви. 1917—1990. М., 1994. С. 192.
71. Мень А. Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. М., 1995. С. 596.
72. Составлено по: Масленникова З. Жизнь отца Александра Меня. М., 1995.
73. 15 встреч в Останкине. С. 96.
74. Там же. С. 96—97.
75. См., например: Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984.
76. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 28.
77. Пятигорский А. Реакция философии на тоталитаризм // Независимая газета. 1994, 31 декабря.

78. Сам Мамардашвили во многом отталкивается от философских дискуссий в Вене в начале века. Мамардашвили М. Вена на заре XX века // Независимая газета. 1991. 9 октября.
79. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М., 1998. С. 33.
80. «Просопограф», соб. инф.
81. Красиков С. Возле вождей. М., 1997. С. 452—453.
82. Кузьмин А.Г. Беседа с автором 26 сентября 1996 г.
83. См.: Национализм и ксенофобия в российском обществе. С. 37—38.
84. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 202—203.
85. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 145. Л. 3—4.
86. Там же. Л. 4.
87. Там же. Л. 7.
88. Прибыловский В. Словарь новых политических партий и организаций России. М., 1992. С. 73; Россия. Партии, ассоциации, союзы, клубы. Сборник материалов и документов. М., 1992. Кн. 5. С. 86; Национализм и ксенофобия в российском обществе. С. 41—43.
89. Национализм и ксенофобия в российском обществе. С. 45.
90. Там же.
91. Световидов Д. Беседа с автором 11 октября 1995 г.
92. Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 273.
93. Цит. по: Шафаревич И.Р. Указ. соч. С. 61.
94. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 363—364.
95. Шафаревич И.Р. Указ. соч. С. 163.
96. Там же. С. 66.
97. Медведев Р. Будущее зависит от нас самих. С. 4—6 // Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В. М., 1984. Архив Шубина А.В.
98. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Л., 1990. С. 5. Биографические данные по: Он между нами жил. Воспоминания о Сахарове. М., 1996.
99. Там же. С. 7.
100. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1991. С. 41.
101. Там же. С. 46.
102. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. С. 8.
103. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С. 144—145.
104. Там же. С. 89—90.
105. Там же. С. 41—42.
106. Там же. С. 41—45.
107. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С. 169.
108. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. С. 39.
109. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С. 139.
110. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 89.
111. Сахаров А. Мир, прогресс, права человека; Сахаров А.Д. Тревога и надежда.; Сахаровский сборник.
112. Белоцерковский В. Самоуправление. М., 1990.
113. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С. 177.
114. Вести из СССР. Munchen. б.Д. Т. 1. С. 86.
115. Лерт Р. Указ. соч. С. 315.
116. Гефтер М.Я. Указ. соч. С. 173.
117. «Просопограф».
118. Буковский В. Указ. соч. С. 352.
119. Гефтер М.Я. Я из тех и этих лет. М., 1991. С. 116; Волков П. Указ. соч.
120. Цит. по: Гефтер М.Я. Указ. соч. С. 116.

121. См., например: Буковский В. Указ. соч. С. 118.
122. «Лабиринт».
123. Кудюкин П.М. Беседа с автором 23 сентября 1994 г.
124. Вести из СССР. Т. 1. С. 44.
125. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 312—314; Кудюкин П.М. Беседа с автором.
126. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 252—254.
127. «Просопограф».
128. Алексеева Л. Указ. соч. С. 271.
129. Неделя (Израиль). 13.09.1994.
130. Там же.
131. Там же.
132. Там же.
133. Вести из СССР. Т. 1. С. 61.
134. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М., 1997. С. 13
135. Василевский А. Беседа с автором 26.06.1998 г.
136. Василевский А.А. Беседа с автором 7 октября 1996 г.
137. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 246—247, соб. инф.
138. 300 полит. Соб. инф.
139. Гурболиков В.А. Беседа с автором. 21 апреля 1998 г.
140. Исаев А.К. Беседа с автором.
141. Там же.
142. Гурболиков В.А. Беседа с автором.
143. Там же.
144. Архив Шубина А.В. Ф. 1986—1987. К вопросу об ушах.
145. См. Шубин А.В. Истоки перестройки. С. 170.
146. Исаев А.К. Беседа с автором 20 апреля 1998 г.
147. Анатомия бюрократии. Архив Шубина А.В. Ф. 2.
148. Культ личности Сталина... Архив Шубина А.В. Ф. 2.
149. И зачем им это надо? Архив Шубина А.В. Ф. 2. С. 2.
150. Там же. С. 3.
151. Социализация. Архив Шубина А.В. Ф. 2.
152. Социализация, обобществление... Архив Шубина А.В. Ф. 2.
153. Цоппи В. Голос из Океании // Новое время. 1984. № 5. С. 16.
154. Там же.
155. Анализ и формирование организационной структуры промышленного предприятия. Новосибирск, 1983. С. 3.
156. Урушадзе Г. Указ. соч. С. 179.
157. Адамович А. Мы — шестидесятники. М., 1991. С. 61.
158. Там же. С. 69, 80.
159. Кречмар Д. Указ. соч. С. 152.
160. Адамович А. Указ. соч. С. 48.
161. Там же. С. 51.
162. Там же. С. 81—82.
163. Кто есть кто в России... С. 18—19.
164. Цит. по: Адамович А. Указ. соч. С. 24.
165. Шахназаров Г. Логика ядерной эры // Век XX и мир. 1984. № 4. С. 9, 14.
166. Кто есть кто в России... С. 728.
167. Громько А. Указ. соч. С. 154, Ломейко В. Беседа с автором 12 декабря 1997 г.
168. Кто есть кто в России... С. 21.
169. Потапов Н. Мир человека и человек в мире // Правда. 1981. 16 февраля.

170. Коротич В. Ненависть. М., 1983. С. 2—3.
171. Там же. С. 30.
172. Кто есть кто в России... С. 331—332, соб. инф.
173. Бурлацкий Ф. К. Маркс и современность // Новое время. 1983. № 23. С. 19.
174. «Лабиринт».
175. Поликарпов В. Восстанавливая контекст // Афанасьев Ю. Я должен это сказать. М., 1991. С. 13.
176. Гришин В.В. Указ. соч. С. 315.
177. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 286. Л. 16.
178. Например, предложения Академии наук к XXVI съезду КПСС. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 122.
179. Арбатов Г.А. Указ. соч. С. 324.
180. Там же. С. 325.
181. Афанасьев. Ю. Указ. соч. С. 15.
182. Там же. С. 19.
183. Там же. С. 19—20.
184. Там же. С. 20.
185. Там же. С. 21.
186. Герман А. Оказывается, вы — это вы... // Комсомольская правда. 1985. 1 июня.
187. Афанасьев. Ю. Указ. соч. С. 23—24.
188. Там же. С. 23.
189. Там же.
190. Там же. С. 30.
191. Там же.
192. Там же. С. 24.
193. Там же. С. 28.
194. Там же. С. 29.
195. Там же. С. 31.
196. Там же. С. 31—32.
197. Там же. С. 32.
198. Там же. С. 33.
199. Там же. С. 33—35.
200. Там же. С. 34.
201. Международные отношения в России и СНГ. Семинар Московского Центра Карнеги. Вып.1: доклады 1993—1994 гг. М., 1994. С. 50.
202. Коммунист. 1985. № 10.
203. Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С. 336.
204. Цит. по: Кузнецов Ф. Указ. соч. С. 225.
205. Черняев А. Указ. соч. С. 51.

Глава IX

ОППОЗИЦИЯ

Диссидентское движение

в конце 70-х — первой половине 80-х гг.

— Я слышал крик, милорд, мой долг —
Откликнуться ему,

— А что команда, капитан, В дорогу, чай, не
рвется?

— Жена и дети, капитан, а им что предстоит?

— Со мной охотники, милорд, Со мной лишь
добровольцы,

А дом родной простит, милорд,

Мой дом меня простит.

Ю.Ким. «Московские кухни».

Как мы видели, не только в социальном, но и в идеологическом плане советское общество давно уже не было монолитом. И пусть разномыслие охватывало лишь часть населения — будущее десятилетие докажет актуальность споров 70-х — 80-х гг. В обществе существовала оппозиция режиму со своей структурой и идеологией.

Можно ли говорить о преемственности оппозиционного движения дореволюционной поры и политической элиты более позднего времени? Из нескольких сотен более или менее влиятельных политических деятелей 1993 г. (депутатов Верховного Совета, советов крупных городов и областей, участников Конституционного совещания, депутатов Государственной Думы, лидеров крупных общественных движений, известных журналистов) около полусотни человек участвовали в оппозиционной общественной деятельности до 1985 г. Это относится, например, к 34 политикам, оказавшимся в справочнике экспертной группы «Панорама» «Кто есть кто в Российской политике. (300 биографий)», что составляет около 11%, то есть весьма значительную часть¹. Биографии большинства «политических долгожителей», которые приводятся в настоящем издании, доказывают, что общественная жизнь времен Перестройки уходит прочными корнями в предшествующий период. Политическая история современной России началась до 1985 г.

1. Диссиденты и общество

Наиболее яркое, «лежащее на поверхности» общественной жизни явление оппозиционной среды 60-х — 70-х гг. — диссидентство. Споры о нем не прекращаются. «Диссидентство — это симптом, а не фактор общественной эволюции»², — считает П.Волков. По его мнению, диссидентство реально не воздействовало на ситуацию в стране. Эту мысль продолжает И.Смирнов: «Диссидентство в нашей стране никогда не было политической оппозицией. Ведь всякая реальная оппозиция, пусть и без должных оснований, но надеется когда-нибудь стать правительством. В диссидентстве же действовал принцип чистой жертвенности. Человек громко заявлял: “Я против”, чтобы сгинуть, быть вычеркнутым из общества, из его реально существующих механизмов. Эти люди достойны глубочайшего уважения. Но опыт войны на Тихом океане свидетельствует: камикадзе оказались очень плохими пилотами. Диссидентство имело смысл и силу только как индивидуальный нравственный выбор. Попытки строить на его основе организованную, профессиональную политическую деятельность неизменно оказывались несостоятельными. И что бы ни писали об этом сегодня (когда все стали смелыми, как Матросов), в начале 80-х диссидентство представляло собой секту, отгороженную даже от самой образованной части соотечественников стеной страха и непонимания»³. Эти слова справедливы, но не во всем. Опыт пиратской войны в Атлантике свидетельствует: корабли иногда меняют флаги. И бывшие диссиденты, когда возникла возможность, встали на сторону Власти, на деле показав — многие из них вовсе не исключали возможности стать частью правящей элиты.

«Из диссидентов делают теперь героев-предтеч нынешней власти. И справедливо делают, — считает П.Волков. — Если мы хотим понять, почему отношение нынешней власти к народу такое, какое есть, то надо и начинать с самого начала: с диссидентского движения времен застоя. Диссидент-демократ был культурным прототипом «демократа»-политика. Конечно, немногие диссиденты заняли высокие посты, но все же: Гамсахурдия стал президентом, Черновил возглавил Львовскую область, Якунин и Ковалев в Верховном Совете, Кудюкин — замминистра, и т. д., и т. п. Да и по телевидению воспитывают нас они же. С них началось движение интеллигенции по перестройке мышления народа»⁴.

КОВАЛЕВ Сергей Адамович

1930 года рождения. В 1954 году окончил биологический факультет Московского государственного университета (МГУ). После окончания учебы с 1954 по 1956 работал в МГУ старшим лаборантом. В 1956—1959 годах — аспирант кафедры физиологии животных, в 1960 году — младший научный сотрудник МГУ. С 1961 по 1964 годы — старший инженер, затем младший научный сотрудник Института биофизики АН СССР. Вернулся в МГУ в 1964 году, до 1969 года заведовал отделом межфакультетской лаборатории математических методов в биологии. Кандидат биологических наук (диссертация по теме

«Электрические свойства миокардинальных волокон сердца лягушки», 1964). Автор более 70 научных публикаций.

В 1970—1974 годах, после увольнения из МГУ по политическим мотивам, работал старшим научным сотрудником на Московской рыбоводно-мелиоративной опытной станции.

Заниматься общественной деятельностью Ковалев начал с 1956 года, когда в биологической науке шла борьба против последователей академика Лысенко. Ковалев являлся одним из авторов письма в деканат биологического факультета МГУ о восстановлении в правах генетики как учебной дисциплины.

С 1967 года начал активно заниматься правозащитной деятельностью. В 1969 году познакомился с А.Д.Сахаровым, став вскоре его близким другом. С 28 мая 1969 года (то есть с момента основания) — член Инициативной группы (ИГ) защиты прав человека в СССР. Группа занималась проблемой прав человека в СССР, выступала в защиту прав конкретных людей, подвергавшихся политическим репрессиям. Прекратила свою деятельность в результате репрессий в 1974 году.

Члены ИГ были в числе организаторов и редакторов «Хроники текущих событий» (ХТС), — подпольно издававшегося с 1968 года правозащитного бюллетеня, выпуск которого был прекращен в 1972 году после угроз КГБ арестовывать, по мере появления очередных номеров, людей, хотя и не причастных впрямую к его изданию, но уличенных в чтении ХТС или контактах с ее издателями (переданная из КГБ угроза была подкреплена арестом Ирины Белгородской). 7 мая 1974 года на пресс-конференции для иностранных журналистов Ковалев и другие члены ИГ (Татьяна Ходорович и Татьяна Великанова) заявили, что они не желают подчиняться шантажу КГБ и берут на себя всю ответственность за передачу на запад новых выпусков «Хроники». Впоследствии ХТС выходила до 1982 года. С сентября 1974 года Ковалев являлся членом советского отделения организации «Международная Амнистия». Отделение, состоявшее поначалу из 11 человек, к 1977 году органами КГБ было разогнано. Некоторые его члены были арестованы, другие эмигрировали.

Ковалев был арестован 28 декабря 1974 года и, несмотря на международную кампанию в его защиту, был осужден в Вильнюсе 12 декабря 1975 года за «антисоветскую пропаганду» на 7 лет лагеря строго режима и 3 года ссылки (статья 70 УК РСФСР). На суд над Ковалевым в Вильнюс приезжал Андрей Сахаров.

Находился в заключении и ссылке до 1984 года. Вернувшись из ссылки, вынужден был жить в Калинин (ныне — Тверь), так как жить в Москве ему было запрещено. Впоследствии депутат Верховного Совета РСФСР, депутат Государственной думы от блока «Выбор России», парламентский представитель по Правам человека.⁵

ЧОРНОВИЛ Вячеслав Максимович

1938 г. рождения. Окончил факультет журналистики Киевского государственного университета. После окончания КГУ три года работал во Львове старшим редактором молодежных и спортивных программ местного телевидения.

После переезда в Киев участвовал в национальном движении украинской интеллигенции. В 1967 году Чорновил был первый раз арестован и осужден на полтора года лишения свободы. После освобождения стал издавать журнал «Украинский вестник». В 1972 году был вторично арестован и осужден на 6 лет лишения свободы в лагере и 3 года ссылки. Находясь в ссылке, вступил в Украинскую Хельсинкскую группу. Третий раз был осужден по сфабрикованному КГБ уголовному делу об изнасиловании. Был освобожден в 1985 году. Впоследствии — председатель областного совета Львовской области⁶.

ЯКУНИН Глеб Павлович

1934 г. рождения. В 1952 поступил в Московский пушно-меховой институт (МПМИ). В 1955 институт был расформирован, а студенты были переведены на факультет охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института, который Якунин окончил в 1957 г. В Иркутске снимал квартиру вместе с А.Менем, который учился на том же факультете (Якунин был на курс старше). Под влиянием А.Меня стал православным христианином, затем священником. Рукоположен в 1962 году, служил в городах Зарайске и Дмитрове Московской области.

В ноябре-декабре 1965 вместе со священником о. Николаем Эшлиманом выступил против внутрицерковных реформ, направленных на большее подчинение церкви властям. Священники отправили открытые письма Патриарху, всем епископам и председателю Президиума Верховного Совета (ВС) СССР Н.Подгорному. В письме Подгорному они требовали прекращения вмешательства Совета по делам религий и его уполномоченных во внутрицерковную жизнь, апеллируя к закону об отделении церкви от государства и конституционным гарантиям свободы вероисповедания. Однако у некоторых близких к православным кругам людей письмо вызвало отрицательную реакцию: священников упрекали в том, что они вместо упования на силу молитвы в «духовной гордыне» вмешались не в свое дело. Решением Патриарха Эшлиман и Якунин были отстранены от священнической службы.

После этого Якунин служил псаломщиком в церковном хоре, алтарным сторожем. В 1971—1977 годах подписал и опубликовал в самиздате ряд писем и обращений с критикой положения религии в СССР. Был одним из основателей созданного 30 декабря 1976 года в Москве Христианского комитета защиты прав верующих в СССР.

1 ноября 1979 года Якунин был арестован и 28 августа 1980 года осужден на 5 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки. В лагере не прекращал борьбы за права заключенных, проводил голодовки и применял иные формы протеста против преследования верующих в местах заключения. Впоследствии — депутат Верховного Совета РСФСР и Государственной Думы, один из лидеров движения «Демократическая Россия»⁷.

Но идеи диссидентов были широко распространены вне их среды. «Перестройка мышления народа» началась не диссидентами. Она проводилась самим народом, который, сначала вопреки политике партии, а потом в соответствии с ней стал избавляться от единомыслия. В этом процессе роль дис-

сидентов заключалась в том, чтобы расширять пространство «дозволенного», углубляясь в недозволенные области. Суть подлинной оппозиции состоит вовсе не в стремлении к власти, а в наличии своей позиции, не совпадающей с официальной. Диссидентские действовали в политической плоскости. «Декларации протеста были фактически списаны с партийных документов — с обратным знаком»⁸, — считают П.Вайль и А.Генис.

«Что общего было во взглядах всех течений оппозиции? Пожалуй, наиболее общей была идея ограничения произвола власти, — считает П.Волков. — Потому это и оппозиционная идея... Процесс в индивидуальном сознании воспроизводит исторический процесс. Этот процесс имеет свои стадии и промежуточные этапы. Хрущевская оттепель пробудила способность быть личностью уже во многих. Застой принудил личности спланиваться, искать друг друга в потемках, создавать группы и выживать в них. Создавать более устойчивые группы, чем оттепельные клубы диспутантов-индивидуалов. До следующей стадии — осознания способности к широким объединениям, партиям дело тогда дойти не могло. Процесс застрял на стадии замкнутых групп»⁹.

Как мы увидим ниже, эта картина неточна. Диссидентские группы не были замкнутыми, так как связывались между собой и имели относительно широкую периферию. Но все движение, включая и периферию, было слабо связано с основной массой населения. И дело было даже не в репрессиях властей и информационной изоляции оппозиции (что было также важно), но и в психологическом контрасте диссидентов и основной массы населения.

Было ли здесь ключевым различие во взглядах (отсюда само название — «инакомыслящие»)? Но ведь и большинство советских людей не были фанатиками официальной доктрины. Это позволяет участникам диссидентского движения оспорить само название «инакомыслящие»: *«Последнее название кажется нам малоподходящим. Суть не в том, что “диссиденты” мыслили по иному, нежели все, а в том, что они по иному действовали... Они вторгались в заповедные, ревниво оберегаемые властью уголья “запретных тем”; отрицая право власти на высший суд в области духа, они одновременно осознали свое право быть другими (по существу, включающее в себя и прочие права) и явочным порядком начали его осуществлять»*¹⁰. Для обычного гражданина СССР общество, в котором он жил, было вполне «терпимым», его недостатки не воспринимались как нечто катастрофическое, мешающее быть собой. Нравственные нормы обычного человека допускали существование такого общества при всех его недостатках.

С диссидентами дело обстояло иначе: «По самосознанию и по характеру деятельности правозащитное движение является не политическим, а нравственным», — считает Л.Алексеева¹¹. Нравственные нормы диссидентов были с этим обществом несовместимы. Л.Богораз, С.Голицын и С.Ковалев также полагают, что «импульсом к участию в правозащитной деятельности была нравственная позиция (осознаваемая с большей или меньшей степенью обобщения) — личная позиция»¹². А.Сахаров писал в письме Горбачеву 19 февраля 1986 г.: *«Цели их действий в подавляющем большинстве слу-*

чаев были высокими — стремление к справедливости, гласности, законности (что бы ни писали о них беспринципные пасквилянты). Люди не идут на такие жертвы ради корысти или тщеславия, ради низменных или мелочных целей!»¹³. Это — несомненная правда. Приведем только один пример: Г.Павловскому КГБ предлагало отказаться от сотрудничества с журналом «Поиски» либо, даже оставаясь в редколлегии, отказаться от реальной работы. Он предпочел суд¹⁴.

Но как возникала эта «завышенная» планка моральных норм? Что позволило этим людям преодолеть барьер между человеком иерархическим и человеком идейным, перейдя ко второму состоянию в самый «неподходящий» момент с точки зрения общественных условий. Легко участвовать в несанкционированной общественной активности вместе со всем обществом или хотя бы в период «оттепели». Но в 70-е гг. решиться на это было гораздо труднее, и диссиденты представляли из себя явление исключительное.

П.Волков пишет: «Они развивались как личности в нескольких средах: чаще ... в среде интеллектуальной молодежи столицы, остро формировавшей дух времени: 2-ая Московская физматшкола, астрономический кружок дворца пионеров и школьников и т.п., столичные НИИ и творческие объединения, либо в среде людей, затронутых прежними репрессиями. Микросреда стимулировала индивидуальные проявления человека часто в направлении дистанцирования от черт иной, более широкой среды. Но решающий сдвиг состоял в однажды обострившемся конфликте с миром официоза, в осознании своей чужеродности ему через некое событие: акт официоза обидевший, задевший чувства или ограничивший возможности человека. Вот тут и проявлялись ранее незаметные черты характера. Если человек слабovolный пасовал и худо-бедно приспосабливался к своей участи, то человек с характером становился непреклонным. Нет нужды разбирать, прав или не прав был человек, натолкнувшийся на твердость официоза, это несколько не меняет исход ситуации. Официоз воспринимался отныне как враждебная сила и всякий вновь замеченный его порок ставился ему в вину как злоумышленный, дело нередко заканчивалось пустым негативизмом, когда суждения самого отвлеченного характера накладывали отпечаток непосредственно на быт, причем отпечаток весьма болезненный.

Так, например, мой знакомый бросил работу и бедствовал. А на вопрос, почему он это сделал, стал объяснять, что в СССР зарплата инженера меньше, чем пособие по безработице в Америке, поэтому он работать не согласен. Мысль, что он живет не в Америке и придется приспосабливаться, хотя бы для обеспечения первичных жизненных нужд, для него была неприемлема. Это, конечно, крайний пример, но в той или иной мере подобные установки сказывались на поведении диссидентов... Диссиденты походили друг на друга в том, что их душевный склад был эксцентрическим. То есть какая-либо черта характера сильно превалировала. Это могла быть особая реактивность психики, повышенная впечатлительность, эмоциональность скрытая или более явная, импульсивность. Людей толстокожих, инертных среди них не было... Болезненное самомнение, самолюбие, подчеркивание значения своей личной позиции. И трудно отрицать за ними мо-

ральное право на это, ибо оплачивалось все высокой ценой. Если, конечно, в решающий момент испытания диссидент не раскаивался. Поскольку мы прощаем слабости, скажем, звездам эстрады, то можем простить их и известным диссидентам... И умных, и глупых среди диссидентов было куда больше, чем статистическая норма для населения в целом. В том-то и дело, что это была интеллектуально поразительно сильно дифференцированная среда»¹⁵. Связь этической доминанты диссидентского движения и его импульсивности, отсутствия продуманной стратегии признают и авторитетные диссиденты: «Эта позиция определялась ощущением полной нравственной несовместимости с происходящим. Она не была основана на размышлениях и прогнозах отдаленных последствий, не предполагала отдаленной конечной цели. Она исходила из нравственной невозможности промолчать, отвернуться, не заметить — сегодня. Поэтому и перед тем, как пойти в тюрьму, и кончая срок, человек был уверен, что поступил правильно, но не готов был ответить на вопрос, какие именно результаты своей деятельности он бы хотел увидеть в будущем»¹⁶.

Инакомыслие еще не означало диссидентства. Зрелый иерархический человек не мог не видеть несправедливости и неэффективности существующего строя. Но диссидент не мог об этом молчать. Он был «человеком идейным», психологическая структура которого гармонировала с этой стадией личного развития, а период в развитии страны — нет. Это создавало яркий контраст.

Некоторое время человек мог жить в двух мирах, читая «диссидентцину», помогая оппозиции и оставаясь «добропорядочным гражданином». Система ревниво относилась к подобному «двоемыслию», что часто подталкивало инакомыслящих к переходу в диссидентский лагерь. Но Система лишь создавала повод, на который люди разного характера и разного уровня развития реагировали бы по-разному. Для одних действия властей могли «стать уроком», вернуть к внешней благонамеренности, для других становились «спусковым крючком» для неизбежного перехода к состоянию, когда идеи важнее социальной иерархии. Рано или поздно такой выбор наступал. В этом отношении характерен пример В.Аксючица, который был секретарем партбюро факультета в МГУ и одновременно — верующим человеком и издателем религиозного самиздата. В.Аксючиц рассказывает о своем переходе в открытую оппозицию:

«Все началось с чтения Библии, которую мне подарил мой дядя, настоятель Казанской Божьей матери. Евангелие произвело сокрушительное впечатление. Потом я вдруг сделал для себя открытие: во всей мировой философии нет ни одного философа-атеиста. Вообще нет. И даже нет ни одного философа-материалиста. Демокрит — считается материалистом. Но что такое атом? Некое духовное начало. Поэтому я подумал, что если самые умные люди человечества веровали в Бога, то, очевидно, за этим что-то есть.

В 1977 г. мы с А.Зеленцовым начали издавать философскую религиозную литературу — Соловьева, Булгакова, Хомякова и других. Размножали «Архипелаг ГУЛАГ».

В 1979 г. Зеленцова вызвали в КГБ. Он приехал ко мне и сказал: «Очевидно, что у тебя будет обыск. Немедленно все убирай. Мы сложили два тяжелых чемодана и как “опытные” люди садимся в такси и пытаемся оторваться от агентов, которые, как мы думали, за нами наблюдают. При этом мы совершаем действия, которые могли бы привлечь внимание всей Москвы — меняем такси в людных местах, и наконец приезжаем к нашему другу Мише Гусеву и просим его отнести их уже к четвертому другу. Мы думали, что таким образом окончательно заметем следы. При этом я сказал Мише: «Если тебя возьмут с чемоданами, скажи, что они мои». На следующий день Миша пропал, и только через три дня появился с совершенно фантастической историей. Как только он вышел из дома с чемоданами, его задержали и отвезли в местное отделение милиции — КГБ часто действовал руками милиции. В отделении Миша рассказал свою историю о друге Пете, который приехал из Ленинграда, попросил поддержать чемоданы и куда-то делся. Три дня они его допрашивали, вызвали жену и отца и сказали: “Вы его видите последний раз, если он сейчас не признается, чьи эти чемоданы”. Он не признался, и тогда они извинились и просили его сообщить, если появится Петя из Ленинграда...

Узнав об этом, я решил “сдаться”. Пришел в отделение, меня пригласили в кабинет начальника. Впрочем, сам начальник сидел сбоку, а в его кресле расположился человек в штатском.

— Это Ваши книги?

— Мои.

— А почему они у Вас?

— Я философ, и по теме диссертации “Проблема человека у Николая Бердяева и Пауля Тиллиха” мне нужна богословская литература. Читать я ее никому не давал. Политическая литература — от любопытства.

— Чтобы соблюсти формальности, напишите заявление о возвращении. Составим список.

Дальнейшее для конца 70-х гг. было просто анекдотично:

— Первое. “Архипелаг ГУЛАГ” Солженицына. Ваше?

— Мое.

— НТС. Программа борьбы с коммунизмом. Ваша книга?

— Моя.

Я знал, что нельзя с ними сотрудничать, что-то подписывать. Но книга была очень жалко. Закончили этот длиннейший список. “Очень хорошо, сейчас вернем. Пойду только у начальства утвержу”. Человек в штатском вернулся: “Вы знаете, к сожалению не повезло, начальник уехал, приходите завтра”. Краем мозга я все понимал, но уже хотелось пройти этот путь до конца.

На следующий день в кабинете начальника сидел сам начальник отделения.

— Здравствуйте, Вы меня помните?

— Помню. По какому вопросу?

— Я прошу выдать книги.

— Какие книги?..

Когда ему надоела игра, он сказал: “Молодой человек, Вы что, еще не поняли ничего. Вы еще учитесь в аспирантуре?”

— Вроде да.

— Ну так до свидания.

Я поехал в МГУ, и там мне сообщили, что я уже не учусь в аспирантуре. Поскольку я был общественным активистом и секретарем партбюро курса, мне доверительно сообщили, что звонили из КГБ, после чего фамилия из списков аспирантов исчезла.

Тогда я решил, что раз мне сказали “До свидания”, то и я скажу то же самое. Я решил выйти из партии и изменить образ жизни. Начал шабашить, но обязательно с трудовой книжкой — красил заборы и т.д. Саша Зеленцов еще выступал, что-то доказывал, когда его исключали. А я решил просто прекратить общение с ними.

Чтобы исключить меня из партии, нужно было сначала меня пригласить на заседание партийного органа. И партия стала ходить ко мне. Прислали ко мне однокурсника. Он доказывал мне, что нужно быть в партии, чтобы заниматься наукой. Я говорю, что уже наглотался всем этим и ухожу.

— Ты на что рассчитываешь?

— Я рассчитываю на то, что все будет нормально, буду жить, а когда настанет время — буду публиковаться.

— Неужели ты веришь, что когда-нибудь рухнет этот режим?

— Конечно, я убежден, что мы до этого доживем. И уж тем более наши дети.

Ко мне прислали секретаря парткома МГУ. На этот раз молодой кандидат наук пришел, увидел у меня в кабинете портрет Солженицына на стене и говорит: “Я понимаю ваши взгляды, вы полностью разделяю, как и большинство членов нашего парткома, вы талантливый и т.д., но надо быть внутри, надо бороться, надо делать”. Я говорю: “Вы знаете, вы выбрали для себя этот путь, а я выбираю другой — быть вовне, жить другой жизнью”. Затем пришли представители парткомиссии МГК. Эта комиссия рассматривает дела перед подачей на окончательное решение. Где-то полдевятого звонок в дверь. Стоит древняя старушка, а рядом с ней молодой человек. Старушка сразу так доброжелательно говорит: “Виктор Владимирович, как рада вас видеть”. Зашла в дом, рассыпается в комплиментах, все замечательно.

— Как же так, вы ведь еще такой красивый, такой молодой, вы такой талантливый, вы будущий ученый, вы и учитесь и общественная работа идет замечательно. Почему же вы ушли из партии? Как такое получилось?

— Вы знаете, я не считаю себя членом КПСС, я не считаю себя коммунистом.

— Как же так? Как же так получилось?

— А вот так, получилось. Что же мне теперь всю жизнь рассказывать.

— Ой, какие у вас детки хорошие.

Она говорит: “Но все-таки, как же так, вы такой были. Вы хоть тогда придите к нам на парткомиссию, хотя бы партбилет отдайте”. Я

говору: “А зачем приходите? Вот я вам сейчас отдаю”. Она его открывает и говорит: “Ой, он у вас такой чистый, не мятый. Значит вы все-таки любили его”. Я просто храню документы нормально, у меня и паспорт чистый, не мятый и партбилет оказался в обложке, нормальный. «Вы прямо так, прямо тут, без всего, отдаете?» “Пожалуйста, берите, я его отдаю, нет проблем”. Когда был исчерпан арсенал уговаривания и обаяния, тут она сделала вид, что впервые увидела икону и сказала: “Ах вот в чем дело! Вы знаете, вам не место в партии!” И когда она выходила, последний жест, когда она от лифта вернулась и прокричала, показывая на детей, которые ползали вокруг: “И все-таки они будут с нами!”¹⁷.

Экстравагантность и этический максимализм будущих диссидентов постепенно выделял их из среды романтиков-«шестидесятников». По остроумному замечанию П.Вайля и А.Гениса, «диссиденты делали то, чему их учили в советской школе: были честными, принципиальными, бескорыстными, готовыми к взаимопомощи. Проповедь торжества духовных идеалов над материальными полнее всего реализовывалась в диссидентском движении»¹⁸. Роль референтной группы в диссидентстве оказалась наибольшей среди других общественных движений. Собственно, это было связано уже с генезисом диссидентства как наиболее радикального, максималистского крыла «кухонных» кружков. После того, как участники дружеской беседы приходили к выводу о несправедливости общественного строя в СССР, некоторые из них уже не могли не действовать. Морализм диссидентской позиции и их происхождение из дружеских компаний превращал «отказника» от участия в акциях протеста в человека безнравственного. Противостоять моральному давлению, даже невольному, было тяжело.

Принадлежность к диссидентской среде создавала уникальные возможности самореализации, и это также было важным стимулом участия в движении. «Сегодня у него свои, известные миру, лидеры, средства массовой информации и даже свой “дипкорпус”. Сегодня принадлежность к нему — шанс обрести срок, но вместе с тем и возможность создать собственную пресс-конференцию, обратившись через многие неповоротливые головы к совсем другим головам... Итак, диссидентство уже не просто вызов — и господствующему сознанию, и господствующей бессознательности, не только обязательство отстаивать каждого человека, отстаивающего свои права. И не один лишь разрыв с казенщиной, не одна лишь утрата прежнего статуса и места в “обществе”, но еще и возможность приобрести первое и второе, статус и место способом совершенно невероятным по прежним меркам, а ныне не только не исключенным, а даже вполне доступным»¹⁹, — писал М.Гефтер. Это — возможность самореализации, сопоставимая в своем кругу с возможностями руководителей страны. При дефиците оппозиции причастность к ней резко повышала значимость каждого ее члена. И не только в глазах самих диссидентов, но и в реальности. Не случайно именно Политбюро принимало важнейшие решения по поводу деятельности нескольких сот «отщепенцев».

Это состояние принадлежности к избранному кругу накладывало отпечаток и на моральные ориентиры, которые, как мы видели, были для дисси-

дентов определяющими. По мнению П.Волкова, «их мораль уже не была личной. Она основывалась на принадлежности к избранному меньшинству, к группе единомышленников. Мораль участников проверялась и поддерживалась группой. В этом сила групповой морали. Но ориентация на группу, на внешнее признание ослабляет крепость индивидуальной принципиальности. И когда диссидент оказывался в тюрьме, когда исчезал оценивающий взгляд группы и даже наоборот, референтной группой становилась бригада следователей, диссидент часто сдавался»²⁰. Последнее неверно — случаи «раскаяния» были довольно редки и очень ценились КГБ.

Вслед за нашумевшим в 1974 г. делом Якира-Красина в 1979—1980 г. властям удалось добиться покаяний некоторых оппозиционеров — одного из лидеров грузинской хельсинкской группы З.Гамсахурдия и отца Дмитрия Дудко. З.Гамсахурдия объяснял свой поступок решением продолжать оппозиционную деятельность (к чему его подельщик М.Костава отнесся с пониманием).

ГАМСАХУРДИЯ Звиад Константинович (1939—1994)

Первый президент Грузии. Родился в семье классика грузинской литературы К.Гамсахурдия, происходит из старинного княжеского рода. Закончил факультет иностранных языков и литературы Тбилисского университета. Кандидат филологических наук. Политическую деятельность начал в 50-е гг., тогда же впервые был арестован. Активный участник диссидентского движения в Грузии. Подвергался арестам. После покаяния в 1979 г. выпущен на свободу, работал старшим научным сотрудником Института грузинской литературы им. Шота Руставели. В 1991—1994 гг. — президент республики Грузия²¹.

С точки зрения многих диссидентов, такое поведение было непростиительно. «То, что некоторые нынешние неопиты отреклись (даже не посмотрев на орудия пытки), просто открыло перед всем миром, что в них не было благодати»²², — комментирует Г.Померанц случаи покаяний оппозиционеров. Но «отрекшиеся» (которые, кстати, вовсе не были неопитами) не считали, что отреклись в душе. Они видели в себе Галилея, предпочитавшего продолжать свое дело, даже если ради этого нужно публично покаяться. Сегодня трудно судить, допустима ли была такая сделка. Во всяком случае подобные ситуации всегда индивидуальны. Д.Дудко ставил религиозную проповедь выше оппозиционной деятельности. Его не принуждали к отречению от веры, от него не требовали показаний на «соучастников». И он предпочел веру политике. У З.Гамсахурдия не было таких оправданий, но и он не был осужден своим «подельщиком» М.Костава. Можем ли мы предъявлять моральные претензии?

Редкость случаев раскаяния, готовность идти в лагерь, свидетельствует о прочности групповой морали и ее тесной связи с личными убеждениями диссидентов. Однажды возникнув, непримиримость к существующему обществу наращивалась в диссидентской среде. Эта среда формировала и поддерживала собственную мораль. «Не была эта мораль и общечеловеческой, — продолжает П.Волков. — ...Высочайших вершин мораль социального

служения достигла у народников прошлого века. Меня всегда поражало, что среди диссидентов, фигурально выражаясь, нет Гриши Добросклонова, что некого назвать “народным заступником”. Ставить ли это в вину лично им или таков был дух времени, дух столичного бомонда. Ярче всего эта психология жертвенной элиты проявилась в стихотворении Галича:

*Ибо мы — это мы, а они — они,
А другие. Так те не в счет.*

Вот эти, которые “не в счет”, и были народом. Стоит ли теперь удивляться, что в политике цен не считаются с народом. И что этой политике аплодируют диссиденты Якунин, Ковалев и другие?»²³

Но то же самое делают и люди, которые никогда не были диссидентами. Мораль диссидентов не была агрессивно антинародной, но она допускала презрение к народу, которого не мог бы позволить себе народник XIX в. Диссиденты могли спорить об отношении к народу — объединяло их другое — активное неприятие официальной идеологической системы. Когда носители этой системы — от высоких региональных руководителей и министров до преподавателей научного коммунизма — откажутся от коммунистической идеологии, большинство видных диссидентов будут защищать новый режим независимо от социальных издержек его существования.

Все это произойдет много позднее. А в 70-е гг., по мнению самих диссидентов, «вопрос о политической позиции, о политическом переустройстве, о политической власти в рамках этого движения никогда не стоял...»²⁴ Но этот вопрос, как мы видели в предыдущей главе, обсуждался «инакомыслящими». Однако ставить его в «практическую плоскость» тогда было бы наивно.

Так складывалось молчаливое согласие — временный «отказ от политики», то есть от решения «вопроса о власти» в рамках движения. «Ценой за отказ от политики была распространенная в этой среде ”философия пессимизма”: надо научиться вести себя достойно в нашей вполне бесперспективной ситуации»²⁵. «Пусть провидение заботится о том, как спасти то, что можно спасти, а наше дело — оставаться людьми... Только из людей, нашедших опору в самих себе, сложится когда-нибудь новое общество без пророков и лжепророков»²⁶, — писал Померанц. После апокалипсиса возникнет общество индивидуалистов, людей с опорой в себе, без высоких идей и их пророков. «Люди с горящими глазами способны на жертвы во имя идеи, — пишет П.Волков. — Но ведь идея диссидентов не была содержательной. Они вполне отдавали себе отчет в том, что гораздо лучше знают, против чего выступают, за что критикуют будущее, чем представляют себе должное»²⁷. Это же касалось и партийных реформистов, что делало диссидентов опасными для системы — их логика была непонятна господствующей в партии группировке, но они могли в будущем найти общий язык с новым поколением партийных руководителей.

Отсутствие идеологии и выдвижение позиции, основанной исключительно на праве, участники движения считают характерной особенностью

диссидентского движения²⁸. Л.Богораз, С.Голицын и С.Ковалев считают, что только «Право» может обеспечить необходимые для выхода страны из кризиса «плюрализм мнений и борьбу интересов и одновременно поставить эту борьбу в известные рамки, предохранить общество от раскола... Идеал такого права — не новый для общества, но новый для России — и предложили нашему обществу правозащитники»²⁹. Это, однако, лишь одна из концепций, обсуждавшаяся в самиздате — либеральная. «Главный смысл общественного движения 60—80-х годов мы видим в том, что оно выработало в себе самом эти основы, эти идеалы Права. Оно не переняло их в готовом виде у Запада, но получило в виде отечественной традиции»³⁰. Но эта традиция лишь в незначительной степени передалась дальше. Гораздо сильнее воздействовала на следующее поколение оппозиции диссидентская традиция ненасилия. Не все участники движения, защищавшего право, возводили его в абсолют. Хотя тактика диссидентов, которая заставляла их постоянно решать именно правовые проблемы, превращала право и мораль в критерий истины правозащитников, в их «программу-минимум».

«Правовая» тактика диссидентского движения сформировалась в середине 60-х гг. Вот один из ее вариантов, сформулированный А.Есениным-Вольпиным (излагается в пересказе В.Буковского):

— Вы же советский человек, — говорит с напором сотрудник КГБ, — а значит должны нам помочь.

И что ты ему скажешь? — если не советский, то какой? Антисоветский? А это уже семь лет лагерей и пять ссылки... Между тем, доказывал Вольпин, никакой закон не обязывает нас быть “советскими людьми”. Гражданами СССР — другое дело. Гражданами СССР все мы являемся в силу самого факта рождения на территории этой страны. Однако никакой закон не обязывает всех граждан СССР верить в коммунизм или строить его, сотрудничать с органами или соответствовать какому-то мифическому облику. Граждане СССР обязаны соблюдать законы, а не идеологические установки»³¹.

П.Вайль и А.Генис комментируют последствия принятия диссидентами правозащитной тактики: «Правозащитники сражались на территории противника, пользуясь его собственным оружием — то, что оружие было чужим, и оказалось решающим фактором. Когда прошла новизна, осталось главное: власть знала тот язык, на котором говорили с ней диссиденты, и если даже проигрывала в отдельных стычках, то в полной мере могла использовать свое стратегическое преимущество, — например то, что она все-таки власть»³².

Тем не менее диссидентство стало перманентной кампанией гражданского неповиновения сложившимся в стране порядкам, которые (как и в большинстве стран) сильно расходились с писаными законами. Это было отрицание идеологии, которая, в свою очередь, радикально расходилась с окружающей действительностью. Есть такая форма забастовки — работники соблюдают все инструкции — и производство останавливается. Ибо со-

блюсти все инструкции нельзя. Радикальные интеллигенты решили действовать подобным же образом. И власти их не поняли. Добропорядочный советский человек (в том числе сотрудники КГБ, судьи и психиатры) с детства воспитывался в языковой среде, связывавшей идеологию (советский человек, прогресс, демократия, научная идеология) с окружающими реальностями (подданный СССР, успехи государства СССР, отечественный политический строй, марксистско-ленинская доктрина). Попытка разрушить эти логические связи и выполнять только отмершие положения закона (не выполняя при этом вполне живые его положения) воспринималось правящими кругами как очевидное сумасшествие. Диссидентов стали отправлять в сумасшедшие дома и подвергать их там жестокому лечению, вполне сопоставимому со средневековыми пытками.

Ответом диссидентов стал сбор и распространение материалов о психиатрических репрессиях. Большую работу по сбору материалов о психиатрических репрессиях провели В.Буковский, А.Подрабинек и др.

ПОДРАБИНЕК Александр Пинхосович

1953 года рождения. В 1974 году окончил фельдшерское училище, после чего работал в Москве в скорой помощи.

В январе 1977 года стал одним из основателей Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях в СССР. Комиссия занималась расследованием случаев психиатрических репрессий против неугодных властям лиц, собирала данные об узниках психиатрических больниц, обнародовала полученные сведения для советской и мировой общественности.

Написал на основе собранных им лично сведений книгу «Карательная медицина», которая вышла в Нью-Йорке в 1979 году. 14 мая 1978 года был арестован и приговорен 15 августа 1978 года к 5 годам ссылки по статье 190—1.

В ссылке продолжал заниматься правозащитной деятельностью. Сделал поправки и написал дополнения к своей книге, продолжал участвовать в работе «Рабочей комиссии». 13 июня 1980 года был арестован повторно и 6 января 1981 года приговорен по статье 190—1 УК РСФСР к 3 годам лагерей.

Выйдя на свободу в 1984 году, поселился в г.Киржаче Владимирской области, где жил под административным надзором. С 1984 по 1987 год работал в скорой помощи г.Кольчугино Владимирской области.³³

Впоследствии — издатель журнала «Экспресс-хроника».

При всем этом КГБ предпочитал избавиться от противника без репрессии. В январе 1978 г. «органы» неофициально дали знать диссидентам, что в ближайшее время «поток неофициальной информации прекратится. Перед людьми, осуществляющими передачу такой информации, стоит добровольный выбор, либо — это было бы лучше для всех — они уедут из страны, иначе придется поступить с ними в соответствии с законом. Речь идет о таких людях, как Копелев, Корнилов, Войнович, Владимов. На вопрос... не возврат ли это к сталинизму, последовал ответ: «При Сталине их сразу бы посадили, а мы предоставляем выбор»³⁴. Трое из названных литераторов

затем покинули страну и были лишены гражданства. Во время зарубежной поездки были лишены гражданства Г.Вишневская и М.Ростропович. Государство возвращалось к «ленинской гуманности», когда оппозиционных деятелей культуры стали не сажать и расстреливать, а высылать за границу. Но диссиденты этой «гуманности» не оценили. Комментируя указ о лишении его гражданства, В.Войнович писал в открытом письме к Брежневу: *«Вы мою деятельность оценили незаслуженно высоко. Я не подрывал престиж советского государства. У советского государства, благодаря усилиям его руководителей и Вашему личному вкладу, никакого престижа нет. Поэтому по справедливости Вам следовало бы лишить гражданства себя самого.*

Я Вашего указа не признаю и считаю его не более чем филькиной грамотой... Будучи умеренным оптимистом, я не сомневаюсь, что в недалеком времени все Ваши указы, лишающие нашу бедную родину ее культурного достояния, будут отменены. Моего оптимизма, однако, недостаточно для веры в столь же скорую ликвидацию бумажного дефицита. И моим читателям придется сдавать в макулатуру по двадцать килограммов Ваших сочинений, чтобы получить талон на одну книгу о солдате Чонкине»³⁵. Это провидение оказалось верным в обоих частях.

Остроумные строки Войновича вряд ли дошли до адресата. Высылка имела печальный для кремлевских вождей международный резонанс, но аресты имели бы куда более неприятные последствия. Нередко власти ограничивались внесудебными наказаниями. Так, Г.Анищенко, подвергавшийся задержаниям и обыскам, в конечном итоге отделался увольнением с работы.

АНИЩЕНКО Глеб Александрович

1952 года рождения. Мать — дочь офицера Белой Гвардии, погибшего во время Гражданской войны. Отец (которого Анищенко никогда не видел — родители не были женаты) — из дворянского рода Раковых.

В 1975 году окончил филологический факультет Московского государственного университета (МГУ) им.М.В.Ломоносова. В 1975—77 годах работал старшим научным сотрудником и главным хранителем Государственного музея-заповедника А.Н.Островского «Щелыково» (Костромская область). В 1977—87 годах — сторож, лифтер, рабочий в различных организациях.

Верующий православный христианин. Был крещен в детстве, но долгое время «не был ни верующим, ни атеистом, ... все время откладывал этот вопрос». Склонился к религии отчасти под влиянием чтения религиозно-философской литературы, а в большей степени — под влиянием общения со священником о. Дмитрием Дудко.

В середине 70-х — начале 80-х годов участвовал в правозащитной деятельности, подписав ряд коллективных писем в защиту политических заключенных; передавал материалы об арестах и обысках в Обнинске и Калуге в Самиздат и за рубеж. В 1977—1984 гг. подвергался преследованиям со стороны КГБ³⁶.

Впоследствии — один из лидеров Российского христианско-демократического движения.

Аналогична была и судьба товарища Г.Анищенко — В.Аксючица, о чем уже говорилось. С последним КГБ позволило себе игру в приручение, которая тоже началась с обыска. В.Аксючиц рассказывает об этом. Его ранее не публиковавшийся рассказ интересен не только как еще одна иллюстрация «диссидентских будней», но и как свидетельство экспериментов по ресоциализации «вменяемых» диссидентов. Режим исследовал оппозицию в преддверии перемен, изучая возможности управления ею. В.Аксючиц рассказывает:

«Меня отпустили, но дальше меня постоянно стали вызывать, периодически на допросы в районное КГБ. Заводят в комнату, там сидит наверное человек десять. Со мной общается один, а десять человек сидит против меня одного. И как мне потом объяснили знающие люди, там были специалисты разные: психолог, даже обычно сидит какой-нибудь гипнотизер. Как бы просвечивать человека, рентген такой. И говорят, вот мы, после того, как рассмотрели ваше дело, решили ограничиться тем, что вы должны подписать заявление по указу Президиума Верховного Совета 79-го года. Могут не заводить уголовное дело на диссидента, а могут потребовать, чтобы он подписал заявление, что не будет продолжать свою незаконную деятельность. Так вот эта форма, подпишите пожалуйста, что вы больше не будете. Я говорю: “Вы знаете, я незаконной деятельностью не занимался и не буду заниматься. Почему я должен это подписывать?” “Нет, уж вы подпишите”. Тогда меня ведут к следователю, фамилия которого Гусев, как сейчас помню, интеллигентный молодой человек. Он начал: “Виктор Владимирович, почему вы не подписываете?” Я говорю: “Вы знаете, я как-то однажды нарушил заповедь памятки как нужно вести себя со спецслужбами”. “Да. А как нужно себя вести?” “Никак. Никаких дел. Я несколько лет назад написал заявление с просьбой вернуть книги, а у меня все равно все изъяли”. “Как изъяли? Вернем. Где это все было?” Дальше говорю: “Был у меня обыск. Забрали у меня старинные книжки, фотографии. Фотографию Соловьева забрали, бред какой-то, да? Ладно Солженицына, но отца Дмитрия, это все-таки мой духовный отец. Почему забирают, надо вернуть”. “Вернем, Виктор Владимирович, все вернем”. И дальше начинается душещипательная беседа: “Как же так, мы знаем, что вы были убежденным коммунистом. Как вы могли поверить в Бога, раз вы ученый человек?” На что я им отвечаю, что первое открытие, которое я сделал как философ — оказывается во всей мировой философии нет ни одного атеиста. Дальше он стал задумываться: “Как это нет? А как же Маркс и Энгельс?” Я говорю: “Позвольте, те, которых в ваших учебниках называют философами, во-первых, себя таковыми не считают, во-вторых, их современники таковыми не считают. Это были химики, биологи, врачи, экономисты, кто угодно, но не профессиональные философы. Они высказывали свои мысли на общие проблемы, но они себя не считали философами, и я не считаю”.

Маркс — гениальный политэконом, допустим. Это не философия. Энгельс — гениальный публицист. “А Ленин?” На это я ему отвечаю, что Ленин свой первый философский труд в философской тетради написал,

когда ему было 45 лет, и он сводится к тому, что он законспектировал некоторые работы некоторых философов. Собственно говоря, ленинское там только ругань». «А “Материализм и эмпириокритицизм”?» Я говорю, что это вообще не философское произведение, это ругань по поводу очень третьестепенных работ пятисепенных авторов, просто ругань. Он ничего не понял в том, что они писали, ни Мах, ни Авенариус. Мы разговариваем, разговариваем, и он говорит: “Знаете, очень плохо, что вы не интегрируемы. Мы хотели бы помочь интегрироваться, мы хотели бы исправить свою ошибку. Безусловно ошибка, что с вами так себя повели”. Потом звонит мне, назначает время и говорит: “Виктор Владимирович, приходите, мы вам возвращаем ваши вещи”. Прихожу. Мне возвращают все, что изъяли в моей квартире. Я говорю: “А книжки?” “Вы знаете, мы их еще не нашли. Мы обязательно их найдем”. А все что в квартире, все вернули. Включая книги, кстати говоря.

И тут я с ним затеял операцию, которую моя жена назвала “Орфей спускается в ад”. Очень рискованная операция, потому что она тоже нарушила памятку. Дело в том, что уже завели уголовное дело на нашего философского ученого Всеволода Катагуцина. Это слабый физически человек, и в тюрьме он просто умрет. Завели дела и на других. Круг сжимался. Они жили в провинции, в провинции все жестче.

Сажать начинали с провинции. И поэтому следующим был Катагуцин на посадку. И уже была расписана ему роль как лидера, вождя всего этого, так сказать, антисоветского движения. Я говорю, что в областном КГБ в Калуге ему сказали, что ты сволочь, собака, мы тебя, мы всех вас посадим. И через неделю мы тебя сажаем. Это человек, абсолютно ни к какому диссидентству, ни к какой антисоветской деятельности не имеющий отношения. Это же ваши люди делают. Как я могу вам доверять, если ваши люди такое делают? Кроме того, мы собираемся демонстрацию устроить у Президиума Верховного Совета, и мы уже послали письмо председателю Президиума Верховного Совета Брежневу. Если не будет получен ответ, то мы соответственно будем выходить на демонстрацию в защиту Катагуцина. Мы на самом деле послали письмо.

“Когда демонстрация?» Я говорю: “Тогда-то, через две недели”. Он говорит: “Могли бы мне дать три недели, я обещаю вам, что я разберусь”. Проходит три недели. Он звонит мне домой и говорит: “Можете дать еще две недели? Тот, кто занимается, уехал в командировку в Калугу”. Я говорю: “Пожалуйста”. Месяц прошел.

Появляется экзальтированный Всеволод из Калуги и говорит: “Слушай, дело мое прикрыли”. Я говорю: “Как?” “Понимаете, — говорит, — меня вызывают в КГБ и говорят, да ладно, надоел ты нам, не будем мы тебя сажать, а вот, мол, подпиши такое от 79-го года. И я написал: так как я никогда не занимался антисоветской деятельностью, то обязуюсь и впредь ею не заниматься. И подписал”. И мне Гусев звонит и говорит: “Виктор Владимирович, вы удовлетворены?” Я говорю: “Да”. Он говорит: “Знаете что, я бы хотел предложить вам встретиться, в неформальной обстановке, где-нибудь в кафе, мы с вами посидим, все обсудим. Вы знаете, вы про-

фессионал экстракласса в своей области, мы очень нуждаемся в ваших консультациях, периодически, регулярно и так далее”. “Вы знаете, — говорю, — (имя и отчество не помню) я очень вас уважаю как профессионала и благодарен за то, что вы сделали для моего друга, но Вы должны понять, что я с вами, как с представителем КГБ, буду иметь дело только официально. Это значит, что мы с вами не друзья, мы с вами чаи распивать не будем, я распиваю чаи только с друзьями, я готов с вами встретиться, если у вас для этого будет повод. Должна быть повестка и чтобы было указано: какое дело и в качестве кого: свидетель или обвиняемый. Тогда я к Вам, конечно, приду, и тогда мы поговорим, а большие я к вам приходить не буду”. Тогда он говорит: “Так, Виктор Владимирович, ну ладно” и положил трубку. Больше мы с ним не встречались. Не только со мной, но и со многими моими знакомыми велись беседы о необходимости “интегрировать” их в общество. Совершенно очевидно, что в недрах андроповского КГБ разрабатывался какой-то план интеграции инакомыслящих»³⁷.

АКСЮЧИЦ Виктор Владимирович

Родился 28 августа 1949 в западно-белорусской деревне. Белорус.

Детство провел в Риге. В 1965—1969 годах учился в Рижском мореходном училище. В 1969—1972 годах служил в Военно-Морском флоте на Балтике. В 1971 году вступил в КПСС.

В 1972 году поступил на подготовительное отделение (рабфак) философского факультета Московского государственного университета, по окончании которого в 1973 году стал студентом дневного отделения факультета. В 1978 году закончил университет и поступил в аспирантуру на кафедру зарубежной философии. Был секретарем бюро студенческой, а затем аспирантской партийной организации.

В 1979 году был уличен КГБ в чтении и распространении эмигрантской религиозной и политической литературы. Во время обыска у него изъяли домашнюю библиотеку сам- и тамиздата. Из партии и из аспирантуры Аксюциц был исключен и с тех пор вплоть до 1986 года был вынужден работать на сезонных работах — строительным рабочим и руководителем бригады «шабашников» в колхозах и совхозах в Сибири и Казахстане, на Дальнем Востоке, в Центральной России, на Украине и Северном Кавказе. Одновременно писал богословские, религиозно-философские и публицистические статьи, которые публиковал в русской эмигрантской прессе.

В 1987 совместно с Глебом Анищенко начал издавать христианский религиозно-философский и литературный журнал «Выбор». С 1988 по 1991 был «закрытым членом» Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС). В 1988 году вошел в правление Научно-технического кооператива (НТК) «Перспектива», который был создан участниками общественного движения и являлся одновременно и коммерческим предприятием, и легальной «крышей» для деятельности политических неформалов различных оттенков — от либералов до анархо-синдикалистов. В 1989 году Аксюциц принял участие в создании советско-панамского совместного предприятия (СП) «Риисо». Народный депутат России в 1990—1993 гг. Избран от блока «Демократическая Россия». В

декабре 1991 г. — марте 1997 г. — в оппозиции к режиму Б.Ельцина. В 1990 г. избран сопредседателем Российского христианско-демократического движения (РХДД). С 1992 г. — председатель партии РХДД. В 1997—1998 гг. — соратник Б.Немцова.

У.Лакер считает, что поведение властей в отношении инакомыслящих зависело от идеологической ориентации последних: «Интересно сравнить, как по разному обходились с академическими учеными Сахаровым и Шафаревичем. Шафаревич написал радикально-критическую работу о социализме, которую, как и другие его эссе подобного толка, опубликовали в Париже в 70-е годы. Он подписывал различные обращения диссидентов. И тем не менее его оставили в покое, а Сахарова, который исповедовал в то время идеи западной социал-демократии, не отрицавшего социализм *per se* (как таковой — *А.Ш.*), — многие годы безжалостно преследовали. Сахаров хотел для России свободы; Шафаревич стоял за великую и сильную Россию. Второго можно было использовать; первый был неприемлем»³⁸. В этом фрагменте работы американского публициста У.Лакера сосредоточено несколько распространенных стереотипов, заметно упрощающих отношение властей к тем или иным общественным течениям. Людей такого ранга, как Сахаров и Шафаревич, преследовали не столько за взгляды, сколько за действия. Имея более радикальные антисоциалистические взгляды, Шафаревич вел себя гораздо умереннее Сахарова, принимая в диссидентском движении более скромное участие. К началу наступления на диссидентов 1980—1983 гг. Шафаревич заметно снизил свою активность и поэтому под удар не попал. Что касается периода до 1980 г., то говорить о жестоких преследованиях Сахарова можно только с большой натяжкой — академика не преследовали, а притесняли — то же самое можно сказать и о Шафаревиче. Отношение властей к антикоммунистам-державникам и диссидентам-социал-демократам лишь в последнюю очередь определялось их идеологией (достаточно вспомнить отношение властей к державнику А.Солженицыну). Почвенник мог попасть под колесо репрессивной машины, а либерал — нет. Но «патриотические» организации не могли быть ориентированы на связь с Западом, а для либеральной оппозиции такая связь была естественной. Отсюда и разное отношение КГБ к организационным формам двух лагерей. Главным критерием здесь был уровень нелояльности и угроза внешнеполитическим позициям СССР.

Попавший в поле зрения КГБ человек подвергался слежке, разным формам давления, включая беседы, преследования по служебной линии и т.д. И только если после этого диссидент не прекращал свою «противоправную деятельность», следовал арест (редкие исключения лишь подтверждают правило).

Иногда диссидентам «сходили с рук» даже серьезные правонарушения. Так, во время процесса над Ю.Орловым в 1978 г., А.Сахаров и Е.Боннэр, участвовавшие в митинге у здания суда, во время потасовки нанесли удары сотрудникам КГБ и милиционеру. Административный суд ограничился

штрафом соответственно в 50 и 40 рублей³⁹. Во времена «демократии» наказания за подобные действия были гораздо более серьезными.

Вообще режим старался не злоупотреблять арестами. В брежневские времена некоторые решения об арестах принимались на самом высоком уровне и были, как правило, связаны со сложными внешне- и внутривнутриполитическими соображениями. Оказавшись под арестом, подследственный изолировался от внешнего мира. Начинались допросы, которые часто походили на академические дискуссии. Допрашивая писателя Л.Тимофеева, подполковник А.Губинский квалифицированно разбирает источники, приведенные в книге подследственного и подводит итог: *«Таким образом, сделанный вами вывод в этой части не вытекает из использованного источника, то есть утверждение о тысячах колхозах по цифрам неурожайного года и относящимся всего к трем колхозам одной нечерноземной области противоречат объективному исследованию данного вопроса»*. Чем не фрагмент научной конференции? Далее тон «научного оппонента» становится более грозным: *«К тому же говорилось о 6—7 пудах зерна на 10—15 рублей деньгами как о сумме оплаты труда колхозников за год, без учета количества выработанных трудовых — дополнительное свидетельство необъективности и преднамеренного искажения действительности»*. Итог «научного выступления» уже совсем не академичен: *«Покажите, разве это не является подтверждением вашего умышленного истолкования любых данных в ущерб их объективности, с целью возведения злобных клеветнических измышлений на существующий в СССР государственный и общественный строй»*⁴⁰. Результат — 11 лет лишения свободы уже в «горбачевском» 1985 г.

Рискованная игра в научный спор расширяла поле многомыслия, полулегально существовавшего в обществе. Здесь все зависело от резкости выражений, от открытого вызова власти, от неуступчивости ей. «Источники», которые диссиденты использовали для обоснования своих резких выводов, часто можно было взять в библиотеке. Разговоры, которые потом инкриминировались в качестве преступных, велись далеко не только диссидентами. «Ситуация, отдаленная хотя бы на десять лет в прошлое, многим видится уже не столь четко. Идеологическое утрирование накладывает свой отпечаток. Кое-кому застой уже представляется как всеобщее оцепенение от страха, и на его фоне светится героико-романтическая роль диссидентов. Но если бы господствовал леденящий страх у населения, то не было бы и диссидентов. В действительности они шли на шаг впереди общественного сознания по пути оппозиционности. Правда именно этот шаг мог оказаться роковым. Уже многие не любили власть, издевались над престарелыми правителями, скорее, презирали, чем боялись, карательные органы. Но чувства эти не были демонстративными. Население усвоило негласно выработанные правила поведения и держалось в рамках этих правил. И правительство не требовало искреннего обожания... Начальство заботилось только об исключении демонстративности, открытости неповиновения, его организованности и огласки за рубежом. Вот почему раскаявшихся, “припавших к стопам” диссидентов легко прощали. Нужен был лишь знак покорности. Но и для

тех, кто ступил на стезю диссидентства, как бы сами собой установились правила поведения, допускаемого властью, только уже другие, особые правила. Время от времени власти напоминали о существовании этих очерченных границ: обысками, “профилактическими беседами”, слежкой», — считает П.Волков⁴¹.

«Обычно с обыском приходят в среду, — рассказывает В.Аксюциц. — В понедельник выходят на работу, ставится задание, во вторник совещание по выполнению задания. Поэтому арест обычно в среду и в четверг. Вот два дня наиболее опасных. Обычно приходят в 8 часов утра. До этого слишком рано, им не хочется вставать самим, а позже все уходят на работу. Среда, 8 часов утра — наиболее опасное время. Раздался звонок. Подбегаю к дверям, чуть приоткрываю и вижу, что стоят шкафы и амбалы, штук 8, забита вся площадка. Я захопываю дверь, кричу: “Подождите, дайте одеться”. Дальше начинаются стуки, звонки непрерывные. Я даю жене записную книжку и говорю: “Рви и жги, по листочку отрывай и жги”. Сам быстро стараюсь где-то что-то хоть как-то припрятать. Я открываю дверь и, как положено по диссидентским инструкциям, говорю: “Простите, а кто вы такие? Предъявите документы”. Они мне предъявили документы. На самом деле я ничего не вижу, такая волнительная ситуация, делаю вид, что читаю. Они мне говорят: “Почему вы так долго не открывали?” Я говорю: “Надо было одеться”. Они говорят: “Понятно”. И тут я понимаю, что я стою в халате на голое тело. “Долго вы одевались”. Они говорят: “Почему у вас дым в квартире?” Я говорю: “Вы может быть голландскими дезодорантами пользуетесь, а мы бумажками в туалете пользуемся”.

Они заходят, рассвирепелые, конечно же, обидели их. А принцип поведения с ГБ — физически следует вести себя абсолютно толерантно, но внутренне духовно твердо. Они меня сажают посередине комнаты и говорят: “Вот сидите здесь и не вставайте”. Даже одеться не дают. И начался обыск. Переворачивается вся квартира. Я посидел, успокоился, помоллся. Всегда в квартире что-то остается, что жалко, что дорого, не хочется, чтоб пропало. Я вижу, что это что-то находится и складывается на мой стол, который перед этим тоже обыскали, мой рабочий стол. Через некоторое время я встаю, помолясь, и начинаю за ними в полках наводить порядок, ставить книги на место и по ходу этого дела приближаюсь к столу, открываю ящик стола и то, что мне не хотелось бы им отдавать, кладу в ящик стола. В это время один из обыскивающих оглядывается от шкафа, который он потрошит, смотрит на меня невидящим взглядом, ничего не говорит и отворачивается. Часа три прошло, один звонит, что ничего не нашли. Там ему указание, чтобы искали дальше. Они искали еще два часа. В унитаз руку засунули, крупу пересыпали. Жена, чтобы успокоиться, сидит на кухне и строчит на машинке, что-то шьет, я у себя в большой комнате. Наконец опять звонит: “Ничего не нашли”. Там им команда, мол везите его самого. Они мне говорят: “Одевайтесь, поехали с нами”. Я говорю: “Обязательно поеду, но только с повесткой, чтобы было сказано там, по какому уголовному делу и в качестве кого: обвиняемого или

свидетеля". Он в телефон сообщает: "Повестку просит". "Там вам дадут повестку". Я говорю: "Нет, вы знаете, я туда поеду, а повестку нужно здесь". Тут на авансцену выходит капитан милиции, в форме и говорит: "Вы знаете, я официальное лицо, я в форме, вы не подчиняйтесь, да я вас сейчас посажу за неподчинение властям, да я сейчас вам устрою, сейчас понятых позову, ваших соседей". Хлопает дверьми, выходит на лестничную клетку. Какие понятые? Понятые тут же сидят. "Немедленно одевайтесь". Я говорю: "Нет. Вы знаете, я законопослушный гражданин, все по закону. Дайте повестку". Стулья вперед, короче. Тогда приводит мою жену, показывает на меня пальцем и говорит: "Повлияйте на своего мужа. Он перед нами пытается продемонстрировать свою мужскую силу". Когда мы это услышали, мы заржали естественно. Они так и не поняли, что он сказал, поэтому мы смеялись только вдвоем. Тогда, ругаясь, несколько человек сели в "Волгу" и поехали куда-то. Приезжают. За это время я, естественно, надеваю теплое белье, собираю еду. Когда к тебе приходят с обыском, такое впечатление, что входят во всю страну с обыском. Такая кампания началась. И непонятно, когда ты вернешься, совершенно непонятно.

По ходу дела пошел, позвонил друзьям, что-то они не замечают ничего: "Вы знаете, у меня обыск". Тут ко мне бросилась целая куча моих друзей. Они не успели доехать, приезжает поехавший за повесткой и привозит огромного амбала, вооруженного до зубов, он выглядел примерно так, как сейчас ОМОН или "Альфа". Дает мне повестку, я внимательно читаю, там все написано: "...в качестве свидетеля и т.п." Я говорю: "Все, поехали". И они спокойно сажают меня в "Волжанку" и везут в прокуратуру, не в ГБ, а в районную прокуратуру. И соответственно там начинает допрос следователя прокуратуры. Как потом выяснилось, формальным поводом для обыска они избрали арест одного из диссидентских поэтов, христианских, и первый вопрос они начали по отцу Дмитрию Дудко. И опять же, как это распространялось в памятках что такое КГБ и как себя нужно вести, я все точно, по тексту: имя, фамилию, отчество, все сообщают. "Скажите пожалуйста, знакомы ли вы с отцом Дмитрием Дудко?" Я говорю: "Извините, этот вопрос не имеет никакого отношения к этому уголовному делу". "А когда вы с ним встретились?" "Извините, это не имеет никакого отношения к уголовному делу".

Таким образом я отвечаю. Он начинает выходить из себя, начинает ругаться. "Вы нарушаете какую-то там статью УПК, мы вас посадим, вы должны и т.д." Я отвечаю: "Что на все вопросы, относящиеся к этому делу, я готов отвечать, правда я ничего об этом не знаю". "Ну, — говорит, — сейчас я вам устрою".

"Ну, с вами сейчас прокурор разберется". Пошел куда-то. Приходит и говорит: "Все! Вас прокурор вызывает. Все! Сейчас он вам покажет". Огромный кабинет, сидит где-то в конце за огромным большим столом человек, который вскакивает и совершенно лучезарно: "Виктор Владимирович, здравствуйте! Заходите". Один следователь крутой, другой добрый. И вот он добрый. Он говорит: "Вы знаете, я первый раз в жизни встречаю среди диссидентов нормального человека. Интеллигентного, кра-

сивого молодого человека. Я посмотрел ваше дело, вы учились отлично, вы философ. Как интересно. Откуда вы родом?" Я говорю: "Из Белоруссии". А он мне: "Надо же, а я Белоруссию освобождал, шел с войсками. Я знаю, там все православные были. Наверное поэтом вы стали верующим?" Я говорю: "Да". Действительно, детское впечатление, на всех перекрестках дорог стоят кресты либо часовенки и все останавливаются, снимают шапки и крестятся, либо на коленях. "Да, вот у меня тоже такое впечатление. Когда мы освобождали российские земли, то войдешь в хату, а там все тараканы, тараканы. А в Белоруссию войдешь в хату, а там иконы, иконы. Да, вы такой талантливый, как жалко, что вы не работаете, вам надо по профессии работать, мы вам поможем, обязательно. Только вот знаете, следовательно задает вопрос, вы сами понимаете, что это нужно для вас же, для вашего же дела, для государства. Вы уж ответьте на все вопросы". Я говорю: "Я отвечаю на все вопросы, которые имеют отношение к делу. Но он-то мне задает вопросы, которые не имеют отношения к делу. На них я отвечать не буду". "Как не будете? Я же вам только что все сказал. Я же вам все объяснил, что это надо для государства и пр." Я говорю: "Вы знаете, я отвечаю по закону. В законе писано то-то". "Ах так. Рассмотреть заведение уголовного дела по факту тунеядства". Здесь я был застрахован, потому что я трудовую книжку вел аккуратно, все справки собирал. Короче говоря, не прошло»⁴².

Взаимное поведение диссидентов и сотрудников «органов» играло некоторую роль в судьбе оппозиционера, но важную роль играли обстоятельства «большой политики». «При обострении международной обстановки границы эти (имеются в виду границы дозволенного диссидентам — А.Ш.) сужались, но накануне встреч в верхах аресты были маловероятны... Положение диссидента представлялось положением обреченного лишь постороннему обывателю, те же, кто был близок к диссидентству, считали свое положение неустойчивым, рискованным, зависящим от неподконтрольных им факторов большой политики, но все же дающим шанс в тюрьму не попасть. Конечно, в оценке величины этого шанса могли быть ошибки, — считает П.Волков. — ...Балансирование на грани рождало и страх, и азарт. Привычка к неопределенности — бесшабашность. Иногда это вело к фаталистическим настроениям. Иногда парализовывало волю к свободе. По характеру обыска вполне точно научились определять, предшествует он аресту или нет. Тут значимым было и наименование уголовного дела, и время обыска. И вот точно зная о предстоящем аресте, далеко не все пытались скрыться, что, кстати, было вполне доступно, правда, вело к прекращению деятельности и контактов. Не всех, кого КГБ собирался посадить, он посадил. Кое-кому удалось скрыться. Их особенно и не искали»⁴³. Однако легкость, с которой можно было уйти от преследования, лишний раз доказывает, что нежелание скрываться было вызвано не упомянутыми Волковым фатализмом и бесшабашностью, а сознательным стремлением противостоять режиму до конца. Это стремление было органичным выражением тактики диссидентов, которая предполагала непримиримость к сложившемуся морально-политическому порядку и открытость действий.

Открытость работы диссидентов вовсе не означала отсутствие всякой конспирации. Диссиденты часто открыто подписывались под своими заявлениями и «антисоветскими» статьями, но нередко пользовались псевдонимами. «Самиздат» изготовлялся конспиративно — иначе и быть не могло. Столь же нелегально шло распространение запрещенной литературы. Демократическое движение напоминало айсберг, в котором блещущая на солнце надводная часть опиралась на подводную массу. Это подполье обеспечивало «тылы» диссидентов, действовавших открыто. Благодаря конспиративной работе движение сохраняло свою связь с периферией, с сочувствовавшими людьми, не готовыми идти на такие же жертвы, как лидеры.

Мне довелось соприкоснуться с диссидентской средой уже «на излете» ее активности. Удивляло пренебрежение к конспирации в одних вопросах и крайняя тщательность в других. Человек мог проповедовать в присутствии случайных людей, но, передавая тебе крохотную книжку, запаянную в непрозрачный полиэтиленовый пакет, долго ходил, отрываясь от потенциальных «хвостов». Тогда по неопытности я посмеивался над этими правилами, и только позднее понял, как точно они «притерты» к особенностям уголовного кодекса. В.Новодворская вспоминает: «Часто обмен книг происходил, как в чухраевском фильме “Жизнь прекрасна”, с помощью двух одинаковых пластиковых сумок. Я думаю, КГБ был в курсе, но гоняться за каждой книжкой в Москве не считал нужным... Книги распространялись, как святое причастие, как Грааль. Их брали с благоговейным и тайным ужасом: многие из них тянули на семь лет. Конечно, в Москве в 70-е сажали уже не за это: скорее, за правозащитную деятельность, за сбор подписей под письмами протеста, за участие в организациях типа Хельсинкской группы, не говоря уже об участии в издании “Хроники текущих событий” или листовок и подпольных журналов»⁴⁴. Впрочем, и за это сажали далеко не сразу. Сначала пытались припугнуть. Но человек не знал, какова «длина зуба», выросшего на него у власти.

«В условиях тоталитарного режима открытость независимой общественной позиции при полной беззащитности от преследований грозит, казалось бы, немедленным крахом. Однако правозащитное движение именно вследствие открытости показало себя неожиданно эффективным — его призыв был услышан и внутри страны, и за ее пределами... — считает Л.Алексеева. — Правозащитное движение, начавшееся в Москве в узкой интеллигентской среде, вышло за ее пределы, распространилось по стране, проникло в другие социальные слои...»⁴⁵ Парадокс кажущийся. Диссидентское движение потому и смогло открыто развиваться, что действовало не при тоталитарном, а при авторитарном — более терпимом, режиме. Отчасти это движение было даже необходимо государству — как прибор, определяющий силу давления в котле. Оно вбирало в себя недовольных радикалов изо всех слоев общества. Но массовым так и не стало, хотя периферия движения была достаточно велика.

«Верхушка айсберга» диссидентства должна была вдохновлять остальных своим моральным примером, холодной неуступчивостью власти. Это предопределяло ключевую роль политического судебного процесса в такти-

ке движения. «Звездным часом, ужасом и восторгом каждого диссидента был суд. Суда ждали как важнейшего жизненного события, мысленно готовились к нему даже те, кто еще ничего не совершил. Суд был как бы проверкой биографии на истинность ее смысла»⁴⁶. В этом диссиденты шли за народниками. Речь на суде была средством агитации, ее писали заранее.

3—5 апреля 1979 г. проходил суд над И.Зисельсом, обвинявшимся в распространении запрещенной литературы. «Вести из СССР» писали об этом событии: «В первый день Зисельс объявил отвод суду как небеспристрастному, ибо судьи — члены КПСС, а речь идет о критике ее политики. Зисельс просил также вызвать в суд более 500 свидетелей: всех, упомянутых в “Архипелаге ГУЛАГ” и оставшихся в живых лагерников, а также авторов многих самиздатских книг и статей». В заключительном слове Зисельс говорил: *«Мне 32 года. Я сделал выбор. Этот выбор — противостояние злу и насилию. Я успел сделать всего несколько шагов по выбранному мною пути. Но я счастлив, что выбор сделан, и что он таков»*⁴⁷. Но кого агитировал подсудимый? Судьям и «массовке» в зале его логика была просто непонятна. Характерен диалог участника Христианского семинара В.Пореша с судьей на процессе:

Пореш:... нам нужен весь мир.

Судья: Что, что вам нужно?

*Пореш: Весь мир*⁴⁸.

Несмотря на то, что мысль Пореша напоминала знакомую каждому советскому судье фразу «основоположников» о том, что «приобретут пролетарии», судьи даже в глубине сознания не могли сравнить ее со словами подсудимого, говорившего о верующих-диссидентах. Для людей, живших в соответствии с официальной парадигмой, синтезировавшей житейский прагматизм и марксистско-ленинскую терминологию, мысли диссидентов казались абсурдными. В зависимости от экспрессивности их выражения инакомыслящие рассматривались как преступники или сумасшедшие. Поэтому на процессе они могли агитировать только своих единомышленников. Акт жертвенной самоагитации сплачивал диссидентов прочнее любых клятв.

Агитация судебной речи не оказывала воздействия на народ — он ее не слышал, а услышав (залы заполнялись дружинниками — теми же работягами) не понимал. Но речи оказывали важное «побочное действие» — их публиковали на Западе. А западное общественное мнение оказывало все более ошутимое воздействие на правящую элиту СССР.

Диссиденты надеялись, что они провозглашают то, что думает, по крайней мере, большинство интеллигенции. Как пел Ю.Ким,

*На тыщу академиков и член-корреспондентов,
На весь организованный культурный легион
Нашлась лишь эта горсточка больших интеллигентов,
Чтоб выразить, что думает здоровый миллион.*

Между тем «горсточка больных интеллигентов», шокировавшая своими действиями не только большинство советских граждан, лояльных режиму, но и сам «здоровый миллион», испытывала сложные чувства по поводу своей исключительности. «Особенно трудно жить полутщепенцем, в полутщепе от массы, не порывая своих связей с ней, не замыкаясь в свою секту»⁴⁹, — считал Г.Померанц. Большинство диссидентов не выдержало этого испытания, предпочитая свой ясный и очевидный мир полной противоречий советской действительности. И это углубляло изоляцию от «внешней среды».

Настроенность на изоляцию становилась одной из важнейших черт, формирующих структуру диссидентского движения. Л.Алексеева вспоминает, что в конце 70-х гг. «ядро московских правозащитников составляли зачинатели этого движения, рассматривавшие его как чисто нравственное противостояние, не имеющее каких-либо политических целей, в том числе целей вербовки сторонников. Они не ставили перед собой и цели расширения движения, распространения его на другие социальные слои, как это имело место в Польше, а когда это произошло само собой, без их усилий, не оценили этого и отшатнулись от чужаков»⁵⁰. В этом — ключевое различие диссидентов и следующего поколения оппозиции — неформалов.

Групповой изоляционизм определял психологический климат в движении и, во многом, его структуру. *«Каждый человек имеет несколько кругов общения: дома, на работе, среди друзей и т.д. Человеку свойственно стремиться к поиску собеседников, у которых его мысли найдут положительный отклик, разговор с которыми стимулирует его дальнейшие размышления. Таким образом, человек начинает двигаться внутри круга общения, сближаясь с единомышленником, затем, при его посредничестве, переходя в новый для себя круг общения, пересекавшийся на его собеседнике с прежним кругом. Человек приобретает знакомства, с одной стороны, все более близкие себе, а с другой — все более рельефно, все более радикально выражающие его вначале мимолетные мысли. Такое движение будет продолжаться до той поры, когда встанет вопрос о цене новых дружеских обязательств, или, точнее говоря, до той поры, когда эта цена будет человеком осознана. В брежневский период за слово в приятельской компании уже не сажали или, скажем так, это не было настоящей причиной посадки, а лишь изредка поводом для нее. Поэтому круг общения диссидентов мог расширяться, поскольку это позволяли технические возможности: ведь не было залов и публичных объявлений о встречах. Но были квартиры, были связи с другими городами и довольно широкие связи», — пишет П.Волков и выделяет следующие «круги» диссидентского движения:*

«1. Официально легализированные члены комиссий и комитетов, редакций, как правило, впоследствии поплатившихся арестом или эмиграцией.

2. Менее известные и не вошедшие в группы, но также активные и пострадавшие за это люди. Известны они становились в момент ареста, обыска, увольнения с работы или исключения из ВУЗа.

3. *Подписанты — не скрывавшие своего имени под эпизодически появляющимися письмами протеста, постоянные участники собраний — наперечет известные КГБ, но не преследовавшиеся им специально. (В ранний период диссидентского движения преследовались и подписанты, но чаще через партийные органы).*

4. *Постоянные помощники, не афиширующие свои имена, но обеспечивавшие конспиративные связи, хранение денежных средств, печатного оборудования, предоставлявшие свои адреса для получения писем из лагерей при посредстве случайных доброхотов.*

5. *Люди, составлявшие более широкий круг общения, моральной поддержки, эпизодически поставлявшие информацию для диссидентских изданий.*

6. *Круг людей любопытствующих, желающих быть в курсе экстравагантностей общественной жизни, но подчеркнуто дистанционировавшихся от практического участия и конкретных обязательств»⁵¹.*

Существование периферии позволяет лидерам диссидентства отрицать свою оторванность от общества: «несмотря на свою относительную малочисленность, правозащитники вовсе не были изолированными от общества, разрозненными одиночками. Несомненно также, что правозащитное движение отражало более или менее осознанное, но все же весьма глубокое недовольство развитием страны после такой обнадеживающей хрущевской «оттепели», и прежде всего недовольство узкого слоя интеллигенции... Однако, будучи по своему социальному составу преимущественно интеллигентским, это движение — во всяком случае в субъективном восприятии его участников — отнюдь не претендовало на то, что представляет интересы этого слоя... Оно вообще не представляло и не отражало групповые интересы — оно выражало общественную и в то же время глубоко личную позицию тех, кто в нем участвовал, тех, кто его поддерживал, тех, кто ему сочувствовал»⁵². Общая численность людей, подписывавших диссидентские документы, составляла около 1500 человек⁵³. «В “теневых формах” правозащитной деятельности — материальной помощи репрессированным, распространении “самиздата”, сборе правозащитной информации — постоянно или эпизодически участвовало гораздо больше людей»⁵⁴. Из этой среды комплектовались ряды активных правозащитников. И все же это было значительно меньше «здорового миллиона». Речь может идти о нескольких десятках тысяч людей. Однако инакомыслие было на порядки более широким явлением, нежели диссидентство как движение. Но в этом случае речь может идти не о диссидентских, а о неформальных структурах, которые были разветвленнее и старше диссидентства и далеко не всегда воспринимали его в качестве своего «авангарда».

Инакомыслие в широком смысле слова включало в себя умеренных либералов, стремящихся оказывать давление на власть, и радикальных диссидентов, отвергавших взаимодействие с властью: «Еще вчера диссидентство только нарождалось у нас: не познавшее себя, с неотделившейся пуповиной. Отчасти — движение по инерции, продолжающее взывать к “верхам”, прислушивающееся к мало-малейшим шорохам в коридорах власти с наде-

ждой на очередной поворот: нельзя ж ему не быть... отчасти же (и все большей частью) — нравственный протест в самом широком спектре помыслов и целей, не вполне одинаковых, а то и вовсе несовпадающих»⁵⁵. Эта «пуповина» так и не оборвалась. Периферия диссидентского движения и некоторые его представители (особенно это характерно для полудиссидента Р.Медведева) продолжала искать пути воздействия на верхи и взаимодействовать с той частью диссидентской среды, которая шла на конфронтацию с властью.

Жгучей проблемой для диссидентов оставался поиск точки опоры. Если не власть, то народ? Но и народ казался многим диссидентам «реакционной массой», выражаясь словами начала века. Г.Померанц писал: *«Конфуций говорил: “Когда царит добродетель, стыдно быть далеко от двора. Когда царит порок, стыдно быть близким ко двору”. Я думаю, слово “двор” можно заменить словом “народ”. Смысл не переменится. Небо может отвернуться от народа так же, как от государя и двора, и тогда быть отщепенцем совсем не стыдно. Просто трудно»*⁵⁶.

Психологическое отторжение от народа определяло тесную культурную связь классического диссидентства с Западом, который превращался для большинства диссидентов в «точку опоры», которой не было внутри страны. В результате диссиденты оказывались в эпицентре геополитической борьбы и брали на себя такую же роль в СССР, как коммунисты и «левые» в США. Подобно социалистам начала века, диссиденты воспринимали себя как часть интернационала. «Правозащитное движение влилось в международное движение за права человека»⁵⁷, — пишет Л.Алексеева. Но такая позиция предопределяла преобладание в среде диссидентов западнической идеологии.

Несмотря на доминирование западников, противопоставление себя народу было характерно далеко не для всех инакомыслящих. Другую точку зрения на соотношение народа и инакомыслия высказывал И.Шафаревич. Инакомыслие было характерно не только для открытой оппозиции: *«Мне кажется, что в нашей стране все люди прежде всего разделяются на два типа. Первые — это те, кто чувствует, что его судьба неразрывно связана с судьбой его страны, кто ощущает себя ответственным лично за ее будущее. Вторые — это все остальные. Я не хочу сказать, что первый тип и есть диссиденты, это совершенно неверно. Под западное понятие “диссидента” подходят лишь те из них, кого их жизненная установка привела к явному столкновению с аппаратом власти... Но подавляющее большинство в такое явное столкновение не вступают: учитель, старающийся рассказать школьникам вопреки программе побольше о Пушкине и поменьше о Шолохове; люди, борющиеся против загрязнения озера Байкал, вызывая неудовольствие начальства, писатель, рассказывающий о трагической судьбе русской деревни, и т.д., и т.д. И все же основным представляется мне не факт столкновения с властями, прежде всего бросающийся в глаза, а МОТИВ этого столкновения: не внешнее действие, а внутренняя его причина. Например, человека, вступающего в какой-нибудь “Комитет” или “Комиссию”, чтобы тем самым заставить власти разрешить ему эмигра-*

ровать — было бы неразумно относить к тому же социальному типу... Подобно тому, как человека и страуса можно объединить в одну группу по принципу хождения на двух ногах, но это не поможет пониманию сущности ни одного из обоих видов»⁵⁸.

Отношение «народа» к диссидентам было также «неоднозначным». Два незначительных меньшинства с одной стороны ее безусловно поддерживали, а с другой — люто ненавидели. Психологию первого меньшинства хорошо проиллюстрировал В.Буковский, наивно распространяя ее чуть ли не на все общество: «советский читатель, прочтя, скажем, в “Правде”, что Солженицын — поджигатель войны, а Сахаров — агент мирового империализма, лишь ухмыльнется»⁵⁹.

Другие реагировали на диссидентов так, как попугайчики Е.Боннэр: «В купе, кроме меня, было еще две женщины средних лет и один мужчина... — “Вы жена Сахарова?” — “Да, я жена академика Андрея Дмитриевича Сахарова”. Тут вмешался мужчина: “Какой он академик! Его давно гнать надо было. А вас вообще...” Что “вообще” — он не сказал. Потом одна женщина заявила, что она советская преподавательница и ехать со мной в одном купе не может. Другая и мужчина стали говорить что-то похожее... Крик усилился, стали подходить и включаться люди из других купе, они плотно забили коридор вагона, требовали остановки поезда и чтобы меня вышвырнуть. Кричали что-то про войну и про евреев..., я прямо ощущала физические флюиды ненависти»⁶⁰. Сахаров записал в своем дневнике по этому поводу: «Столкновение в поезде 4 сентября было, конечно, спровоцировано несколькими гебистами, но большинство пассажиров, кто по охотке, кто из страха, приняли участие в общем крике»⁶¹.

БОННЭР Елена Георгиевна

1923 года рождения. Отец — Геворк Алиханов, был заведующим отделом кадров Коминтерна. В 1937 году родители были репрессированы. Окончив семь классов в Москве, Боннэр после ареста родителей вместе с младшим братом жила у родственников в Ленинграде.

В 1940 году поступила на вечернее отделение факультета русского языка и литературы Ленинградского педагогического института имени Герцена.

В 1941 году ушла добровольцем на фронт. В октябре 1941 года была тяжело ранена и контужена. После госпиталя работала в санитарных поездах. Демобилизована в августе 1945 года в звании лейтенанта медицинской службы. Инвалид Отечественной войны второй группы. Два года после войны лечилась в госпитале.

В 1947 году поступила в Первый Ленинградский медицинский институт, одновременно работая медсестрой в детской больнице. Окончила институт в 1953 году по специальности педиатр, работала участковым врачом, врачом-педиатром родильного дома, читала курс «Детские болезни» в медицинском училище, работала по командировке Министерства здравоохранения в Ираке.

Ей присвоено звание «Отличник здравоохранения СССР». Имеет 32 года трудового стажа, несмотря на то, что с 22 лет считается инвалидом Отечественной войны. В 1970 году признана инвалидом второй группы пожизненно.

Работу по специальности сочетала с литературной деятельностью. Писала для Всесоюзного радио, печаталась в журналах «Нева», «Юность», в «Литературной газете», в газете «Медработник», участвовала в сборнике «Актеры, погибшие на фронтах Великой Отечественной войны», была одним из двух составителей книги Всеволода Баррицкого «Дневники, письма, стихи» (1964 год), получившей премию Ленинского комсомола, сотрудничала как внештатный консультант в литконсультации Союза писателей, была редактором в ленинградском отделении Медицинского государственного издательства.

В 1938 году вступила в комсомол, все годы службы в военно-санитарном поезде — комсорг, в институте — профорг курса. С 1965 года — член КПСС. В 1972 году вышла из партии.

Занималась правозащитной деятельностью. Принимала участие в кампаниях протеста против ареста участников правозащитного и диссидентского движения. В 1970 году на процессе Пименова-Вайля встретила академика А.Сахаровым, за которого позднее вышла замуж. 29 сентября 1974 года основала фонд помощи детям политзаключенных, передав на его создание полученную Сахаровым итальянскую премию Чино дель Дука.

В 1975 году выезжала на Запад для лечения глаз и по поручению Сахарова принимала присужденную ему Нобелевскую премию мира.

Один из учредителей Московской Хельсинкской Группы (МХГ), созданной в 1976 году. В 1977—1982 годах была организатором всех пресс-конференций МХГ, поддерживала тесные связи с западными корреспондентами.

22 января 1980 года, когда Сахаров был сослан в Горький (ныне Нижний Новгород), Боннэр поехала вместе с ним. До лета 1984 года была связующим звеном между Сахаровым и мировой общественностью.

6 сентября 1982 года в связи с угрозой ареста старшей участницы МХГ С.Калистратовой двое последних из оставшихся на свободе членов группы, Боннэр и Н.Нейман, заявили о прекращении деятельности МХГ.

10 августа 1984 года Горьковским областным судом Боннэр была осуждена на 5 лет ссылки по обвинению в «клевете на советский общественный и государственный строй». Местом отбывания наказания был оставлен Горький. Вместе с Сахаровым была полностью отрезана от внешнего мира.

12 февраля 1985 года написала прошение о помиловании и разрешении выехать в США для лечения и встречи с детьми от первого брака. После голодовки Сахарова разрешение на выезд было получено.

На обратном пути из США в СССР Боннэр приняли президент Франции Ф.Миттеран и премьер-министр Франции Ж.Ширак, премьер-министр Англии М.Тэтчер⁶².

Пожалуй, наиболее типичным было отношение к диссидентам, описанное в другом месте воспоминаний Е.Боннэр: «— Боннэр Елена Георгиевна, — и вижу, он руку не мне, а к двери протянул, закрыл, и полупшепотом: — “Та самая?” — “Да, та самая”. — “Никогда не подумал бы». — “Недостаточно страшна для той, о которой читали?” — “Пожалуй”... На мой вопрос, как он может верить тому, что писал Яковлев, отвечает вопросом: “А как не верить, на основании чего?”... Он говорит, что думает, что теперь в стране

все по-другому, но, когда говорит это, видно: он не меня — себя убеждает. В разговоре с ним все время было у меня ощущение: вот еще немного, совсем немного, и что-то в нем прорвется, перестанет он сам себя утешать ложью. Но — не прорвалось»⁶³.

На отношение общественно активных людей к диссидентам может пролить свет подсчет откликов на высылку Сахарова в Горький, пришедших в «Правду» в январе-феврале 1980 г. 384 человека одобряли это решение, 14 призывали власти отговорить академика от его ошибочной позиции и интересовались, чего же он все-таки добивается. 18 человек отважились поддержать академика, причем читатель Андреев написал, что «его мужество вызывает сочувствие»⁶⁴. «Такое письмо в газету требовало определенного мужества. Мой друг Леонид Романков, ныне депутат Законодательного собрания Петербурга и член городского политсовета Демократического выбора России, а тогда сотрудник телевизионного института и участник “периферии” диссидентского движения (позднее подвергся обыску и добровольно-принудительному увольнению в 1982 г.), в 1980 г. после высылки Сахарова написал в “Известия” письмо — более или менее острое. Ему никто слова худого не сказал, но вскоре без объяснений лишили “секретного допуска”»⁶⁵, — рассказывает В.Прибыловский.

В 1981 г. диссиденты провели опрос отношения к Сахарову 853 человек, принадлежащих к самым разным слоям населения, но преимущественно проживающих в Москве. Большинство рабочих, принявших участие в беседах (56%), не могли сформулировать свое отношение к Сахарову. 12% считали его врагом народа, а 12% полагали, что он очень важен для страны. Еще 8% относились к нему хорошо. Из инженеров и научных сотрудников 15% считали, что Сахаров вреден стране, а 44% относились к нему положительно, и еще 19% считали, что он очень важен. Трое представителей этой категории (1%) считали Сахарова героем. Наибольший разброс мнений, как и надлежит, представила гуманитарная интеллигенция, но с некоторым уклоном в положительные оценки. В среде молодежи 15% опрошенных считали Сахарова врагом народа, а 34% — относились хорошо. Наиболее острое неприятие, что тоже закономерно, представили руководители (40% — враг народа, 22% — бесполезен, с жиру бесится, 12% — полезен, 20% — очень важен) и члены КПСС (48% — враг народа, 16% — вреден), но и здесь положительные оценки высказали 24% опрошенных⁶⁶. При оценке этих данных нужно иметь в виду, что среди опрошенных велик процент людей, не впервые соприкасающихся с диссидентством. Но все же эти данные подтверждают мысль Шафаревича о широком распространении инакомыслия вне среды открытой оппозиции.

Однако различие во взглядах жителей СССР, рассмотренное в предыдущей главе, не было непосредственно связано с радикализмом поведения. Спектр отношения к власти оппозиционной интеллигенции был широк. Вот лишь некоторые выдвигавшиеся тогда позиции в пересказе В.Буковского:

— *Служить надо России, коммунисты когда-нибудь сами собой исчезнут...*

— *Россия — страна рабов. Никогда у русских не было демократии и не будет. Они к ней не способны — нечего и пытаться. С нашим народом иначе нельзя!...*

— *Надо спокойно делать карьеру, проникнуть наверх и оттуда пытаться что-то изменить — снизу ничего не сделаешь.*

— *Надо войти в доверие к советникам вождей, воспитывать их и поучать в тишине — только так можно повлиять на государственный курс»⁶⁷.* Каждое из этих мнений частично оправдалось. Одни сделали карьеру и сумели «спустить с тормоза» механизм реформ. Им советовали другие. В соответствии с предупреждением третьих, авторитарные традиции в России оказались весьма велики, и движение к демократии шло неровно и тяжело. Но, как и предсказывали четвертые, коммунисты (по крайней мере по самоназванию) «исчезли» (по крайней мере у руля власти). Но все же демократический потенциал народа оказался велик, и реформы сверху переплелись с мощным движением снизу. Так что каждая из сторон в этом споре имела достаточное количество аргументов, чтобы продолжать дискуссию до сих пор.

Все варианты поведения оппозиционно настроенных людей сводились к четырем основным: инакомыслящий мог стать частью оппозиции, частью ее периферии, войти в либеральный лагерь или отказаться от общественной активности в ожидании более благоприятных условий. Народ проснется, прождавшие десятилетие оппозиционеры выйдут на поверхность политической жизни, и окажется, что они — плоть от плоти Системы. В «затаившемся подполье» вызревала номенклатурная революция постаревших шестидесятников.

По мере вычленения диссидентов из общей массы вольномыслящих (то есть не согласных с официозом) усиливалось противоречие между диссидентами и «либералами», доходившее до откровенного презрения. *«Современный либерал живет, оглядываясь на людей. Заповедей у него нет, категорический императив сдан как идеалистический выверт. Но есть стыд и совесть. Это достаточно, пока не оторвали от друзей и не втянули в принудительное общение с тем, что выросло на месте совести. С антисовестью»,* — считал Г.Померанц⁶⁸. Но, конечно, отношение к либералам у диссидентов было более снисходительным, чем к власти: «Галилей говорил, как говорят наши родственники и соседи: “Не надо мученичества! Достаточно доводов науки! Раньше ли, позже ли, но наука возьмет свое!” А Бруно нас молчаливо осуждает. Этот человек истину отстаивал по средневековому: всем собой... Знаю одно: мир простил Галилею его слабость. Мир не простил инквизиции ее силу»⁶⁹.

«Средневековая» мораль диссидентов определила их логику разногласий с либералами, носивших не столько идеологический, сколько тактический характер, хотя обоснование разногласий могло быть этическим. Претензии диссидентов поддерживают и авторы более позднего времени. Американский публицист У.Лакер из своего далека упрекает в трусости «либералов»-«славянофилов»: «Почему они не пользовались самиздатом? Если бы судьба нации была под угрозой, некоторые из них могли бы проявить

чуть больше смелости»⁷⁰. Но эти же слова с тем же успехом можно было бы отнести и к «либералам»-«западникам», заменив «судьбу нации» на судьбу страны, мира, свободы. Упрек в адрес одного из идеологических крыльев грешит против истины — славянофилы Солженицын, Шафаревич, Осипов («некоторые из них») писали в самиздат. Но острее высказывания Лакера направлено против писателей-«деревенщиков», которые позднее, в эпоху «гласности», стали высказываться гораздо радикальней. То же произошло и с «либералами»-«западниками». Причина этого явления лежит вне идеологической области. Перед «либералами» (в отличие от диссидентов) стоял выбор: потерять возможность печататься массовыми тиражами или сменить массовую трибуну на свободу от цензурных ограничений в узком кругу. «Либералы» выбирали первое, диссиденты, достигшие известности прежде — второе.

Таким образом, отказ от участия в самиздате — вопрос не этический, обсуждаемый в категориях «смелость-трусость», а тактический, обсуждаемый в категориях эффективности. Диссидент обычно мог воздействовать на сотни людей, а также на либеральную часть интеллигенции и руководства. «Либералы» общались с миллионами, в том числе с тем же руководством, являясь для него фактором не международного (как диссиденты), а отечественного общественного мнения. И то, и другое было важно. «Либералы» никогда не были вполне свободны не только в словах, но и в размышлениях, и диссиденты постоянно «будили» их мысль. В итоге эффект диссидентской агитации проявился в воздействии все на тех же либералов, которые прямо или косвенно консультировали будущих реформаторов. Таким образом, оппозиция стала одной из «мозговых лабораторий» будущих реформ, в то время как либералы играли роль «проводника» диссидентских идей в верхние этажи власти. Власти так и не удалось отгородить диссидентов от либеральствующей интеллигенции, и это имело далеко идущие последствия. Б.Альтшулер иллюстрирует это собственным примером: «Но почему-то нравоучительная беседа — это единственное, что он (КГБ — *А.Ш.*) предпринимает, чтобы одернуть баловников. В моем случае вообще проблема решалась элементарно — надо было просто дать указание Отделу режима ФИАНа лишить меня пропуска на семинар. Однако все годы я помещал их без проблем... И, повторю, физиков, ездивших к Сахарову, ни разу не обыскали. Вот где, наверное, истоки перестройки. Невозможно не вспомнить здесь теперь уже хорошо известное шуточное стихотворение А.Д.Сахарова, сочиненное во время ссылки...

На лике каменном Державы,
Вперед идущей без заминки
Крутой дорогой гордой славы,
Есть незаметные Щербинки.

Диссиденты имели возможность пропагандировать либералов. И когда возникла потребность в радикальных идеях, многими шестидесятниками были востребованы именно диссидентские идеи.

Но диссидентов не устраивала «тайная война» «либералов». В этом отношении показателен заочный спор Ф.Бурлацкого и М.Гефтера. Поводом для него стал круглый стол «Права человека: суть спора, суть проблемы» в № 10 «Нового мира» за 1978 г. Официальное обсуждение начал Г.Боровик. По его мнению, СССР — это страна, «которая первая в мире совершила социалистическую революцию, впервые проложила путь к социалистическому обществу, в котором наиболее полно выражаются и соблюдаются права отдельной личности и всего общества». Ему вторил Ф.Бурлацкий: «империалисты ловко пытаются оседлать действительно важную проблему — проблему прав человека, которая остро поставлена XX веком... Интересно, что именно в последние десятилетия она встала как проблема прав личности... Нам надо разграничить империалистическую пропагандистскую кампанию и проблему прав человека».

В разговор маститых журналистов со страниц самиздата «встревает» историк М.Гефтер: «Разумно? Разумно. Чувствуется, что Федор Бурлацкий не вполне согласен с Генрихом Боровиком. В качестве профессора, само собой, нажимает на проблемы. Не то, чтобы с размаху, я мол думаю так-то и так-то, а — надо изучить, разработать... Нашей стране не присуща проблема прав человека...»⁷¹. Бурлацкий противопоставляет социалистическую, демократическую и буржуазно-либеральную, элитарную концепции прав человека. Гефтер комментирует: «Понимать нужно: буржуазной и демократической быть не может... Странно, конечно (или наоборот, совсем не странно), что из поля зрения главного теоретика новомирского “круглого стола” выпала такая деталь, как вторая мировая война, в которой “элитарная концепция” обнаружила некоторые свойства, позволившие не только меньшинству и даже большинству, а всем людям — выжить и остаться людьми»⁷². Это был сильный аргумент, но опасный. Ведь точно такой же логикой можно было оправдывать и сталинскую систему, которая в условиях той же войны позволила большинству людей «выжить и остаться людьми».

Понятно, что Гефтер в своем заочном споре пытался зародить сомнение в стереотипах, казавшихся незбылемыми. Но такая игра мысли была рискованной, так как рождала соблазн применения «двойных стандартов» к Востоку и Западу. Либерал оглядывается на реалии страны, и это ведет его в ловушку — слишком тесный союз с властью — разрушительный для моральных принципов, отрывающий от страдающего общества. Диссидент смотрится в зеркало своего понятия о совести, и попадает в другую ловушку — слишком резкий разрыв со всем, что связано с властью, в том числе и с тем же страдающим обществом. И как результат — союз с другим обществом и с другой властью.

Отрицая существующее в СССР общество в принципе, диссиденты превращались в часть иной культуры, западной (если понимать под ней культуру и общественные стереотипы Северной Америки и Западной Европы). Ориентация на Запад была обусловлена трагизмом ситуации, в которой диссиденты не могли найти достаточную опору внутри страны (хотя, как мы видели, в реальности точки опоры здесь существовали). В.Новодворская

комментирует стремление наладить широкие контакты с Западом: «Диссидентам хватало и правозащитной деятельности, и если они ориентировали ее на Запад, то потому, что слишком хорошо понимали, что только там можно искать защиты, что здесь не сдвинуть ничего, даже при несталинском уровне репрессий»⁷³.

Связь с Западом компрометировала движение в глазах соотечественников, для которых именно в той стороне света располагался «потенциальный противник». Но это было не столь важно, так как собственный народ для части диссидентов уже находился «по другую сторону баррикады» или, в лучшем случае, был обманут врагом. А враг моего врага — мой друг. Чужая власть вела себя не так, как своя, и потому казалось, что она на порядок нравственней.

Важнейшей силой, которая могла помочь диссидентам с Запада, были средства массовой информации, прежде всего радио, вещающее на СССР. Западное радио было важнейшим средством пропаганды, посредником при обращении диссидентов к обществу и государственному руководству⁷⁴. Для достижения конкретных результатов диссиденты стали апеллировать и к западным государственным деятелям. Вскоре «Запад стал придавать большее значение защите отдельных лиц, чем общей проблеме защиты прав человека»⁷⁵.

Помимо случайных слушателей западного радио среди граждан СССР, государственных руководителей, знакомившихся с содержанием передач по долгу службы, западных политиков, важнейшим потребителем информации «голосов» были сами инакомыслящие. «...Характерная черта быта: коллективное слушание зарубежного радио. — вспоминает П.Волков. — С таким напряженным вниманием наши граждане слушали радио разве что в войну. Радио, с его умелой звуковой аранжировкой, не просто информировало, оно задавало ритм жизни, оно тревожило, возбуждало, стимулировало. Сообщения о своих заявлениях приводили в восторг, известия о делах коллег рождало чуть ли не спортивный азарт»⁷⁶. Это были «свои» средства массовой информации, доверие к которым можно сопоставить разве что с преданностью западной интеллигенции к либеральным «массмедиа» в 90-е годы. Такая ситуация воспитывала не критичность сознания в тех, кому хватило критицизма, чтобы отвергнуть окружающую социальную действительность. Но на этом энергия иссякла, и была необходима подпитка. Мир снова становился «черно-белым», как до разрыва с властью. Переноса диссидентское мировосприятие на широкие слои населения, В.Буковский пишет: «огромное количество людей слушает западные радиостанции на русском языке и постоянно сравнивает услышанное с написанным в советской прессе. Официальная пресса перестает быть средством массовой информации. Даже если по принципу сломанных часов, дважды в сутки показывающих верное время, в газетах появится правдивое сообщение, ему все равно никто не поверит»⁷⁷. «Огромное количество людей» слушало радиоголоса хоть раз в жизни, но это не приводило к перевороту в их сознании и тотальному недоверию официальным средствам информации. Огромные тиражи газет рас-

ходились регулярно, что не мешало их читателям спокойно и столь же регулярно обсуждать новости «голосов» и «подлавливать» то один, то другой источник на дезинформации. В этом отношении общество было не менее плюралистичным, чем диссидентская среда. В.Прибыловский вспоминает о роли голосов в социально активной среде: *«Фактическим сведениям, сообщаемым голосами, как правило, верили, “вражеской” интерпретации — другое дело. Весь социально активный слой (несколько миллионов чиновников) и самая широкая интеллигенция — вплоть до сельских учителей и врачей, конечно, слушала поголовно. В провинции даже больше, чем в Москве (в Москве тицательнее глушилось). В глухой провинции — в Чистополе сам я слушал Голос Америки, Би-Би-Си и Дойче велле (“Свобода” моим приемником почти не бралась) с 5—6-го класса (1967). Примерно с 8-го класса из 30 моих одноклассников около 10 слушали эпизодически и 3—5 — довольно регулярно. В общежитии истфака МГУ в 1975—80 гг. сводка новостей Би-Би-Си или Голоса слушалась во всех мужских комнатах практически ежедневно. В подмосковном Ново-Иерусалимском музее в 1981—86 во всех отделах рабочий день начинался с пересказа за чаем (кто чего услышал) последних сообщений “вражеского голоса”. Тому же самому был, как правило, посвящен, первый перекур в каждый рабочий день в курилках карбюраторного завода ЗИЛа в 1974—75 (второй и третий перекур трепались уже о выпивке и бабах). По моим наблюдениям, простой пересказ сообщений “вражеского голоса” в присутствии партийного или административного начальника, даже самого ортодоксального, “отпора” не вызывал, “отпор” начинался, если выскажешь открытое сочувствие к “врагам”. То есть поговорка “Есть обычай на Руси — ночью слушать Би-Би-Си” соответствовала истине. Про себя лично могу сказать, что к 1-му курсу университета дошел до взглядов примерно так Роя Медведева в значительной степени под влиянием “голосов” (переход к более радикальной “антисоветчине” произошел под воздействием Самиздата уже в студенческие и послестуденческие годы)»⁷⁸.*

Утверждение о «поголовном» прослушивании голосов советской элитой, конечно, — преувеличение. Но не столь значительное. По данным более поздних социологических опросов до Перестройки западное радио слушало до 80% опрошенных⁷⁹. Но это вовсе не значит, что у большинства населения СССР доверие к западным источникам информации было выше, чем к отечественным. Значительной частью жителей страны Запад воспринимался как противник, ведущий идеологическую войну. Соответственно, и оценки «голосов» не вызывали доверия, хотя услышанные факты обсуждались и передавались из уст в уста, но уже со своей интерпретацией. Это отношение характерно даже для «либеральной» части интеллигенции, не говоря уже о более ортодоксальных слоях населения, которые и в 90-е гг. сохранили верность «идеям Ленина». Лишь большинство диссидентов и часть периферии движения относилось к голосам с безусловным доверием. И в этом отношении диссиденты оправдывали наименование «инакомыс-

лящие» (а не «вольномыслящие», как предлагал характеризовать их академик Сахаров).

Взаимодействие с Западом через каналы «массмедиа» оказывало заметное влияние на структуру движения, превосходящая будущую зависимость «демократической политики» от законов действия средств массовой информации. «В условиях ослабленного тоталитаризма широкое инакомыслие дало лишь единицы людей, сделавших протест своим образом жизни. Конечно, и внимание западных (а вслед за ними и советских) массмедиа было приковано лишь к единицам. Такова природа прессы, что ей нужны суперзвезды. И случалось, диссиденты говорили иностранным корреспондентам, что они пишут об одних и тех же. Вопрос был не только о шекотании самолюбия, но и безопасности. Путем сложной диалектики возрастающая известность сначала увеличивала опасность ареста, а потом уменьшала ее. Человека малоизвестного власти скорее решились бы арестовать. Но пресса ориентировалась на постоянных функционеров, а их действительно было мало и, кроме того, монополизация ими каналов на Запад была их установкой... Но и иностранные корреспонденты проявляли осторожность, не расширяя круг своих информаторов из-за боязни провокационных подставок КГБ. Я знаю много случаев, когда автономные группы так и не получили доступа своей информации на зарубежное радио. Широко известно стало о них лишь из чужих сообщений об их аресте. Подчас они и хотели бы передать информацию непосредственно за рубеж, но не рисковали прибегать к посредничеству инфильтрованных агентами КГБ известных диссидентских групп»⁸⁰, — рассказывает П.Волков.

Для большинства диссидентов Запад (изрядно идеализированный) превращался в позитивную программу и образ для подражания. П.Волков считает: «Запад воспринимался не как наше возможное завтра, а как нечто принципиально несравнимое. Но парадоксальным образом для самих себя, они все же пытались организовать по мере возможностей некий микро-Запад в качестве личного окружения»⁸¹.

Это, конечно, не значит, что все диссиденты были западниками. Как мы видели, среди инакомыслящих было немало консерваторов, националистов и социалистов. Но и те, и другие, и третьи принимали правила игры, при которых они жили в «микрозападе», наслаждаясь его свободой слова в качестве политических меньшинств.

Культура терпимости, которой пытались придерживаться диссиденты, стала одним из высших достижений их движения. «У диссидентов-западников была одна хорошая черта (то есть, конечно, не одна, но эта, пожалуй, главная): они были интеллигентны, терпимы, не требовали ни от кого жертв (жертвывая собой) и умели прощать»⁸².

Это было так, хотя не везде и не во всем. Западное общество, находясь в «кольце врагов», испытывая давление со стороны коммунистического или исламского движения, может быть очень агрессивным, внутренне нетерпимым и недемократичным. Диссиденты, оказавшиеся на «переднем крае» антикоммунистической борьбы, не могли избежать этих процессов, хотя развивались они не столько по идеологической, сколько по личностной ли-

нии. Несколько преувеличивая масштаб проблемы, П.Волков пишет: «конфликты носили перманентный характер. Тем не менее конфликты между группами (а каждый личный конфликт развивался в межгрупповой), скорее, служили их внутреннему сплочению и активизации, чем понижению морального климата в движении. Так, напряженность между семинаром Огородникова и приходом священника Дудко не ослабила ни того, ни другого, а даже наоборот».

ОГОРОДНИКОВ Александр Ионльевич

1950 года рождения. В 1967 году окончил среднюю школу в Чистополе. В 1967—1970 годах работал токарем на Чистопольском часовом заводе. Был комсомольским активистом, возглавлял городскую Боевую комсомольскую дружину (БКД), помогающую милиции в борьбе с преступностью. О работе Чистопольского БКД писала газета «Комсомольская правда».

В 1970 году поступил на философский факультет Уральского Государственного университета в г. Свердловске. В этот период Огородников разочаровывается в коммунистической идее и приходит к христианству. В 1971 году за откровенные разговоры об этом его исключают из комсомола и университета с формулировкой «за образ мышления, несовместимый со званием комсомольца и студента». По мнению Огородникова, немаловажную роль в его исключении сыграл Г.Бурбулис, будущий государственный секретарь Российской Федерации, в ту пору один из руководителей комитета комсомола университета.

В Чистополе в доме Огородникова был проведен обыск, по материалам которого против него было возбуждено дело по обвинению в клевете на советский общественный строй. Правда, вскоре оно было закрыто. Огородников уезжает в Москву и, скрыв факт своего исключения из Уральского университета, поступает во Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК), получает именную стипендию. В 1973 году его исключают с третьего курса ВГИКа — формально за «академическую неусвояемость», а фактически, по требованию КГБ — за попытку снять фильм о религиозных исканиях молодежи. В это время Огородников сближается с хиппи, ездит по стране автостопом.

После исключения из ВГИКа Огородников работает грузчиком и сторожем, в 1973 году принимает православное крещение.

В октябре 1974 года Огородников организовал Христианский семинар по проблемам духовного возрождения России, в котором принимали участие люди из многих городов. С группой единомышленников (Владимир Пореш и другие) начал выпускать самиздатский журнал «Община», выходящий до 1978 года.

В 1976—1977 годах подписывает несколько писем в защиту церкви и верующих. 13 апреля 1977 года «Литературная газета» публикует направленную против Огородникова статью «Свобода религии и клеветники». В 1978 году Огородников отказывается от предложения властей эмигрировать из СССР. 23 ноября 1978 по обвинению в тунеядстве Огородников был арестован, а 10 января 1979 года был приговорен к году исправительно-трудовых работ и направлен в Исправительно трудовую колонию (ИТК) № 7 в Комсомольске-на-Амуре.

В 1979 году был этапирован из ИТК-7 в Ленинград (свидетелем по делу активиста Христианского Комитета Пореша) и там, в тюрьме, в день предполагаемого освобождения был вновь задержан в связи с делом о распространении журнала «Община». 4 сентября 1980 года по обвинению в антисоветской пропаганде был приговорен к 7 годам лагеря и 5 годам ссылки. Всего по делу, связанному с Христианским семинаром, было арестовано 7 человек, остальные пятеро были заключены в психиатрические больницы.

В 1979—1985 годах отбывал наказание в пермской политзоне «Пермь-б». В 1985 году, незадолго до освобождения, был осужден еще на три года лагерей по новой «андроповской» статье 180 УК РСФСР по обвинению в оказании сопротивления лагерной администрации, а фактически — за голодовки — в защиту прав политзаключенных и с требованием для себя Библии. Кроме того, против него дополнительно было возбуждено дело по обвинению в религиозной пропаганде и антисоветской агитации в лагере. За время заключения голодал в общей сложности два года⁸³.

Впоследствии — председатель Христианско-демократического союза.

«Другое дело, когда группа конфликтовала против одного из своих членов, — продолжает П.Волков. — Эта ситуация действительно становилась жестокой. Ведь замкнутая группа была для человека целым миром, с которым он связал свою судьбу, в глазах которого искал поддержки и был готов пожертвовать ему годами заключения. Изгнание из группы несомненно бывало горьким. А такие изгнания происходили периодически. Здесь, видимо, какая-то психологическая закономерность: напряженность в группе перекладывается на одного человека, и группа избавляется от него, восстанавливая свою внутреннюю гармонию. Но каково бывало жертве этого коллективного бессознательного?... Обвинения, а еще большие подозрения друг друга в связях с КГБ бытовали постоянно. Под подозрение попадало столько лиц, что среди них неизбежно, просто в силу статистической закономерности, не могло не быть настоящих агентов. Но вот полностью доказать обвинение, как правило, было невозможно. Поэтому обвинениями пользовались в качестве орудия личной неприязни»⁸⁴. Эта закономерность проявлялась и позднее, в конце 80-х гг., в неформальном движении.

Часто выяснялось, что тяжкие обвинения в принадлежности к КГБ ложны. Но это не мешало обвинителю и дальше выдвигать их, а его сторонникам — верить в это. Так, известный своим обвинительным пафосом Г.Якунин накануне своего ареста писал в документах Христианского комитета, что конфликтовавшая с ним А.Загвязкина используется КГБ для провокаций в приходах. На процессе Якунина Загвязкина выступала в качестве свидетеля и заявила, что, несмотря на разногласия, считает отца Глеба человеком истинно христианской жизни, чистых принципов и примером для всех⁸⁵.

Несмотря на то, что постоянная угроза провокации, преследующая любое подпольное и полуподпольное движение, отравляла жизнь диссидентов, их быт был психологически привлекателен. Здесь собрались люди, которые могли свободно обсуждать запретные темы, интересные сами по себе и иг-

рающие важную роль в жизни страны. П.Волков вспоминает, что «жизнь у диссидента была особенной, больше всего в ней было разговоров. Разговоры тянулись беспрерывно в течении дня и продолжались далеко полночь. Приходили и уходили гости, сменялись лица и темы, но беседа не прерывалась»⁸⁶. Диссиденты существовали в режиме «мозгового штурма», постоянных обсуждений общественных проблем (ибо вся их жизнь была сплошной общественной проблемой), и неудивительно, что даже в условиях недостатка информации диссидентская мысль достигла больших успехов, чем мозговые центры КПСС.

2. Рост диссидентского движения (1977—1979 гг.)

1977—1979 гг. были тревожными для КГБ. Новый подъем правозащитного движения стал заметен еще в 1976 г. в связи с подписанием Хельсинкского соглашения. В нескольких городах были созданы Хельсинкские группы. Традиционная декабрьская демонстрация 1976 г. на Пушкинской площади была относительно массовой. Инаугурационная речь Картера была отчасти посвящена проблеме прав человека, в том числе — в СССР. На международной встрече в Белграде в октябре 1977 г., где обсуждалось соблюдение прав человека, официально фигурировали материалы хельсинкских групп из СССР. После некоторых колебаний властей в феврале 1977 г. начались аресты среди создателей этих групп. Был арестован даже академик Армянской АН Ю.Орлов, а также «отказник» А.Щаранский и диссидент-«рецидивист» А.Гинзбург и другие. Но только в Грузии группа были разгромлена полностью⁸⁷. Власти оказывали давление, ослабляли активность групп, но не уничтожали движение полностью. Несмотря на заметную активизацию позиции американской администрации в отношении проблемы прав человека, вожди диссидентов связывали аресты с непоследовательностью и нетвердостью поведения Картера⁸⁸. Однако действия властей были относительно осторожными. Они шли на аресты в тех случаях, если надеялись как-то обосновать свою позицию за рубежом (обвинениями диссидентов в клевете или даже в шпионаже), но пока отказывались от наиболее скандальных акций (готовившейся уже в 1977 г. высылки Сахарова)⁸⁹ и тем более разгрома движения. Несмотря на то, что планы «хельсинкцев» получить эффективную защиту Запада не удалось, хельсинкская кампания позволила консолидировать правозащитное и национальное движения, заметно расширить ряды правозащитников в провинции⁹⁰. Это создавало хорошую основу для дальнейшего расширения инакомыслия.

После ударов по хельсинкскому движению в 1977—1978 гг. СССР подвергся резкой критике со стороны партнеров по «разрядке». Для репрессий необходимо было иметь веские основания, которые могли хотя бы отчасти сдерживать кампании протеста на Западе. При этом, если раньше диссидентское движение использовало привычные формы, то теперь волна «ина-

кодействия» стала расти и охватывать все новые слои населения. По данным Л.Алексеевой, в конце 70-х гг. большинство участников демократического движения составляли техническая интеллигенция и рабочие. Причем 40% арестованных в 1976—1983 гг. составили именно рабочие⁹¹.

Диссидентская среда продолжала расширяться и осваивать новые для нее формы борьбы. Л.Алексеева пишет о диссидентах «призыва» конца 70-х гг.: «Новые люди в большинстве не удовлетворялись лишь нравственным противостоянием, пафос которого культивировался зачинателями правозащитного движения. Новые люди хотели пусть не немедленного, но практического результата своей борьбы, они искали пути его достижения»⁹².

5 декабря 1978 г. беспрецедентное событие произошло в Ленинграде. Вскоре после ареста активистов Революционного коммунистического союза молодежи состоялась демонстрация студентов в их защиту. У Казанского собора (место первой в России демонстрации 1876 г. и последующих демонстраций 1988—1989 гг.) собралось около 200 юношей и девушек из ЛГУ, Академии художеств, Художественного училища им. Серова, Политехнического института, из различных ПТУ и школ. Около 20 человек было задержано, но их потомпустили⁹³. Во время суда над А.Цурковым 3—6 апреля 1979 г. перед зданием собралась толпа студентов. Власти боялись распространения информации о процессе и даже допустили избиение в здании суда невесты обвиняемого И.Лопухиной, чтобы не позволить ей вторично войти в зал (первый раз она была там, когда давала показания)⁹⁴.

Активизировалась и писательская «богема». Оппозиционно настроенные писатели В.Аксенов, В.Ерофеев и Е.Попов решили создать литературный альманах — неподцензурный, но аполитичный. В конце 1978 г. был подготовлен литературный альманах, в котором выступили 23 литератора. Преимущественный состав — либералы-западники и народники. В большинстве своем — члены официального Союза писателей: В.Аксенов, А.Битов, В.Ерофеев, Ф.Искандер, Е.Попов, А.Арканов, В.Высоцкий, М.Розовский, Ю.Алешковский, Б.Ахмадулина, А.Вознесенский и др. С «Метрополем» сотрудничал философ Л.Баткин.

БАТКИН Леонид Михайлович

1932 года рождения. В 1955 году окончил исторический факультет Харьковского университета. С 1956 года преподаватель, а затем доцент Харьковского института искусств. Преподавал итальянский язык, эстетику. В 1965 году опубликовал монографию «Данте и его время». В 1967 году уволен из института за «грубые идеологические ошибки», в частности за «пропаганду чистого искусства и формализма». С 1968 года — старший научный сотрудник, а с 1992 года — ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории АН.

В 1978 году опубликовал книгу «Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления», в 1989—1991 годах — еще 4 книги об истории эпохи Возрождения, которые были переведены на ряд европейских языков. В 1959 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Данте и политическая борьба во Флоренции конца XIII — начала

XIV веков». В 1991 году защитил докторскую диссертацию «Итальянское возрождение как тип культуры» (по совокупности работ).

Членом КПСС не был (дважды, в 1962 и 1965 годах отказывался от предложений вступить).

В 1970—1980-х годах подвергался внесудебным преследованиям (был «невыездным», приглашался на «беседы» в КГБ, был лишен права защиты докторской диссертации). Был участником самиздатского литературного альманаха «Метрополь»

Впоследствии — один из лидеров движения «Демократическая Россия»⁹⁵.

На 21 января была намечена презентация сборника в одном из московских кафе. В предисловии к сборнику писатели обличали «муторную инерцию», «раздутую всеобщую ответственность» и «состояние тихого застойного перепуга», царящие в отечественной словесности. Они потребовали публикации сборника, выражаясь официальным языком — «минуя общепринятый порядок», то есть вне очереди и без цензуры⁹⁶. «Никаких добавлений и купюр не разрешается», — провозглашал «Метрополь». «Ничего себе условия для решения задачи “расширения творческих возможностей советской литературы” (цитата из письма авторов «Метрополя» — А.Ш.)!, — гневался руководитель Московской организации Союза писателей Ф.Кузнецов. — Условие на грани шантажа и фантастики; ни одно издательство в мире не в состоянии принять его, если думает об интересах дела, а не о грязной игре, не имеющей ничего общего с литературой»⁹⁷. Комментируя фразу о «застойном перепуге», Кузнецов обрушил на «метропольцев» весь «вес» отечественных литературных авторитетов, некоторые из которых действительно позволяли себе относительно смелые произведения: «Но кто же из писателей находится в такого рода “застойном перепуге”? Может быть Айтматов? Симонов? Бондарев? Абрамов? Гранин? Астафьев? Распутин? Трифонов? Бакланов? Быков?»⁹⁸. Что могли на это ответить авторы «Метрополя»? Начать обличать названных писателей за недостаточную смелость? Но и их сборник не был политически оппозиционен.

Тем не менее по мере чтения альманаха партийно-писательские функционеры приходили в ужас. Писательскую администрацию возмущал стиль, близкий критическому реализму, натурализму и авангардизму — направлениям, несовместимым с канонами социалистического «реализма». «Ряд произведений изобилует эротическими, подчас откровенно порнографическими сценами», — рапортовал секретариату ЦК заведомо культурой ЦК В.Шауро⁹⁹. Особенное раздражение литературных властей вызвало внимание авторов «Метрополя» к теневым сторонам обывательской жизни «социалистического общества», а также «эстетизация уголовщины», пошлость, «богоискательство» (по выражению Ф.Кузнецова)¹⁰⁰.

Конфликт разрастался. 12 января инициаторы отказались отменить презентацию даже в обмен на обещание частично опубликовать сборник. 19 января В.Аксенов, Б.Ахмадулина, В.Ерофеев, А.Битов, Е.Попова, Ф.Искандер обратились к Брежневу с письмом, в котором просили его

«найти время и вникнуть в конфликтную ситуацию, возникшую в Московской писательской организации». *«Основная задача нашей работы — расширить творческие возможности современной советской культуры, способствуя тем самым обожанию нашей культуры и укреплению авторитета как внутри страны, так и за рубежом»*, — писали литераторы и добавляли, что поведение руководства Московской организации СП *«резко противоречит ленинской культурной политике»*¹⁰¹. Но эстетические представления чиновников ЦК, как мы видели, были ближе к взглядам руководства СП.

В.Ерофеев вспоминает, что «кампанию по травле «Метрополя» со всей решительностью возглавил Феликс Кузнецов. Когда он выдыхался, то распахивал двери своего кабинета, и в него врывались, чтобы продолжать с нами борьбу, Лазарь Карелин и Олег Попцов»¹⁰².

20 января 1979 г., за день до презентации, Московская организация Союза писателей собралась для разгрома составителей «Метрополя». «Все было так мерзко, так подло, что нам ничего не оставалось, как вести себя “героически”, — вспоминал В.Ерофеев. — Искандер сказал, что в нашей стране мы живем как будто под оккупацией. На Попова особенно разозлились за то, что он записывал их же выступления. Аксенов назвал Союз писателей «детским садом усиленного режима»¹⁰³. Но уже 22 января на заседании парткома СП писатели заявили, что отказываются от пресс-конференции и переправки своего труда за границу. Правда, на следующий день «Голос Америки» сообщил о том, что сборник уже переправлен и готовится к изданию¹⁰⁴. Похоже, в это время авторы «Метрополя» уже почувствовали, что зашли слишком далеко. Аксенов написал письмо секретарю ЦК М.Зимянину, где обвинял Кузнецова в том, что тот *«стремится превратить наше литературное начинание в политический скандал, преследуя, по всей вероятности, карьерные соображения»*¹⁰⁵. Позднее авторы согласились и на корректуру текста, отказавшись от главного пункта своей «программы», который вызвал наибольшее раздражение официоза. Но конфликт уже приобрел собственную инерцию, разбирательства шли на московских писательских форумах, критика «Метрополя» попала и на страницы «Литературной газеты». В.Ерофеев и Е.Попов были исключены из Союза писателей. «Мы с Поповым в один миг оказались диссидентами», — вспоминает В.Ерофеев¹⁰⁶. Государство нередко плодило диссидентов само, причем в гораздо больших количествах, чем рассчитывало. Аксенов, Искандер, Лисянская, Липкин, Битов пригрозили выйти из Союза писателей, если «молдых» не восстановят. Начался международный скандал. Несколько маститых американских писателей, которые до этого издавались в Советском Союзе, потребовали восстановить справедливость под угрозой того, что они не будут печататься в СССР. В мае, несмотря на грозное апрельское постановление ЦК по идеологии, Союз писателей получил указание «сдать назад», и в июле-декабре вел переговоры с исключенными о восстановлении при условии хотя бы минимума политической лояльности. Но когда вопрос вновь стал обсуждаться официально, «разрядка международной напряженности» закончилась. К тому же КГБ стало известно, что «метропольцы» не

сложили оружия и планируют сборник № 2, к которому Аксенов хотел привлечь Можая, Распутина и Трифонова. Попов заявлял в узком кругу, что он является «сторонником активной борьбы с существующим в СССР строем методом литературы». КГБ знало и об этом¹⁰⁷.

В итоге был устроен образцово-показательный разгром «отщепенцев», подавших заявление о приеме в Союз. В разгроме этом участвовали далеко не все присутствующие: «В какой-то момент Гамзатов встал и сказал: “*Хорошо отвечаешь! Надо решить вопрос, принять их, и все!*”... *Когда все уже расходились, Михалков нам шепнул: “Ребята, я сделал все, что мог, но против меня было 40 человек...”*»¹⁰⁸ К этому времени началось фронтальное наступление на инакомыслие. Аксенов, Липкин и Лиснянская вышли из Союза писателей, Аксенов вскоре уехал работать в США и был лишен гражданства. По просьбе «репрессированных» Искандер, Ахмадулина и Битов выходить из СП не стали (Битов сделал это позднее).

Так государство превращало в диссидентов относительно умеренных литераторов, мечтавших о свободе творчества с критическим уклоном. Нервная реакция на «Метрополь» была связана с тем, что в это время диссидентская среда в целом усилила воздействие на свою периферию. Писательское руководство и не в меру ретивые его «приводные ремни» не понимали, что репрессии лишь расширяют ряды «идеологических противников». Но малейшие уступки были опасны для режима — по пути авторов «Метрополя» могли пойти и другие любители «чернухи». «Метрополь» справедливо расценивался как «разведка боем» «внутреннего противника». Ценой последовательного участия в такой «разведке» было крушение карьеры, «запрет на профессию». В других условиях власти могли быть более лояльны. Ленинградское партийное и культурное руководство, а также КГБ дали согласие на создание аполитичных творческих клубов — писательского «Клуб-81» и музыкального рок-клуба (см. Главу X). В них участвовали менее политизированные люди, чем в «Метрополе», да и давление на власть со стороны оппозиции к этому времени значительно ослабло. Поэтому легальные культурные анклавные во второй столице в начале 80-х гг. не представляли опасности и вписывались в рамки авторитарной системы.

Авторитарный контроль над культурой провоцировал и диссидентские движения национального типа. Здесь сопротивление было вызвано процессом национальной унификации и подавления «несанкционированных» вероисповеданий. Унификация, как мы видели, была вызвана социально-политическими причинами, попыткой сплотить разнообразные компоненты «советского народа» в единое целое. Среди конфессионального многообразия особую опасность для режима представлял католицизм, поскольку он опирался на авторитет Римского престола, находившегося вне влияния Кремля. Мощь католического фактора была продемонстрирована в 1980—1981 гг. в Польше, где оппозиционное движение приобрело отчасти религиозный характер, и авторитет возмужавшей католической церкви. Но в СССР католическая церковь была влиятельна только в Литве и лишь отчасти, нелегально, на Украине. Преследования католических священников, которых не было с начала 70-х гг., возобновились в 1983 г., но, несмотря на

это, даже по официальным данным треть литовских школьников подросткового возраста была верующей¹⁰⁹.

В 70-е гг. инакомыслие в Литве, Латвии, Украине, Грузии и Армении держалось на российском уровне, проходя похожие стадии развития. С 1980-х гг. активизировалось инакомыслие в Эстонии. Если до этого в республике были лишь «штучные» диссиденты, то теперь здесь проводились заметные подписные кампании и даже отдельные забастовки¹¹⁰. В «исламских» республиках диссидентов было меньше. Вероятно, диссидентство — признак определенной стадии общественного развития, которой Средняя Азия и Азербайджан тогда еще не достигли.

Национальные оппозиционные группы были несколько более радикальными, чем диссидентское движение России. 8 января 1977 г. в московском метро прогремел взрыв. Через полчаса еще два взрыва произошло в центре Москвы у мест скопления людей. Погибло 7 и было ранено 37 человек. КГБ и МВД провели широкомасштабное расследование. При множестве ложных ходов все-таки удалось найти «концы» материалов, из которых были изготовлены бомбы. Поэтому ко времени подготовки следующей серии терактов «органы» примерно знали, кого искать. Благодаря неосторожности террористов новые теракты, подготовленные к октябрьским праздникам, сорвались, а исполнители — задержаны. Ими оказались молодой рабочий А. Степанян и художник З. Багдасарян. На квартире Степаняна были найдены детали новых бомб и материалы, которые, по мнению сотрудников КГБ, изобличали как руководителя группы одного из основателей подпольной Национально-объединенной партии С. Затикина. 3 ноября 1977 г. он был арестован. Процесс 16—20 января 1979 г. был закрытым, Затикин не признал себя виновным. По мнению диссидентов это свидетельствовало о слабости позиций обвинения. В 1997 г. хроникальные кадры процесса были показаны по телевидению (ОРТ). Затикин, понимая, что исход процесса предрешен, откровенно говорил то, что думает — обличал «жидо-русскую империю». Он не считал себя виновным в терактах, потому что не считал их преступными. Власти не хотели выносить такой «сор из избы». Все трое были расстреляны¹¹¹.

Террористическая деятельность 1977 г. была для движения инакомыслящих явным исключением. Именно благодаря ненасильственным формам работы и отсутствию тотального террора со стороны властей диссидентское движение в 1977—1979 гг. заметно распространялось вширь. Еще один канал расширения диссидентского движения, ставший особенно заметным в конце 70-х гг. в связи с экономическими трудностями в СССР — движение отказников — евреев, желающих выехать из Советского Союза, но получивших отказ в этом от советских властей. Запрет на выезд из страны был связан с боязнью утечки военной информации и утечки «мозгов». Дешевизна и относительно высокое качество советского образования при низком (сравнительно с развитыми странами Запада) уровне жизни могли привести к настоящему исходу интеллигенции (что и произошло десятилетие спустя). Последствия для экономики и военно-стратегической политики СССР могли бы быть самыми плачевными. Не имея возможности обеспечить своей

интеллигенции уровень жизни более высокий, чем на Западе (особенно если судить о нем по туристским впечатлениям), советское руководство ограничивало свободу выезда из страны. В то же время Западные страны и Израиль предоставляли льготы иммигрантам-евреям, что усиливало давление на «железный занавес» именно с этой стороны.

Движение отказников не может однозначно рассматриваться как национальное. Как правило, еврейское происхождение было лишь поводом для выезда на Запад. В 1979 г. лишь 34,2% выехавших по израильским визам приехали именно в Израиль, в 1981 г. — 18,9%¹¹². Остальные направлялись в США и Европу.

Общее число отказников в 1981 г. достигло 40 тысяч. Это была массовая группа, численность которой сопоставима с числом «чистых» диссидентов. Политика государства превращала «отказника» в диссидента почти автоматически (хотя решение покинуть СССР уже было инакомысленным). Л.Алексеева писала, что «в стране остались десятки тысяч людей, подавших заявления на выезд. Они оказались в трагическом положении. Факт подачи заявления не только лишал их прежнего социального статуса, но перевел в разряд “нелюбимых” с точки зрения властей. С прекращением эмиграции они оказались обреченными на изгойство на неопределенно долгое время, возможно — пожизненно»¹¹³.

Удары по отказникам усилились с 1978 г., после дела А.Щаранского, когда власти обвинили диссидентов в шпионаже. «Дело Щаранского» позволило СССР даже оказать давление на США — Картер просил советских руководителей не публиковать материалы о связях диссидентов с американской разведкой¹¹⁴. Суд над Щаранским, осуществлявшим «смычку» диссидентов и «отказников», позволил официальной пропаганде дополнительно дискредитировать движение отказников, так как сам подсудимый не мог служить подтверждением распространяемой им пропаганды об «антисемитской кампании фашистского толка» в СССР — Щаранский получил высшее образование, работал на оборонном предприятии, не был уволен с работы, а сам прекратил ее посещать после подачи заявления о выезде за рубеж. Все это по официальной версии свидетельствовало о том, что вся информация о государственном антисемитизме была ложной¹¹⁵. Позднее следствие было менее остроумным. Так, на процессе И.Бегуна в 1983 г. в качестве доказательства его корыстного умысла использовался факт присуждения ему в Израиле премии С.Родберга¹¹⁶. В начале 80-х гг. против отказников стал действовать Антисионистский комитет советской общественности. На его пресс-конференциях, куда допускались и западные журналисты, выступали как советские евреи, с большим или меньшим успехом опровергавшие информацию об официальном антисемитизме, так и евреи, вернувшиеся из эмиграции в СССР и утверждавшие, что «просто мы были идиотами, не понимаем, на что мы идем, покидая нашу единственную Родину»¹¹⁷.

До начала Второй холодной войны «отказники» и диссиденты действовали почти сепаратно. С 1980 г., в связи с общим наступлением властей, началось сближение отказников и правозащитников¹¹⁸. Диссиденты демонстрировали свою солидарность с людьми, чьи гражданские права наруше-

ны, свое неприятие антисемитизма, присущего значительной части правящей бюрократии. Уже на процессе Щаранского митингующие диссиденты пели израильский гимн независимо от своей национальности¹¹⁹.

Для режима сближение диссидентов и отказников не имело большого значения — многие лидеры диссидентов считались сионистами. Но, сочувствуя евреям, желающим выехать из СССР, диссиденты иногда выступали и против нарушения прав палестинцев — противников Израиля. Так в сентябре 1976 г. А.Сахаров и Е.Боннэр обратились в ООН по поводу трагического положения в лагере палестинцев Тель-Заатар. Но такие нюансы не имели значения для Политбюро и даже КГБ. Расширение отказнического движения в конце 70-х гг. рассматривалось как расширение диссидентства.

Продолжало бурно развиваться и религиозное оппозиционное движение, отказывающееся признавать стратегию иерархов Православной церкви на союз с атеистической властью, преследующей любую проповедь вне церковных стен. Религиозное инакомыслие было экуменистично. Действовал Христианский комитет, созданный для защиты прав верующих и объединявший представителей разных конфессий, в том числе священников, в большей (В.Фонченков) или меньшей (Г.Якунин) степени лояльных Патриархии. Продолжали работу организованный А.Огородниковым просветительский христианский семинар (экуменический по направленности), выпускавший нерегулярный журнал «Община», и кружок Д.Дудко.

Кружок Дудко был одним из важнейших центров инакомыслия, связывавшим между собой вольномыслящих православных и диссидентов. Духовная атмосфера кружка обладала огромной притягательной силой. Субкультура кружка, более близкая своим механизмом к неформальным движениям, чем к диссидентской среде, давала редкую для того времени возможность интеллектуальной и духовной самореализации для неортодоксальной интеллигенции. В.Аксюциц рассказывает о кружке: «Это по воскресеньям было. Сначала служба. Туда собирались лучшие люди православной общности и, конечно, замечательная была там атмосфера. Много-много людей в маленьких помещениях по многу часов вели беседы, обсуждения, дискуссии, в очень доброжелательной обстановке, с молитвой. Сначала служба, потом застолье, считали: сегодня у нас семь столов или сегодня у нас шесть столов. То есть шесть смен столов, прежде чем все отобедают. Всех кормили. Потом за этим же столом собирались. Набивалось полное помещение и велись бесконечные эти дискуссии, беседы. Либо кто-то что-то читал, либо специальная тема обсуждалась»¹²⁰.

К ужасу властей, Д.Дудко начал выпускать специальный листок для прихожан «В свете Преображения», в котором, в частности, рассказывалось о случаях притеснения верующих. В Ленинграде действовал семинар «37», выпускавший одноименный журнал. Все эти организации имели довольно текучий состав и отказывались от жесткого плана работы. В итоге через них прошли сотни людей, которые в свою очередь оказывали воздействие на тысячи знакомых¹²¹. В то же время, как пишет Л.Алексеева, «в массе православные прихожане и даже православная интеллигенция не принимают уча-

ствия в гражданском сопротивлении государственному нажиму на свободу совести и даже осуждают такое сопротивление как “нехристианское”»¹²².

В 1979—1980 гг. расширялось издание самиздата. В это время выходили Хроника текущих событий, материалы Московской хельсинкской группы, сборники в защиту Т.Великановой, материалы специализированных групп (Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, Свободного межотраслевого объединения трудящихся и др.), исторический сборник «Память», свободный московский журнал «Поиски», социалистические журналы «Левый поворот» («Социализм и будущее»), «Варианты», «Перспективы». Самиздат все шире распространялся среди интеллигенции. Все большая специализация диссидентов позволяла им совершенствовать методы своей работы, прежде всего «разоблачительной».

Одновременно началась отработка принципиально новых методов борьбы, которые, как казалось, в случае успеха, могли привлечь к диссидентам широкие слои населения. В 1978 г. предпринимались попытки создать легальный независимый профсоюз. В январе В.Клебанов, уже «отсидевший» в психбольнице за попытку создать группу по контролю за условиями труда, вновь попытался зарегистрировать легальную и лояльную властям Ассоциацию свободного профсоюза защиты рабочих. Клебанов был арестован, а профсоюз, куда записалось около 200 относительно лояльных граждан, тут же распался. Затем 28 декабря 1978 г. Л.Агаповой, В.Борисовым, Л.Волохонским, А.Иванченко, Е.Николаевым, В.Новодворской, В.Сквирским, А.Яковлевой и др. было провозглашено Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ).

НОВОДВОРСКАЯ Валерия Ильинична

1950 года рождения. Прадед Новодворской был профессиональным революционером, организовал первую социал-демократическую типографию в Смоленске. Дед родился в сибирском остроге, воевал в Первой Конной армии Буденного. В детстве Новодворская сильно болела астмой, много лечилась в санаториях.

«Ни один Онегин или Печорин не был таким лишним человеком, каким росла я. Меня ненавидели пламенно и страстно, но мне это даже нравилось... Я еще не знала, что советская жизнь — это единственная жизнь, в которой нет места подвигам. Моим любимым чтением была фантастика, усиленная романами о революции. Степняк-Кравчинский вместе с “Отверженными” и “93-м годом” Гюго были настольными авторами. Я очень рано стала примериваться, где бы поставить свою баррикаду... В 1967 году отец положил мне на стол “Один день Ивана Денисовича”. Это входило в джентельменский набор и должно было стать чем-то вроде похода в консерваторию или пушкинский музей... “Ах, декабристы, не будите Герцена, в России никого нельзя будить!” Эта книга решила все. Не успела я дочитать последнюю страницу, как мир рухнул... я поклялась в ненависти к коммунизму, КГБ и СССР. Вывод был сделан холодно и безапелляционно: раз при социализме возможны концлагеря, социализм должен пасть. Из тех скудных источников о жизни на Западе, которые оказались мне доступны, я уяснила себе, что там “ЭТОГО” не было. Следовательно, нужно

было «строить» капитализм... Слава Богу! Моей стране оказалась нужна еще одна революция»¹²³.

Среднюю школу Новодворская закончила с медалью. В 1968 году поступила в Институт иностранных языков имени Мориса Тореза на французское отделение.

В институте создала подпольную группу («Антифашистский союз борьбы») из студентов (около 10 человек), в которой, в числе прочего, велись разговоры о необходимости свержения коммунистического режима путем вооруженного восстания. 5 декабря 1969 года на праздничном вечере в Кремлевском Дворце Съездов, посвященном Дню Конституции, перед премьерой оперы «Октябрь», разбросала рукописные листовки со своим антикоммунистическим стихотворением «Юбилейно-Конституционное» («Спасибо, Партия, тебе...»), была арестована и помещена в Лефортовскую тюрьму. 16 марта 1970 года Московский областной суд определил для Новодворской, обвиняемой в антисоветской пропаганде (ст.70 УК РСФСР), принудительное лечение в специализированной психиатрической больнице. Суд проходил в отсутствие обвиняемой, так как судебно-медицинской экспертизой в институте имени Сербского она была признана невменяемой с диагнозом «шизофрения, параноидальное развитие личности». В июне 1970 года она была помещена в Казанскую специализированную психиатрическую больницу, затем в августе 1971 года переведена в Московскую психиатрическую больницу № 8, откуда ее выписали в феврале 1972 года после жестокого «лечения», наложившего заметный отпечаток на личность. Теперь радикализм Новодворской был не проявлением юношеского романтизма, а результатом жгучей ненависти к пытавшей ее системе.

«Теперь до меня доходит, — писала Новодворская в 1993 г., — что конфликт между мной и эпохой заключался отнюдь не в том, что я была человеком Запада, а все остальное принадлежало советской действительности и тяготело к большевизму, а как раз в том, что я была законченной большевичкой, а так называемая застойная действительность — сытая, вялая, более частная, чем общественная, тяготела к западу гораздо больше, чем я»¹²⁴. Но еще в конце 80-х гг. Новодворская и ее сторонники категорически отрицала квалификацию ее со стороны оппонентов как «белой большевички».

«Я не любила людей, за исключением тех, кто шел в той цепочке под красным зимним солнцем Солженицына; но я научилась любить Россию, когда поняла, что она несчастна»¹²⁵. Нелюбовь к конкретным людям очень многое объясняет в генезисе нового поколения российского радикализма. Абстракции (Россия, свобода, справедливость, нация, Запад) опять оказывались важнее конкретных интересов конкретных живых людей. У Новодворской это проявилось раньше и острее, чем у других, но это был только «первый звонок».

В 1973—1975 годах Новодворская работала педагогом в детском санатории, в 1975—1990 годах — библиотекарем во 2-ом медицинском институте. В 1977 году закончила Вечерний факультет иностранных языков Московского областного педагогического института.

После освобождения из психиатрической больницы в 1972 году Новодворская участвовала в тиражировании и распространении Самиздата, в частности «Хроники текущих событий». В 1977—1978 годах вместе с В.Новосельцевым и Ю.Денисовым предпринимала попытки создать подпольную политическую партию для борьбы с КПСС. *«К диссидентам я пришла с готовой программой подрывной деятельности: листовки, создание политической партии, организация народа для борьбы... Мое стремление сделать оргвыводы (Карфаген должен быть разрушен) очень раздражало старшую диссидентскую генерацию... Диссидента из меня не вышло, и я переквалифицировалась в народники»*¹²⁶.

В 1978 г. Новодворская вошла в число учредителей СМОТ и стала членом Совета Представителей (СП) СМОТ. Все последующие годы существования СМОТ Новодворская подвергалась преследованиям — помещалась на небольшие сроки в психиатрические больницы, систематически вызывалась на допросы по делам членов СМОТ, у нее неоднократно проводились обыски. На протяжении 1982—1986 годов Новодворская продолжала оставаться членом СП СМОТа, деятельность которого была почти полностью парализована поголовными арестами его руководящего ядра. В 1983 г. создала собственный подпольный революционный кружок. Написала «Возможную программу возможного движения Сопrotивления».

Впоследствии В.Новодворская — лидер Демократического союза.

СМОТ, ставший первым диссидентским «хождением в народ», не преуспел в своей деятельности, но был симптоматичен для властей — инакомыслие не желало оставаться в узкой нише, отведенной для него системой. «Целью СМОТа было оказание правовой, моральной и материальной помощи своим членам. Для этого внутри СМОТа намеревались создать «кооперативные» объединения — кассы взаимопомощи, объединения для покупки или аренды домов в загородной местности для совместного пользования, для создания детских садов, где их нет или не хватает, и даже для товарообмена (скажем, посылать из Москвы в другие города чай и сгущенное молоко, имеющееся в Москве, в обмен на свиную тушенку, которая есть в некоторых районах Восточной Сибири, но отсутствует в Москве)»¹²⁷, — писала Л.Алексеева. Однако намерения некоторых из создателей были много радикальней, что предопределило неудачу умеренной части программы. Один из издателей Информбюллетеня СМОТ — единственного реально реализовавшегося проекта организации — В.Сендеров объявил себя членом Народно-трудового союза — эмигрантской организации, считавшейся властями фашистской. Крайне радикальные позиции занимали и ряд других активистов СМОТ, например В.Новодворская. Для них «профсоюз» был лишь инструментом для перехода к более активным действиям. Сама Новодворская так вспоминает о логике, которой руководствовалась радикальная часть создателей «профсоюза»: «Костюшко и Домбровский разбудили КОС-КОР, а КОС-КОР разбудил “Солидарность”. У нас же XX съезд разбудил Булата Окуджаву и Юрия Любимова, они разбудили диссидентов, а диссиденты уже никого не могли растолкать: все спали мертвым сном. Подъем не

состоялся. Поэтому вдохновляющая Деда идея рабочих профсоюзов, независимых от ВЦСПС, была чисто платонической. Наш СМОТ — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся — был отчаянной попыткой несчастной интеллигенции в порядке стахановской инициативы поднажиться и произвести из себя еще и рабочее движение»¹²⁸.

Членство в СМОТ было тайным (что нетипично для диссидентов), и при выходе из организации лидеров (что случалось часто, и не только по причине ареста) группы терялись. Полуподпольный характер организации и радикализм части его организаторов делал неизбежными репрессии. После ареста Л.Волохонского в 1982 г. бюллетень СМОТ ушел в подполье, и реальная деятельность организации прекратилась.

В декабре 1980 г., видимо не без влияния польского опыта, редакторы самиздатовских журналов объявили о создании «Свободного культурного профсоюза». Но в целом попытка «родить» рабочее или хотя бы профсоюзное движение не удалась. Все же это был симптом поиска выхода движения на новые слои населения, который не мог не волновать власти. Следующим важным симптомом такого рода стало выступление группы «Выборы-79» (В.Сычев, В.Баранов, Л.Агапова, В.Соловьев и др. — всего около 40 человек), которая выдвинула кандидатом в Совет Союза по Свердловскому округу г.Москвы Р.Медведева и в Совет национальностей — Л.Агапову. Понятно, что кандидаты зарегистрированы не были. Но постановка инакомыслящими «вопроса о власти» в столь откровенной форме показала руководителям страны, что оппозиция «заигралась».

Наступление диссидентов в 1978—1979 гг., вызвавшее неприятный резонанс на Западе и стимулировавшее даже размолвку с рядом европейских компартий (т.н. «еврокоммунизм»), наносило режиму конкретный ущерб. Особенно громкий скандал в конце 70-х гг. вызвало расследование психиатрических репрессий в СССР. В.Буковский рассказывает: «Авторитетные советские психиатры от участия в нашем начинании уклонились, побоялись репрессий. Рядовые психиатры — первым из них был Глузман — вскоре сами подверглись расправе. На западных же психиатров я не особенно рассчитывал. Откуда им знать все сложности нашей жизни, как поверить, вопреки мнению авторитетных советских коллег, с которыми к тому же регулярно встречаешься на международных конференциях, что какой-то неизвестный человек не нуждается в принудительном психиатрическом лечении?»

Однако по иронии судьбы именно это дело оказалось одним из самых успешных в двадцатилетней истории нашего движения. Сама идея помещения здорового человека в сумасшедший дом по политическим причинам захватывала воображение трагизмом ситуации, неизбежно приводила к философским проблемам относительно понятий и определений психического здоровья, и каждый легко представлял себя на месте жертвы... То, что было неосознанным импульсом так называемой «революции 1968 года», вдруг обрело словесное выражение, и наш опыт оказался самым передовым»¹²⁹.

В этих словах Буковского заметно преувеличение, вызванное естественным непониманием ситуации в гражданском движении на Западе. Импульс

1968 г. предопределил постоянный интерес к проблеме гражданских прав прежде всего в своих странах. Советский опыт был лишь экстремальным, и потому важным примером тех явлений, которые правозащитники наблюдали у себя дома. Не случайно, что кампания поддержки советских диссидентов совпала с появлением на экранах американского фильма «Полет над гнездом кукушки», повествующего о психиатрических репрессиях в США. И здесь ощущалось сходство двух систем, которое большинство отечественных диссидентов просто не замечало. Напротив, им казалось, что передаваемая на Запад информация окончательно разрушает иллюзию сродства между Западом и Востоком: «Коммунизм и вообще марксизм перестали быть идеей бунтарей и стали идеей истеблишмента. Обе стороны распознавали друг в друге свою тень, свое подобие. Самое же парадоксальное, что эта иллюзия раскрылась благодаря... психиатрии, благодаря нашему самиздату, нашим отчаянным протестам и жестоким судам над ними»¹³⁰. Но и это было иллюзией, причем вполне естественной в условиях недостатка информации у диссидентов или сознательной самоизоляции от фактов, вызванной приверженностью западнической доктрине. Нарушение прав человека на Западе казалось либералам-западникам надуманной проблемой, раздутой СССР (каждая сторона в конфликте «раздувала» то, что ей нравилось, но может ли быть преувеличено даже одно единственное нарушение прав человека — ведь права универсальны). Буковский с пренебрежением пишет «о какой-то “уилмингтонской десятке”, о запретах на профессии в ФРГ и пытках в Ольстере»¹³¹.

Серьезные нарушения прав человека были характерны для обоих «лагерей», но в СССР они были обычно грубее — машина власти просто не ведала, что творила. Так, например, по мнению Буковского, «они в Кремле действительно верили, что я параноик. Так вот почему решили меня выставить с максимальным “паблисити”»¹³².

Международные скандалы, массовые студенческие выступления в Ленинграде и волнения в Грузии (см. главу II), расширение движения «отказников», скандал в Союзе писателей, связанный с «Метрополем», попытки создания независимых профсоюзов, выдвижения кандидатов в депутаты — все это было уже опасно, особенно если учесть, что формальная конституционная система СССР была на редкость демократична. Политбюро было готово терпеть оппозицию в качестве замкнутой субкультуры, но бурная активность конца 70-х гг. переполнила чашу терпения авторитарного режима. Это, наряду с ухудшением международной обстановки, стало главной причиной наступления на диссидентов в первой половине 80-х гг. Готовясь к реформам, правящая элита избавлялась от политических конкурентов, которые показали свою готовность при случае начать катализ массовых оппозиционных движений.

3. Наступление на инакомыслие (1980—1984)

Намерение покончить с диссидентами еще не означало наличие возможности сделать это. Диссидентская среда опиралась на поддержку Запада, и пока политика разрядки была жива, наступление на инакомыслие откладывалось.

Когда это наступление началось? Л.Алексеева считает, что «началом „генерального наступления“ на инакомыслие можно считать 1 ноября 1979 г. Похоже, к этому дню КГБ получил „добро“ на осуществление последовательного плана разгрома независимого общественного движения, разработанного еще в 1977 г.»¹³³ Л.Алексеева связывает свой вывод с арестами Г.Якунина, Т.Великановой и А.Терляцкаса, а также с последующей цепью арестов. Начало наступления 1 ноября 1979 г. представляется сомнительным. Количество арестов и задержаний в ноябре лишь незначительно увеличилось по сравнению с ноябрем предыдущего года. До этого также были всплески репрессий (дела хельсинкских активистов, в том числе академика Ю.Орлова, дело А.Щаранского и др.). Власти не проводили пока тотальных арестов известных им «злоумышленников», а ограничивались арестами ключевых фигур. А на 1980 г. приходится беспрецедентный с 1974 г. рост осуждений по 70-й статье УК¹³⁴, «вал» арестов начался с января 1980 г.

Началом «генерального наступления» КГБ против диссидентов правильнее считать высылку А.Сахарова в Горький. Еще в 1978 г. Андропов назвал Сахарова «врагом номер один» внутри страны¹³⁵. Несмотря на это, Сахаров имел возможность относительно свободно действовать. Политбюро опасалось международного скандала. После ввода войск в Афганистан, предполагавшего ухудшение международных отношений, оглядываться на Запад было уже не нужно. Вопрос о Сахарове был поставлен на Политбюро еще 26 декабря 1979 г. 3 января было решено не судить академика, а ограничиться внесудебной высылкой¹³⁶. Таким образом, вопреки распространенной версии, непосредственной причиной высылки Сахарова стало не его выступление против ввода войск в Афганистан, а ввод войск как таковой. Е.Фейнберг обращает внимание на еще одну возможную причину высылки: «В процессе моего разговора с одним вице-президентом, проходившем в то непонимание и сочувствие, он сказал неожиданно для меня: “Ведь дело не только в его протесте против афганских событий. Хуже то, что он с женой был у американского посла и долго с ним беседовал, а ведь он носитель государственно важных секретов”. — “Этого не может быть!” — воскликнул я... При первой же встрече с Еленой Георгиевной я спросил ее об этом. Она подтвердила: “Ходили. А что в этом особенного?”... Но если разговор зашел, скажем, о разоружении или международных отношениях, легко могло проскользнуть что-нибудь лишь на первый взгляд не существенное. Один мой умный знакомый, много лет работавший с А.Д. на объекте, любивший его и пользовавшийся его уважением... сказал мне: “Вы же понимаете, что соответствующие американские специалисты будут “рассматривать в лупу” магнитофонную запись этой беседы”»¹³⁷. На заседании Политбюро Андропов доказывал, что дальнейшее присутствие Сахарова в Москве недопустимо, и необходимо изолировать его от иностранцев. В то же время, когда речь зашла о сибирских городах, Андропов, ссылаясь на мнение вра-

чей, настоял на Горьком, поскольку климат в нем соответствует московскому¹³⁸.

Ссылка Сахарова стала началом и символом нового курса режима в отношении диссидентов, а сам Сахаров был практически публично признан «главным внутренним врагом», каковым и оставался до 1986 г., когда на это почетное место был усажен абстрактный «бюрократ».

Арест Сахарова был произведен по всем правилам полицейского искусства — во время его поездки на работу 22 января. Однако КГБ не удалось предотвратить немедленное распространение информации о происшедшем в диссидентской среде и за рубежом¹³⁹.

Ссылка в Горький сломала размеренный ритм общественной активности Сахарова. Прежде он был предсказуем, ритмичен, «дежурен» в своих откликах на промахи властей. Изменение жизни, связанное со ссылкой, позволило Сахарову преодолеть «иерархическую» стадию, неизбежную даже для «человека идейного» — теперь Сахаров стал «идейным в квадрате» — бескомпромиссным, атакующим, готовым жертвовать жизнью даже ради «малого». По принципу «не шагу назад». Наступало время решающих, драматических столкновений с властью, время голодовок, время величайших научно-философских размышлений и открытий.

Г.Владимов комментировал действия властей: «Сослав его в Горький без следствия и суда, без объявленного приговора и срока, применив меру, из ряда вон выходящую, власть оказала ему честь, которой мог бы удостоиться разве лишь наследный принц или возможный президент»¹⁴⁰. Против высылки Сахарова и заключения члена-корреспондента АН Армянской ССР Ю.Орлова выступали не только диссиденты, но и видные советские ученые. Л.Капица писал Ю.Андропову: «Сахаров и Орлов своей научной деятельностью приносят большую пользу, а их деятельность как инакомыслящих считается вредной. Сейчас они поставлены в такие условия, в которых они вообще не могут заниматься никакой деятельностью». Ссылаясь на опыт взаимоотношений Ленина и оппозиционного ученого Павлова, Капица приходил к заключению: «Не лучше ли попросту дать задний ход?»¹⁴¹. В одном Капица ошибался — Сахаров не прекратил общественной деятельности и теоретической работы. Он продолжал обращаться к стране и миру. В послании академику Александрову Сахаров писал: «Важнейший тезис, который со временем лег в основу моей позиции, — неразрывная связь международной безопасности, международного доверия и соблюдения прав человека, открытости общества. Этот тезис вошел составной частью в Заключительный акт Хельсинкского совещания, но слова здесь расходятся с делом, в особенности в СССР и странах Восточной Европы»¹⁴². Так же был арестован о. Дмитрий Дудко.

ДУДКО Дмитрий

1922 г. рождения. В 1944—1945 г. воевал. В 1945 г., демобилизовавшись по болезни, поступил в Московскую духовную семинарию. В 1947 г. переведен в Московскую духовную академию. В 1947 г. арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде (хранил религиозные стихи). Осужден сроком

на 10 лет, в лагере осужден повторно. Освобожден в 1956 г. В 1960 г. окончил Духовную академию и рукоположен в сан священника. С 1962 г. служил в Никольской церкви в Москве. Стал духовным отцом большого количества столичных интеллигентов, начавших в это время свою религиозную жизнь.

В 1972 г. уволен из прихода, о чем сообщил на проповеди. Заступничество прихожан заставило церковные власти отказаться от увольнения популярного священника. Позднее несколько раз переводился из прихода в приход — все дальше от Москвы. В 1973 г. организовал религиозно-философский кружок, затрагивающий и общественные темы. В кружке принимали участие как православные, так и верующие в соответствии с другими концепциями и конфессиями. В 1975 г. при неясных обстоятельствах был ранен в автомобильной катастрофе.

В 1978 г. стал выпускать приходской листок «В свете Преображения».

15 января 1980 г. Дудко был арестован.

Автор религиозных трудов и сборников поэзии¹⁴³.

«Когда произошел его арест, каждое воскресенье в каком-нибудь храме Москвы собирались все его духовные дети и молились за него, — вспоминает В.Аксюциц. — Это была своего рода тоже демонстрация. Там было полно кэзэбэшников, полно милицейских машин и прочего, которые ждали и провоцировали на какое-нибудь деяние, чтобы можно было вцепиться. Мы все вели себя очень толерантно. Потом стали арестовывать людей из его окружения. В частности, арестовали несколько человек, которые занимались религиозным самиздатом, потому что это было поставлено у них на коммерческую основу. Это шло уже довольно-таки большим тиражом»¹⁴⁴.

20 июня Дудко выступил по телевидению с покаянием, в котором признавал, что «арестован не за веру в Бога, а за преступление». Осудив свою прежнюю общественную активность, Дудко заявлял: «Я отказываюсь от того, что я делал, расцениваю свою так называемую борьбу с безбожием как борьбу с советской властью» и призвал своих единомышленников к сотрудничеству «со своей властью и со своим народом, которые нам даны Богом». Было опубликовано также письмо Дудко к Патриарху, в котором утверждалось: «Я пытался поучать Вас, что Вы идете не тем путем, каким нужно идти. Но Вы идете тем путем, потому что этим путем прошли и Ваши предшественники». 21 июня Дудко был освобожден из заключения. Уже 27 июля Дудко выступил с заявлением, в котором раскаивался в содеянном 20 июня. В приходском листке он разобрал текст своего заявления, показывая его подтекст, намеки на то, что заявление сделано по принуждению. Но эффект от покаяния все равно был велик, и отец Дмитрий оказался в изоляции. Только в марте 1981 г. против него было прекращено уголовное дело¹⁴⁵.

В заявлении Дудко не было отречения от веры (это и не требовалось). Он осудил (и тем самым отчасти деморализовал) религиозно-политическое оппозиционное движение. Много лет спустя Д.Дудко говорил: «Человек бездуховный, безнравственный может даже очень малое средство борьбы обратить в большое зло. Поэтому, как говорит писание, “Все мне дозволено,

но ничто не должно обладать мной”, то есть ничто не должно оправдывать дурное, не должно быть выше совести.

Если по этому принципу будет человек жить, то всегда найдет, что и как ему делать. И тогда, допусти он даже ошибку — она как раз окажется полезна и для него самого, и для тех, в отношении кого он ее допустил¹⁴⁶. Комментируя поступок священника, исследовательница религиозного оппозиционного движения Д.Эллис писала: «Не слабость и страх были причиной покаяния Дудко, а решение обрести свободу ценой даже своей личной репутации для того, чтобы служить священником и проповедывать погибающим»¹⁴⁷.

«Тут же многие самые близкие ему люди его резко осудили, тут же все западные средства массовой информации: “Голос Америки”, Би-Би-Си, “Свобода” и все пр., его, соответственно, стали обливать грязью: все, предатель и прочее. Я написал две статьи, они были опубликованы на Западе, — рассказывает В.Аксюциц¹⁴⁸. — Суть сводилась к тому, что я считал, что его, условно говоря, опоили. Тогда очень мощно работали со всякого рода транквилизаторами. Когда я с ним встречался, он рассказывал очень интересные подробности. Он говорил, что никогда себя не чувствовал так плохо, ни до тюрьмы, ни после тюрьмы, в один определенный момент. Вдруг возникла безысходная апатия, уныние, паника. И я просто сделал вывод, что ему подавили психику и волю, а потом в определенный момент стали с ним играть в очень сложную игру, патриотическую, кстати говоря. Со мной ведь тоже в эту игру играли. Мне следователь говорил: “Мы же с вами православные. Только вы православные верующие, а мы православные атеисты. Но мы с вами православные, мы родились в православной стране. Мы должны быть вместе. А против нас католицизм, протестантство, секты, весь мир, ЦРУ и т.д.” Вот и с ним стали играть в эту игру и в какой-то момент его сломали. Когда он вернулся, он прозрел и отказался от многого, но это уже никто не слышал, потому что его все клеймили. А он стал продолжать делать то, чем он занимался, но в условиях уже совершенно беспощадных, когда его уже никто не защищал. Собрания теперь уже проходили по квартирам.

Одно из них было в Чертаново. Когда все собрались, туда ворвалась команда КГБ. Там было то же самое, примерно, что на допросах и обысках. Мы все сгруппировались, не давая никаких оснований для провокаций, стали вести себя очень твердо духовно. Кончилось дело тем, что мы потребовали составления акта, в котором было зафиксировано помимо всего прочего, что один из ворвавшихся милиционеров был пьян. На что они с нами спорили, и мы согласились на компромиссную формулировку, что он не пьян, а “немножко выпивший”. Ворвавшиеся ушли просто как побитые псы, ничего не сделав. Не сговариваясь, все вели себя совершенно синхронно. Действия кгебешников превратились в какой-то фарс. Мы просто стали издеваться над ними. Они взяли с собой участкового, а участковый, судя по всему, для храбрости рюмку хлопнул. И кзгэбэшник стал его защищать: ну ребята, он же не пьяный, он чуть выпивший. Ну, так и напишут, что при исполнении служебных обязанностей чуть выпивший.

Он постоянно “громился”, постоянно все его собрания проходили под прессингом, все время там было от 3 до 5 машин милицейских, у каждого проверяли документы при входе в подъезд. Дудко вел себя очень достойно во всех этих ситуациях, недостойно вела себя, к сожалению, диссидентская Среда»¹⁴⁹.

Дело Дудко имело несколько меньший международный резонанс, чем дело Сахарова, но заставило потрудиться высших церковных иерархов, которым пришлось отвечать на неудобные вопросы за границей. Архиепископ Волоколамский Петирим заявил в Стокгольме, что по его личному опыту общения с о.Дмитрием, от того можно ожидать нарушения законов. Архиепископ считал положение церкви стабильным, а аресты священников — исключениями. Таллинский митрополит Алексей заявлял, что Патриархии не известны причины ареста Дудко, и что «в Советском Союзе граждан никогда не арестовывают за их религиозные или идеологические убеждения»¹⁵⁰. Разъяснения православных иерархов звучали неубедительно для западной общественности. Против репрессий выступил даже глава Православной церкви в Америке о.Феодосий¹⁵¹. Но нельзя не признать, что слова иерархов соответствовали фактической стороне дела — преследований только за принадлежность к православной вере и участие в деятельности Православной церкви при Брежнев и Андропове почти не было. Для ареста нужно было перейти грань, молчаливо предусмотренную «конкордатом»: активно привлекать неофитов, ставить вопросы общественной жизни, контактировать с оппозицией. Дудко, действительно отличавшийся некоторой импульсивностью (что подтверждает его поведение и после ареста), активно участвовал в подобной общественной активности. Руководители церкви ее не одобряли. Оппонент, оказавшись за решеткой, «признал» правоту их позиции. Вмешательство власти, как и много веков назад, оказывалось гирей на весах церковных споров...

По данным Л.Алексеевой, в 1979—1981 гг. в Москве было арестовано 34 человека, а всего — около 500 человек¹⁵². По данным КГБ, только в 1980 г. он арестовал 433 человека¹⁵³. Даже если данные диссидентов не полны, видно, что удар 1980 г. был наиболее мощным за все время наступления властей. Этого хватило, чтобы фактически прекратить активность Инициативной группы защиты прав человека, Христианского комитета, Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, журнала «Поиски». Подверглись разгрому Христианские комитет и семинар. Угроза ареста нависла даже над умеренными христианскими проповедниками. Были арестованы ключевые фигуры незарегистрированных церквей и национальных групп. Затем волной пошли процессы. В 1980 г. по статьям 70 и 190-прим было осуждено 102 человека, в 1981 г. — 127 человек. Для сравнения — в 1976 г. было осуждено 60 человек (причем по более строгой 70-й статье — только 5), а в 1979 г. — 69 человек (по 70-й — 4). Таким образом, наиболее суровые «брежневские» гонения не достигли уровня наиболее «спокойных» лет «хрущевской оттепели». В 1960 г. было посажено 162 политических (это — минимум), а в 1957 г. — 1964 человека¹⁵⁴. Но удара 1980—1981 г. хватило, чтобы дезорганизовать диссидентскую инфраструктуру. Это обстоятельство, как мы

видели, не помешало массовым выступлениям грузинского и осетинского населения. Зато заместитель председателя КГБ С.Цвигун мог доложить стране о том, что «маскировавшиеся под “правозащитников” и “поборников демократии” антиобщественные элементы ныне разоблачены и обезврежены»¹⁵⁵. Возникал вопрос — почему КГБ не могло сделать этого раньше. Не хотело? Не получило санкции.

После первых ударов 1980—1981 гг. наступление не прекращалось. В 1982 г. КГБ разгромило группу, выпускавшую журнал «Левый поворот». По утверждению Б.Кагарлицкого, одним из источников информации о группе стало сообщение А.Караулова, в будущем — известного тележурналиста¹⁵⁶ (сам Караулов отрицает это). В апреле 1982 г. были арестованы «молодые социалисты» Б.Кагарлицкий, П.Кудюкин, А.Фадин, Ю.Хавкин, В.Чернецкий, А.Шилков, а позже — М.Ривкин. В донесении Федорчука Андропову (формально уже не руководившему КГБ) говорилось, что арестованные «предпринимали меры к созданию в стране организованного антисоветского подполья в виде т.н. “Федерации демократических сил социалистической ориентации” для активной борьбы с Советской властью, утверждая при этом в одном из “теоретических” документов, что “...коммунизм советского образца — преступление против человека и человечества, а СССР — нравственный застенек миллионов”... Как выяснилось в ходе следствия, Фадин систематически передавал Майданику, Шейнису, Ворожейкиной, Ржешевскому, Данилову, Ивановой, Скороходову различную антисоветскую литературу для ознакомления»¹⁵⁷.

Связь «молодых социалистов» с научной интеллигенцией, которая в свою очередь имела «выходы» на придворных либералов, могла расцениваться КГБ как поощрение последними создания «подрывной» организации по образцу польского КОС-КОРА.

По мнению А.Фадына, раздувание дела было связано с борьбой за власть в Кремле: «В поле действия проекта попадали интеллектуалы из ЦК и обслуживающего партию академического мира. Ставилась цель нанести удар по либеральному лобби в лице академиков Арбатова, Примакова, директора нашего института Иноземцева. (Иноземцев умер после разноса, который устроил ему Гришин)»¹⁵⁸. Подобная версия представляется слабо обоснованной. Академическое лобби не препятствовало продвижению Андропова к власти, скорее наоборот. Аресты «молодых социалистов» играли скорее «дисциплинирующую» роль для статусной интеллигенции.

Работу КГБ облегчала неопытность «молодых социалистов». Б.Кагарлицкий, А.Фадин и П.Кудюкин во время допросов сообщили сведения, которые позднее были использованы судом для «изобличения» М.Ривкина.

Суд над «молодыми социалистами» был назначен на 12 февраля 1983 года, но отменен (в значительной степени в связи с заступничеством зарубежных компартий). По мнению А.Фадына, «Андропов... не хотел начинать царствование с громкого процесса»¹⁵⁹. Б.Кагарлицкий, А.Фадин и П.Кудюкин и др. были освобождены в соответствии с Указом о помиловании в конце апреля 1983 года, после того, как подписали заявление об отка-

зе от продолжения «антисоветской» деятельности. Решение о помиловании до суда было вынесено Президиумом ВС СССР (во главе с Ю. Андроповым) — уникальный случай в советской юридической практике. Не подписавший заявление М. Ривкин был в июне 1983 года осужден (7 лет лагерей и 5 лет ссылки). Вызванные на суд над Ривкиным в качестве свидетелей «молодые социалисты» как правило не давали показаний, способных изобличить подсудимого. Но показания, данные во время следствия, были использованы для его осуждения. Эти события наложили тяжелый отпечаток на отношения их участников. Кагарлицкий обвинял в происшедшем Фадина и Кудюкина. Ривкин, освобожденный в 1987 г., перед отъездом в Израиль в 1989 г. выступил с резкими обвинениями против Кагарлицкого, Фадина и Кудюкина, но затем нормализовал отношения с двумя последними. Кагарлицкий отрицает справедливость обвинений Ривкина и утверждает, что вообще не знал его до ареста. Ривкин считает, что именно показания Кагарлицкого позволили суду доказать его авторство в одном из нелегальных текстов, подписанных псевдонимом. «Дело Ривкина» неоднократно использовалось политическими противниками Кагарлицкого, Фадина и Кудюкина для их дискредитации. Поскольку участники событий продолжали активно участвовать в общественной жизни, их конфликт влиял на развитие общественного движения во второй половине 80-х гг.¹⁶⁰

В 1982 г. прекратила деятельность Московская хельсинкская группа. В апреле 1983 г. был арестован и распорядитель солженицынского Русского общественного Фонда помощи политзаключенным СССР и их семьям С. Ходорович. Информационная сеть «Хроники текущих событий» была разрушена после ареста Ю. Шихановича в ноябре 1983 г. Знамя, выпавшее из рук издателей «Хроники», попытался подхватить С. Григорьянц, начавший издание бюллетеня «В» — своего рода приложения к «Хронике текущих событий».

ГРИГОРЬЯНЦ Сергей Иванович

1941 года рождения. В 1958—1959 годах работал лаборантом Киевского политехнического института. В 1960 году поступил на радиофакультет Рижского училища инженеров гражданской авиации, но в 1962 году бросил учебу в нем. В 1963—1968 годах учился на факультете журналистики МГУ, откуда был исключен «за профессиональную непригодность», несмотря на то, что к тому времени уже поработал заведующим отделом критики в журнале «Юность» (1965—1966 годы).

Профессиональный литературовед, автор около 100 статей в «Литературной энциклопедии» и в различных журналах, передач на радио, а также неопубликованной книги о Грибоедове. Специализировался по литературе русского зарубежья, а также советской литературе 1920-х годов. Публикуется с 20 лет.

Поддерживал знакомство с участниками диссидентского движения А. Синявским, Н. Горбаневской, А. Белинковым и другими. После исключения из университета вернулся в Киев, продолжал заниматься литературоведением, сотрудничал с радио, однако постоянной работы не имел.

В 1973 году переехал в Москву и, хотя общественной активности не проявлял, в 1975 году был арестован и осужден на 5 лет лагерей усиленного режима фактически за отказ от написания «разоблачительной» статьи о писателях-эмигрантах, а официально — по статье 190—1 (клевета на советский общественный и государственный строй) и статье 154 часть 2 («спекуляция» — в семье Григорьянца еще с середины XIX века собирались коллекции живописи, и он сам обладает крупной коллекцией).

Три с половиной года из своего пятилетнего срока провел на тюремном режиме. За 15 месяцев заключения во Верхнеуральской тюрьме 170 дней провел в камере.

После освобождения в 1980 году поселился в г.Боровске Калужской области. Работал оператором газовой котельной. С осени 1982 до февраля 1983 года был редактором самиздатского информационного бюллетеня «В», содержавшего оперативные материалы о нарушении прав человека в СССР. Ему удалось наладить регулярный выпуск бюллетеня (раз в десять дней) и резко повысить качественный уровень издания.

25 февраля 1983 года был снова арестован и 26 октября 1983 года приговорен Калужским областным судом к 7 годам лагерей строгого режима (с отбытием первых двух лет в тюрьме) и 3 годам ссылки по статье 70 (антисоветская пропаганда) УК РСФСР. На суде заявил, что после освобождения вновь будет заниматься правозащитной журналистикой.

Впоследствии — издатель журнала «Гласность»¹⁶¹.

В 1983 г. после ареста С.Григорьянца издание бюллетеня «В» было прекращено. К.Любарский продолжал выпускать в эмиграции «Вести из СССР», но «тамиздатский» характер «Вестей» делал их менее эффективными. Оставшиеся в стране диссиденты перешли к распространению анонимных материалов¹⁶².

В 1983 г. по политическим статьям было осуждено 163 человека¹⁶³. К 1984 г. в СССР впервые с 1968 г. вне коллечей проволоки почти не осталось открыто действующих диссидентов. Те известные властям инакомыслящие, которых оставили на свободе, находились под фактическим домашним арестом или круглосуточным наблюдением¹⁶⁴. Последним бастионом открытой оппозиции оставался академик А.Сахаров. Его социальный статус и всемирная известность не позволяли властям просто упрятать академика в тюрьму. Несмотря на разрушительные удары по оппозиции, академик не признавал поражения. В интервью ЮПИ Сахаров так отвечал на вопрос «Движение инакомыслящих в СССР дезорганизовано. Есть ли путь реорганизовать его?»: «Сила борьбы за права человека — не в организации, не в числе участников. Это сила моральная, сила безусловной правоты. Это движение не может исчезнуть бесследно. Уже сказанное слово живет, а новые люди со своими неповторимыми судьбами и сердцами вносят все новое и новое»¹⁶⁵.

Несмотря на то, что с 1980 г. Сахаров находился во внесудебной ссылке в Горьком, связь его с внешним миром не прерывалась. Для полной ликвидации открытой оппозиции Сахарова следовало изолировать и от народа, и

от Запада. В 1980 г. усилилось давление на невесту сына Боннэр А.Семенова Е.Алексееву — в мае ее «предупредили» о недопустимости посещений Горького. Боннэр и Сахаров добивались ее выезда из СССР для соединения с женихом. Когда А.Семенов уезжал в США в 1978 г., Сахаров обещал ему, что добьется и выезда любимой девушки. Но КГБ решило не выпускать ее «просто так». «Фактор Алексеевой» позволял «давить» на Сахарова¹⁶⁶. В письме к Брежневу 26 мая 1981 г. Сахаров писал о том, что «недостойным является использование КГБ судьбы моей невестки для мести и давления на меня»¹⁶⁷. 22 ноября Сахаров и Боннэр объявили голодовку с требованием разрешить выезд из страны Е.Алексеевой. Голодовка вызвала резко отрицательную реакцию значительной части диссидентов (Р.Пименова, П.Григоренко, Л.Чуковской, Ф.Красавина и др.). Диссиденты выступали даже не столько против самого метода, сколько против «незначительности цели», которую ставил Сахаров. Академик характеризовал призывы своих товарищей «ради общего пожертвовать частным» как «тоталитарное мышление»¹⁶⁸. Эти события показали, насколько среда оппозиции может быть жестока в кризисных ситуациях. Сахаров вспоминает, что «многие наши друзья-диссиденты направили свой натиск на Лизу (Е.Алексееву — *А.Ш.*) — и до начала голодовки, и даже когда мы ее уже начали, заперев двери в буквальном и переносном смысле. Лиза, якобы, ДОЛЖНА предотвратить или (потом) остановить голодовку, ведущуюся “ради нее”! Это давление на Лизу было крайне жестоким и крайне несправедливым»¹⁶⁹. Моральная изоляция в этих условиях была настоящей пыткой, и осуществлявшие этот бойкот оппозиционеры не могли этого не знать. В сущности в этом конфликте Сахаров оказался много последовательнее своих товарищей по движению. Для него голодовка была «продолжением моей борьбы за права человека, за право свободы выбора страны проживания...»¹⁷⁰. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что в данном случае был реальный шанс одержать победу, что в тяжелых условиях 1981 г. было крайне важно. И Сахаров победил.

Либерально настроенные ученые объясняли руководству Академии наук, что гибель Сахарова в процессе голодовки вызовет грандиозный скандал, в центре которого окажется АН. Это будет означать долгосрочный разрыв научных связей, прекращение зарубежных командировок для одних и унижения для других. По воспоминаниям Е.Фейнберга, на А.Александрова «давили не только те, кто опасался лишь разрыва научных связей, но и те, кому Андрей Дмитриевич был дорог как уникальная личность, просто как человек, вызывавший любовь и восхищение. Иногда слова о возможном разрыве связей были лишь “рациональным прикрытием” для более личных чувств. Я не знаю точно, как оно произошло, но Анатолий Петрович в конце концов преодолел себя и совершил этот поступок — поехал к Брежневу, который решил вопрос: “Пусть уезжает”»¹⁷¹. 8 декабря президент АН А.Александров лично позвонил Алексеевой, сообщив ей, что вопрос будет решен положительно. Голодовка продолжалась до 9 декабря. По меткому наблюдению Л.Литинского, Сахаров и Боннэр «проскочили на грани» — 13 декабря, с введением военного положения в Польше отношения между

СССР и США резко ухудшились, и мотивы для уступок диссидентам были утеряны¹⁷². Но уже 19 декабря Е.Алексеева вылетела в Париж.

Система массовой информации (дезинформации) продолжала свое наступление на Сахарова. Главным полем боя оставалось взаимодействие Сахарова с международной общественностью. Здесь академик был подлинно опасен — на Западе к его голосу прислушивались. В феврале 1983 г. Сахаров написал статью «Опасность термоядерной войны», в которой доказывал, что Запад отстал от СССР в гонке вооружений. «Восстановление стратегического равновесия, — писал Сахаров, — возможно только при вложении крупных средств, при существенном изменении психологической обстановки в странах Запада...

Я понимаю, конечно, что пытаюсь ни в чем не отставать от потенциального противника, мы обрекаем себя на гонку вооружений — трагичную в мире, где столь много жизненных, не терпящих отлагательства проблем. Но самая главная опасность — сползти к всеобщей термоядерной войне. Если вероятность такого исхода можно уменьшить ценой еще десяти или пятнадцати лет гонки вооружений — быть может, эту цену придется заплатить...»¹⁷³ Здесь академик воспринимает себя как органическую часть западного мира, советуя «своей стороне» усиливать давление на «потенциального противника». Как мы видели, этот совет был принят, причем еще раньше, чем прозвучал.

Доказывая бессмысленность ядерной войны, Сахаров, кстати, обратил внимание на опасность «звездных войн», способных разрушить озоновый слой. Но главное внимание «советской общественности» было обращено на слова академика об оправданности развертывания американских ракет.

Реакция не заставила себя ждать. 3 июля в «Известиях» вышла статья академиков А.Дородницына, А.Прохорова, Г.Скрябина и А.Тихонова «Когда теряют честь и совесть», в которой они писали: «Сахаров призывает США, Запад ни при каких обстоятельствах не соглашаться с какими-либо ограничениями в гонке вооружений, ядерных в первую очередь». Отталкиваясь от мнения академика о возможном продолжении гонки вооружений еще 10—15 лет, его коллеги заявляли: «Сегодня Сахаров, по существу, призывает использовать чудовищную мощь ядерного оружия, чтобы вновь припугнуть советский народ, заставить нашу страну капитулировать перед американским ультиматумом». Предвосхищая лозунги более позднего времени, академики обращаются к общечеловеческим ценностям: «В его действиях мы усматриваем также нарушение общечеловеческих норм гуманности и порядочности, обязательных, казалось бы, для каждого цивилизованного человека». С нотками недовольства академики пишут и о терпимости советского народа к Сахарову — живет себе спокойно в Горьком, не то что в Америке, где когда-то казнили Розенбергов¹⁷⁴.

В 1983 г. вышла книга Н.Яковлева «ЦРУ против СССР», в которой на чету Сахарова и Боннэр обрушивались потоки клеветы самого низкопробного содержания. Расчет был сделан на низменные инстинкты читателей. В апреле 1983 г. в журнале «Смена» Н.Яковлев развил свои откровения по поводу морального облика Е.Боннэр: «В молодости распущенная девица

достигла почти профессионализма в соблазнении и последующем обирании... пожилых и, следовательно, с положением, мужчин»¹⁷⁵. Боннэр обвинялась в том, что она стала главным проводником усилий «провокаторов», которые толкают «этого душевно неуравновешенного человека на поступки, которые противоречат облику Сахарова-ученого»¹⁷⁶.

Это были не просто слова. «Очень многое — и в особенности писания Яковлева... — считал Сахаров, — говорят о том, что власти (КГБ) собираются изобразить в будущем всю мою общественную деятельность случайным заблуждением, вызванным посторонним влиянием, а именно влиянием Люси — корыстолюбивой, порочной женщины, преступницы-еврейки, фактически — агента международного сионизма. Меня же вновь надо сделать видным советским (русским — это существенно) ученым, и эксплуатировать мое имя на потребу задач идеологической войны»¹⁷⁷.

Атакой на Боннэр власти пытались «убить двух зайцев» — скомпрометировать дело академика и «вывести из строя» его супругу — человека большого физически, но представлявшего собой единственную постоянную связь Сахарова с внешним миром. В сентябре 1983 г. Боннэр попыталась привлечь Яковлева к суду за клевету, но как только расследование выявило первые несоответствия в данных Яковлева, дело «прикрыли». В целом книга «ЦРУ против СССР» и газета «Смена» сделали свое дело — большая часть читателей, даже настроенных критически, поверила, что пусть не все здесь правда, «но что-то такое должно быть». Сахаров, правда, получил чудесную возможность ответить Яковлеву.

14 июля Яковлев пришел к Сахарову, чтобы взять у него интервью. Академик, немало удивившись такой наглости, все же провел с визитером длительную беседу, в которой указывал автору «ЦРУ против СССР» на ложность приводимых им сведений. «Я часто употреблял в разговоре умышленно-оскорбительные выражения, но Яковлев никак на это не реагировал, преследуя какую-то свою цель... Яковлев: “Я беспартийный историк”. Я: “Какое это имеет значение? Среди членов партии бывают иногда люди идейные, заслуживающие уважения, а что вы? А что, если в своей истории вы также лживы?” Яковлев: “Вы можете подать на меня в суд. У меня есть свидетели, данные прокуратуры, суд разберется”. Я говорю: “Я не верю в объективность суда в данном деле — я просто дам вам пощечину”. Говоря это, я быстро обошел вокруг стола, он вскочил и успел, защищаясь, протянуть руку и пригнуться, закрыв щеку, и тем самым парировал первый удар, но я все же вторым ударом левой руки (чего он не ждал) достал пальцами до его пухлой щеки»¹⁷⁸. После этого пострадавший гордо удалился со словами «А еще интеллигент!»¹⁷⁹ Учитывая, что для Сахарова это было второе деяние подобного рода в жизни, оно вряд ли смотрелось очень эффектно, но все же было расценено как достаточная сатисфакция. Сам Сахаров с удовольствием вспоминал об этом случае. «Но я слышал от самого Андрея Дмитриевича, что он ему оплеуху дал. С каким же удовольствием этот интеллигент, этот человек, который совершенно не способен на грубое слово, рассказал, как он съездил Яковлева по физиономии. Было просто радостно

слушать и видеть. Это, по-моему, он считает своим главным подвигом в жизни, мужским»¹⁸⁰, — вспоминал А.Адамович.

Но времена рыцарского поведения прошли. В 1984 г. в руки КГБ попал еще один козырь. Здоровье Боннэр ухудшилось настолько, что ей требовалось срочное и серьезное лечение. Доверия советской медицине у горьковских узников не было. Сахаров попросил американского посла принять жену в американском посольстве, чтобы добиться ее выезда для лечения в США. Но 2 мая Боннэр была арестована в аэропорту Горького, против нее возбудили уголовное дело. Тогда Сахаров начал голодовку. Эта акция также вызвала споры в либеральной среде. Повод казался еще менее значительным, чем в случае с Алексеевой, поскольку Боннэр могла оперироваться и в СССР. Опасения Сахарова казались надуманными. Е.Фейнберг оценивает ситуацию иначе: «Обожаемая жена, здоровье которой находится в критическом состоянии — достаточная причина. Готовность поставить свою жизнь “на карту” может вызвать горькое чувство и даже осуждение у других, но тогда нужно осуждать и Пушкина, который прекрасно понимал, что он значит для России, и тем не менее погиб, защищая свою честь и честь своей жены...»¹⁸¹

6 мая всякое его сообщение с внешним миром прекратилось. Его смерть могла вызвать нежелательный резонанс. Уже через неделю академика начали насильно кормить. Эта процедура была мучительной и унижительной. По воспоминаниям Б.Альтшулера, «как-то уже в Москве он сказал Михаилу Левину: “Ты знаешь, в больнице я понял, что испытывали рабы Древнего Рима, когда их распинали”»¹⁸². Одновременно был снят фильм о том, как замечательно Сахаров живет в Горьком. Лидер разгромленного диссидентского движения был изолирован, поставлен перед угрозой потери жены и не мог даже умереть по собственной воле. Начинаясь период поражений, тяжелых разочарований, «нормализация человека идейного».

19 мая с личной конфиденциальной просьбой разрешить Боннэр выехать за границу обратился к Черненко Рейган. В ответе американцам говорилось: «Эта дама и ее сообщники умышленно драматизируют ситуацию в антисоветских целях. Что касается действительного состояния ее здоровья, то она переживет многих современников. Об этом свидетельствует авторитетное заключение квалифицированных врачей»¹⁸³. Этот прогноз оказался верен. С поправкой на то, что «даме» все же была сделана качественная операция за границей.

10 августа 1984 г. Боннэр была приговорена к ссылке в Горьком и потере возможность покидать город. Клетка захлопнулась — Сахаров был надежно изолирован. 8 сентября он вышел из больницы, прекратив голодовку. Еще месяц он пребывал в глубокой депрессии¹⁸⁴. В письме к А.Александрову от 10 ноября 1984 г. Сахаров писал, что переживает «самый трагический момент в своей жизни», просил помочь в выезде жены для лечения, утверждал, что ее поездка не имеет политических целей (здесь он ошибался). Если его просьба не будет удовлетворена до 1 марта 1985 г., Сахаров заявлял о выходе из АН (потом он перенес этот срок на 10 мая, а после избрания Генсеком Горбачева — отказался от этого намерения)¹⁸⁵.

Но и в этих условиях Сахаров представлял для властей постоянную проблему — прежде всего внешнеполитического плана. Во время визита в Москву президента Франции Ф.Миттерана он на торжественном обеде в Кремле поднял тост за Сахарова, напомнив гостям, что очень многое в отношениях с Западом зависит от положения академика.

Последним каналом «на волю» для Сахарова оставались коллеги, изредка приезжавшие для научных бесед. Но они не участвовали в оппозиционном движении, хотя и были настроены фрондерски. В 1990 г. Е.Боннэр утверждала, что «третьей голодовки Андрея Дмитриевича (1985 г.) могло не быть, если б его коллеги нашли в себе силы выполнить его прямую просьбу... Но и в Москве, и в “заграницах” коллеги молчали как партизаны»¹⁸⁶. Речь идет о просьбе А.Сахарова В. Гинзбургу способствовать «активным коллективным действиям группы академиков и членов-корреспондентов в поддержку моей просьбы». «Вот уж поистине аберрация, свойственная, очевидно, и великим людям»¹⁸⁷, — комментирует Гинзбург. Академики вовсе не собирались поддерживать столь очевидно личную просьбу Сахарова о выезде его жены. У них не было недоверия к советской номенклатурной медицине, да и охоты из-за «мелочи» конфликтовать с властью. Особенно в условиях начинающихся перемен. Это же касается и зарубежной академической общественности. К тому же Сахаров попытался передать с коллегами нелегальные материалы, что вызвало их возмущение¹⁸⁸. Академические ученые не собирались играть в подпольщиков, действующих в тылу собственной страны.

Убедая Президента АН Александрова в необходимости разрешить выезд Боннэр, Сахаров писал: «Я хочу и надеюсь прекратить свои общественные выступления. Я готов к пожизненной ссылке. Но гибель моей жены (неизбежная, если ей не разрешат поездку) будет и моей собственной гибелью»¹⁸⁹.

Накануне прихода к власти Горбачева режим был как никогда близок к политической монополии. Но заверения Сахарова не помогли.

16 апреля 1985 г., после того, как здоровье жены снова стало ухудшаться, Сахаров начал новую голодовку. 21 апреля он был принудительно госпитализирован и снова подвергнут насильственным кормлениям, разрушавшим внутренние органы. Все это проходило под аккомпанимент апрельского пленума ЦК КПСС. Голодовка продолжалась с двухнедельным перерывом до 23 октября. Интересно, что именно в это время изоляция Сахарова достигла максимума. По словам Б.Альтшуллера, «никто не знал, что происходит в Горьком»¹⁹⁰. С этим последним всплеском локального тоталитаризма при Горбачеве во многом связано скептическое отношение к дальнейшим переменам со стороны диссидентов. В июле ООН официально объявил Сахарова пропавшим без вести.

Для облегчения этого положения требовалась серьезная заинтересованность высшего руководства СССР в улучшении этих отношений. Исход схватки Сахарова с режимом уже зависел от изменений в недрах самого режима, в том числе его внешней политики. Эскалация конфликта с академиком подрывала остатки престижа СССР в самый непоходящий момент —

Горбачев готовился к «прорубанию окна в Европу». В сентябре Сахаров был проинформирован, что с его письмом о критическом положении, в котором он находится, ознакомился Горбачев.

При обсуждении вопроса о выезде Боннэр на Политбюро победила точка зрения Н.Рыжкова: «Я за то, чтобы отпустить Боннэр за границу. Это гуманный шаг. Если она там останется, то, конечно, будет шум. Но у нас появится возможность влияния на Сахарова»¹⁹¹. Но выезд решили обусловить поведением Сахарова и Боннэр уже при Горбачеве. В конце октября Боннэр было разрешено выехать в США для лечения, и 25 ноября она уехала из Горького. Как и следовало ожидать, ее поездка превратилась в агитационный тур. Заверения Сахарова не оправдались.

Горбачев вернулся из Женевы. Критический период в жизни Сахарова, значительно укоротивший эту жизнь, завершился.

Наступление властей вызвало в диссидентском движении тяжелый кризис, граничащий с гибелью. Дело было даже не в физическом разрушении оппозиционных структур, а в безысходности, возникшей в связи с позицией властей. Л.Алексеева писала об этой проблеме: «Поскольку мирным путем, единственно признаваемым правозащитниками, эти проблемы можно решить только в сотрудничестве с властями, их отказ от диалога вызвал в начале 80-х гг. кризис правозащитного движения, усугубившийся из-за резкого усиления репрессий — активность его снизилась, число участников, возможно, уменьшилось. Однако это не кризис цели, которая не обесценена в глазах участников движения и далеко за его пределами, и не кризис методов»¹⁹². Цель, конечно, не потеряла свою привлекательность, что нельзя сказать о методах. Кризис методов диссидентского движения привел к его постепенному угасанию даже тогда, когда возможности для легальной деятельности стали расширяться во второй половине 80-х гг. Новые методы отрабатывались другой волной общественного движения — «неформалами». В поисках выхода диссиденты вглядывались в существующие неформальные движения, «разрозненные и влекущиеся друг к другу приватные “культурнические” инициативы», «наивные, порою даже раздражающие своим желанием сделать “навыворот”, но несущие в себе стремление изнутри преодолеть блокаду», и мечтали о новом «хождении в народ» (М.Гефтер)¹⁹³. Кризис диссидентского движения мог быть преодолен только на этом направлении — переход к неформальным методам работы и осторожное сближение с неформальным движением. Но дальше разговоров дело не пошло. И это не случайно — диссиденты слишком далеко оторвались от «советского человека», которым был и «неформал». Этот отрыв начинал осознаваться и участниками движения. По мнению В.Прибыловского, значительная часть «самиздата» и «тамиздата» — это диссидентские издания «для диссидентов» либо слишком теоретические журналы¹⁹⁴. Это мешает инакомыслящим выйти за рамки собственной микросреды.

Кризис диссидентского движения имел и стадияльно-психологическую составляющую. Большинство его членов исчерпали потенциал «идейной» стадии своего развития, жизнь учила их быть прагматиками. Поскольку базовые индивидуально-психологические черты диссидентов гармонирова-

ли именно с «идейной» стадией, «прагматический» период вызывал разочарования, депрессию, ощущение сильнейшей усталости. Отход от общественной деятельности в этом случае — типичное решение. Люди, слишком далеко оторвавшиеся от отечественной почвы, после освобождения предпочитали эмиграцию. Лишь немногие, в том числе А.Сахаров, С.Ковалев и другие «политические долгожители» современности, биографии которых приводятся в этой книге, были готовы продолжать борьбу в новых, революционных условиях. Их прагматизм оставался деятельным и предполагал поиск взаимопонимания и известного компромисса с меняющейся советской действительностью.

Участники диссидентского движения воспринимали его как объединяющий, структурообразующий стержень «общественности» СССР: «Нам кажется, что это движение в течение последних двух десятилетий занимало центральное положение среди других течений и было для них объединяющим...»¹⁹⁵ Это мнение очень далеко от действительности. Большинство участников «других течений» относились к диссидентам в лучшем случае индифферентно, а чаще настроено или враждебно. Конфронтационный стиль диссидентов отгалкивал неформальное движение (экологическое, культурозащитное, педагогическое, значительную часть песенного), которое просто не смогло бы действовать, если было бы уличено в связи с оппозицией. И позднее радикализм диссидентов еще долго, вплоть до 1988—1989 г., будет встречать отторжение среди значительной части неформалов. Да и для большинства диссидентов неформалы были органической частью опустылевшей советской действительности. Однако в условиях кризиса оппозиции часть периферии диссидентского движения перешла к неформальным методам работы, предполагавшим возможность соглашения с властями. Одним из продуктов такого соглашения стал литературный «Клуб-81» в Ленинграде — одно из старейших неформальных объединений, позднее участвовавших в становлении гражданского общества во второй столице.

4 июня 1982 г. возникла «Группа за установление доверия между Востоком и Западом» или «Доверие», провозгласившая чисто пацифистские цели. Группа, имевшая «отказническое» происхождение, выступала за то же самое, за что официально ратовала КПСС. Под декларацией «Доверия» поставили подписи более 900 человек в Москве, Ленинграде, Риге, Нальчике, Таллине, Владимире. Вероятно, не все «подписанты» понимали, что связались с «диссидентщиной», но эффект массовой подписной кампании сыграл свою роль — группу разгонять не стали, и она дожила до Перестройки.

Часть новых участников движения, напротив, вернулась к подпольным формам работы. «Им просто неизвестно, что подпольные кружки были довольно широко распространены в СССР с середины 50-х годов и до середины 70-х и за 20-летие не оставили по себе никакого следа, что это — пройденный этап, не оправдавший себя»¹⁹⁶. Это заключение Л.Алексеевой не оправдалось. Сосредоточившись на удушении открытого диссидентского движения, КГБ упустило большую часть подпольщиков из виду — ведь они не провоцировали международный скандал и не имели пока значительной пе-

риферии. Но через подпольные кружки прошли многие участники общественного движения второй половины 80-х гг. Здесь они осмысливали окружающую их действительность, а иногда и приобретали первый политический опыт. В.Корсетов, участвовавший в движении самодетельной песни и заводских трудовых конфликтах, а позднее — в становлении неформального и кооперативного движения, вспоминал о кружках того времени: «В 1980—1984 гг. я участвовал в “сходках” остатков разбитой группы “Поиски” (С.Белановский, И.Вербицкий и др.). Заходили В.Найшуль и Г.Пельман. У них сохранилась огромная библиотека самиздата. Они научились конспирироваться и поэтому идейная работа в этой среде арестами не прерывалась. Эта группа придерживалась ориентации на “капиталистический путь развития”. Они оказывали юридическую помощь менее опытным группам, например — группе “молодых социалистов”, наделавших к этому времени уже множество ошибок. Организовывались семинары с участием интересных людей с Запада. Это было интересно как для нас, так и для них, поскольку мы пытались донести до них реальную картину нашей жизни. Участники семинаров действовали очень осторожно, и КГБ не вмешивалось. Эта была питательная среда, которая постепенно обрастала людьми. Налаживались неформальные связи. После возвращения “молодых социалистов”, с 1984 г., начались семинары Кагарлицкого. Там появился М.Малютин. На всех этих семинарах главной темой была проблема альтернативы тому, что существует — капиталистическая, социалистическая. Рыночные модели в нашем сознании доминировали — мы приходили к выводу, что общество без потоков капитала нежизнеспособно»¹⁹⁷.

Подобные же объединения, часто генетически вовсе не связанные с диссидентами, существовали и в других городах. Так, например, в Ленинградском инженерно-экономическом институте работал полулегальный экономический кружок, лидером которого был А.Чубайс.

В первой половине 80-х гг. в СССР действовали также десятки левацких кружков, о которых упоминалось выше. В период Перестройки они легализовались в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Куйбышеве, Перми и других городах. Другой типичный пример подпольной организации — кружок В.Новодворской—К.Пантуева, действовавший в 1983—1986 гг. Он, видимо, «отслеживался» КГБ более «плотно», так как имел постдиссидентское происхождение, и его лидер был властям хорошо известен. Но, несмотря на это (если верить В.Новодворской), «мы тиражировали Самиздат, развозили его по городам, раздавали по группам, раскидывая сеть все шире и шире. Нашли ксеристов, нам размножали наши нелегальные материалы за деньги, но недорого»¹⁹⁸.

Таким образом, фактический разгром старого диссидентского движения не означал исчезновения оппозиции как таковой. В конце 70-х — начале 80-х гг. стало возникать новое поколение инакомыслящих, генетически лишь отчасти связанное с предыдущим. Воздействие диссидентского движения на новое поколение оппозиции так же, как и на либеральные круги истеблишмента, было довольно велико. Но все же в обоих случаях оно не стало опре-

деляющим. Становление гражданского общества во второй половине 80-х гг. будет осуществляться неформальным движением, которое возникло параллельно с диссидентским и существовало иногда во взаимодействии с ним, а иногда вне всякой связи с открытой оппозицией.

Впрочем, оставалась и среда, порожденная старой генерацией, но все очевиднее приобретающая черты неформальности. Продолжал распространяться «самиздат» и «тамиздат» — люди не прекращали перепечатывать и давать друг другу оппозиционную литературу. Это не требовало специальной организации. Хаотическая циркуляция оппозиционных текстов ломала идеологические стереотипы читателей. Пока это происходила бессистемно, очень многое зависело от того, в какой последовательности литература проходила через руки (и сознание) человека. В обращении были работы авторов самых разных направлений. Все это жадно впитывалось теми, кто рисковал читать «диссидентщину», ломало то одни, то другие политические стереотипы и создавало новые.

В этом смысле показателен сборник самиздата, изготовленный В.Прибыловским в 1984 г. и циркулировавший в 1984—1987 гг. в кругах, близких к издателям журнала «Левый поворот». Он включал статью Прибыловского, посвященную марксистской критике «реального социализма», написанную с либеральных позиций, его же разбор журнала «Левый поворот», статью А.Солженицына «Жить не по лжи», открытое письмо Ф.Раскольникову Сталину, анализ советской экономики и социальной структуры В.Сокирко и В.Заславского, фрагменты книги А.Зиновьева, резко антикоммунистическую статью «Возможен ли коммунизм как экономическая система» и статью еврокоммуниста Р.Медведева. Материалы сборника поступили в оборот в 1979—1983 гг. и затем были скомпонованы В.Прибыловским¹⁹⁹. Чтение такого «салата» могло привести к каким угодно выводам, что, вероятно, и было целью автора — сторонника идейного плюрализма.

Наступление на диссидентов продолжалось до середины 1985 г. Еще в июне 1985 г. Политбюро решило провести серию административных задержаний (всего 25 человек) в преддверии Всемирного фестиваля молодежи, дабы ограничить контакты еще оставшихся диссидентов с иностранцами²⁰⁰. 19 марта был арестован Л.Тимофеев, публиковавший свои критические произведения за границей (фрагменты его дискуссий со следователем на допросе мы приводили выше).

ТИМОФЕЕВ Лев Михайлович

1936 года рождения. В 1953—1958 годах учился на коммерческом факультете Московского института внешней торговли. В 1958—1960 годах работал в представительствах объединения «Совфрахт» Министерства морского флота СССР в Новороссийске и Находке. В 1961 году — матросом на траулере.

В 1962 году был призван в армию в качестве офицера. Служил в Рязани.

С 1963 года занимается исключительно литературной деятельностью. Его произведения были опубликованы в различных периодических изданиях («Новый

мир», «Юность», «Литературная газета», «Молодой коммунист», «В мире книг» и других). Состоял в штате журнала «Молодой коммунист».

В 1973—1975 годах принимал ковенное участие в деятельности небольшой группы еврокоммунистически настроенных журналистов и публицистов «Солярис», которая была образована вокруг редакции «Молодого коммуниста» Леном Карпинским, Игорем Клямкиным и Владимиром Готовым. После раскрытия группы органами КГБ ее руководители были вынуждены уволиться из редакции «по собственному желанию». И хотя дело группы не повлияло непосредственно на положение Тимофеева в журнале, в 1977 году он был вынужден покинуть его в связи с обострением отношений внутри редакции.

В 1978—1980 годах работал в журнале «В мире книг». Уволился после первых публикаций его работ за рубежом. Зарабатывал на жизнь репетиторством.

В 1960—1970-х годах Тимофеев подолгу жил в деревне Желанное Рязанской области. Наблюдения за жизнью современного села легли в основу ряда его социально-экономических работ, распространявшихся в самиздате и изданных за рубежом под его собственным именем. Важнейшей из них являлось эссе «Технология черного рынка или крестьянское искусство голодать».

В 1980—1984 годах на Западе были опубликованы, кроме уже упомянутого эссе, следующие работы Тимофеева: «Ловушка. Роман в четырех письмах», «Последняя надежда выжить. Размышления о советской действительности», пьеса «Моление о чаше». Они неоднократно передавались радиовещательными станциями «Свобода», «Голос Америки».

19 марта 1985 года Тимофеев был арестован КГБ. В день ареста он заявил, что, не отрицая авторство вышеуказанных работ, отказывается принимать участие в следствии, поскольку не считает литературное творчество уголовно наказуемым деянием.

Приговорен 19 сентября 1985 года к 6 годам лагерей и 5 годам ссылки по статье 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Заключение отбывал в политическом лагере в Пермской области.

Освобожден в начале февраля 1987 года. После освобождения был одним из инициаторов издания журнала «Гласность» и создания пресс-клуба «Гласность». В 1987—1990 гг. — редактор независимого журнала «Референдум» (вышло 38 номеров).

В 1988 году получил премию имени Владимира Даля за автобиографическую книгу «Я — особо опасный преступник». В 1989—1991 годах почти все его произведения были напечатаны советскими журналами.

В 1990—1991 годах — координатор Московской Хельсинкской группы (МХГ), член Исполкома Международной хельсинкской федерации. Член Московского Союза писателей, клуба столичной интеллигенции «Московская трибуна», член Совета представителей Движения «Демократическая Россия» (от «Московской трибуны»), член Российского ПЕН-клуба, редакционного совета журнала «Юность».

В 1992—1993 гг. вышли его книги «Зачем приходил Горбачев» и «Черный рынок как политическая система». В демократических изданиях публикует

статьи на социально-экономические темы. С начала 1993 года обозреватель газеты «Русская мысль».

Приговор по делу Тимофеева был вынесен 19 сентября 1985 г., через несколько месяцев после «перестроечного» пленума. И только через год после «перестроечного» съезда в СССР начнут амнистировать политических заключенных.

В условиях кризиса диссидентского движения в середине 80-х гг. социалистическая альтернатива коммунизму получила новый шанс на то, чтобы превратиться в доминанту оппозиционного движения. В.Прибыловский, например, считал, что социалистическая оппозиция имеет больше шансов на успех в нашей стране, так как реформы все равно первоначально будут проводиться в рамках официальной идеологии, да и население более податливо к социалистическим взглядам²⁰¹. Все оппозиционные кружки, как казалось, ничего не смогут добиться, если они не будут поддержаны массовым движением снизу. О нем мечтали, не верили в его возможность и все равно искали возможности поднять народ на штурм старого мира. Комментируя позицию журнала «Левый поворот», В.Прибыловский писал в 1982 г.: «В системе приоритетов редакции на первом плане такая примерно основополагающая идея: “Реформы сверху под давлением снизу”. Тезис неопровергаемый, хотя, по правде сказать, маловероятно, что он скоро станет социальной реальностью»²⁰². Реальность приближалась гораздо быстрее, чем об этом могли мечтать диссиденты. Ситуация, характерная для революций и революционеров. И все же наиболее дальновидные диссидентские авторы предсказывали неминуемые социальные катаклизмы в ближайшей перспективе: «Простое экстраполирование предсказывает кризисную точку где-то на рубеже 1990 г., — подводит В.Сокирко итог своему экономическому анализу, — с учетом непризнаваемой инфляции — в районе 1984 г., понимая под ней начало падения национального дохода, т.е. начало абсолютного обнищания»²⁰³. В результате В.Сокирко предсказывает «час Амальрика» — внешнеполитические авантюры (написано в ноябре 1979 г.) и социальный взрыв с гражданской войной — призрак, неоднократно возникавший потом в футурологических работах начиная с 1988 г. В результате — восстановление диктатуры, повторение процессов начала века в том же масштабе. «Да, круг замкнется, но через гибель — нашу и наших детей», — мрачно предсказывает Сокирко²⁰⁴. И все же, по мнению автора, шанс на спасение есть — в народной памяти, из которой еще не ушли ужасы сталинизма, в росте «разноверия» — общественного разномыслия, уважения к независимой от государства трудовой деятельности, в подчеркнутом легализме оппозиции, в постепенном осознании кризиса верхами (здесь автор ссылается на речь Брежнева в ноябре 1979, выдержанную в несколько более критических тонах, чем обычно). Сокирко считает, что такие факторы «исчезающе малы»²⁰⁵. История показала, что эти и другие, вероятно, — более глубинные факторы социальной стабилизации оказались сильнее, и общественная трансформация конца 80-х — начала 90-х гг. произошла без катастрофы, подобной первым десятилетиям XX в. Однако сам диагноз и перечисление

факторов выздоровления оказался довольно точным — особенно если учесть условия, в которых приходилось работать оппозиционным авторам.

Кризис стремительно приближался. Сама история предоставляла авторам «нетрадиционной социальной медицины» принять участие в лечении затянувшейся болезни.

Примечания

1. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч.
2. Волков П. Указ. соч.
3. Смирнов И. Время колокольчиков. Жизнь и смерть русского рока. М., 1994. С. 63.
4. Волков П. Указ. соч.
5. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 274—276. Соб. инф.
6. «Лабиринт».
7. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 3. С. 673—674.
8. Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 185.
9. Волков П. Указ. соч.
10. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Кто вышел на площадь // Погружение в трясину. С. 523.
11. Алексеева Л. Указ. соч. С. 191.
12. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 511—512.
13. Сахаровский сборник. С. 313.
14. Вести из СССР. Т. 1. С. 218.
15. Волков П. Указ. соч.
16. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 525.
17. Аксючиц В.В. Беседа с автором 22.05. 1998 г.
18. Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 180—181.
19. Гефтер М.Я. Указ. соч. С. 93.
20. Волков П. Указ. соч.
21. Кто есть кто в России... С. 160. Соб. инф.
22. Померанц Г. Цена отречения. С. 91.
23. Волков П. Указ. соч.
24. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 532.
25. Там же. С. 538.
26. Померанц Г. Указ. соч. С. 88.
27. Волков П. Указ. соч.
28. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 528.
29. Там же. С. 529.
30. Там же. С. 541.
31. Буковский В. Указ. соч. С. 179.
32. Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 177—178.
33. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 426—427.
34. Миф о застое. Л., 1991. С. 385.

35. Там же. С. 450.
36. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 31.
37. Аксючиц В.В. Беседа с автором.
38. Лакер У. Указ. соч. С. 110. Не столь категорично ту же мысль о предпочтительных условиях развития славянофильской тенденции по сравнению с западной высказывает Д.Кречмар (Кречмар Д. Указ. соч. С. 91).
39. Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 718—719.
40. Тимофеев Л. Я — особо опасный преступник. М., 1990. С. 29—30.
41. Волков П. Указ. соч.
42. Аксючиц В.В. Беседа с автором.
43. Волков П. Указ. соч.
44. Новодворская В. По ту сторону отчаяния. М., 1993. С. 77, 76.
45. Алексеева Л. Указ. соч. С. 192.
46. Волков П. Указ. соч.
47. Вести из СССР. Т. 1. С. 87.
48. Цит. по: Эллис Д. Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие. Л., 1990. С. 172.
49. Померанц Г. Указ. соч. С. 101.
50. Алексеева Л. Указ. соч. С. 264.
51. Волков П. Указ. соч.
52. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 511.
53. Там же. С. 510.
54. Там же. С. 511.
55. Гефтер М.Я. Указ. соч. С. 92.
56. Померанц Г. Указ. соч. С. 100—101.
57. Алексеева Л. Указ. соч. С. 192.
58. Шафаревич И.Р. Указ. соч. С. 40—41.
59. Буковский В. Указ. соч. С. 347.
60. Боннэр Е. Постскрипtum. Книга о горьковской ссылке. М., 1990. С. 47—48.
61. Там же. С. 48.
62. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 78—79.
63. Боннэр Е. Указ. соч. С. 50.
64. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 77. Д. 162. Л. 2—4.
65. Прибыловский В.В. Беседа с автором 11 сентября 1996 г.
66. Сахаровский сборник. С. 235—241.
67. Буковский В. Указ. соч. С. 59—60.
68. Померанц Г. Указ. соч. С. 101.
69. Там же. С. 90.
70. Лакер У. Указ. соч. С. 146.
71. Гефтер М.Я. Указ. соч. С. 100—101, 103.
72. Там же. С. 101—102.
73. Новодворская В. Указ. соч. С. 77.
74. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 533.
75. Там же. С. 534.
76. Волков П. Указ. соч.
77. Буковский В. Указ. соч. С. 343—344.
78. Прибыловский В.В. Беседа с автором.
79. Горшков М. Общественное мнение. М., 1988. С. 297.
80. Волков П. Указ. соч.
81. Там же.
82. Новодворская В. Указ. соч. С. 78.

83. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 404—405.
84. Волков П. Указ. соч.
85. Эллис Д. Указ. соч. С. 246.
86. Волков П. Указ. соч.
87. Алексеева Л. Указ. соч. С. 255—259
88. См., например: Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. М., 1996. С. 684—685
89. Алексеева Л. Указ. соч. С. 257
90. Там же. С. 258—259
91. Там же. С. 283.
92. Там же. С. 284.
93. Вести из СССР. Т. 1. С. 34.
94. Там же. С. 86.
95. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 64—65.
96. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 273. Л. 2
97. Кузнецов Ф. Конфуз с «Метрополем» // Московский литератор. 1979. 9 февраля.
98. Там же. Упомянутый в этом ряду Ю. Трифонов, известный как инакомыслящий писатель, отклонил предложение участвовать в сборнике, поскольку эта инициатива может иметь негативные последствия для процесса расширения писательской свободы в СССР (Кречмар Д. Указ. соч. С. 281). Оказался ли Трифонов прав? В условиях, когда рамки свободы писательского творчества выставлялись властью в зависимости от ее состояния, история с «Метрополем» не могла существенно повлиять на процесс «расширения» (сужения). Д. Кречмар считает, что «Метрополь» пал жертвой «жесточкого сопротивления культурной бюрократии», отстаивающей свое монопольное право на цензуру (Там же. С. 117). Вряд ли можно признать самостоятельность писательской бюрократии в таких вопросах — как видно из приведенных материалов, окончательные решения принимались выше. Авторитарная власть не претендовала на полный контроль над умами, но и свои подвижные границы оберегал бдительно. В 1979 г. потолок немного опустился, но причины этого многообразны.
99. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 273. Л. 3.
100. Кузнецов Ф. Указ. соч.
101. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 273. Л. 7.
102. Ерофеев В. Десять лет спустя // Огонек. 1990. № 37. С. 16.
103. Ерофеев В. Указ. соч. С. 17.
104. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 273. Л. 4.
105. Там же. Л. 16.
106. Ерофеев В. Указ. соч. С. 18. См. также: Кречмар Д. Указ. соч. С. 106—116.
107. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 273. Л. 21—22. В ноябре 1980 г. Е. Попов создал «Клуб беллетристов», который подготовил второй альманах — «Каталог». Маститых авторов привлечь не удалось. В 1981 г. клуб был разгромлен КГБ (См.: Кречмар Д. Указ. соч. С. 121—123).
108. Ерофеев В. Указ. соч. С. 18.
109. Алексеева Л. Указ. соч. С. 48.
110. Там же. С. 62—63.
111. Раззаков Ф. Указ. соч. С. 177—185; Взрыв в московском метро. ОПТ, 1997; Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 728—732.
112. Вести из СССР. Т. 1. С. 51.
113. Алексеева Л. Указ. соч. С. 131.
114. Суд очень демократичный // Источник. 1993. № 2. С. 99.
115. См. например: Белая книга. Свидетельства, факты, документы. М., 1979. С. 253.
116. Белая книга. Новые факты, свидетельства, документы. М., 1985. С. 101.
117. Новое время. 1983. № 25. С. 29.
118. Алексеева Л. Указ. соч. С. 131.

119. Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 720—721.
120. Аксютин В.В. Беседа с автором.
121. См.: Эллис Д. Указ. соч. С. 146—193.
122. Алексеева Л. Указ. соч. С. 189.
123. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 396—398; Новодворская В. Указ. соч. С. 11, 13—14, 17, 20—21, 60—65, 77, 100—102; Соб. инф.
124. «Просопограф».
125. Новодворская В. Указ. соч. С. 80.
126. «Просопограф».
127. Алексеева Л. Указ. соч. С. 317—318.
128. Новодворская В. Указ. соч. С. 81.
129. Буковский В. Указ. соч. С. 339—340.
130. Там же. С. 341.
131. Там же. С. 342.
132. Там же. С. 363.
133. Алексеева Л. Указ. соч. С. 276.
134. См., например: Вести из СССР. Т. 1. С. 3—24, 197—218; О массовых беспорядках с 1957 года... // Источник. 1995. № 6. С. 153.
135. Калугин О. Борьба КГБ с эмиграцией, «голосами» и организация фальшивок из-за рубежа // КГБ вчера, сегодня, завтра. М., 1994. С. 48.
136. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 89.
137. Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове. М., 1996. С. 682—683.
138. Добрынин А. Указ. соч. С. 536.
139. См. Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 765—773.
140. Владимов Г. Сослав его в Горький... // Сахаровский сборник. С. 12.
141. Миф о застое. С. 433—434.
142. Сахаровский сборник. С. 67.
143. Эллис Д. Указ. соч. С. 44—53, 201, 232—244; «Запад ищет сенсаций... Заявление священника Д.Дудко // Известия. 1980. 21 июня; Почему Зюганов должен стать президентом? М., 1996. С. 9—10.
144. Аксютин В.В. Беседа с автором.
145. Запад ищет сенсаций... Заявление священника Д.Дудко // Известия. 1980. 21 июня.
146. Воскреснет церковь — воскреснет Россия. Послепасхальные мысли отца Дмитрия Дудко // Солидарность. 1994. № 10. С. 8—9.
147. Эллис Д. Указ. соч. С. 241.
148. Аксютин В.В. Беседа с автором.
149. Там же.
150. Эллис Д. Указ. соч. С. 225—226.
151. Там же. С. 224—225.
152. Алексеева Л. Указ. соч. С. 277—279.
153. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 133.
154. О массовых беспорядках с 1957 года... С. 153; Алексеева Л. Указ. соч. С. 277—279.
155. Коммунист. 1981. № 14. С. 98.
156. Дело Кагарлицкого // Солидарность. 1991. № 12. С. 13.
157. Урушадзе Г. Указ. соч. С. 239—240.
158. Цит. по: Урушадзе Г. Указ. соч. С. 241.
159. Там же.
160. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 252, 312—313; Дело Кагарлицкого. Гласность. 1989. № 29; Кудюкин П.М. Беседа с автором; Прибы-

- ловский В.В. Беседа с автором; Кагарлицкий Б.Ю. Беседа с автором. 6 июня 1987 г.
161. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 1. С. 170—171.
 162. Он между нами жил... С. 94.
 163. О массовых беспорядках с 1957 года... С.153.
 164. Он между нами жил... С. 91.
 165. Сахаровский сборник. С. 284—285.
 166. Он между нами жил... С. 238, 407.
 167. Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 837—840.
 168. Там же. С. 844—846, 856.
 169. Там же. С. 847.
 170. Там же.
 171. Он между нами жил... С. 689.
 172. Там же. С. 410.
 173. Сахаров А. Опасность термоядерной войны // Боннэр Е. Указ. соч. С. 263.
 174. Дородницын А.А., Прохоров А.М., Скрябин Г.К., Тихонов А.Н. Когда теряют честь и совесть // Известия. 1983. 3 июля.
 175. Цит. по: Боннэр Е. Указ. соч. С. 57.
 176. Там же. С. 62.
 177. Сахаров А. Воспоминания. Т. 1. С. 900—901.
 178. Там же. С. 892—893.
 179. Яковлев Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 306.
 180. Андрей Дмитриевич. Воспоминания о Сахарове. М., 1990. С. 73—74.
 181. Он между нами жил... С. 690.
 182. Там же. С. 90.
 183. Добрынин А. Указ. соч. С. 584.
 184. Он между нами жил... С. 95.
 185. Там же. С. 216—224.
 186. Боннэр Е.Г. Кому нужны мифы // Огонек. 1990. № 11. С. 25.
 187. Он между нами жил... С. 238.
 188. Там же. С. 243.
 189. Там же. С. 225.
 190. Там же. С. 100.
 191. Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С. 336.
 192. Алексеева Л. Указ. соч. С. 193.
 193. Гефтер М.Я. Указ. соч. С. 112.
 194. О журнале «Левый поворот». С. 1. Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В.
 195. Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С. 504.
 196. Алексеева Л. Указ. соч. С. 285.
 197. Корсетов В.Е. Беседа с автором.
 198. Новодворская В. Указ. соч. С. 97.
 199. Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В.
 200. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 335.
 201. Социализм и реальность // Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В. С. 2.
 202. О журнале «Левый поворот» // Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В.
 203. Сокирко В.В. Экономика 1990 г.: что нас ждет и есть ли выход? // Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В. С. 7.
 204. Там же. С. 9.
 205. Там же. С. 9—10.

Глава X

НЕФОРМАЛЫ

Общественные движения в СССР в конце 70-х — первой половине 80-х гг.

В нашем смехе,
И в наших слезах,
И в пульсации вен
Перемен,
Мы ждем перемен.

В.Цой

Миф о монолитности советского общества еще может как-то сосуществовать с реальностью диссидентского движения и споров между западниками и славянофилами. Вовлеченные в эти дискуссии слои кажутся незначительными. Между тем в Советском Союзе существовали и массовые самостоятельные от тоталитарных институтов общественные организации. Они взаимодействовали с властью и ее «приводными ремнями», но в своих действиях руководствовались собственной логикой. История этого неформального движения описана в меньшей степени, чем история диссидентов. Поэтому мы будем подробнее обращаться ко времени становления неформальных движений, происходившего в 50—60-е гг.

1. Зеленые

Наиболее мощным общественным движением кануна Перестройки было экологическое. По мнению С.Забелина, «Движение Дружин по охране природы почти двадцать лет было единственным реальным неформальным общественным движением. Возникнув из гениального эмбриона времен первой оттепели, оно развернулось в унисон студенческим волнениям, охватившим в 1968 году почти весь мир. И с тех пор — несмотря на кризисы — пережило “застой”, “ускорение”» и многие другие социальные катаклизмы, никем и никогда не зарегистрированное, официально непризнанное и тем не менее — живое, активное»¹. Несмотря на то что движение дружин все же было далеко не единственным неформальным потоком «застойного» СССР, оно действительно показало наибольшую эффективность и мобилизационную способность.

Неформальное экологическое движение в СССР и в других странах возникло как реакция на первые признаки кризиса индустриального общества. В Советском Союзе это произошло в 1958—1960 гг., когда возникли первые дружины охраны природы (ДОП) — студенческие группы, на общественных началах занимавшиеся природоохранной работой.

Возникновение экологического движения было связано с общественным подъемом, известным как «оттепель», и нарастанием экологических проблем в связи с урбанизацией — отрывом населения от традиционной крестьянской среды, имевшей собственные механизмы регулирования отношений человек-природа. Дружинники относили к причинам возникновения своего движения «информационный, пропагандистский взрыв в области природоохранной тематики... противоречие между растущей общественной активностью студенчества и возможностями самовыражения, самоутверждения, имеющимися в вузе»². Впрочем, авторы упоминают и другие формы самовыражения — научную работу, стройотряды реставраторов, работу в детдомах. Дружины отличались от других формирований своей активностью, способностью к действиям, не контролируемым сверху. А это в 60-е гг. «дорогого стоило». Романтика ДОПовской работы позволяла молодым биологам хотя бы на время «спрятаться» от упорядоченности «застоя» и при этом принести пользу обществу и природе.

Проблемы с «самореализацией молодежи» в вузах стояли всегда, а движение дружин стало расти после информационного взрыва на почве экологии, связанного прежде всего с Байкальским движением. В этом отношении ДОПы продолжили дело, начатое отечественной интеллектуальной элитой в середине 60-х гг.

В 1960—1968 гг. существовало только две организации дружинного типа (в Москве и Тарту), причем до 1968 г. — изолированно друг от друга. В 1968—1969 гг. дружины возникли в Ленинграде, Ереване, Томске, Харькове, Брянске. По мнению О.Яницкого, расширение дружинного движения было результатом «распространения опыта» сверху³. Однако неясно, почему эта «мультипликация» пришла на 1968 г., когда власти осторожно относились к подобным инициативам. Более убедительной представляется версия самих дружинников, считающих, что распространение дружинного опыта шло «по горизонтали», в результате установления контактов между биологами в разных городах⁴. В 70-е гг. движение росло вширь и начало координировать свою работу на различных неформальных встречах и официально санкционированных семинарах⁵. В середине 70-х гг. в 39 дружинах работало около 2,5 тысяч человек (всего дружин было более 40). Дружинники задерживали нарушителей природоохранного законодательства, публиковали статьи в прессе, вели исследовательскую работу⁶.

О.Яницкий относит к обстоятельствам, обусловившим подъем экологического движения 60-х гг., также «создание “большой химии”, строительство атомных и гидроэлектростанций, освоение целинных земель Сибири»⁷. Однако эта точка зрения переносит на 60-е гг. стереотипы экологического движения более позднего периода. Промышленные предприятия практически не были объектом кампаний природоохранного движения вплоть до

конца 70-х гг. Наиболее крупный объект, против которого общественность выступала в те годы, — Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат. Но это движение, где ДОПы не играли самостоятельной роли, потерпело фактическое поражение — предотвратить строительство не удалось.

Главным противником экологов вплоть до конца 70-х гг. были браконьеры (особо опасные — охотники и более массовые нарушители — порубщики елок). Столкновения с браконьерами могли привести к гибели дружинника. Нередки были и драки с порубщиками елок и другими противниками⁸. «Это был не кружок, не клуб, а именно дружина, сплоченная, боевая организация, участие в которой требовало личного мужества. Браконьер был всегда вооружен и со своей добычей не собирался добровольно расставаться⁹», — справедливо отмечает О.Яницкий. Участники движения вспоминают: «Нередки были случаи сопротивления инспекторам и даже угрозы оружием... А инспекторов не хватало. Так, на выезде в румянцевское охотничье хозяйство на Тросненское озеро Д.Кавтарадзе был вынужден послать на задержание нарушителя двух первокурсников. Нарушитель, почувствовав недоброе, взвел курки своей двустволки и “посоветовал” уйти. И они ушли, так как для А.Кубанина и С.Забелина это была их первая встреча с нарушителем. Потом им не раз и не два приходилось задерживать нарушителей всех сортов, но этот так и остался неоплаченным долгом»¹⁰, — вспоминали участники движения.

ЗАБЕЛИН Святослав Игоревич

1950 г. рождения. В 1972 году окончил биологический факультет Московского государственного университета (МГУ). В 1979 году защитил в МГУ кандидатскую диссертацию по биологии. В 1976—1979 годах работал младшим научным сотрудником биофака МГУ; в 1979—1986 годах — заместителем директора Сунт-Хасардагского заповедника (Туркмения); в 1986—1988 годах — старшим научным сотрудником Центральной научно-исследовательской лаборатории Главохоты РСФСР; в 1989—1990 годах — старшим научным сотрудником Института истории естествознания и техники АН СССР.

С мая 1989 года по декабрь 1991 года был помощником народного депутата СССР академика А.Яблокова. В 1991—1993 гг. — начальник отдела в службе Государственного советника Российской Федерации по экологии и здравоохранению, а затем — советника Президента РФ по экологии Яблокова.

Автор десятков статей по физиологии, энтомологии, заповедному делу, проблемам общественного движения.

Общественной деятельностью стал заниматься во время учебы в Университете в рамках Движения Дружин по охране природы. В 1967 году стал членом Дружины по охране природы биофака МГУ, в 1970 году — координатором Движения Дружин по охране природы, с 1977 по 1979-й год был председателем Координационного совета Движения.

Впоследствии — лидер Социально-экологического союза¹¹.

По мнению куратора дружины МГУ В.Тихомирова, значительная часть руководителей дела охраны природы и видных ученых биологов прошла

через дружинное движение¹². В дружину шли самые разные люди — действительно озабоченные делом охраны природы, те, кто желал почувствовать власть, любители хорошего времяпрепровождения¹³. Иногда и сами дружинники уличались своими товарищами в браконьерстве¹⁴. Наиболее серьезной основой для противоречий в дружине была смена состава. Часть его была текуча, что неизбежно при студенческой жизни, часть — постоянна, так как ряд активистов продолжал работать в дружине, окончив вуз. О.Яницкий, проанализировав свои беседы с участниками движения, пишет: «Периодически возникали трения между “новыми лидерами”, стремившимися все делать по-своему, и корпусом “стариков”, бывших носителями дружинных традиций. Однако и эта напряженность и даже конфликты имели в конечном итоге стимулирующий для этой организации характер. Вообще ожесточенные, до хрипоты споры, “бросание портфеля”, демонстративные “уходы” были нормой жизни ДОП и чрезвычайно редко приводили к деструкции организации как таковой»¹⁵.

О.Яницкий считает, что «создание ДОП было одной из форм “политики очень малых дел”, при помощи которой Система пыталась в очередной раз мобилизовать вновь создаваемые кадры молодой советской интеллигенции в своих интересах... ДОП была не только, и даже не столько “орудием борьбы” в защиту природы, сколько очень важным средством социализации, содержащим элементы игры в процессах профессионального обучения студентов и привития им определенных бойцовских качеств, абсолютно необходимых для участия в природоохранной деятельности... И сама организация, и ее активность начинались с борьбы с браконьерством и пропаганды (лекций). В сущности, это была вполне советская интерпретация охраны природы как “борьбы с нарушителями и идеологической обработки населения...” Поэтому по большому счету, Движение ДОП не играло серьезной роли в охране природы (критерии «серьезности роли» не ясны — А.Ш.), оно было механизмом обучения, школой подготовки будущих экоактивистов»¹⁶. Но и это немало для 60-х — 70-х гг., особенно если учесть агитационный эффект самого существования дружин.

Дружинники вспоминают: «Открытые собрания в нашем маленьком штабе носили весьма своеобразный характер: спорили всегда и по каждому вопросу, часто говорили все сразу, горячо, увлеченно; и попутно у каждого входящего выясняли, где он был, из каких странствий возвратился, что видел, а потом снова возвращались к обсуждению всяких спорных, несомненно важных для каждого вопросов»¹⁷. «Дружина была той единственной ячейкой, где можно было свободно, без напряжения общаться на любую тему...»¹⁸ — вспоминает один из участников движения. Этот стиль близок «московским кухням», породившим диссидентское движение. Но в отличие от этой среды у неформалов было практическое дело, которому были посвящены собрания. Экологи были не просто самостоятельны, они были самодостаточны. Поэтому здесь энергия пока находила применение и не требовала радикализации сознания и действия, которые привели многих спорищиков «кухонь» в ряды диссидентов.

Отношения дружин и официальных структур были весьма сложными. В доперестроечный период неформальные группы действовали «в рамках» официальных структур, то есть формально отчитывались перед ними и позволяли включать свои успехи в «отчеты о проделанной работе» этих организаций. Этот «симбиоз» не предполагал, однако, существенного контроля со стороны «вышестоящих» структур за деятельностью дружин. Разумеется, при условии их работы в рамках легальности. Материальная поддержка дружинам оказывалась как «курирующими организациями» (точнее — симпатизирующими движению руководителями), так и профсоюзными организациями. Дружинники часто ездили на свои слеты на выписанную для этого профкомом матпомощь¹⁹. ДОПы действовали под прикрытием официальных организаций — инспекций охраны природы, ВООП и др. Дружинник мог задержать браконьера только если имел удостоверение инспекции. Но в «курирующих» учреждениях отношение к дружинной самостоятельности было различным, иногда — враждебным (особенно опасались конкурентов организации ВООП, в которых, однако, у ДОПов были свои «агенты»²⁰.) Недоверие к ДОПам вызывалось и тем, что дружинники подчинялись по службе вузовскому руководству, а не природоохранному. На месте своей работы ДОПы были независимы. Но именно поэтому они не управлялись и вузовским начальством, которое было далеко от «театра военных действий». Как Колобок из русской сказки: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел». «Поначалу дружины контролировались факультетскими комсомольскими организациями. Однако чем более профессиональные задачи ставили эти дружины... тем более этот политический контроль “сверху” становился трудноосуществимым, а потому — формальным. С другой стороны, окрепнув и наладив между собой связи, дружины начали упорную борьбу за свою автономию — организационную и идеологическую»²¹, — считает О.Яницкий. Впрочем, по мнению дружинников, все происходило как раз наоборот — московская дружина пыталась наладить контакт с Бюро ВЛКСМ МГУ и даже отчитаться перед ним о своей работе, но комсомольский орган не захотел общаться с неформальной структурой. Поддержку гражданской инициативе оказала парторганизация, после чего комсомолу волей-неволей пришлось признать дружину²². О.Яницкий даже считает, что по мере роста движение становилось более формальным, «погружалось» в социальные институты «Системы»²³. С тезисом о формализации движения по мере расширения трудно согласиться. Во-первых, оно всегда было «погружено в институты», и приводимые О.Яницким факты не свидетельствуют о чем-то новом в развитии ДОПов. Неформалы тем и отличаются от диссидентов, что действуют без оглядки на формальные грани режима и отчасти сотрудничают с ним при решении задач, представляющих «взаимный интерес». Во-вторых, впечатление о «формализации» может возникнуть при абстрактно-социологическом подходе, когда на первый план выходят формально очерченные организации, «системы». Но в реальности действуют живые люди, руководствующиеся разной логикой (неформальной, официальной, смешанной в разных пропорциях), и даже при глубоком «погружении» в «институты Системы» не было ясно, кто кого контролирует, так как

дружинники, как правило, были активнее других членов бюро ВЛКСМ и иных официальных структур. Их представители входили в комсомольские органы²⁴, что позволяло ДОПам проводить свою линию в ВЛКСМ. Даже в «худшие времена» неформалы не вполне управляемы — в этом их качественная характеристика. Устойчивая формализация движения заметна лишь на грани 70-х и 80-х гг., но связана не с расширением и «погружением», а с давлением властей, почувствовавших неподконтрольность «зеленых».

В то же время, по мнению О.Яницкого, «дружинное движение не носило протестного характера. Оно действовало в русле государственной политики, помогая государственным органам и официальным общественным организациям в деле охраны природы»²⁵. Это утверждение не совсем точно. Кампаний протеста дружины не проводили, но и в русле государственной политики не вписывались (не случайно они так и не были полностью формализованы). С.Забелин вспоминает, что «некоторые дружинники говорили в частных разговорах, что “дружина — это легальный способ критиковать советскую власть”. Нередко власть оказывалась для нас не союзником, а противником»²⁶.

Начиная с 1966 г., дружины выступали с инициативами, направленными на расширение природоохранных разделов партийных документов, выступали против применения опасных технологий, на которые сделали ставку ведомства²⁷. Эти выступления предвосхищали будущие массовые экологические кампании 1981—1990 гг., направленные на изменение позиции государственных органов. Важнейшим средством работы становилось лоббирование интересов охраны природы через потоки писем и организацию статей в газетах, подготовка рекомендаций для органов власти.

Взаимоотношения с официальными структурами формировало неповторимые черты отечественных «зеленых», отличавшие их от коллег в Западных странах. «Фактически Движение Дружин продолжило и развило традиции республиканских Обществ Охраны Природы 30—40-х годов. С одной стороны, студенческие Дружины, как и другие общественные организации того времени в России, Европе и Америке, вели пропагандистскую работу, собирали конференции для обсуждения острых проблем... — рассказывает С.Забелин, — с другой, занимались непосредственной борьбой с нарушениями законодательства об охране природы, борьбой с браконьерством, выполняя функции государственных органов — и в этом аналогов им в западном мире найти невозможно.

Была и политическая “составляющая”, политическая “грань” этого движения. Это была реальная всесоюзная самоуправляемая организация, независимая от КПСС и ВЛКСМ, значительная часть активности которой была связана с критикой деятельности государственных органов, школа или “остров” вольнодумства, легально существовавший в период “застоя”»²⁸. Но в целом дружинники старались удерживаться в рамках биологической тематики. Этот биоэкологизм, сформировавшийся в условиях авторитарного режима, будет характерен для большинства лидеров, прошедших школу ДОПов, и позднее.

Однако попытки работы по чисто биологическим проблемам всесоюзного масштаба неминуемо вели к постановке социальных вопросов, что было опасно. Поэтому, выступая за преодоление «узких рамок» движения, авторы заключительного документа дружинного семинара 1976 г. «Современный этап студенческого движения за охрану природы. Характер. Проблемы. Задачи» (его проект составил С. Забелин) ссылались на «молодых ребят, юношеский максимализм которых не согласен на дела масштаба меньше всесоюзного»²⁹. Напомнив властям о своей молодости, участники семинара заявили: «Пора каждой дружине сообразить, что она — часть движения студентов за охрану природы, осмыслить свою работу как часть работы коллектива студентов в несколько тысяч студентов»³⁰. А осмыслив, бороться не только с отдельными фактами, но и с социальными явлениями: «например, борьба с браконьерством при таком рассмотрении имеет целью не столько задержание нескольких нарушителей, пусть даже злостных, сколько влияние на браконьерство как явление»³¹.

Еще в 1974 г. дружинники стали разрабатывать социальные темы (в частности, анализировать браконьерство как социальное явление)³². Переход дружин к анализу социальных предпосылок экологических проблем в СССР уже привносил в движение элемент оппозиционности — значит, социальные отношения «реального социализма» способны порождать такое «негативное явление», как браконьерство. Во второй половине 70-х гг. дружины считали своей задачей «гармонизацию отношений между природой и обществом»³³ (значит, «реальный социализм» не привел к такой гармонизации). Считалось, что «борьба с браконьерством способствует формированию морально-этической базы нового мировоззрения у самих дружинников»³⁴. «Новое мировоззрение» могло означать что угодно, но это было нечто отличное от «старого» мировоззрения, диктуемого КПСС.

Движение, почуяв свое силу, постепенно начинало осознавать свою оппозиционность, выражаемую пока в терминах смены поколений: *«Другая важная проблема, стоящая перед нашим движением — создание собственного представления об охране природы в нашей стране... А не обосновав его, мы не можем сформулировать в доступной и конкретной форме ответа на вопрос: “Зачем мы сохраняем природу? От кого? Для кого и для чего?” Нет собственной, отличной от официальной концепции охраны природы, а официальная — не устраивает, так как создана другим поколением, с других позиций»*³⁵. Казалось, такое заявление должно было вывести движение на задачу создания собственной социальной программы. Но этого не произошло, возможно из опасений реакции со стороны властей, возможно — из-за специфики образования большинства дружинников. Для того чтобы создать свою концепцию охраны природы, было признано целесообразным продолжить накопление фактического материала, прежде всего — биологического.

Несмотря на то что большая часть дружинных программ так или иначе была связана с социальными проблемами, в первой половине 80-х гг. в движении не возникло более или менее комплексной социальной позиции или идеологии. Вероятно, до начала Перестройки это было и невозможно. По-

степенно выделяясь из среды «советского общества», дружинники пока не ставили задачи его преобразования. Они рассчитывали на то, что «в конце концов руководство жизнью страны перейдет к специалистам нашего поколения»³⁶, и не учитывали, что система допускает к рычагам управления людьми, адаптированных к ценностям правящего слоя (о существовании которого дружинники открыто не говорили). Смена поколений руководителей играет роль в изменении политического курса, но не настолько, чтобы изменить принципы функционирования индустриальной системы. Однако в 70-е гг. дружинники еще просто не могли прийти к такому выводу и надеялись на то, что им удастся рано или поздно оказаться у власти и изменить порочную ситуацию. Именно тогда С.Мухачев выдвинул лозунг «У природы везде должны быть свои люди»³⁷. Надежды на подобную «инфильтрацию» сохранились у ветеранов «дружинного поколения» и много позднее.

Стратегические задачи дружинников были тесно связаны с педагогической работой: *«ни в отечественной, ни тем более в мировой науке нет конструктивного представления о том, каким должен быть человек, чтобы желание сохранить природу в равновесии с обществом руководило его поведением в самом широком смысле этого слова... Создание же представления о человеке будущего — исключительно наша задача. Наша — потому что мы биологи и наиболее ясно представляем как потребности человека, так и нужды природы. Наша — потому что старое поколение, воспитанное в крайне неблагоприятных психологических условиях, тоже нам не поможет. Наконец, нам нельзя надеяться на конструктивную помощь из-за рубежа, так как очевидно, что необходимая модель — модель человека коммунистического общества и никакого другого»*³⁸. Последнее высказывание может показаться или формой камуфляжа, или проявлением того самого «юношеского максимализма», о котором дружинники говорили выше. Однако последующие события показали, что вожди дружинного движения в значительной степени сохранили приверженность социалистическому мировоззрению, так как капиталистическая система продемонстрировала низкую эффективность в решении экологических проблем. «Максимализм» проявляется здесь в другом — в пренебрежении идеями, возникшими в других странах (пока еще прежде всего по незнанию), в уверенности, что именно биологи (без привлечения специалистов-гуманитариев) могут создать модель идеального человека. Забывая о том, что человек — это не только животное, юные максималисты готовились к собственной педагогической работе, к «созданию человека будущего, которого мы должны воспитать из современных детей»³⁹. Впрочем, больших успехов на этой ниве достичь не удалось, пересечения дружинного и педагогического движения были незначительны. Впоследствии биологический гегемонизм в экологическом движении ослаб, но полностью не исчез и поныне.

Дружины испытывали естественное стремление к интеграции, но «курирующие» органы и даже КГБ следили за тем, чтобы в стране не возникло независимой от КПСС и ВЛКСМ всесоюзной общественной структуры. «Идея создания Союза витала в воздухе давно, выпускники студенческих Дружин по охране природы еще в 1979 году попытались как-то объеди-

ниться вне стен alma mater, но не получилось»⁴⁰, — вспоминает С. Забелин. После этой попытки с организаторами ДОПовских конференций «органами» были проведены угрожающие беседы. Забелин предпочел после этого принять предложение уехать на работу в Туркмению, где и находился до 1986 г.

Давление «органов» привело к тому, что в конце 70-х гг. социальные мотивы постепенно сводятся к минимуму в документах дружинного движения, зато возрастает роль апелляции к органам ВООП и ВЛКСМ⁴¹. В центре внимания дружинников оказывается контроль за выполнением природоохранного законодательства⁴². Налаженные прежде координирующие структуры движения ослабляются⁴³.

Принятое 29 сентября 1982 г. примерное положение о студенческой дружине по охране природы предполагало, что дружина «организационно оформляется на базе существующих в вузе (на факультете) структур» и в своей деятельности отчитывается перед комитетом ВЛКСМ. Подтверждались централизованные, воензированные начала работы дружин: «Работа в дружине строится на началах строгой дисциплины: добровольно вступив в ее ряды, дружинник обязан беспрекословно подчиняться решениям Штаба и Командира и ответственно относиться к возложенным на него обязанностям»⁴⁴. Это «диктаторство», по словам С. Забелина, было обусловлено «огромной ролью опасной оперативной работы в жизни Дружин — под дулом не дискутируют, а слушают старшего выезда или группы»⁴⁵. В 70-е гг. несколько дружинников погибло в столкновениях с браконьерами. В то же время примерное положение определяло, что дружинная работа является «видом неформального образования в области охраны природы»⁴⁶. Слово «неформальный» еще не имело того значения, которое оно получит во второй половине 80-х гг., но уже означало нечто неофициозное, самостоятельное.

В 1982 г. наметились признаки нового подъема ДОПов. Семинары стали брать на себя задачи органов единого движения (своего рода конференций). Это подтверждает решение казанского семинара 1982 г. о том, что именно этот орган или конференция может принимать или вносить поправки в примерное положение (фактически — устав) о дружине⁴⁷. Начался переход к такой форме работы, как контроль за загрязнением окружающей среды⁴⁸, что означало выход на проблему, гораздо теснее связанную с глубинными пороками системы, чем браконьерство. В феврале 1984 г. на семинаре в Свердловске эта проблема была признана приоритетной, обогнав даже браконьерство⁴⁹. А ведь загрязнения были преступлением не рядовых граждан, а администрации. Социальные мотивы снова стали звучать в заключительных документах дружинных семинаров, посвященных и более скромным проблемам, например — сохранению птиц: «*Ведение оперативной работы на рынках осложняется тем, что существующий спрос любителей в настоящее время не удовлетворяется (частично или полностью) законным путем*»⁵⁰. Дружинам удавалось добиваться введения экологических рубрик в периодических изданиях, началось создание междружинной библиотеки,

которая обеспечивала циркуляцию информации, не всегда выгодной властям. К 1983 г. количество дружин перевалило за 60⁵¹.

В это же время новые функции стала брать на себя и официальная экологическая общественность, причем практические результаты ее деятельности не уступали «неформальным». Заместитель председателя Всероссийского общества охраны природы А.Ган рассказывал: «В середине 80-х гг., в пору острого обострения экологического кризиса в нашей стране, у общества появились новые задачи, связанные с экспертизой конкретных объектов. Мы усиливали природоохранную пропаганду среди населения. Более массовыми и систематическими становятся рейды проверки природных ресурсов. ВООП мобилизовывала общественность на такие практические дела, как расчистка рек, родников и так далее. Это, кстати, продолжается до сей поры каждый год.

Калининская АЭС имеет только общественную экспертизу ВООП, государственная по ней вообще не проводилась. Благодаря общественной экспертизе, начатой в начале 80-х гг., удалось впоследствии на какое-то время законсервировать строительство одного из блоков. Мы участвовали с рядом государственных организаций в экспертизе Кавказской перевальной железной дороги, которая должна была пройти через районы Кабардино-Балкарии и Ингушетии, представляющие большую экологическую ценность. Я участвовал в совещании у зампредовмина, выступая против этого. В 1985 г. строительство было законсервировано»⁵².

С экологическим движением тесно смыкалось культурозащитное. Несмотря на конформизм руководства Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), активная часть его членов участвовала в небольших акциях протеста (прежде всего сборах подписей) против разрушения памятников культуры ведомствами. Несмотря на могущество строительных и архитектурных ведомств, уничтожавших старую застройку, защитникам культуры удалось спасти от разрушения немало памятников, уже приговоренных к уничтожению (часть старинной застройки на ул.Разина, палаты на Кропоткинской ул., церковь Симеона Столпника в Москве, старая застройка на Невском проспекте в Ленинграде).

В экологическом и культурозащитном движении участвовали писатели-«деревенщики», которые привлекали к проблеме разрушения природных и культурных объектов значительное общественное внимание. Экологические последствия прогресса были наиболее ярким подтверждением консервативных идей: *«Так вот, когда я приехал в Вологду, никто ничего о рыбе не писал, никто не спасал, но Вологда была рыбой завалена... Теперь каждый месяц — полоса о спасении, а рыбы нет... Я думаю, что от слов пора переходить к делу, или сначала — делать, а потом — писать. И вот пока у нас в Вологодской области защищали рыбу, рыбы не стало. А причины я вижу в том, что слишком много удобрений стали бросать на пашню... Ведь знали, к примеру, что прошлый или позапрошлый год будет дождливым и, стало быть, все удобрения будут смыты в водоемы. Так нет, все равно удобряют, потому что, согласно плану такой-то пятилетки, нужно увеличить*

*количество удобрений в пять раз, и будьте здоровы!»*⁵³ — говорил В.Астафьев в 1979 г.

Союз экологов, защитников культуры и славянофилов дал жизнь наиболее мощному общественному движению кануна и начала Перестройки — движению против поворота северных рек. Принципиальное решение о направлении вод рек Онеги, Северной Двины, Сухоны, Печоры и Оби на юг для орошения южнорусских, украинских и среднеазиатских земель было принято на уровне съездов КПСС и пересмотру не подлежало.

С проектом переброски северных рек были связаны солидные номенклатурные интересы могущественных ведомств. Еще в 1976 г. противники проекта могли высказаться против него на страницах «Литературной газеты». Но затем было наложено табу на критику проекта в прессе. Положительные упоминания о нем появлялись даже в детской литературе. Тем не менее в 1981 г. началась циркуляция открытых писем, критикующих проект. Наибольшую известность приобрело письмо авторитетного писателя-«деревенщика» В.Белова «Спасут ли Каспий Вожа и Лача?» Обращая внимание на узкую специализацию инженеров, разрабатывающих проект переброски рек, В.Белов призывал ученых: «Скоординировать свои знания и действия за круглым столом — нравственный долг, долг совести представителя науки»⁵⁴. Так была заложена основная цель движения — остановка проекта путем его научной критики учеными различных направлений.

В 1981—1982 гг. противники проекта разворачивают агитацию в среде гуманитарной интеллигенции, формируется постоянное ядро движения в несколько десятков человек и лобби в АН СССР и Академии художеств. Постепенно в движение вошли писатели-«деревенщики» Ю.Бондарев, В.Распутин, В.Белов и др., академики Б.Рыбаков, В.Янин, Д.Лихачев, множество ученых рангом ниже.

В 1982 г. противники проекта передали в Политбюро письмо с развернутой критикой переброски на 120 страницах, которое поддержали 12 академиков. Материалы противников проекта показывали, что ирригационное земледелие неэффективно, что оно будет сопровождаться разрушением сотен уникальных культурных и природных объектов и приведет к необратимым экологическим процессам на русском Севере и в Средней Азии, что существует возможность рационализации водоснабжения на юге СССР⁵⁵. Письмо заставило провести совещание в ЦК КПСС, но еще важнее было влияние этих материалов на общественность. Почувствовав неладное, сторонники проекта «завалили» ЦК письмами в поддержку «переброски», угрожая в случае отказа от нее «замораживанием развития» Средней Азии⁵⁶.

Казалось, противники переброски рек — вполне лояльные подданные. Но это впечатление было поверхностным. Так, один из активных сторонников движения писатель В.Распутин в частном письме делал из планов переброски далеко идущие выводы: «Материалы поворота меня оглушили. Никаких не может быть сомнений, что это сознательная акция, третий, четвертый или какой там по порядку решительный вслед за коллективизацией удар... Материалы сами по себе составлены настолько убедительно, так много говорят, что не понять их нельзя, значит их просто отказываются

понимать, значит опять, как в споре за Байкал в свое время: или гуманитарная, или производственная сила, а допустить, чтобы взяла верх гуманитарная сила, нельзя. Мы для них хуже всякого Рейгана»⁵⁷.

Конечно, основная часть активистов движения не мыслила так радикально и сохраняла лояльность к господствующей идеологии, пытаясь просто объяснить властям гибельность проекта. В этом был реальный шанс на успех движения, залог его роста. 3 февраля 1983 г. раскололась экспертная комиссия Госплана РСФСР — часть ее выступила против проекта. А 4—5 декабря 1984 г. в ходе двухдневной «баталии» активистам движения удалось «завалить» докторскую диссертацию автора проекта А.Березнера, посвященную как раз его детищу. Идее переброски рек был нанесен мощный теоретический удар.

19 февраля 1985 г. активистка движения В.Брюсова выступила на предвыборном собрании. Ее речь против переброски рек и спаивания народа (другая идея славянофилов, предвосхитившая будущую антиалкогольную кампанию) повергла в замешательство работников райкома, руководивших собранием. Движение на глазах перерастало в общественно-политическое.

23 октября Ю.Бондарев встречался с членом Политбюро В.Воротниковым и долго беседовал с ним об опасности поворота рек⁵⁸.

В декабре 1985 г. съезд писателей высказался за большее внимание проблемам экологии. Несмотря на абстрактность этого требования, оно позволило противникам проекта переброски рек в дальнейшем ссылаться на резолюцию съезда.

В конце 1985 г. начался прорыв экологов на страницы печати. Поводом стало «всенародное обсуждение» проекта основных направлений социально-экономического развития страны. По воспоминаниям С.Залыгина, «*противники проекта вплоть до середины 1985 года вообще не получали слова, по крайней мере в печати.*

Во время всенародного обсуждения проекта Основных направлений... общественное мнение восполнило это молчание — и периодическая печать оказалась заполненной протестами против переброски. Медики предупреждали, что переброска опасна в санитарно-эпидемиологическом отношении, биологи утверждали, что пострадает флора и фауна сразу в нескольких речных бассейнах, геологи просто-напросто хватали проектировщиков за руку, поскольку они проектировали трассы каналов в заведомо неподходящих для этого грунтах, историки опасались гибели памятников нашей истории и культуры, агрономы, инженеры, экономисты, крупнейшие ученые приводили аргументы против, против, против»⁵⁹.

Выступая в «Коммунисте» в 1985 г. С.Залыгин писал: «При современной технике мы можем очень многое, но “можем” и “можно” — разные вещи. У можно есть альтернатива — “нельзя”, “не следует”, “не нужно”, у “можем” такой альтернативы часто не бывает, оно обходится без всего того, что мы называем борьбой противоположностей, и выдает себя за необходимость: раз мы можем, значит нужно!.. Ведомство всегда стремится доказать, что оно работает на высоком современном уровне, а для этого нужно обзавестись собственной наукой...» Ведомственная наука одобряет ведомственные

проекты, не оценивая их разнообразные, не узкоспецифические последствия. Но и «высокая наука» заражена ведомственностью, связана с ведомствами. В итоге Зальгин приходит к выводу: «И еще одна задача совершенствования проектного дела — демократизация деятельности проектных организаций»⁶⁰. Под демократизацией понимался доступ общественности к обсуждению властных решений, обязательность учета «мнений со стороны». Практический опыт надолго сделал экологистов и патриотов демократами — сторонниками более широкого воздействия общества на власть. Однако после победы в 1986 г., когда переброска рек будет отменена, точнее отложена, после успехов «демократизации» 1986—1991 гг. станет ясно, что активисты общественных движений понимают демократию по-разному, и некоторые из вариантов «демократии» разрушительно действуют на окружающую среду человека.

Экологическое движение продемонстрировало свою силу, способность добиваться решения конкретных проблем. В то же время оно было неуязвимо со стороны властей. С ним режим не мог не считаться. Это поможет движению одержать победу в 1986 г.

2. Педагогика и коммунализм

Структура советской школы, в основных чертах скопированная с до-революционной гимназии, соответствовала мировым стандартам середины XX века. Тем не менее на пороге научно-технической революции она уже не могла удовлетворить требованиям времени. Но не только эта проблема с неизбежностью порождала неформальное педагогическое движение в стране. Индустриальное образование, стандартизирующее и атомизирующее человека, противоречило гуманистическим традициям отечественной культуры, которые в коммунистическую эпоху трансформировались в лозунг формирования «разносторонне развитой личности». Эта задача, превратившаяся в пропагандистский штамп, в случае своей реализации могла привести к качественному изменению общества. Поэтому государство как могло блокировало стремление педагогов-энтузиастов продвигаться в этом направлении, но не могло объявить им открытую борьбу как диссидентам, поскольку «водители детей» действовали строго в рамках официально провозглашаемых догматов, доставшихся власти в наследство от гуманистической традиции социалистического движения. На протяжении всей советской истории появлялись педагоги, которые с риском для карьеры пытались экспериментировать, искать новые формы преподавания и воспитания, соответствовавшие вечному идеалу гармоничной, гуманной и высокообразованной личности. Такая личность была нужна для системы, но в небольших количествах, ибо в массовых масштабах гармоничные, гуманные и образованные люди разрушают индустриальное общество, даже если перечисленные качества встречаются порознь, что типично для результатов педагогических экспериментов.

Возрождение неформальной педагогики после паузы 30—50-х гг., как и других неформальных движений, произошло в 50—60-е гг. В 1956 г. по инициативе И.П.Иванова началось движение коммунаров. «Иванов был человеком очень трезвым, — вспоминает Р.Соколов, — он реалистично смотрел на современное ему общество... Он был инакомыслящим, но смотрел на власть “слева”. Иванов был «большим католиком, чем Папа Римский», он был коммунистом и марксистом больше, чем руководство страны. Он хотел идти не к прошлому или к Западу, а к реальному коммунизму. Он мечтал о том, что когда в созданной им педагогической коммуне вырастут коммунары, они изменят общество»⁶¹. По мнению В.Хилтунена, «коммунарство стало инвалидной формой коммун двадцатых годов. У них сохранилась игровая форма, но был отрезан материальный базис. Коммунары 60—80-х гг. добились в игровой форме того, чего Макаренко не мог добиться в производственной коммуне, играя с материальным. Они прорвались в будущее, но оказались кроной, зависшей без самого ствола»⁶².

Социальная доктрина коммунарского движения формировалась в короткие лозунги-речевки, например: «В коммуне друзья живут без я. Всем на удивление, однако, местоимение мы», или: «Деньги — прах, одежда — тоже, нам устав всего дороже». Это была игровая модель бесребреннического коммунизма, альтруистического общества будущего. Однако более глубокая социальная стратегия оставалась достоянием частных разговоров, а на первый план коммунарского движения вышла педагогическая технология, прежде всего «коллективные творческие дела» — мозговой штурм подростков и преподавателей, направленный на некий непредсказуемый творческий результат⁶³. «Закручивал цейтнот, — вспоминает К.Сумнительный, участвовавший в «постановке» «коллективных творческих дел» в начале 80-х гг., — надо было в короткий срок выдать что-то, какой-то “номер”, за который не было бы стыдно... За нами ездили педагоги, которые записывали наши действия, нашу методику в деталях. И это было бессмысленно, потому что мы импровизировали. Несмотря на то, что импровизация и технологические заготовки сочетались, попытка копировать “коллективные творческие дела” “старших товарищей” могла вести только к вырождению»⁶⁴.

Начав с работы в школе, коммунары были постепенно вытеснены во внешкольную работу. Так была создана «Коммуна юных фрунзенцев» в ДК им.Фрунзе в Ленинграде. В конечном итоге воспитанный Ивановым коллектив вытеснил основателя. По выражению Р.Соколова, «Буратино прогнал папу Карло. Но, прогнав его, коммуна потеряла стратегическую цель, которую Иванов не мог заявлять открыто. Движение не смогло своевременно воспроизвести социальную стратегию и было обречено на постепенное затухание со временем»⁶⁵. Видимо, это не совсем так. В коммуне столкнулись две тенденции — неортодоксальный коммунизм и западнический либерализм. Часть вожатых сближалась с журналистом С.Соловейчиком. По мнению В.Хилтунена: «Сима Соловейчик узнал об этом опыте году в 60-м, приехал и начал популяризировать. И участвовать. Иванов очень болезненно относился к попыткам разрушения важных для него идеалов. А у Симы была близость к либеральной среде. В коммуне усилились либерально-

западнические настроения. И постепенно Сима сделал из этого всесоюзную диссидентскую организацию. Хотя и умеренную, ориентированную в первую очередь на творчество, а не на коммуналлизм. С мощным лабораторно-учебным центром в виде «Орленка». Он перехитрил всех, кого мог. До какой-то поры Иванову все это было понятно и интересно, потому что он думал, что это идет в развитие его основной идеи. А потом произошла аннигиляция. Соловейчика привлекала творческая составляющая коммунарства, его креативность и игривость. Поскольку она совпадала с коллективизмом, Симу это устраивало, а поскольку нет — коллективизм раздражал своей ритуальностью и круговой порукой»⁶⁶. Иванов, не прекративший общественно-педагогической деятельности, позднее стал противником социальной активности нового поколения педагогов, прошедших коммунарскую школу.

Коммунарские инициативы получили поддержку со стороны газеты «Комсомольская правда», в которой С.Соловейчик организовал приложение «Алый парус», посвященное энтузиастам-педагогам. Соловейчик некоторое время рассматривал его как «новую искру», в которой новое поколение сможет почти открыто высказываться. Дети вырастали в журналистов, знавших правила «внутренней цензуры». После ухода Соловейчика из «Комсомолки» «Алый парус» стал меньше заниматься педагогикой, и сторонники коммунарства сформировали группу «Комбриг», вокруг которой сложился круг подростков и педагогов-журналистов (В.Хилтунен, О.Мариничева, Б.Минаев (в будущем — главный редактор журнала «Огонек»), В.Юмашев (в будущем — биограф Б.Ельцина и руководитель администрации президента) и др.), для которых социальный аспект неформальной педагогики был важнее технологии. «Комбриг» организовывал коммунарские сборы, на которых журналисты тесно общались с подростками. Творческая среда сбора рождала новых авторов и помогала журналистам мыслить свободней. По словам В.Хилтунена, «журналистика оказалась единственной формой жизни, которая позволяла между коммунарскими сборами вести жизнь, похожую на сбор — творчески мыслить, уклоняться от пирамидальных властных форм, жить в условиях самоорганизации своего производственного процесса»⁶⁷. Группа журналистов, близких коммунарскому движению, была частью более разветвленной журналистской «мафии» 60—80-х гг., помогавшей различным педагогическим инициативам.

В 1962 г., благодаря журналистской поддержке С.Соловейчика в «Комсомольской правде», движение стало стремительно распространяться по стране. Обкомы комсомола дали инициативе «Комсомолки» «зеленый свет». Коммунарские группы покрыли всю страну, и даже без учета откровенно «дутых» организаций в них были вовлечены тысячи подростков. Лучше всего коммунарство прививалось в самых закрытых (связанных с ВПК и потому элитарных) и самых открытых, портовых, городах страны⁶⁸. Но уже во второй половине 60-х гг. его кризис начал прогрессировать. Причины его заключались в противоречии между коммунарством как педагогической технологией и коммунарством как социальным движением. Первоначально рассчитанное на социальную экспансию, на воздействие «вовне», движение создавало психологически комфортную среду, из которой не хо-

телось выходить в «застойный» мир. *«Коммунары представляли собой команду, которой, конечно, было внутри себя хорошо, но на внешнее окружение, его изменение, она не работала»*⁶⁹, — вспоминает К.Сумнительный. Коммунары «раскручивали» подростков, увлекали их своими «коллективными творческими делами», но затем либо интегрировали в свою среду, либо оставляли наедине со «скукой брежневских времен». Эта ситуация преследовала движение в течение всех 70-х гг. Она была характерна и для иных неформальных движений того времени. «Задачи защищенности и креативности приводили к тому, что страдала социальная активность. Им было хорошо друг с другом. А кому-то не удавалось творческое, креативное начало, но он пестовал форму. Креативность на высокой “точке кипения” всегда выплескивалась в социум, но можно было до этого не доводить. Коммунары били стекла в горкомах партии в Ленинграде и Салавате в 1966—1967 гг. Понимая свою ответственность за судьбу этих ребят, они пытались кастрировать социальный радикализм... Сима все-таки тоже был человеком компромисса, и этому тоже хотел нас учить. Он говорил: “Выживает то, что не скандалит”. Самые большие проблемы у него были не после критики, а после положительных очерков. Альтернатива страшнее критики. Всякие попытки с чем-то сражаться во всей истории человечества кончаются полной ерундой. На самом деле людям нужны модели развития»⁷⁰, — вспоминает В.Хилтунен.

ХИЛТУНЕН Валерий Рудольфович

Родился в 1951 г. Имел близких родственников в Финляндии, в юности считал себя финским националистом. С 1963 г. участвовал в коммунарском движении. В 1965 г. — один из организаторов коммунарского объединения в Петрозаводске. В 1968—1974 гг. учился на международном отделении журналистского факультета МГУ. С 1972 г. работал в «Комсомольской правде» (от стажера до редактора отдела). Один из организаторов журналистского объединения «Комбриг». Один из авторов идеи педотрядов.

Очень многое зависело от конкретного лидера группы. Для кого-то внутренний климат был важнее социальной активности, для кого-то — наоборот. Лишь активное меньшинство требовало социального действия. Его генерирование, творческая чужеродность официальным структурам и представляло для последних главную опасность. *«ЦК ВЛКСМ предложил нам “выбор”, — рассказывает Р.Соколов, — мы можем унифицироваться по тому или иному образу. Но унифицироваться обязательно — единая форма, единая методика и т.п. Иначе ЦК не мог взять на себя ответственность за нас перед партией. Мы отказались. Комсомольские функционеры пожали плечами и предложили решать свои проблемы на местном уровне. А там началось удручение. Не везде сразу. Но постепенно самостоятельным коммунарским группам пришлось уйти в подполье»*⁷¹. Официальным структурам, прежде всего ВЛКСМ, удалось взять на вооружение «технологию», аккумулировав часть движения в систему «школ комсомольского

актива и пионерского», придавав на местах неконтролируемые группы, отказавшиеся от унификации под эгидой ЦК ВЛКСМ.

СОКОЛОВ Ричард Валентинович

1943 г. рождения. В 1961—1964 гг. учился в Полиграфическом институте на художника-графика. Провел персональную выставку. В 1964 г. попал на коммунарский сбор и решил сменить профессию. В 1965 г. работал вожатым в пионерском лагере «Орленок». Активный участник коммунарского движения. В 1968—1971 гг. возглавлял детский клуб по месту жительства в Щелково. Один из авторов идеи педотрядов, один из создателей Коммунарского макаренковского содружества. В 1971—1979 гг. — комиссар Форпоста культуры им.Шацкого. В 1979—1981 гг., работая в ДК, участвовал в организации домов педагогической культуры в Бабушкинском и Бауманском районах Москвы. В 1981—1986 гг. учился в Институте культуры. Организатор-методист. С 1986 г. методист, руководитель детского клуба «Ровесник». С 1990 г. — старший научный сотрудник Института культурологии.

Неконтролируемые коммунарские группы также тяготели к потере начального творческого потенциала. «В состав коммунарской технологии входила выработка “заповедей” группы. Проходил коммунарский сбор, и по кругу шло обсуждение некоего “общественного договора” — правил жизни группы. В конце концов вырабатывалось несколько “заповедей”, принимавшихся всеми. И они были освящены коллективным авторитетом. Группа существовала несколько “поколений”, и устойчивые образования естественно возглавлялись стариками — “хранителями” заповедей. Их власть была велика, так как структура группы обычно была военизированной. Но потом приходили новые активные люди. Кто-то принимал “заповеди”, а кто-то входил с ними в конфликт — ведь “заповеди” были актуальны в то время, когда их принимали. И в итоге “реформисты” становились “раскольщиками” — они изгонялись. В то же время наряду с такими “традиционалистскими” группами существовали группы “миссионерские”. Для них главным было не воспроизводство этой структуры, их лидеры вполне были социализированы в жизни. Они ездили по стране и “несли слово Божие”. Они показывали школьникам и педагогам, что нельзя жить в тихом болоте, что можно жить иначе. “Миссионеры” уезжали, все снова погружалось в гнилую тишь, но кого-то это будило. У “миссионеров”, видимо, не было разработанной социальной программы, они стремились приблизить коммунизм. Но само понимание коммунизма у коммунаров этой волны было очень “широким”. Где-то в 1982—1983 гг. В.Хилтунен говорил мне: “Ко мне сегодня заходил один человек, и мы с ним беседовали о раннем христианстве. Но мне кажется, что коммунистическая идея шире, чем раннее христианство”. Если коммунистическая идея шире раннего христианства, то она во всяком случае шире марксизма»⁷², — рассказывает К.Сумнительный. «У нас было такое объяснение, — комментирует В.Хилтунен, — которое возникло после чтения одного из детских писем: “В мире есть две идеи, которые занимают душу целиком: Бог и коммунизм”. Все остальные идеи тоже хороши, но

человек не может придумать третью идею такого же масштаба. Всякий человек, не имеющий этих двух идей, начинает съезживаться душевно. Эти идеи по сути не враждебны. Я объяснял, что большая часть людей, которая томится сморщенностью души, идет по религиозной тропе — эта тропинка прописана. «А идея коммунизма, — говорил я тогда ребятам, — прописана только у Ефремова и у Урсулы Легуин. По сути говоря, никакого третьего текста нигде нет, потому что другие тексты ничем не пахнут. Мы созидаем эти тексты на наших сборах. Мы проживаем ненаписанную практику коммунизма. И это может вылиться в то, что может быть описано. Мы герои, потому что по ненаписанным нотам пытаемся воспроизвести симфонию»⁷³.

Коммунарское движение сохранялось в качестве несколько уменьшившейся в объеме субкультуры, проводя свои слеты, продуцируя активное меньшинство, которое, даже уходя из групп, «заражало» коммунарскими коллективистскими традициями другие общественные течения: экологическое, песенное, более поздние формы педагогического, а позднее — и политический неформалитет.

«Миссионерское» коммунарство вылилось далее в движение педагогических отрядов. Под влиянием идей Макаренко (их активно пропагандировала Э.Кузнецова) социально-активные коммунары, обрстая «новичками» из студенческой среды, в 1971 г. занялись созданием педотрядов — групп педагогов, приступивших к работе с социально-«трудными» группами детей. Главным актом педотряда был «десант», аналогичный коммунарскому «сбору». «Десанты» высаживались в детском домах, колониях, в селах.

Одной из предтеч педотрядов стала созданная неутомимым И.Ивановым Коммуна им. Макаренко — студенческое научное общество, разработывавшее коммунарские идеи. В 1971 г. в Москве возник педагогический Форпост культуры им. Шацкого — районная организация, занимавшаяся внешкольной работой с детьми.

От коммунаров педотряды унаследовали педагогическую технологию и организационную структуру (сборы, советы комиссаров). Но они пошли дальше. Около 10 коммунарских групп в 1972 г. объединились в Коммунарское макаренковское содружество, а затем, чтобы нормализовать отношения с ВЛКСМ, курировавшем эту сферу, — в Содружество макаренковских комсомольских педагогических отрядов. Своеобразной разновидностью педагогических отрядов стали летние «профильные» лагеря при научных учреждениях. Власти вынуждены были смотреть сквозь пальцы на летнее общение научной интеллигенции и одаренных подростков вне административного, партийного и комсомольского контроля, поскольку результат интенсивных занятий с одаренными детьми позволял получить пополнение военно-научных учреждений. Но в то же время эти лагеря были и рассадниками инакомыслия, иногда довольно демонстративного. Так, в столовой летнего лагеря под Красноярском висел лозунг: «На штурм вершин науки не пошлешь морскую пехоту».

Низовое движение педотрядов, состоявшее из педагогов-энтузиастов, стало заниматься внешкольным воспитанием и образованием вне контроля

партии, ВЛКСМ и школьных администраций. В 1975 г. на слете двух десятков педотрядов на Волге был даже создан устав Содружества как самостоятельной организации, но под давлением умеренного крыла движения от его принятия отказались. Ко второй половине 70-х гг. движение педотрядов «заметил» ЦК ВЛКСМ, который признал эту форму работы полезной и решил возглавить движение, проводя попутно его реорганизацию. «Ко мне прицепились, — рассказывает Р.Соколов, — доказывая, что мой отряд неправильный, поскольку в комсомольском положении было написано, что комиссаром отряда может быть либо коммунист, либо комсомолец. А я ни то, ни другое. Я им отвечаю: “Как же отряд неправильный, когда мы это все и начинали. Я же это все придумал!” — “А это неважно, что ты это все придумал, ты теперь под постановление не подходишь. В комсомол вступать поздно, в партию — кто примет? Так что получаешься ты самозванец”»⁷⁴.

Под эгидой комсомола движение «продержалось» до начала 80-х гг. К этому времени выяснилось, что созданные ВЛКСМ педотряды неэффективны, что признали и комсомольские руководители. «Официальные» педотряды постепенно распадались. Кризис, поразивший коммунар в конце 60-х гг., настиг педотрядовцев в конце 70-х. «Мы ездили, возбуждали, — вспоминает В.Хилтунен, — возникала группа молодых людей, которая спрашивала — а куда дальше идти? Ответить мы не могли. Это была только скорая помощь. “Комбриг” поставил перед нами ультиматум: “Мы не хотим заниматься социальным провокаторством. Нужно что-то новое”. Тогда мы занялись семейными клубами и Загорском. Слой, который мог делать что-то реальное, был очень узким. Люди выросли и отчасти ушли в похожее на коммунарство игрище семейных клубов. Оно подобрало почти всех, кто мог быть подбираем. Часть бездетных радикалов “чегеварного” типа ушли в Загорск. Загорск был последним козырем марксизма, поскольку доказывал — сознание можно формировать извне. Здесь снималась проблема социального провокаторства, потому что этим детям можно было сделать только лучше»⁷⁵. Эксперимент в Загорске был начат еще при участии философамарксиста Э.Ильенкова, разработавшего методику формирования интеллекта практически не развивавшихся слепо-глухонемых детей с помощью организованной педагогами моторной деятельности. После гибели Ильенкова коммунары-педотрядовцы решили взять «шефство» над детдомом. Педотряд А.Савельева, А.Вакуленко и др. работал с детьми, раз в неделю устраивая коммунарский «табор» для местных детей и приезжих семей, в большинстве своем — участников движения семейных клубов. Через эти сборы прошло 11—12 тысяч человек.

Большая часть посткоммунарского движения в конце 70-х гг. эволюционировала в семейно-педагогические клубы — ведь организаторы общественно-педагогического движения уже обзавелись семьями. Активное участие в их создании принимали семьи Хилтуненов, Соколовых, Никитиных и других неформальных педагогов.

Поскольку в школе возможность применения новых методик была ограничена консервативным контролем администрации, все большее количество родителей начинало брать дело образования в свои руки. Несмотря на то

что новое движение не было чисто коммунаским по составу, коммунары имели большой опыт самоорганизации, и новые клубы оказались под их значительным влиянием. Клубы создавались в Москве, Пущино, Ленинграде и других местах. В Северной столице клубы объединяли до тысячи человек.⁷⁶

Проходили межгородские встречи. «Съезды семейников постоянно происходили в том же Загорске, — рассказывает В.Хилтунен. — Семейные клубы часто приезжали сюда на сборы. Горкому партии было нелегко терпеть в центре города ночные костры, но нас поддерживали некоторые московские чиновники, которые посылали письма местным властям на важных бланках, и коммунаров не трогали. Нашли дешевую гостиницу, где создали неформальный университет, где участники что-то рассказывали друг другу. Однажды возникла возможность прорыть канаву отопления для Загорска, и шоссе перекрывали для этого только на сутки. Мы бросили клич, и приехали сотни людей. И все вместе копали. А в это время был какой-то религиозный съезд, и над нами шли священники самых разнообразных конфессий, заглядывали вниз и спрашивали — что здесь делается. А мы отвечали, что это свободный труд свободно собравшихся людей»⁷⁷.

Клубы культивировали здоровый образ жизни — большую популярность в их среде приобрели методы закаливания, которые проповедовались супругами Никитиными, другими энтузиастами, возрождавшими традицию единения с природой, заложенную еще П.Ивановым. Закаливание влекло за собой изменение других сторон жизни семьи. Н.Чаплина пишет об этом: «Раздел ребенка, обеспечь ему возможность растрчивать энергию, двигаться, возиться. Как это сделать в малогабаритной квартире?»⁷⁸ Родители выходили из положения с помощью хитроумных физкультурных приспособлений, но этот образ жизни «задышался» в урбанистической среде. В результате увлечение педагогикой тесно переплеталось с коммуналистским движением — восстановлением общинной традиции самоуправления и взаимопомощи по месту жительства. В Ленинграде даже была предпринята попытка образовать семейную коммуну с общим жильем и воспитанием детей. Предпринимались попытки создать педагогическую общину в сельской местности, но дальше летнего отдыха дело не пошло. Устойчивая педагогическая община («Китеж») возникнет только в 1993 г. на иной основе. По мере «вырастания» детей и усиления в начале 80-х гг. давления на клубы со стороны партийных организаций и Педагогического общества СССР лидеры движения вернулись к идее обновления школы. Школа представляла для педагогов-общественников неблагоприятную среду из-за сильного контроля администрации и «фабричного» внутреннего устройства. Однако здесь у неформалов была своя «пятая колонна» — педагоги-новаторы.

У истоков движения педагогов-новаторов 70-х—80-х гг. стояли «неравнодушные» учителя, пытавшиеся, подобно известному педагогу В.Сухомлинскому, «эмоционально пробуждать разум» и оптимизировать учебно-воспитательный процесс.

Известность педагогов-новаторов нарастала по мере развития кризиса советской школы. О новаторах писала «Комсомольская правда» и прежде

всего энтузиаст педагогического неравнодушия С.Соловейчик⁷⁹. Помощь журналистов позволяла педагогам-новаторам и коммунаркам преодолевать трудности, связанные с неприязнью всемогущего чиновничества к социальному творчеству. «Сколько я себя помню как журналиста, — вспоминает В. Хилтунен, — все время приходилось отстаивать педагогов-новаторов от ЦК и Минобра... Я, ваш покорный слуга, принадлежал, как теперь выясняется, к журналистской “банде восьми” — вместе с Соловейчиком, Матвеевым, Мариничевой, Данилиным, Матягиным, Логиновой и Преловской. Мы работали в школьных отделах разных газет — “Учительской”, “ЛГ”, “Известий”, “Комсомолке”, “Правды”, но рабочий наш день складывался примерно одинаково: завтрак, потом нужно было ложиться на амбразуру по поводу Шаталова, обед. Потом скандал по поводу Тубельского, а до ужина нужно было еще звонить на какую-то “Запорожсталь”, чтобы оттуда вовремя отгрузили какие-то болванки в адрес школьного завода “Чайка”, безуспешно пытающегося доказать, что время Макаренко еще не вышло»⁸⁰.

Постепенно возникало движение педагогов-новаторов, которое было весьма разнообразно: мастер ораторских приемов Е.Ильин и автор идеи опережающего обучения С.Лысенкова; с одной стороны — технократическая методика учителя математики В.Шаталова, пытавшегося максимально оптимизировать учебный процесс в его деталях, с другой стороны — направление, представленное прежде всего преподавателем музыки, а затем директором школы (точнее — школ, так как время от времени приходилось менять место работы) М.Щетининым и другими инициаторами «целостной» педагогики (позднее — «педагогики сотрудничества»). Щетинин стремился путем преодоления узкой специализации и дробления учебного процесса классической классно-урочной системой, а также с помощью эстетизации педагогического процесса преодолеть характерное для XX в. отчуждение личности от ее многогранной человеческой сущности. «Целостность личности ребенка — целостность окружающего мира — такова взаимосвязь двух главных начал, на которых базируется исповедуемая мной и моими единомышленниками концепция школы... Мир познания превращен в изолированные друг от друга “коридоры”, так что ученику порой даже трудно поверить, что это пласты единого целого. А искусство как раз сильно тем, что синтезирует разрозненные явления, дает целостное образование и воспитание, воспитывает целостное мировоззрение... Мы формируем умение человека ввести себя в этот целостный мир с самого раннего возраста. Человека с детских лет надо растить от его корней, от его сущности. А сущность человека — это человечность»⁸¹. Из этих тезисов вытекали и относительный демократизм отношений учителя и ученика, и метод «погружения», то есть комплексного и длительного обучения одному предмету, но в постоянной связи с другими, и стремление к взаимоувязке различных отраслей знания между собой.

По мнению В.Хилтунена, Щетинин «постепенно рос от нищезависимости, от тоски по сверхчеловеку, к идее создания корневого оазиса культуры. Либеральные ценности могут быть устойчивыми только на базе корневой общины... Щетинин находил социальную опору в местных крепких “князьках”, и

когда их снимали или отправляли на повышение, вынужден был менять место работы»⁸². «Сколько унижений пришлось вытерпеть ото всяких чиновников и контролеров, которые ничего в нашем деле не понимают. Сколько сил и времени на это потерял»⁸³, — с горечью вспоминал Щетинин много лет спустя. По словам В.Хилтунена, «Мишу травили и “правая”, и “левая” — чиновникам не нравилась его тотальная, абсолютная независимость, коллег-новаторов смущала чрезмерная, как им казалось, любовь Щетинина к корням, к земле — он так и не полюбил города. Все свои “экспериментальные площадки” он открывал в селах, да не абы каких — а в самых глухих... После смерти Сухомлинского именно Щетинину предложили продолжить его дело в Павлоше, но Михаил Петрович отказался, сказав в том смысле, что на кладбищах, даже самых уважаемых, трудно замешивать завтрашний день, и стал директорствовать в спившемся (!) староверческом (!!) селе — не то чтобы русскоговорящем, но — выразимся так — русско-матерящемся. То, что он сделал с детьми той деревушки... было фантастикой. Когда делегация ЭТИХ юных эльфов и фей приехала в столицу, то на них сбегались смотреть сотрудники радио и телевидения, думая, что их ловко дурят — что ТАКИХ детей уже не бывает. А сам Щетинин приставал к нам с горькой исповедью — он не знал, как быть: эти сельские дети, входившие во вкус культуры, волей-неволей начинали относиться без должного пиетета к пьющим и ничего не читающим родителям своим»⁸⁴.

Консервативная тенденция была представлена в среде педагогической общественности и такой яркой фигурой, как преподаватель фехтования К.Раш. Однако новатором К.Раша можно назвать с большими оговорками — он выступал категорически против любых «экспериментов на детях». Несмотря на это категорическое заявление, Раш все же предлагает некоторые смелые эксперименты: «Эх, да что там говорить, из дискотеки можно было бы сделать великолепную школу этики, манер, дисциплины, галантности»⁸⁵. Дискотека как школа дисциплины — идеал, не пришедший в голову даже Главному.

Несмотря на то что нетрадиционные педагогические методики не были официально одобрены, они широко расходились в учительском самиздате. Между новаторами устанавливались разветвленные контакты. У «гуру» появлялись апологеты. Эйфория охватывала и ветеранов общественно-педагогического движения. И много лет спустя С.Соловейчик, например, писал: «Ведь никакими способами, кроме шаталовских, если только не применять ремень и угрозы, не втемяшишь в эти головы греческую историю, ну невозможно это!»⁸⁶ Мне неоднократно доводилось наблюдать эффективное преподавание греческой истории слабым ученикам без ремня, угроз и шаталовских методов. И применение шаталовских методов без Шаталова и без эффекта — тоже. Присутствие на уроках Шаталова лишний раз убеждает: в основном результат в педагогике определяется личностью учителя.

Само неравнодушие учителя, его стремление ознакомиться с методами коллеги и применить у себя то, что подходит «для местных условий», само стремление работать несмотря на мертвящие директивы, сам факт подвижничества и неформального общения учителей давал эффект и позволял на-

десятью, что педагогическая реформа «снизу» окажется результативной, несмотря на педагогическую реформу сверху.

Устойчивые контакты между новаторами и педагогами-общественниками возникли в 1977 г., когда сотрудники М.Щетинина побывали на слете педотрядов. Некоторые коммунары работали в новаторских школах. «Здесь, безусловно, произошло взаимообогащение, — считает Р.Соколов, — Щетинин много воспринял от коммунарской методики, прежде всего коллективные творческие дела. Но это была авторская школа, как дело любого педагога-новатора, это было его детище. Это касается не только Щетинина, то же самое можно увидеть и у других новаторов, привлекавших к сотрудничеству коммунаров. Скажем, В.Караковского. Когда к директору-новатору приходили с идеей коллективной творческой деятельности, и говорили: “Сейчас на общем сборе мы спланируем, куда нам идти завтра, а завтра обсудим — куда послезавтра...”, то всплывало, что коммунарство возможно здесь как локальный план в мегасистеме Автора, а коммунарское самоуправление — как Юрьев день, своего рода разовый урок демократии, после которого придется идти туда, куда скажет Автор.

Щетинин имел неосторожность приглашать коммунаров для совершенствования всего педагогического процесса, и они наивно полагали, что методом коллективного творчества они будут решать эти вопросы. Но не тут-то было — у него был свой образ, за границы которого нельзя было выходить, тем более — строем и с речевками. Я тогда часто приезжал к Щетинину, и помню такой характерный эпизод. Мною “сосватанная” в эту школу Алла Дворжицкая из Перми, которую считали “железным комиссаром”, идеалом которой был Павка Корчагин, организовывала у Щетинина внешкольную работу. А надо сказать, что в этой школе, где директор начинал с совершенствования эстетического воспитания, полы были расписаны лилиями и другими замечательными цветами. И вот по этому романтическому полу маршируют коммунары с речевками: “Дряни любой давай бой...” Этот диссонанс трогательных лилий и жесткого, даже «кондового» марша показывал: союз коммунаров и новаторов обречен.

Но Щетинину нужно было общественное движение — не в этой форме, так в другой. Ему нужна была внешкольная работа, в которой общественники были сильнее новаторов. Иначе его школа оставалась островком в океане “застоя”. В итоге Щетинина, как и нас, постоянно “гоняли” с места на место⁸⁷. Вся альтернативная педагогика оставалась кочевой.

Общественно-педагогическое движение контактировало с движением Молодежных жилищных комплексов (МЖК), возникшем в это же время в Калининграде и Свердловске. «Бойцы» МЖК с одобрения властей должны были решить жилищную проблему, построив бесплатно для себя дом с помощью государственной техники и материалов. Дом предстояло строить не обычный, а приспособленный для общения соседей между собой. Городское жилье в СССР изолировало людей друг от друга и способствовало ситуации, когда большинство соседей просто не знало друг друга. Конечно, дело было не только в структуре жилья, но и в общих тенденциях развития индустриального общества, во всем мире приводящего к атомизации населения,

отчуждению людей друг от друга. Но во всем мире люди пытаются сопротивляться этим процессам, и удобнее это делать в соответствующем жилье.

МЖКовцы писали о себе: «Глубоко символичен поступат свердловчан: “Мы строим дом, и дом строит нас”... Имея четкую, детальную продуманную социальную программу, они начали планомерно воплощать ее, своими руками сооружая одновременно и жилые дома, и объекты соцкультбыта. Таким образом был создан совершенно новый тип социалистического общежития, основанного на принципах самоуправления, добрососедства, взаимопомощи, где в атмосфере подлинного коллективизма появилась возможность совместно воспитывать детей, иметь больше свободного времени, которое можно тратить на свои увлечения»⁸⁸. Коммунитарные инициативы были тесно связаны с педагогическими идеями.

В то же время и педагогические инициативы становились катализатором коммуитарной самоорганизации. В 1980 г. возник клуб-мастерская «Левша» под руководством К.Леонтовича. Участники клуба проповедовали и осуществляли на практике обучение детей микрорайона (позднее — и более широкого круга) в условиях доброжелательной, неформальной обстановки. Здесь велись беседы местных жителей, выходившие за рамки педагогической тематики. Это продолжалось до 90-х гг., когда помещение «Левши» было отобрано московскими властями. А в 80-е гг. девиз клуба «Лучше уметь, чем иметь!» вполне укладывался в господствующую идеологию, но наполнял принципы нестяжательства реальным смыслом. Исследователь О.Яницкий даже охарактеризовал клуб «Левша» как «типичную ячейку гражданского общества»⁸⁹, что все же приходится признать преувеличением. Гражданское общество отличается от традиционного общественно-политической активностью, давлением на правящие элиты. Клубы, подобные «Левше», в общественную борьбу не вмешивались, они составляли глубокий, но необходимый тыл формирующегося гражданского общества.

О.Яницкий комментирует работу клубов, подобных «Левше»: «Я лишь хотел обратить внимание на важность для возрождения гражданского общества таких “мирных”, а не авральных групп и ячеек... Лидеры фондов молодежных инициатив вышли из коммунарского движения 60-х гг., ...в “Мемориале” мы находим че-геваристов, участников других молодежных инициатив 70-х...»⁹⁰. Структуры традиционного общества, неформальные движения и связи, которые сохранились и возродились в новой форме после тоталитарного эксперимента 30-х гг., стали питательной средой для формирования гражданского общества в СССР. Но ни сами ячейки традиционного общества, ни элементы гражданских структур, такие как диссидентство или экологические дружины, еще не были гражданским обществом, которое характеризуется многообразием внутренних связей. Элементы будущего гражданского общества были еще очень слабо связаны друг с другом. Кирпичики уже выходили из печи, но дом еще не был построен. Однако и здесь «процесс пошел» до первых заявлений Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева. Связующие нити оплетали все большее количество элементов, и важнейшей из этих связей была музыка. Неформальные песни бардов и рок-певцов вдохновляли «зеленых» и коммунаров, диссидентов и миллионы буду-

щих участников антикоммунистических митингов. Гражданское общество нашей страны обязано своим рождением поэтам времени «застоя».

3. Время поэтов

В авторитарной стране литература нередко встает на место политики, ведет пропаганду когда эзоповым языком, а когда и самим фактом отрицания официального «двоемыслия». Поэт называл вещи своими именами, а власть имела право делать вид, что не поняла намека. Так было в середине XIX в. и во второй половине XX-го. Поэты были предвестниками последующей игры политических страстей.

В 70-е гг. время поэтов приобрело свои особые черты, связанные с новой техникой — магнитофоном и электрическими музыкальными инструментами. Эти приборы позволили поэтам выйти за рамки узкого круга слушателей и создать единое культурное поле, связавшее в общую сеть формирувавшиеся элементы гражданского общества.

На фоне серой официальной эстрады песни В.Высоцкого, Б.Окуджавы, движения клубов самодеятельной песни (КСП) воспринимались как открытие. Их выступления расходились на магнитофонных кассетах. То же самое происходило с едкими выступлениями артистов и писателей-сатириков М.Жванецкого, А.Райкина, Г.Хазанова, Г.Горина, С.Альтова, М.Задорнова и др. Их фразы входили в поговорки: «Тщательнее надо, ребята» (это о качестве советской продукции), «Пусть все будет, но пусть чего-то не хватает» (о психологии хозяйственных руководителей, которым выгеден дефицит — «диффьсит»), «Джинсы от спекуля» (о теневой торговле). Эти выступления обсуждались, служили импульсом к самостоятельным раздумьям. Сатирики и поэты-песенники не критиковали режим, они просто игнорировали его моральные нормы и образ мышления, отстаивая свои. Сильная личность и жажда справедливости героев Высоцкого служили примером для подражания одних людей, интеллигентность и индивидуальность образов Окуджавы — для других. А в результате размывалось монолитное социально-психологическое «мы», от имени которого бюрократическая машина руководила обществом.

К концу 70-х гг. песенные движения прошли уже долгий путь развития и сформировались в два основных потока: авторская песня (барды) и рок-культура. Бардовская песня стала развиваться в СССР несколько раньше рок-культуры, что объясняется как доступностью обычной гитары в сравнении с электрической, так и сопротивлением властей «западным веяниям», одним из которых был рок.

Первый всплеск авторской песни был связан с «оттепелью» 50-х гг. «...Графомания — в самом высоком и самом серьезном смысле этого слова — охватила всех», — вспоминает о 50-х гг. Ю.Ким⁹¹. Потом это же состояние будет переживать и рок-движение. Мысли и чувства накопились, и их надо было выплеснуть. Но барды (в отличие от части представителей рок-движения) не считали себя квинтэссенцией культуры (либо молодежной

культуры). Для этого они были слишком интеллигентны: «Считать авторскую песню в массе явлением искусства невозможно — это та почва, на которой искусство произрастает. Поэтому сначала была песенная графомания... Произведениями искусства можно назвать лишь более поздние наши вещи»⁹².

Но появление бардов означало важный перелом в сознании. Прежде в песнях советских композиторов звучало главным образом местоимение «мы». Революция, произведенная Окуджавой состояла в том, что он один из первых ввел местоимение «я», — считает А.Городницкий, — так было нарушено «морально политическое единство советского народа» и пошла цепная реакция «поющих шестидесятых»⁹³.

Движение стремительно разрасталось. По данным А.Городницкого, председателя жюри фестиваля авторской песни памяти В.Грушина, с 60-х гг. этот фестиваль собрал под Самарой из года в год до 100 тысяч человек, а всего клубы авторской песни объединяли около 2 миллионов человек⁹⁴.

Почти с самого начала движение самостоятельной (авторской) песни строилось по «кустовой» структуре. 10—20 человек объединялись в группу. Инициатор создания группы или наиболее авторитетный человек становился командиром, который координировал работу группы — иногда довольно жестко. Несколько групп объединялись в «куст», который проводил слеты. Несколько «кустов» иногда ассоциировались в регион для проведения межкустовых слетов. «Кусты» были основной структурой и на городских слетах. Группы со всей страны участвовали во всесоюзных грушинских слетах.

На городские слеты собиралось до 20000 человек. В Москве было около 20 «кустов». Московский городской КСП, организованный еще в 60-е гг., контактировал с партийными, комсомольскими и государственными органами, проводил зимние концерты в ДК Горбунова. Постепенно эта структура обрастала бюрократическими функциями, и большинство групп все реже с ней соприкасалась. «Председатель московского городского КСП И.Каримов вел какую-то дипломатию между властями и КСП, но до уровня групп это, слава Богу, не доходило, и на закрытых слетах мы могли петь, что хотели. Да и на открытых наша группа не особенно стеснялась. В других «кустах» народ был настроен более умеренно и старался в «политику не лезть», — вспоминает участник группы «Реостат» М.Сигачев⁹⁵.

Большинство вопросов при подготовке слета решал совет командиров и наиболее активных участников групп, отвечавших за звукотехнику, подготовку места слета, транспорта. Место закрытого слета держалось в тайне до последнего момента. Иногда приходили «хвосты» — не участвовавшие в группе люди, которые либо приглашались группой (и тогда она за них отвечала), или вычисляли место слета. При разбивке лагеря действовал «зеленый патруль», который следил за тем, чтобы участники не срубали зеленые растения. «Если комсомол организовывал большой слет, то его руководители даже договаривались с лесниками, где надо почистить лес», — вспоминает командир группы «Веники» Ю.Столяров⁹⁶.

Вслед за Окуджавой двинулся целый сонм последователей — певцов «большого секрета для маленькой компании» (Никитины). Их лозунгом

было «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Для большинства этого было достаточно. Уже здесь была романтика, певцом которой стал один из столпов авторской песни Ю.Визбор. Но романтика Окуджавы была иной — она была общественно заострена. Человек раскрывается не столько в тайге, сколько под угрозой оказаться в тайге — за убеждения. Сначала этот общественный романтизм вполне укладывается в официальный канон:

Я все равно паду на той,
На той единственной гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной.

(Здесь и далее, если не указано иное, стихи цитируются по аудиозаписи)

Но уже эта «гражданская» — не та, что была на самом деле. Идеал поколения, выросшего в Советском Союзе. Идеал, так разительно отличающийся от сонного сегодня. «А комсомольская богиня, ах, это, братцы, о другом». И каждый раз — о комиссарах ли в пыльных шлемах идет речь, о комсомольской ли богине, — каждый раз возникает дополнительная шемящая нота: «Ах, это братцы, о другом»⁹⁷.

Романтизм склонял к инакомыслию уже самим контрастом между идеалом и социальной реальностью.

О скука, скука нынешних времен!
Зеленая текущая добука...
О тяжкий сон, невнятица и стон
Беспомощно взыскующего духа!

О скопище ретивых стариков
На общем троне в виде мавзолея!
Унылая гульба временщиков.
Бывало хуже — не было скучнее,

— писал Ю.Ким.

Общественно заостренный романтизм не мог не бросить вызов системе:

Римская империя времени упадка
Сохраняла видимость внешнего порядка,
Цезарь был на месте,
Соратники рядом,
Жизнь была прекрасна,
Судя по докладам.

А критики скажут, что слово «соратники» — не римская деталь...

Вот он, эзопов язык — вечная фи́га в кармане. Но истинный романтик не может удержать фи́гу в темноте кармана. Окуджава вынимает ее на свет Божий и демонстрирует всем желающим свое диссидентство:

Все пути открыты перед ихним взором —
Хочешь — на работу, а хочешь — на форум.
А критики хором:
Ах форум, ах форум — вот римская деталь,
Одно лишь словечко, а песенку как украшает.
Может быть, может быть, а жаль —
Мне это немного мешает и замысел мой разрушает.

Нет, такого диссидентства государство не боится. Торг вокруг деталей (римская — не римская) — это еще не преступление. На широкий экран с такими «детальями» не пустят (с другими песнями того же Окуджаву — пожалуйста). Пока открытый вызов не брошен, пока речь не идет о демонстрациях, связях с «зарубежом», самостоятельной экономической активности — режим спокоен. Он надеется, что всегда может справиться с умными одиночками. И одинокие интеллектуалы с этим согласны:

Умный в одиночестве все ходит кругами,
Он любит одиночество превыше всего,
И его так просто взять голыми руками —
Скоро их поыволовят всех до одного.

Для режима это было не сложно, но он не ставил перед собой такой задачи.

Завершение «оттепели» не только не покончило с авторской песней, но и придало ей новый импульс. Теперь только под гитару можно было легально говорить значительной аудитории о наболевшем. Лидерами интеллигентской песенной культуры стали пронзительно-диссидентский А.Галич и Б.Окуджава, который «за долгие годы впервые впереди громких государственных оркестров поставил маленький оркестрик дружащих между собой людей. Понятие дружба, понятие малой группы близких друзей, мнение которых важнее, чем общественное мнение целой страны, народа, государства, — это было действительно особенное открытие»⁹⁸. Окуджава помог бесчисленным маленьким кружкам друзей осознать себя, ощутить свою важность и даже силу:

Поднявший меч на наш союз
Достоин будет худшей кары,
И я за жизнь его не дам тогда
И самой ломанной гитары.

Эта самонадеянная угроза «безумному нашему султану» стала гимном интеллигентских движений 70-х гг. — в большинстве своем формально

аполитичных — клубов самодетельной песни, коммунарских педагогических объединений, туристических слетов и других субкультур. Но сама угроза, звучавшая в словах песен под гитару, превращала собравшихся у костра людей в общественную силу: «не тронь нас, а то и гитары ломанной за твою жизнь не дам». И режим не трогал, попускал.

«Так в самую глухую пору застоя, задолго до гласности, в нашей стране появился по существу новый социум, объединенный песнями... — пишет А.Городницкий. — Партийные и комсомольские идеологи немало сил приложили к тому, чтобы ввести этот могучий стихийный поток в нужное русло, всячески пытались преобразовать многотысячные песенные сборища в фестивали “туристской” или “патриотической” песни. Из этого, однако, ничего не получилось. Тогда партийные власти перешли к прямому запрету. В 1980 году московский клуб, а за ним и другие были закрыты, все фестивали, начиная с грушинского, отменены»⁹⁹. Местные клубы, впрочем, вскоре восстановили свою работу, но их руководители стремились к максимальной осторожности и неполитичности.

1980-й год, когда была предпринята попытка придавить движение авторской песни, оказался рубежным и в других отношениях. Прежде всего это — год смерти В.Высоцкого. «Сила и магия Высоцкого будоражили всех — от школьников до ветеранов войны, — писал А.Троицкий, — его пение было взрывной смесью из боли, юмора, сарказма и отчаянного правдоискательства. Притом в отличие от традиционной для наших “поющих поэтов” абстрактной лиричности и массы художественных метафор, творчество Высоцкого наполнялось всеми реалиями ежедневной жизни и очень конкретными колоритными персонажами. Его не смущали темные и болезненные стороны действительности, и среди героев его песен были пьяницы, воры, сумасшедшие»¹⁰⁰. На похороны Высоцкого пришло полторы сотни тысяч человек, и по справедливому замечанию И.Смирнова, это «была первая массовая политическая манифестация в Москве с 1927-го года»¹⁰¹. «Их было так много, что охраняло их еще тысяча пять человек в синих рубашках. Хорошо, что они были, охраняющие. И хорошо, что их было так много. Иначе маленькому зданию, где лежал он, пришел бы конец. Его бы, это здание, сами того не желая, сломали, снесли, уничтожили те, которых было много-много тысяч... Из потока образовалась людская река. Она начиналась от Котельнической набережной и медленно текла к Таганке, чтобы протечь через зал, где лежал на сцене он... Когда процессия выехала на Таганскую площадь, чтобы затем направить свой путь по Садовому кольцу, под машину, которая везла его, полетели цветы, и еще несколько сот метров люди бросали и бросали их под колеса автобусов»¹⁰². У Ваганьковского кладбища манифестация не обошлась без эксцессов — народ забрался на панно «Наш советский образ жизни», милиция стаскивала оттуда людей. И.Смирнов продолжает рассказ: *«И тут вся площадь как по команде повернулась к этому панно и сказала “Не смей!”. То есть кричали все разное, кто “Опричники!”, кто — “Позор!”, кто — “Долой!”, но получился такой мощный вопль 100-тысячеголового существа, что серые фигуры замерли. Так и зафиксировалась на несколько секунд немая сцена: мужичок с “Беломором”,*

две фигуры из Салтыкова-Щедрина с протянутыми к нему руками, и под всем этим безобразием надпись: “Наш советский образ жизни”»¹⁰³.

Все хотят видеть Высоцкого «своим». «Во второй половине 70-х начинается «наведение мостов» и с бардовской стороны навстречу рокерам... — пишет И.Смирнов, — Высоцкий начал записывать некоторые свои песни в “электрическом” сопровождении советских (ансамбль Гараяна) и французских инструменталистов... В яростном хрипе Высоцкого под «простую» гитару в тысячу раз больше настоящего рока, чем в запроданных филармониях консервированных стенаниях с мощнейшим “запилем” и соло на синтезаторе»¹⁰⁴. Вряд ли Высоцкий знал о своей принадлежности к року. Вероятней другое — советский рок многое взял от Высоцкого и от авторской традиции. Советский рок — это не только «музыка научно-технической революции», но и бардовский рок.

В некоторых отношениях Высоцкий очень далек от рок-движения и остается классическим бардом:

Я не люблю манежи и арены:
На них мильон меняют по рублю, —
Пусть впереди большие перемены —
Я это никогда не полюблю!

После 1985 г. эти слова стали звучать по-новому, но нелюбовь к массовым шоу не мешала Высоцкому пользоваться именно массовой популярностью. Высоцкий представлял опасность для власти как раз из-за своей народности, способности «войти в образ» фронтовика, работяги, «зэка», милиционера, сумасшедшего. Этого актерского таланта перевоплощения не хватало большинству поэтов, которые находили свой узкий круг слушателей, подобных себе. Вне этого круга язык образов «богемных» бардов был либо неясен, либо не вызывал сочувствия. Высоцкий же мог уверенно обсуждать «скользкие темы» с большинством советских людей.

А в 33 Христу — он был поэт, он говорил: «Да не убий!»
Убьешь — везде найду, мол.
Но гвозди ему в руки, чтоб чего не сотворил,
Чтоб не писал и чтобы меньше думал.

С меня на цифре 37 в момент слетает хмель, —
Вот и сейчас, как холодом подуло:
Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль
И Маяковский лег виском на дуло.

Задержимся на цифре 37!
Коварен Бог —
Ребром вопрос поставил: или — или!
На этом рубеже легли и Байрон, и Рембо, —
А нынешние как-то проскочили.

Поэт протестовал против поисков в его песнях политических намеков:

Ответ: во мне Эзоп не воскресал,
В кармане фиги нет — не суетитесь, —
А что имел в виду, то написал, —
Вот, вывернул карманы — убедитесь!

Тексты песен Высоцкого не были в большинстве своем оппозиционными. Но они бросали вызов официальной культуре, поскольку либо игнорировали, либо высмеивали ее. Высоцкий в качестве критерия отношения к жизни брал не идеологемы (что роднило коммунистов и диссидентов), а совесть, моральные нормы большинства населения.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще —
Когда чужой мои читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Стиль отношений Высоцкого с властью и обществом — это стиль классического «неформала».

Я скачу, но я скачу иначе...
Я согласен бегать в табуна —
Но не под седлом, и без узды!

Он не собирался уходить из «табуна», отрываться от народной культуры, эмигрировать («В Париж пока что не проник»), но и «скакать как все» он не хотел. Он был вольным человеком в невольном обществе. Это было не легко, но уже возможно. Это «пограничное состояние» и привлекает настоящего художника:

Хоть мгновенье еще постою на краю, Ах!

Реконструируя иерархию нравственных и социальных ценностей Высоцкого, В.Новиков писал: «На низшей ступени — “серое” стадо, коллектив, объединенный по принципу несвободы (его возможные “расшифровки”: завод, армия, блатная “малина”, семья без любви друг к другу, государство). Личность, вырывающаяся “за флажки”, способная к “побегу на рывок”, к тому, чтобы быть “тем, который не стрелял”, — такая личность стоит уже на ступень выше. Еще выше — союз двоих: будь то чета влюбленных друг в друга кораблей или автомобилей, боевое содружество летчиков (“Взлетят наши души, как два самолета...”), даже — под смеховым знаком — пара собутыльников, нацелившихся на выезд в Израиль.

Но есть еще и “белое стадо” — высшее единство людей. Сообщество, где каждый — личность, где ни одна индивидуальность не попирает другую, а наоборот, помогает ей раскрыться в полной мере. Это, конечно, только меч-

та, только идеал, соответствовать которому “на все сто” не могли ни многократно воспетый Высоцким дружеский круг, ни так много значивший в его жизни Театр на Таганке, ни даже многомиллионная аудитория слушателей поэта. Но все эти подлинные, нефальшивые единства несли в себе черты того самого мечтательно сказочного идеала¹⁰⁵. Эта система ценностей равноудалена и от государственного коммунизма, и от либерализма большинства диссидентов и «шестидесятников», и от державности «почвенников». Своим идеализмом, поиском органичного сочетания свободы и солидарности, и в то же время — стремлением все проверять народным взглядом, народной психологией — Высоцкий возрождает традицию народничества, угасшую было под ударами большевизма.

По этому же пути сближения вольномыслия и народной культуры вслед за частью бардов шел русский рок. Но к началу 80-х гг. рок был более приемлем для властей в качестве неформальной музыкальной культуры, чем барды. Они уже прошли путь от графоманства и советского романтизма к зрелым критическим стихам. Они соответствовали вкусу поколения шестидесятников, от которых исходила потенциальная угроза системе. Многие лидеры бардовского движения были связаны с оппозицией и настроены весьма радикально. Так, например, Ю.Ким писал:

Все исполнилось, Федор Михалыч,
Все свершилось — и оптом, и врозь.
Только то, о чем страстно мечталось,
Вот единственно, что не сбылось.

А исполнилось — даже с лихвою,
Да с такою лихвою, лихвой,
Что не надо ни Босха, ни Гойю,
А укрыться бы в гроб с головой!..

Не поймешь, чем жива колымага:
Все в разнос, и с винтов сорвалось,
И лоскутьями гордого флага
Не прикрыть перебитую ось¹⁰⁶.

КСП все более очевидно превращалось в «источник враждебной пропаганды». В этом отношении рок-движение казалось более безобидным. Конечно, оно было «западническим», поскольку пыталось копировать недостижимые пока образцы «поющих шестидесятых» Запада. Но тяга к «запретному плоду» западной культуры в конце 70-х гг. уже не воспринималась как безусловный «криминал». Приоритет музыкально-технической стороны над содержательной в 60—70-е гг. и вовсе превращал рок в вид развлечения.

Каково соотношение бардовской культуры и рок-культуры? Участники рок-движения определяли сущность рока так: «рок — это музыка научно-технической революции. Рок сам — революция в музыке... Рок — музыкальная революция, отразившаяся на всех делах современного мира как

духовный отзвук на революцию в науке и технике», — считает Н.Добрюха¹⁰⁷. Впрочем, дети НТР посмеивались над матушкой:

Я инженер
Со стрессом в груди,
Вершу НТР с девяти до пяти.

(Б.Гребенщиков)

Несмотря на свою внешнюю революционность и альтернативность, рок в принципе мог воспевать «реальный социализм». В 60—70-е гг. часть рок-музыкантов «первой волны» была «приручена» и стала выступать в официальном ключе. Так возникли «вокально-инструментальные ансамбли», контролируемые официальными филармониями.

И.Смирнов считает, что «рок — новый самостоятельный жанр искусства, появившийся в середине XX века в результате творческого и научно-технического прогресса (так же как в начале века появилось кино). Для него характерно заимствование выразительных средств традиционных жанров: музыкального, поэтического (текст) и театрального (шоу), которые образуют единое и неделимое на составные элементы целое — РОК-КОМПОЗИЦИЮ. Кроме того, характерно (хотя и не обязательно) “электрическое” звучание, коллективное творчество и особая форма музыкального хэппенинга — концерта с участием зрителей — т.н. “сейшен” (от английского “Session”). По своему происхождению рок — явление фольклорное, хотя и не сводимое к одному только фольклору»¹⁰⁸. Уже в этом определении видны общие черты культуры бардов и рока — сочетание западной и отечественной традиции, участие слушателей в творческом акте. Рок шел по стопам бардов. У двух течений было много общих участников. «Вузы составляли опорные базы и для первых рок-групп, и для “кустов” Клуба самодеятельной песни. Так что поклонники рока вовсе не составляли “темной массы”, не доросшей до поэзии Кима и Окуджавы, — пишет И.Смирнов, — хотя со временем среди них вырос процент экзотических деклассированных личностей, воплотивших в себе интернациональный идеал ХИППИ»¹⁰⁹.

Но в роке «хэппенинг» в большей степени рассчитан на развлечение, чем на размышление. Были и другие различия. Несколько преувеличивая масштаб расхождения, И.Смирнов пишет: «Расхождение между роковой и бардовской школами схематично можно изобразить так:

интернациональная — национальная
примат музыки — примат текста (поэзии)
концертная (танцевальная) — магнитофонная

Напомню: слушали дома в основном западный рок, переписывая его с пластинок на пленку. Под свой просто танцевали, чтобы забыть наутро — до следующих танцев. Барды, напротив, с самого начала вошли — со своими песнями — в разряд зафиксированного творчества. Многие ли из тех, кто знает наизусть Высоцкого и Северного, могут похвастаться, что видели их собственными глазами?»¹¹⁰ Зато сотни тысяч людей сидели вокруг кост-

ров или столов, повторяя под гитару слова стихов, вдумываясь в их содержание.

Разворачивая наступление на бардов, власти продолжали «приручение» подающих надежды рок-групп. В 1979 г. официальный статус был предоставлен группе «Машина времени», разумеется, не бесплатно. «Пройдет совсем немного времени, — писал И.Смирнов, — и от МАШИНЫ потребуют заменить везде слово “Бог” на слово “Судьба” вне зависимости от таких буржуазных предрассудков как рифма и длина строки, а в пошлейшем кинофильме “Душа”, якобы о судьбе рок-музыканта на эстраде, роль Макаревича будет исполнять Боярский»¹¹¹. Зато группу перестало «доставать» ОБХСС¹¹².

Возникает из недопетости
На потребу растущим хлопотам
То, что мы называем зрелостью,
То, что мы называем опытом.

Впрочем, степень контроля за музыкантами не стоит преувеличивать. Цензура московского городского дома художественной самодеятельности пропускала и «Битлз», и большинство произведений Макаревича. Но на всякий случай песни с подозрительным названием «Марионетки» вычеркивала. Предварительная цензура касалась прежде всего названий. Ну а за содержание приходилось отвечать *post factum*. Поэтому не все стихи Макаревича озвучивались с эстрады.

Вы в спокойствии тонете,
Но когда дурить бросите —
Вы его еще вспомните,
Вы о нем еще спросите.

Это о Галиче. Рок-среда, как и авторская песня, пересекалась с периферией диссидентского движения, но это было не столь заметно.

И так уж случилось, и вышло так,
Что нет середины спорной,
И если не друг, то значит ты враг,
И если не белый, то черный...

И кажется мне устоять не суметь,
Но вот что особенно сложно:
Стоя на бритве, я вынужден петь
Все то, что считаю возможным.

Лидеры рок-движения конца 70-х не хотели быть ни белыми, ни черными. Работая в официальной «системе», они мыслили по иным законам. Они были «неформалами».

За это отсутствие показного радикализма творчество «умеренных» рок-поэтов отторгалось набирающим силу течением радикалов, по аналогии с западными «коллегами» называвшими себя панками. «Как-то раз в гости к известному в современной ленинградской рок-тусовке Диме Левковскому приехала занимающаяся музыкальным рок-бизнесом знакомая барышня из Лондона, — вспоминает А.Рыбин. — После посещения рок-клуба, ряда квартир, в которых проживали молодые музыканты, и погуляв по улицам колыбели трех революций, она сообщила Диме, что настоящие панки живут в Ленинграде, а в Англии ребята, называющие себя так, — это просто переодетые и перекрашенные добропорядочные буржуа... Вся каверза заключалась в том, что мы были откровенной пародией на внешний вид среднестатистического советского гражданина... А поскольку с чувством юмора у нашего народа, в основном, дело обстояло неважно, то он (народ, то есть) довольно долго ломал голову — насмеются над ним или нет?»¹¹³ Самим своим видом панки отрицали набиравшую силу культуру потребления. Но вместе с ней и культуру как таковую. Естественно, что любой компромисс с «кистеблишментом» воспринимался «радикалами» как предательство: «Что еще нас всех объединяло, так это устойчивая неприязнь к группе “Машина времени”. Спустя несколько лет эта неприязнь сменилась лично у меня крепкой, уже взрослой любовью к этой музыке и к этим людям, но тогда, я думаю, мы воспринимали их только как социальное явление, как людей, пошедших на компромисс с бюрократией и так далее»¹¹⁴.

Макаревич, прошедший в детстве через молодежную «контркультуру», отвечал:

Ты можешь ходить как запущенный сад,
А можешь все наголо сбрить —
И то, и другое я видел не раз,
Кого ты хотел удивить?

Ты верил в гитару, в битлов и в цветы,
Мечтая весь мир возлюбить, —
Но все эти песни придумал не ты,
Кого ты хотел удивить?

Ты стал бунтарем, и дрогнула тьма,
Весь мир ты хотел изменить —
Но всех бунтарей ожидает тюрьма —
Кого ты хотел удивить?

Здесь уже угроза. Или предупреждение? Или и то, и другое? «Умеренные» рок-неформалы делились опытом с молодыми коллегами, атаковавшими их за «соглашательство». «Радикалы» не принимали советов, в которых сквозила назидательность.

«В песнях никогда я не поучал», — пел Макаревич в очень назидательной песне о крикунах. Но все же бунтари привлекали главного «машиниста»:

Любой запрет тебя манил,
И ты рубил
И бил, пока хватало сил,
И был собой.

Вот незадача:

Но если все открыть пути —
Куда идти, и с кем идти,
И как бы ты тогда нашел последний путь?

И та же тема в другом преломлении:

Один говорил: куда хотим — туда едем,
И можем, если надо, свернуть.
Другой говорил, что поезд проедет
Лишь там, где проложен путь.

Вечная проблема, доставшаяся семидесятникам от предыдущего поколения — свобода опасней несвободы. Рок-поэты начинают размышлять на темы, уже открытые бардами (вспомним колею Высоцкого).

И оба сошли где-то под Таганрогом
Среди бескрайних полей,
И каждый пошел своею дорогой,
А поезд пошел своей.

Так и будет. И не только с рок-движением.

4. Новая волна

Новая стадия в истории рок-движения началась в 1980 г. В это время движение стало превращаться в заметный общественный фактор. Крупнейшим событием его истории, которое стало возможным благодаря линии властей на «приручение» молодежи с помощью рок-музыки, стал Тбилисский фестиваль «Весенние ритмы-80» или «Тбилиси-80». Это было не первое, но крупнейшее мероприятие подобного рода того времени. Часть правящей элиты, «отвечавшей за молодежь» и за «культуру», уже была «распропагандирована» в пользу рока. «Перестройку общественного сознания начал в 1980 году известный московский музыкальный критик Артем Троцкий... — вспоминал А.Рыбин. — До сих пор это была, в основном, музыка деклассированных для деклассированных (были, правда, и исключения). Артем же повел мощную атаку на “высшие”, так сказать, слои советского общества, на интеллигенцию, на пресс-центр ТАСС, на союз журналистов,

на радио, телевидение (это в те-то времена!) и тому подобное. Он устраивал маленькие полудомашние концертики разным андерграундным певцам и приводил туда представителей московской элиты, которые могли при желании «нажимать на кнопки» у себя в офисах»¹¹⁵. И кнопки были нажаты.

В Тбилиси четко проявилась реакция публики на степень интегрированности музыкантов в официальную «систему». Триумфаторами фестиваля стала «умеренная», но «осмысленная» «Машина времени». Вокально-инструментальные ансамбли были встречены холодно. А.Макаревич вспоминает о Тбилиси: «Чувствовали мы себя увереннее, чем четыре года назад в Таллинне, но на такой успех не рассчитывали. Слишком уж много участвовало групп — хороших и разных. И, кстати, всех принимали блестяще, кроме, пожалуй, “Ариэля” и Стаса Намина. И не потому, что они плохо играли — сыграли они отлично, а потому, что “Ариэль” со своими как бы народными распевами и Стасик с песней Пахмутовой “Богатырская наша сила” совершенно не попали в настрой фестиваля. Это была не “Красная гвоздика” и не “Советская песня-80”. Призрак оттепели летал над страной, легкий ветерок свободы гулял в наших головах. В воздухе пахло весной, надвигающейся Олимпиадой и всяческими послаблениями, с ней связанными»¹¹⁶.

По мнению А.Троицкого, успех «Машины» был связан с ее подыгрыванием «массовой культуре»: «“Машина времени” к восторгу публики исполнила «Новый поворот» — готовый ресторанный стандарт, лишенный (что редко для Макаревича) какого-либо “послания” (я долго смеялся, прочтя в какой-то западной статье — или это была толстая книга? — что “Новый поворот” является одной из наиболее смелых советских рок-песен, призывающих руководство к проведению нового курса...)»¹¹⁷. Спору нет, «Новый поворот» грешит примитивизмом (впрочем, как и подавляющая часть репертуара рок-групп), и скорее всего авторы не вкладывали в стихи оппозиционного смысла. Но ведь эта песня и не о ралли. Кто совершает поворот? Не только автор статьи (или книги), над которым смеялся Троицкий и другие представители «богемы», но и тысячи (а потом и миллионы) со временем стали воспринимать исполненную в Тбилиси песню «Машины» как оду переменам, «новому повороту».

«Тогда, в мае 1980 г., сам факт проведения подобного форума воспринимался как знамение великих перемен, — рассказывает И.Смирнов. — Еще бы: МАШИНА ВРЕМЕНИ получила первое место! А АКВАРИУМ... Вы не слышали, что выделял на сцене этот АКВАРИУМ?.. Гребенщиков рассказывал на сцене тбилиским и прочим, съехавшимся со всех концов страны молодым ребятам, как и чем живут их сверстники в городе Ленинграде. Рассказывал на том же самом языке, на котором он и его слушатели обменивались репликами в перерывах: без высокопарных нравоучений, без малейшей попытки лицемерить и ставить себя НАД:

И когда я стою в “Сайгоне”,
Проходят люди на своих двоих,
Большие люди в больших машинах,
Но я не хотел бы быть одним из них.

...За этой искренностью внимательный слушатель чувствовал непривычную силу: силу человека, который понял, кто он такой и где его место на этой земле, и поэтому уже не хочет никуда бежать. И ничего не просит — тогда как короли минувшего десятилетия просили у жюри сострадания и наград»¹¹⁸. А.Троицкий излагает несколько иную версию происшедшей в Тбилиси «культурной революции»: «На фоне относительной респектабельности наших рокеров или по крайней мере стремления к таковой, “Аквариум” выглядел настоящей бандой бунтовщиков. Когда Борис начал играть на гитаре стойкой от микрофона, а затем лег на сцене... жюри в полном составе встало и демонстративно покинуло зал... Такого Грузия еще не видела: половина зала неистово аплодировала, половина — возмущенно свистела»¹¹⁹. Откровенность «Аквариума» подкупала и раздражала:

Порой мне кажется, что мы герои,
Мы стоим у стены, ничего не боясь.
Порой мне кажется, что мы герои,
Порой мне кажется, что мы — просто грязь¹²⁰.

«Боря хотел вызвать скандал, и ему это удалось. Молодец! — комментировал выступление “Аквариума” А.Макаревич, — а нам никогда не нужна была скандальная слава, я никогда не стремился кого-либо эпатировать». Несмотря на свой успех, А.Макаревич тогда еще комплексовал из-за своих новых отношений с властью: «Ну вот, теперь ты считаешь нас буржуями и продажными элементами», — говорил он Троицкому, — ты думаешь, если нас одобрило жюри и взяла на работу филармония, мы уже не те и не заслуживаем внимания... Музыканты, и рокеры в том числе, должны работать профессионально, зарабатывать деньги своей музыкой»¹²¹.

«Итак, здоровый рок-центризм праздновал триумф. Вчерашний истеблишмент оказался в “динозаврах”, и вчерашние “подпольщики” в лидерах»,¹²² — подводит итог А.Троицкий. Радикальное крыло рок-движения триумфа не праздновало — по итогам фестиваля Гребенщикова исключили из ВЛКСМ.

Но, несмотря на отдельные «эксцессы», власти были удовлетворены итогами тбилисского эксперимента. Начался санкционированный ренессанс рок-культуры. «Пусть расцветают сто цветов». А.Троицкий вспоминает об этом времени: «В московском Ленкоме и некоторых других театрах с феноменальным успехом шли рок-мюзиклы (самый известный из них — “Юнона и Авось” Алексея Рыбникова). И самое главное — “Машина времени”, “Автограф”, “Аракс”, “Диалог”, “Магнетик бэнд” начали триумфальные концерты по дворцам спорта и стадионам больших городов. По улицам были расклеены настоящие афиши, где было крупно написано: “Рок-группа”».

Вторая черта ренессанса рок-музыки 1980—1983 гг. — производство самодельных магнитофонных альбомов. Это предоставило бардам от рок-музыки новые возможности в распространении своих идей. Тексты привлекали слушателей никак не меньше музыки. Господство обесмысленной

рок-эстрады еще не пришло. К тому же альбомы покончили с цензурой — теперь только откровенные нападки на власть могли привести к тому, что слово рок-музыканта запрещалось. Вместе с самим музыкантом. Распространению альбомов доморощенных рок-групп способствовали и лимиты, установленные на дискотеках для западных исполнителей (борьба с западным влиянием не прекращалась). В итоге отечественные рок-группы, куда как более опасные для режима, оказывались спасением для администрации вполне лояльных заведений — ведь ими можно было заполнять отечественную квоту, не распугивая публику. А.Троицкий вспоминал: «Из простого потребителя записей дискотеки превратились в активных заказчиков. Поскольку музыка “Аквариума”, “Кино” и “Центра” не очень годилась для танцев, мафия диск-жокеев нашла более «гибкие» группы для выпуска нужной ей продукции. Возникла настоящая внесударственная индустрия звукозаписи и тиражирования, подчинявшаяся не столько творческим, сколько коммерческим законам»¹²³. Так в брежневские и андроповские времена стала формироваться индустрия шоу-бизнеса, которая впоследствии возьмет под контроль не только рок-движение, но и значительную часть средств массовой информации. С самого начала эта индустрия отличалась жестким монополизмом и тесной связью с теневым капиталом, с одной стороны, и партийно-хозяйственной администрацией — с другой. Причины этого понятны — от технических (дефицит студий звукозаписи) до социальных, о которых мы говорили, анализируя положение общества в целом.

По мнению А.Троицкого: «Мощный прорыв рок-музыки на профессиональную сцену во многом объяснялся коммерческими причинами: ВИА, несмотря на массивную теле- и радиопропаганду, изрядно надоели массовой аудитории и перестали приносить верный доход... Молодая публика ждала рока и готова была его принять: десятилетие упоенного слушания иностранных пластинок и паломничества на “неофициальные” концерты создало все предпосылки... Слушатели ждали мощного звука, ритмического “завода” и нормальных русских слов, не ограничивающихся банальной лирикой. И они это получили.

“Машина времени” была бесспорным “номером один”. Их первые гастроли в Ленинграде по накалу ажиотажа вполне можно сравнить с массовым безумием времен “битломании”»¹²⁴.

Всплеск интереса к рок-музыке вполне объясним — где власти приоткрывали дверцу новых форм и легального слова «с намеком», там образовывались толпы желающих увидеть и услышать. Дефицит рождал ажиотаж. Интересно другое — почему власти приоткрыли дверцу. Чисто экономическое объяснение А.Троицкого явно неудовлетворительно (как и точка зрения, в соответствии с которой «зажим» рок-музыки объяснялся коммерческими интересами официальных музыкантов и фирмы «Мелодия»). Отечественная бюрократия не раз доказывала, что ставит политику выше экономики. 1980-й год должен был показать, что и в СССР у социализма есть человеческое лицо. Год бойкотируемой Олимпиады обязывал режим продемонстрировать цивилизованность во всем, что укладывалось в нормы «социалистической законности». В это же время разворачивалось наступление на

диссидентов, которые «не укладывались». А песни «Машины», напротив, так или иначе укрепляли авторитет «социалистической демократии», демонстрировали ее культурный плюрализм. К 1980 г. власти уже имели возможность убедиться в том, что рок-музыка как таковая не угрожает режиму и даже может быть использована в его интересах. Чиновники весьма высокого уровня к этому времени с удовольствием выслушивали шуточки Жванецкого и других сатириков, песни умеренных бардов, рок-музыку. Они были благодушны во всем, что не касалось прямого вызова порядкам. «Местная инициатива» консерваторов прорывалась на страницы газет, но в рамках провозглашенного уже в следующей пятилетке «социалистического плюрализма мнений» получала отпор от сторонников рок-движения. А.Макаревич вспоминает о своих ощущениях, связанных с направленной против «Машины» статьей «Рагу из синей птицы» в «Комсомольской правде»¹²⁵: «“Рагу” было уже рассчитано на добивание. И общепатетический тон в традициях Жданова, и подписи маститых деятелей сибирского искусства (половина из них потом оказалась подделкой) — все это шутками уже не пахло. Если бы стены были бы из более жесткого материала, нас бы по ним размазали. Или бы мы пробили их собой и оказались с той стороны. Но студень амортизировал. И мы остались живы. А может быть, помогла защита наших поклонников. Я видел в редакции мешки писем под общим девизом “Руки прочь от “Машины”. Время от времени мешки сжигали, но приходили новые»¹²⁶. Для самих музыкантов подобные статьи воспринимались в апокалипсических тонах. Но крепнущая субкультура рок-музыки обладала все более высокой мобилизационной способностью. Она уже могла дать отпор противнику. Кто-то писал письма, даже не думая о том, что по обратному адресу придут «разбираться». Кто-то пробивал стену и оказывался с той стороны, кто-то прислонялся к студню и амортизировал вместе с ним. Но никого не размазывали. Пока.

Под руководством журналиста А.Троицкого в МИФИ стал работать семинар «Искусство и коммунистическое воспитание», официально занимавшийся проведением социологических опросов на дискотеках. В контакте с ним выходил «самиздатовский» журнал «Зеркало» (позднее «Ухо»). Неофициальный самиздат представлял старейший рок-журнал «Рокси» (выходил с 1977 г.).

Рок все шире распространялся и в провинции, хотя здесь «условия для творчества» были гораздо менее тепличными, нежели в столицах. Зато жесткий стиль жизни, не позволявший «расцветать ста цветам», создавал неповторимый сплав бардовской и рокерской культуры. И.Смирнов пишет о «магиканах», пробивавших свой путь на необъятных просторах страны: «Молодой учитель рисования из башкирской столицы Уфы Юрий Шевчук представлял собою тот основательный повыбитый российский тип, который некогда покорял Чукотку для царя Алексея и дрался насмерть с царем Петром за волюность. Пропролетарски простой в общении, Юра начитан как мало кто из столичных интеллигентов, так что даже уральский эрудит Илья Кормильцев, автор текстов НАУТИЛУСА, с удивлением признал однажды: “Шевчук знает больше стихов, чем я...” Начинал Юра как бард — с акустиче-

ской гитарой, потом в одном из ДК познакомился с местной командой...»¹²⁷ В 1981 г. была основана группа с ядовитым названием ДДТ. Первоначально Шевчука не трогали, он даже стал лауреатом всесоюзного конкурса. Отношения с властями заметно ухудшились после того, как Шевчук начал выдавать тексты в стиле «критического реализма» — по принципу «что вижу, о том и пою»:

Навоз целуют сапоги, кого-то мочат у реки,
Контора пьяных дембелей, за ребра лапая девчат,
О службе матерно кричат.

В Архангельске образовалась группа «Облачный край», компенсирующая недостатки музыкального опыта остротой текстов. Другим открытием провинции стала группа «Наутилус Помпилиус», которая вскоре станет одной из ведущих в стране. «Стратегическое преимущество “рок-периферии” над обеими столицами заключалось не только в “близости к народу” (что тоже немаловажно), но и в том, что периферийные группы отставлены от всякого рода модно-престижных тусовок — за неимением таковых... — считает И.Смирнов. — По свидетельству Владимира Сигачева, ДДТ уфимского состава за пять лет дало всего один (!) электрический концерт. Соответственно, согласно закону сохранения энергии, у них оставалось больше времени и сил для прилежной и кропотливой работы в студии — а именно это стало приобретать решающее значение...

К рубежу десятилетий у нас утвердилась каноническая школа со своими общепринятыми критериями качества: как играть, о чем петь, появились мэтры, гордые своим профессионализмом.

И вот — катастрофа. Выясняется, что мальчишки из подвала (добавим — и из провинции — *А.Ш.*) нередко играют рок лучше, чем его признанные корифеи»¹²⁸.

В период «ренессанса» 1980—1983 гг. рок-движение приобрело черты развитой субкультуры: единая прочная структура, независимые от внешней среды связи и устойчивые внутренние отношения, собственная этика, система символов и мифов. Представители рок-движения стали ощущать себя чуть ли не единственными носителями культуры как таковой (по крайней мере в молодежной среде). Этот миф оказался устойчивым и пережил десятилетие. Историк и участник рок-движения И.Смирнов пишет: «Культура — не музей. Растущий человек приближается к ней не когда разучивает из-под палки пару стихотворений классиков — но когда хотя бы на миг осознает себя частью живого, развивающегося культурного организма. Нетрудно заметить, что в то время, о котором идет речь, ни литература, ни кинематограф, ни театр не представляли молодежи такой возможности — ни один жанр, кроме рока»¹²⁹. Это замечание И.Смирнова глубоко автобиографично. И потому, несмотря на свой вызывающий рок-гегемонизм, представляет большой психологический интерес. Именно так думали не только экспериментирующие молодые интеллектуалы, но и тысячи юных участников субкультуры, которым Бог, родители или учителя не послали хорошей книги

или заставили читать ее «из-под палки». Этой части молодых людей не хватило сил погрузиться в полную противоречий и открытий среду отечественной культуры (литературы, кинематографа и театра). Разумеется, речь не идет о самих творцах рок-культуры, многие из которых были детьми элитарной культуры. Но они, подобно народникам, стремились идентифицироваться со своим зрителем, думать и чувствовать, как он. «Смешнее всего история с кино, — продолжает И.Смирнов, — да, хорошие фильмы время от времени появлялись в прокате среди “Пиратов XX века” и маразматических индийских мелодрам. Однако все они как на подбор — произведения сложные, требующие известной подготовки. Нашему герою станет скучно и на “Репетиции оркестра”, и на “Сталкере”, он уйдет пить пиво или просто уснет, и не нужно его в этом винить»¹³⁰. Эта фраза показывает, насколько далеко ушли рок-пионеры от культурной среды позднего СССР. Но средний представитель молодого поколения Союза все же «не засыпал» на таких фильмах, как «Свой среди чужих, чужой среди своих» или «Место встречи изменить нельзя», хотя и не понимал до конца их подтекст. Но подтекст всплывает в памяти позднее, когда требуют обстоятельства.

Качество продуктов отечественной культуры (включая и вполне доступные дореволюционные образцы, и вершины кинематографа 70-х гг., и уникальную фантастику «социалистического лагеря») может вызывать споры. Но по мере сравнения уровня «культурной продукции» 70-х и 90-х гг. выигрыш первой становится все более очевиден. Подросткам 70-х — начала 80-х гг. был предоставлен широкий выбор. Кто-то формировал свое мировоззрение, читая Стругацких. Кто-то — слушая рок. Многие совмещали эти пути приобщения к культуре с другими (включая хождение в кино и пение песен бардов под обычную гитару), что и создавало уникальную палитру мировоззрений «восьмидесятников».

Первоначально уровень культуры, на который ориентировалась значительная часть рок-музыкантов, был весьма низок:

Узнал, что где-то пьют вино,
А где-то музыка слышна.
И ты идешь туда, где пьют,
И ты берешь еще вина.
Просто хочешь ты знать,
Где и что происходит,

— пел Цой.

Часто рок-музыканты в культурном отношении откровенно «играли на понижение»:

Проснулся я утром, часа в два.
И сразу понял — ты ушла от меня.
Ну и что? Ну и что, что ты ушла?
От меня?
Все равно опять напьюсь. («Звуки Му»).

Приобщение к культуре...

Такой курс значительной части рок-музыкантов определялся давлением публики. Но публика требовала текстов – критичных, «контркультурных» или возвышенных, но понятных. Малопонятные тексты группы «Странные игры» были встречены криками «Трубадуров со сцены»¹³¹. Проще было подстраиваться под публику, можно было оторваться от нее, но сложнее всего – постепенно вести к какой-то еще малопонятной самому цели.

«Еще должно пройти время, прежде чем мы поймем, что устами рок-певцов заговорила вся многомиллионная молодежь России», — считает И.Смирнов¹³². Все же рок представлял мироощущение далеко не всей молодежи страны, хотя и весьма заметной ее части. По аналогии с подобным (хотя и не молодежным) явлением XIX в. их можно назвать «лишними людьми»:

Гуляю я, один гуляю,
Что дальше делать, я не знаю,
Нет дома, никого нет дома,
Я лишний, словно куча лома у-у,

— пел В.Цой. Вечная тема «лишнего человека» в детском исполнении эпохи «реального социализма».

Культура «лишних людей» бродила среди «детей проходных дворов», к которым апеллировал Цой, превращаясь из проблемы поколений в социальное явление. Для них единственным путем к культуре и антикультуре был рок. Так же как для других — телевизор или библиотека. К культуре или антикультуре.

Независимо от качества культуры обстоятельства Советского Союза первой половины 80-х диктовали покой — вечный недруг молодежи. А в роке было нечто, что отличало его от сонного царства СССР. Это было действие, в котором мог принять участие каждый. Независимо от уровня его культуры. Для человека, который не научился еще быть активным зрителем — это было ключом к вхождению не просто в культурную среду, а именно в активную культурную среду. Она была не выше средней по стране, но отличалась от нее соучастием в действии, а не в созерцательном покое. Сюда приходили молодые люди, которые хотели знать «где и что происходит», а не искали путь по карьерной лестнице или возможности социальных преобразований.

Кто в детстве не писал стихов? Некоторые даже читали их в узком кругу знакомых. С возрастом приходило осознание несовершенства форм, появлялся профессионализм в другой области, и стихотворчество иссякало. Но подрастающее поколение «восьмидесятников» не хотело мириться с одномерностью общества и выплеснуло ему на голову несовершенство своих юношеских виршей:

Мои друзья идут по жизни маршем,

И остановки только у пивных ларьков.

А я смеюсь, хоть мне не всегда смешно,
И очень злюсь, когда мне говорят,
Что жить вот так, как я сейчас, нельзя,
Но почему? Ведь я живу,
На это не ответить никому.

После «Тбилиси-80» стало очевидным наличие в рок-движении двух волн — более «умеренной», интегрирующейся в «систему», и более радикальной. Символом духовного радикализма некоторое время был «Аквариум».

«Аквариум» всегда представлял себя не рок-группой, а чем-то вроде семьи, общины, живущей в несколько ином, отстраненном мире. Так они трактуют свое название: вы можете их видеть, они — вас, но у них своя, “застекленная” среда... Роль лидера в “Аквариуме” играет Борис (Боб) Гребенщиков — немного загадочный, но вполне милый и миролюбивый поэт-гитарист-певец, проводящий большую часть времени дома за чаем и читающий почти исключительно сказочно-фантастическую литературу (Толкиен и т.п.) и западные музыкальные журналы. Это гуру — в меру самолюбленный и обладающий хорошим социальным тактом», — пишет А.Троицкий¹³³. Возможно, эта характеристика не совсем точна, но она иллюстрирует возникновение в недрах рок-движения альтернативных обществу социальных структур по форме близких «системе» хиппи, но не отличных от нее по социальной функции. Эти общины, живущие своей жизнью, почти совершенно независимой от среды и в то же время оказывали на оную все более заметное влияние. Эта среда отрицала застывшие формы, будь это даже рок-энд-ролл. «Рок-энд-ролл мертв, а я еще нет», — пел Гребенщиков. Он шутил, и шутка эта обернулась пророчеством:

Еще немного, и сбудется мечта,
И наши люди займут места:
Под страхом лишения рук и ног
Мы все будем слушать один только рок...¹³⁴

Он верил, что выдержит испытание победой.

Мы пили эту чистую воду,
И мы — никогда не станем старше!

Выполнить эту клятву не удалось. Когда рок-музыка превратилась из субкультуры и стиля жизни в крупный бизнес, они стали старше, рациональней и скучнее. Интеграция рок-культуры в «систему» пройдет еще один круг. Впрочем, и в начале 80-х гг. Б.Г. не был диссидентом, участвовал в санкционированном рок-клубе. Для неформалов вопрос лояльности вообще имел гораздо меньшее значение, чем для политизированной публики.

К началу 80-х гг. «Аквариум», возникший в начале 70-х гг., прошел уже почтенную эволюцию. Первоначально он был нераздельно связан с субкультурой хиппи (через эту стадию прошли многие музыканты, включая «умеренного» А.Макаревича). Боб внес в этот культурный поток свою струйку:

Продам я иглу и колеса,
На свадьбу куплю тебе шуз.
Мы скинем по тени с носа,
Чтоб счастлив был наш союз.

К этой теме Гребенщиков возвращался и позднее:

Хочу я всех мочалок застегать,
Нажав ногой своей на мощный фуз;
И я пою крутую песнь свою —
Мочалкин блюз.

От хиппи «Аквариум» унаследовал вызывающую космополитичность:

Я всегда был пророком рок-энд-ролла
В неритмичной стране.

Но при этом Боб так не стал и «западником», увлекшись Востоком, хотя и это увлечение «быстро устарело»:

И один с изумлением смотрит на Запад,
А другой с восторгом глядит на Восток.
И каждый уже десять лет учит роли,
О которых лет десять как стоит забыть¹³⁵.

Ориентиры, разрушаясь один за другим, исчезли. «Я качусь по наклонной — не знаю, вверх или вниз». Но и в этом движении есть свой самодовлеющий смысл, и Гребенщиков то ли поет, то ли медитирует:

Мы стояли на плоскости с переменным углом отраженья,
Наблюдая закон, приводящий пейзажи в движенье;
Повторяя слова, лишённые всякого смысла,
Но без напряженья, без напряженья...

А в итоге вопрос «где я?», обращенный ко Христу:

Сын человеческий, где ты?
Скажи мне еще один раз,
Скажи мне прямо, кто мы теперь,
Скажи мне истинно, где мы сейчас...

Вера ведет бунтарей эпохи НТР:

И все, что есть у нас — это радость и страх,
Страх, что мы хуже, чем можем,
И радость того, что все в надежных руках...¹³⁶

В этой вере есть место и Сыну человеческому, и Ивану Бодхидхарме, который «вылечит тех, кто слышит, и может быть тех, кто умен»¹³⁷. Мир целен, в нем связано все — судьба соседа по столу и судьба античных империй. Только ли античных:

Но только пепел твоих сигарет — это пепел империй,
И это может случиться с тобой...

Важно другое. Важно то, что «небо становится ближе с каждым днем». Религиозно-философский оптимизм Гребенщикова соседствует с мучительным пессимизмом по поводу происходящего вокруг:

Слишком рано для цирка,
Слишком поздно для похода к святой земле.
Мы движемся медленно, словно бы плавился воск;
В этом нет больше смысла —
Здравствуйте, дети бесцветных дней.

Моды, «волны» сменяли друг друга, а движения не ощущалось:

Новая волна — где она? Я рок-человек, что мне волна?
У нас не глубинка, у нас глубина,
И никакая волна не доходит до дна¹³⁸.

Уже в 1981 г. Гребенщиков остро ощущал кризис своей субкультуры:

И мы несем свою вахту в прокуренной кухне,
В шляпах из перьев и трусах из свинца,
И если кто-то издох от удушья,
То отряд не заметил потери бойца.
И сплоченность рядов есть свидетельство дружбы —
Или страха сделать свой собственный шаг...

Гитаристы лелеют свои фотоснимки,
И поэты торчат на чужих номерах.
И сами давно звонят лишь друг другу,
Обсуждая, насколько прекрасен наш круг.¹³⁹

Подобно диссидентам, рок-музыканты круга «Аквариума» мучительно искали выход из этого замкнутого круга. Но возможен ли выход, когда во-

круг — мир людей с пластмассовыми лицами, индустриальный, механический мир эпохи НТР:

В этом городе должен быть еще кто-то еще;
В этом городе должен быть кто-то живой.
Я знаю, что когда я увижу его,
Я не узнаю его в лицо,
Но я рад — в этом городе есть еще кто-то живой;

Две тысячи лет, две тысячи лет;
Мы жили так странно две тысячи лет.
Но Вавилон — это состояние ума; понял ты, или нет,
Отчего мы жили так странно две тысячи лет?

И этот город — это Вавилон,
И мы живем — это Вавилон;
Я слышу голоса, они поют для меня,
Хотя вокруг нас — Вавилон...¹⁴⁰

Эти мотивы двухтысячелетнего города потом неожиданно прорастут в песне ученика Боба о звезде по имени Солнце. «Кто-то еще» должен родиться, взорваться, как новая звезда, потому что так жить нельзя. Подсознание не выдержит этого мира:

Такого мой стресс вынести не мог.
И двери подсознания решил я закрыть на замок.
Но дверь закрываться не хочет,
Я бьюсь, и в конце концов,
Ломаю об угол добытое в муках
Пластмассовое лицо. Куда инженеру
В век НТР
Идти с натуральным лицом?¹⁴¹

Новые люди с «натуральными лицами» нужны, как воздух. Очередная волна рок-музыкантов устала идти впереди.

Если б вы знали, как мне надоел скандал;
Я готов уйти; эй, кто здесь
Претендует на мой пьедестал?

Где та молодая шпана,
Что сотрет нас с лица земли?
Ее нет, нет, нет...¹⁴²

И Гребенщиков взялся выращивать эту «молодую шпану». «19-летний Виктор Цой, один из двух сооснователей КИНО, учился у Гребенщикова,

который даже участвовал в записи первого (интересного по замыслу, но запоротого технически) альбома “45”, — пишет И.Смирнов. — Цой тяготел к неоромантике и одевался куда изысканнее своих коллег. Его компаньон Алексей Рыбин, напротив, сворачивал руль “влево” — в сторону чистого панк-рока. Его песня “Все мы как звери” стала гимном ленинградских агрессивных панков — ПТУшников, именовавших себя “зверями”¹⁴³.

Панковская община Ленинграда, насчитывавшая 20—30 человек (оптимальный размер будущих неформальных групп), превосходила даже Гребенщикова по степени эпатажа. Они игнорировали всякие культурные нормы. Один из панков того времени А.Рыбин вспоминал: «Тотальная безграмотность сочеталась у рокеров с постоянной агрессивностью — я имею в виду тексты песен, даже самые, на первый взгляд, безобидные»¹⁴⁴.

Гребенщиков, тяготевавший к панкам и покровительствовавший им, сам, однако, «был абсолютно неагрессивен, он не бился в стену, не ломился в закрытую дверь, ни с кем не воевал, а спокойно отходил в сторонку, открывал другую, не видимую для сторожей дверь и выходил в нее. При этом в его неагрессивности и простоте чувствовалось гораздо больше силы, чем в диких криках и грохоте первобытных рокеров. Они хотели свободы, отчаянно боролись за нее, а Б.Г. был уже свободен, он не воевал, он просто решил и СТАЛ свободным»¹⁴⁵. Навсегда ли?

Личная неагрессивность Гребенщикова не мешала ему играть «злые песни». Такие люди, как он, уже могли позволить себе жить свободно, без оглядки на власть. Уже ослабла угроза со стороны государства. Еще не вошла в силу угроза свободе со стороны соблазняющей музыкантов машины шоу-бизнеса. В начале 80-х гг. рок-движение представляло собой образец свободного неформального сообщества, в котором царил дух вольной и подчас грубоватой дискуссии, невысказанной в официальной культуре. «Да, концерт был попросту поганый», — комментировал рок-журнал «Рокси» выступление группы «Кино»¹⁴⁶. Музыканты были вольны вынести на суд зрителей свое несовершенное творчество. Зрители имели возможность сказать все, что они думают о графоманах. Наиболее тактичные облекали свою критику в изящные тона. Так, например, А.Гуницкий, говоря о том же «Кино» образца 1984 г., назвал их песни «очаровательным примитивизмом»¹⁴⁷. Но «примитивизм» находил поклонников не только в среде подростков, «не доросших» до большой поэзии, но и среди любителей жанра. Для них была важна не столько поэзия, сколько само шоу, само действие. А.Зандер комментировал: «*КИНО губительно показало, что суть живой рок-музыки — в обмене энергией с сидящими в зале... То, что Цой делал на сцене — было какое-то языческое волхование, рок-колдовство. Многие из его приемов — повторение одной и той же фразы под мерный и достаточно простой ритм, все его распевки — “a-a-a-a-a”, “у-у-у-у-у” — классическое шаманство*»¹⁴⁸.

Аура рок-шоу компенсировала «очаровательный примитивизм» текстов. Впрочем, как и в 50—60-е гг., сквозь толщу графомании у некоторых авторов пробивались ростки подлинного мастерства. Случайные сочетания слов вырастали в своеобразную сюрреалистическую систему, альтернативную

«социалистическому реализму». Цой объяснял смысл своих стихов: «“Камчатка” и “Алюминиевые огурцы” — это чистая фонетика и, может быть, какие-то моменты, не связанные между собой и имеющие задачу вызвать ассоциативные связи. Можно назвать это второй фантастикой»¹⁴⁹. Но только ли фантастика в словах «я сажаю алюминиевые огурцы на брезентовом поле». Абсурдные ассоциации — лакмусовая бумажка подсознания. В абсурдной цивилизации, где даже овощи пропитаны металлом, эти слова слишком близки к реальности.

Я знаю, мое дерево не проживет и недели,
Я знаю, мое дерево в этом городе обречено...

Есть ли выход из этого страшного «города», несущего смерть?

Все люди братья мы — седьмая вода,
И мы едем не знаю зачем и куда,
Мой сосед не может, он хочет уйти,
Но не может уйти — он не знает пути...
В кабине нет шофера, но троллейбус идет,
И мотор заржавел, но мы едем вперед,
Мы сидим не дыша, смотрим туда,
Где на долю секунды показалась звезда,

Мы молчим, но мы знаем — нам в этом помог,
Троллейбус, который идет на восток.

Эти стихи В.Цоя были написаны в 1983 г., в андроповский год. В отличие от героя «колеи» Высоцкого товарищ Цой не выходит, но шанс на спасение появляется у всех пассажиров. Они все вместе смещаются к Востоку, и в этом их шанс.

Интерес к Востоку приобретал подчас весьма разрушительные формы. Б.Гребенщиков рассказывает о встрече с В.Цоем: «Впали в такое медитативное состояние, замешанное на “новом романтизме”, Брюсе Ли и китайской философии.

Тогда же или чуть позже к нам в руки попала книга про “Ветер и поток”. Это было такое движение в среде китайских мыслителей, как принято говорить у нас. Движение состояло в том, что мыслители нажирались в стельку и старались постоянно поддерживать это состояние, применяя еще расширяющее сознание средство в виде грибов. И в таком состоянии писали стихи... Мы были потрясены такой схожестью взглядов между нами и этими товарищами из ветра и потока... Наверное, людям, которые Витьку не знают, сложно представить, что мальчик, который в то время учился в ПТУ на резчика по дереву, то есть “не образованный”, был на вполне сносном уровне знаком с древней китайской культурой. Можно было спокойно бросаться именами, рассуждать о самурайском кодексе»¹⁵⁰. Экзотические китайские наркотические средства рок-музыканты заменяли алкоголем. Если Цой и

Гребенщиков «расширяли сознание» по восточным методикам, то большинству участников движения больше нравился Запад. Это противоречие в рок-среде не выходило на первый план, но все же было заметно:

Ситар играл...
Джордж Харрисон, который очень любит деньги,
Услышал мантры и заторчал,
Купил билет на пароход и уехал в Дели,
В ушах его все время
Ситар играл...

Ситар играл,
Джордж Харрисон купил пар двадцать бус,
Джордж Харрисон сказал: «Я буду жить любя»,
А потом он сказал:
«Гуд бай» и ушел в себя, Ситар играл.

Такое отношение Цоя к одному из кумиров рок-богема могло показать кощунством. Но рокеры привыкли к кощунству.

«Западническое» направление рок-философии, в отличие от «западников-диссидентов», склонялось не к либеральной идеологии, а к идеям «молодежной революции» и радикальных хиппи. В этом смысле они были ближе к левым социалистам, чем к либеральной оппозиции. Но идеологи рок-движения (как «западники», так и «восточники») были далеки от его «массовой базы». «Для нового поколения “любовь и цветы” — это поцелуй в щечку, букетик в зубы и последующий поход в кинотеатр, а вовсе не далекий шестидесят восьмой, связанный с волосатой идеологией хиппи», — печально констатировал А.Скримаи¹⁵¹.

Философские поиски рок-музыкантов способствовали сближению авторской песни и рока, который в лице своих новых поэтов стремительно догонял бардов по глубине поэзии. Несмотря на «восточные» искания и западные корни рока, он все дальше отходил от зарубежных образцов и встраивался в традицию русской культуры. В начале 80-х гг. в рок-музыке стала доминировать традиция, в которой, говоря словами И.Смирнова, «полностью стерты не только технологические, но и стилистические различия между рокерами и бардами: частушки Шевчука ничем не отличаются от частушек Северного... “Электрический” Розенбаум — бард. Это новый феномен “народной магнитофонной культуры” — гораздо более русский, чем рок 70-х. Процесс “русификации”, начатый с гребенщиковского Иванова, получил свое логическое завершение в забойном харде ОБЛАЧНОГО КРАЯ:

Венчает землю русскую красой своею славная
Столица златоглавая, ой да матушка Москва!

Это не единичные примеры, а повсеместная тенденция, и даже те, кто ориентируются в основном на западные образцы, отдают ей должное: ленинградская АЛИСА включает в программу 1985 года отрывки из прозы М.А.Булгакова. Рок-музыканты осознают себя наследниками не только интернациональной рок-традиции, но и отечественной культуры, ее создававшегося веками духовного потенциала. «Чтобы писать песни, — говорит Шевчук, — недостаточно смотреть видеомэганитофон. Нужно читать Ключевского»¹⁵².

Пожалуй, наиболее емко преественность русской культуры и отечественного рока выразил А.Башлачев:

Долго шли зноем и морозами,
Все снесли и остались вольными,
Жрали снег с кашею березовой
И росли вровень с колокольнями.

Из этой традиции беспрестанной борьбы дикости и культуры вырастает рок:

Звонари черными мозолями
Рвали нерв медного динамика.

...Но с каждым днем времена меняются.
Купола растеряли золото.
Звонари по миру слоняются.
Колокола сбиты и расколоты.

Что ж теперь?
Ходим вокруг да около
На своем поле, как подпольщики.
Эй, братва, чуете печенками
Грозный смех русских колокольчиков?

Колокольчики — предтечи будущих колоколов. Рок как преддверие будущего возрождения — высокая мечта неформальных поэтов.

Завершение эпохи Брежнева не предвещало рок-движению ничего плохого. В 1983 г. прошел городской рок-фестиваль в Ленинграде. Официальная поддержка продолжала оказываться рок-музыке в Эстонии.

Но в столице приход к власти Андропова ознаменовался усилением гонений на «все, что движется». «В начале 1983 года бюрократия и связанные с нею эстрадно-мафиозные круги объявляют рок-музыке войну на уничтожение, — вспоминает И.Смирнов. — Преступление нашего жанра, как мы увидим далее, заключалось не только в социальности репертуара (что тоже немаловажно), но и прежде всего в стремительно растущей популярности и влиянии на молодежь некоей силы, которая принципиально не вписывалась в феодально-бюрократические структуры.

Понимая или, скорее, чувствуя фольклорную природу рок-движения, власти направили главный удар против его массовой базы. В Министерстве культуры СССР были произнесены целеполагающие слова о том, что на 82-ой год в стране существует 29 352 “вокально-инструментальных ансамблей” (непонятно, откуда это число?), а необходимо свести их количество к нулю, вернуть молодежь к таким испытанным формам досуга, как духовые оркестры и массовая песня. Предприятиям, учебным заведениям и комсомолу запрещено было устраивать танцевальные вечера без специальной санкции райотдела культуры, а профсоюзным организациям — “самовольно использовать” собственную (!) звукоусилительную аппаратуру и инструменты”¹⁵³.

Министерство культуры выпустило постановление, в соответствии с которым в репертуаре любого ансамбля должно быть не менее 80% песен с авторством членов Союза композиторов. В данном случае интересы режима, начавшего опасаться неподконтрольного развития музыки, совпали с монопольно-коммерческими интересами учреждения, которое призвано было контролировать музыкальную жизнь. Группам, которые желали работать легально, пришлось пройти унижительные прослушивания в СК.

Для координации работы ВЛКСМ, горуправления культуры и других ведомств Москвы в борьбе против «несанкционированного» рока было принято постановление «О мерах по упорядочению деятельности самостоятельных эстрадно-музыкальных коллективов г.Москвы», которое централизовало контроль за «народным творчеством» в руках «научно-методических центров». К тем, кто выбивался из-под контроля, применялись более суровые меры. С февраля 1983 г. началось наступление КГБ и ОБХСС против рок-групп. Прерывались выступления, расследовались источники финансирования. Поскольку коммерческая деятельность была практически полностью запрещена, начались аресты. В августе оказались за решеткой А.Романов и А.Арутюнов из группы «Воскресение». Начались допросы всех, кто был связан с этим делом. Арестованные признали, что работали за деньги. Это был криминал.

Первые удары привели к расщеплению рок-движения. И.Смирнов связывает его с ренегатством так называемых «мажоров»: «“Им хочется бедным в Майами или в Париж. А Уфа, Свердловск — разве это престиж?” “Мажоры” — социальный тип, так метко определенный Шевчуком, поначалу поддерживал рок-движение 80-х... Однако бардовская струя оставалась ему принципиально чужда, и такие группы как ДДТ или “Облачный край” не вызывали у него своим “народничеством” ничего, кроме раздражения»¹⁵⁴.

Западники и народники — два стиля в молодежной среде, которые потом выльются в течения массовой психологии — апология «общества потребления» или «социальной справедливости». Долгое время эти направления, как это ни парадоксально, будут идти вместе, добывая «коммунистические» структуры, и резко разойдутся уже после победы над последними. Но первый раз такое расхождение произошло в среде рок-движения: «По мере того как разворачивались репрессии, становилось ясно, что разногласия наши не только эстетические. В принципе, мальчик-“мажор” готов был (до определенного предела) отстаивать свои представления о красивой жизни

против “мажора”, находящегося у власти (старого и немодного). И даже идти на определенные жертвы в надежде на то, что настанет и его черед сменить папашу у руля. Но — на очень определенные, так чтобы они не затрагивали сытого существования в окружении дорогих вещей... Как только Андропов поднял планку риска много выше допустимого для них предела, вашему покорному слуге был предъявлен ультиматум: прекратить подпольную деятельность, которая-де ставит под удар всю советскую рок-музыку, и идти на компромиссы», — вспоминает И.Смирнов¹⁵⁵.

Проблематично, насколько выступление умеренных определялось именно детьми элиты и «мажорным» духом. Очевидно, что «мажоры» в массе своей не хотели ссориться с властями (именно потому, что ждали своего часа, когда можно будет, придя к рулю, сменить правила игры по своему вкусу), но «мажорами» лагерь «соглашателей» не исчерпывался. Они были поддержаны принципиальными противниками «политики». Гвоздем спора была политичность или аполитичность движения. По мнению И.Смирнова, государственная политика в 1983 г. была направлена на «полное уничтожение рок-музыки как жанра»¹⁵⁶. В декабре концерт «Аквариума» в Москве был сорван милицией¹⁵⁷.

Но рок-музыка полностью в подполье не ушла. В Ленинграде контролируемые властями рок-группы продолжали работать относительно спокойно. Режим волновали не жанровые вопросы, а «идейное содержание» и источники доходов рок-музыкантов. Тем, кто пытался игнорировать правила, навязанные властью, пришлось туго.

«Весной 1984 г. пошла вторая волна атак на рок. Главным объектом ее на этот раз были не деморализованные профессиональные группы, а “самодетельность”. Наконец-то на ребят “из подполья” всерьез обратили внимание! Однако совсем не так, как им хотелось бы. Пока любительские ансамбли существовали на локальном уровне, у них были локальные проблемы. “Пленочный бум” не только прославил их, но и сделал гораздо более уязвимыми»¹⁵⁸. В дискотеки ушла команда не пропускать «магиздат». Правда, она далеко не всегда исполнялась — система уже давно не была тоталитарной.

Весной 1984 г. милиция произвела образцово-показательный разгром рок-концерта, в котором участвовала молодая группа «Браво». И.Смирнов вспоминает: *«Лелик, сидевший рядом со мной, слушал без особого энтузиазма: “Песенки какие-то детские”. В этот самый момент Иванна (Ж.Агузарова — А.Ш.) запела “Белый день”:*

Он пропоет мне новую песню о главном,
Он не пройдет, нет, цветущий, зовущий, славный,
Мой чудный мир!

и при словах “чудный мир” из-за кулис выскочили люди в милицейской форме, и с ними один штатский с рупором: “Всем оставаться на местах!”... Я подбежал к окну. Вокруг клуба стягивалась милицейская цепь — пригна-

ли милицейский полк. Потрясенный народ с балконов окрестных домов наблюдал происходящее.

К дверям ДК подъезжали автобусы, газики, спецмедслужбы, какие-то запорожцы. В них бравые стражи порядка швыряли всех, кто находился в ДК, без различия пола и возраста. Видимо, ставился целью “полный охват аудитории”, как при голосовании за нерушимый блок коммунистов и беспартийных»¹⁵⁹. Большинство участников рок-движения было уже достаточно опытно, чтобы допросы закончились безрезультатно. Почти. «Последнее слово все же осталось не за нами. “Что ж, — сказал наш интервьюер, — группа “Браво”, может, и будет выступать, но без солистки”.

А у солистки, надо сказать, был обнаружен чей-то чужой паспорт, в которое она вписала что-то дурацкое — вроде “Иванна Андерс, датско-подданная”. Счесть это изделие документом можно было только после основательной порции циклодоло. Тем не менее Иванну-Жанну в течении более чем полугода перевозили из одного застенка в другой...»¹⁶⁰ В конце концов Жанну отправили к родителям в Сибирь, где она, кстати, заняла первое место на конкурсе молодых талантов¹⁶¹.

Дело было, конечно, не в том, что псевдопаспорт кто-то принял за документ. Был важен сам факт издевательства над государственной символикой. Это была уже политика. Потому сотрудник ГУВД допускал возможность выступления группы «Браво». Рок сам по себе авторитарному режиму не угрожал (а вот тоталитарный режим просто не позволил бы рок-музыкантам и их поклонникам дойти до ДК). Специалистов из КГБ и МВД волновала бесконтрольность, несогласованность программы с «соответствующими» инстанциями. А сами инстанции в таком согласовании были не заинтересованы. По мнению И.Смирнова, “Детские песенки” Иванны были опасны не своим содержанием, а тем, что она нагло нарушала феодальную монополию ведомств, ответственных за “песенки”, и должна была понести строгое наказание — как негр, зашедший в ресторан для белых, или крестьянин, объявивший себя дворянином. Чтобы другим неповадно было»¹⁶². Но к этому времени в стране «развелось» уже довольно много непослушных музыкальных «негров», и большинство из них за решетку не попадали, хотя тоже нарушали монополию официальной песенной машины (кстати, не феодальную, как считает И.Смирнов, а вполне капиталистическую, замешанную на неплохой прибыли). Карательные органы имели слишком высокий статус, чтобы печься об интересах фирмы «Мелодия». Но в 1983—1984 гг. «органами» была получена команда несколько сократить сферу действия неподконтрольных движений, которые, к тому же, все откровеннее политизировались. Для этого нужен был именно образцово-показательный разгон. Конкретное содержание песен в этот момент было не важно. Группе «Браво» просто не повезло — она попала под руку, чтобы ответить за все крамольное содержание песен, возникающих в этой субкультуре.

Удары по року носили все же избирательный характер. В том же 1984 г. официально санкционированный фестиваль открывался песней В.Цоя:

Я объявляю свой дом безъядерной зоной,

Я объявляю свой двор безъядерной зоной,
Я объявляю свой город безъядерной зоной...

Какой-то юнец объявляет свой город безъядерной зоной, берет пример с западных пацифистов, разлагающих обороноспособность своего военного блока. Крамола? Ничего, в рамках официального фестиваля дозволили. А вот несанкционированный фестиваль на Николиной горе летом 1984 г. отнесли на дачный участок одного из участников¹⁶³.

Наступление на неподконтрольные рок-группы велось и в провинции. «Очень тяжелая ситуация сложилась в Уфе вокруг группы ДДТ. Из любимого певца-лауреата Шевчук после альбома “Периферия” превратился в “клеветника на башкирскую деревню” и “агента Ватикана”. Именно такой вывод сделала местная газета “Ленинец”, изучив текст песни “Наполним небо добротой”, в которой упоминалось все то же крамольное имя Христа... Шевчука выгнали с работы и потребовали подписи под “отказом от сочинения и исполнения песен”. По-видимому, он ответил на эту юридическую новацию слишком резко, поскольку вскоре вечером на дороге на него напали абсолютные трезвые, с виду приличные... ну, хулиганы, что ли»¹⁶⁴. Осенью был арестован свердловский рок-певец А.Новиков. За изготовление и продажу музыкальной электроники он был приговорен к 10 годам заключения.

Тем не менее, по мнению И.Смирнова «война с рок-музыкой имела результаты, сокрушительные для тех, кто ее планировал... В результате репрессий нормальные электрические концерты до конца 1985 года практически прекратились. От этого прежде всего пострадали те группы, которые занимались собственно МУЗЫКОЙ и делали ставку на профессионализм, хорошую музыку, красочное шоу. Аполитичная традиция 70-х была, таким образом, добита (или перешла под контроль властей — *А.Ш.*) — а бардовская, напротив, усилилась... Жестокость властей привела к радикализации и консолидации рок-движения и создала авторитет как раз тем, кто был для официальных властей максимально неприемлем. Возникла героическая легенда. И даже презренные ВИА-шники... которым приходилось всячески хитрить и сопротивляться грабежу, стали чувствовать себя диссидентами»¹⁶⁵. Движение расширялось. На арену шли К.Кинчев, П.Мамонов, Г.Сукачев, А.Башлачев. По мнению последнего, удары по рок-движению только укрепляли его:

А наши беды вам не снились,
Наши думы вам не икнулись,
Вы б наверняка подавились,
А мы ничего, облизнулись.

«Так еще никто не говорил от нашего имени с недосыгаемыми заокеанскими учителями», — комментирует И.Смирнов¹⁶⁶.

Более того, под ударами властей неформальное рок-движение концентрировалось в той самой социальной нише, в которой ранее находилось

«добываемое» ныне диссидентское движение. «Подняв планку», Андропов сокрушил диссидентов, но превратил в диссидентов значительную часть неформальных музыкантов. «Мы были полностью замкнуты в своем кругу, и никто нам не был нужен, мы не видели никого, кто мог бы стать нам близким по-настоящему — по одну сторону были милицейские фуражки, по другую — так называемые шестидесятники — либералы до определенного предела», — вспоминал А.Рыбин¹⁶⁷. Даже по структуре рок-культура шла по пути диссидентов: «“Квартирники” в это время становятся похожи на регулярные конспиративные собрания ранних христиан: кроме обязательной музыкальной части, там обсуждаются проблемы движения, принимаются общие решения, происходит раздача записей и самиздатовской литературы», — вспоминает И.Смирнов¹⁶⁸. Таким образом, рок-среда максимально сближается по стилю жизни с диссидентской субкультурой.

Спокойнее пережили трудные 1983—1984 гг. участники движения КСП. «Кустовая» структура и слабая зависимость от технических возможностей делали бардов менее зависимыми от властей, чем рок-музыканты. Углублявшийся социальный кризис даже вел к радикализации части движения, и политические «заморозки» не мешали этому процессу.

В движение приходили новые люди, не связанные психологическими стереотипами «шестидесятничества». Участник группы «Реостат» В.Корсетов вспоминает: «Что характеризовало новых людей? Меньше туризма, меньше воздыханий, больше социальности. Но “шестидесятники” продолжали играть ключевую роль. У них было такое слово “социал”. Социальную тематику они считали дурным тоном. Но в начале 80-х гг. философский и юмористический «социал» стал нарастать, особенно в начале 80-х гг. В 1983 г. “Яуза” “выкатила” острый политический памфлет “Мутанты (сны Нестора)”. Это были сны интеллигента, которому нечего делать на работе. Он засыпает и видит во сне быка, который кушает газеты и выдает молоко и масло. Такая бюрократическая мечта о продовольственной программе... Многие авторы находились на позициях оппозиционных режиму. Но в широких кругах песенников отношение к диссидентам было отрицательным. Это была типичная для “шестидесятников” позиция... При этом ни у кого никогда не ценился “грубый социал”, то есть лобовая ругань в адрес власти»¹⁶⁹. Смена поколений подчас приводила к конфликтам. Авторитет «стариков» не был вечным: «Дети выросли, юношеский максимализм был необорим. Я считал, что дисциплина в группе — это все. Они называли меня диктатором. Мне пришлось уйти. А группа “Веники” превратились в “Варианты”», — с грустью вспоминает Ю.Столяров¹⁷⁰.

В 1983 г. из московского «куста» «Лефортово» выделилось несколько групп с острой социальной направленностью («Реостат», «Нестандарт» и др.) во главе с В.Медянцевым, которые образовали «куст» «Яуза». Здесь социальная тематика проявлялась наиболее откровенно. В то же время в другом крыле движения инакомыслие встречалось в штыки. «Помните, как впервые я пришел в воронежский клуб самодетельной песни, слушал, слушал, а потом наивно спросил: “Ребята, а записи Галича у вас есть?” Что тогда обрушилось на мою голову! И что Галич — антисоветчик, и что его

мерзкие песни никто и слушать не хочет...»¹⁷¹ Характерно, однако, что даже умеренные провинциалы-кспшники знали, кто такой Галич. Информация об инаконформности здесь расходилась широко — даже среди противников.

Социальная радикализация была связана с появлением, наряду с песнями многих театральных постановок, своеобразных спектаклей в песнях. «Театральное» направление стало развиваться в «регионе», в который входили «кусты» «Яуза», «Сборная леса», «Рекс», «Калужский», «Разгуляй». В 1983—1984 гг. этот регион собирал до 4000 человек. Одна из наиболее радикальных групп «Реостат», в которую входили «рабочие с высшим образованием», готовила часовые программы. В 1983 г. вышли упоминавшиеся «Мутанты» и «Страна Началия», посвященная бюрократии. В 1984 г. — напоминавшие о кремлевских старцах «Челюсти» и мрачное предсказание социальной катастрофы (или напоминание о происшедших социальных катастрофах) «Лесосплав», а также «Голоса» — пародия на пропагандистские штампы «идеологической войны». Группа «Нестандарт» разрабатывала тему коррупции и торговли. Многие группы, не ставившие социальные темы в центр своего репертуара, под влиянием радикалов тоже заметно дополняли юмор сатирой.

«У нас ни к одной строчке нельзя было придаться, но все было понятно, — вспоминает М.Сигачев. — Угроза со стороны “органов” чувствовалась, тем более, что мы почитывали самиздат. В 1984 году собратья наши по творческому “цеху” начали “давить”. На одном из слетов мы сделали “пуппури” из разных программ. А перед этим ходили какие-то деятели из городского клуба и предупреждали: “Ребята, ни полслова против власти...” А мы дали. И потом нам передавали, что нас разыскивало чуть ли не полслета, хотели нам “морду набить”, что мы “подставляем”. Но никого, кто так действительно думал, кроме этих функционеров, так и не нашлось»¹⁷².

«В 1984—1985 гг., на мой взгляд, были самые сильные слеты Яузы, — считает В.Корсетов, — когда с восьми вечера до шести утра без останки шло представление — и люди не уходили от сцены, сидели, как привязанные. Весенние слеты были закрытыми, дабы не возникали проблемы с властями. Присутствовало около 500 человек. А потом наиболее сильные выступления выносились на слеты других “кустов”. Как на гастролях. Разносились на магнитофонных пленках»¹⁷³.

Однако если диссиденты бросали системе открытый вызов, то певцы этого пока не делали, и потому власти не стремились добивать «underground». А.Макаревич считает, что «наш выручала несогласованность ведомств, этакая система удельных княжеств»¹⁷⁴. Тем не менее, особенно в отношении более зависимой рок-музыки, власти действовали вполне согласованно, «обтесывая» музыкантов разными инструментами — грозными статьями и допуском к съемкам фильма, поощрительными грамотами и запретами. Система была не жестока к тем, кто готов был в общем и целом играть по ее правилам. Система готовилась к трансформации, и ей нужны были гибкие союзники.

И ясны мне границы квадрата,

И лишь одно непонятно тут —
То ли надо идти куда-то,
То ли ждать, что тобой пойдут.

И одна у меня забота —
Разобраться хотя бы раз:
Это мы играем во что-то
Или кто-то играет в нас?

Казалось, система «реального социализма» стабилизировалась, загнала в подполье своих противников и приготовилась существовать вечно, наслаждаясь спокойствием. О характере борьбы в Кремле догадывались немногие. Но неформальные поэты сознавали, что такая стабильность чревата катастрофой:

Мир как в рамке:
Тихо и тепло,
Он круглый, словно банка,
И ясный как стекло.

Но неожиданно к ней пришла беда:
Как-то в банке высохла вода.
Рыбка в банке,

— пел А.Макаревич и продолжал:

Туман у наших стен стоит стеной.
И нелегко поверить всем,
Что это все не насовсем,
И скоро грянет ветер перемен.

Несмотря ни на что ожидание перемен становилось всеобщим. И поэты не обманулись в своих надеждах. Перспективы перемен были не ясны. Мрачными предчувствиями была полна композиция группы «Реостат» «Лесосплав» — история леса, уставшего от неподвижности и с надеждою отправившегося вниз по реке.

В затылки лбами упираясь твердо,
Мы рвемся, разорвав речное горло,
Река, кривляясь, изрыгает нас,
И счастлив тот, кто выполз на стремнину -
Его не бьют уже баграми в спину,
Он прег на золотую середину.

Итог печален:

Тупые бревна жаждут счастья —

Их ожидает лесопилка.

Ну что вы кричите — ведь это не печи,
Для супербревна это может быть ссылка.
Вам только и нужно, что вовремя лечь,
Затылки подставить —
Грядет лесопилка.

«Мы пели не о прошлых российских катастрофах, а о будущем. И оказались не так уж неправы»¹⁷⁵, — считает один из авторов «Лесосплава» В.Корсетов. Но, несмотря на мрачные предчувствия, как только КПСС начала свой великий лесосплав, неформалы бросились в бурные воды реки. Но они плавали не по правилам, рискуя, подобно одному из героев «Лесосплава», быть раздавленными. Но только плаванье не по правилам давало шанс на спасение от лесопилки.

После прихода к власти Горбачева началась осторожная легализация рок-культуры. Тем более что, по остроумному замечанию А.Троицкого, «монументальная антиалкогольная кампания подразумевала создание альтернатив “молодежному” пьянству»¹⁷⁶. В то время как радикалы скептически восприняли приход к власти очередного «ядерного принца», умеренные рок-музыканты воспринимали происходящее с восторгом. Они чувствовали, что приходит их время:

В добрый час, друзья, в добрый час!
Наши дни — не зря эти дни.

Как и в других сферах общественной жизни, в области музыки либерализация начиналась крайне осторожно. Но в отношении рок-музыки события подстегивали партию. Новый шаг к легализации рок-движения был сделан в ходе XII Международного фестиваля молодежи и студентов. Легальный рок наглядно и без ущерба для системы демонстрировал ее плюрализм. Как в 1980 году. Зарубежная молодежь привезла свой рок, который показала советским сверстникам. Советская сторона ответила «Машиной». Чиновникам от культуры стало работать еще сложнее — если в роке нет ничего плохого, то как его запрещать.

Наступал период обострения борьбы в верхах, приводивший ко все более частым сбоям в работе низовых звеньев аппарата, которые не знали, на какие указания ориентироваться. Отныне правая рука действительно не знала, что делает левая, какие идеологические заклинания Горбачева следует принимать всерьез, а какие — нет. Те музыканты, которые давно приняли оппортунистические правила игры, успешно этим пользовались. А.Макаревич рассказывает об этом: «Когда... в разгар съемок “Начни сначала” до руководства “Мосфильма” доходило указание, что снимать нас все-таки не следует, мы приносили охранную грамоту, из которой следовало, что “Машина” является участником культурной программы XII Международного фестиваля молодежи и студентов в городе-герое Москве и, стало быть, топтать нас опять-таки не за что. А когда месяц спустя мы получали

плоху от Министерства культуры за то, что что-то там не то на этом фестивале спели, — кино было уже снято, и поздно было махать руками»¹⁷⁷.

Фильм «Начни сначала», главным героем которого был Макаревич, стал явлением времени в двух отношениях. С одной стороны, это был первый советский фильм о неформальном роке. О его столкновениях с бюрократией «от культуры», о его популярности среди молодежи, о незаслуженных гонениях, о преуспевании певцов, предпочитающих озвучивать бессмысленные, зато безопасные песни (роль такого певца мужественно исполнил И.Скляр, согласившийся исполнить в фильме «пустую» песню «На недельку до второго...»), которую действительно пел с экрана в первой половине 80-х гг.). И в тоже время этот фильм — о прощании «умеренных» рок-певцов с неформальным прошлым, об их интеграции в истеблишмент, о разочаровании юных поклонников в повзрослевших кумирах, предпочитающих благополучие свободе. И это — не просто кинематографический образ. Во второй половине 80-х гг. «умеренные» рок-музыканты постепенно угасают как общественное явление (сохраняясь, конечно, как явление культуры). Это касается и «Машины», которая исполняет милые старые песенки и новые, все более «беззубые» тексты. Эта часть рок-среды растворяется в «генеральной линии» власти и к началу 90-х гг. полностью встает на ее сторону. Это их власть, это их общество, в котором им комфортно, словно рыбе в банке. Музыкант имеет право на спокойную старость (даже в зрелом возрасте). Но с этого времени он перестает способствовать изменению общества и исчезает из поля зрения историка.

На смену «шестидесятникам» (к которым по настроению относится и более молодой Макаревич) шла новая волна — «восьмидесятники»: ДДТ, «Наутилус Помпилиус», «Кино», «Аквариум», «Алиса» и другие. Они едко до бестактности высмеивали старшее поколение («Старик Козлодоев», «Отцы»), ненавидели милитаризированное общество («Толпа цвета хаки», «ВВС»). Они были готовы к борьбе:

Все в кайф, родная.
Все просто отлично,
Пусть бесятся наши
Штампованные враги —
Мы тоже не будем изишне тактичны
На нашем коротком пути. (ДДТ)

Они заряжали свое оружие не пулями, но громким звуком. Как герой ДДТ Иван Помидоров, рискнувший жизнью, чтобы пробудить общество от спячки. Они скептически относились к революции дедов («Революция, ты научила нас верить в несправедливость добра»), но звали к новой революции:

В этом мире того, что хотелось бы нам —
Нет!!!
Мы хотели его изменить —
Да!!!

— кричал в микрофон Ю.Шевчук вместе с сотнями (пока сотнями) слушателей на концерте. Того, «что хотелось бы нам», не было ни в СССР, ни на Западе — только в мечтах поющих. Так «поющая революция» советской молодежи добавляла в общественный поток сильную струю народничества, которой не хватало в политизированных кругах, поглощенных борьбой «западников» и «славянофилов».

Постепенный поворот политического курса в 1985 г. привел рок-движение к непривычной для него ситуации, в которой власти были «не за и не против». Им было «не до того». Почувствовав послабление, симпатизировавшие рок-движению журналисты стали «пробивать» статьи в его поддержку. В октябре 1985 г. «Комсомолка» опубликовала статью «Сорокин и его команда» о сотрудничестве рижского рок-клуба с комсомолом. Результат напоминал действие «философского камня»: «Вместо привычных хулиганистых пацанов в подворотне, к которым мы все привыкли... появились молодые люди с гитарами, на трудных подростков явно не похожие»¹⁷⁸. Просто бери да и внедряй передовой опыт по всему СССР — «трудные подростки» исчезнут как класс.

«Преследования неформального рок-движения прекратились, но возможности для работы ему по-прежнему не предоставлялись. На какое-то время образовалось тягостное затишье. Но постепенно началось тихий выход из подполья и перемешивание рок-underground-а с другими — “авангардными поэтами”, художниками-концептуалистами, брейк дансерами и изобретателями новых философий. Представители “альтернативных искусств” демонстрировали невиданную доселе сплоченность и деловую активность. Все говорили о клубах и объединениях»,¹⁷⁹ — вспоминает А.Троицкий. Рок-движение «засиделось» в подполье и жаждало действия, без которого сама эта субкультура теряла смысл. «Даже в клетке пантера готова к прыжку». (Центр) Стремление к острым ощущениям охватывало даже отнюдь не радикальные группы: «Облейте мое сердце серной кислотой», — пели «Браво».

Наибольший контраст между радикализмом формы и умеренностью содержания текстов проявлялся в творчестве К.Кинчева, чья звезда стала восходить как раз в 1985 г.

«Он публику пугал и заклинал, простирая к ней руки в черных перчатках, стонал, шептал и иронизировал в стиле рэп. Но прежде всего он был призывно сексуален... Как это ни странно, тексты “Алисы” не имели к сексу никакого отношения... Он начисто отбросил двусмысленность и скрытую иронию, столь характерные для нашего рока, и взял на вооружение самые громкие слова и страстные призывы — все то, что наша недоверчивая публика привыкла издевательски называть словом “пафос”. Плакатность его песен часто была сродни официальным комсомольским гимнам — но музыкальный и визуальный контекст, естественно, переводили их в иное измерение»¹⁸⁰. Наивный радикализм новой волны рок-музыкантов вновь выдвигал на первый план шоу, а не содержание песен. Содержание песен подчинялось закону шоу, символам и мифам субкультуры. Поэту новой волны

казалось, что быть носителем культуры просто: «Как выяснилось, петь и сочинять не очень сложно». Как и многие старшие коллеги, К.Кинчев подстраивается под публику, «играя на понижение»:

Я всегда был глуп.
Я не хотел учиться и не мог есть суп.
Учителей я не любил,
Я им грубил,
Я им хамил,
Ничего знать не хотел,
Сидел и пел:
Рок-н-ролл! Рок-н-ролл!..

Затем был стрит,
Там все были как я,
Мы жили как одна семья,
И все вопили во всю глотку
День ото дня:
— Рок-н-ролл! Рок-н-ролл!

...Я буду делать только то, что я хочу —
Учи — не учи!
Мне как об стенку горох —
Кричи — не кричи!

Подстраиваясь под толпу слушателей, рок-лидеры становились едва отличимы от нее. И новое поколение индивидуальных лидеров, собравшись вместе, было еще трудно отличимо от толпы. Но эта толпа стремилась к действию и потому была фактором общественной жизни. Рок-музыканты ждали своего часа:

Новый символ, новый виток. Идет волна!
Держитесь вместе...
Прислушайтесь к звуку,
Пока не начался новый штиль...
Идет волна! Идет волна!

Вожди рок-движения собирали силы. К.Кинчев описывал укрепление субкультуры:

Поиски контактов, поиски рук,
Я начал петь на своем языке,
Уверен — это не вдруг.
Я пишу стихи для тех, кто не ждет
Ответов на вопросы дня.
Я пою для тех, кто идет своим путем.

Я рад, если кто-то понял меня.
Мы вместе!

Сообщество людей, объединенных общим ощущением противостояло атомизированному обществу СССР.

Мое поколение молчит по углам.
Мое поколение не смеет петь.
Мое поколение чувствует боль.
Но снова ставит себя под плеть...
А по утрам ест себя.

Хватит мертвящего рационализма:

Взвешивать — против, взвешивать — за.
Пойми, я даю тебе шанс.
Быть живым — мое ремесло.

Сообщество людей, которые пока умеют «быть живыми», пока не вписываются в деловые стандарты индустриализированного, механизированного, хронометрированного общества: «И поэтому я не ношу часов, я предпочитаю свет». Они уходят «сквозь индустрию стен».

Underground готовил явить себя обществу и, заранее комплекса, представлял себя гадким утенком.

Я самый ненужный, я гадость, я дрянь —
Зато я умею летать, — пел П.Мамонов.

Эти дерзкие слова контрастировали с философско-меланхолическим настроением умеренных бардов:

Я до сих пор не летаю,
Видишь, стою на коленях... (Ю.Кукин).

Рок-движение было готово приобщать к «искусству полетов» и других. К.Кинчев обещает идущим за ним: «Я подниму тебя вверх — я умею летать», и командует сержантским криком: «Ко мне!!!».

Рок-музыканты сделали свой прыжок в неизвестность. Им казалось, что они уже умеют летать. Но никто еще не ведал, где закончится этот полет — на горных вершинах, в уютном гнездышке или в кровавой луже на камнях.

«Я ушел от начала, но не вижу конца», — пел К.Кинчев. Движение «ушло от начала», но не могло (да и не хотело) знать, чем все это кончится. Как и кремлевские реформаторы, рок-поэты лучше знали, от чего желают уйти, чем то, к чему стремятся. Из альтернативной песенной культуры, как и из всего общественного движения первой половины 80-х гг. могло получиться высокое искусство и разложение культуры, возрождение духа и бескульту-

рие, настоящая поэзия и грязный бизнес, восхождение и разрушение. Могло получиться и получилось.

Культурный рубеж 1985 года знаменовался открытием отреставрированного Арбата. Старый Арбат навсегда исчез, его сменила пешеходная улица в европейском стиле. Шестидесятники понесли тяжелую утрату. «Я эмигрант с Арбата», — пел переехавший с улицы Б.Окуджава. Новый Старый Арбат превращался в витрину перемен и заселялся новыми обитателями — музыкантами нового поколения, художниками, позднее — мелкими торговцами. Ростки новой культуры и полуполициального бизнеса получили свою оранжерею.

Неформальные движения — субкультуры, объединенные общим делом — социальным творчеством, созданием новых, «неофициальных», непривычных форм жизни, гражданской активностью, которая не была ограничена формальными рамками, лояльностью (нелояльностью) к режиму. В первой половине 80-х гг. они расширялись в недрах авторитарного общества, нащупывали друг друга, «спевались» в ожидании перемен. В 1985 г. они первыми, до политической субкультуры, начали процесс легализации.

Примечания

1. 30 лет движения. Неформальное природоохранное молодежное движение в СССР. Факты и документы. Под ред. Мухачева С.Г., Забелина С.И. 1960—1992. Казань, 1993. С. 3.
2. Там же. С. 45—46.
3. Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. М., 1996. С. 41.
4. Забелин С.И. Беседа с автором 9 июня 1992 г.
5. 30 лет движения. С. 40—41.
6. Там же. С. 44.
7. Экологическая политика и экологическое движение в России. С. 15.
8. См.: 30 лет движения. С. 9, 12, 34.
9. Яницкий О.Н. Социальные движения. 100 интервью с лидерами. М., 1991. С. 31.
10. 30 лет движения. С. 25.
11. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т. 2. С. 211—212; Соб. инф.
12. Яницкий О.Н. Социальные движения. С. 30.
13. 30 лет движения. С. 11—12.
14. Там же. С. 9.
15. Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. С. 51.
16. Там же. С. 33—34.
17. 30 лет движения. С. 25.
18. Цит. по: Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. С. 44.
19. Забелин С.И. Беседа с автором 29 сентября 1996 г.
20. Яницкий О.Н. Социальные движения. С. 20.
21. Экологическая политика и экологическое движение в России. С. 17.
22. 30 лет движения. С. 6—9.

23. Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. С. 43.
24. 30 лет движения. С. 18.
25. Экологическая политика и экологическое движение в России. С. 17—18.
26. Забелин С.И. Беседа с автором 9 июня 1992 г.
27. 30 лет движения. С. 15—17.
28. Забелин С. Этапы развития экологического движения в России и СССР. Архив Шубина А.В. Электронный фонд. A\BOOK\PER\1978—1984\history2.
29. 30 лет движения. С. 46.
30. Там же. С. 47.
31. Там же.
32. Там же. С. 41—42.
33. Там же. С. 42.
34. Там же. С. 43.
35. Там же. С. 51.
36. Там же. С. 43.
37. Там же. С. 55.
38. Там же. С. 54.
39. Там же. С. 55.
40. Забелин С. Указ. соч.
41. 30 лет движения. С. 79—89.
42. Там же. С. 110.
43. Там же. С. 113.
44. Там же. С. 122—123.
45. Забелин С.И. Беседа с автором 29 сентября 1996 г.
46. 30 лет движения. С. 123.
47. Там же. С. 126.
48. Там же. С. 120.
49. Там же. С. 138.
50. Там же. С. 130.
51. Там же. С. 127.
52. Ган А.А. Беседа с автором 25 марта 1994 г.
53. 15 встреч в Останкино. С. 21.
54. Брюсова В.Г. «Антирекам» — народное НЕТ! // Экологическая альтернатива. С. 622.
55. См.: Там же. С. 664—668.
56. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 304. Л. 18.
57. Цит. по Брюсова В.Г. Указ. соч. С. 679.
58. Воротников В.И. Указ. соч. С. 76.
59. Залыгин С.П. Поворот. М., 1987. С. 17.
60. Там же. С. 38, 41, 48.
61. Соколов Р. Беседа с автором 17 сентября 1996 г.
62. Хилтунен В.Р. Беседа с автором 17.04.1998.
63. См.: Фролова Г.И. Организация и методика клубной работы с детьми и подростками. М., 1986. С. 121.
64. Сумнительный К. Беседа с автором 1 октября 1996 г.
65. Соколов Р.В. Беседа с автором.
66. Хилтунен В.Р. Беседа с автором.
67. Там же.
68. Там же.
69. Сумнительный К. Беседа с автором.
70. Хилтунен В.Р. Беседа с автором.

71. Соколов Р.В. Беседа с автором.
72. Сумнительный К. Беседа с автором.
73. Хилтунен В. Беседа с автором.
74. Соколов Р.В. Беседа с автором.
75. Хилтунен В. Беседа с автором.
76. Чаплина Н. Колокола детства. М., 1985. С. 39.
77. Хилтунен В.Р. Беседа с автором.
78. Чаплина Н. Указ. соч. С. 33.
79. См.: Соловейчик С. Вечная радость. Очерки жизни и школы. М., 1986.
80. Хилтунен В. Щетинин, который не вписывается... // Литературная газета. 15.04.1998.
81. Щетинин М.П. На пути к человеку. Педагогика наших дней. Краснодар, 1989. С. 381—382, 385.
82. Хилтунен В.Р. Беседа с автором.
83. Щетинин М.П. Беседа с автором 16.08.1998.
84. Хилтунен В. Щетинин, который не вписывается...
85. Раш К. Приглашение к бою. М., 1984. С. 61, 103.
86. Соловейчик С. Я учусь в Караганде // Новое время. 1989. № 10. С. 42.
87. Соколов Р.В. Беседа с автором.
88. Рачевская М.И., Дмитриев А.Г. Строим МЖК. М., 1989. С. 6.
89. Яницкий О.Н. Социальные движения. С. 85.
90. Там же. С. 31.
91. Ким Ю. Все мы были графоманами... // ЛГ-Досье. 1992. № 11. С. 25.
92. Там же.
93. Городницкий А. «Возьмемся за руки, друзья» // ЛГ-Досье. 1992. № 11. С. 18.
94. Там же.
95. Сигачев М. Беседа с автором 2 июня 1996 г.
96. Столяров Ю. Беседа с автором 2 июня 1996 г.
97. Библер В. Шестидесятник навсегда. Постюбилейные рассуждения о Булате Окуджаве // Независимая газета. 1994. 9 июля.
98. Там же.
99. Городницкий А. Указ. соч. С. 18.
100. Троицкий А. Рок в СССР. Неприукрашенная история. История советского рока. М., 1991. С. 45.
101. Смирнов И. Указ. соч. С. 55.
102. Козаков М. Актерская книга. М., 1997. С. 228—229.
103. Смирнов И. Указ. соч. С. 57.
104. Там же. С. 45—47.
105. Новиков В. В Союзе писателей не состоял... Писатель Владимир Высоцкий. М., 1991. С. 213—214.
106. Ким Ю. Творческий вечер. М., 1990. С. 94.
107. Добрюха Н. Рок из первых рук. М., 1992. С. 5.
108. Смирнов И. Указ. соч. С. 7, 8.
109. Там же. С. 19.
110. Там же. С. 18.
111. Там же. С. 42.
112. Макаревич А. Все очень просто. М., 1991. С. 57.
113. Рыбин А. Кино с самого начала. Смоленск, 1992. С. 11—14.
114. Там же. С. 16.
115. Там же. С. 27. Интересно сравнить эти события с мнением некоторых западных исследователей о том, что «общее политическое ужесточение вкупе с вводом

советских войск в Афганистан положило конец разрядке по отношению к рок-музыке» (Д.Кречмар. Указ. соч. С. 178). Необходимость связывать с Афганистаном все события внутривосточной жизни СССР ведет к умолчанию — Д.Кречмар не упоминает тбилисский фестиваль.

116. Макаревич А. Указ. соч. С. 102.
117. Троицкий А. Указ. соч. С. 39.
118. Смирнов И. Указ. соч. С. 48—49.
119. Троицкий А. Указ. соч. С. 41.
120. 14. Полный сборник текстов песен АКВАРИУМа и Б.Г. М., 1993. С. 103.
121. Троицкий А. Указ. соч. С. 42.
122. Там же.
123. Там же. С. 71.
124. Там же. С. 43.
125. См.: Комсомольская правда. 1982. 11 апреля.
126. Макаревич А. Указ. соч. С. 107.
127. Смирнов И. Указ. соч. С. 93.
128. Там же. С. 96—99.
129. Там же. С. 145.
130. Там же. С. 146.
131. Там же. С. 109.
132. Там же. С. 60.
133. Троицкий А. Указ. соч. С. 55.
134. 14. Полный сборник текстов песен АКВАРИУМа и Б.Г. С. 120.
135. Там же. С. 69.
136. Там же. С. 201.
137. Там же. С. 202.
138. Там же. С. 203.
139. Там же. С. 68.
140. Там же. С. 109.
141. Там же. С. 37.
142. Там же. С. 66.
143. Смирнов И. Указ. соч. С. 60.
144. Рыбин А. Указ. соч. С. 22.
145. Там же.
146. Виктор Цой. Стихи. Документы. Воспоминания. С-Пб., 1991. С. 172.
147. Там же. С. 173.
148. Там же. С. 175.
149. Там же. С. 176.
150. Там же. С. 98—99.
151. Там же. С. 175.
152. Смирнов И. Указ. соч. С. 101.
153. Там же. С. 108—109. Интересное объяснение поведения музыкального функционера выдвигает Д.Кречмар: «Для советских культурных функционеров всякая развлекательная музыка, будь то рок или диско, была сама по себе чем-то “западным” или “декадентским”» (Указ. соч. С. 177). Вероятно, германскому исследователю неизвестно, что 70-начало 80-х гг. было временем расцвета развлекательной музыкальной эстрады, в том числе в стиле диско и даже рок (ВИА). Приводимый здесь же аргумент о том, что рок-концерты иногда сопровождался молодежными волнениями (особенно в случае их отмены, как в 1978 г. в Ленинграде) более существовавших. Но если бы это обстоятельство играло решающую роль, то властям пришлось бы сначала запрещать футбол. Волнения футбольных фа-

натов были регулярным явлением, но не мешали властям покровительствовать этому виду развлечения.

154. Смирнов И. Указ. соч. С. 115—116.
155. Там же. С. 116.
156. Там же. С. 117.
157. Там же. С. 113—114.
158. Троицкий А. Указ. соч. С. 75.
159. Смирнов И. Указ. соч. С. 127.
160. Там же.
161. Троицкий А. Указ. соч. С. 81.
162. Смирнов И. Указ. соч. С. 127.
163. Виктор Цой. С. 45, 147.
164. Смирнов И. Указ. соч. С. 129.
165. Там же. С. 137.
166. Там же. С. 138.
167. Рыбин А. Указ. соч. С. 47.
168. Смирнов И. Указ. соч. С. 138.
169. Корсетов В. Беседа с автором 2 июня 1996 г.
170. Столяров Ю. Беседа с автором.
171. Есть магнитофон системы «Яуза». М., 1991. С. 5.
172. Сигачев М. Беседа с автором.
173. Корсетов В. Беседа с автором.
174. Макаревич А. Указ. соч. С. 110.
175. Корсетов В. Беседа с автором.
176. Троицкий А. Указ. соч. С. 90.
177. Макаревич А. Указ. соч. С. 110.
178. Комсомольская Правда. 11.10.85.
179. Троицкий А. Указ. соч. С. 90.
180. Там же. С. 84.

Часть IV

НОВАЯ МЕТЛА

Глава XI

КОРОЛЬ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ Приход к власти М.Горбачева

Лежи и смотри,
Как ядерный принц
Несет свою плеть на трон.

А.Башлачев

1. Предвыборная кампания (январь-март 1985 г.)

Итак, к началу 1985 г. схватка за власть в Кремле вступила в решающую фазу. Исход этой борьбы по-прежнему зависел от медицинских факторов. Результат противостояния «местнического» и «ведомственного» кланов и, следовательно, тактика реформ зависели от того, кто из претендентов на трон окажется сильнее к моменту смерти Черненко.

Горбачев признает, что «желающих» занять пост Генерального секретаря «даже после того, как ушел Андропов, ушел Черненко вслед за ним, было даже внутри Политбюро (а где же еще — *А.Ш.*) немало. Но мне думается, ситуация была такова, что эти их амбиции были абсолютно уже нерелевantly. Общество уже просто не могло. Подошло время смены генерации политиков. Думается, все они это хорошо понимали»¹. Однако, как мы видели, некоторые влиятельные члены Политбюро не были дряхлыми старцами. Да и апелляция к тому, «могло» ли общество, выглядит не очень убедительно — народ никто не спрашивал. Для выяснения реальных альтернатив, стоявших перед страной в начале 1985 г., важно их персонифицировать. Однако на просьбу автора — «хотя бы десять лет спустя» назвать имена других претендентов на пост Генсека — Горбачев ответил приведенной выше фразой. Прямого ответа на этот вопрос нет и в мемуарах Горбачева. Вероятно, он не хочет давать материала для обсуждения вопроса об альтернативе не очень удачному курсу «отца Перестройки». Но само признание факта существования альтернативы даже после смерти Черненко само по себе важно.

Усиление Романова в конце 1984 г. и, соответственно, ослабление Горбачева не могло продолжаться долго. Колебания влияний привели к новой смене политического вектора. «Примерка» Романовым на себя поста Генсе-

ка, которую можно было усмотреть в его поведении на похоронах Устинова, не осталась незамеченной. Этот «наглядный пример» романовского властолюбия качнул чашу весов номенклатурного противостояния, после чего фигура Романова уже не рассматривалась в качестве альтернативы Горбачеву вплоть до кончины Черненко. (О том, что ни Романов, ни Гришин в 1985 г. не рассматривались как кандидатуры на пост Генсека, Михаил Сергеевич рассказывал своему помощнику Черняеву)². По мнению А.Брауна, Романов сделал ставку на Гришина³. Эта гипотеза пока не получила достаточных подтверждений. Если она верна, Романов совершил большую ошибку, поскольку, как мы увидим ниже, сам Гришин не был независимой фигурой в придворной борьбе. В качестве промежуточной фигуры мог выдвигаться также Тихонов, поведение которого позволяет предположить, что он также стремился занять пост Генерального секретаря. Но очевидно, что даже партийная элита устала от глубоких старцев во главе партии, и шансы казавшегося немощным Тихонова (в действительности он проживет еще долго) были малы.

9 января состоялось внеочередное заседание Политбюро. Черненко, ссылаясь на плохое состояние здоровья, предложил обдумать вопрос о его отставке. Громько, Тихонов и Гришин протестовали. Это соответствовало партийной традиции. Да и расстановка силы была еще не ясна. Решили отправить Черненко в отпуск на лечение и отменить совещание Политического консультативного комитета ОВД, а также Пленум ЦК по научно-технической политике, проведения которого так добивался Горбачев. Не проводить же такие мероприятия без Генсека. Через несколько месяцев они все же состоятся — уже с новым лидером коммунистов⁴.

Горбачев воспринял отмену Пленума как опасный сигнал. Ему было принципиально важно сохранить тенденцию роста своего влияния до смерти Государя, которая ожидалась в ближайшие месяцы. Сам Горбачев следил за состоянием здоровья Генсека особенно внимательно. Министр здравоохранения СССР Е.Чазов вспоминает, что Горбачев интересовался здоровьем Черненко чаще других⁵. Осведомленность Горбачева о состоянии здоровья Генсека соседствовала с усиленной дезинформацией других наблюдателей. Горбачеву было важно дезориентировать тех членов Политбюро, которые находились вдали от Москвы и могли выступить против кандидатуры «кронпринца» в решающий момент. Прежде всего это касалось Д.Кунаева и В.Щербицкого, руководителей крупнейших после России республик СССР — Украины и Казахстана.

Никто из участников номенклатурной «борьбы под ковром» не питал иллюзий относительно недолговечности Черненко. Однако очень многое зависело от того, окажутся ли Щербицкий и Кунаев в Кремле в момент выборов. Для того чтобы убедить республиканских руководителей в том, что Черненко «протянет» еще не один-два, а несколько месяцев, Генсека несколько раз подняли с постели. 7 февраля он даже вел заседание Политбюро⁶, а 24 и 28 февраля было разыграно телевизионное «явление народу» поумершего Генсека.

Это событие выглядело столь странным, что даже породило версию о том, что телевизионные передачи, в которых больной Черненко произносил краткие речи и даже голосовал (проходили очередные безальтернативные выборы в Верховный Совет), были организованы руководителем Москвы В.Гришиным с целью саморекламы⁷. По этой версии Гришин проводил свою собственную «предвыборную кампанию», демонстрируя миру свою близость Генсеку и свое влияние на него. Это, якобы, доказывает, что Гришин составлял альтернативу Горбачеву и действовал против него.

Сам Гришин уже в 1991 г. протестовал против версии, в соответствии с которой он «якобы возглавил заговор»: «Все это неправда, все это выдумки, все это чушь»⁸. Несмотря на то что высшие руководители КПСС не всегда говорят правду, на этот раз с В.Гришиным нельзя не согласиться. Действительно, чушь. К политической механике СССР 1984—1985 гг. никак нельзя подходить с мерками западноевропейских предвыборных кампаний. Телевизионное «шоу» никак не могло повлиять на мнение о Гришине «избирателей», каковыми являлись члены Политбюро. Скорее наоборот — это могло быть воспринято как неуместная демонстрация. Вызывает большие сомнения и утверждение Б.Ельцина о том, что в архивах Московского горкома «нашли список состава Политбюро, который Гришин подготовил, собираясь стать лидером партии»⁹. Интересно было бы ознакомиться с текстом и подписью под этим документом. Может быть это и не подделка — список, состоящий из части партийных руководителей мог быть составлен по любому поводу. Если бы Гришин составлял список своей команды, он уж во всяком случае не оставил бы его в архиве МГК до прихода Ельцина.

Играя здоровьем Черненко, Гришин действовал не против Горбачева, а в его пользу. Этим объясняется и то «странное» обстоятельство, что именно Горбачев председательствовал при зачитании Гришиным «предвыборного обращения» Черненко¹⁰. Следующим «актом» стало голосование Черненко, снятое прямо в больнице. Рассчитывая на то, что в ближайшие один-два месяца смерть Генерального не ожидается, Щербицкий отправился с визитом в США. Кунаев спокойно руководил Казахстаном из Алма-Аты. В то же время Горбачев оставался «в полной боевой готовности».

Что заставило Гришина участвовать в комбинациях Горбачева (как мы увидим, это не последний случай)? Снятие Гришина с поста через девять месяцев после прихода Горбачева к власти дало основания отнести московского руководителя к числу противников «нового курса». Однако отсутствие у Гришина реформаторских склонностей вовсе не означало того, что он должен был предпочесть Горбачеву Романова, Долгих или Тихонова. Горбачев зарекомендовал себя как более лояльный руководитель. Г.Алиев говорил позднее о мотивах, которыми руководствовалась часть сторонников Горбачева: «Знаете, тогда никто не считал, что он будет реформатором. (Имеется в виду именно радикальное реформаторство, так как умеренные преобразования проводились и при Андропове, и при Черненко — *А.Ш.*) Горбачев оказался моложе всех, он был вторым человеком в партии, власть,

как говорится, уже была в его руках»¹¹. Утверждение на троне «нового Андропова» в лице Романова могло дорого стоить Гришину, в епархии которого недавно было разоблачено несколько «мафиози».

Еще в начале 1984 года Е.Лигачев заявил, что москвичи «зазнались, работают плохо, даже снег с улиц города убирать не умеют, что они заелись, им надо поучиться работе у сибиряков». Летом 1984 года Лигачев организовал проверку садоводческого кооператива работников московского обкома КПСС, в котором состояло и несколько подчиненных Гришина из МГК. Были обнаружены незначительные нарушения, и чиновников заставили сдать участки. Затем «по указанию Лигачева в печати (особенно на страницах газеты “Советская Россия”, редактировавшейся Ненашевым) была развернута беспрецедентная критика положения в торговле, жилищном и бытовом обслуживании населения в Москве, недостатков в сельском хозяйстве Московской области»¹² — вспоминал В. Гришин.

27 февраля начались аресты среди ответственных работников Мосмелторга (его директор Сосновский уже был приговорен к расстрелу)¹³.

Гришин считал, что Горбачев и его команда неопытны и относительно толерантны: складывалось впечатление, что он (Горбачев — *А.Ш.*) ни с кем не хотел портить отношения... «Ребята они, может быть, и неплохие, но ведь никакого политического опыта»¹⁴.

Это обстоятельство могло дать возможность сторонникам Горбачева взять Гришина «на крючок» и заставить играть по своим правилам. Интересно, что осенью 1984 г. Гришин именно Горбачева уверял в том, что разоблаченные преступники не имеют к нему отношения. «Горбачев успокаивал Гришина, говорил, что это расследование — не попытка нанести ущерб авторитету городского комитета, его секретарей, но истину надо установить, — вспоминает В.Болдин.

— Забеспокоился, — положив трубку, сказал Горбачев, — наверняка там не все чисто. Надо дело довести до конца.

К завершению дела подключился Е.К.Лигачев. Постепенно стали всплывать все новые факты нарушений и приписок. Е.К.Лигачев стал раскручивать вопрос о приписках в жилищном строительстве»¹⁵. В этих условиях Гришину ничего не оставалось, как подыгрывать Горбачеву и Лигачеву.

Говоря о событиях декабря-марта, нельзя не упомянуть о беспрецедентном эпизоде предвыборной кампании в Верховный Совет, который мог оказать влияние на формирование курса будущих реформаторов. 19 февраля 1985 г. произошла незапланированная «вылазка» общественности на предвыборном собрании. Полный контроль за процессом выдвижения и избрания депутатов был одной из основ однопартийной системы. Карательный аппарат строго следил за «порядком» в предвыборных действиях. Но в преддверии перемен реформаторы были непрочь заручиться поддержкой каких-либо общественных активистов, которые не выступали бы против основ системы «развитого социализма». Стимулировав относительно «ручное» общественное движение, реформаторы получили бы дополнительный рычаг давления на средний слой бюрократии, обеспечив себе не формальную, а

реальную поддержку со стороны общественно активных слоев. Поэтому партийные верхи внимательно следили за направлением «общественного брожения» (организованная оппозиция была к этому времени физически разгромлена). Наиболее мощным движением этого времени было движение против поворота северных рек, в котором объединялись экологи, защитники культурных ценностей, патриоты, нацисты, сторонники «справедливости». Участница именно этого движения В. Брюсова рискнула выступить на встрече избирателей с кандидатами.

Брюсова Вера Григорьевна

1917 г. рождения. Доктор искусствоведения. В первой половине 80-х гг. участвовала в движении против поворота северных рек, посещала заседания общества «Память». С 1991 г. — сопредседатель Русской Академии наук, «народный академик», сопредседатель Партии Возрождения»¹⁶.

Нет, конечно она не ставила под сомнение избрание предложенных кандидатов, но воспользовалась правом внести свои предложения в «наказ» кандидату (традиция сохранилась еще со времен революции, когда избиратели могли действительно определять курс Советов). В своей объяснительной в райком партии В. Брюсова писала: «Я попыталась, вернее — сочла своим долгом, обратить внимание на обстоятельства, нависшие доможловым мечом над нашим народом. Это — проблема алкоголизма, и второе — проблема реализации проекта переброса северных рек на юг, грозящая уничтожением $\frac{1}{3}$ всей русской земли...

Однако мое предложение вызвало совершенно разную оценку присутствующих и президиума. Инспектор райкома откровенно и, я бы сказала, неприлично, зло смеялась над моим выступлением. Что касается избирателей, то они выразили мне полную поддержку своими аплодисментами, при уходе благодарили, а некоторые молодые люди выразили свое отношение буквально так: “Не обращайтесь на эту самодовольную особу”...

Беру на себя смелость утверждать, что действия, подобные тем, которые позволила себе представитель-инспектор райкома, имеют крайне отрицательное значение, так как, при допустимой субъективной честности таких работников, они ведут неверную линию на отрыв партии от народа: ставят партию над народом»¹⁷.

Конечно, партийные работники могли бы положить это письмо под сукно. Можно было и подключить КГБ. Но реформистские круги в партийной элите уже понимали, что скоро им придется общаться с народом без посредства правоохранительных органов. В этих условиях было желательно иметь «патриотическую общественность» в союзниках, а не в противниках. Предстояло деление общественных организаций на «позитивные» и «негативные». Чтобы заручиться поддержкой союзника, следует идти навстречу его предложениям, пока он еще сохраняет лояльность. Тем более что движение против поворота северных рек продолжало набирать силу. И партийное руководство действительно пойдет навстречу экологической и патриотической общественности. В 1985—1986 гг. будут удовлетворены оба тре-

бования, сформулированные В.Брюсовой: будет остановлен поворот северных рек и начнется антиалкогольная кампания.

Предвыборная кампания 1985 г. доставляла властям и другие хлопоты. В городе Ижевске, недавно переименованном в Устинов, появились листовки и анонимные письма с призывом выйти на демонстрацию против переименования и к бойкоту выборов. 0,4% граждан отказались голосовать за «нерушимый блок». На избирательных бюллетенях было обнаружено 9089 надписей за возвращение прежнего названия города. Проблему «решили» привычно — выделили Удмуртии дополнительные продовольственные и товарные ресурсы¹⁸. Но «экономический подход» не спас репутацию КПСС в городе.

Но вернемся на политический Олимп. «Предвыборная кампания» продолжалась. По замечанию И.Земцова, «советская медицина одержала важную победу: Генсек был собран и временно возвращен к жизни...»¹⁹ За несколько дней до смерти. Тем временем вернувшийся из заграничной поездки Горбачев сумел удержать за собой право вести Политбюро в отсутствие Генсека. Эта ключевая позиция сохранялась за Горбачевым не только из-за его деловых качеств, которые выгодно отличали «кронпринца» от менее лояльного Романова и теряющего работоспособность Тихонова, но и благодаря поддержке последнего из ключевых руководителей партии в 70-е гг. — А.Громько. А.Громько и В.Гришин стали ключевыми фигурами при решении вопроса об избрании нового Генерального секретаря ЦК КПСС после кончины К.У.Черненко, последовавшей 10 марта 1985 г.

2. Медицинский факт (10 марта 1985 г.)

10 марта в 19.40 К.Черненко скончался. Министр здравоохранения Е.Чазов вспоминает: «Последние дни перед этим Черненко находился в сумеречном состоянии, и мы понимали, что это — конец. Сердце остановилось под вечер. Помню, что уже темнело, когда я позвонил Горбачеву на дачу, так как это был выходной день, и сообщил о смерти Черненко. Он был готов к такому исходу и лишь попросил вечером приехать в Кремль на заседание Политбюро, чтобы рассказать о случившемся»²⁰.

Итак, Горбачев узнал о случившемся первым, что давало ему возможность удерживать инициативу в своих руках, тем более, что «кронпринц» «был готов к такому исходу» благодаря регулярным консультациям с Чазовым. Необходимо было срочно приниматься за дело, так как, по более позднему признанию Горбачева, «был готов другой кандидат»²¹.

Сторонники Горбачева действовали стремительно, несмотря на глухое недовольство части секретариата ЦК: «Когда я заявился в «предбанник» перед залом заседаний Политбюро, там уже толклись взволнованные секретари... — вспоминает Н.Рыжков. — Помню, кто-то спросил неуверенно: не слишком ли быстро собираемся, может, стоит хотя бы из приличия выждать денек? А кто-то ответил: нельзя терять ни минуты, надо такие вопросы решать с ходу, промедление смерти подобно»²². Действительно, для сторон-

ников Горбачева промедление было подобно смерти. Пока в Москве отсутствовали Щербицкий и Кунаев.

Пока вожди второго сорта толклись в «предбаннике», полные члены Политбюро не торопясь беседовали отдельно. Эта процедура неформально-го общения олигархов в ожидании кворума была обычной и не предполагала согласованного решения до официального заседания. Но сам факт отдельного общения после смерти Черненко породил в журналистской среде версию о том, что среди полных членов Политбюро произошел раскол, и часть присутствующих поддержала Гришина²³. Эта драматическая история распространялась прогорбачевскими журналистами и сотрудниками КГБ. Она соответствовала журналистским вкусам и оттеняла судьбоносность выбора 10 марта. Но никаких подтверждений в документальных и мемуарных источниках эта версия не получила. О подобном столкновении было бы выгодно рассказать и самому Михаилу Сергеевичу, но он категорически отрицает этот факт. Предварительно Горбачев беседовал только с Громыко²⁴. Утром 11 марта Горбачев сообщил прилетевшему из Югославии В.Воротникову, что вопрос о Генсеке не обсуждался на Политбюро. Только по телефону Горбачев обсуждал свою кандидатуру с несколькими членами ареопага²⁵.

В действительности, когда в 9—30 вечера собралось Политбюро, на котором сторонники Горбачева разыграли изящную комбинацию, в результате которой «местнический клан» закрепил свое преимущество в этот решающий момент. После доклада Чазова о смерти Черненко и решения о проведении Пленума ЦК на следующий день стали обсуждать вопрос о председателе похоронной комиссии. «Горбачев, как бы советуясь, сказал:

— Ну, если мы комиссию утвердили, надо бы избрать и председателя...

В зале заседаний ПБ вдруг повисла тишина, — вспоминает Лигачев, — сейчас мне трудно вспомнить, сколько времени длилась та явно нервная и ненормальная пауза, но мне она показалась бесконечной. Вопрос, поставленный Горбачевым, в некотором смысле был ключевым. Все понимали, что избрание председателя похоронной комиссии — это как бы первый и весьма недвусмысленный шаг к избранию Генерального секретаря ЦК КПСС»²⁶. По установившейся в 80-е гг. традиции на похоронах Генсека председательствовал его преемник. По словам Гришина, Горбачев предложил возглавить похоронную комиссию ему: «Мне предложил председательствовать. Я сказал, что это было бы неприлично. Комиссию должен возглавить тот, кто замещал прежде Генерального секретаря»²⁷. После этого Гришин добавил: «А почему медлим с председателем? Все ясно. Давайте Михаила Сергеевича»²⁸. После этого Громыко провозгласил, что комиссию возглавит Горбачев²⁹. «По неписанной традиции тот, кто возглавляет такую комиссию, автоматически становится Генеральным», — справедливо замечает Н.Рыжков³⁰.

Теперь партия была уже почти выиграна, и можно было подумать о грядущем правлении. Р.Горбачева вспоминает, как на прогулке с ней 10 марта Горбачев говорил, что «реализовать что-то крупное, масштабное, назревшее — невозможно. Как будто стена. А жизнь требует, и давно. Нет, — услы-

шала я, — так дальше жить нельзя»³¹. Но по традиции Горбачев делал вид, что ничего еще не решено. Долгих, встретивший Горбачева на заседании Политбюро, спросил, готова ли «тронная речь». «Горбачев засмеялся и ответил, что он назначил людей писать речь для того, кто будет назначен, чтобы ее произнести»³².

3. Избрание Генерального секретаря (11 марта 1985)

Отсутствие Щербицкого и Кунаева «вежливо учли: назначили вторичное заседание ПБ — перед Пленумом, который состоялся на следующий день, в понедельник»³³. Кунаев приехал, но изменить соотношение сил было уже невозможно. Н.Рыжков даже утверждает, что уже 10 марта было принято принципиальное решение избрать Горбачева Генеральным секретарем³⁴. Однако воспоминания четы Горбачевых, Воронникова, Гришина и протокол заседания Политбюро от 11 марта заставляют усомниться в этом. 11 марта, упомянув о присутствии на заседании всех членов Политбюро, кроме Щербицкого (следовательно, Кунаев уже приехал), Горбачев поставил на обсуждение «вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС». Вероятно все же, что в первый день решили вопрос о назначении Горбачева председателем похоронной комиссии, что традиционно делало его той кандидатурой, с которой следовало начать обсуждение «вопроса о Генсеке». Первое решение во многом предопределяло второе, и поэтому Рыжков мог совместить в памяти оба события и отнести их к одному дню.

На решающем характере событий 11 марта настаивает и Е.Лигачев: «Опять Горбачев сел в торцевой части стола заседаний, но не по центру, а сдвинувшись в сторону от места председательствующего. Он понимал, что сейчас разговор пойдет именно о нем, и именно ему предстояло этот разговор начать.

После небольшой паузы Михаил Сергеевич сказал:

— Теперь нам предстоит решить вопрос о Генеральном секретаре. В пять часов назначен Пленум, в течении двух часов мы должны рассмотреть этот вопрос.

И тут поднялся со своего места Громыко.

Все произошло мгновенно, неожиданно. Я даже не помню, просил ли он слова или не просил... Все сидели, а он стоял! Значит — первое слово — за ним, первое предложение о кандидатуре Генсека внесет именно он.

Крупная фигура как бы нависала над столом, я бы даже сказал — подавляла. Андрей Андреевич заговорил хорошо поставленным, профессиональным так называемым дипломатическим “голосом”:

— Позвольте мне высказаться, — начал он. — Я много думал и вношу предложение рассмотреть на пост Генерального секретаря ЦК КПСС кандидатуру Горбачева Михаила Сергеевича»³⁵.

«Это была, как я считаю, важная личная победа Егора Лигачева, заранее проговорившего все варианты едва ли не со всеми, кому предстояло под-

нять руку “за” или “против” НАШЕГО лидера... Громыко, едва ли не самый старый член “гвардии” Брежнева (да что там Брежнева — и Хрущева, и даже Сталина), открыто и безоговорочно выступил на стороне “племени молодого незнакомого”... но нужна была серьезная “психологическая атака”, чтобы он не просто поддержал на Политбюро эту кандидатуру, но и сам первый назвал ее³⁶.

Последнее предположение о «психологической атаке» выглядит преувеличением. Активная позиция Громыко предопределялась не «психологической атакой» Лигачева (сам Лигачев признавал, что Громыко уже знал ответ, когда спрашивал его о предпочтительной кандидатуре Генсека)³⁷, а его статусом в Политбюро. Только он, Тихонов и Гришин могли взять слово первыми. Но Тихонов не имел на тот момент подготовленной кандидатуры, кроме собственной. А его самого мог предложить лишь кто-то другой. Гришин оказался «на крючке» у «молодежи». Громыко, после некоторых колебаний, решил остановить свой выбор на Горбачеве, предопределив исход борьбы за власть 1984—1985 гг. Накануне Горбачев позвонил Громыко:

— Андрей Андреевич, надо объединять усилия: момент очень ответственный.

— Я думаю, все ясно.

— Я исхожу из того, что мы с вами сейчас должны взаимодействовать³⁸.

Решив поддерживать Горбачева против военно-ведомственного блока, Громыко мог только лично предложить кандидатуру. Поручить такую ответственную задачу менее влиятельной фигуре означало поставить все дело под угрозу.

«Не исключаю, что именно выступление Громыко и предредило предельно спокойный ход заседания: никто из стариков даже слова против не сказал»³⁹. «Старики» хорошо понимали, что шансов на успех в результате отсутствия Щербицкого и Кунаева и «нейтральной» позиции Гришина у них не остается. Поэтому выступление против могло превратить их в «антипартийную группу». Отсюда и единогласие.

На всякий случай Лигачев сколотил группу из 15—20 секретарей обкомов, готовую выступить на Пленуме в случае, если Политбюро не поддержит Горбачева⁴⁰.

«Несколько групп первых секретарей обкомов посетили меня. Призывали занять твердую позицию и взять на себя обязанности Генсека. Одна из таких групп заявила, что у них сложилось организационное ядро и они не намерены больше позволять Политбюро решать подобного рода вопросы без учета их мнения»⁴¹, — вспоминает Горбачев. По утверждению Лигачева, кандидат в Генсеки санкционировал возможное выступление «фракционеров». Если бы оно состоялось, это был бы первый случай с 1957 г. В ЦК были и противники избрания Горбачева. Вспоминает В.Болдин: «Я слышу откровенные суждения. Многие называют Горбачева, но и противники есть. Да, человек способный, но умудренные жизнью секретари обкомов считают, что у Михаила Сергеевича нет достаточного опыта, поверхностное знакомство с экономикой, не знает производства, трудовые коллективы»⁴². С этой точки зрения больше подошел бы Тихонов или Романов. «Были и те,

кто не хотел Горбачева. Как-то незадолго до кончины Генсека Чебриков, возглавлявший в то время КГБ, поделился со мной содержанием своей беседы с Тихоновым, пытавшимся убедить его в недопустимости моего избрания на пост Генерального секретаря. Чебрикова поразило, что Тихонов никого, кроме меня, не упоминал:

— Неужели сам претендовал на это место? — подумал он, — рассказывает Горбачев⁴³.

Аргументируя необходимость избрания Горбачева, Громыко заявил: «Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это был бы, на мой взгляд, абсолютно правильный выбор. Все мы Михаила Сергеевича хорошо знаем. Семь лет мы работаем с ним вместе. Я помню, как Л.И.Брежнев интересовался моим мнением и мнением других товарищей, когда речь шла о переводе М.С.Горбачева на работу в Москву. Я не сомневаюсь, что все мы тогда правильно поддержали это предложение»⁴⁴. Громыко не только напоминал Горбачеву, что своим возвышением он обязан «старой гвардией», но и намекал консерваторам (а теперь на заседании присутствовал Кунаев) о том, что новый Генсек был «одобрен» самим Брежневым.

Среди положительных качеств Горбачева Громыко назвал «неукротимую энергию», «умение налаживать отношения с людьми» и большой опыт партийной работы⁴⁵. Чуткость к кадрам и в то же время способность вдохнуть в партийный механизм новую энергию — это то, что «последний из могикан» ждал от Горбачева.

Когда Громыко получил слово, наиболее нервно вел себя Тихонов⁴⁶. Заранее блокируя возможные (но маловероятные) возражения, Громыко напомнил: «Мы не имеем права допустить никакого нарушения нашего единства. Мы не имеем права дать миру заметить хоть какую-то щель в наших отношениях»⁴⁷. Раз уж кандидатура Горбачева названа, альтернатива ей возникнуть уже не должна — иначе образуется «щель».

«Щель» не возникла. Выступавшие один за другим поддерживали кандидатуру Горбачева, акцентируя внимание лишь на разных ее положительных качествах. Тихонов указал на «контактность» и на то, что «это первый из секретарей ЦК, который хорошо разбирается в экономике» (год назад Тихонов категорически утверждал обратное). Гришин обратил внимание не только на знания, принципиальность и опыт, но и «терпимость». Московский руководитель не забыл напомнить Горбачеву о своей роли в его восшествии на престол: «Мы вчера вечером, когда узнали о смерти Константина Устиновича, фактически предрешили этот вопрос, договорившись утвердить Михаила Сергеевича председателем комиссии по похоронам»⁴⁸.

Другая фракция Политбюро обращала внимание на такие качества Горбачева, как «неукротимая энергия, стремление активно вмешиваться в события», «дух новаторства», «принципиальность и требовательность» (Соломенцев), «стремление к поиску в малых и больших делах», популярность в народе (т.е. в партийной элите) (Лигачев)⁴⁹.

После вчерашнего заседания Кунаев понимал, что альтернатива Горбачеву нереальна. К тому же трудно сказать, насколько Кунаева могла устаривать эта альтернатива. Так что руководитель Казахстана сыграл в «императивный мандат» и объявил себя самым решительным сторонником Горбачева: «Мне поручено сказать на заседании Политбюро о том, что как бы здесь ни развернулось обсуждение, коммунисты Казахстана будут голосовать за избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева»⁵⁰. Если бы на заседании Политбюро был шанс выдвижения другой кандидатуры, то позиция «казахстанских коммунистов» могла квалифицироваться как «антипартийная группа». Но поскольку все уже было предreshено, заявление Кунаева было лишь ораторским приемом.

За избрание Горбачева выступил и Романов. Но в его речи сквозили нотки, которые вряд ли понравились Михаилу Сергеевичу: «Николай Александрович Тихонов говорил здесь о работе Михаила Сергеевича Горбачева в Комиссии по совершенствованию хозяйственной деятельности. Тон в этой комиссии задает т.Тихонов, а Михаил Сергеевич, опираясь на отделы ЦК, тактично вносит свои предложения, которые в большинстве своем поддерживаются комиссией». Тихонов «задает тон» в обсуждении такого ключевого вопроса, как совершенствование хозяйственного механизма, а Горбачев выступает у него в роли советника, младшего партнера.

Но, по мнению Романова, Горбачев сумеет всему научиться, если, конечно, будет и дальше слушать старших товарищей. Иллюстрируя эту мысль, оратор не забывает упомянуть о своем «коньке» — вопросах НТР — где он может считать себя экспертом и давать оценку знаниям будущего Генсека: «Он очень быстро разобрался во многих сложнейших вопросах научно-технического прогресса». Основная задача, которая стояла перед Горбачевым, по мнению Романова, заключалась в том, чтобы «обеспечивать преемственность руководства нашей партией»⁵¹.

Выслушав длинную череду выступлений, в которой члены Политбюро и секретари ЦК с разной степенью энтузиазма говорили о его положительных качествах, Горбачев с удовлетворением отметил, что «наше сегодняшнее заседание проходит в духе единства». Дабы не нарушать этот дух, в ответном слове Горбачев заявил: «Нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская политика. Нам надо набирать темпы, двигаться вперед, выявлять недостатки и преодолевать их, ясно видеть наше светлое будущее»⁵². Эта речь была рассчитана на консерваторов, сторонники перемен понимали, что цена слов о неизменности курса не велика. Задним числом Горбачев предложил утвердить вчерашнее решение о созыве Пленума, о котором уже было сообщено в СМИ.

На Пленуме ЦК КПСС, где должно было быть утверждено решение Политбюро, Горбачева снова представлял Громыко.

Высшая партийная элита встретила решение высшего ареопага положительно. По воспоминаниям одного из лидеров компартии Италии А.Рубби: «Загладин рассказал нам, что когда Громыко произнес на Пленуме ЦК имя нового Генерального секретаря — Михаил Сергеевич, и не успел он еще

назвать фамилию, как раздались продолжительные аплодисменты, “и многие, как и я, свободно вздохнули”⁵³.

Речь Громыко была выдержана в превосходных тонах: «Показал он себя блестяще, без всякого преувеличения». Рассказывая об «обмене мнений» на Политбюро, Громыко сообщил, что «наряду с партийным опытом, а это бесценный дар, подчеркивалось, что это человек принципов, человек сильных убеждений... человек острого и глубокого ума». Упомянув о принципах, Громыко подробнее остановился на гибкости: «Ведь часто бывает, что вопросы — “внутренние” и “внешние” — трудно очень рассматривать, руководствуясь законом “черное и белое”. Могут быть промежуточные цвета, промежуточные звенья и промежуточные решения. И Михаил Сергеевич всегда умеет находить такие решения, которые отвечают линии партии... Я сам часто поражаюсь его умению быстро и точно схватывать суть дела, делать выводы, правильные, партийные выводы»⁵⁴. Наступало время «промежуточных цветов».

На всякий случай Громыко и здесь предупредил о недопустимости возражений: «Да, мы живем в такое время, когда на Советский Союз наведены, фигурально выражаясь, разные телескопы... И смотрят, как бы это в советском руководстве найти какие-то трещины. Единодушное мнение Политбюро — и на сей раз мы, Центральный комитет партии и Политбюро, не доставим удовольствие нашим политическим противникам на этот счет. (Аплодисменты)». Но чтобы противники «полутонов» были спокойны, опытный министр добавил: «Очень много раз Михаил Сергеевич высказывался, в том числе на Политбюро, относительно необходимости нам, как говорится, держать порох сухим»⁵⁵. На Запад попала еще одна фраза из речи Громыко, которая не была опубликована в СССР: «У этого человека хорошая улыбка, но у него железные зубы»⁵⁶. Возможно, Громыко переоценил зубы Горбачева.

Позицию Громыко поддержал и Гришин: «Я сказал, что он очень доступен и прост»⁵⁷. «Демократизм» Горбачева в общении с высшей элитой, как казалось, свидетельствовал о готовности нового Генсека к сохранению «коллективного руководства». Никаких возражений по поводу избрания Горбачева не возникло, о чем честно и было сообщено миру. Несмотря на это и десять лет спустя авторы некоторых публицистических произведений продолжали сетовать на то, что «советские граждане были оставлены в неведении относительно перипетий и дискуссий, имевших место на Пленуме, соперничества различных претендентов на высочайший пост, который сам Горбачев впоследствии сравнивал с монаршиим»⁵⁸. Однако никаких «перипетий» на Пленуме не произошло.

Выступая с «тронной речью», написанной (по указаниям «самого») Медведевым, Яковлевым и Болдиным⁵⁹, Горбачев заявил: «Стратегическая линия, выработанная на XXVI съезде, последующих Пленумах ЦК, была и остается неизменной. Это — линия на ускорение социально-экономического развития страны, на совершенствование всех сторон жизни общества»⁶⁰. Ссылка на XXVI съезд носила скорее ритуальный характер — концепция ускорения была в большей степени плодом андроповской эпохи. Однако конкретизация этого положения не содержала пока ничего нового

— все положения речи Горбачева уже были отработаны в выступлениях Андропова и Черненко.

Принимая высокий пост, Горбачев понимал, что пока он остается под контролем своих «соратников». Последние всячески это подчеркивали, даже перед лицом иностранных коммунистов. По воспоминаниям А.Рубби: «Всех нас, а меня, больше других наученного опытом встреч с высшим партийным руководством, особенно удивило, что Пономарев осмеливался во время беседы — это он-то, который обычно вел себя в присутствии Генерального секретаря тише воды, ниже травы, — вступать в разговор, перебивать, поправлять, вставляя замечания, и всегда с единственной целью — подчеркнуть преемственность с прежней политикой. Почему, кроме явного раздражения, Горбачев никак не реагировал на эти выпады? Казалось, он чем-то связан и намеренно сдерживает себя»⁶¹.

Сразу после избрания Генсеком, Горбачев собрал свою команду для того, чтобы обсудить основные направления будущей политики. Вспоминает помощник Горбачева В.Болдин: «Насколько я помню, все рассуждения тогда свелись к трем позициям. Первая — ускорить обновление кадров... Вторая позиция состояла в том, чтобы продолжить курс на ускорение научно-технического прогресса в стране, приоритетного развития машиностроения как основы всех преобразований в производстве... И наконец, в третью группу вопросов выделялись все поездки Генсека по стране, посещение трудовых коллективов»⁶². Эта политика была прямым продолжением курса Андропова.

Приход к власти Горбачева в марте 1985 г. был относителен. К власти пришла команда. Е.Лигачев уверждал, что это была команда Андропова⁶³. Однако победа Горбачева никак не могла означать победу всей команды Андропова. Для Тихонова, Романова, Долгих и стоявшей за ними ведомственной коалиции это было поражение. В марте 1985 г. к руководству страной пришла лишь часть команды Андропова, которую можно назвать командой Горбачева. Однако пока эта команда действовала в прежнем окружении, унаследованном от Брежнева и Андропова.

Социально-политические силы, считавшие себя победителями в марте 1985 г., в действительности преследовали весьма различные цели, что очень скоро приведет к горьким разочарованиям части элиты, ликовавшей по поводу избрания «молодого Генсека». Прежде всего это касается военных. Им казалось, что динамичный Генсек поведет решительное наступление на фронте внешней политики, что именно ВПК встанет в авангард проповедовавшегося Горбачевым научно-технического рывка. Однако стратегия Горбачева исходила из других приоритетов, и вскоре военные почувствуют себя обманутыми. В итоге коалиция, приведшая Горбачева к власти, стала распадаться на глазах. Из нее выделилось ядро победителей, которое существует до 1988 г.

Сама победившая группировка была неоднородна. Она состояла из слабых еще реформистов, планировавших ограниченные рыночные реформы, и из андроповских «пуристан», стремившихся к восстановлению изначальных идеалов социализма (в его марксистско-ленинском варианте), очищения

страны от коррупции, преодоления «разболтанности» и недисциплинированности. В своих дальнейших действиях и высказываниях Горбачеву необходимо было оглядываться не только на сохранявших влияние консерваторов, но и на могучую «пуританскую» группировку. Однако следует помнить, что лично Горбачев сам во многом был приверженцем идей «пуританского» крыла своей группировки и лишь постепенно уступал аргументам реформистов-рыночников.

Примечания

1. Выступление Горбачева М.С. на заседании клуба «Московская трибуна» 6 апреля 1996 г.
2. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 29.
3. Brown A. The Gorbachev Factor. Oxford, 1996. P. 182.
4. Воротников В.И. А было это так... С. 53-54
5. Чазов Е. Указ. соч. С. 210.
6. Воротников В. Указ. соч. С.55.
7. Сериал «Вторая русская революция», ВВС, Великобритания, Первая серия.
8. Там же.
9. Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 58.
10. Печенев В. Указ. соч. С. 121.
11. Наше дело. 1990. № 4. С. 7.
12. Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. М.1996. С.293-294.
13. Раззаков Ф. Указ. соч. С. 259.
14. Гришин В.В. Указ. соч. С. 69, 333.
15. Болдин В. Указ. соч. С. 239.
16. База данных «Просопограф» ИИЦ «Панорама».
17. Экологическая альтернатива» М. 1990. С. 685.
18. ЦХСД. Ф. 89. Оп. 11. Д. 102. Л. 1-4.
19. Земцов И. Указ. соч. С. 330.
20. Чазов Е. Указ. соч. С. 210-211.
21. Куранты. 17.1.1991.
22. Рыжков Н. Указ. соч. С. 78.
23. Подробнее см.: Геллер М. История России. М., 1995. С. 15; Зенькович Н. Тайны уходящего века. Власть, распри, подоплека. М., 1998. С. 392-398. Н.Зенькович, ссылаясь на некоторые неточности с указанием времени в протоколе 11 марта, фактически поддерживает версию о расколе Политбюро. Однако его аргументы явно недостаточны — Политбюро 11 марта могло задним числом утвердить и решения 10 марта, которые уже начали осуществляться.
24. Горбачев М. Указ. соч. Т. 1. С. 264.
25. Воротников В. Указ. соч. С. 57.
26. Лигачев Е. Указ. соч. С. 57.
27. Вторая русская революция. 1 серия.
28. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 265.
29. Вторая русская революция. 1 серия.
30. Рыжков Н. Указ. соч. С. 79.
31. Горбачева Р. Указ. соч. С. 13.
32. Интервью Долгих съёмочной группе фильма «Вторая русская революция». Цит по: Brown A. Gorbachev factor. Manuscript. P. 48. Цитирование с согласия автора.

33. Рыжков Н. Указ. соч. С. 79.
34. Там же.
35. Лигачев Е. Указ. соч. С. 63.
36. Рыжков Н. Указ. соч. С. 79.
37. Лигачев Е. Указ. соч. С. 60.
38. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 264.
39. Рыжков Н. Указ. соч. С. 79.
40. Лигачев Е. Указ. соч. С. 62-63.
41. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 266.
42. Болдырев В. Указ. соч. С. 88.
43. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 266.
44. Источник. 0.1993. С. 69.
45. Там же.
46. Черняев А.С. Указ. соч. С. 29.
47. Там же.
48. Там же. С. 70.
49. Там же. С. 70, 73.
50. Там же. С. 70.
51. Там же. С. 71.
52. Там же. С. 74.
53. Рубби А. Указ. соч. С. 51.
54. Коммунист. № 5. 1985. С. 7.
55. Там же.
56. R.Sakwa. Gorbachev and his reforms, 1985—1990. Cambridge. 1990. P. 1.
57. Вторая русская революция. I серия.
58. Согрин В.В. Указ. соч. С. 8.
59. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 1. С. 265.
60. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 2. С. 129.
61. Рубби А. Указ. соч. С. 61.
62. Болдин В. Указ. соч. С. 95.
63. Куранты 17.1.1991.

Глава XII

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР Апрельский Пленум ЦК КПСС и борьба в руководстве КПСС в 1985 г.

...некоторые люди, по нашей терминологии, — пассионарии, совершают, и не могут не совершать поступки, ведущие к изменению их окружения.

Л.Гумилев

Борьба за власть продолжалась. Горбачев стремился показать, что он не просто «первый среди равных»: «Через несколько дней после похорон Черненко мы собрались на первое — теперь уже официально горбачевское! — Политбюро. Он и вел его по-хозяйски, весомо говорил о самых перво-степенных для страны задачах», — вспоминает Н.Рыжков¹. Однако одними речами утвердить свою власть было невозможно. Необходимо было изменить соотношение сил в Политбюро, покончить с «коллективным руководством». Для этого нужен был новый Пленум ЦК.

1. Вулкан энергии

По справедливому замечанию А.Брауна, «совершенно ясно, что Горбачев не пришел к руководству с полным отгиском экономических и политических реформ». Но «одной из его наиболее важных характеристик было относительно открытое сознание». Горбачев был готов слушать советы, постепенно менять штампы своего мировоззрения. Он был открыт для формирования программы реформ, и, что особенно важно для рассматриваемого периода, он начал с «изменения стиля»².

Психологически именно в это время Горбачев достиг своей максимальной «пассионарности» — фаза «человека идейного» в его фрактальном развитии вошла в «идейную» стадию. Эта «идейность в квадрате» в свою очередь резонировала с базовыми психологическими чертами реформатора. Это был его звездный час.

С самого начала своего правления Горбачев развернул кипучую работу. О впечатлении, которое он производил в первые месяцы своего правления,

рассказывает его охранник В.Медведев, настроенный по отношению к Горбачеву в целом отрицательно: «Первое время личность Михаила Сергеевича вызывала восхищение. После многих лет болезней и полусонного состояния Брежнева вдруг — вулкан энергии. Работа — до часу, двух ночи, а когда готовились какие-нибудь документы (а их было бесконечное множество — к сессиям, съездам, пленумам, совещаниям, встречам на высшем уровне и т.д.), он ложился спать в четвертом часу утра, а вставал всегда в семь-восемь. Туалет, бассейн, завтрак. Где-то в 9.15—9.30 выезжает на работу в Кремль. Машина — “ЗИЛ”. Он садится на заднее правое сиденье и — рабочий день начался. Тут же в машине он что-то делает, читает, делает пометки. Впереди — водитель и я... За сравнительно короткий путь до работы он успевает переговорить (по телефону — *А.Ш.*) с тремя-четырьмя людьми.

Пока поднимается от подъезда в кабинет, на ходу кому-то что-то поручает, советует, сообщает — ни секунды передышки... На ходу, на лету он давал конкретные, четкие советы — военным, гражданским: с кем и о чем говорить, на что обратить особое внимание, на чем настаивать, на чем — не обязательно, кому передать привет и т.д. Говорил коротко и точно»³.

Рабочие записи Горбачева дают представление о вопросах, которые ему приходилось решать в первый месяц руководства.

«27 марта 1985 года: 1. Качество. 2. Бой пьянству. 3. Малообеспеченная часть населения. 4. Земля под сады и огороды. 5. Медицина». Пометки о беседе с редактором «Литературной газеты» А.Чаковским: «1. Аппарат Старой площади отторгает установку руководства на приведение пропаганды в соответствие с новыми задачами (намек на Зимянина и Стукалина). Все отделы ЦК, связанные с идеологией, надо объединить в один. 2. Нужна перестройка телевидения: идет борьба фактов, и мы эту борьбу проигрываем. “Правда” должна идти в ногу. Пропаганда марксизма ведется скучно, молодежь теряет к нему интерес. 3. Необходимо научное и объективное изучение истории: надо в ней разобраться, в том числе и в нашей новейшей истории. 4. Если мы хотим, чтобы новая политика получила поддержку, надо восстановить веру в социалистические идеалы. 5. О делах литературных: ползучая групповщина в литературе и творческой среде», идеализация прошлого. Нужна поддержка тем, кто стоит на четких позициях. Большая литература должна идти в ногу с новыми задачами. 6. Не надо запугивать советский народ американским оружием»⁴. Стремление к «объективному изучению истории» не означало еще готовности к десталинизации. 4 апреля 1985 г. Горбачев говорил на Политбюро: «...не секрет, когда Хрущев довел критику действий Сталина до невероятных размеров, это принесло только ущерб, после которого мы до сих пор в какой-то мере не можем собрать черепки»⁵. В беседе с академиком Ю.Б.Харитоновым Горбачев обращал внимание на следующие вопросы: «1. О проведении экспериментов, связанных с ядерной накачкой для получения лазерного излучения. 2. Об изучении ЭМИ (электромагнитные излучения), их возможного влияния на системы управления ракетами. 4. О срочном оснащении Центра быстродействующей вычислительной техникой»⁶. Как видим, Горбачев хорошо представлял себе первые шаги, которые следует предпринять (они и будут осуществлены в

течение 1985 г.), но совершенно не видел их возможных последствий. Это касается и кампании по борьбе с пьянством, и необходимости разобраться в отечественной новейшей истории и тем самым восстановить веру в социалистические идеалы, и попыток обеспечить научный прорыв к звездному оружию.

«Даже эта часть пометок показывает, какая на меня обрушилась лавина проблем, — вспоминает Горбачев. — Я уже начал опасаться, что выработка общей политики будет отодвинута куда-то на задний план, а Генсеку придется дено и ночью выслушивать информацию и принимать оперативные решения — кому строить метро, как осуществить мелиорацию в регионе, где приобрести вычислительную технику и т.д. Между тем надо было безотлагательно заняться программой, которая остановила бы сползание страны к кризису, открыла ей перспективу»⁷.

Первые выступления Горбачева в новом качестве продолжают андроповскую линию на «наведение порядка», интенсификацию и «ускорение»⁸. При этом за критикой частных недостатков уже проступает выступление против всего хозяйственного механизма СССР: «Почему так получается: предприятие выпускает устаревшую продукцию низкого технического уровня, товары народного потребления, не пользующиеся спросом, а живет нормально и порой даже процветает? Как такое положение поправить, причем максимально быстро?»⁹

Ответ на этот сакраментальный для марксистско-ленинской идеологии вопрос Горбачев видел во взаимосвязи материального положения работников и качества продукции предприятия. Однако конкретного механизма такой взаимосвязи и тем более слова «рынок» пока в речах Генсека еще нет. Пока Горбачев ссылается на андроповский «эксперимент» и осторожное расширение прав предприятий, внедрение «подлинного» хозяйственного расчета.

Но на этом Генсек не останавливался. Склоняясь к югославской «ереси», Горбачев выступил за «формирование начал самоуправления» на производстве¹⁰. Вовлечение производителей в процесс принятия решений должно, по мысли реформатора, помочь в поиске внутренних резервов. Однако этот поиск по-прежнему преследует целью интенсифицировать эксплуатацию труда работников. Недаром Горбачев упомянул о «более полном использовании рабочего времени, всего светового дня»¹¹. Вскоре эта идея реализуется — на предприятиях будет установлен двусменный и даже трехсменный режим работы.

Горбачев предполагает развязать руки директорам для такой интенсификации, ослабить мелочный контроль из центра: «Нельзя тянуть решение любого вопроса в центр. Уровень наших хозяйственных кадров вполне позволяет многие проблемы решать на месте. Надо только снять с них путы плохих и лишних инструкций, решительно уменьшить отчетность, освободить от бумажного круговорота, что одновременно будет способствовать сокращению управленческого аппарата. Это касается и министерств, и все-союзных промышленных объединений»¹².

Антиведомственный пафос Горбачева был поддержан в выступлениях директоров, что позволило Генсеку в заключительном слове обрушиться на производственные объединения и другие ведомственные структуры. Однако о самоуправлении он предпочел на этой встрече больше не упоминать — директора не могли с воодушевлением отнестись к этой затее, способной подорвать их позиции на производстве как раз в тот момент, когда готовится ослабление ведомственного контроля.

Готовясь к Пленуму, Горбачев решил «посоветоваться» с производственными руководителями и «народом». Подобные совещания не только предоставляли возможность «обкатать» основные положения нового курса, но и сами служили дополнительным аргументом в закулисных дискуссиях. Поскольку выступления на подобных встречах не могли противоречить положениям выступлений Генерального, он всегда мог утверждать, что народ поддерживает его позицию. Но в то же время и явление Горбачева народу вызвало настоящий фурор.

В середине апреля Государь внезапно появился в Пролетарском районе Москвы, повергнув своих подданных в шок. Впервые на их памяти высший руководитель государства оказался в толпе народа. Конечно, такие визиты были неожиданностью только для простых людей — городское начальство к ним готовилось. Вспоминает В.Болдин: «М.С.Горбачев рассказал о своем намерении В.В.Гришину, в ту пору секретарю Московского городского комитета партии. Естественно, к приезду Генсека все было готово. И если на заводе трудно что-либо изменить за несколько дней, то в больнице были разительные перемены по сравнению с тем, что я видел прежде. Тротуары, дорожки и подъездная часть дороги у больницы были заново асфальтированы и еще источали горячие запахи гудрона. На том этаже, где мы были, больным запретили выходить из палат в коридор. В те две или три палаты, куда Генсеку предложено было зайти, как мне позже сказали люди из его охраны, лежали офицеры службы безопасности, этикие краснощекие коротко стриженные молодцы, которые тепло отзывались о медперсонале, харчах и затруднились дать четкий ответ только по поводу своих болезней. В этом они путались, от чего врачи бледнели, не зная, чем все это кончится.

Потемкинские деревни нам показывали кое-где еще, в частности пригласив “в первую попавшуюся” квартиру новосела, “рядового рабочего”, у которого “случайно” нашлись великолепные закуски, конфеты, печенье и прочее, по многим атрибутам выдававшее их происхождение из спеццехов, поставляющих продукцию службе охраны...

Но дело было не в маленьких хитростях, а в том, что М.С.Горбачев, наверняка чувствуя большие и малые подлоги, принял эту игру, позволил корреспондентам заснять ложь, согласился играть в этом спектакле. Вскоре, возвращаясь после одной из поездок Генсека по стране, я в самолете вспомнил эту историю и рассказал в присутствии М.С.Горбачева Раисе Максимовне об этом злополучном визите в Москве... Но реакция Раисы Максимовны была неожиданной:

— А что вы хотели? Разве когда вы приглашаете гостей, не убираетесь в квартире и не достаете все лучшее?

Тут трудно что-либо возразить, — комментирует В.Болдин. — Я действительно убирался в квартире, если ждал гостей. Но у меня бывали не те гости, да и квартира — не больница или иное государственное учреждение. Речь шла о политическом визите, а не о встрече “за рюмкой чая” старых друзей. Конечно, мне хотелось сказать и о том, что Генсек не гость, а скорее хозяин, руководитель страны. Но я ничего не сказал...»¹³ Диалог помощника и супруги Генсека как раз и показывает, что в ходе визитов 1985 г. Горбачев вел себя именно не как гость, а как хозяин. Не его приглашали в гости, а он радушно распахивал дверь перед своими подданными, демонстрируя им с экрана телевизора аккуратно прибранную реальность, в которой партия встречалась с народом через своего главу на фоне свежееасфальтированных дорожек.

И пропагандистское «хождение в народ» удалось. Эти встречи, передававшиеся по телевидению, вызвали взрыв энтузиазма у значительной части населения. Даже в диссидентских кругах возникли надежды, которым суждено было оправдаться лишь полтора года спустя. А.Сахаров заметил тогда: «Похоже, это удача для нашей страны. Мы получили интеллигентного лидера»¹⁴. Беспрецедентный «демократизм» Горбачева, его относительная молодость и намеки на решительные преобразования в речах — все это привело к быстрому росту популярности нового Генерального секретаря. Государь позволял себе не только улыбаться, но даже и шутить: «Оказалось, что сейчас одна из самых больших очередей в детские учреждения в Пролетарском районе. Это хороший признак... Пролетарцы и тут подают пример, как надо решать этот важнейший вопрос»¹⁵. Остроумно объяснив недостатки социальной политики сексуальной активностью слушателей, Горбачев в то же время показал, что руководство в курсе проблем и готово к их решению. Живое лицо нового Генсека настолько резко контрастировало с масками его предшественников, что уже само по себе вселяло уверенность в близость преобразований. Сам Горбачев всячески поддерживал это ощущение. Выступая перед работниками Завода им. Лихачева, он заявил, что XXVII съезд партии станет важной вехой в развитии страны.

Однако подобные авансы сочетались с продолжением андроповской линии на «укрепление дисциплины». Дополнительные резервы следовало изыскивать не за счет социальной элиты: «Жаловаться не на кого, товарищи, надо спрашивать друг с друга», — отмечает Горбачев¹⁶. Заходя иногда довольно далеко в описании пороков хозяйственного механизма, Генсек не забывал повторять: «Мы знаем эти болезни, знаем и рецепты лечения. Надо подтягивать дисциплину в широком плане... Надо, чтобы все у нас усвоили, что это не кампания, что мы вступили сейчас в такой этап перестройки всей нашей жизни, когда без высокой дисциплины, без высокой ответственности, без творческой работы, без сознательного отношения к порученному делу ничего нельзя добиться»¹⁷. Пуская в оборот еще незаметное слово «перестройка», Горбачев связывает его пока прежде всего с дисциплиной и сознательностью, укрепляя свои тылы со стороны андроповцев-пуритан, нетерпимых к идеологическому ревизионизму.

Те же андроповские мотивы ловит Генсек и в репликах людей в толпе: «Мне вспоминается примечательная встреча с трудящимися в Пролетарском районе столицы. В конце интересной и откровенной беседы с москвичами, которая состоялась на улице около универсама (во время таких бесед говорил преимущественно сам Горбачев — *А.Ш.*): что вы пожелали бы ЦК КПСС, советскому правительству, какой наказ дадите? И вот что я услышал: “Михаил Сергеевич, надо в стране наводить порядок и продолжать борьбу за мир”»¹⁸.

Впервые за десятилетия люди видели на вершине государственного Олимпа живого и относительно культурного человека. Популярность Генсека быстро росла. «Бесспорно, немалую роль сыграла его харизматическая внешность, — пишет помощник Горбачева Г.Шахназаров, — умное, улыбочивое лицо с правильными чертами, необычайно выразительные глаза (за пять лет общения мне приходилось видеть Михаила Сергеевича усталым, невыспавшимся, больным, но никогда взгляд его не был потухшим), родимое пятно на лбу как впечатляющий знак избранности; ладная, чуть полноватая, но подтянутая фигура; уверенная манера держаться; открытость и доброжелательность в сочетании со строгостью и властным видом... К тому же несколькими хорошо рассчитанными шагами он с самого начала показал себя лидером, близким простому народу (поездки в Ленинград, Киев, на московские заводы и в подмосковные колхозы, на Дальний Восток, Север, Урал, в родные южные края, в некоторые республики)»¹⁹. «Люди не привыкли к вождям, которые запросто появляются на улице, могут легко и долго говорить без бумажки, демократичны и доступны, внятно выговаривают все слова. Горбачев стал любимцем народа», — пишет Н.Рыжков²⁰.

Сам Горбачев вспоминает о своих ощущениях того времени: «Правда, поначалу людей было нелегко разговорить. Побаивались, скрытничали. А в большинстве — я это чувствовал, выдавали глаза — просто не очень верили в серьезность наших намерений. Сколько раз слышали громогласные заверения и обещания, а в жизни мало что менялось.

На лицах моих собеседников буквально можно было прочесть: “Хорошо говоришь, да разве дадут тебе что-то сделать. Попрыгаешь год-другой, а там — махнешь рукой и начнешь вешать себе на грудь золотые звезды. Все это мы уже проходили”...

И сейчас перед глазами встреча в Уренгое: на улицы вышли все жители города. Люди довольны, что к ним наконец приехал “главный” — разговор прямой, беспощадный. «Как же так, живем в “балках” или железнодорожных вагончиках! Всего не хватает. Здесь, за Полярным кругом, не можем добиться регулярных рейсов самолетов, связи со столицей, другими городами! Газ нужен Союзу, Европе, а мы, выходит, никому не нужны?»²¹ В аварийном порядке стали предприниматься меры. Но попытка Генсека работать в режиме древнерусского князя, объезжающего свои владения и наводящего там порядок, была обречена на неудачу — слишком много было «волостей».

Уже в первые поездки Генсека по стране стала проявляться одна особенность, которая впоследствии будет дорого стоить его репутации — это

нетрадиционное для СССР место супруги руководителя: «Раиса Максимовна хорошо и модно одевалась, — рассказывает В.Болдин о поездке Горбачева в Тюмень. — Вещи ее в ту пору были сшиты и куплены за границей, и выглядела она, украшенная оригинальными драгоценностями, весьма импозантно. Однако этого рабочие, все жители Тюмени, особенно женщины, тогда не поняли»²². Но пока на фоне общего энтузиазма раздражение роскошными нарядами Государыни еще не было столь уж заметно. Народ продолжал ликовать: огромные толпы народа вышли на улицы и при первой остановке так плотно окружали машины, что пробиться к Генсеку было невозможно... В Сургуте, Ямбурге массы народа радостно и громогласно приветствовали Генсека».

Популярность в народе имела для Горбачева большое значение. Возможно, уже тогда он готовился к новым правилам игры, когда не только партийная элита, но и избиратель будет влиять на состав руководства страны. «Была у него еще одна привлекательная черта, — вспоминает его охранник В.Медведев.

— Он запрещал расчищать, освобождать для себя трассу... Горбачев при виде пустой трассы устраивал нам разнос... Волновало его не то, что создаются транспортные неудобства для всех остальных, а народная молва о нем:

— Вы ж в какое положение меня перед людьми ставите»²³.

Хотя в отношениях с прислугой Горбачев мог быть очень груб, хотя даже старших по возрасту людей он называл на «ты», «с народом» Генсек старался вести себя максимально «демократично». Иногда он выходил «в народ» незапланированно. «Из кабинета Горбачева в ЦК на Старой площади, — продолжает В.Медведев, — мы направлялись в другой его кабинет — кремлевский. Иногда часть пути шли пешком. Люди, узнав Генерального, перешептывались, чаще всего слышалось за спиной наше, российское:

— О... мать твою, смотри, Горбачев пошел!

Кто-то автоматически здоровается, как со знакомым:

— Здравсьте.

Он улыбается в ответ:

— Здравствуйте!..

На Ивановской площади в Кремле встречаем группу людей...

— Ну, что вы хотите мне сказать? — бодро спрашивает Михаил Сергеевич.

Какая-нибудь одна посмелее всегда найдется:

— Желаем здоровья Вам...

На заводах и фабриках, на улицах и площадях люди иногда говорили то, что думали: нет детской одежды, обуви, продуктов питания. Горбачев указывал на местного секретаря обкома партии:

— Вот, обращайтесь к нему.

Разворачивался и уходил»²⁴.

Так Горбачев приучал общественное мнение к тому, что во всем виноваты партийные комитеты, готовился перенести огонь на среднее партийное звено, которое пока не давало ему развернуть более решительные преобразования, о необходимости которых столько говорилось с партийных трибун.

2. Первые итоги экономического эксперимента

Выработка нового курса была невозможной без притока свежих идей. И этот приток начался. «Избрание нового Генсека активизировало творческую мысль прогрессивно настроенной части общества, — вспоминает помощник Горбачева В.Болдин. — Общее желание перемен было столь велико, что ученые, специалисты, работники органов управления охотно несли М.С.Горбачеву, его окружению свои предложения по преобразованию в стране. Они месяцами просиживали на закрытых партийных и государственных дачах, дорабатывая новые концепции экономической реформы, демократизации общества, совершенствования политической системы, международных отношений.

Огромную работу вела команда Н.И.Рыжкова, готовя предложения по перестройке экономических отношений...

Большую роль в формировании концепции перестройки, подборе кадров для команды М.С.Горбачева играл А.Н.Яковлев... Возглавив мозговой центр М.С.Горбачева, А.Н.Яковлев привлек многих специалистов и, обобщив материалы, сформулировал систему понятий перестройки общества, а также обозначил те практические меры, которые необходимо было осуществить, чтобы добиться реальных перемен в стране. Он постоянно возглавлял бригады “спичрайтеров” и по существу был генератором основных формулировок докладов и выступлений Генсека. Наряду с ним в мозговой центр входили такие известные ученые-обществоведы, как В.А.Медведев, Л.И.Абалкин, А.Г.Аганбегян, А.Н.Анчишкин, С.А.Ситарян, Н.Б.Биккенин, С.С.Шаталин, Н.Я.Петраков, В.П.Можин²⁵. Конечно, квалификация этих специалистов, делавших не только научную, но и бюрократическую карьеру, была весьма различной, и выдвигаемые ими идеи потом еще долго шлифовались не столь маститыми специалистами. Они, в свою очередь, испытывали влияние экономистов-реформистов, принадлежавших к академическим кругам.

По мнению В.Мау, очень большое значение имела позиция экономистов (имеются в виду Б.Ракитский, Л.Абалкин, П.Бунич, А.Аганбегян, Н.Петраков), которые «сформулировали вывод о необходимости глубокого “совершенствования хозяйственного механизма” и стали рассматривать последний как самостоятельный объект исследования, который можно анализировать и реформировать, оставляя в стороне вопросы собственности. Это был один из важнейших моментов: согласие на подобный подход давало известную свободу анализа, но и налагало жесткие и потенциально весьма опасные ограничения, которые неизбежно должны были сказаться в будущем»²⁶. Однако фатализм, с которым формальное игнорирование вопросов собственности должно было сказаться в будущем, представляется здесь преувеличенным. Все составляющие собственности вовлекались в поле анализа, а их совокупность постоянно имелась в виду. Когда было решено допустить развитие частной собственности, это без труда было сделано под

видом «кооперативной собственности». Неизбежными были не последствия, а причины позиции экономистов, которые вынуждены были камуфлировать свою позицию, доводя ее до партийного руководства.

Яковлев и Болдин, возглавлявшие «мозговой центр», считали Горбачева внушаемым человеком и бдительно следили за тем, чтобы количество влияний на него было ограничено. Возможно, они были правы. Немалую роль «при дворе» играла жена Генсека Р.Горбачева²⁷.

Характерен такой эпизод, произошедший во время посещения Украины: «Когда В.Шевченко ознакомила гостью с предполагаемым планом посещений, та спросила:

— А что делает Михаил Сергеевич?

Шевченко сказала, что он пойдет на Политбюро. А Горбачева в ответ:

— Я должна сопровождать Михаила Сергеевича всюду. Значит, я буду и на Политбюро.

“Честно признаюсь, — вспоминает В.Шевченко, — я не нашлась, что возразить. Ведь до этого не было случая, чтобы чья-нибудь супруга принимала участие в работе Политбюро. Существовали нерушимые законы партийной этики. На Политбюро обсуждались вопросы государственной важности, которые часто не подлежали разглашению. Это не кухня, где жена может чувствовать себя хозяйкой”. Разумеется, все это В.Шевченко лишь подумала, а про себя решила, что пускай сам Михаил Сергеевич разбирается со своей супругой. “В глубине души я и мысли не допускала, что он позволит Раисе присутствовать на Политбюро”, — говорит В.Шевченко.

Но когда через некоторое время уже вместе с М.Горбачевым, В.Щербицким и другими вернулись к обсуждению деталей программы, Р.Горбачева повторила со свойственной ей безапелляционностью:

— Я вместе с Михаилом Сергеевичем иду на Политбюро!

В.Щербицкий просто в лице изменился... Однако он смолчал. Только нервно достал сигарету, закурил и очень выразительно на меня посмотрел. Мол, что ж вы не смогли ей объяснить?..

Смотрю на Михаила Сергеевича. А Михаил Сергеевич — не иначе воды в рот набрал. Взяла его Раиса Максимовна под руку, и отправились Горбачевы на Политбюро.

Когда государственная чета ушла, Владимир Васильевич дал волю эмоциям... Потом обернулся к своей супруге и с несравненным сарказмом спросил:

— Может, и ты собираешься помогать мне Политбюро проводить?

Взволнованная Рада Гавриловна только руками в ответ замахала»²⁸.

Но недооценивать роль Горбачева нельзя. Он лично участвовал в политическом творчестве этих месяцев, продолжал вести себя «демократично», свободно общаясь с советчиками²⁹. «На заключительной стадии работы над докладами и выступлениями подключался М.С.Горбачев и его некоторые помощники. Круг их объединял Генсек и с ними уединялся либо в своем кабинете, либо на госдачах в Новом Огареве или Волынском»³⁰.

Сложный процесс подготовки выступлений Генсека и документов реформ оставлял за Горбачевым последнее слово, и хотя его собственных идей в этих выступлениях могло не быть, но каким идеям давать ход — решал сам реформатор.

В беседах с учеными и своими советниками Горбачев черпал все новые и новые подтверждения своей доминирующей идеи, в целом справедливой, но не исчерпывающей полноту проблемы: «Ученые, не связанные ведомственными интересами, считали основной причиной отставания страны то, что мы, по существу, “проглядели” новый этап научно-технической революции, в то время как западный мир далеко ушел вперед и в структурной перестройке экономики, и в ее технологическом обновлении, — напишет Горбачев много лет спустя, ссылаясь на авторитеты. — Такую позицию (с нюансами) разделяли Г.И.Марчук, П.Н.Федосеев, А.И.Анчишкин, Г.А.Арбатов, А.Г.Аганбегян, О.Т.Богомолов, Т.И.Заславская, Е.М.Примаков, В.А.Медведев, С.А.Ситарян, Р.А.Белоусов, И.И.Лукинов, В.А.Тихонов и другие ученые, принимавшие участие в дискуссиях»³¹.

«Мозговой штурм» 1985 г. заканчивался в кабинете Генсека, но корни его уходили в экономический эксперимент, начатый еще Андроповым. Ведь для марксистов-ленинцев именно «практика — критерий истины». Идеи, связанные с экономической реформой и итогами андроповского эксперимента обсуждались на научно-практической конференции «Актуальные проблемы совершенствования планово-экономических рычагов управления народным хозяйством», проведенной в Академии народного хозяйства (АНХ) в канун Пленума ЦК КПСС. Возражая проректору АНХ И.Скипетрову, утверждавшему, что «не правы те экономисты, которые необходимость интенсификации производства обосновывают недостаточностью ресурсов»³², академик П.Бунич раскрыл одну из главных причин курса на научно-технический скачек: «Высокие результаты развития экономики могут быть получены только при условии активнейшего включения главного и бесконечного ее ресурса — научно-технического прогресса»³³. Нехватка ресурсов и надежда получить волшебный «бесконечный ресурс» в лице НТП увлекала и экономистов, и партийных лидеров. Только в 1986 г., после взрыва на Чернобыльской АЭС, они начнут догадываться, что «бесконечных ресурсов» в природе не существует. А пока Бунич смущает, что «внедрение достижений научно-технического прогресса иногда является для коллективов предприятий невыгодным»³⁴. Преодолеть это печальное обстоятельство П.Бунич предлагал с помощью перехода к оценке деятельности коллективов по реализации «чистой продукции», которая пока существовала лишь как один из оценочных показателей. Несмотря на то что «чистая продукция» реализовывалась с той же неизбежностью, как и валовая, этот показатель был чуть ближе к нуждам потребителя. С него начиналась медленная эволюция в сторону «рыночных преобразований».

БУНИЧ Павел Григорьевич

1929 г. рождения. В 1952 году закончил экономический факультет Московского государственного университета (МГУ) им. Ломоносова, в 1955 году —

аспирантуру Московского экономического института. С 1961 года — доктор экономических наук, с 1962 года — профессор. С 1955 года работал в Научно-исследовательском финансовом институте (НИФИ), где до 1966 года прошел путь от старшего научного сотрудника до заместителя директора по науке. С 1966 по 1970 год заведовал лабораторией в Центральном экономико-математическом институте АН СССР. С 1970 года — член-корреспондент АН СССР, а после ее ликвидации — Российской академии наук (РАН).

В 1971—1975 годах — член президиума Дальневосточного научного центра (ДВНЦ) АН СССР, директор Хабаровского комплексного НИИ ДВНЦ, директор-организатор Института экономических исследований ДВНЦ. В 1975—1990 годах заведовал первой в стране кафедрой хозяйственного механизма Московского института управления им. Серго Орджоникидзе. В 1990 году был назначен проректором по научной работе Академии народного хозяйства (АНХ), готовящей руководящие кадры для экономики (ректор Академии — теоретик концепции «ускорения» Абел Аганбегян, с которым Бунич был в хороших отношениях еще с семидесятых годов). С 1991 года является первым проректором АНХ.

Среди тем, которыми занимался Бунич в брежневские времена, был официально одобряемый, но находившийся под идеологическим подозрением хозрасчет. Работающий под руководством Бунича научный совет АН СССР по теме «Научные основы хозрасчета» был расформирован. Бунич являлся главным идеологом экономического эксперимента в Главмосавтотрансе и на Сумском машиностроительном научно-производственном объединении им. Фрунзе.

Был членом КПСС с 1956 года. С июля 1990 по август 1991 года — член ЦК КПСС. Народный депутат СССР в 1989—1991 гг. С 1990 г. председатель Союза предпринимателей и арендаторов. С 1994 г. — депутат Государственной Думы от избирательного объединения «Выбор России». Член редакционного совета журнала «Огонек», один из учредителей газеты «Московские новости». Автор более 600 публикаций в различных газетах и журналах, ряда книг по хозрасчету и самофинансированию³⁵.

Вопросы оценки работы предприятий были тесно связаны с реформой управления производством. Здесь кредо реформистов изложил академик А.Аганбегян: «Целесообразно, на наш взгляд, чтобы ведущая роль централизованного начала в руководстве социалистическим хозяйством проводилась в жизнь как путем установления для предприятий и объединений директивных заданий по наиболее важным народнохозяйственным показателям, так и все в большей мере через систему экономических рычагов и стимулов (цена, условия финансирования и кредитования, оплата труда, санкции), которые устанавливаются централизованно»³⁶. Усыпляя бдительность сторонников командной системы управления рассуждениями о централизованных началах, Аганбегян рисовал по существу систему регулируемого рынка типа НЭПа, в которой государство получает с помощью директивного планирования все, что ему нужно, а в остальное время (если таковое остается) предоставляет трудовым коллективам некоторые вольности, регули-

руемые с помощью рыночных рычагов. Эта модель реформ будет доминировать вплоть до 1990 г.

Важнейшим аргументом в спорах о приемлемости той или иной экономической модели становятся результаты «широкомасштабного экономического эксперимента» 1984—1986 гг. Поскольку в основу эксперимента были положены идеи, близкие концепции Аганбегяна и его единомышленников, академик объясняет трудности, возникшие в «подопытных» отраслях, недостаточной последовательностью преобразования: «Предварительные результаты широкомасштабного эксперимента показывают, что громоздкий аппарат министерств во многом препятствует реализации прав объединений и предприятий»³⁷.

Это диктует дальнейшее направление реформ, за которые выступает Аганбегян: «упростить аппарат министерств», «перевести крупные объединения на полный хозяйственный расчет... самофинансирование и широкое кредитование» (это последнее станет по мере «сокращения мелочной административной опеки» важнейшим каналом перекачки государственных средств в частные руки), введение новых цен, «отражающих народнохозяйственную эффективность» (т.е. более рыночных), постепенный переход к оптовой торговле между предприятиями вместо централизованной системы материально-технического снабжения.

А. Аганбегян понимал, что эта программа преобразований, направляющая экономику по пути «регулируемого рынка», слабо связана с главной темой, занимавшей умы руководства КПСС — с научно-техническим прогрессом. Гипотеза о том, что получив большую самостоятельность, предприятия начнут внедрять чудеса НТР (а это требует дополнительных затрат) пока не подвергалась проверке. Поэтому академик предложил создать специальные научно-производственные объединения, которые «должны быть поставлены в привилегированное положение» и специально заниматься исключительно внедрением новой техники. На конференции говорили также о необходимости внедрения компьютерных технологий³⁸.

Иначе смотрел на результаты эксперимента председатель государственного комитета по ценам Н. Глушков. Он обратил внимание на то, что использование в «экспериментальных» отраслях новых показателей приводит к искаженной оценке результатов их работы³⁹. А по словам заместителя председателя Госнаба Б. Яковлева, эксперимент приводит к еще большему диктату производителя, чем раньше: «поставщики в ряде случаев стали стремиться создать для себя более благоприятные условия для выполнения обязательств уже на стадии заключения договоров, диктуя свои требования»⁴⁰. К тому же «общей тенденцией для предприятий, работающих в условиях экономического эксперимента, является продолжающийся рост сверхнормативных запасов материальных ценностей...»⁴¹

Эксперимент не устранял основные болезни экономического механизма, а напротив — усиливал их.

Но к этим тревожным данным не прислушивались — зона эксперимента расширялась. В авангарде шло Сумское машиностроительное объединение имени Фрунзе, которое с 1985 г. перешло на новые условия хозяйствования.

Они предполагали сведение всех платежей в один «налог». Вся прибыль, оставшаяся после платежей в бюджет и расплаты по кредитам оставалась коллективу. Таким образом была предпринята попытка применить в индустриальном обществе модель, существовавшую в древних аграрных социальных системах, когда государство получает налог от общины и более не вмешивается в ее дела. Это доводило модель «НЭПа» до логического конца и, казалось, упрощало экономическую систему.

Однако в 1985 г., когда сумской опыт авансом высоко оценивался участниками экономических дискуссий, его результаты еще не проявились. Впрочем, руководители СССР не были столь наивны, чтобы распространить такой эксперимент на всю страну — у них перед глазами был противоречивый опыт Югославии, которая провела «сумской эксперимент» в масштабах страны и в конце 70-х гг. также пришла к состоянию кризиса. Новые лидеры КПСС продолжали искать оптимальный вариант выхода из кризиса в локальном масштабе, экспериментируя в Сумах, Тольятти, Калуге, Грузии, Ставрополье, а также в «экспериментальных» отраслях.

Горячим сторонником нового экономического курса выступил доктор экономических наук Г. Попов, уже давно обосновывавший углубление реформы 1965 г., «вписывая» идеи рыночной экономики в «каноны марксизма»⁴².

ПОПОВ Гавриил Харитонович

1936 года рождения. В 1959 году окончил с отличием экономический факультет Московского Государственного Университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова. Во время учебы выдвинулся на комсомольской работе. По его признанию, «тогда я познакомился практически со всей работой нашей партийной, государственной и общественной машины, как тайной, так и открытой». В 1960—1961 годах — секретарь комитета комсомола МГУ. В 1963 году окончил аспирантуру МГУ и опубликовал свою первую книгу «Электрические машины в управлении экономикой». Во время практики в Московском совнархозе «был поражен количеством просчетов и несуразностей в московском хозяйстве». Считал возможным оптимизировать хозяйственную систему СССР с помощью ЭВМ. С 1963 по 1988 год — сотрудник МГУ. Осторожно критиковал Н.Хрущева. После его отставки привлекался в качестве консультанта к подготовке хозяйственной реформы 1965 г. и доклада Косыгина на XXIII съезде КПСС. В 1971 году возглавил кафедру организации и методов управления общественным производством на экономическом факультете МГУ. В 1973—1974 годах работал также заместителем директора и зав. отделом в Институте информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР, где его заместителями были Р.И.Хасбулатов и С.Н.Красавченко. По словам Попова, «вывод о том, что экономическая система не работает, я сделал где-то в 1976 г., после пустого XXV съезда КПСС... Я видел, что при таком развитии событий, которое происходит в стране, мне рассчитывать на практическое осуществление своих идей пока трудно... А сгореть, настаивая на своем, тоже нецелесообразно. Я обязательно понадобится когда-нибудь». В 1977 — 1980 годах — декан экономического факультета МГУ. В это время, дабы получить

самостоятельность, пытался добиться избрания в АН СССР. «Но я начал играть по правилам самой академии, — вспоминает Попов. — Я принялся подыгрывать одним, вступая в конфликт с другими. Бани, вечера на дачах, подарки... Эти мои маневры отдаляли от меня друзей, а союзников не создавали». Правила, по которым играл Попов, как оказалось, не были правилами «самой академии», так как успеха не принесли.

В годы деканства Попова на факультете широко практиковался прием студентов со спортивными данными, благодаря чему в Университете получила распространение шутка «здоровые экономисты — здоровая экономика». Сам Попов считает своей основной заслугой то, что преподававшие в эти годы на экономическом факультете Шаталин, Анчишкин, Петраков, Яременко и др. сделали факультет центром оппозиционных экономических концепций и содействовали формированию взглядов ряда молодых экономистов, впоследствии возглавивших реформу (в том числе Гайдара и некоторых других членов его «команды»), а также то, что отделение планирования и экономической кибернетики при нем было отделено от политекономии.

В 1980 г. выступил с докладом на закрытом научном семинаре с критикой состояния экономической системы СССР, в мягкой форме выступал по этому поводу и в «Правде». Одна из его статей — «Твое рабочее место», была перепечатана в *Times* под заголовком «Русский защищает безработицу». Против Попова были выдвинуты обвинения в злоупотреблении служебным положением, доказать которые в полном объеме не удалось. Однако, по признанию самого Попова: «Ничего из хозяйственных дел невозможно сделать, если не платить каким-нибудь левакам. Значит, кому-нибудь надо выписывать второй оклад или что-то еще, потому что он из этого второго оклада сможет платить при покупке для факультета каких-нибудь занавесок, краски, при ремонте и других хозяйственных работах, на что денег никогда не хватает». Партком факультета встал на сторону Попова, но с поста декана Попову пришлось уйти. В 1984 г. против него выдвигалось обвинение во взятках, но доказано не было.

В 1988—1992 годах — главный редактор журнала «Вопросы экономики».

Доктор экономических наук, профессор. Тема кандидатской диссертации, по специальности «бухгалтерский учет» — «Применение электронно-вычислительных машин в экономике (МГУ, 1963). Тема докторской диссертации, по специальности «планирование» — «Методологические основы теории управления социалистическим производством» (МГУ, 1970). Автор более 100 научных трудов. Автор книг «Техника личной работы», «Эффективное управление» и «Блеск и нищета Административной Системы».

Член КПСС с 1959 по 1990 год. В период Перестройки приобрел широкую известность сразу после публикации статьи «С точки зрения экономиста» и других статей.

В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР (от Союза научных и инженерных обществ). Входил в Комиссию по разработке новой Конституции СССР. На I Съезде народных депутатов СССР стал одним из инициаторов создания Межрегиональной депутатской группы (МДГ); с 30 июня 1989 года — ее сопредседатель. Во время II Съезда народных депутатов СССР в декабре

1989 года подписал коллективное заявление 153 членов МДГ о переходе в «оппозицию по отношению к большинству на Съезде». С осени 1989 года — член клуба «Московская трибуна».

В июне 1990 года во время XXVIII съезда КПСС вместе с мэром Ленинграда Анатолием Собчаком вышел из партии. Во время избирательной кампании 1990 года вошел в предвыборный блок кандидатов «Демократическая Россия» (ДР) и стал одним из координаторов блока.

В 1990—1991 гг. — председатель Моссовета. В 1991—1992 гг. — мэр Москвы.

С декабря 1990 по апрель 1991 года — член Координационного совета и сопредседатель Движения «Демократическая Россия».

В 1989—90 годах — Президент Ассоциации молодых руководителей предприятий СССР (основателем и исполнительным директором Ассоциации был Константин Затулин).

В конце сентября 1991 года утвержден членом Политического консультативного совета при Президенте СССР. Член Президентского Совета России.

В 1991—1992 г. сопредседатель Движения демократических реформ, затем — председатель Российского ДДР. С 1989 года — сопредседатель Общества советских греков (в настоящее время — Межрегиональное движение греков). Председатель федерации бейсбола СССР, президент Международного университета г.Москвы, президент Вольного Экономического общества, президент Международного Союза экономистов⁴³. В 1995 г. возглавил избирательное объединение «Социал-демократы».

По мнению Попова, настала пора «на деле перевести объединения и предприятия на хозяйственный расчет»⁴⁴. «Три “кита” лежат в основе полного хозрасчета: остаточный принцип формирования фонда дополнительной оплаты; гарантированные проценты отчислений государственным органам; прямые связи и цены соглашения на заказ». Ссылаясь на опыт Сумского эксперимента, Попов поддерживает НЭПовскую схему — «рассчитайся со всеми, рассчитайся за все, и остаток — твой»⁴⁵. Но из чего берется этот остаток? «В полном хозрасчете лучшим будет не тот, кто реально сделал больше»⁴⁶. Больше чего? Тонн? Кубометров? Вечный плановый вопрос — в чем измерять качество продукции. В рублях? Но система цен в СССР определяется вне прямой связи с затратами труда на создание продукта. Так модель финансовой самостоятельности упирается в проблему цен.

«Нельзя, чтобы система цен “уравнивала” тех, кто зарабатывает по-разному. — считает Попов. — Иначе интерес к заработку будет угасать. Еще более нетерпимо, когда сегодня сфера расходов организована нередко так, что вообще важнее не деньги заработать, а иметь доступ к их “отовариванию”, к дефицитным товарам». Как же быть с этой столь очевидной напастью? Попов предлагает решение в духе планового утопизма: «Поэтому надо так перестроить систему цен, чтобы дефицита не было, а добротные товары могут стать и дороже, чтобы в первую очередь их мог купить тот, кто больше зарабатывает»⁴⁷. Но уже с начала 80-х гг. в стране шло вымывание дешевого ассортимента, а проблема оставалась нерешенной — личные на-

копления все равно превышали товарный запас. Решение в духе предложения Попова могло дать эффект не в случае «перестройки» системы цен, а при конфискации личных накоплений путем повышения цен. Но в этом случае на место дефицита в магазинах должен был прийти дефицит на столе миллионов людей, поскольку они просто не в состоянии были бы купить нужные товары. Повышение цен на «добротные товары» на практике могло означать лишь всеобщее повышение цен, поскольку государственные органы не имели возможности определить, какой ширпотреб «добротен», а какой — нет. Да и зачем производить «неперспективную» продукцию. В итоге «перестройка цен» при тех же механизмах производства означала бы лишь то, что и произошло в начале 90-х гг. — пауперизацию массы населения.

Но в 1985 г. Попов обосновывал свою борьбу с «уравнительностью» коммунистическими идеалами: «Уравнительность не приближает, а отдаляет коммунизм, так как отвлекает ресурсы от их использования в качестве стимула к лучшей работе и позволяет жить ряду работников не по средствам, то есть в чем-то за счет других»⁴⁸.

Кто же будет определять соотношение затрат труда и цен разных предприятий? Попов рассчитывает на введение рыночных («экономических», как тогда осторожно говорили) механизмов регулирования цен. «Цена соглашения и заказ — заключительное звено полного хозрасчета»⁴⁹. Цена должна заключаться как на рынке — по соглашению заказчика и потребителя. Попов убедительно доказывает, что при попытках введения реального нерыночного контроля со стороны вышестоящих органов неминуемо воспроизводится директивное бюрократическое управление экономикой, уже показавшее свою неэффективность⁵⁰. Поэтому регулировать взаимоотношения хозрасчетных предприятий должен рынок (договорные отношения), а роль центра должна быть ограничена минимальными координирующими функциями и стимулированием НТР⁵¹. При этом чиновники должны материально стимулироваться «за конкретные управленческие действия»⁵² (эта идея получит свое развитие в период пребывания Попова мэром Москвы). Свои функции центр будет реализовывать путем использования государственного заказа (оплата государственных заданий), который должен обеспечиваться возрастающими, как казалось Попову, фондами центра, пополняемыми путем взносов предприятий⁵³. На практике полугосударственные — получастные предприятия найдут способ перекачивать государственные средства в частные фонды, опустошая казну. Но это произойдет позднее, по мере внедрения «полного хозрасчета». Экономисты-реформисты считали, что все дело в недостатках плановой экономики, и постепенная замена плана рынком может выправить положение. Но корень экономических бед СССР был не столько в плановом хозяйстве (которого в строгом значении слова здесь не существовало), сколько в сверхмонополизме экономической системы. Этот монополизм сохранится и тогда, когда плановая экономика будет разрушена, и тогда монополия экономика проявит себя уже без государственных «противовесов». Разрушительность этого процесса станет

ясна только в 1992 г. А в 1985 г. к тревожным оценкам эксперимента не прислушались.

Это не случайно. Грядущие перемены привлекали на свою сторону номенклатурную массу тем, что они обещали богатые возможности для карьерных продвижений, которые были так желанны «застоявшемуся» второму эшелону чиновничества. Об этом писал и Попов: «Ключевым звеном для ускоренного перехода к системе экономического управления являются хозяйственные кадры нового типа. Но чтобы их найти, выявить, оценить по реальным результатам, необходим, условно говоря, реальный “бой”. Только в активной работе по внедрению новой системы и по достигнутым в этой работе успехам можно будет выдвигать и отбирать кадры, способные еще больше углубить и ускорить внедрение нового»⁵⁴. Динамичная часть номенклатуры была уверена в своей способности выдержать испытание «реальным боем» и вытеснить неповоротливых стариков из их кресел. Смотрил сил победившей части правящего класса СССР предстоял на апрельском Пленуме ЦК КПСС.

3. Апрельский Пленум ЦК КПСС

Апрельский Пленум должен был стать эпохальным уже потому, что он был посвящен предстоящему созыву XXVII съезда партии. Это предоставляло возможность Горбачеву изложить основные положения своей политики во всей полноте, закрепить мартовский успех. Обновленческие авансы, выданные населению во время апрельского «явления Генсека народу» уже не оставляли консервативному крылу ЦК надежды на скорый реванш. Однако это не снимало скрытых пока противоречий в недрах обновленческого лагеря между реформистами-рыночниками и андроповцами-пуританами. Горбачеву еще долго предстояло лавировать между этими двумя группировками. Причем по мере ослабления влияния традиционных консерваторов противоречия между реформистами-рыночниками и «пуританами» будут обостряться.

Оглядываясь на позицию союзников, Горбачев все же самостоятельно формулировал основы нового курса. Н.Рыжков вспоминает: «Доклад к апрельскому Пленуму Горбачев писал сам. То есть не без помощи референтуры, конечно, не без запроса материалов с разных мест, в том числе и из экономического отдела ЦК, но — сам. Сам диктовал, сам правил, сам перекраивал. В итоге он получился ярким, непривычно личностным и, главное, я бы сказал, обобщающе революционным»⁵⁵.

Самостоятельность Генсека в теоретической работе вносила струю свежего воздуха в затхлую идеологическую атмосферу страны. Но в условиях сохраняющегося сверхцентрализма управления это повышало опасность волюнтаризма — личное мнение Горбачева преобразовывалось в действия аппаратчиков во всей стране. Не вполне продуманные кампании 1985—1986 гг. во многом стали следствием такого «революционного» подхода к решению стоящих перед страной проблем. Раннеперестроечный радикализм

стал результатом синтеза недостатка опыта новой администрации со стремлением как можно быстрее вырваться из «заколдованного круга» застоявшейся социальной структуры. По мере накопления опыта политика Горбачева будет становиться все более реалистичной и в то же время глубокой. Но разбуженные ожидания населения и правящих слоев вызовут к жизни новую волну радикализма, которая «накроет» хрупкую контрукцию горбачевских реформ. В 1985 г. Горбачев еще не чувствовал этой опасности: «Надо было как можно скорее вытаскивать общество из летаргии и равнодушия, включать в процесс перемен. В этом я видел гарантию успеха задуманной перестройки, об этом говорил на апрельском Пленуме, такую цель преследовали и мои поездки по стране»⁵⁶.

Горбачев начал свою речь на апрельском Пленуме ЦК КПСС с апелляции к Ленину, которому днем ранее исполнилось 115 лет. К цитате Ленина обратился Генсек и завершая речь: «Мы не боимся указывать открыто на свои ошибки, чтобы исправлять их»⁵⁷. Исправление ошибок, по мнению Генсека, началось при Андропове: «Благодаря активной работе партии, начиная с 1983 года, удалось подтянуть работу многих звеньев народного хозяйства и несколько улучшить обстановку»⁵⁸. Прикрытие со стороны Ленина и Андропова делали речь идеологически неуязвимой и вдохновляли «пуритан» на поддержку Горбачева в его планах. А планы эти были связаны прежде всего с ускорением социально-экономического развития.

Выступая на Пленуме, Горбачев указывал на традиционные резервы ускорения, прежде всего на укрепление дисциплины. Однако наряду с этой бюрократической рекомендацией большое внимание в речи было уделено «активизации человеческого фактора» и «неуклюжему расширению участия трудящихся в управлении»⁵⁹. Проблема «участия», будоражившая Европу в 60—70-е гг., оказалась в поле реформистской идеологии нового руководителя КПСС. Большое значение уделял Горбачев и раскрепощению производственных отношений на селе, надеясь на чудодейственность арендного подъята. Отвечая на сомнения своего помощника в эффективности аренды, он говорил при подготовке доклада: «Ты ничего не понимаешь в характере крестьянина. Посмотри, как быстро пошло дело в Китае, а мы не хуже их»⁶⁰. Применимость китайского опыта к реформам в СССР была обманчивой — слишком различными были стартовые условия. Но в 1985 г. это еще не было видно.

Ключевым звеном экономического рывка, по мысли Горбачева, должна была стать научно-техническая революция: «Нужны революционные сдвиги — переход к принципиально новым технологическим системам, к технике последних поколений, дающих наивысшую эффективность»⁶¹. Этот технологический романтизм составлял суть политики ускорения. Само ускорение было задумано для преодоления барьера Научно-технической революции, для технологического перевооружения экономики (и вооруженных сил). Но само это перевооружение рассматривалось как ключевое звено экономического ускорения.

Получался замкнутый круг, выход из которого можно было найти лишь в структурных преобразованиях.

И Горбачев решается на провозглашение этой идеи. Время андроповского эксперимента закончено, начинается время реформ или, выражаясь более осторожно, «перестройки»: «Достигнут такой рубеж, когда от эксперимента надо переходить к созданию целостной системы хозяйствования и управления. А это значит, что следует начать практическую перестройку работы и верхних эшелонов хозяйственного управления, нацелить их на решение прежде всего перспективных социально-экономических и научно-технических задач, на поиск наиболее действенных форм соединения науки с производством»⁶².

Идеи, связанные с научно-техническим прогрессом, были подробнее развиты реформаторами в июне на специальном совещании, которое фактически превратилось в расширенный Пленум ЦК (собственно, первоначально именно Пленум по этому вопросу и планировался). «Доклад на этом совещании мы готовили вдвоем, — вспоминает Н.Рыжков. — Буквально... Запирались в кабинете Горбачева, на обед порой не отлучались, сидели с утра до ночи, а вернее — ходили и даже ползали, поскольку множество материалов — документы, справки, статьи, записки, заранее собранные отовсюду, не умещались на длинном столе для заседаний: мы разложили их на полу и действительно ползали между ними, отыскивая нужную мысль, нужную идею, нужную цифру»⁶³. Люди, в распоряжении которых был огромный аппарат, вынуждены были сами перерабатывать огромный бумажный массив. Они не доверяли марксистско-ленинским аналитикам и, не имея других, пытались сами дойти до истины.

Необходимость стимулирования научно-технического прогресса вызвала к жизни реформы. И эти реформы могли приобрести масштабы, угрожающие благополучию бюрократии, ее стремлению к преобразованию власти в собственность. Однако антибюрократические положения в речи Горбачева на апрельском Пленуме касались только хозяйственных ведомственных структур: «Пора приступить к совершенствованию организационных структур управления, ликвидировать излишние звенья, упростить аппарат, повысить его эффективность. Сделать это важно еще и потому, что некоторые звенья управления превратились в помеху, стали тормозить движение. Нужно резко сократить число инструкций, положений, методик, которые, подчас своевольно толкуя решения партии и правительства, сковывают самостоятельность предприятий»⁶⁴.

Горе побежденному. Поражение ведомственной группировки в борьбе за власть в первой половине 80-х гг. привело к тому, что реорганизации и сокращения предполагалось начать именно с промышленной бюрократии. Директорату предлагалось начать наступление на ее позиции при поддержке партийного аппарата («партии»). Закрепляя поддержку местнической тенденции, Горбачев заявил о том, что «необходимо и дальше расширять права местных органов»⁶⁵. Эти идеи еще более откровенно высказывались в выступлениях Э.Шеварднадзе, который отстаивал права республик на самостоятельность в проведении реформ («учет местных условий»)⁶⁶. В этом Шеварднадзе поддержал и эстонский руководитель Вайно. Особенно четко курс на демонтаж отраслевой структуры управления должен был проявить-

ся в аграрной политике. Здесь приход Горбачева означал более решительное проведение реформы, которую не удалось в полном объеме провести в 1982 г.: «Если мы твердо убеждены, что на земле должен быть единый хозяин и агропромышленные объединения несут всю полноту ответственности за выполнение Продовольственной программы — в чем, думается, ни у кого сомнения нет, — то следует осуществить меры, которые позволят управлять, планировать и финансировать агропромышленный комплекс как единое целое на всех уровнях»⁶⁷. Заранее отвергая все возможные возражения, Горбачев подтвердил, что отныне дефицитные продовольственные товары перейдут под контроль аграрной верхушки и региональной партноменклатуры. Одновременно Горбачев добивается и сочувствия интеллигенции, упоминая, что неэффективная система аграрных отношений заставляет привлекать научных работников для работы на овощебазе⁶⁸. Увязка реформ с освобождением интеллигенции от этой тяжелой повинности должна была обеспечить новому курсу искреннюю поддержку пишущего сословия.

Горбачев готов был подавать пример, демонстрируя новый стиль поведения. Он обрушился на первого секретаря Кустанайского обкома партии В.Демиденко, который позволил себе упомянуть о стиле Горбачева в выступлении на Пленуме. Горбачев оборвал выступающего, а на совещании с секретарями обкомов вернулся к этому вопросу: «Давайте все же будем говорить не о стиле Горбачева, а о нашем общепартийном, ленинском стиле работы. Я конечно понимаю, что товарищ Демиденко руководствовался добрыми чувствами, но ведь может получиться так: один скажет теплые слова, другой подхватит, а потом начнутся никому не нужные восхваления»⁶⁹. Горбачев боялся оказаться в таком же двусмысленном положении, в котором находился Брежнев в конце жизни. Но это не значило, что не нужно было «укреплять авторитет» руководства, просто Горбачев считал необходимым делать тоньше. На место «культы личности» приходило время создания имиджей.

В то же время Горбачев переходит и к более решительным заявлениям в отношении ключевого вопроса политической борьбы — расстановки кадров: «Там, где... допускается выдвижение работников на основе личной преданности, угодничества, протекционизма, там неизбежно наступают затухание критики и самокритики, ослабление связей с массами и как результат — провалы в работе»⁷⁰.

Но перечисленные Горбачевым явления могли быть обнаружены в любом ведомстве, так как они присущи любой бюрократической иерархии. Критикуя эти свойства бюрократии, Горбачев мог затем нанести удар по любой хозяйственной, а затем и партийной структуре. Понятно, что это не могло не вызвать сопротивления. Горбачев стремится заинтересовать в ударе по ведомственной структуре не только директоров и партийных «удельных князей», он ищет союзников и в самих ведомствах — в лице бюрократической молодежи, молодых карьеристов, готовых воспользоваться кадровыми чистками для собственного продвижения по службе: «Необходимо смелее выдвигать на ответственные посты женщин и молодых перспективных работников». Генсек предлагает преодолеть «застой в движении кад-

ров», но тут же гарантирует «стабильность партийного руководства» — реорганизация пока не грозит партийной машине⁷¹. Более категорично был настроен Шеварднадзе, намекавший на возможность чистки кадров. Одновременно опытный царедворец сумел (несмотря на запреты) сопроводить свою речь долей лести в адрес Генсека, процитировав положительные отклики о нем в зарубежной прессе⁷².

Несмотря на успокаивающие замечания Генсека, новому поколению чиновников должно было быть ясно — приходят новые времена. Старое поколение руководителей должно уступить им место. Горбачев становился гарантом исполнения этих надежд, этой воли к власти. А те, кому повезет получить во время антиведомственных реформ достаточную власть, могли претендовать на преобразование ее в собственность. Такие ставки придавали игре особый интерес и обеспечивали Горбачеву значительную поддержку среди наиболее динамичной части номенклатурной элиты. Менее оборотистые чиновники еще не почувствовали угрозу — Горбачев выражался достаточно осторожно, чтобы его услышали прежде всего те, кто хотел услышать. Для остальных речь шла о продолжении андроповского курса на рационализацию государственного социализма. Не удивительно, что апрельский Пленум ЦК прошел «на ура». Это позволило Горбачеву без труда закрепить кадровый успех. Вопреки традиции два секретаря ЦК были избраны членами Политбюро минуя статус кандидата в члены. Но кто мог противостоять этому взлету. Ведь речь шла о всесильном Е.Лигачеве, который обеспечивал кадровые чистки с 1983 г., и о Н.Рыжкове, который шел на смену Тихонову. Лигачев перемещался на второй в партии пост секретаря по идеологии. Чтобы ни у кого не оставалось сомнений, кто теперь занимает пост № 2, уже при открытии Пленума Горбачев посадил Лигачева рядом с собой и предложил предоставить слово Генсеку. В мае на пост руководителя Орготдела был назначен Г.Разумовский — первый секретарь Краснодарского крайисполкома и противник Медунова, а с 1981 г. — заведующий аграрным отделом Управления делами Совмина. Здесь он контактировал с Горбачевым, который способствовал его назначению на место недавнего противника, а затем — и на ключевой пост в продолжающейся кадровой чистке. Полным членом Политбюро стал также Чебриков, поддержавший Горбачева руководитель КГБ. Министерство обороны после победы Горбачева явно отставало от соперника — министр обороны маршал Соколов стал только кандидатом в члены Политбюро. Выдвиженец Горбачева В.Никонов занял прежний пост Генсека — секретаря по сельскому хозяйству.

Эти перестановки нарушили прежнее равновесие в партийном ареопаге. Отныне сторонники преобразований имели безусловное большинство, которое будет сохраняться до тех пор, пока «реформисты» и «пуритане» не почувствуют, что они понимают преобразования по-разному. Но это произойдет лишь в 1987—1988 гг.

4. Кадровое наступление (май-декабрь 1985 г.)

Несмотря на успехи реформистского курса, вскоре после апрельского Пленума Генсеку дали понять, что в политике следует делать упор на «меры по наведению порядка», а не на опасные «перестроечные» эксперименты. 5 мая Горбачев выступал на торжественном заседании в Кремлевском дворце съездов. Заседание было посвящено сороковой годовщине победы в Великой Отечественной войне. В речи Генсека были и такие слова: «Гигантской работой на фронте и в тылу руководила партия, ее Центральный Комитет, Государственный Комитет Оборона во главе с Генеральным секретарем ЦК ВКП (б) Иосифом Виссарионовичем Сталиным»⁷³. Внезапно слово «Сталин» потонуло в бурных аплодисментах. Ряды маршалов и генералов, сидевших в зале, вставали и ритмично хлопали в ладоши. Овацию поддерживали тысячи присутствовавших партийных работников и ветеранов. Она была адресована не Горбачеву, она была адресована Сталину.

Было заметно, что на какое-то мгновение Горбачев просто опешил. Он явно не ожидал, что уважительное упоминание его предшественника вызовет такую реакцию. Генсеку откровенно дали понять — партийная элита поддерживает курс на «поддержание порядка». Именно «порядок» выделялся гарантом нового «большого скачка».

И Горбачев говорит только что аплодировавшей имени Сталина аудитории о таком «большом скачке»: «В сжатое время, в короткий исторический срок мы обязаны выйти на самые передовые рубежи производительного труда, качества продукции, эффективности производства в целом. Таково властное требование дня. Основной путь достижения этой цели — научно-технический прогресс»⁷⁴. Однако, очаровывая слушателей вдохновляющей картиной «второй индустриализации», Горбачев продолжает упоминать о преобразовании хозяйственного механизма и даже бросает в аудиторию западный термин: «Народ... достойно ответит на любой вызов, который бросает нам время»⁷⁵. Аудитория, незнакомя с теорией «вызовов», приветствовала этот пассаж продолжительными аплодисментами. Но Горбачев почувствовал, что вызов бросили ему.

Проведение сколь-нибудь решительных преобразований было невозможно до изменения состава высшего руководства страны. Да и Романов, курировавший как раз высокотехнологичные отрасли, мог усилиться на волне планировавшегося индустриального скачка и снова вступить в соперничество с победившей коалицией. Поэтому следовало продолжать начатое на апрельском Пленуме кадровое наступление. Горбачев решил нанести визит в бывшую «вотчину» Романова — Ленинградскую парторганизацию, которой уже с 1983 г. управлял сторонник Горбачева Зайков.

ЗАЙКОВ Лев Николаевич

1923 г. рождения. Во время войны работал на заводе. В 1957 г. вступил в КПСС. В 1961 г. стал директором завода. В 1963 г. закончил Ленинградский инженерно-экономический институт, работал директором, генеральным директором производственно-технического и научно-технического объединений. В 1971 г. удостоен звания Героя Социалистического Труда. В 1976 г. стал председателем исполкома Ленинградского горсовета. Зайков был типичным вы-

движенцем директорского корпуса, пробившимся из народа. Руководя хозяйством Ленинграда при «крутом» Романове, Зайков отдалялся от партийного босса. В 1983 г. Зайков был оставлен во главе партийной организации «второй столицы» после ухода Романова в Москву, но стал ориентироваться на оппонентов бывшего шефа. В июле 1985 г. назначен секретарем ЦК КПСС. В 1987—1990 гг. — первый секретарь Московского горкома партии. Член Политбюро ЦК КПСС в 1986—1990 гг.

Однако в 1983—1985 гг. Зайков не мог проводить в Ленинграде заметных кадровых чисток, поскольку Романов оставался одной из сильнейших фигур в партии. Визит Горбачева должен был покончить с этой ситуацией. В своей речи 17 мая он намекнул на «недемократизм» бывшего соперника...

Ленинград был традиционным для советской истории местом возникновения оппозиций. Второй по значению город страны, бывшая столица, скептически воспринимал исходящие из Москвы решения. Поэтому именно ленинградцев Горбачев решил прежде многих других вдохновить на грядущие свершения. Здесь Генсек занялся популяризацией «нового курса», излагая его «своими словами».

«Первым актом гласности можно, думаю, считать мою поездку в Ленинград в мае 1985 года... Впервые многое из того, что содержалось в неопубликованных материалах мартовского и апрельского Пленумов ЦК, о чем говорилось “в закрытом порядке” в партийных верхах, было “выплеснуто” на всех»⁷⁶. К удивлению и удовлетворению публики Горбачев говорил сам, не зачитывая текст. Относительно радикальная критика сложившейся в стране ситуации сочеталась здесь со сверхоптимистическими надеждами на будущее. Рубежи рывка виделись самые смелые — сделать всю продукцию конкурентоспособной на мировом рынке⁷⁷. Речь уже шла не о валовых, а о качественных показателях. Но критерием качества, таким образом, становился западный рынок с его «чуждыми социальными законами».

Этим своим высказыванием Горбачев признавал, что пока значительная часть советской продукции уступает по качеству западной. Но не за горами то время, когда каждый ленинградец (и каждый советский человек) сможет купить в магазине вещи, произведенные на уровне мировых стандартов. От такой перспективы действительно могло захватить дух. Но до воплощения этого «неохрущевского плана» было еще далеко. И в 1985 г. это стало еще очевиднее. Так, в серийное производство поступили отечественные компактные компьютеры БКОО-10 и «Агат», отстававшие от западных «персоналок» «на порядки». Советские «Агаты» запоминали 30 страниц текста⁷⁸. Несмотря на то, что СССР еще в 60-е гг. шел в ногу с Западом в области электроники, сверхцентрализованная экономика не отреагировала на перспективное направление персональных компьютеров, бесконечно отстав в этой области. Последствия этого будут иметь стратегический характер.

После возвращения Горбачева из Ленинграда Романов уже не показывался на публике. Его не было и на важнейшем совещании по научно-технической политике (хотя эта область формально относилась к его епархии). В мае Горбачев обсуждал с членами Политбюро возможности отстав-

ки Романова, предъявляя ему несколько абстрактных обвинений в отсутствии «хороших контактов с оборонными министерствами» и «некорректном поведении в некоторых зарубежных поездках». «Думаю, что все понимали — им двоим не ужиться в Политбюро», — комментирует Воротников⁷⁹. 1 июля Пленум ЦК отправил Романова на пенсию «в связи с состоянием здоровья». 62-летний ветеран после этого проживет еще достаточно долго, сочтя за лучшее не вмешиваться в противоборство на кремлевском Олимпе, и раскол не имел организационных последствий. Но победа антимилиитаристской линии в руководстве становилась все более очевидной. Уже в середине 1985 г. Горбачев стал прощупывать и возможности радикального сокращения верхушки военного ведомства⁸⁰. Получив доступ к относительно объективной информации о военных расходах, Горбачев окончательно утвердился в мысли, что в сокращении вооружений содержится грандиозный источник ресурсов для последующих преобразований: «Оказалось, что военные расходы составляли не 16, а 40(!) процентов госбюджета, продукция ВПК — не 6, а 20% валового общественного продукта. Из 25 млрд. рублей обоих расходов на науку — около 20 млрд. шло на военно-технические исследования и разработки»⁸¹.

Тот же июльский Пленум избрал полным членом Политбюро Э.Шеварднадзе, который на следующий день был назначен министром иностранных дел. Прежний министр Громыко был перемещен на высший государственный пост в стране, став Председателем Президиума Верховного Совета. Старик Громыко уже не мог оперативно перемещаться по свету, чего требовал новый, более динамичный курс.

Но его влияние на выработку политики должно было быть сохранено. Горбачев не получил в свои руки традиционного совмещения высшего государственного и партийного постов. Похоже, это вызывало недовольство Генсека — предлагая Громыко на высший государственный пост, Горбачев, по словам А.Черняева, «охарактеризовал его очень сдержанно, не оплатил за громыковскую речь на мартовском Пленуме...»⁸²

На июльском Пленуме произошло еще два немаловажных назначения. Секретарями ЦК были избраны Л.Зайков и Б.Ельцин.

В июле 1985 заведующим отделом пропаганды был назначен А.Яковлев. К этому времени он был уже самым радикально настроенным человеком в высшем руководстве КПСС. Если верить воспоминаниям самого Яковлева, в это время он направил Горбачеву записку, в которой предлагал разделить КПСС надвое для создания в стране политической конкуренции⁸³. Такое предложение в условиях 1985 г. несло смертельную опасность для карьеры Яковлева. Не удивительно, что Горбачев не дал проекту ход. Однако Яковлев продолжал в осторожной форме обсуждать проект раздела партии с сослуживцами. Г.Смирнов вспоминает, что Яковлев говорил о многопартийности как о перспективе ближайшего будущего. «Тут уж я не сдержался и заявил: “Ну, до этого тебе не дожить”. Ответ был не менее поразительным: “Почему не доживу? Вполне могу дожить”»⁸⁴.

В то же время заведующим общим отделом ЦК стал А.Лукианов.

Горбачев продолжал формировать свою команду, которая должна была прийти на смену андроповской. Это была не последняя команда Горбачева. Однако люди, которые через несколько лет окажутся «за бортом» и будут писать обидные мемуары о Горбачеве, еще не знали одной черты Генсека, о которой его охранник В.Медведев стал задумываться после эпизода, произошедшего уже в 1985 г.: «Горбачев полностью сменил охрану. Конечно, дело его — с кем работать... Но эти ребята служили ему верой и правдой с 1978 года, то есть семь лет... Убрав их, он ни о ком не позаботился. Такое отношение у нас как-то не было принято... Я еще не знал тогда, что Михаил Сергеевич — голый политик, в людях людей не видит, что несколько лет спустя он будет бесконечно тасовать свое политическое окружение, бросая и левых, и правых, некоторых из них снова приближая и снова бросая. В конце концов бросили его — они»⁸⁵.

Вскоре после сессии Верховного совета 2 июля начались перемещения и в правительстве. По замечанию Р.Медведева, «после консолидации своей власти на апрельском Пленуме Горбачев приказал заменить больше министров за лето, чем Андропов за 15 месяцев своего правления.

Становилось ясно, что Тихонов не принимает активного участия в работе правительства, несмотря на то, что он все еще оставался премьер-министром. Это, возможно, означало, что в Политбюро были некоторые противоречия относительно его преемника»⁸⁶. Это не совсем соответствует действительности — Тихонов продолжал активно работать. 23 мая он выступил с докладом об основных направлениях экономического развития на Политбюро. Впрочем, уже сам доклад был использован Горбачевым для критики давнего противника⁸⁷. Но уговорить Тихонова уйти в отставку («по состоянию здоровья») удалось только в сентябре.

По мнению Ж.Медведева, на пост премьера претендовали Г.Алиев, Н.Рыжков и В.Воротников. Горбачев вспоминает, что «при обсуждении кандидатур на пост предсовмина всплывали многие имена, но в конце выбор свелся к двум: Рыжков и Воротников»⁸⁸. Кандидатура Г.Алиева автоматически отпадала после назначения Шеварднадзе (назначение двух кавказцев на ключевые посты противоречило основам национальной политики, сложившейся в постсталинский период). Алиев получил пост первого заместителя Председателя Совета Министров, курировавшего транспортную систему. Два других претендента были настроены технократически, имели инженерное образование. Они относились скорее к реформистскому направлению, но практический опыт руководства делал их прагматиками, скептически относившимися к любым кампаниям.

Воротников был человеком, обладавшим также опытом руководства правительством РСФСР. К тому же он имел более широкий кругозор как бывший дипломат. Как бывший посол на Кубе он был теснее связан с КГБ.

Тем не менее 27 сентября Председателем Совета Министров СССР был назначен Н.Рыжков. На этот выбор повлияли скорее всего два обстоятельства. Во-первых, ключевым направлением экономической политики становится научно-техническая реконструкция индустрии. Это направление курировалось Н.Рыжковым. Во-вторых, по мнению Ж.Медведева, сыграло

роль и то, что Н.Рыжков был «менее авторитарен»⁸⁹. «Менее авторитарный» Рыжков мог легче договориться с директорским корпусом, на который предстояло сделать ставку на первом этапе «перестройки» экономического механизма. К тому же Горбачеву нужен был исполнитель, личность несколько менее самостоятельная, чем Воротников, опиравшийся также на связи с КГБ и потому способный возражать более решительно в случае разногласий с Генсеком.

Роль Председателя Совета Министров была велика, но ее нельзя переоценивать. Некоторые заметители премьера были членами Политбюро и могли проводить свою политику независимо от воли Н.Рыжкова, так как были равны ему по рангу. Заместители курировали различные блоки правительственной деятельности, так что Н.Рыжков первоначально стал лишь «первым среди равных» в правительственном руководстве, ответственным прежде всего за научно-техническую политику. 15 октября был назначен новый председатель Госплана Н.Тальзин, а в ноябре — еще один заместитель председателя В.Мураховский, которому предстояло возглавить Госагропром СССР — воплощение аграрной программы Горбачева.

Выдвигая на вершины власти новых «сильных людей», Горбачев стремился поддерживать равновесие между ними. На апрельском Пленуме вторым человеком в партии стал Лигачев. Но престижный доклад к юбилею Октябрьского переворота было поручено читать Чебрикову. Шеф КГБ отметил в своей речи, что на протяжении истории советского государства встречались «сложные периоды». Одним из них был прошедший этап развития. В 70-е гг., «хотя поступательное движение и продолжалось, в стране накапливались проблемы, а задержки с их решением влекли за собой экономические и социальные трудности». Для выхода из положения необходим «решительный перелом», которому продолжают мешать кадры, привыкшие работать по-старому⁹⁰.

Но справиться с этими «кадрами» было не так-то просто. Во время поездки на Украину Горбачев обрушился на руководство республики, а с самим Щербицким у него состоялся «острый разговор»⁹¹, который в других условиях мог закончиться снятием генсека Украины с поста. Но Щербицкий в то время был слишком силен даже для Горбачева и остался в своем кресле.

5. Явление героя нашего времени

Завершением чистки высших эшелонов власти стало падение первого секретаря столичного горкома В.Гришина. Его роль в приходе Горбачева к власти позволила столичному руководителю пережить первые месяцы чистки, но, несмотря на свои заявления в духе нового курса⁹², в победившей коалиции Гришин был все же чужаком.

Снять Гришина было несложно — компромата на него было собрано предостаточно. Первого апреля, причем с санкции МГК, был арестован директор универсама «Сокольники» В.Кантор. Его приговорили к восьми го-

дам строгого режима, вскоре после чего Кантор скончался⁹³. Таким образом МГК продолжал по инерции поддерживать наступление на торговую «мафию» даже тогда, когда противники Гришина использовали разоблачения против него. Когда настал его черед, Гришину не вменили в вину злоупотребления в московской торговле. Тут проявилась немаловажная особенность горбачевских чисток: в центре они обходились без репрессий. Впрочем, лично на Гришина компромата, видимо, не было. «Вы же понимаете, что бы поднялось, отыщи они какуюнибудь зацепку, — говорил мне в ту пору Виктор Васильевич. — Но нельзя было найти то, чего нет. Да посудите сами, зачем мне брать взятки? Я и моя семья живем на всем готовом, у меня большая зарплата (оклад первого секретаря МГК КПСС был тогда 700 рублей), дети давно стали самостоятельными...»⁹⁴ — вспоминает Ю. Изюмов. Видимо, это верно. В.Гришин умер в бедности. «Демократизм» Горбачева, который сделал его приемлемой фигурой для части консерваторов, выразался и в гарантии спокойной старости для соперников по борьбе за власть. Это делало саму борьбу не столь ожесточенной — оппозиция могла отказать от войны до последнего патрона (которым мог оказаться и компромат, предварительно собранный на Горбачева).

Гришина решили снять за недостатки в строительном комплексе. Это облегчало и назначение на пост первого секретаря столичного горкома Б.Ельцина — профессионального строителя. Партийные комиссии стали обходить новостройки и спрашивать жильцов о недостатках. Удивленные жильцы с удовольствием выложили все, что они думают о нерадивых строителях и об их начальниках, пренебрегающих качеством ради плановых показателей. Сам Гришин так вспоминал о проведенной против него операции: «В конце 1985 года по поручению Е.К.Лигачева Комитетом народного контроля СССР была проведена сплошная проверка качества сдаваемых в эксплуатацию жилых домов и социально-культурных объектов, построенных московскими строителями. Проводилась она тенденциозно, с требованием к проверяющим непременно найти недостатки (если проверяющие их не находили, то их вновь возвращали на объекты, чтобы набрать хоть какой-то компромат)... Газеты и журналы нагнетали атмосферу недовольства людей положением в Москве...»⁹⁵ «Ну конечно, когда ходят и спрашивают, какие у Вас есть претензии, какие недостатки... Новый дом, новое строительство. Конечно, при желании все это можно найти. Все делалось по указанию Лигачева. Конечно, насобрали, чтобы скомпрометировать нашу работу»⁹⁶. Впоследствии, по воспоминаниям Б.Ельцина, Гришина «пытались обвинить в различных махинациях, но никаких компрометирующих материалов против него работники правоохранительных органов не обнаружили. Мне сказали, что, по видимому, они уничтожены. Я не исключаю такую возможность, потому что мы не обнаружили даже материалов по его вступлению в партию, а уж они-то точно должны существовать. В общем, имеется масса слухов о Гришине, но они ничем не подтверждены. Еще раз говорю, что когда я пришел, его сейфы были пусты. Может быть, материалы о нем есть в центральном КГБ, я не знаю»⁹⁷. Кстати, это признание Ельцина лишает правдоподобия и версию о том, что в горкоме был найден «гришин-

ский список» будущего Политбюро. «19 декабря 1985 года, — вспоминает Гришин, — за полчаса до очередного заседания Политбюро ЦК КПСС я был вызван к Генеральному секретарю ЦК. В очень кратком разговоре М.С. Горбачев сказал, что на работу московских организаций, горкома партии поступают жалобы и заявления. Что в этих условиях мне следует подать заявление об уходе на пенсию. Этот вопрос им (М.С. Горбачевым) согласован с членами Политбюро», — вспоминал В. Гришин. Он пытался уговорить Горбачева подождать, но «мне было сказано, что “это исключено”, что вопрос согласован, что на него “дают некоторые товарищи”»⁹⁸. «Товарищи» продавливали Ельцина. Гришин подписал заявление.

24 декабря 1985 г. Ельцин был назначен на место Гришина руководителем столичного горкома. «Я отлично понимал, что меня используют, чтобы свалить команду Гришина»⁹⁹. Но сделав этот тактический ход, Горбачев вывел в первые ряды партии своего будущего преемника. Возможно, он не исключал, что этот рьяный руководитель когда-нибудь сменит его на посту лидера страны. Но в это время никто и близко не мог угадать обстоятельств, при которых это произойдет.

На биографии Б.Ельцина следует остановиться подробнее, учитывая ту роль, которую ему предстояло сыграть в последующих событиях.

ЕЛЬЦИН Борис Николаевич

Родился 1 февраля 1931 г. в селении Бутка Свердловской области в крестьянской семье. Дед и отец подвергались репрессиям в 30-е гг. «Социальное происхождение» похоже на горбачевское — довольно типичное для того времени. Затем отец стал инженером-строителем.

Истоки необычайной «пробивной энергии» Ельцина часто ищут в его детстве. Такой подход не лишен оснований. Тяжелая жизнь маленького Бориса воспитала в нем выносливость и способность к аскетическому образу жизни, в котором биографы Ельцина В.Соловьев и Е.Клепикова даже усмотрели мазохистские склонности¹⁰⁰. Однако не следует путать способность жить в тяжелых условиях и стремление проверять эту свою способность с мазохизмом. Б.Ельцин не получал удовольствия от физических невзгод, обрушившихся на него. Но он тренировал свое не очень здоровое тело (Ельцин страдал болезнью сердца) для того, чтобы вырваться из нищеты.

Тяжелое детство еще в раннем возрасте привело Ельцина, как и Горбачева, к мысли о необходимости делать карьеру: «Уже в первую военную зиму к нам вернулся голод. Бывало, Боря возвращался домой из школы, садился в угол комнаты и начинал бесысходно стонать: “Есть хочу-у, не могу-у-у”... В Березниках в большинстве магазинов распределителей, где отovarивались продуктывые карточки, существовало по два отдела — для раздельного обслуживания рядовых работников и представителей администрации. Мы получали продукты в общем отделе. Нам давали непросеянную муку, прогоркшее масло, иногда — рыбу. В соседнюю секцию нас,

естественно, не пускали. Но Боре каким-то образом несколько раз удалось туда проникнуть (мальчишеское любопытство преград не знает). Там, как он позднее рассказывал, имелись сыр, пшеничный хлеб, мясные консервы и многое другое, нам недоступное. Именно тогда довелось мне услышать от него признание: «Мама, несмотря ни на что я буду начальником». Да, да, «начальником», я хорошо запомнила это слово», — вспоминала Клавдия Васильевна Ельцина¹⁰¹.

В детских впечатлениях можно найти истоки и неуклонного продвижения Ельцина по карьерной лестнице, и «борьбы с привилегиями», и стремления к ним. В это же время маленький Боря, почти одновременно с маленьким Мишей, стал самостоятельно читать Ленина, что по тем временам было необычно для школьника¹⁰².

Кроме сходства между начальными этапами биографий Ельцина и Горбачева есть качественное различие — Ельцин рано оторвался от сельской среды — семью бросило в горнило индустриализации. Ельцинский характер был типичным продуктом «барачной России», скученности людей в еле пригодных для жизни общежитиях. «Борис Ельцин, — пишут В.Соловьев и Е.Клепикова, — представитель первого поколения тесной барачной общины, еще пробавлявшейся революционной героикой и ярким патриотизмом военного времени. Его барак — до сотни человек — самозабвенным хором выводил по случаю любого семейного праздника песни времен гражданской войны... Барак для него — родина, традиция, народ. Особая физиология барачного бытия — это отсутствие личной потаенной жизни, быт, совместный интим, жизнь на виду у всех. Как комментирует сам Ельцин: “Ссоры, разговоры, скандалы, секреты, смех — весь барак слышит, все все знают”»¹⁰³. Здесь люди становились одной семьей, впитывая коллективистские и уравнилельные идеалы, вместе преодолевая невзгоды. В бараках формировался коммунистический характер Ельцина — человека, первоначально чуждого «мелкособственническому мещанству». Для него долгое время очень большое значение играли идеалы справедливости, он не мыслил себя без шумного многолюдия вокруг, привык постоянно бороться за лидерство в коллективе — сначала в барачном, затем в студенческом, затем в строительном. Такой лидерско-корпоративный характер, выработанный в результате попадания сильной личности в сугубо коллективистскую среду, гармонируют с такими фазами развития, как (в порядке убывания) «нормализация», «конфронтация» и «синтез».

Лидерство Ельцина часто дорого обходилось «ведомым» — авторитарный «нормализационный» склад ума и конфронтационный характер часто заставляли лидера вести себя по принципу «Главное ввязаться в драку, а там увидим». Ельцин предпочитал действовать в экстремальных условиях. Характерна такая история о летнем приключении группы школьников, в которой лидировал Ельцин: «Плывем мы, вдруг вверх, в горах, заметили пещеру, решили остановиться и посмотреть. Вела-вела она нас, вела и вдруг вывела куда-то вглубь тайги. Туда-сюда, не можем понять, где мы. Короче говоря, заблудились, потеряли нашу лодочку. Почти неделю пробродили по тайге... Болотную жижу вместе со мхом складывали в рубашку, отжимали

ее, и ту жижу, что текла из рубашки, пили. В конце концов мы все-таки вышли к реке, нашли нашу плоскодонку, сориентировались, но из-за грязной воды у нас начался брюшной тиф. У всех. Температура — сорок с лишним, у меня тоже, но я на правах, так сказать, организатора, держусь... Около одного железнодорожного моста решил, что все равно нас заметят, пристал к берегу и сам рухнул. Нас действительно заметили...»¹⁰⁴

Это событие, о котором мы знаем только со слов самого Ельцина, символично: лидер сначала ввергает людей в «приключение», затем героически преодолевает вместе с ними трудности и, наконец, спасает подопечных. Такой стереотип вождя был типичен для пропагандистской мифологии того времени. И неудивительно, что происходящее воспринималось Ельциным через призму такого алгоритма. Впоследствии, став руководителем, Ельцин часто будет действовать подобным же образом — возникновение экстремальной ситуации (часто по вине самого Ельцина), концентрация своих и чужих усилий на грани возможного, нетрадиционный выход из положения. Комментируя многочисленные примеры катастрофических ситуаций в автобиографии Ельцина, О.Давыдов пишет: «Просто диву даешься — как это человеку удается все время влезать в такие ужасные гибельные ситуации... Трудно сказать, отдает ли Ельцин себе отчет в том, что сквозной “темой” его судьбы является эта тесная связка гибели и чудесного спасения от нее... Однако на будущее имеет смысл четко и ясно понять, что те нелепые ситуации, в которые Борис Николаевич имеет обыкновение попадать, не только от злокозненности каких-то враждебных сил возникают. Многие из этих ситуаций Борис Николаевич создает своими собственными руками»¹⁰⁵. Но если уж ситуация действительно стала катастрофической, Ельцин — на своем месте, делает все, чтобы «вывести».

В центре ельцинского характера стоит потребность участия в борьбе («конфронтация») со скорым завершением («нормализация»). Ельцин — сторонник блицкрига, с детства он учился наносить удары по противникам. Его первый «политический» конфликт начался на выпускном вечере семилетки, где молодой Ельцин подверг разгромной критике педагогической стиль своей классной руководительницы. Ельцина было выгнали из школы, но он пошел протестовать в городской отдел народного образования. Аргументы ученика были признаны убедительными, повлияла и позиция работников горкома партии¹⁰⁶. Видимо, выступление ученика сочли удачным примером «критики» или «бдительности».

Иной пружиной ельцинского стремления к выдвижению была потеря пальцев руки. Преодолевая комплекс неполноценности, Ельцин должен был быть первым физически, чтобы никому не могло прийти в голову насмеяться над этим физическим недостатком. Ельцин занимался волейболом и стал капитаном сборной института. Юношеское стремление Ельцина к самоутверждению принимало подчас довольно агрессивные формы: «Скажет: садись — а сам выбьет из под тебя стул. Или — приспособит на веревке ведро над дверью; кто первый сунется — промокнет насквозь», — вспоминает сокурсник Ельцина Я.Ольков¹⁰⁷.

Другое веяние времени, оказавшее сильное воздействие на характер и взгляды Ельцина — это жесткий технократизм растущего индустриального общества. Ельцин воспитывался на сообщениях о свершениях промышленного строительства. Выбор перед ним стоял только в том, что строить — корабли или здания¹⁰⁸. Инженерные профессии явно доминировали над гуманитарными. Казалось, что все можно организовать и всем можно управлять. В этой организационной деятельности Ельцин видел для себя и возможность самореализации, и карьерного роста, избавляющего от общесоветской нужды, и постоянного общения с множеством людей. По данным В.Соловьева и Е.Клепиковой, «давным давно, еще в пору работы строительным мастером, он составил для себя каторжное расписание, так что рабочий день непременно заканчивался где-то к полуночи — будто ему было боязно или, скорее, скучно оставаться с самим собой»¹⁰⁹. Нелишне напомнить, что каторжные психологические нагрузки для Ельцина оборачивались такими же нагрузками для его подчиненных. Впрочем, это будет потом.

А пока «иерархический» период в жизни Ельцина только начинался. В 1949 г., скрыв «компрометирующие факты» своего «происхождения», Б.Ельцин поступил на строительный факультет Уральского политехнического института (по меткому наблюдению А.Горюна, из недр этого института вышло множество руководителей партии и государства 80-х гг.¹¹⁰). В 60-е гг., когда начиналось восхождение этих инженеров к вершинам власти, строительный комплекс был в центре внимания руководства. Страна переживала время индустриального бума. Однако Б.Ельцин из-за своего «проклятого прошлого» немного опоздал с выдвижением. В партию он вступил только в 1960 г., когда репрессированные родственники уже не считались компрометирующим обстоятельством. Единственным замечанием «молодому коммунисту» было: «Иногда грубоват с рабочими. Он должен учесть это и никогда не допускать подобного»¹¹¹.

Однако ко времени вступления в КПСС Б.Ельцин уже сделал заметную хозяйственную карьеру. Он не стеснялся предлагать себя в качестве кандидатуры на повышение¹¹². Конечно, это не вызывало энтузиазма у начальства, и «выскачку» направляли на «провальные» участки. В этой экстремальной среде Ельцин чувствовал себя как рыба в воде. Молодой руководитель нашел способ выхода из «прорывов» — жесткие меры против «нерадивых» рабочих (это припомнили Ельцину и при вступлении в партию). Ельцин лично вникал во все детали, подгонял, штрафовал, увольнял, сам нарушал ненужные, по его мнению, инструкции, но объект сдавал. Необычным нововведением Б.Ельцина была угроза рабочим привлечь для сдачи дома его будущих жильцов. По воспоминаниям работавшего тогда с Ельциным С.Переутова, «в это время Борис Николаевич работал буквально на износ»¹¹³.

И эта кипучая деятельность «второй юности» (соответствующая стадия иерархического периода) была вознаграждена. В 1963 г. Ельцина назначили руководителем крупного строительного подразделения. Комментируя карьеру Ельцина, его биограф А.Горюн пишет: «Сегодня многие склонны ут-

верждать, что Б.Н.Ельцин честолюбив, что он весьма неравнодушен к славе. С подобным утверждением трудно не согласиться. Но можно ли эти качества сами по себе подвергать безапелляционному осуждению?.. По всей видимости, нет. Ведь едва ли найдется хоть один человек, который будет совсем равнодушен к собственному престижу. Другое дело — каким путем он пытается его достичь»¹¹⁴.

Показательный штрих к портрету Ельцина во время его «иерархичности в квадрате»: «Свою деятельность в новой должности новый руководитель начинал с того, что демонстративно переставал здороваться с подчиненными, стараясь тем самым подчеркнуть дистанцию»¹¹⁵. Несмотря на то что затем Ельцин был вынужден отказаться от «подобной бестактности», «с подчиненными он всегда держался подчеркнуто сухо... Он не принимал никакие оправдания, и потому кое-кому казался излишне жестоким»¹¹⁶. Потом официальная вежливость Ельцина сильно контрастировала с покровительственным «тыканьем» Горбачева и вызывала уважение.

Однако даже в те годы такой жесткий командно-административный стиль для продвижения по службе был явно недостаточен. Нужен был покровитель. По мнению А.Горюна, выдвижению Ельцина способствовало то обстоятельство, что пост завотдела строительства Свердловского обкома занял его институтский товарищ Б.Киселев: «Именно в это время их прежняя дружба, несколько ослабевшая с годами, возобновилась по инициативе Бориса Ельцина. Они стали часто встречаться в неслужебной обстановке, общаться семьями, бывать друг у друга в гостях»¹¹⁷.

Об успехах управляющего комбинатом должен был быть осведомлен не только Киселев. Ельцин уже тогда знал цену рекламе: «Ему было важно какое-то конкретное достижение обязательно превратить в подлинное событие, — вспоминает работавший с Ельциным в те годы Е.Копылов. — Ельцин не был равнодушным исполнителем, всегда пытался придумать что-то свое, будь то декор зданий или организация рекорда»¹¹⁸. Мы уже упоминали, какую роль в развитии экономики СССР играли рекорды. В 60-е гг. время повсеместных рекордов уже ушло, но отдельные акции время от времени предпринимались по инициативе тех или иных начальников, желающих выделиться на общем фоне. К таким руководителям относился и Ельцин. Он сумел сконцентрировать ресурсы на одной из подчиненных ему бригад и добиться в ней резкого роста производительности труда. Начавшаяся шумиха сделала Ельцина одним из героев «нового метода». По замечанию А.Горюна, «всеобщее внимание к собственной персоне сбilo шкалу его самооценки. Ему теперь не нравилось, когда кто-то отказывался славить организованный им “рекорд”». Это быстро вывело психологическую структуру «иерархического в квадрате» человека на уровень конфронтационной стадии (в рамках иерархического периода). Произошла первая кадровая революция Ельцина — резкий конфликт с управляющим комбинатом А.Микунисом. Управляющего поразил сердечный приступ, а Ельцин занял его место (1965 г.). Через три года это открыло Ельцину дверь в партийную иерархию — в 1968 г. он занял место заведующего строительным отделом Свердловского обкома. «Конфронтация и нормализация» «иерархического

человека» прошли на удивление успешно — характер Ельцина гармонировал с этими этапами. «Б.Н.Ельцин оставался сыном своего времени, в общем-то несправедливого и антигуманного»¹¹⁹, — резюмирует Ю.Горюн. Добавим однако, что в каждом времени можно быть гуманным и негуманным человеком. Выбор, в сущности, остается за каждой личностью. Человек, делавший в то время карьеру руководителя, вряд ли мог быть гуманистом.

Однако продвижение «вверх» путем «свержения» вышестоящего начальника было редким исключением во времена брежневской кадровой стабилизации. Владея нестандартным «революционным» методом продвижения по службе, Ельцин не забывал и о поиске «патрона». Утверждение биографов Ельцина В.Соловьева и Е.Клепиковой о том, что Борис Николаевич не имел «ни одного сиятельного покровителя»¹²⁰ очень сомнительно. Как раз с «сиятельным покровителем» Ельцину повезло. Еще в середине 60-х гг. Ельцину стал благоволить первый секретарь Свердловского горкома, а затем и обкома Я.Рябов. В 1976 г. Я.Рябов стал секретарем ЦК КПСС. Благодаря поддержке Я.Рябова, которому импонировал стиль Ельцина, последний к 1976 г. сделал головокружительную карьеру, став первым секретарем Свердловского обкома КПСС (Ельцина назначили на пост «через голову» второго секретаря Коровина). Назначению предшествовала встреча протеже Рябова с Генсеком Брежневым, который был настроен к кандидату благодушно и, по воспоминаниям самого Ельцина, позволил себе пошутить: «Так это он решил в Свердловской области власть взять?»¹²¹

«Взяв власть», Ельцин впервые в жизни стал руководителем не отраслевого, а территориального организма. Первое время знаний не хватало — жизнь не сводилась к строительству. При этом Б.Ельцин, по воспоминаниям работавшей с ним тогда Л.Худяковой, не доверял консультантам и предпочитал во все вникать сам¹²². Б.Ельцин предпочитал, подобно древнерусскому князю, лично объезжать свои владения и на месте «вершить суд и расправу». А.Горюн пишет: «Как-то мне довелось беседовать с одним из его личных шоферов. И тот искренне признался, что время Ельцина было одним из самых беспокойных периодов в его жизни — за баранкою порою приходилось проводить по десять и более часов кряду»¹²³. Однако надежда на собственные познания первоначально подвела Ельцина. Уже в 1978 г. ему пришлось публично признать ошибки в сельскохозяйственной политике¹²⁴.

Начало работы Ельцина в качестве первого секретаря было трудным не только для него, но и для всего аппарата — началась пока небольшая, но по масштабам «застоя» довольно внушительная чистка — Ельцин решительно расставался с теми функционерами, которые препятствовали реализации его решений. Новому первому секретарю удалось сформировать собственную команду, как потом говорил сам Ельцин — «мощное бюро»¹²⁵. Стиль работы Ельцина того периода описывает работник Свердловского обкома В.Баев: «Борис Николаевич всегда имел некоторую склонность к вождизму. Опытный, талантливый руководитель, он нередко в буквальном смысле навязывал нам свои взгляды. С ним можно было спорить, и порою он принимал доводы оппонента. Но подобное случалось лишь тогда, когда он

убеждался в большей компетентности оппонента, в его абсолютной уверенности в собственной правоте... Если поначалу он казался нам открытым, добродушным человеком, то потом у него появилась какая-то ожесточенность, меньшая терпимостью к людям... Он, допустим, мог накричать на подчиненного, мог в ярости ударить по столу, швырнуть бумаги, принесенные ему на подпись. Однако эмоциональные всплески были непродолжительными. Остыв, Борис Николаевич всегда остро переживал, что в какие-то моменты был несдержан»¹²⁶.

Жесткий режим отношений с подчиненными позволял Ельцину избегать протекционистских отношений в аппарате, характерных для «застоя», но претивших убеждениям Ельцина того времени. Он оставался классическим «пуританином».

Вообще в период правления Ельцина для обкомовских работников наступили трудные времена. Рабочий день был значительно расширен, но и свободное время теперь не принадлежало чиновникам — Ельцин занялся их спортивным воспитанием — обязательные походы на лыжах, волейбол раз в две недели¹²⁷. «Мне рассказывали его коллеги по обкому, что выходные дни были для них самым трудным испытанием. Хозяину хочется играть — играют, стрелять — стреляют, пить — пьют! — пишет Ф.Бурлацкий. — Сам Ельцин, как он пишет в книге, видел в этом демократизм своего стиля — всегда вместе с народом. Но для обкомовского народа это была демьянова уха — ему бы отдохнуть от начальства хотя бы денек»¹²⁸.

Ельцин не мог позволить себе оставаться рядовым руководителем области, тем более отстающим. Первые шаги Ельцина в области сельского хозяйства были раскритикованы комиссией ЦК. Свердловский руководитель позволил себе не согласиться с частью критики, что вызвало недоумение в Москве — тогда это было не принято. Однако серьезных последствий для Ельцина эта «оппозиция» не имела — ведь к нему благоволил сам Брежнев. В 1978 г., частично признав первоначальные ошибки в области сельскохозяйственной политики, Ельцин выступил с инициативой ускорения развития сельского хозяйства в регионе. Это не случайно — в 1978 г. сельское хозяйство страны стал курировать новый перспективный член Политбюро М.С.Горбачев. С Горбачевым у Ельцина установились доверительные отношения: «Когда я заходил в его кабинет, мы тепло обнимались. Хорошие были отношения. И мне кажется, он был другим, когда только приехал работать в ЦК, более открытым, искренним, откровенным»¹²⁹. Горбачев помог Ельцину «сгладить острые углы» в его конфликте с комиссией ЦК¹³⁰.

Однако Ельцину с сельским хозяйством снова не повезло — несмотря на хороший урожай, сельскому хозяйству области угрожала катастрофа — осенние дожди залили поля. И тогда Ельцин пошел на нестандартный ход — он обратился по телевидению к народу. Обрисовав ситуацию, он попросил людей помочь убрать урожай.

И люди откликнулись. Просьба Ельцина о помощи настолько контрастировала с обычным снобизмом коммунистической бюрократии, что неудача лишь прибавила Ельцину популярности. Свердловчане услышали в

его выступлении правду, которая была столь необычна в то время. Опыт прямых обращений к народу за помощью вошел в арсенал политических методов Б.Ельцина. А.Горюн так комментирует это событие: «Десятки тысяч жителей области откликнулись тогда на его призыв. Возможно, и сам Б.Н.Ельцин не ожидал тогда подобной реакции, ведь никогда прежде такие методы не применялись в партийной работе. Позже он написал о своем эмпирическом открытии: “Мало еще... используют руководители самых разных уровней возможности радио и телевидения для информирования населения по важным экономическим, политическим и другим вопросам. Микрофон и телекамера позволяют четко и оперативно разъяснить волнующие население проблемы, предупредить недоуменные вопросы, а порой и ненужные толки вокруг трудностей и недостатков”»¹³¹. Ельцин предлагал партийным бонзам, которые с трудом связывали слова, чаще общаться с народом.

Прямая апелляция к народу стала с этих пор главным политическим «коньком» Ельцина. Соответствующим образом строилась теперь и «внутренняя политика» руководителя области. Если другие обкомы думали прежде всего о валовых показателях, то Ельцин стал обращать первостепенное внимание на социальные программы, даже если они реализовывались в ущерб планам экономического развития. Это соответствовало и сфере компетентности Ельцина — он гораздо лучше разбирался в строительстве жилья, чем в сложных экономических проблемах. Однако на фоне повсеместных экономических нестыковок и остаточного принципа удовлетворения интересов простых тружеников Свердловская область смотрелась «очагом социализма», где принципы социальной справедливости соблюдались чуть последовательнее, чем в остальных регионах. В принципе удерживать такой социальный «уклон» было не легко. Руководство страны ценило руководителей за другое: «Положение первого секретаря обкома может быть сравнимо с положением между молотом и наковальней, — вспоминает сотрудник Ельцина В.Баев, — с одной стороны над ним довлеет вышестоящая власть, указания которой он обязан выполнять, а с другой — реальные нужды населения. И нередко приходится делать выбор между ними.

Взять, к примеру, жилищное строительство, где наши успехи несомненны. Без Бориса Николаевича они едва ли были бы возможны. Дело в том, что различными правительственными постановлениями нас ежегодно обязывали строить столько промышленных объектов, сколько мы не смогли бы одолеть и за пятилетие. Никто в столице даже не пытался рассчитать все как следует. Начав выполнять все, что от нас требовали, мы навсегда свернули бы наши социальные программы»¹³².

Однако дело было не столько в недостатках советского планирования, сколько в борьбе различных областных руководителей вокруг вопроса о том, где что будет строиться. Свердловские социальные программы могли развиваться только за счет других областей, которые принимали на себя дополнительный пресс военно-промышленного комплекса и продовольственной повинности. Но областные «князья» обычно боролись за дополнительные капитальные вложения, за право на строительство крупных объек-

тов, а не жилья. Эти объекты и успехи в сдаче зерна гарантировали новый карьерный взлет. Ельцин одним из первых почувствовал, что популярность в своем «княжестве» может быть не менее важной.

В этот период будущее «секретное оружие» Ельцина — борьба за социальную справедливость — еще сочеталось с искренним стремлением к соблюдению ее. Он даже направлял свои личные деньги на счета детских домов¹³³.

«Пробивать» свою политику в коридорах власти Ельцину удавалось. Брежнев благоволил этому неамбициозному (не претендовал на проведение в своей области «строек века»), но инициативному руководителю. Ельцин так описывал свои отношения с Генсеком: «Если надо было что-то мне решить для области, то я приходил, добивался приема. Заранее бумагу готовил. “Диктуй, — говорит, — какую резолюцию написать”. Я продиктую. Он все слово в слово запишет, распишется, отдаст»¹³⁴. Характерно, что брежневское благоволение сочеталось с пренебрежением — в 1978 г. поезд Брежнева, проезжавший через Свердловск, даже не остановился. Это, видимо, сильно задело Ельцина — он даже отказался делать музей Брежнева в районе, где Генсек когда-то работал землеустроителем¹³⁵. Однако этой «строптивости» не придали большого значения. Тем более, что когда «музейный вопрос» был связан с более серьезными политическими проблемами, Ельцин подчинялся приказам ЦК беспрекословно — именно в правление Бориса Николаевича в Свердловске был уничтожен Ипатьевский дом — место расстрела царской семьи.

Готовность Ельцина сочетать собственную инициативу с лояльностью и невмешательством в кремлевские политические игры обеспечивала свердловскому руководителю благополучные условия работы. Доверие Генсека помогало постепенно повышать жизненный уровень свердловчан. Однако успехи социальной политики Ельцина 1976—1985 гг. не следует переоценивать — удалось лишь ликвидировать отставание области в этой сфере, но не более¹³⁶.

Как и почти во всех «провинциальных» областях, достаточно острой оставалась продовольственная проблема. Одним из механизмов обеспечения относительного равенства в распределении продуктов стали карточки. Впоследствии введение карточек в области было использовано политическими противниками Ельцина. На XIX партконференции Е.Лигачев говорил, обращаясь к нему: «Ты, Борис, работал девять лет секретарем обкома партии и прочно посадил область на карточки. Вот что значит политическая фраза и реальность»¹³⁷.

Комментируя этот упрек Лигачева, А.Горюн пишет: «Действительно, Свердловская область оказалась в числе первых, где были введены талоны на продукты питания. (Теперь они, правда, существуют практически повсеместно, в том числе и в Москве) (написано в 1989 г. — *А.Ш.*). В начале 1981 г. каждый свердловчанин получил право приобрести по 400 граммов сливочного масла, 800 граммов вареной колбасы ежемесячно, дважды в год — по 1 килограмму говядины или свинины. Кроме того, родители, имевшие грудных детей, ежедневно могли покупать по одному литру молока... Это труд-

но понять тем, кто не пережил подобного! Но не стоит спешить с выводами. Ведь прежде, до Б.Н.Ельцина, ситуация была еще хуже.

Старожилы помнят, как в начале 70-х годов в Свердловске организовывались “однодневные экскурсии” (их так стыдливо называли) в соседние областные центры. Они пользовались неизменной популярностью среди населения, поскольку для многих представляли практически единственную возможность приобретения мяса птицы, куриных яиц, других продуктов... А спустя десятилетие все это в избытке производилось в области. Свердловская птицефабрика стала лучшей среди аналогичных предприятий страны¹³⁸. К концу правления Ельцина продовольственное снабжение в области улучшилось, были отменены карточки на молоко, в свободной продаже стала иногда появляться колбаса, потребление продуктов питания в свердловской области превысило среднесоюзные показатели¹³⁹.

Дефицит продуктов, однако, в 70-е годы был повсеместен. Растущая зарплата не покрывалась товарным обеспечением. Руководители обкомов, боявшиеся ввести талоны и признать таким образом нехватку продуктов, обрехали жителей на хождение вдоль пустых прилавков и битвы в очередях, где победитель получал кусок заветного продукта. По сравнению с этим хаосом потребления карточная система Ельцина представляла собой некоторый прогресс.

Жители оценили новации нового руководителя. Популярность первого секретаря обкома возросла. Тем более, что он не забывал объяснять свои действия в телевизионных выступлениях и на встречах с трудящимися. Однако социальные программы Ельцина противоречили установкам промышленного лобби, так как ложились дополнительной нагрузкой на бюджет. Система не могла выдержать и ВПК, и колхозно-совхозную систему, и высокие темпы жилищного строительства. Жилье создавалось за счет новых промышленных предприятий, и потому это строительство способствовало усилению кризиса системы, которая могла существовать только вводя новые и новые производства, поскольку не была приспособлена к эффективной реконструкции старых.

В 1979 г. в области произошли события, которые могли заметно ухудшить отношение Ельцина к ВПК. «13 апреля 1979 г. в Чкаловском районе Свердловска стали привозить в больницы людей, которые еще утром выглядели вполне здоровыми, а вечером попадали в морг, — пишет в своем журналистском расследовании А.Пашков». Причиной автор считает сибирскую язву искусственного происхождения, которая «родилась в микробиологическом центре (19-й военный городок), структурном подразделении Научно-исследовательского института микробиологии Министерства обороны СССР». Эта версия, хотя и весьма вероятна, но не может считаться окончательно доказанной. Погибло 64 человека, причем не только в Чкаловском районе. Долгое время партийные и советские работники не могли понять, что происходит. Вспоминает председатель Чкаловского райисполкома В.Задорожный: «Каждое утро после тринадцатого приходили сообщения: умер, умер, умер... Я видел много умерших. Помню ощущение полного бессилия. Сначала грешили на среднеазиатское сырье для керамического

завода. Выяснилось: не то. Занялись скотом. Люди в поселке Рудном сбрасывали животных в отработанные шурфы. Их доставали, жгли напалмом... Перекрыли дорогу на Челябинск. Ужесточили контроль на дорогах. А болезнь не утихает! Врачи говорят: нужна вакцинация населения. Обработывали тротуары, крыши, дома — считается, что это делалось по совету военных. Впрочем, они себя в эти дни особенно не обозначали... Словом, боролись с болезнью методом “тыка” — врачи отмечали много непонятного в той сибирской язве.

Действительно, родственники умерших и врачи выделяют три обстоятельства: мясо употребляла вся семья, а язва, как правило, поражала мужчин в расцвете сил. Заболевание чаще всего происходило через дыхательные пути, течение болезни было стремительным»¹⁴⁰. Документы по этому делу были вывезены из Свердловска.

Трагедия в Чкаловском районе была не единственной катастрофой в правление Ельцина, связанной с ВПК. В ночь на 1 января произошел пожар на Белоярской АЭС. Несколько часов область находилась на грани жизни и смерти, а первый секретарь мобилизовывал силы на предотвращение глобальной катастрофы. Эти «инциденты» не могли не оказать влияние на отношение Ельцина к всемогущим военным ведомствам.

Но в политических схватках первой половины 80-х Ельцин не участвовал. Он аккуратно следовал курсу победителей, чутко реагировал на смены идейных веяний. Вот как реагировал Борис Николаевич на «идеологические заморозки» андроповского периода: «Специальные службы империализма все больше внимания уделяют идеологической диверсии, расширяют ее географию, используют разные каналы: радиовещание, культурный и научно-технический обмен, туризм, религию, засылку антисоветской литературы...

Критический анализ произведений литературы и искусства, созданных в последние годы, показывает, что среди них появился ряд произведений без четко выраженной классово-политической позиции...

Предметом художественного исследования становятся маленькие, неинтересные люди, искусственно выпячиваются теневые явления. За камерностью сюжетов, бытовыми мелочами нередко вырисовывается широкий социальный фон, в котором превалируют в гипертрофированном виде негативные черты, возводимые в общественные явления»¹⁴¹. Эти слова приобретали еще больший вес, если учесть, что КГБ находилось под полным контролем Ельцина¹⁴².

Однако «давая отпор чуждым веяниям», Ельцин лишь отстаивал монополию партии в грядущих преобразованиях, необходимость которых была для него очевидна. Такая позиция вполне устраивала и реформистов, и «пуритан». У последних Ельцин был на хорошем счету после того, как ему удалось «отличиться» с «инициативой трудящихся» по введению круговой поруки на производстве. 4 декабря 1981 г. Ельцин («Свердловский обком») обратился в ЦК КПСС с запиской «о развитии инициативы трудящихся Свердловской области по коллективной ответственности за состояние трудовой дисциплины и общественного порядка». Суть предлагаемой Ельци-

ным системы заключалась в том, что рабочая бригада «добровольно» брала на себя обязательства соблюдать трудовую дисциплину. Если за год бригада не допускала ни одного нарушения дисциплины, то она получала дополнительную премию в 10% от заработка. Но если хотя бы кто-то из рабочих бригады допускал нарушение, то все в ней лишались значительной части премиальных (тоже до 10%). Понятно, что бригады, заключившие такой договор, оказывались в большей зависимости от администрации — любой конфликт, независимо от степени участия в нем рабочих, вел к «добровольному отказу» от денег. Впервые такой метод круговой поруки был опробован еще в 1969 г. на Северском трубном заводе, но теперь первый секретарь обкома занялся его массовым внедрением. Круговую поруку под давлением обкома поддержали 188 предприятий. Всего на новую систему перешло 192337 рабочих. По отраслям это составило 10,9—25,5% занятых. Потери рабочего времени сократились в таких бригадах в 2—3 раза, но все же сохранились¹⁴³.

Инициатива встретила сопротивление министра черной металлургии П.Казанца и руководителей профсоюза металлургической промышленности А.Димитревского и В.Лапшина. Они запретили распространение «передового метода», поскольку он грубо нарушал трудовое законодательство. Законы не позволяли наказывать одних рабочих за прегрешения других¹⁴⁴. Но Ельцин не привык отступать. Тем более, что успех в конфликте с отраслевыми позволил бы ему выйти со своей инициативой на просторы Союза, получить дополнительные очки нетрадиционным образом. В записке Ельцина говорилось, что обком КПСС «считает, что коллективная ответственность по своему существу не противоречит трудовому законодательству». Но это только по существу. А букве закона она все же противоречит. Поэтому «представляется целесообразным внести в трудовое законодательство дополнение, отражающее инициативу трудящихся по коллективной ответственности за состояние трудовой дисциплины и общественного порядка»¹⁴⁵. Ельцин прямо ставил вопрос о распространении свердловского опыта на другие регионы¹⁴⁶.

Однако в это время руководство страны не было расположено дразнить рабочих рискованными экспериментами в социальной сфере. Ельцину «популярно объяснили», что он со своей инициативой «не ко времени». В конце декабря «Свердловский обком» вынужден был проинформировать ЦК о снятии своих предложений¹⁴⁷. Но это вовсе не означало, что Ельцин отказался от идеи круговой поруки. Она продолжала сохраняться на многих предприятиях Свердловска. Ельцин ждал, когда в Кремле утвердятся люди, готовые более благосклонно рассматривать «крутые меры» по укреплению трудовой дисциплины.

Снова к своей «инициативе» Ельцин вернулся уже в середине 80-х гг. Председатель ВЦСПС Шалаев рассказывает: «Была такая инициатива Свердловского областного комитета партии: “Трудовой дисциплине — гарантии трудового коллектива”. Прекрасный, как видите, смысл, лозунг. Но, как всегда у нас бывает, хорошую идею можно опорочить каким-то неправильным осуществлением. И в Свердловске начали из этой хорошей идеи

развивать массовое движение, чтобы каждый трудовой коллектив поддержал. Надо за дисциплину отвечать всему трудовому коллективу, в том числе и материально. Давай возьмем обязательство, подпишем его — если в нашем цехе кто-то прогулял, то мы все несем ответственность. Моральную (что мы его не воспитали) и материальную: обязуемся отказаться от всех премиальных вознаграждений за этот месяц. Кстати, эти обязательства были отпечатаны типографским способом — только фамилию свою ставь.

Это было грубейшее нарушение законодательства. Лишать рабочего заработанных денег нельзя. А у Бориса Николаевича была идея распространить этот почин на весь Советский Союз. И мы не поддержали эту инициативу. Мы ему это объяснили». Но объяснение Шалаева не убедило Ельцина и Лигачева, поддержавшего инициативу введения круговой поруки не только в Свердловской области, но и во всей стране. Пришлось собирать совещание по этому вопросу, на котором против свердловского почина выступили представители прокуратуры, Верховного Совета и министерства юстиции. Решили ограничиться «моральной ответственностью»¹⁴⁸. Ельцин потерпел поражение в столкновении с «бюрократией», заботившейся о соблюдении законности. Но главный результат был достигнут — Ельцина еще раз «заметили».

В январе 1984 г. в область прибыл Е. Лигачев, который провел ее доскопальную инспекцию. В 1984 г. Ельцин был избран членом Президиума Верховного Совета. Встал вопрос о переводе свердловского секретаря в Москву.

Горбачев утверждает, что кандидатура Ельцина вызывала некоторые сомнения, связанные с его неадекватным реагированием на критику, а также с состоянием здоровья. Однажды Ельцин внезапно покинул заседание Верховного Совета, «опираясь на чью-то руку. Многие заволновались — что произошло? Доброхоты успокоили: ничего, мол, особенного, подскочило давление. А земляки улыбались: с нашим первым случается, иной раз перехватит лишнего. Поскольку в памяти всплыли эти факты, я решил побеседовать с Рыжковым, он ведь в бытность руководителем Уралмаша был членом Свердловского обкома...

— Наберетесь вы с ним горя, — ответил Николай Иванович. — Я его знаю и не стал бы рекомендовать»¹⁴⁹. У Горбачева были и более существенные основания скептически относиться к кандидатуре Ельцина: это был человек совершенно иного социального типа — индустриалист, а не аграрий. Жесткий, конфронтационный стиль Ельцина тоже мог претить Горбачеву. Но Горбачев уже привык опираться на психологически чуждых ему «пуристан», расчищавших дорогу реформам. Поэтому судьбу Ельцина решило заступничество Лигачева, которому в этот момент нужен был человек-таран. Горбачев вспоминает о беседе с Лигачевым после его возвращения из Свердловска:

— Я здесь пообщался, поговорил с людьми. Сложилось мнение, что Ельцин — тот человек, который нам нужен. Все есть — знания, характер. Масштабный работник, сумеет повести дело.

— Уверен, Егор Кузьмич?

— Да, без колебаний¹⁵⁰.

Приходящая к власти команда считала Ельцина своим человеком — новатором и поборником дисциплины. По сравнению с этим «мелкие грешки» значения не имели. Внутренне Ельцин тоже созрел для участия в московской политике, ему было тесно в провинции. Пора руководства областью, стадия «синтеза» в рамках «иерархического» периода (1976—1985 гг.) принесла свои плоды и несколько затянулась. Рождался «человек идейный».

После смерти Черненко вызов из Москвы не заставил себя долго ждать. Уже в апреле 1985 г. Ельцин был переведен в Москву на должность заведующего строительным отделом ЦК. Конечно, Ельцин покинул Свердловск не ради этого незначительного поста (новое назначение даже сначала вызвало у него обиду). Пока Борис Николаевич оставался в резерве, но ожидал грядущего «рывка» к вершинам власти.

В дальнейшем Ельцин Б.Н. — первый секретарь Московского горкома КПСС (1985—1987), кандидат в члены Политбюро (1986—1988), председатель Государственного комитета по строительству (1987—1989), народный депутат СССР (1989—1991), народный депутат РСФСР и председатель Верховного совета РСФСР (1990—1991), вышел из КПСС в 1990 г., президент России в 1991—1999 гг.

Горбачев был доволен новым столичным губернатором: «На городской конференции он выступил с четко выраженным реформаторским замыслом. Я поддержал критический пафос его доклада»¹⁵¹. Сразу же стало ясно, что Москва становится в «авангард перестройки».

Примечания

1. Рыжков Н. Указ. соч. С. 82.
2. Brown A. Op. cit. P. 185—186.
3. Медведев В. Указ. соч. С. 208.
4. Горбачев М. Указ. соч. С. 276.
5. Цит. по: Волконогов Д. Указ. соч. С. 313.
6. Горбачев М. Указ. соч. С. 277.
7. Там же.
8. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 2. С. 139.
9. Там же. С. 140.
10. Там же. С. 143.
11. Там же. С. 141.
12. Там же. С. 141.
13. Болдин В. Указ. соч. С. 95-96.
14. Saharov A. Moscow and beyond. NY., 1991. P. 10.
15. Горбачев М. Указ. соч. Т. 2. С. 146.
16. Там же. С. 148.
17. Горбачев М. Указ. соч. С. 149—150.

18. Горбачев М. Указ. соч. С. 182.
19. Шахназаров Г. Указ. соч. С. 37.
20. Рыжков Н. Указ. соч. С. 91.
21. Горбачев М. Указ. соч. С. 282, 285.
22. Болдин В. Указ. соч. С. 138.
23. Медведев В. Указ. соч. С. 213.
24. Там же. С. 213-215.
25. Болдин В. Указ. соч. С. 101.
26. Мау В.А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России 1985—1994. М., 1995. С. 11.
27. Смирнов Г.Л. Уроки минувшего. М., 1997. С. 164—168.
28. Литвин В. Політична арена України. Дійові особи та виконавці. Київ, 1994. С. 41-42.
29. Смирнов Г.Л. Указ. соч. С. 168.
30. Болдин В. Указ. соч. С. 101—102.
31. Горбачев М. Указ. соч. С. 335.
32. Актуальные проблемы совершенствования планово-экономических рычагов управления народным хозяйством. Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. Апрель 1985 г. М., 1985. С. 26.
33. Там же. С. 30.
34. Там же.
35. «Лабиринт».
36. Актуальные проблемы совершенствования планово-экономических рычагов управления... С. 48.
37. Там же. С. 49.
38. Там же. С. 54.
39. Там же. С. 63.
40. Там же. С. 81.
41. Там же. С. 82.
42. Попов Г. Снова в оппозиции. С. 39.
43. Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч.; Попов Г. Указ. соч. С. 11-41.
44. Попов Г. Указ. соч. С. 21.
45. Там же. С. 25.
46. Там же. С. 27.
47. Там же. С. 17—18.
48. Попов Г.Х. Эффективное управление. М., 1985. С. 292.
49. Попов Г. Снова в оппозиции. С. 27.
50. Там же. С. 32-33.
51. Там же. С. 35.
52. Там же. С. 34.
53. Там же. С. 37.
54. Там же. С. 53.
55. Рыжков Н. Указ. соч. С. 85.
56. Горбачев М. Указ. соч. С. 281.
57. Горбачев М. Указ. соч. Т. 2. С. 173.
58. Там же. С. 154.
59. Там же.
60. Болдин В. Указ. соч. С. 104.
61. Горбачев М. Указ. соч. С. 156.
62. Там же. С. 158.
63. Рыжков Н. Указ. соч. С. 87.

64. Горбачев М. Указ. соч. С. 158.
65. Там же.
66. Черняев А. Указ. соч. С. 42.
67. Горбачев М. Указ. соч. Т. 2. С.160.
68. Там же. С. 163.
69. Там же. С. 3—17.
70. Там же. С. 164.
71. Там же.
72. Черняев А. Указ. соч. С. 43.
73. Горбачев М. Указ. соч. С. 192.
74. Там же. С. 197.
75. Там же. С. 199.
76. Горбачев М. Указ. соч. С. 315-316.
77. Там же. С. 217.
78. Проект «Намедни». 1961—1991. Наша эра. 1985. НТВ. 1998.
79. Воротников В. Указ. соч. С. 66.
80. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 65.
81. Горбачев М. Указ. соч. С. 334.
82. Черняев А. Указ. соч. С. 45.
83. Яковлев А.Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992. С. 128.
84. Смирнов Г.Л. Указ. соч. С. 170.
85. Медведев В. Указ. соч. С. 198.
86. Медведев Р. Указ. соч. С. 180.
87. Воротников В. Указ. соч. С. 67.
88. Горбачев М. Указ. соч. С. 290.
89. Рыжков Н. Указ. соч. С. 181.
90. Чебриков В.М. Под знаменем Октября к новым рубежам совершенствования социализма // Правда. 1985. 7 ноября..
91. Болдин А. Указ. соч. С. 231.
92. См. например: Правда. 15 апреля. 1985.
93. Раззаков Ф. Указ. соч. С. 259.
94. Гришин В.В. Указ. соч. С. 334.
95. Там же. С. 295.
96. Вторая русская революция. ВВС. Первая серия. 1991.
97. Ельцин Б. Указ. соч. С. 84.
98. Гришин В.В. Указ. соч. С. 259.
99. Ельцин Б. Указ. соч. С. 83.
100. Соловьев В., Клепикова Е. Борис Ельцин. М., 1992. С. 152.
101. Горюн А. Указ. соч. С. 8.
102. Там же. С. 7.
103. Соловьев В., Клепикова Е. Указ. соч. С. 158—159.
104. Ельцин Б. Указ. соч. С. 25.
105. Независимая газета. 28.04.1993.
106. Ельцин Б. Указ. соч. С. 22-23.
107. Соловьев В., Клепикова Е. Указ. соч. С. 170.
108. Ельцин Б. Указ. соч. С. 26.
109. Соловьев В., Клепикова Е. Указ. соч. С. 162.
110. Горюн А. Борис Ельцин. Свет и тени. Свердловск, 1991. Вып. 1. С. 9.
111. Там же. С. 7.
112. Там же. С. 9.
113. Там же. С. 10.

114. Там же.
115. Там же.
116. Там же.
117. Там же. С. 11.
118. Там же.
119. Там же. С. 12.
120. Там же. С. 185.
121. Ельцин Б. Указ. соч. С. 49.
122. Горюн А. Указ. соч. С. 13.
123. Там же. С. 15.
124. См.: Уральский рабочий. 15.7.1978.
125. Ельцин Б. Указ. соч. С. 50.
126. Горюн А. Указ. соч. С. 16.
127. Ельцин Б. Указ. соч. С. 52; Соловьев В. Указ. соч. С. 194.
128. Бурлацкий Ф. Русские государи эпохи реформации. М., 1996. С. 207.
129. Ельцин Б. Указ. соч. С. 56.
130. Там же. С. 57.
131. Горюн А. Указ. соч. С. 16.
132. Горюн А. Указ. соч. С. 18.
133. Там же. С. 16.
134. Там же. С. 17.
135. Соловьев В., Клепикова Е. Указ. соч. С. 187.
136. Ельцин Б.Н. Рубежи созидания. Свердловск, 1981. С. 72.
137. XIX Всесоюзная конференция коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1988. Т. 2. С. 85.
138. Горюн А. Указ. соч. С. 17.
139. Там же.
140. Известия. 11.11.1991.
141. Уральский рабочий. 1983. 7.7.
142. Ельцин Б. Указ. соч. С. 60.
143. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 18. Л. 20-21.
144. Там же. Л. 21-22.
145. Там же. Л. 22.
146. Ельцин Б. Указ. соч. С. 60.
147. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 84. Д. 18. Л. 23.
148. Интервью Шалаева С.А. в документальном фильме «Я в первом эшелоне». 1995.
149. Горбачев М. Указ. соч. С. 291.
150. Там же. С. 292.
151. Там же.

Глава XIII

УДАР ПО ПОЧКАМ **Антиалкогольная кампания 1985—1988 гг.**

Веселие Руси есть питие...

Повесть временных лет

1. Указ

Горбачеву было ясно, что для продолжения экономических реформ в сложившихся условиях необходим крупный политический шаг, который мог бы удовлетворить «пуристан» и укладывался бы в русло политики «укрепления дисциплины», а не «перестройки хозяйственного механизма». Этот шаг был провозглашен во время поездки Горбачева в Ленинград и вызвал противоречивую реакцию в обществе. 17 мая 1985 г. было положено начало антиалкогольной кампании.

Предвидя, что ужесточение режима продажи алкогольных напитков в пьющей стране может быть воспринято негативно, Горбачев во время поездки во второй по значению город СССР, продолжает «хождения в народ», добиваясь у случайных прохожих права на «карт бланш» в своей политике. На собрании актива Ленинградской парторганизации Генсек приводит такой ответ на традиционный уже вопрос «Что вы хотите пожелать Центральному Комитету?»: «Настойчиво продолжать то, что начали». Естественно, что «глас народа» исходил от некоего рабочего¹.

«Продолжение» последовало незамедлительно. Завершая свою речь перед Ленинградским партактивом, Горбачев сказал: «Сейчас мы развернули борьбу с таким опасным и довольно-таки укоренившимся социальным злом, как пьянство и алкоголизм. Это общепартийная, общенародная, общегосударственная задача. Мы реалисты, и понимаем, что борьба здесь предстоит длительная. Успех будет достигнут только в том случае, если навалимся на эту работу всем миром. Если вести ее будем неослабно, решительно, не идя ни на какие компромиссы»².

17 мая были изданы постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма», постановление Совета министров «о мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренения самогонварения» и указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством». Как всегда выступая от имени народа, авторы постановления утвер-

ждали: «Подавляющее большинство советских людей единодушны в том, что употребление спиртного наносит большой экономической и моральный ущерб, что оно нетерпимо в жизни нашего общества»³. Правительство обязало административных работников создать «во всех коллективах нетерпимое отношение к любым фактам пьянства»⁴, а указ подвел под эти пожелания драконовскую юридическую базу. Он запрещал распитие спиртного в общественных местах и «появление в общественных местах в пьяном виде». Нарушение этого влекло за собой солидный по тем временам штраф либо административный арест. Была введена уголовная ответственность за изготовление самогона даже без целей сбыта⁵.

Подготовка к антиалкогольной кампании началась почти сразу после прихода Горбачева к власти — 4 апреля вопрос обсуждался на Политбюро⁶. Н.Рыжков утверждает, что в период подготовки антиалкогольных актов в руководстве страны развернулась по этому поводу противоборство. Реформисты и консервативные хозяйственники, думавшие прежде всего о конкретных экономических показателях, пытались сопротивляться «пуританам». Н.Рыжков вспоминает: «Когда они вышли на секретариат, а я работал еще в ЦК — с окончательным проектом постановления, у меня волосы встали дыбом от удивления и ужаса. К слову, не у одного меня. Например, у Капитонова тоже. Главная линия постановления — принудительное сокращение производства любых алкогольных напитков, даже невинное и не вредное пиво в список попало. Более того, в том же постановлении было точно расписано по годам пятилетки — когда сколько алкогольных напитков производить и когда все производство свести до бескрайнего минимума. Кстати, этот пункт в опубликованный в мае документ не вошел, остался секретным. Я, конечно, опять полез возражать. Сказал, что путь, предложенный уважаемыми товарищами Лигачевым (сам Лигачев в 1992 г. отказался признать за собой инициативу в начале этой кампании⁷ — А. Ш.) и Соломенцевым, считаю тупиковым, что страну ведут напрямиком к принятию “сухого закона”, который, как известно из новейшей истории, никогда и нигде ни к чему толковому не привел. Следует ожидать резкого увеличения самогонарения, поскольку сахар дешев и есть, а значит, рано или поздно придется ввести талоны на сахар, потому что его не станет. Я понимал, что в нашей стране любая кампания превратится в фарс ретивыми исполнителями, и мы придем даже к тому, что они, эти ретивые, начнут не только производство водки сворачивать, но и виноградники вырубать... Резко я говорил, и что с того? Хотите встречные аргументы? Пожалуйста! Рыжков не понимает важности момента. Рыжков не чувствует, что время требует поступков, а не разговоров. Рыжков не осознает ситуации, когда нравственную атмосферу в стране надо спасать любыми методами. Рыжков печется об экономике, а не о морали. Ну, еще что-то накидали, всего не упомяну. Горбачев тогда активно поддерживал борцов с пьянством, его сильно беспокоила “нравственная атмосфера”»⁸.

В пересказе Н.Рыжкова позиция сторонников антиалкогольной кампании выглядит, конечно, крайне неубедительно. Но и в ней была своя логика. Дело не только в экономике, но и в «человеческом факторе». Нельзя и Сис-

тому сохранить (несколько модернизировать, не затрагивая основ), и преодолеть барьер НТР, если не найти какого-то нового резерва. Такой резерв коммунисты часто видели в воспитании нового человека, повышении его морального уровня. Но практический опыт показывал, что дело это непростое и нескорое. Нужно было «революционное» решение, соответствующее «требованиям момента», способное изменить «человеческий фактор» в нужную сторону. Казалось, что «отрезвление» общества станет тем решительным шагом, который может показать — партия и государство приступили к практическим действиям, неуязвимым с моральной точки зрения. Чем прямолинейнее такая линия, тем она понятней массам, тем скорее она может вызвать одобрение сторонников справедливости, которые станут массовой базой партийных лидеров. «Моральность» антиалкогольных мер укрепит позицию сторонников нового курса, поскольку им будет трудно возразить. Поддержка «низов» поможет «вдохновить» трудящихся на трудовые успехи. Для таких надежд были основания. Напомним, что именно противники «спаивания русского народа» смогли заявить о своих требованиях в ходе предвыборной кампании 1984—1985 гг. А по тем временам это было беспрецедентно и не могло не быть замечено. Организационным центром сторонников кампании стало Всесоюзное общество трезвости, получившее всестороннюю помощь партийных структур.

На проведении антиалкогольных мер настаивали не только «патриотическая общественность» и «пуритане» в ЦК КПСС, но и либерально настроенные ученые. В письме группы ученых Новосибирского отделения Академии наук руководству страны, которое попало на Запад в 1986 г., было показано, что в 1980 г. в СССР потреблялось абсолютного алкоголя на душу населения в 3 раза больше, чем в царской России в начале века. Особенно ускорился рост потребления алкоголя в конце 70-х — начале 80-х. Говоря о возможных последствиях такой алкоголизации, авторы письма утверждали: «С нами никто не собирается воевать. Все разговоры о “Першингах” и напряженных взаимоотношениях — все это блеф. Зачем с нами воевать, если через 12—15 лет мы просто сами развалимся как суверенное государство? Государство, в котором более половины граждан состоит из алкоголиков и пьяниц, не дееспособно и не обороноспособно в принципе... Трагедии случались и раньше, но рождалось здоровое потомство, способное к поступательному движению. А кого мы оставляем после себя?.. Встретить в деревне вечером трезвого мужчину — все равно что встретить марсианина»⁹. Несмотря на некоторые преувеличения, содержащиеся в этом письме, оно все же убедительно показывало, что вопрос борьбы с алкоголизмом — это вопрос выживания народа и культуры. Такая постановка была созвучна и настроению самого Генсека. По словам Г.Шахназарова, «Сам Горбачев может быть отнесен к разряду трезвенников. Он редко испытывал потребность в горячительном»¹⁰.

Позднее, когда антиалкогольная кампания подверглась жесткой критике, Горбачев так разъяснял свои «резоны»: «А между тем ситуация создалась катастрофическая. В стране насчитывалось 5 миллионов только зарегистрированных алкоголиков. По данным Института социологии АН СССР, еже-

годный ущерб народному хозяйству от пьянства оценивался от 80 до 100 миллиардов рублей. Выпивали в чистом алкоголе 10,6 литра на душу населения, включая грудных младенцев! (В 1914 году, когда в России ввели “сухой закон”, — 1,8 литра, после Великой Отечественной войны — 2 литра)¹¹. В 1984 г. на улицах страны было задержано (“подобрано”) 9,3 миллиона пьяных¹².

«В чем были причины повального пьянства? — рассуждает Горбачев, — их много: нелегкие условия жизни миллионов людей, неустроенность быта, низкий культурный уровень. А многие спивались из-за невозможности проявить себя, говорить что думаешь. Гнетущая общественная атмосфера толкала слабые натуры “залить” чувство неполноценности, страха перед окружающим суровым миром. Дурную роль играл пример начальства, отдававшего щедрю дань “зеленому змию”... Писатель В.Белов заметил: “Дензнаки, как выражаются финансисты, оборачивались со скоростью суточного вращения Земли: заводская касса — карманы трудящихся — винный ларек — инкассаторская сумка и вновь заводская касса. В общем, открыли новую экономическую “закономерность”»¹³.

4 апреля, когда проблема обсуждалась на Политбюро, Горбачев «говорил, что речь идет не только о главной социальной проблеме нашего времени, а и о биологическом состоянии нашего народа, о его генетическом будущем, — вспоминает А.Черняев. — Когда зам. председателя Госплана попытался “попросить”, чтобы не сразу отменяли водочные статьи дохода, — мол, не залатать дыру (5 млрд. руб.), — Горбачев его “смазал” — на водке в коммунизм хочешь въехать!»¹⁴ Также жестко Горбачев парировал возражения заместителя министра финансов В.Деменцева о том, что сокращение потребления алкоголя вызовет рост бюджетного дефицита: «Каждому из нас известно, что имеющиеся на руках деньги покрывать нечем. Но вы не предлагаете ничего другого, как спаивать народ»¹⁵. Были отвергнуты и такие «умеренные» шаги, как добавление в водку вещества «каприм», снижающего воздействие алкоголя на организм¹⁶. Во время обсуждения проблемы на секретариате ЦК руководитель Госплана Н.Байбаков также возражал против крутых мер в отношении алкоголя:

— Товарищи, не торопитесь — расбалансируем бюджет. Ведь речь идет все-таки о 25 миллиардах рублей...

— Нет, — заявил Лигачев, — давайте вначале резко сократим производство спиртных напитков, а потом введем сухой закон»¹⁷. Это радикальное решение пока не стояло в повестке дня, да и удар по бюджету был смягчен повышением цен на алкогольные напитки — при снижении уровня их продажи поступления в бюджет уменьшались не столь существенно.

В 1985—1987 гг., пока положение в экономике было относительно устойчиво, Горбачев рассчитывал больше на популистские эффекты, на «общественное мнение» (то есть на публично высказывавшиеся мнения). С этой точки зрения идея антиалкогольной кампании была предпочтительнее, чем «продолжение спаивания населения». Антиалкогольная кампания устраивала также и реформистов, не связанных непосредственно с хозяйством. Она демонстрировала разрыв с «аморальным» прошлым, позволяла развер-

нуть более предметную критику прежнего правления, когда отношения в стране строились по принципу «ты меня не трогай, и я тебя не трону». А от критики брежневского периода легко было перейти к фронтальной атаке на «сталинскую» «командно-административную систему». Ужесточение контроля за потреблением спиртного было также удобным поводом для снятия неугодных чиновников. Так что хозяйственникам пришлось отступить.

2. «Веселая» кампания

Вся мощь партийной машины была направлена на реализацию майских решений: «А кампания и впрямь развернулась веселая и мощная. Лигачев с цековской вышки требовал от своих кадров — секретарей крайкомов, обкомов и республиканских ЦК — строжайших мер по “искоренению”, а Соломенцев с вышки Комитета партийного контроля, который он возглавлял, карал непослушных. Секретари соревновались — кто больше магазинов закроет, кто быстрее заводы с производства вин на производство соков переориентирует. Останавливали запланированное строительство пивоваренных заводов и дорогостоящее импортное оборудование оставляли ржаветь на свалках», — вспоминает Н.Рыжков¹⁸. Горбачев также стремится переложить ответственность за методы проведения кампании на Лигачева и Соломенцева: «Контроль за исполнением постановления был поручен Лигачеву и Соломенцеву. Взявшись за дело с неумным рвением... довели все до абсурда. Требовали от партийных руководителей на местах, министров, хозяйственников “перевыполнить план сокращения производства спиртного и замены его лимонадом”. Устраивали жесткие разносы “отстающим”, вплоть до снятия с работы и исключения из партии. Призывали равняться на тех, кто добился “опережения графика”, пусть даже ценой огромного ущерба для экономики...

В спешном порядке начали закрывать магазины, вино-водочные заводы, а кое-где и вырубать виноградники. Свертывалось производство сухих вин, что не было предусмотрено постановлением. Приобретенное в Чехословакии дорогостоящее оборудование по производству пива ржавело и гнило. Массовый характер приобрело самогонование. Из продажи начал исчезать сахар; его нехватка понянула за собой резкое сокращение ассортимента кондитерских изделий. Потом с прилавков начали исчезать недорогие одеколоны, употреблявшиеся вместо алкоголя. А использование всевозможных “заменителей” привело к росту заболеваний. Вот какая протянулась зловещая цепочка. Людей все больше раздражали многочасовые очереди, униженные ожидания в надежде приобрести бутылку водки или вина по случаю какого-либо торжества. Как только ни ругали начальство, а больше всех доставалось Генсеку, которого по традиции принято было считать ответственным за все. Так я получил кличку “минеральный секретарь”»¹⁹.

Лигачев признает, «что в антиалкогольной кампании я на первых порах проявил себя как радикал, хотя сам осуждаю радикализм, крайности. Показалось, что если приналечь, то погасить пьянство можно быстро... Конечно,

это было забеганием вперед... Но прозрение пришло быстро, — продолжает Лигачев, — борьба с пьянством — дело долговременное, постепенное. Это заставляло менять тактику, переносить акценты с запретительства и комплаишнщины на разъяснительную работу, рассчитанную на дальнюю перспективу»²⁰.

«Забегание вперед» дорого стоило экономике — вырубались виноградники, уничтожалось оборудование по производству алкогольных напитков. Служебное рвение проявляли самые разные слои аппарата. Усердствовали и выдвиженцы нового руководства, в том числе новый первый секретарь Московского горкома партии, и старые руководители, боявшиеся подать повод к своему снятию. Так, например, в северных районах Казахстана на период уборочной кампании продажа спиртного была запрещена совсем. Я тогда служил в армии близ г.Кургана и наблюдал, как каждое воскресенье к винному магазину подъезжали автобусы с казахами, и те несколько раз проходили через это учреждение, опустошая его прилавки. Каждый находил свой выход из положения.

Осенью 1985 г., проанализировав результаты кампании, секретариат ЦК еще сильнее ужесточил нормы сокращения производства спиртного. Это заседание придало кампании новый импульс²¹. Кампания не стихала до 1988 г. Власти периодически подстегивали ее. Еще 8 января 1987 г. секретариат ЦК обратился к руководству ведущих газет и журналов с таким напутствием: «Определенные пробелы имеются в работе средств массовой информации по преодолению пьянства и алкоголизма. В отдельных редакциях (в том числе в “Правде” и “Известиях”) притупилась острота восприятия этой проблемы... Вне критики остались министерства и ведомства, которые тормозят перевод предприятий на выпуск безалкогольной продукции, допускают перекосы в планировании поставок и контроля продажи спиртных напитков»²².

Производство спиртного решительно снижалось по всей стране. В 1980 г. в СССР было продано 293,9 млн. дал. водки и ликеро-водочных изделий. В 1985 эта сумма упала до 251,2 миллионов дал., в 1986 г. — до 156,6, а в 1987 г. — до 123,6 миллионов дал. Это был пик кампании. В 1988 г. без лишнего шума производство спиртного стало повышаться — в этом году до 136,9 миллионов дал²³. В 1988 г. антиалкогольная кампания практически сходит на нет. Однако в 1985 г. такое бесславное завершение борьбы с алкоголизмом могли предвидеть немногие. Руководство стремилось показать, что слово у него не расходится с делом.

Непосредственным результатом Указа стало сокращение производства алкогольных напитков, сокращение числа точек их продажи, рост цены спиртного, жестокость борьбы с пьянством на производстве и на улице. Полицейскими методами государство пыталось отучить народ от «пития», которое еще во времена князя Владимира было «веселием Руси».

Для простого гражданина это означало, что ему теперь гораздо труднее получить спиртной напиток, без которого не может обойтись ни один праздник. Около оставшихся винных магазинов выросли огромные очереди, где интеллигенты и алкоголики, молодежь и старики имели возможность

обменяться мнениями по поводу первых заметных решений нового правительства. По существу, именно начиная с Указа можно отсчитывать возраст открытого плюрализма мнений в СССР в 80-е гг.

Мнения разделились почти диаметрально. Часть общества, признавая, что борьбу с пьянством следовало проводить «не так», все же одобряло ее (до 50% опрошенных социологами)²⁴. Лозунг «порядка» сохранял свою популярность. Другая часть населения, особенно усиливавшаяся в давке, сопровождавшей получение продукта, выступала против самого решения. Слишком строгими меры правительства считали 15% опрошенных (вероятно, их было больше, но социологи не могли полностью игнорировать партийную линию)²⁵. Аргументы приводились самые разные, начиная от матерщины алкоголиков и кончая интеллигентным разбором социально-экономических последствий антиалкогольной кампании. А последствия эти были немаловажными.

3. Итоги и последствия

К началу кампании СССР был не самой пьющей страной мира. На душу населения в 1980 г. потреблялось 8,7 литра абсолютного алкоголя, в 1985 г. — 7,2 литра. В Австрии, соответственно, — 11,0 и 11,2, в США — 8,6 и 8,3²⁶. Однако качество алкогольных напитков в СССР было значительно худшим, чем на Западе, и влияние их на организм было разрушительнее. Антиалкогольная кампания преследовала целью ограничить потребление всех спиртных напитков, не давая альтернативы.

В 1988 г. потребление алкоголя в СССР составило уже 3,7 литра на душу²⁷. Однако это не значит, что все стали пить меньше. Меньше стали потреблять спиртное малопьющие, а семьи, которые пили много, не могли немедленно, по велению партии и правительства, стать трезвенниками. В период антиалкогольной кампании даже появился анекдот: «Дочка спрашивает: «Папа, ты теперь будешь меньше пить?» — «Нет, дочка, ты теперь будешь меньше есть».

Имелось в виду не только повышение цен на спиртное, но и немедленно развернувшаяся спекуляция алкогольными напитками. Поскольку алкогольные напитки попали в разряд дефицита, они стали продаваться «вне очереди» и в неположенное время «с черного хода». Продавцы и покупатели составляли устойчивые сообщества, которые не удалось разрушить полицейскими методами. Таким образом, кампания стала одним из важнейших источников формирования криминального капитала, сыгравшего значительную роль в последующих социально-экономических процессах.

Дефицит на спиртное привел и к подрыву монополии государства в этой области. Несмотря на уголовное преследование, население развернуло массовое производство самогона. Оценить его масштабы затруднительно, так как конспирация самогонщиков укрепилась. Но уже в 1984 г. в СССР производилось ориентировочно 160 миллионов дал. самогона.

Таким образом, большую часть водки советские люди производили в индивидуальном секторе. Качество продукции здесь было, как правило, ниже, чем на государственных заводах (там оно тоже оставляло желать лучшего). Это не могло не сказаться на состоянии здоровья населения.

Особенно тяжело пришлось тем людям, которые не могли достать спиртное в необходимых для них количествах. В медицинских учреждениях в 1980 г. с диагнозом хронического алкоголизма и алкогольного психоза стояли на учете 1236 человек на 100000 населения. В 1985 г. уже 1617, в 1986 г. — 1622, в 1987 г. — 1633. И только после постепенного отхода от антиалкогольной кампании в 1988 г. этот показатель пополз вниз, составив 1603 человек на 100000²⁸.

Еще более опасным симптомом стал рост наркомании и токсикомании. Конечно, наркомания существовала и прежде. Так, например, в январе 1979 г. в «Комсомольскую правду» пришло письмо о группе московских наркоманов²⁹. Широко была распространена наркомания в Средней Азии. В 1980 г. на 100000 человек приходилось 1,3 человека, впервые зарегистрированных с этим диагнозом. В 1985 г. этот показатель составил уже 3,5, в 1986 г. — 5,9, в 1987 — 8,6 и в 1988 г., как и в случае с алкоголиками, — снижение до 6,0. Близкая тенденция прослеживается и с хроническими наркоманами и токсикоманами — 1980 — 13,6, 1985 — 14,9, 1986 — 17,1, 1987 — 21,6. Но хроническая наркомания оказалась явлением более устойчивым, чем алкоголизм, и не отреагировала на прекращение антиалкогольной кампании в 1988 г. Количество хронических наркоманов и токсикоманов, зарегистрированных в медучреждениях, составило на 100000 человек в 1988 24,3 человека³⁰.

Это новое (по крайней мере в таких масштабах) для СССР явление стало широко обсуждаться позднее, однако начало всплеску наркомании положила именно антиалкогольная кампания. Также как и в случае со спиртным, антиалкогольная кампания способствовала усилению мафиозных формирований — на этот раз более агрессивной и решительной мафии, связанной с производством, транспортировкой и сбытом наркотиков. Эта мафия существовала всегда, и борьба с ней обычно велась достаточно суровыми методами. Однако в 1985—1986 г. уголовная статистика показывает всплеск зарегистрированных преступлений в этой области с 35847 до 48425. В 1987 г. разворачивается более решительная, чем раньше, борьба с наркоманией — к этому времени на эту проблему обращает внимание и пресса — и правоохранительным органам удается сбить показатель до 38643 зарегистрированных преступлений (реальное число операций наркомафии было, естественно, значительно больше). В 1988 г., после ударов по плантациям наркотиков в Средней Азии, количество зарегистрированных преступлений в этой области упало до 26054, то есть ниже, чем в 1985 г.³¹ Однако капиталы уже были накоплены, и решительные люди с криминальными навыками занялись бизнесом.

Рост наркомании, алкогольных психозов и «теневого торгoвли» были вполне предсказуемы, так как «партия и правительство» не оставили пьющим людям никакой альтернативы. Даже производство шампанского и то

было несколько снижено (с 21,9 млн. дал. в 1985 г. до 20,6 млн. дал. в 1987 г.)³².

Но социальные причины пьянства ликвидированны не были. Пока о них нельзя было даже публично заявить. Коммунистическая партия не могла признаться в том, что людей заставляет пить безысходность на работе и дома, отсутствие развитой инфраструктуры развлечений, общий кризис системы воспитания и образования (равно как и всех прочих систем), однообразии жизни и дефицит на все и вся, кроме водки. Теперь водка исчезла, но других развлечений не появилось. Люди, которых государство спаивало веками, не могли жить без наркотика. Отсюда гигантские очереди у магазинов, взятки продавцам за возможность получить заветную бутылку, рост наркомании и токсикомании (особенно среди молодежи), самогоноварения и хронического алкоголизма. Открытое пьянство прежних времен просто трансформировалось в другие, часто более злокачественные формы.

Однако антиалкогольная кампания имела и тяжелые экономические последствия. Прежде всего новый курс сказался на виноградарстве. По винодельческому сортам винограда, часть которых становилась теперь «ненужной», был нанесен тяжелый удар — они попросту вырубались. В Азербайджане были вырублены несколько тысяч гектар виноградников, посаженных здесь лишь недавно³³. Впоследствии в этих варварских действиях были обвинены «исполнители», которые оказались «святое папы». Однако здесь (как и случаях с другими изгибами курса КПСС) мы имеем дело не с перегибами, а с целенаправленной политикой. Вспоминает первый секретарь компартии Грузии Э.Шеварднадзе: «В 1985 г., узнав о готовившихся антиалкогольных законах, я пришел в ужас. Перестройка начиналась с ошибки, губительной, по крайней мере для нашей республики. Директива об очередной “борьбе” с очередным “злом” сулила причинение неизбежного урона промышленному виноградарству — одной из основ нашей национальной экономики. Этот урон можно было спрогнозировать и подсчитать»³⁴.

Итак, удар по промышленному виноградарству предусматривался заранее и не был инициативой «местных кадров». Хотя многое зависело и от исполнителей «генеральной линии». Э.Шеварднадзе продолжает: «Должен повиниться: я ничего не сделал, чтобы предотвратить это. Только стал изыскивать способы ослабить удар по нашему виноградарству и виноделию»³⁵. Однако цифры свидетельствуют, что эти «изыскания» ни к чему хорошему не привели. Сбор винограда в Грузии был сокращен с 996 тысяч тонн в 1980 г. до 915 тысяч тонн в 1985 г. (то есть сразу после удара). В соседней Армении сбор винограда, напротив, возрос с 206 до 252 тысячи тонн. В Азербайджане — с 1481 тысячи тонн до 1790 тысячи тонн³⁶. Таким образом, подавление виноградарства в Грузии проводилось более решительно, чем в соседних республиках. Усердие Э.Шеварднадзе было замечено — уже в июне 1985 г. он был вызван в Москву и вошел в высшее руководство страны.

Подрывом виноградарства экономический ущерб от антиалкогольной кампании не ограничивался. Производство спиртного было значительным источником бюджетных поступлений, так как разница между себестоимостью и продажной ценой здесь была очень велика. Почти вся стоимость

проданного алкоголя поступала в доход государства. В 1980 г. было произведено спиртного на 71 миллиард рублей. В 1985 г. эта цифра снизилась до 60,7 миллиарда, в 1986 г. — до 36,8 миллиарда и в 1987 г. до 36,5 миллиарда, то есть почти вдвое по сравнению с 1980 г.³⁷ Только в 1988 г. по завершении кампании производство спиртного снова выросло до 42,6 миллиардов рублей³⁸. Всего доход бюджета составлял в 1985 г. 372,6 миллиардов рублей. В 1986 г. он снизился на миллиард, но позднее снова стал расти. Итог этого роста известен — напряженность на потребительском рынке к концу десятилетия донельзя обострила проблему дефицита. Заткнуть столь значительную дыру, как доход от производства алкоголя, было не легко. Антиалкогольная кампания положила начала финансовой дестабилизации.

Естественно, что ущерб от снижения производства спиртного тоже мог быть спрогнозирован. Но авторы кампании рассчитывали покрыть его за счет роста производительности труда в результате улучшения дисциплины «протрезвевших» людей. Психологические и медицинские последствия кампании, о которых говорилось выше, не позволили воплотить эти надежды в жизнь.

Однако некоторые сдвиги все же произошли. Несмотря на ужесточение ответственности за совершение преступлений в нетрезвом состоянии, их количество снизилось с 533555 человек в 1985 г. (30,9 % от общего числа преступлений) до 415384 (24,3 %). Но одновременно, хотя и в гораздо меньших масштабах, росло количество преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения (с 2960 человек в 1985 г. (0,2%) до 4285 (0,3) в 1986 г.)³⁹.

Косвенным подтверждением укрепления технологической дисциплины в период антиалкогольной кампании является динамика дорожно-транспортного травматизма. В 1984—1985 гг. число погибших в дорожно-транспортных происшествиях снизилось с 46726 человек до 41337. В 1986 г. — до 39012. В 1987 г. количество погибших чуть повысилось — до 39697 человек. После прекращения кампании в 1988 г. количество погибших снова возросло до 47197⁴⁰. Таким образом, с антиалкогольной кампанией связано спасение тысяч жизней.

Несмотря на эти позитивные последствия кампании, ее долгосрочные негативные последствия более существенны. Социально-психологический удар по обществу и нарушение экономического равновесия перекрыли скромные результаты в области укрепления «порядка» в обществе. Выступая в Верховном совете СССР 17 июня 1991 г. премьер-министр СССР В.Павлов сообщил депутатам общую сумму ущерба от антиалкогольной кампании — 200 миллиардов рублей. Однако в 1985 г. «пуристане» были удовлетворены первым практическим шагом нового руководства. Это обеспечивало прочность «тылов» Генсека в борьбе за укрепление его власти.

Примечания

1. Горбачев М.С. Указ. соч. Т. 2. С. 213.

2. Там же. С. 224.
3. Известия. 17.05.85.
4. Там же.
5. Там же.
6. Воротников В.И. Указ. соч. С. 60.
7. Лигачев Е. Указ. соч. С. 286.
8. Рыжков Н. Указ. соч. С. 95.
9. Табачник Г. Последние хозяева Кремля. М., 1990. С. 387—389. Книга Г.Табачника представляет собой типичное «советологическое» сочинение — художественно-документальный детектив, полный крайне тенденциозных и не доказанных оценок. Тем не менее Г.Табачник привлекает в качестве иллюстраций некоторые подлинные документы
10. Шахназаров Г. Указ. соч. С. 39.
11. Горбачев М. Указ. соч. С. 339.
12. Волкогонов Д. Указ. соч. С. 333.
13. Горбачев М. Указ. соч. С. 339—340.
14. Черняев А. Указ. соч. С. 39.
15. Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С. 334.
16. Байбаков Н. Указ. соч. С. 158—160.
17. Там же. С. 161.
18. Рыжков Н. Указ. соч. С. 95—96.
19. Горбачев М. Указ. соч. С. 341.
20. Лигачев Е. Указ. соч. С. 287.
21. Байбаков Н. Указ. соч. С. 161.
22. ЦХСД. Ф. 89. Оп. 11. Д. 38. Л. 7.
23. Народное хозяйство в СССР. С. 132.
24. Горшков М.К. Общественное мнение. М., 1988. С. 323.
25. Там же.
26. Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. С. 672.
27. Там же.
28. Там же. С. 250.
29. ЦХСД. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 10.
30. Преступность и правонарушения в СССР. М., 1990. С. 250.
31. Там же.
32. Там же. С. 132.
33. Байбаков Н. Указ. соч. С. 162.
34. Э.Шеварднадзе. Мой выбор — в защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 32.
35. Там же.
36. Народное хозяйство... С. 485.
37. Там же. С. 5.
38. Там же.
39. Преступность... С. 89.
40. Там же. С. 103.

Глава XIV

ПЕРВЫЕ РЕФОРМЫ

Подготовка к XXVII съезду КПСС

и преобразования структур управления во второй половине 1985 г.

1. Навстречу съезду

XXVII съезд КПСС, который войдет в историю как съезд Перестройки, планировался как форум ускорения. Выступая на октябрьском Пленуме ЦК, посвященном подготовке документов этого конгресса, Горбачев говорил: «С концепцией ускорения наша партия сегодня выступает перед народом, с ней она идет к очередному XXVII съезду. Это стержень всех трех документов, выносимых на обсуждение настоящего Пленума ЦК КПСС»¹. Ускорение, идея которого пронизывала политический доклад и план основных направлений экономического развития, должно было привести к переходу от экстенсивного развития к интенсивному, к образованию «качественно нового состояния общества»². Так на горизонте официальной коммунистической идеологии стала маячить новая революция — качественное преобразование.

Одной из задач съезда была корректировка Программы КПСС, очищение ее от утопических деклараций Хрущева. Необходимость такой корректировки следовала еще из статей Андропова, но вносить изменения в Программу следовало без «потери лица». Поэтому Горбачев заявил, что «жизнь подтвердила правильность основного содержания третьей Программы партии»³. Однако теперь она должна «быть свободной как от излишней детализации, беспочвенной фантазии, так и от книжной премудрости, игры в дефиниции»⁴. Программа должна была получить более прикладной характер. Партия прощалась с романтическим прошлым и рискованными прогнозами наступления коммунизма к определенному сроку. Это, конечно, не значит, что Горбачев собирался отказаться и от идеи коммунизма как таковой⁵.

Новая редакция Программы партии была давнишней заботой Горбачева — ему было поручено курировать ее разработку еще в 1984 г. «кронпринц» поддерживал формулы разработчиков программы, которые позволяли «от-

далить» задачи коммунистического строительства (идею о том, что мы не построили социализм, а вступили в него; незавершенность задач развития «социалистической фазы» и др.)⁶. Эти теоретические фокусы должны были приблизить Программу к жизни. Руководитель рабочей группы по подготовке Программы В.Печенев даже предложил отказаться от формулы «развитой социализм» и перейти к другой: «совершенствование построенного у нас социализма». На это Горбачев не пошел, ответив: «“Сначала выбросили “коммунизм”, а теперь, скажут нам, за социализм взялись. Нет, — тверже проговорил он, — нас не поймут”. И еще тверже, возможно, сам себя убеждая, добавил: “Ну и потом ведь в целом (он развел в этом месте руками) у нас же построен развитой социализм!”» Споры о «развитом социализме» продолжались и в дальнейшем. В конечном итоге из Программы исчезло положение о совершенствовании «развитого социализма» и осталось лишь признание того, что страна в него «вступила».

Горбачев не хотел ссориться с догматиками в ЦК и часто уступал им, если какая-то «антикоммунистическая» формулировка оказывалась «разоблаченной» (по данным В.Печенева, особенно активно сопротивлялись пересмотру Программы Е.Лигачев, В.Пономарев и В.Медведев)⁷. Выступая на одном из совещаний по поводу подготовки Программы, будущий секретарь по идеологии В.Медведев критиковал тех, кто пытался умалить коммунизм в Программе: «Предлагали даже сместить положения о высшей фазе и выразить их в общей декларативной форме только во Введении или в Заключение Программы. С этим ЦК тоже не согласился»⁸. По-прежнему каждый день трудовых свершений должен был приближать советских людей к идеальному обществу: «Мы твердо держим курс на коммунизм, исходя из того, что между двумя фазами единой коммунистической формации нет и не может быть резкой грани»⁹. Такой эволюционизм избавлял КПСС от необходимости называть новую дату пришествия коммунизма. Впрочем, теперь в такую дату мало кто поверил бы.

После октябрьского Пленума ЦК КПСС, одоббившего проект новой редакции, последний был опубликован. Главная идея новой редакции заключалась в прагматизме и эволюционизме: «Третья Программа КПСС в ее нынешней редакции — это программа планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны. Это программа борьбы за мир и социальный прогресс... Социализм и коммунизм являются двумя последовательными фазами единой коммунистической формации. Между ними нет резкой грани: развитие социализма, все более полное раскрытие его возможностей и преимуществ, укрепление присущих ему общекоммунистических начал и означает действительное движение общества к коммунизму»¹⁰. «Непосредственная практическая задача» построения коммунизма, содержащаяся в Программе¹¹, была из нее вычеркнута. Фронтальное наступление на высоты коммунизма отменялось. Программа была так сильно переработана, что в пору было говорить о принятии новой, четвертой Программы КПСС. Но этого делать было нельзя — принятие новой Программы взамен невыполненной означа-

ло бы признание провала курса партии. Поэтому формально речь шла о новой редакции.

Публикуя документы партии для обсуждения, руководители КПСС утверждали, что открывают этап «большого и прямого совета партии с народом по важнейшим вопросам экономики и политики... Ни одна полезная мысль, ни одно предложение не должно остаться без внимания»¹². Определять, какие мысли «полезные», а какие — нет, предстояло аппарату ЦК. Однако не только в публичных заявлениях, но и на узких совещаниях Горбачев готовит почву для будущей гласности, указывая руководителям на недопустимость преследования за критику (если, конечно, это не критика строя): «У нас нет оппозиции, поэтому больше внимания надо уделять критике и самокритике, уметь правильно реагировать на критику, развивать ее и поддерживать... Да и надо сказать, кое-кто научился очень изощренно мстить за критику»¹³.

Публикация проекта Программы положила начало его публичному обсуждению, которое велось официальной прессой в апологетическом тоне. Актер О. Табаков, например, отметил: «Между добром и злом, добродетелью и пороком, благородством и низостью проектом важнейшего партийного документа проводится четкая и ясная черта»¹⁴. «Допущенная к столу» интеллигенция была готова характеризовать проект в тех же выражениях, которые несколько лет спустя будет относить разве что к Священному Писанию.

Не отставал от Табакова и президент Советской ассоциации политических наук Г. Шахназаров: «Но, с уважением относясь к многочисленным политическим документам нашей эпохи, по достоинству оценивая их разностороннее воздействие на ход общественного развития, нельзя не признать особого, выдающегося даже на этом широком историческом фоне, значения новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза». За этим славословием, впрочем, крылось отчетливое желание показать «прогрессивные сдвиги», достигнутые при работе над проектом «авторитетной комиссией»: «устранены некоторые некорректные политические формулировки, излишняя детализация процессов формирования будущего и, в особенности, необоснованные, оторванные от реальности параметры экономического роста. В целом я рискнул бы сказать, что из партийной программы убраны определенные элементы прожектерства и утопизма»¹⁵. Если устранение этих «элементов» имеет такое всемирно-историческое значение, это значит, что они были весьма существенны. Таким образом, в советской печати уже фактически признавалось, что четверть века партия жила по Программе, которая была в значительной степени утопической и прожектерской. «Рискнув» утверждать такое, Шахназаров сопровождает свое заявление множеством оговорок. Оказывается, Программа не была выполнена во многом по вине империализма. И вообще, достижения Страны Советов в области космоса, строительство газопроводов, железных дорог и каналов трудно переоценить¹⁶. Хорошо, что в СССР не строили пирамид.

Анализ Программы могла себе позволить только зарубежная пресса. «Экономист» писал, что *«новый документ несет на себе отпечаток праг-*

матизма нового руководителя»... Новая Программа предлагает русским лучезарное будущее, но она больше не расшифровывает конкретные черты этого будущего: «КПСС не ставит перед собой цель детального предвидения черт полного коммунизма. Не говорит она и о том, когда он наступит. В ней, конечно же, подразумевается конечный триумф коммунизма, но путь к нему будет «неровным, сложным и противоречивым». Капитализм, характеризуемый в Программе 1961 г. как «созревший для социальной революции пролетариата», в 1985 г. «все еще силен и опасен», хотя и благополучно миновал пик своего развития. В новой программе прослеживается явная критика в отношении строгих временных рамок, определенных в Программе 1961 г., которая обещала, что обеспечение бесплатным жильем и транспортом, ликвидация тяжелого ручного труда и экономическое превосходство над Западом наступит в течение жизни одного поколения». «Экономист» без труда заметил и критику «самого Брежнева, заключенную в ссылках на инертность и политику в неверном направлении, характерных для руководителя в последние годы его жизни», и основные идеи Горбачева, которыми была пронизана новая редакция: «Он стремится к ослаблению бюрократии и к внедрению высокой технологии. Он хотел бы представить больше автономии руководителям предприятий и стимулировать центральные планирующие органы к тому, чтобы они делали акцент на долговременном планировании, а не занимались мелкими проблемами... Сохраняя в Программе туманные формулировки или — в тех местах, где приходится быть точным, — излагая излишне осторожно, новый руководитель оставляет место для маневрирования». Этот комментарий можно признать вполне справедливым, но вывод исходит скорее из западной практики, чем из советской: «Отказавшись от преувеличенных обещаний и иногда от лирического стиля Программы 1961 г., Горбачев принес в жертву вдохновляющий настрой, необходимый каждой политической программе, чтобы она была хотя бы частично убедительной»¹⁷. Как это ни странно, отказ от задачи построения коммунизма в ближайшее будущее активизировал общество — как пример отказа от заведомо невыполнимых, провальных планов, как свидетельство правдивости и ответственности руководства. Тем более, что Программа по-новому возвращалась к хрущевскому романтизму, выдвигая с рубежа середины 80-х гг. почти столь же смелые экономические задачи, которые Хрущев выдвигал в начале 60-х.

На это обращает внимание С.Шмеман: «Отбрасывая прожекты предыдущего документа как беспочвенные фантазии, М.С.Горбачев официально сделал задачей партии удвоение к концу века производственного потенциала и увеличение производительности труда на 150% в течение 15 лет»¹⁸.

Горбачеву приходилось решать взаимоисключающие задачи — наращивать промышленную мощь до уровня необходимого сверхдержаве и одновременно (как условие первого) осуществлять дорогостоящие преобразования. Романтические надежды на возможности научно-технического прогресса сталкивались со множеством трудностей, главной из которых была гонка вооружений. Это ощущение попало в проект и было замечено. Д.Дом-

бре комментировал в «Монд»: «Особенность этого документа, который будет утвержден в феврале будущего года XXVII съездом, в том, что он устанавливает связь между накопившимся за последние годы брежневской эры отставанием и военными расходами страны. Характерное для конца 70-х гг. “замедление темпов развития народного хозяйства”, в сущности, ставится в прямую связь с “обострением международной обстановки”, из-за которой “СССР вынужден был предпринять дополнительные усилия для поддержания на должном уровне своей обороноспособности”. Это впервые, когда советское руководство настолько ясно указывает на ущерб, который пушки наносят маслу»¹⁹.

Зарубежные комментаторы не заметили политических коррективов, которые были внесены в документ, а они тоже были симптоматичны. Гораздо большее внимание было уделено самоуправлению при коммунизме и при переходе к нему²⁰. Если хрущевская Программа концентрировала внимание прежде всего на технологических сдвигах, которые влекут за собой социальные изменения, то горбачевская версия учитывала необходимость социально-политических реформ.

Впрочем, реальное движение к самоуправлению еще не началось, в центре политического курса оставалось «наведение порядка». Лейтмотивом проводившихся одновременно с обсуждением Программы партийных отчетно-перевыборных конференций было «повышение спроса с каждого члена партии»²¹. Но иногда звучали и новые нотки: «За окном министерства... — писал еще малоизвестный журналист М.Полторанин, — экзаменуется жизнью точность решений сотрудников аппарата, их способность мыслить по государственному, идти в ногу со временем»²². Партийная печать уже разворачивалась для последующей атаки на аппарат.

Полторанин Михаил Никифорович

1939 г. рождения. Работал бетонщиком на Братской ГЭС. Во время службы в армии вступил в 1961 г. в КПСС. В 1966 г. окончил факультет журналистики Казахского государственного университета, а в 1970 — ВПШ при ЦК КПСС. Работал в «Правде». В 1986—1987 гг. — главный редактор «Московской правды». С 1988 г. — политический обозреватель информагентства «Новости». В 1989—1991 гг. — народный депутат СССР, член Межрегиональной депутатской группы. В 1990 г. вышел из КПСС. В 1991—1992 гг. — министр печати и информации России. В 1993 г. — руководитель Федерального информационного центра РФ²³. Избран в Государственную Думу по списку «Выбора России». В 1994—1995 гг. — председатель Комитета по средствам массовой информации Государственной Думы.

Отчетно-перевыборная кампания стала первой пробой сил для реформаторов. Она позволила устранять неустойчивые консервативные кадры без лишнего шума, в порядке «внутрипартийной демократии». Но в целом Горбачев вспоминал эту кампанию без воодушевления: «Сказать, что отчетно-выборная кампания перед XXVII съездом отличалась от прежних, не могу.

Правда, кое-где появились робкие признаки начавшегося раскрепощения сознания. Коммунисты, вопреки стараниям аппаратчиков, начали проваливать навязываемых им руководителей, избирать тех, кто был им по душе. «Работяги» стали посмелее высказываться. Но в основном все катилось по наезженной колее»²⁴.

Октябрьский Пленум и совещания после него позволили Горбачеву еще раз опробовать идеологические новинки, которым предстояло стать сюрпризами XXVII съезда: «Во многих случаях наши руководящие товарищи оказываются на высоте: умело перестраиваются, добиваются неплохих результатов. Но иногда перестройка не получается»²⁵. Слово «перестройка» снова употреблено здесь как самостоятельный термин, но слушатели еще не знали, что ему суждено стать символом реформ Горбачева.

Тут же Генсек упомянул и об антитезе перестройке: «Взяв когда-то линию на стабилизацию, на закрепление кадров, мы незаметно для себя перешли необходимую разумную грань. И это привело в ряде случаев к застою...»²⁶ «Застой» как символ эпохи «стабилизации кадров» должен был превратиться вскоре в объект сокрушительной критической кампании, которая будет расчищать новым кадрам дорогу на место старых. Горбачев прямо говорил о необходимости перемещения кадров «хотя бы по горизонтали»²⁷, чтобы они оторвались от насиженных мест. Генсек предложил также «встряхнуть» аппарат советов²⁸. Но в то же время, во избежание паники, Горбачев отметил, что в этом деле нужно проявлять внимательность, не торопиться (особенно на низовом уровне)²⁹. А тем временем завершалась подготовка первых антиведомственных реформ времени Горбачева.

2. Планы научно-технического рывка и идея суперминистерств

После апрельского Пленума Горбачев продолжал развивать ключевую идею политики «ускорения» — идею научно-технического скачка: «Налицо ясное понимание того, что возникла необходимость не просто движения вперед, а подлинного прорыва по всему фронту научно-технического прогресса, коренного перелома в развитии экономики», — утверждал Горбачев³⁰. Генсек намеревался начать с обновления активных производственных фондов, двух-трехсменной работы парка станков, применения роторных комплексов³¹ и к 2000 году планировал удвоить экономический потенциал страны³². С позиции сегодняшнего дня такие планы могут показаться утопичными³³, но Горбачев лишь эстраполировал на будущее официальные данные экономического роста предыдущих десятилетий, надеясь, что их удастся сохранить.

Экономическая стратегия, которая должна была позволить выполнить эту задачу, стала плодом компромисса «пуритан» и «реформистов». Горбачев вспоминает: «В том, чтобы накопившуюся энергию общественных ожиданий направить в русло “наведения порядка”, не ломая существующих

институтов, был, естественно, заинтересован партийный и государственный аппарат. В руководстве выразителями этих настроений были Лигачев, Соколовцев, в какой-то мере Чебриков, Воротинов. Акцент на научно-техническом прогрессе делали Рыжков, Маслюков, Талызин, за которыми стоял корпус хозяйственных руководителей — министров, директоров предприятий. Ну а за неотложное преобразование экономических отношений в руководстве выступали Медведев и Яковлев»³⁴. Однако последние два руководителя занимали еще довольно слабые позиции, а подходы двух первых группировок были минимальны — идеи «наведения порядка» и «научно-технического прогресса» не противоречили друг другу. «Реформисты» в этот период еще откладывали свои сокровенные планы преобразований («на потом»). Горбачев вспоминает: «Крайне тревожная экономическая ситуация, доставшаяся в наследство новому руководству, требовала срочных мер. Нам тогда казалось: вот поправим дела, вытянем на прежних подходах, а там возьмемся уже за глубокие реформы»³⁵. Под «глубокими реформами» следует понимать относительно умеренные преобразования, которые в реальности последовали во второй половине 80-х гг. Но в 1985 г. Горбачев планировал перейти к ним позднее, после того как выправится положение в экономике: «Понимая значение экономических реформ, я считал, что надо прежде всего попытаться модернизировать экономику, чтобы к началу 90-х годов подготовить условия для радикальной экономической реформы»³⁶. Таким образом, экономическая стратегия 1985 г. основывалась не на реформах, а на мобилизационном потенциале командной системы СССР. «Прежде всего воспроизводился традиционный партийный механизм решения хозяйственных задач — через организацию массовых кампаний. Недаром сначала М.С.Горбачев проводил открытые параллели с опытом ускоренной индустриализации страны в 30-е годы. И в соответствии с этой аналогией речь шла об использовании высокого мобилизационного потенциала, существование которого обычно приписывали советской хозяйственно-политической системе благодаря наличию в ней механизмов централизованного планирования»³⁷, — считает В.Мау.

Как и в 30-е гг. техническое перевооружение должно было позволить не только нарастить, но и сохранить темпы экономического роста. Но было очевидно, что сразу все хозяйство обновить не удастся, и потому Горбачев ориентировался на очаговую модернизацию, когда более «передовые» индустриальные центры «возглавят» всесоюзную реконструкцию³⁸, а также на вложения в избранные направления научно-технических исследований: «Особые надежды я возлагал на “целевые программы научно-технического прогресса” по информатике и вычислительной технике, развитию роторных и роторно-конвейерных линий, робототехнике, биотехнологии, геной инженерии и т.д. Решающим звеном этого научно-фантастического процесса виделась модернизация машиностроения (тем более, что теперь оно не связывалось с политическими конкурентами)»³⁹. В литературе встречается мнение о том, что новый курс отвечал интересам военно-промышленного комплекса, который был в то время «наиболее влиятельной социально-экономической группировкой»⁴⁰. Как мы видели, влияние ВПК в этот пери-

од несколько преувеличено. После 1985 г. оно падает, следствием чего и явилась новая промышленная стратегия. Теперь инвестиционная накачка машиностроения планировалась не в пользу военных производств, а в пользу модернизации гражданской экономики. Эта экономическая стратегия была тесно увязана с новым внешнеполитическим курсом КПСС, нацеленным на отказ от нового витка гонки вооружений. Перенос «центра тяжести» экономики на машиностроение и сельское хозяйство отвечал интересам не ВПК, а победившего союза аграрной элиты и промышленного директората. С помощью модернизации своих производств производственные руководители рассчитывали решить проблемы, накопившиеся в период «господства ведомств».

По мнению ведущего экономического советника Горбачева А. Аганбегяна, «машиностроение является сердцем технологической реконструкции в экономике»⁴¹. На этом направлении предполагалось сконцентрировать ресурсы страны, подобно тому, как это делалось в период индустриального скачка 30-х гг. Собственно, ускорение воспринималось как «дальнейшее развитие индустриализации»⁴². Однако если в 30-е гг. в СССР существовал обширный аграрный сектор, который можно было «экспроприировать» ради получения средств на строительство новой промышленности, то теперь проблема средств на «вторую индустриализацию» повисла в воздухе. Накопления в промышленности СССР были все более скромными. «Экспроприация» небольшой части коррумпированных чиновников больших средств дать не могла. Сужение доли потребления (как в 30-е гг.) вызвало бы массовое недовольство. Об опасности сужения фонда потребления писал в докладной записке Горбачеву председатель правительства России В. Воротников⁴³. Этот вариант был рискованным и мог оставаться лишь запасным. Выступая на июньском совещании по проблемам научно-технической политики, Горбачев недвусмысленно заявил: «Мы не можем встать на путь свертыwania социальных программ»⁴⁴. Источником «ускорения» должен был стать рост эффективности производства, увязанной с совершенствованием механизма управления и стимулирования труда. За этими понятиями маячил рынок, то есть те самые реформы, которые должны были последовать за модернизацией экономики. Образовывался заколдованный круг.

Вываться из него, как казалось, можно было, сконцентрировав средства на нескольких решающих направлениях. Уже сам этот поток средств должен был вызвать энтузиазм работников соответствующих отраслей и вызвать «прорыв». «Жертвами» такого перераспределения ресурсов стали добывающие отрасли, которые еще недавно смотрели на приход Горбачева к власти с надеждой. «Помню, как яростно боролся за приращение капиталовложений в угольную, нефтяную и газовую промышленность Долгих, — вспоминает Горбачев, — буквально завалил записками. Глядя на теперешнее состояние этих отраслей, можно подумать, что он был прав. Но ведь оно возникло прежде всего из-за отсталой технической базы. Нарастив добычу, не думая о ресурсосберегающих технологиях и машинах, значило завести дело в тупик»⁴⁵. Но ведь и задача подъема машиностроения решена не

была — несмотря на рост инвестиций в эти отрасли в 1,8 раза⁴⁶. Причина неудачи крылась не в ошибочном направлении «структурного маневра», а в самой стратегии реформ. Впоследствии это осознал и Горбачев: «Как показал последующий ход развития, наши решения того периода были односторонними, несли печать инерционных представлений, согласно которым можно добиться коренных перемен в экономике, главным образом, с помощью волевых действий»⁴⁷.

Выработке конкретных путей научно-технического рывка было посвящено специальное совещание в ЦК, состоявшееся в июне. Здесь обсуждались возможности модернизации электроники и прежде всего компьютерного производства, электротехники, станкостроения. На июньском совещании Генеральный однозначно подчеркнул непосредственную связь между политикой ускорения и внешнеполитическими трудностями: «Необходимость ускорения социально-экономического развития вызывается и серьезными внешними обстоятельствами... Историческим завоеванием является достижение военно-стратегического паритета с США... Перед лицом агрессивной политики и угроз империализма необходимо крепить оборонную мощь Родины...»⁴⁸

Поскольку конфискационные и репрессивные возможности остались в прошлом, руководству страны оставалось одно — инициировать активность интеллигенции, так как именно от этой «прослойки» зависела судьба научно-технической политики. Денег на поощрение интеллигенции не было, но оставался еще один стимул — «гласность», постепенное, ограниченное введение свободы информации, которая была нужна интеллигенции как воздух. К 1986 г. увязка экономических задач страны и «гласности» стала очевидной. В то же время «гласность» должна была стать инструментом антиведомственной борьбы в руках Горбачева. Неприязнь интеллигенции к бюрократии была очевидна, и ядовитые перья пишущей братии могли высветить уязвимые звенья бюрократических кланов куда лучше партийных проверок. Понятно, что при этом следовало жестко контролировать средства массовой информации, дабы они наносили удары по тем структурам, по каким следует. Наряду с использованием «гласности» во внутривнутрипартийной борьбе, она, как казалось, могла высветить пути рационализации структуры управления.

А пока те же задачи должны были решаться привычными административными методами. И рационализация управления, и решение политических задач, виделось на пути антиведомственных реформ. Уже в середине апреля Горбачев обсуждал этот вопрос с Тихоновым и Воротниковым, причем последнему сказал: «Для меня эта необходимость ясна уже давно»⁴⁹. С 70-х годов. Осенью реформа «дозрела». Горбачев обсуждал ее на встрече с региональными боссами 16 октября. На реплику омского первого секретаря С.Манякина: «Не много ли у нас министерств. Столько приходится сталкиваться с ведомственной несогласованностью, столько у нас ненужных перегородок», Горбачев ответил: «Мы намерены последовательно преодолевать эти ведомственные барьеры. В Политбюро уже имеются предложения о совершенствовании системы управления машиностроением, подготовлены

предложения по объединению министерств агропромышленного комплекса. Мы хотим, чтобы смежными отраслями управляли полномочные и компетентные бюро Совета министров, чтобы руководители этих подразделений располагали действительно большими правами»⁵⁰. Парадоксальным образом бюрократическая логика вела лидеров КПСС к антиведомственной реформе, выразившейся в создании суперведомств. Но эта бюрократическая антиведомственность имела и другую сторону: изменения в связи с появлением новых административных надстроек ослабляли сложившуюся отраслевую структуру управления. Этого ослабления суперведомства не могли компенсировать, и в итоге центр тяжести системы управления смещался вниз — к директорскому корпусу и аграрной элите, освобождая их инициативу от ведомственной опеки. Но надстройка продолжала контролировать ресурсы и таким образом должна была направлять инициативу «среднего звена» в направлении, нужном партийному руководству. Насколько эффективно суперведомства смогут справиться с этой задачей — оставалось загадкой. И если для одних создание новых структур было привычной бюрократической реорганизацией, то для других — прообразом компактных министерств будущего. С этих позиций за укрупнение ведомств выступали и многие либеральные экономисты (Заславская, Попов и др.), но при этом они предупреждали, что без углубления начал хозрасчета такая реформа приведет к усилению административной путаницы⁵¹.

Горбачев торопился с реформами, боясь потерять инициативу в наступлении на «консерваторов». «Видимо, пора заканчивать эксперименты и переходить к новой системе управления в целом... — заявил Генсек, несмотря на противоречивые результаты “широкомасштабного экономического эксперимента”, — люди уже начинают говорить о том, что эксперименты затянулись. Нельзя все время только экспериментировать»⁵².

Региональная элита предвкушала массивное наступление на ведомственную бюрократию, и Горбачев заверил ее в том, что соответствующие решения уже готовятся. В это время Рыжков, вопреки возражениям Лигачева, разрабатывал программу реорганизации управления, при котором центр тяжести переносился из центра в крупные региональные комплексы (Урал, Поволжье, Сибирь и т.д.)⁵³. Эта идея воспроизводила в более осторожной форме идею совнархозов. Как это не покажется парадоксальным, еще радикальней регионализация управления должна была развиваться в результате планировавшегося создания двух сверхминистерств — машиностроительного и агропромышленного. Создание суперведомств ослабляло сложившуюся ведомственную систему и переносило центр тяжести принятия решений вниз — на уровень локальной элиты.

Создание машиностроительного сверхминистерства должно было поставить под непосредственный контроль правительства машиностроительные отрасли, до того теснее связанные с военным комплексом, чем с правительством, и курировавшиеся «оборонным» секретарем Романовым. 18 октября было создано Бюро по вопросам машиностроения во главе с И.Силаевым, которое должно было координировать работу 11 министерств.

СИЛАЕВ Иван Степанович

1930 г. рождения. Окончил Казанский авиационный институт в 1954 г. Мастер, начальник цеха, зам. главного инженера, главный инженер, директор завода в Горьком. В 1974—1977 гг. — зам. министра, в 1977—1980 гг. — первый зам. министра, в 1980—1981 гг. — министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР. В 1981—1985 — министр авиационной промышленности СССР. Член КПСС в 1959—1990 гг. Член ЦК КПСС в 1981—1990 гг. Герой социалистического труда (1975 г.), лауреат Ленинской премии (1972 г.). В 1990—1991 гг. — председатель Совета министров РСФСР. В 1991 г. — председатель Межреспубликанского экономического комитета. В 1992—1995 гг. — представитель России при ЕЭС. Председатель Международного союза машиностроителей. С 1995 г. — председатель совета Московского межрегионального банка.

Однако машиностроительное бюро не ликвидировало ведомств, лишь слегка изменив баланс влияний в системе управления. Иное дело — создание Агропрома.

3. Создание Агропрома

По словам Горбачева, сказанным в 1993 г., «в экономике, следуя установившимся стереотипам, мы начали с реформы тяжелой промышленности, машиностроения. Правильнее же было начинать с сельского хозяйства, с легкой и пищевой промышленности, то есть с того, что дало бы быструю и наглядную отдачу для людей, укрепило социальную базу перестройки»⁵⁴. Горбачев лукавит. Он «забыл» свою первую реформу, которая проводилась именно в сфере сельского хозяйства и пищевой промышленности. И такая «забывчивость» не случайна.

Подготовка слияния ведомств «аграрно-промышленного комплекса» велась, как мы видели, уже давно. На это были направлены и меры «экономического эксперимента», расширившего права предприятий и РАПО в ущерб ведомствам. По словам министра пищевой промышленности Украины Г. Загороднего, эксперимент проходил в отрасли успешно, прирост продукции в 1984 г. составил 118 миллионов рублей⁵⁵. Как мы видели выше, эти цифровые данные могли и не отражать истинного положения дел (см. Глава II). Более надежным показателем стало уменьшение потерь рабочего времени на 23%, за что трудовые коллективы были соответствующим образом простимулированы — в фонд материального поощрения ушло 8,6 миллионов рублей⁵⁶. Одновременно почти на процент снизилась численность занятых⁵⁷.

Однако первые успехи вскрыли и опасность того, что при расширении эксперимента новые хозяйственные отношения могут столкнуться со сложностями, обусловленными общими болезнями советской экономики. Загородний говорил об изношенности оборудования, технических неполадках, отсутствии ресурсов⁵⁸. Ускорение движения на столь изношенном автомо-

биле могло закончиться аварией, и не только в агропромышленном комплексе. Но руководство стрвны надеялось на лучшее.

В 1980 г. 56% сельскохозяйственных предприятий были убыточными. К 1985 г. эта цифра снизилась до 23%⁵⁹. Это вовсе не свидетельствует о росте эффективности колхозов и совхозов. Просто укрепление «аграрной руки» в ЦК позволяло изменять условия хозяйствования в пользу «села». Руководителям сельскохозяйственных предприятий не было оснований жаловаться на судьбу в правление Горбачева — он успешно справлялся с ролью лидера аграрного лобби и в этом качестве добивался значительных успехов. Аграрии не оставались в долгу, поддерживая своего человека в Кремле. Проведение первой масштабной реформы Горбачева именно в аграрной сфере было предопределено всей его биографией.

Выступая на партхозактиве Казахстана, Урала и Сибири 7 сентября, Горбачев словно вернулся в 70-е гг. — со сноровкой областного руководителя он инструктировал собравшихся по поводу того, как им выращивать хлеб, корма и скот. Особое внимание Горбачев предлагал уделить мясу, которое было признано «самым напряженным местом в выполнении производственной программы»⁶⁰. К этому времени Горбачев уже думал о том, что с дефицитом следует бороться путем повышения цен⁶¹ — идея, которая потом приобретет большую популярность у власть имущих.

Большие надежды возлагались на мелиорацию, но Горбачев уже начал чувствовать, что следует увеличить не мелиоративные площади, а эффективность использования влаги⁶². Впоследствии эта смена акцентов приведет к отмене поворота рек. Закончив инструктивную часть, Горбачев перешел к политической. Он предложил передать часть полномочий райкомов партии РАПО⁶³. Это был еще один шаг в увеличении власти аграрной элиты — «золотого фонда наших кадров», как назвал их Горбачев⁶⁴.

Поддерживая региональную элиту в стремлении взять под контроль агропромышленные предприятия, Горбачев подчеркивал, что планирующимся сверхведомством нельзя будет руководить только из центра, что все больший объем решений будет «делом руководителей колхозов и совхозов». В то же время Генсек уже не мог следовать однозначно в фарватере интересов аграрной элиты. Когда С.Манякин поставил вопрос о передаче в АПК и машиностроительных ведомств, он получил отпор от Горбачева: «Здесь надо проявлять осмотрительность. Эти министерства нельзя вырывать из общей системы машиностроительных министерств, иначе мы многое потеряем»⁶⁵. Для лидера сверхдержавы интересы машиностроительного комплекса были уже не менее важны, чем интересы его «партии».

Но в остальном между Горбачевым и большинством региональных элит сохранялось полное взаимопонимание. Агропромышленные ведомства были обречены. «Куда они спешили, — вспоминает управляющий делами Мясомолпрома В.Ковалев, — нужно же было исследовать проблему, посчитать экономический эффект, связи, все. А Госагропром создавался по устному указанию Горбачева отделу ЦК»⁶⁶. Генсек рассчитывался по счетам аграрному лобби. Экономический эффект в этом деле будет волновать Горбачева позднее.

Конечно, противники аграрного лобби не отказывались от сопротивления. В центральной прессе появлялись статьи, критиковавшие РАПО. Так, например, агроном С.Жариков обвинял РАПО в том, что они заставляют хозяйства идти на приписки⁶⁷. Но после прихода Горбачева к власти сопротивление заметно ослабло. Стало ясно, что удара по агропромышленным ведомствам не избежать. Их руководителям пришлось на ходу менять тактику. Теперь они добивались не независимости, а хотя бы автономии от аграрной элиты, сохранения целостности своего комплекса.

По воспоминаниям Ю.Шумахера, работника Мясомолпрома, его сотрудники как могли «подрывали эту идею районного подчинения предприятий, обслуживающих несколько районов или даже область». Но аграрное лобби было заведомо сильнее, особенно после прихода Горбачева к власти в стране. «На наши возражения, — продолжает Ю.Шумахер, — воронежский секретарь Игнатов заявил летом 1985 г.: “У нас там дождь, у нас снег, а они там в золоте купаются”. И тогда я стал “вякать”, что все не так, что 86% прибыли у нас изымается в бюджет. Когда взяли себе промышленность, оказалось, что наиболее бедными и развальными являются именно эти предприятия, и средства нужно искать именно для них»⁶⁸.

Износ мощностей в пищевых отраслях промышленности составил в 1980 г. 28—36% (в целом по стране — 36), а в 1985 г. 31—38% (в целом по стране — 41). Ввод новых мощностей в 1981—1985 гг. в пищевкусовой промышленности составил 28%, в мясомолочной — 32%, а в среднем по промышленности — 33%⁶⁹. Таким образом, было очевидно некоторое отставание обновления фондов пищевых отраслей до 1985 г. Тем не менее зарплата в отраслях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, составила в 1980 г. — 166 рублей, в 1985 г. — 187, в 1986 г. — 193, 1987 г. — 204 рубля. В сельском хозяйстве в 1980 г. зарплата составила в среднем 135 рублей, в 1985 г. — 170, в 1986 г. — 180, в 1987 г. — 186. Работник сферы ремонта сельскохозяйственной техники получал в среднем в 1980 г. — 157 рублей, в 1985 г. — 174, в 1986 г. — 181, в 1987 г. — 197 рублей. Даже средний работник управленческого аппарата (правда, включая низкооплачиваемых агрономов, технических работников и др.) получал в 1980 г. меньше сотрудника перерабатывающего предприятия — 164 рубля. Это могло восприниматься аграрной элитой как признак «эксплуатации», а не более высокой квалификации промышленных работников. В ходе реформы управленческому аппарату удалось изменить соотношение зарплат между сотрудниками агропромышленных предприятий и аппарата, где средняя зарплата составила в 1985 г. 175 рублей, в 1986 г. — 192, в 1987 г. — 228 рублей⁷⁰. Эта «победа» реформы, как мы увидим, оказалась пирровой.

14 октября в ЦК прошло совещание по проблемам реорганизации АПК. На нем Горбачев, ссылаясь на поступившую к нему записку В.Никонова, З.Нуриева и В.Карлова, внес предложение о создании Агропромышленного комитета и ликвидации ряда ведомств, которые управляют агропромышленными отраслями. «Управление АПК разобщено, отрасли централизованы... — говорил Горбачев. — Проблемы агропромышленного комплекса — сельского хозяйства и переработки, обслуживания — зависят от местных

органов. Надо наделить их основными правами»⁷¹. В этом заключалась суть реформы. «Отобрать власть у министерств, они консервативны, забюрократичены», — продолжал Генеральный⁷². Для этого Горбачев планировал создать гигантский бюрократический монстр. Однако Горбачеву было ясно, что первое время эта структура вряд ли сможет контролировать ситуацию. Поэтому пафос его выступления определялся словами: «Не командовать. Дать свободу крестьянам» (читай — помещикам)⁷³.

С критическим анализом этой реформы выступили Щербицкий, Кунаев и др. «Разумно ли так резко ломать... — возражал инициаторам реформы Воротников. — Я против того, чтобы включать в состав АПК пищевую промышленность. Это самостоятельная отрасль, нельзя ее передать под опеку района. Многие ее предприятия работают не только на область, но и на республику, на страну»⁷⁴. Криктика планов реформы заставила Горбачева согласиться на дополнительное обсуждение. Но в главном его результаты уже были предопределены.

Руководство агропромышленных ведомств еще пыталось убедить партию и правительство страны в своей правоте. 22 октября, ровно за месяц до образования Агропрома, министр мясной и молочной промышленности Е.Сизенко обратился с письмом к председателю Совета министров Н.Рыжкову, в котором предпринял попытку свести к минимуму потери от реорганизации агропромышленных отраслей. «Результаты их деятельности оказывают самое прямое влияние на повышение благосостояния трудящихся. В этом отношении отрасль несет не только экономическую, но и социальную ответственность»⁷⁵, — предупреждал реформаторов Сизенко. Нарушение ритмичности в работе этой отрасли промышленности может обострить и без того серьезную проблему дефицита той самой колбасы, которая была в СССР своего рода лакмусовой бумажкой состояния продовольственного рынка. Поскольку проблемы с хлебом и молоком возникали редко, именно появление и исчезновение колбасы вызывало среди жителей СССР наибольший ажиотаж. Колбаса была вечной героиней анекдотов, посвященных продовольственной проблеме.

По мнению Сизенко, планировавшаяся реформа могла нанести удар «по колбасе». В доказательство этого министр привел важный исторический пример: *«В прошлом (до 1965 г.) предприятия мясной и молочной промышленности входили в состав совнархозов. Главный недостаток при этом состоял в том, что управление отраслью промышленности, представляющей собой единое целое в техническом отношении, было раздроблено по экономическим административным районам. Поэтому стало тормозиться развитие отраслевой специализации»*⁷⁶. Упомянув опыт совнархозов, Сизенко исходил из того, что предприятия и дальше будут находиться именно в управлении отраслевых или территориальных органов (как это было и до, и после 1965 г.). Самостоятельность предприятий в расчет не принималась. И это справедливо, ибо если в других отраслях по мере ослабления ведомств директорат становился все более самостоятельным, то в Агропроме промышленные предприятия ощутили на себе железную хватку сплоченной

аграрной элиты. Таким образом агропромышленные предприятия видели в ведомствах защиту от наступления региональных кланов.

Рассказывая Рыжкову об успехах отрасли после упразднения совнархозов, Сизенко то и дело напоминает, чем это наступление региональных элит угрожает производству «социально значимой» продукции: *«Благодаря единой технической политике, Министерству удалось за последние годы добиться более рационального использования животноводческого сырья и обеспечить значительную экономию этих ресурсов. За счет белковых добавок, широкого внедрения выпуска маложирной продукции экономия мясных ресурсов в текущем году составит 513 тыс. тонн и молочного жира в пересчете на молоко — 12 млн. тонн.*

Ослабление централизованного контроля за выпуском сбалансированных по жиру и белку продуктов питания может привести к уменьшению выпуска этих продуктов и нерациональному использованию ресурсов мяса и молока.

...На предприятиях отрасли производится большое количество продукции, в которой часто не заинтересованы на местах, ибо при этом отвлекаются пищевые ресурсы молока и мяса для вывоза за пределы административных регионов. К ним относятся сыр, сухое цельное и обезжиренное молоко, мясные и молочные консервы, продукты детского питания, медицинские препараты, кровезаменители, аминокислоты, ферментные препараты.

Местные органы, как правило, не поддерживают предложения о строительстве объектов по производству этой продукции. При децентрализации руководства отраслью могут создаваться также определенные трудности в снабжении мясомолочными продуктами Москвы, Ленинграда и других крупных промышленных центров, а также в поставке продукции в районы Крайнего Севера, военному и другим специальным потребителям»⁷⁷.

Конечно, эти печальные последствия должны были проявиться не сразу, а по мере дезинтеграции промышленных отраслей в объятиях села. Что и пришлось наблюдать во второй половине 80-х гг. Конечно, логика министра не учитывала веяний времени — сверхцентрализованные структуры управления промышленностью были обречены на распад. Беда агропромышленных отраслей заключалась в том, что по мере децентрализации они не получали самостоятельности и дополнительных ресурсов, необходимых для развития научно-технической инфраструктуры. Напротив, они оказывались в подчинении поставщиков, что означало усиления проблем с получением ресурсов. Результат проявился на прилавках, а затем и на улицах городов, куда вышло недовольное население.

Министр Сизенко не требовал от Рыжкова отменить планировавшуюся реформу, а лишь просил сохранить целостность управления мясомолочной промышленностью «сверху донизу» в составе Агропрома⁷⁸. Но для инициаторов реформы это означало бы полное ее «выхолащивание». Когда речь шла об интересах их групп поддержки, реформаторы были готовы проявлять решимость.

22 ноября был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об изменениях в системе органов управления агропромышленным комплексом». Указ предусматривал объединение в единый агропромышленный комитет (Агропром) министерств сельского хозяйства, плодоовощного хозяйства, сельского строительства, пищевой промышленности, мясной и молочной промышленности и госкомитета по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства, а также ряда подразделений смежных ведомств. Наиболее тесно связанное с колхозами и совхозами министерство заготовок было решено в Агропром не включать, дабы оставить хоть какой-то противовес сельскохозяйственным предприятиям при проведении закупок. Однако теперь этому ведомству предстояло заниматься только хлебопродуктами, в результате чего его переименовали в министерство хлебопродуктов. Хлеб не относился к дефициту и потому это ведомство можно было оставить в «автономном плавании».

Смысл реформы разъяснялся в вышедшем еще 14 ноября постановлении ЦК и Совета министров «О дальнейшем совершенствовании управления агропромышленным комплексом». Похвалив Продовольственную программу, постановление отметило, что «как показала практика, из-за незавершенности структуры управления агропромышленным комплексом на союзном и республиканском уровнях (читай — из-за непоследовательности реформы 1982 г. — *А.Ш.*) не достигнуто необходимой интеграции сельского хозяйства с перерабатывающей промышленностью, не произошло существенных изменений в экономическом механизме взаимоотношений колхозов и совхозов и обслуживающих организаций»⁷⁹. Слова «обслуживающие организации» не оставляли сомнений относительно того, кто в Агропроме хозяин. Несмотря на централизаторский тон постановления, направленного на то, чтобы агропром управлялся «как единое целое на всех уровнях», намеченная схема управления показывала, что власть центральных агропромышленных органов будет существенно ограничена. Агропромы каждого уровня переходили «под руководство» соответствующих советских органов вплоть до райисполкомов⁸⁰. Постановление оправдало худшие предсказания промышленников относительно судьбы отраслевой специализации — оно требовало развивать «в колхозах и совхозах свою базу переработки»⁸¹.

Внешне Агропром выглядел всемогущим гигантом. Министерства хлебопродуктов, мелиорации, рыбного хозяйства, лесного хозяйства и даже с некоторыми оговорками Центросоюз (кооперация) входили в единую «систему агропромышленного комплекса», которая должна была планироваться и финансироваться как единое целое. Главы министерств хлебопродуктов, мелиорации, минудобрений и многих других (в том числе машиностроительных ведомств) по должности входили в состав Государственного агропромышленного комитета. Туда же входили председатели госагропромов союзных республик, замы ключевых экономических министров (финансов, снабжения и др.) и ученые⁸². Этот могучий консилиум должен был решать, каким образом выводить из кризиса сельское хозяйство. Понятно, что собрать комитет в полном составе было не легко, и, собираясь «не реже двух раз в год», оперативные вопросы он решать не мог⁸³. В этих условиях со-

держась в постановлении ЦК КПСС указание Агропрому осуществлять «строгий контроль за сбалансированным развитием отраслей агропромышленного комплекса»⁸⁴ оставалось благим пожеланием. Реальная власть в Агропроме сосредотачивалась на местах — прежде всего в РАПО, райкомах партии, контролирующих райисполкомы. Именно РАПО должны были определять расценки и распределять ресурсы подведомственных организаций⁸⁵. Это давало большую власть, тем более, что вышестоящие органы были дезорганизованы всеобщим слиянием, и на них возлагались функции не столько оперативного руководства, сколько общего распределения ресурсов.

Создание Агропрома должно было сопровождаться внушительным сокращением кадров, причем за счет уволенных чиновников оставшимся «высококвалифицированным работникам» предполагалось установить пятидесятипроцентные надбавки к зарплате. «Высвобождающимся работникам» устанавливались некоторые материальные льготы, которые были призваны хоть немного «подсластить пилюлю». В отношении руководителей колхозов, совхозов и предприятий, напротив, указывалось проявлять «заботу о стабильности кадров»⁸⁶.

Описывая изменения в системе управления, постановление не преминуло напомнить о необходимости развития подсобных хозяйств предприятий, организаций и граждан, коллективного садоводства и огородничества, а также о том, что РАПО должны развивать хозяйственную инициативу трудовых коллективов на основе хозрасчета⁸⁷.

Управляющий делами Минмясморпрома В.Ковалев вспоминает о возникновении Агропрома: «Это такой громадный коллектив получился, неуправляемый совсем... Некоторые отделы в суете “потеряли”. Отдел органопрепаратов, ответственный за производство инсулина и кровезаменителей. Союзклейжелатин забыли впечатать — пришлось потом его “раскладывать” по республикам»⁸⁸.

По мнению сотрудника Агропрома Ю.Шумахера, подавляющее большинство руководителей нового суперведомства пришло из Министерства сельского хозяйства, они заняли командные высоты нового учреждения. Структура Госкомитета создавалась во многом под людей, которые могли бы ее возглавить. Отсюда и потери отделов, и неопределенность функций подразделений Агропрома, которые стали выясняться только в течение 1986 г.

«Численность аппарата значительно сократилась — во всем Агропроме было столько же работников, как прежде в Минсельхозе. Руководители подбирали кадры под себя, из своих людей, — утверждает В.Ковалев, который, кстати, “пережил” кадровую чистку, — специалисты без “острых локтей” отсевались»⁸⁹. Освободившиеся чиновники направлялись или на производство (если они были грамотными специалистами), или в науку. В итоге аграрная наука испытала новую волну бюрократизации.

Вспоминает Ю.Шумахер: «В течение первых двух лет шли постоянные пересадки из кабинета в кабинет, аппарат Госагропрома фактически не работал, потому что 80% людей оказалось на непонятных для них местах, и они должны были заниматься неизвестными им делами. Нужно было зна-

комиться с совершенно новыми структурами. Вот, возьмем мой пример. До этого я был заместителем начальника планового управления министерства, занимался совершенствованием хозяйственного механизма мясомолочной промышленности. А здесь меня назначили начальником сектора в управлении совершенствования хозяйственного механизма. Теперь в моем ведении оказались все направления — от сельского строительства до сельхозтехники. И я должен был совершенствовать их управление. Прежде я с работой этих отраслей никогда не сталкивался.

Полгода я знакомился с новыми подчиненными, вытеснял ненужных этих сельхозников, подтягивал грамотных специалистов по тем направлениям, которыми предстояло заниматься.

Да и после ко мне приходит кто-нибудь из какой-то неведомой мне “Промтепллицы” и начинает о чем-то спрашивать. А я всю жизнь занимался мясомолочной промышленностью и естественно смотрю на него, как баран. А ему больше пойти некуда. Я назначаю новую встречу через два-три дня, бросаю все дела и начинаю выяснять вещи, о которых раньше не слышал — что за завод, чем занимается и т.д.

При этом мы, работники промышленных ведомств, были все-таки компетентней бывших работников Минсельхоза, занявших большинство мест. Мы то хоть какой-то конкретикой занимались, а Минсельхоз посылал своих чиновников на частные “пожары” в колхозы и совхозы. Два месяца они там “разбирались”, пили-ели, а потом докладывали на верх о состоянии дел по стандартной схеме. Это было наиболее безответственное министерство. Там было мало производственников, специалистов в чем-то конкретном.

Агропром перемешал в единых структурах представителей разных отраслей. Это вызвало полный антагонизм, взаимное непонимание и паралич. Были заклинания, призывы, а положение все ухудшалось и ухудшалось»⁹⁰. Однако как только структуры Госагропрома стали крепнуть, они усилили давление на местные РАПО. Уже в 1986 г. работники этих органов жаловались социологам на «задавленность» вышестоящими структурами и партийными инстанциями⁹¹.

Агропром возглавил выдвиженец Горбачева Мураховский. По воспоминаниям Ю.Шумахера, «он считал себя не каким-то там работником сельскохозяйственной промышленности, а политическим деятелем. Когда уезжал Рыжков, его оставляли за предсовмина, хотя, судя по тому, что приходилось слышать на Агропроме — особой компетентностью он не отличался. Его партийно-комсомольские подходы просто поражали иногда. Так, потребовал создать на Ставрополье единую систему переработки сахарной свеклы — от поля до потребителя. Тут только подсчетами год заниматься — дело чрезвычайно сложное из-за потерь при хранении. А он требует через три недели доложить — Рыжкову обещал всю страну сахаром завалить. А сахарная промышленность у нас несколько десятилетий не обновлялась. Ладно, говорим, будет сделано. Написали какие-то мертвые схемы, доложили. А потом и он сам к этому делу охладел. Потому что Рыжков забыл»⁹². «Он добрый, хороший мужик, — продолжает В.Ковалев, — но не государственный деятель. На коллегии ему такую лапшу вешали — а он все проглатывал».

вал, буквально все. Смеялись над ним постоянно, в лицо. Добавку — фундук, он, например, называл “хундук”. Говорил, что мы должны сами “хундук” выращивать. Над ним смеются, а он не понимает, почему»⁹³.

Система Агропрома имела мощную поддержку в Политбюро. Ю.Шумахер продолжает: «После прихода Горбачева стала восходить звезда отвечавшего за сельское хозяйство по партийной линии Никонова, что было странно из-за слухов о его пристрастии к спиртному. Но Никонов имел “открытую дверь” к Горбачеву. Его “оруженосец” Кулик ездил к Генеральному и возвращался с нужным решением, — вспоминает Ю.Шумахер, — в отличие от Мураховского Никонов мог довести свое мнение до членов Политбюро. А Кулик, кстати, потом возглавил Минсельхоз России».

На фоне общего усиления аграрной элиты в середине 80-х гг. особенно заметным было восхождение руководителей образцово-показательных хозяйств, которые были призваны зримо продемонстрировать успехи аграрно-промышленной реформы. Одним из наиболее известных в то время хозяйственников стал В.А.Стародубцев, председатель племзавода-колхоза в Тульской области. Колхоз Стародубцева действительно превратился в уголок будущего — благоустроенный, чистый городок, хорошие валовые показатели, похвалы в прессе. Правда, у этого показательного процветания была и обратная сторона: «Новомосковское Стародубцева поднялось за счет огромных вложений, за счет других хозяйств, — считает Ю.Шумахер, — у него какой-то прямой ход был к Горбачеву. Но “бюрократия” его не пропускала. Я, в частности, тоже не пропускал. Вот они принесли какую-то бумагу, что будут выпускать лучше стандартов. Как это так — лучше стандартов. Ведь они согласуются с Минздравом, их нельзя нарушать. Они обеспечивают здоровье людей. Если стандарт устарел, нужно специальное разрешение для его пересмотра.

— А это кто такой?

— Товарищ из Мясомлпрома.

— А-а. Ну это не важно...»⁹⁴

Страдали не только государственные стандарты, но и технологии: «Трубы для молокозаводов привозили, и колхозы на правах хозяев растаскивали это оборудование на заборы», — вспоминает В.Ковалев⁹⁵.

Оценивая результаты агропромышленной реформы, В.Воротников пишет: «В районах, областях развилось местничество. Они перестали заниматься республиканскими предприятиями пищевого прома. После ликвидации Сельхозтехники уровень обслуживания сельскохозяйственных машин и оборудования снизился»⁹⁶. Разумеется, местничество «развилося» раньше — в 1985 г. местнические интересы были реализованы и принесли первые плоды на ниве реформ.

Хаос в управлении, напор аграрных руководителей на оставшиеся без поддержки сверху предприятия и отсутствие «золотого дна», которое аграрное лобби рассчитывало найти в них, — все это быстро привело к кризису реформы. То, что с Агропромом происходят неладья, заметили довольно быстро. Уже в постановлении ЦК и Совета министров от 20 марта 1986 г. «О дальнейшем совершенствовании экономического механизма хозяйство-

вания в агропромышленном комплексе страны» зазвучали тревожные нотки. Сложившийся в результате реформы 1985 г. механизм хозяйствования «недостаточно ориентирует предприятия» на эффективное хозяйствование, внедрение достижений науки и «передовой практики», сокращение потерь продукции и т.д.⁹⁷ Выяснялось, что направление реформы 1985 г. прямо противоречило курсу на научно-техническое перевооружение хозяйства, о чем накануне реформы и предупреждали промышленники. Выход из положения постановление искало в универсальном методе — расширении прав предприятий (при сохранении их подчинения соответствующему агропрому⁹⁸). Для того чтобы предприятия использовали свои права надлежащим образом, предлагалась система кнута и пряника: как и в 1918 г. поставки промышленной продукции селу ставились в зависимость от поставок продовольствия. Тем, кто не выполнил план, ограничивалась выдача комбикормов и фуражного зерна. Устанавливались надбавки к закупочным ценам на рост производства продукции⁹⁹.

Важнейшим положением постановления 1986 г. стала отмена изъятия остатков собственных средств государственных сельскохозяйственных предприятий¹⁰⁰. Теперь администрация могла осуществлять «первоначальное накопление» средств. Авторы постановления, вероятно, рассчитывали, что сэкономленные средства пойдут на рационализацию либо расширение производства или в крайнем случае — на поощрение коллектива. Так и было, пока в 1988 г. у администрации не появилась возможность заняться параллельной коммерческой деятельностью. Капитал можно было накапливать на предприятии.

«Учитывая, что коллективный подряд и хозрасчет являются важнейшими факторами повышения эффективности производства, — априори утверждало постановление, — Госагропрому СССР и его органам на местах организовать в кратчайшие сроки перевод всех производственных подразделений сельскохозяйственных, перерабатывающих и других предприятий на условия коллективного подряда и хозяйственного расчета»¹⁰¹. Время экспериментов закончилось. И пусть методы хозрасчета внутри предприятий не были отработаны — главное связаться в драку...

Постановление не забывало и об интересах региональных элит — в их распоряжении оставались излишки продукции после выполнения обязательств перед центром¹⁰². Региональным агропромам давалось право устанавливать цены на скоропортящуюся продукцию¹⁰³. Это был первый шаг к переходу механизма ценнообразования в руки производящих монополий, который позднее вызовет грандиозную волну инфляции. Но пока ситуация еще оставалась под контролем центральных органов. Они еще ограничивали использование монопольной прибыли на поощрение работников. Хотя с 1987 г. планировалось ввести зависимость зарплаты от цены реализованной продукции¹⁰⁴, что не могло не сказаться на уровне цен.

Чтобы как-то нейтрализовать усиливавшуюся в результате реформы деспециализацию сельского хозяйства, постановление предусматривало создание «специализированных сырьевых зон»¹⁰⁵, рассчитывая осуществить прорыв в качестве продукции не на уровне отраслей, а на уровне регионов.

Таким образом, в 1986 г. государственное руководство приступило к существенным корректировкам реформы 1985 г., во много призванным смягчить последствия первого удара. Так формировался реформаторский стиль Горбачева — метод проб и ошибок.

Итоги агропромышленной политики 1985—1986 гг. были противоречивы. Закупочные цены на зерно в 1985—1986 гг. выросли на 15% (в 1984—1985 гг. остались почти без изменений)¹⁰⁶. Однако укрепившись у власти и рассматривая ситуацию уже не только с точки зрения аграрной элиты, Горбачев прекратил политику королевских подарков сельскохозяйственным предприятиям — в 1986—1987 гг. закупочные цены на зерно не изменились¹⁰⁷. Привели ли вливания 1985—1986 гг. к модернизации сельского хозяйства?

Электровооруженность сельского труда составила в 1980 г. 2671 квт. ч. на человека, в 1985 г. — 3471, а в 1986 — 3690, то есть рост энерговооруженности несколько ускорился¹⁰⁸. На 27 миллионов 951 тысяча человек, занятых в сельском хозяйстве приходилось в 1980 г. 3 миллиона 283 тысячи 600 комбайнов и тракторов, то есть по одной единице техники на 9 работников. Эта пропорция в 1985 г. изменилась в лучшую сторону — до 8 человек на единицу техники, после чего стабилизировалась¹⁰⁹. Если в 1980 г. поставки химических кормовых добавок составили 518 тысяч тонн (в пересчете на 100% питательных веществ), то в 1985 — уже 988 тысяч тонн, а в 1986 г. — 1027 тысяч тонн¹¹⁰.

Прирост продукции АПК составил в 1985—1986 гг. 4%, а в 1986—1987 гг. — менее процента. Урожайи зерна медленно росли, составив в 1980 г. 176,2 миллионов тонн, в 1985 г. — 178,4, 1986 г. — 194,0 миллионов тонн¹¹¹. Производство мяса в убойной массе в миллионах тонн составило в 1980 г. — 10,4, в 1985 г. — 12,4, в 1986 г. — 13,2, в 1987 г. — 14,0, в 1988 г. — 14,6¹¹². Этот рост до 1988 г. был заметен и на прилавках.

Сама обстановка реформ и широковещательные заявления о необходимости введения полного хозрасчета способствовали проведению внутренних преобразований в некоторых колхозах. Одним из наиболее радикальных экспериментов подобного рода было введение внутривладельческого хозрасчета в колхозе им. Орджоникидзе с.Шукты акушинского района Дагестана. Председатель колхоза М.Чартаев сумел в первой половине за счет государственных кредитов обновить производственную базу хозяйства и создать хорошую базу для эксперимента. Но после перехода на самофинансирование прибыль хозяйства превысила дотации¹¹³. В отличие от «показательных» хозяйств Чартаев не пользовался поддержкой руководства страны. Его отношения с местным руководством становились все более напряженными, так как работа хозяйства не поддавалась учету традиционным образом — каждый работник получал не зарплату, а доход от произведенной продукции, из которой уже оплачивал технику, администрацию и социальную инфраструктуру. Авторы эксперимента рассматривают преобразование 1985 г. (первое в серии внутривладельческих реформ 1985—1991 гг.) как «переход на внутривладельческие рыночные отношения с использованием аренды, товарно-денежных отношений (купли продажи продук-

ции, услуг), остаточного метода формирования хозрасчетного дохода каждого коллектива и отдельного работника, нормативного метода его распределения, коллективных и индивидуальных лицевого счетов учета доходов и расходов»¹¹⁴. Таким образом, доходы бригад и затем их членов автоматически зачислялись на счета в соответствии с заранее согласованными нормативами — стабильными внутривозрастными ценами. Работник платил администрации, принимал решение об организации своего труда.

Такой «перевернутый», с точки зрения традиционной системы, порядок финансирования заставлял работников искать наиболее эффективные формы хозяйствования — сэкономленные деньги оставались в их кармане. По мнению Ю.Бычека, «В результате перестройки каждый непосредственный производитель продукта или услуги — полевод, животновод, пастух, водитель автомобиля — перестал быть наемным работником и стал практическим владельцем необходимых ему средств производства. Если раньше он продавал колхозу свой труд, то теперь продает плоды этого труда, а из вырученной суммы вносит арендную плату, образующую чистый доход хозяйства, и возмещает все необходимые затраты. Остаток является его личным хозрасчетным доходом»¹¹⁵. «Магомед Чартаев, председатель колхоза им. Орджоникидзе... взял да и отдал колхозникам хозяйские права на средства производства со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹¹⁶.

В 1984 г. затраты в хозяйстве превысили выручку на 317,5 тыс. рублей, а в 1987 г. — выручка превысила затраты на 303 тыс. рублей¹¹⁷. Эти успехи были достигнуты за счет некоторой экономии на социальной сфере. Не сразу стали расти доходы всех работников — переход на рыночные рельсы не мог пройти безболезненно. Однако в 1987—1989 гг. «социальные издержки реформ» были компенсированы серией реформ, и доход оставшихся в хозяйстве людей (в том числе и учителей, медработников, пенсионеров) стал быстро расти¹¹⁸.

Перерабатывающая промышленность, которую прекратили «раскулачивать» и даже стали подкармливать, дабы спасти престиж реформаторов, в 1986—1987 гг. развивалась несколько успешней, чем в переломном 1985 г. — ее производство в 1987 г. составило 109% в отношении 1985 г.¹¹⁹ Ввод новых мощностей в 1981—1985 гг. в пищевкусовую промышленность составил 28% (в 1986—1990 — 29%), в мясомолочной — 32% (в следующей пятилетке — 34), а в среднем по промышленности эти показатели составили 33% и 29%. Таким образом, в результате хозяйственных пертурбаций 1985—1990 г. темпы обновления технологии пищевых отраслей сравнивались со средними, но не столько за счет роста показателей пищевиков, сколько за счет падения средних показателей¹²⁰. Износ фондов пищевых отраслей составил в 1989 г. 40% при среднем по промышленности показателе — 45%¹²¹. Производство мяса в промышленной выработке составил в 1980 г. 9140 тысяч тонн, в 1985 г. — 10808 тысяч тонн, в 1986 г. — 11670, в 1987 г. — 12243, в 1988 г. — 12836 тысяч тонн¹²². Эти темпы были ниже, чем темпы роста производства мяса, но все же рост сохранялся и в промышленности. Таким образом, предсказания о развале пищевой промышленности не оправдались. Преобразователи нашли в себе силы не доводить реформу «до

победного конца». Гибкость Горбачева будет отличать его от более поздних реформаторов. Но все же некоторые результаты перемен 1985—1986 гг. не могут быть оценены с помощью статистических показателей (тем более советских): «агропогром» отрицательно сказался на качестве продукции, на местах шло разбазаривание ресурсов, выделенных на модернизацию агропромышленного комплекса. Усиливалась «уравниловка» оплаты труда в Агропроме, которая приводила к оттоку из агропромышленных предприятий квалифицированных кадров.

Благодаря гигантским вложениям фондовооруженность АПК в 1985—1986 гг. выросла на 667 рублей на одного работника, а производство продукции выросло только на 627 рублей¹²³. АПК по-прежнему оставался в долгу.

В 1986—1989 гг. агропромышленные предприятия, пользуясь веяниями времени, постепенно приобретали самостоятельность от РАПО. Работники перерабатывающей промышленности спасали свои предприятия, понимая, какие выгоды их потенциал может принести по мере распада административной системы управления и выхода из-под контроля сельскохозяйственной элиты. К середине 1989 г. сохранение гигантского агропромышленного ведомства потеряло всякий смысл, и было решено вновь вернуться к системе отраслевых ведомств, которые должны были координировать работу все более автономных предприятий. Так закончилась недолгая история Агропрома.

Примечания

1. Горбачев М. Указ. соч. Т. 3. С. 5.
2. Там же. С. 7-8.
3. Там же. С. 6.
4. Там же. С. 7.
5. Печенев В. Горбачев: к вершине власти. М., 1991. С. 21.
6. Там же. С. 59.
7. Там же. С. 21—22, 44, 57.
8. Там же. С. 22.
9. Горбачев М. Указ. соч. Т. 3. С. 7.
10. Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция). М., 1985. С. 4, 22.
11. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 366.
12. Горбачев М. Указ. соч. Т. 3. С. 13—14.
13. Там же. С. 17—18.
14. Интервью с народным артистом СССР О.П.Табаковым // Правда. 22.12.85.
15. Шахназаров Г. Программа КПСС и будущее человечества. Новое время. 47.1985. С. 3.
16. Там же. С. 4.
17. It's a long way to communism under Gorbachev // Economist. 2-9 Nov. 1985. P. 61—62.

18. Serge Shmemann. Soviet programm tones down rhetovie // International Herald Tribune. 28.10.1985.
19. D.Dhombres. Moscou admet que l'augmentation des depenses militaires a contribue au ralentissement de la croissance economique // Monde. 10—11 novembre, 1985. P. 13.
20. Сравни: Материалы XXII съезда КПСС. С. 366-367 и Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция).
21. Правда. 30.11.85.
22. Полторанин М.Н. За окном министерства. Правда. 7.11.85.
23. В.Прибыловский. Сто политиков. ИЭГ Панорама: М., 1992. С. 25.
24. Горбачев М. Указ. соч. С. 286.
25. Горбачев М. Т. 3. С. 18.
26. Там же.
27. Там же. С. 19.
28. Там же. С. 20.
29. Там же. С. 19.
30. Там же. С. 424.
31. Болдин В. Указ. соч. С. 95.
32. Горбачев М. Указ. соч. С. 423-424.
33. См., например: Согрин В.В. Указ. соч.
34. Горбачев М. Указ. соч. С. 337.
35. Там же. С. 336.
36. Там же. С. 337.
37. Мау В.А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России 1985—1994. М., 1995. С. 9
38. Горбачев М. Указ. соч. С. 214.
39. Там же. С. 217.
40. Мау В.А. Указ. соч. С. 7.
41. А.Аганбегян. Inside Perestroika: The Future of Soviet Economy. N.Y., 1989. P. 221
42. Горбачев М. Указ. соч. С. 218.
43. Воротников В. Указ. соч. С. 67.
44. Горбачев М. Указ. соч. С. 253.
45. Там же. С. 337-338.
46. Там же. С. 338.
47. Там же.
48. Там же. С. 253.
49. Воротников В. Указ. соч. С. 61.
50. Горбачев М. Указ. соч. Т. 3. С. 21.
51. См., например: Попов Г. Указ. соч. С. 40.
52. Горбачев М. Указ. соч. Т. 3. С. 21.
53. Воротников В. Указ. соч. С. 72,76
54. Горбачев. Я не знаю счастливых реформаторов // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 124
55. Актуальные проблемы совершенствования планово-экономических рычагов управления народным хозяйством. М., 1985. С. 95.
56. Там же. С. 96.
57. Там же. С. 97.
58. Там же.
59. Народное хозяйство... С. 24.
60. Горбачев М. Указ. соч. С. 403.
61. Воротников В. Указ. соч. С. 71.
62. Горбачев М. Указ. соч. С. 413.

63. Там же. С. 419.
64. Там же. С. 420.
65. Горбачев М. Указ. соч. Т. 3. С. 22.
66. Цит. по: Болдин В. Указ. соч.
67. С. Жариков. «Его величество» цифра // Правда. 12.01.1985.
68. Цит. по: Болдин В. Указ. соч.
69. Народное хозяйство... С. 375.
70. Там же. С. 450.
71. Воротников В. Указ. соч. С. 74.
72. Там же.
73. Там же.
74. Там же. С. 75.
75. Архив Шубина А.В. 1980—1986 гг. Сизенко Е.И. Вопросы управления мясной и молочной промышленностью СССР. Письмо Председателю Совета Министров СССР товарищу Рыжкову Н.И. 22.10.85. № 01-4-6010. С. 1
76. Там же. С. 2.
77. Там же. С. 3.
78. Там же. С. 4.
79. О дальнейшем совершенствовании управления и экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе страны. Сборник материалов. М., 1986. С. 4.
80. Архив Шубина А.В. 1980—1986 гг. Сизенко Е.И. Вопросы управления... С. 4-5.
81. Там же. С. 11.
82. Там же. С. 6-7.
83. Там же. С. 7.
84. Там же. С. 9.
85. Там же. С. 86.
86. Там же. С. 11.
87. Там же. С. 10—11.
88. Ковалев В. Беседа с автором 19.12.1991.
89. Там же.
90. Там же.
91. Трудовое право и повышение качества труда. М., 1987. С. 174.
92. Ковалев В. Беседа с автором.
93. Там же.
94. Там же.
95. Там же.
96. Воротников В. Указ. соч. С. 75.
97. О дальнейшем... С. 15.
98. Воротников В. Указ. соч. С. 74.
99. О дальнейшем... С. 16—17.
100. Там же. С. 30.
101. Там же. С. 24.
102. Там же. С. 19.
103. Там же. С. 21.
104. Там же. С. 23.
105. Там же. С. 19.
106. Народное хозяйство... С. 160.
107. Там же.
108. Там же. С. 443.
109. Там же. С. 445, 449.

110. Там же. С. 448.
111. Там же. С. 460.
112. Там же. С. 502.
113. АПК России. № 2. 1989. С. 8.
114. Чартаев М.А., Алибеков М.А., Арашуков В.П., Попов А.К., Таймазов М.Т. Союз совладельцев — собственников Шукты Республики Дагестан. М., 1995. С. 5.
115. АПК России. № 3. С.11.
116. Там же. № 4. С. 6.
117. Там же. С. 11—12.
118. Андреев С. Как расчистить авгиевы конюшни // Третий путь России. Не смей командовать. С. 3. Архив Шубина А.В. сентябрь—декабрь 1995 г.
119. Народное хозяйство... С. 431.
120. Там же. С. 377.
121. Там же. С. 375.
122. Там же. С. 517.
123. Там же. С. 427.

Глава XV

ЧИСТИЛИЩЕ

Борьба с «нарушениями социалистической законности»

1. Общие показатели

В 1985—1986 гг. политическое противоборство еще сохраняло жесткие формы уголовного преследования. Начатая Андроповым и продолжавшаяся при Черненко волна борьбы с коррупцией и хищениями в эти годы набирала обороты, вовлекая в свои жернова все большее количество чиновников и служащих низового звена. Если в 1980 г. было выявлено 6024 взятка, а в «андроповском» 1983 г. — 8568, то в 1985 — уже 10561 (то есть на 75,3% больше, чем в 1980 г.), а в 1986 г. — 11408 (на 8% больше, чем в 1985 г.). В 1987 г. происходит снижение этого количества до 7848.

Если проследить эти показатели по республикам, коррупция в которых оказалась позднее в центре общественного внимания, то цифры окажутся довольно скромными. В 1985 г. в Узбекистане было зафиксировано 759 фактов взяточничества, в Казахстане — 609, в Грузии — 208, в других южных республиках — и того меньше. Коэффициент преступности Узбекистана на 100 тыс. человек по взяточничеству составлял 4,2, а России — 4,1. В 1986 г. этот показатель Узбекистана даже снизился до 4,0, после чего «наиболее коррумпированную» республику обогнали Россия, Казахстан, Грузия и Молдавия¹.

Близкая картина наблюдается и по более распространенному преступлению — «хищение». Если в 1980 г. было зафиксировано 67410 преступлений, охарактеризованных как «хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением», то в 1983 г. таких преступлений было выявлено уже 79594, в 1984 г. — 85087, в 1985 — 92986, в 1986 — 97638, в 1987 — 96986. При этом коэффициент преступности в большинстве республик, включая Узбекистан, где деятельность правоохранительных органов приобрела наибольшую известность, укладывался в 20—26 на 100 тыс. жителей. Больше этого были показатели в России (38,2) и Белоруссии (31,7), а безусловным рекордсменом был Казахстан (57,7)². Таким образом, реальная статистика преступности не совсем соответствовала географии публичных разоблачений, которые в 1987 г. переросли в широкую кампа-

нию в прессе. Характерно, что в этом году начинается снижение преследований за хищения (падение числа зафиксированных преступлений вовсе не свидетельствует о реальном уменьшении количества хищений).

Несмотря на рыночные авансы партийного руководства, нарастает кампания по борьбе с «нетрудовыми доходами», сопровождавшаяся ударами по мелким собственникам, занимавшимся сельским хозяйством, ремеслом, строительством, извозом. Пресса призывает граждан вести с ними непримиримую борьбу. Но граждане продолжают пользоваться услугами частных. Становится ясно, что частный сектор заполняет расширяющиеся прорехи государственного сектора. «Уличить “частника” в извозе не так-то просто, — писал в «Комсомольской правде» Л.Арих. — Особенно, если за рулем сидит человек, набивший не только карман, но и руку». Частник «крутится там, где невыгодно крутиться таксисту»³. Но это пока не останавливает «партию». Генеральный секретарь лично обрушился на шабашников, поскольку они предпочитают «воровать на стройке материалы»⁴. В 1985—1987 гг. продолжает расти и количество зафиксированных преступлений, характеризующихся как «спекуляция» (перепродажа по более высокой цене). Пик количества преступлений здесь приходится на 1988 г., когда рыночный социализм фактически стал официальным лозунгом КПСС. Удар по мелким собственникам в преддверии великого похода бюрократии за собственностью был вполне логичен — чиновничество избавлялось от конкурентов. Но полулегальный бизнес времен «застоя» не исчез. Он был загнан в подполье и попал под контроль криминального капитала.

2. Громкие дела

Наибольший коэффициент экономической преступности приходился на Грузию, где относительно высокий уровень развития неконтролируемой торговли сочетался с оставшейся со времен Шеварднадзе большой активностью карательного аппарата⁵. Здесь репрессивная политика была тесно связана с борьбой номенклатурных кланов за власть. В июле 1985 г. был внезапно освобожден от занимаемой должности и вскоре арестован секретарь ЦК КП Грузии С.Хабешвили. Его считали «человеком Шеварднадзе». При переходе последнего на работу в Москву Шеварднадзе не дали оставить во главе республики Хабешвили — у власти встал Д.Патиашвили, находившийся с Хабешвили в конфликте.

После того как над Хабешвили «сгустились тучи», он попытался встретиться с бывшим покровителем: «Связался с МИДом, — вспоминает Хабешвили, — Шеварднадзе поднял трубку и... мы хорошо друг друга поняли. Он сказал, что ввиду его крайней занятости, встреча сейчас не получится, но выразил надежду, что когда подключатся юристы, все выяснится»⁶. Опытный царедворец решил не рисковать, заступаясь за «взяточника» в условиях продолжавшейся борьбы за власть и все более широкой кампании против коррупции.

На суде часть свидетелей обвинения отказались от своих обвинений, что спасло Хабеашвили жизнь, и он был приговорен к 15 годам заключения. На суде Хабеашвили признал часть взятки. Но позднее он категорически отрицал свою причастность к коррупции. На вопрос корреспондента «Но почему на суде вы признали какие-то взятки?» Хабеашвили ответил: «Если бы меня арестовали сейчас, я бы сделал то же самое. Я спасал жизнь моего сына. Патиашвили мог расправиться с моими близкими точно так же, как пытался расправиться со мной. А со мной и так, по-моему, все кончено»⁷. «Все кончено» с Хабеишвили стало гораздо позднее. После возвращения Шеварднадзе в Грузию в 1992 г. его сподвижник был амнистирован и назначен руководителем одного из фондов нового главы Грузинского государства. В условиях Грузии середины 90-х гг. это была не менее опасная работа, чем пост секретаря ЦК в середине 80-х. В 1995 г. Хабеашвили был убит.

В декабре 1985 г. прошли аресты в Министерстве иностранных дел, Министерстве внешней торговли и других ведомствах, связанных с внешней торговлей. Один из арестованных тогда и осужденных к лишению свободы замминистра внешней торговли В.Сушков вспоминает: «Формальной причиной моего ареста стало несоблюдение ведомственной секретной инструкции о правилах обращения с подарками, полученными от иностранцев. Реальная причина — попытка пришедшего к власти нового лидера — Горбачева показать народу, что КПСС готова “очиститься”, разоблачить “коррупционеров” и начать перестройку. Случайной искупительной жертвой этого процесса среди прочих высокопоставленных чиновников оказался и я... Почему случайной? Этот “тонкий” момент мне разъяснил следователь: “Мы могли арестовать любого замминистра. Но попался один из твоих подчиненных. Ну сам посуди: какая разница, кого бы из замов мы арестовали?”

Аресты в МИДе, ГКЭС, Минвнешторге были, видимо, заранее спланированной акцией, и арестовывали, как правило, чиновников на уровне замминистра...

Целый день без еды, питья и туалета два высших офицера пытались превратить меня во взяточника. Психологически они поступали правильно. Я духовно ослабел, был потрясен арестом, обыском, переодеванием, решетками. Эта пытка закончилась только в час ночи, когда принесли разрешение прокурора на мой арест...»⁸ Несмотря на то что, по утверждению В.Сушкова, он не нарушал порядка приема подарков (обмен подарками был и остается в порядке вещей в международной торговле) и никак не содействовал иностранцам, эти подарки дававшим, замминистра все же решил признать обвинения под угрозой расправы над близкими (каковая все же была осуществлена)⁹.

Справедливы ли упреки Хабеашвили и Сушкова, действительно ли они согласились сотрудничать с обвинением как в сталинские годы — под угрозой расправы с семьей, или речь может идти о запоздалых попытках взяточников реабилитироваться? Возможно ли использование следственных методов 30-х гг. в 1985 г., уже даже не в период «застоя» (или тем более — не в период «застоя»)? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к

опыту республики, в которой были проведены наиболее «громкие» дела против коррупции — Узбекистана.

3. Чистка Узбекистана

Статистика доказанных преступлений в Узбекистане не соответствует количеству арестов. Начиная с 1983 г. Узбекистан подвергся массовой атаке Прокуратуры СССР, КГБ СССР и МВД СССР. По утверждению Т.Гдяна: «За четыре года, с июня 1984 по сентябрь 1988, в многострадальном Узбекистане смещены 58 тысяч ответственных работников»¹⁰.

Конечно, такие масштабы разоблачений не могут свидетельствовать о том, что Узбекистан опережал остальные республики по уровню коррупции.

В марте 1985 г. был арестован начальник Бухарского УВД Норов и заместитель Узбекистана Кахраманов. Окрыленные успехом следователи надеялись выйти на уровень ЦК республиканской компартии. На место арестованных чиновников приходили «еще не разоблаченные» работники, главной задачей которых оставалось выживание в условиях продолжавшейся чистки. Они оказывали следствию осторожное сопротивление. По словам Т.Гдяна и Н.Иванова: «Когда наша следственная группа прибыла в Ташкент, местные чекисты располагали множеством такой информации. Нам дали возможность прослушать фрагменты звукозаписи телефонных разговоров обвиняемых, познакомиться с документами по результатам наружного наблюдения, просмотреть обобщенные данные по агентурным наблюдениям... Сотрудники местного КГБ позднее рассказывали, что большую часть информации уничтожили, было сожжено более 70 томов. Некоторые документы искажались и переписывались заново. Офицеры, которые еще вчера показывали нам интересующие следствия материалы, на все просьбы виновато опускали глаза: “Извините, у нас ничего нет”»¹¹. По утверждению Т.Гдяна, подследственный Музаффаров сообщил, что ему стало известно о подготовке покушения на руководителя группы в случае, если будет арестован бывший министр внутренних дел Эргашев¹².

Заблокировать расследование можно было также путем уничтожения обвиняемых-свидетелей. И союзная прокуратура, и местные власти затягивали арест руководителей, обвиняемых группой Гдяна, информируя их о печальной перспективе. В 1984—1985 гг. в республике произошла волна самоубийств. Бывший министр внутренних дел Узбекистана К.Эргашев, снятый с должности в 1983 г., застрелился еще в августе 1984 г., написав в предсмертном письме: «Я, абсолютно одинокий человек, сын бедняка, оклеветан Рашидовым и его шайкой»¹³. Первый секретарь Кашкадарьинского обкома КПСС Р.Гаипов нанес себе 13 ножевых ранений, после того как ему стало известно о предстоящем аресте¹⁴. Другой жертвой стал министр внутренних дел Узбекистана Г.Давыдов. По утверждению Т.Гдяна, «в ходе следствия были установлены факты получения Давыдовым в 1980—1983 гг. взятки... О корыстных злоупотреблениях Давыдова было информировано

руководство МВД СССР, в связи с чем 15 апреля 1985 года он подал рапорт об увольнении. 24 апреля 1985 года он был помещен в госпиталь МВД УзССР для обследования состояния его здоровья. 11 мая 1985 года приказом МВД СССР № 152 л/с Давыдов был уволен из органов внутренних дел. 17 мая 1985 года в ночное время в палате № 80 госпиталя Давыдов покончил жизнь самоубийством, произведя три выстрела в голову из пистолета. На решимость Давыдова покончить жизнь самоубийством, очевидно, повлияла целая серия самоубийств избалованных во взяточничестве должностных лиц республики и одобрительная реакция на это других руководящих работников, поскольку эти трагические кончины обрывали ниточки, ведущие вверх»¹⁵.

После Давыдова осталось предсмертное письмо, в котором его автор писал: «Горько и обидно, что неожиданно предложили уйти на пенсию и сделано это в столь бесцеремонной, и даже грубой форме. Сейчас, по-моему, стало легче оболгать ответственного работника, чем когда-либо, запачкают грязью, а потом отмывайся. И мне кажется, что кто-то хочет оклеветать меня, взвалив на мои плечи грехи прежних руководителей, очернить безупречную работу в МВД в течение 16,5 лет. Ухожу честным работником МВД, коммунистом, генералом, отцом... Я вынужден сам принять крайнюю меру к сохранению своей чести и достоинства. А перед этим не лгут»¹⁶. Конечно, только очень наивный человек может поверить, что грубая форма увольнения на пенсию могла заставить генерала покончить с собой.

Несмотря на то что большинство самоубийц очень трудно отнести к невинным жертвам, нельзя отрицать и «жестких» методов ведения следствия в качестве фактора, способствовавшего самоубийствам. Как мы увидим, самоубийством кончали не только высокопоставленные чиновники, попавшие в машину расследования.

Впрочем, с некоторыми самоубийцами следователи так и не успели встретиться. Их доводило до самоубийства местные «доброжелатели». После того как осенью 1985 г. вслед за передачей информации о следствии республиканскому ЦК покончил с собой руководитель Джизакского УВД Я.Нарбеков, группа Гдляна получила право не предоставлять узбекским властям никакой информации. Т.Гдлян и Н.Иванов считают, что за счет этих ограничений «удалось спасти жизни нескольким функционерам»¹⁷.

По мнению Т.Гдляна и Н.Иванова, волна самоубийств спала тогда, когда после гибели Гаипова следствие привлекло к ответственности его родственников, проигнорировав существовавшую ранее традицию — «оставлять в покое» капиталы семьи после смерти ее главы¹⁸. Самоубийства сделались бессмысленными. Был «создан опасный для коррумпированной власти прецедент: оказывается, и добровольный уход из жизни сановного мздоимца не является индульгенцией, не освобождает от ответственности соучастников-наследников, не гарантирует сохранности наворованных миллионов»¹⁹. Однако членов семей обвиняемых задерживали и ранее, что показала проверка 1989—1990 гг.

Группа Гдляна привлекла к уголовной ответственности 62 человека, из которых осужден был только 31 человек. Однако арестовано было около

200 граждан, в отношении которых потом уголовное дело не заводилось, и вина не доказывалась²⁰. Группа работала с меньшим размахом, чем организаторы «хлопкового дела», но проверка, проводившаяся в 1989—1990 гг. — вскрыла немало нарушений закона. Некоторые из «задержанных» провели в заключении до десяти месяцев. Это пребывание в тюрьме лиц, которые не знали, являются они обвиняемыми или свидетелями, не только противоречило закону, но и позволяло «ломать» людей, добиваться от них нужных показаний, шантажируя угрозой уголовного преследования. Человек, арестованный без предъявления обвинения, находился в полной зависимости от следователей. В случае, если следователи получали от них «нужные» показания либо убеждались в том, что здесь только потеряют время, протоколы допросов могли уничтожаться. Вплоть до 1990 г. большинство из этих людей считало себя обвиняемыми²¹. По материалам проверки 1989—1990 гг., некоторые из них после избиений покончили с собой²².

Рассказывая о жестоких методах следствия, практикуемых в группе Гдяна, В.Ильяхин замечает: «Конечно, мне могут возразить, сослаться на то, что к показаниям этих лиц (подследственных и “вынужденных свидетелей”) надо относиться критически. Все это так. Поэтому мы ими не ограничились. Нами был допрошен следователь гдяновской группы Шамсутдинов, который заявил, что он был очевидцем нанесения ударов и плевка в лицо Бурханову следователем Карташяном». Факты издевательств подтвердил и следователь В.Шароевский²³. Факты избиений подтверждаются и данными тюремных информаторов, которые были изъяты из дела Гдяном²⁴. По данным проверки, следователи часто изымали из материалов дела документы, противоречащие версии следователей²⁵.

Когда «продиктованные» следствием показания очевидно расходились с реальностью, они оперативно пересматривались. Так, по схеме Гдяна, подполковник милиции Очилов должен был давать взятку первому секретарю Кашкадарьинского обкома Гаипову. После того, как Гдян показал ему постановление на арест отца и сына, Очилов согласился дать любые показания. Но при допросе Очилова следователем Ковеленовым выяснилось, что Очилов, «передававший взятку» ко дню рождения Гаипова, не знает, когда тот родился. Пришлось идти к Гдяну. По воспоминаниям Очилова: «Гдян в присутствии нас позвонил управляющему хозяйственной частью ЦК КП Узбекистана и у него узнал дату рождения Гаипова». По воспоминаниям следователя Ковеленова: «Когда я стал выяснять у Очилова дату рождения Гаипова, то он ее не знал, и я не знал. Тура постоянно говорил мне, что давал показания под диктовку Гдяна и Иванова. Тогда я и Очилов пошли к Гдяну, который в присутствии нас позвонил в ЦК КП Узбекистана, выяснил дату рождения Гаипова и сообщил мне»²⁶.

Происходили и другие «сбои». После очередного допроса 24 мая 1985 г. М.Барнаев был доставлен в больницу с множественными кровоподтеками, рвотой и головными болями. Он заявил, что был избит следователями. Факт избиения был установлен и прокурорской проверкой. Но уже в июне дело об избиении перешло в руки союзной прокуратуры, а затем — к Гдяну. В итоге Барнаев был арестован и после соответствующей обработки «признал-

ся», что был избит своим дядей, в передаче взятки которому и обвинялся. В 1990 г. Барнаев был реабилитирован²⁷.

Комментируя эти факты, следователь В.Ильяхин, заявляет: «После того что мы выявили в делах Гдлян, хочется спросить его защитников, так рьяно оправдывавших творившееся беззаконие ссылкой на поговорку — “Лес рубят — щепки летят”: где здесь лес, а где щепки?.. Рубили невиновных, они оказывались “лесом”, а щепками были преступники. Это ли не репрессии, которые сродни произволу 30-х гг.?.. Это был страшный психологический и физический пресс на арестованных, на задержанных. Прибегая к нему, как и в 30-е годы, заставляли родителей “изобличать” своих детей, а тех, наоборот, родителей. И делалось это вопреки существующему запрету на принуждение к даче показаний... Как и в 30-е годы, людям, измороженным в следственных камерах, сломленным психологически, потерявшим всякую сопротивляемость к обману и готовым пойти на любой оговор, подсовывали списки должностных лиц и требовали подписать на них ложные показания о даче взятки», — утверждает В.Илюхин²⁸.

Уместно в этой связи привести мнение Н.Иванова о некоторых следователях: «Нередко они перерождаются в этаких бездушных роботов, судьба проходящих по делу людей им совершенно безразлична, они заранее предрешены против них, как против отверженных, не считают порой за грех обидеть, унижить, обмануть их, упиваясь при этом всей властью»²⁹. По утверждению Ю.Чурбанова, к нему применялись изматывающие «допросы-марафоны» и серьезные угрозы: «Как-то раз Гдлян, который был сильно возбужден, бросил такую фразу: “Если бы Вы не заговорили сразу, не дали бы показаний, я не знаю, что бы я с вами сделал”. Гдлян обещал отправить меня в Бутырку, к гомосексуалистам»³⁰. Известно, что такие методы воздействия на подследственного действительно применялись карательными органами СССР. Так что, если угроза следователя действительно имела место, она не была пустым звуком. Сами следователи категорически отрицают применение ими незаконных методов следствия, но нарисованная Н.Ивановым картина взаимоотношений с подследственными выглядит весьма наивно: «Вместо того чтобы, сухо кивнув, брякнуть: “Садитесь, гражданин такой-то” — и тут же приступить к допросу, а именно к такому формальному обращению человек привык за эти месяцы, я встречаю его стоя, выхожу из-за стола, здороваюсь за руку, предлагаю ему стул, обращаюсь только по имени-отчеству. Потом мы пьем зеленый чай с заменяющими сахар очень дешевыми, но приятными на вкус восточными сладостями, я расспрашиваю его о здоровье, выслушиваю просьбы и либо обещаю их выполнить и выполняю, либо отказываю, но никогда не стану обманывать. Он и так видел много неправды в жизни, привык к продажной юстиции и теперь должен убедиться, что встретился с людьми, которые держат слово... Раз за разом отношения становятся все более человеческими, доверительными, и наступает момент, когда подследственному становится неудобно, неловко лгать и выдумывать небылицы. Он уже убедился, что в нем видят человека, не мстят ему, пытаются установить истину, что его откровенность, наконец, не будет отягчать его ответственность»³¹. Можно просле-

зиться. Но верится с трудом. Во всяком случае Гдлян и Иванов, по собственному признанию, “посягнули” на “сомнительные принципы «социалистической законности»”³².

«Создание» доказательств осуществлялось и благодаря правовой неграмотности подозреваемых. Попав в машину расследования, они соглашались «вернуть» средства, хищение которых им вменялось в вину, и часто собирали необходимые деньги, наивно рассчитывая, что после этого к ним не будет претензий. Вполне вероятно, что в сборе средств для таких людей принимали участие и ключевые фигуры «мафии», направляя удар в другую сторону.

«Сбор средств» принимал поистине массовые масштабы. По свидетельству К.Майданюка, «установились и правила конъюнктурной игры: вы — “добывайте”, а мы не видим ваших своеволий. Обычно начиналось с того, что обвиняемого “уговаривали” написать доверенному лицу записку: дескать, выдай. Ехали без обвиняемого — побыстрее бы! А им: “Нет у меня денег, уважаемые...” Как это нет? Перепрятал? Задерживают по подозрению в укрывательстве, вытягивают душу. Наконец, вступают в торг: мы тебя отпустим, а ты принеси... Хуже того, вызывают родственников задержанного, и тот сам ведет с ними переговоры. Приносили. Но уже не скажешь — то ли действительно из тайника, то ли собрали с протянутой рукой»³³.

Всего группа Гдльяна «вернула государству» 27 982 153 рубля 10 копеек³⁴. Часть этих средств была унаследована от дел, которые Гдлян принимал от других групп. Изымавшиеся группой Гдльяна средства описывались и хранились крайне небрежно, так что далеко не всегда можно было установить их происхождение. Некоторые вещественные доказательства исчезали. Это позволяло заподозрить следователей группы Гдльяна в злоупотреблениях, но прекращение «антигдлянковского» расследования в 1990 г. не дало возможность выяснить, присваивали ли они средства³⁵. Обвиняемые Гдлянном лица позднее выдвигали против него встречные обвинения в вымогательстве взятки, но следователи, занимавшиеся деятельностью группы Гдльяна, не применяли его методов, и эти обвинения остались лишь версией³⁶.

Естественно, что методы расследования, применяемые «органами» в Средней Азии оставались традиционными — не соответствовавшими мировым правовым стандартам. Характерно, что когда в 1988 г. дело дошло до суда, значительная часть доказательств обвинения уже «не работала», так как в жизнь общества стали постепенно входить новые правовые нормы. Почувствовав это, некоторые обвиняемые смогли смягчить удар или вовсе выйти из-под него. Ю.Чурбанов, которому повезло меньше, говорит об этом: «Умнее всех нас повел себя Хайдар Халикович Яхьяев (бывший министр внутренних дел Узбекистана, арестованный в августе 1985 г. — *А.Ш.*), бывший министр Узбекистана. Он просто обманул всех следователей, провел их, как мальчишек. И сам рассказал об этом в Верховном суде СССР. Яхьяев сначала сделал все, что от него требовали следователи, то есть “топил людей” как только мог, все признавал, а потом дождался суда, отрекся от своих показаний и сам рассказал на суде о преступных методах ведения следствия группой Гдльяна и Иванова. Он говорил, что следователи

торговались с ним, в том числе и за показания против меня... И вот все это Яхьяев рассказал на суде. И чем кончилось? Яхьяева освободили. Он был отпущен из зала суда под аплодисменты и сейчас он на свободе»³⁷.

Провал в случае с Яхьяевым еще не означает, что системы коррупции в Узбекистане не существовало, и все обвиняемые оказались жертвами «заговора следствия». Повторить успех Яхьяева в полном объеме удалось немногим, но отвести часть обвинений смогли почти все. Это подтверждало не только низкое качество работы следователей, но и то, что они ориентировались на стандарты другой эпохи, когда подозреваемый был обречен и априори считался виновным.

Иногда информация о «крутых» методах работы команды Гдляна приводила к неприятностям. Так, в декабре 1985 г. Гдлян на короткое время был отстранен от следствия. Однако вскоре руководство решило, что надо продолжать использовать его на прежнем месте.

Несмотря на существование собственных интересов у следственного аппарата, он в условиях 1983—1985 гг. был не волен самостоятельно определять масштабы репрессий. Непосредственное руководство «органами» сохраняли за собой центральные партийные структуры. Они давали «добро» на аресты высокопоставленных чиновников и регулировали масштабы чисток. В 1985 г. перед командой Горбачева стояла задача добиться пропагандистского успеха, удовлетворить «пуритан» и поставить среднеазиатские республики под полный контроль. В целом это удалось — на несколько лет кадры, пришедшие на место репрессированных, станут наиболее преданной опорой Горбачева на разнообразных конференциях и съездах. Подбор кандидатур на место арестованных чиновников осуществлялся новым руководством. При этом каждый из среднеазиатских чиновников (и не только узбекских, так как чистки прокатились и по другим республикам) знал, что он связан с теми, кто уже сел. До 1988 г. именно руководство КПСС решало — «раскручивать» дело дальше, или нет.

Укрепилось и положение Горбачева в высшем руководстве. Консервативные кадры побаивались перечить новому лидеру, опасаясь расширения чисток на центральные районы страны. Но в то же время они видели, что Горбачев отводит активность «пуритан» от центрального аппарата. Сами «пуритане» также были солидарны с Горбачевым в том, что в центре репрессии должны носить скорее пропагандистский характер и не дезорганизовывать работу.

Высшие руководящие кадры, выдвинувшиеся в ходе чисток, должны были сохранять спокойствие. Эту линию разделяло не все руководство КПСС, среди «пуритан» стали выделяться радикалы, требовавшие продолжения чистки. Выступая в Ташкенте, секретарь ЦК Б.Ельцин заявил: «Работа, которую проводит республиканская партийная организация, чтобы в корне оздоровить обстановку, находится еще в самом начале пути»³⁸. В Узбекистане сотрудники местного КГБ передали Ельцину «компромат» на первого секретаря Усманходжаева. Ельцин решил вмешаться в борьбу узбекских кланов и повести атаку на Усманходжаева: «Прилетев в Москву, я внимательно изучил все документы, которые мне передали, и пошел к Гор-

бачеву. Я достаточно подробно рассказал ему обо всем, что удалось узнать, в заключение сказал, что необходимо немедленно принять решительные меры. И главное, надо решать вопрос с Усманходжаевым. Вдруг Горбачев рассердился и сказал, что я совершенно ни в чем не разобрался, Усманходжаев — честный коммунист, просто он вынужден бороться с рашидовщиной, а старая мафия компрометирует его ложными доносами и оговорами. Я говорю, Михаил Сергеевич, я только что оттуда, Усманходжаев прекрасно вписался в рашидовскую систему и отлично наживаете с помощью даже и не им созданной структуры. Горбачев ответил, что я введен в заблуждение, и вообще за Усманходжаева ручается Егор Кузьмич Лигачев»³⁹. Горбачев, конечно, имел представление о сохранении рашидовской системы и после первой волны чистки — высшее руководство в этот период непосредственно направляло работу группы Гдяна, «копавшую» под узбекистанский ЦК. Но Генсек понимал, что в условиях обусловленности коррупции общественным порядком, когда к ней в той или иной степени причастны все руководители (при этом они могут и не являться коррупционерами сами), обвинения носят произвольный характер — обвинить можно любого. Партийные лидеры, пришедшие к власти в Узбекистане на волне чистки, как казалось Горбачеву, замешаны в коррупции в меньшей степени. Но они могли обеспечить управляемость республики. Если бы Узбекистан захлестнула новая волна чисток, эту управляемость можно было бы и потерять. Поэтому Горбачев счел за лучшее осадить радикала Ельцина, сохранив за собой монополию на решение судьбы узбекских руководителей. Впрочем, этот конфликт лишь укрепил Горбачева в мысли о необходимости назначить Ельцина первым секретарем Московской парторганизации. Москву тоже планировалось основательно «почистить».

Так была ли в Узбекистане развита коррупция? Этого не отрицают и оппоненты Гдяна и других следователей, действовавших в республике. Коррупция и мафия в Узбекистане (как и в других республиках СССР) была широко развита, но насколько — этого сказать уже нельзя. Обвинения, даже признанные судами, сегодня признать доказанными трудно из-за неправовых методов следствия — также как и обвинения сталинской юстиции (что не исключает признания того факта, что в стране действительно было много людей, недовольных сталинской политикой). Структура мафии, видимо, существенно отличалась от той картины, которая была нарисована Гдяном и Ивановым. Пока нет доказательств того, что в мафию входили все без исключения чиновники Узбекистана и что ЦК КПУ был именно «штабом мафии». С одной стороны, часть чиновников могла не участвовать в прямых махинациях и просто смотрела на нарушения закона коллегами сквозь пальцы. С другой — в «штаб мафии» могли входить и люди, непосредственно не состоявшие в головке компартии.

А.Гуров, исследовавший криминальную ситуацию в столице Узбекистана, писал: «Город Ташкент, например, был поделен на четыре зоны, в каждой из которых властвовал местный “авторитет”. В органах милиции действовали представители мафии, работавшие там даже без оформления личных дел. Это они выбрасывали из окон тюрьмы свидетелей, которые начинали

давать показания... Гдлян вовсе не занимался лидерами уголовной среды, у которых на крючке сидели коррумпированные чиновники. Видимо, перед Гдлянном стояла другая задача — прощупать зарвавшихся секретарей райкомов и обкомов, что и получилось, благо разрешение “на отстрел” было... так что Гдлян прошел мимо настоящей мафии. Он извлекал ценности и задерживал подозреваемых, которых потом, как мы знаем, освободили, а против него самого в Узбекистане хотели возбудить уголовное дело по причине сомнительных методов следствия»⁴⁰.

Однако у руководства страны и широкой общественности сомнения в законности действий советских следователей возникнут лишь через несколько лет. А пока в ЦК КПСС считали, что «процесс находится под контролем» и готовились вывести «узбекское дело» на московский уровень, санкционировав начало «разработки» зятя Брежнева Ю.Чурбанова.

Важнейшим результатом расследований 1983—1985 гг. стало выявление гигантских изъятий средств из казны. Между тем расследования 1985—1989 гг. не привели к возвращению этих средств государству. По справедливому замечанию Л.Тимофеева, «если посчитать, сколько потрачено на личное потребление всеми без малого тридцатью тысячами по “хлопковым делам” и их семьями... то сложится сравнительно небольшая сумма, всего несколько десятков миллионов. Но похищено-то несколько миллиардов! Где же остальное?... Между тем похищенные деньги и впрямь исчезли, таинственно канули»⁴¹. Эта денежная масса растеклась по телу номенклатуры в ожидании перемен, которые позволят «обналичить» то, что удалось эвакуировать из Узбекистана и накопить в других республиках, где масштабы коррупции были не меньше. Бюрократия тоже ждала перемен.

Примечания

1. Преступность в СССР. М., 1990. С. 74—76.
2. Преступность и правонарушения в СССР. М. 1990. С. 68—70.
3. Арих Л. Извоз // Комсомольская правда. 17.05.1985.
4. Горбачев М. Указ. соч. С. 220.
5. Преступность и правонарушения... С. 70-73.
6. Наше дело. № 3. 1990. С. 8.
7. Там же.
8. Сушков В. Заключенный по кличке «министр». М., 1995. С. 4-5, 15—16.
9. Там же. С. 22-23.
10. Гдлян Т., Додолев Е. Пирамида—1. С. 39.
11. Гдлян Т., Иванов Н. Кремлевское дело. С. 25.
12. Там же. С. 136.
13. Там же. С. 162.
14. Преступность и правонарушения. С. 199.
15. Там же. С. 19.
16. Чурбанов Ю. Указ. соч. С. 129—130.
17. Гдлян Т., Иванов Н. Указ. соч. С. 187.

18. Там же. С. 187—188.
19. Там же. С. 190.
20. Ильюхин В. Вожди и оборотни. Прерванное расследование. М., 1994. С. 23.
21. Там же. С. 24.
22. Там же. С. 38,76.
23. Там же.
24. Там же. С. 89.
25. Там же. С. 92.
26. Цит. по: Ильюхин В. Указ. соч. С. 48.
27. Там же. С. 95.
28. Там же. С. 24-25, 47.
29. Иванов Н. Следователь из провинции. С. 82.
30. Чурбанов Ю. Указ. соч. С. 125.
31. Иванов Н. Указ. соч. С. 82-84.
32. Гдлян Т., Иванов. Н. Указ. соч. С. 191.
33. Известия. 23.3.1990.
34. Ильюхин В. Указ. соч. С. 128.
35. Там же. С. 128—135.
36. Там же. С. 145—147.
37. Чурбанов Ю. Указ. соч. С. 137.
38. Правда. 15.12.85.
39. Ельцин Б. Указ. соч. С. 78.
40. Гуров А. Указ. соч. С. 205.
41. Тимофеев Л. Указ. соч. С. 57.

Глава XVI

КОММУНИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ Внешняя политика СССР в 1985 г.

Мы Америке не проигрывали ни войны, ни даже сражения, и равным счетом ничего ей не должны.

М.Горбачев

1. Новые люди и новые инициативы

Выступая с «инаугурационной» речью, Горбачев провозгласил свое внешнеполитическое кредо, которое окажется не пустой декларацией, а действительным планом действий: «Никогда прежде над человечеством не нависала столь страшная угроза, как в наши дни... Мы хотим действительного и крупного сокращения накопленных вооружений, а не создания все новых систем оружия, будь то в космосе или на Земле»¹. Речь шла, таким образом, о резком сокращении ядерных вооружений в обмен на отказ от программы СОИ. По мнению Горбачева, высказанному на заседании Политбюро 23 марта, «нам внешнюю политику менять не надо, она завоевала авторитет. Требуется лишь активизация»².

«Активизация» последовала на следующий день. 24 марта Горбачев обратился к Рейгану с письмом. В нем он писал: «Наши страны различны по своему общественному строю, по господствующей в них идеологии. Но нам думается, что это — не причина для вражды. Каждая общественная система имеет право на жизнь, и свои преимущества она должна доказывать не силой, не военным путем, а на ниве мирного соревнования с другой системой»³. Горбачев предлагал Рейгану личную встречу и считал, что «такая встреча вовсе не обязательно должна завершиться подписанием каких-то крупных документов»⁴. Это было приглашение к знакомству с человеком, которому предстоит на протяжении нескольких лет определять курс политики СССР.

«Является господин Горбачев новым типом советского руководителя или нет — покажет время, — говорил Рейган своим сотрудникам весной 1985 г. — А это произойдет не ранее, чем через десять лет»⁵. Через десять лет не будет уже ни Горбачева у власти, ни СССР. Произойдут те самые

перемены, которые Рейган предрекал в своих публичных речах в начале 80-х гг. Но его разговоры в узком кругу показывали, что сам Рейган не верил в предсказанную его советниками гибель СССР в ближайшие годы, и его заявления на эту тему были прежде всего риторикой.

Советско-американские отношения тут же были омрачены инцидентом в ГДР близ германо-германской границы, в котором погиб американский офицер А.Николсон. СССР опубликовал заявление о приказе своим военнослужащим не применять оружие на этой границе. Однако такая микроскопическая уступка пока не меняла общей ситуации, и Рейган по-прежнему считал, что с Горбачевым будет «трудно иметь дело»⁶. Этот вывод подтверждался и мессианским тоном посланий нового Генсека, который пытался «агитировать» американскую сторону с тем же жаром, с которым Рейган в свое время агитировал Брежнева и Андропова. Горбачев писал: «Именно США оказываются на стороне группировок, выступающих против законных правительств»⁷. «Тщательно выверенный баланс интересов, заложенный в основу договоренности, США вознамерились резко качнуть в свою сторону»⁸. Речь шла о соглашении ОСВ-2. Но Горбачев, конечно, не признавал, что именно СССР своей ракетной модернизацией дал возможность США раскачать равновесие и «использовать географические факторы»⁹.

Горбачев твердо опроверг утверждение американской стороны, что СССР также стремится к созданию своей СОИ. Тем временем первый раунд переговоров в Женеве (март-апрель) зашел в тупик — США отказывались увязывать вопрос о своих военно-космических исследованиях с вопросом о сокращении ядерных вооружений. И тогда Горбачев впервые пошел на односторонние уступки, к которым будет впоследствии прибегать еще не раз. «Уже в начале апреля благодаря решительной поддержке М.С.Горбачева было принято отвергнутое ранее предложение о прекращении дальнейшего развертывания советских ракет СС-20»¹⁰, — вспоминают С.Ахромеев и Г.Корниенко. Мораторий на развертывание ракет был введен 7 апреля. Этот шаг доброй воли как нельзя лучше согласовывался с экономическими возможностями СССР. Тогда же в интервью «Правде» Горбачев с грустью констатировал: «В Вашингтоне делают ставку на силу и этого не скрывают»¹¹. Такой же возможности у СССР уже не было. В ходе частичного вывода ракет из Восточной Европы их количество было сокращено до уровня июня 1984 г. (243 единицы)¹².

В переписке с президентом США Генсек выдвинул новую концепцию мирового порядка, которая должна была противостоять американскому демократическому мессианизму с позиций плюрализма, что могло произвести сильное впечатление на западное сознание: «Сегодня в мировой политике действуют — и самым активным образом — множество государств, каждое со своим лицом и интересами»¹³. Эта идея несколько расходилась с классической доктриной, принятой в КПСС, так как «увекочивала» мирное существование. Однако отечественная бюрократия уже давно не рвалась в «последний и решительный бой». Дело оставалось за малым — добиться «отказа империализма от

попыток решить исторический спор между двумя общественными системами», — как говорил Горбачев на апрельском Пленуме ЦК КПСС¹⁴.

Рейган решил, что настала пора продемонстрировать и свою готовность к прекращению холодной войны. 10 июня он заявил о том, что США будут и дальше соблюдать договор ОСВ-2, срок действия которого истекал в конце 1985 г.

Но СССР все равно опережал Америку по количеству мирных инициатив. В мае Горбачев предложил объявить в сороковую годовщину атомной бомбардировки Хиросимы мораторий на испытания ядерного оружия. План моратория привел к определенным трениям между политиками и военными. Вспоминает Г.Корниенко: «В августе 1985 г., когда решался вопрос о введении в СССР одностороннего моратория на испытания ядерного оружия, я, хотя и не питал иллюзий насчет присоединения США к мораторию, был решительным сторонником этого шага с нашей стороны. Военное же руководство, включая и соавтора (начальник Генерального штаба С.Ахромеев — *А.Ш.*), понимая политическую важность такого нашего шага, не могло не считаться с тем, что США будут продолжать ядерные испытания и уходить вперед, в частности в отработке малогабаритных ядерных зарядов, в том числе по программе СОИ. Оно предостерегало руководство страны об опасности такой ситуации, но решение о моратории все же было принято»¹⁵. 30 июля мораторий был объявлен в одностороннем порядке с 6 августа до конца года¹⁶.

Однако предложенное Москвой замораживание ядерных испытаний не вызвало позитивного отклика в Вашингтоне. Дело в том, что в США еще не был завершен цикл испытаний, в то время как в СССР могли некоторое время обходиться без них.

Горбачев изображал возмущение американской позицией: «Публичные высказывания официальных лиц в Вашингтоне по вопросу о моратории создают впечатление, что там, к сожалению, в основном заняты сейчас поисками, как бы половчее отклониться от такого ответа»¹⁷.

Переход к новому курсу во внешней политике СССР сопровождался заявлениями, которые должны были пока успокоить отечественный ВПК: «Мы и впредь не будем жалеть усилий, чтобы Вооруженные Силы СССР имели все необходимое для надежной защиты нашего Отечества, его союзников, чтобы никто не мог заставить нас врасплох»¹⁸.

Однако кадровые перестановки открывали несчастливую эру в истории отечественного ВПК. Его покровитель Г.Романов был отправлен в отставку («горе побежденным»), а стародавний партнер А.Громыко — перемещен на почетный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Горбачева не устраивал консервативный дипломатический стиль Громыко¹⁹. Время политики «семь раз отмерь, один раз отрежь» прошло. Без сдвигов на внешнеполитическом фронте нельзя было добиться успеха внутри страны. Горбачев заявил послу в США Добрынину, что без прекращения гонки вооружений никаких внутренних задач не решить²⁰. Давление США по-прежнему тормозило преобразования в СССР.

1 июля министром иностранных дел СССР был назначен Э.Шеварднадзе. Дипломатического опыта он не имел, но, как сказал Горбачев, рекомендуя его на этот пост: «Этот участок работы должен быть непосредственно в руках партии. Поэтому необходимым товарищ из руководства». Горбачев сказал также, что Шеварднадзе «сумел справиться с труднейшей ситуацией в Грузии», что ему «присущи чувство нового, смелость, оригинальность подходов»²¹. Предложение назначить Шеварднадзе на этот пост вызвало в МИДе шок. И в первую очередь это касалось Громыко, который был готов уйти из министров, но полагал, что Генсек, обязанный избранием ветерану дипломатии, хотя бы посоветуется с ним. «Толя, в своей жизни я давно не испытывал такого удивления, а затем раздражения, как от решения Горбачева о новом министре иностранных дел. Сначала я не поверил своим ушам, спросил Горбачева, не ослышался ли... Я понял, что Горбачев про себя этот вопрос решил окончательно, он со мной не советовался, а просто просил поддержать замену... В то же время я считал, что Шеварднадзе не подготовлен к тому, чтобы профессионально вести работу министра иностранных дел»²², — говорил Громыко сыну.

Отсутствие дипломатического опыта у Шеварднадзе вполне устраивало Горбачева, которому на этом посту нужен был исполнитель — Генеральный лично собирался руководить этим направлением. «Нет опыта? — говорил он Шеварднадзе накануне назначения. — А может, это хорошо, что нет? Нашей политике нужны свежесть взгляда, смелость, динамизм, новаторские подходы...»²³

«Надо сказать, — вспоминает Г.Корниенко, — технику дипломатии новый министр освоил довольно быстро. Что, однако, к сожалению, стало вскоре бросаться в глаза... так это недооценка им настоящего профессионализма в дипломатии, игнорирование дипломатических знаний и опыта, если только они не служили его представлению о целесообразности или нецелесообразности какого-то действия в данный момент»²⁴.

Назначение Шеварднадзе означало конец политики консенсуса в советском руководстве, когда каждый шаг внешнеполитического ведомства должен был согласовываться с военными и КГБ. Теперь здесь инициатива принадлежала Генеральному секретарю и МИДу. Это оценил и противник. Рейган писал о Шеварднадзе: «Он хоть и был жестким, но менее враждебным и более представительным, нежели Громыко»²⁵.

2. Европейский прорыв

«Застой», сохранявшийся в отношениях с США, заставил советское руководство искать «обходные пути». Вспоминает Э.Шеварднадзе: «В руководящих, как у нас принято говорить, сферах, возникла даже установка на преодоление перекосов во внешней политике, образовавшихся из-за отношений с США. Была выдвинута идея своего рода обходного маневра — усиление внимания к европейскому направлению, активизации связей и контактов с другими странами мира»²⁶. Горбачев считал, что «в противо-

борстве с США... надо прежде всего добиваться их вытеснения из Западной Европы. Наиболее эффективный способ — это ослабление международной напряженности и взаимный поэтапный вывод американских и советских войск. Для американцев это будет означать возврат за океан; для нас — фактический отвод войск на несколько сот километров за наши границы, где их присутствие все равно будет незримо ощущаться европейскими государствами»²⁷.

Продолжая традиционную для сверхдержав политику ослабления блока противника в Европе, Горбачев решил именно здесь опробовать свое «новое мышление». Несмотря на поражение, которое потерпело пацифистское движение в Западной Европе после размещения здесь американских ракет, оно все же еще сохраняло влияние и опиралось на политическую поддержку социал-демократов. Встречаясь с Г.Брандтом, Горбачев активно поддержал создание безъядерных зон в Европе. Этот территориальный «сепаратизм», попытка отдельных городов «выйти из НАТО» помогал новой политике СССР получить поддержку общественного мнения на Западе. Давление общественности заставляло европейские правительства занимать гораздо более благожелательное, чем в США, отношение к мирным инициативам СССР²⁸. Левые силы Европы вдохновляло и заявление Горбачева о том, что расхождения во взглядах «не должны мешать взаимодействию коммунистов и социал-демократов по самым главным, самым острым проблемам современности»²⁹. Эти слова ободряли не только социал-демократов и социалистов, но и стремительно правящие крупные коммунистические партии, прежде всего Итальянскую, с которой КПСС еще в 1982 г. вступила в состояние открытого конфликта.

Стремление к сближению с социал-демократией Горбачев подчеркнул и во время визита во Францию³⁰.

На встрече с премьером Италии Б.Кракси Горбачев снова назвал программу «звездных войн» в качестве цены за радикальное ядерное разоружение. «Хочу подчеркнуть, — добавил Горбачев, — что в этом вопросе мы готовы пойти очень далеко»³¹. Это не могло не произвести впечатление на союзников США, еще не оправившихся от волнений, связанных с размещением в Европе новых американских ракет. Стратегия «откола» Европы от Америки проявлялась в высказываниях Горбачева все более открыто: «В той мере, в какой страны ЕЭС выступают как “политическая единица”, мы готовы искать с ней общий язык и по конкретным международным проблемам»³².

Крупнейшим прорывом Горбачева на международном фронте в 1985 г. явился визит во Францию в октябре, где Генсеку удалось очаровать французскую публику своей непривычной для советского лидера живостью. Было решено привлечь внимание французов к визиту беспрецедентным выступлением: «Накануне отъезда я дал интервью французскому телевидению. Это был первый опыт прямого разговора руководителя СССР с группой западных журналистов перед телекамерами. Откровенно говоря, не представлял психологическую и интеллектуальную нагрузку беседы, когда ты все время под лучами прожекторов и перекрестным огнем журналистов. Тогда и мне, и многим моим соотечественникам показалось, что французы

вели себя необъяснимо агрессивно, без должного такта, даже неуважительно»³³.

Ключевым понятием нового европейского курса, предложенного Горбачевым, стал «общий европейский дом». Идея «европейского дома» была провозглашена Горбачевым в Париже: «Мы с вами живем в этой Европе... Мы живем в одном доме, хотя одни входят в этот дом с одного подъезда, другие — с другого подъезда. Нам нужно сотрудничать, налаживать коммуникации в этом доме»³⁴. Горбачев мог гордиться этой красивой идеей, но права авторства тут же были оспорены французским телеведущим: «Голлистский подход?» Конечно, Горбачев не собирался признавать себя последователем де Голля даже в вопросе об общей Европе, и в голосе Генсека звучали обиженные нотки: «Не буду сейчас с вами дискутировать насчет того, кому принадлежит приоритет...»³⁵ Но въедливый журналист продолжал атаку на Генсека: «И тем не менее реакция на действия западных стран бывает не одинаковая. В самом деле, когда некоторому количеству сотрудников советских учреждений, которых обвинили в шпионаже, было предложено покинуть Францию, в Советском Союзе не отмечалось особой реакции. В то же время, когда англичане недавно обвинили в шпионаже группу советских сотрудников, реакция с советской стороны была сильной, энергичной. Сложилось впечатление, что советская сторона действует по принципу “око за око, зуб за зуб”. Что же, по-Вашему, есть хорошие и плохие европейцы?» Такое замечание вывело Горбачева из равновесия, и он не нашел ничего лучшего, как огрызнуться: «Я думаю, Вы оставите за Советским Союзом суверенное право принимать решение в каждом случае в зависимости от того, как он считает нужным. При этом мы учитываем и интересы Советского Союза, и общую ситуацию»³⁶. Горбачева спас вопрос о 4 миллионах политических заключенных в СССР. Абсурдность такого утверждения позволила Генсеку скомпрометировать саму тему политзаключенных в СССР: «Это напоминает, знаете ли, геббельсовскую пропаганду. Я поражаюсь, что Вы, господин Мурузи, человек образованный, современный, могли задать такой вопрос. Повторяю: это абсурд»³⁷.

Несмотря на эти неприятные вопросы, главное было сказано — мы хотим дружить с соседями по дому в то время, как этому дому угрожают чужаки из-за океана. «Из-за перенасыщенности вооружениями Европа, как никакой другой континент, уязвима перед лицом вооруженного конфликта, тем более ядерного, — говорил европейцам Горбачев. — Значит, безопасность Европы не может быть обеспечена военными средствами, военной силой.

Это совершенно новая ситуация, означавшая разрыв с формировавшимися веками, даже тысячелетиями, традициями, образом мыслей и образом действий. Ко всему новому человеческая мысль приспосабливается не сразу. Это относится ко всем. Мы это чувствуем, мы начали переосмысление, приведенное в полное соответствие с новыми реальностями многих привычных вещей, в том числе в военной и, конечно, политической областях. Хотелось бы, чтобы такое переосмысление шло и в Западной Европе, и за ее пределами»³⁸. От Европейских проблем Горбачев, таким образом, переходил

дил к идее о необходимости переосмысления всего традиционного миропорядка, к идее нового мышления в ядерный век.

В качестве альтернативы “звездным войнам” и гонке ядерных вооружений Горбачев выдвигал идеи совместных космических исследований и возобновления термоядерного проекта «Токомак». Продолжая повторять, что «наши страны... исповедуют каждая свою идеологию»³⁹ (как будто во Франции, да и в СССР тоже, существовало только по одной идеологии), Горбачев не упускал шанса поагитировать французов за социализм: «Исторический опыт убедил нас: народы России сделали правильный выбор в 1917 году, совершив революцию, уничтожив эксплуатацию, социальное и национальное угнетение»⁴⁰. Но в ответ получил вопрос о судьбе евреев, а также о Сахарове и Щаранском. Ответ Горбачева «на скользкий вопрос» опять был резким и неубедительным для западной общественности: «Я бы сказал так: давайте мы будем в Советском Союзе сами управлять своими делами, а вы во Франции управляйте своими». Затем Горбачев заявил, что положение с социальными правами в СССР много лучше, чем в странах Запада, включая Францию, а в Верховном Совете заседают рабочие и крестьяне. Что касается Щаранского, «он нарушил наши законы, и был за это осужден»⁴¹. С 50-х гг. такая аргументация уже не убеждала во Франции никого, кроме некоторых коммунистов.

И тем не менее перед французами предстал человек, разительно контрастировавший с предыдущей генерацией советских руководителей, напоминавший своей живостью и искренней убежденностью в торжестве социализма не столько Брежнев и даже Андропова, сколько Фиделя Кастро. На Западе заговорили о «стиле Горбачева», но сам он пока отвечал: «Я думаю, нет “стиля Горбачева”... Стиль, который мы культивируем в нашей партии, мы определяем как ленинский стиль работы. Для него характерны такие черты, как широкое общение с трудящимися, гласность в работе, изучение реальных процессов, лежащих в основе формирования политики»⁴². Но, несмотря на свой ленинизм, Горбачев был готов признать за «капиталистической» цивилизацией право на долговременное существование. Более того, в словах Горбачева зазвучали нотки «конвергенции»: «Мы не смотрим на капитализм как на потребительское общество, мы не будем здесь следовать стандартам западного образа жизни. Но то, что полезно, мы используем»⁴³. Горбачев даже выступил за свободу торговли и слова, процитировав французского классика: «Можно рассчитывать, что нам вместе удастся приблизить, хотя бы немного, тот день, когда, по предсказанию Виктора Гюго, “единственным полем битвы будут рынки, открытые для торговли, и умы, открытые для идей”»⁴⁴. Услышать столь либеральную мысль от Генерального секретаря КПСС ранее было невозможно.

Однако в ходе советско-французских переговоров выяснился и прагматический подтекст рассуждений о грядущей свободе — либерализация торговли была необходима СССР уже сейчас, и по вполне конкретным причинам: «Мы знаем, что и Франция делает упор на развитие самых передовых технологических направлений. Это открывает новые горизонты для

двустороннего сотрудничества»⁴⁵. Ускорение требовало вливания западных технологий.

Горбачев открыто заявил, что его курс будет существенно отличаться от прежнего: «Сейчас, как никогда, нужен активный политический диалог, чтобы снимать наслоения предшествующих лет»⁴⁶. Зримым подтверждением этого стало заявление о снятии с боевого дежурства установленных после июня 1984 г. ракет СС-20, нацеленных на европейские города.

Этому решению предшествовала тяжелая борьба в Москве, кульминация которой пришлось на сентябрь 1985 г., когда Горбачев обнаружил, что поступающие от военных данные не выдерживают западной критики. Министерство обороны выступало против уступок в ракетах среднего и малого радиуса действия, МИД склонялся к тому, что западные данные более объективны. Прессинг западных СМИ, почти незаметный в СССР, эффективно воздействовал на отечественных дипломатов и в конечном итоге на МИД и самого Горбачева. Проигрывая западным дипломатам и журналистам в дискуссиях, дипломаты постепенно вставали на их точку зрения. В свою очередь МИД транслировал западную аргументацию на высшее руководство страны. Но этот процесс развивался медленно, и в Париже позиция Горбачева была еще наступательной.

В вопросе о СОИ Горбачев нашел взаимопонимание с президентом Ф.Миттераном, который прямо заявил: «Уже давно гонка вооружений поднималась на качественно новые ступени и теперь достигла космической ступени. Если разум не возобладал до сих пор, то кто возьмется утверждать, что отныне здравый смысл возобладает... Что касается Франции, то я уже сказал: она не участвует в этом, она не стремится к этому, она хочет посвятить себя мирным исследованиям космоса»⁴⁷. Однако отмежеваться от позиции США по ракетам среднего радиуса действия Миттеран не стал⁴⁸. Горбачев был бы не прочь развить французский успех на британском направлении, что было бы несложно, если учесть симпатию к нему со стороны Тэтчер. Но здесь Горбачеву помешали спецслужбы. В августе британцы вывезли на Запад сотрудничавшего с ними сотрудника КГБ О.Гордиевского. Это привело к дипломатическому скандалу, который на несколько месяцев охладил советско-британские отношения.

«Прорубая окно в Европу», советские лидеры не забывали о «своей» доле этой части света, где, по словам Шеварднадзе, существовала «дружба на лозунговом уровне, но никак не на “уровне сердца”»⁴⁹. После Парижа Горбачев отправился в Софию, где он встретился с лидерами государств Варшавского договора.

Это была уже не первая встреча нового Генсека с коллегами из «братских партий». Уже на похоронах Черненко Горбачев собрал восточноевропейских руководителей и сообщил им, «что мы за равноправные отношения, уважение суверенитета и независимости каждой страны, взаимовыгодное сотрудничество во всех сферах. Признание этих принципов означает одновременно полную ответственность каждой партии за положение в своей стране»⁵⁰. Вероятно, эта формула (в том числе и ее последняя часть) была тогда воспринята как дежурное идеологическое заклинание. Между тем она

означала отказ от так называемой «доктрины Брежнева» и провозглашала новую «доктрину Горбачева» в Восточной Европе. Если режим не справился с собственным народом, он несет за это полную ответственность. Выручать не станем — международная обстановка не позволяет, да и средств на это нет. Через пять лет этот курс приведет к катастрофе Восточного блока.

В апреле состоялась новая встреча в Варшаве, где было принято решение продлить Варшавский договор до 2005 года. В Софии Горбачев решил посоветоваться с коллегами перед встречей с Рейганом. Но речь шла не только об этом. Выступая на закрытом заседании, Горбачев говорил: «Нельзя не видеть того, что в последнее время интеграционные процессы у нас затормозились. Дело в том, что их экстенсивная основа — обмен советского сырья и топлива на готовую продукцию братских стран — в основном исчерпана, а интенсивные факторы не приведены в действие... Чтобы придать этому процессу необходимый импульс, нужно открыть дорогу для прямых связей предприятий, ускорить организацию совместных научно-производственных центров, сдвинуть с мертвой точки и вопрос о ценах на кооперативные поставки... Известно, что СССР по ряду показателей жизненного уровня населения отстает от большинства европейских социалистических стран. Мы воспринимаем проблемы социалистических стран как свои собственные, но вправе рассчитывать на такой же подход с их стороны»⁵¹. Помощь СССР «братским странам» вне Европы составляла 10 миллиардов рублей в год⁵² (не считая расходов на Афганистан). Горбачев сообщил восточно-европейским коллегам о том, что эти деньги теперь нужны в СССР, и рассчитывать на них в будущем не стоит. Это стало еще одним толчком к усилению кредитной зависимости стран Восточной Европы от Запада со всеми вытекающими последствиями. В принципе Горбачев это понимал: «Отсутствие необходимых экономических связей с нами толкает их в объятия Запада... Венгрия, Польша завязли глубоко. Экономическая зависимость заставляет их делать политические уступки. — Это слова Кадара», — рассказывал Горбачев на заседании Политбюро⁵³. Восточноевропейские лидеры остро критиковали СЭВ: «Ругали его за бюрократизм, за недостаточную эффективность»⁵⁴, — вспоминает Горбачев. Советская сторона была готова идти на реформу этой организации. Восточноевропейские режимы также заверяли о своей готовности идти на реформы. Однако если в Польше и Венгрии давно шли преобразования, которые теперь можно было радикализировать без оглядки на СССР, то в остальных странах блока реального перехода к реформам пока не происходило.

Система европейских союзов ослаблялась не только с западной стороны. Однако у СССР оставался важный козырь, позволявший охлаждать стремление к самостоятельности Чехословакии и Польши, например: «С явного одобрения из-за океана ставятся под сомнение решения Ялтинской и Потсдамской конференций союзных держав, итоги послевоенного развития», — говорил Горбачев⁵⁵. Советский Союз оставался гарантом территориальной целостности восточно-европейских стран и стабильности в них.

3. Женевская встреча на высшем уровне

«Обходной маневр» через Европу удался на славу — европейцы теперь ждали шагов навстречу компромиссу в большей степени со стороны США. И американцы не могли с этим не считаться. Но и просто «обойти» Америку СССР не мог — она была лидером западного мира. По словам Шеварднадзе, «как не крути — выходило, что без нормализации советско-американских отношений мы ничего не добьемся»⁵⁶. Горбачев стремился к личной встрече с Рейганом. Он не считал, что обязательно необходимо достичь на ней каких-то глобальных сдвигов. Важнее было показать американцам, что с новым советским руководством можно иметь дело, прощупать Рейгана на способность к уступкам при условии взаимности. Генсек дал указание МИДу не ввязываться в идеологические дискуссии и не блокировать подготовку к встрече из-за мелочей⁵⁷. Сразу после назначения Шеварднадзе СССР и США наконец согласовали сроки встречи на высшем уровне. «В период с августа до встречи в верхах в ноябре своеобразно переплетались в наших отношениях два направления: продолжались разные конфронтационные стычки и пропагандистские обвинения и контробвинения и одновременно велась подготовка к встрече...»⁵⁸ — вспоминает посол Добрынин.

28 августа Горбачев констатировал значительное ухудшение отношений с США за последние два месяца⁵⁹. Американцы не только проигнорировали несвоевременное для их программы испытаний советское предложение о моратории, но и объявили о первом испытании противоспутникового оружия. «Не буду скрывать, — говорил Горбачев, — я разочарован и обеспокоен происходящим. У нас не может не вызывать озабоченности тот подход, который, как мне кажется, начинает складываться в Вашингтоне, — ...сценарий натиска, попыток зажать нас в угол, приписать нам, как это не раз уже бывало, все смертные грехи: от развязывания гонки вооружений и до “агрессии” на Ближнем Востоке, от нарушений прав человека до каких-то козней, даже в ЮАР. Не государственная политика, а какие-то лихорадочные поиски “нечистой силы”»⁶⁰. Позиция Горбачева оставалась непоколебимой: «Не будет запрета на милитаризацию космического пространства, не будет предотвращения гонки вооружений в космосе — так и вообще ничего не будет»⁶¹. «Когда разговор доходил до СОИ, для Горбачева ужасной была сама мысль о том, что мы должны включиться в эту гонку вооружений на уровне Стратегической оборонной инициативы, пытаюсь сделать то, что и США: космические программы, космическое оружие и т.д.»⁶², — вспоминал А.Бессмертных.

Свою мысль Горбачев продолжал в письме к Рейгану 12 сентября: «Договоренность о немилитаризации космоса — это единственный путь к самым радикальным сокращениям ядерных вооружений»⁶³. Единственный. В этом же письме Горбачев подтвердил цену СОИ: «Мы еще раз со всех сторон очень тщательно обдумали, что можно было бы тут сделать. И хочу предложить Вам следующую формулу: стороны договариваются полностью

запретить ударные космические вооружения и действительно радикально, скажем на 50 процентов, сократить свои соответствующие ядерные вооружения»⁶⁴. Речь шла о ракетах сверхдержав, достигающих территории друг друга и об ограничении числа боеголовок шестью тысячами. В середине 1985 г. в Министерстве обороны уже был готов конкретный план ликвидации ядерного оружия в мире к 2000 году⁶⁵. Вскоре Горбачев предложит также заключить соглашение по ракетам среднего радиуса действия отдельно, вне связи с другими проблемами. Горбачев предлагал также отказаться от обновления ядерного оружия СССР и США в зарубежных странах и от размещения его в новых странах. В то же время СССР объявил односторонний мораторий на испытания противоспутникового оружия, признав в косвенной форме, что ранее такие испытания планировались. Однако Рейган твердо решил не отказываться от СОИ, справедливо расценив заявления советской стороны как признак слабости. В то же время «в печати была развернута кампания с целью создать впечатление, что в создании системы стратегической обороны достигнут уже весьма существенный прогресс, чего на самом деле не было», — пишет П.Швейцер⁶⁶. Еще летом 1985 г. Рейган признался Тэтчер, что «пока не очень ясно, к чему приведет исследовательская программа, и удастся ли создать работающую систему вообще»⁶⁷.

Рейган все еще смотрел на предложения Горбачева как на пропагандистскую игру⁶⁸. Впервые он чувствовал, что инициатива уходит из его рук, что новый советский лидер набирает агитационные очки, что он перешел в наступление и ведет против Рейгана «настоящую пропагандистскую войну»⁶⁹, — как сказал советскому послу Макфарлейн. И Президент продолжал ее — он согласился на сокращение вооружений и заверил своего оппонента, что не собирается нарушать договор по ограничениям противоракетной обороны (ПРО)⁷⁰. То есть, иными словами, США вели разработки в области космических вооружений, но не собирались создавать космическое оружие в будущем. Естественно, что Горбачев не верил Рейгану.

Американцы продолжали пропагандистскую игру. «Относительно СОИ Уильям Кейси и директор Агентства по контролю над вооружениями Кеннет Эйдельман выдвинули сходную инициативу, которая ни к каким конкретным результатам не вела, но в то же время была весьма полезной при ведении переговоров. По их замыслу, Рейган должен был выступить с предложением “открыть лаборатории”, ведущие разработки по тематике “звездных войн”»⁷¹, — пишет П.Швейцер. Советники Рейгана прекрасно понимали, что их предложения «не ведут к конкретным результатам». Было решено «валить Ваньку», поскольку время работало на США, и реальные договоренности могли облегчить положение СССР. Предложение о создании «системы совместного перехода к повышению надежности обороны», то есть коллективной СОИ, Рейган сделал 31 октября⁷². Перед кремлевским руководством встала дилемма — довериться ли американцам, лидировавшим в этой области, и благословить разработки, которые могут привести к созданию новой системы коллективной космической безопасности, или продолжать настаивать на отказе от работ. Первый вариант был рискован — если

барьер договора об ограничении ПРО будет сломан, американцы могут использовать разрешение на проведение работ и испытаний для создания своего оружия, которое сделает весь ядерный щит СССР бесполезным. Взяв возможность контроля за американскими работами в этой области, в Москве пришли к выводу, что контролировать их характер не удастся, и под предлогом «совместной» системы может быть разработана сугубо американская. «Советские люди, прожившие 40 лет в окружении американского оружия “передового базирования”, — говорил Горбачев, — решительно отвергают саму возможность его распространения в космос, саму перспективу иметь его над своими головами, над своими жилищами»⁷³. Компромиссные или резервные, «отходные» варианты не предусматривались. Работник ЦК и будущий помощник Горбачева А. Черняев комментировал в дневнике: «Мы недалековидно завязались на военно-космических исследованиях в США, требуя их прекращения в качестве условия продуктивности Женевы. И здесь они нас загоняют в тупик. Горбачев лично теперь заангажирован на этом требовании. И если ему придется спасти Женевские переговоры, то он будет отказываться от своего (а не громыковского) “условия”»⁷⁴. Но Горбачев не собирался ни от чего отказываться (в том числе и от линии Громыко, с которым Генсек еще согласовывал внешнеполитический курс). Женевская встреча планировалась как «разведка боем», и с нее можно было вернуться без значительных результатов. Позднее Горбачев признал, что «мы хорошо представляли реальную обстановку и не питали ни малейших иллюзий насчет американской политики. Видели, насколько далеко зашла милитаризация экономики и даже политического мышления этой страны»⁷⁵. Публично, однако, Горбачев призывал американцев «основательно провести подготовку нашей встречи в Женеве, с тем чтобы уже в ходе этой подготовки и на самой встрече заложить хорошие кирпичи в здание будущего мира»⁷⁶.

Тяжело было договориться о взаимодействии в культурной сфере. США стремились пробить новые бреши в «железном занавесе» на уровне идей, а СССР — на уровне научно-технической информации. В записке МИД, МО и КГБ, подготовленной к Женевской встрече, говорилось: «У них стратегическая цель: не меняя существа своей нынешней жесткой политики в отношении нас, получить больше возможностей для непосредственного идеологического воздействия на советских людей. Отсюда упор на доступ к телевидению, на широкие молодежные контакты и т.д. Мы, в свою очередь, предложим то, что считаем выгодным для себя (например, исследования термоядерного синтеза)»⁷⁷. Так формировались правила будущей торговли времен Перестройки — внутренний плюрализм в обмен на «ноу хау».

Дипломатам, готовившим встречу двух президентов, пришлось продираться через завалы недоверия и идеологических предрассудков. По словам Э. Шеварднадзе, «непреодолимые, как казалось в 1985 г., сложности возникали и в личном, психологическом плане. Почти всегда это был разговор глухих. Все советско-американские контакты начинались со взаимного предъявления претензий и обвинений. Хорошо утоптанная дорога, которая никуда не вела. Нас и американцев разделяли стены, сложенные из глыб

недоверия и булжников идеологии. Неверно, что чрезмерно идеологизированными подходами грешили только мы, советские представители. Личные встречи с президентом Рейганом — а их у меня было немало, что-то около дюжины, — дают мне полное основание утверждать это... Едва ли не каждую из них он начинал с чтения “обвинительного заключения” в адрес Советского Союза, где пункты обвинения были обильно прослоены вольными истолкованиями цитат из основоположников марксизма. В большом ходу были также Алексис де Токвиль и американские “отцы-основатели”⁷⁸.

Осенью 1985 г. президент США тоже не собирался идти на уступки. Отправляясь в Женеву, Рейган написал в дневнике: «В общем, это будет история о том, как непреодолимая сила встретилась с несдвигаемым объектом»⁷⁹. На позицию Рейгана в Женеве повлиял скандал, разразившийся в канун встречи. В «Нью-Йорк Таймс» было опубликовано приватное письмо, направленное президенту министром обороны Уайнбергером, в котором критиковалась перспектива соглашения с Горбачевым. Это событие, которое Рейган связал с сознательной утечкой информации из Пентагона, скрывало президента в Женеве, но в то же время вызвало охлаждение его отношений с «ястребами», что имело далеко идущие последствия⁸⁰.

Перед переговорами советская сторона снова продемонстрировала свою готовность идти на частные уступки — был разрешен выезд в США нескольких советских граждан, состоявших в браке с американцами. Это было воспринято Рейганом «как позитивный сигнал накануне встречи»⁸¹. Направляясь на встречу, Горбачев уже знал, что значительных сдвигов добиться не удастся⁸². Но он шел в решающее сражение «холодной войны», которое предопределило ее завершение в ближайшие два-три года.

Первые переговоры Горбачева и Рейгана проходили на вилле «Флер д'О» у берега Женевского озера 19—20 ноября 1985 г. В них участвовали с советской стороны М.Горбачев, Э.Шеварднадзе, помощник Генсека А.Александров-Агентов, А.Яковлев, замминистра иностранных дел Г.Корниенко, посол А.Добрынин, завотделом ЦК Л.Замятин. «Как мне стало известно позднее, американцы хотели определиться, насколько права госпожа Тэтчер, расхваливавшая Горачева, тот ли он человек, “с которым можно иметь дело”. Думаю, это главное, что их интересовало. Вполне понятная задача для первой встречи»⁸³. Горбачев смог произвести на Рейгана благоприятное впечатление, используя свои способности очаровывать людей: «В облике Горбачева было что-то притягательное. В его глазах и манерах чувствовалось тепло, а не холодность, граничащая с неприязнью, которую я наблюдал у большинства советских руководителей, с которыми до сих пор встречался». Ознакомительная встреча продолжалась почти час, «и нам удалось растопить лед»⁸⁴. По воспоминаниям заместителя Министра иностранных дел Г.Корнеева, «Горбачев ни на минуту не проявил колебаний насчет того, что надо, исходя из интересов дела, а не из личных симпатий или антипатий, попытаться поладить с американским президентом, каков бы он ни был, а не дожидаться прихода нового, как рассуждал кое-кто из его советчиков»⁸⁵. Личные впечатления о Рейгане, которые Горбачев высказывал

тогда в кругу своих были весьма критичны: «В политическом плане это не просто консерватор, а “динозавр”»⁸⁶.

В первый день переговоров Рейган, по словам Горбачева, «явно “рвался в бой” — я потом узнал причину: американцы в соответствии с задуманной тактикой рассчитывали огласить заготовки, чтобы, так сказать, навязать нам свою игру»⁸⁷. Горбачев принял вызов. Отложив в сторону сложные заготовки по военно-техническим вопросам, он повел свободный разговор⁸⁸, где как раз был сильнее противника. Уж говорить-то Горбачев умел. Его позиции будут слабее, когда на будущих встречах дело дойдет до технической конкретики.

«Поначалу это был скорее диспут “коммуниста № 1” с “империалистом № 1”, чем деловой диалог руководителей двух самых мощных государств. Я как мог отбивался от обвинений в нарушении прав человека, хотя не всегда был уверен в своей правоте. Он, в свою очередь, отвергал мои оценки роли ВПК в США, в существовании мощной пропагандистской машины, ведущей подрывную работу против СССР. И уже мы оба с жаром возлагали друг на друга ответственность за сумасшедшую гонку вооружений, поставившую мир на грань катастрофы»⁸⁹. «Горбачев сказал, что он верит, будто американские производители вооружений являются препятствием на пути к миру с американской стороны: они, дескать, наш правящий класс, как он заявил, и это они настраивают наш народ против Советов просто потому, что хотят продать больше оружия», — вспоминал Рейган⁹⁰. По словам американского президента, Горбачев доказывал, «что у нас не было причин относиться подозрительно к советским людям — они миролюбивые и славные граждане»⁹¹. Собственно, этот аргумент как две капли воды был похож на утверждения Рейгана об американской стороне. Опровергая собеседника, Рейган залез в исторические дебри, которые мало волновали Горбачева. Вскоре «образовалась пауза, и я предложил Горбачеву прогуляться вдвоем к лодочному домику, чтобы глотнуть свежего воздуха и поговорить. Я не успел закончить, а он уже выпрыгнул из своего кресла»⁹². Оба лидера рассчитывали использовать этот разговор (первый в серии женевских встреч тет-а-тет) для продолжения агитации, но уже более откровенно — без присутствия «бюрократов», которые не дают оппоненту согласиться с такими очевидными (с точки зрения говорящего) доводами. По словам Добрынина, «оба верили в свою глубокую индивидуальность и в свою способность убеждать других, причем возлагали большие надежды на беседы наедине»⁹³.

Уединившись (с поправкой на переводчиков) с Горбачевым в беседе, Рейган начал с того, что подчеркнул то общее, что объединяло двух лидеров: «Вот мы, сказал я, два человека, родившиеся в незаметных деревеньках, затерянных на просторах наших стран, оба были бедны и в стесненных условиях. А теперь мы лидеры наших государств и, возможно, два единственных в мире человека, которые могут довести дело до третьей мировой войны»⁹⁴. Не только происхождение, но и мировосприятие обоих лидеров было очень близким, что как раз и мешало им понять друг друга. «Продолжение нашего разговора возле ярко горящего огня убедило меня в истинно-

сти моих подозрений о том, что в головах советских руководителей глубоко укоренился некий страх и предубеждения в отношении Соединенных Штатов»⁹⁵. Но точно такой страх и предубеждения существовали (и тоже не бесспорно) «в головах» американских руководителей в отношении Советского Союза. Вряд ли Горбачева могли убедить слова Рейгана о том, что «мы не посягали ни на один народ или нацию, мы создали ядерное оружие только затем, чтобы воспрепятствовать советскому нападению»⁹⁶. То же самое мог сказать о своей стране и Генеральный секретарь.

Очень странно трактовал Президент и истоки недоверия между двумя странами — он видел их в отказе советского правительства предоставить посадочные полосы для американских бомбардировщиков во время второй мировой войны (кстати, американские самолеты садились во время войны на Украине в соответствии с договоренностью в Тегеране). «По словам Макфарлейна (помощник Президента по национальной безопасности — *А.Ш.*), историю с якобы отказом Сталина разрешить посадку в СССР американских бомбардировщиков Рейгану когда-то давно рассказал его старый друг из ВВС США, “которому он верит”, а в этих случаях, мол, бесполезно переубедить Рейгана. В этом отношении Макфарлейн был, пожалуй, прав, ибо, забегая вперед, надо сказать, как бы анекдотично это ни прозвучало, что год спустя, при встрече в Рейкьявике, Рейган начал вспоминать историю советско-американских отношений опять-таки с байки об отказе Сталина разрешить американским летчикам садиться на территории СССР как об исходной причине недоверия между двумя державами в послевоенный период», — вспоминает Г.Корниенко⁹⁷.

В беседах с Горбачевым Рейган затронул и проблему прав человека в СССР (в частности он пытался добиться выезда из страны музыканта Фельцмана), но встретил жесткое сопротивление: «Он не комментировал мои замечания, а пустился в критические рассуждения, утверждая в сущности, что нечего мне обсуждать права человека в Советском Союзе, потому что американцы живут в более худших условиях, чем советские граждане. Он процитировал высказывания одной из наших наиболее экстремистски настроенных феминисток, утверждавшей, что американские женщины буквально смешаны с грязью, и доказывающей, что мы обращаемся с неграми как с рабами. “Основополагающее право человека, — сказал он, — это право на труд”. В Советском Союзе у каждого есть работа, чего нельзя сказать о Соединенных Штатах. (Он не сказал, что советские люди не могут избрать себе работу, что они вынуждены делать все, что им прикажет правительство: если им вручали метлу, они начинали подметать.)»⁹⁸. Последнее замечание президента показывает, что его представления о советской социальной действительности в сущности были столь же примитивны, как и представления Горбачева о социальной действительности США. Времена Сталина, когда люди были «вынуждены делать все, что им прикажет правительство», давно миновали. Это касалось и США, которые далеко ушли от сегрегации, о которой упомянул Горбачев. По словам Рейгана, «в некоторых его словах была крупница правды, но огромное количество “фактов”, которыми он вооружился и которыми авторитетно пользовался, говоря об

Америке, — такие, как обращение с неграми на Юге, — безнадежно устарели, и он не знал, например, о значительных улучшениях, достигнутых нами в области расовых отношений»⁹⁹. Похоже, консультанты обоих руководителей черпали информацию из экстремистско-диссидентских источников и впечатлений юности.

Горбачев вспоминал впоследствии о попытках Рейгана «давать нам уроки, наставления или выступать с прокурорскими обвинениями... Это мы отвергали с ходу. И в конце концов наладился действительно плодотворный диалог, который вывел на очень интересные решения»¹⁰⁰. Обнаружив друг в друге неведение о реальном положении дел в их странах, собеседники не отчаивались в намерении «вразумить» противника: «Я говорил о динамичной энергии капитализма...» — вспоминает Рейган, — «Горбачев всегда подчеркивал, что верит в коммунистическую систему, но, как он старался объяснить, были сделаны ошибки в управлении ею, и он пытается их исправить. Он был красноречивым спорщиком, равно как и хорошим слушателем, и, несмотря на наши разногласия, наш разговор никогда не приобретал оттенка враждебности — он стоял на своем, а я на своем... Он мог отпустить шуточки в свой адрес и даже в адрес своей страны, и мне он нравился все больше... Ни разу во время наших частных бесед или пленарных заседаний он не высказал поддержку старой марксистско-ленинской идее о всемирном коммунистическом государстве или брежневской доктрине советского экспансионизма. Он был первым из знакомых мне советских лидеров, который не сделал этого»¹⁰¹. Возможно, Горбачев рассчитывал на то, что и Рейган откажется от своей экспансионистской доктрины и не откажет «реальному социализму» в праве на существование. Если так, то он ошибался.

От исторических экскурсов руководители перешли к главной проблеме переговоров — СОИ. Горбачев вспоминает о позиции американской стороны: «Была развернута аргументация в пользу решительного сокращения наступательных вооружений и одновременного перехода к оборонительным системам»¹⁰². Рейган обещал, что когда исследования принесут успех, США «откроют свои лаборатории перед Советами»¹⁰³, но Горбачев не верил ему. Горбачев вспоминал о своих сомнениях по поводу космических программ США того времени: «Что это: полет фантазии, прием, имеющий целью сделать СССР сговорчивым на переговорах, или все-таки не слишком ловкая попытка успокоить нас, а самим довести до конца безумную идею — создать щит, позволяющий безболезненно нанести первый удар. В моем распоряжении были оценки ученых, каскад аргументов Рейгана не застиг меня врасплох. Ответ на них был острым и решительным»¹⁰⁴. «Говорят, верьте нам, что если американцы первыми реализуют СОИ, то они поделятся с Советским Союзом. Я сказал тогда: “Господин Президент, призываю Вас, поверьте нам, мы уже об этом заявили, что не применим первыми ядерного оружия и не нападём первыми на Соединенные Штаты Америки. Почему же вы, сохраняя весь наступательный потенциал на Земле и под водой, еще собираетесь развернуть гонку вооружений в космосе? Вы нам не верите? Выходит, не верите. А почему мы вам должны больше верить, чем вы нам?”»¹⁰⁵ Не возымели действия и намеки Рейгана на готовность поделиться

технологиями уже сейчас: «Если будет достигнута договоренность о запрещении выводить оружие в космос, мы готовы на взаимной основе открыть наши лаборатории для контроля такой договоренности. А нам предлагают вроде бы: давайте откроем лаборатории и будем контролировать, как идет гонка вооружений в космосе. Наивность это, да и исходный пункт — порочный и неприемлемый»¹⁰⁶. Таким образом, идея создания совместной советско-американской космической противоракетной системы была отброшена без обсуждения. По мнению Горбачева, «если бы были открыты двери для оружия в космос, то масштабы военного соперничества неизмеримо возросли бы и гонка вооружений приняла бы — это определенно можно уже сейчас предсказать — необратимый характер, и она вышла бы из-под контроля. У каждой стороны в этом случае на любой момент было бы ощущение, что она что-то проигрывает, и она стала бы лихорадочно искать все новые и новые способы ответа, а это все бы подстегивало гонку вооружений...»¹⁰⁷ Но такая ситуация в советско-американских отношениях существовала уже с конца 70-х гг.

Дальнейшая перспектива рисовалась Горбачевым в фантастически-катастрофических тонах: «Давайте себе представим — и мы это сказали американской стороне, — к каким последствиям приведет даже случайное столкновение в космосе. Скажем, что-то отделилось от ракеты, пошла, так сказать, головная часть, а несущая часть отвалилась и столкнулась с какой-то группировкой этого космического оружия. Пойдут сигналы, это будет воспринято чуть ли не как попытка с другой стороны — я при этом даже не говорю — с нашей или с чьей, — уничтожить это оружие. Включаются все компьютеры, а политики вообще ничего не могут в этом случае предпринять разумного»¹⁰⁸. Чем не сюжет фантастического фильма о начале ядерного апокалипсиса (в первой половине 80-х гг. такие фильмы были созданы и в США, и в СССР). Но, увы, вероятность подобного развития событий была весьма велика.

Горбачев пытался пугать Рейгана тем, что СССР предпримет ответные шаги в области гонки вооружений: «В США, видимо, считают, что сейчас американцы имеют некоторый отрыв от нас в некоторых видах технологии... Опять возникает желание, ухватившись за это “преимущество”, добиться для себя военного превосходства. Опять в ходу известная фраза президента Джонсона, который сказал, что та нация, которая будет господствовать в космосе, будет господствовать и на Земле... Так вот, если говорить об этом так называемом технологическом превосходстве, которое имеется в виду реализовать в СОИ и тем поставить Советский Союз в затруднительное положение, то хочу сказать — это очередное заблуждение. Ответ будет найден»¹⁰⁹. И десять лет спустя Горбачев настаивал: «Я и сегодня не могу полностью посвятить читателя в некоторые детали. Но заявляю ответственно: это был не “блеф”, проработки показывали, что ответ на СОИ мог действительно быть таким, о каком мы предупреджали»¹¹⁰. Но даже если это так (Горбачев мог довериться и слишком оптимистичным докладам «специалистов» ВПК), новая программа была бы очень дорогостоящей и нанесла бы чувствительный (если не решающий) удар по планам Горбачева эконо-

номить на военных программах. Поэтому Горбачев «давил» на собеседника из всех сил.

«Потом Д.Риган — “начальник штаба” Белого дома — в неофициальной беседе сказал, что с Рейганом еще никто не разговаривал так прямолинейно и с таким нажимом, как Горбачев»¹¹¹, — вспоминают С.Ахромеев и Г.Корниенко. «Горбачев оказался крепким орешком. Я — тоже», — вспоминал сам Рейган¹¹². Два «орешка», замкнутые в идеологической скорлупе, еще не были готовы договориться, но они согласились провести в скором будущем встречи сначала в Вашингтоне, а затем в Москве. Было ясно, что «замораживание» диалога 1980—1984 гг. осталось в прошлом.

В Женеве было подписано предварительно согласованное соглашение об обменах и контактах в области науки, образования и культуры. На вопрос писателя Ю.Семенова о том, не пора ли американцам пересмотреть их предвзятое мнение о советских гражданах, Горбачев ответил: «Вот что я вам скажу, товарищ Семенов. Не взваливайте все на политических лидеров. Мы договорились о расширении культурных контактов — ...вот вы и встречайтесь, и договаривайтесь друг с другом»¹¹³. Начиналась эпоха массового прямого общения людей разных «систем» между собой, эпоха избавления от старых мифов друг о друге и создания новых.

Но в центре внимания лидеров двух стран по-прежнему оставалась проблема ракетно-ядерного вооружения, и они не хотели покинуть Женеву, не подписав хотя бы декларацию по этому поводу. Рейган разделял мысль Горбачева о том, что «вопросы выживания поставлены в центр мировой политики»¹¹⁴, что идеологические споры меркнут перед угрозой уничтожения цивилизации. Предложение Горбачева сократить стратегические вооружения наполовину, воспринимавшиеся прежде Рейганом как пропагандистская игра, постепенно становились предметом конкретного обсуждения. Рейгану было нелегко обосновывать идею о том, что СССР имеет превосходство в ядерных вооружениях. Горбачев пытался убедить его даже в том, что «меньшая безопасность Соединенных Штатов Америки по сравнению с Советским Союзом была бы нам невыгодна, так как это вело бы к недоверию, порождало бы нестабильность»¹¹⁵. Увы, эксперты двух стран пользовались разными критериями в оценке вооружений.

Разногласия рабочих групп не позволили согласовать текст итогового коммюнике к последнему дню переговоров. Узнав об этом, Горбачев решил работать ночью — ему было нужно привезти в Москву текст совместного заявления, продемонстрировать реальный успех переговоров. «Текст читал Корниенко, Горбачев же по ходу читки высказывал свои предложения и замечания, давал новые, более гибкие формулировки. К двум часам ночи новый текст был в основном готов»¹¹⁶. Подняв с постели Шульца, Шеварднадзе принялся согласовывать с ним текст. Под утро удалось согласовать большинство положений¹¹⁷.

В итоговом заявлении провозглашалось, что ядерная война никогда не должна быть развязана, что обе стороны стремятся к 50%-ному сокращению ядерных вооружений, к запрещению химического оружия. Подчеркнув, что оба руководителя «достигли лучшего понимания позиций друг друга», за-

явление констатировало, что «ядерная война никогда не может быть развязана, в ней не может быть победителей»¹¹⁸. Конечно, это были лишь общие слова, но на основе женеvского заявления строились дальнейшие переговоры, позволившие действительно покончить с ядерной гонкой. Не случайно, что уже на этапе разработки совместного заявления возникли трения между представителями обеих делегаций. «После длительных дискуссий, затянувшихся далеко за полночь, — вспоминают С.Ахромеев и Г.Корниенко, — американская сторона согласилась включить в совместное заявление и положение, воспроизводящее советско-американское заявление от 8 января 1985 г., относительно предмета и целей женеvских переговоров: предотвратить гонку вооружений в космосе и прекратить ее на Земле, ограничить и сократить ядерные вооружения и укрепить стратегическую стабильность»¹¹⁹. Это означало важный моральный успех советской стороны, уязвившей разоружение на Земле с отказом от военно-космических программ.

В ответ Горбачев также был готов идти на уступки в «мелочах», когда переговоры утром все же зашли в тупик из-за деталей. Горбачев вспоминает о завершающей стадии работы над текстом заявления: «Появляясь переговорщики, складывает Корниенко. Шульц резко реагирует на слова нашего замминистра, между ними завязывается перепалка. Корниенко буквально нависает надо мной сзади и высказывается очень жестко, в раздраженном тоне. Шульц, обычно спокойный и уравновешенный, на этот раз буквально взорвался: “Господин Генеральный секретарь, вот в таком духе у нас идет работа. Разве мы так достигнем чего-то?”»¹²⁰ «Джордж Шульц был сильно рассержен этими новыми изменениями, — вспоминает Р.Рейган. — Он утверждал, что советская сторона несет ответственность за возникшую проблему, и обратился прямо к Горбачеву: “Господин генеральный секретарь. Этот человек не соблюдает договоренности, достигнутой ранее вами и президентом Рейганом, и, если мы не придем к соглашению, это будет его вина”»¹²¹. «“Разве можно достичь каких-то результатов с такими людьми?!” — Шульц кивнул в сторону Корниенко, бывшего тогда заместителем министра иностранных дел, — вспоминает начальник охраны Горбачева В.Медведев — “А в чем дело?” — спросил Горбачев. Подошел Корниенко, который, как выяснилось, не соглашался поправить какую-то незначительную фразу»¹²².

«Мы с Рейганом наблюдаем всю эту сцену. Президент говорит: “Давайте ударим кулаком по столу”. Я говорю: “Давайте ударим”»¹²³, — рассказывает Горбачев. Столкнувшись с нервной реакцией Государственного секретаря, Генеральный секретарь решил уступить. «Ударить по столу» пришлось именно ему. «Не моргнув и глазом, Горбачев повернулся к своему человеку и сказал: “Делайте так, как мы говорили”, — показывая тем самым, что он человек, уверенный в себе и в своей власти», — вспоминает Рейган¹²⁴. «Горбачев тут же сказал Шульцу, что согласен с предложением американской стороны. А после выговорил Корниенко, что в важных вопросах нельзя заниматься крючкотворством, что одно несущественное слово может погубить серьезное дело», — пишет Медведев¹²⁵.

Рассказывая об этом конфликте, Горбачев отрицает, что уступил американцам сразу. Но ничем не связанные между собой свидетели утверждают обратное. Вероятно, Горбачев все же уступил в некоторых деталях сразу же, а затем, устроив разнос своим дипломатам, снял и остальные разногласия в пользу американской стороны: «Договорившись, быстро разошлись. Я пригласил своих, спрашиваю, в чем дело? Судя по тону Корниенко и его поведению, можно было подумать, что речь идет о коренных разногласиях, угрозе серьезного ущерба нашим интересам. Докладывает Бессмертных, и оказывается, что все сводится к спору о словах. Сняли проблему»¹²⁶.

БЕССМЕРТНЫХ Александр Александрович

*1933 г. рождения. Закончил Московский государственный институт международных отношений, кандидат юридических наук. Работал референтом, старшим референтом, атташе отдела печати МИД СССР, сотрудником секретариата ООН (1960—1966 гг.), вторым, затем первым секретарем секретариата министра иностранных дел (1966—1970 гг.). В 1970—1983 гг. — первый секретарь, советник, советник-посланник Посольства СССР в США. В 1983—1986 гг. — член коллегии МИД СССР, заведующий отделом США МИД СССР. В 1986 г. Бессмертных назначили замминистра иностранных дел, в 1988 г. (после ухода Корниенко) — первым заместителем министра. В 1990—1991 гг. Бессмертных — посол в США. С января по август 1991 г. — министр иностранных дел СССР. После августовских событий 1991 г. подал в отставку. С марта 1991 г. — президент внешнеполитической ассоциации. Член КПСС в 1963—1991 гг., член ЦК КПСС в 1990—1991 гг.*¹²⁷

Проблемы, возникшие по поводу возобновления рейсов Аэрофлота, прекращенных в 1983 г., Горбачев снял по телефону. «Еще что? А ничего. Так за пятнадцать минут решили все “проблемы”. Не могу даже написать здесь это слово без кавычек. Таков был стиль нашей дипломатии. Главное — демонстрировать непреклонность. Жесткость ради жесткости»¹²⁸. Эти слова Горбачева несправедливы — среди дипломатов были разные люди, и даже этот эпизод показывает наличие более жесткого (Корниенко) и более мягкого (Бессмертных) стилей докладов.

Хотя нельзя забывать и о том, что «слова» в формулировках, вокруг которых кипела дипломатическая борьба в 1979—1985 гг. (о которой Горбачев имел весьма смутное представление), уже перестали быть просто «словами», зажили самостоятельной жизнью и означали вполне «материальные» вещи. Сдача «слов» могла означать сдачу позиций. Но ставки Горбачева были выше, и он решил пожертвовать пешкой ради конечного успеха. Это была рискованная игра, и последствия такого стиля еще скажутся позднее. Американцы пытались давить на Горбачева непосредственно, в обход «бюрократов», то есть специалистов МИДа. Эту линию президент США будет потом развивать в своих письмах к Горбачеву: «Наше лидерство не будет эффективным, если мы не возвысимся над частными, но второстепенными вопросами, которыми столь загружены наши соответствующие чиновники,

и не придадим нашим обоим правительствам сильный толчок в верном направлении»¹²⁹.

Попытки Горбачева «рубить гордые узлы» быстро стали вызывать недовольство в руководстве ведомств, связанных с обороной и внешней политикой. По словам маршала Ахромеева: «Через довольно короткое время мне показалось, что многие решения новым руководством недостаточно глубоко продумываются, слишком легко принимаются, проявляется при этом небольшая самоуверенность»¹³⁰.

Однако на самой встрече недовольство аппарата Генсеком еще не проявлялось. Г. Корнеев вспоминает: «Было по-настоящему радостно видеть в Женеве в деле нового советского руководителя — живо мыслящего, хорошо владеющего предметом переговоров, четко представляющего, чего он хочет добиться от собеседника, и умеющего заставить его поверить в искренность своих слов, если и не согласиться с ними.

Все это было тем более очевидно, поскольку другую сторону на этот раз представлял человек, во многом напоминавший Брежнева последних лет его жизни. Рейган говорил с помощью колоды заготовленных карточек, оказывался беспомощным, если нить разговора заставляла его отрываться от заготовок. Он становился раскованным и говорил свободно только тогда, когда начинал рассказывать — иногда к месту, а чаще нет — какие-нибудь истории и анекдоты»¹³¹. По мнению Д. Ньюхауса, «за пять часов бесед со своим оппонентом Горбачев обнаружил человека, сочетавшего огромную добрую волю в вопросах, касавшихся ядерных вооружений, с неизмеримым невежеством в этих вопросах»¹³².

Подводя итог встрече, Горбачев заявил, что «надо быть реалистами и прямо сказать: решения важнейших вопросов, связанных с задачей прекращения гонки вооружений и укрепления мира, на данной встрече найти не удалось, между нами продолжают оставаться крупные разногласия по принципиальным вопросам. Однако мы с Президентом условились, что работа по поиску взаимоприемлемых решений этих важнейших вопросов будет настойчиво продолжена здесь, в Женеве, нашими представителями... Договоренность о всех этих предстоящих обсуждениях мы считаем полезной»¹³³.

Не случайно, что именно в Женеве Горбачев впервые сформулировал принципы своей доктрины «нового мышления», на существование которой намекал и раньше. По словам Горбачева, «новое мышление» предполагает, «чтобы современную политику любого государства питали реальности нынешнего мира». Другой принцип — «Нужен диалог, необходимо сотрудничество, требуется сложение сил». «Новое мышление» предполагало, что «самый главный вопрос — и я к нему возвращаюсь — надо сделать все, чтобы остановить гонку вооружений». И, наконец: «Я убежден, что со старым подходом, замкнутым на сугубо эгоистических интересах — хотя это и подается как защита национальных интересов, — не будет движения вперед»¹³⁴. Таким образом, «новое мышление» означало приоритет задачи предотвращения гонки вооружений, реализм, стремление к сотрудничеству и диалогу, альтруизм в международных отношениях. Собственно, ничего нового в этих принципах не было. Как признал позднее Э. Шеварднадзе: «Уже

в самом факте создания ООН был заключен зародыш нового политического мышления... По существу, все послевоенное десятилетие есть не что иное, как борьба косных политических воззрений с народившимся в муках войны новым политическим мышлением»¹³⁵. Принципы, которые позднее будут связываться с «новым мышлением», мелькали в речах советских руководителей и раньше. Новым было стремление действовать в этом направлении.

Американцы поверили, что Горбачев готов не только говорить, но и действовать. «Я считаю себя хорошим знатоком актерского мастерства, — говорил Рейган по возвращении из Женевы, — я не думаю, что он играл. Я уверен, что он столь же искренен, как и мы, в поиске ответа»¹³⁶. По мнению критически настроенного к президенту журналиста «Вашингтон пост» Х.Джонсона, после возвращения из Женевы «он был исключительно реалистичен и, что, возможно, самое главное, говорил о Советском Союзе в примирительном и уважительном тоне»¹³⁷.

Д.Рестон объяснял такую перемену в настроении президента «естественным для большинства президентов и тем более — для большинства актеров стремлением к хэппи-энду — счастливому концу заключительного акта пьесы»¹³⁸. Но до хэппи-энда еще нужно было дожить — пока пьеса лишь начиналась. В письме к Горбачеву 28 ноября Рейган продолжал убеждать коллегу в том, что «мы не ведем никаких работ по созданию оружия для размещения в космосе», и предлагал разработать методы контроля за работами по СОИ¹³⁹. Горбачев обращал внимание президента на то, что «оборонительные» космические аппараты могут быть использованы и в наступательных целях: «Ведь космические ударные вооружения — это универсальное оружие... Они способны — это подтверждают ваши и наши специалисты и ученые — в кратчайшие сроки в массовом количестве и избирательно уничтожать удаленные на тысячи миль объекты как в космосе, так и из космоса»¹⁴⁰. Конечно, эта фантастическая картина действительно могла выглядеть пугающе, но все же она была скорее ораторским приемом — подлинным кошмаром кремлевского руководства оставалась перспектива парализации ядерных сил СССР «оборонной инициативой». Вот тогда Советский Союз действительно стал бы беззащитным.

Рейган пытался «давить» на Горбачева также в вопросах освобождения политзаключенных, вывода войск из Афганистана, поддержки Советским Союзом режима Каддафи, «чье безрассудное поведение представляет собой главную угрозу стабильности в регионе»¹⁴¹ и др. Но здесь Горбачев не собирался уступать. На встрече с Каддафи Горбачев подтвердил дружественность Ливийскому режиму и обрушился на Израиль за налет на столицу суверенного Туниса¹⁴². Отвечая Рейгану, Горбачев писал: «Помощь оказываем и мы, и вы. Зачем применять тут двойной стандарт, утверждать, что советская помощь — это источник напряженности, а американская — благодеяние?»¹⁴³ По поводу диссидентов и «отказников» позиция Горбачева тоже пока оставалась неизменной: «Видимо, нет необходимости повторять, что вопросы, о которых идет речь, относятся к внутренней компетенции нашего государства и что они решаются в строгом соответствии с законами»¹⁴⁴.

Первый раунд мировой идеологической схватки Горбачев выиграл — Генеральная ассамблея ООН приняла в ноябре резолюцию в поддержку моратория на ядерные испытания, а в декабре — против вывода вооружений в космос. «Третий мир» склонялся на сторону СССР в его дискуссии с США. И несмотря на то, что сложными оставались отношения СССР с Китаем, что продолжалась война в Афганистане, позиции Советского Союза в развивающихся странах были пока еще очень прочны. В августе 1985 г. визит Р.Ганди в Москву подтвердил традиционно близкие отношения СССР и Индии. Несмотря на острую критику США помощи «международному терроризму» со стороны СССР, Горбачев встретился с М.Кадафи.

Даже в Женеве Горбачев пытался «вбить клин» между США и «Третьим миром»: «Если сегодня Мексика, Бразилия и ряд других государств не могут платить не только долги, но и проценты по ним, то можно себе представить, какие процессы происходят в этих странах. Это может накалять обстановку, привести к взрыву. И что, тогда тоже будут говорить о “руке Москвы”»¹⁴⁵. В своих выступлениях Горбачев опирался на призыв лидеров Индии, Мексики, Аргентины, Танзании, Греции и Швеции к лидерам супердержав заморозить наращивание ядерных вооружений, направленное Горбачеву и Рейгану в канун Женевской встречи. «Мы высоко ценим их инициативу»¹⁴⁶, — заявил Горбачев, но снова сослался на неуступчивость другой стороны. Советский лидер пытался также заинтересовать нейтральные страны в разоружении и материально: «Мы сможем освободить огромные средства для того, чтобы прийти на помощь развивающимся странам»¹⁴⁷. Увы, через несколько лет помогать придется стране Горбачева. Именно в «Третьем мире» СССР потерпел в 1985 г. крупнейшее поражение, которое самым пагубным образом скажется на состоянии советской экономики. В августе Саудовская Аравия увеличила добычу нефти в три раза. Это решение было принято под сильным давлением Запада. «Для Соединенных Штатов... снижение цен на нефть и нефтепродукты было манной небесной — американским потребителям дарили десятки миллиардов долларов. Для Кремля любое снижение цен было ударом по экономике», — пишет П.Швейцер¹⁴⁸. Аравия была готова идти на уступки США в обмен на гарантии ее безопасности, которой, как казалось саудовскому режиму, угрожали СССР из Афганистана, Иран, Ирак и Израиль. Президент США обеспечил поставки Аравии сверхсовременных ракет «Стингер» и создание на ее территории современной системы защиты от воздушных ударов «Щит мира». «Мы продали саудовцам все это оружие, чтобы снизить цены на нефть»¹⁴⁹, — вспоминал Уайнбергер. Кейнси в разговоре с саудовским королем Фахдом указывал на то, что если не снизить цен на нефть, «наступит конец хозяйственному оживлению в США»¹⁵⁰. «Чудо рейганомики» нуждалось в искусственной сырьевой подпитке.

В первом квартале 1984 г. сальдо торговли СССР по заниженным данным ЦРУ составило плюс 700 миллионов долларов, в первом квартале 1985 г. — минус 1400 миллионов долларов. В 1985 г. СССР удвоил продажу золота¹⁵¹. Цены на нефть упали с ноября 1985 г. до апреля 1986 г. с 30 до 12 долларов за баррель. Эти потери были наибольшим ущербом ото всех дей-

ствий США и составили в год 13 миллиардов долларов¹⁵². Катастрофические последствия они не имели, так как были покрыты продажей золота и европейскими кредитами, но проведение реформ в дальнейшем проводилось в условиях дефицита средств.

Говоря о своеобразии политики разных стран мира (прежде всего «Третьего мира»), Горбачев пытался «отбить» обвинения в нарушениях прав человека ссылками на суверенитет: «Кому-то эта политика нравится или не нравится, но она отражает внутренние процессы, интересы того или иного народа, кому и принадлежит суверенное право»¹⁵³. Отстаивая плюралистичную картину мира, в которой наряду со сверхдержавами действуют десятки других стран, Горбачев еще не хотел (или не мог) замечать, что «суверенный народ», а точнее — суверенный государственный режим, может устанавливать в стране бесчеловечные порядки, терпимость к которым сама по себе была вызовом цивилизованности. Но ведь среди союзников СССР (впрочем, и США тоже) были и подобные режимы (КНДР и Сальвадор, например). Терпимость и плюрализм на международном уровне оборачивались угнетением и кровопролитием на уровне «внутренних процессов». Позднее, когда право суверенитета, возведенное в абсолют, начнет приводить к апартеиду и кровопролитию уже на территории СССР, Горбачев провозгласит верховенство «общечеловеческих ценностей» и гражданских прав над правами этноса. Но к этому времени его влияние в стране уже будет стремительно падать. А пока полигоном грядущих гражданских войн на территории СССР оставался Афганистан.

4. Начало конца Афганской войны

По мнению авторов коллективного исследования «Война в Афганистане», в апреле 1985 г. начался новый этап войны, который характеризовался «переходом от активных действий преимущественно к поддержке действий афганских войск советской авиацией и саперными подразделениями»¹⁵⁴. Факты говорят о другом — в течение 1985 г. интенсивность боевых действий в Афганистане не снижалась, и советские войска продолжали проводить крупные наступательные операции. О новом этапе афганской войны можно говорить лишь начиная с 1986 г., а не с «исторического апрельского Пленума ЦК КПСС». На Пленуме Горбачев заявил: «Советское государство неизменно поддерживает право всех народов самим, в соответствии с собственным выбором, определять свое социально-экономическое настоящее и строить будущее без какого-либо вмешательства извне. Попытаться отказывать народам в этом суверенном праве — дело безнадежное, обреченное»¹⁵⁵. По советской версии в этом праве народу Афганистана отказывали США, Китай и Пакистан...

Если советская сторона продолжала искать возможность с достоинством покинуть Афганистан, то американская администрация все более откровенно поддерживала эскалацию конфликта. Выступая с посланием к конгрессу, Рейган открыто заявил о необходимости поддерживать повстанческие анти-

коммунистические движения «на любом континенте — от Афганистана до Никарагуа»¹⁵⁶. Преданные гласности в начале 1985 г. данные показали, что общая сумма помощи США моджахеддинам составила к 1985 г. 400 миллионов долларов и достигла 250 миллионов в год. Около 20000 моджахедов проходило обучение в центрах подготовки, организованных ЦРУ¹⁵⁷. До 90% этой помощи разворовывалось в Пакистане¹⁵⁸. В июле началась поставка в Пакистан «Стингеров» для моджахедов. Это простое в обращении оружие отличалось очень высокой вероятностью попадания в цель. «Когда мы начнем сбивать самолеты стоимостью 20 миллионов долларов, Кремль озверет», — говорил Кейнси. В американской администрации обсуждался вопрос о помощи моджахедам спутниковой информацией для нанесения ударов по советской территории. Но эти планы пока были оставлены, так как Кремль мог решиться на ответные удары по территории США. Но пакистанцы активно участвовали в подготовке обстрелов советской территории и даже вызвак в республики Средней Азии¹⁵⁹.

Во второй половине 1985 г. в конгрессе США прошли слушания «Исламский фундаментализм и исламский радикализм», на которых был обоснован «дифференцированный» подход к исламскому радикализму. Еще недавно последний наносил удары по позициям самих США в Азии. Теперь американские политики и ученые обосновывали поддержку исламских радикалов, противостоящих СССР. Если раньше Америка обращала внимание на неприятие исламскими радикалами принципов демократии и прав человека, то теперь моджахеды становились «борцами за свободу». В конце 1985 г. США приняли решение о поставках в Афганистан оружия западного производства через исламские страны¹⁶⁰ (прежде всего речь шла о противоздушных ракетах, которые могли бы подорвать советское господство в воздухе).

Поражения 1984 — начала 1985 гг. заставили оппозицию, базировавшуюся в Пакистане, на время забыть о вражде и под давлением США, Пакистана и Китая воссоздать Исламский союз моджахеддинов Афганистана. Это объединение было заведомо неустойчивым, так как Г.Хекматиар, избранный главой этой организации на три месяца, тут же стал претендовать на абсолютную власть в ней. Оппозиционные группировки, базировавшиеся в Иране, в это время вступили в кровавую схватку между собой¹⁶¹. Так что общее положение в стране и вокруг нее казалось благоприятным для СССР.

В этих условиях было решено продемонстрировать демократизм кабульского режима. НДПА провела Лоя Джиргу — съезд представителей районов и племен страны, сохранивших лояльность режиму. На джиргу съехалось 1769 делегатов, в том числе представители некоторых племен. Посещение съезда требовало немало мужества, так как оппозиция немедленно начала отстрел его делегатов¹⁶². Лоя Джирга провозгласила выборы в местные органы власти. НДПА все еще надеялась расширить свою социальную базу за счет ограниченной «демократии».

Советское командование стремилось воспользоваться некоторым ослаблением моджахедов после боев 1984 г., чтобы подготовить боеспособную афганскую армию. Январская операция в долине р.Кунар оказалась в этом

смысле новым явлением в ходе военных действий — количество афганских войск превысило здесь количество советских войск на 2000 человек¹⁶³. В мае советско-афганские части вновь нанесли удар по партизанской инфраструктуре в долине и достигли Барикота, после чего оставили район. Успешно развивались и операции на севере страны. Одновременно советское командование попыталось перекрыть границу с Пакистаном. Успеха эта попытка не имела. «Только для того, чтобы полностью перекрыть афгано-пакистанскую границу, по нашим подсчетам, требовалось до 80 тысяч человек», — вспоминает Б.Громов¹⁶⁴.

В середине года военная фортуна улыбнулась моджахединам. 12 июня им удалось организовать крупную диверсию на аэродроме в Шинданде. Было взорвано от 12 до 20 самолетов. Одновременно Масуд атаковал правительственные силы, оставленные охранять долину Панджшера. Ахмад Шах явно стремился показать, кто в Панджшере хозяин. 15 июня Масуд начал штурм опорного пункта правительственных войск Печгур. Натиск был столь силен и внезапен, что Печгур не устоял. В ходе штурма был убит оказавшийся здесь с инспекционной поездкой командир центрального корпуса афганской армии Ахмадоддин, взято в плен около 500 солдат и офицеров (по данным партизан), множество оружия. Это была крупнейшая победа моджахединов¹⁶⁵.

Ответные действия последовали немедленно, тем более, что советским командованием была запланирована своя операция в Панджшере¹⁶⁶. Советский вертолетный десант без труда отбил Печгур (Масуд и не собирался его удерживать) и попытался вернуть пленных, но они погибли при попытке освобождения¹⁶⁷. Окрыленные успехом Масуда, моджахеды начали новое наступление на Хост со стороны своих баз Джали, Майдан и Жавара, расположенных в окрестных горах.

Однако уже 20 августа советско-афганские войска перехватили инициативу, начав крупнейшую за всю войну наступательную операцию. Сосредоточив более 20000 солдат и офицеров (половина — афганцы), союзники обрушились на повстанцев в восточном Афганистане. Целями наступления были угрожавшие Кабулу базы моджахедов у Баграма и в долине р.Нава. Наносились удары и по базам вокруг Хоста. Блокировав район Белых гор, в котором оборонялись партизаны, советское командование высадило крупнейший с начала войны вертолетный десант. Моджахеды были разгромлены, потеряв более 100 человек. Советская армия потеряла 41 человека, афганская — 12¹⁶⁸. Союзники «ограниченного контингента» не спешили подставлять головы под пули.

Однако второй удар — вокруг Хоста, захлебнулся — взяв несколько баз повстанцев, советские войска были вынуждены остановиться 11 сентября в двух километрах от Жавары. Эта база превратилась в символ исламского сопротивления, который просуществовал до 1986 г. Одновременно руководство афганской службы безопасности продолжило свой «обходной маневр» через территорию пуштунских племен. На сентябрьской Лоя Джирге 1985 г. присутствовало уже больше представителей пуштунских племен, чем раньше, причем с обеих сторон границы. Моджахеды превращались в серье-

езную проблему для населения племен и из-за своей агрессивности, и из-за воздушных ударов, и из-за конкуренции в торговле наркотиками, которую «борцы за веру» составляли племенной верхушке¹⁶⁹. Чтобы наказать племена за сепаратные переговоры с Афганистаном, пакистанский президент Зия уль-Хак ввел войска в зону племен, нарушив права автономии. Это вызвало вооруженные столкновения и обиду пуштунов на пакистанского президента. Афганская агентура активизировала свою работу, пытаясь разжечь на территории Пакистана оппозиционное движение.

Успехи руководителя службы безопасности М.Наджибуллы на границах страны сопровождалась и усилением его позиций в афганском руководстве. В июле-октябре 1985 г. Наджибулла сумел разгромить своих противников-халькистов в МВД Афганистана, разоблачив заговор в военизированном формировании МВД Царондой. В ноябре 1985 г. произошло неудачное покушение на Наджибуллу, что только увеличило его авторитет. В январе 1986 г. было создано Министерство государственной безопасности, контролируемое Наджибуллой. Он превратился в самого сильного человека в афганском руководстве¹⁷⁰.

Несмотря на то что оппозиции удалось отстоять Жавару, ее поражение на других участках было очевидно. Советские войска активизировали операции также в Герате и Кандагаре. По мнению П.Швейцера, действия советской армии в 1985 г. стали более эффективными. Потери моджахедов увеличились почти в два раза по сравнению с предыдущими годами¹⁷¹. И все же эти успехи не решали проблемы — неся потери и оставляя районы своей дислокации, партизаны пополняли ряды в Пакистане, получали новое оружие и боеприпасы и возвращались туда, откуда их недавно выбивала советская армия. Самые удачные военные операции не приближали победу. В 1985 г. в Афганистане погибло 1868 советских военнослужащих¹⁷². Это меньше, чем в 1984 г., но больше, чем в 1983 г. Страна продолжала платить кровью за сдерживание волны джихада на подступах к южной границе СССР. Без надежды сдержат. Б.Громов вспоминает: «Обстановку же в 1985 г. можно охарактеризовать одним словом — тупиковая. Активные боевые действия непрерывно велись в нескольких районах страны, тем не менее душманы, разбитые в той или иной провинции, всегда очень быстро восстанавливали свои силы и заново создавали большое количество баз и складов. Через полтора месяца, после того как наши батальоны возвращались в военные городки, мы снова были вынуждены проводить военные операции»¹⁷³. Численность активных боевых формирований моджахедов составила к концу 1985 г. около 150 тысяч человек. Им противостояло около 100 тысяч советских и около 300 тысяч афганских войск, распыленных по всей стране и надежно контролировавших около 23% территории страны¹⁷⁴. Одерживая победы в сражениях, советская армия и кабульский режим проигрывали войну.

Росли материальные издержки войны. Расходы СССР в Афганистане составили в 1984 г. 1578,5 миллионов рублей, в 1985 г. — 2623,8 миллионов рублей. Из них на содержание советской армии ушло 1196,8 миллионов в 1984 г. и 2023,5 миллионов в 1985 г.¹⁷⁵

Агитационная машина СССР делала все, чтобы советские граждане не могли представить себе картину происходящего в Афганистане. Продолжала действовать многоступенчатая цензура, о характере которой дает представление принятый 22 июля 1985 г. перечень сведений о войне в Афганистане, разрешенных к публикации. К таким сведениям относились «отдельные единичные факты (не более одного в месяц) ранений или гибели советских военнослужащих при исполнении воинского долга...»¹⁷⁶ Освещение военных действий ранжировалось в зависимости от масштаба издания: в центральной печати — до батальона, в республиканской — до роты, в областной и дивизионной — до взвода, не более¹⁷⁷. Официальная пресса поражала читателей идиллическими описаниями событий в Афганистане. Так, известный в дальнейшем журналист Евгений Киселев писал уже в «перестроечном» 1985 г.: «Какие же отношения складываются между советскими воинами и населением? Поделюсь с вами собственными впечатлениями от нескольких лет работы в Афганистане. Прежде всего, приведу слова из “Памятки советскому воину-интернационалисту”. Ее вручают каждому, кто прибыл служить в ДРА. “Ты должен уважать страну и ее народ, его традиции, знать и уважать афганскую историю, культуру и политику. Ты должен строго соблюдать порядки, законы, нравы и обычаи афганцев и уважать их”. Именно этих правил неукоснительно придерживаются наши солдаты и офицеры в своих отношениях с местными жителями. С приходом советских воинов в тот или иной район там быстро нормализуется обстановка, налаживается мирная жизнь.... Советские воины не вмешиваются во внутренние дела афганского народа. Но и оставаться в стороне от его трудностей они не могут. Взять, например, острые транспортные проблемы этой горной страны. Наши войска помогают ДРА в народнохозяйственных перевозках...»¹⁷⁸ Таким образом, критическую информацию о войне можно было почерпнуть только из рассказов вернувшихся с войны солдат и из передач зарубежного радио. Пока официальная журналистика еще не освоила современные методы манипулирования массовым сознанием, население постепенно узнавало правду.

Война оказывала все более ошутимое влияние на советское общество. И дело было не только в материальных затратах, но и в психологическом воздействии, начиная от страха молодежи перед перспективой службы в Афганистане и кончая возникновением специфического слоя «афганцев» — ветеранов войны.

Особенно заметной группа «афганцев» становилась в вооруженных силах Советского Союза. По мнению М.Урбана, именно «летом 1985 г. стало ясно, что новая группа — “Афганское братство” — выросла в советском офицерском корпусе. Их взаимосвязь объяснялась советским писателем Александром Прохановым, который писал этим летом в “Литературной газете”: “Все, кто служил в Афганистане — как солдаты, так и гражданские, объединены духом и характером особого “Афганского братства”. Их служба или их работа в Афганистане завершена, они возвращаются на Родину... но все еще остаются “ограниченным контингентом”, как и прежде...” Афган-

ские» привычки, взгляд, жесты, выражения. Этот опыт всегда — часть нас»¹⁷⁹.

Общие черты, которые афганская война наложила на тысячи советских людей и романтическое ощущение афганского братства, все же не переросли в устойчивую корпорацию. Организации «афганцев» использовались в политической борьбе 1988—1993 г., но все чаще бойцы «ограниченного контингента» оказывались по разные стороны баррикад. Особенно заметно это разделение было в офицерском корпусе. Уже в 1991 г. высшие офицеры-выходцы из Афганистана поддерживали разные стороны политического конфликта, хотя даже в 1993 г. «афганец» А. Рудкой наивно надеялся, что в трудный час его поддержат бывшие товарищи по оружию. К этому моменту от мечты А. Проханова об «афганском братстве» остались лишь «осколки разбитого вдребезги».

Однако нельзя не согласиться с М. Урбаном, что посещение Афганистана играло ключевую роль в военной карьере и что «если после войны вооруженные силы руководились людьми, которые сражались “на Западе”, то теперь ключевые позиции были взяты теми, чей опыт был “с Юга”»¹⁸⁰. Этот южный опыт накладывал важный отпечаток на характер офицерского корпуса — самостоятельность, умение действовать на свой страх и риск, доходящие до авантюризма, готовность к жестокой локальной войне против враждебного населения. Командиры Великой Отечественной войны даже в Восточной Европе чувствовали за спиной Родину, СССР. Командиры Афганской войны были брошены Советским Союзом сюда с непонятными целями, для проведения часто бессмысленных операций. Командиры Второй мировой не мыслили себя без СССР, в его защите был смысл их жизни, оплаченный кровью миллионов людей. Командиры Афганской войны идентифицировали себя с Союзом гораздо меньше.

К 1985 г. офицерский корпус «ограниченного контингента» был деморализован. Б. Громов вспоминает: «Многие офицеры, оказавшиеся в Афганистане, очень скоро понимали бесперспективность боевых действий как основы нашего пребывания здесь, потому что, за редким исключением, ничего, кроме жертв среди наших солдат и среди афганцев, они не несли... Многие, в том числе и я, были сторонниками переговоров с противником, в данном случае с душманами. Больше того, офицеры и генералы самыми первыми пришли к выводу о необходимости безусловного и полного вывода 40-й армии из Афганистана»¹⁸¹. В то время как руководители государства искали пути сохранения хотя бы нейтрального статуса страны после вывода войск, часть офицерского корпуса и генералов уже стремилась к тому, чтобы, выражаясь словами А. Лукина, «более или менее стройными рядами бежать из Афганистана»¹⁸². Когда советское сопротивление моджахедам в Афганистане ослабнет, джихад станет проникать дальше на север — на территорию распадающегося СССР...

Эскалация боевых действий 1984—1985 гг. была последней попыткой решить проблему Афганистана силой. И на этот раз урок пошел впрок. «Для нас обоих было особенно отраднo то, — пишут С. Ахромеев и Г. Корниенко, — что очень скоро новый советский руководитель проявил

понимание необходимости вывести советские войска из Афганистана — их нахождение там лежало тяжелым грузом на наших плечах»¹⁸³. На встрече с Рейганом Горбачев признал, что «не испытывает энтузиазма» по поводу войны в Афганистане¹⁸⁴. Линия на вывод войск из Афганистана была принята Политбюро в октябре 1985 г. Год спустя Горбачев вспоминал об этом так: «Цель, которую мы поставили, заключалась в том, чтобы ускорить вывод наших войск из Афганистана и в то же время обеспечить дружественный нам Афганистан»¹⁸⁵.

В октябре 1985 г. состоялась встреча М.Горбачева и Б.Кармалы. Горбачев обрушился на своего вассала с резкой критикой, говорил о перегибах в политике НДПА, необходимости расширения массовой базы партии и недвусмысленно заявил о близкой перспективе вывода войск. Выслушав приговор, Б.Кармаль ответил: «Если вы сейчас уйдете, в следующий раз придется вводить миллион солдат»¹⁸⁶. Однако на XVI пленуме НДПА 20 ноября было заявлено, что партия готова поделиться властью с теми, кто готов разделить ее с НДПА. Моджахеддины ответили молчанием.

В 1985 г. в советских ведомствах сформировалось два подхода к решению афганской проблемы. Суть первого подхода, который поддерживали замминистра иностранных дел Г.Корниенко и начальник штаба Министерства обороны С.Ахромеев, заключалась в том, что «совершенно нереально было бы рассчитывать на то, что после вывода из страны советских войск НДПА там сможет остаться у власти или просто играть весомую роль в новых структурах власти. Максимум, на что можно было рассчитывать, говорили мы, так это на то, чтобы НДПА заняла законное, но весьма скромное место в новом режиме. Для этого она должна была еще до вывода советских войск добровольно уступить большую долю власти, проявив инициативу по созданию коалиционного правительства, в котором были бы представлены разные слои афганского общества. Без особой уверенности мы тем не менее считали этот путь дающим определенный шанс — с учетом того, что и Запад не был заинтересован в полной победе в Афганистане исламских фундаменталистов»¹⁸⁷.

У этого плана было несколько уязвимых сторон. Во-первых, те службы Запада, которые занимались афганской проблемой, были заинтересованы в максимальном ущербе для СССР, и «возвращение в первую половину 70-х гг.» было для них таким же поражением, как и для СССР. В этом случае стороны «оставались при своих», и мощный фактор давления на СССР исчезал. Во-вторых, война привела к резкому усилению радикально-фундаменталистских исламских движений, которые в дореволюционном Афганистане не были сильны. Как показали последующие события, они не готовы были делиться властью с умеренными силами и тем более с НДПА. Было очевидно, что «шанс Корниенко-Ахромеева» был бы лишь переходом либо к новой фазе гражданской войны с выходом моджахеддинов на границы СССР, либо к агрессивному антисоветскому режиму без НДПА. Если бы этот план возобладал, развязка могла произойти уже в 1989—1990 гг., то есть в момент обострения этноконфликтов в Средней Азии, которое тогда нигде не переросло в гражданскую войну. В случае соседства моджахедди-

нов, готовых перенести войну на территорию «братских республик», события в республиках Средней Азии в 1989—1990 гг. могли развиваться иначе, например также, как в 1992 г. в Таджикистане.

Альтернативой плану Корниенко-Ахромеева был план Э.Шеварднадзе и председателя КГБ В.Крючкова, которые исходили из того, «что и после вывода советских войск НДПА сможет если и не сохранить всю полноту власти, то, во всяком случае, играть определяющую, “руководящую” роль в новом режиме. Этой иллюзорной позиции соответствовали и их практические действия, нацеленные на создание “запаса прочности” для НДПА, прежде чем будут выведены советские войска», — пишет о своих оппонентах Г.Корниенко¹⁸⁸.

Однако последующие события показали, что «план Шеварднадзе-Крючкова» не был столь уж иллюзорным. «Запас прочности», созданный в 1985—1989 гг., позволил НДПА продержаться у власти до 1992 г., прикрывая южную границу СССР и среднеазиатских республик (группировка принадлежавшего к НДПА генерала Достума продолжала прикрывать границу Узбекистана и Туркменистана и дальше). Шеварднадзе и Крючков исходили из того, что СССР сможет и дальше оказывать посильную помощь своему «буферу». При всей дороговизне такого положения, это было все же лучше, чем плата кровью во время войны в Афганистане и затем в Средней Азии. Однако распад СССР положил конец режиму НДПА, открыв дорогу моджахедам на север, в Таджикистан.

В 1985 г. линия Шеварднадзе-Крючкова возобладали на уровне практических действий. Однако и линия Корниенко-Ахромеева не была отброшена и использовалась как политико-дипломатическое прикрытие «накачивания мускула» НДПА, получившее позднее название «политики национального примирения».

* * *

В 1985 г. советское руководство попыталось начать «разрубать гордиев узел» внешнеполитических проблем, вставших перед СССР и выйти из геополитической ловушки, в которой оказалась страна. Новое руководство страны во главе с М.Горбачевым было готово идти на односторонние уступки США и их союзникам, окончательно осознало необходимость вывода войск из Афганистана независимо от результатов боевых действий. Однако политика Горбачева, проводившаяся под лозунгом «нового мышления», столкнулась с неуступчивостью американской администрации, заинтересованной в сохранении невыгодного для СССР status quo. Удачные внешнеполитические шаги советской дипломатии в Европе и личное общение между лидерами СССР и США в Женеве позволили несколько смягчить позицию западного блока, но добиться согласия американской администрации на ключевое предложение Горбачева — радикальное ядерное разоружение в обмен на отказ от производства космического оружия — не удалось. Горбачев, выигравший у своего ВПК долгую и напряженную схватку за власть, был

враждебен ему и стремился в конечном итоге к резкому ослаблению влияния военной машины на жизнь страны. Рейган хотя и не был прямым ставленником своего ВПК, но все-таки был в гораздо большей степени связан с ним, чем его советский оппонент. И потому американский президент, несмотря на все свои тактические поражения, был внутренне сильней. За его спиной, несмотря на все противоречия, стоял союзник, а за спиной Горбачева — придавленный, но недобитый враг. И победить его Горбачев мог только опираясь на добрую волю Запада. Выиграв состязание за мировое общественное мнение, заручившись симпатиями сотен миллионов людей во всех странах мира, новая советская администрация стала приходить к выводу, что «социалистическая система» проигрывает локальные войны и «гонку вооружений».

Примечания

1. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 131—132.
2. Воротников В.И. А было это так... М., 1995. С. 60.
3. Цит. по: Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 609—610.
4. Рейган Р. Указ. соч. С. 611.
5. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 388.
6. Рейган Указ. соч. С. 615.
7. Там же.
8. Там же. С. 620.
9. Цит. по: Рейган Р. Указ. соч. С. 620.
10. Ахромеев С., Корниенко Г. Глазами маршала и дипломата. М., 1992. С. 55.
11. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 135.
12. Там же. С. 463.
13. Рейган Р. Указ. соч. С. 616.
14. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 167.
15. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 95—96.
16. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 227.
17. Там же. С. 341.
18. Там же. С. 168.
19. Добрынин А. Указ. соч. С. 607.
20. Там же.
21. Цит. по: Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 49.
22. Громыко А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. Воспоминания и размышления сына. М., 1997. С. 101—102.
23. Шеварднадзе Э. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 81.
24. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 79.
25. Рейган Р. Указ. соч. С. 622.
26. Шеварднадзе Э. Указ. соч. С. 146.
27. Добрынин А. Указ. соч. С. 607.
28. Подробнее см.: Социальные движения на Западе. М., 1994.
29. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 239.
30. Там же. С. 441.
31. Там же. С. 241.

32. Там же. С. 243.
33. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М., 1995. Т. 2. С. 71.
34. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 2. С. 441—442.
35. Там же. С. 442.
36. Там же.
37. Там же. С. 446.
38. Там же. С. 465.
39. Там же. С. 471.
40. Там же. С. 436.
41. Там же. С. 445.
42. Там же. С. 446.
43. Там же. С. 447.
44. Там же. С. 452.
45. Там же. С. 453.
46. Там же. С. 439.
47. Цит. по: Горбачев М.С. Указ. соч. С. 477.
48. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 478.
49. Шеварднадзе Э. Указ. соч. С. 197.
50. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Т. 2. С. 311.
51. Цит. по: Медведев В. В команде Горбачева. М., 1994. С. 15.
52. Там же.
53. Воротников В.И. Указ. соч. С. 79.
54. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 314.
55. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 2. С. 247.
56. Шеварднадзе Э. Указ. соч. С. 147.
57. Добрынин А. Указ. соч. С. 605—607.
58. Там же. С. 613.
59. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 347.
60. Там же. С. 349.
61. Там же. С. 361.
62. Цит. по: Швейцер П. Указ. соч. С. 392.
63. Цит. по: Рейган Р. Указ. соч. С. 624.
64. Рейган Р. Указ. соч. С. 626.
65. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 58.
66. Швейцер П. Указ. соч. С. 411.
67. Thatcher M. «The Downing Street Years». NY., 1993. P. 467.
68. Рейган Р. Указ. соч. С. 629.
69. Добрынин А. Указ. соч. С. 616.
70. Там же. С. 631.
71. Швейцер П. Указ. соч. С. 401.
72. Там же.
73. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 3. С. 54.
74. Черняев А.С. Указ. соч. С. 45.
75. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 64.
76. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 2. С. 443.
77. Цит. по: Добрынин А. Указ. соч. С. 623.
78. Шеварднадзе Э. Указ. соч. С. 148.
79. Рейган Р. Указ. соч. С. 632.
80. Иванян Э.А. Рональд Рейган. Хроника жизни и времени. М., 1991. С. 359—360.
81. Рейган Р. Указ. соч. С. 634.
82. См., например: Добрынин А. Указ. соч. С. 622—623.

83. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Т. 2. С. 12.
84. Рейган Р. Указ. соч. С. 635.
85. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 82—83.
86. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 15.
87. Там же.
88. Добрынин А. Указ. соч. С. 624.
89. Там же. С. 14.
90. Рейган Р. Указ. соч. С. 635.
91. Там же. С. 636.
92. Там же.
93. Добрынин А. Указ. соч. С. 624.
94. Рейган Р. Указ. соч. С. 635.
95. Там же. С. 636—637.
96. Там же. С. 637.
97. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 81—83.
98. Рейган Р. Указ. соч. С. 638—639.
99. Там же. С. 639.
100. Правда. 1989. 7 июля.
101. Рейган Р. Указ. соч. С. 639—642.
102. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 15.
103. Рейган Р. Указ. соч. С. 637.
104. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 15.
105. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 3. С. 72—73.
106. Там же. С. 73.
107. Там же. С. 68—69.
108. Там же. С. 72.
109. Там же. С. 80—81.
110. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Т. 2. С. 16.
111. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 58.
112. Рейган Р. Указ. соч. С. 637.
113. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 3. С. 82.
114. Там же. С. 67.
115. Там же. С. 68.
116. Замятин Л.М. Горби и Мэгги. М., 1995. С. 23.
117. Там же.
118. Правда. 1985. 22 ноября.
119. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 59—60.
120. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. Т. 2. С. 19—20.
121. Рейган Р. Указ. соч. С. 641.
122. Медведев В. Человек за спиной. М., 1994. С. 209
123. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 20.
124. Рейган Р. Указ. соч. С. 641.
125. Медведев В. Указ. соч. С. 209.
126. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 20.
127. Кто есть кто в России и ближнем зарубежье. М., 1993. С. 84—85.
128. Горбачев М.С. Указ. соч. С. 20.
129. Рейган Р. Указ. соч. С. 646.
130. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 63.
131. Там же. С. 81.
132. Цит. по: Иванян Э.А. Указ. соч. С. 360—361.
133. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 3. С. 62.

134. Там же. С. 76—77.
135. Вестник МИД СССР. 1987. № 5. С. 17.
136. Цит. по: Иванян Э.А. Указ. соч. С. 362.
137. Там же.
138. International Herald Tribune. 2.12.1985
139. Рейган Р. Указ. соч. С. 644.
140. Цит по: Рейган Р. Указ. соч. С. 648—649.
141. Рейган Р. Указ. соч. С. 647.
142. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 2. С. 490—492.
143. Рейган Р. Указ. соч. С. 650.
144. Цит. по: Рейган Р. Указ. соч. С. 652.
145. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 3. С. 70.
146. Там же. С. 75.
147. Там же. С. 77.
148. Швейцер П. Указ. соч. С. 397—398.
149. Там же. С. 338.
150. Там же. С. 340.
151. Там же. С. 398.
152. Там же. С. 398—399,430.
153. Горбачев М.С. Избранные речи. С. 70.
154. Война в Афганистане. М., 1991. С. 245.
155. Громов Б.В. Ограниченный контингент. М., 1994. С. 170.
156. Война в Афганистане. С. 170.
157. Швейцер П. Указ. соч. С. 414.
158. Urban M. War in Afganistan. L., 1990. P. 162.
159. Швейцер П. Указ. соч. С. 381, 415.
160. Ibid.
161. Op. cit. P. 170.
162. Op. cit. P. 166—167.
163. Op. cit. P. 164.
164. Громов Б.В. Указ. соч. С. 219.
165. Urban M. Op. cit. P. 173.
166. Громов Б.В. Указ. соч. С. 176.
167. Urban M. Op. cit. P. 173—174.
168. Op. cit. P. 177—179.
169. Op. cit. P. 181.
170. Op. cit. P. 182—183.
171. Швейцер П. Указ. соч. С. 375.
172. Ляховский А.А., Забродин В.М. Тайны афганской войны. М., 1991. С. 78.
173. Громов Б.В. Указ. соч. С. 174.
174. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 82.
175. Источник. №3—95. С. 156.
176. ЦХСД. Ф. 89. Оп. 11. Д. 103. Л. 3.
177. Там же. Л. 4.
178. Новое время. 1985. ¹ 33.
179. Urban M. Op. cit. P. 176.
180. Urban M. Op. cit. P. 176.
181. Громов Б.В. Указ. соч. С. 175.
182. Независимая газета. 1995. 24 января.
183. Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С. 55.
184. Рейган Р. Указ. соч. С. 640.

185. ЦХСД. Ф. 89. Оп. 14. Д. 41. Л. 9.
186. Ляховский А.А., Забродин В.М. Указ. соч. С. 91.
187. Корниенко Г.М. Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1994. С. 200.
188. Там же. С. 201.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ничто не вечно. Рано или поздно система, сложившаяся в СССР к концу 70-х гг., канула бы в прошлое. Но произойти это могло по-разному. И результаты исторического перехода для нас, сегодняшних, были бы иными. Поэтому так важна проблема истоков Перестройки. При ближайшем рассмотрении она распадается на три основных вопроса:

— *Каково соотношение внешних и внутренних факторов начала реформ?*

— *Можно ли было избежать преобразований общественной системы во второй половине 80-х гг.?*

— *Каковы были возможные альтернативы преобразований и их социальная поддержка?*

1. Внешний фактор

Оценка внешнеполитического воздействия на социальные процессы в СССР приобретает сегодня идеологический характер. Давление Запада на Россию в 90-е гг., ставшее поводом для острых идейных столкновений, затрудняет спокойное обсуждение вопроса о начале затянувшегося «переходного периода». Ключевым словом для оценки событий первой половины 80-х гг. становится «развал», что связано с событиями первой половины 90-х гг. Такой сдвиг во времени понятен — именно в 90-е гг. ярко проявились результаты реформ как таковых. Результаты, по-видимому, не окончательные, но весьма наглядные, резко разделившие общество на выигравших и проигравших, и потому способствующие резким, однозначным оценкам. Напрашивается вывод о том, что катастрофа СССР стала результатом целенаправленных действий, тем более, что и сами действия — налицо. Стал ли СССР жертвой геополитического убийства, или главной причиной кончины были внутренние болезни? Анализ и сравнение внешнего и внутреннего комплексов проблем, с которыми столкнулась Империя, заставляет отдать приоритет внутренним причинам. Наиболее ярким «результатом» преобразований стал распад СССР, ассоциируемый со всей общественной системой, существовавшей здесь в 1917—1991 гг.

Категоричность оценок роли Запада в «развале» 80-х — 90-х гг. не зависит от идеологической ориентации их авторов. Не случайно, что позиция «державников», считающих распад СССР результатом действий внешнего

врага, может быть выражена словами «певца ЦРУ», откровенного сторонника методов «холодной войны» П.Швейцера: «Анализ причин развала Советского Союза вне контекста американской политики напоминает расследование по делу о внезапной, неожиданной и таинственной смерти, где не берется во внимание возможность убийства и даже не делается попытки изучить обстоятельства данной смерти. Но даже если жертва была больна неизлечимой болезнью, следователь обязан изучить все возможное... Советский Союз развалился не в результате стечения обстоятельств, не благодаря тому, что нам благоприятствовало время. Если бы Кремлю не пришлось сопротивляться совокупному эффекту СОИ и расширению оборонного арсенала, геополитическим неудачам в Польше и Афганистане, потере десятков миллиардов долларов в твердой валюте, получаемой за экспорт энергии, и ограничению доступа к технологии, можно было бы, не боясь ошибиться, предположить, что ему удалось бы выжить»¹.

Чтобы оценить, насколько справедлива оценка американских и российских «державников», выраженная Швейцером, необходимо понять, что он понимает под «падением Кремля». Распад государства на несколько подобных ему образований? Процесс социальных преобразований, изменивших Россию? Но решительные социальные преобразования неоднократно переживали и сами США. Можно ли рассматривать крах политики Картера в качестве краха США? А ведь приход к власти Рейгана означал весомые изменения во внутренней политике и большие кадровые перемены. Между тем, несмотря на смену флагов над Кремлем, изменения в высших эшелонах власти происходили преимущественно в рамках той же элиты. Бурные социальные изменения 1992—1993 гг. осуществлялись людьми, которые в большинстве своем прежде принадлежали к «партии Кремля». Они не потерпели поражения. Вероятно, «следователю» нужно сначала установить, а был ли труп. Если под покойным понимать социальную систему, то слухи о ее гибели кажутся слегка преувеличенными. А если речь идет о СССР как государственной структуре, то она пережила правление Рейгана и почил в связи с большим комплексом более поздних факторов, среди которых важную (хотя и не определяющую) роль играла американская политика, заметной отличавшаяся от курса Рейгана 1981—1987 гг.

Тем не менее тело имеется. Это коммунистический режим, монополия КПСС на власть. На первый взгляд, режим умер за несколько месяцев до СССР — в августе 1991 г., когда была распущена КПСС. Но к этому времени монополия КПСС на власть уже исчезла, коммунисты торопливо перекрашивались в демократов, а все желающие могли говорить и печатать что угодно (за исключением, разве что, призывов к насилию) даже с большей свободой, чем при режиме, возникшем позднее. Монополию на власть КПСС убила Перестройка, которая представляла собой не только преобразования сверху, но и движение снизу. Сам выход населения из-под контроля КПСС был смертельной болезнью для коммунистической системы.

Поэтому большое практическое значение имеет вопрос о том, какую роль политика Рейгана играла в стимулировании преобразований, в какой мере Рейган делит с Горбачевым лавры «отца Перестройки».

Перечень болезней, от которых умер СССР, действительно не доказывает, что «пациент» умер именно от них. Приведенный выше материал показывает, что, несмотря на неудачи, СССР в 1978—1984 гг. выдерживал давление со стороны геополитических противников. Затраты на продолжение борьбы были тяжелы, но не приводили к распаду экономики. Такая же напряженная ситуация имела место и в западном мире. Экономические результаты противоборства в этот период не носили необратимого характера, хотя и существенно усугубляли ситуацию.

В то же время лидеры Запада, продолжая культивировать и отчасти разделять миф о наступательных действиях СССР, перешли в контрнаступление. Советское руководство, начиная с 1975 г., руководствовалось преимущественно оборонительной логикой. Именно эта стратегия и привела СССР к вводу войск в Афганистан, поскольку, по мнению советского руководства, он мог стать базой для действий против Средней Азии (предположение не столь абсурдное, если учитывать события следующих десятилетий). Афганская война оказалась серьезным «ядом» и для экономики, и для общества в СССР. Но эта угроза не была смертельной — финансовый ущерб не превышал доходов Советского Союза, а общество ограничилось частными беседами, участники которых сетовали на войну.

В 1985—1986 гг. по экономике СССР был нанесен еще один дополнительный внешний удар — изменение цен на нефть. Но он был в значительной степени компенсирован вводом в строй газопровода «Уренгой-Помары-Ужгород» с последующим изменением приоритетов в экспорте сырья, а также общим изменением международной обстановки. Уже в 1987 г. США вынуждены были отказаться от стратегии лобовой конфронтации с СССР и перейти к более эластичным и, как показал опыт, более эффективным способам воздействия на внутреннюю ситуацию в Советском Союзе. Во многих отношениях это означало неудачу американской стратегии 1981—1987 гг. США не выиграли в «холодной войне». Эта война закончилась до распада СССР и ОВД. Гораздо большее значение имела дальнейшая политика «удушения в объятиях», проводившаяся Западом. Но это — другая история. Политика Рейгана не была причиной гибели «больного», она лишь несколько активизировала болезнетворные процессы, заметно проявившиеся прежде.

Внешнеполитические факторы сыграли незначительную роль в победе реформистской и относительно пацифистской политической группировки, возглавляемой М.Горбачевым. Более того, Горбачеву пришлось скрывать свой относительный «пацифизм» от большинства своих союзников.

Сказанное, конечно, не означает, что геополитический тупик, в котором СССР оказался к середине 80-х гг., вообще не способствовал падению коммунистического режима. Но связь эта опосредованная. Поведение администрации Рейгана в 1981—1987 гг. можно сравнить с действиями не «убийцы», а «склочника», который портит нервы больному человеку. Из-за того

что через несколько лет после ухода «склочника» на пенсию больной умер, вовсе не следует привлекать недруга по обвинению в убийстве. Насколько в смерти виноват преемник «склочника», с милой улыбкой подмешивавший что-то больному в чай — вопрос для отдельного исследования, выходящего за рамки этой книги. Если в качестве «убийства» рассматривать роспуск СССР, то американская администрация затеряется в толпе «убийц», имеющих гораздо более непосредственное отношение к этому событию. Но оно имеет уже мало отношения к факторам давления на Союз времен Второй холодной войны. Главный результат этой войны для последующей судьбы реформ — более ясное осознание коммунистической элитой необходимости модернизации (без единого понимания необходимых для этого мер) и ухудшение условий для этой модернизации и связанной с ней политикой ускорения.

И все же обстоятельства геополитической борьбы конца 70-х — начала 80-х гг. имели далеко идущие последствия для планеты. Они привели к складыванию блока государств Запада и мусульманского мира. Этой коалиции суждено было достичь мировой гегемонии после распада СССР. Последствия этого «брака по расчету» для мировой цивилизации еще не проявились в полную меру, но уже сейчас можно сказать, что в начале 80-х гг. США вступили в самую рискованную игру в своей истории, которая не закончена до сих пор.

До некоторой степени стимулировав начало преобразований в СССР, внешнеполитические трудности заметно сократили средства на их проведение. Таким образом, геополитическая ситуация затруднила (а тем самым и затянула) экономическую составляющую реформ и способствовала обострению более поздних социальных столкновений — неизбежных в любом случае, но в других масштабах и формах. Таким образом, внешние факторы играли не только стимулирующую, но и сдерживающую роль в отношении реформ, доминирующие причины которых лежали все же внутри страны.

2. Структурный кризис

Все страны, вошедшие в стадию индустриального общества, рано или поздно обречены пережить кризис этой социальной системы, связанный с накоплением ее издержек. Легкость преодоления этого кризиса зависит от способности системы изменяться, от ее гибкости и открытости.

По мнению С.Забелина «система “СССР” не отстала, а обогнала так называемый цивилизованный мир, оказавшись первой индустриально развитой страной, пережившей предсказанный экспертами Римского клуба кризис пределов роста во всем многообразии его аспектов. Поэтому искать средства выхода из кризиса в прошлом или на “западе” изначально бессмысленно, поскольку подобного раньше с индустриально развитыми странами не случалось... Кризис СССР неправильно понят как поражение одной из управленческих систем (социализм) в соревновании с другой управлен-

ческой системой (капитализм), а не как поражение самого способа природопользования (включая использование человеческих ресурсов), присущего нашей цивилизации»². Солидаризируясь с этим выводом, необходимо сделать дополнение: кризис пределов роста — составляющая и возможный детонатор системного кризиса индустриального общества. Хрупкость индустриальной системы, ее отчуждение как от природы, так и от человека как личности, позволяют ей динамично развиваться (обеспечивать экономический «рост») либо за счет постоянного притока ресурсов, либо за счет роста эффективности их использования. Рост эффективности, как правило, запаздывает по отношению к потребностям системы, тем более, что «материальная» эффективность часто обеспечивается за счет более интенсивной эксплуатации человеческих ресурсов, что снижает совокупную эффективность. В рамках индустриальной модели развития рост эффективности сопровождается ростом специализации и психологической нагрузки на большинство занятых на производстве людей, их дополнительной инструментализации, что приводит к дополнительному отчуждению от человеческой сущности, предполагающей многогранность и творчество. Это может привести к психологическим срывам (локальные проявления пределов роста в ситуациях, когда пределов роста «материальных» ресурсов не наблюдается). Таким образом, индустриальная система в силу таких своих черт, как узкая специализация и иерархизация производства, связанное с этим отчуждение как от природной среды, так и от человеческой сущности, монополизм и бюрократизация (не только на государственном, но и на корпоративном уровне) постоянно сталкивается с различными пределами роста. Но, обладая значительной гибкостью, западные модели индустриального общества могли преодолевать пределы в одних сферах за счет других и продуцировать возникновение альтернативных индустриализму отношений. Так, в 60-е гг. XX в. Запад столкнулся с серьезным кризисом индустриального общества, детонатором которого было как раз сопротивление «человеческого материала». Западная элита пошла на некоторые уступки обществу, немного снизив масштабы отчуждения и авторитаризма. Снижение отчуждения привело к тому, что в обществе более заметную роль стали играть альтернативные индустриализму отношения, основанные на самоуправлении общественных структур и личности в них, на самоорганизации труда. Это повысило порог прочности индустриальной системы и позволило эффективно преодолеть сырьевой кризис 1973—1975 гг., также прибегнув к нехарактерным для индустриализма (постиндустриальным) возможностям роста эффективности (например, децентрализация энергоснабжения для перехода к «даровым» видам энергетики). Преодолев системный кризис индустриального общества «по частям», Запад, конечно, опередил СССР. Но относительно безболезненное преодоление кризиса индустриального общества на Западе привело к тому, что эта форма индустриализма («государственно-монополистический капитализм») не претерпела качественных изменений и смогла интегрировать постиндустриальные формы и отношения. В результате, логика индустриального общества продолжает доминировать, что после установления гегемонии Запада в мире

может привести на этот раз к глобальному кризису. В этом отношении можно говорить о том, что СССР обогнал если не Запад, то мир в целом. В силу того, что СССР представлял собой крайнюю форму индустриального общества, где перечисленные выше черты были максимизированы, а сама система отличалась негибкостью, он первым в истории столкнулся с синхронизированным пределом эксплуатации как человеческих, так и природных ресурсов, и пережил всеобъемлющий кризис индустриального общества.

Главная причина этого заключается в том, что политическая, социальная и экономическая структуры СССР создавались как сверхгосударственные и сверхцентрализованные, монополизм власти стремился к абсолютному, монополизм экономики носил технологический характер, монополизм в культуре и информации проникал во все общественные сферы. Крайний этатизм и монополизм общественной структуры СССР делали ее чрезвычайно хрупкой, но до известного предела вполне прочной. В то же время начиная с 50-х гг. росла автономия социальных и экономических субъектов во всех общественных сферах СССР. Этот неизбежный процесс сопровождался рассогласованиями в системе, так как автономизация различных социальных структур происходила с разной скоростью. В результате возникла специфическая система общественных отношений со своеобразным механизмом согласования политических и экономических интересов, стабилизации социальных противоречий и т.д. Эта система, основанная на синтезе бюрократических, рыночных и общинно-корпоративных механизмов, до поры обеспечивала экономический рост и социальную стабильность. В ее недрах происходило обособление социальных интересов основных социальных слоев: центральной олигархии, отраслевой и региональной бюрократии, директората (в том числе теневого), специалистов (интеллигенции), рабочих, колхозных крестьян, маргинальных групп. Такая ситуация довольно типична для предкризисного периода в развитии позднеиндустриального общества.

В то же время постепенное накопление кризисных явлений в недрах системы не могло компенсироваться гибкостью, существующей в более плюралистичных обществах. Структурные формы развитого индустриализма, пороки которого были доведены в СССР с его последовательно этатистской моделью до максимума, не только наносили нарастающий ущерб природе страны, но и не позволяли преодолеть рубеж научно-технической революции и перейти к широкомасштабному производству технологий постиндустриального (информационного) общества. Это определяло постепенное, но неуклонное отставание СССР в международном соревновании, от итогов которого зависели не только позиции Союза как сверхдержавы, но и социальное благосостояние и безопасность его населения. Более того, усиливалась технологическая деградация экономики, чреватая опасностью крупных катастроф.

Стремление к сохранению социальной стабильности, резкое падение социальной мобильности в сверхмонопольной системе неминуемо вели к падению экономических стимулов и постепенному затуханию экономическо-

го роста. Это, в свою очередь, привело к заметному ухудшению условий жизни и повышению социальной напряженности. Паралич социальной мобильности обострял также этно-демографический кризис и проблему поколений.

Имперская структура СССР, кризис монополярной идеологии в результате роста уровня культуры, характерного для этой стадии развития общества, внешнеполитические трудности и замедление темпов экономического развития привели к кризису национального самосознания, опасным этнодемографическим диспропорциям и напряжениям, общему росту недовольства по поводу широкого круга проблем от социальных до экологических. Присутствие в составе СССР народов, находящихся на более ранних стадиях развития, чем большинство населения, угрожало ростом радикальных национальных движений.

Сочетание таких факторов, как хрупкость и прочность системы обрекали на неудачу попытку авторитарной модернизации 1979—1986 гг. Значение этих реформ определяется не столько замыслами авторов, сколько самим дестабилизирующим воздействием на систему. Наконец, в 1985 г. реформы настолько «раскачали лодку» режима, что процесс преобразований стал приобретать экономически необратимый характер. После этого социальное содержание реформ и связанные с ним политические альтернативы стали иметь принципиальное значение. В этом отношении Андропов является предтечей Перестройки независимо от конкретного содержания его реформ. Горбачев, в свою очередь, является последователем Андропова, вынужденно отказавшегося от изжившего себя наследия авторитарной модернизации, неоправдавшей себя в условиях СССР.

Все это делало обстановку более взрывоопасной, чем в других странах на этой стадии развития. Это стало одним из главных факторов, определивших всеобъемлющий характер кризиса общества и тяжелые разрушительные формы его протекания. СССР столкнулся со всеобъемлющим структурным кризисом, и последствия его могли быть катастрофическими. Сценарии некоторых диссидентских авторов, пророчивших массовую бойню, голод, одичание страны — всего лишь продолжение в будущее тех процессов, которые действительно развивались в конце 70-х — начале 80-х гг. Но для того, чтобы все «мины замедленного действия», заложенные под основание СССР, взорвались одновременно и привели к действительно катастрофическим последствиям, необходимо было выполнение двух условий: сохранение централизаторской стратегии правящей группировки (то есть синхронизация социальных процессов в стране) и подавление гражданской активности (условие накопления энергии низов для разрушительного бунта). По счастью, эти условия не были соблюдены. **Во-первых, в борьбе централизаторской и регионалистской альтернатив победила вторая. Во-вторых, КПСС не удалось сохранить за собой монополию на общественную жизнь, и в конце 80-х гг. на арену вышли гражданские движения, скорректировавшие ход событий. Эти два фактора также имели немало деструктивных последствий, но при их оценке необходимо**

иметь в виду, что набор реальных альтернатив включал не только оптимум.

3. Альтернативы

При обсуждении предыдущей версии этой работы А.Улунян писал: «Можно было бы задать автору вполне закономерный вопрос: а существуют ли возможности какого-либо успешного реформирования без отказа от коммунистической тотальной идеологии и преступной практики таких режимов»³. Такая постановка вопроса не представляется мне вполне оправданной применительно к периоду 70-х — первой половины 80-х гг. Официальная идеология уже потеряла свою тотальность, а «преступная практика», при всей относительности этого понятия, также в целом не выделялась на мировом фоне. Но главное не это. Успешное реформирование сложившейся системы могло начаться только изнутри. Военный разгром СССР в это время был невозможен. Недовольство, вызревающее в обществе, пока не могло вылиться в формы массового ненасильственного политического протеста в масштабах всей страны. В СССР не существовало легальной оппозиции. Реформистская группировка в высшем руководстве могла усиливать свои позиции только при условии крайне осторожных действий, укрепления своей защищенности со стороны окружающих ее бюрократических структур, имевших иное представление о необходимых переменах. Поэтому скрытое выдвижение реформистов в высший эшелон власти имело ключевое значение для выбора варианта реформ и момента их начала. Но сами реформисты не могли на начальном этапе отказываться от коммунистической идеологии. Впрочем, как показал более поздний опыт 90-х гг., реформирование, основанное на радикальном отказе от коммунистической перспективы и социалистических ценностей, не оказалось более удачным, чем курс, базировавшийся на преемственности.

В середине 80-х гг. сигнал к нарушению равновесия, к «перестройке» могла подать лишь группа, неуязвимая со стороны остальных. Таковой в СССР начала 80-х была только правящая олигархия. Иначе возникал эффект «фальшстарта» — борьба за место под солнцем, за новую расстановку социальных сил могла начаться только одновременно. Всякая социальная группа, которая рискнула бы начать такую борьбу прежде других, неминуемо должна была вызвать недовольство остальных и быть подавлена.

Хрупкость (при всей прочности) существовавшей в СССР социально-экономической структуры определяла алгоритм преобразований, необходимых для преодоления инерции системы. На первом этапе был важен не столько характер преобразований, сколько их интенсивность, достаточная для того, чтобы вырваться из вязкой системы, вызвать ее разрушение. Но как только это разрушение началось, принципиально важным становится создание и развитие альтернативных монополизму экономических и социальных структур. Авторы преобразований 1979—1985 гг. исходили из пря-

мо обратных посылок — осторожность реформ и ставка на уже существующие в стране социально-экономические структуры. Поэтому до 1985—1986 гг. последствия всех изменений гасились системой, и структурный кризис продолжал нарастать.

Правящая элита все в большей степени стремилась к окончательному преодолению отчуждения от собственности. Это выражалось в усилении коррупции, дополнительно ухудшавшей социальное положение населения, а также в так называемых «ведомственности» и «местничестве», усиливающих противоречия в среде правящей элиты. Значительная часть бюрократии стремилась превратиться в буржуазию, но психологические (в том числе поколенческие) стереотипы и боязнь «опоздать к столу», на котором будут делить собственность, заставляла чиновнические кланы пока выступать против такого раздела. Необходимо было сначала оговорить условия и ослабить конкурентов. В то же время экстенсивный характер развития производства, характерный для зрелой стадии развития индустриального общества, в сочетании с «экономикой дефицита», порожденной сверхмонопольной моделью отечественного хозяйства, привел к усилению дефицита ресурсов и обострению борьбы вокруг их распределения. Это обостряло борьбу «в верхах».

Постепенно в СССР сформировались две взаимопересекающиеся группы коалиций. Первая («консерваторы», «пуристане» и «реформисты») была связана с социально-психологической и идеологической ориентацией руководителей, а вторая («ведомственная» и «местническая» группировки) — с их корпоративными интересами. В 1978—1982 гг. доминировали «консерваторы», все в большей степени опиравшиеся на «ведомственную» группировку. В 1982—1983 гг. власть перешла к «пуристанской» коалиции, в состав которой входили и «ведомственная», и аграрно-«местническая» группировки. Последняя была реформистской, что не афишировалось. Централизаторская политика «пуристан», направленная против региональных «консерваторов», только укрепляла позиции «местничков»-реформистов на местах. По мере нарастания кризиса «ведомственная» и «пуристанская» группировки разлагались. В итоге к 1985 г. образовались две социально-политические коалиции. В первую входили «консерваторы» и часть «ведомственных» «пуристан» (прежде всего высший эшелон группировки), а во вторую — «реформисты», поддерживаемые «местнической» группировкой и «вторым эшелоном» «ведомственников». В социальном отношении основную силу обеих коалиций составляла партийная, военная и хозяйственная бюрократия, но при этом вторая группировка в большей степени пользовалась поддержкой аграрного и промышленного директората. На ее стороне были симпатии руководства КГБ и в значительной степени — Министерства обороны. Лидерами первой группировки были Н.Тихонов и Г.Романов, лидером второй стал М.Горбачев.

По мере развития общей культуры населения все большее количество людей начинало обращать внимание на охватывающий СССР кризис. Обстановка психологического недовольства способствовала быстрому распространению соответствующей информации, даже когда телевидение, радио и

газеты сообщали прямо обратное. Недовольство условиями своей собственной жизни превращалось (пока у меньшинства) в недовольство системой. Однако даже если большинство признавало справедливость и оправданность существующих порядков, ощущение «Так жить нельзя» и «Мы ждем перемен» становилось доминантой социальной психологии. Общество готово было поддержать перемены, но плохо представляло себе их формы и последствия.

Доминирующими идейными течениями этого периода были: официальный марксизм-ленинизм в его интернационалистической и державно-националистических разновидностях, славянофильство (как правило также державное), либеральное западничество и «народничество» — неортодоксальный демократический социализм. Эти направления вступали друг с другом в разнообразные альянсы и конфликты на nive культурной жизни, будь то литература, музыка, история, театр или кино, религиозная жизнь. Официальная идеология вела борьбу против всех видов неортодоксальности, но это уже давно не была борьба на уничтожение. Многократно критикуемые, деятели культуры не отказывались от своих взглядов, но и не переходили в решающие атаки на режим, способные изменить его характер. Они пока лишь готовились к такому наступлению, к решающей борьбе за умы общества и правящей элиты. Выстраивалась социальная инфраструктура будущих «партий» времен Перестройки — патриоты и либералы «окапывались» в толстых журналах, народники исследовали мыслителей прошлого и пели песни, западники писали в самиздат или делали партийно-государственную карьеру.

На основе слоя специалистов-интеллигентов (в условиях СССР — среднего слоя) формировались зачатки гражданского общества — горизонтальных, независимых от государства связей как основы общественной активности. Однако пока это были изолированные друг от друга круги неформального общения, связанные с музыкальной культурой, хобби, семейными и дружескими узами, и лишь иногда — с общественной активностью. Крупнейшими общественными движениями того периода были экологическое, педагогическое, песенное и правозащитное. Только последнее носило открыто оппозиционный характер. Попытки небольших радикальных групп открыто вступать на путь правозащитной борьбы встречали противоречивый отклик в среде среднего класса — часто враждебный. Гражданский потенциал интеллигенции еще оставался только потенциалом, «класс специалистов» еще только начал превращаться в основу гражданского общества.

Но развитие культуры средних слоев от канонов индустриального общества к постиндустриальным плюралистическим и индивидуализированным интересам само по себе приводило к росту инакомыслия. Консервативный идейно-политический каркас системы не был рассчитан на новые запросы интеллигенции и в то же время не имел возможности подавлять стремления средних слоев с помощью широкомасштабных репрессий. В итоге все большее количество людей теряли лояльность режиму не в результате политической оппозиционности, а из-за неспособности системы подстроиться

под новые творческие и «виртуальные» интересы людей (будь то желание авторов «Метрополия» публиковать аполитичные произведения, отрицающие каноны «социалистического реализма», любовь молодежи к нетрадиционной музыке или повальную склонность к приобретению яркой модной одежды). Противопоставляя себя неконтролируемому художественному творчеству, режим провоцировал средние слои на переход к творчеству социальному.

В то же время под давлением властей оппозиционное движение структурно и идейно стало возвращаться к своим неформальным корням, а неформальное движение — радикализироваться и, таким образом, эволюционировать к оппозиционности. К началу Перестройки общественные движения имели смутные представления друг о друге, часто относились друг к другу подозрительно. Тем не менее они контактировали и обменивались идеями. В это время в общественных течениях формировались многие черты, которые будут характеризовать их в дальнейшем. Важнейшей из них представляется структурная подвижность, противоречие между коллективной солидарностью и потребностью в индивидуальной самореализации, между общественными задачами и субкультурной замкнутостью.

Наличие разветвленных неформальных связей в обществе позволяло формироваться общественному мнению и идеологическому спектру, включавшему в себя широкий круг идей индустриальной эпохи от анархизма до нацизма и от социал-демократии до либерализма. Взгляды большинства общественных идеологов конца 70-х — начала 80-х гг. были проникнуты стереотипами индустриализма и обращены скорее в прошлое, чем в будущее. Либерально-западнический «анклав модернизации», консервативно-авторитарное почвенничество и антиавторитарный социализм вели полемику между собой и были готовы к схватке за сердце правящей элиты. Обществу уже в этот период был знаком идейный плюрализм и неформальная, независимая от государства социальная инфраструктура. Это делало централизаторскую альтернативу преобразований в СССР малоперспективной. В России авторитаризация (в отличие от тоталитаризма и демократизации) могла пользоваться успехом лишь в качестве действий по «наведению порядка», а не долгосрочной стратегии. Общественное мнение СССР было в значительной степени известно руководителям СССР, хотя открыто проявлялось не часто. Попытки наступления на общественность в первой половине 80-х гг. показали ограниченность возможностей власти — однажды попробовав вкус самостоятельного мышления и обсуждения социальных проблем, люди уже не могли от него отказаться. В целом общество противостояло идее централизаторской модернизации за счет «затягивания поясов». Эти настроения охватили также и широкие слои правящей элиты, что в конечном итоге стало решающим фактором выбора ее лидеров.

Общественная среда России могла бы поддержать реформы, основанные на антиавторитарных и социальных ценностях. Реформистской группировке предстояло хотя бы в общих чертах разработать модель таких преобразований. В конкретных условиях первой половины 80-х гг. «либералам» из правящей элиты не нужно было искать модель реформ самим. Концепции, об-

суждавшиеся в неформальных кругах общественности фокусировались и формулировались диссидентской средой, затем проникали в «либеральные» круги научной и творческой элиты, советников правящей элиты, а от них в адаптированном виде — к «реформистам» в правящей группе. Таким образом общественность СССР, пусть и косвенным образом, сыграла важную роль в том выборе, который был сделан в 1985 г.

Результатом выбора альтернативы М.Горбачева стали кадровые чистки и антиведомственный курс 1985—1991 гг., который привел к резкому усилению региональных кланов правящей элиты (особенно ее «второго эшелона»), демонтаж отраслевой системы управления экономикой и рост самостоятельности хозяйственных субъектов при сохранении их монополистического характера. Быстро произошел окончательный распад «пуританской коалиции», выразившийся в последовательном отстранении военных от участия в политической жизни, в курсе на разоружение в ущерб ВПК. На поверхность социально-политической жизни вышли мощные этнические, популистские и гражданские движения, на некоторое время была достигнута свобода слова и самоорганизации. Распался «социалистический лагерь» и СССР, мировая гегемония перешла к альянсу государств НАТО и мусульманских стран.

Негативные и положительные последствия этого варианта реформ хорошо известны и многократно обсуждались. Однако при их оценке следует учитывать три важных фактора:

— Помимо деструктивного потенциала реформы освободили и значительный потенциал социального творчества — конструктивного низового созидания новых общественных форм. Его элементы существовали, но были еще очень слабы. Значение социального творчества может быть оценено позднее, по мере проявления долгосрочных результатов этого процесса.

— В 1985 г. была пройдена не последняя «развилка» в истории страны, и многие явления конца 80-х — начала 90-х гг. были результатом более поздних явлений и решений.

— Острый структурный кризис сверхмонополистической этакратической индустриальной модели развития СССР был неизбежен и начался до прихода М.Горбачева к власти. При всех недостатках варианта реформ, который определялся интересами стоявшей за М.Горбачевым коалиции, эта альтернатива отличалась от других большей гибкостью. Синхронность протекавших в стране разрушительных процессов была нарушена регионализмом и плюрализмом курса Горбачева, сформулированного в неформальной общественной среде и заимствованного правящей группировкой. Нельзя исключать, что сохранение жесткой структуры управления и дисциплинарный нажим на население и хозяйство в условиях форсированной модернизации мог вызвать гораздо более масштабную и разрушительную кон-

фронтацию, нежели та, свидетелями которой мы были во второй половине 80-х — первой половине 90-х гг.

В заключение автор хотел бы выразить глубокую благодарность Институту Всеобщей истории, Педагогической ассоциации «Китеж», Информационно-экспертной группе «Панорама», редакции газеты профсоюзов «Солидарность», Ю.Кузнецову за большую интеллектуальную и организационную помощь в подготовке этой книги. Автор благодарен также всем, кто предоставил свои материалы и воспоминания для этой и следующих работ по истории нашей страны в 80-е—90-е гг. XX в. Если Вы также хотели бы поделиться своими воспоминаниями об этой эпохе, то можете направить их по адресу:

117334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-а, Институт Всеобщей истории РАН, Шубину А.В.

Примечания

1. Швейцер П. Указ. соч. С. 6, 461.
2. Забелин С. Указ. соч.
3. Улуния А. О том, что было до... Горбачев оказался не слишком гибким перестройщиком // Независимая газета. 19.02.1998.

Оглавление

Предисловие	3
-------------------	---

Часть I. Канун

Глава I. Гибель разрядки

(Ухудшение внешнеполитического положения СССР в 1979—1982 гг.)	7
1. Начало нового ракетного кризиса	8
2. Геополитическая борьба в «Третьем мире» и начало войны в Афганистане.....	17
3. Польский кризис (1980—1983 гг.)	40

Глава II. Геополитический тупик

(Вторая холодная война)	65
1. Наступление Рейгана в 1982—1983 гг.	66
2. Апогей конфликта (сентябрь—декабрь 1983 г.)	74
3. На холодном фронте без перемен (1984 г. — начало 1985 г.).....	80
4. Изменения во внешней торговле СССР	85
5. Ход войны в Афганистане в 1980—1984 гг. и попытки урегулирования	89

Глава III. Экономика должна быть...

(Характеристика состояния экономики СССР в конце 70-х — начале 80-х гг.)	101
1. Индустриальная этакратия	102
2. Рынок и дефицит	105
3. Лоббирующие группировки и попытки сдвигов.....	116

Глава IV. Природа и люди

(Характеристика состояния общества СССР в конце 70-х — начале 80-х гг.)	125
1. Экологический кризис	125
2. Этно-демографическая ситуация	134
3. Социальные противоречия и социально- психологические координаты советского общества. Обсуждение проекта Конституции 1977 г.	146

Часть II. Схватка в коридорах власти

Глава V. Утро помещика

(Горбачев и политическая борьба в 1978—1982 гг.)	197
1. Выдвижение М.Горбачева на политическую арену СССР	197
2. «Юнец» в Политбюро (1978—1981 гг.)	223
3. Борьба за власть и Продовольственная программа (январь—май 1982 г.)	235
4. Продвижение к власти Андропова (май—ноябрь 1982 г.)	243

Глава VI. Рождение команды

(Правление Ю.Андропова. Ноябрь 1982 — февраль 1984 гг.)	251
1. Курс Андропова (ноябрь 1982 г.)	252
2. Свои кадры (1982—1983 гг.)	255
3. Чистка (1982—1984 гг.)	262
4. Рождение ускорения (1983 г.)	274
5. Завещание Андропова (декабрь 1983 г. — февраль 1984 г.)	294

Глава VII. На старте

(Правление К.Черненко, февраль 1984 г. — март 1985 г.)	302
1. Раздел власти (февраль 1984 г.)	302
2. Курс Черненко-Горбачева (1984 г.)	307
3. Горбачев и соперники (1984 г.)	317

Часть III. Общественные течения

Глава VIII. Западники, славянофилы и социалисты

(Идейные течения в СССР в конце 70-х — первой половине 80-х гг.)	336
1. Расстановка	336
2. «Славянофилы» и «западники»	339
3. Вечные ценности	354
4. Тайная война	363
5. «Конвергенция» и антиавторитарный социализм	370
6. На пороге гласности	399
7. Борьба за Генеральную линию	410

Глава IX. Оппозиция

(Диссидентское движение в конце 70-х — первой половине 80-х гг.)	423
1. Диссиденты и общество	424
2. Рост диссидентского движения (1977—1979 гг.)	467

3. Наступление на инакомыслие (1980—1984 гг.).....	482
Глава X. Неформалы	
(Общественные движения в СССР	
в конце 70-х — первой половине 80-х гг.).....	509
1. Зеленые.....	509
2. Педагогика и коммунизм.....	523
3. Время поэтов.....	536
4. Новая волна.....	549
Часть IV. Новая метла	
Глава XI. Король умер, да здравствует король	
(Приход к власти М.Горбачева).....	587
1. Предвыборная кампания (январь—март 1985 г.).....	587
2. Медицинский факт (10 марта 1985 г.).....	593
3. Избрание Генерального секретаря (11 марта 1985 г.).....	595
Глава XII. Весенний ветер	
(Апрельский Пленум ЦК КПСС	
и борьба в руководстве КПСС в 1985 г.).....	604
1. Вулкан энергии.....	604
2. Первые итоги экономического эксперимента.....	612
3. Апрельский Пленум ЦК КПСС.....	622
4. Кадровое наступление (май—декабрь 1985 г.).....	627
5. Явление героя нашего времени.....	633
Глава XIII. Удар по почкам	
(Антиалкогольная кампания 1985—1988 гг.).....	654
1. Указ.....	654
2. «Веселая кампания».....	658
3. Итоги и последствия.....	661
Глава XIV. Первые реформы	
(Подготовка к XXVII съезду КПСС	
и преобразования структур управления	
во второй половине 1985 г.).....	667
1. Навстречу съезду.....	667
2. Планы научно-технического рывка	
и идея суперминистерств.....	673
3. Создание Агропрома.....	678
Глава XV. Чистилище	
(Борьба с «нарушениями	
социалистической законности).....	696
1. Общие показатели.....	696
2. Громкие дела.....	697

3. Чистка Узбекистана.....	699
Глава XVI. Коммунизм с человеческим лицом (Внешняя политика СССР в 1985 г.).....	709
1. Новые люди и новые инициативы.....	709
2. Европейский прорыв.....	713
3. Женевская встреча на высшем уровне.....	719
4. Начало конца Афганской войны.....	736
Заключение.....	749
1. Внешний фактор.....	749
2. Структурный кризис.....	753
3. Альтернативы.....	757

-
1. Выступление Горбачева М.С. на заседании клуба «Московская трибуна» 6 апреля 1996 г.
 2. Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С.29.
 - 3 Brown A. The Gorbachev Factor. Oxford, 1996. P.182.
 - 4 Воротников В.И. А было это так... С.53-54
 - 5 Чазов Указ. соч.С. 210.
 - 6 Воротников Указ. соч. С.55.
 - 7 Серил «Вторая русская революция», BBC, Великобритания, Первая серия.
 - 8 Там же
 - 9 Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С.58
 - 10 Печенев В. Указ. соч. С.121.
 - 11 «Наше дело», 1990, N 4, С. 7
 - 12 Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. М.1996. С.293-294.
 - 13 Раззаков Ф. Указ. соч. С. 259.
 - 14 Гришин В.В. Указ. соч. С.69, 333.
 - 15 Болдин В. Указ. соч. С.239.
 - 16 База данных «Просопограф» ИИЦ «Панорама».
 - 17 «Экологическая альтернатива» М. 1990. С. 685.
 - 18 ЦХСД. Ф.89, Оп.11, Д.102, ЛЛ.1-4.
 - 19 И.Земцов С.330
 - 20 Чазов Е. Указ. соч. С.210-211.
 - 21 «Куранты» 17.1.1991
 - 22 Рыжков С. 78
 - 23 Подробнее см. Геллер М. История России. М., 1995. С.15; Зенькович Н. Тайны уходящего века. Власть, распри, подоплека. М., 1998. С.392-398. Н.Зенькович, ссылаясь на некоторые неточности с указанием времени в протоколе 11 марта, фактически поддерживает версию о расколе Политбюро. Однако его аргументы явно недостаточны — Политбюро 11 марта могло задним числом утвердить и решения 10 марта, которые уже начали осуществляться.
 - 24 Горбачев М. Указ. соч. Т.1. С.264.
 - 25 Воротников В. Указ. соч. С.57.
 - 26 Лигачев Е. Указ. соч. С.57.
 - 27 «Вторая русская революция» 1 серия
 - 28 Горбачев М.С. Указ. соч. С. 265.
 - 29 «Вторая русская революция» 1 серия
 - 30 Рыжков Н. Указ. соч.С.79.
 - 31 Горбачева Р. Указ. соч. С.13.
 - 32 Интервью Долгих съемочной группе фильма «Вторая русская революция». Цит по Brown A. Gorbachev factor. Manuscript. P.48. Цитирование с согласия автора.
 - 33 Рыжков Н. Указ. соч.С. 79.
 - 34 Там же.
 - 35 Лигачев Е. Указ. соч. С.63.
 - 36 Рыжков Н. Указ. соч. С.79.
 - 37 Лигачев Е. Указ. соч. С.60.
 - 38 Горбачев М.С. Указ. соч. Т.1. С.264.
 - 39 Рыжков Н. Указ. соч. С.79.
 - 40 Лигачев Е. Указ. соч. С.62-63.

-
- 41 Горбачев М.С. Указ. соч. Т.1. С.266.
 - 42 Болдырев Указ. соч. С.88.
 - 43 Горбачев М.С. Указ. соч. Т.1. С.266.
 - 44 «Источник» 0.1993 С. 69
 - 45 Там же.
 - 46 Черняев А.С. Указ. соч. С.29.
 - 47 Там же.
 - 48 Там же. С.70.
 - 49 Там же. С.70, 73.
 - 50 Там же. С.70.
 - 51 Там же. С.71.
 - 52 Там же. С.74.
 - 53 Рубби А. Указ. соч. С.51.
 - 54 «Коммунист №5. 85. С.7.
 - 55 Там же.
 - 56 R.Sakwa. Gorbachev and his reforms, 1985—1990. Cambridge. 1990. P.1.
 - 57 «Вторая русская революция» 1 серия.
 - 58 Согрин. Указ. соч. С.8.
 - 59 Горбачев М.С. Указ. соч. Т.1. С.265.
 - 60 Горбачев М.С. Указ. соч. Т.2 С.129.
 - 61 Рубби А. Указ. соч.С. 61.
 - 62 Болдин В. Указ. соч. С.95.
 - 63 «Куранты» 17.1.1991.

- 1 Рыжков Н. Указ. соч. С.82.
- 2 Brown A. Op. cit. P.185—186.
- 3 Медведев В. Указ. соч. С208.
- 4 Горбачев М.Указ. соч. С.276.
- 5 Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С.313.
- 6 Горбачев М.Указ. соч. С.277.
- 7 Там же.
- 8 Горбачев М.С.Указ. соч. Т.2. С. 139.
- 9 Там же. С. 140.
- 10 Там же. С. 143.
- 11 Там же. С.141.
- 12 Там же. С. 141.
- 13 Болдин В. Указ. соч. С.95-96.
- 14 A.Saharov. Moscow and beyond. NY., 1991. P. 10.
- 15 Горбачев М.Указ. соч. Т.2 С.146.
- 16 Там же. С.148.
- 17 Горбачев М.Указ. соч. С.149—150.
- 18 Горбачев М.Указ. соч. С. 182.
- 19 Шахназаров Г. Указ. соч. С.37.
- 20 Рыжков Н. Указ. соч. С.91.
- 21 Горбачев М.Указ. соч. С.282,285.
- 22 Болдин В. Указ. соч. С.138.
- 23 Медведев В. Указ. соч. С.213.
- 24 Там же. С.213-215.
- 25 Болдин В. Указ. соч. С.101.

-
- 26 Мау В.А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России 1985—1994. М.1995. С.11.
 - 27 Смирнов Г.Л. Уроки минувшего.М., 1997. С.164—168.
 - 28 Литвин В. Політична арена України. Дійові особи та виконавці. Київ, 1994. С.41-42.
 - 29 Смирнов Г.Л. Указ. соч. С.168.
 - 30 Болдин В. Указ. соч. С.101—102.
 - 31 Горбачев М.Указ. соч. С.335.
 - 32 «Актуальные проблемы совершенствования планово-экономических рычагов управления народным хозяйством». Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции. Апрель 1985 г. М., 1985. С.26.
 - 33 Там же. С.30.
 - 34 Там же.
 - 35 «Лабиринт».
 - 36 «Актуальные проблемы совершенствования планово-экономических рычагов управления... С.48.
 - 37 Там же. С.49.
 - 38 Там же. С.54.
 - 39 Там же. С.63.
 - 40 Там же. С.81.
 - 41 Там же. С.82.
 - 42 Попов Г. Снова в оппозиции. С.39.
 - 43 Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч.; Попов Г. Указ. соч. С.11-41.
 - 44 Попов Г. Указ. соч. С.21..
 - 45 Там же. С.25.
 - 46 Там же. С.27.
 - 47 Там же. С.17—18.
 - 48 Попов Г.Х. Эффективное управление. М., 1985. С.292.
 - 49 Попов Г. Снова в оппозиции. С.27.
 - 50 Там же. С.32-33.
 - 51 Там же. С.35.
 - 52 Там же. С.34.
 - 53 Там же. С.37.
 - 54 Там же. С.53.
 - 55 Н.Рыжков. Указ. соч. С. 85.
 - 56 Горбачев М.Указ. соч. С.281.
 - 57 Горбачев М.Указ. соч. Т.2 С. 173.
 - 58 Там же.С.154.
 - 59 Там же.
 - 60 Болдин В. Указ. соч. С.104.
 - 61 Горбачев М.Указ. соч. С.156.
 - 62 Там же. С.158.
 - 63 Рыжков Н. Указ. соч. С.87.
 - 64 Горбачев М.Указ. соч. С.158.
 - 65 Там же.
 - 66 Черняев А. Указ. соч. С.42.
 - 67 Горбачев М.Указ. соч. Т.2 С.160.
 - 68 Там же. С. 163.
 - 69 Там же. С.3—17.

-
- 70 Там же. С.164.
 - 71 Там же.
 - 72 Черняев А. Указ. соч. С.43.
 - 73 Горбачев М.Указ. соч. С.192.
 - 74 Там же.С.197.
 - 75 Там же.С.199.
 - 76 Горбачев М.Указ. соч. С.315-316.
 - 77 Там же. С.217.
 - 78 Проект «Намедни». 1961—1991. Наша эра. 1985. НТВ, 1998.
 - 79 Воротников В. Указ. соч. С.66.
 - 80 Ахромеев С., Корниенко Г. Указ. соч. С.65.
 - 81 Горбачев М.Указ. соч. С.334.
 - 82 Черняев А. Указ. соч. С.45.
 - 83 Яковлев А.Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992. С.128.
 - 84 Смирнов Г.Л. Указ. соч. С.170.
 - 85 Медведев В. Указ. соч. С.198.
 - 86 Медведев Р. Указ. соч. С.180.
 - 87 Воротников В. Указ. соч. С.67.
 - 88 Горбачев М.Указ. соч. С.290.
 - 89 Рыжков Н. Указ. соч. С.181.
 - 90 Чебриков В.М. «Под знаменем Октября к новым рубежам совершенствования социализма». «Правда», 1985, 7 ноября..
 - 91 Болдин А. Указ. соч. С.231.
 - 92 См. например Правда 15 апреля 1985.
 - 93 Раззаков Ф. Указ. соч. С.259.
 - 94 Гришин В.В. Указ. соч. С.334..
 - 95 Там же.С.295.
 - 96 Вторая русская революция. ВВС. Первая серия. 1991.
 - 97 Ельцин Б. Указ. соч. С.84.
 - 98 Гришин В.В. Указ. соч. С.259.
 - 99 Ельцин Б. Указ. соч.С.83.
 - 100 Соловьев В., Клепикова Е. Борис Ельцин. М. 1992, С.152.
 - 101 Горюн А. Указ. соч. С.8.
 - 102 Там же, С.7.
 - 103 Соловьев В., Клепикова Е. Указ. соч. С.158—159.
 - 104 Ельцин Б. Указ. соч. С.25.
 - 105 «Независимая газета» 28.04.1993.
 - 106 Ельцин Б. Указ. соч. С.22-23.
 - 107 Соловьев В., Клепикова Е. Указ. соч. С.170.
 - 108 Ельцин Б. Указ. соч. С.26.
 - 109 Соловьев В., Клепикова Е. Указ. соч. С.162..
 - 110 Горюн А. Борис Ельцин. Свет и тени. Свердловск. 1991. вып. 1. С.9.
 - 111 Там же. С.7.
 - 112 Там же. С.9.
 - 113 Там же. С.10.
 - 114 Там же.
 - 115 Там же.
 - 116 Там же.
 - 117 Там же. С.11.

-
- 118 Там же.
119 Там же. С.12.
120 Там же.С.185.
121 Ельцин Б. Указ. соч.С. 49.
122 Горюн А. Указ. соч. С.13.
123 Там же. С.15.
124 См.»Уральский рабочий». 15.7.1978..
125 Ельцин Б. Указ. соч. С.50.
126 Горюн А. Указ. соч. С.16.
127 Ельцин Б. Указ. соч.С.52; СоловьевВ. Указ. соч. С. 194.
128 Бурлацкий Ф. Русские государи эпохи реформации. М., 1996. С.207.
129 Ельцин Б. Указ. соч.С.56.
130 Там же. С.57.
131 Горюн А. Указ. соч. С.16.
132 Горюн А. Указ. соч. С.18.
133 Там же. С.16.
134 Там же. С.17.
135 Соловьев В., Клепикова Е. Указ. соч. С.187.
136 Ельцин Б.Н. Рубежи созидания. Свердловск, 1981, С.72..
137 XIX Всесоюзная конференция коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1988. Т.2. С.85.
138 Горюн А. Указ. соч. С.17.
139 Там же.
140 «Известия» 11.11.1991.
141 «Уральский рабочий» 1983, 7.7.
142 Ельцин Б. Указ. соч. С.60.
143 ЦХСД. Ф.5, Оп.84, Д.18, ЛЛ.20-21.
144 Там же. ЛЛ.21-22.
145 Там же. ЛЛ.22.
146 Ельцин Б. Указ. соч. С.60.
147 ЦХСД. Ф.5, Оп.84, Д.18, Л.23.
148 Интервью Шалаева С.А. в документальном фильме «Я в первом эшелоне» .1995.
149 Горбачев М. Указ. соч. С.291.
150 Там же. С.292.
151 Там же.

- 1 Горбачев М.С. Указ. соч. Т.2 С.213.
2 Там же. С.224.
3 «Известия»от 17.05.85.
4 Там же.
5 Там же.
6 Воротников В.И. Указ. соч. С.60.
7 Лигачев Е. Указ. соч. С.286.
8 Рыжков Н. Указ. соч. С. 95.
9 Табачник Г. Последние хозяева Кремля. М., 1990. С.387-389. Книга Г.Табачника представляет собой типичное «советологическое» сочинение — художественно-документальный детектив, полный крайне тенденциозных и не доказанных оценок. Тем не менее Г.Табачник привлекает в качестве иллюстраций некоторые подлинныe документы

-
- 10 Шахназаров Г. Указ. соч. С.39.
 - 11 Горбачев М. Указ. соч. С.339.
 - 12 Волкогонов Д. Указ. соч. С.333.
 - 13 Горбачев М. Указ. соч. С.339-340.
 - 14 Черняев А. Указ. соч. С.39.
 - 15 Цит. по: Волкогонов Д. Указ. соч. С.334.
 - 16 Байбаков Н. Указ. соч. С.158—160.
 - 17 Там же. С.161.
 - 18 Рыжков Н. Указ. соч. С. 95-96.
 - 19 Горбачев М. Указ. соч. С.341.
 - 20 Лигачев Е. Указ. соч. С.287.
 - 21 Байбаков Н. Указ. соч. С.161.
 - 22 ЦХСД. Ф.89, Оп.11, Д.38, Л.7.
 - 23 Народное хозяйство в СССР. С.132.
 - 24 Горшков М.К. Общественное мнение. М., 1988. С.323.
 - 25 Там же.
 - 26 Народное хозяйство СССР в 1990 г. М.1991, С.672.
 - 27 Там же.
 - 28 Там же.С.250.
 - 29 ЦХСД. Ф.5, Оп.76, Д.213, Л.10.
 - 30 Преступность и правонарушения в СССР. М., 1990. С.250.
 - 31 Там же
 - 32 Там же. С.132.
 - 33 Байбаков Н. Указ. соч. С.162.
 - 34 Э.Шевартнадзе. Мой выбор — в защиту демократии и свободы.» М.1991 С. 32.
 - 35 Там же.
 - 36 Народное хозяйство... С.485.
 - 37 Там же. С.5.
 - 38 Там же.
 - 39 Преступность... С.89.
 - 40 Там же. С.103.
-
- 1 Горбачев М. Указ. соч. Т.3, С.5.
 - 2 Там же. С.7-8.
 - 3 Там же. С.6.
 - 4 Там же. С.7.
 - 5 Печенев В. Горбачев: к вершине власти. М., 1991. С.21.
 - 6 Там же. С.59.
 - 7 Там же. СС.21-22, 44, 57.
 - 8 Там же. С.22.
 - 9 Горбачев М. Указ. соч. Т.3, С.7.
 - 10 Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция).М., 1985. С.4, 22.
 - 11 Материалы XXII съезда КПСС.М., 1961. С.366
 - 12 Горбачев М. Указ. соч. Т.3, С.13—14.
 - 13 Там же. С.17—18.
 - 14 Интервью с народным артистом СССР О.П.Табаковым. «Правда»,22.12.85.
 - 15 Шахназаров Г. Программа КПСС и будущее человечества. «Новое время», 47.1985. С.3.

-
- 16 Там же. С.4.
 - 17 It's a long way to communism under Gorbachev «Economist», 2-9 Nov., 1985, p.61-62.
 - 18 Serge Shmemann. Soviet programm tones down rhetovie. International Herald Tribune, 28.10.1985.
 - 19 D.Dhombres. Moscou admet que l'augmentation des depenses militaires a contribue au ralentissement de la croissance economique. «Monde» 10—11 novembre, 1985, p.13.
 - 20 Сравни: Материалы XXII съезда КПСС. С.366-367 и Программа Коммунистической партии Советского Союза (Новая редакция).
 - 21 «Правда» 30.11.85.
 - 22 Полторанин М.Н. За окном министерства. «Правда». 7.11.85.
 - 23 В.Прибыловский. «Сто политиков» ИЭГ «Панорама», Москва, 1992. С.25.
 - 24 Горбачев М. Указ. соч. С.286.
 - 25 Горбачев М. Т.3. С.18.
 - 26 Там же.
 - 27 Там же. С.19.
 - 28 Там же. С.20.
 - 29 Там же. С.19.
 - 30 Там же. С.424
 - 31 Болдин В. Указ. соч. С.95.
 - 32 Горбачев М. Указ. соч. С.423-424.
 - 33 См., например, Согрин. Указ. соч.
 - 34 Горбачев М. Указ. соч. С.337.
 - 35 Там же. С.336.
 - 36 Там же. С.337.
 - 37 Мау В.А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России 1985—1994. М., 1995. С.9
 - 38 Горбачев М. Указ. соч. С.214.
 - 39 Там же. С.217.
 - 40 Мау В.А. С.7.
 - 41 А.Аганбегян. Inside Perestroika: The Future of Soviet Economy. N.Y. 1989. P.221
 - 42 Горбачев М. Указ. соч. С.218.
 - 43 Воротников В. Указ. соч. С.67.
 - 44 Горбачев М. Указ. соч. С.253.
 - 45 Там же. С.337-338.
 - 46 Там же. С.338.
 - 47 Там же.
 - 48 Там же. С.253.
 - 49 Воротников В. Указ. соч. С.61.
 - 50 Горбачев М. Указ. соч. Т.3. С.21.
 - 51 См., например, Попов Г. Указ. соч. С.40.
 - 52 Горбачев М. Указ. соч. Т.3. С.21.
 - 53 Воротников В. Указ. соч. С.72,76
 - 54 Горбачев. Я не знаю счастливых реформаторов. Совбодная мысль. 1993. N11. С. 124
 - 55 Актуальные проблемы совершенствования планово-экономических рычагов управления народным хозяйством. М., 1985. С.95
 - 56 Там же. С.96.
 - 57 Там же. С.97.
 - 58 Там же.

-
- 59 Народное хозяйство... С.24.
60 Горбачев М. Указ. соч. С.403.
61 Воротников В. Указ. соч. С.71.
62 Горбачев М. Указ. соч. С.413.
63 Там же. С.419.
64 Там же. С.420.
65 Горбачев М. Указ. соч. Т.3. С.22.
66 Цит. по: Болдин В. Указ. соч.
67 С.Жариков. ««Его величество» цифра.» «Правда» 12.01.1985.
68 Цит. по: Болдин В.
69 Народное хозяйство... С.375.
70 Там же С.450.
71 Воротников В. Указ. соч. С.74.
72 Там же.
73 Там же.
74 Там же. С.75.
75 Архив Шубина А.В. 1980—1986 гг. Сизенко Е.И. Вопросы управления мясной и молочной промышленностью СССР. Письмо Председателю Совета Министров СССР товарищу Рыжкову Н.И. 22.10.85. N 01-4-6010 С.1
76 Там же. С.2.
77 Там же. С.3.
78 Там же. С.4.
79 О дальнейшем совершенствовании управления и экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе страны. Сборник материалов. М., 1986. С.4.
80 Архив Шубина А.В. 1980—1986 гг. Сизенко Е.И. Вопросы управления ... С.4-5.
81 Там же. С.11.
82 Там же. С.6-7.
83 Там же. С.7.
84 Там же. С.9.
85 Там же. С.86.
86 Там же. С.11.
87 Там же. С.10—11.
88 Ковалев В. Беседа с автором 19.12.1991.
89 Там же.
90 Там же.
91 Трудовое право и повышение качества труда. М., 1987. С.174
92 Ковалев В. Беседа с автором.
93 Там же.
94 Там же.
95 Там же.
96 Воротников В. Указ. соч. С.75.
97 О дальнейшем... С.15.
98 Воротников В. Указ. соч. С.74.
99 О дальнейшем... С.16—17.
100 Там же. С.30.
101 Там же. С.24.
102 Там же. С.19.
103 Там же. С.21.)

-
- 104 Там же. С.23.
 - 105 Там же. С.19.
 - 106 Народное хозяйство... С.160.
 - 107 Там же.
 - 108 Там же. С.443.
 - 109 Там же. С.445, 449.
 - 110 Там же. С.448.
 - 111 Там же. С.460.
 - 112 Там же. С.502.
 - 113 АПК России. N 2. 1989. С.8.
 - 114 Чартаев М.А., Алибеков М.А., Арашуков В.П., Попов А.К., Таймазов М.Т. Союз совладельцев — собственников Шукты Республики Дагестан. М., 1995. С.5.
 - 115 АПК России. N 3 С.11.
 - 116 Там же. N 4. С.6.
 - 117 Там же. С.11—12.
 - 118 Андреев С. Как расчистить авгиевы конюшни. // Третий путь России. Не смей командовать. С.3. Архив Шубина А.В. сентябрь-декабрь 1995 г.
 - 119 Народное хозяйство... С.431.
 - 120 Там же. С.377.
 - 121 Там же. С.375.
 - 122 Там же. С.517.
 - 123 Там же. С.427.

- 1 «Преступность в СССР» М. 1990, С.74-76
- 2 «Преступность и правонарушения в СССР» М. 1990 С.68-70.
- 3 Л.Арих. «Извоз» «Комсомольская правда». 17.05.1985.
- 4 Горбачев М. Указ. соч. С.220.
- 5 «Преступность и правонарушения...» С.70-73.
- 6 «Наше дело» №3.1990. С.8.
- 7 Там же.
- 8 Сушков В. Заключенный по кличке «министр». М., 1995. С.4-5, 15—16
- 9 Там же С.22-23.
- 10 Т.Гдлян, Е.Додолев. «Пирамида—1» С.39.
- 11 Гдлян Т., Иванов Н. Кремлевское дело.С.25.
- 12 Там же. С.136.
- 13 Там же. С.162.
- 14 Преступность и правонарушения. С.199.
- 15 Там же. С.19.
- 16 Чурбанов. Ю. Указ. соч. С.129—130.
- 17 Гдлян Т., Иванов Н. Указ. соч. С.187.
- 18 Там же. С.187—188.
- 19 Там же. С.190.
- 20 Ильяхин В. Вожди и оборотни. Прерванное расследование. М., 1994. С.23.
- 21 Там же. С.24.
- 22 Там же. С.38,76.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С.89.
- 25 Там же. С.92.
- 26 Цит. по: Ильяхин В. Указ. соч. С.48.

-
- 27 Там же. С.95.
28 Там же. С.24-25, 47.
29 Иванов Н. Следователь из провинции. С.82.
30 Чурбанов Ю. Указ. соч. С. 125
31 Иванов Н. Указ. соч. С.82-84.
32 Гдлян Т., Иванов. Н. Указ. соч. С.191.
33 «Известия» 23.3.1990
34 Ильяхин В. Указ. соч. С.128.
35 Там же, С.128—135.
36 Там же. С.145—147.
37 Чурбанов Ю. Указ. соч. С. 137
38 «Правда». 15.12.85.
39 Ельцин Б. Указ. соч. С.78.
40 Гуров А. Указ. соч. С.205.
41 Тимофеев Указ. соч. С.57.